

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

3 3433 07855674 7

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

СОВРЕМЕННИКЪ

Digitized by Google

Digitized by Google

СОВРЕМЕННИКЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ 1847 ГОДА И. ПАНАЕВЫМЪ и Н. НЕКРАСОВЫМЪ

ТОМЪ XXIII

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА

1850

Digitized by Google

8106913
1916

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, августа 30-го дня 1850 года.

Цензоръ *А. Крыловъ*.
Цензоръ *И. Срезневскій*.

Digitized by Google

I.

ЭПИЛОГЪ

КЪ

«ГРЕЧЕСКИМЪ СТИХОТВОРЕНІЯМЪ».

Какъ хорошо на сѣверѣ порою,
Въ уютной комнатѣ съ подругой молодою,
Когда, дыша отрадной теплотой,
Открытъ каминъ, и уголь золотой,
Подернутый перловою золою,
Чуть рдѣетъ: такъ подъ кожей молодою,
Подъ кожей бѣлою, подъ дѣвственнымъ пушкомъ
Румянецъ кажется дрожащимъ огонькомъ.
Намъ пѣсню самоваръ шумливую заводитъ,
Вечерніе часы неслышимо уходятъ
За книгою любимою въ рукахъ,
За разговорами о милыхъ пустякахъ;
И женственной красы исполненныя рѣчи,
Пурпурныя уста и снѣговыя плечи
Зовутъ меня лобзать подругу въ тишинѣ....
Какъ хорошо и какъ отрадно мнѣ!...
А вьюга на дворѣ реветъ и злится,
И путникъ, заблудясь, за жизнь свою боится,
И снѣгомъ бьетъ ему въ усталые глаза.
Все бѣло вкругъ него — земля и небеса;

Digitized by Google

Не слышенъ лай собакъ изъ за дали туманной,
Не виденъ огонекъ спасительно желанный....
Но мнѣ такъ хорошо въ пріютномъ уголкѣ
Отъ всѣхъ опасностей, отъ горя вдалекѣ.

. . . . . .

И въ этотъ часъ уже не снится мнѣ
На полуостровѣ въ любимой сторонѣ
Колонна, статуя, полуденная роза:
Въ поэзію мятели и мороза
Я нѣгой сѣверной волшебно погруженъ,
И снится мнѣ иной роскошный сонъ.

1846.

Н. ЩЕРБИНА.

Digitized by Google

ПРИЗНАНІЯ ЛАМАРТИНА.

КНИГА XIII *.

1.

. . . . . .

Послѣ того, какъ первое пламя моей жизни унеслось въ небо, я нѣсколько мѣсяцевъ блуждалъ какъ душа, не помышляющая о свѣтѣ земномъ. Бо́льшую часть этого времени провелъ я въ Швейцаріи на озерахъ Женевы, Туна и Невшателя; здоровье мое было разстроено, я искалъ постояннаго уединенія и нигдѣ не оставался болѣе недѣли. Матушка моя, знавшая причину моей грусти, присылала мнѣ, время отъ времени, небольшія суммы, которыя она, тихонько отъ семейства, откладывала отъ денегъ, выдававшихся ей на расходъ; она знала, что только горній воздухъ можетъ разсѣять сильную горесть, и что безпрестанная перемѣна мѣстъ изцѣляетъ болѣзни сердца, какъ изцѣляетъ немощи тѣла. Она страшилась, относительно меня, однообразія и праздности, которыя грызли меня сильнѣе, чѣмъ тоска въ родительскомъ домѣ и жизнь въ Маконѣ. Между тѣмъ приближалась осень: матушка не знала уже, въ какомъ свѣтѣ и представлять мое удаленіе, по видимому безъ всякой причины, отъ отца и дядей. Необходимо было возвратиться.

(*) Первыя XII книгъ «Признаній» см. въ «Современникѣ» 1849 г., въ №№ III, IV и VI.

Digitized by Google

2.

Я поѣхалъ на Ліонъ. Тамъ сѣлъ я въ одну изъ тѣхъ лодокъ, которыя въ то время поднимались и спускались внизъ по теченію Саоны, влекомыя, подобно сапямъ по льду рѣки, лошадьми, которыя бѣжали по лугамъ, ее окаймляющимъ.

Лежа на спинѣ на палубѣ, посреди тюковъ и чемодановъ, я глядѣлъ, какъ колыхалась въ небѣ верхушка мачты; ея движеніе похоже было на движеніе черной стрѣлки, вращающейся, невидимою силою, по цыферблату моей жизни. Время отъ времени я приподнимался, при звукахъ хриплаго голоса судовщика, называвшаго маленькіе прибрежные городки и селенья и спрашивавшаго пассажировъ — не угодно ли кому высадиться у пристани, мимо которой мы проходили. И слышалъ я знакомыя моему слуху имена прекрасныхъ селеній, окаймляющихъ берега Саоны, моей родной рѣки,—имена островковъ, покрытыхъ яновымъ лѣсомъ; къ этимъ островкамъ, на тучную паству, переплывали многочисленныя стада, высовывая изъ воды лишь бѣлыя ноздри да черные рога; я видѣлъ красивыя горы Божоле и Макониз, которыя, при лучахъ заходящаго солнца, синѣютъ какъ волны и какъ бы волнуются, подобно морю, котораго берега теряются за волнами; а направо разстилались необозримые, зеленые луга Бресса, испещренные здѣсь и тамъ бѣлѣющимися точками, которыя нечто иное, какъ стада, и исчезаютъ на горизонтѣ въ туманѣ, что дѣлаетъ ихъ схожими съ голландскими пейзажами или съ горизонтомъ Китая, — и нѣтъ имъ другихъ границъ, какъ только мысль.

Эти мѣста, столько разъ мною видѣнныя съ самыхъ первыхъ дней моихъ, скорѣе гнетомъ падали мнѣ на сердце, чѣмъ облегчали мою тоску. Я былъ рожденъ для дѣятельности, а судьба приводила меня сюда опять, противъ моей воли, чтобы я, со связанными крыльями, изнывалъ въ гнѣздѣ, изъ котораго горѣлъ нетерпѣніемъ вырваться.

На этотъ разъ, однакожъ, горе такъ меня разбило, что я ощущалъ въ себѣ какую-то роковую рѣшимость войти, чтобы никогда уже не выходить изъ дома, гдѣ я родился и гдѣ скоро надѣялся умереть. Я былъ убѣжденъ, что сердце мое, въ эти

Digitized by Google

тринадцать мѣсяцевъ любви, заблужденія и скорби, исчернало всѣ наслажденія и всю горечь продолжительной жизни, что нѣсколько лишь мѣсяцевъ остается мнѣ подъ пепломъ сердца питать воспоминаніе о Юліи, и что та, за которою мысль моя унеслась въ другую жизнь, скоро призоветъ меня, чтобы сократить время разлуки. Эта увѣренность утѣшала меня и заставляла терпѣливо и равнодушно ожидать, пока пройдетъ время съ минуты разлуки до соединенія; а я былъ убѣжденъ, что время это коротко. «Къ чему — говорилъ я — начинать что нибудь, что такъ скоро будетъ прервано? И не все ли равно — здѣсь или тамъ буду влачить я остальные дни существованія, которое уже не затеплится болѣе?...»

3.

Въ такомъ тяжеломъ унынiи, равнодушный къ жизни, незамѣтно приблизился я къ Макону. Скоро я увидалъ высокія, искаженныя башни его стариннаго собора, бѣлою массою рисовавшагося въ небѣ, и тринадцать правильныхъ арокъ римскаго моста, разбѣгавшихся по рѣкѣ, подобно каравану, неровнымъ шагомъ идущему въ бродъ. Звонокъ на баркѣ приглашалъ пассажировъ подняться на палубу или спуститься съ нея. По набережной ходили беззаботные гуляющіе; они останавливались на минуту, чтобы посмотрѣть, какъ пройдетъ лодка подъ узкою аркою, гдѣ вскипала вода; двѣ или три группы родственниковъ или друзей, ожидавшихъ путешественниковъ, ускорили шаги, чтобы обогнать ихъ и поскорѣе обнять у пристани.

Одни еще на ходу, другіе еще на водѣ привѣтствовали уже другъ друга взглядами, голосомъ, движеніями; привѣты летѣли съ набережной къ подножію мачты. По лучу радости на лицѣ, по безпокойному движенію ногъ на палубѣ, по увлаженнымъ глазамъ можно было угадать степени дружбы, родства или любви, которыя соединяли сердца, раздѣленныя еще нѣсколькими волнами. И я искалъ глазами среди толпы, тѣснившейся на набережной, знакомаго лица, но никого не увидалъ: меня никто не ждалъ въ опредѣленный день. Наконецъ, когда я только что ступилъ на землю, съ легкимъ чемоданомъ подъ мышкою, вдругъ я почувствовалъ, что лапы ласкавшейся собаки обви-

Digitized by Google

лись около моихъ ногъ; она, какъ собака Улисса, почуяла меня еще издали, бросилась на доски и пожирала меня радостными глазами среди всеобщаго равнодушія.

Я узналъ въ ней Азора, лягавую собаку моего отца, принадлежавшую нашему семейству уже лѣтъ тринадцать или четырнадцать. Азоръ встрѣтилъ меня, когда я возвращался изъ коллегіи. Это же животное избавило меня отъ оссіановскаго разговора съ Люси. Я обнялъ Азора и далъ ему въ зубы одинъ изъ ремней отъ чемодана, для того, чтобы онъ не могъ проскакивать между ногъ путешественниковъ. Если Азоръ очутился на набережной, это значило, что батюшка былъ недалеко. Собака удостовѣрила меня въ этомъ лишь только сошелъ я съ пристани: она дергала за ремень, направляясь къ небольшому мѣсту гулянья, отѣненнаго липами и уставленнаго каменными скамьями, недалеко отъ пристани. Отецъ мой на всякій случай пришелъ сюда около того времени, когда лодки проходили мимо города; онъ два-три раза назвалъ меня Азору, показывая рукою на лодку. Вѣрный посланникъ понялъ и исполнилъ порученіе: онъ привелъ меня къ скамьѣ, гдѣ сидѣлъ отецъ.

Батюшка мой, которому тогда было только шестьдесятъ-два, много — три года, казался еще во всей силѣ жизни. При радостномъ ворчаніи Азора, онъ всталъ со скамьи; онъ былъ близорукъ; взявъ, по своему обыкновенію, лорнетъ, онъ обратился въ ту сторону, гдѣ находилась лодка, чтобы посмотрѣть, не ведетъ ли ему собака его сына. Я побѣжалъ къ нему и бросился въ его объятія. Когда онъ обнималъ меня, голосъ его былъ взволнованъ, глаза увлажены, но въ самой нѣжности его была какая-то мужественная твердость; онъ уважалъ свой старый кавалерійскій капитанскій мундиръ и почелъ бы за униженіе признаться другимъ или самому себѣ въ какомъ нибудь женственномъ душевномъ волненіи; это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые имѣютъ уваженіе къ своимъ достоинствамъ, скромны въ своихъ добродѣтеляхъ, и которые, заглушая въ душѣ всѣ внѣшнія проявленія чувствительности, чрезъ то самое сохраняютъ ее въ полномъ цвѣтѣ и дѣвственности даже въ самыхъ преклонныхъ лѣтахъ.

Эта привычка его натуры, сильной и строгой, бросала между имъ и мной какую-то холодность въ проявленіи нѣжности, и эта наружная холодность могла обмануть съ перваго раза. Мы лю-

Digitized by Google

били другъ друга строго, какъ прилично мужчинамъ: онъ — съ достоинствомъ, я — съ почтеніемъ; отецъ всегда оставался отцомъ, сынъ — всегда сыномъ. Чувство его скрывалось подъ властію до послѣднихъ годовъ его жизни, когда я сдѣлался вполнѣ мужчиною, а онъ — старикомъ. Тогда роли перемѣнились: онъ позволялъ любить себя, я любилъ. Чувство стало проявляться само собою.

4.

Я смотрѣлъ на него, идя нѣсколько сзади, и изъ боязни и изъ уваженія. Батюшка былъ въ то время во всей своей силѣ. Мой ростъ, хотя и высокій, едва-едва равнялся съ его ростомъ.

Въ станѣ его еще ничто не клонилось и ничто не склонилось до осьмидесяти лѣтъ. Онъ несъ года свои, какъ крѣпкій дубъ нашихъ горъ, который роскошно убирается шестидесятыми листьями и не гнется. Лицо его, уже лишенное ясной нѣжности чертъ, которая характеризуетъ подробности красоты человѣческаго лица, поражало красотою въ цѣломъ, такъ что невольно можно было остановиться и сказать:

«Вотъ благородный типъ!»

Лобъ его не былъ столько возвышенъ, чтобы на немъ могло разъиграться воображеніе широкимъ полетомъ; онъ былъ только широкъ, прямъ и рѣзко обозначенъ, какъ римскій лобъ на статуяхъ эпохи Сципіоновъ. Носъ былъ не длиненъ, обрисованъ сразу; ротъ открытый, украшенный маленькими зубами, правильно посаженными, неповрежденными и блестящими до самой смерти; губы, почти подъ прямымъ угломъ, съ выраженіемъ строгой неустрашимости, когда бывали сжаты, граціозныя и изящно сложеныя, когда онѣ раскрывались и слегка подавались въ ширину для улыбки; подбородокъ, приподнятый какъ бы хорошо прикрѣпленными мускулами; щеки болѣе осѣвшія, нежели полныя; складъ лица его былъ не овальный и не круглый, а почти четырехъугольный, какъ у воинскихъ племенъ Юры; цвѣтъ его глазъ измѣнялся; они ярко блестѣли, отѣненные темными, густыми бровями, которыя сходились надъ носомъ, когда онъ хмурилъ лобъ и составляли тогда одну темную ли

Digitized by Google

нію между лицомъ и челомъ. Однимъ словомъ, то была голова воинскаго вождя, отъ самой природы или, можетъ быть, вслѣдствіе привычки навсегда удержавшая выраженіе начальника, отдающаго приказанія своимъ солдатамъ.

Эта привычка повелѣвать воинами обнаруживалась во всякой его позѣ. Голову носилъ онъ высоко, смотрѣлъ прямо въ лицо, кланялся съ достоинствомъ, но безъ высокомѣрія; члены его были гибки, походка тверда, медленна, правильна, какъ будто онъ всегда слышалъ барабанъ или рогъ; въ его платьѣ, голубого цвѣта, строгаго покроя, не было ничего изысканнаго, не было ни яркихъ цвѣтовъ, ни небрежности: во всемъ проглядывало воспоминаніе о военномъ мундирѣ; башмаки съ пряжками казались ему недостаточными: по его походкѣ видно было, что онъ какъ будто приподнимаетъ еще тяжелые ботфорты, которые онъ долго носилъ, и что ему недостаетъ его походной лошади. Ни одинъ солдатъ, ни одна лошадь не проходили мимо него безъ того, чтобы онъ не остановился на минуту и не посмотрѣлъ бы въ лорнетъ на солдата или на лошадь.

Война была его отчизной, — дисциплина — доблестью; шпага, лошадь, сѣдло, узда составляли его честолюбіе, его воспоминаніе, его постоянное созерцаніе. Въ глубинѣ души онъ смотрѣлъ съ сожалѣніемъ на другія званія и занятія человѣка. Всѣ ремесла, имѣющія цѣлью прибыль, казались ему низкими, а изъ всѣхъ занятій, цѣль которыхъ пріобрѣтеніе почестей, онъ признавалъ только одно: готовность пожертвовать или пролить кровь за своего короля или за родину. Между военнымъ и крестьяниномъ уже никто не существовалъ для него. Онъ представлялъ собой совершеннѣйшій образецъ провинціяльнаго дворянина, отца семейства, охотника, хлѣбопашца... Вотъ портретъ моего отца.

5.

Его полковые товарищи (изъ нихъ нѣкоторые жили въ городѣ) и свѣтскіе люди звали его кавалеромъ Ламартиномъ. Простолюдины и люди ему неблизкіе называли его Мг де-Пра; такъ называлось наше родовое имѣніе въ Франшъ-Конте, и этимъ-то именемъ дѣдушка назвалъ моего отца, для отличія отъ братьевъ.

Digitized by Google

Матушка моя называлась не иначе, какъ госпожею де-Пра, и я самъ въ дѣтствѣ носилъ это имя до смерти старшаго дяди, который одинъ имѣлъ право на родовую фамилію.

Батюшка, идя со мной домой, съ пристани, заставилъ меня, побужденный родительскою гордостію, пройти по самымъ длиннымъ и населеннымъ улицамъ Макона.

Это было время, когда праздные обитатели маленькаго города выходили изъ своихъ домовъ, послѣ обѣда, при закатѣ солнца, чтобы подышать свѣжимъ прибрежнымъ воздухомъ: они гуляли по набережной или садились подъ липы, растущія подлѣ рѣки. Тамъ и самъ встрѣчалъ онъ своихъ прежнихъ товарищей, родственниковъ или городскихъ друзей; всѣ подходили къ нему, онъ показывалъ меня: казалось, онъ гордился взглядами, которые на меня бросали жители, стоя на порогахъ домовъ или лавокъ. Очевидно, что онъ радовался сыномъ, такимъ же высокимъ, какъ онъ самъ, возвращающимся изъ долгаго путешествія, немного похудѣвшимъ и поблѣднѣвшимъ, и, несмотря на то, привлекавшимъ на себя взоры своимъ ростомъ, волосами, сходствомъ своимъ съ матерью, даже грустными чертами, которыя придаютъ лицу какую-то таинственность..., Онъ, какъ-то безъ собственнаго вѣдома, старался продлить дорогу, искалъ встрѣчь, поддерживалъ разговоры. Изъ оконъ ко мнѣ долетали слова:

«Вотъ идетъ кавалеръ Ламартинъ съ своимъ сыномъ: идите посмотрѣть!»

Что же касается до меня, то я выносилъ эти взгляды и поклоны единственно изъ уваженія къ отцу; внутренно я нетерпѣливо желалъ бы ихъ избѣгнуть и поскорѣе очутиться дома.

6.

Наконецъ мы пришли; собака побѣжала впередъ, чтобы увѣдомить домашнихъ своими скачками и радостнымъ лаемъ; переступивъ порогъ, я очутился въ объятіяхъ матушки и двухъ сестеръ. Она поблѣднѣла и замѣтно вздрогнула, увидавъ, какъ отъ долгаго отсутствія и тайныхъ мукъ похудѣли и поблекли черты моего лица. Батюшка видѣлъ только, что во мнѣ развились прекрасныя формы юноши, а матушка съ перваго взгляда

Digitized by Google

замѣтила печальные слѣды внутреннихъ страданій. Сердце женское проницательно: оно прямо направляется въ глубину души того, на кого смотритъ женщина хотя мимоходомъ. Что же тогда, когда тотъ, на кого она взираетъ, сынъ ея, лучъ ея души?

7.

Въ мое отсутствіе, въ обычной жизни нашего семейства произошла перемѣна. Батюшка, по настоятельнымъ просьбамъ матушки, купилъ на сумму, скопленную имъ долгою и тягостною бережливостію, домъ въ городѣ Маконѣ, чтобы проводить въ немъ одну половину года. Для сестеръ моихъ настало время брать уроки у учителей и учительницъ пріятныхъ искусствъ — роскошь въ воспитаніи, необходимая для женщинъ съ достаткомъ, безъ чего жизнь ихъ была бы нечто иное, какъ томительная праздность. Пришло также время ввести ихъ въ такъ называемый свѣтъ, гдѣ вновь вступившія сами смотрятъ и на нихъ смотрятъ, пока родство, семейныя отношенія, общественные обычаи, приличное сосѣдство и состояніе или наклонность не устроятъ замужства.

Матушка справедливо полагала, что молодые люди, равные имъ по состоянію, никакъ не могутъ отъискать въ уединеніи Милльи прекрасныхъ собою, скромныхъ дѣвушекъ, которыя, съ своей стороны, по причинѣ очень незначительнаго приданаго, не могутъ привлечь издалека жениховъ. Она не хотѣла оставить ихъ цвѣсти и вянуть въ этомъ уединеніи, не отъискавъ случая показать чьимъ нибудь взорамъ дѣвственный блескъ ихъ красоты. Она смотрѣла какъ на непремѣнную обязанность матери семейства выискивать для своихъ дочерей счастливаго союза. Ей не довольно было произвести ихъ на свѣтъ, вселить въ нихъ религію, добродѣтель, любовь къ себѣ: она хотѣла упрочить за ними и счастіе.

Батюшка понялъ эти доводы, и, хотя съ сожалѣніемъ и сверхъестественными усиліями относительно домашней экономіи, онъ рѣшился покинуть свои виноградники, своихъ охотничьихъ собакъ, а вечеромъ партію въ пикетъ съ священникомъ и сосѣдомъ, и проводить въ Маконѣ по крайней мѣрѣ зиму и весну каждаго года.

Digitized by Google

Какъ всякій новый владѣлецъ, онъ гордился и былъ влюбленъ въ купленный имъ домъ. Не успѣлъ я войти въ него, какъ онъ показывалъ мнѣ его весь, — отъ погреба до чердака, перебирая всѣ удобства и выгоды.

Домъ, который существуетъ еще и теперь, но который былъ проданъ и раздѣленъ по смерти отца и по разсѣяніи всей семьи, построенъ на возвышенномъ мѣстѣ, въ благородномъ и уединенномъ кварталѣ города, описаннаго мной въ началѣ разсказа. До революціи онъ принадлежалъ семейству маконскихъ патриціевъ, съ которымъ мы находились въ дружескихъ связяхъ; онъ принадлежалъ къ семейству д'Озене.

Главнымъ фасадомъ выходилъ онъ на широкую улицу, довольно круто спускавшуюся къ большой площади при больницѣ; тутъ обыкновенно гуляли дѣти, кормилицы и старики. Перекладина изъ чернаго мрамора, съ удивительнымъ искусствомъ высѣченная надъ дверьми, доказывала изящный вкусъ и архитектурную роскошь въ строителѣ этого дома. Дверь эта вела въ сѣни широкія, глубокія, низкія, сырыя и темныя. Въ глубинѣ сѣней виднѣлись первыя ступени лѣстницы, на которыя падалъ сверху слабый свѣтъ, какъ въ картинахъ *Граке*, изображающихъ внутренность монастыря. Налѣво и направо отъ сѣней находились четыре двери, которыя вели въ сараи, деревянные подвалы, кухни, обширныя подземелья, гдѣ находились еще колодези, погреба, огромные камины для разныхъ домашнихъ потребностей, и все это снабжалось свѣтомъ только изъ отверстій, устроенныхъ въ уровень съ садовою землею.

Лѣстница изъ жолтыхъ кирпичей очевидно была устроена для человѣка пожилыхъ лѣтъ: ступеньки были такъ низки и до того слегка наклонены, что я всегда переступалъ черезъ пять-шесть заразъ. Она походила на незамѣтныя лѣстницы *Ватикана* и *Квиринала* въ Римѣ, ступеньки которыхъ соразмѣрены съ ослабѣвшими шагами стариковъ-аристократовъ. На половинѣ лѣстницы представлялись взорамъ широкое окно и маленькая стеклянная дверь, выходившая во внутренній садъ. Садъ этотъ, узкій и глубокій, былъ отвсюду окруженъ высокими сѣрыми стѣнами, осаймленными шпалерникомъ изъ розановъ и абрикосовыхъ деревьевъ. Посреди возвышался одинокій кустарникъ розоваго боярышника, который съ годами измѣнился въ настоя-

Digitized by Google

щее лѣсное дерево, какъ по своему цвѣту и вѣтвямъ, такъ и по высотѣ. Садъ этотъ украшали маленькія дорожки, усыпанныя пескомъ и окаймленныя зеленью кустарниковъ. Въ серединѣ находились птичники изъ деревянныхъ, выкрашенныхъ рѣшетокъ, куда сестры мои сажали своихъ горлицъ, — и маленькій фонтанъ съ мраморнымъ бассейномъ и со статуею; но дельфинъ выпускалъ лишь пыль, а вмѣсто пѣны сѣрѣли ткани пауковъ. Поверхъ стѣнъ сада видѣлись только красныя черепичныя крыши да кровельныя окошки съ желѣзными рѣшетками высокихъ домовъ ремесленниковъ и монастыря, обиталища старыхъ монахинь: монастырскій видъ, который придавалъ саду, хотя и очень свѣтлому, характеръ испанской обители, съ ея молчаніемъ и затворничествомъ.

8.

Вышедши изъ саду и поднявшись вверхъ по лѣстницѣ, посѣтитель вступалъ на площадку перваго этажа. Здѣсь находились три высокія двери, съ двойными половинками и высокими маркизами; одна изъ нихъ стояла прямо противъ лѣстницы, а двѣ другія вели направо и налѣво.

Первая дверь отворялась въ обширную залу, съ разными украшеніями, выкрашенными сѣрымъ цвѣтомъ. Это была главная артерія всего дома, преддверіе гостинной, столовая, комната, гдѣ сестры занимались съ своими учителями рисованіемъ, музыкой или танцами, мастерская, гдѣ горничныя чинили бѣлье. Въ ней стояла печь, выглядывавшая изъ ниша, круглый обѣденный столъ, шканы, буфетъ, фортепьяно, двѣ арфы, два маленькіе столика для рисованья, письма и шитья. Мрачные стѣнные часы *Буля*, въ ящикѣ изъ черной черепахи, съ арабесками изъ латуни и съ статуэткой *Времени* наверху, потрясающей косою, заунывно били часъ за часомъ передъ молодыми дѣвушками, которыя и не думали прислушиваться къ ихъ бою.

Направо дверь вела въ гостиную, которая была менѣе залы. Старинный, высокій каминъ изъ черноватаго мрамора, богато украшенный рѣзцомъ скульптора; внизу оканчивавшійся акантовыми листьями, открывалъ для дровъ широкій очагъ, куда можно было положить цѣльные дубовые пни. Кресло отца

Digitized by Google

противъ камина, нѣсколько креселъ, покрытыхъ краснымъ трипомъ, — круглый столъ, заваленный книгами, нѣсколько игорныхъ столовъ, обтянутыхъ зеленою саржею, красныя, навощенныя плиты подъ ногами, потолокъ съ богатыми литыми украшеніями, почернѣвшими отъ полустолѣтняго дыма, зеленыя занавѣси на двухъ окнахъ, выходившихъ на улицу — вотъ все убранство этой комнаты. Въ ней огонь разводился передъ самымъ обѣдомъ. Комната, прилегавшая къ гостиной, принадлежала немощной теткѣ, сестрѣ моего отца, о которой я сейчасъ буду говорить. Ее звали мадмуазель де-Монсо.

Налѣво отъ лѣстничной площадки была комната отца, комната большая, но мрачная отъ почернѣлыхъ стѣнъ женскаго монастыря; направо — комната матери, еще обширнѣе; стеклянная дверь и три ступеньки вели изъ нея въ садъ. Солнце обливало ее своими лучами съ утра до вечера. Флигель, придѣланный съ этой стороны къ дому, образовывалъ подлѣ матушкиной комнаты прекрасный кабинетъ, носившій названіе Кабинета Музъ. Матушкѣ онъ служилъ убѣжищемъ для письменныхъ дѣлъ и молельней ея съ дочерьми.

Весь этотъ кабинетъ, съ самого потолка, былъ украшенъ рѣзьбою, которая образовывала десять нишей; въ каждомъ нишѣ было по консолю; на каждомъ изъ нихъ стояла статуя, представлявшая одну изъ девяти музъ, съ ихъ миѳологическими символами; въ десятомъ нишѣ находилась деревянная статуя Аполлона Надъ дверью красовалось изображеніе Юпитера, нисходящаго съ неба и отдергивающаго занавѣсъ Данаи, пораженной его молніями. Всѣ эти статуи были расписаны масляными красками. Сѣроватый лакъ придавалъ имъ какую-то холодность и мертвенность, приводившую въ оцѣпенѣніе. Младшія мои сестры входили въ этотъ кабинетъ со страхомъ и трепетомъ.

За этою комнатою находились еще двѣ-три, съ сестриными постелями.

Отецъ, показавъ мнѣ всѣ эти комнаты, повелъ меня во второй этажъ: онъ былъ расположенъ точно также, какъ и первый, только не былъ меблированъ. Потомъ онъ ввелъ меня въ ту комнату, которая назначалась для меня самого. Она находилась надъ его кабинетомъ, также обращена была къ саду и освѣщалась двумя окнами. Альковъ для постели, широкій кабинетъ для занятій, расположенный противъ Кабинета Музъ, пре-

Digitized by Google

красный свѣтъ, безмолвный садъ, болѣе обширный сводъ неба (потому что комната моя выдавалась нѣсколько надъ крышею монастыря), — все это дѣлало изъ пріюта моей юности уединеніе ясное и благоговѣйное. Все изящество и украшеніе этой комнаты заключалось въ двухъ лѣпныхъ группахъ надъ дверью. Одна изъ нихъ представляла — маленькихъ дѣвочекъ, смотрящихся въ зеркальную поверхность источника и убирающихъ свои головки цвѣтами, растущими на берегу; другая — мальчиковъ, играющихъ съ животными и воюющихъ съ козою, которую они держатъ за рога.

Въ продолженіи моей разсѣянной жизни въ этой комнатѣ, я имѣлъ время изучить два медальона и понять намѣреніе архитектора: очевидно, комната назначалась для дѣтей — это былъ *Гинекей* перваго владѣльца. Я поблагодарилъ батюшку, котораго никогда еще не видѣлъ такимъ обходительнымъ и ласковымъ, и водворился въ приготовленной имъ самимъ для меня комнатѣ. Послѣ ужина я отправился обнять прочихъ членовъ семейства, которые приняли меня съ бо́льшею холодностію. Я возвратился и легъ въ постель, раздумывая о печальномъ будущемъ, которое ожидало меня въ Маконѣ по причинѣ пустоты въ сердцѣ и праздной жизни. Однакожь, усталость взяла верхъ, и я заснулъ.

Меня разбудилъ голосъ нѣжный и кроткій, при великолѣпныхъ лучахъ восходящаго солнца, выплывавшаго изъ за крыши монастыря и ударявшаго на мою постель.

9.

Я оперся на локоть и узналъ матушку, которая придвинула стулъ и сѣла у моего изголовья. Она была одѣта въ длинное ночное платье, изъ коричневаго шолку, доходившее до самой шеи и завязанное на таліи длиннымъ шолковымъ снуркомъ, котораго кисти спускались до земли.

Ея длинные, черные волосы, въ которыхъ едва-едва просвѣчивала легкая сѣдина, упадали на плечи и руки и живописно волновались, какъ будто они сбѣжали съ изголовья, но хранили еще неправильные сгибы отъ подушки. Глаза ея были утомлены безсонницею; щеки, обыкновенно блѣдныя, теперь были слегка

Digitized by Google

подернуты лихорадочнымъ румянцемъ, который придаетъ безпокойная дума своей оболочкѣ въ минуту скорби или волненія. Ея уста, которымъ она хотѣла придать улыбку, чтобы не встревожить моего пробужденія, но въ которыхъ видно было напряженіе, близкое къ слезамъ, улыбались по серединѣ и плакали по краямъ. Звуки ея голоса, всегда пѣвучіе и звонкіе, какъ струны сердца, по которымъ пробѣгаетъ рука, теперь были отрывисты, разбиты, нестройны, что̀ случалось съ нею во время живого горя, на минуту болѣе сильнаго, чѣмъ ея безропотная покорность. Она провела правою рукою по своимъ волосамъ, поцаловала меня въ лобъ, на которомъ я почувствовалъ горячую каплю несдержанной слезы, и сказала:

10.

— Вотъ ты и возвратился, бѣдное дитя мое!

За тѣмъ она опять поцаловала меня и продолжала:

— Ты знаешь, что̀ все мое счастіе состоитъ въ томъ, чтобы видѣть тебя близь насъ; однакожь, я люблю тебя прежде, чѣмъ себя самое, и, несмотря на все мое счастіе при свиданіи съ тобой, твое возвращеніе печалитъ и пугаетъ меня. Что̀ съ тобой здѣсь станется?... Боже мой! — продолжала она — какимъ я вижу тебя! какъ ты блѣденъ! ты печаленъ; вчера на лицѣ твоемъ я прочла отвращеніе къ молодости и къ жизни! Кто бы могъ сказать, что я увижу моего сына увядшимъ на двадцать-второмъ году жизни, въ полной силѣ духа, въ полномъ цвѣтѣ сердца! увижу съ лицомъ, выражающимъ глубокое горе!...

При этихъ словахъ я приподнялся въ волненіи; мнѣ казалось, что матушка не почтила моего горя, — горя, которое я чтилъ въ тысячу разъ болѣе, чѣмъ себя самого.

— О, ради Бога, сказалъ я, сложивъ руки — и въ голосѣ моемъ выражалась мольба: — не говорите мнѣ такимъ тономъ о печали, предметъ которой вы никогда не знали и предъ которымъ я вѣчно буду преклоняться мыслью, какъ предъ незабвеннымъ воспоминаніемъ! Еслибъ вы знали....

— Я ничего не хочу знать, перебила она, приложивъ свою прекрасную руку къ моимъ губамъ: — я знаю, что она отняла у меня душу моего сына, знаю, что Богъ отвлекъ ее отъ любви,

Digitized by Google

на которую я не могла благословить ее, потому что любовь эта не могла быть благословлена Имъ самимъ... Я сожалѣю о ней, сожалѣю о тебѣ, я прощаю ее и молюсь за нея! Я никогда не буду говорить тебѣ о ней: есть вещи, которыя мать никогда не должна знать, если не можетъ одобрить ихъ по совѣсти, если не можетъ заглушить ихъ въ сердцѣ своего сына, изъ боязни разбить и потерять это сердце. Не будемъ же больше говорить объ этомъ, не будемъ никогда говорить!

Такое нѣжное уваженіе къ моимъ чувствамъ, которое, однакожь, не приносило въ жертву ни совѣсти, ни материнскаго достоинства, тронуло меня; я поцаловалъ ея руку. Она предалась разговору съ бо́льшею свободою. По полнотѣ ея голоса видно было, что щекотливый предметъ отнынѣ отстраненъ, и что теперь въ ней заговоритъ одна материнская нѣжность.

— Что же будетъ съ тобой? сказала матушка. — Какъ перенесешь ты это существованіе пустое, однообразное, праздное, тѣмъ сильнѣе подверженное преступнымъ страстямъ сердца, чѣмъ менѣе оно наполнено обязанностями и занятіями жизни дѣятельной? Помышляя объ этомъ, я трепещу и плачу каждую ночь. Боже мой! часто говорю я сама себѣ, ужели же я родила сына, украшеннаго одними изъ самыхъ драгоцѣнныхъ твоихъ даровъ, котораго надѣялась образовать на удивленіе себѣ самой и на славу Тебѣ, — родила для того, чтобы видѣть, что эти самые дары и способности обратились противъ него самого и повергли его въ бездѣйствіе и мракъ безполезной жизни? Ты знаешь, я готова отдать кровь мою, какъ прежде отдавала молоко, чтобы сдѣлать изъ него человѣка, и въ особенности такого, какой угоденъ Тебѣ!... Но молитва моя не услышана, прибавила она, обращаясь ко мнѣ и слегка покачавъ головою.

— Нѣтъ! продолжала она: — тщетно молюсь я, тщетно встаю до разсвѣта и иду въ церковь, чтобы присутствовать, вмѣстѣ съ служанками, при ранней литургіи.... молитва моя безплодна! но я не утомлюсь!

Здѣсь она остановилась для того, чтобы помолиться про себя: я понялъ это по нѣмому движенію ея губъ и по опущеннымъ розовымъ вѣждамъ ея глазъ. Я уже проникнулся нѣжностію, какъ бы успокоился и заранѣе покорился тому, что она, безъ сомнѣнія, еще скажетъ.

Digitized by Google

10.

«Узнай съ самого начала, другъ мой, продолжала матушка: — чего можешь ты ожидать здѣсь, для того, чтобы не жаловаться на судьбу, приготовиться многое перенести, много томиться, для того, чтобы нетерпѣніемъ не отдалить отъ себя сердца отца, который тоже страдаетъ, но который не признается въ этомъ самому себѣ, — а также и сердца другихъ членовъ семейства, — сердца въ сущности прекрасныя, но немного глухія и слѣпыя, отъ которыхъ мы зависимъ и согласиться зависѣть единственно для вашей будущности. Вотъ въ какомъ положеніи находятся наши дѣла:

«Состояніе наше, безъ того небольшое, было значительно стѣснено и отягощено твоимъ воспитаніемъ, путешествіями и заблужденіями. Я говорю это вовсе не для упрековъ; ты знаешь — если-бъ слезы въ моихъ глазахъ могли превратиться въ золото, то я всѣ пролила бы ихъ въ твои руки! Пріобрѣтеніе этого дома, необходимое для образованія и замужства твоихъ сестеръ, экономія для составленія маленькаго приданаго, которое мы должны имъ приготовить заранѣе, наконецъ плохой урожай въ Миньи за послѣдніе года, — все это заставило твоего отца быть необыкновенно строгимъ въ издержкахъ. Онъ живетъ въ постоянномъ томленіи; эти душевныя страданія, это напряженное состояніе ума, погруженнаго въ безпрестанные счеты и соображенія, портятъ его добродушный и открытый характеръ. Онъ боится оставить безъ наслѣдства своихъ дѣтей, которыхъ такъ любитъ и которыхъ произвелъ на свѣтъ. Иногда онъ упрекаетъ себя за многочисленную семью, доставлявшую ему столько радостей и гордости, когда вы были маленькими. Я безпрестанно должна напоминать ему о вѣрѣ въ Бога, который возращаетъ траву для всѣхъ насѣкомыхъ и сѣмя на кустарникѣ для всѣхъ гнѣздъ.

«Съ нѣкотораго времени, съ цѣлью утишить его безпокойства и увеличить его насущный хлѣбъ, я взялась содержать весь домъ небольшимъ пенсіономъ въ четыре тысячи, который онъ выдаетъ мнѣ чрезъ каждые три мѣсяца наличными деньгами, съ присовокупленіемъ ржи, дровъ, сѣна, зелени,

Digitized by Google

плодовъ и всѣхъ произведеній маленькаго сада, луговъ и земель, не засаженныхъ виноградомъ. Этого очень недостаточно на уплату жалованья слугамъ, за уроки учителямъ и учительницамъ, на туалетъ для сестеръ и для меня, какъ бы простъ онъ ни былъ,— недостаточно для того, чтобы придать необходимую изящность и благопристойность дому, которую я обязана поддерживать не по состоянію, а по нашему званію.

«Но, ты знаешь, Богъ мнѣ послалъ въ нашей сосѣдкѣ, этой доброй г-жѣ *Парадисъ*, друга и сестру, которая хочетъ дѣлить со мною не однѣ радости и удовольствія, но и всѣ заботы по семейству. Она невидимая рука Провидѣнія во всѣхъ трудныхъ моихъ обстоятельствахъ; она свободна, вдова, безъ родни; она не богата, но, какъ женщина одинокая и расчетливая, пользуется полнымъ достаткомъ. Всякій разъ, какъ она замѣчаетъ на моемъ лицѣ тѣнь заботы, она непремѣнно требуетъ, чтобы я подѣлилась съ нею своимъ горемъ; дружбу она измѣряетъ не иначе, какъ жертвами; она продаетъ вино и плоды изъ своего виноградника и наслаждается тѣмъ, что отдаетъ мнѣ все, что необходимо для непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, для моихъ секретныхъ издержекъ, превышающихъ мои собственныя средства; благодаря ея великодушію, я пополняю, такъ, что отецъ твой этого и не подозрѣваетъ, почти постоянно недостаточную сумму денегъ, которую онъ выдаетъ мнѣ для вашего содержанія. При помощи золота, сбереженнаго этимъ рѣдкимъ другомъ, я могла платить за твои ошибки, безъ вѣдома твоего семейства. У меня нѣтъ такого горя, котораго бы она не отгадала, нѣтъ такого затруднительнаго положенія, которому бы не помогла. Двадцать лѣтъ тому назадъ я оцѣнила ея дружеское сердце; позднѣе, посредствомъ своей постоянной преданности, она вошла въ наше семейство.

Всякое утро я, отворивъ окно, вижу ее на балконѣ; она ждетъ меня и если на моемъ лицѣ замѣтитъ хоть морщинку, тотчасъ перебѣгаетъ улицу и спѣшитъ ее изгладить. Дѣти! помните ее всегда: женщина эта была для вашей матери лучемъ провидѣнія, всегда свѣтящимъ и согрѣвающимъ.

Ты понимаешь, что при такихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ отецъ твой не въ состояніи дать тебѣ способовъ къ жизни, если ты не изберешь себѣ какого нибудь рода занятій и не будешь получать какихъ нибудь средствъ независимо отъ

Digitized by Google

него. Онъ находится даже въ необходимости, чтобы соблюсти справедливость въ отношеніи къ сестрамъ твоимъ (а ты знаешь, что справедливость его кумиръ, и что совѣстливость онъ доводитъ даже до крайности), сократить въ половину небольшой пенсіонъ въ тысячу-двѣсти франковъ, который онъ выдавалъ тебѣ на твое содержаніе и на твои путешествія. Не показывай виду, что ты отъ этого страдаешь, и иди самъ на встрѣчу необходимому лишенію. Я дамъ тебѣ сколько могу, г-жа *Парадисъ* также позаботится о тебѣ.

«Я до сихъ поръ надѣялась, что родственники твоего отца поймутъ ту необходимость дѣятельности, которая пожираетъ твою юность, и что оно рѣшится на пожертвованія для того, чтобы опредѣлить тебя и поддержать, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, въ которыя ты долженъ пріобрѣсти необходимыя познанія для должностей административныхъ или дипломатическихъ. Но я ни въ чемъ не успѣла: напрасно разсуждала я, просила, заклинала, плакала; напрасно унижалась передъ ними такъ, какъ пріятно унижаться матери за сына, которымъ она гордится. Все напрасно! теперь уже нечего и помышлять объ этомъ. Они добры, нѣжны, смотрятъ на тебя какъ на собственнаго сына, завѣщаютъ тебѣ по смерти наслѣдство; но нѣжность ихъ глядитъ только въ будущее: они не разсуждаютъ о настоящемъ. Родственники эти — люди старые; въ своихъ привычкахъ и понятіяхъ они не могутъ сойтись съ нами; они забываютъ, что и они были молоды, не могутъ понять, что молодой человѣкъ, у котораго есть кровъ, столъ, садъ и сообщество въ родительскомъ домѣ, можетъ имѣть еще другія желанія и стремленія, переходящія за стѣны маленькаго городка; все это они называютъ химерами больного ума; они полагаютъ, что все твое честолюбіе должно заключаться въ жизни праздной и монотонной въ одной изъ улицъ Макона, въ нѣсколькихъ прогулкахъ днемъ, — въ вѣковой залѣ, за бостоннымъ столомъ, вечеромъ, — въ бракѣ по сосѣдству или по приличію черезъ нѣсколько лѣтъ, и, наконецъ, въ томъ, чтобы провести остатокъ дней въ родовомъ имѣніи, недалеко отсюда. Напрасно говорила я имъ, что отъ Бога даются разныя дарованія людямъ разнаго характера, что эти способности, заглушенныя въ душѣ того, въ комъ онѣ проявляются, производятъ медленное умерщвленіе божественныхъ даровъ, что страсти ума превращаются въ

Digitized by Google

страсти преступныя, если имъ не даютъ добраго направленія. Мои слова и даже слезы вызвали одно насмѣшки и только раздражили противъ меня. Теперь попытки безполезны; остается покориться волѣ Всевышняго и рѣшиться прозябать и томиться подлѣ насъ! Увы! все, что только сердце матери можетъ сдѣлать для услажденія твоего изгнанія, я все сдѣлаю; я сильнѣе тебя самого буду страдать отъ твоего бездѣйствія; буду мучиться, видя, какъ гибнутъ твои лучшіе годы; а ты знаешь — въ нихъ я полагала все свое счастіе, надежды и всю гордость матери. Я пожалѣю о тебѣ, потому что я.... я тебя понимаю; я пріиму и сохраню въ сердцѣ твои печальныя признанія въ твоихъ обманутыхъ стремленіяхъ, я стану искать, высматривать; я употреблю всѣ силы, если только Провидѣніе услышитъ меня, чтобы тебѣ открыть горизонтъ болѣе широкій, болѣе тебя достойный. Но умоляю тебя, дитя мое, дѣлай свои признанія лишь мнѣ одной, не высказывай своей печали и отвращенія къ настоящей жизни, ни въ словахъ, ни на лицѣ, а особенно твоему бѣдному отцу: его ты приведешь въ отчаяніе, а въ нашемъ состояніи не произведешь никакой перемѣны. Онъ, какъ и я, страдаетъ отъ нашихъ нуждъ, отъ твоего бездѣйствія; но, изъ любви къ своимъ дѣтямъ, изъ заботливости объ ихъ будущности, ему необходимо обходиться ласково съ сестрами и братьями, которые богаче его и въ рукахъ которыхъ все родовое имѣніе; онъ покоряется ихъ идеямъ, будучи не въ состояніи привить къ нимъ свои собственныя; не увеличивай же его тоски своей тоскою; не раздражай противными чувствованіями или явнымъ неудовольствіемъ тѣхъ, отъ кого мы зависимъ для нашихъ дочерей и для тебя самого! Покорись на нѣсколько лѣтъ жизни темной, непаполненной никакими занятіями; я такъ буду молиться Богу, что Онъ смягчитъ сердце твоихъ дядей и тетокъ и откроетъ моему сыну поприще достаточное для дѣятельности, славы и счастія, которыхъ мать можетъ желать такому сыну, какъ ты!

— Вотъ что хотѣла я тебѣ сказать, прибавила она, вставъ со стула и благословивъ меня взоромъ и рукою.

Потомъ она сказала мнѣ, съ большею задушевностію, выраженіемъ и умиленіемъ, нѣсколько словъ о Богѣ, о вѣрѣ моихъ дѣтскихъ лѣтъ, о необходимости сохранить сердце въ чистотѣ или обрѣсти его раскаяніемъ, о мирѣ души, который нисходитъ лишь съ

Digitized by Google

неба, о покорности, этой жертвѣ нѣмой, невидимой, постоянной. Наконецъ она встала на колѣни у моей постели, помолилась съ минуту и неслышными шагами вышла изъ комнаты. Мнѣ казалось, что меня посѣтилъ кроткій ангелъ.... Долго оставался я неподвиженъ, съ ея рѣчами въ сердцѣ и поцалуемъ на челѣ.

11.

Я поздно всталъ съ постели и отправился поздороваться съ батюшкой и поблагодарить его за прекрасную комнату. День былъ воскресный, колокола единственной въ то время церкви въ Маконѣ звонили, призывая вѣрующихъ къ поздней обѣднѣ.

Я вышелъ изъ дому и послѣдовалъ за толпой на паперть, гдѣ встрѣтилъ нѣсколькихъ родственниковъ и друзей дома, которые меня остановили и разговаривали со мной подъ деревьями въ продолженіи службы. По окончаніи обѣдни, толпа вышла благоговѣйно изъ церкви и группами потянулась мимо насъ, какъ на семейномъ свиданьи: дворяне, мѣщане, ремесленники въ праздничныхъ платьяхъ, — все слилось вмѣстѣ.

Извѣстно, что въ селеніяхъ и маленькихъ городкахъ воскресенье есть день, гдѣ встрѣчаются, подходятъ одинъ къ другому, хотя въ другое время незнакомы между собой, — день, когда обмѣниваются по дорогѣ, на площади, на улицѣ или у церковныхъ дверей, поклономъ, взглядомъ, жестомъ, а иногда завязывается краткій разговоръ между прихожанами одного города. Это также часъ и мѣсто, когда праздные, любопытные, молодежь, отъискивающая взоромъ хорошенькихъ дѣвушекъ, невидимыхъ въ продолженіи недѣли, становятся въ кружки или вытягиваются въ линію, чтобы посмотрѣть и проводить, при говорѣ удивленія, красавицъ — прелесть и знаменитость городка. Я машинально, какъ и всѣ, но безъ вниманія и предпочтенія, смотрѣлъ на выходившихъ прихожанъ, предлагавшихъ другъ другу святую воду. Я ждалъ матушку.

Она вышла изъ послѣднихъ, потому что всегда нѣсколькими минутами позже другихъ оканчивала свою благочестивую молитву, нагнувшись, закрывъ глаза и сложивъ руки. Въ этотъ день она молилась еще долѣе, потому что молилась за меня.

Digitized by Google

12.

Весеннее солнце падало на церковныя двери; ясный свѣтъ утра сливался на паперти съ отдаленнымъ свѣтомъ свѣчей, горѣвшихъ внутри храма; этотъ смѣшанный блескъ двухъ свѣтовъ отразился на лицѣ моей матери. Уста ея улыбались знакомымъ, которыхъ она видѣла со ступенекъ паперти, но хранили еще на себѣ отпечатокъ послѣдней мысли о Богѣ и сосредоточеннаго созерцанія, изъ котораго она только что вышла. Блѣдность и утреннія слезы совершенно изгладились подъ миромъ и спокойствіемъ, которое она всегда почерпала обращаясь къ небу, и подъ одушевленнымъ румянцемъ, вызываемымъ жаромъ церкви и напряженною молитвою. Ступеньки паперти заняты были нищими, бѣдными женщинами, одѣвшимися въ праздничныя платья, дѣтьми и немощными стариками: это замедляло выходъ, такъ что матушка оставалась какъ бы на подножіи, съ котораго ее всѣ могли видѣть.

Въ ея ростѣ и стройности, въ гибкости шеи, поворотѣ головы, въ тонкости ея кожи, краснѣющей подъ взглядами, какъ у пятнадцатилѣтней дѣвочки, въ ясности ея чертъ, въ шелковистой мягкости черныхъ волосъ, взволновавшихся изъ подъ шляпки, а особенно въ блескѣ ея взгляда, губъ, улыбки — была непобѣдимая привлекательность, представлявшая какую-то таинственность и вмѣстѣ съ тѣмъ дополненіе истинной красоты. Ей все еще казалось двадцать лѣтъ, потому что она находилась въ возрастѣ своихъ впечатлѣній; а ея впечатлѣнія носили отпечатокъ всегдашней свѣжести, ясности и дѣвственности ея ума. Между ею и ея дочерьми было только разстояніе отъ вѣтки къ плоду: взоръ обнималъ ихъ вмѣстѣ и никакъ не раздѣлялъ.

Въ настоящее время ее окружали всѣ пять дочерей, какъ бы въ семейной картинѣ, устроенной величайшимъ изъ скульпторовъ и искуснѣйшимъ изъ живописцевъ — природою. Ихъ образы прекрасные и различные, хотя между ними и было общаго то, что называютъ фамильнымъ сходствомъ, и одинаковый нарядъ, — отдѣлялись нѣсколько отъ матери и рисовались на болѣе темномъ фонѣ церковнаго входа....

Digitized by Google

Медленное движеніе толпы, безпрестанныя остановки на одной и той же ступенькѣ, — все это давало время полюбоваться прекрасными, оживленными статуями. Со времени выпуска старшихъ сестеръ изъ монастыря, я въ первый разъ видѣлъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ и не могъ не раздѣлять одобрительныхъ возгласовъ толпы, восхищавшейся этимъ дивнымъ соединеніемъ головокъ, этими цвѣтами семейства, къ которому я такъ близко принадлежалъ.

Старшая изъ сестеръ моихъ, которой было только осьмнадцать лѣтъ, называлась Цециліей. Ея роскошный ростъ равнялся бы росту матушки, если бы крайняя, природная скромность, которая заставляла ее страшиться удивленія ея красотѣ, какъ другая женщина страшится стыда, не склонила бы ея головку нѣсколько впередъ и не потупила бы ея глазъ, чтобы избѣгнуть любопытныхъ взоровъ.

Черты ея лица, въ которомъ было болѣе сходства съ семействомъ отца, скорѣе были крупны и рѣзки, нежели тонки, и поражали болѣе съ перваго взгляда; въ ней плѣняло цѣлое; большія, смѣлыя линіи ея лица были ослѣнительны, выраженіе — восхитительно; общій же характеръ всего этого была доброта. Лицо ея плавало въ какомъ-то лучезарномъ, тихомъ, нѣжномъ блескѣ; несовершенства подробностей совершенно исчезали, особенно на нѣкоторомъ разстояніи. Въ ней были величіе, единство и грація — три главныя достоинства красоты для толпы, которая не разбираетъ своихъ впечатлѣній.... И дѣйствительно, въ семействѣ нашемъ она была красавица замѣчательная: о ней всѣ говорили, предпочитали, ею преимущественно любовались, когда она появлялась на улицѣ. Весь городъ зналъ ея имя и показывалъ ее, съ какою-то личною гордостію, иностранцамъ въ церкви или во время гулянья. Проходящіе оборачивались, чтобы взглянуть на нее еще разъ; все, кажется, ее любило — лавки, стѣны, камни.... А она и не подозрѣвала этого; вмѣсто кокетства въ ней были наивность, робость, стыдливый румянецъ, который съ лѣтами становился все ярче и ярче, потому что въ ней все еще было сердце ребенка. Прелесть ея было чувство естественное, характеръ — первый порывъ, умъ высказывался въ ней въ первомъ словѣ, быстромъ и дѣтскомъ, но часто тѣмъ болѣе поразительномъ, чѣмъ оно бывало наивнѣе. Къ изящнымъ искусствамъ она не имѣла склонности; если она

Digitized by Google

училась чему, то училась сразу: усилія ее пугали; учителей своихъ она приводила въ отчаяніе и вмѣстѣ съ тѣмъ восхищала. Уже съ этихъ поръ видно было, что небо создало ее болѣе для семейства, чѣмъ для свѣта; это была лоза, приносящая грозды, а не одни цвѣты; она была изъ числа женщинъ, предназначенныхъ для того, чтобы взлелѣять богатое поколѣніе.

Вторая называлась Евгеніей и была годомъ моложе Цециліи. Она льнула къ старшей сестрѣ, какъ будто станъ ея, въ то время гибкій и слабый, нуждался въ подпорѣ, чтобы удержаться противъ вѣтра изъ дверей и дуновенія толпы. Евгенія вовсе не походила на старшую сестру: она была видѣніе Осціана въ блескѣ полудня, одушевленная тѣнь, образъ неосязаемый, съ голубыми глазами, большими и глубокими какъ морская вода, — съ шотландскимъ очертаніемъ лица; черты ея были неуловимо нѣжны и совершенны до идеала; задумчивый ротикъ, тоненькія губы, выраженіе степенное, бѣлокурые, лоснящіеся волосы, длинными прядями ниспадающіе по щекамъ; однимъ словомъ, норвежское личико. Ея душа и умъ совершенно соотвѣтствовали ея чертамъ: она сочувствовала всѣмъ искусствамъ, блѣднѣла при разсказѣ о геройскихъ подвигахъ, при чтеніи прекрасныхъ стиховъ, при звукѣ арфы; чувствительность ея переходила даже въ страданія; въ ней развитъ былъ вкусъ къ поэзіи, музыкѣ, наукамъ; Евгенія углублялась въ себя самое, жила съ образами, созданными ея воображеніемъ; толпѣ она нравилась менѣе, нежели старшая сестра ея, ее высматривали и замѣчали, какъ цвѣтокъ, распускающійся въ тѣни, взоры любопытные и страстные: она должна была очаровывать людей сѣвера, — и дѣйствительно такова была ея судьба впослѣдствіи. Въ это время она была ближе ко мнѣ, чѣмъ другія сестры, по раннему развитію ума, по поэзіи и меланхолическому характеру. Мы представляли собой два отсвѣта одного колера: одинъ изъ нихъ, горячій и мужескій, отражался на моемъ, а другой — холодный, женственный и дѣвственный, на ея челѣ. На нее смотрѣли многіе, но все-таки она не была какъ Цецилія; умственное ея превосходство было причиною, что ей приписывали немного презрѣнія къ другимъ.

За этими двумя сестрами, одинаковаго роста, но съ лицами столь различными, видна была третья, такая же высокая, хотя ей было только пятнадцать лѣтъ; она, вмѣстѣ съ двумя млад-

Digitized by Google

шими сестрами, стояла сзади старшихъ. Ее звали Сусанной. Въ отношеніи къ ней всеобщее мнѣніе было рѣшительно одинаково: не было ни предпочтенія, ни споровъ — чудная, изумительная красота ея вездѣ встрѣчала восторженные крики удивленія. Это личико съ идеальнымъ совершенствомъ всѣхъ линій носило на себѣ лишь два отпечатка: красоты и благочестія. Очевидно, она не была рождена для того, чтобы нравиться мужчинамъ и любить самой. Она была однимъ изъ тѣхъ существъ, которыхъ Господь, показывая людямъ, назначаетъ единственно на поклоненіе себѣ; она была небесная звѣздочка, очи, которыя видишь издали, но до которыхъ никогда не достигнешь. Еще на землѣ въ ней уже было какъ бы врожденное предчувствіе ея единственнаго призванія — поклоняться и любить Бога. Она была живая молитва и колѣнопреклоненное сердце. Матушка слишкомъ рано внушила ей стремленіе къ безконечному, и это стремленіе совершенно отдаляло ее отъ земли, куда мать уже не могла призвать ее.

Теперь Сусанна, выйдя изъ церкви, по временамъ оборачивалась назадъ, чтобы послать еще сердечный привѣтъ или прощаніе вѣчнымъ селеніямъ, гдѣ обитала душа ея. Она потупляла глаза для того, чтобы взоръ на толпу, любовавшуюся ею, не унесъ ни одного изъ ея благочестивыхъ помышленій. Она держала въ рукахъ, прижавъ къ груди, молитвенникъ въ футлярѣ изъ чернаго бархату. Взгляды легкомысленные дѣлались строгими, когда обращались на нее. Видно было, что на землѣ не найдется человѣка, достойнаго замѣнить эту книгу на ея сердцѣ.

Въ двухъ младшихъ сестрахъ, слѣдовавшихъ за Сусанной, разница въ ростѣ была гораздо значительнѣе, чѣмъ между нею и старшими сестрами; можно было предположить, что отъ одного рожденія до другого былъ промежутокъ, или что матушка потеряла одного изъ своихъ дѣтей. Младшія сестры едва-едва достигали плечъ Сусанны; онѣ были какъ бы лѣстница, въ которой недостаетъ нѣсколькихъ ступенекъ.

Digitized by Google

13.

Та изъ моихъ сестеръ, которая стояла ближе другихъ къ Сусаннѣ, называлась Цезариной. Ей было шестнадцать лѣтъ (годомъ болѣе, нежели Сусаннѣ); но природа не дала ей развиться такимъ гибкимъ и величавымъ отросткомъ, какъ двумъ первымъ стеблямъ. Небольшая ростомъ, но болѣе сформировавшаяся, она была растеніемъ, созрѣвшимъ прежде времени. Ничто въ ней не напоминало дѣвушки, рожденной въ семействѣ, въ жилахъ котораго бѣжала умѣренная кровь нашей страны. Въ ея красотѣ было что-то южное, теплое: волосы темно-каштановые, были не такъ шелковисты на взглядъ, не такъ мягки на осязанье, какъ у сестеръ: ихъ какъ будто бы обожгло солнце Неаполя или Испаніи; глаза, почти черные, — такъ теменъ былъ ихъ голубой цвѣтъ, — широкіе и выпуклые, были окаймлены такими длинными рѣсницами, какія мнѣ удавалось видѣть только у женщинъ Азіи; лобъ у нея закрытъ былъ нѣсколько волосами, которые росли очень низко, какъ у моего отца. Носъ прямой, короткій и не столь развитый, какъ у всѣхъ насъ; губы, рѣзко обрисованныя, открывали, когда она смѣялась, рядъ зубовъ, которыхъ бѣлизна, расположеніе и форма были совершеннѣе и миніатюрнѣе, нежели у насъ. Лицо бѣлое, круглое; кожа не столь бѣлая и тонкая, отличалась тѣмъ оттѣнкомъ, въ который кисть римскихъ художниковъ облекала образъ Софонизбы, въ *Цѣломудренномъ Сципіонѣ*. Это былъ румянецъ ровный, бархатистый, проникнутый свѣжестью и жизнью. Голосъ ея также былъ мужественнѣе и звучнѣе, нежели у ея сестеръ: казалось, она говорила языкомъ Данта съ акцентомъ Флоренціи или Сіенны. Однимъ словомъ, то была римская дѣвушка, по волѣ прихотливаго случая распустившаяся въ гнѣздѣ галловъ, — дыханіе южнаго вѣтра, которое, перелетѣвъ черезъ Альпы, принеслось оживить это тѣло,— лучъ съ береговъ Сорренто или Портичи, со всей теплотой, во всемъ блескѣ отразившійся на челѣ, разцвѣтшемъ на сѣверѣ. Ея красота, совершенно отличная отъ красоты Сусанны, — болѣе яркая, хотя не столь совершенная, — ослѣпляла своимъ блескомъ. На другихъ можно было смотрѣть хладнокровно; но ея красота палила, потому что была вся изъ

Digitized by Google

огня. Предсказывали, что, достигнувъ полнаго развитія, она сдѣлается одной изъ тѣхъ красавицъ, которымъ назначено воспламенять сердца и ослѣплять взоры, — красавицъ, роковыхъ для взгляда, дерзнувшаго остановиться на нихъ. Въ то время характеръ ея, по видимому, оправдывалъ эти предсказанія. Въ ней была прелесть, поражающая внезапно, простодушная небрежность, пылкость, упрямство, вспышка, капризы, — все, что́ кроется въ пламенной душѣ итальянки, пока страсть еще не дала пищи этому пламени. Опасались, чтобы она современемъ не надѣлала хлопотъ и огорченій нашей матушкѣ. Опасенія эти были напрасны: весь неукротимый пылъ ребенка погасъ въ молодой дѣвушкѣ. Наклонность, побѣжденная волею семейства, бракъ по расчету и по обязанности, покорно принятый изъ послушанія къ матери, болѣзнь и смерть въ странѣ, гибельной для ея темперамента, — вотъ судьба этой сестры: слеза, упавшая на пламень — вотъ вся Цезарина! Я буду помнить о ней до самого гроба.

Она держала за руку младшую изъ насъ — малютку Софью. То была дѣвочка съ береговъ Рейна: блѣдные глаза, какъ водяная струя; волоса, распадающіеся въ водянистыхъ прядяхъ; выраженіе задумчивое, покорное и тихое. Ея головка, ея взоры постоянно обращались къ взорамъ матери, чтобы прочесть въ нихъ ея волю и поспѣшить ее исполнить. Нѣжность, простосердечіе, послушаніе — вотъ ея характеръ; онъ весь состоялъ изъ добродѣтелей. Матушка любила ее такъ, какъ можетъ только любить женщина своего перваго и послѣдняго ребенка: того, котораго она впервые прижимаетъ къ груди и узнаетъ, что она мать, и того, который, оставаясь послѣднимъ дома, напоминаетъ ей, что и она была молода. Эта слабость матери могла бы испортить Софью, еслибъ она была въ состояніи употребить во зло ея излишнюю нѣжность. Но Богъ не попустилъ ни одного недостатка. Софья была геній невинности нашего семейства: въ ней былъ образъ отца, его голосъ, и ей суждено было въ будущемъ испытать его участь.

Digitized by Google

14.

Матушка невольно искала меня взоромъ, улыбнулась мнѣ и подозвала къ себѣ, чтобы быть окруженной всѣмъ, что составляло ея счастіе, у дверей дома Господня, милосердію котораго она все приписывала. Я пробрался черезъ толпу и присоединился къ матери и сестрамъ. Отецъ ждалъ насъ нѣсколько поодаль. Мы всѣ вмѣстѣ тихо возвратились домой, въ сопровожденіи нѣсколькихъ друзей, присоединившихся къ намъ по дорогѣ. Толпа разступалась, и по ней пробѣгалъ тихій шопотъ удивленія, при видѣ матери, окружившей себя такой прелестной группой: она походила на Ніобею, еще не постигнутую горемъ. Во всѣхъ глазахъ я читалъ пріязнь и безмолвное благословеніе, которымъ народъ сопровождалъ прекрасную женщину. Я шелъ одинъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ сестеръ, любуясь ихъ бѣлокурыми локонами, развѣвавшимися по одинакимъ платьямъ. Я смотрѣлъ на отца и мать, ведущихъ изъ дома молитвы въ домъ нѣжности и любви дѣтей любимыхъ, любящихъ, прекрасныхъ и счастливыхъ, — смотрѣлъ на друзей, родныхъ, сосѣдей, работниковъ и слугъ, взоромъ, улыбкой, сердцемъ сопровождавшихъ семейство, любимое всѣми и такъ роскошно надѣленное природой, — смотрѣлъ, и въ меня закралось чувство, которое ничто уже не могло изгладить. Я безотчетно сравнивалъ невинность, чистоту, ясность матери и сестеръ, величавость отца, невозмутимое спокойствіе совѣсти, долга и счастія, которыми наслаждались они въ кружкѣ, полномъ привязанности и тѣсно окружающемъ нашу колыбель, — сравнивалъ съ легкомысліемъ и пустотой сердца, со всѣмъ тѣмъ, что я испыталъ попеременно при первыхъ шагахъ на поприщѣ жизни. И я не могъ внутренно не сознаться, что Богъ назначилъ счастіе и миръ души въ удѣлъ дѣйствительности. Добродѣтельное и нѣжное семейство — корень дерева жизни: вѣтеръ уноситъ въ вихрь и бездну страстей каждую вѣтку, отдѣлившуюся отъ родного стебля.

15.

Входя въ молчаливыя и угрюмыя сѣни родительскаго дома, я былъ проникнутъ тѣмъ, что чувствуете вы, когда войдете, въ

Digitized by Google

святилище и за вами затворится дверь, отдѣляющая васъ отъ толпы; но какъ ни сильно былъ я подавленъ грустью, я былъ еще такъ молодъ, такъ пылокъ, что мнѣ должно было скоро наскучить это убѣжище, слишкомъ тѣсное для моихъ крыльевъ, слишкомъ однообразное для моего подвижнаго, безпокойнаго характера. Впрочемъ, въ первую минуту я почувствовалъ тихое успокоеніе, сладостное вліяніе души моей матери, которое распространялось около нея, какъ ясный отблескъ ея материнской любви. Я проводилъ время въ своей комнатѣ, въ тишинѣ и однообразныхъ занятіяхъ, по примѣру окружавшихъ меня.

16.

Отецъ, мать, сестры и я, — мы еще не составляли одни всего семейства. Я сказалъ уже, что отецъ мой купилъ домъ въ городѣ, чтобы окончить въ немъ воспитаніе дочерей: въ этомъ домѣ мы и жили. Но кромѣ того, въ одномъ изъ кварталовъ верхняго города, былъ отель, носившій наше имя — наслѣдственный домъ нашего рода, гдѣ нѣкогда жилъ мой дѣдъ, и гдѣ въ настоящее время поселился старшій братъ моего отца и съ нимъ двѣ сестры, также старшія и незамужнія. Зданіе высокое, обширное и величавое, сохранившее слѣды того угрюмаго великолѣпія, которое пощадила революція, изгнавъ его обитателей. Массивная дверь, длинныя и широкія сѣни вели къ парадной лѣстницѣ; внизу рядъ пріемныхъ, столовыхъ и залъ, съ мраморными полами, рѣзьбою изъ дерева надъ расписанными дверьми, съ зеркалами, окаймленными арабесками. Всѣ эти комнаты выходили окнами въ садъ, обнесенный, какъ въ Неаполѣ или Севильѣ, высокими стѣнами; на стѣнахъ — перспективы, сдѣланныя итальянскими художниками. Въ первомъ этажѣ находилась гостиная, болѣе скромная и болѣе живая, и комнаты главныхъ членовъ семейства; во второмъ — комнаты почти пустыя, назначенныя для старыхъ родственницъ, отставныхъ слугъ, друзей и гостей, время отъ времени пріѣзжавшихъ навѣстить дядю или тетокъ. Таковъ былъ этотъ домъ, таковъ онъ почти и теперь, когда смерть и наслѣдство, передававшія его изъ рукъ въ руки, передали наконецъ его мнѣ.

Digitized by Google

Съ улицы онъ отдѣлялся отъ сараевъ и конюшенъ маленькой площадкой: по срединѣ ея стоялъ простой колодезь, цѣпь котораго вѣчно скрипѣла. Изъ оконъ перваго этажа, въ какихъ нибудь ста шагахъ, виднѣлись верхушки нѣсколькихъ липъ, еще очень низкихъ, посаженныхъ на площадкѣ, разбитой на одной изъ частей древнихъ укрѣпленій Макона. Далѣе—величавый, но нѣсколько суровый фасадъ обширной больницы, построенной по плану архитектора, строившаго Пантеонъ; на зеленомъ лужкѣ передъ ея дверью больные выходили подышать чистымъ воздухомъ и погрѣться на солнцѣ: нѣсколько стариковъ и дѣтей гуляли и играли на голомъ пескѣ плацъ-парада; а тамъ, назади, зеленѣющіяся отлогости небольшихъ холмовъ, перерѣзанныхъ садами и полисадами изъ кустарника.... Вотъ видъ изъ оконъ. Онъ былъ способенъ изсушить всякое воображеніе и разогнать веселые и причудливые призраки, которыми оно обольщаетъ наши взоры. Это было жилище испанскаго дворянина въ какомъ нибудь маленькомъ городкѣ Кастиліи; недоставало только художественнаго и сумрачнаго величія соборовъ и древнихъ мечетей той страны.

Мы входили въ этотъ домъ съ невольнымъ уваженіемъ.

17.

Въ этомъ домѣ, въ продолженіи половины года, жилъ старшій братъ батюшки; онъ владѣлъ имъ вмѣстѣ съ двумя своими сестрами. Его одного только называли фамильнымъ именемъ. Старшую изъ его сестръ звали мадмуазель де-Ламартинъ, вторую графинею де-Вильяръ, по ея званію канонессы и по имени земли, во Франшъ-Конте, данной ей моимъ дѣдушкой.

Дядѣ было въ то время около шестидесяти лѣтъ; это былъ человѣкъ разбитый, какъ по своему слабому сложенію, такъ и вслѣдствіе раннихъ болѣзней. Онъ былъ близорукъ, ходилъ покачиваясь изъ стороны въ сторону; въ немъ ничто не напоминало натуры сильной, подвижной, здоровой и воинственной моего отца. Роста онъ былъ средняго, члены его были сухощавы, станъ сгорбился отъ привычки смотрѣть подъ ноги и долгіе часы проводить, не разгибая спины, надъ книгами. Несмотря на то, что дядя раздѣлялъ идеи 1789 года и былъ старинным ученн-

Digitized by Google

комъ и другомъ Мирабо, онъ строго сохранилъ аристократическій костюмъ прежняго времени. Онъ носилъ башмаки съ брильянтовыми пряжками, шолковые чулки, коротенькіе панталоны, застегнутые на колѣняхъ, камзолъ съ длинными полами и широкими карманами, наполненными табакерками, часовыя цѣпочки изъ золотыхъ колецъ, болтавшіяся на ляшкахъ, платье открытое, галстухъ узенькій какъ ошейникъ, прическу — *голубиныя крылья*, съ косою на воротникѣ; помада и пудра летали около его головы при каждомъ движеніи. Черты лица его были чисты, крѣпки, тонки, глаза большіе и черные, носъ какъ будто высѣченный изъ мрамора, губы тонкія, почти всегда сведенныя вмѣстѣ, вслѣдствіе сосредоточенности его мыслей, цвѣтъ лица блѣдный, прозрачный, руки нѣжныя, съ жилками какъ въ портретахъ Вандика, на которые онъ очень походилъ. Портретъ его врѣзался въ моей памяти, потому что дядя мой былъ изъ числа людей, которыхъ я имѣлъ много времени наблюдать въ продолженіи моей жизни, и потому еще, что въ моей юности онъ причинялъ мнѣ много огорченій и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалъ много добра: онъ былъ для меня воплощенною суровостію и противорѣчіемъ, хотя всегда хотѣлъ быть моимъ вторымъ отцомъ.

18.

Онъ представлялъ собой совершенную противоположность моего отца, природу, совершенно отличную отъ моей.

Хотя онъ былъ воспитанъ для войны, въ Военной Школѣ, и прослужилъ нѣсколько лѣтъ, какъ все провинціальное дворянство его времени, въ легкой кавалеріи гвардіи Людовика XV, однакожъ расположеніе его къ сидячимъ, ученымъ занятіямъ, титулъ старшаго въ родѣ, которому назначено было рано жениться и владѣть одному всѣми наслѣдственными помѣстьями,— все это рано заставило его возвратиться къ отцу. Дядя, болѣе расчетливый, положительный и трудолюбивый, нежели дѣдушка (человѣкъ безподобный, но расточительный, великолѣпный и запутавшійся въ дѣлахъ, несмотря на большое свое состояніе), скоро взялъ надъ нимъ огромную власть, сдѣлался сыномъ необходимымъ и любимымъ, совѣтникомъ, управителемъ многочисленныхъ помѣстій, отягощенныхъ и истощенныхъ процес-

Digitized by Google

сами. Весьма естественно, что онъ, по двойному праву — годовъ и услугъ, пріобрѣлъ власть и господство надъ всѣмъ семействомъ. Его достоинства не замедлили доставить ему репутацію прекраснаго человѣка въ провинціяхъ Франшъ-Конте и Маконнэ, гдѣ лежали самыя значительныя земли дѣдушки. Въ нѣсколько лѣтъ онъ привелъ въ порядокъ всѣ дѣла, ввелъ отличное управленіе въ имѣніяхъ, правильность въ приходахъ и расходахъ, уничтожилъ безполезную роскошь относительно прислуги и лошадей, примирился или выигралъ процессы, писалъ записки, поручалъ говорить или самъ говорилъ передъ парламентами Безансона и Дижона. Въ этихъ занятіяхъ онъ изучалъ законы, нашелъ удовольствіе въ дѣлахъ, пріобрѣлъ вѣрность и мѣткость взгляда, привычку писать, способность хорошо говорить.

При этихъ спеціяльныхъ трудахъ, предпринятыхъ имъ для благосостоянія и чести отца, онъ занимался еще трудами учеными и посѣщалъ Бюффона, писавшаго тогда въ Монбардѣ свою естественную исторію; тамъ дядя находился вмѣстѣ съ Добентономъ, сотрудникомъ великаго естествоиспытателя. Не пренебрегалъ онъ и литературою, которую Вольтеръ сдѣлалъ проводникомъ новой философіи. Наше сенъ-клодское помѣстье, близь Фернея, дало ему возможность войти въ нѣкоторыя сношенія съ современнымъ человѣкомъ. Онъ и не раздѣлялъ всѣхъ философскихъ его мнѣній.

19.

Съ первыми признаками, предвѣстниками бури, таланты дяди и его значеніе заставили обратить на него вниманіе, и онъ избранъ былъ отъ дворянства въ бургонскіе штаты; помышляли даже сдѣлать его членомъ Соединенныхъ-Штатовъ, но немощи, обрушившіяся на него съ раннихъ лѣтъ, заставили его отказаться отъ назначавшейся ему роли. Онъ, безъ сомнѣнія, сдѣлалъ бы себѣ имя въ конституціонномъ собраніи, если не какъ ораторъ, потому что у него недоставало голоса и энтузіазма, то какъ организаторъ, между *Туре* и *Шапелье*, людьми мыслящими и дѣятельными. Его умъ, который хотя и не горѣлъ яркимъ пламенемъ, свѣтилъ всегда очень высоко и очень далеко: въ собраніи дядя не могъ остаться незамѣтнымъ.

Digitized by Google

20.

Хотя дядя мой по природѣ былъ холоденъ и строгъ, однако же и онъ испыталъ въ сердцѣ своемъ привязанность долгую и постоянную. Воля дѣдушки и бабушки воспрепятствовала ему жениться на предметѣ его страсти. Отъ женитьбы на другой особѣ онъ отказался, и такимъ образомъ случилось, что онъ, богатый сынъ и любимецъ угасшей фамиліи, до сорока лѣтъ не женился. Въ сорокъ лѣтъ, уже слабый здоровьемъ, онъ посмотрѣлъ впередъ и назадъ и нашелъ, что путь слишкомъ малъ для того, чтобы пуститься въ него съ женою и потомствомъ, и потому рѣшился предоставить заботы по хозяйству двумъ своимъ сестрамъ, почти одинаковыхъ съ нимъ лѣтъ, и предаться въ мирѣ и спокойствіи своей склонности къ досугу и наукамъ.

Предметомъ его любви была одна наша родственница (я часто встрѣчалъ ее въ фамильной залѣ), сестра знаменитаго маркиза Сентюрюжа, человѣка въ высшей степени безпокойнаго: движеніе за движеніемъ, шумъ за шумомъ — вотъ его характеристика. Я видѣлъ, еще во время моего дѣтства, какъ онъ пріѣзжалъ верхомъ къ моимъ родителямъ, въ сопровожденіи поляка, искателя приключеній, въ странномъ костюмѣ, также верхомъ. Принимали его дурно, провожали сурово. Его осанка, крики, тѣлодвиженія, блуждающіе взоры врѣзались въ мою дѣтскую память. Черезъ нѣсколько времени онъ сошелъ, или по крайней мѣрѣ, говорили, будто онъ сошелъ съ ума. Бонапартъ заключилъ его въ Шарентонъ, гдѣ онъ и умеръ.

Его сестры, кроткія, благочестивыя дѣвушки, представляли самую трогательную противоположность мнѣній, нравовъ и буйности маркиза Сентюрюжа. Лишившись состоянія и убѣжища въ монастырѣ, всѣ онѣ три благочестиво жили въ маленькомъ домикѣ, имъ принадлежавшемъ, подлѣ дома дѣдушки. Младшую-то изъ этихъ сестеръ любилъ мой дядя. Въ ея лицѣ, кроткомъ, печальномъ, но все еще пріятномъ, отражалась любовь остывшая, но не потушенная годами.

Digitized by Google

21.

Вотъ каковъ былъ начальникъ, почти неограниченный, нашей фамиліи. Онъ господствовалъ надъ общественнымъ мнѣніемъ, по причинѣ высокаго и справедливаго почтенія, которымъ былъ окруженъ,—надъ своими двумя сестрами, которыя любили, уважали и повиновались ему,—надъ моимъ отцомъ, вслѣдствіе старшинства, состоянія и по старинному обычаю уступать и подчиняться старшимъ, которую младшіе получили, какъ заповѣдь отъ Бога, по преданію; господствовалъ надъ матушкой, потому что она заботилась о немъ и уважала, зная, что отъ него зависѣла будущность ея дѣтей; понятно, что онъ хотѣлъ имѣть власть и надо мной — единственнымъ сыномъ семейства, который могъ носить и передать потомству его имя.

22.

До сихъ поръ, когда я еще былъ ребенкомъ и юношей, мнѣ мало представлялось случаевъ чувствовать всю тяжесть его воли относительно моей. Пока я находился въ коллегіи, а потомъ путешествовалъ, все это доходило до меня издали, чрезъ уста матери, которая дѣлала все не такъ замѣтнымъ и чувствительнымъ. Но теперь мы должны были сойтись лицомъ къ лицу: онъ — съ своею привычкой властвовать, я — съ инстинктомъ молодости и независимости. Въ одномъ и томъ же семействѣ и въ отношеніяхъ столь близкихъ никогда не сталкивались два характера болѣе противоположные, нежели дяди и племянника.

Онъ былъ человѣкъ размышляющій, а я — дитя энтузіазма; онъ былъ человѣкъ спекулятивный, а я—дитя перваго сердечнаго порыва и дѣятельности; онъ былъ холоденъ, я — огонь; онъ былъ ученый, а я — человѣкъ вдохновенный; онъ былъ расчетливъ, я—расточителенъ; онъ ограничился горизонтомъ тѣснымъ, ограничился благоустройствомъ, провинціей, маленькимъ городкомъ, семействомъ, тогда какъ мое воображеніе распускало крылья широкія; ему хотѣлось, чтобы я походилъ на него, а

Digitized by Google

природа создала меня по образу матери, въ другой формѣ; онъ уважалъ только знанія, а я постигалъ только чувство. Чтобы выразить все однимъ словомъ, я скажу: онъ былъ математикъ, а я былъ или могъ быть поэтомъ. Какъ же сочетать цыпрусъ съ пламенемъ?

Зато они отдалялись постоянно, несмотря на его и мое собственное желаніе сблизить ихъ. Одинъ изъ насъ оставался точнымъ, ледянымъ, неподвижнымъ; другой испарялся и гонялся за вѣтромъ. Мы не могли понимать одинъ другого, хотя и любили другъ друга. Но онъ былъ мой учитель, и если онъ часто выходилъ изъ терпѣнія, видя во мнѣ натуру, которая, несмотря даже на мое желаніе, не могла подчиниться складу его ума, зато и мнѣ, ученику, подчиненному противъ воли, оставалось только молчать и внутренно жаловаться на неблагопріятный случай, вслѣдствіе котораго двѣ разумныя натуры должны были находиться всю жизнь въ соприкосновеніи, хотя ихъ все рѣшительно раздѣляло: онъ обдавалъ меня холодомъ, а я распалялъ его; мы оба страдали и заставляли страдать одинъ другого не вслѣдствіе нашихъ недостатковъ, а вслѣдствіе различныхъ качествъ и наклонностей.

23.

Изъ этого часто выходили неудовольствія, которыя дѣлали для него день скучнымъ, а мнѣ жизнь становилась въ тягость. Матушка бросалась отъ него ко мнѣ, отъ меня къ нему, чтобы все исправить. Батюшка отдалялся отъ всего и держался въ сторонѣ, потому что боялся своей собственной горячности, которая могла раздражить или обидѣть его брата. Батюшка, по своему характеру—воинскому, откровенному и живому, походилъ болѣе на меня и чаще былъ бы на моей сторонѣ; но и онъ, для моей же пользы, долженъ былъ уважать авторитетъ главы семейства. Онъ уходилъ на охоту, предоставляя матушкѣ исправить дѣло; она достигала цѣли, но это ей стоило много слезъ.

Дядюшка хотѣлъ держать меня въ Маконѣ какъ молодую дѣвушку въ провинціяльномъ гинекеѣ (*), заставить меня изучать, подъ своимъ надзоромъ, холодныя науки, которыхъ я не

(*) Женскій теремъ у грековъ.

810653
Digitized by Google

любилъ: физику, естественную исторію, химію, математику, механику; онъ хотѣлъ, такъ сказать, сдѣлать изъ меня продолженіе самого себя; потомъ онъ хотѣлъ, чтобы я занялся въ одномъ изъ его помѣстій земледѣліемъ и хозяйствомъ, пока не пройдетъ дурь, какъ тогда говорили, — наконецъ женить и сдѣлать изъ меня родоначальника провинціяльнаго семейства. Я ничего не могу сказать противъ этой участи: она самая естественная и счастливая. Хорошо, если бы я былъ къ ней предназначенъ; но у каждаго родящагося своя особенная доля; а эта не моя была; дядюшка не угадалъ этого. Вотъ и все.

Digitized by Google

БУРЯ.

Не любилъ я ни грому, ни бури,
И боялся, когда по лазури,
Разрушенье и гибель тая,
Пробѣжитъ золотая змѣя.
Да вчера молодая сосѣдка
Мнѣ сказала: «въ саду есть бесѣдка —
«Какъ стемнѣетъ, туда приходи!»
Расходилося сердце въ груди!
Я не зналъ, какъ я ночи дождуся,
Вдругъ гляжу и повѣрить боюся:
Обложилося небо кругомъ,
Блещетъ молнія — буря и громъ!
Проклиная докучную бурю
Пуще прежняго, брови я хмурю,
И въ бесѣдку тоскуя иду,
Что сосѣдки я тамъ не найду:
«Вѣдь она и робка и лѣнива —
«Въ бурю вытти ей изъ дому въ-диво, —
«И не вѣритъ, что счастье мое
«Цѣлый міръ исходить для нее!
«Ахъ! люби она столько же страстно,
«Не казалась бы буря опасна,
«Не казалась бы ночь ей темна,
«Да на столько ли любитъ она?...»

Digitized by Google

Безъ надежды вхожу я въ бесѣдку,
Озираюсь — и вижу сосѣдку!

— «Я боялась, что ты не придешь!...»

Не хочу, да и словъ не найдешь
Передать эти жаркія рѣчи,
Эту радость условленной встрѣчи....

«Оба, другъ мой, боялися мы,
«Но не грому, не бури и тьмы:
«Пусть тамъ буря реветъ нестерпимо,
«Наша туча промчалася мимо,
«Наша счастіе тихо цвѣтетъ,
«Наше сердце любовью живетъ....»

Я сушилъ ее мокрыя ножки,
И чѣмъ ярче блистали окошки,
Озаряясь мгновеннымъ лучомъ,
И чѣмъ больше пугалъ ее громъ,
Тѣмъ любви ея вѣря сильнѣе,
Наслаждался и жилъ я полнѣе,
И блаженной такой тишиной
Вѣялъ бури пронзительный вой
Въ эту черную ночь надо мной....

Не боюсь теперь грому и бури,
И когда по туманной лазури
Пробѣжитъ золотая змѣя,
Не робѣю, а радуюсь я....

Н. НЕКРАСОВЪ.

Digitized by Google

СЧАСТЬЕ.

(Льву Сергѣевичу Пушкину).

Благодарю судьбу за бури и борьбы,
За счастья миг, за долгое страданье,
И лишь могу просить я у судьбы
Единаго безбрежнаго познанья.
Я убѣжденъ, есть счастіе одно,
Высокое, далекое, прямое:
Вмѣстить въ себѣ той истины зерно,
Что облеклось въ созданье міровое....
Какъ человѣкъ могу его искать,
Какъ онъ я не могу имъ насладиться;
Но сладко жить, отрадно мнѣ страдать
Лишь для того, чтобы къ нему стремиться.

Н. ЩЕРБИНА.

Digitized by Google

Ты всегда хороша несравненно;
Но когда я унылъ и угрюмъ,
Оживляется такъ вдохновенно
Твой веселый, насмѣшливый умъ,

Ты болтаешь такъ бойко и мило,
Такъ враговъ моихъ глупыхъ бранишь,
То, понуривъ головку уныло,
Такъ лукаво меня ты смѣшишь.

Такъ добра ты — скупая на ласки, —
Поцалуй твой такъ полонъ огня,
И твои ненагладные глазки
Такъ голубятъ и гладятъ меня, —

Что съ тобой настоящее горе
Я разумно и кротко сношу
И впередъ — въ это темное море —
Безъ обычнаго страха гляжу.

Н. НЕКРАСОВЪ.

Digitized by Google

II.

ВОЛШЕБСТВО И НАТУРАЛЬНАЯ МАГІЯ.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.

«Ученье свѣтъ, а не ученье тьма.»

Русская пословица.

Профанъ. Да помилуй, братецъ, какже ты мнѣ не вѣришь? Вѣдь я говорю тебѣ, что видѣлъ собственными глазами; а я лгать не стану.

Ученый. Не вѣрь глазамъ твоимъ. Глазъ есть самое обманчивое орудіе чувствъ.

Обыкновенный разговоръ.

Въ концѣ второй статьи нашей (*), мы разсказали блестящіе и едва вѣроятные подвиги гренобльскаго крестьянина Жана Эймара на поприщѣ отъискиванья преступниковъ помощію волшебнаго жезла. Но прежде чѣмъ мы примемся за развязку этого таинственнаго полуромана, надо упомянуть еще о нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ нашего колдуна, прославившихъ его, на короткое время, въ цѣлой Франціи (**).

(*) См. «Современникъ» 1850 г. № IV, отд. II.

(**) Lettres sur la Magie et les maléfices, écrites par le docteur de Saint-André, № 7.

Digitized by Google

Вскорѣ послѣ казни преступника, пойманнаго въ Бонерѣ, и исторія котораго уже разсказана нами, совершено близь Гренобля новое уголовное преступленіе: мужъ срѣзалъ женѣ своей голову одною изъ косъ, которыми косилъ сѣно въ окрестностяхъ города. Убійство было открыто чрезъ нѣсколько часовъ, и виновный признался въ своемъ преступленіи, указавъ даже то мѣсто, куда спряталъ орудіе, которымъ убійство было совершено. Коса лежала вмѣстѣ съ тремя другими, принадлежавшими также убійцѣ, и отличалась отъ нихъ едва замѣтными слѣдами засохшей крови. Слѣдственный судья вздумалъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ для испытанія Эймара. Онъ потребовалъ его къ себѣ и, завязавъ ему глаза, далъ въ руки волшебный прутикъ; немедленно за тѣмъ онъ положилъ найденныя у преступника четыре косы въ сосѣднюю комнату, такъ что каждая изъ нихъ лежала въ отдѣльномъ углу, и, введя Жана Эймара, приказалъ ему отыскать прутикомъ ту, которая служила для совершенія преступленія. И на этотъ разъ жезлъ не измѣнилъ колдуну: онъ повернулся надъ окровавленною косою, оставшись безъ движенія надъ тремя остальными.

Ученый врачъ Сентъ-Андре былъ свидѣтелемъ этого подвига и написалъ по этому поводу нѣсколько весьма любопытныхъ писемъ, надѣлавшихъ въ свое время очень много шуму. Въ этихъ письмахъ доказывалось, между прочимъ, что искусство открывать преступниковъ помощію орѣховаго прутика было извѣстно гораздо ранѣе Эймара, но что преимущественно орѣховый жезлъ употреблялся прежде для отысканія скрытыхъ подъ землею родниковъ и кладовъ. По увѣренію того же автора, въ средніе вѣка, въ Англіи были особые искусники дрессированія собакъ для преслѣдованія воровъ и убійцъ. Какъ скоро совершалась гдѣ либо кража или уголовное преступленіе, виновники которыхъ скрылись отъ руки правосудія, то дрессированныя *ad hoc* собаки приводились на мѣсто преступленія, гдѣ хозяинъ хлесталъ ихъ орѣховыми прутьями и потомъ пускалъ бѣжать по волѣ. Ученое животное немедленно пускалось по слѣдамъ виновнаго, руководствуясь не столько чутьемъ, даннымъ ему въ удѣлъ природою, сколько необыкновеннымъ инстинктомъ, сообщеннымъ ему орѣховыми розгами; и преслѣдованье продолжалось до тѣхъ поръ, пока виновные не были настигнуты и преданы въ руки правосудія.

По видимому, ничего не можетъ быть лучше и полезнѣе подобнаго рода открытій, помощію которыхъ такъ удобно отыскивать бездѣльниковъ, преграждая имъ путь къ нанесенію обществу дальнѣйшаго вреда. Стоитъ только гулять по свѣту съ орѣховымъ прутикомъ въ рукахъ или, еще лучше, въ сопровожденіи стада собакъ,

Digitized by Google

высѣченныхъ орѣховыми розгами, и забирать безъ всякихъ справокъ всѣхъ, надъ кѣмъ повернется прутикъ или кому вцѣпятся собаки въ икры.

Такъ какъ ничего не можетъ быть проще и удобнѣе подобнаго рода слѣдствій и преслѣдованій преступниковъ, то они и были приняты съ полною довѣренностію многими судилищами западной Европы. Въ Англіи, Франціи и Германіи находились судьи, которые забирали подъ стражу, какъ воровъ и убійцъ, всѣхъ тѣхъ, которые обличались поворотомъ орѣховаго жезла или нападеніемъ высѣченныхъ собакъ. Мало того: мода на подобныя таинственныя средства дошла до крайности. Молодые люди ходили по городу и гульбищамъ съ орѣховыми прутьями для испытанія вѣрности и цѣломудрія особъ женскаго пола, близкихъ ихъ сердцу. Это не сказка, и истина такихъ сумасбродствъ подтверждается подлинными актами судебныхъ процессовъ. Прекрасный полъ пришелъ въ неописанный ужасъ и волненіе, — слава колдуновъ росла все выше и выше.

Такъ росла извѣстность и нашего гренобльца, заинтересовавшаго собой даже записныхъ ученыхъ. Академіи и ученыя общества пустились толковать о причинахъ, производившихъ такіе таинственные и невѣроятные результаты. Мы уже упомянули (во второй нашей статьѣ), что вмѣшательство ученыхъ не пояснило, а еще болѣе запутало дѣло, породивъ цѣлые томы страшной галиматьи, достойной постоянныхъ нахлѣбниковъ дома умалишенныхъ. И дѣйствительно, многіе ученые того времени полагали, что таинственныя дѣйствія Жана Эймара суть необходимыя слѣдствія законовъ движенія, теоріи кружащихся вихремъ атомовъ и животной эманаціи. Декартова теорія вихрей и атомовъ существовала тогда въ полномъ своемъ блескѣ. Подвиги гренобльскаго колдуна объяснялись мнимо-натуральнымъ образомъ, магнитными изліяніями атомовъ, порождающихъ извѣстное сродство между орѣховымъ прутомъ, окровавленнымъ металломъ и тѣломъ какого либо мошенника. Конечно, это было совершенно непонятно, зато было чрезвычайно запутанно и совершенно соотвѣтственно тогдашнимъ понятіямъ о силахъ природы.

Правда, что и тогда находились благоразумные философы и натуралисты, которые не довольствовались хитросплетенными бреднями. Они весьма основательно возражали, что вода, находящаяся на нѣсколько саженъ подъ землею, окровавленный кусокъ металла или испаренія тѣла убійцы, находящагося на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ верстъ, отнюдь не могутъ насильственно повертывать прутъ въ рукахъ сильнаго крестьянина. Кража, убійство и тому подобныя преступленія суть дѣйствія, относящіяся единственно къ

Digitized by Google

нравственному состоянію человѣка, и нисколько не измѣняютъ физическаго сложенія тѣла виновнаго. Убійца и воръ отдѣляютъ совершенно одинаковыя эманаціи, какъ прежде, такъ и послѣ совершенія преступнаго дѣйствія. Противъ такихъ истинъ мудрено было спорить, не вдаваясь въ явныя нелѣпости.

Испуганные такими затрудненіями и не находя физическихъ объясненій таинственнаго могущества орѣховаго прута, ученые Лебрёнъ и Мальбраншъ бросились въ другую, не менѣе чудовищную крайность: они вздумали приписывать способность Жана Эймара скрытому содѣйствію нечистой силы! Слѣдствіемъ такого страннаго объясненія было новое преніе, измѣнившее физическій характеръ прежняго въ демонологическій, но нисколько не разрѣшившее прежнихъ затрудненій. Противники упомянутыхъ нами двухъ ученыхъ утверждали, что невозможно предположить, чтобы духъ зла, радующійся каждому преступленію человѣка, сталъ помогать преслѣдователямъ преступниковъ и гоняться по сушѣ и морямъ за людьми, ему приверженными, съ цѣлію предать ихъ заслуженному наказанію. Гораздо основательнѣе думать, что темныя силы покровительствуютъ злодѣямъ, а не противоборствуютъ имъ. Но Лебрёнъ и Мальбраншъ не удовлетворялись подобными возраженіями и продолжали нести страшную дичь, подкрѣпляя ее множествомъ ученѣйшихъ цитатъ и указаніями *на собственные опыты*.

Наконецъ шумъ ученыхъ споровъ и повсемѣстные разсказы о необыкновенной способности Жана Эймара достигли до первѣйшихъ особъ двора Людовика XIV. Принцъ Конде, удивленный странными похожденіями гренобльскаго крестьянина, пожелалъ лично увидѣться съ нимъ и испытать его искусство. Вслѣдствіе этого, Эймаръ былъ привезенъ въ Парижъ на иждивеніи принца и помѣщенъ для жительства въ собственномъ его дворцѣ, гдѣ его окружили невиданною имъ до того времени роскошью.

Давши колдуну отдохнуть въ теченіи нѣсколькихъ дней, его представили принцу. Эймаръ нѣсколько смутился; но принцъ спѣшилъ ободрить его ласковымъ привѣтомъ.

— Правда ли то, что̀ про тебя разсказываютъ? спросилъ Конде у крестьянина.

— Мало ли что̀ болтаютъ про людей! робко отвѣчалъ Эймаръ. — Не всякому слуху вѣрь.

Принцъ улыбнулся.

— Можешь ли ты отъискать вора и похищенную имъ вещь?

— Могу; но для этого нужно нѣсколько условій.

— Какія именно?

Digitized by Google

— Мнѣ нужно находиться на самомъ мѣстѣ, гдѣ случилось похищеніе, и, притомъ, именно въ то время, когда первые лучи солнца покажутся на востокѣ. Въ добавокъ, мнѣ необходимъ мой орѣховый прутъ.

— Какимъ образомъ можешь ты напасть на слѣды вора?

— Движеніе прута руководитъ меня.

— Поэтому ты дѣйствуешь совершенно безсознательно и повинуешься движенію прута?

— Да.

— Воля твоя нисколько не участвуетъ въ движеніи прута?

— Нисколько.

— Но если прутъ будетъ оставаться неподвижнымъ?

— Тогда я продолжаю свои поиски.

— А если и въ продолженіи этихъ дальнѣйшихъ поисковъ прутъ не будетъ вертѣться?

— Въ такомъ случаѣ я объявляю, что на указанномъ мнѣ мѣстѣ не совершилось преступленія.

— Какимъ случаемъ открылъ ты въ себѣ способность къ такому таинственному дѣйствію?

— Этого я и самъ не знаю.

— Думаешь ли ты, что всякій другой можетъ сдѣлать помощію прута то, что́ ты дѣлаешь?

— И это мнѣ неизвѣстно.

— Не чувствуешь ли ты въ себѣ чего либо необыкновеннаго, отличающаго тебя отъ прочихъ людей?

— Ничего.

— Старался ли ты когда нибудь дать самому себѣ объясненіе таинственныхъ и необыкновенныхъ дѣйствій, производимыхъ орѣховымъ прутомъ въ твоихъ рукахъ?

— Я неоднократно пытался размышлять объ этомъ; но мысли мои, при такихъ попыткахъ, такъ перепутывались, что я невольно долженъ былъ прекращать подобнаго рода размышленія.

— Увѣренъ ли ты, что способность твоя есть врожденная?

— Я думаю такъ по крайней мѣрѣ.

— Не старался ли ты усовершенствовать какими либо средствами эту способность?

— Никогда.

— Не обманывало ли тебя при какомъ нибудь случаѣ указаніе орѣховаго прутика?

— До сихъ поръ ни разу.

Digitized by Google

— И ты увѣренъ, что никогда не обманетъ?

— Не знаю, но надѣюсь, что движеніе прута въ моихъ рукахъ всегда укажетъ мнѣ истину.

— Готовъ ли ты показать мнѣ опытъ своего искусства?

— Извольте приказать, ваше высочество.

— Если ты дѣйствительно оправдаешь слышанные мною о тебѣ разсказы, то я щедро награжу тебя и постараюсь, чтобы способность твоя принесла и тебѣ и другимъ выгоды. Но если ты просто обманщикъ, то берегись: я раздѣлаюсь съ тобой за плутовство. Готовъ ли ты и послѣ этого принять испытаніе?

— Я откровенно высказалъ вашему высочеству все, что́ самъ знаю, и тысячи свидѣтелей могутъ подтвердить истину опытовъ, которые я дѣлалъ моимъ прутикомъ. Я готовъ и теперь и всегда повиноваться вашей волѣ; но послѣдствія зависятъ не отъ меня, потому что я, какъ уже докладывалъ вамъ, дѣйствую безотчетно и повинуюсь независящему отъ меня влеченію. Поэтому я не заслуживаю ни награды въ случаѣ удачи, ни наказанія въ случаѣ неуспѣха. Впрочемъ, я вполнѣ полагаюсь на правосудіе вашего высочества.

Какъ послѣ такого откровеннаго и чистосердечнаго признанія можно было сомнѣваться въ искренности Жана Эймара?

Принцъ отпустилъ его очень милостиво, объявивъ, что на дняхъ будетъ сдѣлано испытаніе необыкновенной его способности.

Въ самомъ дѣлѣ, дня чрезъ четыре Эймара разбудили до разсвѣта и повели въ кабинетъ принца, сказавъ ему, что его высочество желаетъ подвергнуть испытанію силу орѣховаго жезла, по случаю пропажи, случившейся прошлымъ вечеромъ въ его кабинетѣ. Жана ввели въ раззолоченную комнату, въ которой находился Конде со многими изъ придворныхъ и небольшою свитою избранныхъ собесѣдниковъ, проведшихъ съ нимъ ночь за ужиномъ. Какъ только ввели Эймара, общее вниманіе устремилось на колдуна, и принцъ обратился къ нему съ слѣдующими словами:

— Ты мнѣ очень понравился, Эймаръ, твоею искренностію въ разговорѣ, который былъ у насъ четвертаго дня. Я такъ убѣжденъ въ истинѣ той способности, которою ты обладаешь, что хотѣлъ отпустить тебя безъ всякаго испытанія; но вдругъ представился неожиданный случай, заставившій меня прибѣгнуть къ твоему искусству.

Принцъ остановился на нѣсколько секундъ. Жанъ Эймаръ низко поклонился ему въ это время.

— Слушай, продолжалъ принцъ: — вчера вечеромъ случилась въ моемъ кабинетѣ пропажа, и это обстоятельство тѣмъ страннѣе, что

Digitized by Google

никто не входилъ въ это время въ мой кабинетъ, кромѣ меня самого, моего перваго камердинера и четырехъ дворянъ, которыхъ ты видишь по правую сторону отъ моего кресла.

Эймаръ взглянулъ на собесѣдниковъ, на которыхъ указывалъ ему принцъ. Онъ не зналъ ихъ въ лицо, но замѣтилъ по одеждѣ и другимъ признакамъ, что они должны принадлежать къ числу знатныхъ придворныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ эти господа принадлежали къ лучшему французскому дворянству.

Принцъ далъ Эймару время оглядѣться и потомъ вновь обратился къ нему съ вопросомъ:

— Можешь ли ты отъискать мнѣ вора и украденную вещь? Сейчасъ взойдетъ солнце, а за орѣховымъ прутомъ посылать недалеко, если только ты не взялъ его съ собой.

Жанъ Эймаръ вынулъ орѣховый прутикъ изъ кармана и съ низкимъ поклономъ объявилъ принцу, что онъ готовъ повиноваться и показать ему опытъ своего искусства.

Нашего чародѣя повели въ кабинетъ принца. Его высочество пошелъ туда же со всею своею свитою.

Эймаръ, взявъ въ руку орѣховый прутъ, нѣсколько разъ прошелся по кабинету, но прутъ остался неподвижнымъ въ его рукѣ. Жанъ, по видимому, смутился, а тѣ изъ придворныхъ, которые и прежде спорили противъ дѣйствительности таинственныхъ знаній Эймара, съ улыбкою ожидали торжественнаго оправданія ихъ подозрѣній. Наконецъ колдунъ остановился предъ самимъ принцемъ.

— Ну, что́ же, успѣлъ ли ты открыть слѣды вора? спросилъ у него Конде ласковымъ голосомъ.

— Ваше высочество, въ этой комнатѣ не случилось вчера никакой покражи, или что нибудь унесено изъ нея въ шутку и потому вовсе не украдено, отвѣчалъ гренобльскій колдунъ.

Принцъ обернулся къ свитѣ, съ нетерпѣніемъ ожидавшей развязки, и сказалъ:

— Господа, нашъ чародѣй совершенно правъ: у меня отсюда ничего не пропало и я только хотѣлъ сдѣлать испытаніе.

Придворные изумились. Одни изъ нихъ молчали, другіе разсыпались въ похвалахъ таинственной способности Эймара.

Послѣ такого испытанія должны были, по видимому, исчезнуть всѣ сомнѣнія въ дѣйствительности силы орѣховаго прутика. Все говорило въ пользу Эймара: а онъ все-таки былъ нечто иное, какъ обманщикъ, хитро умѣвшій пользоваться стеченіемъ обстоятельствъ. Дальнѣйшія испытанія вполнѣ доказали это.

Digitized by Google

Чтобы вполнѣ убѣдить скептиковъ, принцъ рѣшился приступить къ новымъ испытаніямъ.

Онъ приказалъ вырыть въ саду пять ямъ и потомъ, приказавъ рабочимъ отойти въ сторону, положилъ въ одну яму нѣсколько золотыхъ, а во вторую серебряныхъ монетъ, закидавъ ихъ собственноручно землею. Вслѣдъ за тѣмъ какъ эти, такъ и пустыя ямы были зарыты, и принцъ предложилъ Эймару указать, въ которой ямѣ находились благородные металлы. Тутъ нашъ колдунъ смутился, и орѣховой его прутикъ указывалъ золото тамъ, гдѣ было серебро, и серебро тамъ, гдѣ ничего не было, кромѣ песку и камней. Вслѣдствіе этого волшебный жезлъ и его владѣтель сдѣлались очень подозрительными.

На другой день случилось вотъ какое происшествіе:

У сестры принца Конде украденъ былъ серебряный подсвѣчникъ. Эймаръ былъ призванъ для отысканія покражи. Онъ явился съ своимъ прутикомъ, обошелъ нѣсколько улицъ и наконецъ остановился предъ дверью одного извѣстнаго серебренника, утверждая, что украденная вещь находится у него въ мастерской. Полиція сдѣлала тотчасъ строжайшій обыскъ, но не нашла ничего могущаго подтвердить такое обвиненіе. Въ добавокъ, мастеръ, оскорбленный несправедливымъ навѣтомъ, сталъ укорять Эймара въ клеветѣ, сплетенной для оправданія собственнаго шарлатанства и плутовства. Полиція и зрители, заинтересованные этимъ дѣломъ, приняли разныя стороны, и дѣло дошло до драки, такъ что принуждены были привести изъ ближайшей караульни взводъ солдатъ и разогнать освирѣпѣвшихъ спорщиковъ.

Чтобы выпутаться изъ бѣды, Жанъ Эймаръ увѣрялъ, что серебренникъ успѣлъ расплавить украденный подсвѣчникъ.

На другой день, рано утромъ, мажордомъ принцессы получилъ чрезъ коммиссіонера деньги, съ безъименною запискою, въ которой объяснялось, что воръ раскаявается въ своемъ поступкѣ, но, будучи въ физической невозможности возвратить подсвѣчникъ въ натурѣ, препровождаетъ сумму, равняющуюся его цѣнности. Къ запискѣ, въ самомъ дѣлѣ, было приложено 36 ливровъ; подсвѣчникъ же стоилъ дѣйствительно только 32 ливра.

Конде призвалъ къ себѣ начальника парижской полиціи и приказалъ ему непремѣнно розыскать это дѣло. Но какъ ни билась полиція, она не могла добраться до истины; только многія обстоятельства указывали, будто бы самъ Эймаръ прислалъ деньги и записку, въ оправданіе клеветы, взведенной имъ на серебренника.

Digitized by Google

Пока розыскивалось это дѣло, изъ бассейна въ Шантильи были покрадены ночью форели. Конде приказалъ Эймару отыскать похитителя. Эймаръ прибѣгнулъ къ помощи своего жезла и указалъ на одного мальчика, находившагося въ числѣ садовыхъ работниковъ. Строгій розыскъ показалъ, однакожь, что этотъ мальчикъ нисколько не былъ виновенъ въ кражѣ форелей, а что истинный похититель былъ младшій сынъ садовника.

Одинъ изъ придворныхъ принца распустилъ слухъ, что его обокрали, и нарочно выбилъ въ своемъ кабинетѣ раму. Эймаръ явился съ своимъ орѣховымъ прутомъ и, послѣ извѣстныхъ манипуляцій, объявилъ, что воръ вошелъ и скрылся чрезъ выбитое окно. За тѣмъ онъ отправился отыскивать его на улицѣ и, вѣрно, обвинилъ бы кого нибудь въ кражѣ, если бы расхохотавшійся придворный не признался въ своей шуткѣ.

Два дня спустя у квартирмейстера полка, содержавшаго караулы въ Шантильи, дѣйствительно украли изъ комода 800 ливровъ. Привели Эймара, и такъ какъ орѣховый прутъ оставался неподвижнымъ, то гренобльскій колдунъ объявилъ, что покражи вовсе не было. Несчастный шарлатанъ воображалъ, что его снова мистифируютъ, и опять попался въ просакъ.

Такъ какъ за Эймаромъ слѣдили сотни глазъ и полиція тайно за нимъ присматривала, то вскорѣ открылись за нашимъ колдуномъ самыя неблаговидныя продѣлки.

Одинъ молодой человѣкъ, обрученный съ дочерью богатаго купца, получилъ однажды безъименное письмо, въ которомъ ему совѣтовали прибѣгнуть къ искусству Эймара для узнанія нѣкоторыхъ тайныхъ подробностей о невѣстѣ. Женихъ этотъ, будучи весьма ревнивъ, не замедлилъ явиться къ Эймару, который, получивъ въ задатокъ 50 луидоровъ, обѣщалъ открыть истину, съ условіемъ, что женихъ собственноручно напишетъ вопросы, на которые онъ желаетъ имѣть отвѣты. Женихъ охотно согласился на это и тотчасъ же написалъ съ полъ-дюжины вопросовъ, прямо касавшихся поведенія и нрава его невѣсты.

Эймаръ обѣщалъ принести отвѣтъ чрезъ трое сутокъ. Но едва только молодой человѣкъ удалился, какъ нашъ колдунъ отправился къ невѣстѣ и, выхлопотавъ тайное свиданіе, объявилъ ей, что если она не дастъ ему 5,000 ливровъ, то онъ погубитъ ее во мнѣніи страстно любимаго ею жениха и разстроитъ свадьбу невозвратнымъ образомъ. Въ удостовѣреніе же о дѣйствительности сомнѣній жениха, Эймаръ показалъ собственноручно написанные имъ вопросы.

Digitized by Google

Невѣста знала мнительность и ревнивый нравъ своего суженаго и притомъ будучи весьма богатою, рѣшилась пожертвовать просимою у ней суммою, для избѣжанія козней мошенника; но, не имѣя наличныхъ денегъ, она отдала Эймару брильянтовыя серьги, стоившія 8,000 ливровъ. Вслѣдствіе такого богатаго подарка, молодой человѣкъ получилъ о своей невѣстѣ самыя успокоительныя свѣдѣнія и съ радости подарилъ Эймару еще тысячу ливровъ.

Казалось, нашъ колдунъ обдѣлалъ это дѣло какъ нельзя лучше. Недѣли чрезъ двѣ обманутая имъ пара соединилась законнымъ бракомъ, и Эймаръ думалъ, что теперь и не будетъ болѣе помину о его чародѣйныхъ изысканіяхъ касательно поведенія и моральныхъ качествъ невѣсты. Случилось, однакожь, совершенно противное тому, что онъ ожидалъ. На другой день послѣ брака, женихъ, вполнѣ удостовѣрившись въ несправедливости прежнихъ своихъ подозрѣній, съ раскаяніемъ объявилъ молодой своей женѣ о томъ, какъ онъ прибѣгалъ къ посредничеству Эймара. Разстроганная молодая супруга также не утерпѣла при этомъ случаѣ и разсказала, какимъ образомъ онана казала неумѣстную недовѣрчивость, поставивъ ревнивца въ дураки. Новобрачные, вдоволь насмѣявшись надъ этимъ происшествіемъ, разсказали о немъ въ тотъ же день королевскому прокурору, приходившемуся имъ близкимъ родственникомъ. Этотъ чиновникъ принялъ, однакожь, это дѣло не въ шутку, а счелъ долгомъ наказать виновнаго и возвратить дорогія серьги ихъ законной владѣлицѣ.

Наканунѣ ночью былъ зарѣзанъ часовой. Убійцы были, случайнымъ образомъ, немедленно открыты и на тайномъ допросѣ чистосердечно повинились во всемъ, въ подробности указавъ улицы, по которымъ они проходили по совершеніи убійства, и мѣсто, гдѣ хотѣли скрыться. Корольевскій прокуроръ тотчасъ же потребовалъ Эймара и предложилъ ему показать чудесныя свойства его жезла. Жанъ повиновался; но жезлъ его вралъ страшную чепуху и повелъ его вовсе не въ ту сторону, гдѣ скрывались убійцы. Когда объявили колдуну объ его ошибкѣ и заставили виновныхъ повторить показанія въ его присутствіи, то преноблецъ отзывался тѣмъ, что жезлъ его можетъ отыскивать преступниковъ только до тѣхъ поръ, пока они еще не пойманы или, по крайней мѣрѣ, пока нѣтъ еще сознанія виновныхъ.

Но такія отговорки не пособили шарлатану. Къ тому же прокуроръ успѣлъ въ тотъ же день отыскать ювелира, которому Эймаръ продалъ серьги, выманенныя имъ у молодой дѣвушки. Пошли дальнѣйшіе розыски, и открылось, что Эймаръ имѣлъ множество соучастниковъ, пособлявшихъ ему обманывать легковѣрныхъ и моро-

Digitized by Google

чить даже судебныя мѣста. Открылись многія мошенничества, произведенныя этою шайкою, главою которой былъ мнимый обладатель волшебнаго жезла.

Эймара судили и вмѣстѣ съ двадцатью-семью сообщниками высѣкли публично плетью, послѣ чего отослали на мѣсто жительства. Остальные его сообщники отдѣлались позорнымъ столбомъ или другими легчайшими наказаніями.

Знаменитый волшебникъ вскорѣ былъ забытъ, и никто болѣе не старался объяснять его продѣлокъ.

Какже теперь объяснить, что понынѣ есть еще довольно образованные люди, которые вѣрятъ въ таинственную силу орѣховаго прутика. Года два тому назадъ, въ южной Франціи жилъ одинъ школьный учитель (который, вѣроятно, и понынѣ здравствуетъ): онъ славился искусствомъ открывать родники помощію орѣховаго прутика. Но, не удовлетворившись этою спеціяльностью, онъ вздумалъ также открывать клады. По этому поводу возникъ судебный процессъ, во время котораго меръ общины, сборщики податей и нѣсколько образованныхъ чиновниковъ и обывателей положительно объявили, что они были очевидцами чудесныхъ открытій, совершаемыхъ помощію орѣховаго жезла.

Тутъ не помогли ни объясненія науки, ни розыски слѣдователей, ни приговоръ суда. Суевѣры остались при своемъ мнѣніи, кажется, еще сильнѣе убѣдились въ его истинѣ.

Но, кажется, уже довольно потолковали мы о преслѣдованіяхъ, которымъ подвергались колдуны, также о различныхъ суевѣріяхъ и предразсудкахъ. Пора намъ обратиться къ тому, что собственно называется *натуральною магіею*.

Предметъ натуральной магіи чрезвычайно обширенъ, потому что жизнь древнихъ и средневѣковыхъ обществъ была неразрывно связана съ таинственными дѣйствіями и вліяніями языческихъ жрецовъ или съ суевѣріями, поддерживаемыми невѣжествомъ и личными выгодами немногихъ людей, знавшихъ нѣкоторые физическіе законы, недоступные толпѣ. Всѣ тайны магіи заключались въ немногихъ химическихъ, физическихъ и физіологическихъ процессахъ. Такъ, напримѣръ, акустическіе и оптическіе опыты, хорошо извѣстные въ наше время, несгараемость человѣческаго тѣла, недавно объясненная опытами одного ученаго, и вліяніе нѣкоторыхъ наркотическихъ средствъ на животную экономію, составляли если не цѣлый арсеналъ волшебства, то по крайней мѣрѣ главную основу всѣхъ чародѣйствъ, изумлявшихъ и ужасавшихъ въ былое время.

Digitized by Google

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что разсказы, дошедшіе до насъ о подвигахъ древнихъ волшебниковъ, искажены и преувеличены; но тѣмъ не менѣе они дѣлали многое, что́ казалось непонятнымъ и чудеснымъ въ то время, когда физическія и естественныя науки составляли исключительное достояніе немногихъ лицъ, принадлежавшихъ къ одной привилегированной кастѣ. Къ тому же должно сказать, что мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о степени развитія тѣхъ наукъ въ древнее время, потому что ученыя открытія скрывались тогда отъ массы публики и передавались адептамъ или словесно отъ учителей, или въ сочиненіяхъ, имѣвшихъ такую таинственную форму, что безъ помощи опытнаго учителя нельзя было понять ни слова въ цѣлой книгѣ. Въ такомъ вкусѣ были написаны, между прочимъ, герметическія книги алхимиковъ.

Чтобы дать нашимъ читателямъ понятіе о томъ, какъ выражались эти господа, приведемъ, напримѣръ, одно мѣсто изъ сочиненія извѣстнаго алхимика Николая Фламеля.

Этотъ ученый, трудясь въ своей лабораторіи, сдѣлалъ неожиданное химическое открытіе, которое тотчасъ записалъ слѣдующими словами (1):

«Знайте всѣ путешествующіе на востокѣ, что если Марсъ, въ «блестящемъ своемъ вооруженіи, бросится въ объятія Венеры, рас«таявшей въ слезахъ, то онъ вскорѣ покраснѣетъ.»

Прочитавъ эти строчки, вы можете ломать надъ ними голову, сколько вамъ угодно. Если вы незнакомы съ языкомъ алхимиковъ, то никогда не добьетесь здѣсь толку. Но если вы изъ числа адептовъ, то мнимая галиматья вышеприведенныхъ строкъ укажетъ вамъ на одно изъ прекрасныхъ химическихъ открытій.

Угодно ли, мы объяснимъ вамъ таинственный смыслъ этихъ странныхъ строкъ?

Надо сперва сказать вамъ, что востокъ постоянно назывался страною солнца, ибо солнце восходитъ на востокѣ. Солнце обозначало металлъ золото, а потому *путешествующіе на востокъ* суть *искатели золота* (2).

Далѣе, на языкѣ алхимиковъ:

Марсъ означаетъ *желѣзо;*

Венера синонимъ *мѣди;*

Слезы выражаютъ растворъ *въ жидкости.*

---

(1) Мы представляемъ здѣсь весьма близкій переводъ съ подлинника, написаннаго варварскою латынью. Книга Фламеля напечатана въ Базелѣ въ 1593 году.

(2) Правильнѣе: *искатели искусства дѣлать золото*, или *алхимики.*

Digitized by Google

Таинственныя строки Николая Фламеля, переведенныя на обыкновенный языкъ, будутъ значить:

«Знайте, алхимики, что если отполировать кусочекъ желѣза и «окунуть его въ растворъ мѣди (*), то желѣзо приметъ на поверхно«сти красный цвѣтъ.»

Итакъ, мнимая галиматья содержитъ въ себѣ самый опредѣленный смыслъ. Дѣйствительно, Фламель открылъ, что при погруженіи кусочка полированнаго желѣза въ растворъ мѣдной соли мѣдь весьма быстро осѣдаетъ на поверхность желѣза въ металлическомъ состояніи, и поэтому поверхность желѣза, покрываясь пленкою чистой металлической мѣди, принимаетъ красный цвѣтъ, свойственный послѣднему металлу.

И вообще почти всѣ изслѣдователи законовъ природы въ древніе и средніе вѣка любили выражаться таинственными условными рѣченіями, недоступными для профановъ. До насъ дошло весьма немногое изъ того, что было писано древними о физическихъ законахъ и явленіяхъ природы; да и то, что дошло до насъ, не совершенно для насъ понятно. Знаменитый англійскій ученый сэръ Давидъ Брюстеръ справедливо замѣчаетъ по этому случаю, что такъ какъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что всѣ чаролѣянія основаны на физическихъ законахъ, то изученіе подробныхъ описаній волшебствъ, совершонныхъ въ извѣстную эпоху, можетъ служить намъ хорошимъ руководителемъ къ опредѣленію степени развитія въ ту эпоху физическихъ знаній.

Акустика, о которой мы сейчасъ упоминали, оказала мнимому волшебству немало услугъ. Знаніемъ ея законовъ производился въ языческихъ храмахъ громоподобный грохотъ, заставлявшій легковѣрныхъ убѣждаться въ присутствіи невидимой духовной силы. Такъ, напримѣръ, золотые истуканы дѣвъ въ дельфійскомъ храмѣ издавали гармоническіе тоны. Пактолскій камень рѣдкими звуками, изъ него излетавшими, устрашалъ нечестивыхъ воровъ, задумавшихъ похитить скрытое подъ нимъ сокровище. Металлическая голова произносила оракулы въ Лесбосѣ, а Мемнонова статуя привѣтствовала восходящее солнце. Въ былое время все это считалось чудеснымъ и сверхъестественнымъ; но теперь на любомъ изъ столичныхъ театровъ подражаютъ грому лучше, чѣмъ въ древнихъ языческихъ храмахъ, а говорящія головы можно видѣть у всякаго заѣзжаго фокусника. Да что говорить о какихъ нибудь Деблерахъ, Пинетти, Боско или Филиппѣ, котораго парижане прозвали *колдуномъ бульвара «Bonne Nouvelle»*, гдѣ онъ ежедневно показывалъ свои мнимыя чу-

(*) То есть *мѣднаго купороса* или другой *мѣдной соли*.

Digitized by Google

деса! Кто изъ петербургскихъ жителей не помнитъ недавно умершаго добренькаго старичка Антона Марковича Гамулецкаго, страстнаго охотника до всякихъ фокусныхъ машинокъ и рѣдкостей: у него былъ маленькій кабинетъ, въ которомъ стѣны, полъ и потолокъ были устроены изъ зеркалъ, и въ этомъ кабинетѣ, между многими другими диковинками, большая голова, отдѣланная подъ бронзу и поставленная въ особомъ мѣстѣ на зеркальномъ стеклѣ, явственно отвѣчала на предложенные вопросы. Добрый старичекъ очень охотно показывалъ свой кабинетъ не только короткимъ пріятелямъ, но и всякому шапочному знакомцу: въ древности онъ бы весьма хорошо могъ занять мѣсто гимнософиста въ какомъ нибудь египетскомъ храмѣ или управлять механическою частію дельфійскаго оракула; но въ средніе вѣка онъ бы сильно рисковалъ попасть на костеръ инквизиціи.

Гидростатика не менѣе акустики была полезна древнимъ магикамъ. Безъ помощи «науки о равновѣсіи жидкихъ тѣлъ» невозможно было бы устроить знаменитый фонтанъ на островѣ Андросѣ, описанный Плиніемъ: изъ этого фонтана била вода попеременно съ виномъ. Тоже самое должно сказать и о публичномъ фонтанѣ въ Римѣ, который во время тріумфальнаго шествія Августа, послѣ возвращенія изъ сицилійскаго похода, внезапно сталъ изливать не воду, а масло, и это чудесное превращеніе продолжалось цѣлый день. Въ Эвлидѣ, три каменныя урны, посвященныя Бахусу, внезапно и сами собою наполнялись виномъ въ день празднества этого бога. Плачущія статуи, неистощимыя лампады и сосуды и наконецъ стеклянная гробница Бела, наполненная масломъ, которая, будучи опорожнена Ксерксомъ, не могла быть вновь наполнена, хотя въ нее было влито нѣсколько сотъ бочекъ масла, — всѣ эти диковинки древняго міра весьма хорошо объясняются основными законами равновѣсія и давленія жидкостей въ сосудахъ, имѣющихъ между собой сообщеніе. Въ любомъ физическомъ кабинетѣ найдется нѣсколько приборовъ, которые ясно укажутъ механизмъ, результаты котораго казались вѣкогда такъ сверхъестественными.

Много было споровъ о томъ, какія познанія древніе мудрецы и жрецы имѣли въ механикѣ. Конечно, до насъ не дошло никакихъ письменныхъ свидѣтельствъ о степени развитія, до котораго была доведена ими эта наука; но воздвиженіе пирамидъ и дивныхъ храмовъ древняго Египта доказываетъ, что строители этихъ гигантскихъ зданій располагали значительными механическими пособіями, безъ которыхъ они не въ состояніи были бы даже предпринять такія колоссальныя постройки. Правда, механическія орудія и машины были въ то время тщательно скрываемы отъ глазъ толпы, которую

Digitized by Google

старались поддерживать въ вѣрованіи во всемогущество силы ихъ правителей и жрецовъ; но тѣмъ не менѣе результаты понынѣ свидѣтельствуютъ о дѣйствительномъ существованіи причинъ, ихъ произведшихъ, хотя мы не можемъ въ точности опредѣлить формы проявленія этихъ причинъ, то есть устройства тѣхъ машинъ и другихъ снарядовъ.

Нерѣдко находимъ мы у классическихъ авторовъ свидѣтельства, что люди были похищаемы богами, во время мистерій. Нѣтъ сомнѣнія, что эти похищенія совершались помощію опускныхъ дверей и другихъ машинъ, подобно какъ въ наше время на театральной сценѣ волшебныхъ оперъ и балетовъ. Похищенныя такимъ образомъ лица низвергались въ пропасти или немедленно умерщвлялись другимъ способомъ, такъ что некому было разоблачить плутовство и злодѣяніе. Также механическимъ устройствомъ производились искусственныя землетрясенія, и мы находимъ весьма подробное описаніе такого явленія у Аполлонія, котораго индѣйскіе жрецы ввели въ святилище ихъ божества, при чемъ земля колебалась подъ ногами грека, какъ волнующееся море.

Сюда относятся и движущіеся самопроизвольно жертвенники, видѣнные Аполлоніемъ въ томъ же индѣйскомъ храмѣ. Быстрое, таинственное нисхожденіе поклонниковъ внутрь Трофоніева грота, движущіяся статуи въ Антіумѣ и въ Іерополисскомъ храмѣ, деревянный голубь Архита и многіе другіе примѣры этого рода служатъ свидѣтельствами пособій, оказанныхъ древней магіи механикою.

Но изъ всѣхъ физическихъ наукъ *оптика* богаче прочихъ поразительными для толпы и мнимо-чудесными явленіями. Въ самомъ дѣлѣ, что́ можетъ быть удивительнѣе возможности помощію нѣсколькихъ маленькихъ кусочковъ стекла приближать самые отдаленные предметы на произвольное разстояніе или представлять въ гигантскихъ размѣрахъ матеріяльныя формы, невидимыя обыкновеннымъ образомъ? Правда, древніе не знали способовъ сочетанія стеколъ и зеркалъ, помощію которыхъ образуются телескопы и микроскопы; но они очень хорошо умѣли отбрасывать, помощію вогнутыхъ и выпуклыхъ стеколъ и зеркалъ, изображенія предметовъ въ желаемомъ мѣстѣ и въ прямомъ или въ обращенномъ видѣ. Весьма вѣроятно, что древніе жрецы часто прибѣгали къ оптикѣ для произведенія сверхъестественныхъ видѣній, прославившихъ ихъ храмы. Появленіе боговъ въ блестящей одеждѣ и съ лучезарными вѣнцами среди мрака святилища прямо указываетъ намъ на подражанія нашей нынѣшней фантасмагоріи; но только теперь эти дивныя явленія никому не кажутся чудесными и пере-

Digitized by Google

шли въ руки фокусниковъ, забавляющихъ ими толпу, и даже на потѣху дѣтямъ, собственными руками приводящимъ въ дѣйствіе всѣ диковинки волшебнаго фонаря.

Если бы кто-изъ современныхъ ученыхъ, знакомый съ древнею исторіею и археологіею, а также и съ физическими и естественными науками въ современномъ развитіи, вздумалъ посвятить нѣсколько лѣтъ жизни и тяжкаго труда для собранія данныхъ касательно магіи и чародѣйства древнихъ, уцѣлѣвшихъ въ дошедшихъ до насъ твореніяхъ, и объяснилъ эти мнимыя чудеса помощію знаній новѣйшей науки, то несомнѣнно такой трудъ представилъ бы твореніе, интересное въ высшей степени. Попытка такого рода была уже сдѣлана Евгеніемъ Сальвертомъ въ его сочиненіи «О тайныхъ наукахъ» (*); но должно откровенно признаться, что, несмотря на умъ, знаніе и трудолюбіе этого автора, собранные имъ факты слишкомъ малочисленны, а объясненія часто весьма неудовлетворительны. Мы уже не говоримъ объ одностороннемъ взглядѣ автора, скептицизмъ котораго зашелъ слишкомъ далеко.

Послѣ Евгенія Сальверта, извѣстный англійскій физикъ, сэръ Девидъ Брюстеръ, въ своемъ трактатѣ «О Натуральной Магіи» разсмотрѣлъ поочередно важнѣйшія явленія природы и искуственныхъ произведеній, представляющія съ перваго взгляда сверхъестественный характеръ,— также обманы нашихъ чувствъ, доставляющіе мозгу превратныя ощущенія, служащія поводомъ къ ложному представленію и пониманію природы. Англійскій физикъ старался по возможности объяснить всѣ эти мнимыя чудеса самымъ естественнымъ и общепонятнымъ образомъ. При составленіи нашей «Исторіи Чародѣйства и Тайныхъ Наукъ» мы часто пользовались трудомъ ученаго британца.

Есть люди, которые смѣются надъ натуральною магіею, считая ее исключительнымъ достояніемъ фигляровъ и фокусниковъ. Мы не сердимся на такихъ судей, а жалѣемъ о ихъ невѣдѣніи. Величайшіе ученые считали натуральную магію предметомъ достойнымъ полнаго вниманія и тщательнаго изученія физиковъ и натуралистовъ. Одинъ изъ первыхъ умовъ нашего вѣка на поприщѣ физическихъ наукъ, сэръ Девидъ Брюстеръ, ученый, пользующійся не только европейскою, но всемірною извѣстностью, написалъ, какъ мы уже упоминали, цѣлый трактатъ о натуральной магіи и гордится этимъ сочиненіемъ наравнѣ съ другими сочиненіями, навсегда прославившими его имя. Но какая до того нужда фельетоннымъ крикунамъ?

(*) Des sciences occultes, par Eugène Salverte, 2 vol.

Digitized by Google

Книга Брюстера для нихъ недоступна, по ограниченности ихъ собственныхъ познаній въ физикѣ; зато штуки Пинетти и Боско совершенно въ ихъ вкусѣ.

Мы попытаемся познакомить нашихъ читателей съ нѣкоторыми изъ любопытнѣйшихъ естественныхъ и неестественныхъ явленій, кажущихся чудесными, но проистекающихъ изъ незыблемыхъ, вѣчныхъ и притомъ весьма простыхъ законовъ природы, которые постараемся также объяснить.

Изъ всѣхъ органовъ, помощію которыхъ мы постигаемъ природу и пріобрѣтаемъ познаніе о внѣшнихъ явленіяхъ, самый замѣчательный и самый важный есть *глазъ*. Знанія, доставляемыя намъ всѣми остальными органами чувствъ, гораздо ограниченнѣе тѣхъ, которыя доставляются помощію глаза. Чувство вкуса ограничено прикосновеніемъ извѣстныхъ тѣлъ къ поверхности языка и нёбу во рту. Чувство осязанія ограничивается поверхностью нашего тѣла. Обоняніе имѣетъ болѣе обширную, но все-таки еще весьма ограниченную сферу дѣйствія. Даже слухъ ограничивается предѣлами нѣсколькихъ верстъ, внутри которыхъ слышны отдаленные раскаты сильнаго грома, выстрѣлы изъ большихъ артиллерійскихъ орудій, грохотъ взрыва пороховыхъ массъ или воздушнаго метеора.

Зато кругъ дѣйствія органа зрѣнія едва не безпредѣленъ. Помощію глаза мы постигаемъ не только весьма отдаленные предметы и явленія на землѣ, но и на другихъ небесныхъ тѣлахъ, изъ которыхъ бо́льшая часть удалены отъ насъ на разстояніе, предъ которымъ блѣднѣютъ самые пылкіе порывы воображенія. Несмѣтное множество свѣтилъ, украшающихъ небесный сводъ въ ясныя ночи, состоитъ преимущественно изъ солнцевъ, называемыхъ звѣздами; только эти солнца удалены отъ насъ на страшно великое разстояніе. Ярчайшая звѣзда сѣвернаго неба и притомъ одна изъ самыхъ близкихъ къ землѣ, блистательная *Альфа Лиры* отдѣлена отъ земли промежуткомъ пространства въ

100,000,000,000,000 верстъ!

Чтобы понять это ужасное разстояніе, всю огромность этого числа, должно вспомнить, что отъ Петербурга до Тифлиса, несмотря на всѣ изгибы и повороты дороги, можно уложить въ рядъ только

3,000,000,000 песчинокъ,

изъ которыхъ каждая будетъ не болѣе $^1/_{10}$ линіи въ поперечникѣ. Даже на разстояніи 13 тысячъ верстъ, отдѣляющихъ Петербургъ отъ Петропавловскаго порта на восточномъ берегу Камчатки, нельзя уложить въ рядъ

20,000,000,000

Digitized by Google

такихъ мелкихъ песчинокъ А это послѣднее число, несмотря на всю свою огромность, въ 5,000 разъ меньше числа верстъ, отдѣляющихъ насъ отъ близкой къ намъ звѣзды *Альфы Лиры*.

Бо́льшая часть звѣздъ, видимыхъ простымъ глазомъ, удалена отъ насъ въ десятки и сотни разъ болѣе. Если же прибѣгнуть къ телескопамъ, то помощію ихъ зрѣніе наше откроетъ свѣтила, отъ которыхъ лучъ свѣта, движущійся съ быстротою 300,000 верстъ въ каждую секунду, достигаетъ до земли только по прошествіи тысячелѣтій! Однакожь, и на этомъ дивно-огромномъ удаленіи глазъ человѣка еще постигаетъ цвѣта, формы и движенія предметовъ.

Основываясь на вышесказанномъ, не вправѣ ли мы сказать, что кругъ дѣйствія глаза почти неограниченъ?

Самый обыкновенный наблюдатель невольно дивится красотѣ формы, могуществу движеній и разнообразію выраженій человѣческаго глаза; но философъ и натуралистъ, ближе наслѣдующіе этотъ дивный органъ, еще болѣе дивятся неподражаемому механизму его устройства. Здѣсь не мѣсто описывать строеніе глаза и физіологическій процессъ видѣнія. Довольно сказать, что остроумнѣйшіе наблюдатели не могли придумать ничего совершеннѣе и превосходнѣе удивительнаго органа зрѣнія.

По прекрасному выраженію одного современнаго физика, глазъ есть стражъ, стоящій въ предѣлахъ двухъ міровъ — естественнаго и сверхъестественнаго, и этотъ стражъ съ тѣмъ вмѣстѣ служитъ путемъ сообщенія между тѣми двумя мірами, которые, повидимому, раздѣлены непереходимою бездною. Поэтому глазъ, по преимуществу предъ другими органами чувствъ, служитъ для принятія впечатлѣній сверхъестественнаго. Если что нибудь чудесное передается намъ чувствомъ слуха, то умъ нашъ поражается этимъ не такъ сильно, и часто размышленіе имѣетъ довольно силы, чтобы найти естественную причину, объясняющую чудесное переданное слухомъ, и тогда очарованіе исчезаетъ, и чудесное переходитъ въ рядъ обыкновенныхъ явленій. Напротивъ того, если глазъ видитъ необъяснимыя съ перваго взгляда явленія, совершающіяся въ опредѣленныхъ формахъ очертаній съ принадлежностью положительныхъ красокъ предметовъ, — если вдругъ посреди воздушнаго пространства являются намъ образы отсутствующихъ лицъ, если обыкновенные предметы то появляются, то исчезаютъ безъ всякой видимой причины,— если, наконецъ, глазъ постигаетъ дѣйствительные или фантастическіе предметы, присутствіе которыхъ умъ не въ состояніи объяснить: тогда невольно и неотразимымъ образомъ поселяется въ насъ убѣжденіе о присутствіи или вліяніи какого либо сверхъестественнаго дѣятеля.

Digitized by Google

Изслѣдованіе оптическихъ иллюзій, или обмановъ зрѣнія, отъ какихъ бы причинъ они ни происходили, составляетъ не только предметъ любопытства, но даже полезнаго научнаго знанія. А такихъ обмановъ зрѣнія существуетъ чрезвычайно много, и каждому изъ насъ случалось испытать ихъ.

А много ли есть лицъ, которыя, замѣтивъ такой обманъ зрѣнія, старались бы объяснить его? Мы приведемъ здѣсь нѣсколько примѣровъ, какъ общихъ всѣмъ безъ исключенія, такъ и свойственныхъ только отдѣльнымъ субъектамъ.

Многіе ли, напримѣръ, изъ нашихъ читателей знаютъ, что если смотрѣть однимъ глазомъ, то существуетъ передъ каждымъ человѣкомъ мѣсто въ пространствѣ, для котораго глазъ остается нечувствительнымъ и какъ бы слѣпымъ? Пусть находится въ этомъ мѣстѣ какой либо предметъ: глазъ не увидитъ его. Многимъ покажется такое увѣреніе чрезвычайно страннымъ, но въ дѣйствительности его не можетъ быть никакого сомнѣнія; это странное явленіе не есть какая либо особенность, а общее для всѣхъ глазъ. Если, напримѣръ, закрывъ плотно лѣвый глазъ, смотрѣть однимъ правымъ, то упомянутый невидимый пунктъ находится на 15 градусовъ вправо отъ точки, на которую устремленъ глазъ, или, что все равно, на 15 градусовъ вправо отъ оптической оси глаза, по направленію которой глазъ видитъ предметы яснѣйшимъ образомъ.

Если, закрывъ правый глазъ, смотрѣть лѣвымъ, то невидимый пунктъ будетъ находиться на 15 градусовъ влѣво отъ оптической оси глаза и отъ того предмета, на который устремленъ глазъ.

Это, повидимому, странное обстоятельство извѣстно уже нѣсколько десятковъ лѣтъ. Оно впервые было открыто извѣстнымъ физикомъ Маріоттомъ. Всякій, впрочемъ, можетъ на опытѣ убѣдиться въ истинѣ нашего увѣренія. Такъ какъ подобнаго рода опытъ чрезвычайно простъ и, вѣроятно, многіе захотятъ повторить его для собственнаго, личнаго убѣжденія, то мы разскажемъ, какимъ образомъ можно достигнуть этого простѣйшимъ образомъ.

Возьмите листъ бѣлой бумаги и наклейте на него двѣ цвѣтныя облатки (пожалуй хоть красныя) въ разстояніи около $1^3/_4$ вершка одна отъ другой. Потомъ держите этотъ листъ на разстояніи 5 или 6 вершковъ отъ глазъ, такъ, чтобы линія, проведенная отъ одной облатки до другой, была параллельна линіи, проведенной отъ одного глаза къ другому. Закройте потомъ лѣвый глазъ, а правымъ смотрите пристально на лѣвую облатку: тогда правая сдѣлается совершенно для васъ невидимою. Чтобы разнообразить опытъ, закройте правый глазъ и откройте лѣвый, который должно устремить на правую об-

Digitized by Google

латку: въ тоже мгновеніе лѣвая облатка исчезаетъ отъ зрѣнія. Еще лучше, если вы сперва направите глазъ на указанную облатку, а потомъ уже закроете другой: тогда опытъ представится вполнѣ удовлетворительнымъ.

Если мы захотимъ узнать, какая именно часть сѣтчатой оболочки глаза представляетъ такую нечувствительность, то мы найдемъ, что это есть точка основанія зрительнаго нерва, гдѣ этотъ послѣдній касается сѣтчатой плевы, или, правильнѣе, начинаетъ образовывать ее своимъ расширеніемъ (*).

Если же мы возьмемъ вмѣсто обыкновенныхъ предметовъ, каковы цвѣтныя облатки, тѣла сильно свѣтящіяся, напримѣръ, раскаленные угли или пламя свѣчи, то изображенія ихъ не вполнѣ потеряются для глаза и останутся нѣсколько видимыми даже въ вышеприведенныхъ условіяхъ. Только свѣтъ такихъ тѣлъ сдѣлается для глаза весьма тусклымъ и потеряетъ много своей дѣйствительной яркости, такъ что будетъ являться въ родѣ бѣловатаго облачка, не дающаго никакого правильнаго понятія о фигурѣ источника свѣта.

Если вмѣсто красныхъ облатокъ на бѣлой бумагѣ наклеить бѣлыя облатки на черную бумагу, то въ сказанныхъ выше условіяхъ бѣлая облатка исчезнетъ и мѣсто, ею занимаемое, покажется совершенно чернымъ. А такъ какъ свѣтъ, освѣщающій какой нибудь ландшафтъ, играетъ въ своемъ мѣстѣ ту же самую роль, какъ, въ приведенномъ сейчасъ примѣрѣ, бѣлая облатка, то, естественнымъ образомъ, представляется мысль, что какъ бы ни разсматривать ландшафтъ — однимъ или двумя глазами (**) — необходимо должны встрѣтиться въ немъ одно или два черныхъ пятна въ 15° отъ предмета, на который преимущественно устремляются глаза.

Но Премудрый Художникъ, создавшій дивное орудіе глаза, не благоволилъ оставить Свое твореніе столь несовершеннымъ. Хотя основаніе оптическаго нерва нечувствительно къ падающему на него прямо свѣту, оно способно, однакожь, принимать свѣтовыя впечатлѣнія отъ окружающихъ частей, и если (обращаясь къ приведенному

(*) Намъ трудно и почти невозможно входить здѣсь въ такое объясненіе этихъ оптическихъ явленій. Такія объясненія всегда останутся темными безъ пособія чертежей.

(**) Когда оба глаза открыты, то предметъ, изображеніе котораго падаетъ на нечувствительную часть глазной оболочки, видимъ другимъ глазомъ, такъ что тутъ собственно не можетъ быть вполнѣ невидимой точки. Но такъ какъ предметы, находящіеся въ тѣхъ точкахъ, будутъ видимы только однимъ глазомъ, а все остальное ихъ окружающее двумя глазами, то они должны быть непремѣнно вдвое тусклѣе и слѣдовательно все-таки казаться темными пятнами.

Digitized by Google

выше примѣру) облатка исчезаетъ, то мѣсто ея, вмѣсто того, чтобы являться черным, принимаетъ постоянно цвѣтъ бумаги, на которой облатка наклеена, то есть цвѣтъ окружающаго пространства. Если бумага бѣлая, то мѣсто облатки покажется бѣлымъ; если красная, то краснымъ; если черная, то чернымъ, и такъ далѣе.

Это странное и съ тѣмъ вмѣстѣ любопытное явленіе можетъ быть объяснено самымъ обыкновеннымъ и даже немного пошлымъ примѣромъ.

Вообразите себѣ листъ неклееной бумаги, на которомъ лежитъ небольшой кусокъ губки. Выставьте этотъ листъ на сильный дождь: онъ замочитъ бумагу прямо падая на нее, исключая того мѣста, которое защищено губкою. Но все таки это мѣсто не останется сухимъ, потому что оно напитается сыростью отъ окружающей его со всѣхъ сторонъ мокрой бумаги.

Замѣните неклееную бумагу глазомъ, губку—основаніемъ оптическаго нерва, а потокъ дождя потокомъ свѣта, и вы получите грубое, но правильное объясненіе описаннаго сейчасъ явленія.

Одному изъ первѣйшихъ оптиковъ нашего времени, сэру Девиду Брюстеру представилась, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, другая иллюзія глаза, болѣе общая въ своихъ дѣйствіяхъ и гораздо важнѣйшая въ своихъ послѣдствіяхъ.

Когда глазъ постоянно занятъ разсматриваніемъ какого либо особеннаго предмета, и когда онъ принимаетъ опредѣленное направленіе, а умъ въ тоже время работаетъ надъ какимъ нибудь важнымъ соображеніемъ, то упомянутый разсматриваемый предметъ совершенно исчезаетъ отъ зрѣнія и глазъ становится какъ бы слѣпымъ для предмета, на который онъ пристально обращенъ, тогда какъ всѣ прочіе окружающіе предметы остаются совершенно ясно видимыми. Это странное явленіе осуществляется независимо отъ того, однимъ или двумя глазами разсматривается предметъ. Пропавшій предметъ вновь появляется безъ всякаго измѣненія въ положеніи глаза, въ то время, какъ другіе предметы, послѣдовательно, то исчезаютъ, то вновь появляются, безъ всякой видимой причины.

Точно также, если охотникъ, отправившійся на охоту съ нѣсколькими собаками, будетъ очень пристально слѣдить за движеніемъ одной изъ нихъ, то другія собаки будутъ то исчезать, то опять появляться его зрѣнію, безъ всякой видимой физической причины. Мѣста такихъ исчезнувшихъ собакъ замѣнятся лѣсомъ, кустами или другими окружающими предметами.

Digitized by Google

Если бы кто пожелалъ повѣрить дѣйствительность сейчасъ описанной иллюзіи глаза, то всего удобнѣе прибѣгнуть къ слѣдующему простому средству:

На зеленое сукно ломбернаго стола положите маленькій кусочекъ бѣлой бумаги и въ разстояніи полуторыхъ или двухъ вершковъ отъ этого кусочка узенькую ленточку изъ той же бумаги. Станьте такъ, чтобы глазъ вашъ былъ въ разстояніи семи или осьми вершковъ отъ упомянутаго лоскутка бумаги, и смотрите на него пристально не развлекаясь другими предметами: въ самое короткое время, и отнюдь не болѣе какъ черезъ нѣсколько минутъ, бумажная ленточка совершенно исчезнетъ, какъ будто бы ея вовсе не было на столѣ. Эта ленточка вновь появится и опять исчезнетъ, и такія явленія будутъ рѣшительно зависѣть отъ постоянной пристальности глаза.

Описанная здѣсь иллюзія имѣетъ мѣсто не только при разсматриваніи предмета однимъ глазомъ, но даже и обоими, хотя въ первомъ случаѣ она случается чаще и проявляется отчетливѣе. Эта иллюзія совершается также, если разсматриваемый предметъ будетъ свѣтящійся.

Если какой либо предметъ разсматривается не непосредственно, то онъ никогда не исчезнетъ вполнѣ, но сливается въ какую-то облачную массу, съ голубымъ средоточіемъ, окруженнымъ блестящимъ кольцомъ жолтаго цвѣта.

Неспособность глаза выдерживать долгое время косвенное видѣніе предметовъ, вознаграждается большою неподвижностью частей глаза, отличающихся упомянутымъ недостаткомъ. Глазъ видитъ предметы совершенно ясно только въ то время, когда прямо смотримъ на нихъ; всѣ же предметы, видимые косвенно, усматриваются неявственно. Тѣмъ страннѣе фактъ, который засвидѣтельствуетъ вамъ каждый астрономъ-наблюдатель.

Весьма слабыя свѣтила, видимыя въ то время, когда свѣтъ ихъ падаетъ на глазъ косвенно, исчезаютъ, если прямо глядѣть на нихъ, и снова появляются при косвенномъ направленіи глаза.

Послѣдній фактъ весьма легко повѣрить всякому, разсматривая въ ясную ночь звѣздное небо. Лучше всего испытать это при помощи зрительной трубы, направленной на планету Сатурна, или, лучше сказать, на окрестности этой планеты (*). Тогда глазъ будетъ по

(*) Если планета будетъ находиться въ полѣ телескопа, то она яркостью своего блеска такъ утомляетъ зрѣніе, что дѣлаетъ его вовсе неспособнымъ для усмотрѣнія такихъ тусклыхъ свѣтилъ, каковы сатурновы спутники. Вообще, близость яркаго свѣта сильно вредитъ видимости другого, гораздо тусклѣйшаго.

Digitized by Google

временамъ примѣчать мелкія звѣздочки, явственно видимыя при косвенномъ положеніи глаза, но исчезающія тотчасъ, если захотѣть ихъ разсматривать прямо. Это спутники Сатурна, замѣтные косвенно даже въ небольшую зрительную трубу, выдерживающую увеличеніе отъ 40 до 60 разъ, но для прямого разсматриванія которыхъ необходимы гораздо сильнѣйшія оптическія орудія.

Такая особенность глаза, несмотря на свою интересность, понынѣ не объяснена удовлетворительно.

Еще замѣчательнѣйшія дѣйствія проявляются въ глазѣ, когда онъ пытается разсматривать предметы, освѣщенные слишкомъ слабымъ свѣтомъ. Естественно, такіе предметы видимы очень неясно, и это самое обстоятельство заставляетъ глазъ устремляться на нихъ самымъ пристальнымъ образомъ. Но чѣмъ болѣе напрягается глазъ, тѣмъ болѣе встрѣчаетъ онъ препятствій къ достиженію желаемой цѣли. Органъ зрѣнія находится въ это время въ состояніи насильственнаго напряженія, а дурно освѣщенный предметъ то увеличивается, то уменьшается и даже частію исчезаетъ, пока глазъ не придетъ въ нормальное свое положеніе и не освободится отъ состоянія, которое всего приличнѣе сравнить съ помѣшательствомъ ума.

Чтобы составить себѣ правильное понятіе объ иллюзіяхъ этого рода, надобно помѣститься въ комнатѣ, весьма слабо освѣщаемой потухающими углями въ печкѣ или въ каминѣ. Охотникъ бываетъ подверженъ такой иллюзіи даже среди бѣлаго дня, особливо когда онъ старается среди совершенно монотонной равнины разсмотрѣть мѣсто, гдѣ скрывается спустившаяся дичь, предметъ его поисковъ. Пользуясь самыми легкими измѣненіями въ однотонномъ освѣщеніи, охотникъ постоянно смотритъ впередъ на ту точку, къ которой онъ подвигается; но всякій разъ, когда противоположность освѣщенія чрезвычайно слаба, онъ непремѣнно теряетъ изъ виду точку своего наблюденія, и если сѣтчатая плева глаза успѣетъ уловить ее, то немедленно вновь теряетъ ее.

Подобнаго рода иллюзіи гораздо разительнѣе посреди мрака, когда окружающіе предметы освѣщены до такой крайности слабо, что едва можно различать самыя рѣзкія и крупныя очертанія. Здѣсь находится неисчерпаемый источникъ страховъ и опасеній для людей суевѣрныхъ, трусливыхъ и легковѣрныхъ. Замѣтимъ, что дѣйствіе совершеннаго мрака, гдѣ рѣшительно не видно ни зги, вовсе не такъ сильно, какъ дѣйствіе мрака несовершеннаго, гдѣ остается возможность различать нѣкоторыя формы, хотя и весьма неясно. Въ послѣднемъ случаѣ къ страху, порождаемому суевѣріемъ и воображеніемъ, присоединяется вліяніе ненормальнаго состоянія глаза. Такъ

Digitized by Google

какъ глазъ невольно старается разсмотрѣть предметы слишкомъ слабо освѣщенные, то онъ принимаетъ то состояніе, въ которомъ можетъ собрать въ себя наибо́льшее количество свѣта: именно — зрачокъ расширяется до крайней возможности и занимаетъ почти все пространство радужной оболочки. Но въ такомъ неестественномъ состояніи глазъ чрезвычайно дурно постигаетъ формы предметовъ и передаетъ о нихъ мозгу весьма ошибочное заключеніе. Немудрено, что такіе фантастическіе выводы глаза, не подвергаясь контролю просвѣщеннаго наукой ума, приводятъ легковѣрныхъ трусовъ въ то странное и страшное положеніе, когда человѣкъ воображаетъ себя игралищемъ неземныхъ силъ и свидѣтелемъ таинственныхъ явленій сверхъестественнаго міра.

Наши читатели вспомнятъ, что во всѣхъ разсказахъ о привидѣніяхъ эти послѣднія всегда являются *бѣлыми*. Причина тому самая естественная, потому что въ темнотѣ возможно разсмотрѣть только одинъ цвѣтъ, именно — бѣлый. Что же касается до самихъ привидѣній, то они образуются или неодушевленными предметами свѣтлаго цвѣта, или одушевленными, которыхъ цвѣтъ и перемѣна мѣста дѣлаютъ болѣе замѣтными при несовершенномъ мракѣ. Когда глазъ открываетъ, въ такихъ условіяхъ, весьма слабо и несовершенно освѣщенное тѣло, то преимущественное его вниманіе обращается на тѣ части, которыя отражаютъ отъ себя болѣе свѣта и слѣдовательно освѣщены лучше прочихъ; другія же, хуже освѣщенныя части то появляются, то вновь исчезаютъ, смотря по мѣстнымъ условіямъ и по степени напряженія глаза. Такое измѣненіе въ видимости и происходящія отсюда фантастическія измѣненія въ формѣ предмета придаютъ послѣднему видъ живого, движущагося тѣла, хотя то въ самомъ дѣлѣ будетъ тѣло неподвижное и неодушевленное. Слабый умъ, будучи увѣренъ, что на указанномъ мѣстѣ не можетъ находиться живое существо, одаренное притомъ фантастическими формами, все болѣе и болѣе поддается суевѣрному ужасу, еще прежде порожденному мракомъ; онъ припоминаетъ всѣ слышанные имъ разсказы о привидѣніяхъ и явленіяхъ духовъ и съ трепетомъ погружается въ непремѣнное убѣжденіе, что передъ нимъ находится существо нездѣшняго міра.

Бѣдный умъ нашъ такъ настроенъ, что мы скорѣе готовы принять самую фантастическую нелѣпость за истину, чѣмъ согласиться, что собственныя наши чувства насъ обманываютъ. Человѣкъ говоритъ: *я видѣлъ*, и не принимаетъ никакихъ возраженій противъ дѣйствительности видѣннаго, потому что въ умѣ его осталось впечатлѣніе видѣнія. Какая ему нужда до того, что видѣнное имъ было не дѣй-

Digitized by Google

ствительностію, а только обманомъ чувства зрѣнія! «Кому же мнѣ вѣрить, какъ не собственнымъ моимъ глазамъ!» отвѣтитъ вашъ субъектъ, лично имѣвшій случай видѣть духовъ, мертвецовъ и привидѣній. Попробуйте объяснить ему, какимъ физическимъ или физіологическимъ процессомъ совершилось ложное его видѣніе, онъ выслушаетъ васъ съ недовѣрчивостью и все-таки придетъ окончательно къ слѣдующему заключенію:

«Хорошо толковать тому, кто самъ ничего не видѣлъ. Какже переувѣрить меня, что я не видалъ того, что видѣлъ. Нѣтъ ужь, я собственнымъ моимъ глазамъ повѣрю больше, чѣмъ всякому физику. Пусть себѣ толкуетъ на досугѣ, пока Богъ милуетъ; а придетъ нелегкій часъ, такъ забудетъ и физику, какъ душа уйдетъ въ пятки!»

Намъ самимъ не разъ случалось говорить съ людьми, видавшими привидѣнія собственными глазами. Мы каждый разъ пытались объяснить имъ, что въ ихъ видѣніяхъ не было ничего сверхъестественнаго. Но либо наши доводы были слишкомъ слабы, либо упрямство суевѣровъ было слишкомъ сильно, а мы почти постоянно должны были отказаться отъ всякаго спора и способовъ убѣжденія, выслушавъ фразу въ родѣ сейчасъ прописанной.

Что́жь дѣлать? Неужели оставить такихъ людей коснѣть въ ихъ предразсудкахъ?

Нѣтъ! надо стараться распространять какъ можно болѣе положительныхъ науковыхъ свѣдѣній, особенно между молодымъ поколѣніемъ, потому что молодость гораздо воспріимчивѣе и легче усвоиваетъ себѣ знанія. Надо стараться, чтобы какъ можно бо́льшее число людей убѣдилось въ истинѣ пословицы:

«Ученье свѣтъ, а неученье тьма».

Въ изложенныхъ нами наблюденіяхъ, мы предположили, что зритель недоступенъ ни дѣтскому страху, ни предразсудкамъ, и правильно объясняетъ своимъ умомъ явленія, представляющіяся его чувствамъ. Но если, напротивъ того, наблюдатель вѣритъ привидѣніямъ и возможности волшебныхъ сношеній съ неземнымъ міромъ, то легко можно представить себѣ, какія заключенія выведетъ его умъ изъ ложныхъ о́бразовъ, переданныхъ обманутымъ чувствомъ зрѣнія.

Кромѣ вышеописанныхъ иллюзій глаза есть еще многія другія, въ числѣ которыхъ многія изслѣдованы понынѣ весьма несовершенно. Поговоримъ о нихъ.

Такъ, напримѣръ, нѣжная нервная ткань, образующая сѣтчатую плеву глаза и достигающая мозга, въ видѣ оптическаго или зрительнаго нерва, обладаетъ страннымъ свойствомъ дѣлаться *фосфорическою* чрезъ сжатіе или давленіе. Если сжимать глазное яблоко

Digitized by Google

такъ, какъ будто бы хотѣли его выдвинуть изъ глазной впадины, то есть надавить пальцемъ между внутреннимъ краемъ глаза и переносьемъ, то является свѣтлый кругъ, который знаменитый сэръ Исаакъ Ньютонъ описываетъ представляющимъ подобіе павлиньяго хвоста. Ньютонъ присовокупляетъ, что если оставить, вслѣдъ за сжатіемъ, глазъ и палецъ спокойными, то краски свѣтлаго круга и даже самый кругъ быстро исчезаютъ; но если палецъ повертывать, то цвѣтной кругъ является немедленно вновь. Надо замѣтить, что цвѣта зависятъ здѣсь отъ индивидуальности, и многія лица видятъ блестящій кругъ, сейчасъ описанный, просто бѣлымъ или краснымъ. Я вижу въ немъ бѣлый, красный и жолтый цвѣта, тогда какъ одно близкое мнѣ лицо видитъ постоянно, въ этомъ кругѣ, только жолтый да голубой.

Очевидно, что появленіе блестящаго круга и его цвѣтовъ, совершающееся даже въ совершенной темнотѣ, не можетъ зависѣть отъ чего либо другого, какъ только отъ собственной фосфоричности глаза.

Подробныя наслѣдованія сэра Девида Брюстера надъ вышеупомянутымъ явленіемъ привели его къ положительному заключенію, что когда сѣтчатая плева глаза будетъ сжата, въ совершенной темнотѣ, то она рождаетъ сама собою явленіе свѣта. Когда же она будетъ сжата подъ вліяніемъ свѣта, то чувствительность ея къ свѣту становится значительнѣе. Наконецъ, если сѣтчатая плева расширена, будучи подъ вліяніемъ свѣта, она дѣлается совершенно нечувствительною и глазъ становится, на то время, слѣпымъ.

При совершенно здоровомъ состояніи человѣческаго тѣла, фосфоричность глаза, въ различныхъ случаяхъ, обнаруживается самопроизвольно. Кто не знаетъ, что если человѣка сильно ударить по глазу или даже по головѣ, то въ глазахъ являются какъ будто блестящія искры. Отсюда, какъ всякому извѣстно, произошло весьма обыкновенное въ общежитіи выраженіе: «*посыпались искры изъ глазъ*». Многіе, можетъ быть, замѣтили, что во время чиханья появляются въ глазахъ блестящіе лучи, соединяющіеся въ одно свѣтлое пятно, кажущееся предъ самымъ концомъ носа. Это свѣтлое явленіе происходитъ отъ давленія, производимаго изнутри на глазъ потокомъ воздуха, быстро вдыхаемаго и выдыхаемаго чрезъ носъ, во время чиханья.

Кромѣ этого существуетъ еще много другихъ фосфорическихъ явленій глаза, совершающихся безъ всякаго посторонняго насилія, въ совершенно здоровомъ состояніи тѣла.

Но если такія явленія имѣютъ мѣсто въ нормальномъ положеніи здоровья, то во время болѣзненныхъ страданій организма фосфори-

Digitized by Google

чность сѣтчатой плевы глаза проявляется новыми, болѣе разительными феноменами. Человѣкъ, страждущій случайнымъ несвареніемъ пищи въ желудкѣ и притомъ головною болью, видитъ предъ собой, даже въ совершенной темнотѣ, массы краснаго голубого цвѣта, безпрерывно движущіяся и не только перемѣняющія свое положеніе, но даже форму и размѣры. Часто этотъ голубой свѣтъ постепенно усиливается, становится зеленымъ, даже желтымъ и иногда доходитъ до краснаго. Бываютъ случаи, что всѣ упомянутыя краски являются поочередно или даже и вмѣстѣ, въ различныхъ сочетаніяхъ, посреди совершеннаго мрака. Это явленіе происходитъ отъ сжатія сѣтчатой плевы глаза кровеноснымъ сосудомъ.

Если больной, предъ которымъ совершаются такія фантасмогорическія явленія, суевѣренъ и обладаетъ пылкимъ воображеніемъ, раздражительность котораго увеличивается болѣзненнымъ состояніемъ организма, то немудрено, что разнородные переливы красокъ, свѣта и тѣни, посреди окреснаго мрака, будутъ рисовать ему самыя фантастическія картины. Тогда, въ глубокой темнотѣ, предъ глазами больного будутъ совершаться тѣ видѣнія и страшныя картины, которыя переносятъ насъ въ сферу дѣятельности иного, нематеріальнаго міра. Вспомнимъ при этомъ, что воображеніе, однажды настроенное на этотъ ладъ, стремится все быстрѣе и быстрѣе по ложному пути, и таинственные образы волшебнаго міра развиваютъ предъ глазами больного постоянно возрастающую дѣятельность, съ увеличеніемъ разнообразія, размѣровъ, странности формъ и ужасовъ фантастической драмы. Послѣ этого, какъ удивляться, если выздоровѣвшій духовидецъ будетъ разсказывать содержаніе дивнаго и страшнаго зрѣлища, котораго онъ былъ *очевидцемъ*. А если онъ незнакомъ съ физическими науками, то какъ увѣрите вы его, что всѣ эти видѣнія суть естественныя слѣдствія физическихъ свойствъ глаза, *дополненныхъ* и *умноженныхъ* болѣзнію, пылкимъ воображеніемъ, суевѣрнымъ страхомъ и, пуще всего, незнаніемъ физическихъ законовъ природы!

Разскажемъ любопытный примѣръ вліянія воображенія на образованіе опредѣленныхъ формъ, среди массъ неправильныхъ тѣней и смѣси темноты со свѣтомъ. Мы заимствуемъ этотъ разсказъ изъ жизнеописанія Петра Хаманна, извѣстнаго морскаго разбойника новѣйшихъ временъ. Этотъ злодѣй, родомъ шведъ, былъ казненъ, за содѣянныя имъ преступленія, въ Лейтѣ, въ 1822 году (*).

(*) Мы почти буквально перевели этотъ разсказъ съ подлинника, составляющаго библіографическую рѣдкость, несмотря на новизну книги. Брошюра писана на голландскомъ языкѣ.

Digitized by Google

Пиратъ разсказываетъ самъ.

«Случилось, что разъ нужно было сдѣлать въ нашемъ суднѣ кое-какія незначительныя, но весьма необходимыя поправки, такъ что я, для скорости работы, самъ взялъ кисть и началъ обмазывать смолою починенныя мѣста. Но каковъ же былъ мой ужасъ, когда я увидѣлъ въ зеркальной поверхности жидкой смолы явственное изображеніе висѣлицы и подъ нею человѣка безъ головы. Одежда этого человѣка очень походила на мою собственную, а голова его лежала подлѣ ногъ, немного въ сторонѣ. Я отъ страху отскочилъ съ крикомъ и объявилъ о видѣнномъ тѣмъ изъ моего экипажа, которые сбѣжались на мой крикъ. Многіе изъ нихъ полюбопытствовали посмотрѣться въ зеркало жидкой смолы, и каждый изъ нихъ видѣлъ тоже самое, что́ и я; только безголовый человѣкъ имѣлъ одежду того лица, которое смотрѣло на поверхность смолы. Всѣ смотрѣвшіе перепугались еще пуще, чѣмъ я, и вселили въ товарищей такой страхъ, что никто не смѣлъ приступить къ страшному мѣсту, которое покрыли парусомъ. На другой день, матросы мои поуспокоились и высмолили все, что́ было нужно, не видавъ вчерашняго явленія. Но я съ тѣхъ поръ никакъ не могъ смотрѣть на жидкую смолу, потому что каждый разъ возобновлялось прежнее явленіе, предвѣщавшее мнѣ и моему экипажу участь, ожидающую насъ въ будущемъ».

Разбойнику не для чего было лгать и выдумывать подобный разсказъ, еслибъ дѣйствительно съ нимъ не случилось такого явленія. Онъ объявилъ объ этомъ страшномъ видѣніи за часъ до смерти, на эшафотѣ, и объявилъ торжественно своему духовнику и другимъ свидѣтелямъ, при томъ бывшимъ, изъявляя знаки искренняго, хотя и поздняго раскаянія. Нѣтъ сомнѣнія, что воображеніе разбойника, ожидавшаго достойнаго возмездія за свои преступленія, дѣйствительно нарисовало ему, при помощи естественныхъ иллюзій глаза, въ смѣси тѣней, образуемыхъ отраженіемъ съ поверхности расплавленной смолы, страшную картину, нами описанную.

Мы могли бы привести еще сотни другихъ разсказовъ въ этомъ же родѣ, и хотя изъ нихъ многіе невѣрны и преувеличены, зато другіе основаны на истинныхъ иллюзіяхъ, о которыхъ мы говорили.

Чтобы дополнить исторію оптическихъ обмановъ глаза, необходимо дать нѣсколько понятій о явленіяхъ, извѣстныхъ подъ названіемъ *глазныхъ спектровъ*, или *случайныхъ цвѣтовъ*. Французы называютъ эти явленія *spectres oculaires*, или *couleurs accidentelles*.

Вырѣжемъ изъ красной бумаги какую нибудь фигуру и наклеимъ ее на листъ бѣлой бумаги. Если въ теченіи нѣсколькихъ

Digitized by Google

секундъ или даже минутъ будемъ пристально смотрѣть на какую либо часть красной фигурки, то замѣтимъ, что мало по малу красный цвѣтъ ея начинаетъ блѣднѣть и дѣлаться менѣе яркимъ. Но если мы вдругъ послѣ того обратимъ наше зрѣніе съ красной фигурки на бѣлое поле листа, на которомъ она наклеена, то увидимъ на этомъ бѣломъ полѣ новое изображеніе той же самой фигурки, но только уже не краснаго, а зеленаго цвѣта. Эта-то зеленая фигурка и есть *спектръ* красный, а зеленый цвѣтъ — *случайный*, или *дополнительный* краснаго.

Если вмѣсто красной фигурки наклеить на бѣлый листъ фигурку какого либо другого цвѣта, то, при вышеописанныхъ условіяхъ, мы опять увидимъ спектръ, но только не зеленый. Явленіе этого рода можно разнообразить до чрезвычайности, измѣняя цвѣта фигурки. Мы предлагаемъ здѣсь табличку, въ *первомъ столбцѣ* которой обозначены цвѣта фигурокъ, а во *второмъ столбцѣ* — цвѣта ихъ спектровъ.

Красный	— Зелено голубоватый.
Оранжевый	— Голубой.
Желтый	— Синій.
Зеленый	— Красный (съ фіолетовымъ отливомъ).
Голубой	— Красно оранжевый.
Синій	— Желто-оранжевый.
Фіолетовый	— Желтый.
Бѣлый	— Черный.
Черный	— Бѣлый.

Фигурки первыхъ семи цвѣтовъ всего лучше вырѣзывать изъ цвѣтной бумаги и наклеивать на бѣлый листъ. Тоже можно сказать и о черной фигуркѣ. Бѣлую же лучше всего наклеивать на черную бумагу или ткань.

Такого рода *глазные спектры* часто являются намъ безъ всякаго усилія съ нашей стороны и даже иногда совершенно безъ нашего вѣдома. Такъ, напримѣръ, если войти въ комнату, выкрашенную яркою краскою, въ то время, какъ въ нее сильно ударяютъ солнечные лучи, то мѣста стѣнъ, на которыя не падаетъ прямой свѣтъ и которыя, слѣдовательно, остаются въ тѣни, покажутся намъ окрашенными дополнительнымъ или случайнымъ цвѣтомъ, то есть въ ярко-зеленой комнатѣ—мѣста, оставшіяся въ тѣни, будутъ казаться красноватыми, а въ синей — желто-оранжевыми, и такъ далѣе.

На томъ же самомъ основаніи, солнечный лучъ, проходящій чрезъ дырку красной занавѣси, кажется зеленоватымъ, а свѣтъ

Digitized by Google

чрезъ голубое стекло является оранжевымъ. Однимъ словомъ, всегда найдемъ, что если глазъ сильно поражается какимъ либо цвѣтомъ, тотчасъ рядомъ образуется спектръ случайнаго, или дополнительнаго цвѣта, и чѣмъ ярче былъ главный цвѣтъ, тѣмъ ярче будетъ и дополнительный (*).

Если господствующій цвѣтъ будетъ бѣлый и притомъ весьма яркій, то спектръ, имъ производимый, будетъ чернымъ только на одно мгновеніе и вслѣдъ за тѣмъ начнетъ постепенно принимать разнообразные цвѣта. Лучше всего сдѣлать опытъ надъ солнцемъ, свѣтъ котораго есть чисто бѣлый и притомъ чрезвычайно яркій. Но такъ какъ прямо глядѣть на солнце можно только при извѣстныхъ условіяхъ (не рискуя ослѣпнуть), то лучше всего избирать то время, когда солнце близко къ горизонту; въ противномъ же случаѣ можно, для ослабленія блеска, смотрѣть на изображеніе дневного свѣтила, отраженное въ зеркалѣ или водѣ. Если, напримѣръ, посмотрѣть пристально въ теченіи нѣсколькихъ секундъ на такое изображеніе солнца, то потомъ, въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, мы будемъ постоянно имѣть передъ глазами изображеніе солнечнаго спектра, безпрерывно измѣняющаго свой цвѣтъ; и это явленіе будетъ существовать независимо оттого, будутъ ли глаза открыты, или закрыты. Первоначально, при открытыхъ глазахъ, спектръ будетъ красно-бурый съ лазуревою каймою, а при закрытыхъ глазахъ тотъ же спектръ будетъ зеленый съ красною каймою. Впечатлѣніе бываетъ сначала очень сильное, а красный и голубой цвѣта весьма ярки. Но по мѣрѣ увеличенія промежутка времени дополнительные цвѣта тускнѣютъ и блѣднѣютъ; впрочемъ, ихъ можно вновь усилить, если нѣсколько прижать пальцемъ глазное яблоко.

Описанное нами явленіе спектровъ есть общее для всѣхъ глазъ; только для однихъ оно бываетъ сильнѣе и отчетливѣе, а для другихъ слабѣе и не такъ опредѣлительно. Подобная же разница замѣчается и въ продолжительности явленія. У иныхъ оно продолжается два или три часа, у другихъ же нѣсколько дней или недѣль. Были даже примѣры, что люди, посмотрѣвшіе однажды пристально на солнце, хотя и не ослѣпли, но въ теченіи многихъ лѣтъ постоянно видѣли передъ собой солнечные спектры. Мы могли бы привести примѣромъ для послѣдняго случая знаменитаго естествоиспытателя Бойля, современника и друга ньютонова. Этотъ ученый, посмо-

(*) Тоже самое существуетъ и въ отношеніи слуха. Если музыкальная струна приходитъ въ дрожательное движеніе, то ухо слышитъ одновременно *первоначальный* и *гармоническіе* звуки.

Digitized by Google

трѣвши нѣсколько разъ сряду на солнце, видѣлъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ спектръ дневного свѣтила каждый разъ, когда его глаза попадали на какой либо блестящій предметъ.

Странно было бы утверждать, что всѣ явленія, представляющія характеръ сверхъестественности, необходимо происходятъ отъ иллюзій глаза и обмановъ зрѣнія, въ родѣ тѣхъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили. Но весьма часто случается, что живая фигура, движущаяся посреди сильноосвѣщеннаго пространства, производитъ въ нашемъ глазѣ явленіе ея спектра, которое можетъ сохраниться весьма долгое время и представляться ночью съ самою фантастическою обстановкою. Вотъ одинъ случай видѣнія, подходящій подъ эту категорію.

Одинъ молодой человѣкъ, жившій въ деревнѣ, ожидалъ съ большимъ нетерпѣніемъ прибытія нотаріуса, котораго онъ пригласилъ къ себѣ по весьма важному дѣлу. Нотаріусъ замедлилъ пріѣздомъ, и молодой человѣкъ въ нетерпѣніи вышелъ на балконъ и съ напряженіемъ смотрѣлъ въ ту сторону, откуда долженъ былъ прибыть ожидаемый гость. Въ это время небо было покрыто весьма густыми облаками, между которыми, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, проглядывала свѣтлая лазурь неба. Домъ молодого человѣка былъ заслоненъ густою тучею, какъ вдругъ въ отдаленіи проглянуло солнце и освѣтило яркимъ свѣтомъ узкую полосу далекой равнины, которой вся остальная часть была по прежнему въ тѣни; въ тоже время появился вдали всадникъ, одѣтый въ черное платье, сидящій на бѣлой лошади. Онъ ѣхалъ именно по такому направленію, что солнце сильно освѣщало его, а окрестность находилась въ густой тѣни отъ тучь. Подозрѣвая въ этомъ всадникѣ ожидаемаго нотаріуса, молодой человѣкъ съ напряженнымъ вниманіемъ всматривался въ эту движущуюся фигуру; наконецъ, убѣдившись, что это дѣйствительно тотъ, кого ожидалъ, онъ вздумалъ было спѣшить къ нему на встрѣчу. Но каково же было удивленіе нашего юноши, когда онъ, оборотившись на балконѣ и случайно взглянувъ въ противоположную сторону, увидалъ тамъ въ облакахъ, на темномъ фонѣ тучь, другого, точно такого же всадника, какъ и нотаріусъ, но только одѣтаго въ бѣлое и ѣдущаго на черной лошади. Мало того: въ которую сторону ни обращался упомянутый молодой человѣкъ, всадѣ являлось ему новое изображеніе бѣлаго всадника на черномъ конѣ. Ясно, что то былъ спектръ нотаріуса. А если бы молодой человѣкъ не зналъ физики и былъ суевѣренъ, то это приключеніе могло бы породить не одну исторію о привидѣніяхъ.

Весьма замѣчательно обстоятельство, что если образъ какого либо предмета напечатлѣвается на сѣтчатой плевѣ глаза только въ

Digitized by Google

продолженіи нѣсколькихъ мгновеній, то этотъ образъ сохраняетъ всегда первоначальный цвѣтъ самого предмета. Если, напримѣръ, стать въ глубинѣ комнаты и посмотрѣть пристально на закрытое, сильно освѣщенное окно, а потомъ взглянуть на стѣну, то на этой послѣдней будетъ рисоваться нѣсколько мгновеній изображеніе окна съ освѣщенными стеклами и темнымъ оконнымъ переплетомъ; но вслѣдъ за тѣмъ появится на стѣнѣ изображеніе окна съ темными стеклами и бѣлымъ переплетомъ.

Примѣръ спектра, постоянно сохраняющаго первоначальный цвѣтъ предмета, можно видѣть на опытѣ, когда лучинку съ тлѣющимъ концомъ или раскаленный кусокъ угля быстро вертѣть по кривой сходящейся линіи, въ темной комнатѣ. Положимъ, для простоты, что это вращеніе будетъ производиться по круговой линіи: тогда мы увидимъ не раскаленную точку, а блестящій кругъ того же самого краснаго цвѣта, какъ раскаленный уголь или тлѣющій конецъ лучинки.

Благодаря той же самой способности глаза, одинъ и тотъ же предметъ можетъ быть одновременно видимъ въ различныхъ мѣстахъ. Такимъ образомъ, можно видѣть разомъ двѣ противоположныя стороны предмета, то есть, для примѣра, цѣлую фигуру, которой одна половина будетъ нарисована на одной сторонѣ карты, а другая половина на другой сторонѣ той же самой карты.

Извѣстный французскій ученый г. Дарсе нашелъ, что впечатлѣніе свѣта на сѣтчатую плеву продолжается еще около $^1/_8$ секунды послѣ того, какъ впечатлѣніе свѣтящаго тѣла уже прекратилось. Основываясь на этомъ свойствѣ глаза, докторъ Пари *(Paris)* устроилъ весьма интересный маленькій снарядъ, названный *тауматропомъ*, или *волшебною вертушкою*. Этотъ снарядъ состоитъ изъ извѣстнаго числа круглыхъ карточекъ отъ одного до двухъ вершковъ въ діаметрѣ, могущихъ обращаться съ большою быстротою, помощію шолковыхъ снурковъ, прикрѣпленныхъ къ противоположнымъ ихъ сторонамъ: эти снурки приводятся въ движеніе указательнымъ и большимъ пальцами обѣихъ рукъ. На каждой сторонѣ упомянутыхъ круглыхъ карточекъ нарисовано по половинѣ какой нибудь фигуры, такъ что обѣ стороны каждой карты, вмѣстѣ взятыя, представляютъ какое либо цѣлое изображеніе; напримѣръ, туловище арлекина нарисовано на одной сторонѣ, а голова его, руки и ноги на другой. Если привести снарядъ въ вращательное движеніе, то фигура является цѣлою и мы одновременно видимъ обѣ ея половины или обѣ стороны карты.

Понятно, что такого рода снарядъ можетъ имѣть безчисленное множество видоизмѣненій, и что помощію его можно представлять не

Digitized by Google

только неподвижныя, но и какъ бы движущіяся изображенія. Для этого одна и таже фигура рисуется на всѣхъ картахъ, только въ послѣдовательно измѣненныхъ положеніяхъ. При вращеніи фигура покажется какъ бы движущеюся. Сдѣлавъ снарядъ нѣсколько сложнѣе, заставивъ его вертѣться помощію зубчатыхъ колесъ и приноровивъ къ нему систему экрановъ, приличнымъ образомъ расположенную, можно устроить дѣйствительно любопытные эффекты оптическихъ иллюзій. Такимъ образомъ нетрудно представить восхожденіе солнца, изверженіе вулкана и тому подобныя картины съ движущимися изображеніями.

Что́, если бы древніе жрецы знали упомянутое выше свойство глаза и устроили нѣчто подобное сейчасъ описанному инструменту? Какое бы могущественное пособіе нашли они тутъ для своихъ фигляствъ и особенно для чудесныхъ явленій ихъ боговъ, предъ глазами изумленныхъ поклонниковъ!

При нѣкоторыхъ болѣзняхъ глаза замѣчаются иногда любопытные примѣры неправильнаго зрѣнія.

Здѣсь въ первомъ ряду стоитъ весьма нерѣдкое явленіе, что каждый предметъ бываетъ видимъ вдвойнѣ: это явнымъ образомъ происходитъ отъ временной потери способности направлять обѣ глазныя оси на одинъ и тотъ же пунктъ. Гораздо труднѣе объяснить видоизмѣненіе этого же явленія, состоящее въ томъ, что предметы двоятся даже и тогда, если смотрѣть на нихъ однимъ только глазомъ. Должно, впрочемъ, признаться, что случаи подобнаго рода встрѣчаются весьма рѣдко.

Гораздо важнѣе и замѣчательнѣе состояніе глаза, при которомъ только одна половина каждаго предмета остается видимою, а другая исчезаетъ и какъ бы не существуетъ для больного глаза. Факты этого рода не подвержены никакому сомнѣнію, и не одному физику удалось испытать ихъ надъ самимъ собой. Такого рода случаи дважды повторялись надъ знаменитымъ Уольстономъ [котораго, бывало, по русски называли *Волластономъ* (*Wollaston*)], человѣкомъ, оказавшимъ оптикѣ и другимъ физическимъ наукамъ незабвенныя услуги. Ученому доктору случилось какъ-то разъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ утомиться до нельзя ходьбою и механическими трудами. Вдругъ онъ ощутилъ весьма странный недостатокъ зрѣнія: всѣ предметы являлись ему только на половину видимыми, такъ что правая половина каждаго предмета представлялась глазу весьма отчетливо, лѣвая же совершенно была невидима. Не только у всѣхъ встрѣчныхъ онъ видѣлъ только одну половину туловища и лица и по одной рукѣ и ногѣ, но, проходя мимо квартиры пріятеля своего Джонсона, на дверяхъ котораго находилась мѣдная дощечка съ над-

Digitized by Google

писью *Johnson*, онъ видѣлъ и могъ прочесть одинъ только слогъ — *son*, первый же слогъ, *John*, оставался ему невидимымъ.

Такой странный случай повторился съ Уольстономъ и въ другой разъ; но только въ первомъ случаѣ онъ видѣлъ правую сторону предметовъ, а во второмъ — лѣвую. Да и не одинъ Уольстонъ, но многіе другіе испытали это явленіе, въ совершенно здоровомъ состояніи тѣла, но обыкновенно послѣ большихъ механическихъ трудовъ и усилій. При существованіи такой аномаліи зрѣнія, вообще непродолжительной, наблюдатель, если только онъ незнакомъ съ подобными явленіями и обманами чувствъ, можетъ вѣрить вліянію сверхъестественной силы. Да и какъ не повѣрить, что совершается нѣчто чудесное или волшебное, если, глядя, напримѣръ, на двухъ людей, стоящихъ вмѣстѣ, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ наблюдателя, только одинъ будетъ видимъ, а другой исчезаетъ безъ всякой извѣстной причины, и притомъ, смотря по положенію глаза, будетъ поочередно видимъ то тотъ, то другой! Сколько, въ такихъ обстоятельствъ, можетъ представиться странныхъ стеченій обстоятельствъ, и если наблюдатель будетъ человѣкъ малопросвѣщенный и притомъ суевѣрный, то навѣрное онъ явится героемъ или очевиднымъ свидѣтелемъ какого либо сверхъестественнаго, необъяснимо-таинственнаго приключенія.

Такимъ образомъ родилась не одна исторія о привидѣніяхъ и колдовствахъ, основанная на показаніяхъ самыхъ благонадежныхъ и, повидимому, достовѣрныхъ очевидцевъ. А все чародѣйство заключалось только въ скоропреходящемъ аномальномъ состояніи глаза.

Еще одна особенность глаза, но не скоропреходящая, а вполнѣ постоянная, обманываетъ не только субъекта, который ей подверженъ, но и другихъ зрителей. Это нечувствительность глаза къ нѣкоторымъ цвѣтамъ или краскамъ. Странно, что эта особенность проявляется по большой части у лицъ вполнѣ здоровыхъ, не страждущихъ никакимъ другимъ недостаткомъ, и притомъ часто у такихъ, которыхъ зрѣніе отличается особенною силою и остротою.

Люди, у которыхъ встрѣчается сейчасъ упомянутый нами недостатокъ, представляютъ самыя разнообразныя видоизмѣненія способности различать краски. Одни изъ нихъ видятъ рѣшительно всѣ предметы одноцвѣтными и не могутъ постигнуть, какимъ образомъ другіе различаютъ одну вещь отъ другой только по цвѣту. Для нихъ все въ природѣ имѣетъ однообразный цвѣтъ, но какой именно, этого никакъ нельзя доказать, потому что они рѣшительно лишены всякой способности судить о различіи цвѣтовъ. Это самая

Digitized by Google

высшая степень нечувствительности глаза къ ощущенію различія красокъ.

Множество другихъ людей не могутъ отличать какого либо одного или нѣсколькихъ цвѣтовъ, тогда какъ въ отношеніи ко всѣмъ прочимъ они сохранили нормальную чувствительность глаза. И при этомъ, одни видятъ извѣстный цвѣтъ, а другіе иначе. Вальтеръ-Скоттъ самъ признается, что онъ не имѣетъ никакого понятія о зеленомъ цвѣтѣ: для него въ цѣломъ мірѣ не существуетъ ничего зеленаго, и все зеленое для другихъ кажется ему краснымъ. При этомъ, чѣмъ ярче зеленый цвѣтъ, тѣмъ ярче кажется онъ ему краснымъ, и вообще всѣ оттѣнки зеленаго онъ относитъ къ соотвѣтствующимъ оттѣнкамъ краснаго, такъ что, въ самомъ дѣлѣ, для него нѣтъ никакого различія между этими двумя цвѣтами. Онъ также не могъ отличить лазуревато цвѣта отъ пурпурнаго, хотя весьма хорошо различалъ всѣ остальные оттѣнки голубого и синяго цвѣтовъ.

Есть люди, которые видятъ всѣ предметы либо черными, либо бѣлыми, допуская при этомъ всѣ степени сѣраго, какъ смѣшенія первыхъ двухъ цвѣтовъ. Собственнаго различія красокъ для нихъ не существуетъ, но все темное приближается для нихъ къ черному или черно-сѣрому, а все свѣтлое — къ бѣлому или сѣро-бѣлому.

Можно разсказать кучу анекдотовъ, сохраненныхъ авторами, писавшими объ этомъ предметѣ. Множество подобныхъ разсказовъ найдется въ каждомъ обширномъ сочиненіи объ оптикѣ. Харвей упоминаетъ, напримѣръ, о портномъ, который смѣшивалъ синій цвѣтъ съ краснымъ и однажды сшилъ синій фракъ краснымъ шолкомъ. Во Франціи и теперь еще живетъ извѣстный любитель картинъ, который рѣшительно не имѣетъ понятія о различіи красокъ и которому масляныя картины представляются въ родѣ гравюръ, имѣющихъ только два тона — черный и бѣлый. Дочь его также не различаетъ цвѣтовъ, но масляныя картины кажутся ей имѣющими самыя многоразличныя измѣненія сѣраго цвѣта съ коричневыми тонами въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, находится ярко-красная или желтая краска.

Мнѣ самому извѣстны два случая такой особенности зрѣнія и оба относятся къ лицамъ, имѣющимъ по званію своему постоянное дѣло съ цвѣтами и красками. Первое изъ этихъ лицъ есть садовникъ, человѣкъ лѣтъ пятидесяти. Онъ не можетъ отличать синихъ и голубыхъ цвѣтовъ иначе, какъ сравнивая ихъ съ зелеными, и, дѣйствительно, синіе и голубые цвѣта кажутся ему мутно-зелеными, только въ различныхъ степеняхъ. Фіолетовый цвѣтъ для него вовсе

Digitized by Google

не существуетъ, и онъ смѣшиваетъ его съ мутно-оранжевымъ; всѣ же прочіе цвѣта онъ видитъ и различаетъ весьма хорошо. Замѣчательно, что этому субъекту всѣ цвѣта видимые ненормально кажутся мутными, и эта мутность такова, что онъ, наученный опытомъ, самъ тотчасъ укажетъ цвѣтъ, который является ему не въ естественныхъ краскахъ.

Другой извѣстный мнѣ лично примѣръ относится къ живописцу, довольно искусному. Онъ всячески старается избѣгать въ своихъ картинахъ яркихъ оттѣнковъ краснаго, потому что эти оттѣнки кажутся ему мутно-зелеными. Блѣдно-желтый цвѣтъ является этому художнику грязно-сѣрымъ. Убѣжденный въ недостаткѣ своего зрѣнія, онъ совѣтуется съ другими каждый разъ, когда ему необходимо употребить краску, дурно имъ различаемую.

М. ХОТИНСКІЙ.

Digitized by Google

„ХАРАКТЕРЫ“ ѲЕОФРАСТА.

Ѳеофрастъ былъ ученикомъ и преемникомъ знаменитаго основателя такъ называемой перипатетической школы — Аристотеля. О жизни Ѳеофраста мы знаемъ немного достовѣрнаго, положительнаго, — знаемъ только, что онъ жилъ очень долго — болѣе ста лѣтъ (392—286 года до Р. Х.), родился въ Ересѣ, на островѣ Лесбосѣ, нынѣшнемъ Митиленѣ,— характеръ имѣлъ привлекательный, обходительный, отличался замѣчательною наблюдательностію. Прочіе факты, приводимые Діогеномъ Лаэртіемъ, отъ котораго имѣемъ мы жизнеописанія греческихъ философовъ, прочіе факты о ѳеофрастовой жизни учеными послѣдняго времени опобдозрѣны; да они и неважны. Отъ Ѳеофраста дошло до насъ немного сочиненій. Самымъ замѣчательнымъ считаются всѣми его «Характеры» : такъ называется небольшое сочиненіе, страницъ *(in 8-vo)* въ 35, состоящее изъ короткаго введенія и тридцати короткихъ же главъ, изъ которыхъ въ каждой описывается какой нибудь характеръ современной Ѳеофрасту Еллады. «Характеры» Ѳеофраста первоначально не всѣ вдругъ были найдены и изданы: сперва издано было только пятнадцать «Характеровъ», потомъ 23, 28, и наконецъ, въ концѣ уже прошедшаго столѣтія, всѣ тридцать, изъ которыхъ, впрочемъ, не всѣ приписываются Ѳеофрасту.

Ѳеофрастовы «Характеры» пользовались и доселѣ пользуются большою извѣстностію. Многіе знаменитые филологи трудились надъ

Digitized by Google

установленіемъ текста, весьма испорченнаго, и надъ объясненіемъ его. Много было переводовъ на новые языки: у французовъ и нѣмцевъ даже по нѣскольку разъ переводили Ѳеофраста; у однихъ нѣмцевъ было до десяти переводовъ; четыре изъ нихъ напечатаны были въ повременныхъ изданіяхъ. Особенною же извѣстностію пользуется французскій переводъ Ла-Брюйера *(Les caractères de Théophraste, traduits du grec en français avec les caractères ou moeurs de ce siècle; par Jean de la Bruyère)*, который, по примѣру Ѳеофраста, сдѣлалъ знаменитое свое описаніе нравовъ времени Людовика XIV. Перевода ла-брюйерова было множество изданій, — еще при жизни его (онъ умеръ въ 1696 году) три. Книга Ѳеофраста вполнѣ стóитъ такой извѣстности, тѣмъ замѣчательнѣе, что въ послѣднія тридцать лѣтъ Ѳеофраста почти забыли: по крайней мѣрѣ, въ Германіи, гдѣ такъ много въ послѣднее время сдѣлано для классической филологіи, о Ѳеофрастѣ вышло только двѣ-три ученыхъ диссертаціи. Причина тому вовсе не въ сущности «Характеровъ»: они, вы увидите это сами, стóятъ вниманія, даже очень стоятъ, — а въ разныхъ временныхъ обстоятельствахъ, о которыхъ мы коротко упомянемъ ниже.

Я убѣжденъ (и дай Богъ мнѣ не разубѣдиться), что Ѳеофрастъ можетъ заинтересовать нашу публику: читатели найдутъ у него то, что́ такъ сильно занимаетъ современнаго человѣка, и въ жизни и въ литературѣ: найдутъ анализъ человѣческихъ слабостей, — анализъ самый совершенный (для того времени, конечно), сдѣланный человѣкомъ, прославившимся въ древности своею наблюдательностію. Замѣчательно, что Менандръ, лучшій поэтъ такъ называемой новой комедіи, которая вращалась въ сферѣ домашней, обыденной, а не въ государственной, какъ аристофанова комедія, — Менандръ былъ ученикъ Ѳеофраста. Итакъ, первое, чѣмъ можетъ заинтересовать насъ Ѳеофрастъ, — анализъ. Конечно, самый совершенный анализъ древняго грека не можетъ итти въ сравненіе съ нашимъ: нашъ гораздо глубже, проницательнѣе. Но зато греческій анализъ обращался на такія стороны, на какія мы рѣдко, мимоходомъ только, обращаемъ вниманіе. Потому собственно слово характеръ не идетъ къ ѳеофрастовымъ очеркамъ, хотя по гречески стоитъ именно слово χαρακτῆρες, характеры; впрочемъ, это и значитъ собственно: очерки, происходитъ отъ χαράσσω, царапаю, черчу. Чтобы пояснить, въ чемъ именно состоитъ разница между ѳеофрастовымъ анализомъ и нашимъ, считаю необходимымъ войти въ нѣсколько далекія объясненія.

Въ цивилизированномъ народѣ нашего времени на всѣхъ отдѣльныхъ лицахъ (если они по какой нибудь причинѣ не остались внѣ вліянія цивилизаціи) лежитъ одинъ общій отпечатокъ, сглаживающій всѣ *большія* рѣзкости. Оттого, если вы не физіономистъ, то не

Digitized by Google

опредѣлите *съ перваго разу* цивилизированнаго человѣка; угадать еще можете, но опредѣлить нескоро опредѣлите. Такой, т. е. цивилизированный, человѣкъ если и слабъ умомъ или волею, слабость его не бросается въ глаза; притомъ, вслѣдствіе множества, часто микроскопическихъ, но сильныхъ вліяній, характеръ его осложняется. Еще труднѣе опредѣлить умнаго человѣка. Напротивъ, нецивилизированнаго человѣка вы скорѣе опредѣлите, нецивилизированнаго дурачка даже послѣ двухъ-трехъ словъ можете опредѣлить. Глупость его проще, самобытнѣе.... Причиною тому то, что никто его не стѣсняетъ, никто не хлопочетъ о томъ, чтобы онъ поумнѣлъ. Далѣе: между людьми недалекими или слабовольными гораздо болѣе разницы, чѣмъ между умными и съ характеромъ. Понятно, почему: между двумя точками прямая линія одна, а кривыхъ можетъ быть сколько угодно. Умный и съ характеромъ человѣкъ держится прямой линіи, по возможности; глупый и безхарактерный и не можетъ ея держаться и не хочетъ. Чтобы убѣдиться, какъ разнообразна бываетъ глупость и безхарактерность, и какъ трудно подмѣтить особенности умнаго и съ волею человѣка, припомните себѣ какую нибудь смѣшную личность и какого нибудь человѣка, уважаемаго вами: о первомъ вы припомните вдесятеро (даже болѣе) подробностей, чѣмъ о второмъ.

Итакъ, комическія личности разнообразнѣе другихъ; въ нецивилизированномъ народѣ рѣзче бросаются въ глаза, проще, самобытнѣе. Одно изъ условій современной цивилизаціи — взаимная зависимость одного лица отъ другого. Этою зависимостью многое условлено: условлена была, напримѣръ, жизнь Байрона (о которой печатались недавно въ «Современникѣ» статьи)... Этой взаимной зависимости въ такой степени, какъ у насъ, не было въ древне-греческой жизни. Жить такъ просторно, какъ жили древніе греки, теперь нельзя. Причиною тому было то, что грекъ преимущественно жилъ государственною жизнью; потому въ лучшее время Греціи могли быть государственныя сплетни, какія мы читаемъ въ аристофановыхъ комедіяхъ; но домашнихъ сплетень почти не было; по крайней мѣрѣ, онѣ не ссорили людей. Самымъ лучшимъ тому доказательствомъ служитъ слѣдующій фактъ, поставившій въ тупикъ всю европейскую ученость. Аристофанъ въ «Облакахъ» самымъ наглымъ, даже безсовѣстнымъ образомъ очернилъ, въ глазахъ всего народа (*), Сократа; и мы не только не находимъ никакихъ указаній на то, чтобы Со-

(*) Въ аѳинскомъ театрѣ бывало до *тридцати тысячъ* зрителей; чтобы видѣть, какъ значительно это число и само по себѣ замѣчательно большое, нужно помнить, что въ Аѳинахъ число гражданъ *съ правами*, правныхъ гражданъ, никогда не доходило до тридцати тысячъ.

Digitized by Google

кратъ или ученики его ненавидѣли за это Аристофана; но даже въ «Попойкѣ» (Симпосіи) знаменитѣйшаго ученика сократова Платона Аристофанъ пируетъ съ Сократомъ и другими лицами, преданными и расположенными къ Сократу, бесѣдуетъ съ ними самымъ дружелюбнымъ образомъ! Этого мало: Платону приписываются слѣдующіе стихи про Аристофана: «Харитъ (Грацій), ища такого алтаря, который бы не палъ, нашли душу аристофанову.» Душа Аристофана — алтарь Харитъ! и это говоритъ Платонъ, который такъ любилъ Сократа, очерненнаго Аристофаномъ! Притомъ, не думайте, чтобы комедія аристофанова не принесла вреда Сократу: отъ Платона же и Ксенофонта, другого ученика сократова, мы знаемъ, что «Облака» долго были памятны народу аѳинскому. Этого, мнѣ кажется, ничѣмъ нельзя объяснить иначе, какъ только тѣмъ, что у грековъ не было той взаимной зависимости, которою отличается современное общество.

Объ этомъ можно бы было много сказать; но мнѣ хотѣлось только намекнуть и слегка объяснить эту сторону греческой жизни: она бросаетъ ясный свѣтъ на ѳеофрастовы «Характеры.» Такіе характеры (точнѣе, личности), какіе выставлены Ѳеофрастомъ, могутъ въ наше время явиться только у нецивилизированнаго народа. Это не характеры, а скорѣе *породы* людей. Какъ если бы кто нибудь въ наше время вздумалъ описывать породы собакъ: гончую, борзую, лягавую, такъ Ѳеофрастъ описываетъ льстеца, угодника, врала, безсовѣстнаго и т. д.

Такой анализъ, конечно, еще не могъ бы заинтересовать незнакомыхъ съ греческою жизнію читателей. Но Ѳеофрастъ хорошъ тѣмъ, что всѣ подобранныя имъ черты чрезвычайно характерны: нужно было имѣть сильную наблюдательность отъ природы и кромѣ того долго и прилежно наблюдать людей, чтобы подмѣтить тѣ черты, которыя имъ подмѣчены. Кромѣ того, всѣ эти черты необыкновенно живо представлены: такъ и кажется, что онъ хваталъ ихъ прямо съ площади. Потому ѳеофрастовы «Характеры» безцѣнны для насъ, какъ зеркало будничной жизни: они, относительно Греціи, *почти* тоже, что Помпея и Геркуланумъ для древне-римской жизни. Я удивляюсь, какъ Бартелеми, Бёттигеръ, Беккеръ не воспользовались для популярной передачи греческихъ древностей книгою Ѳеофраста, а выдумывали свои романы, мѣстами скучные и пошлые. Въ настоящей статьѣ сдѣлана попытка передать нѣкоторыя свѣдѣнія о греческой жизни въ канвѣ Ѳеофраста: удачна ли она, пусть судятъ другіе. Форма же романа, даже въ приложеніи къ современной жизни, сильно изнашивается: всѣ эффекты, всякая интрига, всякая завязка извѣстны читателю, прочитавшему десятка три, четыре романовъ, какъ

Digitized by Google

пять пальцевъ; интересуешься только кое-какими побочными эпизодами, характерами. Только геніяльный поэтъ можетъ еще интересовать читателя до конца. Но даже у великихъ романистовъ, даже у нихъ, посмотрите, какъ пошлы выходятъ развязки. Потому нельзя не порадоваться, что съ легкой руки г. Тургенева въ русской литературѣ начинаютъ чаще и чаще появляться коротенькіе очерки, въ родѣ «Записокъ Охотника»: тутъ авторъ не натуживается, не выдумываетъ часто избитой до пошлости завязки; оттого интересъ поддерживается до конца. Содержаніе само даетъ форму разсказу.

Очерки ѳеофрастовы тоже коротки, сжаты до нельзя. Но эта сжатость не поразитъ, надѣюсь, читателей, привыкшихъ, какъ сказалъ я, къ короткимъ же (хотя, конечно, не въ такой степени) разсказамъ гг. Тургенева, Анненкова и другихъ.

Наконецъ прибавлю нѣсколько словъ о настоящей статьѣ. Держался я изданія Аста (1816 года), во многомъ отступающаго отъ другихъ изданій: астово изданіе, по моему мнѣнію, лучше всѣхъ мнѣ извѣстныхъ. Такъ какъ текстъ Ѳеофраста очень испорченъ (это, можетъ быть, оттого, что его прежде много читали), то я не держался буквально подлинника, тѣмъ болѣе, что во многихъ мѣстахъ должны были войти объясненія, иногда даже довольно длинныя, разныхъ явленій греческой жизни. Потому я, собственно говоря, написалъ статью по Ѳеофрасту, пользуясь его сочиненіемъ, какъ канвою. Порядокъ главъ подлинника совершенно измѣненъ, чтобы сгруппировать, сколько возможно, однородныя личности. Теперь приступимъ къ самимъ характерамъ. Въ концѣ сдѣлаю нѣсколько выводовъ.

Нигдѣ лесть не доходила до такого безстыдства, не доводила людей до такого униженія, какъ въ Греціи. Она мать шутовъ и паразитовъ: слово, непереводимое ни на французскій, ни на нѣмецкій, ни на русскій языкъ; наши слова: прихлѣбникъ, нахлѣбникъ, не выражаютъ греческаго понятія. Первое, впрочемъ, хоть по этимологіи правильно и соотвѣтствуетъ греческому слову; а *нахлѣбникъ*, по моему понятію, слово невѣрное: нахлѣбникомъ у насъ называютъ обыкновенно того, кто живетъ у кого нибудь на хлѣбахъ, *платя* за это. Не касаясь, въ настоящемъ случаѣ, собственно паразитовъ, посмотримъ, какъ представленъ у Ѳеофраста греческій льстецъ.

Digitized by Google

Ѳеофрастъ различаетъ два рода лести: собственно лесть и угодничество. Лесть нагляе и грубѣе; угодничество же скрытнѣе, благовиднѣе. Льстецъ, идя съ тѣмъ, за кѣмъ онъ ухаживаетъ, говоритъ: «Замѣчаешь, какъ смотрятъ на тебя люди? этого ни съ кѣмъ не случается кромѣ какъ съ тобой.» Потомъ: «Вчера ты прославился въ стоѣ.» Въ древней Греціи и Италіи былъ всеобщій обычай строить на площадяхъ и рынкахъ крытые, со столбами по обѣимъ сторонамъ, ходы, которые въ Греціи назывались стоями, въ Италіи—портиками. Стои украшались статуями, картинами и другими художественными произведеніями. Въ нихъ собиралось много народу: иные отдохнуть, другіе укрыться отъ непогоды, третіе для свиданія и бесѣды; дѣловые люди—для оборотовъ и условій. Такія стои были и въ Аѳинахъ; особенно знаменита *пестрая стоя*, названная такъ по множеству знаменитыхъ картинъ, въ ней находившихся. Въ ней философъ Зенонъ излагалъ свое ученіе; потому ученики его и назывались стоиками. Въ этой-то стоѣ и прославился, по словамъ льстеца, его высокій другъ. «Было — говоритъ онъ — тамъ болѣе тридцати человѣкъ; зашелъ о тебѣ разговоръ: съ тебя начали, тобой и кончили!» Послѣ того снимаетъ съ платья его пушинку, сметаетъ съ волосъ его соломенку и, смѣясь, говоритъ: «Видишь? два дня я съ тобой не встрѣчался, — и у тебя по всему лицу показались сѣдые волосы. А вѣдь у тебя, если взять во вниманіе твои года, удивительно черные волосы, какихъ дай Богъ всякому.» При этомъ нужно замѣтить, что у грековъ считалось признакомъ бодрой и свѣжей старости — но быть сѣдымъ; потому иные старики даже подкрашивали волосы, если были уже сѣды. Льстецы даже выщипывали сѣдые волосы у того, къ кому подольщались. Лесть ѳеофрастова льстеца замѣчательна тѣмъ, что онъ снялъ съ бороды своего друга не волосъ сѣдой, а соломенку! и, безъ сомнѣнія, прежде чѣмъ сказалъ свой комплиментъ, можетъ быть, показалъ ему соломенку, чтобы и въ шутку даже не огорчить друга. Когда высокій другъ говоритъ, онъ заставляетъ другихъ молчать, а самъ хвалитъ его вслухъ; когда онъ кончитъ свою рѣчь, непремѣнно прикрѣпитъ ее замѣчаніемъ: «Правда.» Когда другъ скажетъ какую нибудь глупую и тупую шутку, льстецъ смѣется, закрываетъ ротъ гиматіемъ (верхнимъ платьемъ грека: это былъ четвероугольный кусокъ какой нибудь матеріи, обыкновенно шерстяной), чтобы показать, что не можетъ удержаться отъ смѣху. Встрѣчающимся велитъ останавливаться, пока *самъ* пройдетъ. Дѣтямъ его покупаетъ яблокъ, грушъ, при немъ даетъ имъ, цалуетъ ихъ, приговаривая: «Птенцы знатнаго отца!» Когда покупаетъ вмѣстѣ съ нимъ башмаки, говоритъ, что нога его статнѣе башмака! Идучи съ нимъ къ кому нибудь изъ его

Digitized by Google

знакомыхъ, бѣжитъ впередъ, кричитъ хозяину: «къ тебѣ идетъ! (замѣтьте, что даже не прибавляетъ, *кто* идетъ, полагая, что всѣмъ извѣстна личность его друга, что кромѣ его нѣкому прійти). Потомъ, вернувшись, объявляетъ другу: «Возвѣстилъ!» Въ Аѳинахъ былъ рынокъ, на которомъ продавалась разная кухонная посуда, разные съѣстные припасы. Этотъ рынокъ назывался бабьимъ. Льстецъ для друга готовъ, не переводя духу, сбѣгать и принести, что́ угодно, и съ бабьяго даже рынка. За обѣдомъ у друга первый хвалитъ вино, говоритъ другу: «Тебѣ неловко лежать.» Взявши что нибудь со стола, показываетъ гостямъ и говоритъ: «Какая славная вещь!» Спрашиваетъ у друга за столомъ, не холодно ли, не хочетъ ли онъ покрыться, и, не дождавшись еще отвѣта, укутываетъ его. Прилегаетъ къ уху его, чтобы что-то шепнуть, — говоритъ съ другими, *глядя на него!* Такъ какъ въ театрѣ аѳинскомъ сидѣли на голыхъ камняхъ, то за тѣми, которые были побогаче, приносили слуги подушки. Льстецъ вырываетъ подушку у слуги и самъ ее подстилаетъ. И домъ-то, если его послушать, и домъ-то его высокаго друга хорошо построенъ, и нива хорошо воздѣлана, и портретъ его, какъ бы живописецъ съ своей стороны ни польстилъ оригиналу, похожъ на него какъ двѣ капли воды.

Не такъ нагло и грубо поступаетъ угодникъ. Онъ, завидѣвши кого нибудь еще издали, кричитъ ему, называетъ его знатнѣйшимъ лицомъ, высказываетъ глубокое удивленіе къ нему; когда тотъ хочетъ итти, схватываетъ его обѣими руками; немного провожаетъ его; спрашиваетъ, когда его увидитъ; распрашиваетъ о томъ, о семъ, и насилу, наконецъ, съ нимъ разстается. Пригласятъ его быть въ какомъ нибудь дѣлѣ посредникомъ, онъ старается угодить обоимъ противникамъ, чтобы показать свое безпристрастіе. Если нужно разсудить гражданина съ иноземцемъ, объявляетъ, что въ словахъ иноземца больше правды. Если зовутъ его куда нибудь на обѣдъ, проситъ привести дѣтей хозяина; когда они войдутъ, говоритъ, что они болѣе похожи на отца, чѣмъ смоква на смокву; цалуетъ ихъ, сажаетъ подлѣ себя; играетъ съ ними, дозволяетъ имъ спать на себѣ, хоть и тяжело ему.

Другая характерическая черта грека, особенно аѳинянина, была страсть къ болтливости. Ѳеофрастъ различаетъ три характера болтливости: собственно болтливость, вранье и распусканіе вѣстей.

Болтунъ любитъ пускаться въ длинные разговоры, не обращая вниманія на то, умѣстны ли они, или нѣтъ. Придется ему сидѣть съ совершенно незнакомымъ человѣкомъ, и онъ начинаетъ, ни съ того, ни съ сего, хвалить свою жену; потомъ разсказываетъ, какой ему ночью

Digitized by Google

приснился сонъ. Потомъ излагаетъ въ подробности, что у него было за обѣдомъ. Послѣ того пускается и дальше: говоритъ, что теперешніе люди хуже старыхъ. Далѣе, что хлѣбъ на рынкѣ вздорожалъ, что много пріѣзжаетъ иноземцовъ, что съ Діонисій можно пускаться въ море, что если Зевсъ пошлетъ дождя, хлѣба будутъ лучше, что онъ на слѣдующій годъ займется земледѣліемъ, что трудно жить, что Дамиппъ во время мистерій поставилъ большую свѣчу. Доноситъ, сколько колоннъ въ Одеѣ. Объявляетъ, что вчера его рвало. Спрашиваетъ: «Какой сегодня день?» Говоритъ, что въ мѣсяцѣ Воедроміонѣ бываютъ мистеріи, въ Піанепсіонѣ Апатуріи, въ Посидеонѣ сельскія Діонисіи. Если кто будетъ терпѣливо слушать его болтовню, ужь онъ не отстанетъ.

Безсвязность и неумѣстность этой болтовни очень забавна. Замѣтьте притомъ, что ѳеофрастовъ болтунъ говоритъ не только о томъ, до чего его слушателю нѣтъ ровно никакого дѣла, но даже и о томъ, что было извѣстно всякому аѳинянину: сколько столбовъ въ Одеѣ? въ какіе мѣсяцы празднуются мистеріи, Апатуріи, Діонисіи? А какъ дѣльны эти его изрѣченія: люди теперешніе хуже прежнихъ; много пріѣзжаетъ иноземцевъ; дождь приноситъ плодородіе, и т. д. Болтовня эта требуетъ, впрочемъ, нѣкоторыхъ объясненій. Діонисіи (праздникъ) были городскіе и сельскіе. Городскіе бывали въ мартѣ; сельскіе — въ декабрѣ. Понятно, конечно, и безъ объясненій ѳеофрастова болтуна, почему послѣ городскихъ Діонисій, т. е. весною, можно пускаться въ море. Дамиппъ, неизвѣстное лицо, во время мистерій, когда всѣ аѳиняне и аѳинянки приносили богинѣ Деметрѣ (Церерѣ) горящія свѣчи, отличился передъ другими — поставилъ большую свѣчу. Одей (Одеумъ, Одеонъ) было зданіе, выстроенное Перикломъ (а по другимъ свидѣтельствамъ, Ѳемистокломъ) въ видѣ театра; въ немъ давались концерты. Апатурій — праздникъ въ честь Вакха.

Врунъ, о чемъ бы съ нимъ ни заговорили, говоритъ: «Ты пустяки говоришь; я все это знаю; выслушай меня, узнаешь и ты.» Когда кто нибудь о чемъ разсказываетъ, онъ вдругъ перебиваетъ говорящаго такъ: «Не забывай же, что хотѣлъ сказать. — Хорошо, что напомнилъ. — Вранье куда какъ полезно! — Я забылъ вотъ о чемъ. — Скоро поймешь дѣло. — Давно я ждалъ, что ты ко мнѣ за этимъ обратишься.» И много придумываетъ онъ такихъ предлоговъ, такъ что встрѣтившійся съ нимъ не знаетъ, какъ духъ перевести. Измучивши такимъ образомъ одного, другого, онъ направляетъ свои стопы на какую нибудь кучку лицъ, сошедшихся потолковать о дѣлѣ, и появленіемъ своимъ разгоняетъ ихъ: важное неудобство площадной жизни, которую вели аѳиняне! Этого мало. Въ Аѳинахъ

Digitized by Google

запрещено было подъ смертною казнію входить въ школу или палестру во время ученія (*). Нашъ герой не боится и смерти: отправляется и туда, мѣшаетъ мальчикамъ заниматься, болтаетъ съ учителями. Наконецъ его оттуда выживаютъ. Провѣдавши, что производилось въ народномъ вѣчѣ, всѣмъ о томъ пересказываетъ, хотя бы слушатели его уже и знали дѣло. Этого мало: припоминаетъ разныя происшествія давнишнія; пересказываетъ рѣчи, которыя онъ когда-то со славою, по его словамъ, говорилъ передъ народомъ. Слушатели между тѣмъ засыпаютъ или разбѣгаются. Въ судѣ онъ мѣшаетъ судить, въ театрѣ мѣшаетъ смотрѣть, за обѣдомъ — ѣсть. Когда его унимаютъ, ругаютъ ласточкою, вороной, сорокою, онъ отвѣчаетъ, что врану трудно не врать, что у него языкъ смазанъ, что онъ не станетъ молчать, хотя бы говорили про него, что онъ болтливѣе даже всякой ласточки. Терпѣливо выноситъ насмѣшки, даже отъ своихъ дѣтей: они, когда захотятъ спать, говорятъ ему: «Поври что нибудь намъ, чтобы намъ поскорѣе уснуть.»

Вѣстовщикъ если встрѣтитъ кого нибудь, съ заискивающей улыбкою, такъ начинаетъ рѣчь: «Откуда ты? — Что ты можешь сказать новенькаго о томъ-то? откуда провѣдалъ?» Потомъ, болѣе и болѣе приставая, продолжаетъ: «Не говорятъ ли чего нибудь новенькаго? Значитъ, новости все хорошія?» Не давши отвѣчать и на эти его вопросы, забрасываетъ новыми вопросами: «Что же ты скажешь? — Ничего не слыхалъ? — Ну, такъ мнѣ, кажется, приходится угостить тебя новостями.» Это неподражаемое описаніе вѣстовщика ничуть не преувеличено: аѳиняне до страсти, до слабости любили новости; за это ихъ особенно часто укоряетъ Демосѳенъ. Однажды онъ, видя, что аѳиняне не слушаютъ его толковъ о дѣлахъ государства, шумятъ, кричатъ, вдругъ остановился и началъ слѣдующій разсказъ: «Шли два путника; у одного изъ нихъ былъ оселъ.» Аѳиняне внимательно прислушиваются.... «День былъ жаркій: захотѣлось имъ отдохнуть; но вокругъ не было тѣнистыхъ мѣстъ; рѣшаются они прилечь подъ тѣнію осла. Но кому же лечь первому? для обоихъ тѣни осла было мало.» Тутъ Демосѳенъ остановился.... Аѳиняне просятъ его продолжать.... Но Демосѳенъ дальше не сталъ говорить, а сдѣлалъ имъ приличное нравоученіе, что они о важныхъ дѣлахъ не хотятъ слушать, а о пустякахъ готовы, и т. д. Этотъ анекдотъ превосходно характеризуетъ аѳинянъ. Особенно же любили они новости, такъ что про нихъ образовалась даже извѣстная поговорка: «что новенькаго?», которою ихъ дразнили.

(*) Впрочемъ, въ ѳеофрастово время законъ этотъ соблюдался не такъ строго.

Digitized by Google

Воротимся къ Феофрастову вѣстовщику. Начинаетъ онъ разсказъ свой тѣмъ, что упоминаетъ, отъ кого слышалъ вѣсть. Слышалъ онъ или отъ солдата, или поставщика провизіи на войско, только что вернувшагося изъ лагеря; словомъ, онъ ссылается на такихъ людей, какихъ невозможно было бы отъискать; и потому невозможно его уличить. Разсказываетъ, съ ихъ будто бы словъ, что такой-то полководецъ одержалъ побѣду, а такой-то взятъ въ плѣнъ. Спросятъ у него: «А ты-то самъ этому вѣришь?» — Какъ же? объ этомъ всѣ кричатъ въ городѣ, — этотъ слухъ повсюду разошелся, — всѣ совершенно согласно разсказываютъ.» Видите: за нѣсколько еще минутъ онъ говорилъ, что только онъ слышалъ отъ какого-то солдата, отъ поставщика; а теперь — ужъ и весь городъ кричитъ, и слухъ повсюду разошелся! Потомъ вѣстовщикъ передаетъ подробности дѣла. Рѣзня была страшная: доказательство тому — лица чиновниковъ; онъ *видѣлъ*, что когда дошла до насъ эта вѣсть, они стали на себя не похожи! Наконецъ вѣстовщикъ нашъ доходитъ до того, что утверждаетъ, будто онъ *самъ подслушалъ*, какъ обо всемъ этомъ кто-то доносилъ чиновникамъ, властямъ; этотъ кто-то, пятый уже день, какъ пришелъ изъ Македоніи; онъ все знаетъ. И разсказывая,— какъ бы вы думали? замѣчаетъ Феофрастъ,— *для* бо́льшаго убѣжденія, самъ убивается, горюетъ. «Бѣдный, бѣдный Кассандръ (т. е. взятый въ плѣнъ)! Горемычный! Вотъ тебѣ и судьба!» и т. д. Заключаетъ свою вѣсть обыкновенною у такихъ людей фразою: «Смотри же: чтобы кромѣ тебя никто объ этомъ не зналъ»; а самъ первый же всѣмъ разблаговѣститъ, еще съ новыми дополненіями.

Заключая главу о вѣстовщикѣ, Феофрастъ высказываетъ свое удивленіе, чего добиваются такіе люди. Не только они ничего не выигрываютъ своими вѣстями, но даже часто многое теряютъ: иные, увлекшись разсказомъ ими же сочиненныхъ вѣстей, не замѣчаютъ, какъ у нихъ въ банѣ крадутъ платье (несмотря на строгость законовъ, за кражу въ банѣ опредѣлявшихъ смертную казнь, покражи въ баняхъ нерѣдко случались); другіе одерживаютъ, разумѣется, на словахъ, морскія и сухопутныя побѣды — и проигрываютъ дѣло въ судѣ; а другіе, за обѣдомъ, берутъ города, а обѣдъ прозѣвали! Это послѣднее обстоятельство напоминаетъ извѣстную басню нашего Крылова: только обстановка другая. Басня Крылова называется «Три мужика». Три мужика, возвращаясь изъ Петербурга на родину, зашли въ одну деревню ночевать. Поужинать имъ дали щей и каши, но немного:

Тутъ одинъ, посмѣтливѣй изъ нихъ,
Увидя, что всего немного для троихъ,

Digitized by Google

Смѣкнулъ, какъ дѣломъ тутъ поправить
(Гдѣ силой взять нельзя, тамъ надо полукавить)
«Ребята, говоритъ, вы знаете Ѳому?
Вѣдь въ нынѣшній наборъ забрѣютъ лобъ ему.»
—Какой наборъ?—«Да такъ.» Есть слухъ, война съ Китаемъ.
Нашъ Батюшка велѣлъ взять дань съ Китайцовъ чаемъ.»
Тутъ двое принялись судить и разсуждать
(Они же грамотѣ, къ несчастью знали
Газеты и, подъ часъ, реляціи читали),
Какъ быть войнѣ, кому повелѣвать.
Пустилися мои ребята въ разговоры;
Пошли догадки, толки, споры:
А нашъ того лукавецъ и хотѣлъ:
Пока они судили, да рядили,
Да войско разводили,
Онъ ни гугу — и щи и кашу все пріѣлъ.

Предпослѣдній стихъ даже по выраженію похожъ на разсказъ Ѳеофраста.

Болтунъ, лгунъ, вѣстовщикъ никому не вредятъ, по крайней мѣрѣ не хотятъ вредить. Потому Ѳеофрастъ отличаетъ отъ нихъ сквернослова (наглеца) и злоязычника: первый хочетъ оскорбить другого, второй — сдѣлать зло, повредить. Впрочемъ, слова: сквернословъ, наглецъ далеко не выражаютъ греческаго слова βδελυρός. Ѳеофрастъ такъ описываетъ βδελυρόν. Такой человѣкъ шутитъ нагло, оскорбительно. Встрѣчаясь съ честными женщинами, дѣлаетъ непристойности. Въ театрѣ хлопаетъ, когда другіе перестанутъ; ошикиваетъ тѣхъ, на которыхъ прочіе зрители смотрятъ съ удовольствіемъ. Когда зрители утихнутъ, онъ поднимется и рыгнетъ, чтобы заставить зрителей на него обернуться. На многолюдной площади подойдетъ къ орѣхамъ, яблокамъ, къ другимъ плодамъ, остановится, лакомится, болтая между тѣмъ съ продавцомъ. Зоветъ по имени кого нибудь изъ прохожихъ, будучи съ нимъ вовсе не близокъ. Увидѣвъ человѣка куда нибудь торопящагося, велитъ подождать. Проиграетъ кто нибудь важное дѣло въ судѣ, онъ подходитъ къ нему, поздравляетъ его. Самъ покупаетъ провизію (самому покупать провизію считалось въ Аѳинахъ непристойнымъ); самъ нанимаетъ флейтщицу; встрѣчнымъ показываетъ купленную имъ провизію, зоветъ къ себѣ отвѣдать ее. Стоя передъ цырульнею или лавкою, въ которой продается масло, говоритъ, что намѣренъ сегодня напиться. А въ цырульняхъ и лавкахъ всегда бывало много народу. Аѳиняне бо́льшую часть дня проводили на площади. Ходили туда не только по дѣламъ, а даже — просто, поболтать: дома имъ не сидѣлось. Какъ аѳинянка проводила жизнь въ стѣнахъ дома, почти без-

Digitized by Google

выходно: такъ аѳиняпинъ почти не жилъ дома. Было у него какое нибудь дѣло или нѣтъ, онъ непремѣнно отправлялся въ какое бы то ни было сборище, — на рынокъ, въ гимназію, въ баню, въ цырульню, даже въ какую нибудь лавку. Такъ Сократъ, по словамъ Ксенофонта, съ утра обходилъ гимназію, потомъ, когда народу было уже много на площади, туда являлся; да и остальное время проводилъ тамъ, гдѣ зналъ, что народу собирается много. Въ гимназіяхъ любили также бывать риторы и софисты: тамъ они толковали о разныхъ предметахъ, спорили между собой, съ учениками своими; юноши бросали гимнастическія упражненія и собирались вокругъ ихъ. Гимназіи и палестры имѣли для грека еще *національный* интересъ: въ нихъ разыгрывались романы въ греческомъ духѣ. Любопытно прочесть по этому случаю платоновъ разговоръ Хармидъ, превосходно переведенный г. Карповымъ. Весьма часто посѣщались также цырульни, разныя лавки, особенно лавки продавцовъ масла, лавки лекарей (въ такихъ лавкахъ находился и лекарь, и разныя снадобья и инструменты), даже лавки сапожниковъ, шорниковъ. Для насъ страненъ такой обычай: мы заходимъ въ такія мѣста только по надобности; а аѳиняне бывали въ нихъ для препровожденія времени. И этотъ обычай былъ такъ силенъ въ аѳинахъ, что на человѣка, не слѣдовавшаго ему, смотрѣли подозрительно: Демосѳенъ, упрекая одного человѣка въ необщительности, нелюдскости, говоритъ: «Онъ *даже* не ходитъ ни въ одну цырульню, ни въ одну масляную лавку, ни въ какую мастерскую.» Другой риторъ (ораторъ), Лисія, говоритъ: «Каждый изъ васъ обыкновенно ходитъ, кто въ цырульню, кто въ масляную лавку, кто къ сапожнику, — кому куда придется.» Потому цырульни и лавки получали часто даже политическое значеніе: жители одного мѣстечка, или принадлежавшіе къ одной филѣ (колѣну) собирались обыкновенно около одной какой нибудь цырульни или лавки. Вернемся къ ѳеофрастову наглецу. Греки, подобно всѣмъ языческимъ народамъ, обращали суевѣрное вниманіе на разныя *знаменія*. Еще въ гомеровой «Одиссеѣ» видимъ, что человѣкъ, задумавши что нибудь, судилъ объ успѣхѣ или неуспѣхѣ дѣла, смотря потому, напримѣръ, какое первое услышитъ онъ слово: если первый изъ попавшихся ему на встрѣчу скажетъ: хорошо, добрая мысль и т. п., то хотя бы слова говорящаго вовсе не относились къ человѣку, задумавшему что нибудь, онъ все-таки заключалъ, что предпріятіе его будетъ успѣшно; если же онъ въ подобномъ случаѣ слышалъ: худо, нехорошо, плохое дѣло и т. п., то отчаявался въ успѣхѣ своего дѣла. Такой предразсудокъ, къ сожалѣнію, сохраняется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до нашего времени. Особенную силу, по понятіямъ грековъ, имѣли такія слова, когда произносились под-

Digitized by Google

ственниками, хотя бы даже въ отсутствіи. Ѳеофрастовъ кощунъ и наглецъ не обращаетъ на это никакого вниманія: когда его мать идетъ посовѣтоваться о чемъ нибудь съ предгадателемъ, онъ сквернословитъ; во время молитвы и возліянія богамъ, онъ роняетъ нарочно свою чашу и смѣется: сдѣлалъ зловѣщее знаменіе. Когда флейтщица при немъ играетъ, онъ одинъ изо всѣхъ хлопаетъ ей, подсвистываетъ; если она остановится не въ тактъ къ его подсвистыванію, бранитъ ее, не думая о томъ, что не она, а онъ виноватъ: онъ по неумѣнію потерялъ тактъ. За столомъ, желая плюнуть, плюетъ черезъ столъ на слугу, подававшаго вино.

Злослова, злоязычника Ѳеофрастъ описываетъ такъ. Если спросятъ злослова о комъ нибудь: кто это? онъ начинаетъ съ его родословія, говоритъ: «Отецъ его сначала прозывался Сосія, въ солдатахъ сталъ Сосистратомъ (т. е. воинственнымъ Сосіею), потомъ записанъ былъ въ демоты.» Сосія — имя варварское, имя рабовъ; потому-то онъ, попавши въ военную службу, передѣлалъ имя свое Сосія въ Сосистратъ. Потомъ Сосія вписался въ демъ; аѳинскіе граждане непремѣнно должны были быть приписаны къ какому нибудь изъ демовъ, на которые дѣлился аѳинскій народъ. Рабы, взятые въ военную службу, часто получали въ Аѳинахъ за отличіе на войнѣ гражданство: таковъ былъ Сосія, или Сосистратъ. «А мать его — продолжаетъ злословъ — *благородная* ѳракіянка (*): такія твари, говорятъ, въ отечествѣ своемъ благородны. Самъ онъ сынъ такого сорта родителей, подлый кнутобой.» Проходя далѣе, онъ указываетъ на какой-то домъ и говоритъ: «А вотъ эти женщины хватаютъ съ улицы прохожихъ мужчинъ.» Послѣ того злоязычникъ отпускаетъ еще нѣсколько любезностей въ такомъ же родѣ, которыхъ мы не станемъ передавать, какъ потому, что онѣ могутъ оскорбить ухо и чувство нашихъ читателей, такъ и потому, что текстъ подлинника въ этомъ мѣстѣ значительно испорченъ. Когда другіе начинаютъ кого нибудь злословить, злоязычникъ подхватываетъ и самъ такъ говоритъ: «Я этого человѣка больше всѣхъ ненавижу. И лицо-то у него противное; а по подлости нѣтъ ему равнаго. Что далеко ходить? женѣ на дессертъ (точнѣе: на рыбу, плоды и прочія принадлежности такъ называемаго *второго стола*, который, хотя не вполнѣ, отвѣчаетъ нашему дессерту) даетъ три халкія (около полуторы копейки серебромъ); заставляетъ ее въ декабрѣ и январѣ мыться холодною водою.» Если придется ему быть въ какомъ нибудь

(*) Нужно знать всю степень презрѣнія и ненависти, какую питали аѳиняне къ иноплеменникамъ, чтобы понять этотъ сарказмъ злоязычника.

Digitized by Google

обществѣ, то едва кто нибудь выйдетъ, хотя бы знатный былъ человѣкъ, — тотчасъ начинаетъ о немъ злословить. Множество дурного говоритъ про друзей и родственниковъ; даже и объ умершихъ дурно отзывается.

Теперь перейдемъ къ прочимъ характерамъ.

Двуличный человѣкъ, встрѣчаясь съ врагомъ, дѣлаетъ видъ, будто любитъ его, а не ненавидитъ; тѣхъ, противу которыхъ замышляетъ, тѣхъ, въ присутствіи ихъ, хвалитъ; горюетъ съ ними, когда съ ними случится бѣда. Прощаетъ злословящимъ его; не сердится, если про него говорятъ худое; съ тѣми, которыхъ самъ обижаетъ и которые сердятся на него, говоритъ кротко. Тѣмъ, которымъ непремѣнно нужно видѣться съ нимъ, приказываетъ приходить завтра: велитъ сказать имъ, что онъ то недавно возвратился домой, то поздно, то боленъ. Ни на что прямого отвѣта не даетъ, а говоритъ: «Подумаю». То ничего не продаетъ, то продаетъ. Видѣлъ что нибудь, а притворяется, будто не видѣлъ; слышалъ, а говоритъ, что не слышалъ; обѣщалъ, а говоритъ, что забылъ. Объ одномъ «подумаетъ» еще, другого не знаетъ; тому дивится, а объ этомъ и самъ такъ (т. е. другіе) порѣшилъ. Вообще онъ любитъ такъ выражаться: «Не вѣрю — Не понимаю! — Изумляюсь! — Онъ (т. е. о комъ идетъ рѣчь) совсѣмъ другимъ сталъ человѣкомъ! — Этого до меня не дошло! — Странное, по моему, дѣло! — Поговори съ кѣмъ нибудь другимъ. — Тебѣ ли не вѣрить, его ли осудить, право, не знаю.» Ѳеофрастъ совѣтуетъ остерегаться такихъ людей больше, чѣмъ змѣй, ехидны. Вы видите, что двуличный человѣкъ составляетъ прямую противоположность злоязычнику.

Хвастунъ воображаетъ, или, лучше сказать, выказываетъ себя обладателемъ того, чего у него нѣтъ. Стоя на *выставкѣ* (такъ перевожу я слово δεῖγμα, которымъ означалось обыкновенно, какъ и здѣсь, мѣсто, гдѣ выставлялись разные товары для продажи: всякій покупатель имѣлъ право осмотрѣть вещь, отвѣдать), стоя на выставкѣ, разсказываетъ, какъ много пущено имъ въ море денегъ, т. е. какъ много заняли у него денегъ купцы, торгующіе на морѣ; каковъ у него оборотъ денегъ; сколько получаетъ процентовъ. При этомъ замѣтимъ, что аѳинскіе ростовщики брали страшные проценты: примѣръ тому сейчасъ увидимъ. Едва кончивъ свою рѣчь, хвастунъ посылаетъ къ мѣнялѣ за драхмою, *четвертакомъ*, отданнымъ ему на ростъ! Залучивши кого нибудь на дорогѣ, разсказываетъ, какъ онъ ходилъ въ походъ съ Александромъ (Македонскимъ); въ какихъ былъ къ нему отношеніяхъ: по его словамъ, что въ пріятельскихъ; сколько привезъ онъ съ собой чашъ, осыпанныхъ драгоцѣнными

Digitized by Google

камнями. О художникахъ азіятскихъ говоритъ, что они лучше европейскихъ: онъ въ томъ убѣжденъ. Пришло къ нему письмо отъ Антипатра (правителя Македоніи), въ которомъ Антипатръ проситъ его пріѣхать (въ третій уже разъ) въ Македонію. Антипатръ давалъ ему позволеніе вывозить изъ Македоніи лѣсъ (строительный) безъ пошлины, да онъ отказался, чтобы никто не посмѣлъ обвинить его передъ народомъ. Лѣсъ въ Аттикѣ былъ очень дорогъ. Въ голодный годъ истрачено имъ болѣе пяти талантовъ (около семи тысячъ руб. сер.): роздалъ недостаточнымъ гражданамъ; а отказать не могъ! Потомъ роздалъ шестистамъ гражданамъ по минѣ (22¾ руб. сер.), что составило десять талантовъ, 13,650 руб. сер. Для пущаго удостовѣренія, началъ даже пересчитывать имена *шестисотъ* (!) гражданъ, имъ облагодѣтельствованныхъ! А тріерархіи и другія литургіи и въ счетъ не кладетъ. Литургіями назывались разныя обязанности, лежавшія на богатыхъ гражданахъ, требовавшія, кромѣ значительнаго пожертвованія деньгами, еще труда, хлопотъ, заботъ, отвѣтственности. Постоянныя литургіи были — устроеніе хоровъ драматическихъ (хорегія), попеченіе о гимназіяхъ, угощеніе извѣстной части народа, снаряженіе священныхъ посольствъ; а самою главною — тріерархія, снаряженіе тріеръ: такъ назывались военные греческіе корабли. Тріерархія стоила обыкновенно 40 минъ, т. е. болѣе 900 руб. сер. Бывшаго уже тріерархомъ могли назначить опять въ тріерархи черезъ *два* года. Чтобы оцѣнить всю тягость литургій, нужно не забывать, что въ лучшее время, въ V и VI столѣтіяхъ до Р. Х., деньги въ Греціи были несравненно дороже нашего. И несмотря на то, долгое время, пока цвѣла Аѳинская республика, литургіями не тяготились. Обратимся опять къ хвастуну. Если подойдетъ къ продавцамъ отличныхъ лошадей, показываетъ, будто хочетъ купить. Потомъ, подошедши къ постельному ряду, прицѣпляется къ покрывалу, стоящему около двухъ талантовъ (около 1700 руб. сер.), и бьетъ слугу, идущаго за нимъ, почему онъ, отправляясь съ нимъ, не беретъ съ собой денегъ. Живетъ въ наемномъ домѣ, а людямъ еще незнающимъ его говоритъ, что домъ этотъ прадѣдовскій, что онъ хочетъ продать его, потому что для гостей тѣсное помѣщеніе, что у него свой фонтанъ студеной воды, — вещи, въ такомъ климатѣ, какой въ Греціи, весьма пріятной, — что у него есть садъ, въ которомъ много нѣжныхъ и вкусныхъ овощей, — что друзья его — бездонная бочка: что имъ ни дѣлай, недовольны, — что угощая друзей, онъ показываетъ своимъ гостямъ парасита, — что на парасита этого кричитъ: «Потѣшай гостей! Этотъ характеръ много имѣетъ сходства съ характеромъ болтуна и враля.

Digitized by Google

Надоѣдливый человѣкъ будитъ спящаго, чтобы поболтать. Если съ кѣмъ нибудь сбирается въ путь, задерживаетъ, проситъ подождать, пока онъ погуляетъ!... Отнимаетъ дитя у кормилицы и самъ кормитъ его жеванымъ, ласкаетъ его, присвистывая. За обѣдомъ разсказываетъ, какъ его, послѣ чемерицы, прочистило. Бѣлую чемерицу древніе греки употребляли, какъ рвотное, для очищенія желудка; черную — противъ жолчи. Въ присутствіи домашнихъ, спрашиваетъ мать, каковъ ей показался денекъ, когда она его рожала, и т. д.

Неумѣстность, некстати, *mal à propos*. Человѣкъ, незнающій ни поры, ни времени, неумѣстный, таковъ. Онъ приходитъ калякать къ занятому человѣку. Съ безпокойными гуляками отправляется къ любовницѣ, когда ее колотитъ лихорадка. Если кому пришлось поплатиться за поручительство въ какомъ нибудь дѣлѣ, неумѣстный человѣкъ является къ нему и проситъ быть его порукою! Будучи позванъ въ свидѣтели, является тогда, когда уже дѣло кончено, рѣшено. Приглашенный на сватьбу, бранитъ весь женскій родъ. Только-что пришедшихъ изъ дальней дороги зоветъ гулять. Въ Аѳинахъ если кому нибудь нужно было что либо продать, въ такомъ случаѣ обращались къ извѣстнымъ людямъ, тѣмъ и занимавшимся, что отыскивали продавцамъ покупателей. Если неумѣстный человѣкъ принимался за это занятіе, то приводилъ покупателя, дававшаго за вещь больше, когда вещь была уже продана. Готовъ хлопотать о томъ, чего другой вовсе не хочетъ, и только стыдится ему отказать. Когда должникъ его приноситъ жертву, тратится, — приходитъ просить процентовъ. Присутствуя при наказаніи чьего либо раба, разсказываетъ, что его (собственному) сыну также однажды досталось, и тотъ удавился. Случается ему быть на мировой, посредникомъ, или такъ случайно, — онъ, хотя бы противники желали помириться, разсваживаетъ ихъ другъ противъ друга. Пускаясь въ танцы, тащитъ пріятеля, хотя бы тотъ еще не былъ пьянъ: условіе, вѣроятно, въ то время необходимое для того, чтобы имѣть охоту танцовать.

Хлопотливость, суетливость. Хлопотунъ, суетливый человѣкъ, вызывается сдѣлать, чего не можетъ: такъ, напримѣръ, въ судѣ, хотя всѣ признали несостоятельность, неправость какого нибудь дѣла, онъ поднимается защищать его и — конечно, отступаетъ съ позоромъ. Заставляетъ слугу смѣшать вина больше, чѣмъ сколько могутъ выпить гости. Греки пили смѣшанное вино: обыкновенно къ части вина примѣшивали гораздо бо́льшую часть воды. Мѣшали вино передъ тѣмъ, какъ пить, при чемъ сообразовались съ числомъ

Digitized by Google

присутствующихъ, съ желаніемъ и моготою ихъ. Для этого употреблялись особеннаго рода сосуды — кратеры, чаны. Выпивши одинъ кратеръ, готовили другой, третій, смотря по желанію и охотѣ гостей. Болѣе трехъ кратеровъ умѣренные и воздержные люди не пили. Но бывали и такіе, которые выпивали по десяти и болѣе кратеровъ. Изъ кратера черпалками наливалось вино въ кубки. Хлопотунъ разнимаетъ дерущихся, хотя бы ихъ и не зналъ. Берется проводить, не зная дороги. Подходитъ, ни съ того, ни съ сего, къ воеводѣ и спрашиваетъ, когда будетъ сраженіе, даже, какой онъ дастъ приказъ *послѣзавтра?* Подходитъ къ отцу съ извѣщеніемъ, что мать уже спитъ въ спальнѣ.... Врачъ запретилъ однажды больному давать вина; а онъ — «опытъ, сказалъ, хочу сдѣлать» — поднялъ его, посадилъ поудобнѣе и далъ пить. Когда умерла у него жена, онъ на памятникѣ написалъ и имя мужа, и имя отца ея, и матери, и самой ея имя, и сверхъ того приписалъ: «Превосходные были люди!» Когда приходится ему клясться, говоритъ предстоящимъ: «Мнѣ ужь не въ-первой клясться». Не знаетъ, что такимъ образомъ уничтожаетъ довѣріе къ своей клятвѣ. Вы видите, что такой характеръ только отчасти можно назвать хлопотливостію. Объ этомъ ниже.

Разсѣянный человѣкъ сосчитаетъ какую нибудь сумму на счетахъ (счеты у грековъ были; только объ устройствѣ ихъ мы не можемъ составить точнаго понятія), сдѣлаетъ даже итогъ, а потомъ спрашиваетъ сидящаго возлѣ: «Что вышло?» Имѣя тяжбу, въ то самое время, когда назначенъ судъ, отправляется въ деревню. Въ театрѣ, когда уже всѣ разойдутся, остается тамъ одинъ, потому что спитъ, идетъ ночью на дворъ, а сосѣдская собака кусаетъ его. Возьметъ что нибудь и отложитъ даже въ сторону, а потомъ ищетъ и не можетъ найти. Возвѣстятъ ему, что умеръ кто нибудь изъ друзей его, скажутъ, чтобы явился на похороны, а онъ, съ пасмурнымъ лицомъ, со слезами на глазахъ, говоритъ: «Въ добрый часъ!» И вотъ какія еще штуки дѣлаетъ: приходится ему получать долгъ, а онъ беретъ свидѣтелей. Неумѣстность этого поступка состоитъ вотъ въ чемъ. Въ Аѳинахъ брали свидѣтелей или въ такомъ случаѣ, если должникъ отпирался отъ долга, или когда занимали деньги, или когда уплачивали долгъ. Разсѣянному же Ѳеофраста деньги отдавали, *приглашали* его за полученіемъ ихъ; онъ былъ занимодавецъ, а не должникъ. Въ демосѳеново время особенно любили брать свидѣтелей должники; впрочемъ, когда занимали, тогда брали съ собой немного свидѣтелей; а когда отдавали долгъ, приводили много свидѣтелей, для того, замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ Демосѳенъ, чтобы видѣли всѣ, какъ честны они на уплату долговъ. Зимою бранитъ разсѣянный слугу за то, что недосталъ огурцовъ.

Digitized by Google

Дѣтей заставлятъ бороться, катать обручи, до изнеможенія. Мнѣ кажется, причиною тому Ѳеофрастъ считалъ забывчивость его. Комментаторы иначе объясняютъ. На полѣ, если придется ему, за отсутствіемъ слугъ, самому варить чечевицу, кладетъ въ горшокъ двойную пропорцію соли, такъ что ѣсть нельзя. Когда идетъ дождь (ближе къ подлиннику: когда Зевесъ дождитъ), говоритъ: «Звѣзды пріятно пахнутъ». Это мѣсто до сихъ поръ необъяснено удовлетворительно. Вѣроятно, разсѣянный хотѣлъ сказать: «*Земля* (послѣ дождя) пріятно пахнетъ». Когда его спросили: «Сколько, по твоему, вынесли за заставу покойниковъ?» онъ отвѣчалъ: «Сколько дай Богъ мнѣ и тебѣ». Вѣроятно, онъ думалъ, что его спрашивали о чемъ нибудь хорошемъ, о такомъ, чего желательно имѣть побольше.

Развратный, безсовѣстный человѣкъ, срамникъ, равнодушенъ ко всякой брани, готовъ при всякомъ случаѣ божиться Характера онъ площаднаго, безстыднаго, на все низкое готоваго. Онъ въ состояніи, даже въ трезвомъ видѣ, безъ маски, выдѣлывать въ комическомъ хорѣ кордакъ. Кордакъ — непристойный танецъ, употреблявшійся преимущественно въ комедіяхъ; танцующіе, чтобы ихъ не узнали, надѣвали на себя маску. Демосѳенъ, описывая разныя безчинства, происходившія за столомъ Филиппа Македонскаго, говоритъ, что пирующіе, подпивши, плясали кордакъ Можете теперь представить всю мѣру безчинства и безстыдства лица, описываемаго Ѳеофрастомъ, когда онъ трезвый и безъ маски рѣшался танцовать кордакъ. Въ Аѳинахъ, за попойкою, симпосіемъ, слѣдовавшимъ послѣ обѣда (греки, равно какъ и римляне, за обѣдомъ и передъ обѣдомъ вина не пили, а только послѣ обѣда; попойка слѣдовала послѣ обѣда и до того отъ него отдѣлялась, что на нее приходили иногда новыя лица, не бывшія за обѣдомъ); за попойкою представлялись (между прочимъ) разные фокусы, *дива* (θαύματα). За представленіе этихъ фокусовъ собирались съ присутствующихъ деньги, впрочемъ, небольшія, — по словамъ Ѳеофраста въ настоящемъ мѣстѣ по халкію (*). Несмотря на ничтожность этой платы ($\frac{1}{2}$ к сер.), иные до-

(*) *Для ясности предложу здѣсь сравнительную цѣнность наиболѣе употребительныхъ греческихъ монетъ, обыкновеннаго (серебрянаго) таланта и частей его:*

талантъ = 60 минамъ = 5500 francs = 1365 р. сер.
мина = 100 драхмамъ = 91 francs et 66 centimes = $22\frac{2}{4}$ р. с.
драхма = 6 оволамъ = 92 centimes = $22\frac{2}{4}$ коп. сер.
оволъ = 8 халкіямъ = 15 centimes = $3\frac{18}{24}$ к. с., т. е. около $3\frac{3}{6}$ к с.
халкій = 7 лептамъ.

Значитъ, халкій былъ *монѣтъ полукопѣйки серебромъ*. Считали аѳиняне обыкновенно драхмами, подобно тому, какъ французы франками, мы — рублями. При этомъ нужно помнить (опять повторяю), что деньги у грековъ были дороже, чѣмъ у насъ.

Digitized by Google

пускались фокусниками къ смотрѣнію фокусовъ, другіе отдавали деньги заранѣе, получая за это билетъ. Ѳеофрастовъ безстыдникъ унижается до того, что собираетъ деньги съ гостей, самъ обходя ихъ вмѣсто фокусника; ругается съ тѣми, которые даромъ допущены были фокусникомъ къ представленію, и даже съ тѣми, которые имѣли таблички (значки, билеты). У грековъ, какъ и другихъ древнихъ народовъ, содержать харчевню считалось весьма постыднымъ. Еще постыднѣе было содержать развратный домъ. А въ какомъ общемъ презрѣніи находились сборщики пошлинъ и податей, мытари, это извѣстно каждому читателю изъ Евангелія. Унизительно было также занятіе крикуновъ (бирючей), особенно рыночныхъ крикуновъ, которые прокрикивали на рынкѣ о продажѣ чего нибудь. Не пользовались уваженіемъ, какъ у грековъ, такъ и у римлянъ, и повара: по словамъ Ливія, древніе римляне, до знакомства съ греческою цивилизаціею, не только не уважали поваровъ, но даже между рабами считали ихъ самыми ничтожными, подлыми (*vilissimum antiquis mancipium et aestimatione et usu*). Далѣе, по закону солонову, въ Аѳинахъ подвергались безчестію тѣ, которые отказывали родителямъ, особенно матери, въ содержаніи. Наконецъ честному гражданину ставилось въ порокъ, если онъ игралъ въ кости: это была азартная игра. Ѳеофрастовъ безстыдникъ не пренебрегалъ никакимъ низкимъ ремесломъ: содержалъ харчевни, развратные дома, собиралъ пошлины и подати, шелъ въ рыночные крикуны, въ повара, занимался игрою въ кости и становился въ ней *chevalier d'industrie*, въ родѣ нашего шулера; есть латинская поговорка: чѣмъ совершеннѣе въ своемъ искусствѣ игрокъ въ кости, тѣмъ подлѣе (*alcator quanto in arte est melior, tanto nequior*). Не кормилъ своей матери; часто попадался въ кражѣ, — до того часто, что больше жилъ въ тюрьмѣ, чѣмъ въ своемъ домѣ. Такіе люди собираютъ около себя толпу народа; подзываютъ къ себѣ разныхъ людей, разговариваютъ съ ними, кричатъ громко, рѣзко, отрывисто. Эта черта потому особенно замѣчательна, что въ Аѳинахъ въ ѳеофрастово время запрещалось толпиться на площади. Къ этой толпѣ одни подходятъ, другіе уходятъ, не дослушавши ихъ. Однимъ сообщаетъ онъ начало дѣла, другимъ часть, третьимъ все дѣло. Хлопочетъ о томъ, какъ бы выставить безстыдство, наглость свою не иначе, какъ передъ большимъ собраніемъ народа. Готовъ и самъ попасть подъ судъ и другихъ судомъ преслѣдовать; клянется, что не явился тогда-то въ судъ по законной причинѣ; а то самъ по себѣ является въ судъ, съ разными сутяжническими

Digitized by Google

принадлежностями за пазухой, съ вязанками обвинительныхъ, доказательныхъ и оправдательныхъ актовъ въ рукахъ. Онъ непрочь и отъ предводительства надъ всякими площадными мошенниками. Даетъ имъ въ займы денегъ, обыкновенно на сутки, беря по 25 процентовъ, по полутора овола съ драхмы; повторяю, — *по двадцати пяти процентовъ, за сутки*, полтора овола на драхму, т. е. четверть драхмы на драхму. Сбираетъ свои долги онъ слѣдующимъ, тоже весьма характернымъ и оригинальнымъ образомъ: дѣлаетъ обходъ, рундъ (слово подлинника употребляется обыкновенно въ такомъ же точно смыслѣ, какъ наше: дѣлать рундъ — техническое воинское слово), дѣлаетъ рундъ по кухнямъ, по тѣмъ лавкамъ, въ которыхъ продается свѣжая и соленая рыба; проценты кладетъ въ ротъ. Рыба — было любимое кушанье грековъ историческаго времени (ахеи, т. е. греки гомерова времени, напротивъ, вовсе не ѣли рыбы). Многіе на рыбу проматывались. Соленая рыба, доставлявшаяся въ большомъ количествѣ съ береговъ Геллеспонта и Чернаго моря, потреблялась преимущественно простымъ народомъ. Естественно, что и продавцы ея были люди незначительные: потому-то Ѳеофрастъ и помѣщаетъ должниковъ срамника въ лавки, въ которыхъ продавалась соленая рыба.

Безсовѣстный человѣкъ пренебрегаетъ дурнымъ о немъ мнѣніемъ другихъ изъ корысти. Онъ, напримѣръ, приходитъ занимать деньги къ тому, кому отказался уже разъ платить старый долгъ. Принося жертву богамъ, идетъ обѣдать къ кому нибудь другому, а мясо жертвенное солитъ. Греки сжигали, при жертвоприношеніяхъ, въ жертву богу немногія только части и почти негодныя для употребленія въ пищу; прочее же съѣдали сами. Потому по случаю жертвоприношеній устроялись обыкновенно пиршества. Но описываемый Ѳеофрастомъ безсовѣстный человѣкъ не только этого не сдѣлалъ, но даже самъ не сталъ ѣсть жертвеннаго мяса: онъ его посолилъ, а самъ отправился обѣдать къ другому. За обѣдомъ у кого нибудь, онъ слугѣ своему, прислуживавшему за столомъ (въ Аѳинахъ, отправляясь куда нибудь на обѣдъ, обыкновенно брали своихъ слугъ), даетъ со стола хлѣба и мяса и говоритъ въ слухъ: «Покушай, дорогой мой дружище!» Поступокъ этотъ во многихъ отношеніяхъ предосудителенъ. Онъ не стыдится рабу говорить: дорогой дружище! Потомъ, не только ѣстъ за обѣдомъ, но даже часть кушаній хочетъ взять домой и это намѣреніе прикрываетъ тѣмъ, что дѣлаетъ видъ, будто онъ даетъ своему рабу кушанья не для того, чтобы онъ отнесъ ихъ домой, а чтобы этотъ рабъ, дорогой дружище его, самъ съѣлъ ихъ. Замѣчу мимоходомъ, что греки частенько

Digitized by Google

уносили съ собой съ чужого обѣда разныя кушанья. Въ наше время только ридикюли иногда наполняются конфектами, яблоками и т. п. Покупая провизію, онъ напоминаетъ мяснику, какія оказывалъ ему во время оно услуги; стоитъ подлѣ вѣсовъ и прикидываетъ мяса, а не удастся мяса, такъ кость на супъ, для навара; возьметъ, хорошо; а не возьметъ, такъ схватитъ со стола кишку и уходитъ со смѣхомъ. Остановятся у него иноземцы и пошлютъ купить билетъ въ театръ, онъ и самъ попользуется, ничего не заплативши, а на другой день такъ приведетъ еще сыновей и педагога ихъ (дядьку). Мальчики аѳинскіе на шестомъ или седьмомъ году изъ подъ надзора матери, подъ которымъ они до этихъ лѣтъ находились, передавались дядькѣ, педагогу. Педагогъ бывалъ рабъ. Отъ него требовалась только извѣстная степень смышлености и честности. Педагогъ повсюду ходилъ съ мальчикомъ: и въ школу, и въ палестру, и въ другія мѣста; носилъ книги мальчика и другія необходимыя вещи. Подъ надзоромъ педагога оставались дѣти до 16 лѣтъ. Если кто нибудь купитъ чего хорошенькаго, безсовѣстный человѣкъ проситъ и ему удѣлить немного. Пришедши въ чужой домъ, проситъ того, сего въ займы, ячменю, напримѣръ, а иногда и мякины; да этого еще мало: заставитъ отнести къ себѣ домой. Придетъ въ баню, подойдетъ къ котлу и, не обращая вниманія на крикъ банщика, окатится самъ и уходитъ, говоря банщику: «Вотъ я и вымылся! Ступай теперь, проси на меня: нѣтъ тебѣ ничего за труды».

Противный, *отвратительный* человѣкъ ходитъ по всюду въ лишаяхъ, въ паршахъ, съ длинными ногтями; но что всего хуже, при всякомъ случаѣ говоритъ, что лишаи и парши у него болѣзни наслѣственныя, что и отецъ его и дѣдъ страдали ими, — что это съ одной стороны хорошо: отличаетъ ихъ родъ отъ другихъ, такъ что втереться въ ихъ родъ нельзя. На колѣняхъ у него раны, на пальцахъ мозоли, и онъ ни тѣхъ, ни другихъ не лечитъ, дастъ имъ застарѣть, принять злокачественный характеръ. Подъ мышками у него нарочно отрощены волосы, до самыхъ реберъ; зубы черные, *съѣденные* (т. е. искрошившіеся). Словомъ, отвратительно встрѣтиться съ нимъ. Во время ѣды плюетъ; набивши ротъ, начинаетъ болтать, — изо рту у него валится.... За питьемъ рыгаетъ. Въ банѣ третъ себя вонючимъ, гнилымъ масломъ. Выходитъ на площадь, накинувши на себя гиматій весь въ пятнахъ. Прибавлю нѣсколько необходимыхъ поясненій. Аѳиняне, вообще, любили во всемъ изящество; потому истиннаго аѳинянина сильно должна была оскорблять такая, для всякаго человѣка, повсюду и всегда, отвратительная наружность. Бо́льшая часть аѳинянъ тщательно заботились о тѣлѣ: въ цырульнѣ,

Digitized by Google

куда ходили подстригать волосы (греки начали бриться со времени Александра Македонскаго, который и самъ брился и пріучилъ приближенныхъ къ нему бриться: наслѣдники его, бывшіе александровы полководцы, учитель александровъ, знаменитый Аристотель, брились; брились многіе и другіе; впрочемъ, обычай бриться никогда не сдѣлался общимъ; многіе греки, даже въ позднѣйшее время, смотрѣли предосудительно на бритье бороды), въ цырульнѣ же обрѣзали ногти и срѣзали мозоли. Подъ мышками, еще въ аристофаново время, въ концѣ IV до Р. Х. столѣтія, ростили нѣкоторые господа волосы, для приданія себѣ мужественности. Такъ въ одной изъ послѣднихъ комедій Аристофана, «Вѣче женщинъ», женщины нарядились въ платье своихъ мужей и отростили себѣ подъ мышками волосы (стих. 60). У грековъ было въ обычаѣ натираться масломъ, для приданія тѣлу гибкости. Противный человѣкъ Ѳеофраста выходитъ на площадь въ гиматіи (накидкѣ, верхнемъ платьѣ грека) измаранномъ, засаленномъ, тогда какъ аѳиняне, и вообще греки, обыкновенно выходили изъ дому въ пристойной и чистой одеждѣ. Впрочемъ, это и теперь требуется отъ порядочнаго человѣка. Въ мѣстѣ: «Зубы у него черные, съѣденые», я удержалъ остроту подлинника, заключающагося въ томъ, что зубы, которыхъ назначеніе *пясть*, *съѣдены*. Еще замѣчаніе. Климентъ Александрійскій, подобно Ѳеофрасту, замѣчаетъ (*Paedag. II. 1*), что въ то время, когда ѣшь, не слѣдуетъ говорить: «отъ этого — говоритъ онъ — голосъ становится непристоенъ и невнятенъ, когда обѣ челюсти набиты.» Впрочемъ, это извѣстно всякому и безъ свидѣтельства; но иногда нужно приводить такія указанія, чтобы показать, что и знаменитые древніе писатели толкуютъ о подобныхъ вещахъ.

Человѣкъ *безъ амбиціи* (это слово близко подходитъ къ слову подлинника; лучшаго я не нашелъ, а потому и рѣшился его употребить, хотя и чувствую, что оно напоминаетъ нѣсколько Анну Андреевну, супругу гоголева городничаго въ «Ревизорѣ»), человѣкъ безъ амбиціи, одержавши побѣду въ трагедіи, жертвуетъ Діонису (Вакху, богу — покровителю театра) не мѣдный треножникъ, какъ обыкновенно поступали въ такихъ случаяхъ греческіе поэты, а деревянную дощечку съ надписью, въ которой значится его имя. Аѳинскіе граждане, какъ показано было уже выше, несли на себѣ чрезвычайно большія повинности. Кромѣ того, въ тяжкія времена для государства, пританы (такъ назывались главныя лица въ думѣ, въ совѣтѣ, въ вулѣ) созывали народъ, излагали нужды государства и вызывали охотниковъ жертвовать государству. Тогда всѣ по порядку одинъ за другимъ вставали и или объявляли, что они жертвуютъ

Digitized by Google

столько-то, или молча, потихоньку, уходили. Такъ поступалъ Феофрастовъ человѣкъ безъ амбиціи. Выдавая дочь замужъ, онъ жертвенное мясо, кромѣ той части, которая сжигалась богу (а эта часть была весьма ничтожна), продавалъ, прислугу для сватьбы нанималъ на своихъ хлѣбахъ. Сдѣлавшись тріерархомъ, онъ спалъ не въ каютѣ, особенно для него, какъ хозяина корабля, назначавшейся, а на палубѣ, вмѣстѣ съ кормчимъ, и на его даже постилкахъ, а свои, которыя, конечно, должны были быть лучше, откладывалъ, прибергалъ. Самъ покупалъ на рынкѣ провизію, и мясо, и овощи, и самъ же несъ все это за пазухою. Когда другъ его собиралъ пожертвованія въ пользу какого нибудь бѣдняка, онъ поворачивалъ съ дороги и уходилъ домой. Женщина аѳинская рѣдко выходила изъ дому и когда выходила, то непремѣнно со служанкою позади: человѣкъ безъ амбиціи служанки женѣ своей не покупалъ, а каждый разъ, когда ей нужно было выходить, нанималъ служанку. Утромъ, чуть встанетъ, самъ мететъ комнаты, убираетъ постели. Когда приходится ему садиться, онъ садится не на подушку или коверъ, какъ дѣлывали порядочные люди, а просто свертываетъ свой тривонъ (грубый и дранной гиматій) и садится на немъ. За нимъ некому было носить подушку или коверъ; онъ и для жены-то скупился купить служанку. А тривонъ — *самъ* носилъ....

Мелочный, щепетильный человѣкъ приходитъ къ кому нибудь на домъ просить занятыя у него полтора овола (5 коп. сер.). На пиру считаетъ, сколько кто выпилъ бокаловъ, всѣхъ меньше жертвуетъ Артемидѣ. Почему и для чего жертвовали Артемидѣ, до сихъ поръ комментаторами необъяснено. Поручитъ кому нибудь купить чего; купитъ ему дешево: а онъ — все, говоритъ, очень дорого. Разобьетъ у него слуга горшокъ или тарелку, онъ вычитаетъ у него изъ жалованья. Потеряетъ жена трихалкій (копейку серебромъ), онъ готовъ передвигать мебель, постели, сундуки, роется въ платьяхъ. Ужь если продастъ что нибудь, то за такую цѣну, что покупщику прибыли не будетъ! Не позволяетъ ни лакомиться изъ своего саду, ни ходить по своему полю, ни даже поднимать упавшую наземь оливу или финикъ. Это тѣмъ замѣчательнѣе, что финики въ Греціи были безвкусны, и греки ихъ не ѣли, а ѣли еврейскіе и египетскіе финики. Первый готовъ подать взысканіе, если просрочатъ уплату долга; готовъ брать проценты съ процентовъ. Богатые аѳиняне угощали въ опредѣленные дни свой демъ (аѳинскій народъ дѣлился на филы, а филы на демы). Если угощавшій былъ мелоченъ, щепетиленъ, то за такимъ обѣдомъ раздавалъ хлѣбъ небольшими порціями. Отправившись покупать провизію, возвращался часто домой ничего не

Digitized by Google

купивши. Такая личность съ особенною живостію представлена римскимъ комикомъ Плавтомъ (*Aul. II. 8. 3*): «Прихожу на рынокъ, спрашиваю рыбака; показываютъ: дорога! Баранина — дорога, говядина — дорога; телятина, свинина — все дорого! Особенно все дорого было вотъ почему: денегъ не было! Ухожу съ рынка разсерженный: не на что купить, да и только! Потомъ я сталъ дорогою такъ самъ съ собой размышлять: если что въ праздникъ истратишь, не побережешь, то придется въ будни нуждаться....» Женѣ своей мелочный человѣкъ велитъ ничего никому не ссужать, ни соли, ни свѣчи, ни тмину, ни душицы, ни вѣнковъ: говоритъ, что все это само по себѣ мало, а въ продолженіи года счетъ дѣлаетъ. Шкатулки у такихъ людей заплѣсневѣли; сами они носятъ гиматіи выше колѣнъ, мажутся изъ кувшинчиковъ премаленькихъ, стригутся гладко; въ полдень даже, несмотря на жаръ, ходятъ безъ обуви; валяльщикамъ, которымъ обыкновенно отдавали греки чистить и чинить свои шерстяные гиматіи, валяльщикамъ велятъ побольше намѣлить гиматіи ихъ, чтобы не такъ скоро пачкались. Гиматіи, накидки, въ Феофрастово время, не должны были быть ни слишкомъ коротки, ни слишкомъ длинны; настоящая мѣра — немного ниже колѣнъ. Гиматій короче — признакъ мелочной расчетливости; гиматій, слишкомъ длинный — признакъ надменности и изнѣженности: за послѣднее укоряли Алкивіада. Безъ обуви ходили въ Греціи многіе: изъ историческихъ личностей Сократъ и многіе стоическіе философы, Фокіонъ и Ликургъ, современники Филиппа Македонскаго. Посредствомъ мѣлу валяльщики мыли гиматіи и наводили на нихъ лоскъ.

Много имѣетъ общаго съ послѣдними характерами характеръ *корыстнаго* человѣка. Такой человѣкъ, угощая кого нибудь, не кладетъ хлѣба, сколько нужно. Занимаетъ деньги у остановившагося у него иноземца. Дѣля что нибудь на части, говоритъ, что дѣлящему слѣдуетъ двойная часть. Если торгуетъ виномъ, то пріятелю продаетъ смѣшанное вино, — *пріятелю*, вѣроятно, потому, что онъ не такъ остороженъ съ нимъ, какъ другіе. Посылаемый куда нибудь государствомъ, деньги, которыя дадутъ ему на дорогу (проговныя и кормовыя), оставляетъ дома, а потомъ занимаетъ у тѣхъ, которые вмѣстѣ съ нимъ посланы. Во время аристофаново, давали такимъ посламъ по двѣ драхмы въ день (55½ коп. сер). Въ началѣ «Ахарнянъ» Аристофана, послы, посылавшіеся къ ѳракійскому и персидскому царямъ, отдаютъ отчетъ въ своемъ посольствѣ. Будучи посломъ, навьючиваетъ на раба больше, чѣмъ тотъ можетъ снести; даетъ ему на прокормленіе всѣхъ меньше; подарки, которые ему дадутъ, про-

Digitized by Google

ветъ. Смазываясь въ банѣ масломъ, говоритъ слугѣ: «Ты тухлое масло купилъ», и мажется чужимъ масломъ. Когда рабы его найдутъ на дорогѣ нѣсколько халкіевъ (осьмая часть обола, ½ коп. сер.), требуетъ у нихъ части, говоря: «Чуръ на всѣхъ!» — Гермій былъ богъ всякаго пріобрѣтенія, даже воровства. Самъ онъ, еще въ пеленкахъ, оказался славнымъ воромъ. А такъ какъ для пріобрѣтенія требуется извѣстная ловкость рѣчи, улещиваніе, то Гермій былъ и богомъ краснорѣчія. Если два (или болѣе) человѣка находили что нибудь на дорогѣ, то тотъ, который послѣ замѣчалъ находку, говаривалъ: «Гермій общій!» Въ такомъ случаѣ у насъ говорятъ: чуръ на всѣхъ, чуръ на двоихъ; а если тотъ, кто первый замѣтилъ находку, хочетъ ее всю присвоить себѣ, то говоритъ: «Чуръ одному!» — Домашнимъ мѣряетъ разные припасы особенною мѣрою, съ выпуклымъ дномъ; верхъ старательно сгребаетъ и насыпаетъ взрѣзь. Если пріятель его покупаетъ что нибудь выгодно, онъ тайкомъ перекупаетъ и продаетъ дороже. Уплачивая долгъ суммою въ сорокъ минъ (910 р. сер.), не додаетъ четырехъ драхмъ (91 к. сер.). Если дѣти его по болѣзни не ходятъ въ школу, вычитаетъ, сколько придется, изъ платы учителю; а въ мѣсяцѣ Анѳестеріонѣ (половина февраля и половина марта) и вовсе не посылаетъ дѣтей въ школу, потому что въ этомъ мѣсяцѣ много разныхъ представленій,—не посылаетъ для того, чтобы не платить за этотъ мѣсяцъ денегъ. Если получаетъ со слуги оброкъ мѣлью, то присчитываетъ лажъ. Угощая фраторовъ (принадлежащихъ къ одной фратріи; фила состояла изъ трехъ фратрій, фратрія изъ тридцати родовъ; а такъ какъ по солонову постановленію было четыре филы, то фратрій было 12, родовъ 360), угощая фраторовъ, проситъ удѣлить часть и рабамъ его; что останется отъ стола, даже недоѣденныя рѣдьки, записываетъ, чтобы рабы, прислуживающіе за обѣдомъ, не украли. Отправляясь куда нибудь съ знакомыми въ дорогу, пользуется ихъ прислугою, а своего слугу отпускаетъ на оброкъ, и оброкъ этотъ въ общій приходъ не записываетъ. Если устроятъ у него въ домѣ пирушку (аѳиняне любили такія пирушки, для которыхъ всѣ участники складывались, т. е. пикники), то онъ отложитъ себѣ и дровъ, и уксусу, и соли, и масла на ночникъ. Если кто изъ пріятелей его женится или дочь замужъ выдастъ, то онъ заблаговременно уѣзжаетъ изъ города, чтобы не давать обычныхъ подарковъ. Любитъ еще занимать у знакомыхъ такую бездѣлицу, что иной не рѣшится даже попросить и нескоро согласится взять, когда будутъ такой ничтожный долгъ отдавать назадъ.

Мужиковатый человѣкъ идетъ въ собраніе народа вышивши кипрона. Это было слабительное, извѣстное еще Гомеру. Описанный

Digitized by Google

Гомеромъ кикеонъ состоялъ изъ муки, вина, меду и сыру. Въ позднѣйшее время это питье приготовлялось четырьмя способами. Обыкновенно приготовлялось оно изъ меду, вина, молока и воды, съ примѣсью разныхъ травъ и цвѣтовъ. Смирна, по его словамъ, пахнетъ не лучше луку: лукъ простой аѳинскій народъ очень любилъ. Башмаки носитъ просторные. Ни одна часть греческаго костюма не обращала такого вниманія на себя, какъ башмаки, вообще обувь. Потому обувь греческая была чрезвычайно разнообразна и безпрестанно перемѣнялась. Всякій порядочный аѳинянинъ долженъ былъ носить обувь такую, которая бы плотно прилегала къ ногѣ. Говоритъ громко; съ друзьями и домашними недовѣрчивъ; а съ слугами своими толкуетъ о наиважнѣйшихъ дѣлахъ; даже поденьщикамъ, батракамъ, работающимъ у него на полѣ, разсказываетъ все, что ни происходило на вѣчѣ, въ народномъ собраніи (екклесіи). Сидитъ обыкновенно такъ, что гиматій не доходитъ до колѣнъ. Ничему не удивляется, ничто его не поражаетъ, а когда увидитъ на дорогѣ быка, осла или козла, то остановится и смотритъ. Любитъ поѣсть чего нибудь прямо изъ чулана; любитъ выпить вина покрѣпче. Тайкомъ отъ жены полюбезничаетъ съ кухаркою и потомъ мелетъ съ нею муку для домашнихъ и для себя; встаетъ изъ за обѣда, чтобы дать сѣна скотамъ. Если кто постучится въ дверь, самъ выходитъ. Подзоветъ къ себѣ собаку, возьметъ ее за морду и говоритъ: «Она стережетъ и поле, и домъ, и домашнихъ.» Когда получитъ отъ кого нибудь деньги, всякую монету внимательно разсматриваетъ, бракуетъ: эта, говоритъ, слѣпа, эта фальшива; перемѣняетъ ихъ. Дастъ кому нибудь соху, коробъ, серпъ, и идетъ ночью за ними, если вспомнитъ. Приходя въ городъ, спрашиваетъ у перваго встрѣчнаго: «Почемъ тулупы? почемъ соленая рыба?» Тулупы было обыкновенное одѣяніе поселянъ и другихъ небогатыхъ людей; соленая рыба обыкновенная ихъ пища. Спрашиваетъ: «Сегодня новолуніе?» Въ эти дни бывала ярмарка. Объявляетъ, что сейчасъ хочетъ подстричься. Въ банѣ поетъ. Обувь подбиваетъ гвоздями. Не можетъ пройти мимо лавки, въ которой продается соленая рыба, чтобы не купить.

Мелкое честолюбіе, чванство. Мелкій честолюбецъ, если пригласятъ его на обѣдъ, старается сѣсть подлѣ хозяина. Это мѣсто считалось почетнѣйшимъ. Вообще у грековъ позднѣйшаго времени мѣста за столомъ различались по бо́льшему или мѣньшему почету; изъ за нихъ часто выходили смѣшные споры. Въ Аѳинахъ, когда мальчикъ дѣлался ефевомъ, т. е. когда наступалъ шестнадцатый годъ (ефевами звались 16—18-ти-лѣтніе), то ему обрѣзали волосы; это дѣлалось съ разными религіозными обрядами. Волосы, отрѣзанные въ это

Digitized by Google

время, посвящались какому нибудь богу, бо́льшею частію богу туземной рѣки. Для этой церемоніи иные возили дѣтей въ Дельфы: тоже дѣлаетъ и чванный Ѳеофраста. Потомъ, въ услуженіи у богачей греческихъ (въ позднѣйшее время и у римскихъ) бывали эѳіопы, арапы: и чванный хлопочетъ, чтобы за нимъ ходилъ эѳіопъ. Уплатить мину ($22^3/_4$ р. сер.) долгу; а потомъ, будто по забывчивости, опять платитъ. У грековъ, даже въ гомерово время, было въ обычаѣ переднюю часть дома всячески украшать. Потому чванный, когда принесетъ въ жертву быка, у входа вѣшаетъ бычачью голову, украсивъ ее вѣнками и повязками, чтобы входящіе видѣли, что онъ-де принесъ въ жертву быка. Въ Аѳинахъ каждый годъ выбиралось изъ богатыхъ гражданъ 1,200 всадниковъ, которыхъ главное назначеніе было — участвовать въ религіозныхъ процессіяхъ. Чванный Ѳеофраста, разумѣется, одинъ изъ такихъ всадниковъ. Послѣ процессіи, онъ, что́ не нужно, велитъ слугѣ отнести домой, а самъ, накинувши на себя гиматій (замѣчу, что накидываніе гиматія требовало особенной ловкости: по тому, какъ накинутъ былъ на комъ нибудь гиматій, заключали о вкусѣ человѣка), идетъ гулять на площадь. Когда умретъ у него собаченка, дѣлаетъ ей памятникъ и надписываетъ: «Прекрасный Мелитянинъ»; точнѣе: «Милый Мелитянинъ.» Мелита, нынѣ — Меледа, островъ Адріатическаго моря между Керкирою (Корцирою) и Иллиріею. Мелитскія собачки играли въ Греціи такую же роль, какую у насъ болонки. Особенно любили ихъ греческія дамы. Надпись, сдѣланная чваннымъ Ѳеофраста надъ собачкою, совершенно такая, какія дѣлались въ Греціи надъ прахомъ предмета любви. Греки нашли для излеченія болѣзней такъ называемыя симпатичныя кольца. Такое кольцо носилъ отъ болѣзни чванный Ѳеофраста, и вылечился. Вылечившись, повѣсилъ кольцо въ храмѣ Ескулапа, бога врачеванія; и потомъ ежедневно обвѣшивалъ статую Ескулапа вѣнками, натиралъ ее масломъ, до того, что стеръ наконецъ самую статую. Хлопочетъ обо всемъ вмѣстѣ съ пританами, для того, чтобы потомъ возвѣстить народу, каковы были жертвы (жертвы были благопріятныя и неблагопріятныя): наряднтся въ бѣлую одежду, надѣнетъ на себя вѣнокъ, выйдетъ къ народу и говоритъ: «Господа сонмяне! мы приносили жертву матери боговъ (Кибелѣ), и т. д. и т. д. Жертвы хороши, благопріятны. И вы примите доброе.» Сдѣлавши такое возвѣщеніе, уходитъ домой и разсказываетъ женѣ, что ему выпалъ чрезвычайно хорошій денекъ. Жертву приносили греки, какъ и римляне, въ бѣлой одеждѣ, называемой также свѣтлою, чистою, священною. Формула возвѣщенія о качествѣ принесенной жертвы есть у Демосѳена: «Мы принесли жертву Зевесу Спасителю,

Digitized by Google

Аѳинѣ и Побѣдѣ, и жертвы оказались хороши; приносили также жертву *матери боговъ* и Аполлону, и эти жертвы хороши.» Ѳеофрастъ не считалъ нужнымъ приводить эту формулу вполнѣ: называетъ одну мать боговъ. Далѣе: чванный весьма часто стрижется; зубы у него всегда бѣлые, платье мѣняетъ, хотя бы оно еще весьма годилось; мажется драгоцѣнными мазями. Аѳиняне хотя и считали необходимостію подстригать волосы; но часто стричься было признакомъ пустого чванства. У грековъ много было драгоцѣнныхъ мазей; особенно славилась киликійская, приготовлявшаяся изъ горькаго миндалю (*). Любитъ бывать не вездѣ, а только тамъ, гдѣ обыкновенно больше сходится порядочныхъ людей. Такъ, на площади его можно было видѣть около мѣнялъ, гдѣ всегда бывало много богатыхъ и знатныхъ людей; въ гимназіяхъ бывалъ въ такихъ, въ которыхъ особенно много находилось юношей, ефебовъ: для тщеславныхъ людей посѣщеніе гимназій и палестръ было любимымъ провожденіемъ времени; такъ Аристофанъ укоряетъ комика Евполиса, риторъ (ораторъ) Эсхинъ знаменитаго Демосѳена за то, что они франтили по палестрамъ; наконецъ, въ театрѣ старается сѣсть подлѣ стратеговъ, воеводъ. Стратеги, воеводы, избирались ежегодно; ихъ было десять; имъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими лицами, которыя были почтены государствомъ за оказанныя ему услуги, предоставлялось право сидѣть на первыхъ мѣстахъ; даже, если кто занималъ эти мѣста раньше, они того могли согнать, что, полагаю, дѣлали и съ ѳеофрастовымъ героемъ. Для себя онъ ничего не покупаетъ, а все по порученіямъ иноземныхъ друзей; покупаетъ, напримѣръ, печенія, которыми особенно славились Аѳины, для отсылки въ Византію, лаконскихъ собакъ, славившихся чутьемъ и скоростію бѣга, — въ Кизикъ (въ малой Азіи), знаменитый гиметскій медъ (Гиметъ — гора въ Аттикѣ) — въ Роду (островъ Родосъ), и объ этихъ коммиссіяхъ разсказываетъ всѣмъ въ городѣ. Держитъ у себя мартышку, сицилійскихъ голубей (сицилійскіе голуби были самые лучшіе); игральныя кости у него газелевыя; кувшинчики — хрустальные: стекло во время римскаго владычества подешевѣло; до того времени было очень дорого. Палку носитъ кривую, лакедемонскую. Это, впрочемъ, уже не ради изящества, но изъ подражанія лакономанамъ: еще во время аристофаново философы, даже Сократъ, Платонъ, Ксенофонтъ, и многія другія значительныя лица стали выказывать расположеніе къ Спартѣ, доходившее до страсти, лакономаніи; иные изъ такихъ ла-

(*) Котила (144-я часть метрета; метретъ = 43½ дреден. канн.; котила — около четверти штофа), котила такой мази стоила иногда 10 минъ (болѣе 220 р. сер.); обыкновенная цѣна — двѣ драхмы (45 коп. сер.).

Digitized by Google

лономанокъ нарочно «отпускали длинные волосы, одѣвались грязно, сократничали, носили скиталы (такъ назывались лаконскія палки)», какъ говоритъ Аристофанъ въ «Птицахъ» (стих. 1281 и далѣе). Итакъ, лакономанія была мода, отъ которой ѳеофрастовъ мелочной честолюбецъ, разумѣется, не хотѣлъ отставать. Внутреннія двери въ богатомъ греческомъ домѣ закрывались занавѣсами: на такихъ занавѣсахъ у чваннаго вытканы были персы. Въ домѣ у него былъ дворикъ съ пескомъ палестровымъ (это былъ весьма тонкій песокъ, нарочно для палестръ вывозившійся изъ Египта); было отдѣленіе для игры въ мячъ. Назначеніе песку въ палестрѣ было такое: упражнявшіеся въ тѣлесныхъ упражненіяхъ, намазавшись масломъ, валялись въ немъ, чтобы рука противника не такъ скользила по тѣлу. Эту домовую палестру, чванный, ходя по городу, ссужаетъ философамъ, софистамъ, бойцамъ, музыкантамъ, чтобы они дѣлали у него свои представленія. У грековъ и у римлянъ, также, какъ и у насъ, богатые люди ссужали дома свои поэтамъ, философамъ и артистамъ для чтеній и различныхъ представленій. Самъ чванный хозяинъ на представленіе, дающееся въ его палестрѣ, опаздываетъ: «Палестра, говоритъ моя; я ужь наглядѣлся....»

Гордецъ, если спросятъ его окомъ нибудь: «кто это?» отвѣчаетъ: «не безпокой меня». Обратятся къ нему съ рѣчью, не отвѣчаетъ. Если продаетъ что нибудь, не скажетъ покупателю, за сколько продастъ вещь; а самъ спрашиваетъ: «А чего стоитъ?» Пришлютъ къ нему въ знакъ уваженія гостинецъ на праздникъ, онъ отвѣчаетъ: «я отвѣдать не подумаю!» Онъ не прощаетъ, если кто ненарочно толкнетъ его, запачкаетъ, наступитъ ему на ногу. Богатые люди часто въ Аѳинахъ дѣлали сборъ въ пользу какого нибудь гражданина, съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ впослѣдствіи, если дѣла его поправятся, возвратилъ имъ то, что они ссудили. Если пособить такимъ образомъ какому нибудь бѣднаку попросятъ гордеца, то онъ сперва скажетъ, что не дастъ, а потомъ самъ принесетъ, но и тутъ остается себѣ вѣренъ: отдавая, скажетъ: «Пропадай мои деньги!» Споткнувшись на дорогѣ, готовъ проклинать камень. Ждать кого нибудь долго ни за что не согласится. На пиру греки часто пѣвали пѣсни, съ аккомпанементомъ какого нибудь музыкальнаго инструмента и безъ аккомпанимента, иногда всѣ вмѣстѣ, а то каждый изъ пирующихъ отдѣльно, по очереди. Пѣсни такія обыкновенно назывались сколіи; сколіи бывали часто сочиняемы экспромтомъ, тутъ же, на пиру; а иногда пѣлись сколіи, сочиненныя другими поэтами; особенно знаменитъ былъ въ Аѳинахъ сколій въ честь Гармодія и Аристогитона, возставшихъ противъ дѣтей писистратовыхъ, Гиппія

Digitized by Google

и Гиппарха, и убившихъ Гиппарха. Подпивши, греки пускались даже плясать. Гордецъ не поетъ, не говоритъ рѣчей, не пляшетъ. Даже богамъ не молится.

Надмѣнный человѣкъ, если кто нибудь имѣетъ нужду переговорить съ нимъ о чемъ нибудь, назначаетъ свиданіе послѣ обѣда, за прогулкою. Дѣлая кому нибудь благодѣяніе, велитъ помнить о немъ. Если возьмутъ его въ посредники, онъ рѣшаетъ дѣло небрежно, такъ сказать, мимоходомъ. Если выбираютъ его въ какую нибудь должность, онъ отказывается за недосугомъ. Первый ни къ чему не подойдетъ. Продающимъ ему что нибудь или нанимающимся къ нему велитъ приходить къ нему на разсвѣтѣ; а самъ не ходитъ покупать и нанимать. Идя по улицѣ, онъ не говоритъ со встрѣчными, смотритъ внизъ. Угощая пріятелей, самъ съ ними не обѣдаетъ, а поручаетъ заботиться объ этомъ кому нибудь изъ подчиненныхъ ему. Когда отправляется къ кому нибудь въ гости, посылаетъ сперва извѣстить, что идетъ. Не позволяетъ входить къ нему, когда мажется или ѣстъ. Расчитываясь съ кѣмъ нибудь, велитъ на счетахъ класть слугѣ и потомъ, ужь выведя итогъ, подать ему счетъ. Въ письмѣ не пишетъ: «Вы бы меня одолжили»...», а «Быть по моему... хочу, чтобы такъ было... посылаю къ тебѣ взять.... Иначе, чтобы не было.... какъ можно скорѣе....» и т. д.

Недовольный ничѣмъ, если пришлютъ къ нему (по обычаю, существовавшему у грековъ) какого нибудь кушанья, говоритъ тому, кто принесъ: «Скажи своему барину: онъ пожалѣлъ для меня суну и винца: не позвалъ на обѣдъ!» Когда жена цалуетъ его, говоритъ ей: «Дивлюсь, если ты отъ души меня цалуешь!» На Зевса (подателя дождя) негодуетъ не за то, что нѣтъ дождя, а что дождь пошелъ не во время, поздно. Нашедши на дорогѣ кошелекъ съ деньгами, говоритъ: «А вотъ клада никогда я не находилъ!» Если купитъ раба за дорогую цѣну, то долго упрашиваетъ продавца сдѣлать уступку, и если тотъ не уступитъ, говоритъ: «Дивлюсь, если за такую дорогую цѣну купилъ у тебя порядочнаго раба». Онъ, значитъ, подозрѣвалъ, что съ него и дорого возьмутъ и плохого дадутъ раба. Иной вздумаетъ его обрадовать: «У тебя сынъ родился!» говоритъ. А онъ отвѣчаетъ: «Коли прибавишь, что полъ-имѣнья моего лопнуло, такъ правду скажешь.» Греки также радовались рожденію сына, какъ и наши, т. е. современные, родители. Если онъ въ судѣ выиграетъ дѣло, коритъ адвоката за то, что пропустилъ много пунктовъ, говорящихъ въ его пользу. Я говорилъ выше, что для поддержанія бѣдныхъ богатые дѣлали складчину, съ тѣмъ условіемъ, чтобы, когда дѣла бѣднаго, которому они пособляютъ, поправятся, онъ

Digitized by Google

воротилъ имъ занятое. Если такимъ образомъ помогли «всѣмъ недовольному» и кто нибудь поздравлялъ его съ этимъ, онъ говорилъ: «Что тутъ хорошаго? когда придется послѣ платить всякому; да еще, кромѣ того, благодарить ихъ, словно благодѣяніе какое сдѣлали!»

Недовѣрчивый пошлетъ слугу покупать провизію, а другого пошлетъ справиться, за сколько тотъ купилъ. Самъ несетъ деньги и на каждой стадіи (85 саженей) считаетъ, всѣ ли. Ночью спрашиваетъ жену, заперла ли она сундукъ, запечатанъ ли поставецъ съ кубками, задвинутъ ли засовъ у наружной двери. Наружность и внутренность греческаго дома была весьма простая, особенно до IV вѣка, когда нѣкоторыя частныя лица начали строить дома великолѣпные, на что жалуется не разъ Демосѳенъ. Зато посуда, особенно кубки, была дорога и изящна. Поставецъ съ кубками—запечатанъ воскомъ: такія печати греки иногда употребляли вмѣсто замковъ. Если жена скажетъ, что и сундукъ запертъ, и поставецъ запечатанъ, и засовъ задвинутъ, онъ все-таки встаетъ съ постели нагой, босой, зажигаетъ свѣчу, обѣгаетъ все, осмотритъ; и потому едва-едва удается ему уснуть. Ежедневно осматриваетъ межи на поляхъ, тѣже ли. Въ Аѳинахъ кредиторы приходили къ должнику за долгомъ со свидѣтелями. Но это обыкновенно тогда только бывало, когда кредиторъ требовалъ уплаты всего долга; а недовѣрчивый даже за процентами приходилъ со свидѣтелями, чтобы должникъ не могъ отпереться. Гиматій отдаетъ чинить не тому валяльщику, который хорошо чинитъ, а тому, за котораго ручается порука понадежнѣе. Слугѣ, его сопровождающему, приказываетъ итти не позади, какъ обыкновенно дѣлаютъ, а впереди, чтобы наблюдать за нимъ, какъ бы не убѣжалъ на дорогѣ. Купятъ у него чего нибудь и спросятъ: «Что стоитъ?» Онъ отвѣчаетъ: «Выложь деньги. Посылать мнѣ за ними нѣкогда!» Онъ опасается, что у покупателя денегъ нѣтъ, и, хотя опасеніе его совершенно неосновательно, не хочетъ даже и торговаться, пока не положитъ передъ нимъ денегъ.

Трусъ представленъ Ѳеофрастомъ въ двухъ моментахъ: на кораблѣ и на войнѣ. На кораблѣ мысы и косы кажутся ему разбойничьими кораблями. Когда поднимется буря, спрашиваетъ, нѣтъ ли между ними кого нибудь непосвященнаго въ таинства: кто посвященъ былъ въ елевсинскія или въ орфическія таинства, тому, по повѣрью грековъ, ничего не слѣдовало бояться. Самъ трусъ, конечно, былъ посвященъ. Если кормчій остановитъ корабль, трусъ спрашиваетъ: глубокъ ли фарватеръ, какая, по его (т. е. кормчаго) мнѣнію, будетъ погода. Если сидитъ подлѣ кого нибудь, разсказываетъ, что

Digitized by Google

боится сна, виднаго имъ. Снимаетъ заблаговременно съ себя хитонъ (нижнее платье, въ родѣ рубашки) и отдаетъ его слугѣ, разумѣется, для того, чтобы удобно было плыть, въ случаѣ кораблекрушенія. Умоляетъ высадить его на берегъ.

Трусъ въ военное время зоветъ къ себѣ всякаго, когда стоитъ на карауле; поминутно оглядывается; говоритъ, что претрудное дѣло отличить, которые непріятели, которые свои. Когда услышитъ подлѣ себя крикъ, увидитъ, что не вдалекѣ отъ него падаютъ, говоритъ стоящимъ подлѣ него, что онъ второпяхъ позабылъ взять съ собой саблю. Съ этими словами бѣжитъ въ палатку, высылаетъ слугу наблюдать, гдѣ непріятели, а самъ въ палаткѣ мѣшкаетъ, роется, будто ищетъ саблю, а саблю-то самъ и запряталъ подъ подушку. Увидавши изъ палатки, что несутъ мимо какого нибудь раненаго, подбѣгаетъ къ нему, успокоиваетъ, утѣшаетъ. Самъ ухаживаетъ за нимъ, обтираетъ рану губкою, мухъ отгоняетъ, — словомъ, готовъ все дѣлать, только бы не сражаться съ непріятелями. Если на полѣ сраженія затрубитъ въ это время трубачъ, онъ съ досадою говоритъ: «Убирайся къ чорту! Не дашь уснуть человѣку, поминутно трубя». Испачкавшись весь въ крови чьей чужой раны, идетъ на встрѣчу возвращающимся со сраженія воинамъ и разсказываетъ, что дескать спасъ друга, самъ подвергаясь большой опасности; вводитъ къ лежачему раненому, посмотрѣть на него, своихъ демотовъ и филетовъ (т. е. принадлежащихъ къ одной съ нимъ филѣ и дему; объ этихъ дѣленіяхъ аѳинскаго народа мы говорили выше). Каждому изъ нихъ разсказываетъ, какъ онъ раненаго принесъ въ палатку самъ, на собственныхъ своихъ рукахъ.

Наконецъ передадимъ ѳеофрастово описаніе *позднаго ученика*; таково буквальное значеніе подлинника. Такъ называется Ѳеофрастомъ человѣкъ, принимающійся на старости, годовъ въ шестьдесятъ, учиться и молодечничать. Ѳеофрастова личность напоминаетъ мольерова мѣщанина въ дворянствѣ. Такой человѣкъ въ шестьдесятъ лѣтъ охотится учить наизустъ мѣста изъ поэтовъ и, читая ихъ за попойкою, путается, то то, то другое позабываетъ. Учится у сына дѣлать: направо! налѣво! кругомъ! Пускается вмѣстѣ съ молодыми людьми бѣгать съ факелами: въ Аѳинахъ на праздникахъ Аѳинѣ, Артемидѣ, Гефесту, Пану, Промееею молодые люди перегонялись съ факелами въ рукахъ; кто скорѣе добѣгалъ до назначенной цѣли, если при этомъ факелъ не погасъ, тотъ признавался побѣдителемъ. Рѣшается даже таскать быка за рога; вламывается въ чужую спальню, за что его, конечно, колотятъ. Дадутъ ему лошадь съѣздить на поле, — онъ дорогою учится ѣздить верхомъ, и, разу-

Digitized by Google

мѣется, падаетъ и славословитъ себѣ шею. Со слугою своимъ стрѣляетъ, метаетъ дротики; даже высказываетъ намѣреніе учиться у него, какъ будто тотъ знаетъ это дѣло! Учится разнымъ военнымъ пріемамъ на чучелѣ. Борется и потомъ въ банѣ продолжаетъ дѣлать тѣже движенія, какія дѣлалъ во время борьбы. Завидитъ гдѣ нибудь женщинъ, начинаетъ плясать и пѣсни пѣть.

О введеніи или предисловіи, предпосланномъ описанію характеровъ, и о трехъ характерахъ: о суевѣрномъ, задорномъ и объ олигархѣ, не стану ничего говорить, потому что какъ предисловіе, такъ и тѣ главы, въ которыхъ описаны характеры: суевѣрный, задорный и олигархъ, почти всѣми учеными, издававшими Ѳеофраста, считаются за подложныя.

Теперь сдѣлаю нѣсколько общихъ замѣчаній о 27 ѳеофрастовыхъ «характерахъ», представленныхъ мной въ настоящей статьѣ.

Я сказалъ уже въ началѣ статьи, что особенной глубины въ анализѣ Ѳеофраста нѣтъ и не слѣдуетъ ея искать. Но зато какая тонкость наблюденія! какъ видно, что замѣтки эти сдѣланы человѣкомъ замѣчательной наблюдательности отъ природы и долго, старательно приглядывавшимся къ человѣческимъ характерамъ. Переберите въ памяти вашей знакомыя вамъ личности, вы непремѣнно найдете нѣсколько похожихъ на ѳеофрастовы личности, несмотря на то, что наша жизнь сложнѣе и вовсе непохожа на древне-греческую. Впрочемъ, и то сказать: если въ настоящее время кто нибудь походитъ на какого нибудь изъ ѳеофрастовыхъ героевъ, то это явный признакъ, что наша жизнь имѣетъ на него небольшое вліяніе....

Повторю нѣкоторыя изъ чертъ, особенно замѣчательныхъ по тонкости и мѣткости наблюденія: наряду съ другими онѣ, можетъ быть, не обратили на себя должнаго вниманія со стороны читателя. Льстецъ, покупая башмаки съ тѣмъ, за кѣмъ онъ ухаживаетъ, говоритъ, что нога его статнѣе башмака; упоминая о немъ, выражается мѣстоименіями: «самъ идетъ; къ тебѣ идетъ»; говоря при немъ съ другими, глядитъ на него. А какъ мѣтко всеобщее неуваженіе къ вралю означено этой послѣднею чертою: дѣти его ложась спать, говорятъ ему: «поври намъ что нибудь, чтобъ мы поскорѣе уснули.» Какъ мастерски показанъ ходъ разрастанія слуха въ устахъ одного еще только вѣстовщика! Далѣе — хлопотунъ обращается къ воеводѣ съ вопросомъ, какой дастъ онъ приказъ *послѣзавтра*.... На памятникѣ надъ могилою своей жены пишетъ, кто былъ мужъ, отецъ, имя ея, и заключаетъ надпись умерительною приписью: «Превосходные были люди!» Разсѣянный сосчитаетъ на счетахъ и спраши-

Digitized by Google

васетъ, какой выпалъ итогъ; а надмѣнный не хочетъ низойти до того, чтобы самому считать, поручаетъ это рабу. Недовѣрчивый отдастъ чинить гиматій не хорошему валяльщику, а тому, за котораго поручится надежный человѣкъ. Но мнѣ пришлось бы повторять по крайней мѣрѣ двѣ трети прочитаннаго уже вами, если бы я далъ себѣ волю указывать на всѣ замѣчательныя замѣтки Θеофраста.

Для лучшаго обзора двадцати-семи характеровъ, вошедшихъ въ эту статью, сдѣлаю имъ теперь оглавленіе, рядомъ выставлю, въ какомъ порядкѣ слѣдуютъ эти 27 характеровъ въ стереотипномъ изданіи и въ изданіи Аста, чтобы такимъ образомъ дать возможность читателю, знающему греческій языкъ, сличить мой переводъ съ подлинникомъ:

	ed. Ast.	ed. stereot.
1. Льстецъ, *περὶ κολακείας*	2	2
2. Угодникъ, *π. ἀρεσκείας*	5	3
3. Болтунъ, *π. ἀδολεσχίας*	3	22
4. Врунъ, *π. λαλίας*	7	23
5. Вѣстовщикъ, *π. λογοποιίας*	8	24
6. Сквернословъ, *π. βδελυρίας*	11	12
7. Злоязычникъ, *π. κακολογίας*	28	31
8. Двуличный, *π. εἰρωνείας*	1	1
9. Хвастунъ, *π. ἀλαζονείας*	23	6
10. Надоѣдливый, *π. ἀηδίας*	20	15
11. Неумѣстный, *π. ἀκαιρίας*	12	26
12. Хлопотунъ, *ρ. περιεργίας*	13	27
13. Разсѣянный, *π. ἀναισθησίας*	14	25
14. Скряга, *π. ἀπονοίας*	6	13
15. Безсовѣстный, *π. ἀναισχυντίας*	9	16
16. Противный, *π. δυσχερείας*	19	11
17. Человѣкъ безъ амбиціи, *π. ἀνελευθερίας*	22	18
18. Мелочный, *π. μικρολογίας*	10	19
19. Корыстный, *π. αἰσχροκερδίας*	30	17
20. Мужиковатый, *π. ἀγροικίας*	4	10
21. Чванный, *π. μικροφιλοτιμίας*	21	5
22. Гордецъ, *π. ἀυθαδείας*	15	9
23. Надмѣнный, *π. ὑπερηφανίας*	24	7
24. Недовольный, *π. μεμψιμοιρίας*	17	21
25. Недовѣрчивый, *π. ἀπιστίας*	18	20
26. Трусъ, *π. δειλίας*	25	29
27. Поздній ученикъ, *π. ὀψιμαθίας*	27	28

Въ началѣ статьи я сказалъ, что тридцать θеофрастовыхъ «Характеровъ «не всѣ вдругъ были открыты и напечатаны: сперва надано было только пятнадцать; сверхъ того, изъ этихъ тридцати «Характеровъ» три, по весьма основательнымъ причинамъ, считаются подложными; текстъ всѣхъ «Характеровъ» сильно испорченъ.

Digitized by Google

Потому мы имѣемъ полное право предполагать, что сочиненіе Ѳеофраста дошло до насъ не въ первоначальномъ видѣ, что многіе, можетъ быть, характеры не дошли до насъ. Но тѣмъ не менѣе посмотримъ, какія общія заключенія о нравахъ аѳинянъ ѳеофрастова времени можно сдѣлать по двадцати-семи «Характерамъ», считающимся ѳеофрастовыми и вошедшимъ въ настоящую статью.

Прежде всего кидается въ глаза поразительная наклонность къ болтливости. Не говоря уже о болтунѣ, вралѣ, вѣстовщикѣ, болтливомъ и льстецъ, болтливы сквернословъ и злоязычникъ; еще болѣе болтливъ хвастунъ; болтливы хлопотунъ, надоѣдливый, мужиковатый, чванный, трусъ: словомъ, всѣ ѳеофрастовы личности болѣе или менѣе болтливы. Вторая характерная черта — лесть. Третья — корыстность: кромѣ собственнокорыстнаго корыстны и льстецъ, и угодникъ, и сранникъ, и безсовѣстный, и человѣкъ безъ амбиціи, и мелочный, и недовѣрчивый. Какъ корыстность, такъ и прочіе пороки, выставленные Ѳеофрастомъ, безъ сомнѣнія, только во время полнаго развитія демократіи со всѣми ея злоупотребленіями могли дойти до такихъ огромныхъ размѣровъ. Все это подтверждается и свидѣтельствами другихъ греческихъ писателей.

Несмотря на все мое стараніе передать порусски съ возможною точностію греческія слова, которыми Ѳеофрастъ опредѣляетъ свои личности, это мнѣ не вездѣ удалось. Неточны слѣдующія выраженія: сквернословъ, неумѣстный, хлопотунъ, человѣкъ безъ амбиціи, поздній ученикъ. Но точно и нельзя было перевести: у насъ нѣтъ понятій, соотвѣтственныхъ греческимъ, выражаемымъ словами βδελυρός, ἀνελεύθερος и т. д. Βδελυρός, котораго я назвалъ сквернословомъ, есть вполнѣ исчадіе демократіи. Ἀνελεύθερος —человѣкъ, оскорбляющій въ лицѣ своемъ достоинство свободнаго гражданина: у насъ похоже на это слово: человѣкъ безъ амбиціи, — но только похоже. Хлопотунъ и неумѣстный напоминаютъ собой гоголева Кочкарева; но кромѣ хлопотливости и неумѣстности такіе люди оскорбляли чувство грека еще нарушеніемъ гармоніи, софросины, которой грекъ требовалъ отъ всего и отъ всякаго. Слово: поздній ученикъ, объяснено выше. Замѣчательно еще, что у Ѳеофраста иронія вовсе не то, что у Платона: у Ѳеофраста иронія — двуличность.

Смѣю надѣяться, что кто внимательно прочтетъ мою статью, найдетъ сочиненіе Ѳеофраста во многихъ отношеніяхъ замѣчательнымъ. Потому теперь считаю умѣстнымъ разрѣшить, по крайнему моему разумѣнію, вопросъ, выставленный мной въ началѣ статьи: почему ѳеофрастовы «Характеры» были такъ высоко цѣнимы въ древнее время, почему прежде такъ часто переводили ихъ, издавали

Digitized by Google

съ подробными комментаріями, а въ послѣднія тридцать лѣтъ они почти забыты? Это потому, мнѣ кажется, что въ прошедшія столѣтія классическая филологія имѣла болѣе практическое, болѣе примѣнительное къ жизни значеніе, чѣмъ въ настоящее столѣтіе. Правда, примѣненіе это дѣлалось немножко безтолково, но все-таки дѣлалось. Въ новѣйшее же время классическая филологія имѣетъ болѣе научное значеніе: не только Ѳеофрастъ, но и другіе писатели, касавшіеся домашней, будничной жизни грека, да и вообще такъ называемыя домашнія древности находятъ мало сочувствія къ себѣ, мало воздѣлывателей.

В. ОРДЫНСКІЙ.

Digitized by Google

III.

ОТВѢТЪ

НА НОВЫЙ ВОПРОСЪ О НЕСТОРѢ,

ЛѢТОПИСЦѢ РУССКОМЪ.

Во «Временникѣ», издаваемомъ при Московскомъ университетѣ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ (1849 г. № 1), напечатана статья подъ заглавіемъ: «Еще вопросъ о Несторѣ». Сочинитель сего вопроса, г. Казанскій, предпринялъ открыть, на замѣну Нестора, другаго не менѣе умнаго, даровитаго и однако неизвѣстнаго по имени кіево-печерскаго монаха, полагая, что не столько внутреннее убѣжденіе, сколько выгода приписать составленіе лѣтописи извѣстному лицу, заставляетъ настаивать, что Несторъ, написавшій повѣсть о Борисѣ и Глѣбѣ, былъ также и лѣтописецъ.

Не признавая доказательствъ г. Казанскаго убѣдительными и замѣтивъ притомъ, что онъ, въ сомнѣніяхъ своихъ о Несторѣ лѣтописцѣ, придерживался предпочтительно сочиненій г. Кубарева о Патерикѣ Печерскомъ и о Несторѣ (1), мы сперва разсмотримъ произведенія г. Кубарева, а потомъ дадимъ отвѣтъ г. Казанскому.

Digitized by Google

I.

РАЗБОРЪ СОЧИНЕНІЙ Г. КУБАРЕВА О ПАТЕРИКѢ ПЕЧЕРСКОМЪ И О НЕСТОРѢ.

§ 1. *О преподобномъ Антоніи, первомъ подвижникѣ Печерскомъ.*

Въ старинныхъ рукописныхъ спискахъ патерика Кіево-печерскаго (2) и въ печатномъ сказано, что Антоній, родившійся въ г. Любечѣ въ 983 году (3), въ молодыхъ лѣтахъ своихъ отправился на Аѳонъ, обошелъ тамошнія обители, возлюбилъ черническій образъ, посвященъ въ одной изъ нихъ (4) въ иноки и чрезъ нѣсколько лѣтъ возвратился въ Кіевъ, 1013 года. Не пожелавъ жить ни въ одномъ изъ кіевскихъ монастырей (5), онъ пришелъ въ село Берестово, нашелъ тамъ варяжскую пещеру и въ ней вселился (6). Когда же Святополкъ предавалъ пагубѣ братьевъ своихъ Бориса, Глѣба и Святослава, въ 1015 году, Антоній удалился тогда на Аѳонскую гору, и прибылъ опять въ Кіевъ по первомъ возшествіи на великокняжескій престолъ Ярослава, въ 1017 году. Такъ повѣствуютъ рукописные патерики и печатный; а далѣе въ нихъ же и въ лѣтописи, въ словѣ о началѣ Печерскаго монастыря, сказано, что во время послѣдняго возвращенія антоніева въ Кіевъ, въ Берестовскомъ селѣ, при церкви Святыхъ Апостоловъ (7), служилъ презвитеръ Иларіонъ— «мужъ благъ, книженъ и постникъ»; который, приходя съ Берестова къ Днѣпру на холмъ, покрытый дремучимъ лѣсомъ, ископалъ тамъ «пещеру малу дву саженъ» и въ ней уединенно совершалъ богомоленіе. Антоній пришелъ на тотъ же холмъ, «идѣ же бѣ Иларіонъ печерку ископа малу, и возлюби *мѣсто то* и вселися *въ немъ*». Просимъ читателя замѣтить эту фразу, по важности ея въ нашемъ разборѣ. Въ спискахъ лѣтописи Лаврентьевскомъ, Ипатьевскомъ, Хлѣбниковскомъ, Радзивиловскомъ, Троицкомъ, въ пріобщенныхъ къ печатному Лаврентьевскому выпискахъ изъ двухъ древнихъ рукописныхъ патериковъ, писанныхъ въ исходѣ XIV или въ XV вѣкѣ; въ патерикахъ же Румянцовомъ и Толстовомъ, писанныхъ въ XVI столѣтіи, и въ лѣтописныхъ спискахъ, бывшихъ у В. Н. Татищева, сказано: а) въ лѣтописяхъ: «въ злюби *мѣсто се* и вселися *въ не*», и б) въ патерикахъ, въ однихъ: «възлюби *мѣстьце то* и вселися *въ не*», въ другихъ: «възлюби *мѣстьце то* и вселися *въ немъ;* въ печатномъ: возлюби *мѣсто тое* и вселись *тамъ*.» Ясно, что Антоній вселился *не въ ню*, не въ Иларіонову пещеру, а расположился

Digitized by Google

жить на томъ же холму, на которомъ она находилась, и это подтверждается далѣе словами лѣтописи и патерика, что Антоній «поча жити ту *копан пещеру*, и не да себѣ упокою лень и нощь, въ трудѣхъ пребывая, въ бдѣніи и молитвахъ» (8).

Но г. Кубаревъ, по указанію Никоновской лѣтописи, Степенной книги, описанія Кіево-печерской лавры, также послѣдуя Шлёцеру, Карамзину и нѣкоторымъ другимъ, читавшимъ не *въ немъ*, а *въ ней*, утвердился въ той мысли, что Антоній вселился въ готовую Иларіонову пещеру, и не въ 1017 году, а уже тогда, когда этотъ инокъ презвитеръ, въ 1051 году, возведенъ былъ въ санъ кіевскаго митрополита, «а печерка его тако оста» (9). Къ принятію этого мнѣнія, которое г. Кубаревъ провелъ по всему изслѣдованію своему о Патерикѣ и о Несторѣ, побудили г. Кубарева еще и слова лѣтописи, слѣдующія непосредственно за глаголомъ *оста:* «и не по мнозѣхъ днехъ бѣ нѣкій человѣкъ именемъ мірскимъ (?) отъ града Любеча», хотя они, отдѣленныя въ печати препинательною точкою отъ глагола *оста*, не имѣютъ сами въ себѣ никакого смысла; ибо слова «и не по мнозѣхъ днехъ» относятся очевидно не до любчанина, а до Иларіоновой пещеры, т. е., что она послѣ 1051 года оставалась праздною недолго: либо до времени, какъ Антоніева пещера была распространяема во всѣ стороны, по мѣрѣ присоединявшихся къ нему братій, либо до предоставленія всей той надпещерной горы великимъ княземъ Изяславомъ подъ строеніе монастыря (10). Иначе сказано бы было въ какомъ либо спискѣ: «и не по мнозѣхъ днехъ вселися *въ ню* (Иларіонову пещеру) Антоній; сей же человѣкъ, мірскимъ именемъ Антипа, бѣ отъ града Любеча» и проч. (11).

Какъ ни маловажно, повидимому, измѣненіе мѣстоименія *въ не, въ немъ* на *въ ней, въ ню*, однако оно побудило г. Кубарева сказать, что все, написанное въ Патерикѣ, о двукратномъ отхожденіи Антонія изъ Руси на Аѳонъ, о пришествіи къ Антонію въ пещеру Ѳеодосія въ 23 лѣтнемъ возрастѣ, въ 1032 году (12), и о сорокалѣтнемъ пребываніи Антонія безвыходно въ пещерѣ есть чтеніе *ложное*, приставка совершенно несправедливая, изобрѣтенная въ желаніи отдалить время основанія Печерскаго монастыря къ началу христіянства въ Россіи. При чтеніи *въ ней*, а не *въ немъ*, принявъ за несомнѣнную истину, что Антоній вселился прямо въ готовую Иларіонову пещеру, и не ранѣе 1051 года, г. Кубаревъ отнесъ къ этому же времени и прибытіе къ Антонію Ѳеодосія, потому что въ Харатейномъ патерикѣ, писанномъ 1406 года для тверского епископа Арсенія (*), означен-

(*) Объ этомъ патерикѣ сказано далѣе, въ § 5.

Digitized by Google

ный выше 1032 годъ, не показанъ; а сообщившій Нестору извѣстіе объ юности Ѳеодосіевой, современникъ Ѳеодосіевъ, келарь Ѳеодоръ, не могъ знать того года (13), какъ будто и самъ Ѳеодосій, между братіею своею, былъ безмолвенъ. Житію же на свѣтѣ Ѳеодосія, прекратившемуся въ 1074 году, г. Кубаревъ назначилъ только 43 года, когда по патерику Ѳеодосій, родясь въ 1009 году, скончался въ 65-лѣтнемъ возрастѣ.

Относительно сорокалѣтняго пребыванія Антонія въ пещерѣ Карамзину также казалось, что Антонія постигла смерть не въ 1073, не за годъ прежде Ѳеодосія, какъ свидѣтельствуетъ Симонъ епископъ, а гораздо послѣ (14). Слѣдуя этому мнѣнію, г. Кубаревъ утверждаетъ, что 40 лѣтъ, протекшія съ 1051 года, упадаютъ на 1091 годъ; а какъ тутъ встрѣчается большой разладъ съ лѣтописью, по которой Антоній не является въ живыхъ ни при кончинѣ Ѳеодосія, ни при игуменствѣ Стефана и Никона, то г. Кубаревъ рѣшился развязать этотъ узелъ съ помощію разныхъ догадокъ. Назвавъ *ложнымъ* сказаніе о сорокалѣтнемъ пребываніи антоніевомъ въ пещерѣ, г. Кубаревъ говоритъ, что если въ подлинникѣ лѣтописи стояла славянская буквенная цыфра М съ другою подъ титломъ, она могла означать не 40, а *многа лѣта;* а если тамъ написано было складомъ, то вмѣсто четыредесяти должно читать *четыренадесять* лѣтъ (15).

Замѣняемо ли было у насъ когда либо нарѣчіе *много* буквою М съ другою неизвѣстною подъ титломъ, на это мы желали бы видѣть хоть одинъ примѣръ, который тѣмъ болѣе необходимъ, что и нарѣчіе *мало* начинается съ той же буквы; приведенный же изъ надписи тмутороканскаго камня нейдетъ къ доказательству: тамъ въ словахъ «*мѣриль* М *по леду* отъ Тмутороканя до Кърчева» буква М ничего другого означать не можетъ, кромѣ *моря*, и никакой чтецъ не превратитъ ее ни въ *морь*, ни въ *мраль*, ни въ *мракъ* (16). Въ Остромировомъ Евангеліи, на нѣсколькихъ страницахъ, написано *мъного*, *мъногa лѣта* безъ всякихъ сокращеній; и въ другихъ древнихъ рукописяхъ это слово не встрѣчается подъ титломъ (17). Четыренадесять же лѣтъ, присоединенныя къ 1051 году, приводятъ къ 1065 году, неознаменованному ничѣмъ ни въ антоніевой жизни, ни въ обители Печерской; да и по лѣтописи годъ этотъ замѣчателенъ только кончиною тмутороканскаго князя Ростислава отъ отравы, данной херсонскимъ катапаномъ (18).

Положительно можемъ утверждать, что сорока-лѣтнее безотлучное пребываніе антоніево въ пещерѣ — «не выходя изъ печеры лѣтъ 40 никдѣ же», относится до одной, ископанной имъ на Берестовскомъ холму, во вторичное, послѣднее возвращеніе съ Аѳона, какъ сказано и въ печатномъ Патерикѣ (19), и счи-

Digitized by Google

тается съ 1017 до 1057 года, въ которомъ Антоній, имѣя при себѣ уже 12 братій, и поставивъ имъ игуменомъ Варлама, самъ переселился, для уединенной жизни, на другой сосѣдній холмъ, гдѣ нынѣ въ Печерскомъ монастырѣ ближнія пещеры (20), и тамъ ископалъ себѣ новую пещеру. Въ этомъ убѣжищѣ онъ провелъ еще 16 лѣтъ; но пребываніе его тутъ, также какъ и прежде двугодичное въ Варяжской, не могло быть названо *безвыходнымъ:* Варяжскую оставлялъ онъ отхожденіемъ своимъ на Аѳонъ, а изъ ископанной въ 1057 году взятъ былъ въ 1068 году въ Черниговъ людьми, присланными ночью отъ тамошняго князя Святослава Ярославича, когда былъ оклеветанъ великому князю Изяславу за благорасположеніе къ полоцкому князю Всеславу, случайно возсѣдавшему на кіевскомъ престолѣ 7 мѣсяцевъ, съ 15 сентября 1067 по 15 апрѣля 1068 года (21). Находясь въ Черниговѣ, Антоній изготовилъ себѣ тамъ своими руками пещеру въ Болдиной горѣ (22) и уже чрезъ нѣсколько лѣтъ возвратился въ свою кіевскую, вторую, въ которой и опочилъ навѣки, въ 1073 году, на девятидесятомъ своей жизни (23).

§ 2. *О несторовомъ имени въ Патерикѣ и на заглавіи лѣтописи русской.*

Г. Кубаревъ относитъ къ отважной смѣлости издателей Патерика, составленнаго въ 1462 году для Кассіана, уставщика печерскаго, что они, въ заглавіе статьи о началѣ Печерскаго монастыря, включили несторово имя,—что къ словамъ «къ нему же, Ѳеодосію, и азъ придохъ худый и недостойный рабъ», прибавили «Несторъ», и что въ повѣствованіи объ открытіи ѳеодосіевыхъ мощей, гдѣ въ лѣтописи написано, въ трехъ мѣстахъ, только *азъ*, въ Патерикѣ присовокупили «*Несторъ*». Обвиненіе въ такомъ своевольствѣ издателей этого патерика г. Кубаревъ основываетъ на томъ, что въ 12 другихъ извѣстныхъ ему рукописныхъ спискахъ Патерика, сличенныхъ съ Кассіановскимъ, имени несторова нѣтъ, а потому и совѣтуетъ всего менѣе довѣрять рецензіи кассіановской по вставкамъ, находящимся въ житіи Ѳеодосія (24).

Сколько видно, г. Кубаревъ въ признаніи Кассіановскаго патерика за особую редакцію положился на послѣсловіе къ рукописному патерику, принадлежащему библіотекѣ Румянцовскаго музея, неимѣющему заглавнаго листа и нѣсколькихъ первыхъ (25). Въ этомъ послѣсловіи сказано: «Написана бысть книга сія, нарицаемыя Паторикъ Печерскій, житія и чюдеса святыхъ и преподобныхъ отецъ печерскихъ Антонія и Ѳеодосія, и всѣхъ преподобныхъ отецъ печерскихъ, а повелѣніемъ смиренно-инока Кассіана, уставника печерскаго, въ лѣто 6970 (1462) индикта 10, мѣсяца апрѣля 10, въ субботу святаго и праведнаго

Digitized by Google

Лазаря, друга Христова, на память святыхъ мученикъ Терентія и Помпія и иже съ ними, въ Богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ, въ обители царьстей Пречистыя Богоматери и преподобныхъ отецъ нашихъ Антонія и Ѳеодосія, въ Печерскомъ монастырѣ святаго и великаго святителя и чудотворца Христова Николы Мурьликійскаго, въ пустынцѣ при».... Конецъ утраченъ (26). Патерикъ же, поступившій въ Императорскую Публичную библіотеку въ рукописяхъ графа Толстова, имѣетъ слѣдующее надписаніе: «Сіи книгы прежде сего написаны быша, нарицаемыя Патерикъ Печерскій, лѣта 6968 (1460) въ Кіевѣ, въ монастырѣ Печерскомъ, при княженіи князя Симеона Александровича (Олельковича, 1451—1471 г.) для священно-инока *Акакія*; нынѣ же сія книгы написаны въ лѣто 6970 (1462) въ Кіевѣ же, при княженіи великаго князя Василія Васильевича († 1462 года), при архимандритѣ печерскомъ Николаѣ (1446 — 1563 г.) (27), а повелѣніемъ инока *Кассіана*, крилошанина печерскаго; а написаны быша (прежде) книгы сія на имя священно инока Кур*Акакія*, бывшаго намѣстника кіевскаго. Нынѣ же сія книгы написаны быша, нарицаемыя Патерикъ, вълѣто 6970 (1462) въ Москвѣ, въ обители Великаго Вознесенія, при княженіи великаго князя Василія Васильевича и при архіепископѣ Ѳеодосіи (28), а повелѣніемъ княгини иноки Евпраксіи, рукою дву діячишковъ Григорія и Ермолая, скорости ради, въ лѣто 7057 (1549)» (29). Снеся это надписаніе Толстова патерика съ послѣсловіемъ Румянцовскаго, усмотримъ, что Кассіановскій есть только сколокъ, снятый въ 1462 году съ Патерика, написаннаго въ 1460 году для того архимандрита *Акакія* (30), котораго митрополитъ россійскій Іона (1449 — 1461 г.) прислалъ изъ Москвы въ Кіевъ въ качествѣ своего намѣстника, для управленія въ томъ краѣ духовными и церковными дѣлами (31), и что также въ 1462 году списанъ съ акакіева и другой въ Москвѣ, въ Вознесенской обители, а съ сего послѣдняго снятъ списокъ въ 1549 г. для иноки княгини Евпраксіи, и онъ-то пріобрѣтенъ былъ графомъ Толстовымъ. Кѣмъ же и когда составленъ Патерикъ, писанный въ 1460 году для Акакія, неизвѣстно, и мнѣніе Карамзина, что Патерикъ сочиненъ Симономъ и Поликарпомъ еще въ XIII вѣкѣ, не можетъ подлежать сомнѣнію (32). Г. Кубаревъ говоритъ, что эту книгу Поликарпъ зоветъ *Патерикомъ* въ началѣ житія Марка Пещерника, и Симонъ въ посланіи къ Поликарпу даетъ ей тождезначащее славянское имя *Отечникъ*, указывая на житіе Ареѳы (33). Симонъ и Поликарпъ сдѣлали бы непростительное упущеніе, если бы не включили въ составъ Патерика несторовыхъ сочиненій: о началѣ Печерскаго монастыря, о житіи и кончинѣ Ѳеодосія, о перенесеніи его мощей и о житіи первыхъ

Digitized by Google

подвижниковъ печерскихъ, о которыхъ, въ рукописныхъ патерикахъ XV и XVI вѣка, помѣщено отдѣльное слово (34). Безъ всѣхъ сихъ произведеній несторова пера, исторія Печерской обители не имѣла бы ни ясности, ни полноты (35).

Разность между патериками Толстова и Румянцова, по поверхностному сличенію ихъ покойнымъ Калайдовичемъ, состоитъ въ томъ, что въ Румянцовомъ, въ житіи Ѳеодосія, къ словамъ сего игумена, обращеннымъ въ предсмертной его болѣзни къ посѣтившему его великому князю Святославу: «Се поручаю твоему благочестію святый сей монастырь Печерскій», прибавлено «и да необладаетъ имъ ни архіерей, ни инъ никтоже онъ клириковъ софійскихъ, но токмо заповѣдаетъ его твоя держава, и по тебѣ дѣти твои до послѣднихъ роду твоего.» Не знаемъ, справедливы ли слова г. Кубарева, что эта прибавка находится *почти* во всѣхъ спискахъ Патерика (36); въ печатномъ и въ лѣтописныхъ спискахъ ея нѣтъ; ею же изобличается подлогъ такого писца, который незналъ даже тогдашняго порядка наслѣдованія кіевскаго великокняжескаго престола въ ярославовомъ потомствѣ, по старшинству одного брата послѣ другого Могъ ли Ѳеодосій, не преставшій напоминать Святославу о противозаконномъ изгнаніи изъ Кіева, въ 1073 году, старѣйшаго брата Изяслава, предвидѣть, что сыновья святославовы и ихъ потомки удержатъ въ рукахъ своихъ кіевскую державу? Не далѣе, какъ въ 1076 году, по смерти Святослава, возвратился въ Кіевъ Изяславъ; по немъ княжилъ тамъ братъ его Всеволодъ, а потомъ Святополкъ-Михаилъ, сынъ старшаго брата Изяслава (37). Другою вставкою нельзя не признать сказанное въ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ спискахъ, что Ѳеодосій, предоставляя инокамъ печерскимъ избрать на его мѣсто игумена изъ среды своей, исключилъ Николу и Игната (38). Мы не можемъ допустить мысли, чтобъ Ѳеодосій, кроткій и смиренный, какъ называлъ его Антоній при назначеніи въ игумены, пожелалъ, отходя въ вѣчность, оскорбить двухъ черноризцевъ своей обители, когда и безъ того причины неспособности ихъ къ настоятельству не могли быть прочей братіи неизвѣстны.

Къ сожалѣнію, г. Кубаревъ не сообщилъ намъ свѣдѣнія о тѣхъ многихъ спискахъ Патерика, которые онъ употреблялъ для сличенія съ Кассіановскимъ (39), и въ которыхъ не нашелъ имени несторова въ статьяхъ о зачалѣ Печерскаго монастыря и о перенесеніи ѳеодосіевыхъ мощей, а потому и утверждаетъ, что это имя включено только въ Кассіановскую рецензію, отличающуюся отъ прочихъ вставками, и что ее-то одну приняли въ основаніе издатели печатнаго Патерика (40). Такъ ли? Не въ однихъ спискахъ патерика Толстова и Румянцова, снятыхъ съ

Digitized by Google

Акакіева 1460 года, но также въ патерикѣ Синодальной библіотеки, въ двухъ сборникахъ Новогородской Софійской библіотеки (41), въ патерикахъ и сборникахъ XVI вѣка, показанныхъ въ описаніяхъ рукописей Толстова, Румянцова и почетнаго гражданина Царскаго (42), вездѣ на заглавіи вышепоказанныхъ двухъ статей, сокращенно внесенныхъ въ лѣтопись, имя несторово вписано при слѣдующихъ словахъ; *въ первой*: «Нестера мниха обители монастыря Печерьскаго сказаніе, что̀ ради прозвася Печерьскій монастырь,» т. е. въ томъ словѣ, гдѣ Несторъ говоритъ, что Антоній родился въ Любечѣ, отшелъ на Аѳонъ и двоекратно возвращался оттуда въ Кіевъ, и гдѣ сочинитель объявляетъ о себѣ: «придохъ же азъ къ нему (Ѳеодосію) худый и недостойный рабъ Нестеръ, и пріятъ мя тогда ми лѣтъ сущу 17 отъ рожденія моего»; *въ другой*: «Нестера мниха монастыря Печерскаго о перенесеніи мощемъ св. преподобнаго отца нашего Ѳеодосія Печерскаго» (43). Здѣсь сочинитель троекратно говоритъ о себѣ еще и въ самомъ текстѣ: «азъ грѣшный Нестеръ». Если же онъ помѣстилъ имя свое въ такихъ сочиненіяхъ, которыхъ у него никто оспорить не можетъ: при концѣ чтенія о Борисѣ и Глѣбѣ (44) и въ житіи ѳеодосіевомъ на заглавіи и въ текстѣ, то почему бы онъ не позволилъ себѣ сдѣлать тоже и въ сказаніяхъ о зачалѣ Печерскаго монастыря и о перенесеніи ѳеодосіевыхъ мощей, когда даже и перепищики не забывали выставлять свое имя, какъ, напримѣръ, Сильвестръ и Лаврентій (45)?

Далѣе, къ устраненію имени несторова изъ его сочиненій, г. Кубаревъ пишетъ: а) въ древнѣйшія времена отнюдь не было въ обыкновеніи сочинителей, незнаменитыхъ по сану и молвѣ, въ *заглавіи* выставлять свое имя; если же оно въ какомъ либо спискѣ является, мы должны приписать это убѣжденію писца, а отнюдь не обычаю сочинителя, и можно сказать, что почти за правило было принято у сочинителей говорить о себѣ въ *предисловіи*, или еще обыкновеннѣе въ *послѣсловіи*; такъ поступилъ и Несторъ въ сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ и о житіи ѳеодосіевомъ; и б) въ тѣже древнѣйшія, простодушныя времена ни перепищики, ни читатели вовсе не заботились о сочинителѣ, полагая всю важность только въ содержаніи сочиненія; всякій немного книжный человѣкъ, безъ сомнѣнія, думалъ, что онъ и самъ могъ бы также хорошо описывать событія, какъ и тотъ авторъ, котораго книгу онъ имѣлъ въ рукахъ (46).

Предоставляя читателямъ оцѣнить мнѣніе г. Кубарева о равнодушіи предковъ нашихъ къ сочинителямъ и о высокоумія тогдашнихъ книжниковъ нашихъ (47), мы не въ состояніи понять особенной важности въ томъ, гдѣ встрѣчается имя сочинителя: на *заглавіи* ли, въ *предисловіи*, въ *послѣсловіи*, или въ самомъ тек-

Digitized by Google

стѣ. Извѣстно намъ, что встарину писатели наши не скрывали своихъ именъ, слѣдуя апостольскимъ посланіямъ. Такъ на *заглавіи* сочиненія, относимаго къ XI вѣку: «Память и похвала князю русскому Владимиру, како крестися, и дѣти своя крести и всю землю русскую», сказано: «Списано Иіаковомъ мнихомъ», который и въ текстѣ говоритъ: «азъ худый мнихъ Иіаковъ, слышавъ отъ многихъ о.... Володимерѣ (48)». Такъ на *заглавіи* поученія Кирилла, епископа туровскаго, читаемъ: «Слово Кюрила, недостойнаго, грѣшнаго мниха (49)». Такъ и на *заглавіи* повѣсти о преставленіи св. праведныя матери Іуліаніи муромскія, сказано: «списано грѣшнымъ Калистратомъ, пореклу Дружиною Осорьинымъ»; а онъ не былъ знаменитъ по сану и молвѣ, занимавши въ Муромѣ должность губнаго старосты (50), какъ и инокъ Іаковъ, котораго санъ никому неизвѣстенъ. Современникъ несторовъ, игуменъ русскій Данiилъ (1104—1115 г.), въ первыхъ строкахъ своего Странника, пишетъ: «се азъ недостойный игуменъ Данило (51); другой современникъ несторовъ Владиміръ Мономахъ (1053—1225 г.) Поученіе свое начинаетъ: «азъ худый.... въ крещеніи Василій, русскимъ именемъ Владимеръ (52)»; въ текстѣ же посланія Симона къ Поликарпу: «азъ грѣшный Симонъ епископъ» (53), и въ посланіи Поликарпа къ Акиндину: «азъ грѣшный Поликарпъ» (54). Подобныхъ примѣровъ можно указать много въ древнихъ памятникахъ русскихъ. Слѣдовательно, и инокъ Несторъ не шелъ на перекоръ обычаю, означивъ имя свое на *заглавіи* и въ текстѣ отдѣльныхъ сочиненій своихъ о зачалѣ Печерскаго монастыря и о перенесеніи ѳеодосіевыхъ мощей, также какъ и на *заглавіи* житія ѳеодосіева, гдѣ имя несторово г. Кубаревымъ просмотрѣно. Если бы оно вставлено было Симономъ или Поликарпомъ, то, безъ сомнѣнія, сопровождалось бы почетнымъ прилагательнымъ *блаженный* или *преподобный*, приписаннымъ ими Нестору въ житіи Никиты затворника и въ житіи Агапита врача.

Къ поддержанію мнѣнія, какъ бы уже неоспоримо доказаннаго, что сочинители, не знаменитые по сану и молвѣ, не выставляли *на заглавіи* ихъ твореній своего имени, г. Кубаревъ обращаетъ правило сіе и на временникъ, носящій несторово имя. Онъ полагаетъ: а) что на *заглавіи* лѣтописи русской никогда имя несторово не стояло; а если были или есть списки съ его именемъ, то оно вставлено было самими перепищиками, которые основывались *на своихъ собственныхъ заключеніяхъ о сочинитель;* б) что имя Нестора, какъ сочинителя лѣтописи, сдѣлалось общимъ только въ *концѣ* XV столѣтія, когда *въ началѣ* онаго нѣкоторые книжные люди стали умножать патерикъ Печерскій статьями изъ лѣтописи *Несторовой*, относящимися къ исторіи

Digitized by Google

монастыря Печерскаго и первыхъ его подвижниковъ, и в) что и тѣ списки лѣтописи, которые находились въ рукахъ Симона и Поликарпа, и изъ которыхъ они дѣлали извлеченія въ свои сочиненія, не имѣли на заглавіи несторова имени, и только общее мнѣніе утвердило лѣтопись за Несторомъ (55).

Всѣ эти разсужденія г. Кубарева приводятъ насъ къ слѣдующимъ вопросамъ: 1) изъ чего родилось въ умѣ разныхъ переписчиковъ одинакое заключеніе, что лѣтописецъ былъ Несторъ? Казалось бы, имъ удобнѣе было признать за бытописателя русскаго или Василія, упоминаемаго въ лѣтописи, или Сильвестра, сдѣлавшаго въ ней, подъ 1110 годомъ, приписку; а означивъ своевольно на заглавіи Временника имя несторово, почему бы уже не прибавить его и въ текстѣ лѣтописи ко всѣмъ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ сочинитель говоритъ о себѣ *азъ, ми?* 2) Если книжные люди стали умножать Патерикъ, еще *въ началѣ* XV *вѣка*, статьями изъ лѣтописи (хотя это происходило наоборотъ), по какому же поводу включили въ Патерикъ несторово имя, не видѣвши его на лѣтописи? и отчего имя несторово явилось въ Патерикѣ не тогда, а уже *въ концѣ того вѣка*, встрѣчаясь, однако, въ Арсеньевскомъ патерикѣ, писанномъ въ 1406 году по матеріяламъ, существовавшимъ, конечно, ранѣе XV столѣтія? и 3) откуда г. Кубаревъ получилъ свѣдѣніе, что на спискѣ лѣтописи, бывшемъ въ рукахъ Симона и Поликарпа, имени несторова не стояло, и что только общее мнѣніе признавало Нестора творцемъ лѣтописи русской уже при ихъ жизни, слѣдовательно и въ XII и въ XIII вѣкѣ? Надобно знать, что Симонъ, изъ иноковъ Печерской обители, былъ сперва игуменомъ Владимірскаго (на Клязьмѣ) Рождественскаго монастыря и упоминается тамъ въ 1206 году по случаю, что былъ духовникомъ скончавшейся тогда великой княгини Маріи, Ясыни, супруги Всеволода Георгіевича Суздальскаго. Въ 1214 году Симонъ хиротописанъ во епископа епархіи Владимірской и Суздальской, скончался въ 1226 году. Лѣтописецъ называетъ его блаженнымъ, милостивымъ, учительнымъ (56). Дѣйствовавшими въ Россіи церковными узаконеніями императора Юстиніана повелѣно: въ пресвитеры поставлять не моложе 30, а въ епископы избирать мужа, имѣющаго не менѣе 35 лѣтъ, проведшаго 15 лѣтъ въ монашескомъ житіи (57). Примѣняя эти правила къ Симону, можемъ полагать приблизительно къ истинѣ, что если онъ въ 1206 году имѣлъ сорока-лѣтній возрастъ, то родился около 1166 года, и, слѣдовательно, между временемъ прекращенія лѣтописи Несторовой и появленія на свѣтъ Симона протекло не болѣе полувѣка, и Симонъ могъ видѣть людей съ Несторомъ лично знакомыхъ. Притомъ, если Симонъ и Поликарпъ, описывая житіе и

Digitized by Google

подвиги двадцати-пяти иноковъ печерскихъ, по преданію и по сказанію очевидцевъ, помнили имена современниковъ несторовыхъ: Никиты затворника, принявшаго иночество въ 1078 году, Алимпія иконописца, изучившагося этому художеству въ Кіевѣ у греческихъ иконописцевъ, постригшагося въ 1087 и жившаго въ 1114 году, — Марка пещерника, бывшаго инокомъ въ 1091 году при перенесеніи ѳеодосіевыхъ мощей,—Василія и Ѳеодора, скончавшихся въ 1093, Григорія чудотворца, утопленнаго въ Днѣпрѣ 1094, Евстратія постника и Никиты сухого, плѣненныхъ половцами въ 1096, — Прохора чудотворца, бывшаго инокомъ 1097 —1107 года, и Агапита врача, современника черниговскому князю Владиміру Мономаху ([58]): какже бы Симону и Поликарпу не знать Нестора, инока весьма замѣчательнаго по дарованіямъ, уму и благочестію, принесшаго своими твореніями неувядаемую славу обители Печерской ([59])?

Въ греческой хроникѣ Амартоловой написано, по переводу болгарскому XIII вѣка, въ оглавленіи: «Книгы временныя Георгія иныха сказъ», и далѣе: «Временникъ впростѣ отъ различныхъ же хронографъ и сказатель, събранъ же и сложенъ Георгіемъ грѣшнымъ мнихомъ ([60]).» Такъ какъ извѣстно, что Несторъ Амартолову хроникy имѣлъ въ своихъ рукахъ, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ, по примѣру сего Георгія, самъ начерталъ свое имя на заглавіи своего временника, которое и перенесено на нѣкоторые древніе списки съ подлинника, потеряннаго невозвратно.

§ 3. *О связи несторовыхъ сочиненій въ Патерикѣ и въ Лѣтописи.*

Послѣ слова «о житіи и о погубленіи блаженною страстотерпцю Бориса и Глѣба ([61])», Несторъ занялся описаніями, относящимися непосредственно до обители Печерской; онъ началъ житіе Ѳеодосія, «да и по насъ — говоритъ онъ — черноризцы пріимше писаніе и почитающе, и тако видяще мужа доблесть, восхвалятъ Бога и угодника Его прославляютъ, и на прочіе подвиги укрѣпляются ([62])», и составилъ чтенія: одно о началѣ Печерскаго монастыря, другое объ открытіи и перенесеніи ѳеодосіевыхъ мощей изъ пещеры въ церковь, и третье о первыхъ черноризцахъ, подвижникахъ печерскихъ. Что каждое изъ сихъ чтеній изложено отдѣльно, это мы видимъ въ патерикахъ Румянцовомъ и Толстовомъ, также и въ другихъ патерикахъ и сборникахъ, писанныхъ въ XIV или XV и въ XVI вѣкѣ ([63]). Несторъ внесъ въ свою лѣтопись, для связи съ гражданскою исторіею, нѣкоторыя дословно, а нѣкоторыя сокращенно. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ и статья: «что́ ради прозвася Печерскій монастырь»; оттого нѣтъ въ лѣтописи извѣстія о двукратномъ путешествіи Антонія на Аѳонъ, о пришествіи

Digitized by Google

Ѳеодосія въ Антоніеву Берестовскую пещеру, о постриженіи его въ иноки презвитеромъ Никономъ, объ отшествіи Никона въ Тмутороканскій островъ, объ основаніи имъ въ той странѣ монастыря ([64]) и о посвященіи Ѳеодосія въ презвитерскій санъ. Слѣдовательно, Слово о зачалѣ Печерскаго монастыря заимствовано не изъ лѣтописи въ Патерикѣ, какъ казалось г. Кубареву ([65]), а наоборотъ. Это тѣмъ очевиднѣе, что Несторъ, говоря въ лѣтописи о зачалѣ Печерскаго монастыря, подъ 1051 годомъ, по поводу посвященія тогда въ митрополиты Иларіона, разсказомъ своимъ объ Антоніи, сперва обращается назадъ ко временамъ Владиміра Великаго, потомъ идетъ впередъ лѣтъ на 20, до введенія въ Печерскую обитель Студійскаго устава, и до своего въ нее вступленія, а далѣе возвращается снова къ 1052 году, къ своему хронологическому порядку ([66]). Несторъ оканчиваетъ эту статью, въ отдѣльномъ чтеніи и въ лѣтописи, одинакими словами: «Се же написахъ и положихъ ([67]) оже въ кое лѣто (съ какого времени) началь быти монастырь, и что ради зовется Печерскій, а о Ѳеодосіеви житіи *паки* скажемъ ([68])». Въ древнихъ спискахъ Патерика за этою фразою слѣдуетъ полное описаніе ѳеодосіева житія, а въ лѣтописи, за тою же самою фразою, Несторъ уже не повторяетъ ни объ избраніи Ѳеодосія въ игумены на мѣсто Варлама, ни о принятіи Ѳеодосіемъ Студійскаго устава, и проч., а говоритъ коротко, въ хронологическомъ порядкѣ: подъ 1072 годомъ о бытіи Ѳеодосія на торжественномъ перенесеніи мощей Бориса и Глѣба; подъ 1073 о заложеніи Ѳеодосіемъ для Печерскаго монастыря каменной Успенской церкви ([69]), — подъ 1074 о преставленіи Ѳеодосія, съ оговоркою: «скажемъ о успеніи его мало», какъ и дѣйствительно не все тутъ помѣщено, что читаемъ въ житіи Ѳеодосія, — подъ 1091 — объ открытіи и перенесеніи изъ пещеры въ каменную Успенскую церковь ѳеодосіевыхъ мощей, и о послѣдовавшей тогда кончинѣ яневой жены Маріи, духовной ѳеодосіевой дочери, погребенной, по его предреченію, въ томъ же храмѣ; наконецъ, подъ 1108 годомъ о вписаніи имени ѳеодосіева въ Синодикъ ([70]). Все это относится въ лѣтописи къ словамъ Нестора: «а о Ѳеодосіеви житіи *паки* скажемъ ([71]).» Хотя же г. Кубаревъ подъ нарѣчіемъ *паки* разумѣетъ здѣсь *въ другое время, въ другомъ мѣстѣ, инде*, т. е. «О Ѳеодосіевомъ житіи мы повѣствуемъ въ другомъ мѣстѣ», и якобы Несторъ указываетъ на особо написанное имъ житіе ѳеодосіево ([72]); но спрашивается: зачѣмъ же въ лѣтописи идетъ далѣе рѣчь о Ѳеодосіи подъ годами 1072, 1073, 1074, 1091 и 1108? и гдѣ нарѣчіе *паки* употреблено въ томъ смыслѣ, въ какомъ г. Кубаревъ его принимаетъ? Во всей лѣтописи Несторовой и въ прочихъ сочиненіяхъ его на-

Digitized by Google

рѣчіе *паки* означаетъ *еще, опять* (73), точно такъ, какъ въ возглашеніяхъ на божественной службѣ: «Паки и паки міромъ Господу помолимся.»

§ 4. *О печатномъ патерикѣ Печерскомъ.*

Г. Кубаревъ дѣлаетъ упрекъ издателямъ печатнаго Патерика: а) что они дали другое расположеніе статьямъ противъ патериковъ рукописныхъ, къ житіямъ святыхъ придѣлали свои вступленія и заключенія, поновили языкъ и проч.; б) что они, помѣстивъ слово о покованіи раки преподобнаго Ѳеодосія, послѣ житія его, покрыли неизвѣстностію имя сочинителя этой статьи, и в) что смѣшали встрѣчающагося въ лѣтописи старца Яна съ бояриномъ Іоанномъ, упоминаемымъ въ житіи Ѳеодосія, отчего игуменъ Варламъ сдѣлался внукомъ Вышаты, правнукомъ Остромира, посадника новогородскаго, *къ великому недоумѣнію* Карамзина, который не зналъ источника этой родословной (74).

Въ предисловіи къ печатному Патерику, вышедшему въ свѣтъ впервые въ 1661 году, издатели сказали, что изображаютъ типомъ житія святыхъ печерскихъ по сочиненіямъ Нестора, Симона и Поликарпа, на пользу православныхъ, увѣщеваютъ ихъ къ почитанію святыхъ печерскихъ и совѣтуютъ научаться изъ ихъ житія терпѣнію въ напастяхъ, въ болѣзни и въ оклеветаніи, содержанію поста, подвигу въ рукодѣліи, служенію больнымъ, обращенію къ покаянію. Ясно, что издатели имѣли въ виду не филологическую сторону древнихъ списковъ Патерика, а единственно доставленіе христіянамъ назидательнаго чтенія на нарѣчіи для нихъ удобопонятномъ.

Сочинитель слова о покованіи раки преподобнаго Ѳеодосія не только не скрытъ, но тамъ даже въ трехъ мѣстахъ сказано, что оно принадлежитъ епископу Симону (75).

Покойный исторіографъ нашъ безъ всякаго недоумѣнія, а съ полнымъ равнодушіемъ замѣтилъ ошибку издателей печатнаго Патерика, назвавшихъ Варлама внукомъ того Вышаты, который въ 1064 году отправился въ Тмуторокань съ княземъ Ростиславомъ Владиміровичемъ, внукомъ Ярослава I. Карамзинъ зналъ основательно, что Варламъ былъ внукъ другаго Вышаты, водившаго, въ 1043 году, войско ярославово на грековъ, и имѣвшаго сына Яна, кіевскаго полководца, какъ сказано во всѣхъ лѣтописныхъ спискахъ. (76). Имя этого Яна Вышатича встрѣчается въ несторовомъ Временникѣ 1043, 1071, 1089, 1091, 1093 и 1106 года. Игуменъ Ѳеодосій былъ духовнымъ отцемъ его и, любя его и супругу его Марію, «занеже живяста по заповѣди Господни, и въ любви между собою пребываста», посѣщалъ ихъ домъ, подавая имъ благословеніе; а Несторъ отъ сего Яна, «смысленнаго мужа, многа словеса слышахъ, еже и

Digitized by Google

вписахъ въ лѣтописаньи (77)». Жена янова, Маріа, скончалась 16 августа 1091 года и, какъ знаменитая гражданка, погребена въ печерской Успенской церкви: а Янъ умеръ въ 1106 году, и тѣло его, 24 іюня, положено въ притворѣ того же храма (78). Такъ какъ имя Янъ есть сокращенное Іоанна, или Ивана, чему находимъ много примѣровъ, то тотъ самый мужъ, который зовется въ лѣтописи Яномъ, въ рукописныхъ патерикахъ иногда Иваномъ, какъ и въ печатномъ, Іоанномъ, первымъ въ боларахъ у князя; но и тутъ, при словѣ о супругѣ этого боларина, сказано: янева подружье Марія (79).

Очевидно, что г. Кубаревъ не хотѣлъ повѣрить Карамзину, который написалъ: «Добрый 90-лѣтній старецъ Янъ, славный воевода, умеръ 1106 года» (80); а согласился съ Шлёцеромъ (81), съ сочинителемъ словаря историческаго о писателяхъ духовнаго чина грекороссійской церкви (82), съ Шафарикомъ (83) и другими, которые въ Янѣ признавали инока печерскаго, товарища несторова, потому только, что онъ названъ въ лѣтописи *добрымъ старцемъ*. Названіе *добраго старца* дано Яну, или Ивану, Іоанну, по причинѣ достиженія имъ 90-лѣтняго возраста. Такъ въ лѣтописи, подъ 1147 годомъ, сказано о мужѣ князя Всеволода Давидовича Черниговскаго: «преставися *добрый старець* Петръ Ильичъ», который, находясь въ походѣ съ княземъ Святославомъ Всеволодовичемъ, не могъ уже сидѣть на конѣ: «бѣ бо ему 90 лѣтъ (84)».

§ 5. *О Патерикѣ тверского епископа Арсенія.*

Не одобряя патериковъ, ни печатнаго, ни Кассіановскаго, списаннаго съ Акакіева, г. Кубаревъ отдаетъ преимущество патерику, принадлежавшему, въ 1406 году, тверскому епископу Арсенію (1390 — 1410 г.), а теперь находящемуся въ рукахъ ржевскаго купца Берсенева, и эту книгу, неимѣющую, впрочемъ, названія патерика, ставитъ во главѣ всѣхъ существующихъ нынѣ рукописныхъ патериковъ (85), забывая, однако, что есть другіе, которые разнятся съ Арсеньевскимъ и прочими редакціями, напримѣръ, помѣщенный въ пергаминномъ сборникѣ, хранящемся въ Новогородской Софійской библіотекѣ, писанномъ въ исходѣ XIV или въ XV вѣкѣ (86). Мы не имѣли у себя Арсеніевой рукописи; знаемъ ее только по подробному описанію, напечатанному г. Кубаревымъ. Въ послѣсловіи ея сказано: «въ лѣто $\overline{\text{SAДІ}}$, индикта $\overline{\text{ДІ}}$, мѣсяца марта въ $\overline{\text{КА}}$ день, на память св. отца Якова, созданы быша книги сія при благовѣрномъ в. к. Иванѣ Михайловичѣ, *замышленіемъ* боголюбиваго епископа Арсенія Тфѣрьскаго. Аминь (87)». Здѣсь слово *замышленіе* не означаетъ ни сочинителя, ни собирателя, а только особу, пожелавшую имѣть у себя списокъ съ готовой книги. Такъ и про-

Digitized by Google

тивень съ книги: «Зерцало и вопросы съ отвѣтами съ Аѳонасія Александрійскаго», писанъ въ 1418 году *замышленіемъ* игумена Никона ([88]). Въ арсеніевой книгѣ ([89]), въ житіи Ѳеодосія, вмѣсто словъ: «азъ грѣшный Нестеръ пріимъ» и проч. написано: «азъ грѣшный *не стерпѣвъ*», и только въ житіи Никиты затворника имя Нестора лѣтописцо означено явственно ([90]). Нѣтъ слова о перенесеніи ѳеодосіевыхъ мощей, нѣтъ изъ несторовыхъ жизнеописаній Матѳея и Исакія; а несторова повѣсть о Даміанѣ и Іереміи приписана Поликарпу; нѣтъ житія новогородскаго епископа Нифонта, а нѣтъ потому, какъ полагаетъ г. Кубаревъ, что оно будто бы не есть симоново, но выписано издателями печатнаго патерика (1661 г.) изъ Новогородской лѣтописи. Правда ли? Это житіе мы находимъ въ патерикахъ, писанныхъ въ XVI вѣкѣ ([91]). И если Симонъ въ посланіи къ Поликарпу, исчисляя иноковъ печерскихъ, достигшихъ сана архіерейскаго, именуетъ между ними Нифонта новгородскаго (1130 — 1156 г.) ([92]), то могъ ли Симонъ забыть сего знаменитаго благочестіемъ и ученостію мужа, бывшаго инока печерскаго, почивающаго въ кіевскихъ пещерахъ ([93])? Въ Арсеньевомъ патерикѣ не сказано, что болѣзнующаго къ смерти Ѳеодосія, за два дня до кончины его, посѣтилъ в. к. Святославъ съ своимъ сыномъ Глѣбомъ, когда Святославъ нерѣдко бывалъ у здравствующаго Ѳеодосія и любилъ его бесѣду ([94]). Обращенія, въ посланіяхъ Симона къ Поликарпу и Поликарпа къ Акиндину, выброшены писцами, которые часто позволяли себѣ и выключать и прибавлять, какъ это г. Кубаревъ много разъ находилъ въ Арсеніевой книгѣ. Житіе Алипія иконописца не помѣщено въ ней будто бы потому, что недостало пергамина; а поелику сего не могло случиться у такого собирателя, какъ епископъ Арсеній, то г. Кубаревъ полагаетъ, что Берсеневскій патерикъ не есть первообразъ Арсеньевскаго, а списокъ съ него, *годами двадцатью моложе своего подлинника*, сохранившій на себѣ ту же приписку 1406 года, какая стояла на оригиналѣ. Не оставимъ замѣтить, что тутъ г. Кубаревъ сократилъ уже древность Берсеневскаго патерика на два десятка лѣтъ; онъ остерегся допустить большее число для того, чтобъ удержать за Берсеневскимъ старшинство передъ Акакіевымъ 1460 и Кассіановымъ 1462 года, хотя зависѣло совершенно отъ самого г. Кубарева убавить списокъ берсеневой рукописи на 50, на 60 и даже, пожалуй, на цѣлыя сто лѣтъ. Впрочемъ, г. Кубаревъ не скрываетъ, что въ этомъ патерикѣ, въ заглавіи статей, языкъ не очень исправенъ, отнюдь не соотвѣтствуетъ слогу самыхъ сочиненій, и содержаніе не всегда вполнѣ согласуется съ статьею; во всемъ же томъ винитъ онъ уже не соби-

Digitized by Google

рателя или составителя сего патерика, а переписчика [95], будто бы отдано было ему на произволъ писать что́ хочетъ.

Итакъ, достоинство рукописи, принадлежащей Берсеневу, состоитъ единственно въ томъ, что она списана когда-то съ другой, писанной въ 1406 году для епископа Арсенія, и что она не бумажная, а пергаминная, какъ будто послѣдній матеріялъ можетъ всегда сообщать рукописи особенное предпочтеніе предъ бумажною того же содержанія [96], при всѣхъ своихъ погрѣшностяхъ и искаженіяхъ, какихъ въ Берсеневомъ патерикѣ немало; напримѣръ, въ немъ написано: вмѣсто Кукши — Купши, вм. Пименъ — Никонъ, вм. яко минуша — имя нарекоша, вм. кто исповѣсть — что́ исповѣсть, вм. свѣтѣніе — свѣдѣніе, вм. (Якунъ отбѣже златыя) луды — руды [97], вм. (Ѳеодосію) о семъ никому неявившу — о семъ Никону явившую, и проч.

§ 6. *Зналъ ли Несторъ греческій языкъ?*

По этому вопросу г. Кубаревъ пишетъ: «Удивительно, что еще доселѣ многіе изслѣдователи убѣждены въ томъ, что Несторъ зналъ греческій языкъ. Почти всѣ указанія его на *греческихъ лѣтописцевъ* относятся къ славянскимъ переводамъ; да и самъ Несторъ, въ житіи Ѳеодосіевомъ, называетъ себя грубымъ, невѣждою, необученнымъ никакой хитрости» [98].

Мудрено ли было Нестору пріобрѣсть знаніе греческаго языка при его отличныхъ способностяхъ и любви къ книгамъ? Въ его время немало находилось въ Кіевѣ грековъ: высшее духовенство состояло изъ нихъ, а художники и купцы греческіе безпрерывно посѣщали Кіевъ [99]. Изученіе же чужаго, особенно живаго тогда языка, не требовало необыкновенныхъ умственныхъ усилій. Еще при в. княгинѣ Ольгѣ, въ путешествіи ея изъ Кіева въ Константинополь, находились переводчики для греческаго языка [100]. При Ярославѣ I было ихъ немало, ибо Несторъ говоритъ подъ 1037 годомъ: «Ярославъ книгамъ прилѣжа и почитая е часто въ нощи и во дне, и собра писцѣ многы и перекладаше отъ Грекъ на Словеньское письмо и списаша книгы многы [101]». Сынъ ярославовъ, в. к. Всеволодъ, рожденный (1030 г.) шведскою принцессою Ингигердою, нашею Ириною, женатый (съ 1046 г.) на царевнѣ греческой Анастасіи, умершій въ 1093 году, зналъ пять языковъ [102]. Діаконъ Іоаннъ, написавшій, въ 1073 году, изборникъ для в. к. Святослава, въ болгарскомъ переводѣ греческаго сочиненія Василія премудраго, объяснялъ неудобопонятныя рѣчи другими, заключающими тотъ же смыслъ, безъ сомнѣнія, сличая ихъ съ греческимъ подлинникомъ [103]. Нѣкій кіевскій черноризецъ Ѳеодосій перевелъ съ греческаго на славянскій языкъ, по желанію князя Николая Святоши (упом. 1099 — 1142 г.), посланіе папы

Digitized by Google

Льва Великаго къ Флавіану, патріарху константинопольскому, на четвертый вселенскій Халкидонскій соборъ, бывшій 452 года противъ ереси евтихіевой (104). Преподобный Антоній Печерскій, проведшій измлада до тридцатилѣтняго возраста въ одномъ изъ монастырей горы Аѳонской, не могъ не знать греческаго языка.

Были ли у насъ въ несторово время славянскіе переводы *греческихъ лѣтописей*, упоминаемыхъ Несторомъ, это еще требуетъ доказательствъ. Неспорно, что онъ пользовался хроникою инока Георгія Амартола, однако не по переводу съ греческаго на болгарскій или на сербскій языкъ, сдѣланному уже въ XIII или XIV вѣкѣ (105); ибо по сличенію сказанія несторова, напечатаннаго въ нашихъ лѣтописяхъ, о древнихъ народахъ и ихъ обычаяхъ, съ сербскимъ переводомъ Амартола и его продолжателей (106), оказываются значительныя разнорѣчія, такія, которыя ведутъ къ заключенію, что Несторъ извлекъ самъ для себя изъ тѣхъ греческихъ книгъ все, что нужно было для его Временника; напримѣръ: а) въ сербскомъ переводѣ сказано: «Великій *Кесаріе*, братъ Великаго Григорія (Назіанзина) различныхъ языкъ и обычаи и образы же и законы исповѣда вкратцѣ таковая сказуетъ: въ коежде бо странѣ и языцѣ, въ овѣхъ убо писанъ законъ есть, въ овѣхъ же обычай»; а у Нестора: «Глаголетъ бо Георгій (амартолъ) въ Лѣтописцѣ, ибо комужде языку овѣмъ исписанъ законъ есть, другимъ же обычай (107)»; б) въ сербскомъ переводѣ, при описаніи нападенія на Царьградъ Аскольда и Дира, написано: «Руси же приспѣвша внутрь *быти церкве* много сдѣлаша убіѣства христіанамъ»; а у Нестора: «Си же (Русь) внутрь *суду вшедше*, много убійства крестьянамъ сотвориша (108)». Здѣсь слово *судъ* есть скандинавское *sund — проливъ*; и в) въ сербскомъ переводѣ читаемъ: «Іюнія же мѣсяца 11 низьплуша Руси (игоревой) на Константиньградъ съ *кораблі* 10 тысущь»; а у Нестора: «иде Игорь на Греки; яко послаша Болгаре вѣсть къ Царю, яко идутъ Русь на Царьградъ *скедіи* 10 тысящь (109)». Здѣсь слово *скедія* также есть скандинавское, старинное *skejd*, теперешнее *skepp — легкое военное судно, ладія* (110). Какимъ же образомъ Несторъ сокращалъ повѣствованіе греческое о семъ нашествіи игоревой Руси, читатель можетъ сличить съ переводами амартоловой хроники, болгарскимъ и сербскимъ (111). Несторъ въ своемъ Временникѣ ссылается еще на Меѳодія патарійскаго. Можно бы думать, что Несторъ пользовался тѣмъ славянскимъ древнимъ переводомъ слова Меѳодія, епископа патарскаго, о царствѣ языкъ послѣднихъ временъ, который найденъ Карамзинымъ въ Синодальной библіотекѣ (112), но и тутъ встрѣчается значительное несходство: у Нестора ска-

Digitized by Google

зано: «Александръ Македонскій, пришедъ отъ восточныя страны, и видѣвъ человѣки нечистые отъ *племени Афетовы*, загна ихъ въ полунощныя страны въ горы высокія (115); въ выпискѣ же Карамзина: «Александръ сниде до моря, нарицаемаго Солнечная страна, идѣже и видѣ нечисты языки и скверны; *сынове же сыновъ Іафетовыхъ и внуцы его гнушахуся ихъ*... Александръ... изведе ихъ отъ Востока и погна вслѣдъ ихъ до предѣлъ сѣверныхъ, имъ же нѣсть входа отъ Востока до Запада (114)».

Если Несторъ, по смиренію и скромности, называетъ себя грубымъ, невѣждою, необученнымъ никакой хитрости, худымъ, грѣшнымъ, недостойнымъ, то такъ отзывается о себѣ и Іоаннъ екзархъ болгарскій; «вѣдѣ бо своего ума тупость и грубость», когда, при обширныхъ своихъ познаніяхъ, зналъ греческій языкъ, имѣлъ свѣдѣніе въ еврейскомъ, читалъ Аристотеля и сочиненія греческихъ мудрецовъ (115). Нашъ витія Кириллъ, епископъ туровскій, говорилъ о себѣ: «грубымъ разумомъ изношю гласъ.... мы же груби сущи разумомъ и нищи словомъ (116)». Но самъ г. Кубаревъ нисколько не вѣритъ Нестору въ его невѣжествѣ, а напротивъ сказываетъ: «это былъ одинъ изъ тѣхъ геніальныхъ людей, которыхъ природа обрекаетъ быть писателями на удивленіе вѣкамъ, не совѣтуясь (природа?) ни съ какими Университетами и Академіями (117)».

§ 7. *Когда Несторъ писалъ лѣтопись и на которомъ году ее кончилъ?*

Г. Кубаревъ говоритъ:

а) «Несторъ въ краткомъ хронологическомъ обзорѣ достопамятныхъ эпохъ, между прочимъ показалъ и число лѣтъ правленія князей нашихъ до смерти Святополка-Михаила. Очевидно, что авторъ приступилъ къ сочиненію Лѣтописи уже по смерти Святополка, послѣ 1113 года, въ княженіе Мономаха; а Карамзинъ *по ложному мнѣнію* написалъ, что Несторъ кончилъ свою лѣтопись въ княженіе Святополка».

б) «Несторъ писалъ послѣ смерти Ѳеодосія († 1074 г.) во время частыхъ набѣговъ Половецкихъ на Русскую землю; и такъ въ княженіе или *Святополка* (1093—1113 г.), или Мономаха (1113—1125 г.)».

в) «Несторъ имѣлъ намѣреніе довести Временникъ свой до 1113 года, но прекратилъ его на 1110 году, потому-что предѣлъ человѣческой жизни не допустилъ Нестора кончить свое сочиненіе тамъ, гдѣ предполагалъ».

и г) «По той же причинѣ Несторъ не оставилъ на своемъ Временникѣ и приписки, или послѣсловія отъ своего лица; въ Несторѣ же нельзя допустить такого простодушнаго самозабвенія (118)».

Digitized by Google

Отвѣчаемъ:

1) Упоминаемый г. Кубаревымъ несторовъ краткій хронологическій обзоръ заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, слѣдующія слова, относящіяся собственно къ Руси: «Въ лѣто 6360 (852), индикта 15, наченшю Михаилу царствовати, начася прозывати Руска земля. О семъ бо увѣдахомъ яко при семъ царѣ приходиша Русь на Царьградъ (866 г. съ Аскольд. и Дир.) яко же пишется въ лѣтописаньи Гречьскомъ ([119]). Тѣмъ же отселѣ начнемъ и числа положимъ.... Отъ перваго лѣта Михаилова до перваго лѣта Олгова, Русскаго Князя, лѣта 29; а отъ перваго лѣта Олгова понелѣже сѣде въ Кіевѣ, до перваго лѣта Игорева 31; а отъ перваго лѣта Игорева до перваго лѣта Святославля лѣтъ 33; а отъ перваго лѣта Святославля до перваго лѣта Ярополча лѣтъ 28, а Ярополкъ княжи лѣтъ 8, а Володимеръ лѣтъ 37, а Ярославъ княжи лѣтъ 40. Тѣмъ же отъ смерти Святославли до смерти Ярославли лѣтъ 85, а отъ смерти Ярославли до смерти Святополчи (Михаила) лѣтъ 60. Но мы на прежнее возвратимся, скажемъ, што ся удѣя лѣта си, яко же преже почали бѣхомъ первое лѣто Михаиломъ, а поряду положимъ числа ([120])». Эта краткая хронологическая роспись княженій въ Кіевѣ, съ пришествія туда олегова изъ Новагорода, въ 882 году, до 1113 года, есть нечто иное, какъ *предъувѣдомленіе* несторово о кругѣ, обнимаемомъ его «Повѣстью временныхъ лѣтъ, откуда пошла Русская земля, и кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити». Несторъ, по предварительномъ собраніи письменныхъ и устныхъ извѣстій и преданій о племенахъ, вошедшихъ въ составъ Русскаго государства, и о протекшихъ событіяхъ, приступилъ къ сочиненію лѣтописи, безъ сомнѣнія, не въ преклонныхъ, а въ зрѣлыхъ лѣтахъ, и писалъ уже въ 1089 году, при в. к. Всеволодѣ Ярославичѣ, какъ увидимъ далѣе, въ тридцати-пяти-лѣтнемъ возрастѣ, и когда дошелъ до изложенія современныхъ происшествій, конечно, не могъ предвидѣть, далеко ли продлится его жизнь и гдѣ онъ принужденъ будетъ остановиться. Но какъ онъ, почти на 60 году своего возраста, былъ свидѣтелемъ кончины в. к. Святополка-Михаила, въ 1113 году, то и включилъ имя его въ свое предъувѣдомленіе, которое, какъ всякому извѣстно, составляется обыкновенно послѣ окончанія предпринятаго сочиненія, и съ смертію Святополка прекратилъ свой лѣтописный трудъ ([121]). Такого рода предъувѣдомленіе находимъ и въ Странникѣ игумена русскаго Даніила (1104—1115 г.), современника несторова, изложенное имъ, какъ очевидно, уже по совершеніи путешествія по святымъ мѣстамъ ([122]).

2) Такъ какъ г. Кубаревъ, въ противорѣчіе себѣ, сказываетъ, что Несторъ писалъ лѣтопись во время или *Святополка*, или

Digitized by Google

Мономаха, при частыхъ набѣгахъ половцевъ на русскую землю, то г. Кубареву надлежало бы не упоминать уже тутъ о Мономахѣ, а остановиться на одномъ *Святополкѣ*, потому что съ восшествіемъ Мономаха на кіевскій престолъ, въ 1113, до кончины его въ 1125 году, половцы ни однажды не безпокоили русской земли; при Святополкѣ же Михаилѣ (1093 — 1113 г.) съ ними ведено было не менѣе одиннадцати войнъ, почти въ два раза больше, нежели до того времени съ самого 1061 года, въ которомъ половцы впервые оказались врагами нашими, явясь тогда на переяславскихъ восточныхъ предѣлахъ (123). Что Несторъ занимался сочиненіемъ лѣтописи въ 1089, 1090, 1091, 1094 и 1096 годахъ, на это г. Погодинъ представилъ ясныя доказательства (124); а мы пополнимъ ихъ еще двумя показаніями: а) Несторъ говоритъ подъ 1096 годомъ: «Сеже хощу сказати, еже слышахъ преже сихъ 4 лѣтъ (1092 г.) яже сказа ми Гурята Роговичь Новогородецъ», о Печерѣ, Югрѣ и Самоядѣ. Еслибъ Несторъ писалъ это не въ 1096, а при в. к. Владимірѣ Мономахѣ, послѣ 1113 года, онъ сказалъ бы, что слышалъ отъ Гуряты *преже сихъ 22 или 23 лѣтъ*; и б) подъ 1072 годомъ Несторъ пишетъ: «перенесоша Бориса и Глѣба въ новую церковь, юже здѣла (деревянную) Изяславъ, яже *стоитъ и нынѣ*, и положиша въ раку каменну». Стало быть Несторъ писалъ это прежде нежели достроена была въ Вышгородѣ Ольгомъ Святославичемъ, каменная церковь во имя Бориса и Глѣба, начатая в. к. Святославомъ Ярославичемъ, въ которую перенесены мощи сихъ страстотерпцевъ 2 мая 1115 года (125).

3) Г. Кубаревъ полагаетъ рѣшительно, въ согласіи со многими другими писателями, что Несторъ кончилъ свою лѣтопись 1110 года, тамъ, гдѣ игуменъ Выдубицкаго монастыря Сильвестръ сдѣлалъ приписку на своемъ спискѣ временника *черноризца Печерскаго монастыря*. Но мы не отступимъ отъ давняго нашего мнѣнія, что Несторъ довелъ лѣтопись свою до 1113 года, до конца жизни Святополка-Михаила; и вотъ на чемъ утверждается наше убѣжденіе. Несторъ подъ 1110 годомъ пишетъ: «Бысть знаменіе въ Печерскомъ монастырѣ въ 11 день февраля мѣсяца (126), въ часъ нощи, явися столпъ огненъ отъ земли до небеси.... Сеже бяше не огненный столпъ, но видъ Ангельскъ.... се явленье нѣкоторое показываше, ему же быти, *еже и бысть: на второе бо лѣто* (т. е. 1111 г.) не се ли Ангелъ вождь бысть на иноплеменники и супостаты?» Хотя далѣе, въ Лаврентьевскомъ спискѣ, описанъ подъ 1112 годомъ (за пропускомъ 1111), весьма коротко и не совсѣмъ точно, походъ русскихъ князей на половцевъ и побѣда, 24 марта, на рѣкѣ Салнѣ, но въ Ипатьевскомъ спискѣ и въ Новгородской лѣтописи этотъ самый походъ изло-

Digitized by Google

женъ подробнѣе и вѣрнѣе подъ 1111 годомъ, и побѣда 24 марта показана на потокѣ Дегеѣ, а 27 марта на рѣкѣ Салнѣ; притомъ, въ припамятованіе сказаннаго въ 1110 году, написано: се бо *яко же рекохомъ* (1110 г.) видѣнье видѣша въ Печерскомъ монастырѣ.... столпъ огненъ, и тогда се Ангелъ вложи Володимеру (Мономаху) въ сердце, нача понужати (къ походу на половцевъ в. к. Святополка и прочихъ князей), *яко же рекохомъ* (127). » Повторенныя слова *яко же рекохомъ*, относящіяся до видѣнія небеснаго столпа и до совѣщанія князей о походѣ на половцевъ, очевидно свидѣтельствуютъ, что ихъ произнесъ тотъ же человѣкъ, который писалъ въ 1110 году; иначе сказано бы было: *яко же рекоша*, или *яко же речено бысть*. Такъ Несторъ и подъ 1102 годомъ, говоря о знаменіяхъ, являвшихся февраля 5 въ лунѣ и 7 въ солнцѣ, что они бываютъ иногда на зло, иногда на добро, пишетъ: «на придущее лѣто (1103) вложи Богъ мысль добру въ русскіе князи, умыслиша дерзнути на половци, и поити въ землю ихъ, *еже и бысть, яко же скажемъ въ пришедшее лѣто*». И точно, подъ 1103 годомъ, Несторъ описалъ походъ россіянъ къ Сутеню, гдѣ они, 4 апрѣля, одержали надъ половцами знаменитую побѣду (128). Слѣдовательно если Несторъ за приписку сильвестровою (1110 г.) писалъ въ 1111 году, то, конечно, ему же принадлежатъ и извѣстія 1112 и 1113 годовъ, до смерти в. к. Святополка-Михаила, какъ самъ Несторъ заявилъ въ краткой своей предъувѣдомительной хронологической росписи (129). Самое различіе слога въ спискѣ Ипатьевскомъ, съ 1114 года, весьма замѣтно оттѣняетъ образъ несторова расказа (130). Продолжатель несторовъ пишетъ о египетскомъ царѣ Феостѣ, нареченномъ египтянами Сварогомъ за то, что узаконилъ каждому мужу имѣть одну жену; о сынѣ Феоста-Сварога Солнцѣ, «его же наричютъ Дажь-Богъ, бѣ бо мужъ силенъ»; у Нестора же о Сварогѣ не было рѣчи во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ, въ лѣтописи своей, упоминалъ имена идоловъ славянъ россійскихъ (131). Продолжатель самъ былъ въ томъ же 1114 году въ Ладогѣ, слышалъ тамъ, что есть люди старые, которые ходили на Югру и Самоядь, однако не припомнилъ извѣстія, разсказаннаго Нестору, въ 1092 году новогородцемъ Гурятою Роговичемъ о Печерѣ, Югрѣ и Самояди (132).

4) Не находя ни приписки, ни послѣсловія несторова въ его лѣтописи, мы согласились бы съ г. Кубаревымъ, что это упущеніе произошло отъ внезапной кончины ея сочинителя, еслибъ хоть одинъ изъ продолжателей его сказалъ о себѣ, кто онъ таковъ, гдѣ началъ и гдѣ кончилъ; но, къ сожалѣнію, мы о томъ ничего не знаемъ. Въ хроникѣ Амартола также нѣтъ послѣсловія, и она, со смерти императора Михаила († 867 г.), продолже-

Digitized by Google

на и слита съ другими лѣтописями, до времени императоровъ Константина и Романа.

§ 8. *О Василіи, упоминаемомъ въ Несторовой лѣтописи.*

Повѣсть Василія, употребленнаго княземъ Давидомъ Игоревичемъ въ переговоры съ ослѣпленнымъ, 1097 года, княземъ Васильком Ростиславичемъ, по мнѣнію г. Кубарева (134), составляетъ вставку, внесенную въ Несторову лѣтопись самимъ Василіемъ, уже по кончинѣ Мономаха († 1125 г., т. е. чрезъ 25 лѣтъ послѣ событія); при жизни же Мономаха нельзя бы было лѣтописцу говорить, въ 1097 году, о семъ тогдашнемъ переяславскомъ удѣльномъ князѣ: «Владиміръ бо тако бяше любезнивъ, любовь имѣя къ митрополитомъ и епископомъ и игуменомъ, паче же и черноческій чинъ любя; приходящая къ нему напиташе и напаяше, аки мати дѣти своя; аще кого видяшетъ шюмня, ли въ коемъ заворѣ, не осудяше но вся на любовь преклада-ше (135)».

Какимъ образомъ Несторъ могъ включить василіеву повѣсть въ свой Временникъ, въ которомъ она читаема была Симономъ и Поликарпомъ (136), на это дано подробное объясненіе въ Оборонѣ лѣтописи несторовой (137). Расказъ василіевъ, объемлющій событія на Волыни 1097, 1098, 1099 и 1100 годовъ, читаемый въ Несторовомъ Временникѣ подъ однимъ 1097 годомъ, начинается не съ описанія ослѣпленія князя Василька въ Бѣлгородѣ, какъ казалось г. Кубареву и другимъ, а со словъ: «Василькови же сущю Володимери.... и мнѣ ту сущю.... присла по мя князь Давидъ.... да се *Василю* шлю тя.... къ Василькови тезу своему»; оканчивается же, сколько можно видѣть, словами: «а Святополкъ перея Володимеръ и посади въ немъ сына своего Ярослава (138)». Все, что предъ тѣмъ написано въ лѣтописи подъ 1097 годомъ, происходившее въ предѣлахъ кіевскихъ, принадлежитъ самому Нестору: какъ князья собрались въ Любечѣ на прекращеніе междоусобій и для устроенія мира; какъ князь Давидъ Игоревичъ, пріѣхавъ оттуда въ Кіевъ къ в. к. Святополку, оклеветалъ князя Василька, что онъ умышляетъ съ Мономахомъ на низверженіе Святополка; какъ князь Василько зазванъ былъ коварно къ Святополку и тамъ, въ горницѣ двора княжаго, окованъ цѣпями, перевезенъ въ Бѣлгородъ, ослѣпленъ, увлеченъ во Владиміръ Волынскій, принадлежащій кн. Давиду Игоревичу, и содержался тамъ подъ крѣпкою стражею; какъ пришедшіе въ ужасъ отъ злодѣйскаго поступка съ Васильком князья Владиміръ, Мономахъ, Давидъ и Олегъ Святославичи прибыли съ войсками своими къ Городцу и требовали отвѣта отъ в. к. Святополка; какъ они готовы уже были переправиться чрезъ Днѣпръ, дабы осадить Святополка въ Кіевѣ, и какъ посланные отъ кіе-

Digitized by Google

влянъ въ станъ Мономаха вдовствующая супруга в. к. Всеволода, мачиха мономахова и митрополитъ Николай убѣдили Мономаха къ примиренію съ Святополкомъ на условіи, чтобъ самъ шелъ для наказанія кн. Давида Игоревича, прямаго виновника ослѣпленія василькова: все это — повторимъ — описано самимъ Несторомъ, что̀ свидѣтельствуютъ собственныя слова его: «Въ лѣто 6606 (1098) приде Володимеръ и Давидъ и Олегъ на Святополка и сташа у Городца, и сотвориша миръ, *якоже въ прежнее лѣто* (1097) *сказахъ* (139)». Приписаніе похвалы Владиміру Мономаху при этомъ примиреніи съ Святополкомъ также принадлежитъ Нестору, и мы не можемъ угадать повода, приведшаго г. Кубарева къ мнѣнію, будто бы она съ василіевою повѣстью внесена въ лѣтопись уже по кончинѣ Мономаха. Не показались ли г. Кубареву въ этой похвалѣ глаголы *бяше, напишаше, напаяше* и проч. въ прошедшемъ времени? но они стоятъ въ преходящемъ, означающемъ дѣйствія еще совершаемыя, продолжаемыя (140). Или не принялъ ли онъ за несумѣстный поступокъ хвалить въ глаза здравствующаго князя? Но и кіевскій митрополитъ Никифоръ (1104 — 1121 г.), въ посланіи своемъ къ Мономаху, описалъ нравственныя качества сего кроткаго князя и исчислилъ тѣже добродѣтели его (141), какія приписалъ ему Несторъ и какія самъ Мономахъ внушалъ сыновьямъ своимъ въ Поученіи (142). Такъ и митрополитъ русскій Иларіонъ (съ 1051), въ словѣ «о законѣ Моисеемъ данномъ», восхваляетъ в. к. Ярослава I при его жизни (143). Такъ одинъ изъ продолжателей Несторовой лѣтописи, подъ 1199 годомъ, славитъ княжившаго тогда въ Кіевѣ в. к. Рюрика Ростиславича. Такъ, подъ 1206 годомъ, читаемъ похвалу сыну в. к. Всеволода, Константину, при отправленіи его изъ Владиміра (Суздальскаго) на княженіе въ Новгородъ (144).

Теперь перейдемъ къ вопросамъ г. Казанскаго о Несторѣ лѣтописцѣ.

II.

РАЗБОРЪ СТАТЬИ Г-НА КАЗАНСКАГО: «ЕЩЕ ВОПРОСЪ О НЕСТОРѢ.»

§ 1. *Кто былъ лѣтописецъ русскій, Несторъ или нѣкто другой, неизвѣстный?*

Г. Казанскій объявляетъ, что Несторъ, въ концѣ отдѣльно написаннаго житія еѳодосіева, говоритъ: «азъ грѣшный Нестеръ, *мній* всѣхъ въ монастырѣ преблаженнаго отца нашего Ѳе-

Digitized by Google

одосія ([148]); пріятъ же быхъ въ онь преподобнымъ игуменомъ Стефаномъ, якоже отъ него постриженъ быхъ и мнишескія одежды сподобленъ, паки же и на діаконскій санъ отъ него возведенъ быхъ». Составитель же лѣтописи, расказавъ о началѣ Печерскаго монастыря и о введеніи въ немъ Студійскаго устава, прибавляетъ: «Ѳеодосію живущу въ монастыри, и принимающу всякаго приходящаго къ нему, къ нему же и азъ пріидохъ худый и недостойный рабъ, и пріятъ мя *лѣтъ ми сущу 17* отъ рожденія моего»; а начиная похвалу преподобному Ѳеодосію, по обрѣтеніи мощей его, составитель лѣтописи называетъ себя ученикомъ его: «азъ грѣшный твой рабъ и *ученикъ*»; Несторъ же, въ житіи ѳеодосіевомъ, не даетъ себѣ имени ѳеодосіева ученика.

Принявъ въ основу эти два сказанія, опираясь на слово *ученикъ*, и слѣдуя мнѣнію г. Кубарева, что имя несторово въ отдѣльныхъ повѣстяхъ о началѣ Печерскаго монастыря и о перенесеніи ѳеодосіевыхъ мощей вставлено будто бы своевольно издателями Кассіановскаго патерика, г. Казанскій полагаетъ, что фраза: «къ нему же (Ѳеодосію) и азъ пріидохъ, и пріятъ мя лѣтъ ми сущу 17», вовсе нейдетъ къ Нестору, а только къ безъименному лѣтописцу.

Такъ какъ и *мній* и *семнадцатилѣтній* вступили въ Печерскую обитель при дѣйствіи въ ней Студійскаго устава, то нужно, хотя приблизительно, указать время пріобрѣтенія Ѳеодосіемъ сего монастырскаго закона. Въ несторовомъ описаніи житія ѳеодосіева сказано, что это послѣдовало по прибытіи изъ Константинополя въ Кіевъ съ митрополитомъ Георгіемъ инока Студійскаго монастыря Михаила. Георгій же хиротисанъ константинопольскимъ патріархомъ въ санъ митрополита кіевскаго, по хронологіи ученаго кіевскаго митрополита Сильвестра Коссова, въ 1068, а по Палинодіи и Кіевскому каталогу въ томъ самомъ 1072 году, въ которомъ Георгій, мая 1, освятилъ въ Вышгородѣ новую церковь и 2 мая торжественно перенесъ въ нее мощи святыхъ страстотерпцевъ Бориса и Глѣба ([146]). Но свидѣтельство Коссова болѣе правдоподобно, потому что у Нестора находимъ свѣдѣніе о пребываніи митрополита Георгія въ Кіевѣ раньше 1072 года. Въ повѣсти о Борисѣ и Глѣбѣ Несторъ говоритъ, что в. к. Изяславъ, видя ветхость вышегородской деревянной церкви, созданной Ярославомъ I, повелѣлъ *древодѣлямъ* построить близъ старой новую и просилъ митрополита Георгія совершить молитву на назначенномъ для нея мѣстѣ ([147]) Древодѣли исполнили княжее приказаніе, и, конечно, не въ теченіи только марта и апрѣля, первыхъ двухъ мѣсяцевъ 1072 года.

Digitized by Google

Итакъ, можно полагать, что Студійскій уставъ введенъ въ Печерскую обитель или въ 1069, или въ 1070 году.

Несторъ вступилъ въ Ѳеодосіевъ монастырь, повидимому, въ 1071 году. Въ церковныхъ заповѣдяхъ императора Юстиніана сказано: 1) «въ монашеское житіе приходящихъ.... Игуменомъ... неудобь вскорѣ постригати въ монашескій образъ, или аще свободны суть, или аще рабы, но вси *три лѣта* терпятъ въ монастыри, не сподобляшеся еще мнишескаго образа»; и 2) «Презвитеру менши возраста 30 лѣтъ быти не повелѣваемъ; діакону менши 25, и поддіакону менши 20, чтецу меньши 15 лѣтъ (148)». Согласно съ сими правилами существовало и въ Печерскомъ монастырѣ Ѳеодосіево установленіе, относящееся къ каждому новику: не торопиться постригать его, а велѣть ему ходить въ своей одеждѣ, пока навыкнетъ всему чину монастырскому; послѣ одѣвать его въ рясу, далѣе искушать его во всѣхъ службахъ, и тогда уже постригать его и облекать въ мантію (149). Въ 1072 году Несторъ не былъ еще инокомъ: описывая перенесеніе мощей Бориса и Глѣба, исполненное 2 мая того года, прибавляетъ: «Бѣже и черноризецъ множество собралось изъ монастырей, въ нихъ же Ѳеодосій, игуменъ печерскій, свѣтяся аки солнце посреди ихъ, украшенъ добрыми нравы (150).» Эти слова ведутъ къ мнѣнію, что Несторъ находился на семъ празднествѣ между народомъ въ своей одеждѣ, почему и не участвовалъ въ священнослуженіи, иначе не упустилъ бы сказать: «и мнѣ ту сущу», какъ позволялъ говорить о себѣ въ другихъ случаяхъ, въ которыхъ былъ дѣйствующемъ лицемъ. Трехъ-годичный искусъ его кончился уже по смерти Ѳеодосія, послѣдовавшей 3 мая 1074 года: Преемникъ Ѳеодосіевъ, игуменъ Стефанъ, постригъ Нестора, сопричислилъ къ инокамъ печерскимъ, сподобилъ монашеской одежды и возвелъ его на діаконскій санъ, до перехода своего, въ 1078 году, изъ Печерскаго въ Кловскій монастырь (151), когда Несторъ вступилъ на 25 лѣто своей жизни.

Безъименный лѣтописецъ, по словамъ г. Казанскаго, находился при Ѳеодосіи *ученикомъ* его не только съ семнадцатилѣтняго возраста, при управленіи Печерскаго монастыря по Студійскому уставу, но и гораздо раньше, ибо сей лѣтописецъ, разсказывая, подъ 1064 годомъ, о дѣтищѣ уродѣ, ввергнутомъ въ рѣку Сѣтомль и выволоченномъ рыбаками въ неводѣ, прибавляетъ: «его же *вси* позоровахомъ до вечера (152).» Подъ прилагательнымъ *вси* г. Казанскій представляетъ себѣ всѣхъ иноковъ печерскихъ; но этого *вси* нѣтъ ни въ какомъ лѣтописномъ спискѣ; а если бы слово сіе гдѣ либо и нашлось, то оно относилось бы, конечно, до толпы людей, стекшихся смотрѣть на вытащенное изъ воды диво.

Digitized by Google

Подобно Нестору, безъименный лѣтописецъ долженъ былъ пройти весь путь монастырскаго искуса; мы, однако, ничего о томъ не знаемъ. На заглавіяхъ древнихъ лѣтописныхъ списковъ читаемъ: на однихъ имя мниха Нестора, на другихъ черноризца Ѳеодосіева Печерскаго монастыря; но въ самомъ текстѣ Временника имени сочинителя не встрѣчаемъ; указываетъ же онъ самъ на себя въ лѣтописи мѣстоименіями *азъ* и *мы*, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ отдѣльныхъ повѣстяхъ о зачалѣ Печерскаго монастыря, о житіи ѳеодосіевомъ и объ открытіи и перенесеніи ѳеодосіевыхъ мощей изъ пещеры въ церковь, къ слову *азъ* прибавлено *Несторъ* (153), какъ мы писали выше, въ разборѣ сочиненій г. Кубарева (§ 2).

Слово *ученикъ*, усвоенное г. Казанскимъ исключительно одному своему безъименному лѣтописцу, взято изъ лѣтописной повѣсти о перенесеніи ѳеодосіевыхъ мощей. Тамъ сказано: «азъ же грѣшный твой рабъ и *ученикъ* недоумѣю, чимъ похвалити добраго твоего житія и воздержанія»; но г. Казанскому не слѣдовало бы скрыть словъ предъ тѣмъ стоящихъ: «Ѳеодосій и по отшествіи своемъ отъ сея жизни, молится за люди вѣрныя и за свои *ученики*, иже взирающе на честную его раку, и поминающе *ученіе* его и воздержаніе, прославляютъ Бога (154)». Не слѣдовало бы также умолчать о несторовыхъ словахъ, написанныхъ въ полномъ житіи Ѳеодосія, что сей преподобный «наставлялъ *учениковъ* своихъ на исполненіе поклоновъ.... Таковому смиренію Ѳеодосій *учениковъ* своихъ учаше ... Тѣмъ же и мы, братія, потщимся ревнители и подражатели житью преподобнаго Ѳеодосія быти и *ученикомъ* его (155). Ясно, что безъименный лѣтописецъ г. Казанскаго, если бы онъ и существовалъ на свѣтѣ, былъ такой же *ученикъ* ѳеодосіевъ, т. е. исполнитель, послѣдователь его наставленій, какъ Несторъ, какъ всѣ прочіе тогдашніе иноки Ѳеодосіевой обители, число которыхъ еще до 1073 года, до положенія основы подъ каменную сего монастыря Успенскую церковь, простиралось свыше ста (156).

§ 2. *Зналъ ли Несторъ Ѳеодосія лично?*

Утверждая, что Несторъ, какъ принятый въ Печерскій монастырь игуменомъ Стефаномъ, не былъ самовидецъ Ѳеодосія и писалъ о немъ только то, что слышалъ отъ его современниковъ, г. Казанскій хочетъ увѣрить насъ, что безъименный лѣтописецъ, находившись подъ руководствомъ Ѳеодосія съ своей юности, зналъ житіе его, написанное Несторомъ, но, не желая повторять того, что тамъ разсказано, старался исправить ошибочныя его извѣстія и дополнить опущенное имъ, ибо, бывъ *ученикомъ* Ѳеодосія, гораздо отчетливѣе и опредѣлительнѣе описываетъ его въ лѣтописи, какъ своего учителя, и какъ бы про-

Digitized by Google

тивопоставляетъ свое свидѣтельство, *во многомъ несогласное* съ свидѣтельствомъ Нестора. Въ доказательство того, г. Казанскій предложилъ для сличенія: а) выписку изъ лѣтописнаго сказанія о зачалѣ Печерскаго монастыря, со словъ: «и увѣданъ бысть всѣми великій Антоній и чтимъ», до словъ: «приде игуменъ и братія къ Антонію, и рекоша ему: Отче! умножися братія и не можемъ ся вмѣстити въ Печеру; дабы Богъ повелѣлъ и твоя молитва, да быхомъ поставили церковцю внѣ печеры, и повелѣ имъ Антоній (137)»; и б) слова несторовы въ житіи Ѳеодосія: «Бѣху же братіи совокупилось до пятинадесяти. Преподобный же Антоній, яко же бѣ навыкъ единъ жити, и не терпя всякаго мятежа и молвы, затворись въ едину келію печеры, поставивъ братіи въ себе мѣсто блаженнаго Варлама, сына боярина Ивана. Оттуда паки переселися на инъ холмъ Антоній, и ископавъ печеру, живяше въ ней, и неизлазя изъ нея, и дѣже нынѣ честное тѣло его лежитъ. Тогда же блаженный Варламъ постави надъ печерою малу церковь во имя Святая Богородица. То уже оттолѣ *явлено* бысть мѣсто то, бѣ бо мнози преже не вѣдали».

Къ сожалѣнію, г. Казанскій не далъ намъ знать, откуда онъ извлекъ эту, вторую, объ Антоніи выписку, которая заключаетъ въ себѣ не совсѣмъ вѣрное сокращеніе разсказа, содержащагося въ лѣтописи и въ древнихъ патерикахъ и принадлежащаго не къ житію Ѳеодосія, какъ г. Казанскому показалось, а къ статьѣ о зачалѣ Печерскаго монастыря. Эта самая статья, въ первомъ вопросѣ г. Казанскаго о Несторѣ, вовсе не шла къ Нестору, а къ безъименному лѣтописцу, такъ какъ онъ говоритъ въ ней о себѣ, что пришелъ къ Ѳеодосію въ семнадцатилѣтнемъ возрастѣ; но въ дополнительномъ о Несторѣ вопросѣ, который показанъ нами далѣе (§ 4), г. Казанскій ту статью возвращаетъ уже Нестору, съ оговоркою, что безъименный лѣтописецъ поправилъ ее по своимъ свѣдѣніямъ и по своему взгляду на вещи. Сталобыть онъ изъ сей статьи ложно обратилъ на свое лицо и *азъ* несторовъ и его *семнадцатилѣтній* возрастъ.

Мудрено повѣрить, чтобъ Несторъ никогда не зналъ въ лицо Ѳеодосія. Еще до вступленія своего въ Печерскій монастырь, Несторъ, предавшійся благочестію съ своей юности, могъ посѣщать храмъ Печерской обители во время богослуженія, устроенный на открытомъ мѣстѣ съ 1062 года; а въ 1072 г. онъ съ благоговѣніемъ взиралъ на Ѳеодосія при торжественномъ перенесеніи мощей Бориса и Глѣба (138).

Мнѣніе г. Казанскаго, что Ѳеодосій описанъ въ лѣтописи гораздо отчетливѣе и опредѣлительнѣе, нежели въ особомъ житіи, ведетъ къ подозрѣнію, что г. Казанскій имѣлъ подъ руками

Digitized by Google

своими какую либо краткую выписку изъ сего житія, подобную показанной выше объ Антоніи, а не читалъ полнаго въ древнихъ рукописныхъ патерикахъ печерскихъ, и не сличалъ его съ лѣтописью, въ которой едва ли есть третья доля тѣхъ свѣдѣній о Ѳеодосіи, какія изложены Несторомъ въ его житіи. Извѣстно ли намъ изъ лѣтописи, что происходило съ Ѳеодосіемъ отъ дѣтства до избранія его въ игумены? Знаемъ ли мы изъ нея о гнѣвѣ великаго князя Изяслава на Антонія и Никона за постриженіе въ иноки Варлама и Ефрема? Говорится ли въ ней объ отшествіи Никона въ Тмуторакань, о посвященіи Ѳеодосія въ презвитеры и объ укоризнахъ, какія Ѳеодосій дѣлалъ великому князю Святославу за изгнаніе изъ Кіева старѣйшаго брата Изяслава? и проч.

Несторъ объявляетъ, что для жизнеописанія ѳеодосіева, «дабы все поряду описати», онъ обращался съ вопросами къ старѣйшимъ инокамъ печерскимъ, современникамъ ѳеодосіевымъ, и между ними именуетъ Ѳеодора и Иларіона. Ѳеодору, бывшему келаремъ при ѳеодосіевомъ игуменствѣ, разсказывала всѣ дѣянія ѳеодосіевы, отъ юности до прибытія въ Антоніеву пещеру (1009—1032 г.), мать ѳеодосіева, и Несторъ все то и многое другое отъ Ѳеодора слышалъ и записалъ. Иларіонъ, искусный въ перепискѣ книгъ, занимавшійся этимъ дѣломъ во всѣ дни и ночи въ келліи Ѳеодосія, сообщилъ о немъ Нестору много свѣдѣній. Такимъ образомъ Несторъ, въ подтвержденіе вѣрности разсказа своего о Ѳеодосіи, указалъ собратіямъ своимъ на свидѣтелей надежныхъ, самимъ имъ извѣстныхъ. Ему и на умъ не приходило, чтобъ былъ тогда въ Печерскомъ монастырѣ инокъ, присный *ученикъ* ѳеодосіевъ, который составляетъ лѣтопись русскую и вводитъ въ нее происшествія жизни своего наставника; иначе Несторъ не оставилъ бы воспользоваться его поясненіями; еще менѣе извѣстно было Нестору, чтобы этотъ инокъ читалъ сочиненное имъ, Несторомъ, жизнеописаніе ѳеодосіево, нашелъ въ немъ недостатки и оные поправилъ, и опущенное пополнилъ: а потому Несторъ и сказалъ: «Се бо исперва ми исписавшю о житіи и убіеніи и о чюдесѣхъ святыхъ и блаженныхъ страстотерпецъ Бориса и Глѣба.... азъ грѣшный Нестеръ.... понудихся и на второе исповѣданіе пріити.... начатокъ слову списанія положихъ, еже о житіи преподобнаго отца нашего Ѳеодосія.... *не суща списану ни отъ кого же* (189).» Еслибъ подлинно существовалъ у насъ тогда безъименный лѣтописецъ г. Казанскаго, то онъ, для разувѣренія собратій своихъ, печерянъ, противъ свидѣтельствъ Ѳеодора, Иларіона и другихъ современниковъ ѳеодосіевыхъ, и на слова несторовы: «не суща списану ни отъ кого же», могъ бы въ пристойномъ

Digitized by Google

мѣстѣ заявить, что знаетъ все точнѣе, находившись съ дѣтства своего (1064 г.) при Ѳеодосіи, и намекнуть о невѣрностяхъ въ несторовомъ сочиненіи, хотя бы такимъ скромнымъ образомъ, какъ поступилъ Несторъ, который, сказавъ, что Владиміръ крестился въ Херсонѣ, прибавилъ: «Се же, не вѣдущіе право, глаголютъ, яко крестился есть въ Кіевѣ, а иніи же рѣша Василевѣ, друзіи же инако скажютъ», или какъ одинъ изъ продолжателей несторовыхъ пополнилъ въ лѣтописи, подъ 1128 годомъ, несторово извѣстіе о владимировой супругѣ Рогнѣдѣ, со словъ *вѣдущихъ* людей ([160]). Напротивъ, мы видимъ въ лѣтописи лишь повторенія несторовыхъ рѣчей изъ житія Ѳеодосіева и изъ другихъ отдѣльныхъ несторовыхъ статей, во многихъ случаяхъ слово въ слово, въ томъ же порядкѣ и въ тѣхъ же выраженіяхъ, иногда только съ сокращеніемъ разсказа, иногда съ выпускомъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ, для исторіи неважныхъ ([161]).

§ 3. *О разногласіяхъ лѣтописныхъ сказаній о Ѳеодосіи съ его жизнеописаніемъ.*

Г. Казанскій по этому предмету, главному въ вопросѣ его о Несторѣ, пишетъ:

а) «У Нестора сказано, что *мѣсто* подвиговъ *Антонія увѣдано было всѣми* тогда уже, когда, при игуменствѣ Варламовѣ, поставлена была надъ пещерою малая церковь; а безъизвѣстный лѣтописецъ говоритъ, что *увѣданъ былъ всѣми Антоній* и прославленъ въ русской землѣ во время Изяслава, послѣ прихода къ нему сего великаго князя съ дружиною своею для благословенія и молитвы».

Тутъ г. Казанскій свелъ въ одно мѣсто два событія, случившіяся въ разное время. О посѣщеніи Антонія Изяславомъ сказано въ лѣтописи, въ словѣ о началѣ Печерскаго монастыря, а не въ житіи Ѳеодосія, что Антоній прославленъ уже былъ въ русской землѣ, когда Изяславъ, прибывъ изъ Новагорода въ Кіевъ, по кончинѣ Ярослава I, послѣдовавшей 29 февраля 1054 года, и вступивъ на великокняжескій престолъ, получилъ свѣдѣніе о житіи Антонія и приходилъ къ нему съ дружиною, въ 1055 г., для благословенія и молитвы, — что послѣ того Антоній *увѣданъ* былъ *всѣми* и честимъ, и что начали приходить къ нему братія, которыхъ онъ принималъ и постригалъ ([162]). Слѣдовательно, Антоній и до изяславова посѣщенія былъ извѣстенъ въ русской странѣ; да и убѣжище его не было никогда таинственнымъ: въ лѣтописи, равно и въ отдѣльной повѣсти о началѣ Печерскаго монастыря, читаемъ, что добрые люди приходили къ Антонію еще въ то время, какъ онъ одинъ жилъ въ пещерѣ, и приносили ему «еже на потребу». Ѳеодосій нашелъ его

Digitized by Google

пещеру въ 1032 году; матери Ѳеодосіевой она показана была посторонними людьми (около 1036 г.); Антоній увѣдомилъ княгиню (супругу Ярослава I) о желаніи матери Ѳеодосіевой постричься въ женскомъ монастырѣ, и ходатайство антоніево уважено и исполнено (163). Ясно, что Антоній знаемъ былъ уже издавна, въ княженіе Ярослава. Впрочемъ, иноки печерскіе не чуждались міра: подвизаясь съ Антоніемъ въ пещерѣ, они, во время свободное отъ молитвы, занимались рукодѣліями и произведенія работы своей носили въ городъ на продажу, а на вырученныя деньги покупали жито себѣ на пищу (164).

О сооруженіи игуменомъ Варламомъ надъ пещерою малой деревянной церкви, во имя Успенія Пресвятой Богородицы, въ 1057 году, когда въ пещерной церкви иноки не могли уже вмѣщаться во время выхода для соборнаго пѣнія, у Нестора сказано, согласно съ выпискою, предложенною выше г. Казанскимъ (§ 2): «и оттолѣ всѣмъ *явлено* (а не *увѣдано*) бысть мѣсто тое, бѣ бо мнози преже не вѣдали (165)». Это значитъ, что дотолѣ не всякъ легко могъ находить въ горѣ, покрытой дремучимъ лѣсомъ, убѣжище отшельниковъ печерскихъ; зданіе же церковное указывало собою входъ въ пещеру, въ которой тогда иноки все еще продолжали имѣть свое пребываніе. Объ Антоніи, въ приведенномъ г. Казанскимъ текстѣ, вовсе нѣтъ рѣчи, и онъ въ то время уединялся уже въ новой пещерѣ, ископанной имъ на другомъ холму.

б) «Въ словахъ лѣтописи (въ сказаніи о зачалѣ Печерскаго монастыря): *о Ѳеодосіеви житіи паки скажемъ*, тогда бы только мы имѣли право видѣть указаніе Несторово изъ написаннаго имъ особо житія Ѳеодосіева, еслибъ онъ не обращался опять къ Ѳеодосію; но чрезъ нѣсколько строкъ мы встрѣчаемъ (въ лѣтописи) опять разсказъ о житіи Ѳеодосіевомъ».

По содержанію этого замѣчанія дано уже нами объясненіе въ разборѣ сочиненій г. Кубарева (§ 3). Тамъ написано, что лѣтописецъ, послѣ словъ: *паки скажемъ*, не повторяетъ того, что подъ 1051 годомъ говорилъ онъ о избраніи Ѳеодосія въ игумены, о построеніи Печерскаго монастыря, о введеніи въ эту обитель Студійскаго устава и проч., но упоминаетъ далѣе о Ѳеодосіи подъ 1072 и 1073 годами, и пишетъ потомъ, въ 1074 году о кончинѣ его, въ 1091 о перенесеніи его мощей изъ пещеры въ церковь, и наконецъ, въ 1108 году, о вписаніи имени Ѳеодосіева въ Синодикъ (166)—все то, чего нѣтъ въ особомъ Ѳеодосіевомъ житіи.

в) «Въ житіи Ѳеодосіевомъ Несторъ говоритъ, что Ѳеодосій обрѣте мѣсто чисто не далече отъ печеры суще, довольну на возграждение монастыря, возгради церковь на мѣстѣ томъ Св.

Digitized by Google

Богородицы, оградилъ и келліи поставилъ, и самъ переселился туда отъ печеры въ лѣто 6570 [1062 (167)]; въ лѣтописи же сказано, что Печерскій монастырь совершенъ игуменство держащу Варламови».

Тутъ точно есть разнорѣчіе; но сказанное въ отдѣльномъ житіи Ѳеодосія ближе къ правдѣ, какъ оно принято въ Кіевскій синопсисъ и въ печатный патерикъ (168), безъ сомнѣнія, по исправнѣйшимъ онаго спискамъ. При игуменствѣ Варлама построена, въ 1057 году, только малая церковь (церковьца) надъ пещерою, когда иноковъ, помѣщавшихся въ пещерѣ, было не болѣе 20 (169). Между тѣмъ великій князь Изяславъ-Димитрій еще въ 1055 году (170) началъ сооружать въ Кіевѣ для монастыря каменную церковь, во имя тезоименита своего священномученика Димитрія, и вывелъ туда на игуменство Варлама. Мѣсто варламово заступилъ въ пещерѣ, по избранію Антонія, презвитеръ Ѳеодосій (171), который, видя, что число братій со дня на день увеличивается, и въ пещерѣ становится тѣсно, испросивъ благословеніе Антонія, приступилъ, въ 1058 или въ 1059 году, къ построенію монастыря съ пространною деревянною церковью и со многими келліями на отданной великимъ княземъ Изяславомъ, по ходатайству Антонія, всей надпещерной горѣ, на мѣстѣ, которое въ несторово время называлось ветхимъ монастыремъ Печерскимъ, и сюда, въ 1062 году, со всею братіею переселился (172). Самое время этого построенія показываетъ, что Варламъ не принималъ въ немъ участія, перейдя ранѣе въ Дмитріевскій монастырь (173); а потому Несторъ и его продолжатели называли Печерскую обитель иногда просто Ѳеодосіевою, иногда лаврою или монастыремъ преподобныхъ отецъ Антонія и Ѳеодосія (174); варламово же имя никогда къ создателямъ сей обители не было сопричисляемо, хотя онъ, игуменствуя въ Димитріевскомъ монастырѣ, не переставалъ усердствовать къ Печерскому своими приношеніями на украшеніе и потребу, и разставаясь съ жизнію завѣщалъ погребсти себя въ пещерѣ. Можно думать, что переписчики лѣтописи, назвавъ неправильно *монастыремъ* одну малую церковь (церковцю) безъ келлій, поставленную Варламомъ надъ пещерою въ 1057 году, приняли за одно и тотъ монастырь, сооруженіе котораго Ѳеодосіемъ окончено въ 1062 году.

г) «Въ житіи Ѳеодосія сказано, что сей игуменъ, по устроеніи Печерскаго монастыря, видя, что въ немъ число иноковъ возросло уже до ста, искалъ правила монастырскаго, и получивъ свѣдѣніе о уставѣ Студійскомъ отъ инока Студійской обители Михаила, прибывшаго въ Кіевъ съ митрополитомъ Георгіемъ, поручилъ Ефрему евнуху, иноку печерскому, посѣщав-

Digitized by Google

шему святыя мѣста, и находившемуся тогда въ Константинополѣ, списать и къ нему доставить весь уставъ Студійскаго монастыря. Ефремъ исполнилъ это дѣло, и Ѳеодосій повелѣлъ прочесть уставъ предъ братіею, и началъ съ того времени *вся строити по уставу Студійскаго монастыря* (176). Въ лѣтописи же (въ словѣ о началѣ Печерскаго монастыря) сказано: «Ѳеодосій нача искати правила черноческаго, и обрѣтеся тогда Михаилъ чернецъ монастыря Студійскаго, иже бѣ пришелъ изъ грекъ съ митрополитомъ Георгіемъ, и нача у него искати устава чернецъ студійскихъ, и обрѣте и списа, и устави въ монастырѣ своемъ (177)».

Г. Казанскій вѣритъ болѣе своему безъименному сочинителю лѣтописи, держась постоянно мысли, что это былъ присный ученикъ Ѳеодосіевъ: намъ же представляется тутъ только неточное сокращеніе въ лѣтописи, переписчиками ея, несторова разсказа. По буквальному смыслу словъ лѣтописи можно бы подумать, что инокъ Михаилъ самъ не зналъ, есть ли у него списокъ Студійскаго устава, но что Ѳеодосій, пересматривая книги его и бумаги, нашелъ этотъ уставъ и списалъ (178). Еслибъ поискъ сей произведенъ былъ точно такимъ образомъ, могъ ли бы Ѳеодосій и тогда надежно положиться на вѣрность рукописи, полученной изъ частныхъ рукъ, для введенія въ обитель свою толико важнаго постановленія, составляющаго законъ общежительнаго монастыря? Безъ сомнѣнія, Ѳеодосій получилъ отъ инока Михаила только свѣдѣніе о существованіи и содержаніи Студійскаго устава, и, признавъ оный удобнымъ для обители Печерской, далъ порученіе Ефрему увѣдать, въ самомъ Студійскомъ общежительномъ монастырѣ св. Ѳеодора, «извѣстнѣе вся строенія онаго, и весь уставъ тамо сущій подробну списать и принести къ нему Ѳеодосію», т. е. наглядно замѣтить и записать, какъ на самомъ дѣлѣ исполняется уставъ Студійскій по содержащимся въ немъ правиламъ, которыми опредѣлены: 1) образъ монашескаго пѣнія, 2) поклоны, 3) чтенія, 4) стояніе въ церкви и весь порядокъ церковный, 5) сидѣніе за трапезою и 6) пища на всѣ дни года. Такъ сказано въ житіи Ѳеодосія по древнимъ рукописнымъ спискамъ Печерскаго патерика, и того требовала въ подобномъ дѣлѣ благоразумная осмотрительность.

и д) «Несторъ пишетъ, что братія избрали въ игумены Стефана Демественника церковнаго, потому что онъ сущъ тогда ученикъ Ѳеодосія, взросъ подъ его рукою, и у него послужилъ; а лѣтописецъ говоритъ, что Ѳеодосій предполагалъ назначить въ игумены по себѣ Іакова, постриженника не Печерскаго монастыря, но послушавъ братію, утвердилъ на игуменствѣ Стефана».

Digitized by Google

Тутъ мы не видимъ противорѣчія, а лишь исключеніе такого обстоятельства, которое сомнительно само по себѣ. Въ лѣтописи сказано, [180]) что болѣзнующій Ѳеодосій, чувствуя приближеніе кончины, спрашивалъ братію, кого хотятъ имѣть по немъ игуменомъ, и получилъ отвѣтъ, что назначеніе его отдаютъ на его изволеніе. Но Ѳеодосій никого не наименовалъ, а велѣлъ братіи поудалиться въ сторону и наречь кого имъ угодно изъ старѣйшихъ и меньшихъ, кромѣ Николая и Игната. Братія, поговоря между собой, опять предоставили избраніе Ѳеодосію; тогда-то уже онъ наименовалъ было имъ въ игумены презвитера Іакова; но братія на то не согласились; они обратили выборъ свой на Стефана, и Ѳеодосій его утвердилъ. Спрашивается: что же удерживало Ѳеодосія объявить братіи объ Іаковѣ при первомъ отвѣтѣ ихъ на ѳеодосіевъ вопросъ? Неужели онъ надѣялся, что они сами проникнутъ его мысль и укажутъ на Іакова? Безъ сомнѣнія, тутъ кроется такая же подозрительная вставка, какую мы замѣтили объ инокахъ Николаѣ и Игнатѣ, въ разборѣ сочиненій г. Кубарева (§ 2). Когда печерскій игуменъ Варламъ взятъ былъ в. к. Изяславомъ въ Димитріевъ монастырь, и иноки печерскіе просили Антонія поставить имъ игумена, онъ на вопросъ свой: кого хотятъ? услышавъ отвѣтъ: «кого хощетъ Богъ и ты», самъ предложилъ имъ Ѳеодосія безусловно ([181]).

Вотъ всѣ тѣ предметы, числомъ *пять*, въ которыхъ г. Казанскій открылъ несогласія между лѣтописью и несторовыми отдѣльными повѣстями о зачалѣ Печерскаго монастыря и о житіи Ѳеодосія, и назвалъ эти разнорѣчія *многими* и *важными*, сознавшись, однако, что сущность дѣла остается въ нихъ одна и та же. Но въ чемъ именно безъизвѣстный лѣтописецъ исправилъ несторовы ошибки, чѣмъ дополнилъ его опущенія и какія представилъ свѣдѣнія о Ѳеодосіи болѣе отчетливыя и болѣе опредѣленныя, нежели изложенныя Несторомъ въ отдѣльно написанномъ ѳеодосіевомъ житіи, объ этомъ г. Казанскій умолчалъ.

§ 4. *Не были ли у насъ два Нестора: одинъ — писатель лѣтописи, другой житій святыхъ?*

Въ дополненіи къ первому вопросу о Несторѣ, напечатанномъ послѣ, мѣсяца чрезъ три ([182]), г. Казанскій пишетъ, что «если мы и примемъ свидѣтельство Патерика о Несторѣ за авторитетъ непреложный, то и тогда оно рѣшитъ вопросъ только о *имени* а не о *лицѣ*; *можетъ быть* Несторъ же писалъ и лѣтопись, но не тотъ, который писалъ повѣсть о Борисѣ и Глѣбѣ, житіе Ѳеодосіево, отдѣльную записку о зачалѣ Печерскаго монастыря и о знаменитыхъ подвижникахъ тамо бывшихъ, такія сочиненія, по которымъ Поликарпъ имѣлъ поводъ назвать его лѣтописцемъ;

Digitized by Google

одинъ же сочинитель не могъ написать *столь несогласныя* между собою сказаній. Да и ту ли лѣтопись Поликарпъ приписываетъ Нестору, какую мы ему приписываемъ? *Можетъ быть* она та лѣтопись, которую Симонъ называетъ старымъ лѣтописцемъ Ростовскимъ, и которая содержала извѣстія объ основаніи епархій въ разныхъ мѣстахъ русской земли».

Эти гаданія вызываютъ насъ къ слѣдующимъ вопросамъ и объясненіямъ:

1) Если Поликарпъ, въ житіяхъ Никиты и Агапита, зоветъ Нестора лѣтописцемъ русскимъ, а въ посланіи къ Акиндину говоритъ, что Несторъ же описывалъ и житія первыхъ подвижниковъ печерскихъ, то неужели тутъ должно разумѣть не одного и того же блаженнаго Нестора, а двоихъ? и неужели бы Поликарпъ былъ такъ неосмотрителенъ, что, зная и лѣтописца и писателя житій праведниковъ печерскихъ, забылъ обозначить другаго Нестора свойственнымъ ему нарицательнымъ именемъ, какъ изъ двоихъ Пименовъ одинъ звался многоболѣзненнымъ, другой постникомъ; изъ двоихъ Никоновъ одинъ отличался титломъ игумена, другой названіемъ сухаго, и пр.? ([183]) Есть, правда, въ Кіевскихъ пещерахъ мощи и другаго преподобнаго Нестора, но г. Казанскій, безъ сомнѣнія, не приметъ его въ свои лѣтописцы, потому что онъ былъ *не книжный* ([184]) и, вѣроятно, съ грамотностію незнакомъ.

2) Могли ли отдѣльныя статьи несторовы о житіи Ѳеодосія, о началѣ Печерскаго монастыря и о первыхъ подвижникахъ печерскихъ названы быть, сами по себѣ, лѣтописью, когда въ нихъ нѣтъ указаній хронологическихъ, какія во Временникѣ несторовомъ ведены по порядку съ года на годъ? О томъ же, что Несторъ сочинилъ повѣсть о Борисѣ и Глѣбѣ, ни Симонъ, ни Поликарпъ нигдѣ не упоминаютъ.

3) Такъ какъ г. Казанскій, въ дополнительномъ вопросѣ, въ противорѣчіе первому своему вопросу, замѣченное нами выше (§ 2), возвращаетъ нашему Нестору по принадлежности сказаніе о началѣ Печерской обители, а въ этомъ сказаніи нашъ Несторъ говоритъ о себѣ, что пришелъ къ Ѳеодосію въ семнадцатилѣтнемъ возрастѣ, — то какой же остается слѣдъ г. Казанскому искать или другого Нестора, или безъизвѣстнаго лѣтописца въ мнимомъ ѳеодосіевомъ ученикѣ?

4) Имѣютъ ли особенную важность разнословія лѣтописи съ отдѣльными статьями несторовыми, въ предметахъ, относящихся собственно до обители Печерской, объ этомъ достаточно писано выше (§ 3).

и 5) Еще Карамзинъ полагалъ, что епископъ Симонъ называетъ старою Ростовскою лѣтописью ту же Несторову, перепи-

Digitized by Google

санную въ Ростовѣ (186); но мы въ этомъ весьма сомнѣваемся. Такъ какъ Симонъ говоритъ, что въ Ростовской лѣтописи поименовано тридцать иноковъ печерскихъ, достигшихъ степени архіерейства, и что до возведенія его самого во епископа (1214 г.), число такихъ печерянъ превышало даже 50 (186), то старая Ростовская лѣтопись и не можетъ замѣнять собою Временника Нестора и продолжателей его до 1215 года, потому что Несторъ въ лѣтописи называетъ печерянами только четырехъ епископовъ: Ефрема переяславскаго, Исаію ростовскаго, Стефана владимірскаго и Ѳеоктиста черниговскаго (187); изъ прочихъ одиннадцати печерянъ, поименованныхъ Симономъ въ посланіи къ Поликарпу, и изъ всѣхъ прочихъ, по счету Симонову, свыше 50-ти, ни одинъ не названъ въ лѣтописи печерянином, ни у Нестора, ни у его продолжателей; да и вообще число всѣхъ безъ различія епископовъ русскихъ, встрѣчающихся въ лѣтописяхъ нашихъ, со времени принятія вѣры христіянской до 1215 года, едва ли переходитъ за цыфру 60. Старая Ростовская лѣтопись составляла, по видимому, особое сочиненіе, написанное въ Ростовѣ, подобное краткому лѣтописцу новогородскихъ владыкъ (188), и содержала, вѣроятно, свѣдѣнія: кто какого монастыря инокъ или игуменъ, въ которомъ году и куда посвященъ во епископа. А что Симонъ и Поликарпъ, въ сказаніи о созданіи церкви печерской, и въ описаніи житій святыхъ: Никиты затворника, Григорія чудотворца, Моисея угрина, Прохора чудотворца и Ѳеодора и Василія, касаясь историческихъ происшествій, пользовались Временникомъ Нестора, въ этомъ легко можно убѣдиться чрезъ сличеніе съ сею лѣтописью ихъ сочиненій (189).

§ 5. *Заключеніе.*

Обозрѣвъ въ подробности вопросы г. Казанскаго о Несторѣ, можемъ сказать положительно, что предлагатель ихъ не достигъ цѣли своей въ попыткѣ отнять у нашего Нестора славу лѣтописца русскаго и передать ее своему безъименному мнимо-присному ѳеодосіеву ученику. Нѣкоторыя несходства Временника съ отдѣльными, болѣе удовлетворительными сказаніями, относящимися собственно до Печерскаго монастыря, не могутъ дать права на подобное посягательство. Такія разнорѣчія, произшедшія отъ вины переписщиковъ, встрѣчаются и по многимъ историческимъ событіямъ, въ старѣйшихъ лѣтописныхъ спискахъ, сличенныхъ между собой, Лаврентьевскомъ, Ипатьевскомъ или Кіевскомъ, Хлѣбниковскомъ, Радзивиловскомъ и Троицкомъ, какъ это видно изъ подстрочныхъ выносокъ въ первомъ томѣ полнаго собранія русскихъ лѣтописей; но тѣмъ не менѣе сущность всѣхъ основныхъ извѣстій до 1113 года

Digitized by Google

сохранилась въ томъ видѣ, въ какомъ она изложена несторовымъ перомъ.

Итакъ, изъявленныя г. Казанскимъ сомнѣнія и гаданія нисколько не колеблятъ увѣренности нашей, наслѣдованной нами отъ предковъ съ XII вѣка, что юноша, назвавшій себя въ житіи Ѳеодосія *мній* всѣхъ въ монастырѣ этого праведника, а въ словѣ о зачалѣ Печерской обители приписавшій себѣ *семнадцатилѣтній* возрастъ, есть одинъ и тотъ же Несторъ, котораго имя является на заглавіи нѣкоторыхъ древнихъ списковъ Временника, тотъ Несторъ, который въ текстѣ лѣтописи означаетъ личность свою мѣстоименіями *азъ*, *ми*, *намъ*, а въ отдѣльныхъ повѣстяхъ, изложенныхъ для чтенія собратій его, присовокупляетъ къ тому же *азу* свое имя *Несторъ*, — который, по свидѣтельству инока Поликарпа, писавшаго со словъ наставника своего епископа Симона († 1226 г.), былъ лѣтописецъ русскій и списатель житій первыхъ подвижниковъ печерскихъ, — котораго церковь наша сопричислила къ лику праведниковъ, совершая память о немъ 27 октября, и котораго мощи покоятся въ Кіевскихъ пещерахъ, съ начертанными на надгробіи его словами: «Преподобный Несторъ, лѣтописецъ русскій.» (190)

П. В.

Digitized by Google

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) Изслѣдованіе о Патерикѣ напечатано въ Чтеніяхъ въ Москов. Общ. Ист. и Древн. Рос. 1847 г. № 9; а о Несторѣ въ Русскомъ Историч. Сборн. изданн. отъ того же Общества, 1842 года, т. IV., кн. 4.

(2) Указываемъ на рукописные патерики графа Толстова и графа Румянцова. Первый находится въ Императорской Публичной Библіотекѣ, другой въ Библіотекѣ Румянцовскаго Музея; оба писаны въ XVI вѣкѣ съ Патерика 1460-года.

(3) Антоній скончался 1073 г. въ 90-лѣтнемъ возрастѣ, слѣдовательно родился въ 983 году.

(4) Теперь получило огласку извѣстіе, что преподобный Антоній принялъ иноческій санъ въ аѳонскомъ Есфигменскомъ монастырѣ, сообщенное архимандритомъ сей обители Агаѳангеломъ, собирающимъ *для нея* милостыню въ Россіи (Творенія Св. Отцевъ, изд. при Москов. Духов. Акад. 1849 г., кн. 4, стр. 659—661, 661, 664, 668, и С. Петербург. вѣдом. 1850 г. № 107).

(5) Митрополитъ кіевскій Иларіонъ (съ 1051 г.) говоритъ, что вслѣдъ за крещеніемъ народа въ Руси «монастыреве на горахъ сташа, черноризцы явишася» (Памятники духовной литературы временъ великаго князя Ярослава I, стр. 40).

(6) Берестово село стояло въ нынѣшнихъ предѣлахъ Кіева. Въ Варяжской пещерѣ жили потомъ современные Нестору преподобные печерскіе Ѳеодоръ и Василій (Патер. печ. л. 153, изд. 1847 г.). Кубаревъ (о Несторѣ, стр. 403) не назвалъ ея мѣстности, а она показана на планѣ дальнихъ Кіевскихъ пещеръ, составленномъ въ 1638 г. кіево-печерскимъ монахомъ Аѳанасіемъ Кальнофойскимъ (Опис. Кіево-Печ. лавры стр. 310, 315 и 322).

(7) Основаніе сей церкви на Берестовѣ приписывается митрополиту Іоанну I, или Іонѣ, бывшему въ Кіевѣ съ 1007 или съ 1008, скончавшемуся въ 1035 году (Опис. Кіево-Соф. Собора, стр. 66).

(8) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 67, 68, 255; Ист. Рос. Татищева II, 111. Сочинитель книги: «Очерки Ист. Рус. церкви въ періодѣ до-Татарскій», печ. 1847 г., стр 172, читаетъ *въ ней;* а сочинитель Ист. Рус. церкви, періодъ первый, печ. 1848 г., стр. 240, *въ немъ*.

(9) Кубаревъ о Несторѣ стр. 395, 403, 404, 413. Въ Никоновской лѣтописи I, 140, сказано, что презвитеръ Иларіонъ.... Хожаше съ Берестовскаго на Днѣпръ на холмъ, *на ветхій монастырь Печерскій*, и тамо ископалъ печерку малу дву сажень. Составитель этой лѣтописи не вспомнилъ, что тогда еще не существовалъ монастырь Печерскій, и предлогомъ *на* замѣнилъ несторовы слова: *кде нынѣ*.

(10) Полн. Соб. Рус. Лѣт. I. 68.

(11) Объ этомъ и о мірскомъ имени антоніевомъ *Антипа* (изъ Супрасльской лѣт., стр. 163 и 164), писано въ Оборонѣ лѣтописи Несторовой отъ навѣта скептиковъ, стр. 194 и 413. Преосвященный Филаретъ (въ Ист. Рус. церкви, періодъ I, стр. 240) согласился съ изложеннымъ въ Оборонѣ объясненіемъ.

(12) Этотъ годъ показанъ также и въ лѣтописяхъ Густинской и Новогородской (Полн. Собр. Рус. Лѣт. II 266 и III, 210).

(13) Кубаревъ о Несторѣ, стр. 401, 402 и 403.

Digitized by Google

(14) Карамзинъ въ И. Г. Р. II, пр. 138. Онъ сомнѣвался также и въ другомъ сказаніи епископа Симона, что Иларіонъ постриженъ въ иноки Антоніемъ «и тако священства сподобленъ», полагая, что Антоній былъ еще самъ бѣльцемъ, когда Иларіонъ пасъ уже церковь. Но Симонъ въ посланіи къ Поликарпу присоединилъ Иларіона къ тѣмъ инокамъ печерскимъ, которые достигли архіерейскаго сана (Памятн. Рос. словесн. XII вѣка, стр. 256); да и самъ Иларіонъ говоритъ о себѣ, что онъ «монахъ и презвитеръ.... священъ въ митрополита 1051 года» (Памятн. духов. лит. времевъ в. к. Ярослава, I, стр. 4 и 54).

(15) Кубаревъ о Несторѣ, стр. 397—402.

(16) Кубаревъ (тамъ же, стр. 398), указывая на историч. изслѣдованіе о Тмуторокани графа Мусина Пушкина, кажется, не имѣлъ въ рукахъ своихъ письма А. Н. Оленина о камнѣ тмуторокапскомъ, напечатаннаго въ 1806 году. Къ этой книгѣ Оленина приложенъ вѣрнѣйшій рисунокъ съ тмутороканской надписи, во всю ея величину, снятый питомцемъ Академіи Художествъ, Ушаковымъ, посредствомъ гипсоваго слѣпка. Отъ буквы М, стоящей на окраинѣ камня, сохранились только первыя двѣ черты, послѣднія же двѣ отшибены, и потому, какой знакъ изсѣченъ былъ на верху этой буквы подъ титломъ, О или Р, и не было ли еще при ней буквы Е, узнать не можно.

(17) Остромирово Евангеліе, стр. 161. Въ славянской грамматикѣ г. Пѣнинскаго (стр. 52 и 54) исчислены слова, сокращаемыя титлами въ славянскихъ книгахъ, но нарѣчія *много* тамъ нѣтъ.

(18) Полн. Соб. Рус. Лѣт. I, 71.

(19) Въ житіи Антонія л. 4, и Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 256.

(20) Во 110 саженихъ отъ прежней (Опис. Кіево-Печ. Лавры, стр. 5).

(21) Полное Собр. Рус. Лѣт. I, 74, 83. Кубаревъ пишетъ (о Несторѣ, стр. 422), что Антонія увезъ въ Черниговъ Всеславъ, и что издатели печатнаго Патерика по догадкѣ поставили имя Святослава, а Карамзинъ Изяслава; но Кубаревъ не правъ. Это покровительство Антонію приписано Святославу не въ одномъ Патерикѣ, а и въ лѣтописныхъ спискахъ Ипатьевскомъ, Хлѣбниковскомъ и въ прочихъ; въ Лаврентьевскомъ же имя того князя переписчикомъ пропущено (а). Да и когда Всеславъ могъ узнать о гнѣвѣ на Антонія Изяслава, не вступавшаго еще въ Кіевъ, и какимъ образомъ далъ Антонію убѣжище во владѣніи недруга своего Святослава? По лѣтописи и по Слову о Полку Игоревѣ извѣстно, что Всеславъ, услышавъ о походѣ къ Кіеву Изяслава съ польскимъ королемъ Болеславомъ, вышелъ весною 1068 года, съ кіевскимъ ополченіемъ на встрѣчу имъ къ Бѣлугороду, отстоящему отъ Кіева на 23½ версты,—показывалъ готовность сражаться, но не дождавшись непріятелей бѣжалъ отъ кіевлянъ тайно, ночью, 15 апрѣля, изъ Бѣлагорода въ свой Полоцкъ, какъ бы призываемый туда къ заутрени звономъ колоколовъ тамошняго Софійскаго собора, — скрылся же отъ кіевлянъ при густой мглѣ, и переплывъ у Кіева на лѣвый берегъ Днѣпра, скакалъ такъ скоро, что еще до куропѣнья предпѣвнаго достигъ Тмуторокана-Остреческаго, упоминаемаго въ географическомъ отрывкѣ XIV или XV вѣка, въ числѣ городовъ кіевскихъ (б). По всей вѣроятности, это то мѣсто, которое, полъ именемъ Городища на Острѣ, Городца Остреицкаго, нерѣдко встрѣчается въ лѣтописи со времени

(а) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 83, 260.

(б) Воскрес. лѣт. I, 20 Въ Словѣ о П. И.: «Всеславъ.... скочи отъ нихъ (кіевлянъ) лютымъ звѣремъ въ полуночи изъ Бѣлагорода... Обѣсися синѣ мглѣ... тому въ Полоцкѣ позвониша заутренюю, а онъ въ Кіевѣ звонъ слыша». Г. Мѣиловъ въ стихотворномъ переложеніи этого Слова сказалъ (стр. 46): «Всеславъ въ пути перерыскивалъ бѣгъ хорсу летучему, славному, *которому* въ Полоцкѣ, съ колоколенъ Софіи, звонили заутрепю» (!).

Digitized by Google

вѣрнаго постановленія тамъ между братьями Ярославомъ и Мстиславомъ Тмутороканскимъ, въ 1026 году (b). Нынѣ на томъ мѣстѣ стоитъ слобода Старогородокъ, въ 55 верстахъ отъ Кіева по прямой дорогѣ (c).

Къ рѣчи о Всеславѣ принонимъ, что сей полоцкій князь (1041—1101 г.), имѣвшій съ дядьями своими в. к. кіевскимъ Изяславомъ, Святославомъ и Всеволодомъ, находился, въ 1060 году, въ походѣ на торковъ, а въ 1066 взбунтовался противъ Новагорода, и въ 1067 былъ тѣми же Ярославичами разбитъ на рѣкѣ Немизѣ, вызванъ потомъ ими къ Смоленску подъ предлогомъ примиренія, схваченъ и заключенъ въ Кіевѣ въ темницу съ двумя сыновьями своими. Во всѣхъ дѣйствіяхъ своихъ Всеславъ являлся обыкновеннымъ человѣкомъ и христіаниномъ (d); но нѣкоторымъ писателямъ онъ показался не на шутку колдуномъ, кудесникомъ, чародѣемъ, вѣльмою мужескаго рода, оборотнемъ, могущественнымъ волшебникомъ (e), потому что въ рѣчахъ Слова о Полку Игоревѣ, составленнаго во *былинныя* времени, а не по *вымысламъ* Бонна: «Всеславъ князь... въ ночь *волкомъ* рыскаше, изъ Кіева дорыскаше до куръ *Тмутороканя*, великому *Хръсови* волкомъ путь прерыскаше», тѣ писатели приняли Тмутороканъ за градъ Тмутороканъ Таманскій, удаленный отъ Кіева, по прямому протяженію, на 630 верстъ (ж) и состоявшій тогда въ удѣлѣ черниговскаго князя Святослава; а въ имени *Хръсовъ* воображали то идола Хорса, то Херсонъ, то Хазарію, какъ будто эти предметы имѣютъ движеніе по землѣ и можно имъ пересѣкать дорогу, или опережать ихъ на бѣгу. Уже давно предложено было доказательство, что въ реченіи *Хръсовы тмутороканя* описка, одна изъ многихъ, замѣченныхъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ з), которая должна быть исправлена именемъ Днѣпра *Днѣпромъ*, такъ какъ Всеславъ въ своемъ бѣгствѣ пересѣкалъ быстрыя струи сей великой рѣки (и). Если же Всеслава станемъ честить титломъ чародѣя, то можемъ видѣть въ Словѣ о П. И. и другихъ ему подобныхъ. Половецкій князь Гзакъ бѣгаетъ *сѣрымъ волкомъ*; Ярославна готовится летѣть по Дунаю *зегзицею*; князь Игорь, разбитый половцами въ 1185 году у рѣки Каялы, теперешняго Калміуса, и содержавшійся въ плѣну на ихъ кочевьѣ, между Донцемъ и Допомъ, на правой сторонѣ рѣчки Тора, когда почью бѣжалъ въ отчизну, перебрелъ эту рѣчку, сѣлъ на приготовленнаго ему тамъ Овлуромъ коня и достигъ Донца (і): то «поскочи *горностаемъ*

(b) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 64.

(c) О Тмутороканѣ Остреческомъ писано въ Оборонѣ лѣт. Нестора, стр. 289—292.

(d) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 70, 72, 74.

(e) Чтенія въ Москов. Общ. Ист. и древн. Рос. 26 апрѣля 1847 г. въ Смѣси, стр. 15—23.

(ж) Отъ Кіева къ юго-востоку на 6°. 11′.

(з) Наприм., тамъ написано *отця* вмѣсто *тестя*, *чтя*, т. е. *тестя*; *междю* угорскими иноходци вмѣсто *межи ею* угорскихъ иноходцевъ. Есть также нѣсколько перестановокъ во фразахъ, которыя можно бы, кажется, исправить по лѣтописямъ.

(и) «Нѣчто къ Слову о полку Игоревѣ» въ Вѣстн. Европы 1821 г., №№ 21 и 22, стр. 41 и 45, и статьи въ Сынѣ Отеч. и Сѣверн. Архивѣ 1834 г., № 52: «О войнѣ великаго князя Святополка съ половецкимъ княземъ Тугоркановъ въ 1096 году».

(і) Рѣчка Торъ, она же и Сальница, такъ названная по своимъ соляпымъ озерамъ, вливается въ Донецъ съ праваго его берега, у заштатнаго города Славянска, въ Изюмскомъ уѣздѣ Харьковской губерніи. Г. Дубенскій, издавшій въ 1844 г. Слово о Полку Игоревѣ съ своими объясненіями (Рус. достопамятн., ч. III, 228), не зналъ р. Тора, не читавъ, вѣроятно, Ипатьевской лѣтописи (Полн. Собр. Рус. Лѣт. II, 133 и 134), а потому полагалъ, что Игорь содержался у половцевъ на лѣвой сторонѣ Дона, удаленнаго отъ р. Тора верстъ на 200, — что Овлуръ держалъ для Игоря заводнаго коня на *правомъ* берегу Дона, и что Игорь перебрелъ эту рѣку, несмотря на ея ширину и глубину.

Digitized by Google

къ тростію, *бѣлымъ гоголемъ* на воду, скочилъ *босымъ волкомъ*, потече по лугу Донца (по лѣвому берегу), и полетѣ *соколомъ* подъ мглами, избивая гуси и лебеди завтроку и обѣду и ужинѣ». Владиміръ Мономахъ и Ярославъ I имѣли не человѣческую же чуткость: крамольный Олегъ... «ступаетъ въ златъ стремень во градѣ Тьмуторокани», оттого Владиміръ (Мономахъ) сынъ Всеволодовъ «по всѣ утра уши закладаше въ Чернигове»; а давный великій Ярославъ такой же звонъ оттуда слышалъ, т. е. грозу отъ брата своего Мстислава, который, пришедъ изъ Тмуторокани къ Чернигову, разбилъ Ярослава на-голову у Листвена въ 1024 году (к).

(22) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 73, 74, 83, 260.

(23) Тамъ же III, 208; Патер. л. 8, 10, и Опис. Кіево-Печ. Лавры, стр. 100. Въ статьѣ: «О достопамятностяхъ Чернигова» сказано, что Антоній возвратился изъ Чернигова въ Кіевъ въ 1072 году (Чтенія въ Москов. Общ. Ист. и древн. Рос. 1847 г., № I, стр. 12). Въ Энциклопедич. Лексиконѣ житіе Антонія описано превратно.

(24) Кубаревъ о Несторѣ, стр. 427 и 428, и о Патер., стр. 26.

(25) За потерею начальныхъ листовъ слѣдуютъ въ немъ: слово 7, сказаніе о началѣ Печерскаго монзстыря; слово 8, житіе Ѳеодосія; слово 9, о перенесеніи Ѳеодосіевыхъ мощей; слово 10, о покованіи раки ѳеодосіевой; слово 11, похвала Ѳеодосію; слово 12, о святыхъ, блаженныхъ, первыхъ черноризцѣхъ печерскихъ, о Даміанѣ, Іереміи и Матеіи; слово 13, о Нифонтѣ, епископѣ новогородскомъ. Въ такомъ же порядкѣ, и подъ тѣми же цыфрами, помѣщены эти статьи и въ патерикахъ, писанныхъ въ XVI вѣкѣ, принадлежащихъ почетному гражданину Царскому (Опис. его рукоп., №№ 296 и 297.)

(26) Опис. рукоп. Библ. Румянц. Муз., стр. 427.

(27) Опис. Кіево-Печ. Лавры, стр. 140.

(28) Митрополитъ съ 1461 г. (Никон. лѣт. V, 288.)

(29) Памятн. Рос. словесн. XII вѣка, стр. 248.

(30) Въ описаніи Славяно-Россійск. рукоп. графа Толстова, стр. 376, и въ Памятн. Рос. словесн. XII вѣка, стр. 248, сказано, что патерикъ Толстова списанъ со списка, снятаго въ 1462 году со списка же, написаннаго въ 1460 году *по волѣ инока Кассіана для священно-инока Акакія*. Для кого же изготовленъ былъ 1 60 года?

(31) Акты Историч., I, 96 и 97. Со времени переселенія митрополита Максима Грека изъ Кіева въ Москву, 1283 года, въ Кіевъ посылаемы были митрополичьи намѣстники, пока в. к. литовскій Витовтъ, въ 1416 году, учредилъ въ Кіевѣ особаго митрополита, въ лицѣ Григорія Симблака; когда же третій преемникъ симблаковъ, Григорій II съ 1458 года, за преклонность къ уніи былъ кіевлянами изгнанъ, тогда Іона, митрополитъ московскій, управлялъ кіевскою іерархіею посредствомъ своихъ намѣстниковъ; но по кончинѣ Іоны (1461 г.) кіевская іерархія вновь отдѣлилась отъ московской, и Акакій въ Москву возвратился (Кіев. Синописъ; патаго изд., стр. 192, 196, и въ прибавленіи — стр. 97; Опис. Кіево-Соф. собора, въ прибавл. стр. 37). Издатель Описанія Кіево-Печерской Лавры (стр. 123 и 144) ошибочно назвалъ этого Акакія намѣстникомъ Печерской лавры, т. е. лицомъ, подчиненнымъ ея архимандриту.

(32) Ист. Г. Р. I, XXXIII.

(33) Кубаревъ, о Патер., стр. 1.

(34) Въ посланіи Поликарпа къ Акиндину сказано: «Аще повелитъ твое преподобство написати, да сущимъ по насъ пользы ради оставимъ, яко же блаженъ—

(к) Мы не слѣдуемъ ни Дубенскому, ни другимъ перелагателямъ Слова о П. И., которые читаютъ: «Ярославль сынъ Всеволодъ».

Digitized by Google

вый Нестеръ въ лѣтописи вписа о блаженныхъ отцѣхъ о Дамианѣ, Іереміи, Матеѣ и Исаіи, въ житіи же святаго Антонія вся житія ихъ списана суть, аще и вкратцѣ речена.»

(35) Несторово Слово о житіи и погубленіи Бориса и Глѣба не внесено въ Патерикъ, какъ не имѣющее отношенія къ обители Печерской, еще и не существовавшей при сихъ князьяхъ.

(36) Кубаревъ о Патер., стр. 26.

(37) Эту вставку повторяетъ и Свяоописъ Кіев. (стр. 114—116); а въ Опис. Кіево-Печ. Лавры (стр. 165—176, 249—251) напечатана и грамота о томъ в. к. Андреи Юрьевича, будто бы пожалованная отъ него Печерскому монастырю, въ 1159 году, вписанная слово въ слово въ грамоту отъ имени Іереміи, патріарха константинопольскаго, выданную 1592 г. Мелетію Богуринскому, епископу волынірскому и берестейскому, архимандриту Кіево-Печерскаго монастыря. Въ Андреевской грамотѣ, между прочимъ, сказано: «да не обладаетъ монастыремъ Печерскимъ митрополитъ кіевскій, и ни единъ изъ клириковъ софійскихъ, но да будетъ въ оборонѣ нашей и начадковъ нашихъ на вѣчные часы.... какъ о томъ изъяви предъ преставленіемъ Ѳеодосій Печерскій, при в. к. Изяславѣ». Изобрѣтатель этой грамоты не зналъ, что Андрей Георгіевичъ Суздальскій въ 1159 году не имѣлъ никакой власти надъ Кіевскимъ княжествомъ, а сталъ вмѣшиваться въ дѣла онаго уже съ 1169 г. (Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 151; Карамз. И. Г. Р. II, 316 и III пр. 26),—не зналъ и того, что при кончинѣ Ѳеодосія занималъ кіевскій престолъ не Изяславъ, а Святославъ. Баронъ Розенкампфъ, въ обозрѣніи Коричей книги, изчисляя церковные акты русскіе (стр. 463—469), не рѣшился внесть въ свое сочиненіе означенную грамоту Боголюбскаго, и ее слѣдуетъ принимать въ одинакомъ достоинствѣ съ другою, которая писана отъ имени того же патріарха, 6 августа 1589 г., къ помянутому Мелетію на званіе первопрестольника по митрополитѣ на соборѣ кіевской митрополіи, и которая признана подложною (Опис. Кіево-Соф. собора, стр. 132—134).

(38) Полн. Собр. Рус. лѣт. I, 80, и Никон. лѣт. I, 170; но въ Рос. лѣт. по Соф. сп. Великаго Новагорода (стр. 135), въ Воскресен. лѣт. (I, 208), и въ Соф. Времен. (I, 172), нѣтъ рѣчи о Николаѣ и Игнатѣ.

(39) Въ библіотекахъ отечественныхъ монастырей россійскихъ (кромѣ малороссійскихъ и бѣлорусскихъ) находилось, въ XVII вѣкѣ, рукописныхъ печерскихъ патериковъ болѣе пятидесяти (Чтен. въ Москов. Общ. Ист. и древн. Рос. 31 янв. 1848 года).

(40) Кубаревъ. о Несторѣ, стр. 400, 407 и 429. Онъ пишетъ, что авторитетъ издателей печатнаго Патерика увлекъ и Татищева, которому послѣдовали всѣ другіе. Самъ же Татищевъ (Ист. Рос. I, 53) говоритъ: «Имя Несторово объявлено въ трехъ древнѣйшихъ и надежнѣйшихъ лѣтописяхъ; но еслибъ и не было его имени, то показаніе Нестора въ Патерикѣ, и по согласнымъ обстоятельствамъ въ лѣтописи, доказуетъ, что оная лѣтопись есть Несторова». Разумѣется, что Татищевъ указываетъ на свидѣтельство о Несторѣ поликарпово и на тожество сказаній лѣтописи и Патерика.

(41) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 254, 265, 267.

(42) Толстова, стр. 188; Румянц., стр. 427—429; Царскаго, стр. 305—309.

(43) Тоже и въ Торжественникѣ, писанномъ въ XVI вѣкѣ (Опис. рук. Румянц. Муз., стр. 679).

(44) Опис. рукоп. Румянц. Муз., стр. 200, 201, и Царскаго, стр. 44.

(45) Сильвестра, игумена Михайловскаго Выдубичскаго монастыря въ Кіевѣ, нѣкоторые писатели признаютъ, вмѣсто Нестора, за сочинителя лѣтописи Русской (о русскихъ лѣтописяхъ и лѣтописателяхъ по 1240 г., въ Трудахъ Рос. Акад.,

Digitized by Google

IV, стр. 104—106), положась на послѣсловіе, напечатанное въ Никоновской лѣтописи (II, 51, V, 98), и оттуда же повторенное въ Древнемъ лѣтописцѣ (стр. 389, 390) и въ Царственномъ лѣтописцѣ (стр. 5), гдѣ это послѣсловіе, короткое въ Лаврентьевскомъ и другихъ древнихъ спискахъ, распространено произвольно, въ такомъ видѣ, будто бы Сильвестръ въ самомъ дѣлѣ былъ кіевскій лѣтописатель. Но Сильвестръ не былъ постриженникъ Ѳеодосіева Печерскаго монастыря, какъ уже доказано (Оборона лѣт. Нест., стр. 212—216), а потому и не могъ обращать къ своему лицу словъ лѣтописи: а) «Ѳеодосію живущу въ монастырѣ... къ нему же и *азъ* придохъ .. и пріятъ *мя*»; б) подъ 1091 годомъ: «Повелѣ игуменъ (печерскій) рушити, гдѣ лежатъ мощи его (Ѳеодосія), его же повелѣнію бысть *азъ* грѣшный первое самовидецъ», и в) подъ 1096 годомъ, при вторженіи половцевъ въ Печерскую обитель: «*намъ* сущимъ почивающимъ въ келліяхъ по заутрени» (Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 69, 90, 99). Повидимому, этотъ Сильвестръ снялъ самъ для себя, въ 1116 году, противень съ тѣхъ тетрадей «Повѣсти временныхъ лѣтъ *черноризца Ѳеодосіева Печерскаго монастыря*, откуда есть пошла Русская земля» (лѣтописные списки Ипатьевскій, Радзивиловскій, Троицкій), въ которыхъ событія доведены были до 1111 года, и на своемъ спискѣ сдѣлалъ приписку уже тогда, когда былъ епископомъ переяславскимъ 1119—1113 года, для заявленія принадлежности ему сей рукописи, съ просьбою, чтобъ читатели ея молили о немъ Бога (Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 123). Симонъ и Поликарпъ не знаютъ Сильвестра въ качествѣ лѣтописца.

Суздальскій инокъ Лаврентій представляется нѣкоторымъ писателямъ не простымъ переписчикомъ, а составителемъ лѣтописи изъ книгъ *ветхихъ* (О Рус. лѣтописяхъ и лѣтописат. по 1240 г.). Другіе изъявляютъ догадку, не былъ ли онъ продолжателемъ несторова Временника (Историч. Словарь о писат. духовн. чина, II, 164). Но можно ли повѣрить, чтобъ Лаврентій совершилъ такой важный трудъ въ 65 дней, исписавъ 173 пергаминныхъ листа въ большой квартантъ, около четвертой части почеркомъ уставнымъ, а прочіе полууставнымъ, и чтобъ онъ, занимавшись этою работою въ 1377 году, прекратилъ лѣтописныя сказанія не на своемъ времени, а на 1305 году? (Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, XIII).

(16) Кубаревъ, о Несторѣ, с. 418. 419, 423, 429, 430, 433.

(47) Нельзя не вспомнить, при этомъ случаѣ, мнѣнія скептиковъ школы покойнаго М. Т. Каченовскаго, что всякій мало-мальски грамотный человѣкъ XI вѣка въ состояніи былъ написать житіе Ѳеодосія такъ, какъ сочинилъ Несторъ (см. въ Оборонѣ лѣт. Нестор. с. 243).

(48) Христіан. чтен., издан. отъ Спб. Духовн. Акад. на 1849 г. Ноябрь, отд. III. стр. 301 и 316.

(49) Памятн. рос. словесн. XII вѣка, стр. XXVII—XXXIII.

(50) Рукописи почетн. гражд. Царскаго, стр. 58 и 72.

(51) Путешест. русскихъ людей въ чужія земли I, 17.

(52) Полн. собр. рус. лѣт. I. 100.

(53) Памятн. рос. словесн. XII вѣка, стр. 257.

(54) Описс. рукоп. библ. Румянц. муз., стр. 432.

(55) Кубаревъ, о Несторѣ, стр. 417, 418, 419, 422, 423, 426. Имя несторово означено на заглавіи въ древнихъ лѣтописныхъ спискахъ: а) въ трехъ, бывшихъ у В. Н Татищева: Раскольничьемъ, Голицынскомъ и Іосифовскомъ; б) въ Ипатьевскомъ, простирающемся до 1292 г., и Кіевскомъ, хранящемся въ Синодальной Москов. библіотекѣ; и) въ Хлѣбниковскомъ, и г) въ Ѳеодосіевскомъ (Калайд. въ запис. и труд. Москов. Общ. Ист. и Древн. Рос. I, 120; Оборона лѣт. Нестор., стр. 214, 215). На другихъ же спискахъ, писанныхъ внѣ области Кіевской, какови Суздальскій Лаврентьевскій, Новгородскіе, Воскресенскій и Нико-

Digitized by Google

вскій, нѣтъ имени Нестора, нѣтъ и *черноризца Ѳеодосіева Печерскаго монастыря*, вѣроятно потому, что эти списки заключали сочиненія не одного Нестора, но и продолжателей его, по имени и сану своему неизвѣстныхъ.

(56) Полн. собр. рус. лѣт. I, 178, 185, 189, 190; Памятн. Рос. словесн. XII вѣка, стр. 244.

(57) Обозрѣніе Кормчей книги, барона Розенкампфа, въ VIII прибавленіи., стр. 53 и 65.

(58) Опис. Кіево-Печ. Лавры, стр. 102—104., и Патер. печат.

(59) Авторъ статьи: «О русскихъ лѣтописяхъ и лѣтописателяхъ по 1240 годъ», говоритъ: «не можно ли полагать, что и въ сказаніи Поликарпа имя Несторово оставлено позднѣйшими собирателями и переписчиками Патерика, какъ оно вставлено (по мнѣнію автора) въ житіи Антонія и Ѳеодосія?» Что за счастливое имя этого Нестора! вездѣ оно одно; а надлежало же быть кому либо въ подлинникѣ Поликарпова сочиненія подъ титломъ *блаженнаго* лѣтописца русскаго.

(60) Чтенія въ Москов. Общ. Ист. и Древн. Рос. 30 ноября 1846 г. въ Смѣси, стр. 75.

(61) Рукописный сборникъ въ библ. Румянц. муз., показанный въ Описаніи подъ № 152 на стр. 260.

(62) Житіе Ѳеодосіево, въ Румянц. Патер.

(63) Полн. собр. рус. лѣт. I, 244, 265.

(64) На слова несторовы, что основанный Никономъ въ Тмуторокани монастырь, «иже и донынѣ есть прикладъ имѣ весь Печерскій монастырь», Кубаревъ говоритъ, въ одномъ случаѣ (о Несторѣ, стр. 418), что какъ тогда Печерскій монастырь еще не существовалъ, то, вѣроятно, Несторъ писалъ это послѣ 1088 года, т. е. послѣ освященія, въ 1089 году, каменной церкви Ѳеодосіева монастыря; въ другомъ (стр. 421), что Никонъ тогда только могъ дать обители своей подобіе Печерскаго монастыря, когда возвратился въ Тмуторокань изъ Чернигова съ княземъ Глѣбомъ, сыномъ Святослава, что было въ 1066 году, т. е. во время существованія, съ 1062 года, Печерскаго монастыря въ зданіяхъ деревянныхъ, названнаго у Нестора *етерымъ*. Но Кубаревъ напрасно выпустилъ въ несторовой фразѣ начальныя слова о Никоновой Тмуторокапской обители: «*возрасте место* то и бысть монастырь славенъ все подобіе имый монастыря Печерскаго». Глаголъ *возрасте* показываетъ, что только *по времени* Никоновъ монастырь доведенъ до такого устройства. Такъ и въ житіи Ѳеодосія написано, вслѣдъ за сказаніемъ о переводѣ братіи, въ 1062 году, изъ пещеръ во вновь устроенный, на открытомъ мѣстѣ, деревянный монастырь: *возрасте место* то и бысть монастырь славенъ.

(65) Кубаревъ, о Несторѣ, стр. 402, и о Патер., стр. 3, 6 и 7.

(66) Полн. собр. руск. лѣт. I, 67—69.

(67) *Положихъ* значитъ: предалъ, завѣщалъ (Словарь церковно-славяно-русскій).

(68) Полн. собр. рус. лѣт. I, 69.

(69) Кубаревъ (о Несторѣ, стр. 435) удивляется, что не сказано, гдѣ происходило богослуженіе въ Печерскомъ монастырѣ, въ теченіи времени отъ заложенія каменной церкви въ 1073 до освященія ея въ 1089 году. Новая, каменная, созидалась на другомъ, болѣе пространномъ мѣстѣ (Патер., л. 8); деревянная же продолжала существовать на прежнемъ, и по переведеніи игуменомъ Стефаномъ иноковъ въ новоустроенный каменный монастырь тамъ оставлено нѣсколько братій для погребенія преставльшихся монаховъ и для ежедневнаго совершенія литургіи за умершихъ и благодѣтелей монастыря (Патер., л. 89), какъ и самъ Кубаревъ замѣчаетъ это одною страницею выше.

(70) Полн. собр. рус. лѣт. I, 78, 79, 85. Издатели печатнаго Патерика, къ первому сказанію объ открытіи и перенесеніи ѳеодосіевыхъ мощей, присоединили, по связи, извѣстія, какъ о вписаніи имени ѳеодосіева въ синодикъ, такъ и о

Digitized by Google

кончинѣ боярина Яна, или Іоанна, супруга котораго Марія погребена въ каменной церкви Печерскаго монастыря; а изъ сочиненій Симона епископа включили туда объ украшеніи раки ѳеодосіевой Георгіемъ, тысяцкимъ суздальскимъ, 1130 года, дабы все относящееся до Ѳеодосія соединить въ одну повѣсть.

(71) Такого мнѣнія держался и покойный профессоръ Р. Ѳ. Тимковскій (Зап. и труды Москов. Общ. Ист. и Древн. Рос. I, стр. 63).

(72) Кубаревъ, о Несторѣ, стр. 428 и 429. Слово *инде*, на замѣну *паки*, Кубаревъ, вѣроятно, взялъ изъ Никоновой лѣтописи (I, 142), гдѣ сказано: «а о Ѳеодосіевѣ житіи *инде* скажемъ».

(73) Укажемъ, только на стр. 42, 43, 54, 71 Полн. Собр. Рус. Лѣт. I; а такихъ мѣстъ тамъ и въ другихъ сочиненіяхъ несторовыхъ множество.

(74) Кубаревъ, о Патер., стр. 16 и 27.

(75) Патер. л. 66, 91, 199. Объ этомъ же окованіи гроба ѳеодосіева сказано и въ лѣтописи (Полн. Собр. Рус. Лѣт: II, 12).

(76) Ист. Г. Р. II, 91, 94, 107, 147 и пр. 138; Полн. Собр. Рус. Лѣт I, 66, 75, 89, 91, 94, 119. Имя Вышаты, кромѣ показанныхъ двухъ, встрѣчается также въ лѣтописяхъ подъ 1186, 1230, 1243 и прочими годами.

(77) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 91, 94, 120. Вѣроятно, Несторъ отъ самого Яна Вышатича узналъ, между прочимъ, подробности истребленія сими мужемъ, въ Суздальской области и въ Новѣгородѣ, душегубцевъ-кудесниковъ, описанныя въ Лѣтописи подъ 1071 годомъ (Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 75—78).

(78) Тамъ же, стр. 91, 120.

(79) Патер. Румянц и Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 91. Въ ключѣ къ ист. Гос. Рос. Карамзина есть шесть Іоанновъ, которые названы Янами, и двое въ указателѣ къ актамъ историч. (IV, 208, 292). Іакова звали у насъ Якуномъ, Іоакима Якимомъ, Николая Микулою, а Георгія Юрьи, Юргаи, Гюргн, Гюрди, Дюрди, Дюргаи (Полн. Собр. Рус. Лѣт. II, 11, 13, 69 и проч.).

(80) Ист. Г. Р. II, 147.

(81) Шлёцеръ — въ Несторѣ I, 19.

(82) II, 91, а по изданію 1818 г. с. 451.

(83) Славянскія древности, по изданію 1848 г. Т. I, кн. I, с. 24 и 381. Шафарикъ въ одномъ случаѣ написалъ, что Несторъ родился 1056, умеръ около 1116 года: въ другомъ, что нѣкій *монахъ Янъ, товарищъ Нестора, умеръ въ 1016 году, спустя годъ по кончинѣ В. К. Владиміра*. Тутъ Шафарикъ принялъ годъ рожденія Яна за годъ его кончины, а нашъ переводчикъ шафариковой книги не осмѣлился ни замѣтить, ни исправить этотъ недосмотръ.

(84) Полн. Собр Рус. Лѣт. II. 29; Воскрес. лѣт. I, 289; Ист. Рос. Татищева II, 301.

(85) Кубаревъ о Патер. стр. 3, 5, 28.

(86) Пол. Собр. Рус. Лѣт. I. XVI, XVII и 254. Въ описаніи Кіево-Печ. Лавры (с. 123) сказано, что въ Московской Патріаршей Библіотекѣ есть патерикъ харатейный, писанный въ исходѣ XIV вѣка.

(87) Кубаревъ, о Патер. стр. 25. Если Кубаревъ точь-въ-точь выписалъ изъ Берсеневой книги лѣто $\overline{\text{SAДI}}$, то странно, что не замѣтилъ, въ одной изъ этихъ буквенныхъ цыфръ, важной ошибки: буква а означаетъ единицу, здѣсь же надлежало быть, для цыфры 900, ц или я.

(88) Памятн. духов. литер. временъ Ярослава I, стр. 19.

(89) Кубаревъ (о Патер., стр. 3, 6 и 25) говоритъ, что патерикъ Берсеневъ начинается службою преподобному Ѳеодосію, которой онъ, Кубаревъ, не нашелъ ни въ одномъ изъ позднѣйшихъ манускриптовъ. Но въ рукописяхъ, принадлежащихъ почетному гражданину Царскому, есть сборникъ, писанный въ исходѣ XVI

Digitized by Google

вѣка, гдѣ, между службами святымъ, находится «Память преподобнаго отца нашего Ѳеодосія, игумена обители Печерской, чудотворца» (стр. 633).

(90) Кубаревъ, о Несторѣ. стр. 423; М. П. Погодина — «Несторъ. историко-критич. разсужд. о началѣ Рус. Лѣт.» стр. 69.

(91) Опис. рукоп. Румянц. Муз., стр. 430; рукописи Царскаго, стр. 306, 308.

(92) Памятн. Рос. словесн. XII вѣка, стр. 256.

(93) Въ статьѣ: «Древнія святыни Ростова великаго», напечатанной въ Чтен. Москов. Общ. Ист. и древн. Рос. годъ 3, № 2, стр. 6, сказано, что при князѣ Васильцѣ (род. 1209 † 1238 г), сынѣ ростовскаго князя Константина Всеволодовича, написано на пергаминѣ житіе св. Нифонта, и что эта рукопись находится въ библіотекѣ Троицко-Сергіевской лавры.

(94) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 80.

(95) Кубаревъ, о Патер., стр. 5, 24, 25, 26, 28.

(96) Ватиканскій списокъ славянскаго перевода Манассіи писанъ на *пергаминѣ* 1389 года; а нашъ патріаршій списокъ на лощеной *хлопчатой бумагѣ* 1345 года, и болѣе вѣренъ (о переводѣ Манассіинской Лѣт. на славян. языкъ, стр. 8–10).

(97) Кубаревъ утверждаетъ (о Патер., стр. 38), что *руды* написано во всѣхъ спискахъ Патерика, которые онъ сличалъ съ Кассіановскимъ.

(98) Кубаревъ, о Несторѣ; стр. 392 и 393.

(99) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 65 и 66. Покойный митрополитъ кіевскій Евгеній вѣрилъ, что Несторъ зналъ греческій языкъ и читалъ греческихъ лѣтописцевъ (Словарь Историч. о бывшихъ въ Россіи писат. II, 449); г. Погодинъ тоже (о Несторѣ, стр. 157); но г. профессоръ Ивановъ (Учен. Зап. Казан. Универс. 1843 г. книжки II и III, стр. 214, 232, 234) не соглашается, чтобъ Несторъ могъ обучиться въ Кіевѣ греческому языку, и говоритъ, что по предположенію автора Обороны Несторовой Лѣтописи, Несторъ могъ знать и еврейскій языкъ, потому что въ Кіевѣ находилась еврейская синагога. Въ Оборонѣ нѣтъ и рѣчи о еврейскомъ языкѣ; почему можно думать, что г. Ивановъ только перелистывалъ эту книгу. Тоже должно сказать и на мнѣніе его, якобы въ Оборонѣ отвергаются не одни монастырскія записки, но и всякія другія какія нибудь краткія записки. Г. Ивановъ не сказалъ бы того, еслибъ ближе вникъ въ страницы 201—207, 209, 211 Обороны и понялъ бы при томъ, что самъ Несторъ не странствовалъ по Россіи, не участвовалъ въ воинскихъ походахъ, писалъ только то, что узналъ отъ другихъ словесно или письменно. Оттого онъ въ однихъ случаяхъ плодовитъ, въ другихъ кратокъ, а иное и вовсе не было ему извѣстно, происходившее вдалекѣ отъ Кіева (Оборона, стр. 173, 174).

(100) Извѣстія Визант. Историк., III, 54, 55; Шлёцеръ — въ Несторѣ, III, 407, 408.

(101) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 65, 66.

(102) Тамъ же, 102.

(103) Калайдовичъ — въ Іоаннѣ Екз. Болгар., стр. 102, и Востоковъ — въ Опис. рукоп. Румянц. Муз., стр. 9 и 506.

(104) Чтен. въ Москов. Общ. Ист. и Древн. Рос. 28 февр. 1848, въ Матер., стр. XVI—XIX и стр. 4 и 5.

(105) Чтен. въ Москов. Общ. Ист. и Древн. Рос. 30 ноября 1846 г. въ Смѣси, стр. 75 и 76.

(106) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 12, и въ первомъ столбцѣ, стр. 239 – 246; Чтен. въ Общ. Ист. и Древн. Рос. 30 ноября 1846 г. въ Смѣси, стр. 75. — Въ тѣхъ же славянскихъ переводахъ Амартола, которые открыты въ рукописяхъ: XV вѣка, Костромского Богоявленскаго монастыря и Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, и XVI вѣка Чудовскаго монастыря, а также и въ Супрасльской библіотекѣ, является согласіе съ несторовымъ переводомъ.

Digitized by Google

(107) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 6 и 241.

(108) Тамъ же, стр. 6 и 242, и въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. Рос. 30 ноября 1846 г. въ Смѣси, стр. 81.

(109) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 18 и 245.

(110) Далинъ въ Исторіи Швед. Госуд. I, 839. Греки называли подобныя суда *дромосъ* Въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. Рос. 30 ноября 1846 г., въ Смѣси, стр. 94—97, напечатанъ другой старинный переводъ изъ Феофанова продолжателя, сличенный съ болгарскимъ, гдѣ написано: «Іюня же мѣсяца 18 дня, 14 индикта, приплу Русь на Константинь градъ лодіями тысящъ 10, иже *и скеди* глаголемъ, отъ рода Варяжска сущихъ», т. е. приплыли къ Константинополю руссы, сущіе отъ рода варяжскаго, на 10 тысячахъ ладій, называемыхъ ими также и *скедіями;* но одинъ изъ почтенныхъ писателей нашихъ, написавъ: «иже *же кедиа*, ищетъ въ буквахъ *же* предлога *изъ*, а въ *кеди* имя города *Кіева*, хотя въ греческомъ текстѣ стоитъ тутъ слово *плоіонъ* — корабль.

(111) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 18, 19, и 245; Чтен. въ Общ. Ист. и Древн. Рос. 30 нояб. 1846 г. въ Смѣси, стр. 94 - 96.

(112) Карамз. И. Г. Р. II, пр. 64 и 243; А. Д. Чертковъ — «О переводѣ Манассіинской Лѣтописи», стр. 5 и 152.

(113) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 100 и 107.

(114) Ист. Г. Р. II, пр. 64. Г. Бѣляевъ (въ статьѣ: «О Несторовой Лѣтописи», въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. Рос. 28 дек. 1846 г., стр. 18) говоритъ, что извѣстіе о войнѣ Симеона болгарскаго съ Уграми (902 г.) Несторъ взялъ прямо у болгарскаго переводчика лѣтописи Манассіинской. Правда ли! Болгарскій переводъ Манассіи сдѣланъ не прежде 1345 года, по приказанію болгарскаго царя Іоанна Александра, умершаго около 1350 года. Изъ этого источника черпалъ не Несторъ, а Никоновская Лѣтопись и нѣкоторые хронографы. (А. Д. Чертковъ «О переводѣ Манас. Лѣт.», стр. 11, 28, 35, 145, 154, и А. Х. Востоковъ въ Опис. рукоп. Румянц. Муз., стр. 385); о войнѣ же Симеона съ Уграми писано и въ Амартоловой Хроникѣ (Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 12 и 242), и у Льва Грамматика, и у Зонары (Memor. populorum, II, 579).

(115) Калайдовича — Іоаннъ Екзархъ Болгарскій, стр. 10, 73, 129.

(116) Памятн. Рос. Словесн. XII вѣка, стр. 85 и 131.

(117) Кубаревъ, о Патер., стр. 7 и 8.

(118) Кубаревъ, о Несторѣ, стр. 388 — 392. Въ Историч. словарѣ о писат. духовн. чина II, 445, и у Бѣляева въ статьѣ «О Несторовой Лѣтописи» (Чтен. Москов. Общ. Ист. и Древн. Рос. 28 дек. 1846 г., стр. 10) сказано также, что Несторъ писалъ Лѣтопись въ кіевское княженіе Мономаха.

(119) Имя *Русь* началось въ сѣверной странѣ нашего государства съ 862 года, съ прибытія въ новогородскія области руссовъ Рюрика и его двухъ братьевъ; а въ южной оно сдѣлалось извѣстно грекамъ не съ 852 года, съ котораго Несторъ повелъ свое лѣтосчисленіе, безъ всякихъ, однако, до 859 года, домашнихъ происшествій, но съ 866 года, съ похода на Константинополь руссовъ Аскольда и Дира, изъ Кіева, занятаго ими въ 864 году, и утвердилось тамъ, когда Олегъ въ 882 году, прибылъ изъ Новагорода въ Кіевъ и назвалъ этотъ городъ матерью городовъ русскихъ (Полн. Собр. Лѣт. Рус. I, 8, 9 и 10).

(120) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 8, и Оборона Лѣтоп. Нестор., стр. 171—176.

(121) Въ заглавіи Ипатьевскаго списка написано: «Се же суть имена Князей Кіевскимъ, княжившимъ въ Кіевѣ до избитія Батыева», и поименованы всѣ князья, занимавшіе до того времени кіевскій престолъ (Полн. Собр. Рус. Лѣт. II, V и VI).

(122) Путеш. Рус. людей въ чужія земли I, стр. 17—20.

(123) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 70, 93 и слѣд.

Digitized by Google

(124) Историко-критич. изслѣд. I, 27–34.

(125) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 78. II, 6; Рукописное сказаніе несторово о Борисѣ и Глѣбѣ, въ Описн. рукоп. Румянц. Муз., стр. 202—204 и 688, и Зап. и труды Общ. Ист. и Древн. Рос. II, 148. О времени, когда Несторъ написалъ повѣсть о Борисѣ и Глѣбѣ, и потомъ Житіе ѳеодосіево, нельзя сказать положительно, — вѣроятно, среди занятій своего Временникомъ Русскимъ. Но можно думать, что сочиненіе о Житіи ѳеодосіевомъ составлено въ 1090 году, по упоминанію въ семъ Житіи объ игуменствѣ Никона († 1088 г.) и о кончинѣ Исакія, замѣнившемъ Нестору дичво, погребеннаго преемникомъ Никона игуменомъ Іоанникомъ. Повѣсть же о перенесеніи ѳеодосіевыхъ мощей въ 1091 году сочинена вскорѣ послѣ сего происшествія: ибо Несторъ, сказавъ тутъ о кончинѣ жены Яневой Маріи, не говоритъ ни о смерти самого Яна, послѣдовавшей въ 1106 году, ни о вписаніи имени ѳеодосіева въ Синодикъ, въ 1108 году (Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 82, 85, 120).

Такъ какъ Несторъ включилъ въ повѣсть о Борисѣ и Глѣбѣ и въ житіе ѳеодосіево нѣсколько такихъ русскихъ событій, которыя помѣщены имъ же въ Лѣтописи подъ своими годами: о милосердіи Владиміра I къ больнымъ и нищимъ; о созданіи Владиміромъ въ Кіевѣ церкви св. Василія; объ отпускѣ сыновей своихъ на удѣлы; о злодѣйствахъ Святополка по кончинѣ Владиміра; объ одержанныхъ Ярославомъ I побѣдахъ надъ Святополкомъ, и о вступленіи Ярослава на кіевскій престолъ; о построеніи Ярославомъ I въ Кіевѣ Софійскаго собора (1037) и многихъ другихъ церквей; о наслѣдованіи ему Изяслава (1054); о посылкѣ черниговскимъ княземъ Святославомъ въ Тмуторокань сына своего Глѣба на княженіе по смерти Ростислава (1066 г.); о происшедшемъ смятеніи въ трехъ сыновьяхъ Ярославичахъ (1071 г.), и объ изгнаніи изъ Кіева одного изъ нихъ, т. е. Изяслава; о возвращеніи его въ Кіевъ по смерти Святослава (1076 г.), и о положеніи Изяславомъ души своей за брата Всеволода (1078 г.) въ сраженіи съ племянниками Олегомъ и Давидомъ: то нѣкоторые писатели полагаютъ, что Несторъ, не сочинивши лѣтописи ранѣе повѣсти о Борисѣ и Глѣбѣ и о житіи ѳеодосіевомъ, не могъ знать историческихъ происшествій своей отчизны. Но развѣ они на Руси тогда только стали быть извѣстны, когда уже Несторъ описалъ ихъ въ своемъ Временникѣ? Откуда же Несторъ получалъ свои свѣдѣнія? неужели все извлекалъ изъ книгъ иностранныхъ, какъ казалось покойному барону Розенкампфу? (Обозр. Корич. кн. стр., 204, 247). О средствахъ Нестора къ собранію историческихъ памятниковъ писано въ Оборонѣ его лѣтописи, стр. 172, 173, 195 и 208. Митрополитъ кіевскій Иларіонъ Русинъ (съ 1051 г.), въ похвалѣ Владиміру и Ярославу, прежде Нестора обозначилъ кратко тѣ самые подвиги Святослава, Владиміра и Ярослава, которые Несторъ изложилъ подробно (Памятники духовн. литер. временъ в. к. Ярослава I).

(126) «Исходящю сему лѣту 18», т. е. 6618 (Пол. Собр. Рус. Лѣт. I, 122).

(127) Тамъ же I, 121, 122, 127; II, 1 — 3; III, 122.

(128) Тамъ же I, 117, 118. *Сутень* есть та рѣка, которая зовется теперь *молочныя воды*, теряющаяся въ озерѣ того же имени близъ Азовскаго моря. На турецко-татарскомъ языкѣ, томъ же печенѣжскомъ и половецкомъ, слово *сют* значитъ *молоко*. На венеціянской картѣ XIII вѣка показано у сей рѣки селеніе Sociatti (Ист. Генуэз. поселеній въ Крыму, г. Мурзакевича). Мы давно уже были убѣждены въ томъ, что Печенѣги и Половцы имѣли туркменскій языкъ, а не чудскій, какъ казалось Шафарику (статья: «Нѣчто къ слову о Полку Игоревѣ,» напеч. въ Вѣстн. Европы, ноябрь 1821 г.). Теперь это подтвердилось въ статьѣ нашего М. А. Оболенскаго, напечатанной въ Москвитянинѣ 1850 г. Мартъ, кн I, отд. III, стр. 8. Тамъ 13 словъ половецкихъ суть чисто татарскія, находимыя въ словарѣ Россійско-Татарскомъ Гиганова, напеч. по Высочайшему повелѣнію въ 1804 году.

Digitized by Google

(129) Пол. Собр. Рус. Лѣт. II, 3 и 4.

(130) Бѣляевъ, въ статьѣ о Несторѣ, пишетъ: 1) «Съ 1111 года начинаются большія разногласія въ спискахъ Лаврентьевскомъ, Радзивиловскомъ и Ипатьевскомъ». — Мы разногласія не находимъ, а только сокращеніе въ Лаврентьевскомъ спискѣ того разсказа, который въ Ипатьевскомъ изложенъ съ бо́льшею подробностію о происшествіяхъ 1111, 1112, и 1113 годовъ, какъ относящихся особенно до Кіевскаго и до сопредѣльныхъ княжествъ. 2) «Слова, послѣ описанія несторова о видѣніи огненнаго столпа: *яко же пророкъ Давидъ глаголетъ*, до словъ: *знаменье се бысть мѣсяца февраля въ 11 день, нападшу сему лѣту 18*, чѣмъ кончается въ печатномъ Лаврентьевскомъ спискѣ несторова лѣтопись, явно есть *вставка*, что обличаютъ натяжки въ доказательствахъ, повтореніе сказаннаго прежде, и наконецъ безполезное многословіе, чего не терпѣлъ Несторъ». Такъ, пожалуй, можно назвать безполезнымъ многословіемъ несторовымъ всѣ тѣ набожныя или нравственныя размышленія, которыя онъ вмѣщалъ въ свой Временникъ, при каждомъ удобномъ случаѣ, и которыя читаемъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ на страницахъ 16, 17, 34, 51, 56, 58, 59, 60, 71, 72, 73, 87, 95, 96 и проч. 3) «Въ Ипатьевскомъ спискѣ, подъ 1111 годомъ, повторяется со всѣми подробностями княжескій съѣздъ на Долобскѣ, описанный у Нестора подъ 1103 годомъ; даже самая рѣчь Мономахова одна и таже, только въ Ипатьевскомъ спискѣ подновлена и *безтолково* распространена противъ помѣщенной у Нестора.» Въ 1103 году предметомъ съѣзда на Долобскѣ (озеро на лѣвой сторонѣ Днѣпра противъ Кіева) в. к. Святополка и Мономаха было совѣщаніе о походѣ на половцевъ; собрались у Хортицкаго острова, пошли на Сутень и тамъ, 4 апрѣля, разбили на голову половцевъ (Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 118 и III, 3). Чрезъ 8 лѣтъ потомъ, въ 1111 году, князья опять съѣхались на Долобскѣ для совѣщанія о походѣ на половцевъ, но уже по другому направленію, къ Дону. Диво ли, что при разсужденіи князей о семъ предпріятіи повторено содержаніе рѣчей 1103 года, когда и въ 1111 году одни находили походъ весною для земледѣльцевъ вреднымъ, другіе необходимымъ (Полн. Собр. Рус. Лѣт. II, 1, 3 и III, 4). *Безтолковья* въ рѣчи мономаховой 1111 года ни малѣйшаго не замѣтно. Впрочемъ, должно помнить, что инокъ Несторъ самъ при этихъ совѣщаніяхъ не находился, писалъ только то, что̀ ему сообщено было отъ свидѣтелей или участниковъ похода. (Оборона лѣт. Нестора с. 207, 211 и проч. и 4). «Въ Ипатьевскомъ спискѣ подъ 1113 годомъ, описано знаменіе, бывшее 19 марта, и оно есть повтореніе таковаго же, описаннаго у Нестора подъ 1064 годомъ; Несторъ же не терпѣлъ повтореній подобнаго рода» — Въ 1113 году было *затмѣніе солнца*, а въ 1064 *являлась комета* (Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 71 и II, 3). Это не одно и тоже.

(131) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 13, 20, 23, 31, 34, 50; II, 5. Къ объясненію имени Сварога могло бы, кажется, итти и наше домашнее слово *варъ*: солнечный зной, жаръ, кипятокъ, и происшедшіе отъ *варъ* глаголы *варить*, *свармать*.

(132) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 107; II, 4, 5.

(133) Чтен. въ Москов. Общ. Ист. и Древн. Рос. 30 ноября 1846 года, въ Смѣси, с. 75.

(134) Кубаревъ, о Несторѣ, с. 385 — 387.

(135) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 111, 112.

(136) Въ патер. печ. Житіе Ѳеодора и Василія.

(137) Оборона, с. 174, 209 — 212, 423 и 424. Поученіе Мономаха и посланіе его къ Олегу Святославичу, открытыя только въ одномъ Лаврентьевскомъ лѣтописномъ спискѣ и помѣщенныя въ немъ подъ 1096 годомъ, въ перерывъ несторова сказанія о происхожденіи туркменовъ, печенѣговъ, торковъ и половцевъ, безъ сомнѣнія, не Несторомъ внесены въ лѣтопись; ибо въ поученіи излагаются про-

Digitized by Google

вошествія 1115, 1118 и 1119 годовъ, и нѣкоторыя въ прежнихъ годахъ, такія, которыя Нестору были вовсе неизвѣстны.

Въ статьѣ о Несторовой лѣтописи (Чтен. въ Москов. Общ. Ист. и Древн. Рос. 28 Дек. 1846 г., с. 65), Бѣляевъ пишетъ, на счетъ повѣсти объ ослѣпленіи кн. Василька, что древнѣйшіе переписчики лѣтописи, вмѣсто умнаго разсказа нестора, помѣстили поправившееся имъ *сказаньице* какого-то словоохотливаго Василія, нѣсколько участвовавшаго въ дѣлѣ и знавшаго многія частныя подробности, но рѣшительно не имѣвшаго понятія въ исторіи, и этою вставкою *испортили* Несторову лѣтопись. Не понимаемъ, что̀ привело г. Бѣляева къ такому отважному заключенію о васильевой повѣсти. Г. Погодинъ (въ Москвитян. 1849 г. ноябрь № 22, кн. 2, с. 104) признаетъ ее драгоцѣнною. И дѣйствительно, знали ли бы мы безъ нея все, что̀ случилось за предѣлами Кіевскаго княжества, вслѣдствіе ослѣпленія кн. Василька? Читая у Нестора подъ разказомъ васильевымъ: «Въ лѣто 6607 (1099) изиде Святополкъ на Давида къ Володимеру, и прогна Давида въ ляхи. Въ се же лѣто побѣжены Угры у Перемышля. Въ се же лѣто убѣенъ Мстиславъ сыйъ Святополчь въ Володимерѣ мѣсяца іюня въ 12 день» (Полн. Собр. Рус. лѣт. I, 116; тоже въ Кенигсбергскомъ печатномъ и въ Радзивиловскомъ рукописномъ спискѣ), мы принимаемъ эти несторовы краткія извѣстія, возстановляющія прерванный въ его лѣтописи хронологическій порядокъ, въ видѣ оглавленія къ тѣмъ самымъ событіямъ, которыя Василіемъ описаны подробно, а потому и не убѣждаемся замѣчаніемъ, напечатаннымъ въ подстрочныхъ выноскахъ Полн. Собр. Русск. Лѣтоп.. Т. I, стр. 116. Въ Воскресенской лѣтописи (I, 239, 243), въ Софійскомъ Временникѣ (I, 181) и въ Россійской Лѣтописи по Софійскому списку (с. 146) имя Василія и краткія несторовы повторенія исключены.

У автора статьи: «О Русскихъ Лѣтописяхъ и Лѣтописателяхъ до 1240 года» (Труды Рос. Акад. IV, с. 104 и 106) читаемъ два мнѣнія о Василіи: *въ одномъ* сказано, что этотъ Василій продолжалъ лѣтопись до 1113 года, съ *начала*, поставленнаго въ ней подъ 1074 годомъ, къ концѣ сказанія о сеодосіевой смерти,— что Василій былъ инокъ печерскій и тотъ *азъ*, который въ 1091 году отнесъ гробъ сеодосіевъ, а въ 1096 году бѣжалъ изъ Печерской обители, при вторженіи въ нея половецкихъ половцевъ, во Владиміръ Волынскій, и тамъ, въ 1097 году, употребленъ въ переговоры кн. Давида съ ослѣпленнымъ кн. Васильковъ. *Въ другомъ* написано: Такъ какъ Сильвестръ, игуменъ Михайловскаго Выдубицкаго монастыря, слѣдовавшій прописку на лѣтописи подъ 1110 годомъ, пользовался особеннымъ благоволеніемъ кн. Василька — ибо этотъ князь, 4 ноября 1097 года, за два дня до своего ослѣпленія, приходилъ въ ту обитель помолиться св. Михаилу, и въ ней ужиналъ (Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 110) — то авторъ дѣлаетъ вопросъ: не былъ ли Василій тотъ же Сильвестръ, принявшій это имя при поступленіи въ монахи? На первое предположеніе дамъ удовлетворительный отвѣтъ въ Оборонѣ лѣтописи Несторовой (с. 423 и 424); а на второе позволяемъ себѣ предложить свой вопросъ: какъ могло случиться, что Сильвестръ, бывшій игуменомъ 4 ноября, превратился послѣ того мѣсяца чрезъ три въ Василія бѣльца?

Называя Василія *бѣлецемъ*, мы основываемся на показаніяхъ, изложенныхъ въ Оборонѣ лѣтописи Несторовой (с. 216). Знаемъ, однако, что Карамзинъ (Ист. Г. Р. II, 125 и пр. 184), а за нимъ и другіе писатели наши видѣли въ этомъ Василіи инока или священника, полагая, что въ тѣ времена міряне не занимались лѣтописнымъ дѣломъ; но въ лѣтописи есть слѣды подъ годами 1171, 1224 и 1226 и именно писателей, которые сами участвовали и въ походахъ и въ битвахъ (Полн. Собр. Рус. Лѣт. II, 101, 164, 166).

(1202) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 112 — 116. Такъ полагалъ и Карамзинъ въ И. Г. Р. II, 125 и пр. 184.

Digitized by Google

(139) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 119 — 116.

(140) Востоковъ въ Остромировомъ Евангеліи, и Славянская грам. Пешковскаго, с. 120, 142, 143.

(141) Русская достопамятн. I, 59, 63, 67, 70.

(142) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 102, 105.

(143) Памятн. духовн. литер. временъ Ярослава I, с. 22, 28, 39, 48, 54, и Чтен. въ Москов Общ. Ист. и Древн. Рос. 28 февр. 1848 г. въ матеріал. с. 35—37 и 41. Иларіонъ былъ мужъ *книжень* (Полн. Собр. Рус. лѣт. I, 67); онъ даетъ титло *кагана* Владиміру I и Ярославу I. Карамзинъ (И. Г. Р. I, пр. 248) говоритъ, что кіевскіе жители употребляли это титло для того, что они долгое время были подвластны каганамъ хазарскимъ. Мы имѣемъ иное о томъ мнѣніе. Извѣстіе отъ Константина Багрянороднаго, что императоры византійскіе давали каганамъ хазарскимъ предпочтеніе предъ князьями русскими, посылая грамоты свои къ каганамъ съ печатью въ *три* червонца (trisoldia), а къ князьямъ русскимъ, печенѣжскимъ и аланскимъ (осетинскимъ) съ печатью въ *два* червонца. Иларіонъ могъ знать это и приписалъ единовластителямъ всей земли русской Владиміру и Ярославу титло *кагана*, высшее, по его заключенію, предъ великокняжескимъ. Такъ, впослѣдствіи временъ, наши государи именовались царями и наконецъ императорами, по величію своей державы.

(144). Полн. Собр. Рус. Лѣт. II, 152, 153, 177.

(145) Несторъ употреблялъ слово *жій* въ смыслѣ *младшій*: «Борисъ глаголя *жій* братія моя.... Глѣбъ *жій* въ братьи своей» (Несторово чтеніе о житіи и погубленіи Бориса и Глѣба; рукопись въ библіотекѣ Румянцова Музея подъ № 152).

(146) Палидонія Захарія Копыстенскаго, архимандрита Кіево-Печерскаго (1624—1626 г.) сочинена въ 1621 году и сохраняется въ рукописи въ кіево-печерской лаврѣ; а хронологія кіевскаго митрополита (1647 — 1657 г.) Сильвестра Коссова напечатана въ 1635 году (Опис. Кіево-Соф. Собора с. 61, 71, 180). Авторъ Исторіи Русской Церкви, періодъ первый, с. 206, принимаетъ показаніе Коссова, представляя на то и доказательства; а авторъ Очерка Исторіи Русской Церкви въ періодъ до-татарскій, с. 9, слѣдуетъ Палидонію потому только, что первое упоминаніе о митрополитѣ Георгіи встрѣчается въ лѣтописи не раньше 1 мая 1072 года (Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 78).

(147) Несторово чтеніе о Борисѣ и Глѣбѣ.

(148) Обозрѣніе Кормчей книги, барона Розенкампфа, с. 557, и тамъ же, въ VIII приложеніи, с. 29, 35, и 87; Обозрѣніе Греко-россійскихъ законовъ въ отношеніи къ церкви, статья въ журналѣ Мин. Народ. Просв. 1850 г. Мартъ, с. 182, 186, 189. Кириллъ, митрополитъ кіевскій и всей Россіи (1230 — 1280), въ 1274 году, предписывалъ: «да будетъ, хотяй ставитися во діакона, не менѣе 25 лѣтъ, а въ презвитеры не менѣе 30 лѣтъ» (Рус. достопамятн. I, 104 и 105).

(149) Житіе Ѳеодосіево въ Румянц. Патер.

(150) Несторово чтеніе о Борисѣ и Глѣбѣ.

(151) Авторъ Исторіи Русской Церкви, періодъ первый, с. 64, на слова: «пріятъ мя Ѳеодосій, — пріятъ мя Стефанъ», даетъ слѣдующее правильное объясненіе: въ житіи Ѳеодосія Несторъ говоритъ собственно о своемъ постриженіи и посвященіи въ санъ діакона при Стефанѣ, а въ лѣтописи—о принятіи его, Нестора, Ѳеодосіемъ въ послушники. Авторъ статьи «О Русскихъ лѣтописяхъ и лѣтописателяхъ по 1240 годъ» пишетъ (Труды Рос. Акад. IV, 101), что о посвященіи Нестора въ діаконы говорится будто бы только въ печатномъ патерикѣ.

Сказавъ, что Стефанъ перешелъ въ Клювскій монастырь въ 1078 году, мы означили этотъ годъ потому, что тогда избранъ въ игумены печерскіе на мѣсто Стефана Никонъ, и потому, что церковь печерская, каменная, основанная Ѳеодо-

Digitized by Google

сіемъ лѣтомъ 1073 года, начатая постройкою игуменомъ Стефаномъ въ 1075, окончена имъ же на *третье лѣто*, 11 числа іюля (Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 78 и 85.

(152) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 71. Тутъ же, на стр. XIX, это извѣстіе причтено ко вставкамъ, какъ непринадлежащее Нестору. Но почему же оно находится во всѣхъ лучшихъ лѣтописныхъ спискахъ? Несторъ, упомянувъ о разныхъ необычайныхъ явленіяхъ въ природѣ, предвѣщавшихъ кровопролитіе, припомнилъ и объ уродѣ, видѣнномъ имъ въ дѣтствѣ своемъ, какъ предсказаніемъ не къ добру (Обор. Лѣт. Нестор., с. 168, 241, 242).

Мнѣнію г. Казанскаго, что Несторъ могъ находиться при Ѳеодосіи еще въ 1064 году, т. е. въ своемъ дѣтствѣ, перечитъ уставъ Іосифа Волоколамскаго, въ которомъ сказано, съ указаніемъ на *Типикъ св. Ѳеодора Студійскаго*: «Не подобаетъ въ монастыри, ниже на дворцахъ монастырскихъ, жити отрочатомъ юнымъ» (Описс. рукоп. Румянц. Муз. с. 154, 155, 174, и Чтен. въ Москов. Общ. Ист. и Древ. Рос. 28 февр. 1847 г. въ Смѣси, с. 6).

(153) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 254, 265 — 267.

(154) Тамъ же, с. 91.

(155) Печат. патер. л. 36 и 42; Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 267; Кубаревъ о Несторѣ, с. 428 и 429, и о Патер. с. 37 и 38.

(156) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 69.

(157) Тамъ же I, 68.

(158) Кубаревъ полагаетъ (о Несторѣ, с. 428), что Несторъ не былъ самовидцемъ ѳеодосіевой кончины, иначе говорилъ бы: «мы видѣли, мы плавали, мы присѣдяху и проч.» Но надлежало бы прежде доказать, что Ѳеодосія, приближающагося къ послѣднимъ минутамъ жизни, окружали не одни братія иноки, имѣвшіе голосъ на избраніе игумена (Обозр. Корм. кн., барона Розенкампфа, въ прилож. VIII, стр. 87), но и всѣ послушники, всѣ новики, находившіеся тогда на искусѣ въ Печерскомъ монастырѣ. Должно помнить, что Несторъ постригомъ и сподоблемъ монашеской одежды уже при игуменѣ Стефанѣ.

(159) Рукоп. Румянц. патер.

(160) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 48 и 134.

(161) Сравните, для примѣра, напечатанное въ Оборонѣ лѣтописи Несторовой (стр. 188) сказаніе несторово о началѣ Печерскаго монастыря, пространное, находящееся въ древнихъ рукописныхъ патерикахъ, и сокращенное въ лѣтописи, — вы убѣдитесь, что то и другое принадлежитъ одному сочинителю.

(162) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 63, 254 и 255.

(163) Тамъ же, стр. 68, и житіе Ѳеодосія въ древнихъ рукописс. патер. и въ печат., л. 35.

(164) Патер. печат., л. 36, и рукописи. — Г. Иванову казалось, что наши монахи не выходили изъ монастыря (Учен. Зап. Казан. Универс. 1843 г., книжки II и III, стр. 211). Вѣроятно, онъ не читалъ ни житія ѳеодосіева, ни несторовой же повѣсти о Борисѣ и Глѣбѣ. Другіе представляли себѣ, что Несторъ писалъ погребенный заживо въ глубокой пещерѣ; а онъ и вступилъ въ Печерскій монастырь, устроенный уже на открытомъ мѣстѣ (Обор. Лѣтоп. Нестор., стр. 205 и 434).

(165) Патерики рукописные и печатные, л. 37.

(166) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 79, 89, 120.

(167) Бѣляевъ (о Несторѣ, стр. 46) написалъ, что въ числѣ событій ярославова княженія Несторъ упоминаетъ, будто бы, о построеніи Кіево-Печерскаго монастыря. Ярославъ, въ 1037 году, заложилъ церковь св. Софіи, а не Успенскую Печерскаго монастыря, котораго тогда еще и не существовало.

(168) Самоповѣсъ Кіев., стр. 91; Патер. печ., л. 5.

(169) Патер. печ., л. 5.

Digitized by Google

(170) Опис. Кіево-Соф. Собора, стр. 71.

(171) Въ Русскомъ Времен., сирѣчь лѣтописцѣ, I, 61, сказано, что Ѳеодосій былъ игуменомъ Печерскимъ уже въ 1057 году.

(172) Опис. Кіево-Печ. Лавры, стр. 122; Архангелогород. Лѣт. печат. 1781 г. стр. 48.

(173) Въ Никон. Лѣт. I, 142, вмѣсто «Варламу же шедшу въ Дмитріевъ Монастырь, написано: «Варламу же шедшу къ старцу Антонію».

(174) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 89, и II, 126; Памятн. Рос. Словесн. XII вѣка, стр. 252; Послѣсловіе къ рукописному Кассіановскому патерику; Опис. Кіево-Печ. Лавры, стр. 169 и 249.

(175) Патер. печ. л. 98.

(176) Тамъ же, л. 37—38, и рукопис. Румянц. патер.

(177) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 69.

(178) Покойный Профессоръ Р. Ѳ. Тимковскій къ глаголу *описали* прибавилъ мѣстоимѣніе *сами* (Труды Общ. Ист. и Древн. Рос. I, 71, 72). Если это было такъ, то мы вправѣ думать, что Ѳеодосій зналъ греческій языкъ. Другіе говорятъ, что и на русскій языкъ перевелъ Студійскій уставъ тотъ же инокъ Михаилъ (Изслѣд., замѣч. и лекціи о Рус. Ист. I, 101 и 157).

(179) Обозрѣн. Корич. книги, стр. 125; Ист. Рус. церкви періодъ I, стр. 251 254; Начерт. Церковн. Истор. II, 100; Обор. Лѣт. Нестор., стр. 402 и 403. Монахъ Стефанъ, новгородецъ, совершившій путешествіе въ Царьградъ около 1350 года, посѣтилъ тамъ Ѳеодоровъ Студійскій монастырь и говоритъ, что изъ сего монастыря посылали въ Русь много книгъ, уставъ, тріодь и иныя книги, и что онъ встрѣтилъ тамъ новгородцевъ Ивана и Добрилу, которые живутъ въ Царьградѣ и списываютъ въ Студійскомъ монастырѣ книги св. писанія: «зане бо искусни зѣло книжному списанію» (Путеш. Рус. людей въ чужія земли II, 23—26). Изъ сего-то монастыря былъ и помянутый инокъ Михаилъ, а не изъ Іерусалимскаго св. Саввы, какъ сказано въ описаніи Кіево-Печер. Лавры, стр. 9, на перекоръ извѣстію, напечатанному въ предъувѣдомленіи къ печатному Кіевскому патерику. Ѳеодоръ Студійскій, написавшій правила для монастырской жизни, жилъ въ концѣ VIII и въ началѣ IX вѣка (Обозр. Корич. кн., стр. 97).

(180) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 80.

(181) Тамъ же, стр. 69.

(182) Временникъ Моск. Общ. Ист. и Древн. Рос. 1849 г. кн. 3, въ Смѣсн, стр. 4.

(183) Патер. печ., л. 91, 160, 172, 174; Опис. Кіево-Печ. Лавры, стр. 111, 317, 319, 320, 322.

(184) Въ томъ же Описаніи стр. 110, 314 и 321.

(185) Ист. Гос. Росс., II, пр. 138.

(186) Памятн. Рос. словесн. XII вѣка, стр. 249—257, и Патер. печ., л. 193.

(187) Полн. Собр. Русск. Лѣт., I, стр. 89, 90, 120, 127.

(188) Напечатанъ въ Полн. Собр. Русск. Лѣт., III, 179. Есть еще въ рукописи «книга, глагол*емая* Лѣтописецъ Новгородскій вкратцѣ церквамъ Божіимъ, которая церковь въ чье имя строена, и при которомъ Епископѣ, или Архіепископѣ, или Митрополитѣ». (Опис. Рукоп. Румянц. Муз., № 250, стр. 353).

(189) Сличите листы печатнаго патерика 74, 80, 86, 115, 132, 133, 137, 144, 160 съ Полн. Собр. Русск. Лѣт., I, 57—62, 64, 72—74, 78, 81, 85, 86, 89, 94, 109, 112, 115.

(190) Опис. Кіево Печ. Лавры, стр. 106, 317 и 319.

Ш. Ш.

Digitized by Google

IV.

ОДИНЪ ИЗЪ ТРИНАДЦАТИ * (MADAME JULES).

РОМАНЪ БАЛЬЗАКА.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

На послѣдней парижской выставкѣ, толпы народа останавливались передъ одною картиною едва извѣстнаго художника, — картиною страннаго содержанія, или, лучше сказать, безъ всякаго содержанія. На ней изображена была внутренность щегольской, обширной комнаты съ мягкою мебелью, картинами на стѣнахъ, статуями, граціозно выглядывающими изъ широколиственной зелени, вазами, разставленными на окнахъ, и блестящими бездѣлками, пестрѣющими по столамъ. Двѣ или три микроскопическія женскія фигурки сидѣли гдѣ-то въ уголку; но на нихъ никто не обращалъ вниманія. Картина была исполнена тщательно и добросовѣстно, но безъ особеннаго проявленія таланта.

А между тѣмъ зрители, постоявъ нѣсколько секундъ передъ картиною Верне или статуею Клезингера, этихъ двухъ знаменитыхъ ху-

---

(*) Подъ этимъ заглавіемъ названный нами романъ былъ переведенъ на русскій языкъ, около 1833 года, въ журналѣ «Телескопъ». Мы сохранили его потому, что слова *Madame Jules* не могутъ быть удобно переведены на нашъ языкъ. Обычай французовъ придавать женамъ имена ихъ мужей и говорить, напримѣръ, *M-me Victor Hugo*, *M-me Emile de Girardin*, объясняетъ заглавіе оригинала; назвать же романъ по русски: *Госпожа Жюль*, или *Госпожа Жюль Демаре*, было бы не совсѣмъ благозвучно.

Digitized by Google

должниковъ, снова обращались къ картинѣ, изображающей роскошную комнату, и, сами не зная отчего, застаивались передъ нею несравненно долѣе, нежели передъ созданіями Шеффера, Делакруа или Калама. Французская школа живописи отличается умѣніемъ выбирать сюжеты эффектные и современные. Въ чемъ же заключался эффектъ этой комнаты, уставленной предметами искусства и такъ вѣрно переданной живописцемъ? При всей незатѣйливости сюжета, картина была до чрезвычайности современна. Кто изъ насъ, людей XIX столѣтія, — людей, привязанныхъ къ роскоши и комфорту, не понимаетъ важности домашней обстановки на жизнь человѣка? Кто изъ насъ не создаетъ себѣ идеальной жизни въ тишинѣ милаго семейства, посреди предметовъ искусства и роскоши? Кто изъ насъ не чувствуетъ эгоистической, неопредѣленной, но весьма замѣтной отрады при видѣ великолѣпной комнаты? Кто изъ насъ не передѣлывалъ по десяти разъ собственнаго своего кабинета и не говорилъ: еслибъ я былъ чрезвычайно богатъ, мой домъ сдѣлался бы пріютомъ искусствъ и удобствъ жизни? Никогда еще дилетантизмъ внѣшней обстановки не былъ такъ великъ, какъ въ наше время, — и въ этомъ направленіи, какъ во всемъ на свѣтѣ, есть своя дурная и своя полезная сторона.

Есть люди, которые, при взглядѣ на изящную обстановку домашней жизни какого бы то ни было человѣка, чувствуютъ одну зависть, возбуждаемую страстію къ роскоши. Изъ людей подобнаго рода могутъ сформироваться современемъ ящоголи, вивёры, но изъ нихъ никогда не выйдетъ умнаго человѣка, они никогда не перейдутъ отъ пониманія микроскопическихъ фактовъ къ общимъ идеямъ, для нихъ важность изящества внѣшняго на внутренній міръ человѣка вѣчно останется неразгаданною вещью. Видъ прекрасной гостиной и тусклоосвѣщенной спальни, убранной съ изящною, щекотливою простотою, не пробудитъ въ такихъ людяхъ мысли о тихомъ семейномъ счастіи, о любимой особѣ, которая должна жить въ этихъ комнатахъ; для нихъ кабинетъ богатаго человѣка не послужитъ, такъ сказать, программою къ пониманію самого хозяина и его жизни. Съ другой стороны, люди, имѣющіе всѣ средства на то, чтобъ устроить внѣшнюю обстановку своей домашней дѣятельности согласно своему эстетическому вкусу, не умѣютъ взяться за дѣло и, пренебрегая мелочами жизни, потомъ горько платятся за свое неумѣнье обращаться съ мелочами. Въ образѣ жизни умнаго человѣка не должно быть ничего ничтожнаго, ничего необдуманнаго. Невниманіе къ этой простой истинѣ никогда не обходится даромъ.

Digitized by Google

Роскошь и утонченный комфортъ съ каждымъ днемъ усиливаются въ образованномъ обществѣ; но потребность въ нихъ еще не уяснена достаточно, не вполнѣ понята. Умный человѣкъ любитъ внимательно смотрѣть на комнаты богача, но никогда не остается ими доволенъ. Мы видѣли пышныя картинныя галлереи, наполненныя жалкими копіями; мы видѣли комнаты, на убранство которыхъ потрачены десятки тысячъ и гдѣ красуется одна столярная работа, но въ которыхъ нѣтъ ни одной вполнѣ изящной вещицы. Мы видѣли душныя спальни, помѣщенныя въ самомъ жалкомъ уголку великолѣпнаго локаля, видѣли дѣтскія комнаты, въ которыхъ англійскій конторщикъ не позволилъ бы дѣтямъ своимъ переночевать одной ночи. Всѣ эти недостатки богатыхъ помѣщеній мы очень хорошо замѣтили, хотя, можетъ быть, сами и не въ силахъ придумать что нибудь лучшее. Восходя отъ мелочей къ вещамъ болѣе важнымъ, мы убѣдились, что неровность, неловкость внѣшней обстановки переходитъ на домашнюю жизнь обитателей тѣхъ комнатъ, о которыхъ сейчасъ говорено было... Но объ этомъ предметѣ никогда не наговоришься вдоволь, и потому мы снова перейдемъ къ картинѣ, привлекавшей такую толпу на послѣдней парижской выставкѣ. Успѣхъ ея мнѣ совершенно понятенъ. Я назвалъ бы это произведеніе умной кисти однимъ изъ романовъ Бальзака, только безъ дѣйствующихъ лицъ.

Есть произведенія словесности, какъ нельзя болѣе подходящія къ тому роду, который въ живописи называется *genre d'intérieur*. Такія произведенія были всегда въ ходу и пользовались успѣхомъ; но съ тѣхъ поръ, какъ семейная жизнь начала играть все бо́льшую и бо́льшую роль въ образованномъ обществѣ, ихъ число должно было увеличиться, а успѣхъ сдѣлаться болѣе лестнымъ. Что́ бы ни говорили защитники стариннаго фамилизма, ни въ одномъ столѣтіи домашняя жизнь не принимала такихъ разумныхъ, изящныхъ размѣровъ, какъ въ наше время. Нравы не испортились, хотя мы отдалились отъ того времени, когда мужья запирали своихъ женъ; волокитства временъ регентства невозможны во Франціи, а британецъ съ ужасомъ читаетъ сочиненія, писанныя во времена Карла Втораго. Но не въ томъ дѣло. Еслибъ природные инстинкты человѣка и не были чисты въ наше время, но мы обогатились разсудительностью, уваженіемъ къ общему мнѣнію, пониманіемъ той важности, которая заключается въ домашнемъ счастіи человѣка. Мы уже не бросаемъ на вѣтеръ счастія, разъ доставшагося намъ на долю. Мы знаемъ, что тишина въ семействѣ есть тоже, что́ воздухъ для живого существа; мы знаемъ, что привязанность любимой женщины есть вѣрный щитъ отъ всякаго горя. Мы удаляемся отъ житейскихъ бѣдъ въ свой домъ какъ

Digitized by Google

въ неприступную крѣпость; и думаемъ о томъ, какъ бы еще болѣе укрѣпить эту дорогую цитадель снаружи, какъ бы изукрасить ее внутри. Съ этой точки зрѣнія на домашнюю жизнь не смотрѣли еще тѣ люди, которые, въ старые года, славились своими семейными добродѣтелями; подобныхъ мыслей не держали въ головѣ ни чистоплотные голландцы, ни суровые методисты, деспоты въ своемъ домѣ, холодные ко всему, что касалось до женщины, перваго украшенія домашней жизни. Все это, можетъ быть, не совсѣмъ лестно для любителей старины, но мы не имѣемъ ни малѣйшей наклонности потакать страннымъ антипатіямъ.

Произведенія словесности, основанныя на описаніи мелочей и безконечныхъ перипетій частной, домашней жизни, составляютъ едва ли не самый трудный родъ, — по крайней мѣрѣ мы такъ думаемъ, — потому что ни на одномъ литературномъ пути не встрѣчается такой опасности быть осмѣяннымъ, или непонятымъ, или недочитаннымъ. Скажемъ болѣе: въ исполненіи бельлетристическихъ произведеній такого рода не можетъ быть той средины, которая такъ удобна для людей съ малымъ дарованіемъ и неустановившимся образомъ мыслей; посредственныя произведенія во всѣхъ родахъ еще могутъ выкупаться отдѣлкою, слогомъ, занимательностью, тѣмъ, наконецъ, что были написаны по случаю; зд̀ѣсь же, напротивъ того, нѣтъ и не можетъ быть средины между приторностью Августа Лафонтена и высокимъ значеніемъ бальзаковыхъ твореній. Романы рыцарскіе, сантиментальные, фантастическіе, юмористическіе и сказочные, несмотря на всѣ свои недостатки, всегда сохранятъ нѣкоторое значеніе въ словесности, тогда какъ водянистыя, утомительныя творенія Коцебу или Фридерики Бремеръ, — творенія, въ которыхъ описывается на двадцати страницахъ рѣзаніе бутербродовъ и вязанье чулокъ, таковы, что за нихъ приниматься приторно.

Въ строгомъ смыслѣ слова, семейный романъ могъ только удасться во Франціи, въ XIX столѣтіи, какъ можно ближе къ нашему времени, и мы сейчасъ покажемъ, почему именно. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ чистотѣ нравовъ, въ обиліи семейныхъ добродѣтелей французское общество весьма уступаетъ образованному классу многихъ другихъ земель, какъ, напримѣръ, Англіи, Швеціи, сѣверной Германіи; но, во первыхъ, это самое обстоятельство позволяетъ вымыслу романиста создавать запутанную интригу, не пренебрегая правдоподобіемъ; а во вторыхъ, оно отчасти выкупается тѣмъ блескомъ наружныхъ формъ, которое видится въ частной жизни французовъ, особенно парижанъ. Иностранецъ, попавши во французскій семейный кругъ, не поражается ни одною угловатостью, какъ и читатель,

Digitized by Google

принявшись за умный романъ изъ той же жизни. Въ Англіи совсѣмъ другое: мало того, что доступъ въ британское семейство сопряженъ съ трудностями и признаками великаго недовѣрія къ чужому человѣку, самая домашняя жизнь англичанъ полна странностей, нетерпимости, а что всего хуже — смѣшныхъ обычаевъ, доходящихъ до каррикатурности. Съ Германіей еще хуже: кто изъ насъ не подсмѣивался надъ добродушными нѣмками, изощрившимися въ мельчайшихъ подробностяхъ хозяйства и вяжущихъ въ театрѣ чулки, для того, чтобъ время не было напрасно потеряно? Эти черты національнаго характера переходятъ въ самые высшіе слои общества, — конечно, въ болѣе измѣненномъ, но все-таки довольно забавномъ видѣ. Чтобъ пояснить вліяніе всѣхъ этихъ особенностей на литературу, возьмемъ три романа, почти однородные по своей обстановкѣ: «Клариссу Гарловъ» Ричардсона, «Оттилію» (*Wahlverwandschaft*) Гёте и хоть «Одинъ изъ Тринадцати» Бальзака. Въ превосходныхъ созданіяхъ британскаго и нѣмецкаго романистовъ мы увидимъ кучу особенностей, которыя или будутъ непонятны читателю, или, что еще хуже, возбудятъ въ немъ насмѣшку вмѣсто сочувствія. Патріархальное семейство Гарловъ покажется намъ по временамъ неестественнымъ; а между тѣмъ оно списано съ натуры, оно проникнуто англійскими семейными понятіями. Герои Гёте утомятъ насъ своею сантиментальностью, во всѣхъ ихъ поступкахъ мы найдемъ столько уморительныхъ отпечатковъ ихъ домашняго круга, что одно только великое имя автора удержитъ на губахъ нашихъ невольную улыбку. Въ романѣ Бальзака, напротивъ того, намъ будетъ все понятно, доступно; драматическій интересъ его не затемненъ никакими эксцентрическими мелочами, и причина тому весьма понятна: кругъ, описываемый французскимъ романистомъ, обилуетъ терпимостью, лоскомъ маперъ; въ немъ нѣтъ забавной угловатости; въ немъ на просторѣ выказывается индивидуальность его геросвъ, — индивидуальность, не стѣсненная домашними предразсудками. Самыя несообразности интриги, придуманной романистомъ, какъ-то отстаютъ сами отъ произведенія; ихъ можно позабыть, не теряя главной нити, и передъ читателемъ все-таки останется картина полная, строгая и отчетливая.

Начатый нами трудъ пріобрѣтаетъ въ настоящее время особенное значеніе: послѣдніе листки парижскихъ газетъ принесли намъ грустное извѣстіе о кончинѣ одного изъ замѣчательнѣйшихъ писателей нашего столѣтія. Оноре де-Бальзакъ, знаменитый авторъ «Евгеніи Гранде», «Старика Горіо» и «Физіологіи брака», скончался въ Парижѣ, въ ночь на $\frac{7}{19}$ августа; французская словесность лишилась въ немъ одного изъ лучшихъ своихъ дѣятелей, европейскія женщи-

Digitized by Google

ны потеряли въ немъ своего любимаго автора. Онъ умеръ, оставивъ неоконченными много твореній, по всей вѣроятности прекраснѣйшихъ, потому что талантъ этого человѣка не могъ ослабѣть. Бальзакъ принадлежалъ къ небольшому числу людей, которые, такъ сказать, застраховали свое дарованіе упорнымъ трудомъ, многостороннимъ опытомъ и сосредоточеннымъ мышленіемъ. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ утратилъ почти всю эфемерную славу, которая его преслѣдовала такъ недавно; но въ замѣнъ ея онъ пріобрѣлъ себѣ блестящее мнѣніе всѣхъ истинныхъ дилетантовъ, всѣхъ людей, жаждущихъ познанія человѣка. Романы Бальзака забылись точно также, какъ романы Вальтеръ-Скотта, то есть изъ разряда всѣми хвалимыхъ новостей перешли въ отдѣлъ произведеній классическихъ, дѣлающихъ честь новой словесности.

Жизнь Бальзака не интересна, если на нее смотрѣть съ точки зрѣнія фактической занимательности; но, какъ карьера богато надѣленнаго природою человѣка, тяжкими усиліями пробившаго себѣ дорогу и завоевавшаго блестящую славу, она представляетъ много пищи для ума и поучительныхъ событій. Вся жизнь этого необыкновеннаго писателя была громаднымъ трудомъ, борьбою между сознаніемъ своей силы и трудностями ея проявленія, борьбою за славу, борьбою за богатство, борьбою за значеніе въ обществѣ. Съ достовѣрностью можно сказать, что сотни даровитѣйшихъ людей изнемогли бы, не совершивъ половины того, что было сдѣлано Бальзакомъ для себя и для славы; а потому мы думаемъ, что въ наше время не одинъ человѣкъ, готовящій себя къ литературной дѣятельности, прочтетъ біографію Бальзака и надъ ней призадумается.

Оноре де-Бальзакъ происходилъ отъ древней фамиліи, которая произвела на свѣтъ извѣстнаго Бальзака д'Антрага, бывшаго въ XVII столѣтіи однимъ изъ любимѣйшихъ французскихъ писателей. Отецъ нашего романиста при Людовикѣ XV занималъ мѣсто секретаря въ Большомъ Совѣтѣ и лишился своего мѣста во время революціи, но не эмигрировалъ. Оноре родился въ 1799 году, а двѣнадцати лѣтъ помѣщенъ былъ въ Вандомское училище. Метода образованія юношества во французскихъ коллегіяхъ довольно извѣстна. Несмотря на многіе недостатки, она имѣетъ ту выгоду, что знакомитъ молодыхъ людей съ древними языками и древнею словесностью въ то время, когда еще память свѣжа и молодое сердце быстро воспринимаетъ въ себя обаятельную прелесть греческой и римской поэзіи. Оттого-то большинство воспитанниковъ воображаетъ себя поэтами и готовится на литературное поприще, позволяя себѣ одну изъ иллюзій, за которою слѣдуетъ самое горькое изъ разочарованій. Какъ и товарищи его, Бальзакъ занимался сочиненіемъ

Digitized by Google

стиховъ, неномѣрно предавался чтенію; но, вѣроятно, практическій складъ его ума легко устоялъ бы противъ стремленій къ литературѣ, еслибъ судьба не свела его съ однимъ чрезвычайно замѣчательнымъ юношей.

То былъ мальчикъ немного постарѣе будущаго романиста, но обладавшій необыкновенными способностями къ философическимъ наукамъ. Бальзакъ въ своемъ *Louis Lambert* подробно описываетъ изумительныя дарованія перваго друга своего дѣтства, и описываетъ его красками, въ которыхъ замѣтно нѣкоторое преувеличеніе. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что молодой другъ Бальзака еще въ дѣтскомъ возрастѣ читалъ книги, по содержанію своему доступныя рѣдкимъ людямъ совершеннаго возраста, занимался метафизикою и всѣми отраслями отвлеченныхъ наукъ, и, не довольствуясь свѣдѣніями, почерпаемыми изъ книгъ, самъ пускался въ величайшія философскія тонкости, строилъ теоріи и излагалъ ихъ восторженнымъ блестящимъ языкомъ. Несмотря на значительный оттѣнокъ мистицизма, заронившійся въ его голову и весьма понятный при отсутствіи наставника и горячемъ стремленіи разрѣшать вещи неразрѣшимыя, — все обѣщало въ этомъ юношѣ великаго ученаго и мыслителя. Свидѣтельства людей, знавшихъ Ламбера, несомнѣнно доказываютъ, что изъ маленькаго философа быстро формировался одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ мыслителей; но всѣ эти надежды разрушены были смертью молодого человѣка. Организмъ его не выдержалъ усиленныхъ занятій и нѣкоторыхъ огорченій практической жизни. Общество потеряло въ Ламберѣ, можетъ быть, одну изъ великихъ ученыхъ знаменитостей; Бальзакъ лишился въ немъ истиннаго друга, въ разговорахъ съ которымъ проводилъ дни и часто ночи. Связь съ Ламберомъ принесла нашему романисту огромную пользу: разнообразныя свѣденія и тяжелая мыслительная работа, причинившія смерть одному изъ друзей, были для другого краеугольнымъ камнемъ извѣстности, служа, такъ сказать, благотворною гимнастикою для его пытливаго, глубокаго, но практическаго ума. Такимъ образомъ, при вступленіи въ свѣтъ, Оноре де-Бальзакъ былъ уже богатъ многосторонниимъ образованіемъ, чрезвычайною начитанностію, охотою къ труду, а главное — чрезвычайною способностью къ плодотворному и глубокому мышленію.

Правда, только этими богатствами и ограничивалось состояніе Бальзака; денежными средствами онъ былъ крайне бѣденъ, а по своему ученому званію баккалавра не могъ претендовать на значительную должность, да и не имѣлъ протекціи, необходимой для возвышенія. Сильною и слабою стороною нашего писателя была чрезвычайная положительность во взглядѣ на жизнь; потому-то съ пер-

Digitized by Google

выхъ лѣтъ молодости Бальзака не прельстили ни блескъ свѣта (куда ему доступъ былъ довольно легокъ, по его родству съ высшимъ кругомъ Парижа), ни ученая дѣятельность, къ которой онъ былъ весьма способенъ, ни изученіе права, требовавшее огромнаго труда и обѣщавшее медленное и скудное вознагражденіе. Бальзакъ былъ эпикурейцомъ, но эпикурейцомъ дѣятельнымъ; онъ желалъ богатства, но не для денегъ, а для удобствъ жизни и труда. Бальзакъ самъ признается, что съ дѣтскихъ лѣтъ его идеаломъ были не геройскіе подвиги, не громкая слава, не сантиментальныя наслажденія: онъ всегда мечталъ о роскошномъ отелѣ, наполненномъ произведеніями искусствъ, о кружкѣ умныхъ друзей и аристократическихъ женщинъ, о живой и утонченной жизни, богатой спокойствіемъ и полезною дѣятельностью. Это всегдашнее стремленіе къ матеріяльнымъ и *прозаическимъ* благамъ жизни не придало ли твореніямъ Бальзака такого колорита своевременности, не сдѣлало ли его однимъ изъ самыхъ интимныхъ писателей XIX столѣтія?

Въ то время (около 1820 года) французская литература, по причинѣ сильнаго распространенія французскихъ книгъ по всей читающей Европѣ, уже награждала парижскихъ литераторовъ въ довольно значительной степени. Получивъ успѣхъ на этомъ поприщѣ, легко было разбогатѣть въ скоромъ времени, получить вѣсъ и значеніе въ салонахъ Парижа. Правда, подобно азартной игрѣ, литературная дѣятельность того времени на одного счастливца представляла сотни печальныхъ случаевъ; но Бальзакъ сознавалъ въ себѣ довольно силъ на то, чтобъ сдѣлаться однимъ изъ счастливцевъ въ этой опасной игрѣ. Сообразивъ положеніе словесности, онъ не могъ не сознать внутренно своего превосходства надъ корифеями тогдашней бельлетристики: надъ водянистымъ моралистомъ Жуи, надъ цвѣтистымъ и патетическимъ д'Арленкуромъ и другими, еще менѣе ихъ талантливыми людьми. Никто изъ нихъ не имѣлъ его начитанности, его умѣнья владѣть языкомъ, а главное — той несокрушимой, упорной потребности пробиться впередъ, которая у молодого Бальзака почти доходила до маніи.

Онъ принялся за работу, не съ плеча, но съ осмотрительностью и тщаніемъ. Чтобъ хотя сколько нибудь обезпечить себя на первое время, Бальзакъ сдѣлался компаньономъ разныхъ книгопродавцевъ и типографщиковъ, изучая механическую часть изданій, улучшая нѣкоторыя типографскія изобрѣтенія и продолжая читать безпрестанно. Онъ не забрасывалъ своихъ знакомствъ въ свѣтѣ, напротивъ того, дорожилъ ими, глядя на людей и на свѣтъ какъ на книгу, изъ которой въ часъ можно почерпнуть болѣе свѣдѣній, нежели просидѣвъ полгода въ иной библіотекѣ. Онъ изучалъ стиль и манеру луч-

Digitized by Google

ныхъ прозаиковъ Франціи, и изучалъ ихъ съ рвеніемъ живописца, копирующаго картину великаго мастера; какъ на доказательства этого упорнаго изученія, можно указать на одно изъ послѣдующихъ произведеній нашего романиста, въ которомъ онъ съ стереотипною вѣрностью копируетъ слогъ Рабле, самаго неподражаемаго изъ старыхъ французскихъ писателей.

Между 1821 — 1828 годомъ изданы имъ были, подъ разными псевдонимами и подъ собственнымъ именемъ, до сорока томовъ разныхъ бельлетристическихъ произведеній, по большой части романовъ. Мы недавно читали въ какомъ-то изданіи, что ни одинъ изъ этихъ романовъ не имѣлъ успѣха; смѣемъ сказать, что такое мнѣніе совершенно несправедливо. Успѣха огромнаго, блестящаго, успѣха подобнаго тому, которымъ сопровождались появленія «Евгеніи Гранде,» «Сценъ частной жизни» и «Старика Горіо», безспорно, не имѣли первые романы Бальзака; тѣмъ не менѣе многіе изъ нихъ, какъ напр. «*Clotilde de Lusignan*, *Jeanne la Pale*», читались съ удовольствіемъ и расходились въ большомъ количествѣ экземпляровъ. Многія изъ первыхъ произведеній нашего романиста помѣщены въ полномъ изданіи бальзаковыхъ сочиненій и подъ его именемъ; другія же не удостоились новаго изданія, и библіографы съ трудомъ могутъ ихъ отыскать въ старыхъ каталогахъ, подъ именемъ романовъ *Гораса де Сентъ-Обена* и *Лорда Рухна* (*R'hoone*). Въ забытыхъ книгахъ, подписанныхъ вышеназванными псевдонимами, можно видѣть, съ какимъ трудомъ, какъ медленно вырабатывался талантъ одного изъ первыхъ современныхъ намъ литераторовъ, и изъ какихъ разнообразныхъ источниковъ черпалъ Бальзакъ свои вдохновенія. Онъ подражалъ Вальтеръ-Скотту и Стерну, Рабле и Жанъ-Полю, Матюрину и Гофману, украшая каждое подражаніе блестящимъ присутствіемъ своей собственной наблюдательности. Не овладѣвъ совершенно своимъ дарованіемъ, не ознакомившись съ потребностями публики, Бальзакъ неутомимо бросается во всѣ стороны, ищетъ удачи на всѣхъ путяхъ, судитъ свои собственныя способности съ тактомъ великаго критика, дѣлаетъ уступки фальшивому вкусу публики и тотчасъ же выкупаетъ ихъ превосходными страницами, въ которыхъ рѣдкій умъ и совершенное познаніе человѣческаго сердца показываютъ, что человѣкъ, написавшій подобныя страницы, предназначенъ для европейской славы и добьется ея, во что́ бы то ни было. Съ этой точки зрѣнія не можетъ быть отсюда любопытнѣе разбора первыхъ романовъ Бальзака.

Между тѣмъ время проходило, и Бальзаку было еще далеко до первыхъ мѣстъ въ отечественной словесности; почти десять лѣтъ онъ боролся съ бѣдностью и неизвѣстностью, десять лѣтъ нужды

Digitized by Google

для человѣка, которому роскошь была нужнѣе воздуха, для эпикурейца, жаждущаго жизни и напрасно старавшагося пробиться къ ея наслажденіямъ. Книжныя спекуляціи неудавались, типографія шла плохо, нѣсколько десятковъ недавно изданныхъ томовъ забылись публикою, долги начали мучить нашего романиста, который былъ типографщикомъ, какъ Ричардсонъ, но не имѣлъ тихаго равнодушія автора «Клариссы Гарловъ». Тѣснимый нуждою, Бальзакъ нѣсколько отступилъ отъ той аналитической, живописной манеры, которая была лучшею частью въ его книгахъ и съ каждымъ днемъ вырабатывалась подъ его перомъ съ бо́льшимъ совершенствомъ; желая успѣха, во что́ бы то ни стало, онъ перешелъ къ сочиненію романовъ, основанныхъ на чисто внѣшнемъ интересѣ. Еще двѣ-три попытки встрѣчены были довольно холодно; наконецъ приблизились послѣдніе дни борьбы за извѣстность: публика съ жадностью прочитала новый романъ Бальзака «*Le dernier Chouan*» (Послѣдній шуанъ (*). Произведеніе это, дѣйствительно полное фактической занимательности, эффектныхъ сценъ, катастрофъ и преувеличеній, оживленное описаніями безпрестанныхъ сраженій, опасныхъ предпріятій и патетическихъ положеній, какъ нельзя болѣе приближается къ тому роду романовъ-сказокъ, которые съ такимъ успѣхомъ расходятся начиная съ 1840 года. Несмотря на живость дѣйствія, Бальзакъ успѣлъ придать «Послѣднему Шуану» значительный колоритъ мѣстности, украсилъ его десятью страницами, въ которыхъ проявлялось его любимое направленіе, и въ особенности обратилъ особенное вниманіе на слогъ романа.

Мы уже сказали, что усилія его увѣнчались успѣхомъ. До сихъ поръ «Послѣдній Шуанъ» есть лучшій и занимательнѣйшій изъ романовъ, внушенныхъ исторіей революціи и ея войнъ. Чтобъ убѣдиться, до какой степени эта, по видимому, весьма драматическая эпоха несчастна для романовъ, мы приглашаемъ нашихъ читателей просмотрѣть *Le chevalier de Maison Rouge*, вялый и утомительный романъ Александра Дюма, писателя весьма замѣчательнаго.

Денежныя выгоды, доставленныя «Послѣднимъ Шуаномъ», дали нашему романисту нѣкоторый отдыхъ. Онъ могъ бы написать еще нѣсколько романовъ въ родѣ такъ понравившагося публикѣ; но Бальзакъ уже зналъ себѣ цѣну; онъ изучалъ всѣ мельчайшія подробности своего дарованія и зналъ, что не въ обиліи сказочнаго интереса суждено ему отыскивать прочной извѣстности. Съ тѣмъ постоянствомъ, которое, по словамъ Бюффона, тождественно съ

(*) Читатель, конечно, знаетъ, что шуанами въ концѣ прошлаго столѣтія назывались обитатели Вандеи и Бретани, возставшіе противъ французской республики и сражавшіеся за законнаго короля.

Digitized by Google

геніемъ (*), авторъ «Послѣдняго Шуана» снова обратился къ психологіи, къ анализу незначительныхъ событій домашней жизни, къ предметамъ, о которыхъ, по видимому, было уже такъ много писано прежде его. Публика, заинтересованная занимательностью «Послѣдняго Шуана», ждала новой сказки съ эффектными эпизодами и катастрофами; но какъ же была она удивлена, когда слѣдующая книга, подписанная именемъ Бальзака, оказалась не сказкою, даже не романомъ, а глубоко остроумнымъ трактатомъ о «Физіологіи брачной жизни» *(Phisiologie du mariage)*. Лучшая пора бальзаковой дѣятельности началась съ изданіемъ этого творенія. «Физіологія Брака» — книга, наполненная длиннотами, парадоксами и преувеличеніями, несмотря на эти недостатки, несмотря на нѣкоторую сухость въ изложеніи, несмотря на малую привычку свѣтскихъ читателей къ книгамъ подобнаго рода, получила большую извѣстность во всей читающей Европѣ.

Бальзакъ, замѣтившій, что послѣднее его произведеніе получило сильный успѣхъ только въ высшихъ слояхъ общества, обратился снова къ сочиненію романовъ и на этотъ разъ получилъ успѣхъ огромный, блестящій и повсемѣстный. Читатели, уже полготовленные прежнею извѣстностью романиста, съ особеннымъ вниманіемъ пробѣжали новые его томы; женщины, знавшія, что произведеній его нельзя читать безъ нѣкотораго умственнаго труда, дали себѣ этотъ трудъ, — и наконецъ Оноре де-Бальзакъ былъ оцѣненъ по достоинству. Поощренный общимъ вниманіемъ, авторъ «Физіологіи Брака» сталъ смѣлѣе и даже плодовитѣе: въ теченіи трехъ-четырехъ лѣтъ, онъ написалъ множество новыхъ сочиненій, изъ которыхъ лучшими были «Евгенія Гранде» и «Сцены частной жизни», то есть цѣлый рядъ повѣстей и небольшихъ романовъ, оригинальныхъ по замыслу и прекрасныхъ по исполненію. Извѣстность Бальзака росла съ каждымъ днемъ, и, нужно сознаться, онъ дѣлалъ все возможное для поддержанія этой извѣстности, часто дѣйствуя въ ущербъ своему таланту и направленію. Въ настоящее время, когда отовсюду сыплются похвалы на могилу усопшаго, когда люди, даже не признававшіе въ немъ дарованія, произносятъ диѳирамбы въ похвалу Бальзака, не лишнимъ будетъ указать на слабую сторону автора столькихъ, превосходныхъ сочиненій.

Въ ряду современныхъ бельлетристовъ нетрудно будетъ найти нѣсколькихъ человѣкъ, соединяющихъ въ себѣ всѣ условія, нужныя для отличнаго романиста. Бальзакъ не принадлежалъ къ ихъ числу; нѣкоторыя стороны его таланта, и именно тѣ,

(*) Le génie — c'est la patience (Геній есть терпѣніе).

Buffon.

Digitized by Google

которыя у насъ принято называть общимъ названіемъ художественности, были развиты въ немъ весьма слабо. Кромѣ того, онъ не былъ романистомъ по призванію; имѣй онъ при своемъ вступленіи въ свѣтъ богатство и извѣстность, авторъ «Старика Горіо», по всей вѣроятности, не написалъ бы и двухъ романовъ; искусство было для Бальзака средствомъ, а не цѣлью; самъ онъ безпрестанно въ томъ сознавался, прибавляя, что въ свою жизнь онъ не разъ бывалъ уменъ, но не въ книгѣ, а во время дружескаго разговора въ богатой гостиной, передъ пылающимъ каминомъ. Потому-то при чтеніи бальзаковыхъ твореній читатель всего болѣе поражается необыкновеннымъ умомъ ихъ автора, а потому интересуется имъ самимъ болѣе, нежели героями его романовъ.

Недостатокъ артистическаго сочувствія къ своей дѣятельности Бальзакъ выкупалъ качествомъ, безъ котораго почти невозможенъ никакой продолжительный успѣхъ, а именно — огромнымъ свѣтско-литературнымъ тактомъ. Съ помощью этого такта онъ былъ первымъ судьей своихъ произведеній и умѣлъ направливать ихъ ко вкусу читателей; руководимый имъ, онъ предупреждалъ всякій капризъ извѣстности и придавалъ своимъ романамъ то истинное, домашнее, современное значеніе, которое сдѣлало ихъ живою лѣтописью общества. Въ огромномъ собраніи позднѣйшихъ трудовъ Бальзака вы не найдете ни одного общаго мѣста, ни одной страницы, написанной вяло, ни одного рабскаго подражанія: съ помощію своей страшной начитанности, опытности и привычки мышленія, нашъ романистъ безъ труда избѣгнулъ всѣхъ этихъ недостатковъ.

Но, пріучившись ласкать публику, которая произвела его въ свои модные романисты, Бальзакъ не уберегся отъ всѣхъ послѣдствій угодливости. Онъ слѣдитъ за вкусомъ читателей, какъ за прихотями любимой женщины, и съ помощью чуднаго своего такта умѣетъ ихъ угадывать въ самомъ зародышѣ. Появляется въ публикѣ любовь къ страшному, Бальзакъ угадываетъ вкусъ читателей и съ необычайною быстротою прибавляетъ къ творенію, написанному съ любовью, цѣлый запасъ мелодраматическихъ ужасовъ. Охота къ фантастическимъ произведеніямъ начинаетъ развиваться въ обществѣ, и Бальзакъ пишетъ свою «*Peau de Chagrin*», гдѣ прелесть подробностей затемнена и испорчена нелѣпостью содержанія. Едва ли возможно въ нашъ промышленно-литературный вѣкъ произвести осужденіе на такую способность, тѣмъ болѣе, что она, несмотря на свое явное отклоненіе отъ законовъ искусства, придаетъ твореніямъ Бальзака какую-то особенную жизнь и рельефность.

Къ чести нашего романиста, слѣдуетъ прибавить, что отклоненія эти становились болѣе и болѣе рѣдкими въ послѣднюю пору его дѣ-

Digitized by Google

ятельности. Убѣдившись въ своихъ собственныхъ силахъ и вполнѣ овладѣвъ своимъ дарованіемъ, Бальзакъ безпрепятственно вышелъ изъ круга модныхъ романистовъ и обратился къ тому домашнему, психологическому роду, въ которомъ заключалась его сила. Онъ весь отдался обширному плану, долженствовавшему соединить всѣ лучшія его произведенія и представить ихъ, съ обширнымъ дополненіемъ, какъ одну громадную эпопею нашего времени, подъ названіемъ *Человѣческая Комедія*. Судьба не позволила ему привести этого плана въ совершенное исполненіе, и трудъ остался неоконченнымъ.

Говорить о дѣятельности послѣднихъ годовъ бальзаковой жизни, мы считаемъ ненужнымъ, потому что, безъ сомнѣнія, каждый журналъ уже представилъ полныя подробности о частной жизни, трудахъ и кончинѣ знаменитаго романиста. Скажемъ только, что Бальзакъ умеръ такъ, какъ, вѣроятно, всегда желалъ умереть: въ роскошномъ отелѣ, наполненномъ предметами искусства, въ присутствіи любимой женщины и друзей, ему преданныхъ, съ полнымъ сознаніемъ своихъ заслугъ передъ обществомъ. Даже мелочный духъ партій способствовалъ къ увеличенію его посмертной славы: Бальзакъ не былъ членомъ Французской Академіи, которая предпочла автору «Человѣческой Комедіи» нѣсколькихъ джентльменовъ.

Приступимъ теперь къ анализу одного изъ самыхъ удачныхъ и симпатическихъ произведеній Бальзака, составлявшему часть «Человѣческой Комедіи» и помѣщенному въ собраніи разсказовъ подъ названіемъ «Сцены изъ парижской жизни». По нѣкоторымъ подробностямъ, романъ, извѣстный подъ названіемъ «Одинъ изъ Тринадцати», служитъ какъ бы продолженіемъ «Физіологіи Брака»; онъ потому еще привлекъ наше вниманіе, что какъ-то лучше забытъ нашею публикою и даже не слишкомъ цѣнится во Франціи, по причинѣ многихъ важныхъ его недостатковъ. Но намъ почему-то кажется, что этюдъ по поводу этого произведенія лучше познакомитъ читателей съ значеніемъ бальзакова дарованія, нежели всевозможныя критическія умозрѣнія.

2.

Въ двадцатыхъ годахъ нашего столѣтія, во время реставраціи, проживалъ въ Парижѣ молодой человѣкъ старинной дворянской фамиліи, эмигрировавшей во время революціи и воротившейся во Францію съ Людовикомъ XVIII. Молодого человѣка звали барономъ Августомъ-де-Молеркуромъ; онъ служилъ въ королевской гвардіи и велъ жизнь довольно странную, какъ всѣ люди, взросшіе въ чужомъ

Digitized by Google

краѣ и отвыкшіе отъ нравовъ и обычаевъ родины. Моленкуръ одаренъ былъ добрыми качествами, но не могъ ими пользоваться; было что-то грустное въ положеніи этого молодого человѣка, члена аристократіи, утратившей свою славу, чуждающейся сближенія съ тѣмъ обществомъ, въ которое была снова призвана событіями. Какое-то меланхолическое упрямство, сантиментальное настроеніе дѣлали Августа человѣкомъ вялымъ и непрактическимъ, созданнымъ на то, чтобъ соваться въ бѣду и терпѣть горе по своей собственной винѣ.

Времена волокитствъ регентства давно прошли, и надо отдать справедливость дворянству временъ Людовика XIV и Карла X въ томъ, что оно и не помышляло объ этой сторонѣ старыхъ нравовъ. Долгая жизнь въ чужомъ краѣ, особенно въ Германіи и Англіи, изгнала излишнюю живость изъ характера этихъ людей. Поэтому и жизнь Моленкура не напоминала собою шалостей любимцевъ Регента; напротивъ того, молодой человѣкъ былъ кротокъ, задумчивъ и влюбленъ съ такою нѣжностью, какъ можетъ быть не умѣли любить его предки.

Женщина, пробудившая такую страсть въ душѣ молодого человѣка, не могла отвѣчать ему взаимностью: она была замужемъ и счастлива. Мужъ ея былъ нѣчто въ родѣ маклера, или банкира, или нотаріуса; имя его было Жюль Демаре. Вотъ исторія молодыхъ супруговъ.

Г. Демаре, за пять лѣтъ до женитьбы, занимался дѣлами у какого-то негоціянта; все его состояніе было равно нулю; онъ не имѣлъ ничего, кромѣ маленькаго жалованья по должности конторщика. Но то былъ человѣкъ изъ числа тѣхъ, которыхъ нужда посвящаетъ въ тайны жизни, которые идутъ по прямой линіи съ постоянствомъ и превозмогаютъ всѣ трудности съ истинно высокимъ терпѣніемъ. Жюль имѣлъ многія добрыя качества: умѣренность, умѣнье пользоваться временемъ; онъ избѣгалъ удовольствій, — *онъ ждалъ своего часа*. Онъ былъ хорошъ собой, его лобъ былъ высокъ и гладокъ, — всѣ манеры дышали кротостью и спокойствіемъ, лицо не теряло выразительности, несмотря на постоянную скромность Жюля. Въ этомъ человѣкѣ, какъ въ бо́льшей части подобныхъ людей, таились страсти изумительной глубины. Бѣдность принуждала его къ одинокой жизни, и Демаре извлекалъ изъ этой жизни все, что́ только могъ: просидѣвъ день надъ цыфрами и счетами, онъ по ночамъ учился и пріобрѣталъ свѣдѣнія, безъ которыхъ нельзя было надѣяться на что нибудь важное въ жизни. Одинъ разъ, на вечерѣ у своего хозяина, Жюль познакомился съ дѣвушкой рѣдкой красоты. Одиночество, усиленный трудъ, отсутствіе всякой привязанности сдѣлали

Digitized by Google

то, что Демаре влюбился съ перваго разу и съ перваго разу высказался предмету своей страсти. Они полюбили другъ друга надолго, если не навсегда; они взялись за руки и рѣшились итти вдвоемъ на встрѣчу жизни и свѣту. Клеменція ровно ничего не имѣла; но это не помѣшало счастію Жюля.

Едва заключенъ былъ бракъ, какъ цѣлый рядъ счастливыхъ событій встрѣтилъ супруговъ. Во первыхъ, крестная мать г-жи Демаре пособила ея мужу пріобрѣсти какую-то контору, гдѣ его дѣятельности было много пищи; потомъ какой-то капиталистъ предложилъ ему выгоднѣйшее предпріятіе, увѣнчавшееся полнымъ успѣхомъ; за этимъ предпріятіемъ слѣдовало другое, третье, и Жюль Демаре, уже имѣя въ рукахъ свой значительный капиталъ, въ короткое время, съ помощію своего знанія дѣлъ, пріобрѣлъ огромное состояніе. Онъ былъ заваленъ дѣлами. Богачи считали за счастіе имѣть съ нимъ сношенія; довѣренность, возбужденная честностью и искусствомъ Жюля, была безпредѣльна. Черезъ пять лѣтъ послѣ брака онъ имѣлъ двѣсти тысячъ франковъ доходу.

Во всѣ эти пять лѣтъ счастіе молодыхъ людей не помрачалось ни однимъ облачкомъ. Разъ только, какой-то свѣтскій болтунъ осмѣлился замѣтить, говоря о богатствѣ Жюля, что богатствомъ этимъ онъ обязанъ красотѣ жены и знатнымъ покровителямъ; но дѣло скоро окончилось. Клеветникъ вызванъ былъ на дуэль, и никто уже не смѣлъ касаться добраго имени Клеменціи Демаре. Супруги рѣдко выѣзжали въ свѣтъ; они жили въ роскошномъ отелѣ, убранномъ съ артистическою изысканностью. Жюль слишкомъ хорошо зналъ нужду, чтобъ не цѣнить удобствъ жизни. Съ другой стороны, его жена тоже любила роскошь; ея натура была нѣжна; она любила дома наряжаться для своего мужа, зная, что семейное счастіе поддерживается и пустыми, по видимому, предметами.

На такую-то женщину наткнулся съ своею привязанностью слабый и упрямый Августъ де-Моленкуръ. Между нимъ и г-жею Демаре не могло быть ни малѣйшей симпатіи; каждый изъ нихъ представлялъ особый классъ общества; мысли ихъ не были сходны, да еслибъ и были сходны, то всякому извѣстно, что легче сбить съ толку тысячу обыкновенныхъ женщинъ, нежели умную жену, счастливую въ супружествѣ. Обо всемъ этомъ не думалъ нашъ юноша и продолжалъ всюду носиться съ своей докучливою страстью.

Но Августъ не былъ честнымъ и умнымъ человѣкомъ: онъ не побоялся унизительныхъ мѣръ и съ помощію ихъ провѣдалъ, что Клеменція Демаре, нѣсколько разъ въ мѣсяцъ, подъ вечеръ, ходитъ пѣшкомъ въ одну изъ отдаленныхъ парижскихъ улицъ, вхо-

Digitized by Google

дитъ въ какой-то старый домъ и остается тамъ наединѣ съ какимъ-то мужчиной. Оставалось только собственными глазами убѣдиться въ справедливости этихъ извѣстій, и случай скоро прислужился нашему герою, если можно назвать такого человѣка героемъ.

Одинъ разъ, когда нашъ влюбленный бродилъ въ окрестностяхъ таинственной улицы, онъ примѣтилъ человѣка лѣтъ шестидесяти, одѣтаго весьма бѣдно, даже грязно, но съ физіономіей необыкновенно замѣчательной. Въ этомъ лицѣ было столько ума, иронія, холодной страсти, руки незнакомца были такъ бѣлы и хороши, что Августъ началъ видѣть въ незнакомцѣ нѣчто загадочное. Трудно было сомнѣваться въ томъ, что тутъ не было какихъ нибудь переодѣваній; близость этой встрѣчи съ домомъ, куда иногда ходила Клеменція, еще болѣе подтверждала эту мысль. Вынимая грязный платокъ изъ кармана, незнакомецъ выронилъ распечатанную записку и ушелъ, не думая о томъ, что она попала въ руки шпіона. Содержаніе записки было неважно, но важенъ былъ ея адресъ. Въ немъ значилось имя г. Феррагю и названіе того самого дома....

Разъ попавши на слѣдъ интриги, оставлять ее уже не приходилось. Записка могла служить Моленкуру ключемъ для входа въ тотъ домъ: не теряя времени, онъ отправился въ извѣстную улицу и спросилъ квартиру г. Феррагю. Привратница, узнавъ, что онъ имѣетъ письмо, приняла его за комиссіонера и, послѣ нѣкотораго смятенія, указала молодому человѣку квартиру незнакомца.... Ему отперъ тотъ самый бѣднякъ, котораго онъ за часъ назадъ встрѣтилъ на улицѣ; но только бѣднякъ былъ уже не такъ старъ и грязенъ, — на немъ былъ отличный шлафрокъ, комната убрана была съ нѣкоторою роскошью, на столѣ стояла великолѣпная закуска и лежало золото. Кромѣ Феррагю, въ комнатѣ была молодая женщина; увидѣвъ Моленкура, своего преслѣдователя, она вскрикнула и скрылась. Тайна была открыта: то была Клеменція Демаре.

Незнакомецъ принялъ записку и окинулъ молодого шпіона проницательнымъ, убійственнымъ взглядомъ; въ этомъ взглядѣ можно было видѣть скорую отплату. Моленкуръ отправился домой, все-таки не зная опредѣлительно, что подумать о сношеніяхъ *M-me Jules* съ старымъ незнакомцемъ.

На другой день съ молодымъ офицеромъ случилось странное происшествіе. Въ десяти шагахъ отъ его дома строился новый домъ, мимо котораго ему приходилось проѣзжать всякое утро. Проѣзжая мимо постройки, баронъ услышалъ паденіе тяжелаго тѣла и страшный крикъ толпы: огромный камень, который работники взносили на кровлю, выскользнулъ изъ веревокъ, упалъ на кабріолетъ Молен-

Digitized by Google

кура, раздробилъ экипажъ и задавилъ кучера. Одинъ вершокъ въ сторону, и Августъ погибъ бы непремѣнно. Отъ испуга и ушиба при паденіи изъ кабріолета, молодой человѣкъ получилъ лихорадку. Можетъ быть, то былъ случай, но случай довольно странный.

Едва оправился баронъ отъ своей болѣзни, какъ съ нимъ случилось новое приключеніе въ томъ же родѣ. При первомъ выѣздѣ изъ дома, ось его кабріолета сломалась пополамъ; кузовъ опустился книзу, а высокія колеса экипажа столкнулись своей верхнею частью такъ, что чуть не разбили головы молодому человѣку. Онъ былъ отнесенъ домой безъ памяти; но ушибы не оказались слишкомъ опасны. Нельзя было сомнѣваться болѣе: какая-то таинственная ненависть преслѣдовала барона де-Моленкура; существованіе замысла на его жизнь доказывалось еще тѣмъ, что въ сломанной оси усмотрѣна была пустота, причинившая всю катастрофу. Но кто подмѣнилъ ось, кто ее сдѣлалъ, того было узнать невозможно. Прошло еще нѣсколько времени, и нашъ герой попалъ въ новую бѣду: на балѣ у герцогини Беррійской онъ имѣлъ неосторожность сказать какую-то шутку, оскорбившую одного изъ первыхъ тогдашнихъ бреттеровъ, маркиза де-Ронкеролль. Слѣдствіемъ ссоры была дуэль, кончившаяся тѣмъ, что бѣдный баронъ получилъ рану въ бокъ и едва избѣгнулъ смерти. Нельзя было долѣе сомнѣваться въ существованіи преступныхъ замысловъ, клонившихся къ тому, чтобъ стереть съ лица земли барона. Августъ былъ храбръ; ему почти льстила мысль борьбы и опасности; противъ новыхъ покушеній онъ началъ брать всѣ предосторожности и даже обратился къ полиціи, которая, послѣ долгихъ и тщательныхъ исканій, доставила ему наконецъ вѣрное свѣдѣніе о томъ, что Феррагю, бывшій причиною всѣхъ бѣдъ, умеръ недавно и уже похороненъ. Со дня послѣдняго происшествія прошло немало времени, и не было никакой причины сомнѣваться въ смерти врага. Баронъ, вылечившись снова, началъ выѣзжать въ свѣтъ; онъ былъ увѣренъ, что преслѣдованіе кончилось, и что ему нечего было бояться новыхъ попытокъ на свою жизнь.

И что же? На одномъ изъ самыхъ блистательныхъ баловъ Парижа, первое лицо, встрѣтившееся Августу де-Моленкуру, былъ тотъ самый Феррагю, который, по увѣреніямъ полиціи, былъ давно уже похороненъ, тотъ самый грязный старикъ, который выронилъ письмо изъ кармана, тотъ самый незнакомецъ, къ которому тайкомъ ходила госпожа Демаре. Феррагю былъ одѣтъ съ безукоризненнымъ изяществомъ, на груди его висѣлъ орденъ Золотого Руна. Онъ взялъ подъ руку барона и отошелъ съ нимъ въ сторону.

Digitized by Google

— А! произнесъ онъ ѣдкимъ голосомъ: — вы прибѣгаете къ помощи полицейскихъ агентовъ? Вы погибнете, баронъ; иначе быть не можетъ. По какому праву преслѣдуете вы эту женщину?... черните ея доброе имя? кто далъ вамъ это право?...

Моленкуръ хотѣлъ схватить злодѣя, но тотъ увернулся и, дотронувшись до его головы, сказалъ только:

— Видно одинъ только свинецъ укротитъ эту горячую голову!

И, сказавши это, Феррагю вышелъ изъ комнаты. Напрасно баронъ хотѣлъ его преслѣдовать, напрасно говорилъ онъ, что подъ костюмомъ этого незнакомца скрывается преступникъ. Гости и хозяинъ глядѣли на него какъ на помѣшаннаго; никто не слыхалъ имени Феррагю: всѣ знали этого человѣка за богатаго путешественника изъ Португаліи. Скандалъ произведенъ былъ напрасно.

Не помня себя, Августъ прошелъ въ большую залу. Тамъ увидѣлъ онъ Клеменцію Демаре, во всемъ блескѣ красоты и роскошнаго наряда. Онъ уже ненавидѣлъ эту женщину; онъ былъ убѣжденъ, что она въ заговорѣ противъ него. Онъ подошелъ къ ней и сказалъ:

— Три раза ваши *бравы* покушались на мою жизнь, и вы мнѣ дадите отчетъ въ этомъ....

Madame Jules не понимала его словъ. Непріятный разговоръ прерванъ былъ появленіемъ ея мужа.

— Баронъ, сказалъ Демаре: — о чемъ вы такъ жарко говорите съ женой?

— Если хотите это узнать, дерзко отвѣчалъ Августъ: — можете заѣхать ко мнѣ и освѣдомиться, когда вамъ будетъ угодно.

Клеменція поблѣднѣла. Съ этого дня между ею и мужемъ высказалась страшная тайна.

Всѣ эти мелодрамотическія подробности, обдуманныя довольно искусно, принадлежатъ къ слабой и дурной части романа. Мы поспѣшимъ раздѣлаться съ исторіей Феррагю, пересказавъ эту хитросплетенную затѣю въ немногихъ словахъ. Романистъ предполагаетъ, что въ то время, въ Парижѣ, было тринадцать мужчинъ знатнаго и богатаго рода, составившихъ особое общество съ цѣлью помогать другъ другу во всѣхъ любовныхъ и другихъ замыслахъ. Такъ какъ то были люди съ сильными страстями и средствами, — люди много испытавшіе, то власть ихъ была сильна. Они всѣ стояли за одного и одинъ за всѣхъ. Нужно ли было избавиться отъ врага, одолѣть сопротивленіе какой нибудь красавицы, они всѣ разомъ принимались за дѣло, и предпріятіе, благодаря упорству, капиталамъ, а даже и преступнымъ замысламъ, всегда почти удавалось.

Digitized by Google

Исторія госпожи Демаре составляетъ одинъ изъ эпизодовъ исторіи этого преступнаго и весьма неправдоподобнаго общества.

Ферраго былъ старшимъ изъ тринадцати. У него была дочь, именно Клеменція, впослѣдствіи госпожа Демаре. Любовь къ дочери была единственною его страстью; для этой любви онъ готовъ былъ жертвовать всѣмъ. Его-то стараніями, Жюль Демаре, самъ того не зная, получилъ богатство и вѣсъ въ обществѣ; онъ-то, примѣтивъ, что доброй славѣ Клеменціи вредятъ преслѣдованія барона де-Моленкура, вознамѣрился стереть съ лица земли этого опаснаго человѣка. Ферраго сознавалъ всю преступность своей жизни, и она была тайной для Клеменціи, а Жюль Демаре даже ничего не зналъ объ его существованіи. При свиданіяхъ съ дочерью, отецъ строго запрещалъ госпожѣ Демаре открывать мужу тайну ея рожденія, и эта тайна, строго хранимая, причинила гибель милой и невинной женщинѣ.

Теперь мы можемъ совсѣмъ бросить эту натянутую, хотя эффектную интригу, и обратиться къ той частичкѣ романа, которая выкупаетъ всѣ его недостатки и ставитъ Бальзака въ рядъ первоклассныхъ писателей.

Молодые супруги воротились съ бала въ молчаніи и грустныхъ размышленіяхъ. Жюль не хотѣлъ своими распросами обидѣть деликатность жены, Клеменція боялась вопросовъ, зная, что не можетъ на нихъ отвѣчать, не выдавъ тайны своего рожденія и не переступивши обѣщанія, даннаго отцу. Когда они заговорили, разговоръ ихъ былъ безсвязенъ и неискренен; они сами то чувствовали.

Спальня Клеменціи была таинственною комнатою, въ нее могли входить только она, мужъ и горничная.

Супруга Жюля была счастлива и въ счастіи своемъ находила довольно силы, чтобъ рѣшаться на цѣлый рядъ мелкихъ заботъ, безъ которыхъ любовь не можетъ продолжаться долго. Мало того, она находила наслажденіе въ такихъ заботахъ, — она трудилась для любимаго существа и въ себѣ самой уважала любимаго супруга.

Итакъ, Демаре былъ строго запрещенъ входъ въ уборную жены, куда она входила одна, воротясь съ бала, и изъ которой выходила уже въ свою комнату въ полномъ и безукоризненномъ ночномъ нарядѣ.

Такимъ образомъ, Жюль не видалъ того, что достается часто видѣть другимъ мужьямъ: передъ нимъ всегда находилась прелестная женщина въ изящномъ пеньуарѣ, съ волосами небрежно, но искусно

Digitized by Google

прибранными назадъ головы, — женщину простую и нѣжную, освѣженную душистою ванною, вѣчно кроткую, вѣчно внимательную и, слѣдовательно, вѣчно любимую.

Возвратясь домой послѣ переданнаго нами тяжелаго разговора, встревожившаго ея душу, госпожа Демаре занималась съ особеннымъ тщаніемъ своимъ ночнымъ туалетомъ. Она захотѣла быть обворожительною — и была обворожительна. Она изящно драпировала свой батистовый пеньуаръ, немного открыла грудь, спустила локоны на свои круглыя плечи; ароматная ванна придала ей особенную свѣжесть; ножки ея прятались въ пантуфли изъ фіолетоваго бархата. Зная свою силу, она маленькими шагами подошла къ Жюлю, грустно облокотившемуся на каминъ и положившему ногу на рѣшетку, закрыла ему рукою глаза и, слегка дотронувшись губами до его уха, тихо спросила его: «о чемъ вы изволите думать?»

И она ловко обняла его, чтобъ разогнать въ немъ остатокъ дурныхъ мыслей.

— О тебѣ, отвѣчалъ онъ.

— Обо мнѣ одной?...

— Да....

— Это *да* будто не совсѣмъ искренно.

Около трехъ часовъ утра, Клеменція внезапно проснулась, будто пробужденная предчувствіемъ какой-то бѣды. Ей показалось, что мужа ея нѣтъ около нея; она не чувствовала подъ своей головою той руки, на которой она тихо и сладко засыпала цѣлыя пять лѣтъ, — руки, которую никогда не утомляла тяжесть ея головки.

Будто какой-то голосъ шепнулъ ей: «Жюль тоскуетъ, Жюль плачетъ....»

Она подняла голову, приподнялась сама и увидѣла мужа, который снова сидѣлъ передъ каминомъ, положа ноги на рѣшетку и прислонивъ голову къ спинкѣ кресла. Слезы были на его щекахъ.

Въ одно мгновеніе она очутилась возлѣ него.

— Жюль, что съ тобой? ты грустишь, ты плачешь? Отвѣчай мнѣ, что съ тобой? спрашивала она его, примѣшивая къ своимъ вопросамъ тысячу другихъ вопросовъ и ласковыхъ названій.

Жюль опустился къ ея ногамъ и, не скрывая слезъ, осыпалъ поцалуями ея руки и колѣни.

— Я несчастенъ, моя Клеменція, отвѣчалъ онъ. — Нельзя любить и не довѣрять въ одно время; а я тебя обожаю и не могу не подозрѣвать! Слова этого человѣка перевернули мою душу; меня не

Digitized by Google

успокоили твои объясненія; я не могу смотрѣть на тебя; противъ воли моей я думаю, что ты имѣешь отъ меня тайну.... Я вѣрю тебѣ, вѣрю, продолжалъ онъ, замѣтивъ, что жена грустно улыбнулась и собирается что-то сказать. — Не упрекай меня, не объясняй мнѣ ничего.... я умру отъ одного твоего слова. Три часа я глядѣлъ на тебя, любовался твоимъ тихимъ сномъ, говорилъ самъ себѣ, что подъ этой прелестью, спокойствіемъ и кротостью не можетъ скрываться ни тайны, ни невѣрности. Я для тебя одинъ, и ты любишь меня....

Онъ приподнялся и поцаловалъ ея глаза.

— Пять лѣтъ мое счастіе могло только увеличиться, и я признаюсь тебѣ, одной изъ причинъ этого счастія было то, что тебѣ некого любить кромѣ меня. Ты вся моя, у тебя нѣтъ ни отца, ни сестры, ни подруги.... Не сердись на меня, утѣшь меня, скажи мнѣ одно изъ тѣхъ нѣжныхъ словъ, которыя ты такъ умѣешь говорить. Я страдаю, и страдаю тяжко; я чувствую, что оскорбляю тебя и моимъ страданіемъ и подозрѣніемъ....»

Мы постарались какъ можно вѣрнѣе описать эти сцены — трудъ довольно тяжелый, тѣмъ болѣе, что Бальзакъ, принадлежащій къ числу романистовъ, не подчиняющихся простому чувству мѣры, рѣдко умѣетъ быть сжатымъ.

По видимому, прежнее согласіе водворилась между супругами. Клеменція не дала Жюлю полныхъ объясненій, но она сказала съ нѣжностью женщины: «я невинна»; и этого было довольно. Туча прошла мимо, и на утро, счастіе влюбленныхъ молодыхъ людей было также полно, и еще трогательнѣе прежняго.

Демаре, вѣрный своимъ привычкамъ, утромъ пошелъ на биржу, и, выходя оттуда, на улицѣ столкнулся съ барономъ де-Моленкуромъ, бывшимъ въ самомъ дурномъ настроеніи духа. Свиданіе съ Ферраго не прошло даромъ для молодого офицера: въ головѣ онъ чувствовалъ страшную боль; разстроенная его фантазія пришла къ убѣжденію, что таинственный непріятель, коснувшись его головы, отравилъ его какимъ нибудь неслыханнымъ образомъ. Въ этомъ настроеніи духа, Августъ не желалъ пощады и не хотѣлъ давать ея никому. Онъ сказалъ Жюлю, что его жена можетъ, черезъ нѣсколько дней, быть призвана въ ассизный судъ и сидѣть на скамьѣ осужденныхъ, рядомъ съ убійцей и бѣглымъ каторжникомъ.

Самая огромность оскорбленія предохранила Жюля отъ сильнаго порыва. Онъ потребовалъ объясненія, и баронъ разска-

Digitized by Google

залъ ему все, не скрывая ни своей страсти, ни своихъ преслѣдованій, ни борьбы съ Феррагю, ни его свиданій съ Клеменціей. Понятны страданія влюбленнаго мужа при этомъ разсказѣ; но Жюль не потерялъ головы: въ немъ было слишкомъ много того фундаментальнаго, дѣльнаго, практическаго. Онъ понялъ, что нельзя обвинять ни жены, ни Моленкура, не изслѣдовавъ напередъ дѣла во всей строгости; и новая роль придала ему дѣятельности и силы характера. Онъ уже былъ судьей любимой женщины и понялъ это важное призваніе. Разставшись съ обвинителемъ, онъ пришелъ домой блѣдный, но спокойный. Въ его положеніи требовалось собрать всѣ обвинительные факты, и Жюль не отступилъ ни передъ одною мѣрою. Отъ служителей узналъ онъ, что его жена по временамъ тихонько уходитъ изъ дому, Клеменція сама призналась въ этихъ выѣздахъ, хотя и не сказала ихъ цѣли. Получивъ всѣ свѣдѣнія, Жюль приступилъ къ главному: онъ хотѣлъ отъ жены полнаго признанія, и онъ былъ правъ. Онъ самъ зналъ, что его подозрѣнія могутъ быть неосновательны, но зналъ и то, что никакая любовь не можетъ существовать при подобныхъ подозрѣніяхъ. Съ полною деликатностью, съ полнымъ уваженіемъ къ любимому существу, не скрывая ни своей любви, ни своихъ терзаній, приступилъ онъ къ допросу, съ твердостью, составлявшею принадлежность его характера; онъ попытался добиться рѣшительнаго отвѣта отъ слабой и нѣжной женщины, чуждой практическихъ интересовъ, отдавшейся одной страсти. Нѣжная натура Клеменціи и благородно-практическая натура Жюля, существовавшія рядомъ пять лѣтъ, составлявшія счастіе одно для другой, должны были, столкнувшись, разрушить одна другую....

Первое столкновеніе произошло, и гибель была неизбѣжна. Клеменція обожала мужа; но она не могла вполнѣ понимать его: она не была въ силахъ сообразить, сколько благородства заключалось въ его безжалостныхъ, упрямыхъ усиліяхъ выбиться изъ безвыходнаго положенія; она только видѣла передъ собою человѣка строгаго, оскорбленнаго и имѣвшаго право считать себя оскорбленнымъ. Отдавшись вся любви, она должна была отъ любви и погибнуть. Ей видѣлся конецъ страсти въ холодномъ допросѣ мужа; его понятныя подозрѣнія были для ней оскорбленіемъ, гробовыми ударами, бѣдою, послѣ которой оставалось только умереть. Какъ прелестный цвѣтокъ, она могла расти только посреди полуискусственнаго оранжерейнаго воздуха; первое столкновеніе съ грустной дѣйствительностью разрушило этотъ слабый цвѣтокъ. Для Клеменціи было все кончено съ той минуты, когда мужъ усомнился въ ея чистотѣ. На-

Digitized by Google

тура исключительная и идеально-женственная, она могла только простить неблагодарнаго и умереть, съ прежнею любовью въ сердцѣ.

Такова нѣжная психологическая драма, разыгравшаяся между двумя юными и благородными существами, и такая драма, выполненная тщательно, можетъ служить лучшимъ объясненіемъ дальнѣйшихъ событій романа. Госпожа Демаре не вынесла первыхъ вопросовъ мужа: она упала къ его ногамъ безъ чувствъ; ея силы и здоровье были убиты однимъ ударомъ. Въ первый разъ въ теченіи пяти лѣтъ, Клеменція легла одна въ постель и принуждена была впустить доктора въ свою спальню. То были два важныя для нея огорченія. Докторъ нашелъ ее въ дурномъ положеніи, но не сказалъ ничего положительнаго, да и сама *M-me Jules* забыла о лекарствахъ, имъ прописанныхъ.

Пришло утро, и она еще не заснула. Въ кабинетѣ Жюля сидѣлъ съ нимъ его братъ, и ей слышался шумъ отъ ихъ разговора. Наконецъ старшій Демаре вышелъ. Въ тишинѣ ночи, съ помощью того раздраженія органовъ, которое дается страстями, Клеменція подслушала скрипъ пера и движенія пишущаго человѣка. Въ четыре часа все затихло.

Клеменція встала съ постели, вся дрожа. Не набросивъ на себя ничего, не надѣвъ башмаковъ, она отворила дверь въ кабинетъ мужа. Жюль спалъ въ креслѣ, у стола, съ перомъ въ рукѣ. Свѣчи еще горѣли. Она подошла къ столу и прочла на запечатанномъ конвертѣ: «Мое завѣщаніе».

Ставши на колѣни, она крѣпко поцаловала руку своего мужа который тотчасъ проснулся.

— Жюль, другъ мой! сказала она, глядя на мужа глазами, въ которыхъ свѣтились любовь и лихорадочный недугъ: — преступникамъ, уже осужденнымъ на смерть, даютъ нѣсколько дней сроку.... Я не виновата.... я прошу у тебя только два дня. Дай мнѣ полную свободу въ эти два дня. Тогда я умру спокойно.... и буду знать, что ты обо мнѣ жалѣешь.

— Изволь, отвѣчалъ Жюль, и, увлеченный ея трогательною благодарностью, очарованный тою непорочностью, которая сіяла въ каждомъ ея движеніи, онъ обнялъ ее и поцаловалъ ее въ лобъ.

Заснувъ нѣсколько часовъ, Жюль прошелъ въ комнату жены, повинуясь привычкѣ не выходить никуда не повидавшись съ нею. Клеменція спала. Слабый лучъ свѣта, пробравшись между складками занавѣсей, игралъ на ея лицѣ. Страданіе уже успѣло отнять живость отъ ея лица; губы были блѣдны.

Digitized by Google

— Бедная Клеменція! тихо сказалъ Жюль: — пусть Богъ защититъ насъ съ тобой.

И онъ тихо поцаловалъ ее. Она проснулась, взглянула на него и, не имѣя силы говорить, взяла руку мужа. На глазахъ у ней выступили слезы.

— Я не виновата, сказала она, будто во снѣ.

— Ты никуда не выйдешь сегодня? спросилъ Жюль.

— Нѣтъ: я слишкомъ слаба и не могу встать съ постели.

Но когда онъ воротился домой, ему было сказано, что жена, несмотря на свою слабость, выѣзжала куда-то.

Digitized by Google

V.

НОВЫЯ КНИГИ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКАЯ СМѢСЬ.

133) Каталогъ дублетовъ императорской публичной библіотеки. *Часть 1. Отдѣленіе книгъ историческихъ на иностранныхъ языкахъ. СП-бургъ. 1850. Издано по Высочайшему повелѣнію.*

Съ чувствомъ живѣйшаго удовольствія спѣшимъ остановиться надъ этимъ изданіемъ, мимо котораго ни одинъ человѣкъ, сколько нибудь уважающій науку, не пройдетъ равнодушно. Появленіе такого каталога за границей, особенно въ Англіи или Германіи, съ перваго дня поступило бы въ разрядъ весьма важныхъ событій; газеты толковали бы о немъ безпрестанно; сердца ученыхъ начали бъ томиться въ трепетномъ ожиданіи; пламенные библіофилы, старые и молодые, богатые и бѣдные, принялись бы откладывать капиталы, нужные для пріобрѣтенія прописанныхъ въ немъ рѣдкихъ книгъ; всякому читающему человѣку каталогъ этотъ показался бы интереснѣе описанія Калифорніи съ ея богатствами: такъ много поименовано въ немъ драгоцѣнныхъ, рѣдкихъ, древнихъ изданій, и всѣ эти изданія дотолѣ недоступныя, почти невидимыя, поступаютъ въ продажу, могутъ обогатить собою полки библіотеки, завѣщанной предками и поддерживаемой съ величайшими жертвами, на удовольствіе и радость отдаленному потомству. Каждый любитель чтенія, съ наслажденіемъ просиживающій ночи надъ почтенными фоліантами крупной печати, въ бѣлыхъ кожаныхъ переплетахъ, при названіи Гаги и Лейдена вспо-

Digitized by Google

минающій съ сладкимъ чувствомъ о дивныхъ издѣліяхъ тамошнихъ старинныхъ типографій, каждый библіофилъ, съ благоговѣніемъ выговаривающій имена типографщиковъ Эльзевировъ, пріобрѣлъ бы себѣ упомянутый каталогъ, перечиталъ бы его съ жадностью и съ сильнымъ нетерпѣніемъ ожидалъ бы дня, въ который онъ будетъ допущенъ къ созерцанію и, можетъ быть, пріобрѣтенію вычисленныхъ въ немъ литературныхъ сокровищъ.

У насъ, въ Россіи, страсть къ древнимъ или рѣдкимъ книгамъ развита въ меньшей степени по многимъ причинамъ, изъ которыхъ главныя заключаются въ маломъ количествѣ старыхъ семейныхъ библіотекъ и невеликомъ нашемъ знакомствѣ съ древними языками, на которыхъ бо́льшею частію писаны подобныя книги. Подъ словомъ древніе языки мы не разуемъ одинъ латинскій языкъ или греческій. Чтеніе старыхъ иностранныхъ изданій потому еще затруднительно большинству нашей читающей публики, что оно не совсѣмъ знакомо съ видоизмѣненіями языковъ живыхъ, и потому-то французская или нѣмецкая книга, изданная въ XVI, даже въ началѣ XVII столѣтія, становится для насъ вещью едва ли доступною. Но ежели большинство русской публики безъ особеннаго восторга перечитаетъ каталогъ дублетовъ Императорской публичной библіотеки, или вовсе не прочтетъ его, зато для класса ученыхъ и дилетантовъ чтенія онъ будетъ подаркомъ особенной важности, и причина тому очень понятна. Кто изъ насъ, людей трудящихся, не останавливался нѣсколько разъ посреди горячо обдуманнаго труда, и не останавливался единственно изъ за невозможности достать какое либо рѣдкое сочиненіе, необходимое для справокъ или чего нибудь подобнаго? Въ большихъ городахъ еще имѣются большія публичныя или частныя библіотеки, изъ которыхъ, имѣя терпѣніе или охоту, почти всегда можно заимствовать требуемое сочиненіе; но что же остается дѣлать въ подобномъ случаѣ въ деревнѣ, въ небольшомъ городѣ, вдали отъ столицъ? Скажемъ болѣе: нѣкоторые труды требуютъ того, чтобъ цѣлая колекція изданій, нужныхъ для справокъ, принадлежала трудящемуся или была въ полномъ и всегдашнемъ его распоряженіи на нѣсколько мѣсяцевъ, даже лѣтъ; а гдѣ пріобрѣсть эти изданія, даже имѣя на то деньги и время? Тогда трудъ распадается на два отдѣла: на работу умственную и пріобрѣтеніе нужныхъ матеріяловъ; а пріобрѣтеніе это подчасъ становится тяжелѣе самого труда, а иногда бываетъ и вовсе невозможнымъ. Даже въ пріобрѣтеніи книгъ, напечатанныхъ въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтій, поминутно встрѣчаются остановки и затрудненія, способныя охладить человѣка, въ особенности молодого и нетерпѣливаго. Намъ случалось по мѣсяцамъ ходить къ лучшимъ книгопродавцамъ за книгами весьма извѣстными, но немного устарѣ-

Digitized by Google

лѣми, и наконецъ, потерявъ всякое терпѣніе, выписывать ихъ изъ за границы и ждать еще нѣсколько мѣсяцевъ. Конечно, еслибъ наши книгопродавцы давали себѣ трудъ слѣдить за движеніемъ литературы въ каждой землѣ и знали бъ на перечетъ все замѣчательное по разнымъ отраслямъ науки, дѣло бы шло гораздо живѣе; но гдѣ сыскать книгопродавцевъ съ такими идеальными побужденіями? Когда же у нихъ спрашиваешь какое нибудь рѣдкое и старинное изданіе, они ограничиваются увѣреніемъ, что такой-то книги нѣтъ во всемъ городѣ, а иногда говорятъ, что ея никогда не было печатано. При окончательномъ устройствѣ Императорской Публичной Библіотеки и составленіи по разнымъ частямъ ея каталоговъ, оказалось значительное количество дублетовъ, или однѣхъ и тѣхъ же книгъ въ двухъ, трехъ и болѣе экземплярахъ. Эти дублеты предназначаются теперь къ обращенію въ продажу, дабы открыть ученымъ и учебнымъ заведеніямъ, книгопродавцамъ, владѣльцамъ частныхъ библіотекъ, библіографамъ, и всѣмъ вообще любителямъ книгъ и наукъ возможность пріобрѣсть многія драгоцѣнныя и частію очень рѣдкія сочиненія, давно уже вышедшія изъ книжной торговли, въ особенности же обильное собраніе почти всего примѣчательнаго, что когда либо напечатано было о Россіи.

Такую продажу начальство библіотеки опредѣлило начать съ историческаго ея отдѣленія на иностранныхъ языкахъ, издавъ сперва во всеобщее свѣдѣніе каталогъ дублетамъ этого отдѣленія.

О времени и порядкѣ продажи помѣщенныхъ въ настоящемъ каталогѣ дублетовъ объявится особо.

Нынѣ изданный каталогъ заключаетъ въ себѣ названія *шести-тысячъ-ста-семидесяти-одного сочиненія*. Болѣе полнаго и разнообразнаго собранія рѣдкихъ историческихъ изданій не можетъ существовать даже въ воображеніи самаго пламеннаго *любителя* книгъ; важность и рѣдкость этого драгоцѣннаго собранія будутъ поняты еще лучше, ежели мы скажемъ, что почти всѣ изданія, помѣщенныя въ каталогѣ, напечатанны въ XVII и XVI столѣтіяхъ; дублеты же новыхъ и слѣдовательно и безъ того доступныхъ изданій находятся въ весьма незначительномъ количествѣ. Такимъ образомъ, каждая страница каталога заключаетъ въ себѣ нѣсколько книгъ замѣчательныхъ или по своему содержанію, или по рѣдкости, всего чаще и то и другое вмѣстѣ. Тамъ видите вы знаменитое, тринадцатитомное сочиненіе Гроновіуса о греческихъ древностяхъ; въ другомъ мѣстѣ находите исторію готской войны, изданную въ 1548 году, въ Венеціи, и напечатанную навѣстнымъ въ мірѣ библіофиломъ типографщикомъ Феррари; далѣе прочтете вы заглавіе итальянской книги, исправленной и дополненной венеціянцемъ Сансовино, въ 1561

Digitized by Google

году. Раскройте каталогъ въ другомъ мѣстѣ: вы остановитесь на сочиненіи Дю Гальда о Китаѣ,—сочиненіи, надѣлавшемъ столько шуму въ началѣ XVIII столѣтія; далѣе найдете вы, въ коллекціи мемуаровъ, записки путешественника объ Англіи,—записки, изданныя черезъ десять лѣтъ послѣ вступленія на престолъ Вильгельма Оранскаго. Кто писалъ эти записки — приверженецъ ли Якова Второго, или почитатель штатгальтера, того самого штатгальтера, который боролся съ гордымъ Людовикомъ, спасалъ свое отечество проигрывая сраженія и уѣзжая послѣдній съ поля битвы, который съ пятью тысячами войска пошелъ на Лондонъ и оставался голландцемъ, сидя на тронѣ Великобританіи? Въ какомъ духѣ написаны эти записки, изданныя черезъ десять лѣтъ послѣ 1688 года, какія лица въ нихъ дѣйствуютъ? Развернемъ еще разъ книгу: вотъ старинное сочиненіе о Востокѣ Галлана,— того самого Галлана, который подарилъ Европѣ геніяльныя сказки, извѣстныя подъ именемъ «Тысячи и одной Ночи»; вотъ еще сочиненіе на нѣмецкомъ языкѣ, напечатанное въ 1597 году въ Констанцѣ, подъ названіемъ: «Хроника, или описаніе рѣдкихъ и достопримѣчательныхъ дѣлъ и приключеній, составленное Іоганомъ Конрадомъ Меккернъ фонъ Бальгхеймомъ.» Кто такой былъ Конрадъ фонъ Бальгхеймъ? какія достопримѣчательныя дѣла описывалъ этотъ сочинитель хроники?... Да, перечитывая каталогъ Императорской Библіотеки, поневолѣ убѣдишься въ нищетѣ собственныхъ своихъ познаній, и потому просматриваніе его мы бы не шутя посовѣтовали людямъ, гордящимся своею начитанностію и своими учеными трудами. Изъ него увидѣли бы они еще съ бо́льшею ясностью, какъ много превосходныхъ, классическихъ, почти недоступныхъ намъ вещей писалось и печаталось въ тѣ столѣтія, которыя мы, по вѣтренности нашей, готовы назвать временемъ необразованности. Люди, занимающіеся наукою и литературою между дѣломъ, самодовольные дилетанты остановились бы надъ заглавіями огромныхъ, классическихъ трудовъ, для которыхъ старинный ученый тратилъ всю свою жизнь, и для прочтенія которыхъ нужно посвятить нѣсколько мѣсяцевъ. Снисходительный читатель, не помышляющій о томъ, что въ наше время типографское искусство незамѣтно падаетъ, убѣдился бы въ этой горькой истинѣ и узналъ бы, что между эльзевировскими изданіями есть десяти-томные фоліянты, въ которыхъ не имѣется ни одной опечатки, ни одной неровной строки, ни одного знака препинанія не на своемъ мѣстѣ, ни одного пропущеннаго слова! Фактъ довольно грустный для нашего времени, когда механическая часть изданій (особливо періодическихъ) дошла у насъ до послѣдней степени небрежности.

Digitized by Google

Но мы отклонились отъ нашего предмета. Каталогъ дублетовъ Императорской Библіотеки изданъ съ тщательностью и изяществомъ, достойными его важнаго назначенія. Составленіе каталога старинныхъ и рѣдкимъ изданіямъ бываетъ сопряжено съ особенными трудностями, которыхъ быть не можетъ, когда дѣло идетъ о книгахъ новыхъ. Такъ какъ достоинство первыхъ много зависитъ отъ мѣста печатанія, отъ года изданія, отъ отмѣтокъ и примѣчаній, прибавленныхъ къ тексту, то само собой разумѣется, что первое условіе каталога старыхъ книгъ должно заключаться въ подробности указаній. Въ Каталогѣ Императорской Библіотеки оно соблюдено съ точностью: заглавія книгъ напечатаны въ немъ со всею подробностью, и съ поименованіемъ содержащихся иногда въ одномъ и томъ же переплетѣ нѣсколькихъ раздѣльныхъ сочиненій. Вездѣ означены годъ и мѣсто печати и даже типографія, извѣстность которой всегда имѣетъ особенную важность для любителей. Такъ какъ небольшое число изъ означенныхъ въ каталогѣ сочиненій принадлежитъ къ дефектамъ, или экземплярамъ неполнымъ, то при означеніи дефекта изъяснено, которые томы на лицо и которыхъ не имѣется, какихъ недостаетъ листовъ, и проч.

Такъ какъ историческое отдѣленіе Императорской Библіотеки объемлетъ въ себѣ не только собственно исторію, но и всѣ предварительныя и вспомогательныя къ ней науки, именно географію (кромѣ, однакожь, атласовъ и ландкартъ), статистику, хронологію, записки, біографіи, путешествія, археологію, нумизматику, дипломатику и пр., то и каталогъ содержитъ въ себѣ дублеты по всѣмъ означеннымъ предметамъ. Изъ этого слѣдуетъ, что не одни занимающіеся исторіей найдутъ для себя много превосходныхъ твореній при пособіи дублетовъ библіотеки: кромѣ людей ученыхъ, дилетантовъ науки и библіофиловъ, даже самый простодушный любитель легкаго чтенія найдетъ для себя въ каталогѣ много мемуаровъ и путешествій, къ занимательности своей присоединяющихъ интересъ старины и оригинальность изложенія.

Предѣлы нашей статьи не позволяютъ намъ выписать главнѣйшихъ статей, касающихся исторіи и статистики нашего отечества, сочиненій весьма рѣдкихъ и необходимыхъ для ученаго. Въ каталогѣ мы отыскали путешествіе Георга Гмелина по Россіи и Сибири, изданное въ 1774 — 1784 годахъ, Исторію Петра Великаго, Александра Гордона (1765, Лейпцигъ), историческое сочиненіе Лакомба о Россіи, (1760, Амстердамъ), Записки Вагнера о Россіи (1790, Бернъ), Путешествія Олеарія въ Москву и Персію (1663, Шлезвигъ), латинская хроника о Московіи, Іовіуса (1576, Франкфуртъ), Дивная исторія Московитіи, Герберштейна (1563, Ба-

Digitized by Google

зель). Лишнимъ считаемъ выписывать другія сочиненія въ томъ же родѣ: нѣтъ сомнѣнія, что всякій достаточный человѣкъ, интересующійся отечественною исторіею, уже составилъ свои выписки изъ каталога дублетовъ. На книги подобнаго рода непремѣнно явится огромное число покупателей. Дай Богъ, чтобъ и остальныя изданія, поименованныя въ каталогѣ, разошлись съ быстротою и обратились на пользу людей, преданныхъ наукѣ. У насъ немного людей, преданныхъ страсти собиранію книгъ и находящихъ особое наслажденіе въ возможности щегольнуть эльзевировскимъ изданіемъ, въ которое сами рѣдко заглядываютъ; но въ этомъ обстоятельствѣ есть и хорошая сторона: книги, которыя теперь попечительное правительство предоставляетъ во владѣніе частнымъ лицамъ, не залежатся на пыльныхъ полкахъ щегольскихъ библіотекъ: имъ суждено сдѣлаться вѣрными спутниками людей ученыхъ, трудолюбивыхъ, дорожащихъ книгою не изъ за ея древняго переплета, а за ея полезную, классическую древность.

134) Записки Императорскаго Археологическаго Общества. *Томъ III. Перечень засѣданій за 1850 годъ. Спб. Въ тип. Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ. 1850. Въ 8-ю д. л., стр. 34.*

Намъ приходится почти каждый мѣсяцъ говорить о дѣйствіяхъ Археологическаго Общества. Одно уже это достаточно доказываетъ его дѣятельность и ревность, съ которою оно стремится къ достиженію своей полезной цѣли. Еще болѣе убѣждаетъ въ справедливости такого заключенія изданный теперь перечень засѣданій Общества за 1850 годъ. Всѣхъ засѣданій въ теченіи нынѣшняго года было пять: изъ нихъ четыре — обыкновенныхъ (ежемѣсячныхъ) и одно чрезвычайное для выбора членовъ Правленія и секретаря по русской перепискѣ. Въ каждомъ засѣданіи, занятія Общества состояли въ избраніи новыхъ членовъ, въ разсмотрѣніи доставленныхъ въ даръ книгъ и монетъ, въ разрѣшеніи разныхъ возникавшихъ вопросовъ, наконецъ въ чтеніи ученыхъ изслѣдованій, написанныхъ членами Общества. Чтобы дать нѣкоторое понятіе о значеніи и степени занимательности этихъ изслѣдованій, мы сообщимъ здѣсь краткія замѣтки объ ихъ содержаніи, находящіяся въ изданномъ теперь выпускѣ «Записокъ Общества».

Въ первомъ засѣданіи нынѣшняго года (10 января), г. Кёне сообщилъ свѣдѣнія о металлическихъ печатяхъ, называемыхъ обыкновенно «буллами». Употребленіе ихъ пришло съ востока, гдѣ палящій зной не позволялъ употребленія на нихъ воску. Золотыя буллы употреблялись императорами Восточной имперіи, начиная съ Юсти-

Digitized by Google

віемъ I (527—565), и потомъ карловингами, королями Франціи, Германіи, Англіи, Испаніи, Даніи, Швеціи, Венгріи, Булгаріи, герцогами лотарингскими, имѣвшими притязанія на королевскій титулъ, впослѣдствіи также папами, венеціянскими дуками и другими князьями Италіи и наконецъ султанами иконійскими. Но эти буллы прилагались лишь къ самымъ важнымъ документамъ. Серебряныя буллы чрезвычайно рѣдки; ихъ извѣстно лишь нѣсколько отъ византійскихъ императоровъ и Роберта II, владѣльца Канун (1128). Г. Кёне присовокупляетъ къ нимъ еще буллу Христіана V, короля Даніи, принадлежащую къ собранію г. Рейхеля. Свинецъ всего чаще служилъ для этихъ печатей. Всѣ упомянутые государи, прилагавшіе золотыя буллы къ важнѣйшимъ документамъ, употребляли въ тоже время свинецъ для актовъ менѣшей важности. Самыя печати незначительныхъ князей и владѣтелей были свинцовыя: таковы и до сихъ поръ печати папскія и венеціянскія. Таковы были печати крестоносцевъ, которые и ввели ихъ въ употребленіе въ западной Европѣ, гдѣ принцы оранскіе и другіе, также многіе епископы, аббаты и духовные прилагали къ дипломамъ свинцовыя печати. Бронзовыя буллы чрезвычайно рѣдки: онѣ сохранились отъ нѣкоторыхъ королей Даніи, Алексины монферратской, супруги Наполеона Орсини (1328) и друг. Ошибочно принимали за буллы печати нѣкоторыхъ городовъ Франціи и Испаніи, съ означеніемъ годовъ: на нихъ не видно слѣда снурковъ, которыми привѣшивались буллы, и онѣ означали городской вѣсъ. Баронъ Шодрюкъ издалъ нѣсколько подобныхъ печатей городовъ Гвіаны. Г. Кёне присовокупляетъ къ нимъ неизданную пьесу города Толозы въ Испаніи. Восковыя буллы суть оттиски металлическихъ печатей съ двухъ сторонъ и встрѣчаются рѣдко. Онѣ употреблялись въ Пруссіи тевтоническимъ орденомъ.

Въ четвертомъ засѣданіи (14 марта), г. Кёне сообщилъ замѣчанія свои объ изображеніяхъ Геро и Леандра на древнихъ памятникахъ. Въ послѣднее время многіе нумизматы принимали изображеніе на нѣкоторыхъ древнихъ монетахъ (въ томъ числѣ на денаріи римской фамиліи *Сервиліи*, выбитомъ въ 710 году отъ основанія Рима) за изображеніе морской богини. Г. Кёне, основываясь на экземплярѣ этой монеты, хранящемся въ Императорскомъ Эрмитажѣ, доказываетъ, что изображенная на монетѣ фигура — не богиня, а юноша, именно Леандръ, пламенно любящій мужъ Геро. Изображенія ихъ встрѣчаются на монетахъ Сестоса и Абидоса, на римскихъ контурніатахъ, въ помпейской стѣнной живописи и на многихъ рѣзаныхъ камняхъ.

Въ пятомъ засѣданіи Общества (11 апрѣля), И. А. Бартоломей сообщилъ соображенія свои о числахъ на монетахъ послѣднихъ Саса-

Digitized by Google

нидовъ и о правописаніи пегльвійскихъ численныхъ словъ, въ которыхъ означающія единицы суть семитическія, а десятки — персидскія. Изъ восточныхъ писателей, сообщающихъ извѣстія о времени царствованія Сасанидовъ, извѣстія Мирхонда почти вполнѣ совпадаютъ съ нумизматическими данными. Въ заключеніе, г. Бартоломей сообщилъ поправки къ представленному имъ же въ засѣданіи 17 апрѣля 1847 года первому опыту классификаціи сасанидскихъ царей по монетамъ.

Въ тоже засѣданіи, И. П. Сахаровъ прочелъ извлеченіе изъ разсужденія своего о значеніи и содержаніи отечественной археологіи. По мнѣнію автора, въ область русской археологіи могутъ входить памятники первыхъ семи вѣковъ исторической жизни, начиная съ XI вѣка. Памятники русской языческой жизни исчезли съ лица земли, и вѣрныя данныя для нашей археологіи находятся лишь въ русской христіянской жизни. По мнѣнію г. Сахарова, русскія древности перешли три эпохи. Первая начинается съ водворенія въ Россіи христіянской вѣры. Эта эпоха была византійская, когда стекались въ Россію искусства и художества изъ образованной Греціи. Вторая эпоха начинается со вторженія въ Россію татаръ, съ половины XIII вѣка. Третья является съ половины XV вѣка, съ водворенія въ Россіи западныхъ искусствъ и художествъ. Разсмотрѣвъ способы изложенія русской археологіи, г. Сахаровъ сообщаетъ подробное исчисленіе предметовъ, входящихъ въ составъ этой науки, обозрѣніе ея литературы и трудовъ русскихъ ученыхъ въ изученіи отечественныхъ древностей.

Кромѣ чтенія статей, Общество занималось также разсмотрѣніемъ предложеній, сдѣланныхъ нѣкоторыми изъ его членовъ. Между прочимъ, по вызову гг. Яковлева и Кузьмина, Общество назначило для ученаго изыскапія двѣ преміи, каждую по четыреста рублей серебромъ. О задачахъ, предложенныхъ къ соисканію, въ свое время были извѣщены читатели «Современника». Изъ другихъ предложеній особеннаго вниманія заслуживаетъ то, которое сдѣлано было г. Погодинымъ. Содержаніе его состоитъ въ слѣдующемъ:

«Въ библіотекѣ московской синодальной типографіи хранится большая харатейная рукопись конца XIII или начала XIV вѣка, въ коей между разными статьями духовнаго содержанія помѣщено житіе Св. Бориса и Глѣба, съ живописными изображеніями всѣхъ происшествій. Имѣю честь представить оныя въ вѣрныхъ и точныхъ спискахъ, хотя и не вполнѣ отчетливыхъ, что касается до мелочей исполненія. Общество увидитъ, что эти изображенія, представляя древнюю нашу жизнь почти во всѣхъ ея явленіяхъ, составляютъ наивеличайшую драгоцѣнность для нашей исторіи, не только для исторіи искусства, — драго-

Digitized by Google

цѣнность, которая равняется знаменитымъ Матильдинымъ ковромъ Байе. Здѣсь открываются передъ нашими глазами древнія зданія, церкви съ образами и крестами, дверями, окнами, крышами, украшеніями: одежда княжеская, боярская, воинская, простолюдинная, одежда епископовъ, священниковъ и діаконовъ, — ризы, эпитрахили, подризники, корзна, ферязи, брони, нижнія порты, сорочки, воротники, шапки, сапоги, пояса; оружіе, шляпы, щиты, мечи, сабли, копья, топоры, стяги взволоченные; утвари, стулья, столы, скамьи; посуда: сосуды, чашки, чары, рога (турьи). Кромѣ того: шатры, сани, кола, сѣдла, узды, возжи, носилки, насады съ веслами, колоды, саваны и проч.

«Не угодно ли будетъ Оществу издать эти изображенія? Издержки изданія были бы покрыты, я увѣренъ, продажею экземпляровъ не только въ Россіи, но и въ Европѣ. Къ рисункамъ я присоединю свое изслѣдованіе объ авторѣ этого житія, современникѣ Нестора, монахѣ Іаковѣ, котораго имя до 1840 года было неизвѣстно, и вѣрный списокъ съ его сочиненій, мною найденныхъ въ 1840 году, памятниковъ XI вѣка. Все изданіе могло бы имѣть такое заглавіе: «*Мнихъ Іаковъ и его сочиненіе, съ приложеніемъ современныхъ рисунковъ и житій Святыхъ Бориса и Глѣба, въ рукописи XIII вѣка*». Изданіе я готовъ принять на себя, такъ какъ рукопись находится въ Москвѣ. Рисунки можно сдѣлать вновь, отчетливыми до послѣднихъ мелочей, и литохромировать, какъ *Древности Россійскаго Государства....*»

Мы выписали цѣликомъ предложеніе г. Погодина, потому что существованіе рукописи, о которой упоминается въ немъ, можетъ быть, неизвѣстно многимъ изъ занимающихся русской исторіей. Нѣтъ сомнѣнія, что изданіе этихъ любопытныхъ изображеній возбудило бы всеобщій интересъ и принесло бы наукѣ значительную пользу. Къ сожалѣнію, Общество не нашло возможнымъ принять вызовъ г. Погодина. Оно положило: «благодарить автора за предложеніе и имѣть въ виду это изданіе на будущее время, такъ какъ средства Общества не позволяютъ ему, въ настоящее время, принять на себя потребныхъ на то значительныхъ издержекъ, исчисленныхъ г. Погодинымъ отъ 1,500 до 2,000 рублей серебромъ».

135) Древнія граматы и другіе письменные памятники, касающіеся Воронежской губерніи и частію Азова. *Собраны и изданы* Н. Второвымъ и К. Александровымъ-Дольникомъ. *Книжка 1. Воронежъ. 1850 г.*

Акты, которые вошли въ составъ разсматриваемой нами книжки, были первоначально напечатаны въ Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ. «Современникъ» имѣлъ уже случай замѣтить, что наши провинціяльныя, губернскія газеты, обратившись къ знакомству съ

Digitized by Google

мѣстными интересами и потребностями, сдѣлались довольно занимательны и даже поучительны. Такой отзывъ вполнѣ заслуживаютъ и «Воронежскія Губернскія Вѣдомости» за нынѣшній годъ.

Но какъ бы ни была занимательна провинціяльная газета, она не пріобрѣтаетъ у насъ дальней извѣстности; по крайней мѣрѣ въ настоящее время это фактъ. Оставаясь привязанною къ извѣстной мѣстности, она рѣдко читается вдали, — и потому успѣхи ея мало обозначаются въ обществѣ. Между тѣмъ губернская газета, по любопытнымъ и полезнымъ статьямъ, печатаемымъ ею, часто заслуживаетъ быть извѣстною не въ однѣхъ границахъ своей мѣстности, гдѣ извѣстія газеты теряютъ много интереса уже по причинѣ близости самого быта, изъ котораго они взяты. Историческія, статистическія, археологическія и другія данныя, собираемыя газетою и часто не возбуждающія на мѣстѣ ничего, кромѣ простого любопытства, могутъ быть чрезвычайно важны для ученаго; историку, археологу и филологу подобные матеріялы — драгоцѣнная находка! Но какъ воспользоваться ими, когда эти данныя разбросаны на многочисленныхъ листахъ разныхъ губернскихъ вѣдомостей, которыхъ у насъ довольно значительное число. Вотъ почему нельзя не поблагодарить отъ лица науки гг. Второва и Александрова-Дольника за прекрасную мысль собирать и печатать отдѣльными книжками всѣ историческія и другія свѣдѣнія, печатаемыя на листахъ «Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей».

Первая книжка «Древнихъ граматъ, касающихся Воронежской губерніи и частію Азова» заключаетъ въ себѣ старинные акты времени Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михайловича и его дѣтей. Акты эти, состоящіе изъ царскихъ указовъ, разныхъ челобитныхъ, отписокъ, памятей и проч., заимствованы изъ архива Острогожскаго Уѣзднаго Суда и архива Воронежскаго Губернскаго Правленія, гдѣ между прочимъ хранятся и дѣла бывшей Азовской Воеводской Канцеляріи.

Болѣе любопытные и замѣчательные матеріялы, напечатаные въ разсматриваемой нами книжкѣ, слѣдующіе: 1) *переписка по доносу стрѣльца Сырохватова объ участіи нѣкоторыхъ лицъ въ заговорѣ Шакловитаго.* Переписка эта происходила уже спустя восемь лѣтъ послѣ самого событія, т. е. заговора. Отсюда мы узнаемъ, что всѣ приготовленія къ совершенію злодѣйскаго умысла дѣлались въ Московскомъ Кремлѣ, на Лыковомъ дворѣ, гдѣ нынѣ арсеналъ. Здѣсь Шакловитый, начальникъ Стрѣлецкаго приказа, собиралъ стрѣльцовъ отъ всѣхъ полковъ и уговаривалъ, чтобъ они къ *дѣлу были готовы*. «А тѣ стрѣльцы на Лыковѣ и на житномъ дворѣхъ «были всѣ съ ружьемъ, и у многихъ была въ рукавицахъ ядра пу-

Digitized by Google

«нечные и на поясахъ сулебы и въ рукахъ дубье». Стрѣльцамъ были раздаваемы деньги, по рублю и полтинѣ человѣку. — «А у «обпаженнаго старца *Силвестрка Медвѣдева* въ монастырѣ у кѣлей «ево» стрѣльцы держали перемѣнный караулъ, «а стояли человѣкъ «по двѣсте и по полтораста и по сту и по пятидесяти; а у перемѣнъ «караула приказывали приставъ Андрѣй Кондратьевъ и Ларіонъ «Елизарьевъ смотрѣть, чтобъ никакова шума не было, а естли ка- «кой шумъ учинится — ловить. *И къ тому де старцу Силвестрку* «Ларіонъ Елизарьевъ, Михайло Өеклистовъ, Матвѣй да Степанъ «Воротниковы, Ондрюшко кондратьевъ, Минитко Гладкой.... *при- «хаживали непрестанна и у него начевывали.*» (стр. 78—90).

2) *Грамоты Царя Алексѣя Михайловича воронежскому воеводѣ Бухвостову о развѣдываніи на счетъ замысловъ Разина и отписка царю отъ воеводы.* Стенька Разинъ, имя котораго запомнили народныя преданія и пѣсни, былъ донской казакъ, памятный своими злодѣяніями и грабежами, главнымъ образомъ по Волгѣ. Онъ взялъ приступомъ Царицынъ и Астрахань, «Царицынскаго воеводу и голову «Стрѣлецкаго Ивана Лапатина посадилъ въ воду, а стрѣльцовъ по- «рубилъ», или присоединилъ къ себѣ и взволновалъ все Приволожье. Овладѣвъ Саратовымъ, Разинъ двинулся къ Нижнему; но здѣсь встрѣтили его неудачи. Царь Алексѣй Михайловичъ приказывалъ (1670 г.) Бухвостову развѣдывать: «воръ Стенька Разинъ гдѣ и «многоль съ нимъ воровскихъ людей конныхъ и пѣшихъ, и изъ го- «родовъ изъ Дону въ прибавку къ нему нейдутъ ли; буде идутъ — «и съ которыхъ городовъ и какіе люди; или изъ ево станицы казаки «отъ воровства отстали, и многіе люди, и что дѣлается на Дону, «и съ Калмыки у него Стеньки бои бывалиль, и въ которое время, и гдѣ» и...? (стр 28, 76.)

3) *Грамота Царя Михаила Ѳеодоровича къ воронежскому воеводѣ князю А. И. Солицеву-Засѣкину* (1641 г.) Царь извѣщаетъ въ ней воронежскаго воеводу объ измѣнѣ чугуевскихъ черкасъ, которые, забывъ жестокости, претерпѣнныя ими отъ Польши, и крестное цалованье, снова бѣжали за рубежъ — къ полякамъ. По мнѣнію издателей, «этотъ памятникъ драгоцѣненъ потому, что въ немъ «разсказывается о событіи, которое не упоминается ни однимъ изъ «историковъ.» Событіе это заключается въ слѣдующемъ: въ 1638 году, по свидѣтельству грамоты, пришелъ изъ Литвы въ Московское государство *гетманъ Ятцко Остренинъ* съ сотниками и рядовыми черкасами и умолялъ объ избавленіи ихъ отъ лютаго польскаго гоненія, «для того, что Польскіе и Литовскіе люди ихъ «крестьянскую вѣру нарушили і церкви Божіи разоряютъ, и ихъ «побиваютъ, и женъ ихъ и детей, збирая въ хоромы, по-

Digitized by Google

«жигаютъ, и пищальное зелье насыпавъ имъ въ пазухи за-«жигаютъ» и проч. Остренинъ и черкасы просили царя устроить ихъ на вѣчное житье подъ своею высокою властію на Чугуевѣ городищѣ, гдѣ они брались и городъ и острогъ поставить. Царь не только дозволилъ пришельцамъ поселиться на означенномъ мѣстѣ, но надѣлилъ каждаго изъ нихъ землями, разными угодьями, денежнымъ и хлѣбнымъ жалованьемъ, поставивши имъ въ обязанность «съ недруги нашими битись, чтобы въ Московское государ-«ство бусурманъ не пропустить.» Такимъ образомъ данная грамота свидѣтельствуетъ о прибытіи въ 1638 году въ Россію партіи казаковъ, бѣжавшихъ чрезъ три года обратно въ Литву, но оставившихъ по себѣ память основаніемъ города Чугуева. Изъ этой грамоты мы узнаемъ, что въ первоначальный составъ населенія Воронежской губерніи вошли малороссіяне. Такое свидѣтельство, вмѣстѣ съ многими другими, разбросанными въ настоящей книжкѣ «Древнихъ актовъ, касающихся Воронежской губерніи и частію Азова», представляетъ прекрасное пособіе для разъясненія вопроса: какъ заселились степи воронежскія? Этими результатами, думаемъ мы, и ограничивается замѣчательность даннаго памятника; но издатели дѣлаютъ еще одно замѣчаніе. Они предлагаютъ вопросъ: не названъ ли здѣсь *Остреninымъ* извѣстный гетманъ *Стефанъ Остряница*? и сами, кажется, склоняются въ пользу положительнаго отвѣта. Отечественные историки утверждаютъ, что въ 1638 г. гетманомъ малороссійскимъ былъ Остряница, замученный поляками въ Варшавѣ; Радзиминскій увѣряетъ, что *Остржанина*, разбитый поляками, *убѣжалъ въ Москву и поселился на Дону*. Свидѣтельство Радзиминскаго сходится съ свидѣтельствомъ грамоты Алексѣя Михайловича объ Остренинѣ; но, можетъ быть, Остряница и Остренинъ были два различныя лица, на что указываютъ и различныя имена *Ятцко* и *Стефанъ*. — Замѣчаніе издателей, слѣдов., не приводитъ ни къ чему точному и положительному (стр. 106, 133).

4) *Грамота Царя Алексѣя Михайловича о наказаніи воеводы Василья Уварова за ошибку въ царскомъ титулѣ*; 5) *Распоряженіе объ аукціонной продажѣ имущества въ 1681 году*: память стрѣлецкому сотнику — «итти тебѣ въ москотильной торговой жилой рядъ, «взявъ съ собою земскихъ старостъ и торговыхъ лутчихъ людей, да «досмотрѣть лавку донского казака Ивана Широкихъ Штановъ, а до-«смотря, оценить прямо, въ правду, и продать повольною цѣною «сверхъ оцѣнки съ прибавкою охочимъ людямъ.» 6) *Счетъ припасамъ, забраннымъ для дворца Императора Петра I, въ Воронежѣ*; 7) *Роспись корабельнымъ мастерамъ на Воронежской верфи и выдаваемому имъ жалованью*; 8) *Описаніе Воронежа, составленное въ 1666*

Digitized by Google

году — чрезвычайно любопытное по подробнымъ статистическимъ свѣдѣніямъ, которыя здѣсь записаны (стр. 37, 48, 59, 98, 149).

Есть и другіе замѣчательные документы; но встрѣчается нѣсколько и такихъ, которые не даютъ наукѣ ничего новаго. Посовѣтуемъ только издателямъ печатать грамоты по образцу Археографической Коммиссіи, т. е. безъ сохраненія особенностей стариннаго правописанія, которыя безъ всякой нужды пестрятъ книгу и затрудняютъ чтеніе; мы считаемъ также необходимымъ раздѣлять предлоги и союзы отъ слѣдующихъ за ними словъ, что̀ не вездѣ соблюдено издателями. Сверхъ того, на стр. 2., грамоту объ опредѣленіи посадскаго человѣка *въ таможню*, къ государевымъ дѣламъ, издатели назвали образцомъ древняго опредѣленія на службу *по министерству финансовъ*: такое перенесеніе современныхъ учрежденій въ прошлое время измѣняетъ его характеристическую особность, и потому въ ученомъ дѣлѣ не должно быть допускаемо.

Впрочемъ, замѣчанія эти мы дѣлаемъ потому, что въ трудѣ столько полезномъ, какъ разсматриваемый нами, не хотѣли бы видѣть подобныхъ недосмотровъ.

136) Статистическіе очерки Воронежской губерніи. *Книжка первая. Воронежъ. 1850 г.*

Свѣдѣнія, предлагаемыя «Статистическими очерками», также перепечатаны изъ «Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей». Кромѣ перепечатанія отдѣльными выпусками историческихъ и статистическихъ матеріяловъ, нельзя не пожелать, чтобъ и матеріялы топографическіе не были оставлены безъ вниманія на листахъ газеты и явились бы отдѣльною книжкою: потребность въ матеріялахъ этого рода теперь живо чувствуется, когда такъ удачно подняты многіе вопросы славянской миѳологіи.

Въ первой книжкѣ «Статистическихъ очерковъ» напечатаны описанія трехъ уѣздовъ: *Валуйскаго*, *Острогожскаго* и *Бобровскаго*. Самое намѣреніе сообщать свѣдѣнія по уѣздамъ, отдѣльно, уже заслуживаетъ благодарности, потому что этимъ условливается бо́льшая подробность описаній. Здѣсь сообщаются свѣдѣнія о пространствѣ и населеніи уѣзда, о количествѣ земли подъ пашнями, лѣсами, лугами и проч., о числѣ рѣкъ и ихъ теченія, о селеніяхъ и ихъ состояніи, о числѣ помѣщиковъ, крестьянъ помѣщичьихъ и казенныхъ, о промыслахъ населенія, торговлѣ, заводахъ, ярмаркахъ, грунтѣ земли, урожаѣ и проч. При описаніи каждаго уѣзднаго города разсказываются историческія свидѣтельства объ его основаніи и заселеніи.

Digitized by Google

Матеріалы, сообщаемые «Статистическими очерками», весьма полезны; напечатанные первоначально въ губернской газетѣ, они, вѣроятно, были собираемы оффиціяльно, и потому возбуждаютъ къ себѣ болѣе довѣрія. Если мы вспомнимъ недостатокъ у насъ подробно и правдиво собранныхъ статистическихъ данныхъ, то всякій подобный трудъ необходимо долженъ обращать на себя полное вниманіе. — Сообщимъ здѣсь главные и наиболѣе любопытные статистическіе факты по означеннымъ тремъ уѣздамъ Воронежской губерніи.

Площадь Валуйскаго уѣзда заключаетъ въ себѣ 408,617 десятинъ (въ томъ числѣ подъ пашнями 235,921 десятина, подъ лугами и степями 108,299 д., подъ лѣсами и кустарниками 33,306 д.); площадь Острогожскаго уѣзда равняется 799,696 десятинъ (пахатной — 364,624 д., сѣнокосной степной 236,234 д., подъ лѣсомъ 47,079 д.), а Бобровскаго — 791,321 д. (пахатной 175,029 д., степной и луговой 410, 581 д., лѣсу 55, 759 д.)

Такимъ образомъ, степной характеръ мѣстности еще далеко не изгладился, и нѣкоторыя части уѣздовъ вполнѣ его сохраняютъ. Грунтъ земли во всѣхъ трехъ уѣздахъ состоитъ изъ прекраснаго и плодороднаго чернозема; только по пологимъ берегамъ рѣкъ встрѣчаются пески; такъ, по теченію Оскола, Валуя, Масловки, Икорца, по лѣвому берегу Черной Калитвы и Дона лежатъ безплодныя песчаныя пространства. Вообще, видъ страны представляетъ широкую равнину, изрѣдка прорѣзываемую незначительными возвышеніями, главнымъ образомъ идущими по правой сторонѣ рѣкъ и покрытыми мелкимъ дровянымъ лѣсомъ и кустарниками. Правый берегъ Дона сопровождаютъ мѣловыя формаціи, съ крутыми обрывами къ рѣкѣ. При впаденіи въ Донъ Тихой Сосны расположенъ Дивногорскій монастырь; «подъѣзжая къ нему отъ Воронежа, издали виденъ рядъ «набережныхъ мѣловыхъ горъ, покрытыхъ мѣстами густымъ кус«тарникомъ. На голыхъ склонахъ торчатъ мѣловыя пирамиды и столбы», изумительные по своей правильной формѣ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ были высѣчены кельи отшельниковъ, но теперь уже развалились. Внизъ по Дону, на разстояніи 5 верстъ отъ Дивногорскаго монастыря, въ мѣловой Шатрицкой горѣ высѣчена церковь и 5 пещеръ; а подъ самою горою, возвышающеюся почти утесомъ, катится Донъ. Эта рѣка течетъ по глинистому и иловатому руслу; протекая по степному пространству и имѣя незначительный склонъ къ морю, Донъ не отличается быстрымъ теченіемъ; впрочемъ, быстрота его въ сравненіи съ другими здѣшними рѣками значительна. Теченіе Сосны, Калитвы и др. — медленное, сонливое (стр. 26, 45 и дал.). Кромѣ обозначенныхъ нами рѣкъ замѣчательна еще

Digitized by Google

Битюкъ, которая тянется по Бобровскому уѣзду 140 верстъ и впадаетъ въ Павловскомъ уѣздѣ въ Донъ.

Состояніе почвы опредѣляетъ главный промыслъ жителей, который направленъ на хлѣбопашество и скотоводство. Въ Валуйскомъ уѣздѣ подъ посѣвъ хлѣбовъ ежегодно бываетъ занято до 80,000 дес., и урожай среднимъ числомъ, въ 10-лѣтней сложности, полагается самъ-третей; въ Острогожскомъ уѣздѣ посѣвъ занимаетъ 293, 854 десятины, и урожай для озимаго можно положить самъ-третей, а для ярового: пшеницы самъ-4, ячменю самъ-5, овса самъ-6, гречихи самъ-7, проса самъ-20; въ Бобровскомъ уѣздѣ ежегодный посѣвъ хлѣба простирается до 70,000 четверт. озимаго и до 100,000 четв. ярового; средній урожай для озимаго самъ-третей, а для ярового самъ-5.

На каждый крестьянскій дворъ въ Валуйскомъ уѣздѣ приходится по одной лошади, 2 штуки рогатаго скота и по 3 овцы; въ Острогожскомъ по одной лошади, по 3 штуки рогатаго скота и по 10 овецъ, а въ Бобровскомъ — по 3 лошади, по 4 штуки рогатаго скота и по 11 штукъ овецъ.

Кромѣ великорусскаго населенія, въ уѣздахъ Бобровскомъ и Острогожскомъ встрѣчаются цѣлыя селенія малороссіянъ; въ послѣднемъ уѣздѣ есть Рыбенсдорфская колонія нѣмецкихъ поселенцевъ.

Народонаселеніе города Валуекъ (по послѣднимъ отчетамъ 1848 г.) полагается въ 4,194 души обоего пола; въ Острогожскѣ оно равняется 7,289, а въ Бобровѣ — 2,578 душъ об. пола. Въ уѣздахъ народонаселеніе (по 8 ревизіи) простирается: въ Валуйскомъ до 118 т. душъ обоего пола (государственныхъ крестьянъ 83,214, помѣщичьихъ 32,427, а самихъ помѣщиковъ 120); въ Острогожскомъ — до 160,935 душъ обоего пола (государственныхъ крестьянъ 97,672, помѣщичьихъ 62,013 душъ; а помѣщиковъ 109); въ Бобровскомъ — до 148,425 душъ об. пола (государственныхъ крестьянъ 51,747 душъ, помѣщичьихъ 95, 503 души., а помѣщиковъ 52.) — Селеній въ Валуйскомъ уѣздѣ: 119 — населенныхъ казенными крестьянами, 101 — помѣщичьими, 18 — и казенными и помѣщичьими; въ Острогожскомъ: 86 казенныхъ, 134 помѣщичьихъ, 6 смѣшанныхъ; въ Бобровскомъ: 44 казенныхъ, 77 помѣщичьихъ, 2 смѣшанныхъ, 10 селеній, населенныхъ коннозаводскими крестьянами.

Мануфактурная промышленность — незначительна; только въ Бобровскомъ уѣздѣ есть одна суконная фабрика; въ другихъ уѣздахъ фабрикъ нѣтъ. Изъ заводовъ самые замѣчательные овчарные и конскіе, которыхъ очень много въ здѣшнихъ мѣстахъ. Въ Бобровскомъ уѣздѣ считается 41 конскій заводъ; а общій итогъ лошадей

Digitized by Google

составляетъ 47,327. Здѣшніе заводы славятся во всей Россіи. Другихъ заводовъ считается:

	Валуйск. уѣзда.	Острог.	Бобровск.
Салотопенныхъ . . .	6	8	8
Кирпичныхъ	4	7	—
Сахарныхъ.	1	—	3
Селитряныхъ . . .	2	—	—
Мыловаренныхъ . . .	—	2	—
Винокуренныхъ . . .	—	15	2
Сальныхъ свѣчъ . . .	—	2	—
Мельницъ водяныхъ .	25	(*)	31
Мельницъ вѣтряныхъ .	562	(*)	1,162

Ярмарокъ въ Валуйскомъ уѣздѣ считается 47 (капиталъ на нихъ обращается въ 350,000 руб. сер.), въ Острогожскомъ 53 (капиталъ = 266,293 руб. сер.), въ Бобровскомъ 9 (артонокъ).

Не всѣ уѣзды описаны одинаково подробно въ «Статистическихъ очеркахъ»; подробнѣе другихъ описанъ уѣздъ Бобровскій, къ очерку котораго даже приложены отдѣльныя описанія нѣкоторыхъ болѣе замѣчательныхъ селеній, именно: *село Александровское*, статья г. фонъ-Кремера, и *три смѣжныя селенія: Шады, Ясырки и Садовое*, статья г. Соболева. Поверхностнѣе другихъ составлено описаніе Валуйскаго уѣзда. «Статистическіе очерки», конечно, не представляютъ полной безъошибочности, и г. фонъ-Кремеръ сдѣлалъ довольно справедливыхъ поправокъ въ описаніи Бобровскаго уѣзда; но во всякомъ случаѣ они не теряютъ своего полезнаго значенія. Повѣрить всѣ неточности «Очерковъ» можно только на мѣстѣ, и, разумѣется, такая задача принадлежитъ по преимуществу самимъ издателямъ статистическихъ данныхъ Воронежской губерніи. Они, кажется, и имѣютъ это въ виду, помѣстивши въ своемъ изданіи замѣчанія г. фонъ-Кремера.

Нельзя не пожалѣть, что во всѣхъ статьяхъ «Очерковъ» предлагается только матеріялъ, безъ всякихъ результатовъ, какіе можно бы основать на сближеніи и соотношеніи различныхъ цыфръ.

Съ участіемъ ожидаемъ продолженія этого столько полезнаго изданія.

137) Руководство рисовать красками по стеклу, *красками по трафаретамъ на бумагѣ, деревѣ, крепѣ, гроденаплѣ, атласѣ, кисеѣ, бархатѣ, сукнѣ, драдедамѣ, алебастрѣ и гладкой шелковой матеріи; волосами по фарфору, стеклу и кости; переводить литографированные и иллюминованные эстампы на стекло, дерево, золото, серебро, камень, перламутръ, фарфоръ, кость и проч.*,

(*) Не показано.

Digitized by Google

рисовать по рисовой бумагѣ, разкрашивать (иллюминовать) литографіи, рисовать пастелью, подражать анкостической живописи и подражать масляной живописи. Спб. 1850. Въ тип. Военно-учебныхъ заведеній. Въ 16-ю д. л., стр. 59 и VIII.

Предлинное заглавіе этого «Руководства» вовсе не соотвѣтствуетъ его объему. Чтобы выучиться всѣмъ исчисленнымъ въ заглавіи искусствамъ, достаточно прочесть миніатюрную брошюру въ 59 страничекъ. Не знаемъ, можно ли въ самомъ дѣлѣ выучиться чему нибудь по этой книжкѣ, но если можно, то сознаемся откровенно, что мы никогда не предполагали возможности такого легкаго и дешеваго способа научиться такому значительному количеству такихъ пріятныхъ искусствъ.

138) Краткое наставленіе о разведеніи плодовыхъ деревьевъ въ полуденной Россіи. Г-на Стевена. *Издано Департаментомъ Сельскаго Хозяйства. Третье изданіе, исправленное сочинителемъ. Спб. Въ тип. Крайя. 1850. Въ 8-ю д. л., стр. 80.*

Имя автора, извѣстнаго своей опытностію въ дѣлѣ агрономіи, успѣхъ книги, выходящей теперь третьимъ изданіемъ, и оффиціяльное одобреніе, данное ей Департаментомъ Сельскаго Хозяйства, достаточно свидѣтельствуютъ объ ея достоинствѣ. Все сочиненіе состоитъ изъ трехъ частей: въ первой говорится о фруктовомъ садѣ, во второй — о разведеніи питомника и древесной школы, а въ третьей — о собираніи, храненіи и употребленіи плодовъ.

139) Метода Робертсона. *Практическіе уроки французскаго языка съ грамматическимъ ихъ обзоромъ и краткимъ изложеніемъ (ключемъ) оной методы. Въ пользу русскаго юношества составилъ* Яковъ Лангенъ. *Спб. 1850. Во французской тип. Въ 8-ю д. л., стр. 129.*

Книга эта, составленная по методѣ Робертсона, начинается, разумѣется, похвалою этой методѣ. Каковы бы ни были достоинства придуманнаго Робертсономъ способа учить живымъ языкамъ, мы полагаемъ, что хорошій учитель обойдется и безъ этого способа, а посредственный и съ его помощью сдѣлаетъ весьма мало. На этомъ основаніи, мы не рѣшаемся рекомендовать отцамъ и воспитателямъ книгу, заглавіе которой мы выписали. Все зависитъ отъ того, въ чьи руки попадется этотъ учебникъ: въ рукахъ того, кто будетъ умѣть имъ пользоваться, онъ будетъ весьма полезенъ; а тотъ, кто не имѣетъ ни нужныхъ познаній, ни нужной опытности въ педагогикѣ, извлечетъ изъ него весьма мало пользы и для себя и для своихъ воспитанниковъ.

Digitized by Google

140) Deutsche Chrestomatie. *Zum Gebrauch der Deutschen Hauptschule St. Petri. Dritte Ausgabe. St. Petersburg. Gedruckt bei Wienhöber. 1850. S. 201.*

«Нѣмецкая Хрестоматія», назначенная для употребленія въ главной школѣ св. Петра, составлена довольно хорошо и можетъ быть съ пользою употреблена русскими, желающими выучиться нѣмецкому языку. Впрочемъ, это книга не новая. Она выходитъ уже третьимъ изданіемъ.

141) Общенародная геометрія. *Сочиненіе Литтрова. Съ 8-ю листами чертежей. Переведена съ нѣмецкаго Ѳедоровымъ. Изданіе второе, Кораблева и Сирякова. Спб. Въ тип. Фишера. 1850. Въ 12-ю д. л., стр. 197.*

142) Краткая русская грамматика, *изданная* Николаемъ Гречемъ. *Одиннадцатое изданіе, исправленное и дополненное. Спб. 1850. Въ 8-ю д. л. Въ тип. Греча, стр. 146.*

Оба учебника, заглавія которыхъ мы выписали, не подлежатъ нашему разсмотрѣнію, какъ книги не новыя и уже совершенно извѣстныя всей читающей публикѣ. Общенародная геометрія Литтрова дошла до *второго* изданія, а краткая русская грамматика г-на Греча уже до *одиннадцатаго*.

143) Трехсотлѣтній показатель, *отъ 1700 до 2000 лѣтъ, христіанскихъ дней недѣли на каждое число мѣсяцевъ ежегодно Юліанскаго времясчисленія. Составилъ и издалъ* В. Д. Орденовъ. *Спб. 1850. Въ лит. Розеліуса.*

«Трехсотлѣтній показатель», составленный г. Орденовымъ, заключается въ небольшой, но красиво изданной таблицѣ, по которой, посредствомъ особаго способа, въ ней объясненнаго и вовсе нетруднаго, можно узнать соотвѣтствующій каждому числу день недѣли. Вы хотите знать, напримѣръ, какой былъ день недѣли 16 мая 1703 года; съ помощью таблицы г. Орденова вы безъ всякихъ расчетовъ и выкладокъ, менѣе чѣмъ въ минуту, узнаете, что это было воскресенье. Таблица г. Орденова обнимаетъ 300 лѣтъ: 150 прошедшихъ и 150 будущихъ. Искренно завидуемъ тому, кто, купивъ это замысловатое произведеніе, найдетъ возможность повѣрить его день за днемъ до самого послѣдняго года. Цѣна этой таблицы весьма умѣренная, а именно 50 коп. серебромъ.

Digitized by Google

VI.

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЯ ПИСЬМА.

VII *.

Считаю нужнымъ предувѣдомить, что нынѣшній разъ я буду говорить о *Барышѣ*; но не пугайтесь: дѣло будетъ итти не о томъ экономическомъ явленіи, которое, полагаю, отчасти всякому извѣстно и очень походитъ на каплю благороднаго вина, добытаго изъ грубаго и кислаго гроздія, но о *Барышѣ* совсѣмъ другого рода. Этотъ послѣдній Барышъ просто течетъ въ Симбирской губерніи, принимая начало въ Сызранскомъ уѣздѣ ея, впадая въ Суру въ Алатырскомъ, изъ чего уже легко видѣть, что я говорю о рѣкѣ, носящей столь значительное прозвище.

Вы понимаете, что если бы рѣка Барышъ не оправдывала имени своего, она никогда не попала бы въ это письмо; но дѣло вотъ въ чемъ. Край, гдѣ пробѣгаетъ она, буквально оплодотворяется этимъ маленькимъ Ниломъ своего рода, разумѣется не въ смыслѣ физическаго явленія, а принимая слова мои въ значеніи коммерческаго факта. Какимъ образомъ происходитъ это, разскажу сейчасъ, но прежде дозволю себѣ маленькую оговорку. Нѣтъ сомнѣнія, гораздо пріятнѣе описывать высокія горы, глубокія пропасти, и т. п.: что́ тутъ ни говори, все будетъ хорошо. Нѣтъ такой лести, чудовищной фразы и неясной мысли, которыя не покрылись

(*) См. предъид. Письмо въ V № «Современника» 1850 г., отд. VI, стр. 37.

Digitized by Google

бы важностію самихъ географическихъ и этнографическихъ предметовъ и не пропали бы въ тѣни ихъ. Гораздо труднѣе, по моему, говорить съ уваженіемъ о малыхъ предметахъ, сохраняя умѣренность въ оцѣнкѣ и не поддаваясь увлеченію. Можетъ быть, вы усомнитесь въ томъ, что такіе предметы могутъ порождать увлеченіе, а между тѣмъ нѣтъ ничего справедливѣе. Я съ своей стороны никогда не могъ встрѣтить безъ сильнаго внутренняго ощущенія человѣка, озеро, ручей, скромно дѣлающихъ свое дѣло добра и пользы. Есть что-то заманивающее, неудержимо привлекательное въ самой безвѣстности ихъ. Правда, человѣкъ еще можетъ получить достодолжную награду: вы обнимете его, прижмете къ груди своей, сдѣлаете своимъ другомъ; но жалко, что неодушевленные предметы не могутъ распознавать тайныхъ друзей своихъ. Какимъ бы вы ни были записнымъ поклонникомъ горы или озера, все вы можете опрокинуться на первой и потонуть въ послѣднемъ; а это поселяетъ холодность и недовѣрчивость, весьма вредныя истинной дружбѣ.

Извѣстно, что въ средней полосѣ Россіи приближеніе къ Волгѣ ощутительно на весьма далекомъ радіусѣ. Верстъ за двѣсти отъ благодатной рѣки народонаселеніе дѣлается сплошнѣе и живетъ большими группами: отсюда происхожденіе богатыхъ частныхъ и казенныхъ имѣній. Деревни, села начинаютъ тянуться длинными рядами, а за ними во весь объемъ глаза растилаться поля, удивительно тщательно обработанныя. Все, что̀ можетъ сдѣлать соха и деревянная борона, сдѣлана вполнѣ и такъ, какъ эти простые инструменты, можетъ быть, нигдѣ не дѣлали. Въ этомъ, по моему мнѣнію, заключается и одна изъ важнѣйшихъ причинъ, мѣшающихъ вводу раціональнаго хозяйства. Мастеръ, достигшій превосходства въ извѣстномъ ремеслѣ, разучивается неохотно. Кромѣ того есть и другія причины: обиліе и естественное плодородіе почвы, требующей малаго удобренія, рынки, преимущественно доставляющіе сбытъ только извѣстнымъ родамъ хлѣба, и проч. По всѣмъ этимъ причинамъ, трехъ-польная система, достигшая здѣсь, относительно, самаго высокаго развитія, вѣроятно, еще удержится надолго, и самый переходъ къ новой системѣ начнется еще съ бо́льшаго усовершенствованія старой, составляющей славу и гордость приволжскаго земледѣльца. Приведенныя нами подробности могутъ показаться скучными городскому читателю, но они очень интересны для проѣзжаго, передъ которымъ всякій разъ, какъ выйдетъ онъ изъ деревенской околицы, открывается необозримое пространство густо растущаго хлѣба, колеблемаго вѣтромъ, какъ огромная скатерть, потрясаемая съ двухъ концовъ, и разливающагося волнами разнаго цвѣта въ различныя эпохи своего цвѣтенія — свѣтло-зеленымъ отливомъ въ

Digitized by Google

раннее время, серебристымъ и ярко-золотымъ при приближеніи жатвы. Картина эта такъ хороша, что стоитъ спросить о способѣ, которымъ произведена она.

Вмѣстѣ съ густотой и смѣсью народонаселенія, необозримыми полями, покрытыми хлѣбомъ, близость Волги возвѣщается и особеннымъ движеніемъ, царствующимъ въ краѣ. Хлѣбная торговля, существующая на складочныхъ пристаняхъ, на берегу судоходныхъ рѣкъ, въ огромныхъ размѣрахъ, оживляетъ всѣ многочисленные деревенскіе базары, гдѣ эта же торговля идетъ въ мелкую. Всѣ и каждый заняты состояніемъ урожая вообще, колебаніемъ цѣнъ на разныя почетныя произведенія и спекуляціей на нихъ до установленія настоящихъ по зимѣ. Начиная съ прикащика богатаго купца, пріѣзжающаго съ петербургскихъ торговъ для закупки 30 или 50 тысячъ четвертей ржи и овса въ январѣ мѣсяцѣ, до послѣдняго содержателя постоялаго двора и наконецъ до бѣднѣйшаго татарина, тянущагося на базаръ съ кулемъ поташа, — все слѣдитъ за повышеніемъ или пониженіемъ курса на какой либо видъ хлѣба, и притомъ съ тѣмъ же вниманіемъ, какое бываетъ замѣтно на европейскихъ биржахъ. О зимѣ говорить нечего: зимой къ пристанямъ и мельницамъ тянутся нескончаемыя цѣпи обозовъ, достаточныя для прокормленія порядочной арміи въ теченіи нѣсколькихъ недѣль; но и лѣтомъ многочисленные возы одного извѣстнаго здѣсь товара — хлѣба — стоятъ на базарахъ, прогнанные или нуждой, или расчетомъ на прибыль. Въ каждой избѣ, и въ каждой комнатѣ, и въ каждомъ углу вы встрѣчаете одну только мысль, вокругъ которой вращается все существованіе нѣсколькихъ сотъ тысячъ людей. Куда вы ни обернетесь — посмотрѣть ли на поле, поговорить ли съ человѣкомъ, — и здѣсь и тамъ хлѣбъ и хлѣбъ. Кажется, одно только небо свободно отъ него; но проѣзжающему нельзя смотрѣть на него: такъ оно бываетъ знойно на востокѣ Россіи въ короткую лѣтнюю пору. Туземный житель не спускаетъ, однакожь, съ него глазъ въ это время, потому что отъ количества выпадающаго дождя зависитъ весь успѣхъ хозяйства.... Если взглянуть на все это движеніе въ полномъ его объемѣ, то оно представитъ картину величавую и поразительную столько же, сколько и картина дѣятельности, царствующей вокругъ манчестерскихъ и бёрмингамскихъ стальныхъ, ружейныхъ и бумажныхъ фабрикъ.

Слѣдя далѣе за признаками приближенія къ знаменитой рѣкѣ, мы встрѣчаемъ очень понятное географическое явленіе. Множество рѣчекъ, ручьевъ и притоковъ бѣгутъ въ нее или въ извѣстныя рѣки, въ нихъ впадающія, Суру, Оку, Каму. Всѣ эти мелкія водяныя линіи отличаются тѣмъ, что текутъ въ разсѣлинахъ овраговъ, очень

Digitized by Google

похожихъ на старыя рѣчныя ложа, да еще тѣмъ, что почти имена не имѣютъ. Что́ за имя, которое въ 10 верстахъ почти неизвѣстно! а между тѣмъ потеря какой либо изъ нихъ была бы бѣдствіемъ для многихъ и многихъ людей. Иной разъ, право, любо бываетъ смотрѣть, какъ бѣдный безъименный ручеекъ выбивается изъ силъ на выгоду деревушкѣ, поселившейся на берегу его, работаетъ всѣмъ ея обитателямъ по мѣрѣ возможности и силъ своихъ неусыпно и ничего не получаетъ въ награду, кромѣ насмѣшекъ вѣтренныхъ столичныхъ вояжеровъ.

Но изо всѣхъ малыхъ рѣкъ и ручьевъ, о которыхъ теперь говоримъ, нѣтъ благодѣтельнѣе и вмѣстѣ нѣтъ живописнѣе рѣчки Барыша. Вы видите, что мы наконецъ и пришли къ нему, хотя нѣсколько дальнимъ обходомъ. Смѣю надѣяться, что вы будете вознаграждены за совершонный путь, узнавъ всѣ его достоинства.

Когда спускаетесь вы по отлогости, идущей отъ Суры по направленію къ Симбирску, сверните вправо съ большой дороги, и черезъ нѣсколько верстъ вы встрѣтите рѣчку, живо бѣгущую въ кустахъ ракиты, ивы и осинника. Это Барышъ. Быстрота ручья и относительное обиліе водъ его поразятъ васъ съ перваго же раза, но удивленіе ваше возростетъ, когда вы узнаете, что эти качества позволили основать по всему его протяженію (болѣе 200 верстъ) непрерывную цѣпь великолѣпныхъ водяныхъ мельницъ. Участокъ рѣки, пробѣгающій Алатырскій уѣздъ, гдѣ Барышъ впадаетъ въ Суру, красуется болѣе чѣмъ четырнадцатью мельницами о шести и восьми поставахъ, работающихъ денно и нощно только на двѣ знаменитыя хлѣбныя пристани, села *Прамзино* и *Никитино*. Кстати о селахъ. Отечественныя землеописанія наши поступаютъ крайне несправедливо, умалчивая о нѣкоторыхъ казенныхъ и частныхъ селахъ, которыя, въ отношеніи промышленности, благосостоянія и даже нравственнаго развитія края, имѣютъ иногда бо́льшее значеніе, чѣмъ многіе города, занесенные въ географіи, или, по крайней мѣрѣ, значеніе, равное съ ними. Пропускать эти центры народной дѣятельности значитъ почти не понимать, въ чемъ состоитъ землеописаніе, и тѣмъ самымъ лишать публику многихъ самыхъ существенныхъ свѣдѣній объ отечествѣ и данныхъ, дѣлающихъ честь народному характеру. Нѣкоторые изъ такихъ пунктовъ, гдѣ сосредоточиваются производительныя силы большихъ участковъ на селенія, уже пріобрѣли славу, помимо существующихъ статистикъ. Но возвратимся къ Барышу.

По мѣрѣ восхожденія къ истоку рѣки, въ направленіи къ Корсуню, Барышъ дѣлается все быстрѣе, а между тѣмъ и мельницы на

Digitized by Google

немъ становятся все чаще и чаще. Сперва показываются онѣ черезъ каждыя 5, 6 верстъ; у Корсуня и за нимъ, гдѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рѣка и не замерзаетъ, встрѣчаются мельницы черезъ 3 версты и даже черезъ версту. Зиму и лѣто Барышъ ворочаетъ милліоны, превращая ихъ въ новые увеличенные капиталы и цѣнностію своей работы (принявъ, разумѣется, въ соображеніе величину пробѣгаемаго имъ разстоянія) превосходя почти всѣ рѣки, впадающія въ Волгу. Не довольствуясь одной выгодой, приносимой перемоломъ хлѣба, хозяйственная промышленность связала во многихъ мѣстахъ съ великолѣпными мельницами Барыша еще крупчатки, пильныя заведенія и, вѣроятно, связала бы даже фабричныя предпріятія, если бы въ этомъ краѣ существовали для нихъ руки и рынки. Можно безбоязненно предложить всякому самому взыскательному туристу сдѣлать прогулку вдоль извилистыхъ береговъ Барыша, начиная съ устья его до истока, и спокойно ждать отъ него душевной признательности. На всемъ этомъ пространствѣ туристъ слышалъ бы неумолкающій грохотъ мельничныхъ колесъ, глухой, внутренній шумъ жерновыхъ камней, увидалъ бы землю, покрытую легкимъ бѣлымъ слоемъ мучной пыли и облака той же пыли, несущіяся въ воздухѣ. Безпрерывно переходя отъ одного центра хозяйственной дѣятельности къ другому, онъ долженъ былъ бы сознаться къ концу путешествія, что вмѣстѣ взятые они представляютъ какую-то колоссальную фабрику невиданныхъ размѣровъ, работающую подъ открытымъ небомъ, и что самъ Барышъ походитъ на нервъ, крѣпко бьющій въ сердцѣ края и свидѣтельствующій о силѣ и жизни въ немъ присутствующихъ.

Но это одна только сторона замѣчательной рѣки — промышленная; другая ея сторона — поэтическая, тоже заслуживаетъ упоминовенія. Извѣстно, какую роль играетъ мельница въ крестьянскомъ быту: это своего рода *кафе* или собраніе. Къ ней съѣзжаются люди со всѣхъ сторонъ и обмѣниваются розсказнями, замѣтками и предположеніями. Въ праздничные дни она служитъ мѣстомъ гулянья для окрестныхъ женщинъ и дѣвушекъ. Такое мѣсто, разумѣется, не можетъ остаться безъ всякаго украшенія. И дѣйствительно, кромѣ пруда, уже неизбѣжно тутъ существующаго, вокругъ мельницы всегда есть или нѣсколько паръ березъ, или группа ивъ и много кустовъ, любящихъ влажность. Изукрашенная такимъ образомъ мельница мнѣ всегда казалась небольшимъ, дикимъ садикомъ, запущеннымъ по небреженію владѣльца. Вы понимаете, что довольно большое собраніе такихъ садиковъ по всему протяженію рѣки сообщаетъ ей уже видъ огромнаго запущеннаго сада, сквозь который глядятъ деревни, расположившіяся по берегу ея, анбары, плетни и отдѣль-

Digitized by Google

мыя хижины. Къ тому же на Барышѣ столько извилинъ, рукавовъ, заливовъ и черезъ нихъ плотинъ съ прудами, кустами и деревьями, что можно затеряться въ этомъ лабиринтѣ, какъ въ старомъ паркѣ, гдѣ давно не было посѣтителей. Прибавьте еще, что въ близлежащихъ озерахъ, образующихся отъ весеннихъ разливовъ рѣки, въ высокой травѣ живутъ многочисленныя семейства разной дичи. Такимъ образомъ, промышленникъ, и охотникъ, и человѣкъ, любящій бродить безъ цѣли, какихъ я много знаю, могутъ сойтись на Барышѣ, каждый съ запасомъ своихъ впечатлѣній и съ собственнымъ воззрѣніемъ на самый предметъ.

Вѣроятно, пейзажисты наши скоро обратятъ вниманіе на русскую мельницу и на множество превосходныхъ подробностей, какія она дать можетъ. Извѣстно, что сдѣлали съ мельницами своихъ сторонъ геніальные художники голландской и фламандской школъ. Таже работа предстоитъ и нашему отечественному искусству. Нигдѣ такъ полно не выражается мѣстность всей страны, какъ въ господствующемъ характерѣ ея мельницъ, и нигдѣ, по моему, нельзя собрать такъ ловко различныя черты національнаго быта, какъ вокругъ мельницъ. Все это давно уже подтверждено первоклассными картинами, которыя могутъ служить указаніемъ современнымъ художникамъ. Не знаю, правъ ли я, предлагая этотъ еще не тронутый мотивъ новѣйшему искусству, но знаю достовѣрно, что произведенія русской національной школы пейзажа, если она появится, будутъ высоко цѣниться во всемъ образованномъ мірѣ, именно потому, что въ образованномъ мірѣ недостаетъ художнической характеристики нашей страны, для полной идеи о поэзіи европейскаго материка. Извините, однакожь, за отступленіе.

Покуда край глубоко занятъ однимъ дѣломъ, такъ что нѣтъ у него ни времени, ни мысли для другихъ предпріятій (подробное статистическое описаніе его вышло бы чрезвычайно просто, однообразно и несложно), онъ снабжается предметами, находящимися внѣ его производительности, изъ другихъ торговыхъ губерній Россіи. За исключеніемъ фабрикъ низшаго сорта сукна да нѣкоторыхъ домашнихъ производствъ на удовлетвореніе первыхъ жизненныхъ потребностей, все остальное получаетъ онъ извнѣ. Не говоря уже о Нижегородской ярмаркѣ, наполняющей магазины и лавки его городовъ, но въ извѣстныя эпохи года ходятъ по деревнямъ купцы съ косой и серпомъ, купцы съ шапками и кушаками, купцы съ пряниками. Костромитяне, ярославцы, ростовцы, каждый съ своимъ товаромъ, и, наконецъ, владимірцы съ издѣліями московской фабричной промышленности. Мы остановимся нѣсколько на послѣднихъ, какъ наиболѣе оригинальныхъ торговцахъ этого края.

Digitized by Google

Владимірскіе торговцы дѣлятся на два класса: собственно разнощиковъ и такъ называемыхъ *лукошниковъ*. Разнощикъ есть, разумѣется, высшій представитель этого рода промышленности. На двухъ, трехъ, пяти повозкахъ разъѣзжаетъ онъ по всѣмъ закоулкамъ губерніи и предлагаетъ провинціяльнымъ барышнямъ, домосѣдамъ-помѣщикамъ и экономнымъ ихъ хозяйкамъ произведенія московской индустріи: ситцы, лино-батисты, трико новѣйшія,— фуляры самые послѣдніе, валентины, муслины и проч. Разнощикъ всегда продаетъ по фабричной цѣнѣ; но мнѣ случалось видѣть въ повозкахъ разнощика такихъ превосходныхъ лошадей и въ такой щегольской сбруѣ съ колокольчиками и *разговорами* (какъ здѣсь называютъ бубенчики), что они съ честью могли бы красоваться на любомъ столичномъ бѣгѣ. Товаръ этотъ не продается у разнощика, но составляетъ лучшую часть его подвижнаго магазина и доходами съ него содержится и пріобрѣтается. Изъ одного этого уже легко можно заключить, что подъ именемъ фабричной цѣны разнощикъ разумѣетъ и процентъ за доставленіе товара, и процентъ съ бо́льшаго или мѣньшаго знанія дѣла у покупателя, и множество другихъ вещей, доселѣ еще не опредѣленныхъ въ политической экономіи. Съ другой стороны, справедливость требуетъ сказать, что онъ имѣетъ дѣло по большой части съ особами мужескаго и женскаго пола, которые отъ постояннаго обращенія съ разнощиками пріобрѣли необычайную зоркость взгляда и навыкъ торговаться. Тогда начинается между ними жаркая борьба, полное драматическое представленіе со всѣми его перипетіями и катастрофой; успѣхъ колеблется, пока у торговца не появится и не разовьется новая сила, тоже еще неизвѣстная наукѣ, — именно *снаровка*, посредствомъ которой онъ наконецъ и побѣждаетъ всѣ непреклонныя воли. И если посмотрѣть, какъ иногда разнощикъ битыхъ часъ или два стоитъ передъ опытной молодой дѣвушкой или передъ нерѣшительной маменькой, торгуясь за кусокъ кисеи съ разводами, говоря безъ умолку, но всегда съ изысканной учтивостію, о каковой и въ Версали понятія не имѣли, быстро и ловко свертывая и развертывая свои товарыкъ, отличающіеся, какъ извѣстно, размашистымъ рисункомъ, полнымъ юношеской отваги, между тѣмъ какъ у крыльца дома превосходныя лошади того же разнощика нетерпѣливо бьютъ копытами и рвутся на дорогу,— если посмотрѣть на все это, то непремѣнно приходитъ въ голову мысль о томъ, что всякое ремесло имѣетъ свои особенные пріемы и свои завѣтныя тайны.

Разнощикъ *высшаго полета*, о которомъ говоримъ, бо́льшею частію бываетъ прикащикомъ какого нибудь богатаго купца. Онъ выбирается изъ молодыхъ смышленыхъ парней, отличается щеголева-

Digitized by Google

тостію наряда, вкрадчивостію обращенія, утонченною вѣжливостію, ловкостію своихъ пріемовъ, изукрашенныхъ какими-то особенными вывертами, и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ еще достоинство, превышающее всѣ поименованныя нами. Это самый свѣдующій этнографъ той полосы Россіи, которую разработываетъ, но этнографъ совершенно нѣмой. Постоянное сообщеніе съ обыкновенными своими закащиками или покупателями, домосѣдами-помѣщиками и съ ихъ семействами, ночлеги по деревнямъ, дружественныя отношенія къ нѣкоторымъ зажиточнымъ крестьянамъ, разспросы обо всемъ происходящемъ въ краѣ, наконецъ, естественный обмѣнъ свѣдѣній въ народѣ, который проходитъ у него передъ глазами и за которымъ онъ долженъ слѣдить по обязанности,—все это доставляетъ ему множество свѣдѣній, о состояніи жителей, ихъ потребностяхъ, обычаяхъ, нравахъ. Разнощикъ владѣетъ даже нѣкоторымъ количествомъ домашнихъ секретовъ и вообще множествомъ данныхъ, малоизвѣстныхъ кому либо другому; но все это добро онъ бережетъ про себя. Самое положеніе требуетъ отъ него скромности, и въ добродѣтели этой достигъ онъ высокой степени совершенства. Никогда сосѣдъ не узнаетъ отъ него, что происходитъ у сосѣда; никогда еще не былъ онъ инструментомъ въ рукахъ враждующихъ между собой интересовъ, никогда не только сплетня, но и простое свѣдѣніе о домѣ, откуда онъ вышелъ, не перенесутся въ домъ, куда онъ вошелъ. Только весьма прилежный наблюдатель можетъ угадать, по нѣкоторымъ невольнымъ, отрывистымъ замѣчаніямъ его, о важности собранныхъ имъ свѣдѣній; а добровольной уступки ихъ съ его стороны нечего и ожидать. Есть одно средство воспользоваться его сокровищемъ: именно — застать разнощика, послѣ объѣздовъ, гдѣ нибудь въ углу Владимірской губерніи, дома, въ кругу родныхъ его или братьевъ по ремеслу; да и то ненадежно. Пожалуй заподозритъ васъ и снова замолчитъ.

Такъ называемый лукошникъ составляетъ низшую степень того же ремесла и прозваніе свое получилъ, какъ легко догадаться, отъ корзины величиною немного поболѣе квадратнаго аршина, которую на ременныхъ помочахъ таскаетъ по всѣмъ проселкамъ и деревнямъ. Зимой сваливаетъ онъ ношу свою на тощую кляченку и, подобно знаменитому своему брату, разнощику, тоже служитъ каналомъ, по которому московскія издѣлія стекаютъ внутрь Россіи; однако же между тѣмъ и другимъ есть большая разница. Первый, какъ мы видѣли, имѣетъ дѣло съ людьми зажиточными, помѣщикомъ, богатымъ крестьяниномъ, чиновникомъ; второй преимущественно разсчитываетъ на потребность комфорта, проявляющуюся у крестьянской дѣвочки, у дочери конторщика, у грамотнаго лакея или дере-

Digitized by Google

вскаго мальчика. Если первый отличается щегольствомъ и *сельскостію*, зато второй бываетъ или добродушный старичекъ, крѣпкій на ноги, которыя ему особенно нужны, или молодой ходокъ, вечно стоящимый на прибаутки и вообще распревеселаго нрава. Помню, газеты какъ-то увѣдомляли съ изумленіемъ публику о хитрецѣ, который умѣлъ на клочкѣ бумажки, величиной съ платокъ, вписать четко весьма длинный гимнъ: нѣчто подобное этому чуду обрѣтается въ корзинѣ лукошника. Прежде всего слѣдуетъ сказать, что цѣнность вещей, въ ней находящихся, конечно, не превышаетъ тридцати рублей сереб.; но — Боже мой! — чего вы только въ ней не найдете! Это нѣчто въ родѣ рога изобилія, и если бы кому пришло въ голову, закрывъ глаза, опускать туда руку и вынимать цѣлый часъ разныя попадающіяся подъ нее вещи, онъ былъ бы вѣроятно всякій разъ изумленъ наиприятнѣйшимъ образомъ. Одно за однимъ сталъ бы онъ вытаскивать костяныя пуговки для манишекъ, *одеколонъ изъ погребовъ Терпухова*, мотокъ снурковъ, крестики, отличную ваксу, азбуки и прописи, утку съ дудочкой на хвосту, русскій водевиль, крючки для кафтанчика, наконецъ литографіи и наконецъ даже ноты доселѣ здравствующихъ романсёровъ, со всѣми ихъ французскими посвященіями: *A Madame XX*, *A M-lle J. J.*, чѣмъ только вообще наши романсы и любопытны.... Вотъ уже въ отношеніи послѣднихъ трудно и сказать, кому они сбываются; а сбываются же! Совсѣмъ тѣмъ, весьма неблагоразумно сдѣлалъ бы тотъ, кто предался бы удовольствію насмѣшки надъ бѣднымъ владѣтелемъ всѣхъ этихъ сокровищъ. По многимъ причинамъ, онъ заслуживаетъ уваженія. Во первыхъ, прибытіе его есть праздникъ для деревни, которая торопится посмотрѣть въ лукошко, какъ другіе торопятся попасть въ театръ на первый дебютъ новой танцорки; во вторыхъ, это проводникъ, по своему, столичной образованности. Вы найдете у него копеечныя ножницы напримѣръ, которымъ старались дать видъ завьяловскихъ издѣлій этого рода; но Завьяловъ, кажется, землякъ владимірскому торговцу. Возьмите другую вещицу, хоть оловянныя серьги положимъ. Онѣ изукрашены двумя огромными цвѣтными каменьями, которые могли бы итти въ опасные соперники пресловутой *Горѣ Свѣта;* но въ грубой отдѣлкѣ ихъ нельзя не замѣтить подражанія рисунку, который вы гдѣ-то давно видѣли у петербургскихъ мастеровъ. Всего яснѣе замѣтно это направленіе въ пестрыхъ, раскрашенныхъ литографіяхъ: тутъ есть и мадонны *à la Seddia*, и корреджіевы Ночи и рубенсовы Снятія — и все очень ярко, очень упрощено и вмѣстѣ очень бойко. Малая опытность художника тутъ идетъ какъ нельзя болѣе къ дѣлу, потому что, благодаря только ей, публика можетъ сочувствовать вышеупомянутымъ классиче-

Digitized by Google

скимъ произведеніямъ. Процессъ, которому держатся артисты, работающіе на лукошника, при снятіи своихъ копій, весьма ясно виденъ въ литографіи: *Послѣдній день Помпеи*. Съ картиной Брюлова художникъ поступилъ точно также, какъ было поступлено другими съ ножницами и серьгами: это отдаленный намекъ на что-то знакомое вамъ. Правда, всѣ лица картины сохранены, но всѣ они на одномъ планѣ и, во избѣжаніе трудностей, представляемыхъ копировкой различныхъ положеній, всѣ поставлены на ноги. Образовался какой-то фронтъ, гдѣ вы видите и старика, опирающагося на двухъ воиновъ, и мать, разговаривающую съ сыномъ, и даже всадника, галопирующаго рядомъ съ ними.... Не пропущенъ ни одинъ мотивъ картины; добросовѣстность художника идетъ въ ровень съ съ его талантомъ. Правда, литографія очень походитъ на каррикатуру; но я видѣлъ ее въ избахъ деревенскихъ старостъ и торгующихъ крестьянъ, которые мнѣ говорили: *Это господинъ Брюловъ написалъ*. Спрашиваю теперь: и ножницы, и серьги, и эта каррикатура — развѣ все это не заслуги?

Всего менѣе надѣлены какимъ либо смысломъ книжки, азбуки и прописи лукошника, и это, конечно, его собственная вина или вина его хозяина, что все равно. Зачѣмъ не заведутъ они точно такихъ литераторовъ, какіе есть у нихъ художники?

Прошу извиненія у всѣхъ дѣловыхъ людей, что я такъ долго держалъ ихъ вниманіе за владимірскими ходаками, которые мнѣ показались весьма заслуживающими этой чести, и снова перехожу къ Барышу.

Полагаю, что симпатія моя къ этой рѣчкѣ уже достаточно оправдана всѣмъ мной сказаннымъ, но, для полноты описанія и совершеннаго убѣжденія невѣрующихъ, упомяну здѣсь еще объ одномъ качествѣ ея. Въ извѣстное время года на Барышъ собирается каждый день такъ много людей разнаго состоянія, разныхъ образованностей и разныхъ *взглядовъ*, что встрѣчи, происходящія на берегахъ рѣки, принадлежатъ къ числу новыхъ подробностей, которыми она отличается отъ другихъ сестеръ своихъ и которыми должна, рано или поздно, снискать себѣ почетную извѣстность. Нѣкоторыя изъ знакомствъ, сдѣланныхъ мной въ округѣ, составляютъ лучшую часть жизненныхъ моихъ воспоминаній. Для примѣра разскажу вамъ одинъ случай.

Разъ, по обыкновенію, я ѣхалъ на Барышъ (а надо знать, я всегда ѣзжу на Барышъ, если только представляется какая нибудь возможность включить его въ маршрутъ) и принужденъ былъ остановиться въ близлежащей деревенькѣ, по весьма простой причинѣ: не оказалось лошадей подъ мой тарантасъ. Крестьянскія лошади были

Digitized by Google

всѣ въ полѣ. Въ такомъ случаѣ обыкновенно употребляется часа два или три на отъискиваніе ихъ, покормку своихъ и запряжку. Я не очень былъ разстроенъ этой помѣхой, оставилъ тарантасъ въ деревнѣ съ человѣкомъ, а самъ отправился версты за три отъ деревеньки, на мельницу. Дорога мнѣ была совершенно извѣстна, и при самомъ выходѣ въ поле я уже видѣлъ верхушку большой знакомой мнѣ ивы и тесовую крышу самой мельницы.

Медленно добрался я до пункта, гдѣ намѣренъ былъ, сидя у пруда, дожидаться экипажа своего, но у поляны, примыкавшей къ плотинѣ, увидалъ толпу мальчиковъ и дѣвочекъ и передъ ними человѣка на колѣняхъ, который безпрерывно вынималъ разныя вещи изъ лукошка, стоявшаго возлѣ него. Я тотчасъ же своротилъ по направленію къ толпѣ и наткнулся на довольно занимательную картину.

Высокій, худощавый и чрезвычайно блѣдный человѣкъ лѣтъ тридцати, съ рѣдкой, русой бородкой раскладывалъ на травѣ всѣ свои лучшія вещи. Это былъ лукошникъ, но нѣсколько отмѣнный отъ типа, который мы недавно представили. Онъ ничего не продавалъ, а безкорыстно показывалъ свой товаръ на утѣшеніе дѣтямъ, которыя и прильнули къ травѣ, словно мухи къ меду. Передъ мальчиками разложилъ онъ всѣ свои пестрыя картинки, передъ дѣвочками собралъ обаятельное сокровище изъ серегъ, ожерельевъ, гребешковъ и проч. Поодаль стояли два-три крестьянина, пріѣхавшіе съ помоломъ, и, казалось, подобно мнѣ любовались происходящимъ. Между тѣмъ сухощавый и блѣдный лукошникъ, поминутно выкладывая новыя вещи, держалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и какой-то особенный курсъ морали. Онъ строго выговаривалъ мальчикамъ, которые, забывъ естественное свое предназначеніе, хватались за ожерелья не покидая картинъ, и останавливалъ дѣвочекъ, которыя съ гребешками въ рукахъ бросались на изображенія *страженій*. Всѣмъ этимъ противозаконнымъ инстинктамъ лукошникъ противился со всею энергіею строгаго и опытнаго воспитателя.

— А ты куда ползешь въ сторону? говорилъ онъ одной любопытной зрительницѣ. — Тамъ парень смотритъ, какъ козаки Ванданму въ плѣнъ берутъ; а тебѣ какое дѣло? Ты вотъ лучше примѣрь-ка бусы.... Идутъ, очень хорошо.... словно для тебя дѣлали. Вотъ какъ работать выучишься, купи себѣ такія непремѣнно.

— А сколько надо работать, дядюшка, для бусъ-то? спросила дѣвочка.

Крестьяне, стоявшіе поодаль, засмѣялись и одинъ сказалъ:

— Знать ихъ къ бусамъ-то съ молоду тянетъ.

Digitized by Google

— Немного, отвѣчалъ лукошникъ на вопросъ. — Выдешь за мужъ, бусы сами явятся. А ты руками-то картину незамай, продолжалъ онъ, обращаясь къ бѣлокурому мальчику: — видишь, руки у тебя какія черныя: чай, на дворѣ у себя лужу прудилъ, чего добраго.

— А что это за картинка, дядюшка? спросилъ мальчикъ, закидывая руки на спину. — Народу-то сколько тутъ! у-у!

— Это похороны свѣтлѣйшаго князя Кутузова-Смоленскаго, братецъ. — Онъ французовъ побѣдилъ, изъ предѣловъ Россіи выгналъ и Бонапарту погибель уготовалъ. Коль будешь солдатомъ, много о немъ услышишь.

Въ словахъ лукошника замѣтна была не только грамотность, но и нѣкотораго рода начитанность. Любопытство мое, сильно возбужденное, внушило мнѣ мысль завязать съ нимъ знакомство самымъ естественнымъ образомъ, такъ какъ знакомства насильственныя, замѣтилъ я, рѣдко удаются съ русскимъ человѣкомъ. Я подошелъ къ сельской выставкѣ, которую онъ затѣялъ, купилъ пятокъ картинокъ, пару-другую сережекъ и роздалъ ихъ тутъ же, по принадлежности, мальчикамъ и дѣвочкамъ. Нельзя умолчать о томъ, что, получивъ эти неожиданные подарки, они пустились бѣжать опрометью въ деревню, словно опасаясь, чтобъ я не одумался и не испортилъ раскаяніемъ великодушнаго поступка своего. Крестьяне, наблюдавшіе всю сцену, переглянулись съ нѣкоторымъ изумленіемъ и учтиво сняли шапки. Лукошникъ не показалъ ни малѣйшаго удивленія; онъ только пристально взглянулъ на меня, и тутъ-то я увидѣлъ истинно прекрасные голубые глаза, которые вмѣстѣ съ блѣднымъ лицомъ его составляли замѣчательную физіономію, по выраженію кротости и особенной мягкой задумчивости, на ней написанныхъ. Онъ вынулъ изъ за пазухи длинный кошель и, опуская въ него мелкую мою монету, сказалъ:

— Хорошо ты сдѣлалъ, баринъ, что купилъ у меня товаръ, да хорошо и то, что раздалъ его дѣтямъ.... А для себя не купишь ли чего нибудь?

— Что́жь у тебя есть, любезный другъ, для меня? спросилъ я, кичась совершенно по столичному, коварно улыбаясь и проч. — Духовъ твоихъ я не возьму, помады не нужно, а остальное я все въ городѣ купилъ....

— Да это и видно, что изъ города изволишь ѣхать... Любишь ли ты старыя вещи?

— Какъ не любить старыхъ вещей!

— И денегъ на нихъ не жалѣешь?

— И денегъ на нихъ, когда бываютъ, не жалѣю.

Digitized by Google

— Хорошо еще, что бываютъ; да это все равно.... Найду я, можетъ, чѣмъ и тебя на время занять.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вынулъ изъ лукошка мѣдный, тщательно завернутый въ бумажку складной образокъ съ двумя закрывающимися дверцами. Наружная его отдѣлка уже обращала на себя вниманіе превосходнымъ витымъ ободочкомъ, шедшимъ по краямъ и сдѣланнымъ выпукло, между тѣмъ какъ рѣзные на мѣди узоры внизу его похожи были на упрощенные древніе арабески, къ которымъ они относились какъ цвѣтокъ ботанической тетради къ цвѣтку, растущему въ полѣ. Несмотря на это, стиль ихъ, а также и верхняго завитка былъ ровенъ, твердъ и полонъ. Внутреняя отдѣлка поражала еще болѣе. На небольшомъ пространствѣ, раздѣленномъ на квадратные отдѣлы, чрезвычайно мелко и чрезвычайно тщательно изображенъ былъ, совершенно окончательнымъ рельефомъ, евангельскій разсказъ о Страданіяхъ. Свобода рисунка, при нѣкоторой условной манерѣ, глубокое чувство и художническій расчетъ, проявлявшіяся въ самомъ ограниченіи, положенномъ узаконенной методой, заставляютъ невольно отнести это произведеніе къ лучшей эпохѣ византійскаго искусства и приписать его какому нибудь греческому мастеру. Особенно замѣчательны были наимельчайшія подробности, отдѣланныя съ великою любовью, съ несомнѣннымъ вкусомъ и на разсмотрѣнія которыхъ употребилъ я, разумѣется, довольно долгое время. Лукошникъ предоставлялъ мнѣ полную волю любоваться драгоцѣннымъ памятникомъ и наконецъ произнесъ:

— Здѣсь никто ему цѣны не знаетъ и чуть ли не ты первый такъ пристально на него смотришь; а въ городѣ, можетъ быть, съ него кто нибудь и поучился бы.

... Я переговорилъ съ нимъ объ уступкѣ и когда дѣло было слажено, онъ, закрывъ крышку корзины, связалъ ее веревкой, потомъ сѣлъ на нее, скинулъ шапку и отеръ голову платкомъ. Выраженіе усталости было крупно написано на сухомъ лицѣ его и во всей фигурѣ.

— Вотъ какъ правда, баринъ, сказалъ онъ съ разстановкой: — что ничѣмъ пренебрегать не слѣдуетъ. Иногда въ корзинѣ, какъ и въ человѣкѣ, найдешь чего и не ожидаешь.

Эта мысль изъ курса практической философіи уже нисколько не удивила меня. Мыслящее выраженіе глазъ и физіономіи торговца уже достаточно убѣдили меня, что я имѣю дѣло съ человѣкомъ несовсѣмъ простымъ. Я расположился на травѣ, почти у ногъ его, и спросилъ:

— А какъ зовутъ тебя, любезный другъ?

Digitized by Google

— Семеномъ зовутъ.

— Отчество и прозваніе?

— Зачѣмъ тебѣ отчество мое?... Величать меня хочешь какъ на сватьбахъ бываетъ, что ли? А фамилія у меня и совсѣмъ нѣтъ. Да если посудить хорошенько, такъ большой нужды нѣтъ тебѣ и въ имени моемъ, чаю.

— Не все же только о нуждѣ и по нуждѣ толковать, Семенъ. Иногда просто съ человѣкомъ поговорить хочется, слово съ нимъ обмѣнять. Нехорошо дѣлаетъ, кто весь вѣкъ только по расчету говоритъ. Всѣ мы, по милости Божіей, нашимъ языкомъ связаны и и держать его только для торговли — не годится.

— Правда, отвѣчалъ Семенъ, покачивая головой: — это правда! Да было бы еще о чемъ говорить!

— Самъ же ты сейчасъ сказалъ, что въ человѣкѣ встрѣтишь иной разъ, чего и не думаешь. Всегда найдется о чемъ слово сказать между людьми. Только надо, чтобъ люди беззлобиво другъ къ другу подходили, другъ друга не дичились и взаимно добра желали. Тогда слово бываетъ, Семенъ, великимъ утѣшеніемъ и для того, кто говоритъ, и для того, кто слушаетъ.

Семенъ молчалъ.

— Да, сказалъ онъ потомъ: — никакая книга не облегчаетъ души, какъ разсказъ въ пору о томъ, что тебя ворочаетъ.

— Ты самъ выучился грамотѣ, Семенъ, или въ школѣ гдѣ нибудь?

— Грамоту я знаю съ малолѣтства, а какъ выучился, того теперь почти и сказать не умѣю. Отецъ былъ у меня человѣкъ простой и говаривалъ мнѣ:

— «Ты сперва, Сеня, дѣлу поучись, а ужь грамотѣ потомъ»....

— Видно онъ зналъ, каковъ я буду. Я не послушался. Въ школу ходить нельзя было, такъ бывало на лугу играючи у школьниковъ что нибудь вытянешь, у дьячка помаленьку стащишь мудрости, въ церкви къ чтенію прислушаешься, ну да ужь Богъ знаетъ какъ, только черезъ годъ-другой грамотѣ я зналъ.... Что меня тогда тянуло къ ней, и самъ не знаю.... въ тѣ поры чудныя дѣла творились надо мной!

— У всякаго есть такія чудныя дѣла, Семенъ, только у иныхъ они сорной травой поростаютъ и пропадаютъ.

— Нѣтъ ужь мои были изъ рукъ вонъ бойки, отвѣчалъ Семенъ, улыбаясь. — Съ тѣхъ поръ, какъ себя сталъ помнить, не жилось мнѣ на одномъ мѣстѣ. Все бы бѣгать по чужимъ деревнямъ. Мальчишкой еще отлучался я изъ дому дня по три: гдѣ утро проведешь, гдѣ вечеръ или ночи захватишь, только бы людскіе розсказни слу-

Digitized by Google

лять. Сосѣди уже меня за такого и знали, кормъ и ночлеги давали; но отцу моему продѣлки эти были не попутру. Журилъ онъ меня много и долго; плакалъ я вдоволь, а не унимался. Какъ подросъ я и пересталъ прута бояться, одумался самъ: сталъ жить дома безвыходно,—но чемъ болѣе въ года входилъ, тѣмъ болѣзнь сильнѣе дѣлалась. Хожу какъ сонный день-деньской, работа изъ рукъ валится; все смотришь, бывало, на край неба и думаешь: «Хорошо бы поглядѣть, что за нимъ дѣлается», но воли себѣ не давалъ. Однѣ только ночи шибко одолѣвали: вотъ это ужь была сущая напасть. Какъ только заснешь, и пойдетъ бѣсовское наваждение. Въ ушахъ у тебя шумитъ море и передъ глазами разливается, острова стоятъ стеклянные и прозрачные, что на сквозь видны, деревья съ золочеными яблоками, люди ходятъ и тебя манятъ. Ну, словомъ, мученіе. Разъ пять вскочишь и опять заснешь — и все таже притча. Сталъ я хилѣть, и ѣда мнѣ опротивѣла. Отецъ мой былъ человѣкъ зоркій, даромъ что простой. Ворчалъ онъ на меня безъ умолку за плохую работу, а случалось часто, что смотритъ на меня пристально, покуда я задумавшись въ углу сижу или надъ топоромъ въ бредъ попаду, и не прерываетъ.... Вотъ какъ уже подвинулся къ двадцатому году, выросъ не въ мѣру, а здоровьемъ и силами съ порядочнымъ мальчикомъ не сравнялся, зоветъ онъ меня разъ, послѣ обѣдни, къ себѣ и говоритъ: «Послушай, Семя. Вижу я, околоченъ ты не такъ, какъ намъ надобно. Зналъ я на своемъ вѣку такихъ парней. Мать твоя говоритъ, чтобъ тебя женить поскорѣй; да она не видитъ, въ чемъ дѣло. Смекаю я это дѣло иначе. Вотъ съ завтрашняго же дня начну я выправлять тебѣ паспортъ, а повинности за тебя буду платить исправно самъ. Ступай на заработку на всѣ четыре стороны, гуляй по свѣту, людей смотри и добру учись; только сперва уговоръ. Коль умаешься, ноги подкосятся и силъ больше не станетъ на такое житье, иди прямо къ намъ, не завертывай никуда. Если будемъ живы со старухой, будешь ты у насъ дорогой гость.» Старикъ захныкалъ. Я залился горькими слезами, какими врядъ ли больше когда и плакалъ въ жизни, однакожь, какъ выправили паспортъ, въ тотъ же день и покинулъ своихъ родныхъ.... Ба! прибавилъ онъ вдругъ, никакъ я тебѣ свою исторію разсказываю!

— И не останавливайся, Семенъ, отвѣчалъ я: — исторія твоя поучительна и разсказываешь ты ее человѣку, который такія исторіи понимать умѣетъ.

«Да ужь какъ началъ, такъ нечего дѣлать, придется окончить. Земли я подъ собой не взвидѣлъ, какъ очутился на просторѣ. Я думаю, тогда и четырехъ часовъ въ сутки я не сыпалъ, а усталости никакой не чувствовалъ, даромъ что хворый былъ: словно заворо-

Digitized by Google

жили меня. Придешь въ городъ или въ село большое — глянешь кругомъ, покажется все видѣлъ—и впередъ, впередъ! Люди спрашивали меня на дорогѣ: «Куда ты такъ торопишься, молодецъ?» Я махну, бывало, рукой и отвѣчаю: «Землю новую искать.» Надо тебѣ сказать, баринъ, что въ тѣ поры въ глазахъ у меня мерещились все небылицы, какія въ сказкахъ слышалъ да на лубочныхъ картинахъ и въ дрянныхъ книжкахъ потихоньку отъ отца прочелъ: и рѣки огненныя, и птицы, которыя по человѣчьи говорятъ, и дѣвушки съ золотыми волосами, которыя въ водѣ живутъ и сладкія пѣсни поютъ, и много другихъ пустяковъ. Мнѣ все казалось, что гдѣ нибудь наткнусь на новое чудо, какого еще никто не слыхивалъ, и бѣжалъ я все прямо передъ собой. Долго бы тебѣ разсказывать бредъ мой цѣликомъ, да и скучно.... только промахнулъ я въ горячкѣ чуть не полъ-Россіи и очутился за Ураломъ. Чуда я никакого не встрѣтилъ, а люди и земля пролетѣли мимо меня какъ сонъ: не добылъ я себѣ знанія, ни на волосъ мудрости не прибавилъ въ головѣ. Правда, мало о нихъ тогда и думалось мнѣ.... помню только, что мнѣ было привольно и хорошо, рѣзво бѣжали ноги и бойко сердце стучало.... Очнулся я уже тогда, какъ былъ за горами, одинъ-одинешенекъ въ чужой сторонѣ и безъ гроша денегъ.

«Остановился я на минуту, да и опять за свое дѣло. Въ той сторонѣ работа у тебя подъ ногами, стоитъ только наклониться и поднять ее. Сталъ я наниматься въ промыслы съ разными купцами и разъѣзжими промышленниками. Житье пришлось мнѣ по нраву — разгуляться было гдѣ. Завелась у меня и копейка, да на бѣду зародился во мнѣ новый бѣсъ тогда и позлѣе того, который прежде мутилъ. Искалъ я чуда по землѣ, а теперь вообразилъ, что настоящее чудо во мнѣ гнѣздится. Не знаю, какъ это сдѣлалось, вѣрно лукавый забирался ко мнѣ въ душу исподволь. Принялся я себя разбирать и съ каждымъ днемъ любовался собой смѣлѣе и смѣлѣе. Чудилось мнѣ, будто и кровь у меня шибче играетъ, чѣмъ у другихъ, и голова крѣпче на плечахъ поставлена, и глазъ дальше береть.... Сталъ я безъ устали раздумывать, какимъ бы способомъ себя отличить, чтобъ прошла обо мнѣ вѣсть по землѣ и люди передо мной разступились бы.... Ужь чего же я тогда и не надумалъ! Смѣшно теперь и разсказывать, а въ тѣ поры было не до смѣху. Привязалась ко мнѣ новая затѣя и грызетъ мнѣ сердце не хуже старой. Отошло отъ меня прежнее веселіе, сдѣлался я молчаливъ и угрюмъ. Работу выбираю такую, чтобъ поменьше людей вокругъ было, а самъ думаю: «Вотъ если бы откупить всѣ промыслы одному, былъ бы я важный человѣкъ.» Иной разъ думалось и хуже: «Попусту я здѣсь время теряю; надо такую штуку сдѣлать, чтобъ великую славу и великое бо-

Digitized by Google

татство однимъ разомъ зашибить.» Много и другихъ нелѣпостей перебралъ я въ головѣ, а все сводило на то, что запросто мнѣ жить не приходится. Одинъ грѣхъ выведетъ за собой цѣлую веревку ихъ. Опротивѣли мнѣ товарищи, и сталъ я ихъ въ душѣ порицать и въ умѣ надъ ними тѣшиться: «и ни о чемъ-то они не думаютъ, и только бы имъ копейку зашибить, и веселятся-то они не по людски, да и умрутъ-то какъ дождевой червь, про котораго никому дѣла нѣтъ.» Дьявольская гордость заѣдала меня совсѣмъ. Нарочно, бывало, сойдусь съ однолѣтками и говорю имъ недобрыя слова: «Что вы-де копошитесь?... Не для васъ Божій міръ сдѣланъ.... Вотъ дайте время: услышите вы обо мнѣ!... покажу я вамъ, какъ жить на свѣтѣ слѣдуетъ!» Нечего сказать, терпѣливы же были и товарищи у меня. Долгое время они только смѣялись надо мной и образумливали, ненавидѣть же и убѣгать стали уже подъ конецъ. А мнѣ и горя мало: окрѣпло у меня сердце отъ гордости и высокомѣрія. Кинулъ я наконецъ промыслы и съ нажитыми деньгами переѣхалъ въ городъ и тамъ заперся въ одной клѣтушкѣ какъ звѣрь. Странное дѣло! Прежде четыре угла какой хочешь палаты казались мнѣ тюрьмой, а теперь съ трудомъ вытянуть меня можно было на бѣлой свѣтъ. Замкнулъ я свои двери на замокъ и одинъ съ самимъ собой принялся читать днемъ и ночью.... читалъ, читалъ все, что въ руки валилось, а какъ въ изнеможеніе приду, ложусь и начинаю думать, какимъ бы способомъ отличиться и въ знатные люди выйти. Много плановъ, одинъ другого смѣшнѣе, перебывало у меня тогда въ головѣ; но остановился я на такомъ, который всѣхъ другихъ чуть ли былъ не уморительнѣе.

«Попались мнѣ сочиненія въ стихахъ нашего брата крестьянина или мѣщанина, прасола воронежскаго, да чудныя такія!... Помутилось у меня въ глазахъ, кровь пришибло къ головѣ, словно кто молотомъ ударилъ меня по головѣ. Показалось мнѣ, будто все съ этой минуты ясно и больше ни о чемъ думать не надо. Присѣлъ я за письменный столъ, принялся работать стихи, потомъ и кровью обливался, надъ бумагой засыпалъ и чуть ли не въ обморокѣ лежалъ надъ ней. Цѣлую зиму трудился, скропалъ басню съ рифмами, и вышелъ я — стихотворецъ.»

Тутъ Семенъ поднялъ голову, которую во все время разсказа держалъ опущенною внизъ, и взглянулъ на меня, какъ бы желая узнать какое впечатлѣніе произвела его исповѣдь и не отзовусь ли я смѣхомъ на горькія его признанія; но я лежалъ на травѣ бокомъ, смотрѣлъ въ землю и сказалъ весьма серьёзно:

— Все, что ты говоришь теперь, Семенъ, я какъ будто уже слышалъ гдѣ-то прежде. Видно повѣсть, которую разсказываешь, и въ

Digitized by Google

нашемъ быту точно также сказывается. Вездѣ одинаковы людскія заблужденія, а разница только въ обстановкѣ, Семенъ.

— Великое дѣло и обстановка, возразилъ Семенъ.... У иного горесть — болячка, которая внутри тѣла ростетъ, а у другого — пятнышко на платье, которое онъ и отряхнетъ, какъ только люди укажутъ.

— Правда и это. Но что ты сдѣлалъ со стихами своими?

«Понесъ я ихъ къ господамъ, которые тогда въ городѣ проживали. Лихорадка меня била, какъ въ первый разъ пошелъ я показывать себя людямъ; но меня приняли ласково. Господа передавали мою басенку изъ рукъ въ руки другъ другу и стали къ себѣ на домъ и на вечера приглашать. Полюбились мнѣ ихъ пиры и бесѣды, пришлось по сердцу житье это, и грудь вздулась безъ мѣры: «вотъ ты и важный человѣкъ», говорилъ я себѣ по вечеру, ложась спать. Правда, за обѣдами и ужинами ихъ просиживалъ я иногда молча, многаго недоразумѣвалъ, о чемъ при мнѣ говорили, а когда самъ свое слово помѣщалъ, такъ вдругъ всѣ, бывало, замолчатъ, выслушаютъ внимательно, да и снова за свой разговоръ примутся. «Не безъ вѣсу видно, слова мои!» — думалъ я въ простотѣ души. Написалъ я и еще басенку (Какихъ мнѣ трудовъ стоила, вѣдаетъ Богъ!): пошла она опять по рукамъ; но похвалъ было поменѣе. «Нужды нѣтъ, думаю, попривыкли они ко мнѣ», а между тѣмъ со словами своими и замѣчаніями сталъ я навязываться чаще. Молчатъ по прежнему и проходятъ мои разсужденія, какъ будто ихъ совсѣмъ не было. Разъ въ одномъ домѣ зашелъ пиръ далеко за ночь. Жены и дочки разошлись давно. Завязался между господами ученый споръ: силился я что есть мочи смекнуть въ чемъ дѣло, и потѣлъ попрасну. Какъ вдругъ баринъ какой-то беретъ меня за руку и отводитъ въ сторону на пару словъ. Какъ теперь на него смотрю — небольшой ростомъ, сутуловатый, сухой, съ горбатымъ носомъ и съ сѣрыми, да такими умными и добрыми глазами! часто встрѣчалъ я его въ домахъ и всегда, бывало, ходитъ онъ задумчивый или ужь какъ разговорится — удержу нѣтъ никакого: такъ и пѣнится! Вотъ онъ теперь сталъ рѣчь держать:

— «Семенъ Логинычъ, говоритъ, брось ты проклятые стихи. Знаю я, что тебя мучитъ, и самъ я, можетъ, черезъ худшее прошелъ. Послушайся меня, ради Бога. Человѣкъ ты умный, а таланта къ писанію въ тебѣ нѣтъ,—повѣрь мнѣ! Перешелъ ты года, когда учиться надобно, а ты еще не только стихосложенія не знаешь, да и правильной рѣчи не умѣешь составить. Да нѣтъ у тебя и мыслей, потому что мимо тебя жизнь прошла и ты въ ней только свою персону видѣлъ, ито не такъ, какъ слѣдуетъ! Не посѣтуй за слова мои: лю-

Digitized by Google

блю я тебя больно и жалко мнѣ тебя какъ сына. Придутъ еще къ тебѣ всякія блага, какихъ ищешь, а придутъ не оттуда, гдѣ теперь ищешь. Выбери ты себѣ истинное ремесло, о кичсніи и шумѣ не думай, а думай только какъ бы *человѣкомъ* сдѣлаться. Брось ты и собранія наши.... Нехорошо тебѣ въ нихъ.... покамѣстъ послушайся меня, Семенъ Логинычъ.

«Держалъ онъ мою руку какъ въ тискахъ, покуда говорилъ все это, и жалъ ее такъ крѣпко.... А я — я потерялъ всякій умъ, сбившись съ дороги! — друга своего не узналъ, честнаго человѣка заподозрилъ. «Какой это злой и завистливый баринъ», думаю про себя, «отдѣлаюсь отъ него какъ нибудь поскорѣе», и ужь не знаю какъ отдѣлался, только больше онъ со мной не разговаривалъ никогда. Правда, недѣли не прошло, какъ я вспомнилъ о немъ, да ужь поздно.... Сидимъ мы опять вечеромъ и на сердцѣ у меня было тяжело больно: казалось мнѣ, будто тяготятся мной люди и съ усмѣшкой на меня посматриваютъ; хотѣлъ я разогнать черныя мысли, да слышу толстая барыня за мной (тоже сочинительница была и повѣсти какому-то купцу ставила по условію) разговариваетъ съ молодымъ проѣзжимъ господиномъ и ему гостей описываетъ.

— «А это кто? спрашиваетъ господинъ, на меня указывая.

— «Это самоучка-стихотворецъ, отвѣчаетъ сочинительница у меня за плечами, и голосу даже не понизила.—Таланту въ немъ не видно, образованности взять ему не гдѣ было, да по моему и человѣкъ-то онъ тупой. Здѣшнее общество къ себѣ его припустило, чтобъ понатерся маленько. Давно онъ между нами живетъ, а успѣху, какъ изволите видѣть, мало.

«Точно ножемъ кольнули меня подъ грудь. Обернулся я и посмотрѣлъ назадъ такъ, что сочинительница маковымъ цвѣтомъ покрасѣла, побылъ еще немного въ собраніи, да и вонъ, домой поскорѣе. Спала у меня пелена съ глазъ.... Бросился я въ постель, долго ворочался и подушку грызъ (гордость, знаешь, отъ крѣпкой раны во мнѣ корчилась), но съ тѣхъ поръ никто меня въ городѣ не видалъ и стихи я пересталъ писать.»

— Чудное дѣло, Семенъ Логинычъ, замѣтилъ я: — откуда намъ спасеніе приходитъ! Вотъ примѣромъ сказать: отринулъ ты наставленіе умнаго и добраго человѣка, а два-три слова вздорной бабы повернули тебя словно рычагомъ.

— И самъ я дивился этому немало, отвѣчалъ Семенъ Логинычъ:— да видно уроки-то намъ по отечески распредѣляются: сперва легкій, а тамъ, какъ не возьметъ, и погрубѣе.... Но сказать ли правду? Не разгадалъ меня и тотъ благородный человѣкъ, который мнѣ первый руку протягивалъ. Сталъ я, по совѣту его, искать себѣ честнаго

Digitized by Google

ремесла и скоро отыскалъ. Въ городѣ проживалъ тогда нѣмецъ, который всякую столярную работу дѣлалъ и рисунки сочинялъ на мебели, рамы и иконостасы. Онъ же и золоторемъ былъ. Приглянулись мнѣ больно рисунки его, позавидовалъ я его искусству: «вотъ бы такимъ мастеромъ сдѣлаться — думалъ — это не то, что поденную работу нести». Явился я къ нѣмцу, а тоть посмотрѣлъ на меня и сказалъ: «Художество наше трудное, любезный другъ, а ты ужь на возрастѣ, кажись; однакожь, коль смертная охота есть, можетъ и старыхъ учениковъ перегонишь; только надо сначала начинать». — Не зналъ нѣмецъ, что въ этомъ-то и вся бѣда заключалась. Отвыкъ я ходить ровнымъ шагомъ и трудиться за азбукой низко мнѣ казалось. Вмѣсто того, чтобъ планочки къ планочкамъ приклеивать да на бумагѣ линіи вести, я прямо взялся фигурныя украшенія чертить. Останавливалъ меня нѣмецъ и по цѣлымъ часамъ доказывалъ, что это пустая работа, и что нельзя мнѣ за рисунки приниматься, когда карандашъ въ рукахъ еле-держится. Не унимался я: все мнѣ хотѣлось что нибудь такое сдѣлать, чтобъ съ перваго же разу мастера удивить. Чуть какой нибудь пріемъ узнаю, ужь тотчасъ на немъ цѣлый планъ строю: «остальное — думаю — само собой прійдетъ. Зачѣмъ же на свѣтѣ и умницей родиться, если также работать надо, какъ послѣдній дуракъ?» Хотѣлось мнѣ, видишь, перескочить черезъ науку, да видно прыжокъ не по силамъ былъ. Какъ я ни бился, мнѣ ничего даромъ не доставалось: все выходило у меня нелѣпостію, которую, повѣришь ли, спустя немного я и самъ вижу лучше другого. На первыхъ порахъ и остынешь немного, а потомъ за старую пѣсню примешься. Маялся со мной нѣмецъ долго, усталъ подъ конецъ. Призываетъ меня разъ, какъ я вздумалъ какой-то планъ на большую раму составить, и говоритъ: «Будетъ! полно! — Ни тебѣ отъ меня пользы нѣтъ, ни мнѣ отъ тебя пользы нѣтъ; нельзя намъ жить вмѣстѣ. Ступай съ Богомъ». И, сказавъ это, вывелъ меня изъ комнаты и заперъ дверь. Остался я на улицѣ, опять безъ пристанища и безъ куска хлѣба. И на этотъ разъ не могъ я уже сыскать и работы. Все мнѣ опротивѣло; а по правдѣ сказать, вѣдалъ я безсиліе свое и неспособность къ труду: обронилъ я его на дорогѣ и найти никакъ не могъ. Пришла ко мнѣ нищета, а я лежалъ ничкомъ на землѣ и нечѣмъ было отогнать ее. Не простая была и нищета у меня: много кой чего шумѣло въ сердцѣ, еще болѣе въ головѣ. Гордость и стыдъ, досада и раскаяніе такъ и ломились другъ на друга. Пропускаю это время.... горько и теперь вспомнить.... да и разсказать бы порядкомъ не умѣлъ; знаю только, что много силъ и жизни унесло оно у меня».

Digitized by Google

Глаза разскащика налились слезами и зуби задрожали; но онъ почти въ ту же минуту и подавилъ внутренное волненіе.

— Какъ же выпутался ты изъ бѣды, Семенъ Логинычъ? спросилъ я съ неподдѣльнымъ участіемъ.

— Ахъ, баринъ ты мой, отвѣчалъ онъ ласково, обращаясь ко мнѣ: — выпутался я изъ бѣды, почитай, чудомъ. Получилъ я вдругъ большой капиталъ по нашему, который въ другихъ рукахъ вывелъ бы человѣка въ первостатейные люди, — 10,000 рублей, легко сказать!

— Какъ!... откуда?

«Разскажу тебѣ все подробно, а другому бы не разсказалъ, повѣрь слову. Вотъ какъ это случилось. Въ то время, какъ я еще промыслами занимался, нанялся я въ работники къ одному вдовому купцу, у котораго всей семьи только и было, что дочка — дѣвушка умная, собою красавица. Жила она почти одинехонька, съ старой своей няней, въ домѣ хозяйничала, покуда батюшка по дѣламъ ѣздилъ, и думала про себя свою дѣвичью думу. Полюбилась она мнѣ, скажу тебѣ баринъ, сильно. Не смѣлъ бы я на нее и глазъ поднять, да Марья Васильевна сама меня отъискала и отъ другихъ отличила. Замѣтила она, что не такъ я и говорю, какъ другіе, поодаль отъ другихъ стою, тоже свою думу думаю; только моя была похитрѣе ея дѣвичьяго гаданья. Это ей вѣрно и полюбилось. Сошлись мы другъ съ другомъ, по зимѣ часто видѣлись; отецъ ничего не зналъ. Грѣшно мы это дѣлали, но ужь теперь слово въ оправданіе себѣ скажу — чиста наша любовь была не по сказочному. Ни разу мнѣ злого помысла не приходило съ ней въ голову, а болталъ я болѣе о своихъ затѣяхъ, какъ въ люди выйду и себя высоко поставлю. Слушала она меня и смѣялась и одобряла: новы были для нея такія слова! Не было у меня мысли оскорбить ее, а присвататься и еще менѣе. Куда же мнѣ! Жили мы, баринъ, какъ будто для того, чтобъ не наговориться другъ съ другомъ, и какъ теперь еще вспомню о бесѣдахъ нашихъ, точно рай земной у меня внутри создается. Дѣло это ты, чай, понимаешь не хуже моего. Знаю навѣрное, что не считала и она меня своимъ суженымъ, потому что часто со страхомъ о немъ загадывала, а видно подходилъ я къ молодымъ ея мечтательствамъ. Зиму другую прожили мы такъ, плетя другъ съ другомъ золотую нитку, которая въ нашихъ рукахъ и порваться должна была.

«Пріѣхалъ на третью зиму въ домъ ея молодой купецъ, статный, высокій, волосы въ кудряхъ — красавецъ писанный! И душа у него по тѣлу была: прямо и гордо держался онъ какъ тополь. Вотъ тогда-то впервые замутило у меня въ душѣ и туча на лицо набѣжала, впервые также поблѣднѣла и Маша: дѣло становилось серьёзнѣе,

Digitized by Google

приходилъ между нами расчетъ за прошлое счастіе. На другіе же сутки догадался купецъ обо всемъ; любилъ онъ Машу давно, да и поболѣе моего, какъ я теперь разсуждаю. Богъ знаетъ, чѣмъ все это кончилось бы, — кончилось же оно просто.

Сижу у себя разъ, вечеромъ, въ каморкѣ, слышу, стучатъ крѣпко въ дверь. — Кто тамъ? спрашиваю я. — «Это я!» отвѣчаетъ купецъ-женихъ. Словно варомъ меня обдало, отворяю дверь.

— Какъ это вы, батюшка Владиміръ Александрычъ, ко мнѣ въ каморку пожаловали?

— Дорога извѣстная, Семенъ Логинычъ, отвѣчалъ купецъ, встряхивая кудрями: — и къ такому человѣку, какъ вы, ходить никому не совѣстно, чаю.

Обошелъ онъ мою комнату, приперъ дверь, кафтанъ растегнулъ навспашь, сѣлъ на мою кровать, мнѣ на стулъ показалъ, господиномъ распорядился у меня въ домѣ!

— Садись-ка, братецъ, говоритъ, порѣшимъ мы теперь важное дѣло. Между нами стоитъ дѣвушка.... сокровище.... не правда ли? (Вскинулъ онъ черными глазами, словно прожечь меня хотѣлъ). Ну, а разорвать намъ ее пополамъ нельзя.... Собрался я жениться на ней, такъ тебѣ ужь надо отступиться, Семенъ Логинычъ: въ томъ все и дѣло.

— Ого! отвѣчалъ я смѣясь: — скоро вы дѣло рѣшаете, Владиміръ Александрычъ; знать, въ торговлѣ научились!

— Не время теперь шутокъ, Семенъ, остановилъ онъ меня: — пустяки переговорить послѣ успѣемъ... Давно я о тебѣ слышалъ, а теперь самъ присмотрѣлся — потягаться можешь со всякимъ!... Не низшій ты мнѣ, а товарищъ! Одна у насъ мысль съ тобой. Обоимъ намъ жизнь Машеньки дороже всего на свѣтѣ, и готовы мы сложить головы за нее. Ну, теперь и пришла пора узнать, кому изъ насъ, для спасенія ея, себя загубить слѣдуетъ.... Понимаешь ли?

— Понялъ. А почему же мнѣ непремѣнно?

— Вотъ почему, Семенъ. Не можешь ты жениться, а если бы и могъ, пропадетъ она съ тобой. Маша тебя любитъ, и если позовешь, пойдетъ куда хочешь. Отецъ ее броситъ и вины ей никогда не отпуститъ: это уже вѣрно. Останетесь вы вдвоемъ съ бѣдностью... ну, бѣдность куда еще не шло. Бѣдность можно на плечахъ поднять и за заборъ на дорогу выкинуть, а вотъ посмотри-ка на себя попристальнѣе. Не знаешь ты хорошенько самъ своей любови. Игрушка для тебя эта дѣвушка, Семенъ, и любишь ты себя больше ее. Построже она для тебя дѣло, Семенъ, а главное — ты самъ. Остановился ты передъ ней на минуту, а глаза у тебя все на гору глядятъ, куда тебѣ путь лежитъ.... Оборотитъ тебѣ жена, какъ

Digitized by Google

помѣха, надоѣстъ какъ лишняя тяжесть: оставишь ты ее посередь дороги!

«Запомнилъ я урокъ, баринъ, и пересказываю его слово въ слово. Сидѣлъ я словно школьникъ передъ молодымъ купцомъ, который былъ мнѣ ровесникъ по лѣтамъ. Сердце у меня ныло отъ досады, что говоритъ онъ со мной точно прирожденный командиръ; бороться же съ нимъ не хватало силъ. Зло посмотрѣлъ я на него и спросилъ:

— «Любитъ ли она тебя?

— «Нѣтъ, отвѣчалъ онъ твердо.

— «Такъ какже ты жениться хочешь? воскликнулъ я радостно.

— «Постарайся выслушать меня, Семенъ Логинычъ, безъ гнѣва и злобы. Рѣшился я жениться на ней потому, что знаю навѣрное: никто кромѣ меня не составитъ ея счастія. Съ малолѣтства еще видѣлъ я ея тревоги и самъ въ десять лѣтъ зерна не потерялъ изъ страсти, которая гораздо до тебя началась. Пріѣхалъ я сюда поглядѣть, что дѣлаетъ она, и вижу бѣжитъ ребенокъ подъ оврагъ.... Гуляй онъ смирно, по ровной дорогѣ — только вы бы меня и видѣли: жалко мнѣ сдѣлалось смертельно.... Ворочу его назадъ, успокою, дамъ отдохнуть на рукахъ своихъ. Не нужно мнѣ покамѣстъ ни любви, ни ласки его, — лишь бы ожилъ, въ себя пришелъ, кругомъ оглядѣлся, а тамъ.... а тамъ, Семенъ Логинычъ, что Богъ дастъ!

«Лицо купца пылало, глаза покрылись слезами; но голову держалъ онъ по прежнему — гордо и самонадѣянно. По сущей правдѣ сказать, малъ и низокъ былъ я передъ нимъ. Досада на него не улеглась во мнѣ, а только страсть шибче разыгралась въ груди отъ спора съ молодцомъ.

— Не могу разстаться съ такимъ сокровищемъ, сказалъ я: — не могу.

— Это твое послѣднее слово, Семенъ? подумай.

Подумалъ я и опять отвѣчаю:

— Не могу, Владиміръ Александрычъ, не могу.

Опустилъ онъ голову внизъ, руку на спинку кровати положилъ и говоритъ:

— Ну, стало, моя очередь.... очень хорошо.... мнѣ же къ этому и не привыкать. Будь по твоему, Семенъ; но теперь условіе, братецъ.... Рѣшился ты загубить одну душу — дѣлай, твой отвѣтъ! Только добывай поскорѣй себѣ позволеніе, выправляй свои бумаги, хоть къ концу, какъ знаешь, — это твое дѣло, но чтобъ была она твоей женой. Поиграть же ею и забросить какъ мячикъ.... нельзя этого, Семенъ!

Digitized by Google

«Молчалъ я — и подумать о женитьбѣ страшно было. Всталъ купецъ на ноги блѣдный, преблѣдный, и все говоритъ:

— Если замыслилъ ты другое, встрѣтишь ты человѣка, который не отступитъ.... Съ этого дня прикованъ ты ко мнѣ лучше чѣмъ цѣпями, и нельзя тебѣ пошевелиться безъ моего спроса. Срослись мы, Семенъ. Нажилъ ты себѣ пару глазъ и пару рукъ, которые поправятъ, что̀ неловко другія двѣ пары сдѣлаютъ. Помни это и за тѣмъ прощай!

«Заговорила наконецъ во мнѣ совѣсть, и купецъ, правду сказать, дѣло мое по ниткѣ разобралъ, такъ что страшно и совѣстно самому сдѣлалось.

— Помедли, батюшка Владиміръ Александрычъ, молвилъ я: — дай подумать мнѣ... въ головѣ у меня такая путаница... сообразить ничего не могу.

— Подумай, ради Бога, Семенъ Логинычъ, подумай! отвѣчалъ онъ, хватая меня за руку: — завтра рано утромъ къ тебѣ за отвѣтомъ приду.

«Какъ я эту ночь провелъ, не нужно тебѣ и говорить, баринъ. Ходилъ я по комнатѣ до зари, плакалъ и руками голову билъ; а на зарѣ пришелъ ко мнѣ купецъ... глаза мутные и синіе такіе. Видно и онъ эту ночь не спалъ.

— Что̀? спросилъ онъ.

— Твоя! отвѣчалъ я. — Не приходится мнѣ съ нею жить, а на перекоръ совѣсти жить не хочу... Бери ее себѣ, а я отсюда, завязавъ глаза, убѣгу.

— Нѣтъ, этого мало, возразилъ купецъ: — сперва надо дѣло дѣлать. Ступай ты къ ней и самъ скажи, что̀ теперь придумалъ.

Ноги у меня подкосились, застоналъ я и пощады сталъ спросить у него:

— Сжалься, батюшка Владиміръ Александрычъ, помилуй меня, сними съ меня эту должность. Силъ моихъ не хватитъ и не переживу я этого.

— Нельзя, нельзя, Семенъ Логинычъ, говорилъ купецъ ласково и твердо. — Заслуга твоя не въ заслугу будетъ, если на половинѣ дороги остановишься. Хочешь ты спасти человѣка, а за аршинъ до берега тяжело становится и опять его въ воду бросаешь.... И усталость твоя не въ великой цѣнѣ будетъ предъ людьми и собственной совѣстію. Доплывай, Семенъ Логинычъ, доплывай.... для тебя же прошу!

Точно привороженъ я былъ къ этому человѣку, и дѣлалъ онъ изъ меня все, что̀ хотѣлъ. Поплелся я вечеромъ въ домъ купца. Что̀ у насъ было съ Марьей Васильевной, не приходится разсказывать.

Digitized by Google

Привязалась она ко мнѣ, плакала у меня на рукахъ, оттолкнулъ я ее и ушелъ: все сдѣлалъ, какъ молодой купецъ приказывалъ. Выбѣжалъ я изъ дому самъ не свой; врагъ мой уже ходилъ по улицѣ взадъ и впередъ и прямо ко мнѣ, какъ только завидѣлъ:

— Не боишься ты подходить ко мнѣ? спросилъ я его сурово.

— Не боюсь, отвѣчалъ купецъ: — и прощу, если бы что со мной и приключилось теперь.... Помни, Семенъ, нажилъ ты друга, а еще болѣе великую себѣ отраду на всю жизнь....

«Я убѣжалъ отъ него что было мочи въ ногахъ.

«Теперь ты понимаешь, баринъ, откуда я деньги получилъ. По первому извѣстію, я уже догадался, отъ кого идетъ посылка. Смотрѣлъ я на пакетъ долго,— адресъ мой: крестьянину Семену Логинову Ѣдрову; распечаталъ его: ничего нѣтъ, кромѣ бѣлой бумаги, въ которую деньги были завернуты. Его дѣло! Загорѣлась у меня опять голова, вспомнилось мнѣ все прошлое, поднялась гордость наверхъ и старая язва заболѣла по прежнему. Сталъ я мять деньги и говорить себѣ: «Отошлю ему назадъ іудино серебро! Кто его просилъ денегъ мнѣ слать? Злой онъ человѣкъ! унизить меня онъ хочетъ и послѣднее утѣшеніе въ горѣ отнять. Назадъ ему деньги! Милостыни, кажись, я еще не просилъ, а то, что сдѣлалъ — не продается!» Однако, баринъ, кричалъ я назадъ, денегъ же не отсылалъ; стали онѣ у меня выходить помаленьку. Нужда къ намъ крысой подкралась и теребила по клочкамъ: «Вотъ, думаю, сколько уже годовъ старики мои и братья за меня всѣ повинности справляютъ,— отошлю имъ добрую часть: пусть знаютъ, что я у нихъ не нищій. Да и что, же въ самомъ дѣлѣ? и богатъ и славно женатъ купецъ.... Взялъ же онъ мое добро не дрогнувъ,— беру его деньги». Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Оставилъ я за собой капиталъ, который и утащилъ меня ужь совсѣмъ въ пропасть, на самое дно омута.... Лучше бы я сдѣлалъ, если бы по первой мысли отослалъ его назадъ и остался при своей бѣдности.

«Ну — началъ я гадать — теперь поживу же я хоть годикъ на всемъ своемъ хотѣніи, потѣшусь я жизнью, которой еще не пробовалъ. Молодость моя уходитъ; недалеко время, когда о ней и помина не станетъ; а не видалъ я цвѣта ея, надо мнѣ узнать, сколько у свѣта радостей и потѣхъ; со стороны я ихъ еще только видѣлъ. Покуда я тормошилъ свой мозгъ, другіе веселились и будетъ имъ о чемъ вспомнить при старости. Нагоню же я ихъ, верну назадъ потерянное время: богачъ я на цѣлый годъ!»

«Искуситель не могъ бы лучше этого совѣтъ дать.

«Вотъ и затѣялъ я нескончаемый пиръ. Растворилъ ворота своего дома настежъ! милости просимъ. Налѣзло ко мнѣ народу

Digitized by Google

множество; а друзей, барин, друзей-то!... Господи Боже, сколько!... Пошли у насъ съ ними шумные дни, а ночи еще шумнѣе. Весело было на сердцѣ не по человѣчески, что сожигаю свое добро, которое и не мнѣ на добрый вѣкъ стало бы. Надо тебѣ сказать, что развернулся я въ ту пору какъ и самъ не ожидалъ: удаль взяла меня безумная. Снялъ я съ себя всякій надзоръ, очертя голову бросился въ омуть и радовался, что вертитъ меня до обморока. Ничѣмъ не могъ я залить въ себѣ лихорадочнаго жару; только кончалась потѣха, выростала новая, покрѣпче стеблемъ и зерномъ погрубѣе. Нашло на меня сущее умопомраченіе! Ужь мнѣ надобенъ былъ туманъ въ головѣ и сердцѣ какъ роса полевымъ цвѣтамъ, и дошелъ бы я до того непремѣнно, что понадобилась бы мнѣ и кромѣшная ночь, но Господь въ милосердіи своемъ наслалъ мнѣ тяжкую болѣзнь. Горячка повалила меня въ постель и прекратила новыя затѣи.

«А какъ поднялся я съ одра болѣзни, не было у меня болѣе друзей, не было, по прежнему, ремесла, не было твердой почвы подъ ногой, да не было уже и здоровья. Горько заплакалъ я и молиться сталъ. Чудное дѣло! Только тогда и вспомнилъ я отцовскій завѣтъ: «Коль умаешься и устанешь не въ мѣру, никуда не ходи, а иди прямо къ намъ». Только что позволили мнѣ силы, собралъ я послѣднія свои крохи, котомку взвалилъ на плечи и отправился въ обратный путь во свояси по той же дорогѣ, по которой нѣсколько лѣтъ тому назадъ молодымъ парнемъ шелъ.

«Только разница была уже большая. Не прыгалъ я болѣе на пути, а еле-еле плёлся, не задиралъ я проѣзжихъ и прохожихъ, а робко поглядывалъ на сторону; не игралъ у меня румянецъ на щекахъ, а крѣпко грудь побаливала. Не знаю, какъ я дотащился до дому, къ концу едва ноги передвигалъ, кашель замучилъ, однакожь дотянулъ кой-какъ. Помню, что пришелъ я къ отцовской избѣ по вечеру, стучусь въ окно и ночлега прошу — впустили. Вошелъ я въ избу, лучина горитъ, старикъ мой съ костылемъ на скамейкѣ сидитъ, мать прилегла къ углу. «Да что же вы, родимые — сказалъ я — сына-то своего не встрѣчаете?» Услыхала мой голосъ старуха (а она въ то время совсѣмъ ослѣпла), взвизгнула, кинулась мнѣ на шею, да такъ и замерла. Отецъ схватилъ меня одной рукой за руку, а другой за лучиной тянется. Добылъ лучину, обвелъ мнѣ лицо свѣтомъ, а лицо было у меня отрадное тогда, — бросилъ лучину и заплакалъ: «Ну — говоритъ — сдержалъ ты зарокъ: замаялся до смерти. — «Полноте плакать, родимые — отвѣчалъ я — пришелъ къ вамъ добрый сынъ и хорошій работникъ; а съ этого не плачутъ!» Прибѣжали съ села братья и сестры мои, съ женами и мужьями.... у иныхъ уже и под-

Digitized by Google

росточки были. Обступили меня всѣ кругомъ и какъ на чудо смотрятъ... Былъ я точно чудо, только никогда не мыслилъ я о такомъ!

«Прожилъ я безъ малаго три года со стариками своими, отъ работы не отказывался и потруднѣе какая выбиралъ. Отецъ останавливалъ, да мнѣ работа нужна была, чтобъ память притупить.... На третій годъ старики одинъ за другимъ примерли; положилъ я ихъ вмѣстѣ. Еще при жизни ихъ, женился я: жена у меня женщина скромная, тихая, добрая.... Дѣтей намъ Богъ не далъ съ нею. Послѣ смерти родимыхъ пусто сдѣлалось у насъ въ домѣ; я было хотѣлъ налечь на работу, такъ вотъ силъ нѣтъ. Видно здоровье ушло отъ меня навсегда. А надо же что нибудь дѣлать! За землей ходить — много, домашнимъ трудомъ заниматься — мало: вотъ и выбралъ я себѣ ремесло, какъ видишь, баринъ.

«Ремесло это хорошее. Сказать ли тебѣ правду, баринъ? Еще и теперь отъ времени до времени заходятъ ко мнѣ вздорныя мысли, не улеглась еще проклятая кровь и иной часъ подыматься начинаетъ, словно молодость помянуть хочетъ, а корзина моя тутъ какъ пугало для ребенка. Накину ее на плечи, верстъ пятнадцать безъ присѣста сдѣлаю, — уляжется кровь, отупѣетъ мозгъ и голова сама на покой запросится. Ломаю я себя прилежно и такъ вѣкъ мой помаленьку доживаю, чай немного и хлопотать осталось. Вотъ тебѣ моя глупая исторія, которую ты такъ слышать хотѣлъ. Коротко я разсказалъ ее, а все больно длинна оказалась.... Вотъ ужь твой тарантасикъ подъѣзжаетъ....»

— Неужто мы такъ разстанемся съ тобой, Семенъ Логинычъ? сказалъ я, подымаясь съ травы....

— А чего же еще ждать намъ? отвѣчалъ онъ. — Спасибо, что терпѣливо выслушалъ мои розсказни; мнѣ и самому отъ нихъ легче сдѣлалось: давно, знаешь, не болталъ. И ты не въ обидѣ: заняло это тебѣ часокъ времени, а можетъ и польза какая будетъ, хоть примѣромъ узнаешь, какія нелѣпицы могутъ забрести въ голову и самому простому человѣку.... Прощай, баринъ, будь здоровъ.

Онъ принялся за корзину.

— Послушай, Семенъ Логинычъ, возразилъ я, взявъ его за руку: — у меня есть мѣсто въ тарантасѣ; позволь мнѣ предложить....

— А развѣ ты знаешь, куда мнѣ надобно? Нѣтъ ужь, сызнова знакомства начинать, баринъ, мнѣ не приходится.... И нельзя совсѣмъ, прибавилъ онъ мягкимъ голосомъ: — я такъ привыкъ къ пѣшему хожденію, что въ вашихъ экипажахъ, господа, голова у меня кружится.

Digitized by Google

— Ну, хоть до первой деревни, Семенъ Логинычъ, упрашивалъ я его: — до первой только деревни: тамъ мы напьемся чаю, а потомъ и разойдемся въ разныя стороны.

Семенъ Логинычъ взвалилъ корзинку на плечи, взялъ мои руки своими, крѣпко потрясъ ихъ и, не отвѣчая, повернулся отъ меня, направляясь быстрымъ шагомъ къ кустамъ, окружавшимъ поляну, гдѣ мы бесѣдовали. Не успѣлъ я послать ему мое прощальное привѣтствіе, какъ онъ уже скрылся въ густой зелени ракитника и полевой вишни.

Я бросился къ тарантасу, вскочилъ на козлы и видѣлъ, какъ лукошникъ пробирался черезъ лугъ на проселочную дорогу. Наступалъ вечеръ. Сухая фигура Вѣдрова, окрашенная румянымъ свѣтомъ, чрезвычайно ясно вырѣзывалась на чистомъ горизонтѣ.... Онъ шелъ быстро, размахивая руками и опустивъ голову внизъ, по своему обыкновенію... Долго провожалъ я его глазами, до тѣхъ поръ, пока онъ все мелѣлъ въ пространствѣ, обратился въ точку.... и наконецъ исчезъ изъ виду — навсегда для меня!

П. А—ВЪ.

Іюль 1850.

Село Чирьково.

РАЗСКАЗЫ О КОЛОНІЯХЪ ВАНДИМЕНОВОЙ ЗЕМЛИ.

СТАТЬЯ ПЯТАЯ.

Неудачное начало дѣла. — Черный Джакъ. — Переживанье и новыя приключенія — Неожиданная встрѣча. — Разгадка таинственнаго письма. — Слѣды бѣглецовъ. — Преслѣдованіе ихъ. — Матросъ. — Продавецъ лошадей. — Туземцы.

Пробывъ около двухъ часовъ у *Green-ponds*, я пошелъ къ дому человѣка, на рукахъ котораго была оставлена дочь Цыгана. Но напрасно нѣсколько разъ принимался я стучаться въ дверь: никто не показывался. Изумленный, я попробовалъ отворить ее самъ. Дверь уступила моимъ усиліямъ.

Домъ былъ, однакожь, совершенно пустъ. Долго стоялъ я на порогѣ, соображая, что начать, и каждую минуту ожидая кого нибудь, кто могъ бы мнѣ дать объясненіе объ отсутствующихъ. Вдругъ, взглянувъ на рѣку Дервентъ, я замѣтилъ сильное движеніе

Digitized by Google

на пристани и вскорѣ за тѣмъ увидѣлъ отрядъ солдатъ, вошедшій въ лодку и поплывшій къ кораблю, находившемуся въ четверти мили отъ плотины и готовому къ отплытію. Я рѣшился итти туда же, къ собравшейся толпѣ. Лодка между тѣмъ быстро приближалась къ кораблю. Толпа эта состояла изъ самыхъ разнородныхъ классовъ; бо́льшую часть ея составляли, впрочемъ, узники, находящіеся на службѣ правительства и отличающіеся отъ другихъ преступниковъ своими куртками. Разныя замѣчанія, раздававшіяся вокругъ меня, вскорѣ дали мнѣ понять, что́ занимало собравшуюся толпу.

— Нашли его? спросилъ одинъ.

— Какое нашли! Развѣ не видите, что солдаты только что теперь отправляются за нимъ! возразилъ другой.

— Да они во вѣки вѣковъ не отыщутъ его! подхватилъ третій.

— Констабли обыскали весь корабль, — всѣ крысьи дыры обсмотрѣли — и ничего не нашли.

— Корабль, вѣроятно, будутъ обкуривать.

— Это ему не по вкусу придется! Нѣтъ ничего лучше обкуриванія, чтобы поймать бѣглеца.

— Да кто же бѣжалъ? спросилъ одинъ изъ толпы. — Вѣрно, кому нибудь жарко сдѣлалось здѣсь....

— Это Чёрный Джакъ далъ тягу? отвѣчалъ другой, съ плутовской рожей и въ жолтой куркѣ. — Говорятъ, онъ сидитъ гдѣ-то въ бочкѣ.... А убѣжать, говорятъ, помогли ему матросы.

— У Джака денегъ всегда было вдоволь. Желалъ бы я знать, откуда онъ бралъ ихъ.

— Я думаю, многіе хотѣли бы знать это, сказалъ Жолтая Куртка. — Джакъ всегда строилъ какіе-то планы....

— Не былъ ли онъ *governments-man* (*)? спросила какая-то толстая фигура въ черномъ бархатномъ сюртукѣ, съ соломенкой во рту.

— Да, вѣчный; но онъ получилъ паспортъ, съ позволеніемъ ходить гдѣ угодно.... за какія это услуги — Богъ вѣсть, — только ужь не за красоту.... Впрочемъ, съ деньгами все сдѣлаешь!... Поговариваютъ, будто Джакъ, прежде чѣмъ прибылъ сюда, былъ адвокатомъ.

— Что́ же они сдѣлаютъ съ нимъ, когда поймаютъ? спросилъ толстый фермеръ.

— Повѣсятъ! отвѣчалъ Жолтая Куртка. — Вотъ и работа шерифу!... (**).

(*) Ссыльный въ государственной службѣ.

(**) Въ Англіи и въ англійскихъ колоніяхъ должность палача исполняетъ шерифъ графства или помощникъ шерифа, и это не считается унизительнымъ.

Digitized by Google

— Не повѣсятъ, возразилъ какой-то человѣкъ, прилично одѣтый. — Пошлютъ только въ Макарьеву гавань.

— Только?! вскричалъ Жолтая Куртка. — Такъ, по вашему, Макарьева гавань — такъ себѣ?... Нѣтъ! что до меня, я скорѣе двадцать разъ соглашусь качаться на висѣлицѣ, нежели отправиться въ это мѣсто!... Ага! вонъ, солдаты подымаются наверхъ.... строятся, на палубѣ, въ двѣ линіи.... Вотъ теперь-то увидимъ комедію!...

Меня начало интересовать положеніе неизвѣстнаго мнѣ бѣглеца, котораго въ толпѣ называли Чернымъ Джакомъ. И я, вслѣдъ за другими, выдвинулся впередъ. Мы наблюдали за кораблемъ около четверти часа, какъ вдругъ увидѣли небольшой дымокъ, поднявшійся на носу; тотчасъ послѣ того отдали сигналъ, на который отвѣчали съ берега. Палуба оживилась; небольшой отрядъ солдатъ приблизился къ берегу, чтобы очистить мѣсто для высадки людей, ожидаемыхъ съ судна; а черезъ нѣсколько минутъ опустили въ лодку что-то плотно укутанное и начали грести къ берегу.

— Это Черный Джакъ! закричалъ Жолтая Куртка. — Они выкурили его изъ норы.... Пропалъ теперь!

Съ этими словами Жолтая Куртка протѣснился къ мѣсту, гдѣ лодка должна была причалить. Но видимое любопытство Жолтой Куртки вблизи видѣть пойманнаго бѣглеца остановилъ сержантъ.

— Назадъ! закричалъ онъ. — Куда лѣзете! мало еще мѣста на плотинѣ!...

— Я не лѣзу! возразилъ Жолтая Куртка: — мнѣ хочется посмотрѣть только, каково-то придется тому, котораго обкуривали. — Теперь ужь онъ настоящій Черный Джакъ!...

Когда лодка причалила, два констабля вывели изъ нея бѣглеца, придерживая его съ обѣихъ сторонъ. Несчастный казался такъ утомленнымъ и безпомощнымъ, что ему даже не перевязали рукъ. Проходя, шатаясь, мимо человѣка въ жолтой куркѣ, бѣглецъ бросилъ на него значительный взглядъ, пошатнулся и упалъ изъ рукъ констаблей. Жолтая Куртка бросился къ нему, какъ бы желая поддержать его, и схватилъ бѣглеца за руку. Тутъ я снова замѣтилъ, какъ они обмѣнялись осторожнымъ, но пугливымъ взглядомъ. Меня это поразило и навело на твердое убѣжденіе, что пойманный бѣглецъ только притворяется слабымъ, а человѣкъ въ жолтой куркѣ — его сообщникъ въ какомъ нибудь тайномъ замыслѣ.

Любопытство мое было сильно возбуждено, и я не сводилъ глазъ съ Жолтой Куртки, который въ эту минуту, казалось, не обращая

Digitized by Google

на пойманнаго никакого вниманія, старался протискаться сквозь толпу.

Не могу объяснить, что собственно побудило меня къ тому, только я поспѣшно послѣдовалъ за этимъ человѣкомъ. А онъ, не поворачиваясь и принявъ беззаботный видъ, направлялся къ верхней части города. Повернувъ за уголъ, Жолтая Куртка остановился, посмотрѣвъ на какую-то вещь, находящуюся у него въ рукѣ, и потомъ какъ будто началъ читать что-то съ большимъ вниманіемъ. Послѣ нѣкотораго времени, человѣкъ этотъ хотѣлъ было итти далѣе, какъ вдругъ увидѣлъ меня: присутствіе мое, по видимому, изумило и напугало его. Съ минуту онъ колебался въ какомъ-то намѣреніи, но потомъ, какъ бы рѣшившись, воротился и пошелъ по другому направленію, и снялъ шляпу, когда проходилъ мимо меня.

Между тѣмъ наступалъ вечеръ. Я рѣшился, прежде чѣмъ ворочусь въ гостинницу, еще разъ отправиться къ дому, гдѣ предполагалъ найти дочь бушренджера. Но на стукъ мой опять никто не отвѣчалъ, — по давишнему я отворилъ двери, но и теперь не попалось мнѣ ни одной живой души; не было даже слѣдовъ, чтобъ кто нибудь приходилъ сюда въ мое отсутствіе. Утомленный ѣздой, я присѣлъ къ окну.

Смотря на дорогу въ противоположную сторону той, откуда пришелъ, я вдругъ увидѣлъ человѣка въ жолтой куркѣ, направлявшагося, по видимому, къ тому же самому мѣсту, гдѣ находился и я. Неожиданное появленіе его навело меня на мысль, не имѣетъ ли этотъ человѣкъ какой нибудь связи съ лицами, которыхъ я отыскиваю. Не видя меня, но все-таки оглядываясь, не замѣчаетъ ли за нимъ кто нибудь, Жолтая Куртка пошелъ прямо къ дому. Взявшись за ручку дверей, человѣкъ этотъ тотчасъ же, однакожь, оставилъ ее и началъ медленно обходить все зданіе, желая, вѣроятно, удостовѣриться, что вблизи его никого нѣтъ. Я рѣшился не показываться на глаза его.

На задней стѣнѣ находилось окно, затворенное ставнемъ, и весь домъ состоялъ изъ одной комнаты съ кухней. Между тѣмъ стемнѣло, и я разсудилъ, что если мнѣ удастся незамѣтно отворить дверь, то я могу пробраться на другую сторону дома, пока таинственный дозорный обходитъ его. Я такъ и сдѣлалъ, проскользнувъ изъ двери быстро на другую сторону дома, заглянулъ за уголъ и, не видя Жолтой Куртки, тотчасъ же обошелъ его. Въ ту же минуту я услышалъ скрыпъ двери и шаги въ домѣ.

Осторожно подошелъ я къ окну, ожидая, что будетъ дальше; но прошло полчаса, какъ я не трогался съ мѣста, а не увидѣлъ ничего

Digitized by Google

новаго. Меня начала одолѣвать усталость, и я не зналъ, на что рѣшиться, какъ вдругъ услышалъ, по направленію къ лѣсу (домъ этотъ былъ крайній въ городѣ) пріятные звуки, издаваемые австралійской сорокой; но какъ ни походили они на настоящее пѣніе птицы, все-таки, однако, отзывались подражаніемъ; и я не безъ причины подумалъ, что это какой нибудь сигналъ. Положеніе мое — между лѣсомъ и заднимъ окномъ, было очень невыгодно, и потому я отошелъ въ сторону. Секундой позже моя осторожность оказалась бы безполезною, потому что почти въ тотъ же мигъ мелькнулъ въ окнѣ свѣтъ и сигналъ повторился.

Между тѣмъ совершенно стемнѣлось, и любопытство мое достигло высшей степени. Плотно прижавшись къ стѣнѣ, съ нетерпѣніемъ ждалъ я послѣдствій, окончательно утвердившись въ мысли, что все происходившее вокругъ меня имѣетъ отношеніе къ ребенку, котораго я обязался взять подъ свое покровительство.

Нѣсколько времени спустя, я услышалъ шаги осторожно приближающагося человѣка и сталъ опасаться, какъ бы онъ не открылъ меня; къ счастію, незнакомецъ вошелъ въ домъ чрезъ заднее окно, или, вѣрнѣе, отверстіе, потому что оно не имѣло ни стекла, ни рамки. Чтобы слышать рѣшительно все, что говорилось въ дому, я подползъ на четверенькахъ подъ отверстіе, куда только что влѣзъ незнакомецъ. Свѣту уже не было въ комнатѣ, и вотъ что услышалъ я прежде всего:

— Такъ они поймали Чернаго Джака? А вѣдь хитро выдумалъ: спрятался въ бочку съ двумя поддѣльными днами внизу, а наверху вода.

— Да, сказалъ Жолтая Куртка: — дымъ едва не задушилъ его. У него закружилась голова: онъ и началъ стучать ногами и раздвигать руками; его и нашли.

— Ты думаешь, что это ему будетъ шеи стоить?

— Не въ томъ дѣло! Намъ онъ болѣе не нуженъ.... Теперь надо подумать о работѣ. Что же мы предпримемъ прежде всего?

— Хоть повѣсь, не знаю!... А вотъ дѣвочку-то зачѣмъ прячемъ мы, когда Джака нѣтъ уже?...

— О, это не джакова работа, возразилъ Жолтая Куртка. — Онъ только вторая рука въ этомъ дѣлѣ.... Нѣтъ! тутъ замѣшанъ кое-кто поважнѣе.... Ты вѣдь знаешь, денегъ не жалѣли....

— Откуда, однако, вѣтеръ? Неслишкомъ-то ловко итти на такія дѣла съ завязанными глазами.... Не хотятъ ли они *отправить* дѣвочку?...

Digitized by Google

— Да кажись, что такъ! подхватилъ Жолтая Куртка. — Видишь, теперь она мѣшаетъ имъ.... такъ по крайней мѣрѣ Джакъ сказывалъ. У дѣвочки-то, говорятъ, въ Англіи помѣстья есть, или что-то въ этомъ родѣ.... Джакъ не могъ всего узнать.... Да намъ, впрочемъ, и не къчему знать болѣе. Мы получаемъ и безъ того хорошую плату.

— Ну, такъ я не возьмусь за это дѣло, сказалъ другой. — Я знаю, что и безъ этой исторіи получу мѣстечко въ Макарьевой гавани, если они меня поймаютъ. Цыганъ всегда поступалъ честно и благородно съ арестантами: такъ я и пальцемъ не трону его ребенка. Вотъ укрыть дѣвочку на нѣкоторое время — пожалуй, согласенъ.... Надо только знать, чего они еще хотятъ... Зачѣмъ Черный Джакъ пытался бѣжать въ такое время, когда онъ былъ всего нужнѣе?

— Я и самъ не понимаю этого.... Впрочемъ, у меня есть бумага отъ него....

— Какъ?! какъ это случилось? что онъ говоритъ?

— Да вотъ бумага, мало написано только.

— Зажги-ка свѣчку: посмотримъ.

Я удвоилъ вниманіе и по свѣту, пробившемуся сквозь щель, увидѣлъ, что Джакъ и его сообщникъ просматривали письмо.

— Ну, спросилъ Жолтая Куртка: — что ты скажешь на это?

— Она говоритъ немного.

— Въ случаѣ, если меня поймаютъ, отнеси это письмо въ красный домъ на Эму-стритѣ. Подателю обѣщано хорошее вознагражденіе.

— Ты, вѣрно, не понесешь его! замѣтилъ Жолтая Куртка.

— Само собой, не понесу: въ городѣ слишкомъ горячо для меня. Сдѣлай ты. Получай мою долю, — такъ и быть!

— Чего боишься! все будетъ сдѣлано честно... Но теперь пора: меня ждутъ къ семи часамъ.

— Да и я уйду въ семь.... а когдажь мы опять увидимся?

— Будь завтра въ это же время здѣсь и дай тотъ же сигналъ.

— Ну, хорошо!

Окно отворилось, и я скользнулъ за уголъ и плотно прилегъ за домомъ. Незнакомецъ, не останавливаясь, побѣжалъ въ лѣсъ. Когда онъ находился отъ меня на нѣкоторомъ разстояніи, я снова подошелъ къ неплотно притворенному окну и, мучимый любопытствомъ, осторожно приподнялся и заглянулъ въ комнату, между стѣной и ставнемъ. Тогда ясно разглядѣлъ я человѣка въ жолтой куркѣ,

Digitized by Google

какъ онъ, поднявъ на очагѣ камень, подсунулъ подъ него письмо (вѣроятно то, о которомъ только что говорили). Потомъ онъ вышелъ изъ дому, по дорогѣ въ городъ.

Пережлавъ немного, чтобы не подвергнуться встрѣчѣ съ человѣкомъ въ желтой куртцѣ, въ случаѣ нечаяннаго возвращенія его, я вошелъ въ комнату. Было темно, но я легко отыскалъ камень и письмо и, взявъ его, отправился въ городъ. Дорогой я обдумалъ, что мнѣ слѣдовало сдѣлать, и рѣшился, не теряя ни минуты, все довести до свѣдѣнія правительства. Письмо было безъ адреса и съ грубо вырѣзанными на печати буквами *J. S.* Сначала я колебался нѣкоторое время, прочитать ли письмо, или нѣтъ; но мнѣ пришло на мысль, что языкъ его, быть можетъ, мнѣ, какъ не посвященному въ тайное дѣло, не будетъ понятенъ; къ тому же, сломавъ печать, я могъ возбудить противъ себя подозрѣніе и скорѣе запутать дѣло, нежели разъяснить его. На этомъ основаніи, я и не рѣшился раскрыть письмо, надѣясь узнать содержаніе его другимъ образомъ — помощію хитрости. Я отправился къ одному моему пріятелю и сказалъ ему, что намѣренъ привести въ исполненіе планъ, требовавшій, чтобы я переодѣлся. Пріятель мой съ изумленіемъ поглядѣлъ на меня, не дѣлая, однакожъ, изъ вѣжливости, никакихъ вопросовъ. Онъ ограничился тѣмъ, что опустилъ руки въ карманъ и началъ неистово насвистывать какую-то арію. Я же между тѣмъ изъ почтеннаго переселенца постепенно превращался въ лихого матроса, въ маленькой круглой шляпѣ и съ невыносимымъ запахомъ рыбы. Въ добавокъ ко всему этому, пріятель совѣтовалъ мнѣ вымазать руки дегтемъ и перепачкать имъ и самое лицо и даже бакенбарды. Я, однако, уклонился отъ всѣхъ этихъ дружескихъ предложеній, взявъ только огромный кусокъ табаку, который пріятель вдвинулъ мнѣ въ ротъ, съ замѣчаніемъ, что это придастъ моей рѣчи настоящій морской выговоръ. Я не прежде замѣтилъ сыгранную со мной шутку, какъ когда не сдѣлался уже боленъ отъ этого отвратительнаго «лакомства» матросовъ.

Въ такомъ-то костюмѣ поспѣшилъ я къ красному дому, довольно большому и снабженному молоткомъ и звонкомъ. До молотка я не коснулся, но дернулъ изо всей силы, по матросски, за звонокъ. Съ сильнымъ біеніемъ сердца ожидалъ я результата моей хитрости.

До девяти часовъ оставалось немного, и ночь была чрезвычайно холодна, земля покрыта снѣгомъ, а темныя тучи, окружавшія вершину *Mount Wellington*, предрекали непогоду и, быть можетъ, мятелицу.

Между тѣмъ какъ я стоялъ передъ дверьми, запустивъ руки въ карманы, съ отвратительной жвачкой во рту, и старался принять по

Digitized by Google

возможности позу матроса, балансирующаго своими растопыренными и косолапыми ногами, — мнѣ невольно пришла мысль о моей странной судьбѣ: я — суррейскій фермеръ — принужденъ испытывать всѣ возможныя приключенія, изъ которыхъ послѣднее, по видимому, должно было кончиться для меня весьма непріятно.

Вдругъ я услышалъ, какъ отодвинули запоръ двери, и когда она отворилась, на порогѣ ея я увидѣлъ дряхлую и безобразную женщину, со свѣчей въ рукѣ. Она прямо обратилась ко мнѣ съ тѣмъ вопросомъ, на который у меня скорѣе всего не нашлось бы отвѣта:

— Кого вамъ нужно?

«Плохо дѣло!» подумалъ я, но, вспомнивъ совѣтъ одного человѣка, сказавшаго, что самое лучшее средство выпутаться изъ отвѣта на затруднительный вопросъ — есть самому сдѣлать вопросъ, — я шопотомъ проговорилъ:

— *Она* дома?

— *Кто* дома? спросила старуха.

— Кто? — Ну, онъ.... развѣ не знаешь?... У меня есть письмо къ нему.

— Письмо? а? дайте сюда!

— Извините, возразилъ я: — то есть я этого никакъ не могу сдѣлать: мнѣ поручили отдать эту штуку въ собственныя руки джентльмена, если у него имѣются руки, и потому-то я взялся за бакбордъ, заворотилъ за стирбордъ (я не зналъ, что́ значатъ эти слова, но надѣялся, что и старуха не пойметъ ихъ) и легъ здѣсь въ дрейфъ.

Въ самомъ дѣлѣ, мои морскіе термины, по видимому, убѣдительно подѣйствовали на старуху; и, желая поддержать ея расположеніе ко мнѣ и остаться вѣрнымъ своему характеру, который, какъ я надѣялся, получилъ совершенно не сухопутный оттѣнокъ, благодаря страшному куску жвачки, находившейся за моей щекой, я крѣпко стиснулъ табакъ зубами и, словно американецъ, харкнулъ такъ искусно, какъ будто во всю жизнь только тѣмъ и занимался, — потомъ задернулъ панталоны и ждалъ отвѣта.

— Ахъ, ты грязное животное! пронзительно вскричала старуха, отбѣжавъ въ сѣни: — какъ ты смѣешь обрызгивать своимъ мерзкимъ табачнымъ сокомъ дома порядочныхъ людей! Не думаешь ли ты, что мнѣ только и дѣло, что мыть полъ за такими гадкими смоляными куртками? Негодное ты морское растеніе!

— Что́ тамъ такое? закричалъ голосъ изъ комнаты, дверь которой отворилась въ ту же минуту. — Что́ за шумъ въ такую позднюю пору!...

Digitized by Google

— Да вонъ этотъ чумичка-матросъ — плюетъ.... говоритъ, что у него есть письмо къ вамъ....

— Да, сэръ, подтвердилъ я: — у меня есть письмо къ вамъ. Такъ если вы тотъ самый джентльменъ, кому оно слѣдуетъ.... Такъ если вы тотъ, то знаете, что я имѣю причину быть осторожнымъ....

— Затворите дверь! закричалъ незнакомецъ, обращаясь къ старухѣ: — задвиньте засовы.... — Ну-ка, пріятель, поди сюда.

Я вошелъ въ довольно чистую комнату, ничѣмъ, впрочемъ, не отличавшуюся отъ другихъ. Противъ меня находился еще другой выходъ, котораго я сначала не замѣтилъ.

— Ну! грубымъ тономъ сказалъ хозяинъ краснаго дома: — гдѣ письмо?

Я бросилъ косвенный взглядъ на моего собесѣдника, чтобы узнать, что онъ за человѣкъ. Казалось, ему было около сорока лѣтъ. Одежда его состояла изъ стараго изношеннаго сюртука и жилета, сѣрыхъ панталонъ и черныхъ камашей; галстухъ — красный. Но обращеніе его нисколько не подходило къ костюму, и мнѣ невольно пришло на мысль, что незнакомецъ также переряженъ и не умѣетъ вести себя въ дурномъ, непривычномъ платьѣ. Да и рука, протянутая мнъ за письмомъ, была нѣжна и бѣла. Лицо его показалось мнѣ знакомымъ; только я не могъ припомнить, когда и гдѣ видѣлъ его. Черты лица незнакомца были бы даже красивы, еслибъ не безобразили ихъ злость и хитрость.

Незнакомецъ съ живостью повторилъ приказаніе:

— Отдай мнѣ письмо!

— Извините, сэръ! отвѣчалъ я: — если не вдругъ послушаюсь васъ. — Мнѣ надо знать, тотъ ли вы, кому велѣно мнѣ отдать письмо. Не угодно ли вамъ назвать себя? (онъ посмотрѣлъ на меня пристально). — Нужно же знать мнѣ, продолжалъ я смѣлѣе: — такъ ли ваше имя, какъ сказано мнѣ.

Незнакомецъ на минуту прищурилъ глаза, потомъ взглянулъ на противоположную дверь и, казалось, размышлялъ, привести ли въ исполненіе какое-то намѣреніе; но вдругъ, какъ бы передумавъ, онъ снова обратился ко мнѣ, сказавъ:

— Хорошо!... Мое имя.... можно сказать.... вѣдь ты же его знаешь?

— Извѣстно! отвѣчалъ я. — Мнѣ бы и не поручали письма, еслибъ я не зналъ.... тайны; но опасность, которой мы подвергаемся, такъ велика, продолжалъ я, пристально глядя на незнакомца: —

Digitized by Google

что предосторожность необходима. Мнѣ надо увѣриться, точно ли вы тотъ самый, къ кому я посланъ....

— А какъ тебя зовутъ? внезапно спросилъ незнакомецъ.

Тутъ я и сѣлъ! О возможности такого вопроса я не подумалъ, при всей его естественности, и потому теперь едва я не потерялъ присутствія духа. Въ первую минуту я рѣшительно не зналъ, какъ бы назваться, но потомъ, обдумавъ, что малѣйшая медленность въ отвѣтѣ можетъ возбудить подозрѣніе, я внезапно вскрикнулъ свое настоящее имя:

— Уильямъ Торнлей!

— Это вымышленное или настоящее имя?

— Настоящее! подтвердилъ я. — И я не задумавшись сказалъ его, для того, чтобъ вы знали, какъ поступить. Надежнѣе всего имѣть довѣріе другъ къ другу.

— Конечно! говорилъ незнакомецъ. — Итакъ, вотъ до чего дошло!... да.... Такъ мы теперь, вѣроятно, всѣ равны.... Мы.... мы должны довѣрять другъ другу.... Я извѣстенъ подъ именемъ Джона Вольсея. Достаточно ли этого?

Тогда я отдалъ незнакомцу письмо.

— Что это? вскричалъ онъ, взглянувъ на чистое мѣсто, гдѣ бы должна быть надпись, и дѣлая шагъ впередъ. — На письмѣ нѣтъ имени, и я сказалъ тебѣ свое!...

— Посмотрите на печать! замѣтилъ я, не зная, какъ выйти изъ затрудненія.

Вольсей поднесъ письмо къ свѣчѣ.

— Да.... такъ! проворчалъ онъ, спустя нѣсколько секундъ.—Но въ тебѣ, любезный, есть что-то такое, чего я не могу понять, продолжалъ онъ, обратясь ко мнѣ. — Садись-ка, пока я прочту письмо.

Содержаніемъ его Вольсей остался, по видимому, доволенъ; несмотря на то, на лицѣ его вскорѣ выразились сомнѣніе и опасеніе.

— Ты знаешь, что здѣсь написано? спросилъ онъ.

— Знаю! отвѣчалъ я.

— Въ письмѣ говорится, что ты знакомъ съ внутренностью страны....

— Еще бы! подхватилъ я, недоумѣвая, однакожь, чего хочетъ отъ меня Вольсей.

— И ты надѣешься въ эту же ночь привести меня къ тому мѣсту, куда они отвезли *ее*?

— Конечно! отвѣчалъ я наугадъ, задрожавъ всѣми членами моими, въ боязливомъ ожиданіи того, что могло случиться со мной.

Digitized by Google

Въ тоже время я уже не сомнѣвался въ найденномъ мной слѣдѣ дочери Цыгана.

— Къ разрушенной хижинѣ, близъ Семинильнаго берега! проговорилъ Вольсей шопотомъ и въ раздумьи. — Ты умѣешь ѣздить верхомъ?

— Всю жизнь свою ничего другого не дѣлалъ! отвѣчалъ я, сбитый съ толку быстрымъ вопросомъ. Ошибку свою я замѣтилъ, правда, тотчасъ же; но было уже поздно.

— Цѣлую жизнь верхомъ ѣздилъ?! съ изумленіемъ вскричалъ Вольсей, вскочивъ со стула. — Это какъ?... Покажи-ка свои руки... А! ты не матросъ.... ты обманулъ меня.... измѣна!... Кто ты? говори, плутъ!... Я заставлю тебя сказать.... Чего ты хочешь? зачѣмъ ты пришелъ сюда? гдѣ ты взялъ это письмо?

И, говоря это, Вольсей отворилъ двери и крикнулъ. Настала рѣшительная минута. Главнымъ для меня дѣломъ было завладѣть таинственнымъ письмомъ, лежавшимъ на столѣ, и прежде чѣмъ Вольсей могъ предупредить меня, я кинулся къ письму и схватилъ его. Но въ ту же минуту появились, въ задникъ дверяхъ, два человѣка. Не теряя времени, стремглавъ бросился я чрезъ другія двери, которыя вели къ улицѣ, и такимъ образомъ достигъ наружныхъ воротъ, но въ потьмахъ не могъ найти задвижки, и два человѣка схватили меня. Но я успѣлъ дернуть за цѣпь у дверей и закричать изо всѣхъ силъ.

— Ударьте его! сказалъ Вольсей.

Доведенный до крайности, я вынулъ изъ кармана пистолетъ, но прежде чѣмъ успѣлъ выстрѣлить, почувствовалъ вдругъ ударъ по головѣ какимъ-то эластичнымъ орудіемъ и въ тотъ же мигъ грянулся на землю безъ памяти.

Опомнившись, я замѣтилъ, что нахожусь въ какомъ-то темномъ мѣстѣ. Въ головѣ я чувствовалъ страшную боль; мнѣ было холодно и дурно. Попробовавъ приподняться, я ударился лбомъ о находящійся надо мной кирпичный сводъ, такъ что едва снова не лишился чувствъ; осторожно ощупывая вокругъ себя, я нашелъ, что нахожусь въ какомъ-то погребѣ: руки мои повсюду касались кирпичей, образовавшихъ надо мной сырой и холодный сводъ.

Сознаюсь, что я порядочно струсилъ: несомнѣнно было, что тѣ, во власти которыхъ я теперь находился, ни минуты бы не задумались убить меня, еслибъ считали это необходимымъ для своей безопасности. И я слишкомъ поздно раскаявался въ томъ, что предпринялъ такъ необдуманно, и ночью къ тому же, это непріятное дѣло.

Бодрость духа, которой я не терялъ ни въ какихъ случаяхъ, поддерживала меня и здѣсь. Я тотчасъ же началъ размышлять о воз-

Digitized by Google

можности найти средство къ побѣгу. Прежде всего я сталъ было надѣяться на пріятеля, снабдившаго меня матросской одеждой: «любопытство — подумалъ я — и опасеніе о моемъ отсутствіи побудятъ его искать меня». Шаткость такого предположенія была, однакожь, очевидна, и я оставилъ его, невольно обратясь къ моему настоящему положенію. Окружающая меня темнота поражала прежде всего и сильнѣе всего; но я — повторяю — старался вооружиться мужествомъ. На головѣ своей я осязалъ большую шишку; но крови не было, руки находились на свободѣ, и мысль, что гдѣ есть жизнь, тамъ и надежда, утѣшала меня Ощупывая вокругъ себя, я убѣдился, что нахожусь въ какомъ-то погребѣ, вышиною около четырехъ футовъ, длиною отъ десяти до двѣнадцати и въ шесть футовъ ширины. Тщательно ощупалъ я полъ, потолокъ и стѣны, думая найти гдѣ нибудь выходъ, но нигдѣ не могъ открыть никакаго отверстія. Откуда меня ввели сюда — этого я никакъ не могъ понять. Слишкомъ напряженное стараніе выйти изъ заточенія изнурило меня до крайности; мнѣ сдѣлалось дурно и голова у меня закружилась, что я приписывалъ преимущественно тѣснотѣ. Минуты казались часами. Наконецъ отчаяніе вынудило меня искать выхода снова. Ощупывая сырую стѣну, я замѣтилъ, что известь въ одномъ мѣстѣ была свѣжа и мягка. Ужасъ охватилъ меня, когда вдругъ открылась предо мной цѣль моихъ притѣснителей — заживо схоронить меня въ этомъ погребѣ. Нѣсколько минутъ оставался я безъ движенія, и боль въ головѣ становилась нестерпимою; чувство самосохраненія, однакожь, опять подкрѣпило меня. Увѣренный, что снаружи нечего ждать какой либо помощи, я снова обратился къ надеждамъ на самого себя. Размышляя о моемъ безпомощномъ состояніи, мнѣ пришло въ голову, что мерзавцы, во власти которыхъ я находился, только недавно заклали выходъ, и известь еще такъ мягка, то я въ состояніи буду по одиначкѣ вынуть кирпичи, которыми заложенъ выходъ. Занятый этою мыслью, я опустилъ руку въ карманъ, за ножомъ, и почувствовалъ въ рукѣ письмо — причину всѣхъ моихъ настоящихъ бѣдствій. Это меня обрадовало, даже и въ томъ положеніи, въ какомъ я находился въ темнотѣ и заключеніи и почти безъ надежды спастись, и такимъ образомъ въ совершенной безполезности письма, на которое расчитывалъ такъ много. Но и теперь даже интересуясь судьбой бѣдной дѣвочки, ввѣренной моимъ попеченіямъ, я осторожно всунулъ письмо въ карманъ. Къ тому же, разъ что нибудь задумавъ сдѣлать, я никогда не отставалъ отъ моего намѣренія. Кромѣ того, въ послѣднее время я испыталъ такъ много, избѣжалъ столькихъ опасностей, что и теперь не совершенно еще потерялъ надежду на избавленіе. Въ карманѣ я нашелъ и мой большой ножъ и, къ изумленію,

Digitized by Google

одинъ изъ моихъ пистолетовъ, съ маленькой пороховницей и мѣшечкомъ пуль. Сознаніе, что имѣю оружіе, которымъ могу защищаться въ случаѣ нападенія, возвратило мнѣ всю мою энергію; и, осмотрѣвъ, заряженъ ли пистолетъ, и положивъ на сухое мѣсто пороховницу, я принялся очищать себѣ дорогу. Такъ какъ нельзя было сидѣть не скорчившись, то я работалъ на колѣняхъ. Известку между кирпичами я отцаралъ безъ труда, но самые кирпичи, слишкомъ плотно сложенные, не могъ и съ мѣста сдвинуть. Къ тому же, пытаться ножемъ сдѣлать отверстіе въ массѣ, твердой какъ кремень, казалось работой совершенно напрасной; и я снова бросился на землю и началъ думать о способѣ освобожденія; тутъ мнѣ пришло въ голову, что собственная тяжесть кирпичей сжимаетъ ихъ, и что известь не успѣла еще высохнуть, и что я, слѣдовательно, своею силою могъ сдвинуть камни съ мѣста. Въ самомъ дѣлѣ, когда я уперся плечами въ сырое мѣсто, кирпичи подались; вскорѣ мнѣ удалось очистить проходъ, въ который я и пролѣзъ благополучно. Но и здѣсь оказалось совершенно темно. Впрочемъ, ощупывая кирпичную стѣну, я нашелъ, что она выше первой, и увѣрился такимъ образомъ, что нахожусь теперь въ комнатѣ или подвалѣ для склада товаровъ. Осторожно подвигаясь впередъ, изъ боязни упасть въ какое нибудь отверстіе, я добрался наконецъ до конца стѣны и въ правомъ углу ея нашелъ тяжелую дверь. Вскорѣ ощупалъ я большой, грубо выкованный замокъ, запертый изнутри. Отворить его ножемъ казалось опасно: ножъ могъ переломиться, и я потерялъ бы столько полезное для меня оруді. Но въ отдаленномъ углу лежала, къ счастію, цѣлая куча всѣхъ возможныхъ вещей — кусковъ желѣза и дерева, гвоздей, старыхъ желѣзныхъ обручей и т. п. Я нашелъ тутъ кусокъ переломленнаго лома, которымъ и вывернулъ замокъ. Дверь отворилась. «Теперь — думалъ я — наступила минута самой сильной опасности, и нужно держать ухо востро.» Съ ломомъ въ правой рукѣ и пистолетомъ со взведеннымъ куркомъ въ лѣвой, осторожно выглянулъ я чрезъ отворенную дверь. Она выходила на дворъ. Протянувъ лѣвую руку и пройдя нѣсколько шаговъ, я вдругъ ощупалъ стѣну краснаго дома, какъ я предполагалъ. Непроницаемую тьму вокругъ меня нѣсколько разгонялъ снѣгъ, благодаря которому я могъ различать контуръ противолежащихъ домовъ. Въ тоже время я чувствовалъ, какъ свѣжій воздухъ укрѣплялъ меня. Все было тихо. Подвигаясь вдоль стѣны, я ощупалъ дверь, находившуюся прямо противъ той, изъ которой я вышелъ. Рѣшившись ожидать разсвѣта, я сѣлъ на порогѣ отворенной мною двери. Было страшно холодно, и я, вѣроятно, задремалъ, потому что съ испугомъ вскочилъ съ своего мѣста, при мысли, что

Digitized by Google

предался сну и подвергся опасности быть схваченнымъ. Къ радости моей, я, впрочемъ, началъ яснѣе различать окружающіе предметы и увидѣлъ, что уже настало утро. Но врядъ ли могу я описать ту боль, которую я чувствовалъ во всѣхъ членахъ моихъ отъ холода; и, чтобы согрѣться, я началъ топать ногами и бѣгать. Послѣ того, осматриваясь, я увидѣлъ, что въ подвалѣ, гдѣ меня заперли, кромѣ большой двери, которую я выломалъ, другого выхода не было. Стѣна зданія шла параллельно со стѣной краснаго дома, такъ что между ними находился узкій ходъ. Во всемъ домѣ не было ни одного окна, — никакого отверстія, кромѣ дверей, которыя я ощупалъ въ потьмахъ, и которыя оказались теперь затворенными изнутри. Выломать эти двери я считалъ опаснымъ, боясь дать знать о себѣ обитателямъ этого дома: они одержали бы верхъ надо мной прежде чѣмъ я, въ такое раннее время дня, могъ получить помощь. Надо было, значитъ, искать другого средства выбраться на свободу. Стѣна слишкомъ высока: перелѣзть черезъ нея не представлялось возможности; но я надѣялся, что если мнѣ удастся затворить дверь въ красный домъ снаружи, то я легко взберусь по ней на крышу и оттуда, съ другой стороны, спущусь на улицу. Между тѣмъ совершенно разсвѣло, такъ что я удобно могъ выбрать въ кучѣ хлама нѣсколько желѣзныхъ обручей и кусковъ дерева, чтобъ загромоздить ими двери. Но большого труда стоило мнѣ взлѣзть на высокую дверь: я весь иззябъ и кромѣ того долженъ былъ остерегаться произвести шумъ. Съ помощью замка, на который я поставилъ ногу, мнѣ удалось, однако, подняться на крышу изъ толстыхъ досокъ и весьма скользкую отъ снѣгу, лежавшаго на ней дюйма въ три. Я готовился уже соскочить на открытое мѣсто за стѣной, граничившее лѣсомъ, какъ вдругъ обломокъ лома, который я положилъ на край крыши — такъ какъ руками долженъ былъ держаться за нее — съ шумомъ упалъ, и прямо на мою постройку у дверей. Это обстоятельство ускоривало необходимость соскочить съ крыши; но, прежде чѣмъ я успѣлъ спрыгнуть, я увидѣлъ передъ собой человѣка въ желтой куртки; онъ сдѣлалъ движеніе, будто хочетъ слѣдовать за мной. Но я вынулъ пистолетъ и прицѣлился въ него: Желтая Куртка тотчасъ же воротился въ домъ, захлопнувъ за собой двери. Послѣ того я благополучно соскочилъ на улицу и стремглавъ пустился къ гостинницѣ. Никого не встрѣтивъ около дома, я началъ звонить изо всѣхъ силъ.

— Который часъ? спросилъ я слугу, отворившаго дверь.

— Ровно пять, сэръ. Мы удивлялись, что вы вчера вечеромъ не воротились домой. Мирный судья изъ Клейда прибылъ и освѣдомлялся о васъ. Было около десяти часовъ вечера, и онъ сказалъ, что

Digitized by Google

ему необходимо нужно поговорить съ вами.... никакъ не могъ придумать, какая бы это причина удержала васъ....

— Отведи меня сейчасъ же въ его комнату, сказалъ я: — какъ можно скорѣе, разведи огонь и приготовь горячаго чаю и кушанья. — Я тотчасъ же отправлюсь по дѣламъ....

Черезъ минуту я былъ уже въ комнатѣ моего пріятеля.

— Что это съ вами? вскричалъ судья: — васъ узнать нельзя!... гдѣ вы пропадали всю ночь?

Въ короткихъ словахъ, разсказалъ я судьѣ о моихъ приключеніяхъ.

— Гдѣ же это таинственное письмо? спросилъ онъ.

— Здѣсь. — Я его еще самъ не читалъ.... Прочтите-ка вслухъ. Я все еще едва вижу....

«Все въ порядкѣ — читалъ судья — дѣвочка спрятана въ хижинѣ Буркса на Семимильномъ берегѣ. Шонеръ легко можетъ взять ее на бордъ; ненужно только терять времени, потому что въ этой негодной странѣ (если бы Краббъ прочелъ эти строки!) никто не долженъ довѣряться другъ другу. Мейкъ доведетъ васъ до мѣста.

Вашъ Й. С.»

— Написано немного, но достаточно для насъ. Кто же этотъ Мейкъ?

— Не знаю, — можетъ быть, парень въ желтой курткѣ?

— Либо его товарищъ, который вчера вечеромъ снова убѣжалъ въ лѣсъ.

— Вѣроятно, онъ хотѣлъ сойтись сегодня въ семь часовъ вечера съ Желтой Курткой.

— А вотъ мы сведемъ ихъ!... Прежде всего, однакожь, надо забрать жильцовъ краснаго дома. Чувствуете ли вы въ себѣ довольно силы, чтобы отнести нѣсколько строкъ въ полицію? Въ такомъ случаѣ, подождите меня съ констаблемъ на углу почты; а я между тѣмъ одѣнусь.

Выпивъ чашку горячаго чаю и наскоро позавтракавъ, я тотчасъ же отправился въ полицію, гдѣ, по требованію судьи, ко мнѣ присоединились четверо констаблей, изъ которыхъ одинъ, по условію, пошелъ со мной къ почтѣ, между тѣмъ какъ остальные трое, чтобы не возбудить вниманія, шли за нами поодиначкѣ, не теряя насъ изъ виду. За раннимъ временемъ, улицы были еще довольно пусты. На условленномъ мѣстѣ сошлись мы съ судьей и немедленно отправились къ красному дому.

Digitized by Google

— Идите къ заднимъ дверямъ! сказалъ судья двоимъ изъ констаблей: — и хватайте каждаго, кто вздумаетъ улизнуть. Кто же ставетъ сопротивляться, въ того стрѣляйте.

Одинъ изъ констаблей постучался въ двери.

Вы думаете, что мы довольно сильны, чтобы справиться съ ними? замѣтилъ я.

— О, разумѣется, — покрайней мѣрѣ днемъ. Кромѣ того, мы всегда, когда пожелаемъ, можемъ получить подкрѣпленіе, да и констаблямъ не въ первый уже разъ ловить подобныхъ мошенниковъ.... Не отвѣчаютъ?... стучитесь еще!

— Посмотрите-ка, затворена ли дверь.

— Крѣпко! Но если вашей милости угодно, мы скоро отворимъ ее.

— Постучитесь, позвоните еще.... нѣтъ отвѣта?... ну такъ отворяйте какъ знаете.... Не дожидаться же ихъ....

— Стой! возразилъ одинъ изъ констаблей, собиравшійся ломать замокъ ломомъ. — Можетъ быть, мошенники улизнули, а дверь-то замкнули. Дай-ка я попробую.

И, сказавъ это, онъ вынулъ изъ подъ плаща связку ключей, взялъ одинъ изъ нихъ наудачу — и отворилъ дверь.

— Моя правда, сказалъ констабль: — улизнули.

— Объищите теперь, замѣтилъ судья: — только поскорѣе.

Объискали весь домъ, обсмотрѣли каждый уголъ, даже подняли половицы, но нигдѣ никого не нашли, и какъ ни поспѣшно дѣлалось это, мы, однакожь, провозились до осьми часовъ. Въ комнатѣ, гдѣ я отдалъ Вольсею письмо, стояла письменная конторка, отворенная и въ безпорядкѣ, показывавшемъ, что кто-то рылся въ ней и искалъ какой-то бумаги. Мирный судья, наскоро просмотрѣвъ ихъ, запечаталъ конторку и приказалъ одному изъ констаблей смотрѣть за нею. По полу валялось разное платье, въ томъ числѣ сѣрые панталоны и черные камаши — тѣ, которые я видѣлъ наканунѣ на Вольсеѣ. Я посовѣтовалъ судьѣ обратить на нихъ вниманіе, и констабль, отворившій двери, принялся тщательно разсматривать ихъ.

— Они здѣсь сдѣланы, замѣтилъ онъ: — клянусь, работа здѣшняя.... Нѣтъ ли на нихъ имени портного, какъ это иногда дѣлается.

И, приподнявъ поясъ, констабль показалъ намъ кусокъ полотна, на которомъ было вышито: «Ѳома Спаркесъ. Йоркъ.».

— Вотъ безразсудство-то! прибавилъ онъ, весьма довольный между тѣмъ своей хитростью. — Крайне безразсудно со стороны джентльмена, занимающагося подобными дѣлами, носить панталоны съ значкомъ! Мы можемъ теперь по крайней мѣрѣ попасть на слѣдъ, кто сшилъ это платье.

Digitized by Google

— Йоркъ? сказалъ судья. — Это сходно съ нѣкоторыми объясненіями въ бумагахъ Цыгана. Спрячьте-ка платье, а особенно панталоны, и потомъ покрѣпче свяжите все это вмѣстѣ, а я запечатаю.

— Что́жь теперь дѣлать? спросилъ я.

— Негодяи успѣли уйти, сказалъ судья: — но хорошо еще, если они бѣжали къ условленному мѣсту — на Семимильный берегъ... Однакожь, прежде всего мы должны принять мѣры поймать Желтую Куртку и этого Вольсея. — Ступайте! продолжалъ судья, обратясь къ констаблю: — и распорядитесь, чтобы паро́мъ на *Pitt water*'ѣ былъ готовъ. Двоихъ изъ васъ мнѣ нужно для особыхъ порученій.

За тѣмъ мы воротились въ гостинницу и, позавтракавъ на скорую руку, пошли къ пристани, а оттуда, въ сопровожденіи двухъ констаблей, къ парому, на которомъ и отчалили отъ берега, понукая гребцовъ ѣхать какъ можно поспѣшнѣе. Вскорѣ приблизились мы къ Питъ-уатеровой сторонѣ.

— Снѣгъ довольно глубокъ, замѣтилъ судья

— Не надолго только, подхватилъ одинъ изъ гребцовъ.— Вѣтеръ поворотилъ на сѣверъ....

— Вы уже кого нибудь перевозили сегодня? спросилъ мой пріятель.

— Человѣкъ шесть какихъ нибудь. Одна компанія очень торопилась.... Не было еще и шести человѣкъ. Они взяли лодку и поѣхали къ Кэнгуру-мысу.... Какъ будто плотовъ нѣтъ!... Держи правѣе, Биль! остерегайся мели.... Срамъ! какъ только губернаторъ дозволяетъ!... У нихъ было что-то недоброе на умѣ. Блѣдный господинъ въ черномъ платьѣ, бывшій съ ними, казалось, спѣшилъ уйти отъ всѣхъ констаблей въ мірѣ.

— Когда они причалили? какое приняли направленіе? спросилъ я.

— Хорошенько разсмотрѣть не могли мы, куда они пошли; но, сколько я потомъ слышалъ, они отправились къ Ноппудсъ-фермѣ. Это, впрочемъ, не дорога въ Питъ-уатеръ.... Какъ я уже сказалъ, они держали въ умѣ что-то недоброе, иначе переѣхали бы не на лодкѣ, но, какъ честные люди, на паромѣ.

Говоря это, перевозчикъ быстрымъ взмахомъ весла привелъ паромъ къ самой пристани, и мы вышли на берегъ, — потомъ, пользуясь намекомъ гребца, поворотили по дорогѣ къ Ноппудсъ-фермѣ и вскорѣ напали на слѣды, отпечатавшіеся въ снѣгу.

— Это наша дичь, сказалъ одинъ изъ констаблей. — Посмотрите, какъ глубоко вдавлены пальцы въ снѣгъ. Если кто идетъ не то-

Digitized by Google

ропясь, то ставитъ ногу плашмя и такимъ же образомъ поднимаетъ ее, — если же бѣжитъ или идетъ ускореннымъ шагомъ, то сгибаетъ ногу: тогда только одни пальцы оставляютъ слѣдъ.

— Да, въ самомъ дѣлѣ. А мнѣ бы этого и въ голову не пришло, замѣтилъ судья. — Вы понимаете это дѣло не хуже туземцевъ.

— Лучше, надѣюсь! возразилъ констабль. —.У меня вотъ есть здѣсь вещица, о которой чернокожіе, вѣроятно, и не подумали бы: башмакъ; я взялъ его въ красномъ домѣ. Такъ вотъ, говорю я, туземецъ и вниманія не обратилъ бы на него, потому что самъ не носитъ башмаковъ. А вотъ, посмотрите-ка, какъ плотно входитъ башмакъ въ этотъ слѣдъ на снѣгу. Мы на настоящемъ слѣду, — это вѣрно; но все-таки надо спѣшить; иначе они уйдутъ далеко.

— Такъ какъ дѣло ясно, что мы не ошиблись, сказалъ судья: — то не лучше ли будетъ, если мы съ Торнлеемъ поѣдемъ впередъ: слѣды такъ ясны, что мы не потеряемъ ихъ, — а вы идите вслѣдъ за нами.

— Да, сэръ! подтвердилъ одинъ изъ констаблей: — попытайтесь поймать мошенниковъ. Я, впрочемъ, не думаю, чтобы мы находились очень далеко отъ нихъ.

Мы поѣхали рысью до самого Семимильнаго берега; но тутъ слѣдъ терялся въ озерѣ. Привязавъ лошадей къ дереву, осторожно начали мы нашъ обыскъ, но ничего не нашли. Всякій слѣдъ исчезъ, и вода поднималась болѣе и болѣе. Очевидно, бѣглецы сѣли въ лодку.

— Позвольте, сказалъ констабль Зандерсъ: — хижина Буркса должна находиться въ серединѣ между этимъ мѣстомъ и другимъ концомъ песчаной мели — на полъ-мили въ глубь страны, за холмомъ, обросшимъ довольно рѣдкимъ кустарникомъ. Отсюда даже видно. Во всякомъ случаѣ, можно пари держать, что бѣглецы держались самого берега, расчитывая на приливъ воды, который долженъ былъ смыть всякій слѣдъ ихъ. А потомъ плуты, вѣроятно, направились къ хижинѣ... Да, впрочемъ, все это мы скоро узнаемъ.

Мы шли теперь всѣ вмѣстѣ вдоль скалъ, за исключеніемъ одного констабля, который искалъ слѣда въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега. Мы прошли, такимъ образомъ, три или четыре мили, когда одинъ изъ спутниковъ нашихъ, находившійся впереди отъ насъ шагахъ во ста, вдругъ далъ знакъ рукою.

— Прекрасно! сказалъ Зандерсъ. — Но никогда не надо кричать и, вообще, шумѣть, когда охотишься за дичью въ лѣсу — за двуногою или четвероногою — все равно.

Digitized by Google

— Онъ, вѣроятно, нашелъ слѣдъ, замѣтилъ я.

— Непремѣнно!... А вотъ и мы также.... Посмотрите.... примѣримъ-ка башмакъ: какъ разъ въ пору!... Мошенники снова въ нашихъ рукахъ.

— Слѣдуйте за нами какъ можно скорѣе, шепнулъ судья. — Мы поѣдемъ впередъ..

— Вы тотчасъ увидите хижину, сказалъ Зандерсъ: — лишь только обогнете вонъ тотъ небольшой холмъ. А если бѣглецы станутъ сопротивляться, такъ вы лучше подождите, пока мы подоспѣемъ: вмѣстѣ-то повѣрнѣе обдѣлаемъ дѣльце.

Мы поѣхали вверхъ на лежавшее передъ нами возвышеніе и черезъ нѣсколько минутъ достигли хижины, какъ мы увидѣли, пустой и разрушенной. Стѣны ея, особеннаго устройства, состояли изъ вколоченныхъ въ землю шестовъ, переплетенныхъ сучьями и неискусно набитыхъ глиною и землею Крыша, изъ обыкновенной лѣсной травы, была повреждена, а нѣсколько досокъ, сколоченныхъ вмѣстѣ и скрѣпленныхъ ремнемъ изъ воловьей шкуры, служили дверью. Занавѣсъ изъ шкуръ кенгуру висѣлъ надъ отверстіемъ въ стѣнѣ, замѣняющимъ окно, а большіе полевые камни, съ цементомъ изъ глины и земли, служили каминомъ.

— Скучная дача для свободнаго джентльмена, замѣтилъ Зандерсъ...

— Не теряйте времени, Зандерсъ! прервалъ его судья: — намъ предстоитъ работа. Вы человѣкъ свѣдущій: не передадите ли намъ какихъ нибудь подробностей о тѣхъ, за кѣмъ мы гонимся?

— Пусть Скроппсъ отъищетъ прежде, сэръ! отвѣчалъ Зандерсъ: — а я пока отдохну немного: страшно усталъ!...

Второй констабль съ необыкновеннымъ вниманіемъ осмотрѣлъ всю хижину, но ничего не могъ найти въ ней, кромѣ остатковъ нѣсколькихъ овечьихъ шкуръ, сожженныхъ, вѣроятно, изъ опасенія быть открытыми.

— Ну же, Зандерсъ, понукалъ судья: — принимайтесь за работу, да торопитесь: видите, какъ быстро таетъ снѣгъ; такъ мы пожалуй какъ разъ потеряемъ слѣды.

— За дѣло, такъ за дѣло! вскричалъ Зандерсъ, вскакивая съ своего мѣста.

— Скроппсъ, продолжалъ онъ: — осмотрѣлъ ли ты крышу? она наверху прорвана.

— Это отъ вѣтру, сказалъ тотъ. — Посмотри, она вся развалилась.

Digitized by Google

— Да, только не отъ вѣтру. Не видишь развѣ по деревьямъ, съ какой стороны дуетъ здѣсь обыкновенно вѣтеръ?...

И, говоря это, Зандерсъ, взлѣзъ на плечи одного изъ своихъ товарищей и протянулъ руку къ той части травяной крыши, которая показаалась ему подозрительною.

— Я такъ и думалъ! вскричалъ онъ. — Это что? жестяная коробка съ трутомъ? невелика находка!... А вотъ и огниво....

— Дайте мнѣ! сказалъ судья: — выньте трутъ и посмотрите, нѣтъ ли какого нибудь знака на коробкѣ.

— Никакого, кромѣ имени жестяныхъ дѣлъ мастера. Берегите трутъ, Самъ! чтобы вѣтромъ не сдуло. Всего нельзя предвидѣть, что можетъ понадобиться въ лѣсу. Особенно надо беречь подобныя вещи. Я очень хорошо помню, какъ однажды мы съ большой охотой купили на вѣсъ золота маленькій кусокъ труту въ Устричной гавани.... Давайте сюда, я опять вложу въ жестянку.... А это что? продолжалъ Зандерсъ. — Посмотрите, сэръ: вотъ на сожженномъ трутѣ есть имя.... Джонъ Шир-лей. Джонъ Ширлей? желалъ бы знать, что это за Джонъ Ширлей.

Судья взялъ коробочку безъ всякихъ замѣчаній и, отойдя со мной въ сторону, заговорилъ шопотомъ:

— Джоржъ Ширлей — настоящее имя Цыгана, сказалъ онъ: — по крайней мѣрѣ такъ говорится въ его бумагахъ. И, кажется, мы, не подозрѣвая того, попали на ближайшаго родственника бушренджера.

— Теперь я все понимаю, замѣтилъ я. — То-то, когда я вчера всматривался въ этого Вольсея, онъ казался мнѣ чрезвычайно похожимъ на кого-то, — не могъ только вспомнить, на кого именно. Теперь я вижу ясно всю интригу: это братъ Цыгана и будетъ ближайшимъ наслѣдникомъ его въ случаѣ смерти дѣвочки. Вотъ и ключъ къ тайнѣ!...

— Да! подтвердилъ судья: — но все-таки многое еще темно. Впрочемъ, употребимте всѣ усилія возвратить ребенка. Человѣкъ, завладѣвшій имъ, рѣшится на все, чтобы окончить начатое имъ. Еслибъ только негодяи не убили бѣдной дѣвочки прежде, чѣмъ мы успѣемъ нагнать ихъ.... Итакъ, впередъ. Довольно ужь отдохнули.

— Здѣсь бы долженъ быть третій слѣдъ, замѣтилъ Зандерсъ. — Нога ребенка легка, но все-таки должна оставить отпечатокъ. Вотъ два нашихъ слѣда, — и вотъ еще одинъ.... маленькихъ же слѣдовъ нигдѣ не видать... Ага! вижу: мошенники несли ребенка на рукахъ, чтобы отклонить подозрѣніе, что они взяли его съ собой. Благора-

Digitized by Google

зумно! Но странно было бы, еслибъ мы здѣсь въ колоніи не были умнѣе такихъ молодцовъ... Вотъ второй слѣдъ ноги, болѣе глубокій, нежели первый.... Негодяй колебался, а вотъ тутъ, посмотрите, споткнулся.... *By George!* вотъ и малюткинъ слѣдъ: видно, она какъ будто падала.... Какъ кажется, плуты пытались уничтожить знаки ихъ слѣдовъ, да не совсѣмъ уничтожили.... До маленькой рѣчки осталось всего три мили; а потомъ мы увидимъ.

Менѣе чѣмъ въ полъ-часа мы достигли берега рѣки, которая во время прилива глубока и судоходна, — при отливѣ же пересѣкается множествомъ отмелей, такъ что даже небольшая лодка съ трудомъ можетъ итти по ней. Проницательный взглядъ Зандерса вскорѣ открылъ въ пескѣ слѣдъ лодки, незадолго передъ тѣмъ вытащенной на берегъ. Намъ было крайне-непріятно потерять изъ виду людей, находившихся уже почти въ нашихъ рукахъ. И съ какимъ тщаніемъ ни всматривался внимательный констабль, слѣдовъ не замѣчалось болѣе рѣшительно нигдѣ. Солнце свѣтило ярко, и въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ пристально смотрѣли мы на воду, какъ бы желая увидѣть лодку бѣглецовъ. Судья прервалъ молчаніе первый:

— Гдѣ бы достать лодку?

— Да не ближе, какъ въ Питтъ-уатерѣ, отвѣчалъ Зандерсъ. — Да и то еще сомнительно, есть ли тамъ лодка. Впрочемъ, и пользы-то отъ нея мало: почемъ знать, какое направленіе приняли бѣглецы!

— Быть можетъ, они употребили лодку только для переправы на противоположный берегъ и чтобы отклонить насъ отъ своихъ слѣдовъ, замѣтилъ судья. — Но если и такъ, то мы все-таки найдемъ ихъ слѣды, хотя бы и по ту сторону рѣки.

Всѣ мы согласились съ этимъ мнѣніемъ. Судья съ констаблемъ Зандерсомъ поѣхалъ въ Соррель-тоунъ — метрополію Питтъ-уатера; а я съ другимъ констаблемъ сѣлъ на берегъ, въ ожиданіи возвращенія ихъ. Спустя нѣкоторое время, вдругъ мы услышали крикъ на противоположномъ берегу. Обратившись въ ту сторону, я увидѣлъ судью, махавшаго шляпой, что заставило меня ожидать добрыхъ вѣстей; но, по дальности разстоянія, я не могъ понять, чего хочетъ мой пріятель. Констаблю же, оставшемуся со мной, послышалось слово: лодка; и онъ не ошибся: тотчасъ послѣ того мы увидѣли плывущую къ намъ лодку, извивавшуюся между мелкими песчаными мѣстами, которыя теперь, при отливѣ, сдѣлались замѣтны. Мы сами должны были итти чрезъ тину прежде чѣмъ достигли лодки, и сдѣлать большой крюкъ, чтобы причалить къ другому бе-

Digitized by Google

регу. Между тѣмъ какъ мы переправлялись, я спросилъ гребца, нѣтъ ли чего новаго.

— Ничего! отвѣчалъ онъ: — исключая того, что вы, какъ я слышалъ, преслѣдуете двоихъ мужчинъ и одну дѣвочку, которые переправились тутъ сегодня утромъ. Я былъ здѣсь за рыбой и видѣлъ ихъ тамъ внизу, гдѣ и принялъ ихъ въ лодку. Они сказали мнѣ, что хотятъ переправиться, и джентльменъ предлагалъ мнѣ два доллара, если я перевезу ихъ. Мнѣ показалось страннымъ, что съ ними была дѣвочка; да — думаю — это до меня не касается....

— А какъ она собой — эта дѣвочка? спросилъ я съ живостью.

— Какъ и всѣ другія дѣвочки. Я, впрочемъ, не могъ хорошенько разсмотрѣть лица ея. Но бѣдная малютка была, кажется, печальна и устала. Одинъ изъ мужчинъ держалъ ее на рукахъ, и мнѣ показалось, будто она плакала. Въ лодкѣ она сидѣла спокойно, но, по видимому, очень боялась джентльмена въ черномъ сюртукѣ. По моему, ей не болѣе шести или семи лѣтъ. А что хотятъ сдѣлать съ нею, того я не знаю, да и дѣла мнѣ нѣтъ!...

— Много рыбы въ этихъ краяхъ? спросилъ я.

— Вода жирна отъ рыбъ! но онѣ не вкусны. Если отправиться далѣе по узкому заливу, то найдешь, въ промоинахъ, пропасть рыбы. Здѣсь есть такая гибель одной породы акулъ, что онѣ едва могутъ плыть отъ тѣсноты!

— Акулъ? это непріятно! а какъ онѣ велики?

— Не слишкомъ большія, и вреда отъ нихъ немного; онѣ рѣдко вѣсятъ болѣе десяти, пятнадцати или двадцати фунтовъ. Туземцы ѣдятъ ихъ; но онѣ имѣютъ дурной вкусъ.

— Какже ихъ ловятъ?

— Чернокожіе пускаютъ въ нихъ свои длинныя копья, кладутъ ихъ потомъ немного на огонь и ѣдятъ полусырыхъ.... Но, джентльменъ, ближе я не могу довезти васъ до берега: тина густа. Если вы, впрочемъ, хорошо умѣете лазить, то я причалю вонъ къ той скалѣ; оттуда вы пройдете не замочившись.

Принявъ это предложеніе, я подъѣхалъ къ скалѣ, и мы вдвоемъ съ легкостью взобрались на крутой берегъ и тамъ нашли судью и Зандерса съ какимъ-то всадникомъ. На землѣ, подлѣ нихъ, стояла большая корзина и пылалъ яркій костеръ. Снѣгъ почти весь растаялъ; слѣды преслѣдуемыхъ нами, однакожь, еще не совсѣмъ исчезли.

— Посмотрите, сказалъ судья, показывая на землю: — мы снова на слѣду; нужно, однако, спѣшить: снѣгъ не пролежитъ долго.

Digitized by Google

— Мнѣ тяжело итти, возразилъ я. — Я себя чувствую такъ слабымъ и утомленнымъ, что едва могу съ мѣста сойти. Да и ѣсть хочется.

— Это мы предвидѣли, подхватилъ Зандерсъ. — Вонъ тамъ корзина; мы не хотѣли почать ее безъ васъ.

— Ну, любезный! сказалъ судья очень чисто одѣтому лакею: — покажи-ка, что ты досталъ намъ.

Лакей разложилъ на пень бѣлую скатерть, ножи, вилки и тарелки и поставилъ кушанье.

— Я бы желалъ выпить чего нибудь, сказалъ я: — но здѣсь, вѣроятно, трудно достать чего нибудь кромѣ соленой воды....

— Воды?! прервалъ судья, смѣясь. — Найдется и эля бутылка.... это настоящій эль.... Пейте, Торнлей, продолжалъ онъ: — напитокъ свѣжій.... Нѣтъ ничего пріятнѣе портера въ лѣсу; жаль только что его не всегда достанешь.....

— А поѣсть? перебилъ я, подкрѣпивъ себя элемъ.

Обѣдъ долженъ быть тѣмъ лучше, отвѣчалъ мой пріятель. — Вотъ прекрасный гусь! Горячій онъ, правда, еще вкуснѣе; но и такъ обойдемся: поѣдимъ и холоднаго....

— А я займусь бараниной, сказалъ Зандерсъ: — но прежде принесу себѣ пару устрицъ.

— Устрицъ?! что съ вами? вѣдь вы не на Биллингсгетскомъ рынкѣ, любезный! Устрицы?! здѣсь! какъ это вамъ въ голову пришло!...

— А вотъ сейчасъ увидите! отвѣчалъ Зандерсъ. — Въ этомъ маленькомъ заливѣ пропасть устрицъ — Скроппсъ! прибавилъ онъ, обращаясь къ другому констаблю: — не хочешь ли нѣсколько паръ *туземцевъ?*

— Отчегожь нѣтъ! дюжины двѣ устрицъ возбуждаютъ аппетитъ.

За тѣмъ оба констабля сняли башмаки и чулки, засучили панталоны и рукава и вскорѣ воротились съ порядочнымъ запасомъ устрицъ. Когда мы съѣли ихъ, констабли отправились за другими. Вдругъ судья обратилъ мое вниманіе на нашихъ ловцовъ, которые бросили устрицы на берегъ и, казалось, открыли что-то необыкновенное. Я оглянулся и увидѣлъ, какъ оба констабля разсматривали въ пескѣ какой-то предметъ, внушающій имъ испугъ и ужасъ. Мы поспѣшили къ нимъ. Зандерсъ, указывая на одно мѣсто, сказалъ съ чувствомъ, котораго я въ немъ никакъ не подозрѣвалъ:

— Боюсь, что негодяи покончили съ бѣднымъ ребенкомъ.... подозрительно что-то....

Digitized by Google

Мы замѣтили въ тѣни, близь нависшей скалы, слѣды и большія кровавыя пятна на свѣжемъ снѣгу. Видъ крови вселилъ во всѣхъ насъ страшное предчувствіе; даже флегматическій Скроппсъ, казалось, былъ встревоженъ судьбой маленькой дѣвочки....

— Кровь подозрительна, замѣтилъ судья, помолчавъ. — Да только дѣвочкина ли она!... Впрочемъ, вотъ это.... нетоптанная земля вокругъ.... что-то очень дурное.... Посмотрите: вотъ клочекъ морской травы.... она вырвана въ схваткѣ. Трава, однако, крѣпка и толста: у ребенка едва ли бы достало силъ на то, даже и въ предсмертномъ бою.... Нѣтъ, это сдѣлала не дѣтская рука.... Разсмотримте поближе.

Приглядываясь внимательнѣе, мы открыли слѣды глубоко вдавленнаго каблука отъ башмака мужчины, который твердо уперся въ землю и, по видимому, старался приподняться. Въ добавокъ къ тому, мы увидѣли, немного далѣе, еще слѣдъ, гдѣ, казалось, волочили тяжелое тѣло до одного мѣста, похожаго на пещеру, которая, судя по брошеннымъ туда камнямъ, была очень глубока. Далѣе констабль нашелъ мѣсто, гдѣ незадолго передъ тѣмъ лежалъ большой камень, сдвинутый; земля здѣсь была сыра и свѣжа. Въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда, мы увидѣли еще нѣсколько такихъ же мѣстъ.

— Здѣсь лежитъ чей нибудь трупъ, сказалъ Зандерсъ: — но и тайна пока лежитъ вмѣстѣ съ нимъ; и я, право, не знаю, какъ намъ раскрыть ее теперь. Время, конечно, откроетъ: никогда убійство не совершалось такъ тайно, чтобы на вѣкъ остаться неизвѣстнымъ.

Несмотря на всѣ наши тщательные поиски, мы не могли найти другихъ кровавыхъ пятенъ, кромѣ открытыхъ констаблемъ. Было ясно, что здѣсь происходилъ смертный бой; но кто же жертва, или не заключала ли въ себѣ эта пещера нѣсколько жертвъ, — оставалось неизвѣстно.

Теперь я укрѣпился пищей и отдыхомъ, и видъ крови возбудилъ во мнѣ новыя силы къ спасенію бѣдной маленькой дѣвочки, если она еще была въ живыхъ.

Мы немедленно продолжали нашъ путь, по довольно слабымъ слѣдамъ. Впереди шелъ Зандерсъ. Между тѣмъ стемнѣло, солнце закатилось быстро, и мы находились, такимъ образомъ, въ весьма непріятномъ ожиданіи провести ночь подъ зимнимъ небомъ. Поэтому мы сильно обрадовались, замѣтивъ, что дорога наша шла по направленію къ Коль-риверу, гдѣ находилось много фермъ, въ томъ числѣ нѣсколько очень значительныхъ. Мы миновали рядъ маленькихъ поселеній и прибыли наконецъ къ одной сломаной деревянной

Digitized by Google

оградѣ. Здѣсь слѣды постепенно слабѣли; но, перейдя за половину ограды, увидѣли мы слѣды подковы.

— Дѣло принимаетъ серьёзный оборотъ, замѣтилъ Зандерсъ. — Посмотрите, джентльменъ: эти молодцы твердо рѣшились улизнуть. Они отняли у какого нибудь бѣдняка переселенца лошадь....

— Они, вѣроятно, хотятъ выѣхать изъ острова, сказалъ судья: — и такъ-какъ имъ помѣшали въ Гобартъ-тоунѣ, то меня нисколько не удивитъ, если они попытаются сдѣлать тоже въ Лаунчесъ-тоунѣ.

— Вотъ было бы прекрасно, вскричалъ я: — гнаться за ними сто-двадцать миль!... Надѣюсь, однако, что мы догонимъ этихъ негодяевъ раньше. Если они не бросятъ лошади, то оставятъ за собой явственные слѣды: такъ надо стараться не потерять ихъ. Пока еще свѣтло, не разсмотрѣть ли внимательнѣе величину и форму подковы?

Зандерсъ не ждалъ повторенія: онъ тотчасъ же открылъ, что лошадь имѣла на лѣвой ногѣ широкую, а на правой узкую подкову, — измѣрилъ ихъ въ точности, что́ и отмѣтилъ въ своемъ бумажникѣ. Между тѣмъ пошелъ большой снѣгъ, и мы были принуждены искать убѣжища у одного поселенца. На другое же утро мы пустились въ дальнѣйшую погоню.

— Ну, Зандерсъ, сказалъ судья: — употребите-ка въ дѣло вашу проницательность. Куда намъ обратиться и какимъ образомъ снова найти слѣды бѣглецовъ? Новый снѣгъ, видите, сгладилъ ихъ.

— Не бойтесь, отвѣчалъ констабль: — тотъ же снѣгъ, который скрываетъ одну часть слѣдовъ, показываетъ другую. Мошенники не могутъ уйти отъ насъ; и если я не найду ихъ такъ скоро, какъ Скроппсъ опоражниваетъ бутылку рому — предполагая, что у него есть таковая — то я готовъ прозакладывать голову.

Съ этими сильными увѣреніями, снова принялись мы отыскивать потерянные слѣды, находясь теперь въ плодоноснѣйшей части Вандименовой земли. Мѣсто это отличается богатствомъ посѣва пшеницы и весьма удобно для водяныхъ сообщеній. Почва здѣсь плодоноснѣе, нежели въ какой либо другой части острова, и многія изъ пшеничныхъ полей даютъ прекрасную жатву въ теченіи пятнадцати лѣтъ безъ всякаго удобренія. Но въ тоже время мѣсто это не годится для скотоводства и овцеводства, почти не имѣя луговъ. Потому-то и фермеры здѣшніе преимущественно занимаются земледѣліемъ; а стада у нихъ очень мало.

Дорога наша шла по одной сторонѣ этого поселенія; и такъ какъ было еще рано, то мы и не встрѣтили на пути нашемъ ни одного человѣка. Долго подвигались мы впередъ, пока наконецъ въ Брейтонской долинѣ попали на вѣрный слѣдъ.

Digitized by Google

— Посмотрите, сказалъ Зандерсъ: — вотъ они. — Не уйдутъ негодяи!... Судя по глубинѣ слѣда, они бѣжали почти всю ночь.

— Бѣдная дѣвочка, вѣроятно, очень страдала отъ холоду!... замѣтилъ судья. — Какое безчеловѣчіе!...

— Бѣдная дѣвочка! подтвердилъ молчаливый Скроппсъ: — бѣдная дѣвочка! И вы, сэръ, думаете, что́ ея не умертвили? Кровь мнѣ до сихъ поръ не даетъ покою....

— Довольно! сказалъ я, останавливая констабля, слова котораго производили на меня дурное впечатлѣніе: — перестаньте! Мы не можемъ утвердительно знать, живъ ли ребенокъ, или нѣтъ, — однакожь, вѣроятнѣе, что онъ живъ. Иначе, зачѣмъ бы этимъ негодяямъ лошадь!... Вотъ лучше приглядывайтесь внимательнѣе, и если откроете что нибудь важное, то получите бутылку рому.

— Извольте, сэръ: буду искать.... только не за ромъ, не думайте! нисколько! Мнѣ жаль бѣдную дѣвочку.... Мнѣ все кажется, что я вижу ее съ висящей внизъ головой, и шея....

— Ну.... ну.... отправляйтесь-ка лучше на поиски.... Какой нибудь часъ, нѣсколько минутъ даже могутъ много значить для насъ....

Подстрекаемый такимъ образомъ, услужливый Скроппсъ уже не медлилъ долѣе: съ необыкновеннымъ рвеніемъ отправился онъ къ своему посту и вскорѣ замѣтилъ отклоненіе въ слѣдахъ бѣглецовъ.

— Здѣсь у нихъ вышло что-то, сказалъ Скроппсъ: — человѣкъ съ маленькой ногой поворотилъ налѣво, остальные же продолжали итти по принятому направленію.

— Въ самомъ дѣлѣ! это маленькая нога! подтвердилъ Зандерсъ. — Слѣдъ отъ нея идетъ налѣво, — назадъ — не было.... Что́жь намъ дѣлать теперь?... Это, должно быть, хитрость; иначе и не объяснишь!

— Вы и оба констабля, сказалъ судья: — отправляйтесь по этимъ слѣдамъ вонъ до того холма съ высокими гуммовыми деревьями, а я между тѣмъ пойду за этимъ молодцомъ; и если окажется, что негодяи дѣйствительно разошлись въ разныя стороны, то.... но тогда увидимъ, что́ предпринять.

И судья быстро уѣхалъ, вскорѣ скрывшись за невысокимъ холмомъ; но прежде чѣмъ мы достигли гуммовыхъ деревьевъ, онъ уже возвращался подъ прямымъ угломъ и ждалъ нашего прибытія, чтобы сообщить намъ результатъ своихъ поисковъ.

За холмомъ находилась хижина стоккипера, которую мы не могли видѣть съ того мѣста, гдѣ шли. Тамъ, какъ разсказывалъ судья, до разсвѣта просилъ гостепріимства какой-то новый переселенецъ, присовокупляя, что съ нимъ есть товарищъ, невдалекѣ отъ хижины, которому бы онъ хотѣлъ достать чего нибудь съѣстного.

Digitized by Google

«По всему видно — говорилъ судьѣ стоккипперъ — что человѣкъ этотъ дѣйствительный переселенецъ: онъ былъ въ черномъ сюртукѣ и жилетѣ, шелъ по лѣсу въ шляпѣ и безъ всякаго опасенія показывалъ, что у него есть деньги.» Стоккипперъ далъ ему, что́ только имѣлъ: кусокъ холодной баранины, дампероръ и около десяти фунтовъ сырого мяса; за все это незнакомецъ заплатилъ ему ассигнаціей въ четыре доллара. Судья попросилъ показать ему эту ассигнацію и вымѣнялъ ее, подъ тѣмъ предлогомъ, что желаетъ имѣть бумагу этого банка: онъ надѣялся впослѣдствіи имѣть новую улику противъ бѣглеца. Однакожъ, судья, изъ предосторожности, ничего не сказалъ стоккипперу о нашей погонѣ.

Проѣхавъ еще нѣсколько миль, мы увидѣли, что слѣды снова раздѣлились; но на этотъ разъ отклонились въ сторону не маленькія, а большія ноги; еще мили черезъ три явился слѣдъ другой лошади, очевидно, присоединившейся къ первой. Тогда судья рѣшился принять новыя мѣры къ болѣе успѣшному ходу нашего предпріятія. Онъ написалъ карандашемъ на листкѣ бумаги просьбу снабдить обоихъ констаблей лошадьми и ручался въ платежѣ за наемъ. Записку эту отдалъ онъ Зандерсу. За тѣмъ, пришпоривъ лошадей, мы помчались за бѣглецами, которые, по видимому, имѣли у себя проводника, потому что слѣдъ велъ по прямому направленію, чрезъ островъ. Такимъ образомъ мы проѣхали Крестовыя болота, долину Четырнадцати Деревьевъ, Лимонные ключи, Альбанскую долину, Антильскіе пруды и наконецъ прибыли къ Соленой равнинѣ. Лошади были страшно утомлены. Передъ нами лежала прекрасная гора *Ben-Lomond*, форма которой ясно обозначалась въ наступающей темнотѣ.

— Еще попытка! сказалъ судья: — и мы должны догнать этихъ негодяевъ.

Сойдя съ уставшихъ лошадей, и сами не менѣе ихъ измученные, мы сняли съ нихъ сѣдла и терли имъ спину нашими платками. Но, несмотря на этотъ минутный отдыхъ, лошади были не въ состояніи итти далѣе, и мы обратились направо, къ Блокменскому мосту, гдѣ надѣялись найти поблизости кормъ и пристанище. Лошади, гонимыя инстинктомъ, наострили уши, когда мы поворотили по направленію къ гостинницѣ, и съ возобновленными силами помчали насъ къ мѣсту отдыха. Здѣсь мы занялись прежде всего кормомъ лошадей.

— Какъ вы ихъ взмылили! замѣтилъ конюхъ (въ Англіи онъ былъ ткачемъ). — Впрочемъ, онѣ, кажется, сильныя лошадки.... Откуда вы?

— Не издалека, отвѣчали мы: — но ѣхали скоро.

Digitized by Google

Я не хотѣлъ признаться конюху, что мы сдѣлали семьдесятъ миль, нигдѣ не поворачивая, хотя и желалъ похвастать этимъ, къ чести колоніяльныхъ лошадей. Помѣстивъ ихъ какъ слѣдуетъ, мы вошли въ гостинницу, гдѣ сытная пища и нѣсколько бутылокъ прекраснаго англійскаго элю возвратили намъ наши силы. Мы поговаривали еще объ одной фляжкѣ, какъ у дверей гостинницы послышался топотъ лошадиныхъ копытъ; бѣготня прислуги возвѣстила прибытіе новаго гостя. За неимѣніемъ въ гостинницѣ другой комнаты, онъ помѣстился въ той же, гдѣ сидѣли мы.

— Вашъ покорный слуга, джентльмены!... Надѣюсь, что не помѣшаю.... Эй, хозяинъ!... малый!... Хозяинъ! давайте ѣсть!... Цѣлый день лавировалъ на этомъ старомъ гниломъ суднѣ.... Такая качка!... Страшный холодъ.... Такъ проголодался, что съѣлъ бы, кажется, цѣлаго быка.

Незнакомецъ, выражавшійся такъ отрывисто, и котораго мы разсматривали съ нѣкоторымъ любопытствомъ, по одеждѣ и манерамъ, казался морякомъ; но такъ какъ я самъ незадолго передъ тѣмъ разъигрывалъ подобную же роль, то и не былъ расположенъ вѣрить на слово всему, что онъ говорилъ. Переглянувшись въ эту минуту съ судьей, я замѣтилъ, что и онъ имѣлъ подобное же подозрѣніе.

— Вы, кажется, немного удовольствія получили отъ вашей поѣздки, сказалъ судья.

— Удовольствія?! прекрасное удовольствіе — въ такую погоду!... Я никакъ не думалъ, чтобъ въ этой странѣ шелъ когда нибудь снѣгъ. Дорогой опрокинули меня три раза, продолжалъ матросъ. — Они называютъ это Антильскими прудами.... Странныя здѣсь названія, право!... А! вотъ и ужинъ мой! бараньи ребра — конечно.... Наладили одно и тоже! ничего — кромѣ бараньихъ реберъ!... Такая ужь земелька!...

— Но вотъ прекрасный супъ изъ хвоста кэнгуру, возразилъ трактирщикъ.

— Супъ изъ хвоста кэнгуру?! конечно.... Съ тѣхъ поръ, какъ нахожусь въ Лаунчесъ-тоунѣ, меня только и потчуютъ что супомъ изъ хвоста кэнгуру. Днемъ и ночью все супъ!... это было....

Матросъ остановился, но потомъ вдругъ, взглянувъ на меня черезъ свой стаканъ рому съ водой, спросилъ у меня, съ недовѣрчивой улыбкой:

— А къ какому кораблю принадлежите, пріятель?

— Я?

— Да, да!... Посмотрѣть на такелажъ.... Я все вижу.... Фальшивый флагъ.... Ага! хотите удрать.... Извѣстно, синяя куртка просторнѣе желтой, — не такъ ли?

Digitized by Google

— За кого же вы меня принимаете? спросилъ я съ изумленіемъ.

— Ужь конечно, не за матроса.... Не бойтесь, однакожь, я не сплетникъ, и мнѣ дѣла нѣтъ до того.... Желаю на слѣдующій разъ болѣе удачи и счастія.

На мнѣ все еще былъ матросскій костюмъ изъ Габартъ-тоуна, за исключеніемъ маленькой клеенчатой шляпы, вмѣсто которой я надѣлъ другую. Такимъ образомъ я самъ внушилъ такое же подозрѣніе, какое овладѣло мной при видѣ нашего новаго знакомаго. Это не могло не раздосадовать меня, тѣмъ болѣе, что матросъ упорно оставался при своемъ мнѣніи, будто я арестантъ и намѣреваюсь бѣжать.

— Почему же вы знаете, что я не матросъ? спросилъ я полусердито.

— Почему же? Странное дѣло! будто матросъ не можетъ узнать своего товарища?... Видано ли гдѣ, чтобы матросъ сидѣлъ на стулѣ повернувшись задомъ къ спинкѣ и положивъ одну ногу на другую.... Впрочемъ, не бойтесь: я нѣмъ какъ рыба. Йоркшейрецъ, какъ вы знаете, можетъ видѣть сквозь дюймовую доску, но никогда не разскажетъ, что за нею.

— Вы йоркшейрецъ? спросилъ я съ живостью: — а изъ какой части графства?

— Изъ Уитбея, отвѣчалъ матросъ: — то есть я службу кончилъ въ Уитбеѣ, но родился — на мызѣ сквайра Ширлея, близъ Лимделя, подлѣ аббатства. Отецъ мой былъ фермеромъ у сквайра Ширлея; но я пошелъ въ моряки....

— Итакъ, вы знаете этого сквайра Ширлея?

— Да — Уильяма Ширлея; онъ, впрочемъ, умеръ.

— А какъ давно?

— Лѣтъ около двадцати.

— Были у него дѣти?

— Два брата — были.

— Что съ ними?

— Старшій, Джоржъ, пропалъ безъ вѣсти.... Страшный буянъ былъ въ молодости!... Джонъ, младшій, въ аббатствѣ. И такъ какъ о Джоржѣ не было ни слуху, ни духу, то Джонъ и сдѣлался наслѣдникомъ.

— А имѣнія большія?

— Этого не знаю; только они лучшія во всемъ графствѣ.

— Уильямъ не оставилъ ли завѣщанія? спросилъ судья.

— Поговаривали о немъ, да я никогда не могъ понять хорошенько, въ чемъ дѣло. Сказываютъ, будто и Джоржа давно уже нѣтъ въ живыхъ; да это, мнѣ кажется, вздоръ.

Digitized by Google

Радуясь, что такъ неожиданно получили свѣдѣнія по дѣлу, такъ сильно интересовавшему насъ, мы съ судьей обмѣнялись взглядами и, считая лишнимъ сообщить объ этомъ нашему новому знакомцу, и желая въ тоже время переговорить двугъ съ другомъ, вышли въ сѣни, подъ предлогомъ посмотрѣть за лошадьми.

— Нельзя ли пустить въ дѣло или употребить къ чему нибудь этого матроса? сказалъ я.

— Едва ли нужно это въ настоящее время, отвѣчалъ судья: — теперь онъ скорѣе будетъ помѣхой; а вотъ когда мы прибудемъ въ Лаунчесъ-тоунъ, то поступимъ сообразно съ обстоятельствами.

Между тѣмъ совершенно стемнѣло. Слѣдовъ уже нельзя было различать на снѣгу, и потому мы отложили дальнѣйшее преслѣдованіе бѣглецовъ до слѣдующаго утра, — а потомъ легли спать. Но вскорѣ сонъ нашъ былъ прерванъ страшнымъ стукомъ въ дверь и хлопаньемъ бича; въ тоже время мы услышали голосъ, требовавшій, чтобы его впустили немедленно.

— Однакожь, можно и не выбивать дверей! заворчалъ трактирщикъ. Отопрутъ вѣдь!... Но кто же вы и чего хотите въ такое позднее время?

— Кто я и чего хочу? вотъ прекрасно! развѣ не знаете Чарльза Чаффема?

— *By George!* неужто это вы?... Что́ же привело васъ на эту сторону острова и по такому снѣгу?

— Меня занесла сюда лошадь.... собственно, двѣ лошади: одна, на которой я сижу, а другая, на которой не сижу. Вотъ вамъ загадка, мистеръ Джемми.

— Откуда вы?

— Сегодня утромъ изъ Коль-ривера,... Знаете ли, зачѣмъ? Какой-то ловкій джентльменъ подтибрилъ мою гнѣдую.... Вечеромъ вчера жду, жду ее — нѣтъ! не идетъ за кормомъ. Я тотчасъ догадался, что тутъ что-то неладно, но, конечно, до разсвѣта ничего не могъ предпринять, — сегодня же гнался за воромъ по всему краю. Съ нимъ, какъ видно, было еще двое мошенниковъ, а потомъ присоединился къ нимъ и четвертый.... цѣлая шайка!... Когда же стемнѣло, я поворотилъ сюда.... Однако, что́жь вы не отворяете дверей! Не воображаете ли, что пріятно ждать васъ! Я иззябъ и голоденъ.

Нѣкоторыя объясненія съ Чарльзомъ Чаффемомъ, какъ мнѣ казалось, могли принести намъ пользу, и потому я тотчасъ же всталъ и началъ одѣваться; но прежде чѣмъ я успѣлъ войти въ общую комнату гостинницы, бывшую подлѣ чулана, гдѣ я спалъ, любопытный

Digitized by Google

Чарльзъ побывалъ уже въ конюшнѣ и осмотрѣлъ нашихъ лошадей, спокойно лежавшихъ на свѣжей и мягкой соломѣ.

— Воръ не можетъ быть далеко, сказалъ онъ, продолжая разговоръ, начатый имъ съ трактирщикомъ въ конюшнѣ: — не можетъ быть далеко, потому что я головой ручаюсь, что обѣ лошади, которыя такъ спокойно стоятъ въ конюшнѣ, принадлежатъ къ свитѣ мошенника. Это подковы Ника Нейлора изъ Гобартъ-тоуна. Я ѣхалъ за этими негодяями слѣдъ за слѣдомъ и могу ихъ узнать между тысячами.... Прекрасная будетъ жизнь въ этомъ краѣ, когда начнутъ и лошадей красть!.... Но это не пройдетъ для нихъ даромъ: ихъ повѣсятъ, если только есть законы въ колоніяхъ.

«Лестные комплименты!» — думалъ я и, входя въ комнату и обращаясь къ Чарльзу Чаффему, продолжалъ вслухъ:

— Милостивый государь! одна изъ этихъ лошадей принадлежитъ мнѣ, а другая — пріятелю моему. Я вынужденъ былъ выслушать все, что́ вы сказали о насъ, но могу васъ увѣрить — вы въ заблужденіи, въ чемъ легко можно и убѣдить васъ.

— Теперь послушайте его! вскричалъ нашъ новый знакомецъ матросъ, указывая на меня: — вчера вечеромъ былъ онъ матросомъ, а теперь говоритъ, что имѣетъ лошадей.... А къ чему онѣ матросу!...

— Послушайте! говорилъ я Чарльзу Чаффему, не обращая вниманія на слова матроса: — дѣло очень просто. Я также мало знаю, куда дѣвалась ваша лошадь, какъ и вы сами....

— Да, дѣло очень просто, любезный! повторилъ сердитый продавецъ лошадей. — Вамъ придется дать отчетъ мирному судьѣ, и тогда съ вами поступятъ попросту....

Тутъ Чарльзъ, въ поясненіе своихъ послѣднихъ словъ, пощупалъ себя за горло.

— Что́ тутъ такое? спросилъ судья, входя въ комнату. — Чарльзъ Чаффемъ! вскричалъ онъ, увидя продавца лошадей: — вы какъ попали сюда?

— Браво! закричалъ тотъ, въ свою очередь: — вотъ клейдскій судья. — Теперь-то мы раздѣлаемся съ тобой, голубчикъ!... Чему смѣешься!... Я обвиняю этого молодца въ конокрадствѣ! заключилъ Чарльзъ, указывая на меня судьѣ.

— Кого? друга моего Торнлея? Что́ вы, Чарльзъ?!... Такъ это вашу лошадь украли вчера, или, скорѣе, третьяго дня, потому что теперь уже два часа утра. Мы цѣлый день преслѣдовали ее.

— Право? сказалъ Чаффемъ, не зная, вѣрить ли ему, или нѣтъ: — въ такомъ случаѣ извините меня, мистеръ Торнлей.... Я не

Digitized by Google

знаетъ, что и вы гнались за воромъ?... Только за моимъ Родерикомъ, если кто съумѣетъ усидѣть на немъ, также легко гнаться, какъ и за вѣтромъ. Я думаю, вы знаете, что во всей колоніи нѣтъ лошади лучше и быстрѣе Родерика?

— Такъ вотъ отчего мы никакъ не могли настичь мошенниковъ! говорилъ судья, смѣясь: — мы гнались за зандибейскимъ скакуномъ! — Однакожъ, Чарльзъ, прибавилъ судья: — съ вашею-то помощью, надѣюсь, мы достигнемъ цѣли.... Знаете вы этотъ край хорошо?

— Знаю каждый шагъ, гдѣ когда либо была корова или лошадь; я готовъ биться объ закладъ, что знаю всякую тропинку въ горахъ, каждый бродъ въ рѣкѣ, гдѣ только ступала нога человѣка.... Но что же мы начнемъ теперь? Конечно, это прекрасно, что вы съ нами; но какъ поймать молодцовъ?

— А какъ вы думаете, Чарльзъ, хорошо ли это будетъ, если мы и ночью станемъ преслѣдовать ихъ?

— Не стоитъ! отвѣчалъ Чаффемъ. — Въ темнотѣ мы и слѣдовъ не различимъ. Лучше ужь утромъ, со свѣжими силами.

— И я такъ думаю, замѣтилъ судья. — Теперь должно быть около половины третьяго.... А въ которомъ часу начнетъ свѣтать?

— Не ранѣе шести, послѣ завтрака, сказалъ трактирщикъ. — Спать ложиться не стоитъ теперь; я вотъ лучше поѣсть чего нибудь приготовлю. У меня же есть превосходный ромъ, и *brandy* и настоящій эль....

— Дѣльно!

И, вскорѣ послѣ того, усѣвшись за столъ, мы составили довольно веселое общество. Больше всего насъ занималъ вопросъ: какъ переберутся бѣглецы черезъ рѣку — по мосту или броду, находящемуся въ двѣнадцати миляхъ выше?

— Что вы! вскричалъ Чаффемъ, воодушевленный превосходствомъ своей лошади: — Родерикъ — мою лошадь зовутъ Родерикомъ, сэръ! — Родерикъ также легко можетъ переплыть чрезъ рѣку, какъ пойти отсюда въ конюшню; нѣтъ мѣста, куда бы на ней нельзя было ѣхать....

— Я имѣю причины предполагать, прервалъ судья: — что негодяи не рѣшатся переплыть Макарьеву рѣку. Поэтому намъ слѣдуетъ обратиться къ броду, если увидимъ, что бѣглецы не хотятъ воспользоваться мостомъ.... Во всякомъ случаѣ, они, вѣроятно, не уйдутъ отъ насъ, потому что Чарльзъ съ нами.

— Такъ вы знаете молодца? спросилъ Чаффемъ.

Digitized by Google

— Кажется. Впрочемъ, можетъ быть, мы и ошибаемся.... Но я убѣжденъ, что мошенники будутъ всѣми силами стараться уйти въ Лаунчесъ-тоунъ.

— Въ такомъ случаѣ, они уѣдутъ на *Юпитерѣ*, замѣтилъ матросъ. — Завтра онъ идетъ подъ паруса. Такъ писалъ мнѣ мой шкиперъ. И вотъ отчего я такъ тороплюсь.... Но послушайте, мистеръ, продолжалъ матросъ, обращаясь къ Чарльзу: — не можете ли вы взять моей лошади?... Мнѣ съ ней не справиться. Она скверно гребетъ, и я вполнѣ убѣжденъ, что самая вѣрная рука, которая когда либо держала руль, не можетъ удержать ее по вѣтру — то на бугъ, то на другой; а если пустить ее вольно, она останавливается, кладетъ голову между ногами, ставитъ паруса противъ вѣтра и идетъ задомъ... Какъ мнѣ попасть въ Лаунчесъ-тоунъ на этомъ животномъ, право не знаю.

— Я вамъ тотчасъ скажу, какъ справиться съ нею, сказалъ Чаффемъ. — Я знаю этого коня: онъ изъ Сиднея, почти двадцати лѣтъ отъ роду и хитеръ какъ лисица. Онъ выросъ отъ кобылы, которую мистеръ Карти купилъ въ Параматтѣ; капитанъ Фейрбрасъ привелъ эту лошадь прежде всего въ Гобартъ-тоунъ, гдѣ и продалъ ее Паркеру; потомъ она принадлежала Уестону; а у Боллфіелда она возила тяжести. Но никто не могъ справиться съ нею. Боллфіелдъ промѣнялъ ее наконецъ на тридцать овецъ Спринга, думая, что лихо надулъ его, но оказалось, что самъ обманулся: всѣ овцы были стары, и Боллфіелдъ не видѣлъ отъ нихъ ни одного ягненка. Всѣ тридцать овецъ не имѣли во рту и одного зуба. Позже — Спрингъ выторговалъ за эту лошадь пару рабочихъ воловъ, которые, разумѣется, на другое же утро убѣжали въ лѣсъ, потому что были молоды и заложены въ ярмо на два часа для продажи; теперь, говорятъ, они пасутся на западѣ, около озеръ.— Я не могу сказать, заключилъ Чарльзъ: — въ сколькихъ рукахъ послѣ того находилась старая лошадь; но я дамъ вамъ совѣтъ, какъ обходиться съ нею....

Однако, совѣтъ Чаффема остался невысказаннымъ, за пріѣздомъ Зандерса и Скроппса.

— Эй, Зандерсъ! пріятель! закричалъ Чарльзъ: — и вы къ намъ! на помощь?... И Скроппсъ также? Что побудило васъ отъѣхать такъ далеко отъ дому?

— Мы заняты весьма важной, тайной экспедиціей, съ достоинствомъ отвѣчалъ Зандерсъ: — и вижу, что попалъ куда слѣдуетъ (тутъ констабль поклонился). Я былъ такъ счастливъ, сэръ, что нашелъ двухъ порядочныхъ лошадей.

— Онѣ, дѣйствительно, порядочны, замѣтилъ Чаффемъ. — Эта свѣтло-гнѣдая такъ хороша, что едва ли найдешь лучше ея. Ми-

Digitized by Google

стеръ Фаллоуфіелдъ далъ за нее шестьдесятъ гиней, — и это еще дешево. Бѣлая же лошадь, на которой сидѣлъ Скроппсъ, была въ свое время лихимъ скакуномъ, и я собственными глазами видѣлъ, какъ за нее заплатили звонкою монетою сто-двадцать гиней; ну, теперь она, конечно, немолода... Я посмотрю за лошадьми, заключилъ Чаффемъ: — а вы пока отдохните. Только сначала не слѣдуетъ давать ни зерна: лошади согрѣлись, — кормъ можетъ теперь повредить имъ.

— Вамъ надо, однако, спѣшить замѣтилъ судья: — теперь уже четвертый часъ, а въ пять мы отправляемся.

— Это обременительно для лошадей, сказалъ Чаффемъ: — но онѣ никуда не годились бы, еслибъ ихъ нельзя было употреблять въ крайнихъ случаяхъ?... О, еслибъ Родерикъ былъ подо мной, какъ скоро бы нагналъ я этихъ мошенниковъ!...

Въ пять часовъ мы вышли, подъ предводительствомъ Чарльза. Матросъ также счелъ нужнымъ «итти подъ паруса»; но такъ какъ онъ хотѣлъ попасть на большую дорогу, то мы не стали ждать его, пока онъ окончитъ свою трудную работу — «подняться на бордъ». Мы разстались съ матросомъ въ ту минуту, когда онъ продѣлъ одну ногу въ стремя, а другою подпрыгивалъ на землѣ, и весь съ своею упрямою лошадью вертѣлся на собственной оси.

— Мы слѣдили за ворами до долины между мимозными чащами, близъ холма Сахарной Головы, — не такъ ли? спросилъ Чаффемъ. — Прекрасно! продолжалъ онъ. — Должно быть на этомъ мѣстѣ.... Теперь впередъ.... Ага! вотъ слѣды Родерика! Посмотрите, какой шагъ: между тысячами другихъ можно узнать его!... А вотъ отпечатокъ ослиной подковы, которою я подковалъ бѣдняжку, за неимѣніемъ другой. Я тогда, конечно, не предполагалъ, что кто нибудь будетъ такъ жестокъ, что заставитъ ее скакать съ этой подковой.... Я ручаюсь, что останусь на слѣдахъ Родерика....

Слѣды вели къ Блакменскому мосту.

— Ага! говорилъ Чарльзъ: — вижу, вижу: негодяй боится воды и предпочитаетъ мостъ. Ну, въ такомъ случаѣ мы его скоро догонимъ.

Но, противъ нашего ожиданія, слѣды вдругъ отклонились вправо, къ покинутой хижинѣ, гдѣ бѣглецы, какъ мы скоро удостовѣрились, провели ночь. На очагѣ былъ разведенъ огонь, и зола еще не остыла.

— Улизнули! сказалъ Чаффемъ. — Гнѣздо, однако, еще тепло, и они не могутъ быть далеко.... Правда, воры на порядочномъ разстояніи отъ насъ, и Родерикъ такая лошадь, которая не осрамится....

Digitized by Google

Выйдя изъ хижины, мы снова направились къ мосту; но здѣсь, казалось, бѣглецы боялись ѣхать по большой дорогѣ, потому что въ полумилѣ отъ моста они, перерѣзавъ дорогу, поворотили направо.

— Мошенники побоялись пуститься по мосту, сказалъ констабль.—Но чтобъ прибыть въ Лаунчесъ-тоунъ, имъ надо или плыть, или держаться броду. Выше по рѣкѣ есть другой бродъ, только въ нѣсколькихъ миляхъ.... знаете вы это мѣсто, Чарльзъ?

— Да! отвѣчалъ продавецъ лошадей. — Я часто ѣзжалъ тамъ, и Родерикъ знаетъ его.... Не думаю, впрочемъ, чтобъ негодяи рѣшились сдѣлать этотъ крюкъ.... Но, во всякомъ случаѣ, они переплывутъ, когда подъѣдутъ къ этому изгибу.

Чарльзъ, однако, на этотъ разъ ошибся. Мы проѣхали мимо изгиба по слѣду около полумили до равнины, на которой находилась группа мимозныкъ деревьевъ, неподалеку отъ густого лѣсу. И здѣсь-то, по видимому, остановились бѣглецы, какъ бы желая скрыться. Земля была совершенно истоптана, особенно въ одномъ мѣстѣ, на небольшомъ пространствѣ. Проницательный Зандерсъ вдругъ открылъ слѣды босыхъ ногъ.

— Постойте! вскричалъ онъ: — еще одну минуту!... Посмотрите, сэръ: туземцы здѣсь ползали.... тамъ, направо.... Не истопчите слѣдовъ: надо узнать, хоть приблизительно, число молодцевъ.

Этихъ слѣдовъ и стали мы держаться. Туземцы, по видимому, всѣ обратились къ броду. Судя по слѣдамъ, ихъ было около двадцати.

— Держу пари, сказалъ Зандерсъ: — что это главная причина, почему мошенники спрятались за деревьями: они увидѣли чернокожихъ между собой и бродомъ и не хотѣли встрѣтиться съ ними.

— Поѣзжайте впередъ, прервалъ судья. — Слѣды идутъ къ броду.... Тамъ на берегу, если не ошибаюсь, лежитъ что-то.

Судья говорилъ правду. Подъѣхавъ къ рѣкѣ скорою рысью, мы увидѣли, подлѣ самого берега, лежащаго человѣка, лицо котораго показалось мнѣ знакомымъ. Разсматривая его ближе, я узналъ въ немъ Желтую Куртку. Бѣдняга не умеръ еще, но былъ весь изуродованъ: черепъ — раздробленъ дубиной, и тѣло во многихъ мѣстахъ пробито тонкими копьями.

— Еслибъ удалось заставить его заговорить, сказалъ констабль: — мы узнали бы много полезнаго для насъ. Скроппсъ, гдѣ твоя фляжка?

— Поможетъ ли ему ромъ, когда онъ умеръ уже! говорилъ Скроппсъ, вынимая фляжку. — Даромъ только истратишь!...

— Онъ живъ еще, возразилъ Зандерсъ: — хотя и умретъ скоро.

Digitized by Google

— Попробуемъ-ка расшевелить его.... Это Билль Симморсъ, одинъ изъ величайшихъ негодяевъ во всей колоніи.. . Дай-ка бутылку....

И, приподнявъ умирающаго, Зандерсъ осторожно началъ вливать ему въ горло ромъ, между тѣмъ какъ судья брызгалъ ему на голову и лицо воду. Долгое время несчастный не подавалъ ни малѣйшихъ признаковъ жизни; наконецъ онъ началъ тихо дышать и часа черезъ два, показавшіеся намъ двумя вѣками, началъ произносить несвязные звуки.

— Мы здѣсь только время теряемъ, сказалъ Чаффемъ: — а что-то съ бѣднымъ Родерикомъ дѣлается?...

— Тс! прервалъ судья: — онъ хочетъ сказать что-то.

— Дитя у нихъ.... шепталъ умирающій.

— У кого дитя?

— У дикихъ.... они напали на меня.... я шелъ черезъ бродъ....

— А вашъ товарищъ? гдѣ онъ?

— Я видѣлъ, какъ онъ плылъ чрезъ рѣку, но.... второпяхъ... бросилъ дитя.... чтобы спастись, и дикіе.... взяли ребенка, дочь Цыгана....

— Дикіе убили дитя? спросилъ я въ ужасѣ.

— Они.... меня.... дубинами.... голова моя.... копья... дитя утащили....

— Давно ли они напали на васъ? спросилъ судья.

— Не знаю... Было передъ разсвѣтомъ... я не хотѣлъ... черезъ мостъ.... Мы поѣхали къ броду, и дикіе напали на насъ.... ребенокъ... у нихъ...

— Который часъ? спросилъ Зандерсъ.

— Половина одиннадцатаго? отвѣчалъ я.

— Въ такомъ случаѣ, у чернокожихъ четырьмя съ половиною часами больше, нежели у насъ, замѣтилъ констабль: — да кромѣ того трудненько поспѣть за ними на лошадяхъ, если они обратились въ горы...

— Мы на снѣгу не можемъ потерять слѣдовъ, сказалъ судья.

— Да, пока держится онъ; но, судя по Бонъ-Ломонду, погода скоро перемѣнится. Этотъ сѣверный вѣтеръ при солнцѣ какъ разъ растопитъ снѣгъ. Нешуточное дѣло слѣдовать за дикарями въ лѣсу...

— Я во всякомъ случаѣ ѣду! возразилъ судья. — Что вы скажете объ этомъ, Торнлей? ужели оставить бѣднаго ребенка въ рукахъ дикарей?

— Я готовъ итти съ вами! сказалъ я: — но уговоримся сначала, что предпринять. Настоящее время года неудобно для ходьбы по лѣсу. Нѣтъ ли здѣсь вблизи мѣста, гдѣ бы можно было достать нѣсколько шкуръ и провизіи?

Digitized by Google

— Мыза Меркса недалека отсюда, въ какихъ нибудь двухъ миляхъ, отвѣчалъ Зандерсъ. — Онъ, можетъ быть, дастъ намъ одного изъ своихъ пастуховъ — Чернаго Тома. Онъ сиднейскій уроженецъ. И тогда мы будемъ ловить дикихъ при помощи дикаго же.

— Итакъ, пойдемте! сказалъ судья. — Не теряйте времени... Но постойте... Умирающій хочетъ сказать что-то. — Что, бѣдняжка? продолжалъ онъ съ состраданіемъ, обращаясь къ несчастному: — что вы хотите сказать?

— Мус...ки...то! простопалъ умирающій съ послѣднимъ издыханіемъ.

— Мускито?! вскричалъ Зандерсъ. — Въ такомъ случаѣ, надо спѣшить: это страшный злодѣй...

Судья, отправившись съ Зандерсомъ за провизіей, возвратился очень скоро, и въ сопровожденіи краснваго, стройнаго туземца, одѣтаго весьма опрятно.

— А что со мной будетъ? печальнымъ тономъ спросилъ Чаффемъ. — Что станется съ бѣднымъ Родерикомъ?... Эй, пріятель! продолжалъ Чарльзъ, обращаясь къ умершему: — не сказали ли вы, что вашъ товарищъ переправился чрезъ рѣку?... Эй!... умеръ! Отъ него ничего не узнаешь... и подѣломъ! кто велѣлъ удирать на Родерикѣ!... Я еще никогда не видѣлъ, чтобы конокрады оканчивали жизнь свою благополучно... Но, погоди, любезный, я останусь на твоемъ слѣдѣ... Итакъ, до свиданія, джентльмены! много счастія! Я ѣду за Родерикомъ.

Съ этими словами Чаффемъ поворотилъ свою лошадь въ рѣку, а мы стали приготовляться къ преслѣдованію дикарей.

— Но не задержитъ ли насъ чернокожій, такъ какъ онъ пѣшкомъ?

— Не безпокойтесь, сказалъ Зандерсъ: — хорошо, еслибъ лошади могли бѣжать также скоро, какъ онъ... Ну, Томъ, готовъ ли ты?

Томъ кивнулъ головой.

— Куда же ты поведешь насъ?

Томъ посмотрѣлъ на слѣды, между которыми ясно обозначались отпечатки маленькихъ, нѣжныхъ ножекъ, и указалъ на холмы.

— Хорошо! сказалъ судья. — Теперь начинаются новыя приключенія. Но ни въ какомъ случаѣ не должны мы покинуть дѣвочки; иначе Мускито непремѣнно убьетъ ее.

Быстро пустились мы вслѣдъ за длинноногимъ Томомъ и вскорѣ вошли въ чащу.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.

ПИСЬМА О РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКѢ.

XVIII.

Чему приписать такое изобиліе комедій въ русской литературѣ? Косности ли отечественной словесности, какъ выражается «Москвитянинъ», или какимъ другимъ причинамъ — не знаю; но тѣмъ не менѣе фактъ существуетъ, и существуетъ слишкомъ ощутительнымъ образомъ.

Изъ сказаннаго мной никакъ, однакожь, не слѣдуетъ, чтобы я не любилъ комедій. Напротивъ, я чувствую нѣкоторую слабость къ комедіямъ и предпочитаю ихъ всякому другому роду литературы, потому что комедія требуетъ ума и наблюдательности болѣе, чѣмъ всѣ другія формы словесныхъ произведеній; но я имѣю нѣкоторую слабость только къ хорошимъ комедіямъ, въ чемъ, безъ сомнѣнія, мнѣ сочувствуетъ каждый изъ читателей, до какой бы степени ни простиралась его благосклонность. Вообще, мы гораздо взыскательнѣе на комедіи, чѣмъ на все остальное, и причина этой взыскательности весьма понятна и основательна. Отъ комедіи, по цѣли, которую она должна имѣть, и по средствамъ, которыя должны ее обусловливать, мы привыкли ожидать и требовать многаго. Каждый изъ читателей охотно проститъ недостатокъ смысла въ какомъ нибудь чувствительномъ посланіи *къ ней* и недостатокъ наблюдательности въ какомъ нибудь наполненномъ каламбурами водевилѣ; но тотъ же самый читатель потребуетъ отъ комедіи выполненія всѣхъ необходимыхъ условій и строго осудитъ каждый изъ ея недостатковъ. Вообще, чѣмъ сильнѣе ожиданіе чего нибудь хорошаго, тѣмъ досаднѣе разочарованіе и неудача.

Однимъ изъ первыхъ условій хорошей комедіи — это умѣнье автора вести разговоръ, — умѣнье, которымъ обладаютъ весьма немногіе изъ нашихъ писателей, можетъ быть, отчасти потому, что оно болѣе всего требуетъ простоты, а этого качества достигнуть труднѣе, чѣмъ кажется. Если мы рѣдко встрѣчаемъ хорошіе разговоры въ прозѣ, то весьма естественно, что хорошіе разговоры въ стихахъ встрѣчаются еще рѣже. Вотъ причина, по которой я предпочитаю комедіи въ прозѣ. Разговоръ въ стихахъ, кромѣ механическихъ трудностей, представляетъ еще то важное неудобство, что безпрестанно

Digitized by Google

бываетъ прерываемъ на серединѣ стиха вопросами и отвѣтами разговаривающихъ, что̀ много вредитъ гладкости и благозвучію. Немногіе примѣры удачи въ этомъ отношеніи составляетъ рѣдкое исключеніе. Даже Грибоѣдовъ, такъ хорошо умѣвшій справиться со всѣми трудностями стихотворной формы, подвергся съ этой стороны порицаніямъ въ іюльской книжкѣ «Пантеона», о которой я и намѣренъ теперь бесѣдовать съ читателями. «Пантеонъ», сравнивъ съ Грибоѣдовымъ г. Воскресенскаго (дѣятельнѣйшаго изъ своихъ сотрудниковъ), находитъ, что стихъ Грибоѣдова тяжелъ и не отличается особенной звучностію и богатствомъ (Театральная Лѣтопись, стр. 3).

Не останавливаясь, однакожь, на литературныхъ убѣжденіяхъ «Пантеона», начинаю прямо съ напечатанной въ іюльской книжкѣ этого журнала комедіи въ одномъ дѣйствіи въ стихахъ *кн. А. А. Шаховскаго*, подъ заглавіемъ: «*Урокъ Женатымъ*».

Въ чемъ состоитъ этотъ урокъ, я вамъ сейчасъ разскажу.

Въ комедіи дѣйствуютъ, или, лучше сказать, разговариваютъ, князь и княгиня, сдѣлавшіеся такою же необходимостью для комедіи, какъ дядюшки сдѣлались необходимостью для водевиля. «Театръ представляетъ богатую *комнату съ двумя кабинетами*, и окошкомъ на лѣвой сторонѣ, фортепьяно, письменный столъ и стулъ». Въ этой-то комнатѣ съ двумя кабинетами и однимъ окошкомъ, такъ прихотливо меблированной, дается женатымъ слѣдующій урокъ:

Княгиня, вышедшая недавно замужъ, разсуждаетъ о томъ, какъ горько быть женой дѣльца, жалѣетъ, что мужъ ея занятъ службой и своими дѣлами, больше чѣмъ ею, и требуетъ отъ него всѣхъ прежнихъ угожденій, услугъ и нѣжныхъ романсовъ, которыми онъ, бывши женихомъ, наполнилъ три альбома. Она даже написала къ своей сестрѣ слезное письмо, въ которомъ жалуется, что мужъ ея не пишетъ больше романсовъ, а живетъ только для службы, фабрикъ и своего безконечнаго процесса, что беретъ съ нею несносный тонъ мужа, совѣтчика и даже учителя, что, несмотря на то, она, къ несчастію, все еще любитъ его, но, чтобъ не сойти съ ума, рѣшается искать развлеченія. Сочинители вообще, и особенно сочинители комедій и водевилей, имѣютъ, по видимому, весьма дурное понятіе объ устройствѣ у насъ почтовой части. Если кто нибудь изъ дѣйствующихъ лицъ пишетъ письмо, то можно быть увѣреннымъ, что оно не дойдетъ по адресу. Такъ случилось и съ письмомъ княгини. По неизмѣнному закону комедій и водевилей, оно попало не тому, кому было писано, не сестрѣ княгини, а ея мужу. Князь, прочитавъ это письмо, рѣшается опять пуститься въ любезности, бросить свои дѣла и службу, снова сочинять романсы, и, вообще, надоѣсть сво-

Digitized by Google

нымъ селадонствомъ, въ чемъ и успѣваетъ совершенно. Для вѣрнѣйшаго успѣха своего плана, онъ уговорилъ сестру княгини навязать ей «порядочный» отвѣтъ. На чувствительную элегію княгини сестра отвѣчаетъ, что если князь не сочиняетъ романсовъ и не представляетъ селадона, то за это она должна сердиться только на нее, такъ какъ она совѣтовала князю изъ любовниковъ сдѣлаться мужемъ, потому что ей стыдно и досадно было видѣть, что человѣкъ, который можетъ быть полезенъ отечеству и своему семейству, нѣжничаетъ и смѣшитъ весь городъ. Планъ князя удается вполнѣ. Его переслащенные разговоры очень смѣшны, по крайней мѣрѣ ихъ находитъ такими княгиня. Наконецъ нецопавшее по адресу письмо въ рукахъ князя разъясняетъ дѣло, и комедія оканчивается нѣжными объятіями супруговъ.

Если, по увѣренію «Пантеона», въ стихѣ г. Воскресенскаго въ «Странной Свадьбѣ» «видно довольно удачное подражаніе Грибоѣдову» (Театральная лѣтопись, стр. 3), то интересно знать, съ кѣмъ сравнить «Пантеонъ» кн. Шаховскаго, стихъ котораго несравненно лучше стиховъ соперника Грибоѣдова.

Пропустивъ вторую часть романа *М. И. Воскресенскаго*, подъ заглавіемъ: «*Мудреный контрактъ*», о которомъ нахожу удобнѣе поговорить по окончаніи его, перехожу къ весьма замѣчательной статьѣ: «*Игры у древнихъ*». Статья эта, вѣроятно, переводная, хотя объ этомъ и умалчивается, но тѣмъ не менѣе она интересна. Въ ней живописно и увлекательно разсказаны игры грековъ и римлянъ: борьба, бѣгъ на колесницахъ, пѣніе, травли звѣрей и бои гладіаторовъ въ римскомъ циркѣ и игра въ мячъ.

Бой гладіаторовъ и атлетовъ, на который я особенно обращу вниманіе читателей, былъ любимымъ зрѣлищемъ древнихъ римлянъ. Игры эти заимствованы у грековъ. Состязавшіеся на публичныхъ играхъ пользовались въ Греціи величайшимъ уваженіемъ: имена атлетовъ записывались въ народныя лѣтописи; олимпійскія игры означались именемъ того, кто оставался на нихъ побѣдителемъ; въ честь побѣдителей воздвигали статуи, дѣлали надписи, писали стихи; имъ воздавали даже божескія почести, и народъ включалъ атлетовъ-побѣдителей въ число боговъ. Побѣда атлета сопровождалась для него величайшимъ торжествомъ. По словамъ Пиндара и Корнелія Непота, побѣдителю давали золотой вѣнокъ. Самыми замѣчательными играми были тѣ, на которыхъ раздавались только почетныя награды, напримѣръ олимпійскія, на которыхъ раздавались масличныя вѣтви, или истмійскія и пиѳійскія, на которыхъ побѣдителя украшали сосновою или лавровою вѣтвью. Кромѣ того зрители бросали побѣдителю цвѣты (обыкновеніе, суще-

Digitized by Google

ствующее уже нѣсколько тысячелѣтій), дарили шлемы, шарфы и деньги. Когда побѣдитель возвращался на родину, соотечественники выходили къ нему на встрѣчу. Украшенный знаками своей побѣды, онъ въѣзжалъ въ городъ въ колесницѣ, чрезъ проломъ, нарочно для того сдѣланный въ стѣнѣ. Знаменитѣйшимъ изъ атлетовъ, о которыхъ мы знаемъ, былъ Милонъ Кротонскій, убивавшій, говорятъ, кулакомъ быка и съѣдавшій его за обѣдомъ.

Эти публичныя гимнастическія игры перенесены были въ Римъ диктаторомъ Силлою, по свидѣтельству Аппіана, для того, чтобы народъ отдыхалъ при этихъ зрѣлищахъ отъ междоусобной брани и войны съ Митридатомъ. Изъ всѣхъ публичныхъ зрѣлищъ римляне болѣе всего любили травли звѣрей и бои гладіаторовъ. Сначала эти зрѣлища происходили отдѣльно, но Помпею пришла мысль соединить ихъ. О томъ, въ какихъ огромныхъ размѣрахъ происходили зрѣлища, можно судить по слѣдующимъ фактамъ, которые заимствую изъ этой любопытной статьи.

Помпей во время своего второго консульства, по случаю сооруженія храма Венерѣ, заставилъ гетуловъ, вооруженныхъ дротиками, сражаться противъ двадцати слоновъ. По свидѣтельству Тита Ливія, задолго прежде этого, въ одинъ день было убито въ циркѣ сто-сорокъ-два слона. Эти слоны были взяты въ битвѣ противъ карѳагенянъ и умерщвлены дротиками и стрѣлами, пущенными зрителями, такъ какъ Римъ, тогда еще бѣдный, не хотѣлъ ни кормить этихъ слоновъ, ни отдать ихъ союзникамъ. Черезъ восемьдесятъ лѣтъ послѣ этого, въ 523 году отъ основанія Рима, Сципіонъ Назика и Публій Лентулъ выпустили въ циркъ шестьдесятъ-три африканскихъ барса. Послѣ него, Сегуръ наполнилъ амфитеатръ водою и въ это искуственное море пустилъ пятнадцать гиппопотамовъ и двадцать-три крокодила. Силла, бывши преторомъ, затравилъ въ одинъ разъ сто львовъ, Помпей триста-пятнадцать, а Юлій Цезарь четыреста. Августъ убилъ на различныхъ празднествахъ около трехъ тысячь львовъ, тигровъ и барсовъ. Публій Сервилій далъ однажды праздникъ, на которомъ было убито триста медвѣдей и столько же барсовъ и львовъ, приведенныхъ изъ степей африканскихъ. Впослѣдствіи эта роскошь не имѣла границъ, и Титъ истребилъ въ одной травлѣ до пяти тысячь звѣрей разнаго рода. Самыя богатыя и разнообразныя празднества давалъ Неронъ. При немъ наложена была даже особая дань львами, тиграми и крокодилами.

Чтобъ познакомить нѣсколько съ этой прекрасной статьей тѣхъ, которые ея не читали, выписываю интересный отрывокъ о гладіаторскомъ боѣ въ римскомъ циркѣ.

Digitized by Google

«Весь Римъ устремился въ циркъ. Въ этотъ разъ полною горстью почерпнули въ степяхъ и теминцахъ; дикихъ звѣрей и жертвъ было столько, что праздникъ могъ продолжаться весь день и всю ночь. Притомъ императоръ обѣщалъ освѣтить циркъ особеннымъ образомъ. Когда онъ явился въ циркъ, то былъ принятъ единодушными рукоплесканіями.

«Неронъ былъ одѣтъ Аполлономъ, съ лукомъ и стрѣлами, потому что въ промежуткахъ боя онъ долженъ былъ показывать опыты своего искусства. Нѣсколько деревъ было вырвано въ лѣсу Альбанскомъ, перенесено въ Римъ и снова посажено въ циркѣ съ вѣтвями и листьями. На этихъ деревьяхъ сидѣли ручные павлины и фазаны; красуясь своими лазурными и золотыми перьями, служили цѣлію для стрѣлъ императора.

«Едва успѣлъ сѣсть императоръ, какъ пріѣхали гладіаторы на колесницахъ. Они были куплены по обыкновенію, но такъ торжество было велико, что въ число гладіаторовъ вмѣшалось нѣсколько молодыхъ патриціевъ. Говорили даже, что двое изъ нихъ, разорившись отъ развратной жизни, нанялись одинъ за 250,000, другой за 300,000 сестерцій.

«Когда Неронъ вошелъ, гладіаторы были уже на аренѣ, ожидая знака и упражняясь между собою, какъ будто ожидавшій ихъ бой былъ простою игрою; но едва крики «императоръ, императоръ!» раздались въ циркѣ и цезарь Аполлонъ сѣлъ на своемъ престолѣ напротивъ весталокъ — какъ въ циркъ вошли распорядители игръ съ отвращенными оружіями и обмѣняли на нихъ притупленные мечи, которыми упражнялись гладіаторы.

«Цезарю поднесли списокъ атлетовъ, чтобъ онъ самъ назначилъ порядокъ, въ которомъ они должны были сражаться. Онъ рѣшилъ, что начнутъ ретіарій (1) и мирмиллонъ (2), потомъ должны были выдти на арену двое димахеровъ (3), а послѣ двое андабатовъ (4).

«Въ заключеніе этого перваго зрѣлища, долженствовавшаго кончиться въ полдень, положено было бросить на растерзаніе дикимъ звѣрямъ двухъ людей, мужчину и женщину.

«Народъ, казалось, былъ доволенъ этою программою. Въ циркъ вошли изъ двухъ противоположныхъ дверей два первыхъ гладіатора.

«Это были, какъ назначилъ цезарь, мирмиллонъ и ретіарій. Первый, называвшійся также secutor, потому что ему чаще приходилось преслѣдовать, чѣмъ быть преслѣдуемымъ, былъ одѣтъ въ свѣтлозеленую тунику, съ серебряными полосами вдоль, стянутую вокругъ тѣла поясомъ изъ граненой мѣди съ вдѣланными въ нее кораллами; его правая нога была защищена бронзовымъ наножникомъ; каска съ забраломъ, подобная шлему рыцарей XIV столѣтія, увѣнчанная вер-

(1) Гладіаторъ, сражавшійся съ сѣтью и съ трезубцемъ.

(2) Гладіаторъ въ галльскомъ вооруженіи.

(3) Гладіаторы, сражавшіеся двумя мечами.

(4) Атлеты, выходившіе на бой съ завязанными глазами.

Digitized by Google

кушкою, представлявшею голову буйвола съ длинными рогами, скрывала у него все лицо; на лѣвой рукѣ былъ у него большой круглый щитъ, а въ правой дротикъ и свинцовая палица: это было вооруженіе и одежда галловъ.

«Ретіарій держалъ въ правой рукѣ сѣть, отъ которой онъ получилъ свое названіе, а въ лѣвой, защищенной маленькимъ щитомъ, называемымъ Fascia, длинный трезубецъ съ оленевою рукояткою и тремя стальными остріями. Его туника была изъ синяго сукна, котурны изъ синей кожи, наножники изъ золоченой бронзы, лицо его было открыто, а на головѣ не было ничего кромѣ шапочки изъ синей шерсти съ золотою сѣточкой.

«Эти два противника приблѝзились другъ къ другу, не по прямой линіи, но косвенно; ретіарій держалъ на головѣ свою сѣть, мирмиллонъ потрясалъ своимъ дротикомъ. Подошедъ на близкое разстояніе, ретіарій сдѣлалъ быстрый прыжокъ впередъ и въ тоже время, развернувъ, занесъ свою сѣть, но ни одно изъ его движеній не ускользнуло отъ глазъ мирмиллона, который сдѣлалъ такой же прыжокъ назадъ; сѣть упала къ его ногамъ въ туже минуту, и прежде чѣмъ ретіарій успѣлъ закрыться щитомъ, дротикъ вылетѣлъ изъ руки мирмиллона, но его противникъ нагнулся и дротикъ, намѣченный ему въ грудь, сорвалъ только его священный головной уборъ.

«Тогда ретіарій, вооруженный своимъ трезубцемъ, пустился бѣжать таща за собою сѣть, потому что онъ могъ употребить свое оружіе только для того, чтобы убить своего непріятеля не иначе какъ запутаннаго въ сѣтяхъ.

«Мирмиллонъ тотчасъ же пустился его преслѣдовать, но его бѣгъ замедлялся тяжестію палицы и трудностію смотрѣть въ маленькія дырочки, бывшія въ забралѣ его шлема, и потому ретіарій успѣлъ снова собрать сѣть и приготовиться къ оборонѣ. Тогда онъ сталъ наступать, а мирмиллонъ обороняться.

«Во время бѣга мирмиллонъ успѣлъ поднять свой дротикъ и, какъ трофей, повѣсилъ на поясъ шапочку своего противника.

«И такъ оба противника очутились каждый съ своимъ оружіемъ.

«Въ этотъ разъ началъ мирмиллонъ; его дротикъ, брошенный всею силою его руки, ударился прямо въ щитъ ретарія, прошелъ сквозь бронзовую бляху, сквозь семь кожъ, сложенныхъ одна на другую, и коснулся груди.

«Народъ думалъ, что ретіарій раненъ смертельно, и со всѣхъ сторонъ послышались крики:

— Побѣда! Побѣда!

«Но ретіарій тотчасъ же отнялъ отъ груди щитъ, въ который вонзился дротикъ, и показалъ, что онъ только слегка былъ раненъ.

«Тогда воздухъ огласился радостными кликами, потому-что больше всего боялись короткихъ сраженій; поэтому съ презрѣніемъ смотрѣли на гладіаторовъ, поражавшихъ въ голову, хотя это и не было запрещено.

Digitized by Google

•Мирмиллонъ побѣжалъ въ свою очередь, потому что его палица, страшное оружіе, когда онъ преслѣдовалъ ретіарія, у котораго сѣть была распущена, становилась почти не нужною съ той минуты, какъ ретіарій забрасывалъ себѣ сѣть на плечо, потому что подойдя на близкое разстояніе къ своему противнику, чтобы ударить его, мирмиллонъ давалъ время своему врагу опутать его гибельными петлями. Тогда началось зрѣлище бѣгства по всѣмъ правиламъ, потому-что бѣгство было тоже искусство. Но и теперь мирмиллону мѣшалъ шлемъ: скоро ретіарій былъ уже такъ близко отъ него, что зрители закричали, остерегая галла; мирмиллонъ увидалъ, что онъ погибъ, если онъ тотчасъ же не скинетъ шлема, сдѣлавшагося уже безполезнымъ, и, растегнувъ на бѣгу желѣзную пряжку шлема, онъ сорвалъ его съ головы и бросилъ далеко отъ себя. Тогда съ удивленіемъ узнали въ мирмиллонѣ молодого патриція, принадлежавшаго къ одной изъ самыхъ благородныхъ фамилій Рима, по имени Феста.

•Онъ надѣлъ шлемъ съ забраломъ болѣе для того, чтобъ не быть узнаннымъ, чѣмъ для защиты.

•Это открытіе удвоило участіе, которое принимали зрители въ сраженіи; съ этихъ поръ молодой патрицій началъ опережать своего противника, который въ свою очередь былъ пріостанавливаемъ на бѣгу щитомъ, пронзеннымъ дротикомъ, который онъ не хотѣлъ выдернуть изъ щита, боясь возвратить оружіе своему противнику. Побуждаемый криками зрителей и бѣгствомъ своего непріятеля, онъ далеко бросилъ отъ себя щитъ и дротикъ. Увидѣлъ ли мирмиллонъ въ этомъ поступкѣ неблагоразуміе, снова уравнивавшее бой, усталъ ли онъ бѣжать, но только онъ вдругъ остановился, кружа палицею надъ своею головою. Ретіарій также съ своей стороны приготовилъ свое оружіе, но прежде чѣмъ онъ приблизился на достаточное разстояніе къ своему противнику, свистя полетѣла палица и ударила ретіарія въ среднину груди: онъ зашатался и упалъ покрытый петлями собственной сѣти.

•Фестъ бросился къ щиту, выдернулъ изъ него дротикъ и однимъ скачкомъ очутясь подлѣ своего врага, онъ приставилъ дротикъ ему къ горлу и обернулся къ народу, чтобъ узнать — убить или помиловать долженъ своего непріятеля.

•Тогда всѣ руки поднялись, однѣ сжатыя другія разъединенныя съ опущеннымъ внизъ большимъ пальцемъ, но такъ какъ въ этой толпѣ невозможно было опредѣлить большинства мнѣній, поэтому послышался крикъ: къ весталкамъ! къ весталкамъ!• Такъ обыкновенно поступали въ сомнительныхъ случаяхъ. Фестъ обернулся къ podium (*), двѣнадцать весталокъ встали: у восьми большой палецъ былъ опущенъ внизъ; большинство было на сторонѣ смерти и ретіарій самъ приставилъ себѣ остріе къ горлу, и не произнеся ни одной жалобы, умеръ подъ дротикомъ Феста.

(*) Мѣсто въ циркѣ, гдѣ сидѣли весталки. Оно находилось противъ ложи императора.

Digitized by Google

«Тогда народъ зарукоплескалъ и побѣдителю и побѣжденному, потому-что одинъ убилъ съ искусствомъ, а другой умеръ съ геройствомъ».

Способъ, выбранный авторомъ, чуждый всякаго педантства, какъ могли замѣтить читатели изъ этого отрывка, идетъ какъ нельзя болѣе къ предмету статьи. Еслибъ тотъ же самый предметъ былъ избранъ какимъ нибудь ученымъ, который силился бы представить его въ системѣ, привелъ бы ни къ чему не ведущіе споры древнихъ и новыхъ ученыхъ объ изображеніяхъ на какомъ нибудь щитѣ гладіатора, и вообще изгналъ бы изъ своего изслѣдованія все живое, все, что постоянно поддерживаетъ вниманіе читателя въ статьѣ «Пантеона», нѣтъ никакого сомнѣнія, что читатели предались бы сладкому сну на первой же страницѣ. Между тѣмъ этотъ живой разсказъ, въ которомъ нѣтъ школьныхъ замашекъ, переноситъ насъ лучше ученѣйшей изъ диссертацій въ кругъ забавъ и наклонностей древнихъ римлянъ. Читатель видитъ изъ него и участіе, которое принималъ въ этихъ торжествахъ народъ до послѣдняго изъ плебеевъ, и равнодушіе, съ которымъ десятки тысячъ народа смотрѣли на умирающаго для потѣхи зрителей гладіатора, и варварство зрителей и геройство жертвъ.

Въ отдѣлѣ «Мемуаровъ» іюльской книжки «Пантеона» напечатана пятая книга интересныхъ «*Записокъ Іоганна-Христіана Брандеса*», нѣмецкаго актера и драматурга XVIII вѣка; а въ отдѣлѣ «Юмористики»: *Музыка во всѣхъ ея проявленіяхъ* — статья дѣвицъ *Вѣры и Натальи Погожевыхъ*, представляющая довольно много интересныхъ фактовъ, и вообще не лишенная занимательности; но такъ какъ читателямъ, вѣроятно, еще памятны панегирики талантливымъ сестрамъ, наполнявшіе фельетоны нѣкоторыхъ газетъ, то я нахожу излишнимъ слѣдовать примѣру этихъ панегиристовъ, чтобы, подобно имъ, не повредить въ общемъ мнѣніи двумъ молодымъ талантамъ, которые, быть можетъ, скорѣе составили бы себѣ извѣстность безъ помощи фельетоновъ. Скажу только, что въ этой статьѣ видна большая начитанность, въ ней много дѣльнаго и справедливаго, но тѣмъ непріятнѣе встрѣчать на каждомъ шагу претензію на остроуміе въ родѣ слѣдующей:

«Въ наше время, чтобъ заманить публику въ концертъ, надо быть позамысловатѣе. Опытные артисты должны ангажировать плясуновъ на канатѣ и балансеровъ, чтобъ привести въ волненіе человѣческое чувство. Надо до того дойти, чтобъ держать скрипку на головѣ, а не подъ подбородкомъ, и смычкомъ водить снизу. Піанистъ долженъ брать уроки у Раппо, и играть держа на каждомъ мизинцѣ по подовику.

Digitized by Google

Соло должно быть исполнено руками и ногами, въ четыре лапы, безъ балансернаго шеста, — вотъ тогда успѣхъ будетъ удивительный!»

Не знаю, что это — произведеніе ли юмора, или оскорбленнаго самолюбія, но во всякомъ случаѣ въ немъ нѣтъ ни остроумія, ни правды.

Іюль мѣсяцъ былъ вообще богатъ музыкальными статьями. Кромѣ статьи, о которой мы сейчасъ говорили, «Пантеонъ» представилъ читателямъ нѣсколько забавныхъ разсказовъ о Россини; о немъ же разсказываетъ и «Библіотека для Чтенія» (въ Смѣси), самый музыкальный изъ нашихъ журналовъ. Музыкальныя статьи г. Дамке безъ всякаго сравненія лучше всего, что пишется объ этомъ предметѣ въ другихъ журналахъ. Особенно памятна мнѣ напечатанная нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ «Библіотекѣ «статья о моцартовомъ «Донъ-Жуанѣ.» Поэтому я съ особеннымъ удовольствіемъ принялся за чтеніе напечатанной въ іюльской книжкѣ статьи о *Бетховенѣ*, но на этотъ разъ ошибся въ ожиданіяхъ.

Будь эта статья въ другомъ журналѣ, мало или плохо разсуждающемъ о музыкѣ, я не обратилъ бы на нее вниманія; но въ «Библ. для Чтенія» она составляетъ диссонансъ, весьма непріятно поражающій музыкальныхъ читателей этого журнала. Первое, что должно поразить ихъ — это объемъ статьи. Статья о Бетховенѣ въ отдѣлѣ наукъ и художествъ занимаетъ всего пять страничекъ довольно крупной печати! Да можно ли въ такомъ маломъ объемѣ сказать что нибудь дѣльное о Бетховенѣ? Развѣ что онъ тогда-то родился и тогда-то умеръ, и написалъ такія-то произведенія; но это, во первыхъ, не ново, а во вторыхъ, вовсе неинтересно. Но даже и этого не сдѣлалъ авторъ статьи. Въ ней говорится только, что Бетховену чрезвычайно нравились романы Вальтеръ-Скотта, что Гуммель прискакалъ на почтовыхъ прощаться съ умирающимъ, и многое другое въ этомъ родѣ, вовсе, однакожь, не касающееся музыкальной дѣятельности Бетховена, о которой читатели не получатъ никакого понятія изъ этой статьи. Сказать, что Бетховенъ писалъ оперы и симфоніи, не сказавъ ни слова объ этихъ произведеніяхъ, — тоже самое, что, говоря о литературной дѣятельности Лермонтова и Гоголя, сказать, что одинъ изъ нихъ написалъ романъ, а другой поэму, и этимъ ограничиться, не объяснивъ читателямъ, что это за романъ, и что это за поэма, и какое ихъ значеніе въ литературномъ мірѣ, тогда какъ безъ этого объясненія невозможно составить себѣ какой бы ни было характеристики писателя, точно также, какъ личность Бетховена, безъ разбора и оцѣнки его произведеній, не опредѣлится въ понятіи читателя и не отдѣлится ни одною чертою отъ безчисленной толпы бездарныхъ композиторовъ.

Digitized by Google

Статья эта, судя по нѣкоторымъ признакамъ, переводная, о чемъ, по обыкновенію, умалчивается. Изъ нея читатели узнаютъ, что родители Бетховена были *голландцы (?)*; тутъ же вы найдете и слѣдующую фразу, свидѣтельствующую о томъ, что въ переводѣ недостаетъ иногда и смысла:

«Воображеніе Бетховена воспламенилось *отъ соприкосновенія къ могучимъ музыкантамъ*, къ которымъ онъ всю жизнь питалъ глубокое благоговѣніе. Слѣдствіемъ *этого разбора* было *глухое броженіе, неодолимая потребность утвердить молніи*, мелькавшія въ душѣ его.»

Въ *pendant* къ этому отрывку, къ этой неодолимой потребности утвердить мелькавшія въ душѣ молніи, могутъ служить еще слѣдующія фразы, въ которыхъ обиліе смысла споритъ съ ловкостью выраженія:

«*Онъ былъ* средняго росту, сложенія крѣпкаго и сильнаго, *съ сердцемъ, наполненнымъ очаровательнымъ существомъ, которое имя могло измѣниться, не переставъ быть однимъ и тѣмъ же.*»

«Лишенный способности судить объ эффектѣ задуманныхъ имъ вещей, пылкій и грандіозный его *геній постоянно перескакивалъ за границы человѣческой дѣйствительности и дышалъ свободно только въ безграничномъ пространствѣ.*»

Конечно, все это ничего въ сравненіи съ *дойенъ Даунге* и *роковою телѣгою, изломившею свой мечъ*, но какъ-то непріятно встрѣчать такія неловкости въ журналѣ, въ которомъ не замѣтно стремленія къ безмысленно-высокопарному слогу, и въ которомъ даже толщина не можетъ служить оправданіемъ.

При исчисленіи твореній Бетховена, авторъ не упомянулъ о балетѣ («Прометей»), увертюра котораго *(C dur)* принадлежитъ къ его лучшимъ произведеніямъ. При этомъ кстати припомнить, что въ прошломъ году музыкальный критикъ «Отечественныхъ Записокъ» объявилъ, какъ новость, что Бетховенъ сочинилъ балетъ, и наивно признался, что онъ не слыхалъ этого произведенія. Признаніе это не осталось, однакожъ, безъ дѣльнаго опроверженія.

Безцвѣтность и вялость статьи о Бетховенѣ тѣмъ сильнѣе поражаетъ читателя, что въ той же книжкѣ «Библіотеки» есть нѣсколько очень хорошихъ музыкальныхъ статей (въ Смѣси), именно: *Женни Линдъ, Россини и первыя представленія Севильскаго цырульника*, и *Музыкальныя новости*.

Но довольно о музыкѣ. Перейдемъ къ литературѣ, которая, однакожъ, въ настоящее время мало представляетъ новостей, мало до такой степени, что въ «*Литературной Лѣтописи*» той же книжки «Библіотеки», подъ рубрикою «*Новыя книги*», разобрана только одна,

Digitized by Google

(«Лидія», разсказъ изъ жизни музыкальнаго учителя, сочиненіе Е. Кубе), да и та вышла два года тому назадъ.

Въ той же (іюльской) книжкѣ «Библіотеки» помѣщена третья и послѣдняя статья *о Княжнинѣ* г. *Вл. Стаюнина*, такъ недружелюбно принятая «Отечественными Записками.»

Я совершенно согласенъ, что статья г. Стаюнина имѣетъ нѣкоторые недостатки, которые съ большимъ знаніемъ дѣла выставлены рецензентомъ «Отечественныхъ Записокъ»; но всѣ эти недостатки, однакожъ, не таковы, чтобы назвать трудъ г. Стаюнина «наименьшимъ приближеніемъ къ образцу историко-литературныхъ монографій» и «самою тюпѣшною, самою неудачною изъ компиляцій.» Еще менѣе причинъ сравнивать статью г. Стаюнина съ монографіей г. Старчевскаго «Н. М. Карамзинъ.» Первое изъ этихъ произведеній есть довольно-полный, хотя не совсѣмъ оконченный этюдъ, второе — просто, составлено изъ перепечатокъ, безъ указанія на источники, которые, къ тому же, не отличались ни критикой, ни полнотою.

Большая часть замѣчаній «Отечественныхъ Записокъ» дѣльны, но придирчивы не говоря уже о томъ, что всякій историко-литературный этюдъ, по важности своей и по трудности предпріятія, заслуживаетъ хладнокровнаго и безпристрастнаго разбора, съ указаніемъ недостатковъ и средствъ исправить ихъ, а не насмѣшливой, ни къ чему не ведущей полемики.

Напримѣръ, авторъ обвиняется въ плохомъ знакомствѣ съ отечественной литературой, не говоря уже о литературахъ иностранныхъ, и въ доказательство этого обвиненія приводятся слѣдующія его слова: «Преосвященный Евгеній упоминаетъ о *какомъ-то* романѣ «Графъ Комежъ», который перевелъ Княжнинъ, *вѣроятно, съ французскаго языка*».

Если авторъ не зналъ этого романа, то это еще не доказываетъ его плохого знакомства съ иностранною литературою, потому что этотъ романъ г-жи Тансенъ, дѣйствительно, мало извѣстенъ, несмотря на увѣреніе рецензента, что это произведеніе извѣстное всѣмъ. Въ отношеніи же къ предмету статьи такое незнаніе не имѣетъ большой важности, потому что главнымъ предметомъ литературной дѣятельности Княжнина были трагедіи и комедіи, которыя и доставили ему извѣстность, и о которыхъ преимущественно говорится какъ въ статьѣ г. Стаюнина, такъ и въ статьѣ «Отечественныхъ Записокъ». Кромѣ того романъ этотъ, вѣроятно, какъ переводный, не помѣщенъ въ изданіи г. Смирдина и, какъ библіографическая рѣдкость, извѣстенъ весьма немногимъ изъ русскихъ читателей.

Digitized by Google

Далѣе: г. Стаюнинъ признается, что ни «Коменжа», о которомъ упоминаетъ преосвященный Евгеній, ни «Комингa», о которомъ говоритъ Новиковъ, ему не удалось найти ни въ одномъ извѣстномъ ему каталогѣ русскихъ книгъ.

Признаніе это не понравилось рецензенту, несмотря на то, что подобные случаи повторяются очень часто со всякимъ занимающимся изученіемъ исторіи нашей литературы, по недостатку пособій въ этомъ дѣлѣ, и онъ отвѣчаетъ на это слѣдующее:

«Гдѣ переводы того и другаго? это вопросъ иного рода. *Они «могли* остаться въ рукописи, *могли* быть напечатанными и зате«ряться; составители каталоговъ *могли* пропустить ихъ при исчисле«ніи книгъ и брошюрокъ.... Впрочемъ, заключать о существованіи «какого либо произведенія потому только, значится оно или нѣтъ «въ нашихъ каталогахъ — самая плохая метода. *Съ такими силло«гизмами далеко не уѣдешь. Для-чего авторъ не роется въ періо«дическихъ изданіяхъ? Ищите; можетъ-быть, найдете*».

Отъ подобныхъ совѣтовъ также далеко не уѣдешь, говоря словами рецензента. Не лучше ли было бы, вмѣсто того, чтобъ предлагать ихъ, просто сказать, что этотъ романъ въ переводѣ Княжнина былъ напечатанъ въ 1771 году (Словарь Митрополита Евгенія, Т. I, стр. 289).

Рецензентъ спрашиваетъ: «Какъ согласить Княжнина *самолюбивaго* писателя, по словамъ г. Стаюнина, съ Княжнинымъ, который, по его же словамъ, отличается *необыкновенною скромностью?*»

Это — придирка, неимѣющая ни малѣйшаго основанія. Люди самолюбивые весьма часто бываютъ очень скромны, особенно если въ нихъ самолюбіе соединено съ осторожностью или съ неувѣренностью въ своихъ силахъ. Дѣло только въ томъ, что у людей самолюбивыхъ скромность бываетъ слѣдствіемъ благоразумія и осторожности, а не слѣдствіемъ сознанія собственнаго ничтожества и безцвѣтности. Остриться надъ этими двумя выраженіями, нисколько не противорѣчащими, нѣтъ никакого достаточнаго основанія.

Замѣчанія г. Стаюнина, «что дѣвица Сумарокова могла владѣть искусствомъ — очаровать восторженнаго поэта», рецензентъ находитъ мелочнымъ, тогда какъ оно весьма умѣстно, и потому не представляетъ ничего мелочнаго. Гораздо мелочнѣе подобныя придирки, которыя порочатъ не столько статью г. Стаюнина, сколько замѣчанія ея рецензента, потому что онѣ дѣлаютъ читателя недовѣрчивымъ ко всему, даже болѣе дѣльному, и приводятъ къ сомнѣнію насчетъ безпристрастія критика.

Рецензенту особенно не нравится, что г. Стаюнинъ въ своей статьѣ довольно часто употребляетъ выраженія: *кажется*, *вѣро-*

Digitized by Google

ятко и т. п. Конечно, можно пожелать, чтобы эти гадательныя слова встрѣчались нѣсколько рѣже въ ученомъ трудѣ; но такъ какъ они бо́льшею частью встрѣчаются въ мѣстахъ не имѣющихъ большого значенія по предмету статьи, то могутъ и не быть, какъ увѣряетъ рецензентъ, слѣдствіемъ неяснаго представленія дѣла и невѣдѣнія историческаго матеріяла.

Однакожь, полагая, что всѣ эти подробности легко могутъ навести скуку на нѣкоторыхъ изъ моихъ читателей, я прекращаю свою защиту, при чемъ, однакожь, не могу не отдать полной справедливости начитанности и знанію дѣла, которыя показалъ въ своей статьѣ рецензентъ «Отечественныхъ Записокъ».

Третья статья г. Стаюнина о Княжнинѣ, напечатанная въ іюльской книжкѣ «Библіотеки для Чтенія», имѣетъ предметомъ продолженіе разбора его комедій, его мелкія стихотворенія и отзывы о немъ современниковъ. Статья эта, представляющая много интересныхъ данныхъ, къ сожалѣнію, отличается довольно замѣтною поспѣшностью. Не буду высказывать моихъ замѣчаній по поводу этой статьи и опровергать нѣкоторыя изъ положеній автора, потому что все это, вѣроятно, сдѣлаетъ рецензентъ «Отечественныхъ Записокъ», спеціяльно знакомый съ этимъ предметомъ, но не могу, однакожь, умолчать о слѣдующемъ недоразумѣніи автора. Онъ говоритъ:

«Плавильщиковъ написалъ маленькую комедію «Мельникъ и Сбитенщикъ — соперники»; по свидѣтельству современниковъ мы знаемъ, что она долгое время нравилась публикѣ, *но мы нигдѣ не могли отыскать ее*».

Далѣе онъ говоритъ, что *можетъ быть она и не была напечатана*, по крайней мѣрѣ не помѣщена въ полномъ Смирдинскомъ каталогѣ.

Способъ, выбранный авторомъ для изысканій — самый невѣрный: въ смирдинскомъ каталогѣ почти на каждой страницѣ по нѣсколько пропусковъ, и вообще основывать свои изысканія на каталогахъ — плохая метода.

Комедія Плавильщикова «Мельникъ и Сбитенщикъ — соперники» не только была напечатана, но даже имѣла два изданія. Послѣднее изъ нихъ вышло въ 1815 году въ Петербургѣ. Полныя же сочиненія Плавильщикова изданы въ 1816 году въ четырехъ частяхъ, также въ Петербургѣ. Довольно обстоятельныя свѣдѣнія объ его жизни и разборъ его сочиненій можно найти въ «Вѣстникѣ Европы» 1815 года, № 10.

Поразителенъ также лаконизмъ, съ которымъ авторъ говоритъ о разныхъ изданіяхъ сочиненій Княжнина. Напримѣръ, говоря о смирдинскомъ изданіи, онъ ограничился только тѣмъ, что сказалъ,

Digitized by Google

что сочиненія эти изданы въ двухъ частяхъ и печатаны въ типографіи Н. Крашенинникова; но о самомъ изданіи, то есть о его недостаткахъ, столько важныхъ, сколько и многочисленныхъ, не сказалъ ни одного слова. Конечно, бо́льшая часть этихъ недостатковъ видна съ перваго взгляда даже самому неопытному читателю; но все же для полноты статьи не слѣдовало умалчивать объ этомъ предметѣ. Изъ четырехъ изданій сочиненій Княжнина самое лучшее и самое полное — третье, напечатанное въ 1817 году, въ пяти частяхъ.

Августовская книжка «Библіотеки для Чтенія» начинается повѣстью *Е. Г—вой* подъ заглавіемъ: «*Недоумѣніе*». Содержаніе этой новости весьма просто. Я вамъ разскажу его въ нѣсколькихъ словахъ.

Въ городъ Красные-Верхи пріѣзжаетъ изъ Петербурга по своему дѣлу молодой человѣкъ весьма недурной наружности. Въ этомъ городѣ онъ живетъ по необходимости довольно долго, страшно скучаетъ, знакомится отъ скуки съ нѣсколькими семействами и преимущественно занимается одной дѣвушкой, которая была нѣсколько лучше другихъ. Авдотья Алексѣевна (такъ зовутъ героиню) по уши влюбляется въ Камеева (фамилія героя), но, по обычаю героинь, любитъ и страдаетъ молча. Камеевъ также не счелъ нужнымъ заводить объ этомъ разговоръ. Въ одно прекрасное утро онъ узнаетъ, что дѣло его кончено, что противникъ согласенъ на мировую сдѣлку, — вѣсть, которую не слишкомъ радостно принялъ Камеевъ, уже свыкшійся съ своею новою жизнью, которая еще такъ недавно была ему непріятна, и съ которою теперь ему не хотѣлось разставаться. Черезъ три дня онъ уѣзжаетъ, не подозрѣвая, что онъ любимъ, и передъ бѣдной дѣвушкой снова открывается безвыходно-однообразная жизнь съ вѣчными сплетнями и пересудами.

Повѣсть эта разсказана довольно мило, чистымъ и хорошимъ слогомъ, и если бы мѣстами не была такъ растянута, то была бы еще лучше.

Г. Мацкевичъ продолжаетъ свои интересныя статьи о живописи во Франціи въ XVIII столѣтіи. Предметъ его новой статьи — *Натье*, портретный живописецъ. Матеріаломъ для этой статьи, какъ я узналъ случайно, послужилъ отчасти біографическій очеркъ этого живописца, напечатанный въ издаваемомъ въ Парижѣ художественномъ журналѣ *L'Artiste*.

Въ одномъ изъ моихъ прежнихъ писемъ, не успѣвъ объяснить, что́ я называю умѣньемъ въ дѣлѣ изученія исторіи живописи, и чего требую отъ всякаго историко-художественнаго этюда, я отложилъ это до слѣдующаго удобнаго случая, который теперь и представляет-

Digitized by Google

ся. Но не пугайтесь, читатель. Я, также какъ и вы, не люблю длинныхъ разсужденій, и потому, къ общей нашей выгодѣ, постараюсь быть по возможности краткимъ.

Искусство, каковы бы ни были его проявленіе и форма, было всегда вѣрнымъ отраженіемъ современной ему общественной жизни. Литература, живопись, архитектура, скульптура, даже музыка, въ каждый періодъ времени, въ каждый моментъ существованія того или другого народа, были тѣсно, неразрывно связаны съ его жизнью и выражали ее въ возможной полнотѣ. Доказательствомъ и подтвержденіемъ этому можетъ служить каждый выбранный наудачу періодъ исторіи. Возьмемъ ли искусство въ древней Греціи — все оно было выраженіемъ ея жизни. И греческое многобожіе, и поклоненіе пластической красотѣ, и какая-то величественная простота во всемъ, до мелочей вседневной жизни, — все это во всей полнотѣ отразилось и въ твореніяхъ греческихъ поэтовъ, и въ произведеніяхъ живописи, и особенно въ скульптурѣ. Возьмемъ ли искусство у древнихъ египтянъ — ихъ гигантскія произведенія архитектуры были слѣдствіемъ и выраженіемъ ихъ понятій о вѣчности и стремленія къ новой, неразгаданной жизни. Во времена рыцарства и крестовыхъ походовъ, религіозно-воинственный духъ выразился въ безчисленномъ множествѣ народныхъ сказаній, балладъ и пѣсенъ. Всѣ эти памятники говорятъ краснорѣчивѣе самой исторіи о жизни народа. Если возьмемъ новѣйшее время, то получимъ тѣже результаты. Возрожденіе искусства въ XVIII вѣкѣ во Франціи, бывшее слѣдствіемъ новыхъ началъ, внесенныхъ въ общественную жизнь, также было вѣрнымъ отраженіемъ современности. Роскошь, этикетъ и какая-то изысканность во всемъ отличало все окружавшее Людовика XIV, который, по его собственному выраженію, самъ былъ государствомъ. Искусство во всѣхъ его проявленіяхъ получало свое существованіе при дворѣ, и въ кругу высшаго общества, которымъ служило, и къ требованіямъ которыхъ было крайне чувствительно. Утонченные разговоры высшаго общества и сантиментальное любезничанье раздушенныхъ маркизовъ цѣликомъ перешли въ литературу, а неудовлетворительныя для словъ стороны этой жизни, *les fêtes galantes* и изысканность во всемъ, отъ взгляда до послѣдняго кружева на платьѣ, нашли своихъ поэтовъ въ лицѣ Буше, Ватто, Ланкре, Ванло и другихъ современныхъ живописцевъ.

Вслѣдствіе такого близкаго отношенія общественной жизни къ искусству, каждый историко-художественный этюдъ требуетъ предварительнаго и внимательнаго изученія современной исторіи,—не той, которая удовольствуется указаніемъ только крупныхъ фактовъ того или другого царствованія или описаніемъ походовъ, но которая вво-

Digitized by Google

дитъ насъ въ жизнь общества и народа, въ кругъ современныхъ мыслей, понятій и обычаевъ, и вообще знакомитъ съ внутреннимъ развитіемъ общества.

Вотъ почему каждая монографія, касается ли она исторіи литературы, или исторіи живописи, въ моихъ глазахъ имѣетъ цѣну только тогда, когда авторъ ея тщательно прослѣдилъ всѣ явленія общественной жизни въ избранный имъ для изслѣдованія періодъ, когда онъ въ состояніи показать отношеніе искусства къ современности, и вообще объяснить то или другое направленіе въ искусствѣ указаніемъ причинъ и собственными историческими изслѣдованіями.

Въ статьѣ г. Мацкевича я замѣтилъ довольно несправедливый укоръ современнымъ живописцамъ за пренебреженіе ихъ въ портретной живописи.

«Странный предразсудокъ — говоритъ г. Мацкевичъ — слѣдствіе недостатка эстетическаго образованія и рѣдкаго явленія въ наше время истинныхъ талантовъ въ живописи, *низвелъ живопись портретную на самую послѣднюю степень.* Заблужденіе непростительное! *Какъ не убѣдиться, что портретъ есть произведеніе искусства самое трудное и вмѣстѣ съ тѣмъ самое важное; вотъ почему за него должны приниматься художники съ высшимъ талантомъ.* Развѣ возпроизведеніе человѣческаго лица, оживляющихъ его чувствъ и страстей *не занимательнѣе и не требуетъ болѣе знанія, наблюдательнаго ума, чѣмъ предметы матеріальные, не оживленные, составляющіе пейзажъ* или *tableaux de genre*, въ которыхъ люди составляютъ по большой части только обстановку? Не въ портретномъ ли родѣ живописи должно возжечь этотъ лучъ души безсмертной, подверженный столькимъ оттѣнкамъ и измѣненіямъ, что его нѣтъ почти возможности уловить? Не подлежитъ сомнѣнію, что портреты Тиціана, Павла Веронеза, Бронзино, ванъ-Дейка, Рубенса, Риго, Ларжильера, за исключеніемъ развѣ композиціи, стоютъ другихъ большихъ картинъ, созданныхъ этими мастерами, потому что ихъ вдохновенная кисть вполнѣ знакомитъ насъ съ занимательными людьми, перешедшими посредствомъ портретовъ въ потомство. *Между-тѣмъ въ наше время портреты пришли въ совершенный упадокъ.* Но кто въ этомъ виноватъ? теперешніе французскіе живописцы, не исключая и тѣхъ, которые пользуются наибо́льшею извѣстностью. Много ли сдѣлано ими портретовъ, подобныхъ древнимъ? Все, что́ мы видимъ въ этомъ, мертво, сухо, холодно, лишено изящества; въ рисункѣ въ особенности замѣтна непростительная небрежность: подъ тѣломъ нѣтъ мускуловъ, подъ кожею не струится кровь; руки точно деревянныя или картонныя,

Digitized by Google

не говоря уже объ ихъ формѣ: тогда какъ обращаясь къ прошедшему времени, къ царствованію Людовика XV, мы находимъ Натье, Ванло, Токе, Шардена, Аведю, Друэ, Грёза, госпожу Лебренъ и нѣсколькихъ другихъ художниковъ, оставившихъ множество превосходныхъ портретовъ.»

Потомъ нѣсколько ниже авторъ говоритъ:

«На художникахъ новѣйшаго поколѣнія лежитъ долгъ возвратить портретной живописи принадлежащее ей мѣсто. Пусть они не говорятъ, что «это слишкомъ трудно»; они должны помнить, что надобно достигать именно того, что слишкомъ трудно, потому что въ этомъ одномъ и состоитъ заслуга.»

Г. Мацкевичъ вообще хорошо судитъ о художествахъ, но съ этимъ мнѣніемъ довольно трудно согласиться.

Во первыхъ, нельзя сказать, что портретъ занимательнѣе, чѣмъ пейзажъ (это зависитъ отъ вкуса и отъ многихъ другихъ условій), и что за него должны приниматься художники съ высшимъ талантомъ. Каждый художникъ принимается за то, къ чему чувствуетъ призваніе. Нельзя сказать ему: пиши то, а не пиши этого. Сожалѣть о томъ, что пейзажный живописецъ не пишетъ портретовъ — тоже самое, что сожалѣть, зачѣмъ историкъ не пишетъ стиховъ.

Во вторыхъ, сожалѣніе объ упадкѣ портретной живописи не имѣетъ основанія, потому что этого упадка нѣтъ и не можетъ быть. Чтобы убѣдиться, что этого упадка нѣтъ, стоитъ только взглянуть на портреты Брюлова, изъ которыхъ каждый выше произведеній всей ватаги французскихъ портретныхъ живописцевъ XVIII вѣка. Не можетъ же быть этого упадка потому, что требованіе на портреты никогда не прекратится. Въ настоящее время въ упадкѣ находится только одинъ родъ живописи — это живопись историческая высокаго содержанія.

По всей вѣроятности, все сказанное г. Мацкевичемъ касается только живописи во Франціи, хотя онъ и не сдѣлалъ этой оговорки.

Мои возраженія не имѣютъ, однакожь, цѣлью показать, недостатки въ статьѣ г. Мацкевича и, разумѣется, нисколько не уменьшаютъ ея достоинствъ. Они не болѣе какъ возраженіе человѣка, который не можетъ согласиться съ мнѣніемъ своего собесѣдника.

Августовская книжка «Библіотеки» вообще хорошо составлена. Кромѣ указанныхъ мною хорошихъ статей въ ней есть еще двѣ, о которыхъ я распространяться не буду, но которыя совѣтую прочесть и вамъ, мой читатель. Это — *музыкальныя воспоминанія* г. *Дамке* (статья вторая) и *разборъ драмы графини Ростопчиной «Нелюдимка»* (въ Литературной Лѣтописи).

Digitized by Google

Литературная Лѣтопись «Библіотеки для Чтенія», съ давнихъ поръ пользующаяся вполнѣ заслуженною извѣстностью, до сихъ поръ принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ явленіямъ русской журналистики. Не говоря уже объ оригинальности взгляда, замѣчанія ея до такой степени милы, тонки и любезны, до такой степени близки къ похвалѣ, что даже самый обидчивый изъ писателей не знаетъ, долженъ ли онъ принять ихъ за похвалу или за порицаніе, долженъ ли онъ смѣяться или плакать. А какъ мило умѣетъ шутить Литературный Лѣтописецъ! Это совсѣмъ не то, что̀ шутки рецензента «Москвитянина», который, по поводу книги: «*Магазинъ всѣхъ увеселеній, или полный, подробнѣйшій оракулъ и чародѣй*», шутитъ, напримѣръ, слѣдующимъ образомъ:

«Вывѣска, нечего сказать громкая. Зайдемъ въ этотъ магазинъ. — «Шампанскаго!» — Никакъ нѣтъ-съ: мы этимъ продуктомъ не торгуемъ; пожалуйте рядомъ въ погребокъ. Волшебное вино есть-съ..» — Хорошо? — «Первый сортъ-съ!» — Давай, братецъ, хоть волшебнаго вина: промочимъ горло да повеселимся. — «Извольте кушать.» — .... Тьфу! Микстура не микстура, вода не вода.... Помилуй, любезный, да отъ твоего вина стошнитъ! — «Волшебное, сударь!» — Нѣтъ ли чего закусить? — «Яищница въ шляпѣ, жареная курица, которая побѣжитъ....» — Ну, штукарь ты, да я тебѣ не игрушка. Яишницу-глазунью я люблю видѣть на сковородѣ, да эдакъ знаешь, съ разными приправами: чтобъ тутъ были и ветчина и сосиски. А что касается до пулярки, я требую отъ нея самыхъ осязательныхъ достоинствъ, — чтобы реально, съ ножемъ и вилкою въ рукѣ, можно было оцѣнить тѣ достоинства, которыя идеально представлялись воображенію, пока птица откармливалась. Такъ-то. Скажи на милость, что же у тебя за увеселенія, если самыхъ главныхъ условій веселья—питья и пищи—нѣтъ въ твоемъ магазинѣ? — «Всякихъ много: музыка, напримѣръ, отличная-съ, по прозванію музыка сферъ....» — А преферанса нѣтъ? — Нѣтъ-съ.» Дѣлать нечего, давай на голодный желудокъ послушаемъ и музыки. Вели-ка польку-*tremblante*. — «Этой не имѣется. Другое что, если угодно.» Ну хоть и другое.... Стой, стой! Мухи жужжатъ вдвое лучше твоей музыки сферъ. Отъ нея заснешь! — «Намъ то и на руку: привидится что во снѣ, разгадаемъ такъ, что лучше требовать нельзя.» — Такъ ты *сонникъ*? (Курсивъ въ подлинникѣ). — «Точно такъ-съ; и оракулъ, и чародѣй тутъ же... въ двадцати-двухъ книгахъ-съ.... полтора цѣлковыхъ-съ.» Зачѣмъ же ты далъ себѣ такое громкое заглавіе? — «Хе, хе, хе! сударь: ярмарка-съ; господа всякіе бываютъ.... Мы люди маленькіе....» — Да,

Digitized by Google

твоя правда. — Критика! пропусти на Нижегородскую ярмарку «Магазинъ всѣхъ увеселеній» безданно, безпошлинно.»

Но пускай еще вдесятеро больше и остроумнѣе этого шутятъ, только бы предлагали хоть нарѣдка такія повѣсти, какъ повѣсть *П. П. Сумарокова: «Лицо и изнанка»*, напечатанная въ двухъ книжкахъ «Москвитянина» за августъ мѣсяцъ.

Да, любезный читатель, въ журналахъ въ нынѣшнемъ году я не встрѣчалъ такой умной, граціозной и такъ ловко задуманной повѣсти. Я увѣренъ, что вы, несмотря на свое предубѣжденіе къ похваламъ фельетонистовъ, сами прочитаете эту повѣсть, и, право, не раскаетесь; а между тѣмъ, чтобъ нѣсколько дать понятіе о ея содержаніи и тѣмъ заохотить васъ, я скажу вамъ, что въ этой повѣсти описана праздничная и домашняя жизнь одного семейства: женщина обманываетъ своего мужа, добраго, но ослѣпленнаго, и, подъ видомъ своей супружеской и материнской любви, дѣлаетъ низости, которыя губятъ ея семейство. Надѣюсь, что содержаніе, разсказанное въ такихъ «краткихъ, но сильныхъ выраженіяхъ», не можетъ повредить тому впечатлѣнію, которое произведетъ на васъ эта повѣсть при чтеніи. Нерѣдко въ повѣстяхъ, и даже слишкомъ часто въ дѣйствительной жизни приходится встрѣчать дѣйствующихъ въ этой повѣсти притѣсняемыхъ падчерицъ, хитрыхъ мачехъ и обманутыхъ мужей; но ни вымыселъ, ни дѣйствительность не представляли мнѣ еще до такой степени рельефно изнанку семейной жизни при такихъ условіяхъ. Несмотря на грустное впечатлѣніе, которое надолго оставляетъ эта повѣсть, она мнѣ нравится до такой степени, что объ эпиграфахъ, которыми обогатила русскую литературу въ теченіи этого мѣсяца графиня Е. П. Ростопчина, и о разныхъ другихъ явленіяхъ русской журналистики я предоставляю себѣ поговорить когда-нибудь въ другой разъ.

— *Объ изученіи фортепьянной музыки.* — Въ наше время музыка сдѣлалась необходимымъ предметомъ изученія для всякаго, кто только хочетъ быть, или по крайней мѣрѣ казаться, человѣкомъ образованнымъ. Всѣ мы, особенно въ столицахъ, круглый годъ слушаемъ музыку, — въ театрахъ, въ концертахъ, на лѣтнихъ гуляньяхъ, на балахъ, въ салонахъ и т. п. Это одно уже заставляетъ насъ позаботиться и о пріобрѣтеніи музыкальныхъ свѣдѣній. Иначе мы не въ состояніи будемъ поддерживать безпрестанно повторяющихся

Digitized by Google

разговоровъ о музыкѣ. Но для того, чтобы имѣть основательныя свѣдѣнія о музыкѣ, надо умѣть или пѣть, или играть на какомъ нибудь инструментѣ. Пѣніе болѣе всего способствуетъ къ достиженію этой цѣли. Но немногіе владѣютъ пріятнымъ голосомъ, и потому по неволѣ обращаются къ музыкальнымъ инструментамъ. Современное намъ общество избрало музыкальный инструментъ, который доступнѣе другихъ и имѣетъ болѣе средствъ къ выраженію современнаго состоянія не только инструментальной, но даже до нѣкоторой степени и вокальной музыки. Этотъ инструментъ есть фортепьяно. Въ самомъ дѣлѣ, фортепьяно не требуетъ ни особеннаго напряженія силъ, ни предварительныхъ механическихъ условій, которыя необходимы для игры на другихъ инструментахъ. Дитя, которое едва только можетъ двигаться, поднимаетъ руку, ударяетъ по клавишу, и такимъ образомъ безъ всякаго напряженія производитъ звукъ не выше, не ниже того, какой слышенъ былъ бы отъ удара взрослаго человѣка. Вотъ одна изъ главныхъ причинъ, почему фортепьянная музыка такъ сильно распространилась въ обществѣ. Другая причина есть та, что фортепьяно имѣетъ самый обширный діапазонъ. Въ одномъ этомъ инструментѣ вы находите совокупность всѣхъ звуковъ, самыхъ высокихъ и самыхъ низкихъ, между тѣмъ какъ всѣ другіе инструменты имѣютъ діапазонъ ограниченный. Это — важное преимущество фортепьяно. Оно даетъ ему возможность быть выраженіемъ всякой музыки, даже музыки цѣлаго оркестра.

Какъ бы то ни было, только фортепьянная музыка сдѣлалась однимъ изъ самыхъ необходимыхъ предметовъ общаго образованія. Въ наше время не только люди съ состояніемъ, но даже бѣдняки, которые едва-едва могутъ содержать себя, и тѣ занимаются изученіемъ этой музыки. Кто не имѣетъ своего инструмента, тотъ учится играть на чужомъ. Даже старики увлекаются этимъ общимъ стремленіемъ и, не желая отстать отъ вѣка, начинаютъ брать уроки у піанистовъ. Но, къ сожалѣнію, результаты этого стремленія вовсе не такъ утѣшительны, какъ слѣдовало бы ожидать. Всѣ играютъ на фортепьяно. Но что́ играютъ? Кадрили, вальсы, польки, мазурки и т. д., какъ будто этотъ инструментъ назначенъ только для танцевъ. Очень немногіе рѣшаются приступить къ чему нибудь по серьёзнѣе танцевъ; да ито.... бо́льшею частію приходится сказать: лучше бы они вовсе не принимались ни за что серьёзное. Женщины же очень нерѣдко оставляютъ музыкальное поприще самымъ страннымъ образомъ. Пока въ дѣвицахъ, онѣ съ жаромъ, съ увлеченіемъ занимаются музыкой и разучиваютъ самыя труднѣйшія пьесы. Каждый день нѣжные пальчики ихъ по нѣскольку часовъ бѣгаютъ по клави-

Digitized by Google

намъ. Вы видите трудъ и вполнѣ увѣрены, что этотъ трудъ поддерживается только любовью къ искусству. Но вотъ молодая дѣвица выходитъ замужъ — и сцена совершенно перемѣняется. Бѣдный инструментъ цѣлые мѣсяцы стоитъ, покрытый пылью забвенія. На него смотрятъ какъ на мебель, какъ на украшеніе комнаты, не болѣе. Замужняя женщина не хочетъ и подумать о музыкѣ. Она какъ будто вступила въ новый міръ, — міръ прозы. Все это, какъ намъ кажется, зависитъ отъ самого способа изученія музыки.

Изученіе фортепьянной музыки у насъ обыкновенно начинается съ гаммъ. Для учителей это очень легко. Но каково-то бѣднымъ ученикамъ и ученицамъ. Цѣлые мѣсяцы по нѣсколько часовъ въ день они перебираютъ клавиши, нисколько не понимая, къ чему такая работа. Сначала они съ жаромъ принимаются за музыку, а потомъ мало по малу теряютъ терпѣніе и наконецъ впадаютъ въ апатію. Послѣ этого для нихъ уже все равно, продолжать играть, или нѣтъ. Они не оставляютъ музыки бо́льшею частію только потому, что ихъ заставляютъ учиться. Цѣлые мѣсяцы гаммы и гаммы, все однѣ только гаммы, — одна чисто механическая работа, въ которой не видишь ни конца, ни цѣли, можетъ утомить самаго терпѣливаго человѣка. А иначе нельзя: гаммы необходимы; только съ нихъ можетъ быть начато изученіе фортепьянной музыки; прежде надо умѣть сыграть гаммы со всею чистотою и правильностью, и тогда только можно приступить къ дальнѣйшему музыкальному образованію. Такъ говорятъ наши учители-піанисты. Но эти учители сами не въ состояніи выполнить, какъ слѣдуетъ, всѣ гаммы на всѣ тоны. Для однихъ только гаммъ, чтобы умѣть выполнить ихъ со всею чистотою и правильностью, надобно было бы посвятить много времени. Впрочемъ, этимъ мы нисколько не думаемъ отвергать важность гаммъ. Мы хотимъ только сказать, что наши піанисты занимаютъ своихъ воспитанниковъ гаммами не въ свое время. Этотъ древній обычай — начинать фортепьянную музыку съ гаммъ — ни на чемъ не основанъ и приноситъ иногда болѣе вреда, нежели пользы. Этотъ обычай введенъ піанистами изъ подражанія пѣнію. Извѣстно, что пѣть начинаютъ учиться съ гаммы. Піанисты, увлекшись этимъ примѣромъ, и до сихъ поръ продолжаютъ слѣдовать ему. Но вокальная музыка совершенно отлична отъ музыки инструментальной, и особенно фортепьянной. На фортепьяно нѣтъ такой надобности учиться вырабатывать каждый звукъ чисто и правильно, какъ это необходимо въ пѣніи. Здѣсь каждый звукъ напередъ уже опредѣленъ; ударомъ по клавишу вы не можете сдѣлать его ни выше, ни ниже. Правда, здѣсь вы должны пріучить свои пальцы къ правильнымъ и болѣе или менѣе сильнымъ и бѣглымъ ударомъ. Но для

Digitized by Google

этой цѣли нѣтъ никакой надобности останавливаться на гаммахъ. Надо прежде изучить систему аккордовъ: тогда только можно будетъ приступить къ выполненію гаммъ.

Послѣ гаммъ, обыкновенно, переходятъ къ экзерсисамъ и занимаются ими уже не мѣсяцы, а цѣлые годы. Въ это время не позволяютъ играть ничего, кромѣ экзерсисъ, ни одной пьесы, какъ бы она ни была проста. Иначе, говорятъ, испортится все дѣло; все музыкальное образованіе сдѣлается безпорядочнымъ. Это также ошибка. Экзерсисы служатъ только къ пріобрѣтенію свободы въ движеніи пальцевъ. Посредствомъ ихъ учащійся овладѣваетъ только механическою частію музыки; но самое важное — вкусъ, остается безъ всякаго развитія. Оттого мы видимъ многихъ піанистовъ, которые исполняютъ самыя трудныя пьесы съ удивительною чистотою и бѣглостію, и притомъ безъ всякаго приготовленія; но въ игрѣ ихъ нѣтъ никакого выраженія, нѣтъ жизни. Когда они играютъ, мы удивляемся быстрому и ловкому движенію пальцевъ; но музыка нисколько не трогаетъ насъ. Чисто механическія упражненія приводятъ музыкальный талантъ ихъ въ такое положеніе, что они не въ состояніи ни одной пьесы выполнить артистически.

Бо́льшая часть нашихъ музыкальныхъ учителей составляется изъ такихъ лицъ, которыя имѣютъ только порядочно играть, но сами не понимаютъ хорошо музыки. Приступая къ урокамъ, они, обыкновенно, берутъ какую нибудь школу — Черни, Плейеля и т. д., и проходятъ съ своими учениками все, что́ написано въ этой школѣ. Но всякая фортепьянная школа есть, можно сказать, только учебникъ, самый краткій учебникъ, который ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть достаточнымъ для полнаго музыкальнаго образованія. Впрочемъ, каждая изъ извѣстныхъ у насъ фортепьянныхъ школъ не всегда можетъ быть принята въ руководство. Большею частію онѣ основаны на такихъ началахъ, которыя уже потеряли свое значеніе. Многія изъ нихъ наполнены такими объясненіями, которыя иногда ни къ чему не ведутъ, а между тѣмъ самые важнѣйшіе предметы оставлены въ нихъ безъ всякаго объясненія. Нѣтъ! учитель самъ прежде всего долженъ изучить теоретическую часть музыки и составить свой планъ преподаванія, сообразуясь съ силами и характеромъ своего ученика. Тогда только онъ можетъ вполнѣ отвѣчать за музыкальное образованіе своего питомца. Тогда и всѣ фортепьянныя школы окажутся для для него совершенно ненужными. Вотъ этого-то и недостаетъ въ нашихъ преподавателяхъ фортепьянной музыки. Большая часть изъ нихъ нисколько не заботится объ изученіи музыкальной теоріи. Они предполагаютъ, что все достоинство музыкальнаго учителя заклю-

Digitized by Google

чается въ томъ, чтобы безъ запинки и безъ всякой ошибки разыгрывать всѣ, самыя труднѣйшія пьесы. Оттого-то самая важная часть музыкальнаго образованія, по ихъ мнѣнію, заключается въ гаммахъ и экзерсисахъ, т. е. въ однихъ механическихъ упражненіяхъ. Оттого же самого и при выполненіи музыкальнаго произведенія они не обращаютъ почти никакого вниманія на силу удара и на выраженіе идеи этого произведенія.

Впрочемъ, есть и такіе преподаватели фортепьянной музыки, которые хорошо понимаютъ свое дѣло. Но такихъ преподавателей, къ сожалѣнію, очень немного. Да и то за каждый свой совѣтъ или часовой визитъ они, обыкновенно, назначаютъ огромную цѣну и принимаютъ подъ свое руководство только такихъ учениковъ, которые уже порядочно играютъ. Они вовсе отвергаютъ азбуку и всѣ первоначальныя музыкальныя свѣдѣнія, какъ предметы недостойные артистическихъ занятій ихъ. Такимъ образомъ, только немногіе могутъ пользоваться уроками ихъ; да и тѣ, чтобы имѣть возможность учиться у нихъ, должны десятки лѣтъ собирать кой-какія свѣдѣнія отъ второстепенныхъ учителей.

Года три тому назадъ открылъ музыкальные курсы И. Н. Юркевичъ, и съ тѣхъ поръ число слушателей его увеличивается все болѣе и болѣе. Онъ вполнѣ постигъ преподаваніе фортепьянной музыки, составилъ свою систему, основанную на прочныхъ началахъ, придумалъ свой методъ преподаванія и упростилъ его до такой степени, что дѣти, начиная отъ двѣнадцати лѣтъ, вмѣстѣ съ людьми пожилыми, слушаютъ и совершенно понимаютъ его уроки, и наконецъ за уроки назначилъ цѣну, доступную для всякаго. Онъ не отвергаетъ никого: занимается съ тѣмъ, кто уже порядочно понимаетъ музыку, равно какъ и съ тѣмъ, кто никогда и не касался фортепьянныхъ клавишей. Легкій способъ преподаванія, простота и ясность изложенія, совокупность самыхъ разнообразныхъ музыкальныхъ свѣдѣній и наконецъ доступная для всѣхъ цѣна — привлекаютъ къ нему множество слушателей. Прошедшую зиму мы имѣли удовольствіе слушать у него теоретическій курсъ фортепьянной музыки и считаемъ себя обязанными познакомить нашихъ читателей съ этимъ курсомъ.

Весь курсъ заключалъ въ себѣ шесть лекцій. Первыя три лекціи раздѣлены были на двѣ части; предметомъ первой части были: инструментальная клавіатура и нотная клавіатура, а во второй части объяснено было достоинство нотъ и примѣненіе къ нимъ музыкальной секунды. Четвертая лекція заключала въ себѣ условное дѣленіе нотъ, неподходящее къ тѣмъ общимъ правиламъ, которыя изложены были въ первыхъ трехъ лекціяхъ. Въ пятой лекціи раскрыта

Digitized by Google

была теорія созвучій, и наконецъ въ шестой лекціи — музыкальная терминологія. Послѣ каждой лекціи слѣдовали объясненія для первоначальной практики. Мы не смѣемъ раскрывать вполнѣ всѣхъ правилъ и объясненій, которыя г. Юркевичъ придумалъ для облегченія первоначальнаго музыкальнаго образованія, но не можемъ удержаться отъ того, чтобы не изложить теоретическихъ его уроковъ по крайней мѣрѣ вкратцѣ.

Въ первой лекціи прежде всего, какъ и слѣдовало ожидать, представленъ былъ краткій обзоръ всѣхъ инструментовъ и указано мѣсто, которое занимаетъ фортепьяно въ кругу другихъ инструментовъ; потомъ объяснено расположеніе струнъ, демфера и педали, и наконецъ говорено было объ относительномъ богатствѣ и бѣдности звуковъ фортепьяно въ сравненіи съ другими инструментами. Такимъ образомъ, лекціи начаты были съ объясненія самыхъ обыкновенныхъ предметовъ, на которые большая часть фортепьянныхъ учителей не обращаетъ никакого вниманія. Но нельзя не сознаться, что эти предметы требуютъ нѣкотораго объясненія. Надо прежде познакомиться съ самымъ устройствомъ инструмента, его средствами и съ отношеніемъ его къ другимъ инструментамъ и потомъ уже приступить къ изученію музыки. Далѣе преподаватель объяснялъ клавіатуру, разнообразныя названія клавишей, нотную систему, ключи и ноты на линіяхъ и на черточкахъ. Здѣсь мы не могли не удивлятся простотѣ и ясности изложенія. Для примѣра, мы укажемъ на объясненіе названія клавишей. Преподаватель раздѣляетъ всю клавіатуру на партіи малыя и большія; малою партіею онъ называетъ совокупность косточекъ двухъ черныхъ и трехъ бѣлыхъ, а большая партія состоитъ изъ трехъ черныхъ и четырехъ бѣлыхъ; двѣ такихъ партіи составляютъ періодъ. Это дѣленіе чрезвычайно облегчаетъ механическій трудъ заучиванія, такъ что всѣ слушатели въ теченіи не болѣе пяти минутъ знали уже названія всѣхъ бѣлыхъ клавишей. Кромѣ того, преподаватель старался раскрыть избранный имъ предметъ во всей его полнотѣ, не ограничиваясь одной теоріей. Такъ, разсуждая о музыкальномъ періодѣ, онъ сравнивалъ новую европейскую музыку съ древнею греческою и восточною; объясняя нотную систему, онъ указалъ на заслуги Гвидо и другихъ; говоря о ключахъ фортепьянныхъ, онъ объяснилъ ключи не только всѣхъ инструментовъ, но даже и вокальной музыки, и кромѣ того раскрылъ взаимныя отношенія этихъ ключей, историческій ходъ развитія ихъ и т. д. Во второй части этой лекціи сдѣлано было обозрѣніе нотъ и паузъ въ отношеніи ихъ достоинства. Въ заключеніе предложены

Digitized by Google

были практическія наставленія касательно расположенія руки, и отсюда выведенъ былъ законъ для гаммы.

Во второй лекціи чрезвычайно интересно было объясненіе полутона, монохорда, энгармоническаго напѣва восточныхъ жителей и вліянія музыки на природу вообще. Не менѣе любопытна была и составленная г. Юркевичемъ таблица знаковъ повышеній и пониженій. Она вполнѣ познакомила слушателей съ главнѣйшими правилами чтенія нотъ. Но особенно заинтересовала насъ вторая часть этой лекціи, предметомъ которой было объясненіе музыкальной секунды и метронома. Вообще, въ первыхъ двухъ лекціяхъ изложены были главныя понятія всѣхъ музыкальныхъ правилъ, необходимыхъ для того, чтобы умѣть разбирать ноты одной рукой.

Третьею лекціею оканчивается элементарная теорія фортепьянной музыки, назначенная для того, чтобы слушатели могли свободно разбирать ноты по извѣстнымъ правиламъ. Здѣсь особенно поразилъ наше вниманіе придуманный преподавателемъ масштабъ для всѣхъ нотъ клавіатуры. По этому масштабу вся нотная клавіатура можетъ умѣститься на ногтѣ одного пальца. Въ этой лекціи любопытно также было объясненіе сольмизаціи Гвидо д'Ареццо, равно какъ и объясненіе гаммъ діатоническихъ, хроматической и энгармонической.

Четвертая лекція заключала въ себѣ только дополненіе къ первымъ тремъ. Здѣсь было говорено о тріоляхъ, секстоляхъ и различныхъ украшеніяхъ. Но особенно замѣчательна была въ практическихъ объясненіяхъ этой лекціи составленная преподавателемъ таблица дурныхъ и мольныхъ аккордовъ. Эта таблица такъ заинтересовала насъ, что мы рѣшаемся познакомить съ ней нашихъ читателей.

Таблица дурныхъ аккордовъ.

	1 палецъ.	2 палецъ.	3 палецъ.	5 палецъ.
Часть 1.	Тоника;	Б. терція;	квинта;	октава тоники.
Часть 2.	1 т. выше.	½ т. выше.	таже.	½ т. ниже.
Часть 1.	—	—	—	—
Часть 3.	таже.	таже.	1 т. выше.	окт. осн. баса.
Часть 1.	—	—	—	—
Часть 2.	—	—	—	—
Часть 1.	—	—	—	—

Таблица мольныхъ аккордовъ.

	1 палецъ.	2 палецъ.	3 палецъ.	5 палецъ.
Часть 1.	Тоника:	м. терція;	квинта;	октава тоники.
Часть 2.	1 т. выше.	1 т. выше.	таже.	½ т. ниже.
Часть 1.	—	—	—	—
Часть 3.	таже.	таже.	½ т. выше.	окт. осн баса.
Часть 1.	—	—	—	—
Часть 2.	—	—	—	—
Часть 1.	—	—	—	—

Digitized by Google

Каждый аккордъ состоитъ изъ трехъ частей. Первая часть дýрнаго аккорда состоитъ изъ тоники, большой терціи, квинты и октавы тоники. Тоникою можетъ быть всякій тонъ; большою терціею называется тонъ, который выше тоники пятью полутонами, а малая терція выше тоники четырьмя полутонами; квинта же выше большой терціи четырьмя полутонами, а отъ малой терціи пятью полутонами. Вторая часть образуется изъ первой слѣдующимъ образомъ: тоника, какъ въ дýрномъ, такъ и мольномъ аккордѣ, возвышается цѣлымъ тономъ; большая терція въ дýрномъ аккордѣ берется полутономъ выше, а въ мольномъ цѣлымъ тономъ выше; квинта остается таже; наконецъ октава тоники понижается на одинъ полутонъ. Третья часть образуется изъ второй; тоника и терція въ обоихъ аккордахъ остаются тѣже; квинта въ дýрномъ аккордѣ возвышается на цѣлый тонъ, а въ мольномъ только на полутонъ; наконецъ пятымъ пальцемъ берется октава основного баса. Всѣ части, для бóльшей гармоніи, играются въ слѣдующемъ порядкѣ: 1, 2, 1, 3, 1, 2 и 1-ая. Въ это время лѣвою рукою берутся октавы по слѣдующимъ двумъ формуламъ: для дýрного аккорда въ первомъ ударѣ берется октава тоники, во второмъ цѣлымъ тономъ выше, въ третьемъ еще тономъ выше, въ четвертомъ еще полутономъ выше; въ шестомъ цѣлою октавой ниже и наконецъ въ седьмомъ октава тоники; въ мольномъ же аккордѣ разница только та, что третій ударъ берется только полутономъ, а четвертый ударъ цѣлымъ тономъ выше

Пятая лекція заключаетъ въ себѣ главнѣйшія основанія генералъ-баса, примѣненнаго къ фортепьяно. Здѣсь особенно замѣчательною показалась намъ, составленная преподавателемъ, таблица всѣхъ возможныхъ тоновъ съ ихъ знаками повышеній и пониженій.

Въ шестой лекціи, какъ мы уже сказали, изложена музыкальная терминологія.

По окончаніи теоретическихъ уроковъ преподаватель приступилъ къ практическимъ занятіямъ. Нельзя не сознаться, что это самый лучшій способъ музыкальнаго образованія. Надо прежде познакомить учащихся съ самымъ инструментомъ и со всѣми его средствами, требованіями и условіями. Тогда только съ успѣхомъ можно заняться и практическими упражненіями. Иначе ученикъ будетъ заниматься тѣмъ, чего онъ не понимаетъ. А это самое гибельное дѣло для всякаго образованія. Но особенно необходимы теоретическія лекціи для музыкальнаго образованія, потому что на русскомъ языкѣ почти ничего не было писано объ этомъ предметѣ. Вообще, наша музыкальная литература очень бѣдна. Музыкальные учители наши должны прочитать множество музыкальныхъ лекси-

Digitized by Google

коновъ, учебниковъ и другихъ различныхъ сочиненій на иностранныхъ языкахъ, чтобы составить порядочный курсъ теоретическихъ лекцій музыки. Оттого многіе преподаватели фортепьянной музыки и пренебрегаютъ теоретическими свѣдѣніями. Нѣкоторые изъ нихъ, для своего оправданія, даже стараются доказать, что музыка, какъ свободное искусство, не допускаетъ никакой теоріи. Но на дѣлѣ оказывается, что тѣ, которые учились у нихъ цѣлые годы, не въ состояніи придѣлать аккомпанимана къ самому простому мотиву, между тѣмъ какъ ученики г. Юркевича, прослушавъ теоретическія его лекціи, не далѣе какъ черезъ мѣсяцъ могутъ составить аккомпаниманъ на какой угодно мотивъ, основываясь на одной системѣ аккордовъ, которую мы изложили выше.

Въ практическихъ занятіяхъ г. Юркевичъ обращаетъ вниманіе не только на пріобрѣтеніе свободы въ движеніи пальцевъ, но и на развитіе вкуса своихъ слушателей. Поэтому онъ не ограничивается однимъ этюдами, но съ самого начала уже избираетъ для своихъ учениковъ музыкальныя пьесы, сообразныя съ силами ихъ. Для полнаго музыкальнаго образованія онъ считаетъ достаточнымъ разучить только три пьесы постепенной трудности При этомъ требуется только, чтобы каждая пьеса разъиграна была съ полнымъ совершенствомъ. Если же первая пьеса, самая легкая, не была исполнена ученикомъ со всею отчетливостью, то предлагается другая пьеса. Точно такимъ же образомъ изучается вторая пьеса, болѣе трудная, и третья пьеса—самая затруднительная, которая наполнена блестящими мѣстами и труднѣйшими пассажами. Въ это же самое время разъучиваются этюды также постепенной трудности, сообразно съ указанными пьесами. Такимъ образомъ, преподаватель устранилъ отъ себя тотъ недостатокъ, о которомъ мы говорили выше. Онъ не утомляетъ своихъ учениковъ и учениць одними этюдами, но, для развитія вкуса, изучаетъ съ ними музыкальныя произведенія.

На этомъ мы и остановимся. Впослѣдствіи мы надѣемся подробнѣе поговорить объ этомъ предметѣ.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ № 66 «Земледѣльческой Газеты» мы встрѣтили мысль, едва ли не впервые высказанную, — мысль, давно уже приведенную въ исполненіе въ городахъ и приносящую тамъ неисчислимыя благія послѣдствія, — мысль *о пріютахъ для дѣтей сельскаго населенія*. Эта мысль высказана, какъ видно изъ статьи, сель-

Digitized by Google

скимъ жителемъ, слѣдовательно имѣющимъ частые случаи видѣть всѣ тѣ неудобства, которыя проистекаютъ отъ оставленія поселянами малолѣтныхъ дѣтей и въ особенности младенцевъ безъ присмотра во время полевыхъ ихъ работъ. «Осматривая полевыя работы — говоритъ г. Захаръ Танцовъ, авторъ упомянутой статьи — и видя, какъ крестьянскія дѣти, грудныя и отъ одного до двухъ лѣтъ, скорчившись отъ холода и вѣтра, сидятъ на землѣ, и крикомъ своимъ, отвлекающимъ часто матерей отъ работы, даютъ знать о своемъ положеніи, я думаю, что благодѣтельная мысль учрежденія пріютовъ въ городахъ, была бы въ деревнѣ еще полезнѣе и необходимѣе. Сколько, учрежденіемъ подобныхъ пріютовъ, сохранилось бы дѣтей отъ болѣзней, часто не излечимыхъ; сколько уменьшилось бы страданій этихъ несчастныхъ малютокъ.

«По моему мнѣнію, учрежденіе въ деревнѣ подобнаго пріюта сопряжено съ самыми малыми издержками, которыя съ избыткомъ вознаградятся какъ пріятностію добраго и полезнаго дѣла, такъ и выгодами матеріальными. — Теперь постараюсь объяснить, что я разумѣю подъ названіемъ сельскаго пріюта и какъ предполагаю его устроить.

«Цѣль сельскаго пріюта есть сохраненіе здоровья дѣтей самаго нѣжнаго возраста, которыхъ обыкновенно матери берутъ на работу. Пріютъ предполагается устроить слѣдующимъ образомъ: поставить избу, и въ ней сдѣлать теплую и свѣтлую комнату, съ колыбельками и кроватками самаго простаго и дешеваго устройства; приставить двухъ добросовѣстныхъ женщинъ-старушекъ, которыхъ всегда можно найти и въ небольшомъ имѣніи, и которыя будутъ очень рады этой должности, доставляющей имъ покойный уголъ и готовый хлѣбъ. Ихъ должность будетъ состоять въ слѣдующемъ: онѣ должны тщательно надзирать за дѣтьми, варить имъ кашку, накормить ихъ, и держать въ чистотѣ и порядкѣ комнату. Должность, какъ видите, нетрудная. Женщины, которыя имѣютъ маленькихъ дѣтей, должны, отправляясь на работу, занести ихъ въ пріютъ и сдать на руки приставленнымъ для этого нянькамъ; возвращаясь съ работы, могутъ взять дѣтей обратно. Дѣти должны приниматься въ пріютѣ во все время продолженія полевыхъ работъ и молотьбы.

«Учрежденіемъ подобнаго пріюта дѣти избавятся отъ болѣзней, страданій и преждевременной смерти, а матери ихъ, не будучи развлекаемы ими, больше наработаютъ.

«Разумѣется, пріучить крестьянъ къ этому нововведенію будетъ трудновато; но польза такого учрежденія скоро убѣдитъ матерей, а строгій присмотръ за дѣтьми, въ послѣдствіи, отъ нихъ же заслужитъ благодарность.»

Digitized by Google

— Въ № 10 «Современника» прошедшаго года мы сообщили нашимъ читателямъ извѣстіе о бывшемъ, въ августѣ мѣсяцѣ того года, открытіи выставки сельскихъ произведеній въ Нижнемъ-Новгородѣ, особенная важность которой, какъ было тогда замѣчено, состоитъ въ томъ, что произведенія, представленныя на эту выставку, могутъ быть разсматриваемы и оцѣниваемы всѣмъ торговымъ и промышленнымъ сословіемъ Имперіи, съѣзжающимся туда, въ то время года, какъ извѣстно, для торговли и привозящимъ произведенія своей промышленности. Считаемъ теперь неизлишнимъ изложить здѣсь нѣсколько фактовъ о результатахъ нижегородской выставки. Выставка сельскихъ произведеній, въ видахъ поощренія и усовершенствованія сельскаго хозяйства и разныхъ его отраслей, а также крестьянскихъ ремеслъ, происходила въ Нижнемъ-Новгородѣ съ 16 августа по 1 сентября. Въ этой выставкѣ, по учрежденію, участвуютъ также губерніи: Вятская, Казанская, Симбирская и Пензенская; но изъ нихъ не было на этотъ разъ ни представителей, ни депутатовъ, а изъ Симбирской даже не было представлено и произведеній. Между тѣмъ на этой выставкѣ находились произведенія губерній: Московской, Петербургской, Ярославской, Владимірской и Пермской. На выставку представлено было 323 производителями 2,020 произведеній, на сумму до 5,500 рублей серебромъ. Нижегородская губернія не можетъ быть отнесена къ числу губерній земледѣльческихъ; эта губернія промысловая. Поэтому нельзя было и ожидать, чтобы на нижегородской выставкѣ было много предметовъ земледѣлія. Но неблагопріятныя обстоятельства произвели то, что малочисленность предметовъ этого рода на выставкѣ превзошла всякое ожиданіе. Съ 8 іюля и до конца августа постоянно продолжалась дождливая погода; озимый хлѣбъ, который успѣли собрать до дождей, проросталъ въ снопахъ; яровой — оставался на корнѣ; сѣно гнило. При такихъ обстоятельствахъ, сельскимъ хозяевамъ было не до выставки; они дорожили каждымъ часомъ ведра и, заботясь о сборѣ полевыхъ произведеній, были весьма далеки отъ мысли состязанія своимъ хозяйствомъ на выставкѣ. Въ послѣдній день выставки, нѣкоторые хозяева представили было свои произведенія; но этотъ день былъ днемъ присужденія наградъ и закрытія выставки; потому комитетъ выставки не могъ принять этихъ предметовъ. Съ другой стороны, успѣхамъ выставки земледѣльческихъ произведеній препятствовало ложное убѣжденіе, будто бы произведенія эти не входятъ въ разрядъ представленныхъ къ состязанію. Нерѣдко случалось, что крестьянинъ, представляющій на выставку произведенія своей промышленности, съ изумленіемъ смотрѣлъ на снопы, разложенные на столахъ выставки. Когда объясняли ему, что хлѣбъ не

Digitized by Google

только допущенъ на выставку, но даже составляетъ главнѣйшій предметъ ея, крестьянинъ съ сожалѣніемъ говорилъ, что если бы онъ зналъ это, то представилъ бы сѣмяна того или другого рода улучшеннаго хлѣба, полученнаго имъ отъ зеренъ, доставленныхъ ему такимъ-то помѣщикомъ или окружнымъ правленіемъ государственныхъ имуществъ. *Ржи* было три образца: два отъ помѣщика Нижегородскаго уѣзда П. Е. Бабкина и одинъ изъ села Шарапова, Сергацкаго уѣзда, доставленный А. Е. Крюковымъ. Эта рожь самородная, вывезенная сюда г. Крюковымъ изъ Тульской губерніи, и разводится въ сказанномъ мѣстѣ съ большимъ успѣхомъ. *Овса* гоштаунъ, очень хорошаго качества, были представлены два образца; и одинъ образецъ золотого *ячменя;* два также образца шведскаго гороху. Изъ кормовыхъ травъ была представлена только одна, которая, впрочемъ, весьма замѣчательна. Именно кормовая трава, сѣмяна которой доставлены были изъ Пекина помѣщику Каратаеву находящимся тамъ магистромъ Васильевымъ, называемая по китайски *му-сюй-цао-цзы*. Это растеніе, изъ породы люцерны, акклиматизировано и разведено г. Каратаевымъ. Для посѣва на одной десятинѣ нужно фунтъ сѣмяни. Перенося русскую зиму, осеннія непогоды и несвоевременные весенніе морозы, му-сюй-цао-цзы даетъ два скоса въ продолженіи года: одинъ въ началѣ іюня, другой — въ сентябрѣ. Эта трава, по описанію г. Каратаева, можетъ замѣнить для скота зерновой хлѣбъ во всѣхъ отношеніяхъ. *Трюфели*, растущіе въ Сергацкомъ уѣздѣ, были представлены изъ села Шарапова г. Крюковымъ. Въ одной банкѣ они были приготовлены въ бульонѣ съ мадерой, а въ другой — въ одной мадерѣ. Само собой разумѣется, что сергацкіе трюфели далеко не идутъ въ сравненіе съ трюфелями французскими. Но если мы вспомнимъ, какъ часто вмѣсто французскихъ трюфелей на многихъ, даже изысканныхъ, столахъ подаются трюфели московскіе и польскіе, и если замѣтимъ, что трюфели сергацкіе мало чѣмъ уступаютъ польскимъ, то должны будемъ согласиться, что приготовленіе ихъ въ здѣшнихъ мѣстахъ заслуживаетъ вниманія, и подаетъ поводъ желать, чтобы они приготовлялись въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ родятся, въ бо́льшемъ количествѣ и съ бо́льшимъ тщаніемъ. Изъ предметовъ домашняго хозяйства на выставкѣ были: воскъ и восковыя свѣчи, сальныя свѣчи и олеинъ, ламповое масло, сыръ, хлѣбный уксусъ и пряники. Пчеловодство въ Нижегородской губерніи нынѣ въ упадкѣ. Пчеловодъ долженъ быть домосѣдомъ, и потому увеличивающаяся съ каждымъ годомъ склонность здѣшняго народа къ промысламъ, Волга съ своимъ бурлачествомъ, извозничество и развивающійся промыселъ пряничниковъ сильно вредятъ успѣхамъ пчеловодства. Изъ представленныхъ на выставку

Digitized by Google

образцевъ очищеннаго воску лучшимъ оказался бѣлый воскъ крестьянина Арзамасскаго уѣзда, села Выѣзднаго, Михайла Захарова, которому и назначена денежная премія. Восковыя свѣчи, находившіяся на выставкѣ, были ниже посредственности. *Пряники*, приготовляемые въ селѣ Городцѣ (Балахнинскаго уѣзда), составляютъ немаловажную отрасль мѣстной промышленности. Въ Городцѣ находится до 40 куреней, въ которыхъ круглый годъ приготовляютъ пряники одномедные, полумедные и коврижки. Эти пряники въ большомъ количествѣ отправляются ежегодно весною въ нижневолжскія губерніи. Тамъ, въ губерніяхъ Саратовской, Симбирской и Оренбургской, городецкіе пряники составляютъ главнѣйшее лакомство народа. Кромѣ того, множество пряниковъ изъ Городца, посредствомъ нижегородской ярмарки, развозятся по разнымъ мѣстамъ государства, а зимою развозятъ ихъ по базарамъ Нижегородской, Владимірской и Костромской губерній. Такой сбытъ условливаетъ постоянную потребность этого производства, настаи существующаго въ Городцѣ. Усовершенствованія въ этомъ производствѣ не замѣчается, что, конечно, происходитъ отъ неприхотливаго вкуса простолюдиновъ. На выставкѣ были пряники и коврижки отъ одиннадцати производителей этого города и отъ двухъ изъ села Бабина, Семеновскаго уѣзда. *Сыръ* былъ представленъ съ завода дѣйств. ст. сов. Карамзиной, находящагося Нижегородской губерніи, Ардатовскаго уѣзда, въ усадьбѣ Макателемъ. Для сыроваренаго завода содержится тамъ около пяти-сотъ головъ рогатаго скота улучшенныхъ породъ. Сыръ выдѣлывается на манеръ швейцарскаго грюеръ и обывается на нижегородской ярмаркѣ до четырехъ тысячъ пудъ. По отзыву всѣхъ покупающихъ этотъ сыръ, онъ уступаетъ только сыру кн. Мещерскаго (въ Тверской губерніи). Комитетъ выставки, обращая вниманіе на отлично устроенное хозяйство, и особенно улучшенное скотоводство въ имѣніи г-жи Карамзиной, и разсмотрѣвъ качества, представленнаго на выставку сыру опредѣлилъ выдать г-жѣ Карамзиной серебряную медаль большого размѣра. *Изъ земледѣльческихъ орудій и машинъ* особенно были замѣчательны слѣдующія: московскій мѣщанинъ Кирила Сарафиновъ представилъ на выставку вѣялку съ принадлежностями, и арфу для очистки зеренъ. Кромѣ того, имъ были представлены мѣдныя, волосяныя и шолковыя ситы и волосянные перекрои №№ 1 и 3. Издѣлія Сарафинова заслужили вообще одобреніе. Крестьянинъ Лазарь Коротковъ (Ярославскаго уѣзда) представилъ машину для очищенія льняного сѣмяни и три модели такой же машины. Княгининскаго уѣзда крестьянинъ Прохоръ Бутырскій представилъ цимбальную машину для сортировки ржи и другую такую же машину для ярового хлѣба,

Digitized by Google

кромѣ того, двѣ модели той и другой машины. Комитетъ удостоилъ Бутырскаго денежной премiи въ тридцать рублей серебромъ. Отдѣленiе выставки, заключавшее въ себѣ кожи, кожевенныя издѣлiя, овчины, мерлушки и клей, было замѣчательно по количеству представленныхъ произведенiй. Нижегородская губернiя, по числу кожевенныхъ заведенiй превосходящая всѣ прочiя губернiи, Казань, получившая громкую извѣстность своими кожами, и Вятская губернiя представили на выставку разнообразныя произведенiя кожевенной промышленности; къ нимъ присоединились производители кожъ и кожевенныхъ издѣлiй обѣихъ столицъ. Замѣчательны опойки села Котунокъ. Котунки—обширное селенiе на берегу Волги, у самой границы Костромской губернiи, приготовляетъ въ годъ до 350,000 бѣлыхъ и черныхъ опойковъ. Производство опойковъ въ Котункахъ усовершенствовано: не болѣе какъ тридцать лѣтъ тому назадъ, жители этого селенiя кое-какъ промышляли чеботарною работою и ходили въ бурлаки. Теперь бурлацкiй промыселъ уничтожился самъ собой, промышленность развелась, и благосостоянiе народное чрезвычайно возвысилось. Изъ катунскихъ опойковъ лучшiе были представлены крестьяниномъ г-жи Аничковой Павломъ Бердниковымъ, который награжденъ похвальнымъ листомъ. *Рукавицы* были представлены изъ села Богородскаго, Горбатовскаго уѣзда, и изъ Большого Мурашкина, Княгининскаго уѣзда. Въ селѣ Богородскомъ рукавицы приготовляются въ огромномъ количествѣ: ихъ дѣлается до милiона паръ, на сумму до 300,000 руб.; здѣшнiя рукавицы, чрезъ Нижегородскую и другiя ярмарки, развозятся по всему государству. Изъ представленныхъ на выставку лучшими оказались крестьянина Петра Кубышкина, который награжденъ за то похвальнымъ листомъ. *Овчины*, дубленыя и не дубленыя, и сшитые изъ нихъ полушубки и шубы представлены были отъ пятнадцати производителей. *Мерлушки*, приготовленные въ огромномъ количествѣ въ селѣ Большомъ Мурашкинѣ, Княгининскаго уѣзда. Къ *валянымъ шерстянымъ произведенiямъ* относились обувь, шляпы, кошмы, войлоки и ковры. Валеная обувь приготовляется въ огромномъ количествѣ въ южной части Семеновскаго уѣзда. Здѣсь почва неблагодарна; крестьянину своего хлѣба едва станетъ до масляницы; лѣса нѣтъ. И вотъ, въ этой безлѣсной сторонѣ, верстъ на сорокъ-пять въ длину, параллельно теченiю Волги, и верстъ на двадцать въ ширину, въ сотнѣ небольшихъ селенiй, все мужское народонаселенiе занимается приготовленiемъ валеныхъ поярковыхъ шляпъ и обуви. На выставку представлены были прекрасные образцы этого рода промышленности. Одно можно сказать объ этихъ произведенiяхъ: не только дурныхъ, но даже и средственныхъ между произведенiями Семеновскаго уѣзда не было.

Digitized by Google

Нижегородская губернія замѣчательна по своей промышленности металлическими издѣліями. Отъ грубой крицы и полосоваго желѣза до превосходныхъ слесарныхъ произведеній павловскихъ, отъ простого скобеля и гвоздя до вѣсовъ, отличающихся удивительною вѣрностію и чувствительностію, отъ простого мѣднаго кольца до замѣчательныхъ пожарныхъ трубъ Лысковцова, — все это производится въ этой губерніи. До пятидесяти тысячь душъ мужескаго населенія заняты въ ней разнаго рода металлическими работами. На выставку представлены были образцы почти всѣхъ мѣстныхъ производствъ этого рода. Лѣсу, въ первоначальной его степени обдѣлки, на выставкѣ не было, кромѣ *дубовыхъ остановъ* для бочекъ. Деревянной посуды, т. е. чашекъ, блюдъ, кадокъ, ведеръ и т. п. осьмнадцатью крестьянами Семеновскаго уѣзда представлено было сорокъ-два экземпляра. Эта первая нижегородская выставка была замѣчательна какъ количествомъ произведеній, такъ и тщательнымъ приготовленіемъ ихъ. Несмотря на многія неблагопріятствовавшія обстоятельства, выставка была столь полна, что по представленнымъ на нее предметамъ можно было составить отчетливое понятіе о степени развитія промышленности Нижегородской губерніи.

Всего наградъ было сто: одна золотая медаль, двѣ большихъ серебряныхъ и четыре малыхъ; десяти производителямъ объявлены почетные отзывы; девятнадцать награждены похвальными листами и шестидесяти-четыремъ лицамъ назначены денежныя преміи.

— Съ 16 по 22 сентября прошедшаго года происходила также выставка Костромской губерніи, въ г. Кинешмѣ, сельскихъ произведеній Костромской, Вологодской, Ярославской, Владимірской и Тверской губерній. На выставку привезено было отъ 16 помѣщиковъ 158 вещей, отъ 19 помѣщичьихъ крестьянъ 78 вещей, отъ 211 государственныхъ крестьянъ 475 вещей, отъ 103 удѣльныхъ крестьянъ 315 вещей, отъ 6 мѣщанъ 16 вещей, отъ 1 купца 3 вещи, отъ причетницы одна вещь и отъ управляющаго имѣніемъ г. Бухмееръ 2 вещи, — всего отъ 358 лицъ 1,048 предметовъ; въ томъ числѣ изъ другихъ губерній привезено было самое ничтожное количество вещей. Присужденныя награды были слѣдующія: одна золотая медаль генералъ-майору М. А. фонъ-Менгдену, за превосходное столовое бѣлье изъ русской пряжи, — двѣ большихъ серебряныхъ медали — капитану второго ранга Дмитріеву, за хлѣбныя сѣмена отличнаго качества, и помѣщику Буйскаго уѣзда, тайн. сов. Жадовскому, за представленные въ разныхъ видахъ образцы издѣлій его хозяйства. Четыре малыя серебряныя медали. Шесть почетныхъ отзывовъ; четырнадцать похвальныхъ листовъ; и осьмидесяти-девяти лицамъ выданы денежныя преміи.

Digitized by Google

— Въ «Полтавскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» находимъ извѣстіе о количествѣ овецъ, бывшемъ въ 1849 году въ Полтавской губерніи, составляющихъ одну изъ важнѣйшихъ отраслей сельскаго хозяйства тамошняго края. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, доставленнымъ отъ гг. уѣздныхъ предводителей дворянства, число овецъ было слѣдующее:

Въ Полтавскомъ уѣздѣ	43,599—	56,215
— Константиноградскомъ. . .	91,883—	153,248
— Кобеляцкомъ	105,139—	28,011
— Кременчугскомъ	55,041—	59,592
— Золотоношскомъ	42,139—	62,524
— Переяславскомъ	56,124—	38,082
— Прилуцкомъ	22,491—	47,409
— Пирятинскомъ	26,025—	67,117
— Лубенскомъ.	99,563—	10,570
— Хорольскомъ	276,036—	50,200
— Миргородскомъ.	87,853—	15,275
— Лохвицкомъ.	20,394—	20,485
— Роменскомъ.	67,597—	10,420
— Гадячскомъ	25,033—	28,013
— Зеньковскомъ.	31,177—	7,041
Итого	1,050,094—	654,203

— Въ газетѣ «*Кавказъ*» сообщаютъ извѣстіе о бывшемъ, по распоряженію Кавказскаго Общества Сельскаго хозяйства въ Тифлисѣ, 15 минувшаго апрѣля, состязаніи плуговъ. Это испытаніе разныхъ плуговъ происходило на тифлисской опытной фермѣ. Мѣсто для этого опыта избрано было возможно-ровное, которое уже шесть лѣтъ находилось въ залежи, съ почвою глинистою, сильно заросшею корнями сорныхъ травъ.

Испытаніе производилось надъ нижеслѣдующими плугами:

1) Двумя грузинскими, изъ которыхъ одинъ запряженъ былъ пятью парами буйволовъ и тремя парами быковъ, а другой — двумя парами буйволовъ и шестью парами быковъ.

2) Улучшеннымъ колонистскимъ плугомъ въ четыре пары быковъ.

3) Плугомъ Домбаля въ четыре пары быковъ.

4) Дву-конным англійскимъ плугомъ въ двѣ пары быковъ, и

5) Плугомъ, представленнымъ на тифлисскую выставку механикомъ Штюли, въ три пары быковъ.

Для каждаго изъ этихъ плуговъ отмѣрено было пространство земли длиною 90 и шириною 4 сажени, всего 360 квадратныхъ сажень, и всѣ плуги пущены были въ одно время, именно — въ часъ

Digitized by Google

по полудни. Но такъ какъ во время производства работы, нѣкоторые плуги чаще другихъ останавливаемы были, по желанію посѣтителей, для осмотра ихъ, то нельзя было опредѣлить въ точности времени, въ которое каждый изъ этихъ плуговъ въ состояніи былъ вспахать назначенный урокъ; также невозможно было составить и опредѣлительнаго заключенія о потребной силѣ для каждаго плуга отдѣльно, по неимѣнію динамометра. Судить же объ этомъ, даже приблизительно, по числу запряженныхъ воловъ, дало бы ложный выводъ, частію потому, что кромѣ воловъ впрягаемы были въ нѣкоторые плуги и буйволы, главнѣйше же потому, что самые волы были разныхъ достоинствъ.

По этимъ причинамъ, этотъ первый опытъ не могъ дать окончательнаго заключенія. При всемъ томъ онъ возбудилъ общее вниманіе присутствующихъ и привелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Что для Закавказскаго края, по разнообразію почвы, климата и другихъ мѣстныхъ обстоятельствъ, нельзя имѣть повсемѣстно одинъ и тотъ же плугъ.

2) Что для мѣстъ низменныхъ и сухихъ, съ почвою тяжелою и склонною къ заростанію травою, плугъ грузинскій незамѣнимъ, потому что имъ можно поднять землю на глубину до полу-аршина и болѣе, что, по увѣренію туземныхъ хлѣбопашцевъ, необходимо для того, чтобы земля, поднятая весною, не заростала травою до осени или до времени посѣва озимыхъ хлѣбовъ. Чтобы убѣдиться опытомъ въ справедливости этого дѣла, предположено вспаханную нынѣ на фермѣ землю оставить безъ обработки до осени и тогда ее освидѣтельствовать и засѣять пшеницею, которую снять и обмолотить съ каждой полосы отдѣльно.

3) Для мѣстъ выше лежащихъ и по климату умѣренныхъ, куда можетъ быть причислена вся хлѣбная полоса Закавказскаго края, улучшенный плугъ колонистскій и плугъ Домбаля пригоднѣе; только послѣдній, при всѣхъ достоинствахъ своихъ, непримѣнимъ тѣмъ, что слишкомъ сложенъ, дорогъ и требуетъ для устройства и исправленія опытныхъ мастеровыхъ, въ которыхъ здѣсь большой недостатокъ.

4) Для мѣстъ влажныхъ, съ почвою песчаною и рыхлою, какъ, напримѣръ, вся Имеретія, лучше всего соотвѣтствуетъ двуконный англійскій плугъ, который при односложности своей очень легокъ.

Послѣ этого Кавказское Общество Сельскаго Хозяйства положило произвести въ первой половинѣ апрѣля будущаго 1851 года, около Тифлиса, второе испытаніе плуговъ, и опредѣлило выдать изъ

Digitized by Google

суммъ своихъ двѣ преміи: одну въ 150 и другую во 100 рублей сер., тому, кто улучшитъ къ тому времени мѣстный грузинскій и колонистскій плуги, такъ чтобы ими можно было пахать столько же глубоко, какъ и теперь, но съ меньшимъ употребленіемъ на то силы и рабочаго скота, и представить такой плугъ въ Общество.

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Нынѣшнее лѣто ознаменовалось смертію пяти замѣчательныхъ людей: Людовика-Филиппа, герцога Кембриджскаго, дяди нынѣшней королевы англійской, Тэлора, президента Соединенныхъ Штатовъ, сэра Роберта Пиля и Бальзака. Мы сообщаемъ нашимъ читателямъ нѣкоторыя подробности о жизни двухъ послѣднихъ лицъ.

Сэръ Робертъ Пиль родился 5 февраля 1788 г., въ небольшой деревнѣ въ окрестностяхъ Чамберсъ-галля, близъ Бюри. Онъ былъ старшій сынъ сэра Роберта Пиля, который составилъ себѣ огромное состояніе бумагопрядильною фабрикою и былъ извѣстенъ своею честностью, доставившею ему важное вліяніе въ Нижней Палатѣ, въ которой онъ былъ представителемъ города Тэмъуорта въ продолженіи двадцати-осьми лѣтъ.

Сэръ Робертъ (сынъ) воспитывался въ коллегіумѣ въ Гарроу вмѣстѣ съ лордомъ Байрономъ, который слѣдующимъ образомъ писалъ о немъ въ письмѣ, сохраненномъ Томасомъ Муромъ: «Пиль былъ мнѣ товарищемъ по классу; мы всегда были въ хорошихъ отношеніяхъ; а братъ его былъ моимъ близкимъ пріятелемъ. Онъ всегда подавалъ своимъ наставникамъ и товарищамъ большія надежды, сбывшіяся впослѣдствіи. Какъ ученикъ, онъ былъ гораздо выше меня, но въ декламаціи и пантомимѣ я слылъ по крайней мѣрѣ за равнаго ему; онъ всегда зналъ свои уроки, а я рѣдко.»

Въ 1809 г., онъ былъ избранъ кешельскимъ представителемъ въ парламентѣ. Ему было тогда только двадцать-два года; но первая произнесенная имъ рѣчь имѣла чрезвычайно блистательный успѣхъ и доставила ему значеніе. Въ сентябрѣ 1812 г. онъ былъ назначенъ первымъ секретаремъ въ Ирландіи, гдѣ онъ навлекъ на себя ненависть католиковъ за строгость, съ которою исполнялъ возложенное на него правительствомъ порученіе.

Черезъ нѣсколько лѣтъ былъ представленъ билль, который носитъ его имя. Эта важная мѣра, предназначенная для увеличенія банковаго кредита и обращенія звонкой монеты, долженствовала

Digitized by Google

быть приведенною въ исполненіе только въ маѣ 1823 г.; но банкъ, получивъ значительныя приращенія доходовъ, предупредилъ эту эпоху и приступилъ къ платежу золотомъ въ маѣ 1821 года.

Въ 1824 году, послѣ отставки лорда Сидмоута, онъ вступилъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, гдѣ и оставался до 1827 г.

1826 годъ замѣчателенъ въ жизни этого великаго государственнаго человѣка тѣмъ, что тогда начались его преобразованія въ уголовномъ кодексѣ.

Такъ какъ въ 1817 г. увольненіе лорда Ливерпуля поставило Каннинга главою правленія, то Робертъ Пиль и герцогъ Уэллингтонъ подали въ отставку; но они вступили снова въ правленіе въ январѣ 1828 г., послѣ непродолжительнаго пребыванія въ министерствѣ Каннинга и лорда Годрича. Уэллингтонъ былъ сдѣланъ первымъ министромъ, а сэръ Робертъ Пиль — министромъ внутреннихъ дѣлъ. Въ мартѣ 1829 г. Пиль предложилъ въ Нижней Палатѣ освобожденіе католиковъ. Извѣстно, что въ послѣдніе годы жизни его, когда ему напоминали объ этой мѣрѣ, онъ отклонилъ отъ себя честь ея перваго замысла. «Эта честь — сказалъ онъ — принадлежитъ не мнѣ, а другимъ. Она принадлежитъ Фоксу, Граттану, Плонкету, членамъ этой палаты, которые находятся въ оппозиціи, (вигамъ) и моему знаменитому другу, котораго уже нѣтъ на свѣтѣ (Каннингу). Ихъ усиліями, несмотря на мое собственное противодѣйствіе, когда объ этомъ въ первый разъ шла рѣчь, эта мѣра восторжествовала.»

Борьба, которую онъ долженъ былъ выдерживать съ торіями, становившимися болѣе и болѣе упорными, заставила его подать отставку отъ званія представителя университета; но онъ тотчасъ же былъ избранъ городомъ Уэстбюри и оставилъ за собою департаментъ внутреннихъ дѣлъ.

Когда въ 1830 году совершенно неожиданно, вслѣдствіе французскаго переворота, парламентскіе вопросы и политическія преобразованія получили особенную важность, министерство лорда Уэллингтона, не признавши необходимости совершеннаго измѣненія Нижней Палаты, подало въ отставку.

Тогда-то началась великая дѣятельность Роберта Пиля, какъ главы охранительной оппозиціи; но во время путешествія, предпринятаго имъ въ Италію, министерство лорда Мельборна было внезапно ниспровергнуто. Призванный Уэллингтономъ, Робертъ Пиль, съ неимовѣрною быстротою, составилъ новое министерство изъ людей, которые по своему вліянію и способностямъ не могли бояться никакой оппозиціи.

Digitized by Google

Но, вступивъ въ управленіе, сэръ Робертъ Пиль объявилъ, что такъ какъ общественное мнѣніе громко и неопровержимо выразилось въ пользу реформы, то колебаться было поздно, и онъ положился на судъ націи. Манифестъ, написанный имъ къ тамъуортскимъ избирателямъ, произвелъ глубокое впечатлѣніе; не высказывая ясно своихъ предположеній, онъ своими совѣтами торіямъ доказалъ, что онъ рѣшился не позволить ни одной партіи опередить его на пути удобоисполнимыхъ преобразованій. Выборы увеличили числительную силу торіевъ; но оппозиція еще была страшна, и въ этой-то борьбѣ, которую Пиль долженъ былъ выдерживать противъ радикаловъ, виговъ и ирландскихъ либераловъ, пріобрѣлъ онъ свое парламентское значеніе, сохраненное имъ до самой смерти.

Наконецъ, разбитый при обсужденіи вопроса о доходахъ Ирландіи, онъ въ апрѣлѣ 1835 года снова вышелъ въ отставку.

Въ 1841 году онъ впервые развилъ начала, на которыхъ долженствовало основаться его управленіе. Тогда всѣ еще очень далеки были отъ вѣры въ успѣхъ свободной торговли. Однако, ясность экономической системы, изложенной 27 августа этого года Робертомъ Пилемъ, устрашила торіевъ, которые помѣстили въ кабинетъ герцога бокингемскаго, для наблюденія за Пилемъ, а въ случаѣ надобности, для противодѣйствія ему. Но когда, черезъ нѣсколько дней послѣ образованія министерства, герцогъ объявилъ себя въ Палатѣ Лордовъ представителемъ земледѣльческой партіи, которая, по словамъ его, составила министерство и могла разрушить его, Робертъ Пиль показалъ, чего могли ожидать отъ него и друзья и враги его. Въ отвѣтъ на слова герцога бокингемскаго, онъ объявилъ, что ни за кѣмъ не признаетъ права мѣшать ему на пути, по которому онъ считалъ необходимымъ итти. Отъ этой борьбы герцогъ бокингемскій оставилъ министерство. Получивъ полную свободу дѣйствія, Робертъ Пиль, 11 мая 1842 года, представилъ знаменитый билль, которымъ онъ приступилъ къ совершенному измѣненію тарифа. Въ рѣчи, произнесенной имъ по этому случаю, онъ объявилъ, что рѣшился уничтожить всѣ запретительныя пошлины и уничтожить пошлины покровительственныя. Тогда же изъ 1,200 предметовъ, платившихъ важную пошлину, 750 были уменьшены. Этой системѣ слѣдовалъ онъ съ постоянною твердостью до 1845 года. Въ это время богатая жатва и дешевизна хлѣба заставили его рѣшиться на представленіе билля объ уничтоженіи хлѣбныхъ законовъ *(corn-law)*; но сильное сопротивленіе, встрѣченное имъ въ палатѣ, заставило его опять отказаться отъ министерства. Несмотря на всѣ усилія лордовъ Джона Росселя и Станлея, новое министерство не могло составиться и Робертъ Пиль былъ снова призванъ. Совер-

Digitized by Google

ный имъ кабинетъ имѣлъ одну цѣль: уничтоженіе хлѣбныхъ законовъ, и въ январѣ 1846 года онъ былъ принятъ.

Такимъ образомъ, пятилѣтними постоянными преобразованіями экономической части государственнаго управленія, сэръ Робертъ Пиль упрочилъ свою славу и народное благосостояніе. Будучи министромъ и простымъ депутатомъ, онъ всегда говорилъ и поступалъ, какъ человѣкъ, который совѣсть и убѣжденіе въ принесенной имъ пользѣ ставитъ выше рукоплесканій толпы, гордости и слабости оскорбленнаго или удовлетвореннаго самолюбія. Опираясь на чистомъ внушеніи своего благороднаго сердца и на убѣжденіи своего возвышеннаго ума, онъ видѣлъ передъ собою только пользу и благо отечества, не позволяя себѣ увлекаться ни поощреніями друзей, ни сопротивленіемъ враговъ своихъ.

Онъ умеръ отъ ушиба при паденіи съ лошади.

Говорятъ, что въ своемъ завѣщаніи онъ сдѣлалъ распоряженіе о скоромъ изданіи своихъ записокъ, съ тѣмъ, чтобы всѣ выгоды отъ продажи ихъ были назначены на учрежденіе воспитательнаго заведенія для рабочаго класса. Поученіе объ этомъ изданіи поручено лорду Мэгону и Кардъуэллю. Говорятъ, что трудъ этотъ будетъ не великъ, потому что всѣ бумаги оставлены Робертомъ Пилемъ въ удивительномъ порядкѣ.

— Бальзакъ родился въ Турѣ 20 мая 1799 года. Значитъ ему было только 51 годъ отъ роду. Онъ былъ еще въ полной силѣ возраста и таланта: его послѣднее произведеніе — «*Бѣдные родственники*» *(Les parens pauvres)*, принадлежитъ къ числу лучшихъ. Онъ учился въ Вандомскомъ коллегіумѣ. Съ 1821 до 1829 года онъ издалъ, подъ псевдонимами, двадцать или тридцать томовъ сочиненій, теперь мало извѣстныхъ. Послѣ этихъ тяжелыхъ и смѣлыхъ опытовъ, онъ издалъ одно за другимъ три сочиненія совершенно въ разныхъ родахъ: *Шуаны (Les Chouans)*, *Физіологія брака (Physiologie du mariage)* и *Шагреневая кожа (La peau de chagrin)*. Съ тѣхъ поръ талантъ его совершенно развился, и онъ пріобрѣлъ извѣстность, а сочиненія его слѣдовали одно за другимъ съ необыкновенною плодовитостію. Кромѣ *Человѣческой комедіи (La Comédie humaine)*, составляющей семнадцать компактныхъ томовъ, которые вмѣстѣ съ его неизданными романами могутъ составить по крайней мѣрѣ двадцать томовъ, Бальзакъ оставилъ еще три тома *Смѣшныхъ сказокъ (contes drôlatiques)* и четыре драматическія пьесы: *Vautrin*, *Les Ressources de Quinola*, *La Marâtre* и *Pamèla Giraud*.

Взятые вмѣстѣ, его прекрасныя предисловія и три тома «Парижскаго Обозрѣнія» *(La Revue Parisienne)*, которое онъ писалъ самъ, составляютъ собраніе самой тонкой и самостоятельной критики.

Digitized by Google

Наконецъ, плодовитый авторъ оставилъ портфёли, наполненные планами и начатыми романами; если умная и почтительная рука соберетъ это печальное наслѣдство таланта, то окажется, что потеря литературы еще болѣе велика, чѣмъ думаютъ.

За мѣсяцъ до смерти, Бальзакъ самъ говорилъ, что онъ кончилъ только половину своего дѣла. Въ теченіи двухъ послѣднихъ лѣтъ, посвященныхъ, по видимому, отдыху, въ Германіи и Россіи, онъ изучилъ всѣ битвы временъ революціи и имперіи. «Сцены военной жизни» уже были совершенно готовы въ головѣ его; такимъ образомъ, онъ долженъ былъ дополнить неконченную имъ эпопею XIX столѣтія.

Извѣстный скульпторъ и живописецъ Этексъ назначилъ къ 20 августа 1851 года, ко дню смерти Бальзака, конкурсъ всѣмъ уважающимъ талантъ покойнаго живописцамъ, архитекторамъ и скульпторамъ, для представленія проэктовъ памятника, достойнаго славы этого писателя.

Полтора года тому назадъ Бальзакъ, уже больной, выѣхалъ изъ Парижа; три мѣсяца спустя — онъ возвратился съ смертельною болѣзнію, но съ намѣреніемъ лечиться и еще быть счастливымъ. Въ этомъ промежуткѣ онъ успѣлъ осуществить мечту своей жизни: онъ женился въ Россіи на той, которой посвятилъ своего *Séraphitus*. Онъ думалъ, что надежды его сбудутся въ Парижѣ, въ Элисейскихъ поляхъ, въ домѣ, украшенномъ чудными произведеніями искусства, найденными, собранными и созданными имъ самимъ, и тамъ-то застигла его смерть. Путешествіе было тяжело для Бальзака. Четыре врача, въ числѣ которыхъ былъ докторъ Луи, были призваны на консультацію и нашли болѣзнь его смертельною; они могли только поддержать его жизнь на нѣсколько сутокъ, препятствуя распространенію водяной болѣзни; но наконецъ на лѣвой ногѣ образовался нарывъ. Уже началось разложеніе крови. Извѣстный хирургъ Ру сдѣлалъ удачную операцію, которая подала еще надежду. Напрасно: показалось начало антонова огня; повтореніе операціи доказало только безсиліе науки передъ смертію. Ночью больного не стало.

Похороны Бальзака происходили 21 августа безъ особеннаго блеска, тѣмъ болѣе, что покойникъ не былъ лицомъ оффиціальнымъ и даже не принадлежалъ къ Академіи. Скажемъ мимоходомъ, что три раза онъ являлся соискателемъ при избраніи. Въ первые два раза — онъ получилъ одинъ голосъ Виктора Гюго; въ послѣдній — четыре: Ламартина, Гюго, Виньи и Аппи.

Въ одиннадцать часовъ толпа тѣснилась около церкви св. Филиппа, близъ дома Бальзака. Балдахинъ былъ поддерживаемъ Викторомъ Гюго, Александромъ Дюма, Франциномъ Вейемъ и до церкви

Digitized by Google

министромъ внутреннихъ дѣлъ Барошемъ, котораго мѣсто послѣ занялъ Луи Денуайе, какъ президентъ общества литераторовъ.

Въ числѣ присутствовавшихъ на погребеніи, кромѣ названныхъ лицъ, были: Мери, Арсенъ Гуссэ, Жераръ де Нерваль, Поль Лакруа, Огюстъ Вакри, Поль Мёрисъ, Амедэ Ашаръ, Макэ, Лоранъ Жанъ, Поль Феваль, Пьеръ Дюпонъ, Дюма-сынъ, Ганри Монье, Тюдоръ де Банвиль, Шарль Гюго, Викторъ Гюго-сынъ, Поль Бокажъ, Арманъ Барте, Плувье, Адольфъ Гиръ, Эдуардъ Тьерри, Огюстъ Лирё, Шарль де Матарель, Ипполитъ Люка, Премаре; живописцы: Кутюръ, Шасерьо, Гюденъ, Бонвенъ, Курбе; скульпторы: Давидъ, Огюстъ Прео, Дантанъ-старшій, Этексъ, Вимпъ; музыканты: Гекторъ Берліозъ, Фэлисіенъ Давидъ и Амбруазъ Тома; народные представители: Воловскій, Энкенъ, Ноэль Парфэ, Гавэ и Луи Ребо; политическіе писатели: Лагероньеръ, Гранье де Кассаньякъ, Журданъ, Меррюо, Соларъ; капиталисты: Фроманъ-Мёрисъ, Витторъ, Ротшильдъ, Шарль Бланъ, Кавэ; директоры театровъ: Альтарошъ и Гоштейнъ; театральные артисты: Фредерикъ Лемэтръ, Бокажъ и мадмуазель Броганъ.

На кладбищѣ отца Лашеза Викторъ Гюго произнесъ рѣчь, изъ которой мы предлагаемъ слѣдующіе отрывки:

«Человѣкъ, опущенный нами въ эту могилу, принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыхъ сопровождаетъ горесть всего общества. Въ наше время всѣ мечты исчезли, и теперь всѣ взоры обращены на людей мыслящихъ, такъ что цѣлая страна содрогается, когда нестаетъ одного изъ этихъ людей; потому въ наше время смерть даровитаго и геніальнаго человѣка составляетъ горе народное. Имя Бальзака сольется съ свѣтлымъ слѣдомъ, который оставитъ за собою современная эпоха. Онъ принадлежалъ къ славному поколѣнію писателей XIX вѣка, которое явилось вслѣдъ за Наполеономъ, точно такъ, какъ знаменитая плеяда XVII столѣтія явилась вслѣдъ за Ришльё, какъ будто по закону развитія образованности за славою оружія должно слѣдовать владычество разума.

«Здѣсь не мѣсто объяснять все значеніе великаго ума. Всѣ произведенія его составляютъ одну книгу, живую, блестящую, глубокомысленную, въ которой изображена современная образованность, — чудную книгу, которую авторъ назвалъ комедіей, но которую онъ могъ бы назвать исторіей, которая принимаетъ всѣ формы и всѣ стили, въ которой наблюденіе соединяется съ вымысломъ, гдѣ разсыпаны истина, задушевность, смѣхъ, гдѣ по временамъ сквозь завѣсу дѣйствительности проглядываетъ самая мрачная и трагическая идеальность.

Digitized by Google

«Бальзакъ умѣлъ итти прямо къ цѣли. Онъ становился лицомъ къ лицу передъ обществомъ. У однихъ онъ вырывалъ мечту, у другихъ надежду, у тѣхъ вопль, у этихъ личину. Онъ изслѣдовалъ порокъ, разсѣкалъ страсть. Онъ проникалъ въ глубину человѣка, его души, сердца, внутренности, мозга, той пропасти, которую всякій заключаетъ въ себѣ, и, при помощи своей сильной природы, выходилъ спокойно и весело изъ этого страшнаго изученія, которое производило задумчивость въ Мольерѣ и мизантропію въ Руссо.

«Таковъ былъ этотъ человѣкъ, котораго смерть поразила Парижъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ онъ возвратился въ Парижъ. Чувствуя приближеніе смерти, онъ хотѣлъ опять увидѣть свое отечество, точно такъ, какъ наканунѣ длиннаго путешествія мы приходимъ проститься съ матерью.

«Жизнь его была коротка, но полна, болѣе богата трудами, чѣмъ годами. Какъ бы ни была велика наша печаль, мы должны покориться этому несчастію. Провидѣніе знаетъ, что творитъ. Это зрѣлище должно послужить намъ урокомъ. Подобныя могилы доказываютъ безсмертіе. При видѣ великихъ покойниковъ, мы можемъ яснѣе понимать божественную судьбу души, которая является на землѣ для страданія и очищенія, и сказать себѣ: можетъ ли быть, чтобы тѣ, которые были геніями при жизни, не были безсмертны послѣ смерти!»

За Викторомъ Гюго, Луи Денуайе, остроумный фельетонистъ газеты *Siècle*, произнесъ также рѣчь, изъ которой мы заимствуемъ нѣсколько болѣе любопытныхъ мѣстъ:

«Общество литераторовъ имѣетъ двоякое право участвовать въ печальномъ торжествѣ, для котораго мы собрались здѣсь всѣ, друзья, родственники, поклонники и собратья. Его привело бы къ этому гробу удивленіе, если бы благодарность не напомнила ему, что имя Бальзака находилось въ числѣ его основателей. Я жалѣю только, что выборъ его палъ не на болѣе достойнаго истолкователя его глубокой горести. Молчаливое сожалѣніе было бы болѣе прилично, нежели моя неизвѣстность; но честь, которую оно хотѣло сдѣлать своему предсѣдателю, такъ велика, что самая искренняя скромность не могла бы отказаться отъ нея, потому что эта честь — есть долгъ.

«Уже не въ первый разъ, въ немногіе годы, литература оплакиваетъ смерть своихъ знаменитѣйшихъ представителей. Но множество этихъ погребальныхъ торжествъ не служитъ ли поводомъ къ вѣстѣ и печали и благородной гордости? Вспомнимъ, что еще недавно мы потеряли Фредерика Сулье, Шарля Бернара, Шатобріана.

«Но Бальзакъ былъ только романистомъ, скажутъ нѣкоторые. Да, авторъ «Исторіи Тринадцати», «Евгеніи Гранде», «Отца Горіо» и

Digitized by Google

«Вѣдомымъ родственникомъ», Бальзакъ былъ простымъ романистомъ, какъ Аріостъ, Сервантесъ, Ричардсонъ, Аббатъ Прево, Лесажъ, Вальтеръ-Скоттъ, какъ великіе сказочники всѣхъ странъ и временъ, которыхъ геній открылъ человѣчеству его пороки и добродѣтели, его радости и печали, которые утѣшали его за дѣйствительность вымысломъ, которыхъ труды составляютъ одну изъ лучшихъ частей его славы, переходящей изъ вѣка въ вѣкъ.

«Романъ — не во гнѣвъ будь сказано его порицателямъ — есть одна изъ замѣчательнѣйшихъ формъ искусства. Онъ идетъ на ряду съ поэзіею. И это справедливо, потому что романъ въ сущности не та ли же исторія? Не есть ли онъ исторія частныхъ чувствъ, заблужденій, недостатковъ, счастія и горестей, точно также, какъ исторія есть романъ страстей, фанатизма, честолюбія, преступленій, благодѣяній и бѣдствій общественныхъ?

«Самостоятельность, глубокая наблюдательность, безпримѣрная мѣткость сужденія, чувствительность, сильный и истинный комизмъ, чудный слогъ, необыкновенная плодовитость — таковы, въ общихъ чертахъ, качества, отличающія произведенія Бальзака.

«Но покойникъ владѣлъ еще однимъ достоинствомъ, о которомъ нельзя умолчать. Онъ до конца остался вѣрнымъ труду, который прославилъ жизнь его. Литература не была станціей для его честолюбія: она была поприщемъ его; она не была средствомъ, а благородною цѣлью.

«Да будетъ мнѣ позволено выразить здѣсь грустное изумленіе, которое давно поражало всѣхъ насъ, — изумленіе, которое становится еще тяжелѣе въ этотъ послѣдній часъ: Бальзакъ умеръ, завѣщавъ пятьдесятъ образцовыхъ произведеній потомству, и умеръ, какъ умерли уже Шарль Бернаръ и Фредерикъ Сульс, какъ умерли прежде Жанъ-Жакъ, Бомарше и Мольеръ.

«Итакъ, здѣсь покоится тотъ, кто былъ великимъ писателемъ, великимъ мыслителемъ, великимъ романистомъ. Слова мои никого не обвиняютъ; въ нихъ заключается только сожалѣніе къ прошедшему и надежда на будущее. Мы будемъ надѣяться, что теперь уже въ послѣдній разъ на гробѣ геніальнаго человѣка пристрастіе или по крайней мѣрѣ равнодушіе можетъ отнести къ себѣ знаменитый стихъ:

«Ничего не доставало его славѣ: не доставало его для нашей!»

— Франсуа-Араго, въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій Академіи Наукъ въ Парижѣ, читалъ записку о воздушномъ путешествіи гг. Бикэіо и Барраля, изъ которой мы заимствуемъ слѣдующія свѣдѣнія:

Барраль и Бикэіо предприняли подняться на аэростатѣ на значительную вышину, для изученія, при помощи усовершенствованныхъ

Digitized by Google

въ настоящее время снарядовъ, многихъ нынѣ неизвѣстныхъ атмосферическихъ явленій. Они хотѣли опредѣлить: соразмѣрность уменьшенія теплоты съ высотою, законъ уменьшенія влажности; одинаковъ ли вездѣ химическій составъ атмосферы? узнать количество угольной кислоты на разныхъ возвышеніяхъ, сравнить теплотворное дѣйствіе солнечныхъ лучей въ самыхъ высокихъ слояхъ атмосферы съ ихъ дѣйствіемъ на поверхности земли, опредѣлить, изъ всѣхъ ли точекъ пространства достигаетъ на данную точку одинаковое количество теплотворныхъ лучей, поляризуется ли свѣтъ, отражаемый облаками? и проч.

Нужные для этого любопытнаго восхожденія инструменты были съ неимовѣрною точностью изготовлены г. Ренью, а г. Валфердингъ доставилъ лучшіе изъ своихъ термометровъ; сверхъ того путешественники были снабжены отличными барометрами, помощію которыхъ можно было узнать высоту, гдѣ производились наблюденія.

Биксіо и Барраль поручили изготовить шаръ со всѣми принадлежностями одному воздухоплавателю, извѣстному своими двадцатиосмью путешествіями; полетъ былъ предназначенъ изъ сада обсерваторіи. Восхожденіе происходило 29 іюня въ 10 часовъ и 27 минутъ утра; шаръ былъ наполненъ чистымъ водороднымъ газомъ, приготовленнымъ отъ дѣйствія гидрохлоровой кислоты на желѣзо. По всѣмъ расчетамъ, надо было предполагать, что оба естествоиспытателя поднимутся на высоту отъ 10 до 12 тысячъ метровъ; но при самомъ началѣ можно было замѣтить, что аэростатическій снарядъ не былъ вполнѣ удовлетворителенъ. Шаръ разорвался во многихъ мѣстахъ и былъ исправленъ съ большою поспѣшностью; дождь шелъ ливнемъ. Что было дѣлать? отложить полетъ было всего благоразумнѣе; но Биксіо и Барраль не хотѣли остановиться на этой мысли. Они сѣли въ лодочку и безстрашно устремились по воздуху, такъ что даже не позаботились опредѣлить полетную силу аэростата. Ихъ движеніе снизу вверхъ было чрезвычайно быстро: всѣ зрители сравнили его съ полетомъ стрѣлы; скоро они унеслись за облака, и за этою-то завѣсою, скрывавшею ихъ отъ глазъ людей, произошла поразительная драма, которую намъ остается разсказать.

Надувшійся шаръ съ необычайною силою давилъ сѣть, которая была слишкомъ мала; онъ расширился сверху внизъ, спустился на путешественниковъ, которыхъ лодка была повѣшена на слишкомъ коротких веревкахъ, и накрылъ ихъ какъ шапкой. Тогда оба естествоиспытателя были поставлены въ самое трудное положеніе; одинъ изъ нихъ, посреди усилій для освобожденія веревки клапана, сдѣлалъ отверстіе въ нижней части шара; водородный газъ, выры-

Digitized by Google

вшійся изъ него почти въ уровень съ ихъ головою, произвелъ въ нихъ сильную дурноту.

Справившись съ барометромъ, Барраль и Биксіо замѣтили, что они быстро спускались; они старались открыть причину этого неожиданнаго явленія и удостовѣрились наконецъ, что шаръ прорвался въ своемъ экваторѣ почти на два метра. Тогда они почувствовали, что имъ оставалось только искать спасенія жизни; они спускались еще съ бо́льшею быстротою, чѣмъ летѣли вверхъ при самомъ началѣ. Они выбросили весь остатокъ балласта и даже одежду, которою запаслись для защиты отъ холода, но оставили всѣ свои инструменты. Наконецъ они упали въ виноградникъ въ общинѣ Даннара близъ Ланьи. Сбѣжавшіеся рабо́тники подали имъ помощь.

Путешествіе при такихъ условіяхъ могло принести наукѣ только весьма малую дань: однако, можно положительно сказать, что наблюдатели точными опытами опредѣлили, что свѣтъ не поляризуется, что слой облаковъ, который они прошли, имѣлъ по крайней мѣрѣ три тысячи метровъ толщины, и что, несмотря на эту завѣсу между небомъ и землею, уменьшеніе температуры почти равнялось тому, которое было замѣчено во время извѣстнаго воздухоплаванія Гэ-Люссака, совершоннаго при ясномъ небѣ. Изъ барометрическихъ наблюденій, сравненныхъ съ тѣми, которыя были сдѣланы на парижской обсерваторіи, выведено, что въ томъ пространствѣ, гдѣ шаръ разорвался, путешественники достигли высоты 5,900 метровъ. Подобное же вычисленіе показало, что поверхность пройденнаго облака имѣла 4,200 метровъ.

Гг. Барраль и Биксіо, не теряя бодрости, предприняли также второе путешествіе, желая вознаградить неудачу перваго. На этотъ разъ утромъ небо было благопріятно; полетъ былъ назначенъ въ 10 часовъ, но въ одиннадцать шаръ едва былъ надутъ, а между тѣмъ небо начало покрываться тучами. Около трехъ часовъ пошелъ сильный дождь, такъ что около четырехъ часовъ, несмотря на нечастье, воздухоплаватели, полагая, что полезно было бы сдѣлать изслѣдованія при такомъ гигрометрическомъ состояніи и не желая оставить напрасными сдѣланныя уже ими издержки, рѣшились подняться.

Они взяли съ собой разные снаряды. Г. Реньо далъ имъ самыя точныя наставленія, и потому сдѣланные опыты, несмотря на всю кажущуюся маловѣроятность ихъ результатовъ, очень важны.

Шаръ принадлежалъ г. Делькуру. Вотъ извлеченіе изъ журнала воздухоплавателей, прочитаннаго въ Академіи Наукъ г. Реньо.

«Поднятіе въ 4 ч. 3 м. — Шаръ подымается медленно по направленію къ востоку.

Digitized by Google

«Сбрасываютъ часть балласта, и шаръ подымается выше, достигая:

Въ 4 ч. 6 м.	до	750	метровъ	вышины.	
— 4 — 8 —	—	999	—	—	—
— 4 — 9 —	—	1,244	—	—	—
— 4 — 11 —	—	1,484	—	—	—

«Въ это время подымается свѣжій вѣтеръ и тучи направляются къ Парижу.

«Въ 4 ч. 14 м. на барометрѣ 9°; высота 2,013 метровъ.

— 4 — 15 — 2,570 метровъ.

— 4 — 20 — температура 0,5; высота 3,752 метра.

— 4 — 25 — 9 градусовъ ниже 0; 5,122 метра высоты.

«Въ это время останавливаютъ возвышеніе шара, который немного прорвался. Тогда воздухоплаватели находились посреди множества маленькихъ льдинокъ, которыя производили небольшой трескъ на бумагѣ, гдѣ путешественники дѣлали свои замѣтки. Тогда произошло любопытное явленіе: воздухоплаватели, находясь среди слоя облаковъ, котораго толщину они полагаютъ въ пять тысячъ метровъ, увидѣли надъ собой солнце блѣдное и безъ лучей, а подъ собой почти на такомъ же разстояніи отраженный образъ его. Это явленіе продолжалось около десяти минутъ.

«Сбросивъ еще часть балласта, они снова начали подыматься; но температура быстро понизилась и въ нѣсколько минутъ достигла до 23° ниже точки замерзанія.

«Въ 4 ч. 32 м. облака разошлись и показался небольшой кусокъ голубого неба. При помощи полярископа г. Араго, можно было видѣть поляризованный свѣтъ, между тѣмъ какъ онъ не былъ поляризованъ на облакахъ.

«Путешественники еще поднялись на 7,004 метра; но тутъ надо было остановиться; они поспѣшили набрать воздуху въ стеклянные сосуды, нарочно для того взятые; но одинъ изъ нихъ разбился. Въ 4 ч. 50 м. термометръ показывалъ болѣе 37° ниже нуля. Тогда начали спускаться, но совершенно непроизвольно. Около 5 ч. 2. возвратились на 4,503 метра, при 9° ниже нуля. При 2,695 метрахъ температура стояла на нулѣ.

«Наконецъ къ 5 часамъ 30 минутъ прибыли въ Эпё, близъ Куломье, въ 69 кил. отъ Парижа. Надо было отправиться на страсбургскую желѣзную дорогу; но путь былъ чрезвычайно дуренъ: телѣга, гдѣ были сложены шаръ и снаряды, едва не опрокинулась, при чемъ многіе инструменты сломались. Наконецъ возвратились въ Парижъ. Взятые путешественниками голуби не были найдены: по замѣчанію г. Араго, они, вѣроятно, замерзли.»

Digitized by Google

Кстати о воздушныхъ путешествіяхъ: заимствуемъ изъ журнала «*La Presse*» статью Теофиля Готье о новой системѣ воздухоплаванія, которую излагалъ публично въ Парижѣ г. Петенъ.

«Отличіе г. Петена отъ составителей несбыточныхъ проэктовъ — говоритъ Готье — заключается въ томъ, что онъ не старается быть изобрѣтателемъ. По его справедливому мнѣнію, человѣкъ ничего не изобрѣтаетъ, даже и химеры; онъ наблюдаетъ, находитъ, примѣняетъ, но ничего не создаетъ; вокругъ него носятся силы природы, которыя онъ можетъ усвоивать себѣ и направлять. Математика, всѣмъ управляющая, имѣетъ законы, которыхъ никому не позволено преступить. Откройте ихъ, и вы получите громадные результаты; пренебрегите ими, и вы непремѣнно будете ошибаться. Все зависитъ отъ точки отправленія. Надобно итти отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, отъ простого къ сложному. Природа, чрезвычайно умѣренная въ своихъ средствахъ, повторяетъ ихъ съ упорствомъ, за которымъ надо умѣть слѣдовать, не отвлекаясь внѣшними различіями. Напримѣръ, что сдѣлалъ г. Петенъ, стараясь разрѣшить до сихъ поръ неразрѣшенную проблему воздушнаго движенія?... Онъ началъ съ начала. Не принимаясь за воздухоплаваніе, онъ наблюдалъ, какъ двигаются на землѣ тѣла неодушевленныя и одушевленныя.

Тѣла неодушевленныя двигаются по законамъ тяжести и приводятся въ движеніе нарушеніемъ равновѣсія по направленію наклонныхъ плоскостей. Этимъ способомъ природа двигаетъ воду. Бросьте въ жидкость металлическій листокъ, и онъ дойдетъ до дна по діагонали на довольно отдаленномъ пространствѣ отъ точки, гдѣ вы его пустили. Напротивъ, погрузите деревянную дощечку: она всплываетъ по наклонной линіи. Только въ первомъ случаѣ металлическій листокъ давитъ воду, а во второмъ вода давитъ дощечку. Потому одна опускается, а другая подымается. Мы сейчасъ увидимъ удивительный выводъ, сдѣланный г. Петеномъ изъ этого, по видимому, простого наблюденія.

Въ разрядѣ одушевленныхъ тѣлъ движеніе производится по тѣмъ же законамъ тяготѣнія и нарушенія равновѣсія, соотвѣтственно той средѣ, въ которой движется данное тѣло.

Напримѣръ, ноги пѣтуха очень малы относительно величины его тѣла, но онѣ достаточны для того, чтобы поддерживать его и дать ему возможность ходить, потому что земля, на которую онъ опирается, очень плотна и противится достаточно опирающимся на нее рычагамъ; но пусть пѣтухъ попробуетъ пройтись по водѣ своими тощими пальцами, и онъ утонетъ.

Напротивъ, это очень легко для утки. Расчетливая природа сократила у ней костяной очеркъ лапы; но помѣстила въ промежутокъ

Digitized by Google

пальцевъ перепонку, потому что по малой упругости воды необходимо имѣть болѣе пространства для опоры на ней. Пѣтухъ ходитъ, утка гребетъ тѣмъ же орудіемъ движенія, преобразованнымъ соотвѣтственно средѣ, представляющей болѣе или менѣе точекъ опоры.

Если нужно держаться и двигаться въ воздухѣ, природа, всегда послѣдовательная, увеличиваетъ органъ движенія согласно съ малою упругостію этой среды; летучая мышь плаваетъ въ ней посредствомъ огромной перепонки, которая, простираясь отъ ногтей ея переднихъ пальцевъ до лапъ, походитъ на парашютъ. Такимъ образомъ, нога получаетъ у ней только бо́льшее развитіе, не измѣняя своего коренного образованія.

Крыло коршуна, котораго полетъ достигаетъ большой высоты, имѣетъ въ объемѣ цѣлый метръ, тогда какъ самый вѣсъ этой птицы не превышаетъ шести килограмовъ. Такъ, будетъ ли то нога, крыло или рука, средство одно и тоже, тотъ же рычагъ, болѣе или менѣе развитый для опоры въ твердой, жидкой или летучей средѣ; крыло коршуна есть рука, сотворенная для движенія въ средѣ воздушной; это рука, совершенно похожая на руку человѣка, сочлененная точно также и имѣющая въ анатоміи одно и тоже названіе.

Такимъ образомъ, по аналогіи, человѣкъ, желая подняться на воздухъ, долженъ былъ бы придѣлать къ рукамъ своимъ полотняные паруса, которые уподоблялись бы крыльямъ; но для того, чтобы летать, необходимо, чтобы эти паруса соотвѣтствовали его вѣсу. Предполагая въ человѣкѣ вѣсъ въ 72 килограма, онъ долженъ бы имѣть крылья въ 12 метровъ длины и 4 метра ширины, при чемъ его мускулы должны были бы имѣть достаточно силы, чтобы приводить въ движеніе такую машину.

Потому мечта о летающемъ человѣкѣ должна оставаться въ мірѣ фантастическихъ сказокъ. Различные опыты до сихъ поръ привели только къ устройству различныхъ парашютовъ, именно по невозможности приводить ихъ въ движеніе. Впрочемъ, человѣку должно въ этомъ случаѣ итти не этимъ путемъ.

У него нѣтъ, какъ у рыбы, способности плавать, хотя онъ и можетъ въ продолженіи нѣкотораго времени плавать по поверхности воды; у него нѣтъ, какъ у птицы или бабочки, способности летать; но силою своего мозга, по внимательнымъ наблюденіямъ природы, онъ усвоиваетъ себѣ свойства всѣхъ организацій.

Корабль переноситъ его чрезъ море, какъ Левіаѳанъ; газъ, облеченный шолковымъ шаромъ, возноситъ его на недостижимое для пернатыхъ пространство; паръ помогаетъ ему обгонять лошадь и оленя; порохъ вооружаетъ его гораздо страшнѣе когтей, зубовъ и

Digitized by Google

клыковъ чудовищъ пустыни; онъ убиваетъ на далекомъ разстоянiи, а телескопъ лучше орлинаго глаза.

Одинъ изъ самыхъ сильныхъ и естественныхъ инстинктовъ человѣка заставляетъ его пробѣгать землю во всѣхъ направленiяхъ и, по краткости его жизни, побѣждать пространство быстротою средствъ движенiя. Какiе успѣхи были совершены, начиная отъ пѣшехода до вагона желѣзной дороги, минуя лошадь, телѣгу, почтовую карету и дилижансъ, — отъ гребного челнока до парохода, идущаго въ десять дней отъ Ливерпуля въ Нью-Йоркъ.

Слѣлавшись почти господиномъ земли и воды, человѣкъ долженъ былъ поднять взоры свои на необъятную воздушную дорогу, — дорогу безъ препятствiй и пропастей, пересѣкаемую во всѣхъ направленiяхъ тысячами живыхъ существъ. Самыя птицы какъ будто смѣются надъ его тяжестью.

Въ абсолютномъ смыслѣ, слова тяжесть и легкость не имѣютъ никакого значенiя. Пуля, идущая на дно воды, плаваетъ въ сосудѣ съ ртутью. Пробка, тяжелая въ отношенiи къ воздуху, легка относительно воды. Самый воздухъ тяжелъ въ отношенiи къ дыму, нагрѣтому воздуху, къ многимъ газамъ; какъ пузырь, надутый воздухомъ, всплываетъ на поверхность воды, такъ шаръ, наполненный газомъ, подымается въ атмосферѣ, подымая тяжесть пропорцiональную своему объему. Итакъ, человѣку оставалось только воспользоваться этимъ наблюденiемъ; но пузырь предшествовалъ шару нѣсколькими тысячелѣтiями.

Изобрѣтенiе Монгольфьера, несмотря на свою простоту, какъ все великое, возбудило общiй восторгъ. Весь міръ захотѣлъ пускать шары: смѣлые воздухоплаватели покушались на опыты, тогда опасные, но которыхъ опасность скоро минуетъ. Человѣкъ съ торжествомъ вступаетъ во владѣнiе атмосферою своей планеты; онъ увеличилъ свое царство. Но этотъ восторгъ скоро успокоился, потому что восхожденiе совершалось только перпендикулярно; исключая уклоненiй, производимыхъ потокомъ воздуха, управленiе было невозможнымъ. Это походило на положенiе корабля безъ паруса и руля, посреди моря; сбрасывая балластъ и выпуская газъ, можно было подыматься и опускаться; вотъ и все. И это громадное открытiе служило только для снятiя земной перспективы или для барометрическихъ наблюденiй.

Кромѣ сраженiя при Флерю, гдѣ инженеры, поднявшись на шарѣ, привязанномъ веревками, могли открыть планъ сраженiя непрiятельской армiи и подсмотрѣть тайну ея маневровъ, аэростатъ не былъ примѣненъ съ пользою и служилъ только какъ предметъ любопытства, на общественныхъ праздникахъ. Однако, привлекательность

Digitized by Google

воздушныхъ путешествій показываетъ, какъ много человѣчество ожидаетъ отъ этого открытія, и служитъ доказательствомъ, что оно не потеряло надежды на возможность управленія шаромъ, до сихъ поръ остающагося мечтою. Въ самомъ дѣлѣ, воздухъ самая удобная среда для движенія. Тамъ путь всюду: въ вышину, въ глубину и ширину. Онъ готовъ. Нѣтъ нужды въ дорогахъ, съ трудомъ прокладываемыхъ по долинамъ, горамъ, и которыя стоятъ непомѣрныхъ издержекъ. Нѣтъ надобности, какъ на морѣ, оставаться только на поверхности, держась на половину въ одной и на половину въ другой стихіи. По этому пути, который окружаетъ насъ со всѣхъ сторонъ, блуждали, но не ходили. Мы можемъ предсказать, что при системѣ Петена по немъ будутъ ходить.

Петенъ предлагаетъ управлять не однимъ, а четырьмя или шестью соединенными вмѣстѣ шарами. Это кажется парадоксомъ, но въ самомъ дѣлѣ очень просто. Объемъ сферы возрастаетъ пропорціонально кубу ея радіуса, между тѣмъ какъ ея поверхность возрастаетъ пропорціонально его квадрату. Такимъ образомъ, шаръ, который втрое больше другого, представляетъ только въ десять разъ бо́льшую поверхность, тогда какъ объемъ его будетъ въ двадцать-семь разъ болѣе.

Какъ увеличивая объемъ, дѣлятъ поверхность, такъ увеличивая силу, дѣлятъ сопротивленіе.

Сознавая этотъ законъ, Петенъ помѣщаетъ свои четыре шара, одинъ за другимъ, связывая ихъ легкими, деревянными или желѣзными перекладинами, чѣмъ-то въ родѣ клѣтки, назначенной для палубъ, на которыхъ будутъ помѣщаться пассажиры, тяжесть и проч. Этотъ шаръ очень великъ: въ немъ не менѣе 120 метровъ длины на 27 ширины и 36 вышины, почти какъ военный корабль со всѣми своими мачтами. Увеличивая такимъ образомъ тяжесть своего *судна*, г. Петенъ увеличиваетъ его силу сопротивленія горизонтальному теченію воздуха. Такъ вѣтеръ, опрокидывающій лодку, едва колышетъ трехъпалубный корабль.

Этотъ колоссальный объемъ не долженъ казаться изумительнымъ: океанъ воздуха обширнѣе Атлантическаго или Тихаго океана, а никто не удивляется огромности судовъ, переплывающихъ море; ихъ величина служитъ ручательствомъ ихъ безопасности и быстроты.

До сихъ поръ не умѣли найти для воздушныхъ шаровъ центра тяжести, безъ чего управленіе его ходомъ невозможно. Но этотъ центръ существуетъ, и вотъ въ чемъ и заключается открытіе г. Петена.

Digitized by Google

Вѣсы, которыхъ тарелки пусты, остаются въ горизонтальномъ положеніи. Малѣйшій предметъ, положенный на одну изъ нихъ, производитъ наклоненіе, потому что центръ тяжести находится въ серединѣ коромысла. Необходимо было найти въ воздухѣ эту точку опоры, для того, чтобы опредѣлить нарушеніе равновѣсія. Г. Петенъ достигнулъ этого самымъ простымъ способомъ. Онъ устроилъ на второй палубѣ своего корабля, въ мѣстѣ, оставленномъ свободнымъ шарами, большія горизонтальныя рамы, обшитыя полотномъ, подобныя крыльямъ вѣтряной мѣльницы.

Эти рамы складываются по произволу и легко и представляютъ большее или меньшее сопротивленіе при восхожденіи и нисхожденіи. Въ центрѣ этого легкаго и подвижнаго пола поставлены параллельно два полушарія, утвержденныя краями и свободно надувающіяся во всѣ стороны. При восхожденіи, воздухъ врывается въ ихъ пустоту и окружаетъ ихъ своимъ сильнымъ давленіемъ. Оба полушарія описываютъ опрокинутую къ землѣ дугу и задерживаютъ вертикальное восхожденіе. При приближеніи къ землѣ, оба полушарія вывариваются и, принимая видъ куполовъ, умѣряютъ спусканіе. Прежде точка опоры была надъ снарядомъ, теперь она внизу; первая удерживаетъ, послѣдняя поддерживаетъ. Такимъ образомъ, центръ тяжести найденъ. Мы увидимъ, какъ г. Петенъ воспользовался имъ. Крылья горизонтальнаго пола, составляющаго вторую палубу, распущенныя одинаково, представляютъ воздуху сопротивленіе одинаковое, какъ и при восхожденіи. Но если собрать паруса отъ конечностей къ центру, то сопротивленіе становится неодинаковымъ, воздухъ проходитъ свободно, и давленіе одной стороны превосходитъ другую; равновѣсіе нарушено: вѣсы, придерживаемые горизонтальнымъ поломъ, котораго куполы опредѣляютъ центръ тяжести, склоняются и скользятъ по наклонной плоскости, образуемой движущимся внизу воздухомъ; при обратномъ движеніи, снарядъ подымается по діагонали, ниже наклонной плоскости, образуемой находящимся вверху воздухомъ, точно также, какъ металлическій листокъ или дощечка, о которыхъ мы говорили выше.

Такимъ образомъ, нарушена роковая перпендикулярная линія, и въ этомъ-то и заключается вся будущность воздухоплаванія. Слѣдовать по діагонали значитъ итти впередъ.

До сихъ поръ г. Петенъ пользовался только сопротивляющеюся силою воздуха, котораго дѣйствія вертикально, а не ускоряющею силою его, которой дѣйствіе горизонтально. Одно изъ величайшихъ препятствій при управленіи шарами заключается въ теченіи воздуха, которое можетъ отклонить шаръ отъ дороги.

Digitized by Google

Такъ какъ г. Петенъ, подымая или опуская корму своего корабля, можетъ подвергнуть себя теченію воздуха, задержанному крыльями сверху или снизу, и направляться возвышаясь или опускаясь, но не преодолѣвая ускоряющей силы воздуха, если оно противно,—то онъ уменьшаетъ свое возвратное движеніе, наподобіе корабля, лавирующаго противъ вѣтра. Но все это было бы недостаточно при менѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ. Г. Петенъ придумалъ приспособить къ своему кораблю винтъ, изобрѣтенный Соважемъ для пароходовъ. Два такихъ винта могутъ быть приводимы въ движеніе даже рукою.

Если можно утвердительно говорить объ изобрѣтеніи, которое существуетъ еще только въ проэктѣ, то можно разумно и логически сказать, что отнынѣ задача воздухоплаванія рѣшена, или всѣ законы природы ложны и статика не существуетъ.

Мы еще не говорили о другомъ способѣ воздухоплаванія, о которомъ и самъ г. Петенъ, боясь прослыть мечтателемъ, не любитъ упоминать; но это такъ поразительно, что мы не рѣшаемся хранить молчаніе.

Всѣ знаютъ, со временъ Галилея, что земля обращается на своей оси со скоростію четырехъ-сотъ миль въ часъ; но зато менѣе извѣстно, что атмосфера ея, особенно въ верхнихъ слояхъ, не столь быстро движется. Она дѣлаетъ только двѣсти миль въ часъ. Слѣдовательно, поднявшись на извѣстную высоту и остановившись, или, такъ сказать, бросивши якорь, что́ возможно для Петена, нужно только дать время землѣ произвести свое быстрое вращеніе и воспользоваться менѣе скорымъ обращеніемъ атмосферы. Такимъ образомъ, поднявшись надъ Парижемъ и оставаясь неподвижно въ верхнемъ слоѣ атмосферы, можно его снова увидѣть черезъ двадцать-четыре часа. Въ часъ можно быть въ Марсели, въ два дня обогнуть весь свѣтъ, на что теперь нужно два года при безчисленныхъ опасностяхъ.

Послѣ этого стоитъ ли говорить о сказочныхъ чудесахъ Фей, о коврѣ-самолетѣ! Всѣ эти чудеса превзойдены геніемъ новыхъ временъ,—чудеса, происходящія отъ наблюденія природы. Что́ есть пароходство? супъ, подымающій крышку кострюли. Что́ есть воздухоплаваніе? немного дыму, подымающаго въ каминѣ кусокъ почтовой бумаги.

Открытіе воздухоплаванія приходитъ кстати. Компасъ, книгопечатаніе, порохъ, телескопъ, паръ, электричество, свѣтопись, гальванопластика, хлороформъ, — всѣ эти огромныя средства, данныя во владѣніе человѣку для изслѣдованія его планеты, должны были имѣть логическимъ дополненіемъ побѣду надъ атмосферой. Это изо-

Digitized by Google

брѣтеніе необходимое, ожиданное, роковое въ хорошемъ смыслѣ слова.

Оно кажется мечтаніемъ; но если бы, двадцать-шесть лѣтъ тому назадъ, кто нибудь предложилъ доставить безъ лошадей и остановки изъ Анжера въ Парижъ осемъ-сотъ человѣкъ, его назвали бы сумасшедшимъ, безумнымъ, обманщикомъ; между тѣмъ это фактъ, и теперь всѣ считаютъ его естественнымъ.

— Слѣдующія подробности о статистикѣ омнибусовъ въ Англіи весьма любопытны и могутъ дать понятіе объ этой важной отрасли средствъ сообщенія, самой значительной у англичанъ послѣ желѣзныхъ дорогъ. Свѣдѣнія эти очень вѣрны.

Въ Лондонѣ считается 3,000 омнибусовъ, ѣздящихъ ежедневно; они имѣютъ 30,000 лошадей, которыхъ кормъ, по современной цѣнѣ, стоитъ 1,762,000 фун. ст. Къ этому, независимо отъ стоимости самыхъ лошадей, надо прибавить 7,800 ф. ст. за ковку ихъ, что составляетъ 1,769,800 ф. ст. Содержаніе и порча каждаго омнибуса полагаются по 1 ф. ст. въ недѣлю, а въ годъ 156,000 для всѣхъ; средняя стоимость сбруи полагается по 6 ф. ст. для каждаго омнибуса, а въ годъ для всѣхъ 18,000 ф.

Каждый омнибусъ, среднимъ числомъ, проѣзжаетъ 60 миль въ день; правительство собираетъ по $1^1/_4$ д. съ мили (3 су), что составляетъ въ годъ государственнаго дохода 393,750 ф. ст. По отчету, представленному въ 1841 году въ Нижнюю Палату, вообще весь доходъ отъ этой платы въ Англіи составлялъ 407,900 ф. ст., изъ чего заключаютъ, что, принимая въ расчетъ увеличеніе, въ послѣдніе годы, этой платы, можно положить, что $^4/_5$ всего дохода доставляется одною столицею.

Полагаютъ, что 3,000 омнибусовъ, разъѣзжающихъ по различнымъ линіямъ Лондона, перевозятъ 6,000,000 человѣкъ въ недѣлю, полагая по 300 человѣкъ на каждый омнибусъ ежедневно и по 2,000 въ недѣлю, что составляетъ для цѣлаго года невѣроятное число 300,000,000 человѣкъ! Прислуга омнибусовъ простирается до 11,000 человѣкъ, а именно: 6,000 кучеровъ и кондукторовъ, 3,000 конюховъ, и сверхъ того 2,000 человѣкъ при конторахъ и проч.

— Одинъ нью-йоркскій журналъ вычислилъ, что число судовъ, отправившихся изъ разныхъ портовъ Атлантическаго океана въ Калифорнію, со времени открытія тамъ золотыхъ пріисковъ, простирается до 1,257, изъ которыхъ 30 пароходовъ. Всѣ суда составляютъ почти 400,000 тоннъ.

— Семнадцатилѣтняя дѣвушка Елизавета Пьеръ-Колло сдѣлала важное открытіе для письма, стенографіи и рисованья: посредствомъ сочетанія нѣкоторыхъ линій и при содѣйствіи обѣихъ рукъ,

Digitized by Google

она достигла возможности съ неимовѣрною скоростью писать, стенографировать и рисовать двумя перьями или карандашами; и метода ея не только не нарушаетъ чистоты линій, но, напротивъ, увеличиваетъ ихъ правильность. Въ скоромъ времени дѣвица Колло обнародуетъ эту методу, которая, какъ справедливо замѣчаютъ, относится къ нынѣшнимъ способамъ писанья такъ, какъ пароходство къ прочимъ перевозочнымъ средствамъ.

— Мы находимъ въ одномъ журналѣ любопытныя подробности о привезенномъ недавно въ Англію брильянтѣ Ко-и-норъ, что значитъ «гора свѣта».

Этотъ камень былъ найденъ въ рудникахъ голкондскихъ въ 1550 году и хранился въ сокровищницѣ, гдѣ 2 ноября 1665 года его видѣлъ французскій путешественникъ Таверньс, единственный европеецъ, удостоенный столь великаго довѣрія со стороны Ауренгзеба. Пока сановникъ, которому было поручено храненіе сокровищъ, подносилъ его на золотомъ подносѣ путешественнику, великій моголъ сидѣлъ на своемъ тронѣ. Хотя вообще все собраніе драгоцѣнностей выше всякаго описанія по своему великолѣпію, но Ко-и-норъ превосходитъ все своимъ блескомъ и цѣнностью. До 1739 года камень этотъ оставался въ Дели, пока вторженіе шаха Надира не нанесло смертельнаго удара монгольскому царству. Въ числѣ добычи, которую взялъ съ собою въ Хорассанъ персидскій завоеватель, цѣнимой отъ 30 до 90 милліоновъ фунт. стер., Ко-и-норъ былъ самымъ драгоцѣннымъ трофеемъ; но онъ не долго оставался во владѣніи Персіи. У шаха Надира былъ отрядъ тѣлохранителей изъ афгановъ поколѣнія Абдаллы, подъ начальствомъ Ахмедъ-шаха, который въ то же время былъ и казнохранителемъ. Когда Надиръ былъ убитъ своими подданными, афганы, тщетно старавшіеся защитить его и отмстить его смерть, успѣли, несмотря на то, что были только въ числѣ четырехъ тысячъ, прорваться черезъ персидское войско и достигнуть границы. При этомъ отступленіи Ахмедъ-шахъ унесъ съ собой порученныя надзору его сокровища, помощію которыхъ, при его храбрости, онъ основалъ свое владычество въ Кабулѣ.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, сокровища и власть Ахмеда были въ рукахъ Земанъ-шаха, подвергавшагося безпрерывнымъ нападеніямъ своихъ вассаловъ. Одно изъ такихъ нападеній было до того сильно, что 1800 году Земанъ-шахъ былъ взятъ въ плѣнъ шахъ-Шуемъ. Когда этотъ послѣдній вступилъ на престолъ, въ сокровищницѣ его недоставало драгоцѣннаго Ко-и-нора. Этотъ камень былъ искусно скрытъ Земанъ-шахомъ въ тюрьмѣ, гдѣ онъ содержался. Извѣстно, что только черезъ восемь лѣтъ, во время пріема аудіенціи, данной г. Эльфинстону, бывшему посланникомъ при

Digitized by Google

дворѣ афганскаго владѣтеля, Ко-и-норъ снова блестѣлъ въ числѣ драгоцѣнностей, которыми былъ украшенъ шахъ-Шуя. На немъ была надѣта зеленая бархатная туника, которая, казалось, была выткана изъ золота и драгоцѣнныхъ камней. Грудь была покрыта брильянтовой кирасой въ видѣ двухъ соединенныхъ линій; на рукѣ былъ браслетъ, въ которомъ блестѣлъ Ко-и-норъ.

Послѣ милостиваго пріема Эльфинстонъ удалился; но еще посольство не успѣло переправиться черезъ Индъ, какъ шахъ-Шуя былъ изгнанъ изъ Кабула; ему удалось, однакожь, унести съ собой знаменитый брильянтъ. Послѣ многихъ бѣдствій, онъ успѣлъ найти сомнительное убѣжище у могущественнаго вождя, который доставилъ его роду владѣніе сиковъ. Рэнджитъ-Сингъ имѣлъ средства возстановить власть изгнанника; но, подозрѣвая, что у этого послѣдняго находится Ко-и-норъ, онъ вознамѣрился завладѣть этимъ сокровищемъ.

Подвергнувъ шаха строгому надзору, онъ потребовалъ у него брильянтъ. Шахъ колебался, обманывалъ, медлилъ, употреблялъ въ дѣло всѣ хитрости восточной дипломатіи,—напрасно: Рэнджитъ-Сингъ удвоилъ свои требованія, предосторожности, и наконецъ 1 іюня 1813 года было назначено днемъ, въ который шахъ долженъ былъ вручить брильянтъ великаго могола главѣ поколѣнія сиговъ.

Оба владѣтеля явились въ приготовленную для того комнату и сѣли на полу. Сперва воцарилось торжественное молчаніе, продолжавшееся цѣлый часъ. Наконецъ нетерпѣливость Рэнджита взяла верхъ надъ законами азіятскихъ приличій, и онъ приказалъ одному изъ присутствовавшихъ воиновъ освѣжить память шаха. Этотъ не отвѣчалъ ни слова, только глазами подалъ знакъ одному эвнуху, который, вышедши на минуту, возвратился съ футляромъ; его поставили на полу въ равномъ разстояніи отъ обоихъ вождей.

Послѣ короткаго молчанія, по знаку Рэнджита, футляръ былъ вскрытъ, и Ко-и-норъ явился во всемъ своемъ неописанномъ блескѣ.

Такимъ образомъ, *гора свѣта* по праву завоеванія перешла, какъ эмблема владычества, отъ Голконды къ Дели, отъ Дели къ Мусбеду, отъ Мусбеда къ Кабулу и отъ Кабула къ Лагору.

Ко-и-норъ есть самый большой изъ извѣстныхъ брильянтовъ. Въ своемъ грубомъ видѣ онъ вѣсилъ 800 каратъ; но, по неловкости мастера, который его обдѣлывалъ, вѣсъ этотъ уменьшился до 279 каратъ; это его нынѣшній вѣсъ. Мастеръ этотъ былъ венеціянецъ Гортензіо Борджисъ, который, вмѣсто платы за свою работу, былъ приговоренъ за свою неловкость къ 10,000 рупіевъ пени.

Digitized by Google

«Гора свѣта», по виду и величинѣ, походитъ на половину куринаго яйца. Цѣнность его трудно опредѣлить. Говорятъ, что, по коммерческимъ цѣнамъ, онъ стоитъ до двухъ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ.

Питтъ, привезенный изъ Мадраса дѣдомъ лорда Чатама и проданный регенту, герцогу орлеанскому, въ 1717 г., за 125,000 фунт. стерлинговъ, вѣситъ едва 130 каратъ; а большой брильянтъ, на которомъ утвержденъ орелъ на концѣ русскаго скипетра, вѣситъ 206.

Таковъ брильянтъ, теперь, по праву завоеванія, перешедшій во владѣніе Англіи.

— Въ Бодеанѣ (въ Верхнихъ-Пиринеяхъ) всѣ говорятъ о чудномъ обогащеніи одного изъ бѣднѣйшихъ тамошнихъ жителей. Мѣсяцъ тому назадъ, одинъ осьмидесятилѣтній старикъ, чувствуя приближеніе послѣдняго часа своей жизни, призвалъ къ себѣ нотаріуса и продиктовалъ ему завѣщаніе, которымъ оставлялъ все свое состояніе, простирающееся до 250,000 франковъ, своему воспитателю, живущему въ Бодеанѣ, а въ случаѣ смерти — его наслѣдникамъ.

Съ тѣхъ поръ, одному бѣдному бодеанскому крестьянину приносили съ почты три письма, отъ которыхъ тотъ, не умѣя читать и не считая ихъ стоющими почтовой платы, которую за нихъ требовали, постоянно отказывался. Наконецъ ему принесли четвертое письмо, въ присутствіи одного изъ его сосѣдей; крестьянинъ готовъ уже былъ отказаться отъ новаго посланія, какъ сосѣдъ уговорилъ его принять письмо.... изъ любопытства.

Письмо заключало увѣдомленіе о богатомъ наслѣдствѣ, съ которымъ нотаріусъ не зналъ уже что дѣлать. Это неожиданное извѣстіе такъ обрадовало новаго богача, что онъ тотчасъ же отправился за полученіемъ своего наслѣдства, давъ слово всегда распечатывать письма, которыя будутъ къ нему адресованы.

— Изъ Э сообщаютъ о странномъ явленіи молніи. 31 іюля нѣкто Пьеръ Ліоторъ, пастухъ г. Гобера, былъ застигнутъ сильною грозою на скатѣ холма, называемаго Шарше, гдѣ онъ пасъ стадо. Собравъ всѣхъ овецъ, для защиты, подъ сосну, онъ легъ подъ этимъ деревомъ. Черезъ четверть часа ударила молнія, содрала кору съ дерева, разорвала рубашку и платье пастуха, поразила легкимъ параличемъ всѣ его члены и убила восемдесятъ овецъ, изъ которыхъ состояло стадо. На другой день шерсть овецъ еще сильно пахла сѣрой.

Digitized by Google

МОДЫ.

Слово *мода* получило въ наше время самое разнообразное, обширное значеніе. Съ этимъ словомъ не соединяется уже того ограниченнаго понятія, которое соединялось съ нимъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Новый покрой фрака, придуманный изобрѣтательнымъ портнымъ, или картинка парижскихъ модъ съ подробнымъ описаніемъ лѣтняго наряда и получаемая русскими читательницами зимой, далеко не исчерпываютъ собой всего значенія этого слова. Подъ нимъ мы привыкли понимать не только умѣнье одѣваться, — умѣнье, доступное при нѣкоторомъ стараніи всякому, но умѣнье держать себя въ свѣтѣ какъ слѣдуетъ. Это обширное значеніе моды даетъ ей нравственную цѣль, нравственное значеніе, потому что теперь мода не ограничивается стремленіемъ къ хорошо сшитому фраку, но поставляетъ непремѣннымъ условіемъ имѣть и хорошій фракъ, и умѣть найтись въ обществѣ, и быть человѣкомъ образованнымъ.

Все на свѣтѣ подвигается впередъ, повинуясь общему закону усовершенствованія. Къ числу важныхъ улучшеній, усовершенствованій и упрощеній нашего вѣка, безъ сомнѣнія, принадлежатъ и моды. Мы достигли по крайней мѣрѣ того, что не подчиняемся безусловно капризамъ и коммерческимъ соображеніямъ портныхъ и модистокъ, которые одѣвали насъ какъ имъ было угодно, и, нужно отдать справедливость ихъ изобрѣтательности, иногда довольно забавнымъ образомъ. Теперь мода освободилась изъ подъ власти портныхъ и модистокъ: ее руководятъ только *вкусъ* и *удобство* — эти два главныя условія жизни образованнаго человѣка, — условія,

Digitized by Google

исполняемыя имъ и дома, и въ гостяхъ, и наединѣ, и въ многолюдномъ обществѣ.

Августъ и сентябрь мѣсяцъ въ отношеніи моды время самое неуловимое, самое непонятное. Въ это время совершается переходъ отъ лѣтнихъ модъ къ зимнимъ, и потому мы не можемъ сообщить нашимъ читателямъ ничего положительнаго. Говорить о лѣтнихъ нарядахъ, въ числѣ которыхъ намъ удалось замѣтить много весьма изящныхъ, было бы въ теперешній холодъ величайшимъ анахронизмомъ, а зимніе еще не установились, и потому мы должны ограничиться на этотъ разъ довольно общими замѣчаніями.

По части *дамскихъ модъ* можемъ только замѣтить, что цвѣтъ платья не долженъ быть яркій. Платья носятъ преимущественно шолковыя сѣровато-лиловыя или дикаго цвѣта, съ широкими бахрамами и оборками.

Изъ вечернихъ нарядовъ мы лучше всѣхъ нашли слѣдующій: бѣлое тарлатановое платье съ тремя юбками, которыя обшиты festонными кружевами. Такими же кружевами въ два ряда обшита вверху и талья, въ видѣ берты. Рукава короткіе, спрятанные подъ кружевомъ. На груди букетъ непремѣнно изъ мелкихъ цвѣтовъ.

Мантильи, бурнусы и салопы преимущественно носятъ бархатныя, чернаго или темно-зеленаго цвѣта.

Мужскія моды отличались въ послѣднее время величайшимъ разнообразіемъ. Однобортные коротенькіе мужскіе сюртучки (пиджаки), которые прежде носили только по утрамъ или на дачѣ, появились даже и за обѣдами. Но въ послѣднемъ случаѣ пиджакъ долженъ быть непремѣнно черный, хотя и во всѣхъ другихъ случаяхъ этотъ цвѣтъ предпочтительнѣе. Брюки преимущественно сѣраго цвѣта съ довольно широкими лампасами. Брюки изъ лѣтнихъ матерій (нанковыя, полотняныя и проч.) дѣлались безъ лампасовъ. Галстухъ черный, довольно узкій, завязанный большимъ узломъ. Воротнички рубашки низкіе и неплотно прилегающіе къ шеѣ и подбородку. Жилеты всевозможныхъ матерій и цвѣтовъ, за исключеніемъ яркихъ. Казиміръ и пике больше всего господствуютъ въ этомъ отношеніи; однакожь, появилось много вигоневыхъ, довольно красивыхъ жилетовъ.

Digitized by Google

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

О. Б. БАЗУНОВА,

на Невскомъ проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ Энгельгарда, противъ Милютиныхъ лавокъ,

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

РУССКАЯ ФАУНА

ИЛИ ОПИСАНІЕ И ИЗОБРАЖЕНІЕ ЖИВОТНЫХЪ, ВОДЯЩИХСЯ ВЪ РОССІИ.

ПОСВЯЩЕНО

Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику Цесаревичу.

Вышли тетради 25, 26 и 27-я.

25-ою тетрадью заключается годовое изданіе Русской Фауны. Оно содержитъ:

Введеніе полное		съ 40 табл.
Млекопитающія	стр. 1—72	съ 12 табл.
Птицы	стр. 1—76	съ 40 табл.
Гады	стр. 1—24	съ 8 табл.
Рыбы	стр. 1—32	съ 9 табл.
Насѣкомыя		4 табл.

Такимъ образомъ вмѣсто обѣщанныхъ 104 таблицъ гг. подписчики получили 113.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Въ годъ выйдетъ 25 тетрадей, изъ коихъ каждая содержитъ 1 — 2 листа русскаго текста (если печатано на двухъ языкахъ, въ два столбца, то отъ 2 до 4 листовъ) и 4 таблицы рисунковъ. На каждой таблицѣ изображается среднимъ числомъ три породы животныхъ. Подписная цѣна на *годовое изданіе въ 25 тетр. съ доставкою на домъ* 25 руб. сер., Желающіе могутъ подписываться также на 12 или 13 тетрадей, внося 12 или 13 руб. серебромъ, а за доставку на домъ и рассылку по почтѣ прилагается (за 12 или 13 тетрадей) 1 руб. 50 коп. сер., Гг. служащіе, подписываясь на годовое изданіе, могутъ высылать деньги и по третямъ, *если требованія поступаютъ чрезъ ихъ Начальства.*

1-я часть Русской Фауны — *Введеніе* окончено; желающіе могутъ получить его отдѣльно, выславъ въ контору 12 руб. серебромъ.

Желающіе могутъ получить всѣ вышедшія 25 тетрадей *безъ Введенія*, выславъ въ контору 20 руб. серебромъ.

А за всѣ 25 выпусковъ приведенные въ порядокъ 25 руб. сер.

Каждая тетрадь отдѣльно продается по 1 руб. сер., вѣсовыхъ прилагается за 1 ф.

Digitized by Google

Подписка принимается въ С. Петербургѣ въ Конторѣ Русской Фауны, въ книжномъ магазинѣ Ѳ. В. Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Энгельгарда.

Просимъ ускорить подпискою, потому что подобное изданіе не можетъ заготовляться въ значительномъ числѣ лишнихъ экземпляровъ, и поздно подписавшіеся не минуемо будутъ получать тетради поздно, какъ это было съ гг. подписчиками, поздно обращавшимися съ требованіями на первыя тетради.

Издатель отвѣчаетъ за аккуратную доставку тѣхъ только экземпляровъ, которые выписываются чрезъ контору Русской Фауны, или непосредственно отъ него, по слѣдующему адресу: Редактору Русской Фауны Юліану Ивановичу Симашко, въ С. Петербургѣ.

ГРАФЪ РАДЕЦКІЙ И ЕГО ПОХОДЫ ВЪ ИТАЛІИ ВЪ 1848 И 1849 ГОДАХЪ. Сочиненіе *П. Лебедева*, Генеральнаго Штаба подполковника, Императорской Военной Академіи професора. Съ портретомъ Радецкаго и двумя картами. Спб. 1850. Цѣна 3 руб. сер., вѣсовыхъ за 4 ф.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ФРАНЦА МАЙЕРА, дѣйствительнаго члена обществъ: Императорскаго Санктпетербургскаго Вольнаго Экономическаго, Императорскаго Московскаго Сельскаго Хозяйства, Лебедянскаго Сельскаго Хозяйства, и Тульскаго Губернскаго Статистическаго комитета, члена корреспондента Ученаго Комитета Министерства Государственныхъ Имуществъ и Императорскаго общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи. Томъ первый. Съ портретомъ автора и рисунками. Москва. 1850. цѣна 2 руб., съ пересылкою 2 руб. 50 коп.

ВРЕМЕННИКЪ ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ. 6 книгъ. Москва. 1850. Цѣна 9 руб. сер., вѣсовыхъ за 10 ф. Отдѣльно каждая книжка по 1 руб. 50 коп. сер., съ пересылкою 2 руб сер.,

ИСТОРІЯ НАПОЛЕОНА. Сочиненіе *Николая Полеваго*. 5 томовъ. Спб. 1848. Цѣна 6 руб. сер., вѣсовыхъ за 7 ф.

ЧАСТНАЯ ФАРМАКОЛОГІЯ, или наука о лекарствахъ, составленная докторомъ *І. Ф. Зобернгеймомъ*, для академическаго и практическаго употребленія. Съ нѣмецкаго 5 изданія перевелъ и съ нѣкоторыми дополненіями издалъ Ординаторъ Московскаго Военнаго Госпиталя, членъ обществъ: Физико-Медицинскаго въ Москвѣ и русскихъ врачей въ Санктпетербургѣ. Перевелъ *Михаилъ Вейсбергъ*. Въ 4 тетрадяхъ. Изданіе второе исправленное и умноженное. Москва. 1849. Цѣна 6 руб. сер., съ пересылкою 7 руб. сер.

Кромѣ здѣсь означенныхъ книгъ, высылаются вообще всѣ русскія книги, публикуемыя и отъ другихъ книгопродавцевъ.

При высылкѣ значительнаго количества книгъ, пересылочная плата полагается не за каждую книгу отдѣльно, но съ общаго вѣса всѣхъ книгъ, пересылаемыхъ разомъ.

Требованія гг. иногородныхъ особъ исполняются немедленно по полученіи письма, адресованнаго въ означенный магазинъ на имя Ѳедора Васильева Базунова, въ Санктпетербургѣ.

Digitized by Google

EN VENTE CHEZ Fr BELLIZARD ET Cie.

Editeurs de la Revue Etrangère, du Dictionnaire d'Oldecop, de la description de l'église de Saint-Isaac, etc., etc.,

au pont de Police, maison de l'Eglise Hollandaise.

(En roubles d'argent).

ATLAS UNIVERSEL DE GÉOGRAPHIE physique, politique, ancienne et moderne, contenant les cartes générales et particulières de toutes les parties du monde; rédigé conformément aux progrès de la science pour servir à l'intelligence de l'histoire, de la géographie et des voyages, par *A. Brué*. Nouvelle édition, composée de 65 feuilles coloriées avec soin et formant un beau volume in-fol. relié. 50 rbls.

ATLAS CLASSIQUE ET UNIVERSEL DE GÉOGRAPHIE ancienne et moderne, contenant les découvertes et les divisions les plus nouvelles dans les cinq parties du monde pour servir à la lecture des voyages, des ouvrages historiques et des meilleurs Traités de Géographie, publié par *J. Andriveau Goujon*. Paris 1849. Un vol. in-fol. rel. composé de 45 feuilles. 25 rbls.

ATLAS HISTORIQUE ET UNIVERSEL DE GÉOGRAPHIE ancienne, du moyen-âge et moderne, adopté dans les principaux établissements d'instruction publique; par MM. *A. H. Dufour* et *Th. Duvotenay*. Un vol. petit in-folio renfermant 44 cartes avec un texte géographique et historique. 9 rbls.

ATLAS UNIVERSEL HISTORIQUE ET GÉOGRAPHIQUE composé de cent une cartes donnant les différentes divisions et modifications des territoires des diverses nations aux principales époques de leur histoire, avec une notice sur tous les faits importants et l'indication des lieux où ils se sont passés; destiné à faciliter la lecture et l'intelligence de tous les ouvrages historiques et rédigé d'après les meilleures sources par *A. Houzé*. Un volume grand in-4. relié. 8 rbls.

ATLAS UNIVERSEL de la nouvelle Géographie méthodique de MM. *Meissas* et *Michelot*, dressé par M. Charle, composé de 19 cartes écrites et 5 cartes muettes in-fol. cartonné. 7 rbls.

ATLAS UNIVERSEL DE GÉOGRAPHIE ancienne et moderne, dressé et gravé par *Ambroise Tardieu*. Paris 1850. Un volume petit in-fol. contenant 30 cartes coloriées. 6 rbls.

ATLAS DE GÉOGRAPHIE ancienne et moderne à l'usage des collèges et maisons d'éducation, dressé par MM. *Monin* et *Vuillemin*. Un volume grand in-4 relié, contenant 42 cartes. 4 rbls. 50 c.

ATLAS CLASSIQUE UNIVERSEL DE GÉOGRAPHIE ancienne et moderne (Le Globe) pour servir à l'étude de la géographie et de l'histoire, dressé par M. *A. H. Dufour* et revu par M. Jomard, avec une statistique jointe à chaque carte et rédigée d'après l'abrégé de Géographie de M. Balbi. 44 cartes formant un volume in-4. cartonné. 4 rbls. 50 c.

ATLAS DE GÉOGRAPHIE ANCIENNE ET MODERNE par *Delamarche*, composé de 37 feuilles in-4. cartonné. 4 rbls.

ATLAS UNIVERSEL DE GÉOGRAPHIE ancienne et moderne, dressé par *Monin* et *Frémin*. 37 cartes in-4 oblong· cartonné. 3 rbls.

Digitized by Google

ATLAS DE GÉOGRAPHIE contenant neuf cartes coloriées, par *L. Gaultier*. In-fol. cartonné. 2 rbls. 25 c.

ATLAS UNIVERSEL DE GÉOGRAPHIE ancienne et moderne en 42 cartes, dressé par *C. V. Monin*. In-4. cartonné. 2 rbls.

ATLAS ÉLÉMENTAIRE (petit) par *Maissas* et *Michelot*. Huit cartes dressées pour la petite Géographie méthodique. 1 rbl.

THE PHYSICAL ATLAS. A series of maps and illustrations of the geographical distribution of natural phenomena, embracing: I. Geology, II. Hydrography, III. Meteorology, IV. Natural history, by *Alexander Keith Johnston*, with the cooperation of men eminent in the different departments of science. Un magnifique volume gr. in-fol. renfermant un grand nombre de cartes gravées sur acier et exécutées avec le plus grand soin, accompagnées du texte. 100 rbls.

GRANDS GLOBES TERRESTRE ET CÉLESTE de 65 centimètres (2 pieds) de diamètre, par *Delamarche*, sur grands pieds en acajou, à pivot et roulettes, méridien en cuivre. Paris 1844. La paire 350 rbls.

GRAND GLOBE TERRESTRE d'après les découvertes les plus récentes, publié par *Sauret-Andriveau*, de 50 centimètres (18 pouces) de diamètre, avec méridien et piédouche en cuivre, horizon et supports fixés sur grand pied. 100 rbls.

——— Le même avec le Globe céleste de la même dimension. 190 rbls.

GLOBE TERRESTRE de 30 centimètres (11 pouces) de diamètre avec méridien en cuivre, monté sur fut de colonne verni. Prix de chaque 17 rbls.
Avec le globe céleste (la paire) 33 rbls.
Idem de 25 centimètres (9 pouces). Prix de chaque 10 rbls.
Avec le globe céleste (la paire) 19 rbls.
Idem de 22 centimètres (8 pouces). Prix de chaque 9 rbls.
Avec le globe céleste (la paire) 17 rbls.
Idem de 16 centimètres (6 pouces). Prix de chaque 6 rbls.
Avec le globe céleste (la paire) 11 rbls.
Idem de 11 centimètres (4 pouces). Prix de chaque 5 rbls.
Avec le globe céleste (la paire) 10 rbls.
Idem (même diamètre) sans méridien avec plaque en marbre 3 rbls. 50 c.
Avec le globe céleste (la paire) 7 rbls.

SPHÈRES DE COPERNIK des mêmes dimensions et aux mêmes prix que les globes terrestres.

Digitized by Google

Новыя музыкальныя сочиненія у

М. БЕРНАРДА,

На Невскомъ Проспектѣ, противъ Малой Морской, въ домѣ Паскаля № 11.

Цѣны означены на серебро.

Школы и этюды для скрипки.

ALARD, D. Ecole du violon. Méthode complète et progressive, à l'usage du Conservatoire de Paris. Violinschule (6 p. 85 к.). Dix études brillantes pour le violon, avec acc. d'un second violon, op. 16 (2 p. 85 к.). Dix études artistiques pour le violon seul, op. 19. . . . . 2 p. 29 к.

BAILLOT, P. L'art du violon, nouvelle méthode. Die Kunst des Violinspiels, neue Violinschule . . . . . 13 p.

BIRGFELDT, C. Neue praktische Violinschule . . . . . 2 p. 58 к.

CAMPAGNOLI, B. Nouvelle méthode de la mécanique progressive du jeu de violon, divisée en 5 parties et distribuée en 132 leçons progressives pour deux violons et 118 études pour un violon seul. Paroles françaises et allemandes. (Mit deutscher Uebersetzung). . . . . 10 p. 29 к.

GUICHARD, M. Ecole du violon, nouvelle méthode complète et raisonnée, in-8. 2 p. 50 к.

GUHR, C. Paganinis Kunst die Violine zu spielen. Ein Anhang zu jeder Violinschule, nebst einer Abhandlung über das Flageoletspiel in einfachen und Doppeltönen. Mit Paganinis Portrait . . . . . 4 p. 29 к.

KAYSER, H. E. 36 études élémentaires et progressives, composées exclusivement pour ceux, qui veulent se préparer pour les célèbres études de Kreutzer, op. 20 (3 p. 43 к.). Les mêmes études, avec acc. d'un second violon . . 5 p. 15 к.

KREUTZER, R. Quarante études, ou caprices célèbres pour le violon seul. 3-e éd. (2 p. 30 к.). Les mêmes, avec acc. d'un second violon (4 p. 30 к.). Les mêmes, avec acc. de piano . . . . . 5 p. 72 к.

МАЗАСЪ. Лучшій скрипичный учитель, или новѣйшая школа нынѣшней игры на скрипкѣ. Теоретическое и практическое наставленіе какъ выучиться въ короткое время, по новой весьма легкой методѣ, играть на этомъ инструментѣ правильно и ловко. Съ многими упражненіями и пьесами для одной и двухъ скрипокъ. Méthode du violon . . . . . 3 p.

MEERTS. Le mécanisme du violon, divisé en ses diverses éléments et appliqué à tous les accents de la musique, dans une suite d'études caractéristiques. 1-er recueil (4 p. 58 к.). 2-e recueil . . . . . 4 p.

RODE, P. Vingt-quatre caprices en forme d'études pour le violon seul dans les 24 tons de la gamme (4 p.). Les mêmes, avec acc. d'un second violon. . 6 p.

RODE, KREUTZER et BAILLOT. Méthode de violon (3 p. 43 к.). Violinschule. 3 p. 43 к.

SPOHR. Grosse Violinschule, mit erläuternden Kupfertafeln . . 17 p. 15 к.

Пьесы для одной скрипки.

BACH, J. S. Ciaccona per il violino solo . . . . . 43 к.

DAVID, F. Six caprices pour le violon seul, op. 20 . . . . . 2 p.

GHYS, J. L'orage pour le violon seul . . . . . 58 к.

HALEVY, F. Les Mousquetaires de la Reine, opéra. . . . . 1 p. 72 к.

KAYSER, H. E. Terpsichorens Lieblings-Klänge. Sammlung der beliebtesten und neuesten Tänze, livr 1—12. (à 60 к.). Trente-six études élémentaires et progressives pour le violon, composées exclusivement pour ceux, qui veulent se préparer pour les célèbres études de Kreutzer, op. 20. . . . . 3 p. 43 к.

Digitized by Google

KONTSKY, T. L'écho, caprice-étude, op. 5. . . . . 85 к.
KÜFFNER, J. Répertoire de nouvelles danses favorites pour le violon seul. Cah. 1—5 (à 58 к.). Repos de l'étude, collection de morceaux faciles pour le violon seul. Cah. 1, 2. Chaque . . . . . 43 к.
LOUIS, N. Mosaïque d'airs favoris de l'opéra «La fille du régiment» . . 85 к.
MAZAS, F. Huit mélodies faciles et une marche progressive, op. 80. 2 livres. (Chaque 85 к.). Huit mélodies (dédiées aux amateurs), op. 81. 2 livres. Chaque 85 к.
MEERTS, L. J. Douze études élémentaires pour le violon avec acc. d'un second violon, livr. 1, 2. Chaque . . . . . 1 p. 43 к.
MÜLLER. Six polkas favorites de salon pour violon . . . . . 30 к.
OPÉRAS ITALIENS DE BELLINI, DONIZETTI, VERDI, etc., pour le violon seul:
№ 1. Lucrezia Borgia (1 p. 15 к.). № 2. Lucia di Lammermoor (1 p. 15 к.). № 3. Sonnambula (1 p.). № 4. Norma (1 p.). № 5. Nabucodonosor (1 p.). № 6. Ernani (1 p.). № 7. La fille du régiment (1 p.). № 8. Linda di Chamounix (1 p.). № 9. Puritani (1 p.). № 10. Belisario (1 p.). № 11. Il Barbiere di Seviglia (1 p.). № 12. Montecchi ed i Capuletti. . . . 1 p.
PAGANINI, N. Introduction et variations sur le thème: «Nel cor piu non mi sento», pour le violon seul . . . . . 1 p. 15 к.
STRAUSS. Valses pour le violon seul. № 1—32. Chaque . . . . . 40 к.
OPÉRAS FRANÇAIS D'AUBER, ADAM, BOELDIEU, etc., pour le violon seul:
№ 1. Les faux-monnayeurs (1 p. 15 к.). № 2. Le domino noir (1 p. 15 к.). № 3. La muette de Portici (1 p.). № 4. Fra Diavolo (1 p. 15 к.). № 5. La Dame blanche (1 p.). № 6 Le Brasseur de Preston. № 7. Gustave, ou le bal masqué (1 p. 15 к.). № 8. Le postillon de Lonjumeau . . 1 p. 15 к.

Дуэты для двухъ скрипокъ.

BERIOT, CH. Trois duos concertants pour deux violons, op. 57. № 1, 2, 3. Chaque 1 p. 72 к.
DANCLA, CH. Trois duos faciles, concertants et progressifs, op. 35 . . 1 p. 72 к.
FONTAINE, A. Trois duos concertans, pour deux violons, op. 32. № 1, 2, 3. Chaque 1 p. 43 к.
JANSA. Six duos pour deux violons, op. 64, livr. 1—6. Chaque . . 1 p. 15 к.
MAZAS, F. Six duos brillants pour deux violons, op. 84. Cah. 1, 2, 3. Chaque 1 p. 72 к.

Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе трехъ рублей серебромъ получаютъ двадцать пять процентовъ уступки, а выписывающіе на десять руб. сер., пользуясь означенною уступкою, кромѣ того ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются только особы, которые обратятся съ своими требованіями непосредственно въ магазинъ М. Бернарда. — На этихъ же условіяхъ можно выписывать изъ означеннаго магазина всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изданы и объявлены въ какомъ либо каталогѣ.

Въ оном же магазинѣ вышла дѣвятая тетрадь «Нувеллиста», которая содержитъ въ себѣ: *Voss, Ch.* Fantaisie brillante sur l'opéra «Lucrezia Borgia. — *Friese, A.* Romance. — *Chopin, Fr.* Marche funèbre. — *Miller, C.* Mazurka de salon. — *Kullak, Th.* Rêverie de tristesse. — *Pasdeloup.* Polka de vaudeville. — *Decombes, A.* Léonie, valse brillante. — *Brunner.* Morceau élégant sur l'opéra «Montecchi ed i Capuletti». — *Beyer, F.* Amusement sur l'opéra «Le barbier de Seville». — *Стрекалова, Н.* Романсъ. — *Arnaud, E.* Romance — и музыкально-литературное прибавленіе № 9. Годовая цѣна подписки 10 руб. сер., съ перес. 11 руб. 50 коп. сер.

Гг, желающіе подписаться на «Нувеллистъ» на 1850 г., получаютъ сполна всѣ тетради этого журнала, вышедшія съ начала нынѣшняго года.

Digitized by Google

ЯРМАРКА ТЩЕСЛАВІЯ.

РОМАНЪ БЕЗЪ ГЕРОЯ. СОЧ. ВИЛ. ТЕККЕРЕЯ.

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ.

ГЛАВА LVIII.

ДРУГЪ НАШЪ МАЙОРЪ.

Нечего и говорить, кажется, о томъ, что Уильямъ Доббинъ, къ концу вояжа, сдѣлался общимъ любимцемъ на кораблѣ Рамкундеръ. Когда онъ и мистеръ Седли спустились въ шлюпку, которая должна была отвезти ихъ на берегъ, вся корабельная команда — матросы и офицеры, и во главѣ ихъ самъ капитанъ Браггъ, прокричали вслѣдъ за нашимъ другомъ троекратное ура. Само собой разумѣется, майоръ раскраснѣлся и въ знакъ благодарности кивалъ головой. Джозъ, полагая, что этотъ прощальный привѣтъ совершается въ честь его собственной персоны, снялъ свою съ золотымъ галуномъ фуражку и величественно размахивалъ ею по воздуху. Черезъ нѣсколько минутъ шлюпка пристала къ берегу, и друзья наши, съ важнымъ видомъ вступивъ на берегъ, отправились въ отель Royal George.

Хотя видъ великолѣпнаго росбифа и серебряной кружки съ настоящимъ британскимъ домашнимъ элемъ и портеромъ съ давнихъ временъ привлекаютъ взоры каждаго путешественника, возвратившагося изъ чужихъ краевъ, и прельщаютъ его до такой степени, что у него невольно является желаніе провести нѣсколько деньковъ въ ихъ спокойномъ пріютѣ, — несмотря на то, Доббинъ тотчасъ же сталъ

Digitized by Google

поговаривать о почтовыхъ лошадяхъ и едва только вступилъ въ Соутамптонъ, какъ уже ему хотѣлось быть на дорогѣ въ Лондонъ. Но спутникъ его принялъ твердое намѣреніе въ тотъ вечеръ не трогаться съ мѣста. Въ самомъ дѣлѣ, что за необходимость такая ему, Джозу, провести ночь въ почтовомъ экипажѣ, а не на огромной, высокой, волнистой, пуховой постели, совсѣмъ уже готовой принять его послѣ той душной, узенькой каютки, гдѣ помѣщался нашъ бенгальскій джентльменъ во время вояжа! Итакъ, майоръ принужденъ былъ переждать эту ночь; но онъ отправилъ между тѣмъ къ родителямъ своимъ письмо, увѣдомляя ихъ о своемъ благополучномъ возвращеніи на родину. Окончивъ посланіе, Уильямъ приступилъ къ Джозу, настаивая, чтобы и тотъ поступилъ по его примѣру. Седли далъ обѣщаніе, которое, впрочемъ, осталось неисполненнымъ. Между тѣмъ съ корабля прибыли капитанъ, лекарь и двое пассажировъ—отобѣдать съ нашими двумя джентльменами. Джой, надо сказать, употребилъ всѣ усилія сдѣлать этотъ обѣдъ какъ можно болѣе пьянымъ, предварительно давъ обѣщаніе майору отправиться съ нимъ въ Лондонъ завтра же, непремѣнно. Первая кружка портеру была выпита съ приличными поговорками со стороны содержателя гостинницы. И имѣй я поболѣе времени и смѣлости, чтобы вводить читателя во всѣ подробности, я написалъ бы цѣлую главу объ этой первой кружкѣ портеру, выпиваемой на англійскомъ материкѣ. О какъ сладка она!... Право, не жаль и на годъ оставить отечество, чтобъ только выпить изъ этой кружки одинъ глотокъ....

Майоръ Доббинъ, по обыкновенію своему, явился на слѣдующее утро какъ нельзя чище выбритымъ и одѣтымъ. Было такъ рано, когда онъ всталъ, что въ гостинницѣ никто еще не просыпался, исключая мистера Бутса, чистившаго сапоги, и который, кажется, никогда не спитъ. Въ коридорахъ, гдѣ Уильяму вздумалось пройтись, отвсюду раздавалось въ ушахъ его храпѣнье многочисленныхъ постояльцевъ отели. Безсонный Бутсъ, переходя отъ однѣхъ дверей къ другимъ, забиралъ блюхеровскіе, веллингтоновскіе, гессенскіе и оксфордскіе сапоги. Вскорѣ за тѣмъ показался индѣецъ Джоза и принялся за приготовленія гукаха и многосложнаго туалета своего господина. Потомъ поднялись служанки; встрѣчаясь въ коридорахъ съ чернымъ человѣкомъ, онѣ вскрикивали, принимая слугу мистера Седли никакъ не менѣе, какъ за неумытаго, а между тѣмъ онъ и Доббинъ, пробираясь по узкимъ коридорамъ, безпрестанно натыкались на ведра. Съ появленіемъ перваго небритаго лакея, который отперъ двери гостинницы, майору показалось, что вотъ уже наступило время для его отъѣзда, и въ ту же минуту приказалъ привести почтовый экипажъ, послѣ чего вошелъ въ комнату мистера Седли и открылъ занавѣси огромной фамильной постели, въ которой покоился бенгалецъ.

— Вставай, вставай, Седли! говорилъ Уильямъ. — Пора отправляться. Черезъ полчаса карета будетъ у дверей.

Digitized by Google

Джозъ проперчалъ что-то изъ подъ одѣяла, спрашивая, который часъ; потомъ, получивъ отвѣтъ, онъ далъ понять Доббину, что ни за какія благополучія не поднимется такъ рано, что майоръ можетъ, если хочетъ, отправиться хоть на самую висѣлицу, но что онъ, Джой, ни за что̀ не станетъ ѣздить за нимъ, и что, наконецъ, вовсе не прилично джентльмену безпокоить такимъ образомъ спящаго человѣка и нарушать его сонъ. Огорченный Доббинъ волей-неволей уступилъ, предоставивъ Джозу полную свободу снова обратиться къ его прерваннымъ сновидѣніямъ.

Но вотъ явилась и почтовая карета. Майоръ не хотѣлъ ждать далѣе.

Будь онъ англійскій нобльменъ, путешествующій изъ одного только удовольствія, или газетный курьеръ, везущій важныя депеши, — мое мнѣніе таково, что другъ нашъ и тогда не ѣхалъ бы быстрѣе. Кондукторы изумлялись той щедрости, съ какою онъ надѣлялъ ихъ шиллингами на водку. Какъ плѣнительна и цвѣтуща была эта страна, по которой катилась карета Уильяма, отъ одного верстового столбика до другого, мимо опрятненькихъ городковъ, гдѣ содержатели гостинницъ привѣтствовали его сладкими улыбками и низкими поклонами, — мимо красивенькихъ придорожныхъ постоялыхъ дворовъ съ затѣйливо нарисованными вывѣсками, и гдѣ лошади и взгонщики пили подъ тѣнью деревъ, — мимо старинныхъ замковъ и парковъ, — мимо маленькихъ деревенскихъ домиковъ, разбросанныхъ вокругъ древнихъ церквей; однимъ словомъ, несказанно плѣнителенъ весь живописный англійскій ландшафтъ.... Найдется ли въ свѣтѣ что нибудь милѣе его? Для возвращающагося на родину этотъ ландшафтъ такъ привлекателенъ, что нашему путешественнику кажется, будто всякій предметъ, попадающійся ему на пути, протягиваетъ руку, въ знакъ привѣта. Но Доббинъ летѣлъ изъ Соутамптона въ Лондонъ вовсе не обращая вниманія на природу: онъ замѣчалъ одни только верстовые столбы, изъ чего легко можно заключить, какъ торопился онъ на свиданіе съ его родителями въ Камберуеллѣ.

Но вотъ майоръ и въ Лондонѣ. Онъ очень досадовалъ на потерянное время между Пикадилли и Слотерсомъ — его старинной и настоящей резиденціей. Много лѣтъ прошло съ той поры, какъ Уильямъ видѣлъ это мѣсто въ послѣдній разъ, — съ той поры, какъ вмѣстѣ съ Джоржемъ задавалъ онъ тамъ пирушки. Одного изъ нихъ уже не было въ живыхъ, а другому предстояла близкая старость. Въ этотъ промежутокъ времени волосы Доббина успѣли покрыться сѣдиной; состарѣлись даже и самыя страсти и чувства его. А передъ дверьми гостинницы стоялъ старый лакей, въ томъ же засаленномъ черномъ фракѣ, съ тѣмъ же раздвоеннымъ подбородкомъ и одутловатымъ лицомъ, по прежнему побрякивающій деньгами въ карманѣ и принимающій майора такъ, какъ будто они разстались только за недѣлю предъ тѣмъ.

Digitized by Google

— Отнесите вещи майора въ двадцать-третій нумеръ: это его комната, сказалъ Джонъ, не обнаруживая ни малѣйшаго удивленія. — Къ обѣду, я полагаю, вамъ угодно жареной дичи? продолжалъ онъ, обращаясь къ Доббину.... Да вы не женаты? А какже говорили, что вы женились.... Здѣсь былъ шотландецъ-лекарь — изъ вашихъ.... Нѣтъ, нѣтъ! виноватъ: это капитанъ Гомби, тридцать-третьяго полка... еще въ Индіи жилъ который.... Не нужно ли вамъ горячей воды?

За тѣмъ вѣрный слуга, знавшій каждаго офицера, посѣщавшаго гостинницу, и для котораго десятилѣтній промежутокъ времени казался однимъ днемъ, — повелъ Доббина въ его прежнюю комнату, гдѣ были таже кровать, истертый коверъ, черная мебель, покрытая полинялымъ ситцемъ, — все въ томъ же самомъ порядкѣ, какъ въ юные годы жизни майора.

Уильямъ вспомнилъ, какъ Джоржъ наканунѣ своей сватьбы ходилъ взадъ и впередъ по этой комнатѣ, грызъ ногти и увѣрялъ, что папа его непремѣнно сдастся, а если и не сдастся, такъ что́ж за бѣда!

— Однакожь, вы не помолодѣли, замѣтилъ Джонъ, преспокойно осматривая своего стараго друга.

Доббинъ засмѣялся.

— Десять лѣтъ и въ добавокъ къ нимъ горячка никому не придадутъ моложавости, сказалъ онъ. — Вотъ Джонъ такъ всегда одинаково молодъ.... ахъ, нѣтъ! всегда одинаково старъ.

— А что́ сдѣлалось со вдовой капитана Осборна? спросилъ Джонъ. — Прекрасный былъ человѣкъ! Господи! какъ вспомнишь, какъ онъ моталъ денежки. Со времени своей женитьбы онъ ни разу не заглядывалъ сюда, между тѣмъ какъ и по сю пору долженъ мнѣ три фунта. Взгляните-ка сюда, продолжалъ Джонъ: — у меня записано это въ книжкѣ: «Апрѣля 10-го 1815 г. капитанъ Осборнъ. 3 ф.». Удивляюсь, отчего отецъ его не заплатитъ мнѣ.

И Джонъ вытащилъ карманную книжку, въ которой, на засаленной страничкѣ, записанъ былъ долгъ капитана вмѣстѣ съ другими подобными замѣтками относительно посѣтителей гостинницы.

Приведя майора въ комнату, Джонъ удалился съ совершеннымъ спокойствіемъ. А Доббинъ, краснѣя и улыбаясь, вынулъ изъ чемодана самую лучшую партикулярную пару платья. Заглянувъ въ тусклое туалетное зеркальце, онъ разсмѣялся при видѣ своего загорѣвшаго лица и сѣдыхъ волосъ.

«Я очень радъ, что старикъ Джонъ не забылъ меня — подумалъ Доббинъ. — Вѣроятно, и *она* припомнитъ.

И, выйдя изъ гостинницы, онъ направился по дорогѣ въ Бромптонъ.

Приближаясь къ дорогому для него дому, майоръ живо представилъ себѣ всѣ подробности послѣдняго свиданія своего съ Амеліей; и теперь, идя по улицѣ, гдѣ жила мистриссъ Осборнъ, Уильямъ весь дрожалъ. «Правда ли это, что она выходитъ замужъ? Ну что́, если

Digitized by Google

онъ встрѣтитъ ее и ея маленькаго Джоржа — что тогда станетъ онъ дѣлать?» Уильямъ увидѣлъ приближающуюся къ нему женщину, и съ пятилѣтнимъ ребенкомъ. «Неужели это она?» И при одной мысли о вѣроятности такого предположенія Доббинъ затрепеталъ. Но вотъ онъ подходитъ къ дверямъ дома, гдѣ живетъ Эмми. Майоръ взялся за ручку и остановился. Сердце его сильно билось. «Да благословитъ ее Всевышній, что бы ни случилось — подумалъ онъ. Но здѣсь ли она? Она могла и выѣхать отсюда».

Уильямъ вошелъ въ ворота.

Окно комнаты Амеліи было открыто. Но въ ней никого нѣтъ. Майору показалось, будто то фортепьяно, которое онъ видитъ въ окно, и та картинка, что виситъ надъ нимъ, принадлежатъ Эмми и находятся на томъ же самомъ мѣстѣ, какъ и въ прежнія времена. Уильямъ снова смутился.... Мѣдная дощечка съ надписью «Мистеръ Клаппъ» — все таже и тамъ же на дверяхъ. Доббинъ рѣшился постучаться.

На стукъ его показалась въ дверяхъ шестнадцатилѣтняя дѣвушка, рѣзвая, со свѣтлыми глазками и розовыми щечками. Съ удивленіемъ взглянула она на майора, облокотившагося на перильцы. Онъ былъ блѣденъ какъ полотно и едва могъ произнести: «Здѣсь ли живетъ мистриссъ Осборнъ?»

Дѣвушка съ минуту посмотрѣла Уильяму въ лицо и потомъ, тоже поблѣднѣвъ, вскричала:

— Ахъ, Боже мой! да это майоръ Доббинъ! и вмѣстѣ съ тѣмъ протянула къ небу обѣ ручки. — Неужели вы не помните меня? продолжала она. — Неужели вы забыли, какъ я называла васъ майоромъ Шюгарплюмсомъ?

Услышавъ это, майоръ заключилъ дѣвушку въ свои объятія и поцаловалъ (надо замѣтить, Доббинъ велъ себя подобнымъ образомъ первый разъ въ жизни), а та начала истерически плакать и смѣяться. На крикъ ея вышли родители и, конечно, несказанно удивились, увидѣвъ дочь свою въ объятіяхъ высокаго мужчины въ синемъ фракѣ и бѣлыхъ лосинныхъ панталонахъ.

— Я вашъ старинный другъ, началъ Уильямъ, само собой разумѣется, раскраснѣвшись, при этомъ случаѣ, какъ нельзя болѣе. — Помните ли вы меня, мистриссъ Клаппъ, а со мной вмѣстѣ и тѣ вкусные пирожки, которые вы приготовляли къ чаю?... Клаппъ! неужели и вы забыли меня? Я крестный отецъ маленькаго Джоржа и только что воротился изъ Индіи.

Началось общее искреннее пожатіе рукъ. Мистриссъ Клаппъ была растрогана и восхищена.

Хозяева дома ввели майора въ комнату Седли, гдѣ все было по прежнему, начиная отъ знакомыхъ ему фортепьянъ до алебастровой миніатюрной гробницы, внутри которой стучали золотые часы. Доббинъ опустился въ кресло. Отецъ, мать и дочь наперерывъ спѣшили разсказать ему о томъ, что намъ уже извѣстно, но чего не зналъ майоръ, — т. е. о смерти мистриссъ Седли, о томъ, что Джоржъ

Digitized by Google

живетъ у дѣдушки, о томъ, какимъ образомъ Амелія разсталась съ сыномъ, и вообще о всѣхъ подробностяхъ жизни мистриссъ Осборнъ. Раза три Уильямъ покушался спросить разскащиковъ о замужствѣ Эмми, но твердость духа постоянно измѣняла ему. Доббину не хотѣлось открывать свое сердце передъ людьми, вовсе чуждыми ему. Наконецъ майору сообщили, что Амелія, по обыкновенію, вышла прогуляться съ своимъ папа въ Кенсингтонскіе сады, такъ какъ теперь хорошая погода, и что мистеръ Седли уже очень слабъ, хотя мистриссъ Амелія ведетъ себя въ отношеніи къ нему какъ нельзя лучше.

— Я чрезвычайно тороплюсь, сказалъ на все это нашъ другъ: — есть очень важныя дѣла.... Однакожь, мнѣ не хотѣлось бы уйти отсюда не повидавшись съ мистриссъ Осборнъ.... Нельзя ли миссъ Полли прогуляться со мной и показать мнѣ дорогу?

Предложеніе это плѣнило и удивило миссъ Полли.

— О, я очень хорошо знаю эту дорожку, сказала она майору: — и покажу вамъ ее, если угодно... Я часто гуляла съ мистеромъ Седли, когда мистриссъ Осборнъ уходила на Россель-сиверъ. Я знаю и скамеечку, гдѣ обыкновенно садится мистеръ Седли.

Сказавъ это, миссъ Полли опрометью кинулась изъ комнаты, черезъ минуту возвратилась — въ лучшей шляпкѣ, въ желтой шали своей мама и съ огромной брошкой. Послѣдняя была надѣта, вѣроятно, съ тою цѣлью, чтобъ показаться достойной спутницей майора.

Доббинъ протянулъ руку: юная леди взяла ее; и вотъ наша парочка, въ веселомъ расположеніи духа, отправилась отыскивать Амелію. Майора страшила предстоявшая ему сцена свиданія, и потому онъ отъ души былъ радъ имѣть кого нибудь подъ рукой. Уильямъ закидалъ свою спутницу вопросами на счетъ мистриссъ Осборнъ; и при одной мысли даже, что Эмми пришлось разлучиться съ сыномъ, на душѣ у него становилось тяжело. «Какъ она перенесла эту разлуку? часто ли видится съ Джорджемъ? Въ какомъ положеніи теперь самъ мистеръ Седли?» На всѣ эти вопросы майора Шютарлюмса Полли отвѣчала какъ умѣла.

На пути случилось съ ними происшествіе, простое въ сущности, но другу нашему доставившее величайшее восхищеніе. Идя по одной улицѣ, Уильямъ и Полли увидѣли блѣднаго молодого человѣка съ маленькими усиками и въ туго затянутомъ галстухѣ. Молодой человѣкъ велъ подъ руку двухъ леди, изъ которыхъ одна была высокая, повелительной наружности, среднихъ лѣтъ женщина, а другая — маленькая ростомъ, смугляночка, украшенная новенькой шляпкой съ бѣлыми лентами, одѣтая въ бархатъ и при великолѣпныхъ золотыхъ часахъ. Джентльменъ, который велъ дамъ, или, вѣрнѣе, котораго вели дамы, несъ зонтикъ, шаль и корзинку, такъ что онъ никоимъ образомъ не могъ дотронуться до шляпы, въ отвѣтъ на поклонъ миссъ Полли Клапъ. Однакожь, онъ смиренно кивнулъ головой, между тѣмъ какъ спутницы его возвратили привѣтствіе миссъ Клапъ съ покровительственнымъ тономъ, въ тоже время строго посмотрѣвъ на про-

Digitized by Google

вожавшую миссъ Полли особу въ синемъ фракѣ и съ бамбуковой тростью.

— Кто это? спросилъ майоръ, любуясь группой и давая дорогу.

— Это нашъ куратъ мистеръ Бинни и его сестрица миссъ Бинни, отвѣчала Полли, наивно взглянувъ на Уильяма. — Ахъ, еслибъ вы знали, какъ она терзаетъ насъ въ воскресныхъ классахъ!... А третья леди, съ потупленными глазками и хорошенькими часиками — это мистриссъ Бинни, урожденная миссъ Гритсъ, продолжала Полли. — Они вѣнчались въ прошломъ мѣсяцѣ и возвращаются теперь отъ Маргейта. За миссъ Гриттсъ дали пять тысячъ приданаго.... Миссъ Бинни, которая устроила эту партію, уже поссорилась со своей золовкой.

Сначала майоръ чувствовалъ себя какъ-то неловко; но теперь, при послѣднихъ словахъ Полли, онъ началъ стучать по тротуару своей тростью съ такимъ учащеннымъ тактомъ, что спутница его невольно засмѣялась. Съ минуту стоялъ Доббинъ молча, съ открытымъ ртомъ, глядя вслѣдъ за удалявшейся четой, между тѣмъ какъ миссъ Полли дѣлала свои пояснения, изъ которыхъ майоръ ничего не слышалъ, кромѣ женитьбы достопочтеннаго курата. Уильямъ гордо приподнялъ голову при такой радостной вѣсти. Доббинъ удвоилъ свои шаги, — и черезъ нѣсколько минутъ наша парочка вошла въ старинные ворота Кенсингтонскаго сада.

— Вонъ они! видите? говорила Полли.

Вдругъ она почувствовала, что майоръ содрогнулся, и съ разу догадалась, въ чемъ дѣло. Въ одно мгновеніе передъ Полли раскрылась вся эта исторія, какъ будто она читала ее въ одномъ изъ своихъ любимыхъ романовъ: «Сиротка Фанни», или «Шотландскіе Предводители».

— Вы были бы очень добры, миссъ Полли, еслибъ добѣжали до нихъ и предъувѣдомили, сказалъ Доббинъ.

Полли поспѣшила исполнить желаніе майора. Желтая шаль ея развѣялась въ воздухѣ.

Старикъ Седли сидѣлъ на скамейкѣ; на колѣняхъ у него лежалъ носовой платокъ. Видно было, что онъ разсказывалъ какую-то старую исторію о старыхъ временахъ. Амелія терпѣливо выслушивала ее, улыбаясь по временамъ. Увидѣвъ бѣгущую къ ней Полли, она вскочила со скамейки. Первая мысль ея была о сынѣ — не случилось ли съ нимъ чего нибудь. Но веселость въ лицѣ Полли разсѣяла страхъ въ робкой душѣ матери.

— Новости! новости! кричала посланная майора Доббина. — Пріѣхалъ! пріѣхалъ!

— Кто пріѣхалъ? спросила Эмми, все еще думая о Джоржѣ.

— А вотъ взгляните, отвѣчала миссъ Клапъ, оборотившись и показывая въ ту сторону, гдѣ стоялъ Уильямъ.

Амелія увидѣла сухощавую фигуру Доббина и его длинную тѣнь, тянувшуюся съ нимъ рядомъ по травѣ. Эмми изумилась, раскраснѣ

Digitized by Google

лась и стала плакать. Доббинъ взглянулъ на нее — о, какъ нѣжно, какъ страстно взглянулъ онъ на это милое созданіе, бѣжавшее къ нему на встрѣчу, съ протянутыми руками, готовыми обнять его! Амелія очень мало измѣнилась. Немного блѣдна и немного пополнѣла; но глаза — глаза тѣже самые, добрые, выражающіе нѣжность и довѣріе. Въ мягкихъ каштановыхъ волосахъ изрѣдка показывалась, однакожь, сѣдина. Протянувъ обѣ ручки, разрумянившись и улыбаясь, Эмми сквозь слезы смотрѣла въ кроткое лицо Доббина. Уильямъ взялъ эти маленькія ручки и положилъ ихъ между своими жосткими, черными руками. Съ минуту онъ былъ безмолвенъ. Почему бы ему не обнять Амеліи и не поклясться, что онъ никогда не оставитъ ея? Эмми не воспротивилась бы: ей оставалось только повиноваться Уильяму.

— Я долженъ сообщить вамъ о прибытіи другой особы, сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

— Мистриссъ Доббинъ? да? спросила Амелія и сдѣлала невольное движеніе назадъ.

— Нѣтъ! возразилъ майоръ, опуская ручки вдовы. — Скажите, пожалуста, кто сказалъ вамъ это? Это — ложь, продолжалъ онъ. — Вашъ братъ Джозъ возвратился на одномъ кораблѣ со мной и въ эту минуту ѣдетъ домой, чтобъ осчастливить васъ.

— Папа! папа! вскричала Эмми: — вотъ новости, такъ новости! Братъ въ Англіи. Онъ ѣдетъ сюда беречь васъ.... Рекомендую вамъ— майоръ Доббинъ.

При такомъ неожиданномъ извѣстіи, мистеръ Седли содрогнулся. Собравшись, однакожь, съ мыслями, онъ привсталъ впередъ, сдѣлалъ старомодный поклонъ, назвалъ майора мистеромъ Доббиномъ, высказалъ, при этомъ, свое предположеніе на счетъ добраго здоровья почтеннаго родителя майора, сэра Уильяма, и, въ заключеніе, изъявилъ намѣреніе зайти къ сэру Уильяму, который нѣсколько времени назадъ сдѣлалъ ему честь своимъ посѣщеніемъ. А послѣднее посѣщеніе сэра Уильяма было лѣтъ восемь тому назадъ. Объ этомъ-то визитѣ и вспомнилъ теперь старый джентльменъ.

— Онъ совсѣмъ разстроенъ, шепнула Эмми, въ то время, какъ Доббинъ, подойдя къ мистеру Седли, отъ души пожалъ ему руку.

Хотя майоръ имѣлъ весьма важныя дѣла въ этотъ вечеръ, но, не находя силъ отказаться отъ приглашенія мистера Седли возвратиться домой и выпить съ нимъ вмѣстѣ стаканъ чаю, онъ согласился отложить свои занятія до другого времени. Амелія, взявъ подъ руку свою подругу въ желтой шали, пошла впередъ. Мистеръ Седли достался на долю Доббина. Старикъ шелъ очень тихо и въ продолженіи всей дороги разсказывалъ множество старыхъ исторій изъ своей жизни, объ умершей женѣ, о своемъ прежнемъ благоденствіи и наконецъ банкрутствѣ. Мысли его безпрестанно обращались къ протекшимъ временамъ, что обыкновенно бываетъ со всѣми разорившимися стариками. Уильямъ весело выслушивалъ разсказы мистера Седли; а между

Digitized by Google

тѣмъ глаза его постоянно были обращены по направленію къ Амеліи — на неоцѣненное для него маленькое созданіе, которое постоянно представлялось и его воображенію и въ его молитвахъ, которое наполняло его дневныя мечты и ночныя грёзы.

Во весь тотъ вечеръ мистриссъ Осборнъ была очень счастлива и дѣятельна. Улыбка ни на минуту не оставляла ея миленькаго личика. По мнѣнію Доббина, Эмми вполнѣ исполняла обязанность хозяйки дома, и притомъ съ приличіемъ и граціей. Подъ прикрытіемъ сумерекъ, взоры его всюду слѣдовали за ней. Сколько разъ онъ мечталъ объ этой счастливой минутѣ, находясь подъ знойнымъ небомъ Индіи, — сколько разъ онъ думалъ объ Амеліи и рисовалъ ее въ своемъ воображеніи нѣжною и счастливою, кротко предающеюся недостаткамъ старости и украшающею нищету плѣнительной покорностью; однимъ словомъ, Доббинъ представлялъ себѣ Эмми въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ нашелъ ее теперь. И, снисходя на ея кроткія убѣжденія, Доббинъ готовъ былъ выпить столько чашекъ чаю, сколько во время оно пивалъ ихъ нашъ знаменитый докторъ Джонсонъ. Замѣтивъ въ майорѣ эту наклонность, Амелія одобряла его скромнымъ смѣхомъ и, наливая чашку за чашкой, плутовато поглядывала на него. Весьма вѣроятно, она не знала, что Доббинъ еще не обѣдалъ, что въ гостинницѣ Слотерсъ стоялъ готовый приборъ для него, и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ, Доббинъ, не разъ пировалъ съ Джоржемъ, когда Амелія была еще ребенкомъ, только что возвратившимся домой изъ пансіона миссъ Пинкертонъ.

Первая вещь, которую мистриссъ Осборнъ показала Уильяму, былъ миніатюръ маленькаго Джоржа. Портретъ, конечно, и вполовину не походилъ на оригиналъ; но скажите, не благородно ли со стороны мальчика сдѣлать своей матери такой милый подарокъ? Здѣсь кстати замѣтить, когда папа Амеліи не спалъ, она очень мало говорила о своемъ сынѣ: на мистера Седли весьма непріятно дѣйствовало все, что касалось мистера Осборна и Россель-сквера. Старику и на умъ не приходило, что послѣдніе мѣсяцы онъ питался единственно подаяніемъ своего богатаго врага, малѣйшій намекъ о которомъ приводилъ его въ раздраженіе.

Доббинъ разсказалъ мистеру Седли все, и можетъ быть болѣе, нежели все, происходившее на кораблѣ Рамкундеръ, и черезчуръ преувеличивалъ твердое намѣреніе Джоза успокоить преклонныя лѣта отца. Мы уже говорили, какъ, во время вояжа, майоръ вынудилъ у своего спутника обѣщаніе принять подъ покровительство сестру и ея маленькаго сына. Доббинъ утишилъ раздраженіе Джоза по поводу векселей, написанныхъ старымъ джентльменомъ на имя сына, юмористически разсказалъ о своемъ собственномъ ущербѣ съ этой же стороны и о знаменитомъ порученіи распродажи вина, которымъ мистеръ Седли почтилъ его, — и такимъ образомъ Уильямъ поселилъ въ Джоѣ (который, надо замѣтить, былъ добрый малый, когда ему

Digitized by Google

умѣлъ урожлать и умѣренно польстить) чувство уваженія къ его родственникамъ въ Европѣ.

Стыдно, а — дѣлать нечего — надо сознаться, что майоръ въ истинѣ своихъ увѣдомленій зашелъ такъ далеко, что сказалъ мистеру Седли, будто главнымъ побужденіемъ къ пріѣзду Джоза въ Европу было желаніе свидѣться съ родителемъ.

Въ обычный часъ мистеръ Седли сталъ дремать въ своемъ креслѣ, чѣмъ и доставилъ Амеліи случай начать разговоръ, предметъ котораго исключительно составлялъ ея Джоржъ. Она ни слова не сказала объ испытанныхъ ею страданіяхъ при разлукѣ съ нимъ. Разставаясь съ сыномъ, эта достойная женщина хотя и чувствовала себя убитою, но въ душѣ своей сознавалась, что невеликодушно было бы съ ея стороны сожалѣть и сѣтовать объ этой разлукѣ. Эмми все высказала, что относилось собственно до ея Джоржа — объ его прекрасныхъ качествахъ, талантахъ и видахъ въ будущемъ, — описала его необыкновенную красоту, представила сотни примѣровъ его щедрости и величія души, оказанныхъ имъ въ то время, когда онъ жилъ съ нею, — разсказала, какъ дюшесса остановила Джоржа и любовалась имъ въ Кенсингтонскихъ садахъ, — какъ лелѣютъ его теперь, — упомянула и о томъ, что у ея сына шотландская лошадка, — какимъ быстрымъ соображеніемъ и твердымъ разсудкомъ обладаетъ онъ, и какой глубомысленный, начитанный и вообще любезный человѣкъ учитель Джоржа, мистеръ Лоренсъ Вилъ.

— Этотъ человѣкъ знаетъ все, говорила Амелія. — У него бываютъ очаровательныя собранія. Вы, Доббинъ, которые сами такъ учены, такъ много читали, такъ умны и во всемъ такъ совершенны, пожалуста, не качайте головой и не говорите: нѣтъ.... это я отъ него слышала.... Я увѣрена, что вы останетесь въ восторгѣ отъ собраній мистера Вила. Онъ даетъ ихъ въ послѣдній вторникъ каждаго мѣсяца.... Мистеръ Вилъ говоритъ, что врядъ ли найдется мѣсто на поприщѣ судебной части, котораго Джоржъ не въ состояніи былъ бы занять.... Да вотъ взгляните сюда....

И Амелія взяла съ фортепьяно сочиненіе Джоржа, которое, какъ великое произведеніе генія, и теперь еще хранится у нея. Написано оно было на слѣдующую тему:

«*Самолюбіе*. Изъ всѣхъ пороковъ, унижающихъ достоинство человѣка, Самолюбіе есть самый презрѣнный и вредный. Недостойная любовь Себя ведетъ къ ужаснѣйшимъ преступленіямъ и производитъ величайшія несчастія какъ въ *государствахъ*, *такъ и въ семействахъ*. Какъ самолюбивый человѣкъ доводитъ свое семейство до бѣдности и очень часто до гибели, такъ и самолюбивый властелинъ губитъ своихъ подданныхъ и часто ввергаетъ ихъ въ необходимость вести войну.

Примѣръ: самолюбіе Ахиллеса, какъ замѣчаетъ Гомеръ, причинило грекамъ множество бѣдъ — μυρί' Ἀχαιοῖς ἄλγε' ἔθηκε — (Годъ, И. 2). Самолюбіе Наполеона Бонапарте повлекло за собой безчисленныя войны

Digitized by Google

и было главной причиной его собственной гибели, на пустынномъ островѣ св. Елены, что̀ на Атлантическомъ океанѣ.

Изъ этихъ примѣровъ усматриваемъ, что во всѣхъ дѣйствіяхъ нашихъ мы не должны слѣдовать внушеніямъ нашей собственной пользы и нашего честолюбія, но что непремѣнно должно имѣть въ виду выгоды другихъ, такъ какъ будто онѣ были наши собственныя.

Вансіонъ Аѳины. 24 апрѣля 1847 года».

Джоржъ С. Осборнъ.

— Подумайте только о томъ, какой у Джоржа прекрасный почеркъ, и что въ эти лѣта онъ ссылается на греческихъ писателей, сказала восторженная мать. — О, Уильямъ! прибавила она, протягивая къ нему руку: — если бы вы знали, какимъ сокровищемъ въ этомъ ребенкѣ наградило меня небо! Онъ составляетъ все утѣшеніе моей жизни; онъ — живое изображеніе того.... кого уже нѣтъ....

«Смѣю ли я сердиться за ея вѣрность къ нему? — думалъ Уильямъ. — Имѣю ли я право ревновать ее къ умершему другу моему, или оскорбляться тѣмъ, что такое сердце, какъ у Амеліи, можетъ полюбить только разъ и полюбить навсегда?... О, Джоржъ, Джоржъ! какъ надо цѣнилъ ты сокровище, которымъ обладалъ!»

Мысли эти быстро пронеслись въ умѣ Доббина, когда онъ держалъ руку мистриссъ Осборнъ. Глаза его были влажны.

— Безцѣнный другъ мой! сказала она, сжимая руку Доббина: — какъ добры, какъ внимательны всегда были вы ко мнѣ!... Ахъ, вотъ и папа просыпается. Вы пойдете завтра повидаться съ Джоржемъ? да?

— Нѣтъ, завтра не могу, отвѣчалъ Доббинъ: — у меня есть очень важныя дѣла.

Майору не хотѣлось признаться, что онъ не былъ еще у своихъ родителей и не видался съ своей возлюбленной сестрицей Анной — забывчивость, за которую, какъ я полагаю, каждый благовоспитанный человѣкъ уворилъ бы майора. И Доббинъ въ ту же минуту распростился, оставивъ для Джоза свой адресъ. Такимъ образомъ, первый день прошелъ. Уильямъ видѣлъ *ее*.

Съ возвращеніемъ майора въ Слотерсъ, безъ всякаго сомнѣнія, жареная дичь его давно остыла и онъ ужиналъ ее холодную. Зная, какъ рано отправлялось его семейство на покой, и не предвидя особенной необходимости нарушать его сонъ, майоръ Доббинъ отправился въ Гаймаркетскій театръ, гдѣ, надо полагать, и наслаждался чистымъ удовольствіемъ.

ГЛАВА LIX.

СТАРОЕ ФОРТЕПЬЯНО.

Посѣщеніе майора возбудило въ душѣ Джона Седли сильное волненіе. Амелія никакъ не могла склонить его къ обычнымъ вечернимъ

Digitized by Google

занятіямъ или удовольствіямъ. Весь тотъ вечеръ старикъ перешаривалъ въ своихъ ящикахъ и конторкахъ, дрожащими руками развязалъ всѣ свои бумаги, подбирая ихъ по порядку и раскладывая къ пріѣзду Джоза. Бумаги эти находились у мистера Седли въ величайшемъ порядкѣ, начиная отъ свурочковъ до росписокъ и различной переписки съ адвокатами и корреспондентами. Тутъ находились и документы относительно винной спекуляціи (которая при началѣ обѣщала такіе блестящіе успѣхи, но потомъ вдругъ упала по самому неизъяснимому случаю), далѣе — документы, касающіеся угольной спекуляціи (которая сдѣлалась бы единственною въ своемъ родѣ, еслибъ только не недостатокъ въ деньгахъ), спекуляціи насчетъ патентованной пильной мельницы и соединенія опилковъ, и проч., и проч. Надъ приведеніемъ этихъ документовъ въ порядокъ старикъ просидѣлъ до поздней ночи, переходя иногда изъ одной комнаты въ другую со свѣчей въ трепещущей рукѣ.

— Вотъ эти бумаги относятся до вина, эти — до опилковъ, эти — до угля, а вотъ это мои письма въ Калькутту и Мадрассъ, и отвѣты майора Доббина и мистера Джозефа. Эмми! кажется, у меня все исправно? сказалъ старый джентльменъ.

Эмми улыбнулась.

— Право, папа, не полагаю, чтобы Джозъ вздумалъ разсматривать ваши бумаги, замѣтила она.

— Ахъ, мой другъ, ты ничего не смыслишь въ этомъ дѣлѣ, возразилъ мистеръ Седли, значительно покачавъ головой.

И дѣйствительно, Эмми ничего не смыслила въ этомъ дѣлѣ, — мнѣ кажется, оно и къ лучшему; и очень жаль, что нѣкоторые люди бываютъ уже слишкомъ свѣдущи. Разложивъ всѣ вышеупомянутые неопровержимые документы, старикъ тщательно накрылъ ихъ чистымъ банданскимъ платкомъ, сдѣлалъ самое строгое замѣчаніе мистриссъ Клаппъ и ея дочери, чтобы онѣ какъ нибудь не сбили этихъ бумагъ, которыя положены въ порядкѣ, на случай прибытія мистера Джозефа Седли, находящагося въ бенгальской гражданской службѣ остъ-индской компаніи.

На слѣдующее утро отецъ Амеліи поднялся до свѣту и чувствовалъ необыкновенную слабость.

— Мнѣ что-то не спалось, милая Эмми, сказалъ онъ. — Я думалъ о бѣдной Бесси. Ахъ, еслибъ она была жива и могла еще разъ покататься въ джозовой коляскѣ! И она когда-то держала свой экипажъ.

Глаза старика наполнились слезами, и вскорѣ онѣ одна за одной покатились по его морщинистому лицу. Но дочь отерла ихъ и съ улыбкой поцаловала отца. У шейнаго платка его она сдѣлала щегольской бантъ и воткнула булавку въ лучшую манишку. Такимъ-то образомъ украшенный и въ праздничномъ платьѣ, мистеръ Седли, съ шести часовъ утра, засѣлъ ждать своего сына.

Къ Соутамптонѣ, по улицѣ Гай, тянется рядъ великолѣпныхъ магазиновъ готоваго платья, въ зеркальныхъ окнахъ которыхъ вывѣшены

Digitized by Google

шинные жилеты всевозможныхъ родовъ: шолковые и бархатные, золотистые и пунцовые. Тамъ же увидите вы и модныя картинки съ изображеніемъ удивительныхъ джентльменовъ съ неизбѣжными лорнетками, маленькими мальчиками съ огромными глазами и кудрявыми волосами, и прелестными леди въ рединготахъ, скачущими мимо статуи Ахиллеса на Пикадилли. Джой хотя и имѣлъ превосходные камзолы, какіе только можно было найти въ Калькуттѣ, — но ему, однакожь, казалось, что, не имѣя на себѣ соутамптонскаго жилета, нельзя показаться въ Лондонѣ. Вслѣдствіе этого, онъ выбралъ для себя малиновый атласный, испещренный золотыми мушками, и другой — черный съ краснымъ бархатнаго тартана, съ бѣлыми шолковыми полосками и откиднымъ воротничкомъ. Въ этомъ жилетѣ и богатомъ голубомъ атласномъ галстухѣ, съ золотой булавкой, изображавшей скачущаго черезъ барьеръ наѣздника, по мнѣнію Джоза, смѣло можно было, не компрометируя себя, явиться въ столицѣ трехъ соединенныхъ королевствъ. Прежняя робость и неразвязность нашего пріятеля замѣнились теперь твердымъ сознаніемъ въ собственномъ достоинствѣ. Правда, присутствуя на губернаторскихъ балахъ въ Калькуттѣ, онъ чувствовалъ себя въ неловкомъ положеніи, когда какая нибудь леди устремляла на него свои взоры, и хотя, подъ вліяніемъ такихъ взглядовъ, Джой краснѣлъ и, встревоженный, отворачивался, — но это по той причинѣ, что онъ боялся, чтобы не влюбились въ него. Не имѣя никакой склонности къ супружеской жизни, пріятель нашъ старался избѣгать женщинъ. До него дошли, впрочемъ, слухи, что такого франта, каковъ Седли ватерлосскій, въ Калькуттѣ еще не бывало до того времени. Холостежь весело пировала за его превосходными обѣдами, и серебро его было чуть ли не самое лучшее во всей окружности.

Приготовленіе жилетовъ для огромной фигуры мистера Джоя заняло по крайней мѣрѣ цѣлый день, часть котораго онъ употребилъ на вписываніе лакея, а другую — посвятилъ распоряженіямъ при разборкѣ багажа, шкатулокъ и книгъ (которыхъ онъ никогда не читалъ), различныхъ индѣйскихъ вещей, шалей и платковъ (назначенныхъ въ подарокъ людямъ, которыхъ онъ еще не зналъ).

Наконецъ, уже на третій день, Джозъ, облачившись въ новый жилетъ, рѣшился двинуться въ Лондонъ. Поѣздъ его представлялъ собой довольно интересное зрѣлище. Индѣецъ, дрожа отъ холоду и завернувшись въ шаль, возсѣдалъ на козлахъ рядомъ со слугой-европейцемъ. Самъ же господинъ, покуривая гукахъ, сидѣлъ въ экипажѣ такъ величественно, что очень многіе принимали его за генералъ губернатора. Мистеръ Седли не пропускалъ почти ни одного мѣстечка, гдѣ бы не склонился на услужливыя приглашенія содержателей гостинницъ остановиться и подкрѣпить себя. Такимъ образомъ, позавтракавъ въ Соутамптонѣ, онъ счелъ нужнымъ выпить въ Винчестерѣ хересу, а въ Альтонѣ попробовать эля, которымъ это мѣсто славилось. Въ Фарнамѣ Джозу захотѣлось осмо-

Digitized by Google

трётъ епископскій замокъ и хотяти ужь покушать здѣсь нарѣзанныхъ угрей, телячьихъ котлетъ и французскихъ бобовъ и запить все это бутылкой хорошаго клорета. Въ Башнотѣ онъ промёрзъ, да индѣецъ его едва не умиралъ отъ холоду; вслѣдствіе этого мистеръ Седли заказалъ себѣ легонькій грогъ. Короче сказать, онъ въѣзжалъ въ Лондонъ нагруженный виномъ, пивомъ, разными колбасами и табакомъ, ни дать ни взять, какъ буфетъ на пароходѣ. Было уже довольно поздно, когда коляска Джоя подкатилась къ маленькой двери въ Бромптонѣ. Надо отдать справедливость сыновней привязанности нашего пріятеля: онъ прямо отправился въ родительскій домъ, не заглянувъ даже въ апартаменты, нанятые майоромъ Доббиномъ въ гостинницѣ Слотерсъ.

Лица всѣхъ проживающихъ въ этой улицѣ высунулись изъ оконъ. Молоденькая служанка бросилась къ калиткѣ. Члены семейства Клапъ выглядывали изъ форточки своей разукрашенной кухни. Эмми, въ сильномъ смущеніи, стояла въ коридорѣ, между висѣвшими шляпами и платьями. Старикъ Седли, дрожа всѣмъ тѣломъ, оставался въ комнатѣ. Джозъ между тѣмъ вышелъ изъ почтовой коляски, поддерживаемый своимъ новымъ соутамптонскимъ лакеемъ и индѣйцемъ, смуглое лицо котораго побагровѣло отъ холода. Однакожь, при самомъ появленіи своемъ въ коридорѣ, индѣецъ тотчасъ же встрѣтилъ здѣсь чувствительныя сердца, въ лицѣ мистриссъ и миссъ Клапъ, которыя, пробравшись въ коридоръ, можетъ быть съ извинительною цѣлью подслушать, что происходило въ комнатѣ, замѣтили между висѣвшими платьями Лолли Джуаба, испускающаго странные, жалкіе стоны и выказывающаго свои желтые глаза и бѣлые зубы.

На этомъ мѣстѣ, какъ вы видите, мы довольно искусно притворили дверь, за которой происходила встрѣча Джоза съ его престарѣлымъ отцомъ и нѣжной сестрой. Мистеръ Седли, какъ и слѣдуетъ, былъ очень тронутъ; не менѣе его была разстрогана и дочь; ну да и Джозъ былъ не безъ чувствъ. Въ долгія десять лѣтъ разлуки, мнѣ кажется, и самолюбивѣйшіе изъ смертныхъ не разъ вспомянутъ о родительскомъ кровѣ и о тѣхъ узахъ, которыми они съ нимъ связаны. Дальность разстоянія освящаетъ то и другое. Продолжительное размышленіе надъ протекшими удовольствіями увеличиваетъ ихъ прелесть и плѣнительность. Джозъ непритворно радовался свиданію съ своимъ отцомъ, радовался свиданію съ сестрой и отъ души жалѣлъ о перемѣнѣ, какую время, скорбь и несчастіе произвели въ разстроенномъ старикѣ. Эмми шептала брату своему о смерти матери и просила не напоминать о томъ отцу. Но предосторожность эта оказалась излишнею: старикъ Седли самъ заговорилъ о потерѣ жены и заливался горькими слезами, что вконецъ разстрогало нашего индѣйца и заставило его понизиться въ томъ мнѣніи, которое онъ до сихъ поръ имѣлъ о своей собственной особѣ.

Итакъ, результатъ свиданія вышелъ весьма удовлетворителенъ. Это мы заключаемъ изъ того, что когда Джой оставилъ отца и сестру,

Digitized by Google

Эмми нѣжно обняла родителя, обращаясь къ нему съ торжествующимъ видомъ, и спрашивала:

— Ну, что, папа, не правду ли я говорила, что у брата добрая душа?

И дѣйствительно. Джозефъ Седли, тронутый положеніемъ своихъ кровныхъ и въ избыткѣ нѣжныхъ чувствъ, возбужденныхъ первой встрѣчей съ ними, объявилъ, что съ этого времени они ни въ чемъ не будутъ нуждаться, что онъ возвратился домой на продолжительное время, въ теченіи котораго домъ его и все, что въ домѣ, будетъ готово къ услугамъ его отцу и сестрѣ, и наконецъ, что онъ увѣренъ въ Эмми какъ въ премиленькой хозяйкѣ за его столомъ.... конечно, до того времени, пока ей не вздумается заняться своимъ собственнымъ хозяйствомъ.

Мистриссъ Осборнъ печально кивала головой и, по врожденной склонности, прибѣгала къ слезамъ. Она знала очень хорошо, что нужно было понимать подъ этими словами. Вечеромъ, послѣ посѣщенія майора, Амелія, при посредничествѣ своей подруги, внимательно разсмотрѣла этотъ предметъ. Бойкая Полли не могла долѣе удерживаться и не высказать сдѣланнаго ею открытія. Она описала Эмми и испугъ и радость, обнаруженные Доббиномъ при встрѣчѣ съ мистеромъ Бинни и его молодой супругой.

— Въ эту минуту, говорила Полли: — майоръ убѣдился, что у него нѣтъ соперника. Неужели вы не замѣтили, какъ онъ задрожалъ, когда вы спросили его, женатъ ли онъ? и какимъ тономъ произнесъ онъ: «кто вамъ солгалъ это?» О Эмми, Эмми! вы вѣрно не замѣтили и того, что майоръ все время не спускалъ съ васъ глазъ. И я увѣрена, что онъ посѣдѣлъ оттого, что постоянно думалъ о васъ.

Но мистриссъ Осборнъ, взглянувъ на постельку, надъ которой висѣли портреты ея мужа и сына, приказывала своей подругѣ впредъ и не упоминать объ этомъ предметѣ. Эмми прибавляла, что майоръ Доббинъ былъ искреннимъ другомъ покойнаго Джорджа и добрѣйшимъ и великодушнѣйшимъ попечителемъ ея самой и ея сына, — что она любитъ Уильяма какъ брата, и что женщина, которая имѣла мужемъ своимъ такого совершеннаго человѣка (при этомъ Эмми указывала на стѣну), и подумать не можетъ о второмъ бракѣ. На все это Полли отвѣчала вздохами, загадывая въ тоже время, что ей придется дѣлать, если молодой мистеръ Томкинсъ, пріобрѣтавшій свѣдѣнія по медицинской части, такъ умильно поглядывавшій на нее въ церкви и этими взглядами приводившій ея робкое сердечко въ такой трепетъ, что она готова была сдаться немедленно, — что бы она стала дѣлать, размышляла Полли, еслибъ мистеръ Томкинсъ умеръ? Миссъ Клапъ знала, что ея возлюбленный расположенъ къ чахоткѣ, что доказывали его румяныя щоки и необычайно тонкій станъ.

Нельзя сказать, однакожъ, чтобъ Эмми, убѣдившись въ привязанности къ ней майора Доббина, обезкураживала нашего друга или чувствовала неудовольствіе въ его присутствіи. Любовь такого джентльмена

Digitized by Google

не могла разсердить никакую женщину. Дездемона нисколько не претендовала на Кассіо, хотя, въ чемъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, и замѣтила въ немъ пристрастіе къ своей особѣ. Потому же поводу Миранда была очень снисходительна къ Калибану. Конечно, она не ободрала его; но вѣдь и Эмми не сдѣлала бы этого со своимъ обожателемъ майоромъ. Она оказывала бы ему то дружеское уваженіе, на которое имѣли право и его достоинства и вѣрность; Амелія обходилась бы съ Уильямомъ съ совершеннымъ чистосердечіемъ и откровенностью, пока онъ не сдѣлалъ бы ей предложенія; а тогда еще не поздно было бы вдовѣ-нашей объясниться и положить конецъ несбыточнымъ надеждамъ Доббина.

Послѣ разговора съ Полли, мистриссъ Осборнъ провела ночь въ самомъ сладкомъ снѣ и казалась счастливою болѣе обыкновеннаго, несмотря на отложенное Джозомъ свиданіе. «Я отъ души рада, что Уильямъ не женился на миссъ о'Доудъ» — думала Эмми. — У полковника о'Доуда никогда не могло быть сестры, достойной составить партію такому превосходному человѣку, какъ майоръ Доббинъ». — Но кто бы это была такая въ маленькомъ кружкѣ знакомыхъ мистриссъ Осборнъ, которая могла бы быть хорошей женой Уильяма? Миссъ Бинни — не годится: она очень стара, и у нея дурной характеръ. Миссъ Осборнъ — тоже слишкомъ стара. Маленькая Полли — слишкомъ молода. И, пока не заснула, вдова наша никакъ не могла выбрать майору спутницу въ жизни.

На другое утро, съ полученіемъ письма отъ Джоя, разсѣялись всѣ недоумѣнія относительно его медленности. Братъ писалъ сестрѣ, что, чувствуя себя утомленнымъ послѣ дороги, онъ не въ силахъ былъ выѣхать изъ Соутамптона и рѣшился отложить до слѣдующаго дня свое желаніе видѣться съ отцомъ и Амеліей.

Тоже утро подарило письмомъ отъ Джоза Седли и его друга майора Доббина. Джой упрашивалъ дорогого Доба извинить его вчерашнюю запальчивость при настоятельныхъ просьбахъ ѣхать съ нимъ вмѣстѣ (онъ, Джозефъ, чувствовалъ тогда сильную головную боль и находился подъ вліяніемъ перваго сна). Вмѣстѣ съ тѣмъ мистеръ Седли поручалъ Добу занять для него и его прислуги комфортабельныя комнаты въ гостинницѣ Слотерсъ. Вояжъ сдѣлалъ майора необходимымъ Джою и привязалъ его къ нему. Прочіе пассажиры уѣхали въ Лондонъ. Молодой Риккетъ и маленькій Чаффersъ въ тотъ же день отправились въ дилижансѣ. Риккетъ помѣстился на козлахъ и взялъ отъ Ботли возжи. Докторъ поѣхалъ въ Портси къ своему семейству, Брагтъ — къ своимъ партнёрамъ; помощникъ капитана остался разгружать Рамкундеръ. Мистеръ Джозъ въ Соутамптонѣ былъ совершенно одинокъ и для развлеченія пригласилъ хозяина гостинницы выпить съ нимъ вина. Въ тотъ самый часъ, когда майоръ сидѣлъ за столомъ отца своего, сэра Уильяма, удивительно, откуда только сестра его могла знать, что онъ уже видѣлся съ мистриссъ Осборнъ.

Digitized by Google

Мистеръ Седли устроился въ гостинницѣ Слотерсъ отличнымъ образомъ. Онъ могъ съ невозмутимымъ комфортомъ наслаждаться своимъ гукахомъ, могъ, когда вздумается, итти въ любой театръ, — короче сказать, такъ былъ доволенъ своимъ состояніемъ, что никогда бы, кажется, не оставилъ гостинницы Слотерсъ, еслибъ только не этотъ майоръ Доббинъ.— Уильямъ не давалъ бенгальцу покоя до тѣхъ поръ, пока тотъ не исполнилъ своего обѣщанія въ отношеніи Амеліи и старика Седли. Джой въ рукахъ другого всегда оказывался малымъ сговорчивымъ; а Доббинъ былъ, какъ мы знаемъ, самый дѣятельный хлопотунъ по дѣламъ, только не по своимъ собственнымъ. Такимъ образомъ, индѣецъ сдѣлался легкою жертвою невинныхъ козней нашего добродушнаго дипломата и соглашался дѣлать все, что только казалось другу его необходимымъ: и покупать, и нанимать, и уступать! Лолль Джуабъ, котораго училищные мальчишки, при взглядѣ на его черное лицо, выбирали предметомъ своихъ насмѣшекъ, былъ отправленъ въ Калькутту, на ость-индскомъ кораблѣ «Леди Киккльбри», въ которомъ сэръ Уильямъ Доббинъ имѣлъ свой пай. Конечно, Джой не прежде отпустилъ Лолла Джуаба на родину, пока тотъ не научилъ его лакея-европейца приготовлять корри, пилавы и трубки. Въ настоящее время, величайшимъ удовольствіемъ и самымъ важнымъ занятіемъ мистера Седли было наблюдать, какъ дѣлали коляску, заказанную имъ и майоромъ, и къ которой они купили пару прекрасныхъ лошадей. Джозъ по прежнему сталъ разъѣзжать по паркамъ и навѣщать своихъ индѣйскихъ друзей. Амелія довольно часто сопутствовала брату въ его прогулкахъ; да и майоръ Доббинъ нерѣдко показывался на заднемъ мѣстѣ экипажа. Иногда въ коляску садились старикъ Седли, дочь его и миссъ Клапъ, при чемъ послѣдняя приходила въ великій восторгъ, когда проѣзжала мимо медицинскаго училища, и когда въ одномъ изъ оконъ котораго показывалось лицо нѣкоего молодого джентльмена.

Спустя нѣсколько времени послѣ появленія Джоза въ Бромптонѣ, въ скромномъ домикѣ, гдѣ семейство Седли провело десять лѣтъ своей жизни, произошла довольно трогательная сцена. Въ одинъ ясный день къ воротамъ этого домика подъѣхала коляска, которая и увезла мистера Седли и его дочь, съ тѣмъ, чтобъ уже не возвращаться болѣе. Слезы, пролитыя хозяйкой и ея дочерью, были такъ обильны и такъ непритворны, что подобныхъ имъ въ продолженіи всей предлежащей исторіи намъ еще не случалось видѣть. Во все время продолжительнаго знакомства своего и пріязни съ Амеліей мистриссъ и миссъ Клапъ не слышали отъ нея никакого грубаго слова. Она во всемъ представляла собою нѣжность и кротость, постоянно оказывалась благодарною, милою, даже и тогда, когда мистриссъ Клапъ, приступая съ требованіями за квартиру денегъ, иногда выходила изъ себя. Съ отъѣздомъ этого любящаго созданія добрая хозяйка дома упрекала себя за тѣ грубыя выраженія, которыя она по временамъ невольно употребляла; и о, какъ горько плакала мистриссъ Клапъ, при-

Digitized by Google

клеивая въ окнахъ опустѣлыхъ комнатъ, объявленіе: «комнаты сіи отдаются въ наемъ!» Ясно какъ день, что Клаппамъ не найти такихъ жильцовъ, что и подтвердилось впослѣдствіи. И, какъ бы въ отмщеніе себѣ, мистриссъ Клапъ приступила къ страшнымъ налогамъ на чай и баранину для своихъ *locataires*. Большая часть изъ нихъ бранились и ворчали, нѣкоторые не платили, никто не оставался долго. Поневолѣ пожалѣешь о старинныхъ друзьяхъ!

Что же касается до Полли, то она прощалась съ мистриссъ Осборнъ съ такой скорбью, что я не рѣшаюсь и описывать ее. Съ самого ранняго дѣтства находясь при Амеліи безотлучно, она привязалась къ ней до такой степени, что когда мистриссъ Осборнъ выѣзжала изъ ихъ дома, Полли безъ чувствъ лежала въ объятіяхъ своей подруги, не менѣе ея растроганной. Амелія любила миссъ Клапъ какъ родную дочь свою. Въ теченіи одиннадцати лѣтъ дѣвушка эта была ея постояннымъ другомъ и повѣренной, а потому и на самое Эмми разлука производила впечатлѣніе тягостное. Впрочемъ, устроили такъ, чтобъ Полли пріѣзжала гостить въ прекрасный новый домъ, куда мистриссъ Осборнъ выѣзжала, и гдѣ, по мнѣнію миссъ Клапъ, она не могла быть такъ счастлива, какъ въ ихъ смиренной хижинѣ. Такъ называла Полли домикъ своего папа языкомъ романовъ, который, надо замѣтить, сильно нравился ей.

Будемъ, однакожь, надѣяться, что подруга Эмми ошибалась въ своихъ мнѣніяхъ. Въ домѣ мистера Клапна вдова наша видѣла немного счастливыхъ дней; тамъ она постоянно находилась подъ всею тяжестью мрачной судьбы. И потому у мистриссъ Осборнъ никогда не проявлялось желанія возвратиться въ оставленный ею домикъ, чтобъ повидаться съ женщиной, которая, неисправно получая квартирныя деньги и въ минуты дурного расположенія духа, отягощала Эмми и иногда обходилась съ нею съ самой грубой фамильярностью. Точно также несносны были для Амеліи и раболѣпство и приторные комплименты мистриссъ Клапъ, съ которыми она однажды, явившись на новую квартиру своей прежней жилицы, выхваляла мебель и разныя украшенія, брала въ руки наряды мистриссъ Осборнъ, чтобъ узнать ихъ достоинство, и всему назначала свою цѣну.... Никакая лесть мистриссъ Клапъ не могла заставить Амелію забыть въ ней женщину, принесшую ей много страшныхъ огорченій, и совершенно безвинно... Ни передъ кѣмъ, однакожь, не жаловалась Амелія въ этихъ скорбяхъ. Тщательно скрывала она ихъ отъ отца своего, непредусмотрительность котораго причинила ей много горестей. Эмми суждено было отвѣчать за проступки родителя, и она перенесла страданія съ покорностью.

Надѣюсь, впрочемъ, что они для нея кончились. Извѣстно, что за всякой печалью слѣдуетъ и утѣшеніе. Въ подтвержденіе этой истины, я могу прибавить, что бѣдная Полли, оставшись по отъѣздѣ друга въ истерическомъ припадкѣ, была поручена попеченіямъ нѣкоего молодого джентльмена, который какъ нельзя лучше излечилъ ее отъ обмо-

Digitized by Google

рока. Эмми, уѣзжая изъ Бромптона, подарила миссъ Клапъ всю мебель, находившуюся въ ихъ квартирѣ, взявъ съ собою два портрета только (тѣ, что висѣли надъ ея постелькой) да фортепьяно — маленькое, стародавнее, дошедшее уже до положенія бряньчанья, но которое мистриссъ Осборнъ очень любила—по причинамъ, извѣстнымъ ей одной. Амелія была еще ребенкомъ, когда впервые начала играть на немъ. Выставленное впослѣдствіи на аукціонъ, при несчастіи, постигшемъ отческій домъ Эмми, фортепьяно, однакожь, уцѣлѣло отъ общей гибели. Читатель, можетъ быть, припомнитъ это событіе, если пожелаетъ.

Майоръ Доббинъ, присматривая за устройствомъ новаго дома, долженствовавшаго, по его распоряженіямъ, принять прекрасный и спокойный видъ, съ особеннымъ удовольствіемъ замѣтилъ прибывшую изъ Бромптона телѣгу, на которой между сундуками и узлами переѣзжающихъ находилось и старинное фортепьяно. Амелія непремѣнно хотѣла поставить его въ своей комнаткѣ, смѣжной съ комнатой отца.

При этомъ распоряженіи Доббинъ чувствовалъ неизъяснимый восторгъ.

— Я очень радъ, что вы взяли съ собою и это фортепьяно, сказалъ онъ сантиментальнымъ тономъ. — Я думалъ, что вы и вниманія не обращаете на него.

— Ошибаетесь, Доббинъ: оно для меня драгоцѣннѣе всего на свѣтѣ! возразила вдова.

— Неужели? вскричалъ Майоръ.

Доббинъ, купивъ это фортепьяно, хотя и ни слова не сказалъ о томъ мистриссъ Осборнъ, тѣмъ не менѣе ему и въ голову не приходило, чтобы Эмми не его, а кого нибудь другого считала виновникомъ покупки.

— Неужели? повторилъ Уильямъ и хотѣлъ было сдѣлать Амеліи вопросъ, такъ близко касавшійся его сердца; но мистриссъ Осборнъ остановила признаніе Доббина словами:

— А вы думали нѣтъ? Но развѣ могло быть иначе, еслибъ кто другой, а не *онъ* подарилъ мнѣ фортепьяно.

— Ахъ, я этого не зналъ! промолвилъ нашъ бѣднягa, и лицо его отуманилось.

Съ перваго разу Эмми не поняла, въ чемъ дѣло, не замѣтила той грусти, которую внезапно приняло выраженіе лица Доббина: обо всемъ этомъ вдова вспомнила послѣ. И мысль, что не Джоржъ, какъ она всегда воображала, а Уильямъ подарилъ ей фортепьяно, доставляла ей невыразимую печаль и огорченіе. Такъ это не джоржевъ подарокъ — единственный, который она получила отъ своего милаго, — предметъ, который она любила болѣе другихъ! Сколько разъ говорила съ нимъ Амелія о Джоржѣ, играла на немъ его любимыя аріи, просиживала за нимъ долгіе вечерніе часы, извлекая изъ него грустные мотивы, — сколько разъ, въ уединеніи, плакала она надъ нимъ!

Digitized by Google

и что́ же? не Джоржъ подарилъ это фортепьяно! Теперь оно потеряло для вдовы всю свою цѣнность, и когда мистеръ Седли, вскорѣ послѣ открытія, сдѣланнаго Амеліей, попросилъ ее съиграть что нибудь, она замѣтила, что фортепьяно ужасно разстроено, что у нея страшно болитъ голова, — однимъ словомъ, что она не можетъ играть. И вслѣдъ за тѣмъ мистриссъ Осборнъ, по обыкновенію, стала упрекать себя въ неблагодарности и рѣшилась загладить передъ честнымъ Уильямомъ то невниманіе къ его подарку, которое она хотя и не обнаружила передъ нимъ, но чувствовала въ душѣ. Спустя нѣсколько дней послѣ того, всѣ они сидѣли въ гостиной. Джой, только что пообѣдавъ, дремалъ съ наслажденіемъ.

— Мнѣ еще нужно попросить у васъ прощенія, дрожащимъ голосомъ проговорила Эмми, обращаясь къ Доббину.

— За что́ это? спросилъ тотъ.

— За.... за то.... за маленькое фортепьяно. Я никогда не благодарила васъ съ того времени, какъ вы его подарили мнѣ — много, очень много лѣтъ тому назадъ — когда я была еще въ дѣвушкахъ. Я все думала, что это не вашъ подарокъ.... Благодарю васъ, Уильямъ!

И Амелія протянула Доббину свою ручку. Сердце мистриссъ Осборнъ обливалось кровью; изъ глазъ ея лились слезы.

Уильямъ не могъ выдержать этой сцены.

— Амелія.... Амелія! сказалъ онъ: — Признаюсь, я купилъ это фортепьяно собственно для васъ.... Я любилъ васъ тогда столько же, сколько теперь люблю.... Я долженъ вамъ высказать все.... Мнѣ кажется, я полюбилъ васъ съ той минуты, когда впервые увидѣлъ васъ... когда Джоржъ привелъ меня въ вашъ домъ. Вы были тогда дѣвочкой, въ бѣломъ платьицѣ, съ большими локонами.... Вы спустились внизъ, безпечно распѣвая — помните вы это? — и мы потомъ отправились въ воксалъ. Съ того времени я думалъ объ одной только женщинѣ въ свѣтѣ, — и эта женщина была — вы. Въ теченіи двѣнадцати лѣтъ не проходило минуты, въ которую бы я не думалъ о васъ. Передъ отъѣздомъ моимъ въ Индію, я пришелъ къ вамъ.... хотѣлъ все сказать, чего требовала душа.... Но у меня не достало духу, а вы не обратили вниманія на меня. Вы показали видъ, что для васъ все равно — остаться ли мнѣ, или уѣхать....

— О, я была очень неблагодарна! прервала Амелія.

— Нѣтъ, я не скажу того: вы были только равнодушны, продолжалъ Доббинъ въ отчаяніи. — Во мнѣ нѣтъ ничего особеннаго, чѣмъ бы я могъ привлечь къ себѣ женщину.... Я знаю, что́ вы чувствуете теперь. Вы поражены сильно, открывши, что фортепьяно подарилъ я, а не Джоржъ. Я упустилъ это изъ виду, иначе никогда бы не подалъ вамъ повода къ такому огорченію.... По настоящему, мнѣ бы надо просить у васъ прощенія за мою минутную глупость и за мысль, что лѣта вашего постоянства и преданности уже миновались.

— Да, съ вашей стороны это жестоко! замѣтила Амелія, съ нѣкоторымъ одушевленіемъ. — Джоржъ мнѣ мужъ, здѣсь и на небесахъ.

Digitized by Google

Могла ли я любить другого, кромѣ его?... Безцѣнный Уильямъ! я и теперь точно также принадлежу ему, какъ принадлежала прежде. Кто какъ не Джоржъ высказалъ мнѣ, до какой степени вы добры и великодушны, и научилъ меня любить васъ какъ брата? Не вы ли были всѣмъ для меня и моего сына! Вы нашъ истинный, великодушный другъ и покровитель. Пріѣзжайте только нѣсколькими мѣсяцами раньше, и, быть можетъ, вы не допустили бы меня до этой ужасной разлуки.... О, Уильямъ! она едва не убила меня.... Но вы не пріѣхали тогда.... а какъ я желала и молилась о вашемъ пріѣздѣ ... и они отняли у меня Джоржа.... Не правда ли, онъ благородный мальчикъ?... Умоляю васъ, будьте по прежнему его другомъ и.... и моимъ....

Амелія замолчала и склонилась на плечо Доббина.

Руки майора обвились вокругъ ея стана; онъ держалъ ее какъ ребенка и цаловалъ ея головку.

— Никогда не измѣнюсь я, безцѣнная Амелія! говорилъ онъ. — Позвольте мнѣ только быть вблизи васъ и видѣться съ вами какъ можно чаще....

— О, да, да! какъ можно чаще! подтвердила Эмми.

Такимъ образомъ майоръ имѣлъ полную свободу любоваться мистриссъ Осборнъ и вмѣстѣ съ тѣмъ томиться, точь-въ-точь, какъ школьникъ, у котораго нѣтъ денегъ, любуется лоткомъ пирожницы, въ тоже время вздыхая по немъ.

ГЛАВА LV.

ПЕРЕХОДЪ ВЪ БОЛѢЕ ИЗБРАННОЕ ОБЩЕСТВО.

Благополучіе начинаетъ улыбаться нашей Амеліи, и мы отъ души радуемся переходу ея изъ мелкой сферы, въ которой она обращалась до сихъ поръ, въ образованный и высшій кругъ, хотя и не такой обширный и изящный, въ какомъ показывалась другая наша подруга, мистриссъ Раудонъ, но во всякомъ случаѣ джентильномъ и фэшіонебльномъ. Всѣ друзья Джоза принадлежали къ тремъ президенствамъ, и новый домъ его находился въ комфортабльной англо-индѣйской части города, средоточіемъ которой была Моира-Плэйсъ. Минто-скверъ, улицы: Кляйвъ, Уорренъ и Гастингсъ, Октерлони-Плэйсъ, Плэсси-скверъ, Терраса-Ассэй (слово «Сады» въ 1827 году встрѣчалось довольно рѣдко и не прилагалось къ штукатурнымъ домамъ съ асфальтовыми террасами), — кто не знаетъ этой части города, которую мистеръ Венгамъ называетъ Черной Ямой? Состояніе Джоя не позволяло ему имѣть домъ въ Моира-Плэйсѣ, гдѣ жили одни только члены совѣта и партнёры индѣйскихъ банкирскихъ домовъ (партнёры, которые, закрѣпивъ за женами по сту тысячъ фунтовъ, вдругъ разворяются потомъ удалятся, соображаясь съ бѣднымъ своимъ состояніемъ, куда нибудь въ провинцію, гдѣ и проживаютъ четырьмя тысячами въ годъ).

Digitized by Google

Мистеръ Седли занялъ домъ второго или третьяго разряда, въ улицѣ Джиллеспай, перекупивъ ковры, дорогія зеркала и красивую мебель работы Седдоновъ отъ опекуновъ мистера Скэйпа, допущеннаго не такъ давно въ партнёры знаменитаго Калькутскаго дома подъ фирмою Фогль, Фейкъ и Краксманъ. Въ этотъ домъ бѣдный Скэйпъ усадилъ семьдесятъ тысячь фунтовъ — все, что онъ успѣлъ пріобрѣсть въ продолженіе своей долгой и почтенной жизни, занявъ въ немъ мѣсто Фэйка, удалившагося въ Королевскій паркъ, въ Суссексъ (Фогльсъ, мимоходомъ скажемъ, давно уже выдѣлился изъ фирмы, и сэръ Горасъ Фогль надѣется получить перство, подъ титуломъ барона Бандинна). Два года назадъ тому этотъ домъ объявилъ себя несостоятельнымъ на цѣлый милліонъ.

Скэйпъ, разоренный, честный и убитый горемъ шестидесяти-пятилѣтній старикъ, отправился въ Калькутту, чтобъ привести въ порядокъ дѣла банкирскаго дома. Вальтера Скэйпа взяли изъ Итона и опредѣлили на мѣсто. Флоренса Скэйпъ, Фанни Скэйпъ и ихъ мама направили свой путь въ Булонь, и о нихъ мы болѣе ничего не слышали. Короче сказать, Джой помѣстился въ ихъ домѣ, купилъ ихъ ковры, буфетъ и любовался собой въ зеркалахъ, которыя нѣкогда отражали миленькія личики Скэйповъ. Продавцы имущества Скэйпа, расчитавшись съ мистеромъ Седли, удалились, оставивъ свои карточки и предложивъ услуги къ исполненію всевозможныхъ требованій новаго домохозяина. Рослые лакеи въ бѣлыхъ камзолахъ, прислуживавшіеся за обѣдами Скэйпа, зеленщики, швейцары и молочники оставили свои адресы и вошли въ милость дворецкаго Джоя.

Новое хозяйство мистера Седли было довольно скромное. Дворецкій, въ тоже время и камердинеръ его — человѣкъ трезвый: пьетъ не болѣе того, сколько можно выпить дворецкому въ небольшомъ семействѣ, и притомъ такому человѣку, который имѣетъ достодолжное уваженіе къ винамъ своего господина. Къ особѣ мистриссъ Эмми также была приставлена служанка, выросшая въ пригородномъ имѣніи сэра Уильяма Доббина. Скромность и покорность этой доброй дѣвушки совершенно обезоруживали мистриссъ Осборнъ, съ перваго разу испугавшейся одной мысли имѣть при себѣ служанку и вовсе не знавшей, на что она можетъ пригодиться. Служанка, однакожь, оказалась весьма полезна въ нашемъ маленькомъ семействѣ: она съ особеннымъ искусствомъ умѣла ухаживать за старикомъ Седли, который почти никогда не выходилъ изъ своей комнаты и не вмѣшивался ни въ какія увеселенія.

Къ мистриссъ Осборнъ пріѣзжали очень многія особы. Леди Доббинъ и ея дочери, навѣщая Эмми, восхищались перемѣною фортуны ея. Своимъ посѣщеніемъ не оставляла Россель-сквера также и миссъ Осборнъ, пріѣзжавшая въ великолѣпной каретѣ, съ пламеннаго цвѣта чахломъ на козлахъ, украшеннымъ гербами. О Джозѣ распространился слухъ, какъ о страшномъ богачѣ, и старый Осборнъ видѣлъ уже въ

Digitized by Google

своемъ внукѣ наслѣдника не только его собственнаго имѣнія, но и всего состоянія дядюшки.

— Подождите только, а мы сдѣлаемъ изъ этого мальчика великаго человѣка, говорилъ онъ. — Я надѣюсь прежде своей смерти увидать его въ парламентѣ. Вы, миссъ Осборнъ, можете ѣхать повидаться съ его матерью, — а отъ меня, прошу, этого не ждать.

И, вслѣдствіе такого разрѣшенія, миссъ Осборнъ пріѣзжала къ своей водоякѣ. Эмми, конечно, чрезвычайно радовалась ея посѣщеніямъ, потому что каждое изъ нихъ все болѣе и болѣе сближало ее съ сыномъ. Въ свою очередь, и Джоржу дозволилось посѣщать его мама чаще прежняго. Раза два въ недѣлю онъ обѣдалъ въ улицѣ Джилеспай, храбрясь тамъ надъ слугами и родственниками, какъ и у дѣдушки своего на Россель-скверѣ.

Къ майору Доббину Джоржъ, вообще, умный мальчикъ, всегда былъ почтителенъ и въ присутствіи его держалъ себя нѣсколько скромнѣе. Онъ не могъ не любоваться простотою своего друга, его веселымъ нравомъ, разнообразными свѣдѣніями и правдивостью. Юный джентльменъ, во время своей кратковременной опытности, не встрѣчалъ еще человѣка подобнаго майору и инстинктивно предался ему всей душой. Джоржъ съ наслажденіемъ сидѣлъ подлѣ Доббина, съ востогомъ отправлялся съ нимъ на прогулки въ Паркъ и внимательно слушалъ его разсказы; а Уильямъ разсказывалъ своему крестнику объ его отцѣ, объ Индіи, о Ватерлоо, — рѣшительно обо всемъ, только не о себѣ. Когда Джоржъ дѣлался болѣе обыкновеннаго своенравенъ, майоръ начиналъ подшучивать надъ нимъ, что, по мнѣнію мистриссъ Осборнъ, со стороны крестнаго папа было крайне неснисходительно. Однажды Доббинъ, взявъ Джоржа въ театръ, хотѣлъ занять мѣста въ креслахъ, но тотъ не согласился на это, доказывая, что джентльмену неприлично сидѣть въ партерѣ. Майоръ принужденъ былъ взять для крестника ложу, но самъ все-таки отправился въ партеръ. Но не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ Доббинъ почувствовалъ, что подъ его руку просунулась ручка маленькаго денди въ лайковой перчаткѣ и сжала его пальцы. Джоржъ, замѣтивъ неумѣстность своего каприза, рѣшился спуститься съ верхняго яруса. При видѣ раскаянія мальчика, легкій смѣхъ разогналъ тучи съ лица Доббина; въ глазахъ его выразилась благосклонность. Майоръ любилъ крестника какъ любилъ все, что относилось до Амеліи. И какъ восхищалась мама, услышавъ объ этомъ примѣрѣ добрыхъ наклонностей ея сыночка! Ласковѣе прежняго поглядывала она на Доббина, и Уильяму казалось, что, при этихъ взглядахъ, на лицѣ вдовы выступалъ румянецъ сильнѣе обыкновеннаго.

Джоржъ, въ разговорахъ своихъ съ матерью, никогда не утомлялся осыпать майора похвалами.

— Мнѣ онъ нравится, мама: онъ обо всемъ знаетъ.... Папа крестный совсѣмъ не похожъ на стараго Вила, который всегда хвастается и употребляетъ такія длинныя слова.... вѣдь вы это сами знаете, мама ..

Digitized by Google

Въ училищѣ мы прозвали его *Длинохвостымъ*. Это я далъ Вилу такое имячко.... не правда ли, мама, славное? Добъ читаетъ по латыни какъ по англійски и по французски и.... и читаетъ чуть ли не на всѣхъ языкахъ. Когда я гуляю съ нимъ, онъ разсказываетъ мнѣ разныя исторіи о моемъ папа.... о себѣ только не говоритъ. А я слышалъ отъ полковника Буклера, который бываетъ у дѣдушки, что Добъ одинъ изъ храбрыхъ офицеровъ въ цѣлой арміи и отличилъ себя много разъ. Grandpapa очень удивился и сказалъ: «Можетъ ли быть! Я не думалъ, чтобы онъ съумѣлъ покликать гуся!» А я такъ знаю, что съумѣлъ бы ... да, мама? съумѣлъ бы?

Въ отвѣтъ на это Эмми только засмѣялась, думая, что это-то майоръ съумѣетъ сдѣлать.

Если между Уильямомъ и Джоржемъ существовала искренняя привязанность, зато ея вовсе не замѣчалось между дядей и племянникомъ. Джоржъ, бывало, надуетъ свои щеки, засунетъ въ жилетные карманы пальцы и скажетъ: «ахъ, Боже мой! не говорите пожалуста!» съ такимъ вѣрнымъ подражаніемъ Джозу, что не находилось средствъ удержаться отъ смѣху. Слуги хохотали, когда Джоржъ, спрашивая у нихъ, чего недоставало на столѣ, принималъ обычное выраженіе лица и употреблялъ любимую фразу дядюшки, при чемъ даже Доббинъ, при всей своей скромности, принимался смѣяться. Джой смутно постигалъ все это, и когда ему объявляли когда нибудь, что племянника его ожидаютъ въ тотъ день къ обѣду, онъ обыкновенно находилъ какія нибудь важныя причины отправиться въ клубъ. Впрочемъ, никто изъ нашихъ друзей не сожалѣлъ объ его отсутствіи. Въ такіе дни старикъ Седли выходилъ изъ своего убѣжища, спускался въ столовую, и майоръ Доббинъ устроивалъ семейную пирушку. Онъ былъ настоящимъ *ami de la maison*, другомъ стараго Седли, другомъ Эмми, другомъ Джоржа и добрымъ совѣтникомъ Джоза, проводившаго свою жизнь съ достоинствомъ, которое такъ шло къ персонѣ, обладающей его знаменитостью. Кореннымъ желаніемъ мистера Седли было сдѣлаться членомъ Восточнаго клуба, гдѣ проводилъ онъ цѣлыя утра въ обществѣ своихъ собратій индѣйцевъ, и если не обѣдалъ тамъ, то приводилъ оттуда съ собой пріятелей къ своему домашнему столу. И угощать этихъ джентльменовъ съ ихъ супругами предстояло Амеліи. Отъ нихъ-то она и собирала свѣдѣнія насчетъ того, какъ Смитъ поступитъ въ совѣтъ, какъ лондонскій банкирскій домъ Томсона отказался въ уплатѣ векселей, выданныхъ Томсономъ, Кибобжи и К° изъ Бомбейскаго дома, и какъ, при этомъ, полагаютъ, что и съ Калькутскимъ домомъ будетъ тоже самое, — какъ неблагоразумно поведеніе мистриссъ Броунъ (жены Броуна, изъ Ахмедьнуггарскаго иррегулярнаго войска) съ молодымъ Суанки, офицеромъ гвардейскаго корпуса, когда она просиживала съ нимъ на палубѣ сверхъ всякаго времени, и на прогулкѣ въ Капѣ заѣзжала съ нимъ Богъ знаетъ куда, — какъ бѣсился Горибай, когда жена объявила ему, что останется въ Европѣ, и какъ Троттеръ назначенъ сборщикомъ податей въ Ummerapurѣ.

Digitized by Google

Вотъ въ такомъ-то или подобномъ этому родѣ происходилъ, обыкновенно, разговоръ за роскошными обѣдами индѣйскихъ знакомцевъ вообще. О политикѣ разсуждали очень мало, ито недолго, во время десерта, когда леди удалялись въ гостиныя — поболтать о своихъ недугахъ и дѣтяхъ.

Mutato nomine всегда одно и тоже. Вѣдь говорятъ же жены адвокатовъ о своемъ судейскомъ округѣ, жены воиновъ болтаютъ же о своемъ полку, знатныя леди — о маленькомъ кружкѣ особъ, къ которому онѣ принадлежатъ: такъ почему же и нашимъ индѣйскимъ друзьямъ не имѣть своего исключительнаго предмета для разговора?

Эмми завела уже визитную книжку и заѣзжала къ леди Блюдауеръ (женѣ генералъ-майора сэра Роджера Блюдауера, бенгальской арміи), къ леди Гуффъ (супругѣ сэра Дж. Гуффа, бомбейской арміи), къ леди Пайсъ (женѣ директора) и др. Каждому изъ насъ извѣстно, какъ скоро можно привыкнуть къ перемѣнамъ въ жизни. Карета мистера Седли каждый день являлась на улицѣ Джиллеспай; жокей вспрыгивалъ и спрыгивалъ съ козелъ съ визитными карточками Джоза и Эмми. Въ извѣстные часы, вдова подъѣзжала къ клубу: оттуда выходилъ ея братъ и вмѣстѣ съ сестрой отправлялся прогуляться. Иногда въ карету садился старикъ Седли и съ Амеліей катался по Реджентъ-парку. Горничная и карета, визитная книжка и жокей скоро сдѣлались для Амеліи такие обыкновенны и знакомы, какъ и ея скромныя привычки въ Бромптонѣ. Она умѣла приспособить себя одинаково какъ къ тому, такъ и къ другому. И еслибъ судьбѣ угодно было сдѣлать изъ Эмми дюшессу, она выполнила бы назначеніе ея какъ нельзя лучше. Въ обществѣ женщинъ, посѣщавшихъ домъ Джоя, сестрица его единодушно признана была милой молодой особой. Мужчины, по обыкновенію, любили въ Амеліи ея безъискуственную доброту и простое, изящное обращеніе. Молодые индѣйскіе денди, пріѣхавшіе на время въ отечество — самые знаменитые денди — въ цѣпочкахъ и усахъ, разъѣзжавшіе въ великолѣпныхъ кабахъ, постоянные посѣтители театровъ, обитатели отелей Вестъ-Энда, — и они тоже восхищались Амеліей, удостоивали карету ея поклонами и получали позволеніе на честь сдѣлать мистриссъ Осборнъ утренній визитъ. Даже самъ Суанки, опасный юноша и величайшій франтъ во всей индѣйской арміи, и тотъ однажды былъ пойманъ майоромъ Доббиномъ за *tête-à-tête* съ Амеліей и за краснорѣчивымъ описаніемъ кабаньей охоты. Впослѣдствіи Суанки довольно дурно относился объ этомъ длинномъ, тощемъ, уродливомъ, старообразномъ офицерѣ, который каждый день толкается въ домѣ Седли, и который во время разговора только отнимаетъ блескъ у другого человѣка.

Еслибъ майоръ хоть сколько нибудь обладалъ тщеславіемъ, то, вѣроятно, онъ сталъ бы ревновать къ Амеліи такого опаснаго молодого щеголя, какъ вышеупомянутый, очаровательный бенгальскій капитанъ. Но Доббинъ былъ слишкомъ простъ и великодушенъ, чтобъ сомнѣваться въ Эмми; напротивъ того, онъ отъ души радовался посѣ-

Digitized by Google

щенію и восхищенію молодыхъ людей. Для простаго и слабаго сердца Амеліи довольно казалось и того, что перенесла она со времени замужства. И Уильямъ, съ пріятнымъ ощущеніемъ, замѣчалъ, какъ подъ вліяніемъ внѣшняго довольства возстановлялся упавшій духъ мистриссъ Осборнъ. Всякій, кто только бралася оцѣнивать Амелію, дѣлалъ комплиментъ благоразумному мнѣнію майора, если только можно допустить, что влюбленный человѣкъ обладаетъ благоразумнымъ мнѣніемъ.

ГЛАВА LX.

ИЗЪ ЧИСЛА ДѢЙСТВУЮЩИХЪ ЛИЦЪ НАШЕЙ ПОВѢСТИ ДВОЕ НАВСЕГДА ОСТАВЛЯЮТЪ СЦЕНУ ДѢЙСТВІЯ.

Наступилъ день, когда рядъ приличныхъ удовольствій и торжественныхъ увеселеній, которыми наслаждалось семейство мистера Джова Седли, прерванно было происшествіемъ, случающимся едва ли не въ каждомъ домѣ. Поднимаясь по лѣстницѣ вашей квартиры, изъ гостиной въ спальню, вы, вѣроятно, замѣтили въ стѣнѣ, прямо передъ выходомъ, небольшое полукруглое отверстіе, пропускающее на лѣстницу свѣтъ изъ второго этажа въ третій (гдѣ обыкновенно помѣщаются дѣтскія и людскія) и, въ тоже время, служащее для другого, довольно серьёзнаго употребленія, о которомъ могутъ дать вамъ вѣрное понятіе рабочіе гробовщика. Они, обыкновенно, на этомъ отверстіи, поддерживаютъ, а иногда и совсѣмъ пропускаютъ сквозь него гробъ, чтобы малѣйше не нарушить покоя охладѣвшаго жильца этого мрачнаго обиталища.

Оно, т. е. полукруглое отверстіе, освѣщаетъ сниву до верху всю лѣстницу и обращено лицомъ къ главному проходу, котораго не минуетъ ни одинъ квартирантъ дома: по этому проходу, ранехонько утромъ, спускается кухарка, чтобъ перечистить на кухнѣ всю свою посуду. Молодой баринъ, крадучи и оставивъ въ передней сапоги, пробирается въ спальню, на утренней зарѣ, проведя веселую ночь между клубными товарищами. Бережно спускается *миссъ*, производя шорохъ своими новыми лентами и накрахмаленнымъ батистомъ, — блестящая и прекрасная миссъ, совсѣмъ готовая къ побѣдамъ на балу. Или несется, придерживаясь за перилы, мистеръ Томми, предпочитая этотъ родъ спуска всякому другому и не обращая вниманія ни на ступеньки, ни на опасность. Зѣвая, Джонъ пробирается въ постель, съ сальнымъ огаркомъ въ рукѣ, или собираетъ по коридорамъ, передъ восходомъ солнца, выставленные, для извѣстной ему цѣли, сапоги. Итакъ, какъ видите, никто не минуетъ этой лѣстницы, по которой ласкаютъ ребятишекъ, помогаютъ взбираться и спускаться старикамъ, отправляются на балы, принимаютъ докторовъ въ комнату больного и людей гробовщика въ верхній этажъ. Поразмыслите-на только о ней, и

Digitized by Google

вы согласитесь со мной, что эта лѣстница какъ нельзя лучше выражаетъ собою *memento* жизни, смерти и житейской суеты! И къ намъ, по точно такой же лѣстницѣ, въ послѣдній разъ придетъ докторъ. Сидѣлка заглянетъ за занавѣсъ вашей постели; но ваши очи сомкнуты навѣки. Она отворяетъ окно: свѣжій воздухъ пахнулъ въ комнату. А во всѣхъ окнахъ по переднему фасаду дома опускаютъ сторы и перебираются въ задніе покои. Послѣ того посылаютъ за адвокатами, душеприкащиками и другими траурными лицами. И проч. Ваша комедія, и моя стало быть, разъиграна. Насъ удалятъ — и какъ далеко! — отъ трубныхъ звуковъ, возгласовъ и позитуръ. Если мы принадлежимъ къ высшему обществу, тогда передъ бывшимъ нашимъ жилищемъ выставятъ гербы съ золотымъ девизомъ, напоминающимъ, что̀ «покой нашъ — въ небесахъ.» Сынъ вашъ заново умеблируетъ домъ, а нѣтъ такъ передастъ его другому, чтобы занять болѣе модную квартиру. На слѣдующій годъ, имя «ваше въ клубныхъ спискахъ будетъ находиться между «умершими членами.» Несмотря, однакожь, на скорбь, какую вы оставите по себѣ, вдовѣ вашей захочется сшить трауръ понарядпѣе; кухарка или поваръ пришлютъ или сами придутъ спросить, что̀ приготовить для обѣда; преемникамъ вашимъ скоро наскучитъ смотрѣть на портретъ вашъ, повѣшенный надъ каминомъ, и его тотчасъ же лишатъ почетнаго мѣста, чтобъ помѣстить изображеніе вашего ближайшаго наслѣдника....

Скажите, пожалуста, кого изъ умершихъ нѣжнѣе всего и горестнѣе оплакиваемъ мы? по моему мнѣнію, тѣхъ, кто скорѣе всего могъ забыть насъ при жизни. Смерть ребенка производитъ иногда пароксизмъ и растворяетъ истерическія слезы, чего не ждите при своей кончинѣ вы, любезнѣйшій читатель. Смерть младенца, который едва-едва могъ узнавать и который въ недѣльное отсутствіе совершенно забываетъ васъ, поражаетъ болѣе, нежели потеря искреннѣйшаго друга или вашего первенца сына — взрослаго человѣка, окруженнаго дѣтьми.... И если вы стары и богаты, или стары и бѣдны, я думаю, васъ не разъ посѣщала слѣдующая мысль: «Люди, окружающіе меня, добры ко мнѣ какъ нельзя болѣе; но умри я, и они не слишкомъ много пожалѣютъ обо мнѣ. Я богатъ, — слѣдовательно они нуждаются въ моемъ наслѣдствѣ; или: я бѣденъ, — и они рады отдѣлаться отъ меня, рады избавиться отъ хлопотъ поддерживать мое существованіе.

Время траура по кончинѣ мистриссъ Седли только что кончилось; Джозъ едва успѣлъ сбросить черную одежду и показаться въ великолѣпныхъ камзолахъ, которые онъ любилъ болѣе на свѣтѣ, какъ окружающимъ мистера Седли ясно представилось, что въ семействѣ ихъ готовится вторичное печальное событіе, и что для старика уже близокъ путь, вслѣдъ за женой его, въ горнюю страну.

— Состояніе здоровья моего родителя, говорилъ Джозъ Седли въ клубѣ: — препятствуетъ мнѣ давать большія собранія въ теченіи настоящаго сезона; однакожь, если ты, Чутни, вздумаешь пожаловать

Digitized by Google

ко мнѣ въ половинѣ седьмого, чтобъ раздѣлить со мной мою скромную, домашнюю трапезу, съ двумя-тремя другими пріятелями, я отъ души буду радъ твоему посѣщенію.

Такимъ образомъ, въ нижнемъ этажѣ дома, Джой и его друзья обѣдали и попивали кларетъ, между тѣмъ какъ въ верхнемъ Сатурнъ дѣлалъ свое дѣло и песочные часы жизни быстро высыпались изъ стклянки старика. Буфетчикъ, въ бархатныхъ туфляхъ, подавалъ гостямъ вино; послѣ обѣда составлялся вистикъ, къ которому нерѣдко присоединялся и майоръ Доббинъ; спускалась къ нимъ и мистриссъ Осборнъ, когда паціентъ ея убаюкивался на ночь и предавался той легкой дремотѣ, которая спускается по временамъ на ложе преклонной старости.

Во время болѣзни своей мистеръ Осборнъ ни на минуту не отпускалъ отъ себя своей дочери. Кромѣ ея, онъ ни отъ кого не хотѣлъ принимать ни лекарства, ни пищи. Для Амеліи снова представилось единственное въ жизни занятіе — ухаживать за нимъ. Постель ея поставили подлѣ самыхъ дверей, ведущихъ въ комнату мистера Седли, въ которую Эмми готова была явиться при малѣйшемъ шумѣ или безпокойствѣ со стороны больного старика. Но, надо отдать ему справедливость, онъ иногда по цѣлымъ часамъ, проснувшись, лежалъ молча и не шевелясь, чтобъ только не потревожить своей доброй и бдительной нани. И теперь мистеръ Седли любилъ Эмми болѣе, нежели во времена ея дѣтства. Да и сама она въ исполненіи нѣжныхъ дочернихъ обязанностей выказывалась противъ прежняго въ болѣе яркомъ свѣтѣ. «Она пробирается въ комнату такъ тихо, какъ солнечный лучъ» — думалъ Доббинъ, поглядывая на Амелію, когда она входила и выходила изъ комнаты отца. Лицо ея принимало особенно милую плѣнительность при этихъ едва слышныхъ граціозныхъ движеніяхъ. Кому изъ насъ не случалось видѣть въ лицѣ женщины того трогательнаго, сладостнаго чувства любви и сожалѣнія, когда она пригорюнивается надъ ребенкомъ или принимаетъ на себя обязанность ухаживать за больнымъ?

Тайная вражда, многіе годы наполнявшая душу престарѣлаго родителя Эмми, прекратилась, замѣнясь безмолвнымъ примиреніемъ. Въ послѣдніе часы жизни своей, проникнутый любовью и нѣжностью дочери, Седли забылъ всѣ свои сѣтованія противъ нея и всѣ тѣ будто бы дурные поступки Амеліи, о которыхъ онъ и жена его разсуждали, бывало, по цѣлымъ ночамъ: объ ея безусловной преданности къ сыну, безпечности къ престарѣлымъ и бѣдствующимъ родителямъ, о сосредоточеніи всѣхъ заботъ на одномъ ребенкѣ, о безумной тоскѣ ея при разлукѣ съ Джоржемъ. Разставаясь съ жизнью, Седли забылъ всѣ эти обвиненія и отдавалъ справедливость своей нѣжной, не произнесшей еще ни одной жалобы, дочери. Однажды ночью, Амелія, тихонько войдя въ комнату больного, нашла его неспящимъ. Изнуренный старикъ рѣшился признаться ей въ своихъ сокровенныхъ мысляхъ.

Digitized by Google

— О, Эмми! я думалъ теперь о томъ, до какой степени были мы несправедливы къ тебѣ! сказалъ онъ, протягивая свою холодную, слабую руку.

Въ отвѣтъ на это, Эмми, упала на колѣни и стала молиться. Седли тоже молился, не выпуская дрожащей руки дочери.... Читатель! когда придетъ и наша чреда оставить этотъ міръ, дай Богъ имѣть намъ при себѣ, въ минуты послѣдней нашей молитвы, такое же точно кроткое созданіе, какъ Амелія!...

Быть можетъ, въ памяти старика въ эту минуту проходила, со всей фалангой радостей и горестей, вся его жизнь — цвѣтущія надежды юности, борьба, успѣхъ и благоденствіе, паденіе въ преклонныхъ лѣтахъ, его настоящее безнадежное положеніе, безъ права роптать на судьбу, безъ имени и денегъ, которыя онъ могъ бы завѣщать.... встраченная, безполезная жизнь всегдашней борьбы, обманутыхъ надеждъ и жалкаго конца!... Еще разъ обращаюсь къ вамъ, любезнѣйшій читатель: скажите, когда лучше умирать — въ благополучіи и славѣ или въ бѣдности и съ обманутыми надеждами? Воображаю, какъ странно должно быть то чувство, съ которымъ мы, въ послѣдній день нашей жизни, невольно произнесемъ: «*Завтра* успѣхъ или неудача ничего для меня не значатъ. Взойдетъ солнце и міріады людей потянутся къ своимъ трудамъ или удовольствіямъ, а я.... я буду внѣ всякихъ хлопотъ.»

И дѣйствительно, настало утро, когда весь міръ проснулся и отправился къ своимъ трудамъ или удовольствіямъ, исключая только стараго Джозефа Седли. Насталъ для него конецъ борьбы съ фортуной, конецъ надеждамъ и изобрѣтательности къ новымъ проэктамъ. Предстояло одно только — путь въ мирное, невѣдомое обиталище, на бромптонскомъ кладбищѣ, подлѣ покойной мистриссъ Седли.

Майоръ Доббинъ, Джозъ и Джоржъ, въ каретѣ, обтянутой чернымъ сукномъ, слѣдовали за хладными останками старика до самой могилы. Джой нарочно пріѣхалъ изъ Ричмонда, куда онъ удалился тотчасъ же послѣ смерти отца. Ему не зачѣмъ было оставаться дома при.... при обстоятельствахъ, которыя вы, конечно, понимаете. Эмми, однакожь, осталась дома, по обыкновенію, исполнять свою обязанность. Она не предавалась чрезвычайной горести, а сохраняла въ наружности своей скорѣе успокоительный, нежели печальный видъ. Амелія и себѣ молила такой же тихой, безмятежной кончины и съ увѣренностью и благоговѣніемъ полагалась на слова, которыя она слышала отъ отца своего во время его болѣзни, и которыя заключали въ себѣ и вѣру покойнаго, и преданность, и надежду на благое Провидѣніе.

Послѣ всего этого я уже смѣло могу сказать, что кончина бѣдняка лучше кончины человѣка богатаго. Положимъ, у васъ пропасть денегъ, во всемъ удача, почетъ въ обществѣ, и что, умирая, вы говорите: «я очень богатъ; меня всѣ знаютъ; всю жизнь прожилъ я въ избранномъ обществѣ и, благодаря Бога, происхожу изъ извѣстной фамиліи; съ честью послужилъ я королю и отечеству, былъ много лѣтъ

Digitized by Google

въ парламентѣ, гдѣ, не хвастаясь скажу, рѣчи мои выслушивались до конца и принимались какъ нельзя лучше. Я и шиллинга никому не долженъ, — напротивъ, еще одолжилъ одному старому университетскому товарищу — Джону Лазарю — пятьдесятъ фунтовъ, за которые душеприкащики мои, вѣроятно, не будутъ преслѣдовать его. Я оставляю дочерямъ своимъ по десяти тысячъ фунтовъ каждой.... кажется, приличное награжденіе! Завѣщаю все серебро и мебели, домъ въ улицѣ Бэйкеръ и ко всему этому достаточный пенсіонъ — вдовѣ моей въ пожизненное ея владѣніе, а все недвижимое, въ томъ числѣ и деньги въ банкахъ и погребъ съ отборными винами — сыну моему. Оставляю пенсію въ двадцать-пять фунтовъ камердинеру моему.... Не знаю, найдется ли послѣ того хоть одинъ человѣкъ, который могъ бы что нибудь сказать противъ меня.» Теперь положимъ, что лебединая пѣснь ваша въ такомъ тонѣ: «Я бѣдный, изнуренный горестью, обманутый въ надеждахъ человѣкъ. Въ жизни моей я зналъ одно только неудачи. Природа не одарила меня ни блестящими умственными способностями, ни особеннымъ счастіемъ; къ тому же, признаюсь, много, много сдѣлалъ я ошибокъ въ жизни. Не разъ я забывалъ свои обязанности, — долженъ неоплатно. На смертномъ одрѣ моемъ лежу я уничиженный, но, какъ человѣкъ, молю прощенія въ слабости своей и съ сокрушеннымъ сердцемъ простираюсь предъ стопами божественнаго милосердія.» Которую же изъ этихъ двухъ исповѣдей можно назвать лучшею надгробною рѣчью? — Старикъ Седли произнесъ послѣднюю. Съ ней то на губахъ и съ смиреніемъ въ душѣ, держа въ рукѣ своей руку любящей дочери, человѣкъ этотъ вмѣстѣ съ жизнью оставилъ и всѣ свои обманутыя надежды и всю мірскую суету.

— Замѣть, мой другъ, говорилъ мистеръ Осборнъ внуку: — какіе плоды даютъ заслуги, трудолюбіе, благоразумныя комерческія предпріятія и тому подобное. Взгляни на меня и на мой банкирскій счетъ, посмотри на твоего дѣда Седли и его банкрутство. А двадцать лѣтъ тому назадъ, онъ куда какъ выше меня стоялъ — цѣлыми десятью тысячами фунтовъ!..

Получивъ отъ полковника Букклера свѣдѣнія объ отличныхъ заслугахъ майора Доббина, старый Осборнъ (какъ сообщилъ намъ маленькій Джоржъ) выказалъ при этомъ случаѣ презрительное недовѣріе, удивляясь, какимъ образомъ такой неуклюжій офицеръ могъ обладать умомъ и пользоваться репутаціей. Однакожь, слухи о славѣ майора подтвердились доказательствами, представленными многими членами того общества, въ которомъ вращался Осборнъ. Сэръ Уильямъ Доббинъ, имѣя особенно хорошее мнѣніе о своемъ сынѣ, приводилъ множество примѣровъ, поясняющихъ ученость майора, его храбрость и, вообще, уваженіе, которымъ онъ пользовался въ свѣтѣ. Къ довершенію всего сказаннаго, имя нашего друга появилось въ спискахъ блестящихъ собраній высшаго общества, что произвело удивительный эффектъ на стараго аристократа на Россель-сквэрѣ.

Digitized by Google

Майоръ, какъ опекунъ Джоржа, по необходимости иногда встрѣчался съ дѣдомъ своего крестника. При одной-то изъ этихъ встрѣчъ Осборнъ — человѣкъ дальновидный и дѣловой — заглянувъ въ отчеты майора по опекѣ, сдѣлалъ открытіе, изумившее, оскорбившее его и вмѣстѣ съ тѣмъ доставившее ему нѣкоторое удовольствіе: изъ отчета значилось, что средства, которыми существовала бѣдная вдова и ея сынъ, извлекали изъ собственнаго кармана майора Доббина.

Уильямъ, принужденный дать своимъ поступкамъ объясненіе, не могъ не сказать всей истины. Долго онъ, правда, краснѣлъ, путался въ словахъ, но наконецъ признался.

— Женитьба покойнаго друга моего, а вашего сына, говорилъ майоръ (при чемъ лицо Осборна помрачилось): — была устроена мной. Мой бѣдный другъ такъ далеко зашелъ въ этомъ дѣлѣ, что отступиться отъ него значило бы нанести безчестіе своему собственному имени и быть причиной смерти мистриссъ Амеліи. Я не могъ поступить иначе: я считалъ обязанностью своею помогать бѣдной вдовѣ деньгами, въ то время, когда она не находила никакихъ средствъ къ существованію.

— Майоръ Доббинъ! замѣтилъ на это мистеръ Осборнъ, взглянувъ на Уильяма и раскраснѣвшись: — вы нанесли мнѣ кровную обиду; но позвольте сказать вамъ, сэръ, вы — честный малый. Вотъ вамъ рука моя, сэръ, хотя я никогда не думалъ, чтобы родственники мои существовали вашею помощью.

И руки обоихъ джентльменовъ сжались, конечно, не безъ смущенія со стороны Доббина, уличеннаго въ такомъ человѣколюбивомъ лицемѣрствѣ.

Майоръ старался смягчить старика и примирить его съ памятью сына.

— Джоржъ былъ такой благородный офицеръ, началъ онъ: — что всѣ мы душевно любили его и сдѣлали бы для него все на свѣтѣ. Про себя скажу, продолжалъ Уильямъ: — что преимущество надо мной сына вашего льстило мнѣ, и подлѣ него я проводилъ время въ тысячу разъ пріятнѣе, нежели въ обществѣ главнокомандующаго. Подобнаго Джоржу въ смѣлости и предпріимчивости я и не видывалъ; въ немъ соединялись всѣ качества отличнаго воина (И Доббинъ разсказалъ Осборну все, что только могъ припомнить относительно храбрости и подвиговъ своего покойнаго друга). — Маленькій Джоржъ, заключилъ Уильямъ: — какъ двѣ капли воды похожъ на своего папа.

— Правда ваша: сходство такое, что я, глядя на Джоржа, трепещу иногда, проговорилъ мистеръ Осборнъ.

Еще до смерти Джона Седли, именно во время болѣзни его, майоръ раза два являлся на Россель-скверъ на званый обѣдъ. Послѣ стола, Уильямъ и старый джентльменъ пускались въ разговоръ, главный предметъ котораго составлялъ покойный капитанъ. Отецъ, по обыкновенію, выхвалялъ сына; но, разсказывая о разныхъ увеселеніяхъ Джоржа, старикъ не забывалъ выставлять на видъ съ нравственной стороны собственную особу. Во всякомъ случаѣ, впрочемъ,

Digitized by Google

мистеръ Осборнъ склонялся теперь въ пользу покойнаго сына гораздо больше. И христіанская душа добраго майора восхищалась при такихъ явныхъ признакахъ водворенія въ душѣ старика мира и добраго согласія. А на второмъ вечерѣ старый Осборнъ, какъ, бывало, дѣлалъ это во времена юности Доббина и Джоржа, уже называлъ майора Уильямомъ.

Зато миссъ Осборнъ, на слѣдующій день, за завтракомъ, съ свойственною ея лѣтамъ нетерпимостью, вздумала было произнести, тономъ пренебреженія, нѣсколько собственныхъ замѣчаній насчетъ наружности и поведенія майора. Папа, однакожь, тотчасъ же остановилъ ее.

— Миссъ Осборнъ, вы говорите неправду, сказалъ онъ. — Я увѣренъ, что если бы была только возможность къ тому, вы съ радостью поддѣли бы майора. Но ужь извините, сударыня — до этого винограда вы не достанете.... Ха! ха!.... Майоръ Доббинъ, во всѣхъ отношеніяхъ, прекрасный малый....

— Правда ваша, правда, Grandpapa! подхватилъ Джоржъ и, подбѣжавъ къ дѣдушкѣ, схватилъ его за длинные, сѣдые виски, весело засмѣялся ему въ лицо и поцаловалъ его.

Въ тотъ же вечеръ, мальчикъ нашъ сообщилъ обо всемъ этомъ своей маменькѣ. Амелія вполнѣ соглашалась съ сыномъ.

— И я скажу, что майоръ прекрасный человѣкъ! говорила она. — Твой дорогой папа всегда относился о немъ съ отличной стороны. Доббинъ одинъ изъ лучшихъ, прямодушнѣйшихъ людей на свѣтѣ.

Лишь только Эмми высказала свое замѣчаніе, въ комнату вошелъ самъ Уильямъ. Внезапное появленіе его, конечно, вызвало сильный румянецъ на щекахъ Амеліи, а молодой шалунъ, сынокъ ея, передавъ Доббину часть происходившаго передъ его приходомъ разговора, еще болѣе увеличилъ смущеніе вдовы.

— Послушай, Добъ, говорилъ Джоржъ: вотъ что́ хочу я сказать. Одна необыкновенно милая дѣвица имѣетъ сильное желаніе выйти за тебя замужъ. Въ ней много румянъ, и носитъ она накладку и съ утра до вечера ворчитъ на прислугу....

— Ктожь эта милая особа? спросилъ Доббинъ.

— Это моя возлюбленная тетинька, миссъ Осборнъ. Такъ говорилъ мнѣ дѣдушка.... Не правда ли, Добъ, какъ мило было бы имѣть тебя моимъ дядинькой....

Въ эту минуту старый Седли дрожащимъ голосомъ позвалъ къ себѣ Амелію. Разговоръ и смѣхъ прекратились мгновенно.

Ясно, намѣренія мистера Осборна измѣнились. Онъ неоднократно распрашивалъ Джоржа о Джоѣ и хохоталъ надъ той мимикой, съ которою племянничекъ старался скопировать своего дядюшку. Сначала джоржево искусство передразниванья — повторяемъ — забавляло старика, но потомъ онъ сталъ дѣлать внуку довольно строгія замѣчанія.

— Непочтительно, сэръ, говорилъ онъ: — съ вашей стороны — молодежи — пересмѣивать старшихъ себя.... Миссъ Осборнъ, заклю-

Digitized by Google

чилъ дѣлъ: — когда вы поѣдете сегодня со двора, завезите мистеру Джозефу Седли мою карточку — слышите? Между мной и имъ не было никакой вражды.

Джентльмены обмѣнялись карточками. Джой съ майоромъ получили приглашеніе къ обѣду — самому пышному и самому глупому обѣду, какой когда либо давался Осборномъ. Каждую бездѣлушку фамильнаго серебра выставили на показъ; всѣ гости состояли изъ отборнѣйшихъ особъ. Миссъ Осборнъ любезничала съ мистеромъ Седли, удостоившимся чести вести ее къ столу, между тѣмъ какъ передъ Доббиномъ, который сидѣлъ подлѣ мистера Осборна и находился отъ нея въ сторонѣ, Джэйнъ казалась робка. Джозъ торжественно объявилъ, что подобнаго черепаховаго супа онъ во всю жизнь свою не пробовалъ, и спросилъ мистера Осборна, откуда онъ досталъ такую мадеру.

— Это вино отъ Седли, шепнулъ буфетчикъ своему господину.

— Оно у меня куплено давненько, и заплатилъ я за него порядочныя денежки, сказалъ старикъ вслухъ, а потомъ, обратившись къ сосѣду своему съ правой стороны, прошепталъ, что оно куплено «на аукціонѣ старикашки».

— Мистеръ Осборнъ не разъ спрашивалъ майора..... какъ бы вы думали, о комъ?... о мистриссъ Амеліи Осборнъ. При этихъ вопросахъ Доббинъ постоянно вдохновлялся, разсказывая старику о страданіяхъ Эмми, объ ея страстной привязанности къ мужу, котораго она и теперь еще обожаетъ, о томъ нѣжномъ и почтительномъ обхожденіи, которымъ Амелія поддерживала своихъ родителей, и какъ она разлуку съ сыномъ считала священнымъ долгомъ съ своей стороны.

— О, сэръ! сколько перенесла мистриссъ Осборнъ! заключилъ Доббинъ взволнованнымъ голосомъ. — Я надѣюсь, что вы примиритесь съ нею. Если она отняла у васъ сына вашего, зато отдала вамъ своего....

— Клянусь Богомъ, сэръ, вы добрый малый!

Вотъ все, что́ сказалъ мистеръ Осборнъ. И вслѣдствіе всего вышесказаннаго объявлено было поспѣшное примиреніе. Сердце Амеліи трепетало при мысли о предстоящей встрѣчѣ съ отцомъ Джоржа.

Этой встрѣчи, однакожь, не было, по случаю медленной болѣзни и за смертью Джона Седли. Эта печальная катастрофа и другія происшествія имѣли, въ свою очередь, вліяніе и на мистера Осборна. Въ послѣднее время старый джентльменъ былъ чрезвычайно встревоженъ, видимо слабѣлъ и мучился душевно. Онъ посылалъ за своими адвокатами и, вѣроятно, сдѣлалъ много перемѣнъ въ своей духовной. Посѣщавшій мистера Осборна медикъ объявилъ, что паціентъ его сильно потрясенъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтовалъ ему сдѣлать легкое кровопусканіе и отправиться куда нибудь ближе къ морю; но старикъ не предпринялъ ни того, ни другого.

Digitized by Google

Однажды, когда его долго ожидали къ завтраку, лакей, войдя въ уборную его, нашелъ своего господина въ обморокѣ, у ножки туалетнаго стола. Въ ту же минуту сообщили объ этомъ миссъ Осборнъ, послали за докторами, взяли Джоржа изъ пансіона; явились цырульники. Старика привели въ чувство; но онъ не могъ говорить, хотя и употреблялъ раза два страшныя усилія произнести хотя одно слово. Черезъ четыре дня Осборнъ скончался. Мѣсто докторовъ замѣнили рабочіе гробовщики. Закрыли всѣ окна, обращенныя къ Россель-скверу. Буллокъ прилетѣлъ изъ Сити. «Сколько денегъ оставилъ онъ этому мальчишкѣ? не можетъ же быть, чтобъ половину! Вѣроятно, онъ раздѣлилъ всѣмъ троимъ по ровной части....» Минута была самая тревожная.

Любопытно знать, однакожъ, что такое бѣдный старикъ раза два старался выговорить, но не могъ. Мнѣ кажется, губы его беззвучно выражали желаніе видѣть Амелію и примириться съ ней прежде, чѣмъ придется оставить міръ. Въ вѣроятности этого предположенія меня убѣждаетъ духовное завѣщаніе Осборна, гдѣ ясно выказывалось, что ненависть, которую старикъ такъ долго питалъ въ душѣ своей, совершенно исчезла.

Раскрыли наконецъ послѣднюю волю покойнаго: половина всего осборнова имущества отказывалась Джоржу; другая половина раздѣлялась между двумя сестрами. Мистеру Буллоку предлагалось продолжать, для общаго блага, дѣла комерческаго дома, или выдѣлиться, если онъ найдетъ это лучшимъ для себя. Годовые доходы съ доли Джоржа, суммою въ пятьсотъ фунтовъ, оставлялись «вдовѣ моего возлюбленнаго сына Джоржа Осборна», на которую старикъ и возлагалъ попечительство надъ его внукомъ. «Майоръ Уильямъ Доббинъ, другъ моего любезнаго сына», назначенъ былъ исполнителемъ завѣщанія; «и такъ какъ онъ, по своей добротѣ и благотворительности (говорилось въ духовной), изъ своихъ собственныхъ доходовъ поддерживалъ моего внука и вдову моего сына, въ то время, когда они находились безъ всякихъ средствъ къ жизни, то я отъ души благодарю майора за его любовь къ нимъ и уваженіе и умоляю его принять такую сумму денегъ, какая будетъ достаточна, чтобъ купить патентъ на чинъ подполковника, или распорядиться этой суммой такъ, какъ заблагоразсудитъ онъ, майоръ».

Амелію не могла не радовать вѣсть о примиреніи съ нею тестя, сердце ея наполнилось благодарностью къ нему за оставленное ей состояніе. Но когда Эмми узнала, на какихъ условіяхъ возвратили ей Джоржа, узнала, кто былъ виновникомъ такой счастливой перемѣны и какимъ образомъ во время бѣдности своей она поддерживалась благотворительностью Уильяма, когда узнала, что этотъ же Уильямъ далъ ей мужа и возвратилъ сына, — о, какъ она тогда, какъ на колѣнахъ, молилась о низпосланіи благословеній на это постоянное и великодушное сердце! И ей, бѣдной, за всю эту преданность, за всѣ эти благодѣянія нечѣмъ отплатить Уильяму, какъ однимъ только чувствомъ

Digitized by Google

благодарности!... А когда Эмми и находила что нибудь другое кромѣ признательности, тотчасъ же являлось изображеніе Джоржа и говорило ей: «ты моя, и моя исключительно, отнынѣ и навсегда».

Доббинъ зналъ эти сокровенныя чувства Эмми; да и какъ ему было не знать, когда, чтобъ разгадать ихъ, онъ посвятилъ такому занятію всю жизнь свою?

Когда содержаніе духовной мистера Осборна стало извѣстно свѣту, назидательно было посмотрѣть, какъ возвысилась мистриссъ Амелія Осборнъ во мнѣніи и уваженіи людей, составлявшихъ кругъ ея знакомства. Слуги Джоза, выслушивая, бывало, ея скромныя приказанія, обыкновенно возражали ей, что «спросятъ господина», теперь и не помышляли о подобномъ обращеніи. Кухарка отдумала подсмѣиваться надъ изношенными, старыми платьями Эмми, и всѣ другія служанки уже не ворчали болѣе при звукахъ ея колокольчика и немедленно являлись на призывы ея. Кучеръ не бормоталъ себѣ подъ носъ при выѣздахъ Амеліи и не дѣлалъ замѣчаній, что карета обратилась въ лазаретъ для старичишки и мистриссъ Осборнъ. Напротивъ того, въ немъ, въ кучерѣ то есть, проявилась какая-то особеннаго рода живость, и, опасаясь, чтобъ его не замѣнили кучеромъ покойнаго мистера Осборна, задавалъ себѣ такіе вопросы: «ну гдѣ этимъ кучерамъ съ Россель-сквера знать городъ хорошо, и умѣютъ ли они такъ ловко сидѣть на козлахъ передъ такой прекрасной леди?» Въ друзьяхъ Джоя, мужескаго и женскаго пола, внезапно явилось участіе къ Амеліи, и визитныя карточки, съ изъявленіемъ соболѣзнованія къ ея положенію, загружали столы. Самъ любезнѣйшій братецъ, смотрѣвшій на нее какъ на безотвѣтную и слабую характеромъ бѣдную сестру, которой обязанностью его было доставлять пищу и кровъ, самъ мистеръ Седли сталъ теперь оказывать ей и богатому мальчику, своему племяннику, величайшее уваженіе, старался о разнообразіи удовольствій Эмми, началъ являться къ завтраку и съ особеннымъ вниманіемъ спрашивать, какъ намѣрена Амелія располагать наступающимъ днемъ.

Въ качествѣ попечительницы Джоржа и съ согласія майора, какъ попечителя, вдова наша просила миссъ Осборнъ жить въ домѣ на Россель-скверѣ сколько ей заблагоразсудится; но Джэйнъ, съ различными благодареніями, объявила, что она ни за что не останется одна въ этомъ печальномъ домѣ, и, въ глубокомъ траурѣ, удалилась въ Челтенэймъ, взявъ съ собою двухъ старыхъ служанокъ. Прочіе слуги, щедро расчитанные, были распущены. Вѣрный старый буфетчикъ, которому мистриссъ Осборнъ предложила остаться, предпочелъ пустить свои сбереженія на устройство какого-то заведенія, гдѣ, какъ надо предполагать, онъ пребывалъ не безъ выгодъ. Миссъ Джэйнъ, какъ мы уже сказали, не соглашалась жить на Россель-скверѣ; Амелія также, послѣ нѣкотораго совѣщанія, отказалась занять

Digitized by Google

мрачное мѣстопребываніе Осборновъ. Вслѣдствіе этого домъ былъ очищенъ; богатая мебель и разныя украшенія, величественные канделябры и печальныя, блѣдныя зеркала завернуты и спрятаны; богатыя розоваго дерева орнаменты гостиной закутали въ солому, ковры свернули и увязали; небольшую библіотеку сочиненій избранныхъ авторовъ, превосходно переплетенныхъ, уложили въ два ящика изъ подъ вина. И все это укатилось, въ нѣсколькихъ огромныхъ фургонахъ, въ *Pantechnicon*, осужденное лежать безъ всякаго употребленія до совершеннолѣтія Джоржа. Вмѣстѣ съ прочею утварью увезли большіе, тяжелые сундуки съ фамильнымъ серебромъ, въ погреба банкировъ Стумпи и Роуди, для храненія съ тою же самою цѣлью.

Однажды, Эмми и ея сынъ, одѣтые въ глубокій трауръ, отправились посѣтить опустѣлый домъ, въ который мистриссъ Осборнъ не входила съ тѣхъ поръ, какъ была еще въ дѣвицахъ. Черезъ большія, опустѣлыя комнаты поднялись они по каменной лѣстницѣ въ верхніе покои — туда, гдѣ скончался grandpapa Джоржа, а потомъ еще выше — въ собственную комнату Джоржа. Амелія подошла къ одному изъ открытыхъ оконъ (къ одному изъ тѣхъ, на которыя она глядѣла, бывало, съ сокрушеннымъ сердцемъ, когда у нея отняли ея сына), откуда удобно могла видѣть старый домъ, гдѣ родилась она и гдѣ провела столько счастливыхъ дней блаженной юности. Но въ связи съ этими днями праздниковъ, ласковыхъ лицъ, былыхъ безпечныхъ, веселыхъ временъ въ воспоминаніи Амеліи быстро пронесся и длинный рядъ горестей и тяжкихъ испытаній, перенесенныхъ ею. Она задумалась, припоминая эту пору своей жизни и того человѣка, который былъ постояннымъ ея защитникомъ, ея добрымъ геніемъ, ея единственнымъ благодѣтелемъ, нѣжнымъ и великодушнымъ другомъ.

— Взгляни сюда, мама, сказалъ Джоржъ: — здѣсь начерчены алмазомъ двѣ буквы: Д. и О.... Прежде я никогда не видѣлъ ихъ, — право, никогда не видѣлъ.

— Развѣ ты не знаешь, что эта комната принадлежала твоему папа, задолго еще до того, какъ ты родился? замѣтила Эмми, раскраснѣлась и страстно поцаловала мальчика.

Возвращаясь въ Ричмондъ, временное свое мѣстопребываніе, Амелія во всю дорогу была молчалива. Въ Ричмондѣ ее посѣщали улыбающіеся адвокаты; тамъ же, безъ всякаго сомнѣнія, находилась комната и для майора Доббина, который, имѣя бездну хлопотъ по дѣламъ опеки, являлся туда очень часто.

Джоржа, на неопредѣленное время, взяли изъ пансіона, а мистеру Вилу поручили составить надпись для прекрасной мраморной плиты, предназначаемой подъ монументъ капитана Осборна.

Digitized by Google

Мистриссъ Буллокъ, тетка Джоржа, хотя и лишилась, благодаря своему племяннику, половины суммы, ожидаемой его въ наслѣдство, примирилась, однакожь, съ нашей вдовой, принимая, въ отношеніи ея, видъ благотворительнаго расположенія. Роугамптонъ находится недалеко отъ Ричмонда; и вотъ однажды къ дому Амеліи подъѣхала карета, украшенная гербами Буллоковъ снаружи и мозглявыми ребятишками внутри. Буллоки ворвались въ садъ, гдѣ Амелія читала книгу, Джозъ, въ бесѣдкѣ, помакивалъ въ вино клубнику, а майоръ, въ индѣйской курточкѣ, служилъ для Джоржа барьеромъ, черезъ который тотъ перескакивалъ. Сдѣлавъ одинъ изъ полетовъ своихъ черезъ крёстнаго, нашъ мальчуганъ вдругъ очутился передъ юными Буллоками, украшенными безчисленнымъ множествомъ черныхъ перьевъ, широкими черными кушаками и сопровождаемыми своею траурною мама.

«Да онъ какъ разъ подъ пару моей Розѣ»—подумала чадолюбивая мать, взглянувъ на свою семилѣтнюю миленькую больную дочь.

— Роза, поди сюда — поцалуй твоего милаго кузена, сказала она вслухъ. — Развѣ ты не знаешь меня, Джоржъ? прибавила она, обращаясь къ племяннику. — Я твоя тетинька.

— Я знаю васъ очень хорошо, да только — извините — не люблю цаловаться, отвѣчалъ Джоржъ, отступая отъ объятій своей кузины.

— Чудакъ!... но отведи меня къ твоей мама, сказала мистриссъ Буллокъ.

Такимъ образомъ встрѣтились эти леди, не видѣвъ другъ друга болѣе пятьнадцати лѣтъ. Во время бѣдственнаго положенія Амеліи, мистриссъ Буллокъ ни разу не подумала навѣстить свою прежнюю подругу; теперь же, когда эта подруга находилась въ полномъ благополучіи, конечно, нельзя было не исполнить такого долга!

По примѣру мистриссъ Буллокъ, поступили въ отношеніи къ Эмми весьма многіе. Наша старинная пріятельница, миссъ Шварцъ, въ сопровожденіи мужа, съ шумомъ подкатила къ дому мистриссъ Осборнъ, съ лакеями въ яркихъ желтыхъ ливреяхъ и съ своей прежнею чистосердечною любовью къ Амеліи. Миссъ Шварцъ любила бы ее постоянно, еслибъ только могла видѣться съ ней. Но что жь дѣлать! Въ такомъ огромномъ городѣ, какъ Лондонъ, едва ли найдется у кого время разъѣзжать по всѣмъ друзьямъ своимъ. И лишь только которые нибудь изъ нихъ потеряютъ свой блескъ, они безслѣдно исчезаютъ для насъ. На Ярмаркѣ Тщеславія — это не диво.

Словомъ сказать, прежде чѣмъ окончился трауръ Эмми, она нашла себя въ средѣ весьма изящнаго вида людей, считающихъ, что все принадлежащее къ ихъ кружку наслаждается невозмутимымъ счастьемъ. А въ этомъ кружкѣ не нашли бы вы почти ни одной леди, которая не имѣла бы, въ числѣ своихъ родственниковъ, хоть одного пера, будь ея мужъ даже только простой барышникъ въ Сити. А нѣкоторыя изъ означенныхъ дамъ щеголяли своей эрудиціей и начитанностью, знали, что такое Madame Соммервиль, и посѣщали Ака-

Digitized by Google

демію Наукъ; другія же — отличались строгостью своихъ религіозныхъ убѣжденій. Эмми чувствовала себя совершенно растерянною среди такого блестящаго собранія. Даже болѣе: были, между прочимъ, два случая, когда она ощутила въ душѣ своей сильное уязвленіе — благодаря привѣтливости мистриссъ Буллокъ. Эта леди всѣми силами старалась покровительствовать Амеліи и посвятить ее въ разныя свѣтскія тонкости, вздумала распоряжаться ея хозяйствомъ и привычками, безпрестанно пріѣзжала изъ Роугамптона занимать свою подругу всякимъ фешіонебльнымъ вздоромъ. Джозъ, правда, съ удовольствіемъ слушалъ мистриссъ Буллокъ, зато майоръ обыкновенно морщился при появленіи ея и ея неотразимой свѣтской любезности. Являясь въ блестящія собранія банкира Буллока, Амелія проводила ихъ, обыкновенно, въ скукѣ и молчаніи.

— Она добра, это видно, но, кажется, скучна, говорила мистриссъ Роуди. — А майоръ — по всѣму видно — необыкновенно *épris*.

— Въ ней замѣтно недостаетъ того, что мы называемъ *ton*, отвѣчала на это мистриссъ Голлийокъ. — Душа моя, вы не въ силахъ будете образовать ее.

— Она страшно равнодушна и ничего не смыслитъ, прибавляла мистриссъ Глоури, могильнымъ голосомъ и печально кивая головой и тюрбаномъ. — Разъ я спросила ее, какъ она думаетъ, въ 1836 году, по мистеру Джоульсу, или въ 1839, по мистеру Вапшоту, предстоитъ папѣ паденіе: вообразите, что она отвѣчала мнѣ: «Бѣдный папа! за что это!»....

— Друзья мои! вѣдь она вдова моего брата, возразила мистриссъ Буллокъ: — и поэтому всѣ мы обязаны оказывать ей вниманіе и дѣлать наставленія, полезныя на счетъ жизни въ свѣтѣ....

— Ахъ ужь эта мистриссъ Буллокъ! говорила Роуди, уѣзжая изъ дому банкира вмѣстѣ съ Голлийокъ: — вѣчно что нибудь да выдумаетъ, вѣчно всѣмъ распоряжается! Ей непремѣнно хочется перевести счетъ мистриссъ Осборнъ изъ нашего дома въ свой.... Ласки, съ которыми она обращается къ маленькому Джоржу и заставляетъ его сидѣть подлѣ подслѣповатой Розы, просто уморительны.

— Я отъ души желала бы, чтобъ на эту Глоури обрушились ея же собственныя творенія: «Грѣшный человѣкъ» и «Битва Армагеддонская!» вскричала другая.

И карета быстро покатилась по мосту Путни.

Такое общество было невыносимо для Эмми. И всѣ друзья наши приняли въ превеликую радость, когда, съ общаго согласія, рѣшились на поѣздку за границу.

Digitized by Google

GLABA LXI.

NA REJNE.

Прошло нѣсколько недѣль послѣ вышеописанныхъ обыденныхъ происшествій. По окончаніи парламентскихъ засѣданій и съ наступленіемъ лѣта, въ одно прекрасное утро, отвалилъ отъ пристани знаменитой Лондонской Башни пароходъ »Батавецъ«, нагруженный искателями здравія и удовольствія въ чужеземныхъ странахъ. На шканцахъ парохода былъ натянутъ тентъ, всѣ скамейки и сѣтки унизаны краснощекими дѣтьми, хлопотуньями-нянюками, дамами въ миленькихъ розовыхъ шляпкахъ и лѣтнихъ нарядахъ, джентльменами въ особеннаго рода для путешествія фуражкахъ и полотняныхъ курточкахъ, — джентльменами, усы которыхъ только что прорѣзались какъ бы нарочно для предстоящаго тура, и бодрыми, щеголеватыми, старыми ветеранами въ накрахмаленныхъ галстукахъ и вычищенныхъ глянцовитыхъ шляпахъ, — ветеранами, которые со времени окончанія войны ежегодно наводняли Европу и привозили съ собой во всѣ города свое національное *Goddem*. .. Народъ разнаго возраста и званія спѣшилъ къ пароходу. Кого только не было тутъ! И не перечтешь всѣхъ!...

Камердинеры, усадивъ своихъ господъ въ каютахъ или на палубѣ собравшись въ кружокъ, принялись тараторить и курить; присоединившіеся къ нимъ евреи глазѣли на экипажи. Тутъ находились и непомѣрной величины коляска сэра Джона, вмѣщавшая въ себѣ тринадцать персонъ, — коляска, карета, бричка и фургонъ милорда Бэйракра. Но удивляюсь, право, гдѣ милордъ досталъ денегъ на путевыя издержки. Евреи знали: знали, сколько именно было денегъ въ карманѣ милорда, за какіе проценты досталъ онъ ихъ и у кого. Наконецъ, тутъ же стояла премиленькая дорожная коляска, на счетъ которой вышеупомянутые джентльмены вели слѣдующій разговоръ:

— A qui cette voiture-là? спросилъ одинъ камердинеръ, съ серьгами въ ушахъ и съ огромнымъ сафьяннымъ кошелькомъ, у другого джентльмена — тоже камердинера и съ таковыми же серьгами въ ушахъ и таковымъ же огромнымъ сафьяннымъ кошелькомъ.

— C'est à Kirsch je bense — je l'ai vu toute à l'heure — qui brenoit des sangviches dans la voiture, отвѣчалъ камердинеръ прекраснымъ нѣмецко-французскимъ языкомъ.

Въ эту минуту, изъ палубы высунулся Киршъ, отдававшій, внизу, приказанія матросамъ, убиравшимъ багажъ пассажировъ. Киршъ не замедлилъ представить свѣдѣнія о своей персонѣ. Онъ сообщилъ, что коляска принадлежитъ калькутскому и ямайскому набобу, необыкновенно богатому, и къ которому онъ нанялся въ качествѣ чичероне. При послѣднихъ словахъ г-на Кирша, одинъ юный джентльменъ, котораго предостерега-

Digitized by Google

ли не ходить по мосткамъ, соскочилъ оттуда на крышку коляски и потомъ, перескакивая съ одного экипажа на другой, добрался до своей коляски и влѣзъ въ нее сквозь открытое окно, при общемъ одобреніи джентльменовъ-камердинеровъ.

— Nous allons avoir une belle traversée, Monsieur George! сказалъ Киршъ, показывая свои зубы и приподнимая фуражку съ золотымъ галуномъ.

— Убирайся ты съ своимъ французскимъ языкомъ! вскричалъ юный джентльменъ. — Подай-ка мнѣ сухарей.

Этотъ, повелительнымъ тономъ спрашивавшій себѣ сухарей, молодой человѣкъ, и наконецъ принявшійся глодать ихъ, былъ никто иной, какъ нашъ молодой другъ Джоржъ Осборнъ. Дядя его Джозъ и мама находились на шканцахъ съ нѣкіимъ джентльменомъ, котораго они привыкли считать за своего роднаго. Всѣ они четверо отправлялись заграницу на цѣлое лѣто.

Мистеръ Седли сидѣлъ подъ тентомъ напротивъ милорда Бэйракра и его семейства и наблюдалъ за всѣми поступками его. Всѣ они казались на видъ гораздо моложе, чѣмъ были въ роковомъ 1815 году, когда Джой встрѣчался съ ними въ Брюсселѣ (въ Индіи, скажемъ мимоходомъ, онъ выдавалъ себя за ихъ короткаго знакомаго). Волоса леди Карабасъ, въ ту пору темные, сдѣлались теперь каштановыми съ золотистымъ отливомъ. Рыжіе височки лорда Карабаса обратились въ черные съ синими и зелеными рефлекціями. Несмотря, однакожь, на такія перемѣны, эта благородная чета, какъ мы уже сказали, занимала все вниманіе набоба. Близкое присутствіе лорда несказанно очаровывало его, и въ эту минуту все другое казалось Джою и мелкимъ и ничтожнымъ.

— Какъ видно, тебя чрезвычайно интересуютъ эти господа, сказалъ Доббинъ засмѣявшись.

Амелія тоже засмѣялась. На ней была соломенная шляпка съ черными лентами и черное платье. Легкій шумъ и праздничный видъ поѣзда интересовали Эмми, и она казалась очень довольною.

— Какой чудный день! замѣтила она съ оригинальнымъ прибавленіемъ: — надо надѣяться, что переѣздъ нашъ совершится безъ сильнаго вѣтру.

Джозъ махнулъ рукой.

— Если вы рѣшились путешествовать, сказалъ онъ: — то должны приготовиться ко всякой погодѣ.

Въ надлежащее время, туристы наши выступили на набережной Роттердама и оттуда, на другомъ пароходѣ, переѣхали въ Кельнъ. Отсюда началось ихъ путешествіе по материку. Джой съ восторгомъ прочиталъ въ кельнскихъ газетахъ статью, возвѣщавшую о его прибытіи. Въ газетѣ, между прочимъ, сказано было: «*Herr Graf Lord von Sedley, nebst Begleitung, aus London*». При особѣ мистера Седли находился придворный костюмъ; онъ настоялъ, чтобы и Доббинъ взялъ съ собой свои регаліи. Джой объявилъ, что имѣетъ намѣреніе пред-

Digitized by Google

ставиться разнымъ иностраннымъ Дворамъ и засвидѣтельствовать почтеніе владѣтелямъ тѣхъ земель, которыя онъ посѣтитъ.

Гдѣ бы ни останавливались наши друзья и при каждомъ благопріятномъ случаѣ, мистеръ Джозефъ Седли долгомъ считалъ оставлять свою и Доббина карточки въ домѣ «нашего посланника». Съ большимъ трудомъ удержали его отъ хлопотъ надѣвать треугольную шляпу и штиблеты, когда онъ отдалъ визитъ англійскому консулу въ вольномъ городѣ Юденштатѣ, гдѣ этотъ гостепріимный соотечественникъ нашихъ туристовъ пригласилъ ихъ къ обѣду. Джой, надо замѣтить, велъ путевой журналъ, куда тщательно заносилъ и всѣ недостатки и всѣ превосходства различныхъ гостинницъ, которыя онъ посѣщалъ, а также и винъ и блюдъ, которыя вкушалъ.

Что до Эмми, то она была какъ нельзя болѣе довольна. Доббинъ постоянно имѣлъ при себѣ ея табуретку и дорожный альбомъ и, теперь болѣе чѣмъ когда либо, восхищался художественными произведеніями мистриссъ Осборнъ. Амелія съ палубы парохода срисовывала скалистые берега и старинные замки, или, сѣвъ на осла, направлялась къ древнимъ рыцарскимъ башнямъ, въ сопровожденіи своихъ неотлучныхъ адъютантовъ — Джоржа и Доббина. Зато Джозефъ почти никогда не сопутствовалъ сестрѣ въ ея поѣздкахъ по части живописи, такъ какъ онѣ предпринимались обыкновенно въ послѣобѣденное время, когда мистеръ Седли любилъ задать высыпку или погрѣться на солнышкѣ, въ бесѣдкахъ миленькихъ домашнихъ саликовъ.... Да, любилъ Джой поспать послѣ обѣда, закрывшись бандапскимъ платкомъ, — любилъ понѣжиться и черпать изъ газеты *Galignani's* всѣ англійскія новости.... Во всякомъ случаѣ, спалъ ли Джозъ въ то время, или нѣтъ, друзья его, прогуливаясь, не чувствовали въ отсутствіи его особеннаго недостатка. Надо сказать, они были очень, очень счастливы, — по вечерамъ довольно часто посѣщали оперу — уютныя, безъ всякихъ притязаній, милыя, старинныя оперы въ германскихъ городкахъ, гдѣ на одной сторонѣ сидитъ, плачетъ и вяжетъ чулки *noblesse*, а на другой — помѣщается *bourgeoisie*. Вотъ здѣсь-то Амелія находила свой восторгъ и въ первый разъ еще была посвящена въ чудеса Моцарта и Чимарозы. Мы уже говорили о музыкальномъ вкусѣ майора и его прекрасной игрѣ на флейтѣ. Главное удовольствіе, какое испытывалъ Доббинъ въ операхъ, состояло въ томъ, чтобы наблюдать восторгъ Эмми, когда она слушала ихъ. Передъ ней открылся новый міръ любви и прелести, когда она познакомилась съ этими чудными музыкальными произведеніями. Эмми обладала большимъ запасомъ чувствительности: такъ могла ли она оставаться равнодушною слушая Моцарта? Трогательныя сцены изъ «Донъ-Жуана» возбуждали въ ней до такой степени сильное увлеченіе, что она, принимаясь за вечернія молитвы, спрашивала себя, не грѣшно ли было предаваться тому восхищенію, которымъ «Ведре Карино» и «Батти-Батти» наполняли ея нѣжную, впечатлительную душу. Но майоръ, съ которымъ мистриссъ Осборнъ обыкновенно совѣтовалась въ этихъ случаяхъ, и который самъ былъ

Digitized by Google

религіозенъ, утверждалъ, что для него собственно всякая прелесть искусства равняется прелести самой природы, и что удовольствіе, ощущаемое нами, когда слушаемъ прекрасную музыку, или въ созерцаніи звѣздъ на небѣ, прекрасной мѣстности въ натурѣ или на картинѣ — составляютъ благо, за которое мы должны преклоняться предъ Создателемъ столько же, какъ и за всякій другой даръ, ниспосылаемый Имъ....

На этомъ періодѣ жизни Амеліи, о которомъ я говорю, я всегда останавливаюсь съ особеннымъ удовольствіемъ, и мнѣ сладко думать, что она была тогда и весела и счастлива. Вы видите, средства ея къ существованію увеличились противъ прежняго; но образа жизни своей и привычекъ мистриссъ Осборнъ не измѣнила. Ею управляли очень простыя побужденія....

Теперь слѣдуетъ припомнить, что Амелія, до настоящей минуты жизни своей, не встрѣчала джентльмена въ полномъ смыслѣ этого слова.... Впрочемъ, можетъ быть, такіе особы встрѣчаются гораздо рѣже, нежели мы думаемъ. Кто изъ насъ, вглядѣвшись въ кружокъ своихъ знакомыхъ, съ увѣренностью скажетъ, что такихъ джентльменовъ немало въ немъ, — особъ, которыя постоянно держатся истины, въ добавокъ къ тому и возвышенной еще, и могутъ прямо смотрѣть въ лицо всего свѣта, съ одинаковой безбоязненной симпатіей къ великимъ и малымъ земли? Каждый изъ насъ знаетъ по сотнѣ такихъ, у которыхъ платье сшито превосходно, — десятки такихъ, которые обладаютъ отличными манерами, и двухъ или трехъ такихъ счастливцевъ, около которыхъ группируется весь модный кругъ; но многіе ли изъ нихъ джентльмены? Возьмемте по маленькому лоскутку бумажки, и пусть каждый сдѣлаетъ свой списокъ.

Что до меня, то я избираю себѣ майора Доббина. У него весьма длинныя ноги, желтое лицо, — онъ картавитъ, отчего съ перваго раза и кажется смѣшнымъ. Но мысли его точны, понятія — основательны, жизнь — честна, сердце — мягкое и теплое. Конечно — повторяемъ — руки и ноги его имѣютъ необычайные размѣры, надъ чѣмъ оба Джоржа Осборна любили смѣяться; и ихъ-то насмѣшки, можетъ быть, и ввели Амелію въ заблужденіе относительно достоинствъ Уильяма Доббина. Но кто изъ насъ не заблуждался насчетъ своихъ избранныхъ и не измѣнялъ своихъ мнѣній о нихъ сотни и сотни разъ? Вотъ хоть бы и Эмми: теперь, въ это счастливое время, о которомъ мы говоримъ, открыла вдругъ, что ея собственныя понятія о заслугахъ майора подверглись сильной перемѣнѣ.

Быть можетъ, то было счастливѣйшее время въ жизни Эмми и Уильяма. Во всякомъ случаѣ, наша парочка скромно довольствовалась и наслаждалась лѣтнимъ заграничнымъ путешествіемъ. Джоржъ постоянно сопровождалъ свою мама въ театръ; но право подавать шаль Амеліи, по окончаніи спектакля, предоставлено было исключительно майору. Во всѣхъ прогулкахъ и поѣздкахъ нашъ юный джентльменъ находился всегда впереди, взбирался на башни и деревья, между тѣмъ

Digitized by Google

какъ мама его и онекунъ оставались внизу. Майоръ курилъ сигару и смотрѣлъ на Эмми, рисовавшую съ натуры мѣстность или руины. Во время этого-то самого путешествія я, авторъ этой правдивой исторіи, и имѣлъ удовольствіе въ первый разъ увидѣть майора и мистриссъ Осборнъ и познакомиться съ ними.

Первое свиданіе мое съ Уильямомъ Доббиномъ и его милымъ кружкомъ избранныхъ друзей происходило въ небольшомъ, спокойномъ велико-герцогскомъ городѣ Пумперникелѣ (мѣсто, гдѣ сэръ Питтъ Кроули подвизался на дипломатическомъ поприщѣ, что было очень давно, за долго до того, какъ вѣсть объ Аустерлицкой битвѣ обратила всѣхъ англійскихъ дипломатовъ въ Германіи направо кругомъ). Майоръ Доббинъ и К° прибыли съ коляской и камердинеромъ въ отель *Erbprinz*, лучшую во всемъ городѣ, и обѣдали за *table d'hôte*, за которымъ мистеръ Джозефъ Седли, своимъ значительнымъ видомъ и привязанностью къ іоганисбергскому, особенно обратилъ на себя вниманіе. Не менѣе дядюшки отличный имѣлъ аппетитъ и племянничекъ, уничтожая Schinken, Braten и Kartoffeln, брусничную пастилу, салатъ, пудингъ, жареную дичь и пирожное, со смѣлостью, дѣлавшею честь пищеваренію его папіи. Послѣ пятнадцати блюдъ, обѣдъ заключился дессертомъ, часть котораго Джоржъ вынесъ даже за двери; ибо нѣкоторые юные джентльмены, бывшіе съ нимъ за столомъ забавлявшіеся непринужденностью и развязностью маленькаго англичанина, заставили его положить въ карманъ цѣлую горсть миндальныхъ пирожковъ. Леди въ черномъ платьи, мама мальчика, смѣялась и краснѣла и повидимому оставалась чрезвычайно довольна во все время обѣда, любуясь различными примѣрами espièglerie своего сына. Полковникъ (Доббинъ вскорѣ послѣ кончины Осборна получилъ этотъ чинъ), помнится мнѣ, прогуливался насчетъ юнаго джентльмена, соблюдая, однакожь, въ шуткахъ своихъ привѣтливую важность, указывая мальчику на блюда, которыхъ тотъ еще не пробовалъ, и упрашивая его не испортить аппетита и взять еще вотъ этого или того.

Вечеромъ давался, какъ нѣмцы называютъ, Gast-Rolle, въ велико-герцогскомъ Pumpernicklisch Hof, или придворномъ театрѣ. Мадамъ Шредеръ-Девріентъ, тогда еще въ полномъ цвѣтѣ красоты и таланта, занимала роль героини въ этой чудной оперѣ «Fidelio». Изъ партера мы имѣли удовольствіе видѣть нѣкоихъ четырехъ друзей въ ложѣ, которую хозяинъ отеля Erbprinz нарочно держалъ для своихъ лучшихъ гостей. При этомъ случаѣ я не могъ не замѣтить дѣйствія, какое величественная актриса и музыка производили на мистриссъ Осборнъ: тамъ называлъ эту леди толстый джентльменъ съ усами. Во время удивительнаго хора плѣнниковъ, въ которомъ очаровательный голосъ актрисы отзывался столько восхитительной гармоніей, лицо Амеліи принимало такое выраженіе удивленія и восторга, что поразило даже юнаго Фиппса, blasé attaché, и онъ, наведя на мистриссъ Осборнъ зрительную трубку, протяжнымъ голосомъ воскликнулъ: «Ахъ Боже мой! какъ мило видѣть женщину въ такомъ сильномъ энтузіазмѣ!»

Digitized by Google

Въ сценѣ въ тюрьмѣ, гдѣ Фиделіо бросается къ мужу и восклицаетъ: «Nichts, nichts, mein Florestan!», Эмми Осборнъ рѣшительно потерялась и закрылась платкомъ. Въ это время почти всѣ женщины въ театрѣ плакали....

На слѣдующій день давали другую пьесу Бетховена: «Die Schlacht bei Vittoria.» Мальборугъ является, въ началѣ дѣйствія, предвѣстникомъ быстраго приближенія французской арміи. Потомъ раздаются барабаны, трубы, громъ артиллеріи и стоны умирающихъ; наконецъ, въ заключеніе, играютъ величественный, торжественный гимнъ: «God save the King.»

Въ театрѣ присутствовало десятка два англичанъ, и лишь только раздались первые звуки этого любимаго и знакомаго всѣмъ гимна, какъ каждый изъ нихъ, въ томъ числѣ и наша братья молодежь въ партерѣ, и сэръ Джонъ, и леди Буллминстеръ, и толстый джентльменъ съ усами, и длинный майоръ въ лосинныхъ панталонахъ, и леди съ маленькимъ мальчикомъ, и даже Киршъ (камердинеръ) выпрямились, чѣмъ и доказали свою привязанность къ старой британской націи. Что̀жъ касается до Тэйпуорма, секретаря посольства, то онъ привсталъ въ своей ложѣ, кланялся и усмѣхался: онъ такъ и обнаруживалъ свое желаніе быть представителемъ всего государства. Тэйпуормъ — племянникъ и наслѣдникъ старика генерала Типтоффа, введеннаго въ нашу исторію передъ началомъ Ватерлосскаго похода, бывшаго командира.... того полка, въ которомъ служилъ Доббинъ, и умершаго въ томъ же году въ почестяхъ и славѣ. Полкъ, какъ намъ уже извѣстно, былъ переданъ полковнику сэру Микелю о'Доуду, который и командовалъ имъ во многихъ достославныхъ битвахъ.

Тэйпуормъ, встрѣчаясь съ Уильямомъ въ домѣ своего дяди, узналъ полковника Доббина, — тотчасъ же оставилъ свою ложу и публично пожалъ руку своему новооткрытому другу.

— Посмотрите на щегольскіе сапоги Тэйпуорма, прошепталъ Фиппсъ, осматривая своего начальника. — Замѣтьте, гдѣ есть хорошенькая женщина, тутъ и онъ непремѣнно.

— Не мистриссъ ли Доббинъ имѣю я честь рекомендовать себя? спросилъ секретарь, съ вкрадчивой улыбкой.

Джоржъ захохоталъ. Эмми и Майоръ раскраснѣлись.

— Эта леди — мистриссъ Осборнъ, сказалъ Уильямъ: — а это — братъ ея, мистеръ Седли, превосходный офицеръ бенгальской гражданской службы. Позвольте мнѣ отрекомендовать его вашему превосходительству.

Милордъ, своей очаровательной улыбкой, едва не сбилъ съ ногъ нашего бенгальца.

— Неужели вы хотите остаться въ Пумперникелѣ? спросилъ онъ. — Предупреждаю, это самое скучное мѣсто.... Впрочемъ, мы нуждаемся въ порядочныхъ людяхъ, и потому постараемся обратить все скучное въ пріятное для васъ.... мистеръ.... Гм!... мистриссъ.... Завтра я буду имѣть честь лично зайти въ вашу отель.

Digitized by Google

И милордъ ушелъ съ такой убійственной улыбкой, что она, по его мнѣнію, должна была совершенно уничтожить мистриссъ Осборнъ.

Спектакль кончился; молодые люди, собравшись въ театральномъ залѣ, глазѣли на разъѣзжавшуюся публику...

Карета, подъ присмотромъ хлопотливаго Кирша, давно уже ожидала нашихъ (авторъ разумѣетъ здѣсь самого себя) новыхъ знакомыхъ.

Толстый джентльменъ сказалъ, что онъ прогуляется, и, закуривъ сигару, пошелъ по направленію къ дому; такимъ образомъ, остальные трое, съ поклонами и улыбками, касающимися насъ, отправились безъ мистера Седли. Киршъ, вооруженный сигарочницей, послѣдовалъ за своимъ господиномъ.

Всѣ мы вмѣстѣ шли къ отели и говорили толстому джентльмену объ agrémens здѣшняго мѣста, что̀ подѣйствовало на англичанина весьма пріятнымъ образомъ. Далѣе мы замѣтили, что здѣсь собираются общества на охоту, часто бываютъ балы и разныя увеселительныя собранія при гостепріимномъ герцогскомъ дворѣ, — что общество здѣсь вообще любезное, что театръ превосходенъ, и наконецъ, что жить здѣсь недорого.

— Англійскій посланникъ, кажется, чрезвычайно милъ и любезенъ, сказалъ нашъ новый другъ. — Съ такимъ представителемъ и.... и свѣдущимъ медикомъ, я думаю, это мѣсто довольно сносно. — Спокойной ночи, джентльмены! заключилъ мистеръ Джозефъ Седли, направляясь въ свою спальню, въ сопровожденіи Кирша со свѣтильникомъ.

Очень желательно, чтобы та миленькая женщина, о которой только что говорилось, хоть на нѣкоторое время осталась въ нашемъ городѣ.

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ.

ГЛАВА LXII.

ВСТРѢЧА СО СТАРЫМИ ЗНАКОМЫМИ.

Деликатное обхожденіе лорда Тэйпуорма возъимѣло самое благопріятное дѣйствіе на душу мистера Седли, и на слѣдующее же утро, за завтракомъ, онъ, мистеръ Седли, объявилъ свое мнѣніе, что Пумперникель, на его вкусъ, есть пріятнѣйшее мѣстечко изъ всѣхъ, которыя онъ и компанія его посѣщали во время своего путешествія. Побужденія Джоя и его хитрости было отгадать весьма нетрудно. Замѣтивъ въ индѣйцѣ особенный тонъ и манеру, съ которыми онъ пустился въ разсужденія о замкѣ Тэйпуормъ, Доббинъ засмѣялся: онъ зналъ навѣрное, что Джой нарочно всталъ такъ рано, чтобъ посовѣтоваться съ «Книгой перовъ для путешественниковъ». Что̀жь тутъ удивительнаго, впрочемъ? Джозефъ Седли видѣлся лично съ графомъ Багвигъ, отцомъ его превосходительства; онъ встрѣчался съ нимъ въ... въ Леви.... неужели Добъ не помнитъ этого событія? И когда, вѣрный своему обѣщанію, дипломатъ явился въ отель, Джой принялъ его съ

Digitized by Google

такимъ привѣтствіемъ и почестями, какія рѣдко оказывались посланнику. Съ прибытіемъ его превосходительства мистеръ Седли мигнулъ Киршу, и камердинеръ, заранѣе приготовившійся къ тому, что ему должно было дѣлать при такомъ сигналѣ, черезъ нѣсколько минутъ явился съ подносами, уставленными мороженымъ, желе и разными прохладительными сластями. Джозъ неотступно просилъ своего гостя отвѣдать ихъ.

Тэйпуормъ, во все время, пока имѣлъ случай любоваться блестящими глазками мистриссъ Осборнъ и въ умѣ не держалъ отклоняться отъ приглашенія подольше пробыть въ квартирѣ мистера Седли. Онъ сдѣлалъ нѣсколько довольно ловкихъ вопросовъ Джою объ Индіи и тамошнихъ актрисахъ, — спросилъ Амелію о томъ прекрасномъ мальчикѣ, который былъ съ ней въ театрѣ, и поздравлялъ изумленную маленькую женщину съ удивительнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ ею въ театрѣ. Наконецъ, дипломатъ хотѣлъ очаровать даже и майора, заговоривъ съ нимъ о послѣдней войнѣ и подвигахъ пумперниккельской дружины.

Тэйпуормъ, надо замѣтить, обладая наслѣдственною страстію волокитства, постоянно находился въ сладкой увѣренности, что каждая женщина, на которую онъ обратитъ свои нѣжные взоры, влюбится въ него. Такъ точно и теперь, онъ оставилъ Эмми съ полной увѣренностью, что она поражена его остроуміемъ и прелестями, и ѣхалъ домой съ намѣреніемъ написать ей премиленькую записку. Но Амелія не очаровалась лордомъ Тэйпуормомъ, напротивъ того, находилась подъ вліяніемъ какого-то страннаго недоумѣнія при его улыбкахъ, болтовнѣ, раздушенномъ батистовомъ носовомъ платкѣ и лакированныхъ сапогахъ съ высокими каблуками. Она не понимала смысла и половины тѣхъ комплиментовъ, которые онъ разсыпалъ передъ ней. Во все время своихъ наблюденій надъ человѣчествомъ Эмми никогда еще не встрѣчала дамскаго угодника, и смотрѣла на милорда скорѣй съ любопытствомъ, нежели съ удовольствіемъ. Что-жъ касается до Джоя, то онъ приходилъ отъ лорда въ восторгъ.

— О, какъ ласковъ его превосходительство! говорилъ онъ: — какъ любезенъ и добръ! съ перваго слова обѣщалъ прислать своего доктора!...

Придворный врачъ и домашній докторъ Тэйпуорма, фонъ Глауберъ, безъ всякаго затрудненія убѣдилъ Джоя, что пумперниккельскія минеральныя воды и внимательное леченіе непремѣнно возвратятъ ему, мистеру Седли, юность и сухощавость.

— Да вотъ, для примѣра, что скажу я вамъ, говорилъ фонъ Глауберъ коверканнымъ языкомъ: — въ прошедшемъ году пріѣзжалъ сюда генералъ Булкли.... не забудьте: англійскій генералъ.... вдвое толще васъ, сэръ. Мѣсяца черезъ три я отправилъ его назадъ такимъ тонешенькимъ!... Передъ отъѣздомъ своимъ онъ на-славу танцовалъ съ баронессой Глауберъ.

Digitized by Google

Джой недолго думалъ: минеральныя воды, докторъ, Дворъ и *Charge d'Affaires* убѣдили его согласиться провести осень въ этой очаровательной странѣ. Пунктуально-точный, лордъ на слѣдующій же день представилъ Джоя и майора ко Двору. Эту аудіенцію доставилъ имъ графъ Шлиссельбакъ, пумперникельскій гофмаршалъ.

Вслѣдствіе такого важнаго событія, путешественниковъ нашихъ пригласили къ придворному обѣду, и лишь только пронесся слухъ объ ихъ намѣреніи остаться въ городѣ, какъ всѣ дамы высшаго, образованнаго круга начали являться съ визитами къ мистриссъ Осборнъ, и хотя ни одна изъ нихъ не могла похвастаться богатствомъ, зато каждая носила титулъ баронессы; а это-то и приводило мистера Седли въ невъяснимый восторгъ. Онъ писалъ къ Чутни въ клубъ, что заслуги въ Германіи высоко цѣнятся, что на дняхъ онъ отправляется показать другу своему, графу Шлиссельбакку, какимъ образомъ колютъ въ Индіи свиней, и что его друзья олицетворяютъ въ своей особѣ все, что только называется добротой и вѣжливостью.

Эмми тоже представлялась Двору, и такъ какъ трауръ въ нѣкоторые дни не допускается при Дворѣ, то Амелія явилась въ розовомъ флеровомъ платьи, съ брильянтовымъ украшеніемъ, подареннымъ ей братомъ. Она была такъ прелестна въ этомъ костюмѣ, что Дворъ восхищался ею до безконечности.

Эмми прошла польскій съ майоромъ Доббиномъ. Джой имѣлъ честь вести графиню Шлиссельбакъ — старую горбатую даму, находящуюся въ родствѣ едва ли не съ цѣлой половиной важныхъ особъ Германіи.

Пумперникель расположенъ среди счастливой равнины, по которой протекаетъ (чтобъ соединиться гдѣ-то съ Рейномъ; у меня нѣтъ карты подъ рукой, слѣдовательно не могу сказать навѣрное, въ какомъ именно мѣстѣ) оплодотворительная рѣчка Пумпъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ величина ея поддерживаетъ паромы, а въ другихъ приводитъ въ движеніе мельницы. Въ самомъ Пумперникелѣ построенъ мостъ, на которомъ возвышается статуя, окруженная нимфами и эмблемами побѣды, мира и изобилія; нога статуи упирается на шею распростертаго турка (Исторія гласитъ, что во время освобожденія Вѣны Собѣскимъ одинъ рыцарь, сражаясь съ янычаромъ, прокололъ его насквозь). Не обращая никакого вниманія на страданія умирающаго мусульманина, рыцарь кротко улыбается и показываетъ своимъ жезломъ по направленію къ площади Авреліи, къ тому самому мѣсту, гдѣ начали сооружать новый дворецъ, долженствующій быть чудомъ того времени, еслибъ только имѣлись къ тому капиталы. Въ самомъ дѣлѣ, окончаніе Монплезира, или, какъ выражаются нѣмцы, *Монблезира*, пріостановилось за недостаткомъ наличныхъ денегъ. Дворецъ, принадлежащій къ нему паркъ и садъ находятся теперь въ запущеніи, занимая пространство въ десять разъ болѣе, нежели сколько требуется для помѣщенія Двора.

Сады когда-то устроены были такъ, что блескомъ своимъ могли равняться съ Версалемъ. Между террасами и рощами и до сихъ поръ

Digitized by Google

еще уцѣлѣли огромные аллегорическіе вассерверки, которые въ торжественные дни бьютъ ключемъ и пѣнятся и пугаютъ проходящихъ своими страшными аквативческими изверженіями. Тутъ находится пещера Трофонія, въ которой свинцовые тритоны не только извергаютъ воду, но, изъ улитковыхъ раковинъ, испускаютъ ужасные звуки; есть тутъ и бассейнъ съ нимфами и Ніагарскій водопадъ, которымъ сосѣдніе жители Пумперникеля любуются съ особеннымъ удовольствіемъ, когда пріѣзжаютъ на годичную ярмарку при открытіи засѣданій, или на праздники, которыми маленькая счастливая нація ознаменовываетъ высокоторжественные дни.

Въ такіе дни изъ всѣхъ городовъ герцогства, простирающагося почти на десять миль, — изъ Болкума, лежащаго на западной границѣ, — изъ Гроговица, гдѣ герцогъ имѣетъ обыкновеніе охотиться, и гдѣ владѣнія его отдѣляются, рѣкою Пумпъ, отъ владѣній принца потцентальскаго, — изъ всѣхъ деревень, которыми кромѣ этихъ городовъ усыпано все герцогство, — изъ фермъ и мельницъ по Пумпу, — отвсюду собираются толпы народа въ красныхъ юбочкахъ и бархатныхъ шапочкахъ, или въ треугольныхъ шляпахъ и съ трубками въ зубахъ, — всѣ, всѣ стекаются въ резиденцію провести въ удовольствіяхъ время ярмарки и праздниковъ. Въ тѣ дни въ театръ пускаютъ даромъ, фонтаны *Монблезира* приводятся въ дѣйствіе, — появляются фокусники и наѣздники, — восхищенной публикѣ открывается входъ во дворецъ — любоваться скользкимъ паркетомъ, богатыми занавѣсями и спиттонами въ дверяхъ безчисленнаго ряда комнатъ. Въ Монплезирѣ находится павильонъ, представляющій собой чудо художества. Онъ весь исписанъ исторіей Бахуса и Аріадны; и столы, устроенные внутри и снаружи его, посредствомъ особеннаго механизма поднимаются и опускаются, такъ что общество можетъ присутствовать за ними безъ всякой необходимости въ прислугѣ. Павильонъ этотъ былъ, однакожь, закрытъ. Пумперникельскій театръ славится своею извѣстностью въ той части Германіи.

При Дворѣ вездѣ замѣтны роскошь и комфортъ. Во время ужина, заключающаго балъ — хотя бы и до четырехъ-сотъ персонъ присутствовало за столомъ — на каждыхъ четверыхъ гостей назначается по лакею въ малиновой ливреѣ съ галунами, — и каждому все подается на серебрѣ. Балы и пиршества безпрерывно смѣняются одни другими. Есть полный штатъ камергеровъ и шталмейстеровъ, гардеробмейстершъ и фрейлинъ.... Словомъ сказать, обстановка дивная.

Правленіе тамъ конституціонное. Есть и палата, члены которой, смотря по обстоятельствамъ, и избираются и нѣтъ. Во время моего пребыванія въ Пумперникелѣ я ни разу не слышалъ, чтобы было ходя одно засѣданіе. Армія состояла изъ великолѣпнаго оркестра, въ обязанность котораго вмѣнялось находиться и на сценѣ. Восхитительное очамъ представлялось зрѣлище, когда эти воины маршировали въ турецкихъ костюмахъ, съ раскрашенными лицами и деревянными палашами, или въ одеждахъ римскихъ воиновъ, съ тромбона-

Digitized by Google

ми и офиклейдами. Независимо отъ музыкантовъ имѣлся еще-богатый и многочисленный штабъ офицеровъ и, надо полагать, нѣсколько рядовыхъ. Кромѣ того, я замѣтилъ человѣкъ четырехъ въ гусарскихъ мундирахъ, обязанностью которыхъ было находиться при дворцѣ....

Каждый (подъ этимъ словомъ мы разумѣемъ персонъ высшаго сословія) поставлялъ себѣ за правило навѣщать своихъ сосѣдей. На этомъ основаніи, у генеральши де Бурстъ былъ извѣстный пріемный день въ недѣлю, а у генеральши де Шнурбартъ — вечеръ; театръ открывался черезъ каждые трои сутокъ. Такимъ образомъ, жизнь человѣческая протекала здѣсь среди безпрерывныхъ, незатѣйливыхъ, пумперникельскихъ удовольствій.

Само собой разумѣется, что и въ этомъ благословенномъ мѣстечкѣ не обходилось безъ враждебныхъ столкновеній. За теченіемъ политическихъ дѣлъ слѣдили весьма строго, и партіи были самыя ярыя. Главныя — двѣ: Штрумпфъ и Ледерлунгъ. Первая поддерживалась нашимъ посланникомъ, послѣдняя — французскимъ *Charge d'Affaires, Monsieur de Macabau*. Надо сознаться, что нашъ посланникъ справедливо стоялъ за мадамъ Штрумпфъ, знаменитой по своему голосу, тремя нотами стоявшимъ выше голоса ея соперницы, мадамъ Ледерлунгъ. Стоило только нашему посланнику высказать какое нибудь мнѣніе, оно тотчасъ же встрѣчало безду противорѣчій со стороны французскаго дипломата. Каждый изъ обитателей описываемаго нами города, конечно, принадлежалъ къ той или другой партіи. Безъ всякаго сомнѣнія, Ледерлунгъ — премиленькое созданіе съ плѣнительнымъ голосочкомъ; но и то внѣ всякаго спора, что Штрумпфъ уже не въ цвѣтѣ красоты и юности и довольно толста, такъ что когда она являлась въ послѣдней сценѣ «Сомнамбулы», въ кофточкѣ и съ лампой въ рукѣ, и когда приходилось ей выйти изъ окна и перейти по дощечкѣ мельницы, — мадамъ Штрумпфъ съ трудомъ пролѣзала въ окно, и, подъ тяжестью ея персоны, дощечка гнулась и трещала.... Зато какже и отличалась она въ финалѣ! съ какимъ порывомъ чувствъ бросалась въ объятія Эльвина! Она едва-едва не задушила его, между тѣмъ какъ миніатурная Ледерлунгъ.... но оставимте эти пересуды... Дѣло въ томъ, что означенныя двѣ дамы составляли въ Пумперникелѣ два штандарта, французской и англійской партіи, и раздѣляли все общество на двѣ половины.

Къ *нашимъ* принадлежали: англійскій посланникъ, оберъ-шталмейстеръ, статсъ-секретарь; на сторонѣ французской партіи находились: французскій посланникъ, супруга главнокомандующаго, гофъ-маршалъ и его жена, извлекавшая изъ этого еще и ту выгоду, что она получала изъ Парижа новыя моды, и курьеръ Mr. de Macabau привозилъ ей шляпки.

Главная квартира ихъ и *table d'hôte* находились въ *Pariser Hof* — одной изъ лучшихъ отелей въ городѣ; и хотя эти джентльмены принуждены были соблюдать въ обществѣ надлежащее приличіе, они, однакожь, рѣзали другъ друга эпиграммами острыми какъ лезвіе

Digitized by Google

бритвы; — точь-въ-точь, какъ два бойца, случаемъ видѣнные мной въ Девоншэйрѣ, и которые, нанося другъ другу удары, не обнаруживали ни малѣйшаго движенія мускуловъ на лицѣ своемъ. Ни Тэйлуорнъ, ни Макабо не посылали депешъ въ свое отечество, не наполнивъ ихъ бездною взаимныхъ хваленій. Съ нашей стороны, напримѣръ, читаемъ: «Польза Великобританіи въ Пумперникелѣ, и вообще во всей Германіи, теряетъ чрезвычайно много чрезъ продолжительное пребываніе здѣсь французскаго посланника. Характеромъ человѣкъ этотъ таковъ, что для достиженія своей цѣли онъ не постыдится говорить всякую ложь и не задумается сдѣлать преступленіе. Онъ всѣми силами старается вооружить дворъ противъ англійскаго посланника, представляетъ поведеніе Великобританіи въ самомъ темномъ видѣ и, къ несчастію, поддерживается министромъ, необразованность котораго также очевидна, какъ и пагубно его вліяніе.» Съ своей стороны, французы писали слѣдующее: «Мг. де Тэйлуорнъ продолжаетъ вести свою систему глупой, *островской* надменности и свойственнаго только одной черни вѣроломства противъ одной изъ величайшихъ націй въ мірѣ. .. Золото его щедро разсыпается по тому направленію, гдѣ безумныя угрозы не имѣютъ надлежащаго дѣйствія. Тѣмъ и другимъ средствами онъ успѣлъ взять верхъ надъ разными креатурами.... Короче сказать, Пумперникель до тѣхъ поръ не будетъ смиренъ, Германія спокойна, Франція уважаема и Европа довольна, пока этотъ злосредный человѣкъ....» и такъ далѣе....

Еще задолго до наступленія зимы, Эмми давала вечеръ и принимала общество, съ подобающимъ приличіемъ и скромностію. У нея былъ, надо замѣтить, учитель французскаго языка, съ большой похвалой отзывавшійся о чистотѣ ея произношенія и способности съ легкостью усвоивать себѣ преподаваемое Кромѣ того, наставницей Амеліи была и мадамъ Штрумпфъ, дававшая ей уроки пѣнія, исполняемые мистриссъ Осборнъ такъ превосходно и съ такою вѣрностью въ голосѣ, что окна майора, квартира котораго находилась напротивъ, постоянно открывались, когда начинался урокъ, и закрывались, когда онъ кончался. Нѣкоторыя изъ нѣмочекъ — созданія сантиментальныя и не прихотливыя въ своихъ требованіяхъ — съ первой же встрѣчи влюбились въ Амелію и стали обращаться съ нею по пріятельски, на *du*.... Согласенъ, всѣ эти подробности довольно тривіальны, а все-таки не могу удержаться отъ нихъ, такъ какъ онѣ относятся къ временамъ счастливымъ для моей героини.... Перейдемъ, однакожъ, къ майору, какъ къ наставнику Джорджа: Уильямъ читалъ со своимъ крестникомъ Цезаря и проходилъ съ нимъ математику....

Джозъ былъ весьма любезенъ съ графиней Фанни де Буттербродъ, очень милой, мягкосердечной и незаносчивой молодой дѣвицей, но бѣдной до крайности. Съ своей стороны, и Фанни признавалась, что быть сестрой Амеліи она считаетъ величайшимъ счастіемъ; мистеръ Седли не отказался бы жениться на дѣвицѣ Буттербродъ: онъ могъ тогда къ гербу своему прибавить графскую корону. Вдругъ случилось

Digitized by Google

одно важное происшествіе. При дворѣ начались празднества по случаю одного бракосочетанія. Съ этой свадьбой связывались великолѣпныя и торжественныя празднества, что и исполнено было, дѣйствительно, съ такою пышностью, какой не запомнятъ. На праздники съѣхались всѣ сосѣдніе принцы, принцессы и вельможи. Цѣны за ночлегъ возвысились въ городѣ до полукроны, и армія совершенно истощилась, доставляя почетные караулы для свѣтлостей, сіятельствъ и превосходительствъ, прибывшихъ сюда съ разныхъ мѣстъ. На свадьбу просили всѣхъ и каждаго и черезъ дороги, по которымъ предстояло проходить молодой четѣ, перекинуты были тріумфальные своды и гирлянды. Одинъ фонтанъ испускалъ изъ себя столбы кислаго вина, а фонтанъ на Артиллерійской площади заряженъ былъ пивомъ. Фонтаны, всѣ до одного, находились въ дѣйствіи; для состязанія крестьянъ разставлены высокія жерди, на которыхъ висѣли серебряные часы, одежда и разныя разности. Изъ числа призовъ одинъ достался на долю Джорджа. онъ легко поднялся на вершину жерди, схватилъ подарокъ и спустился внизъ съ быстротою водопада. Джорджъ отдалъ свой призъ крестьянину, который лазилъ на верхушку, едва-едва не досталъ его и стоялъ теперь при концѣ мачты, произнося не совсѣмъ пріятныя одобренія. При этомъ случаѣ, я смѣло могу сказать, что *наша* иллюминація вышла превосходнѣе французской, несмотря на то, что послѣдняя имѣла шестью плошками больше. Наши транспаранты, представлявшіе благоденствіе молодой четы и побѣгъ несогласія, просто, уничтожали французскую картину.

На предстоящіе праздники собрались большія толпы народу, въ томъ числѣ и англичане. Кромѣ придворныхъ баловъ, давались еще и публичные, въ общемъ клубѣ и Редутѣ. Въ первомъ изъ этихъ мѣстъ находилась комната для trente-et-quarante и roulette.

И маленькій шалунъ нашъ Джоржъ Осборнъ, въ карманахъ котораго не выводились талеры, также явился на городской балъ, въ обществѣ камердинера дяди своего, господина Кирша. Онъ съ особеннымъ удовольствіемъ похаживалъ вокругъ игорныхъ столовъ, за которыми дѣятельно занимались банкометы и понтёры. Тутъ играли и женщины. Нѣкоторыя изъ нихъ были въ маскахъ, такъ какъ въ разгульные дни карнавала такая вольность допускалась.

За столомъ, гдѣ находилась рулетка, сидѣла какая-то блондинка, въ простенькомъ костюмѣ и въ черной маскѣ. Передъ ней лежали карта, булавка и два флорина. Въ то время, какъ банкометъ спрашивалъ цвѣтъ и нумеръ, блондинка накалывала карту, и только тогда рѣшалась объявить свой цвѣтъ, когда красные и черные проходили извѣстное число разъ.

Но, какъ будто на зло ея тщательности и наблюдательности, маска никакъ не могла попасть на вѣрный выигрышъ. Послѣдніе два флорина, одинъ за другимъ, перешли въ кассу банкира, при чемъ блондинка испускала вздохъ, пожимала плечами, почти совершенно открытыми, и, приколовъ булавкой карточку, нѣсколько времени бара-

Digitized by Google

банила ею по столу. Вдругъ, оглянувшись какъ-то, она увидѣла честное лицо Джоржа, съ напряженнымъ вниманіемъ посматривавшаго на сцену дѣйствія.

Пристально посмотрѣвъ на мальчика своими сверкающими глазами, маска сказала:

— Monsieur n'est pas joueur?...

— Non, Madame! отвѣтилъ мальчикъ.

— Вы никогда не играли? продолжала блондинка.—Сдѣлайте мнѣ небольшое одолженіе....

— Какое? спросилъ Джоржъ, раскраснѣвшись.

Господинъ Киршъ занятъ былъ попытной счастія на rouge et noir, а потому и думать забылъ о своемъ молодомъ господинѣ.

— Пожалуста, сыграйте за меня; выберите и поставьте какой вамъ угодно нумеръ.

Маска вынула кошелекъ, взяла изъ него послѣднюю золотую монету и передала ее Джоржу. Мальчикъ засмѣялся и поступилъ какъ просила его леди.

На этотъ разъ счастіе склонилось на сторону маски. Джоржъ выигралъ. Говорятъ, начинающіе въ игрѣ не знаютъ неудачи.

— Благодарю васъ, сказала блондинка, придвигая деньги: — благодарю. — Скажите, какъ васъ зовутъ?

— Осборнъ, отвѣчалъ Джоржъ и уже полѣзъ въ карманъ за деньгами, чтобъ попытать своего счастья, какъ вдругъ въ комнату явились майоръ и Джозъ. Многіе изъ гостей оставили придворный балъ ранѣе обыкновеннаго. Весьма вѣроятно, что Уильямъ и мистеръ Седли, возвратясь домой и не найдя тамъ нашего юноши, отправились отыскивать его въ игорномъ домѣ. Майоръ первый замѣтилъ Джоржа и, взявъ его за плечо, быстро отвелъ отъ мѣста искушенія. Потомъ, посмотрѣвъ вокругъ комнаты, онъ увидѣлъ Кирша за занятіемъ, о которомъ мы упомянули, и, подойдя къ нему, спросилъ его, какъ онъ смѣлъ привести мистера Джоржа въ такое мѣсто.

— Laissez-moi tranquille, сказалъ господинъ Киршъ, подъ сильнымъ вліяніемъ хмѣля и игры. — Il faut s'amuser. Je ne suis pas au service de Monsieur.

Замѣтивъ состояніе Кирша, майоръ не захотѣлъ пускаться съ нимъ въ дальнѣйшія изъясненія, ограничившись тѣмъ, что увелъ съ собой Джоржа и спросилъ Джоя, не пойдетъ ли и онъ вмѣстѣ съ ними. А мистеръ Седли стоялъ подлѣ маски, игравшей теперь уже счастливо. Ставка блондинки, казалось, очень заинтересовала нашего пріятеля.

— Не лучше ли будетъ, Джозъ, сказалъ майоръ: — если ты пойдешь съ нами?

— Я приду съ этимъ негодяемъ Киршемъ, отвѣчалъ Джой.

— Скажи мнѣ откровенно, Джоржъ, ты игралъ? спросилъ Уильямъ своего крестника, когда они вышли на улицу.

— Нѣтъ! отвѣчалъ мальчикъ.

Digitized by Google

— Дай мнѣ честное слово джентльмена, что ты никогда не станешь играть.

— Отчего же? возразилъ Джоржъ. — Мнѣ кажется, это весьма пріятное удовольствіе.

Но Доббинъ краснорѣчивымъ и убѣдительнымъ образомъ доказалъ крестнику, почему онъ не долженъ играть, и подтвердилъ бы убѣжденія свои, представивъ въ примѣръ отца Джоржа, еслибъ только имѣлъ намѣреніе сказать хоть одно слово, которое бы падало тѣнью на память его покойнаго друга. Впустивъ Джоржа въ домъ, онъ самъ пошелъ спать и видѣлъ, какъ огонь въ комнатѣ мальчика, черезъ нѣсколько минутъ, погасъ. Спустя еще полчаса, сдѣлалось темно и въ комнатѣ Амеліи.

Мистеръ Седли оставался хладнокровнымъ зрителемъ. Онъ не былъ игрокъ, но время отъ времени не уклонялся отъ возбужденія и такого рода сильныхъ ощущеній. Въ разукрашенныхъ карманахъ его придворнаго жилета звенѣло нѣсколько наполеондоровъ. Черезъ прекрасное плечо блондинки, Джой поставилъ одну монету и выигралъ. Маска сдѣлала легкое движеніе, чтобъ дать ему мѣсто подлѣ себя.

— Пожалуста садитесь: вы принесли съ собой счастье, сказала она, употребляя иностранный выговоръ, совсѣмъ различный отъ того свободнаго и совершенно англійскаго «благодарю васъ», которымъ она сопровождала выигрышъ Джоржа. Толстый джентльменъ, оглянувшись вокругъ, не замѣчаетъ ли кто его особы изъ людей почтенныхъ, занялъ предлагаемое мѣсто, пробормотавъ: «да, да, дѣйствительно.... вы правы. Я очень счастливъ. Я увѣренъ, что могу удѣлить и вамъ частицу моего счастья....»

— А что, вы много играете? спросила маска.

— Думаю поставить два наполеончика, отвѣчалъ Джой важнымъ тономъ, бросивъ на карту золотую монету.

— Вы играете не для того, чтобы выиграть? Да и я тоже. Я играю для того, чтобы забыться, да не могу, правда... Я не могу забыть былыя времена. Вашъ маленькій племянникъ живой портретъ своего папа.... А вы.... вы не перемѣнились ... впрочемъ, нѣтъ: и въ васъ есть перемѣна. Всѣ измѣняются, всѣ забываютъ; ни у кого нѣтъ сердца.

— Праведный Боже! Кто же вы? спросилъ мистеръ Седли въ сильномъ смущеніи.

— Неужели вы не можете догадаться, Джозъ Седли? печальнымъ голосомъ сказала блондинка и потомъ, сдернувъ маску и взглянувъ на Джоя, прибавила: — вы забыли меня?

— Ахъ, Боже мой! мистриссъ Кроули! воскликнулъ тотъ.

— Да, Ребекка, подтвердила блондинка, положивъ на руку Джоя свою ручку.

Она продолжала слѣдить за игрой, не спуская, въ тоже время, глазъ и съ нашего толстяка.

Digitized by Google

— Я квартирую въ гостинницѣ «Слона», продолжала Бекки. — Спросите мадамъ де Раудонъ.... Сегодня я видѣла безцѣнную Амелію: какъ она похорошѣла и какъ счастлива должна быть!... И вы, Джозефъ, тоже счастливы!... Всѣ счастливы, кромѣ меня. Только я несчастна....

И полковница Кроули переложила деньги съ красной карты на черную, будто нечаянно, движеніемъ руки, когда хотѣла отерѣть глаза свои носовымъ платкомъ, обшитымъ рваными кружевами.

Красная снова взяла. Ребекка проиграла все изъ этой ставки.

— Пойдемте, сказала она тогда: — пройдемтесь немного. Мы вѣдь старинные друзья.... не правда ли, безцѣнный мистеръ Седли?

Въ это время и герръ Киршъ, совершенно продувшись, пошелъ за своимъ господиномъ. Иллюминація все еще горѣла; однакожь, транспарантъ надъ домомъ нашего посольства былъ едва замѣтенъ.

ГЛАВА LXIII.

СВѢДѢНІЯ О НАШИХЪ СТАРЫХЪ ЗНАКОМЫХЪ.

Мы должны пробѣжать часть жизни мистриссъ Ребекки Кроули съ тою снисходительностью и деликатностью, какія требуются свѣтомъ — моральнымъ свѣтомъ, который, можетъ быть, и не всегда уклоняется отъ порока, зато питаетъ непреодолимое отвращеніе, когда услышитъ, что пороку дали его настоящее названіе Есть предметы на Ярмаркѣ Тщеславія, о которыхъ мы имѣемъ совершенное понятіе, хотя ни слова не говоримъ о нихъ. Для образованной публики также непріятно читать голое описаніе порока, какъ для англійской или американской леди слышать произнесенное предъ ея непорочнымъ слухомъ слово брюки. А при всемъ томъ, милостивыя государыни, какъ порокъ, такъ и панталоны смѣло прогуливаются по бѣлу свѣту, каждый день являются передъ нашими глазами, нисколько не оскорбляя нашей скромности. Еслибъ вы каждый разъ, когда они проходятъ мимо, начали краснѣть, что бы тогда сдѣлалось съ нилымъ цвѣтомъ вашихъ личикъ? Скромности вашей тогда только предстоитъ случай выказывать свое безпокойство, когда назовутъ эти вещи ихъ именемъ. Вотъ и авторъ этого разсказа желалъ непремѣнно покориться господствующей модѣ и изобразить существованіе зла самымъ легкимъ и пріятнымъ образомъ, такъ чтобы не оскорбить ни чьихъ прекрасныхъ чувствъ. Я не позволю никому сказать, чтобы наша Бекки, у которой, вѣроятно, были нѣкоторые пороки, не представлена мной публикѣ въ совершенно джентильномъ и невинномъ видѣ. Описывая эту сирену, поющую и улыбающуюся, ласкающуюся и льстящую, авторъ, съ смиренной гордостью, спрашиваетъ своихъ читателей вообще, нарушилъ ли онъ хотя разъ законы приличія и хоть единожды показалъ ли надъ водой отвратительный хвостъ чу-

Digitized by Google

довища? Нѣтъ! Тѣ, кому угодно, могутъ нырнуть въ воду, весьма прозрачную, и посмотрѣть, какъ оно тамъ извивается и изгибается между костями, или обвивается вокругъ труповъ; но надъ ватеръ-линіей я еще разъ спрашиваю, не было ли все представлено мной въ надлежащемъ пріятномъ и приличномъ видѣ, и имѣетъ ли право какой нибудь брюзгливый человѣкъ на Ярмаркѣ Тщеславія воскликнуть: «ѳи, какъ это гадко!» Но, однакожь, когда сирена бросается въ глубину, вода, безъ сомнѣнія, взволнуется, и вы лишаетесь возможности разглядѣть, что она тамъ дѣлаетъ на днѣ, между мертвыми тѣлами. Правда, хороши эти сирены — когда, на скалѣ, играютъ на арфѣ, расчесываютъ волосы, поютъ и просятъ васъ подержать передъ ними зеркало; но когда кинутся онѣ въ свою родную стихію, повѣрьте, эти прелестницы русалки замышляютъ что нибудь недоброе, и мы лучше сдѣлаемъ, если не станемъ разсматривать этихъ водяныхъ каннибаловъ, пожирающихъ и пирующихъ надъ ихъ несчастными жертвами. Такимъ образомъ и Бекки — когда сходитъ она со сцены нашей исторіи, будьте увѣрены, что въ ту пору она занимается недобрымъ, и чѣмъ менѣе будетъ сказано про ея дѣла, тѣмъ лучше.

Впрочемъ, и у Ребекки совершенное паденіе произошло не вдругъ, а послѣ неоднократной борьбы старанія поддержать себя съ искушеніемъ...

Бекки, пока мужъ ея дѣлалъ приготовленія къ отъѣзду, обрѣталась въ Лондонѣ и, какъ надо полагать, не разъ покушалась увидѣть сэра Питта Кроули и подѣйствовать на его чувства, которыя однажды уже были склонены въ ея пользу. Както, баронетъ и мистеръ Венгамъ шли вмѣстѣ въ парламентъ; послѣдній изъ нихъ увидѣлъ мистриссъ Раудонъ, въ черной вуали, близь Дома законодательства. Лишь только, глаза ея встрѣтились съ глазами Венгама, она сейчасъ же скрылась, и съ тѣхъ поръ намѣренія ея на баронета не имѣли надлежащаго успѣха.

Вѣроятно, въ этомъ дѣлѣ много препятствовала леди Джэйнъ. Я слышалъ, что она совершенно изумила мужа своего твердостію духа, обнаруженною ею при извѣстной читателю сценѣ, и рѣшимостью не признавать въ лицѣ мистриссъ Бекки своей родственницы. Слѣдуя своимъ побужденіямъ, она пригласила Раудона къ себѣ въ домъ, до отъѣзда его на островъ Ковентри, зная, что при такомъ вѣрномъ стражѣ мистриссъ Бекки не попробуетъ вломиться въ ея домъ. Леди Джэйнъ осматривала надпись всѣхъ писемъ на имя сэра Питта, не найдется ли между ними посланія отъ ея невѣстки. Впрочемъ, съ этой стороны опасаться было нечего: Ребекка еслибъ и захотѣла написать, то не могла: ей сказали, что всякая переписка относительно ея супружеской контры должна вестись адвокатами, и никѣмъ больше.

Дѣло въ томъ, что сэръ Питтъ рѣшительно вооружился противъ Ребекки. Спустя весьма короткое время послѣ происшествія съ лордомъ Стэйномъ, Венгамъ, встрѣтясь съ баронетомъ, передалъ ему подробную біографію мистриссъ Раудонъ, — біографію, чрезвычайно изу-

Digitized by Google

миною нашего выборнаго члена усадьбы Кроули. Венгамъ зналъ все, что относилось до Ребекки, зналъ, кто былъ ея отецъ, въ которомъ году мать ея танцовала на сценѣ, какого рода жизнь вела она до замужства и послѣ брака. Впрочемъ, я увѣренъ, что большую часть разсказа мистера Венгама составляла ложь, внушенная корыстолюбіемъ и злобой, а потому и не даю ему мѣста въ моей исторіи. Замѣчу только, что баронетъ, по полученіи такихъ свѣдѣній, составилъ себѣ о Ребеккѣ самую жалкую репутацію, — о той Ребеккѣ, къ прелестнымъ качествамъ которой нѣкогда былъ весьма неравнодушенъ.

Доходы губернатора острова Ковентри незначительны. Часть изъ нихъ Раудонъ отложилъ на уплату долговъ и процентовъ въ страховое общество, такъ что могъ удѣлять женѣ своей каждогодно не болѣе трехъ-сотъ фунтовъ, но и тѣ обѣщался выдавать съ тѣмъ только условіемъ, если Бекки никогда не станетъ безпокоить его. Въ противномъ случаѣ ей грозили общимъ посмѣяніемъ и законнымъ разводомъ. И все это было слѣдствіемъ козней мистера Венгама, милорда Стэйна, самого Раудона и вообще всѣхъ и каждаго! Только они одни могли придумать такой планъ, чтобъ выжить Бекки изъ отечества и предать забвенію самое непріятное происшествіе

Ребекка такъ была занята устройствомъ этихъ дѣлъ съ адвокатами мужа, что забыла даже предпринять какія нибудь мѣры относительно сына своего маленькаго Раудона и даже ни разу не вздумала повидаться съ нимъ. Молоденькій джентльменъ поручался полному попеченію дяди своего и тетки, изъ которыхъ послѣдняя всегда пользовалась особенною привязанностью со стороны ребенка. Мама его, оставивъ Англію, написала ему изъ Булони миленькое письмецо, прося сына не оставлять его занятій, и увѣдомляла, что она рѣшилась сдѣлать путешествіе по материку, въ теченіи котораго будетъ имѣть удовольствіе писать къ нему неоднократно. Но въ продолженіи цѣлаго года не выполнялось это обѣщаніе, и не исполнилось бы, можетъ быть, и долѣе, еслибъ къ тому не послужила одна весьма побудительная причина, — именно: смерть единственнаго сына и наслѣдника сэра Питта, постоянно хилаго и сдѣлавшагося жертвою кори и коклюша. Тогда мама Раудона написала другое, самое трогательное посланіе къ своему возлюбленному сыну, сдѣлавшемуся, вслѣдствіе печальнаго событія, наслѣдникомъ усадьбы Кроули. Миледи Джэйнъ, добрая душа которой всегда расположена была въ пользу ребенка, теперь еще болѣе привязалась къ нему. Раудонъ Кроули, высокій и прекрасный юноша, получивъ письмо, чрезвычайно раскраснѣлся.

— О, тетенька Джэйнъ! вы одна только и есть моя маменька! сказалъ онъ: — а никакъ не та.... ну вотъ что пишетъ ко мнѣ это письмо.

Однакожь, онъ послалъ кроткій и почтительный отвѣтъ къ мистриссъ Ребеккѣ, проживающей во Флоренціи, въ отели....

Впрочемъ, мы предупреждаемъ разсказъ событій....

Digitized by Google

Первый побѣгъ нашей миленькой Бекки ограничивался весьма недальнимъ разстояніемъ. Она вышла на французскій берегъ въ Булони — этомъ вѣрномъ убѣжищѣ почти для всей гонимой англійской невинности. Тамъ занимала она двѣ хорошенькія комнаты въ отели, жила, какъ вдовушка, довольно джентильно и содержала при себѣ femme de chambre. Обѣдала мистриссъ за table d' hôte, гдѣ всѣ находили общество ея пріятнымъ, и занимала сосѣдей своихъ разсказами о своемъ братѣ сэрѣ Питтѣ и о своихъ знатныхъ лондонскихъ знакомцахъ. При такихъ случаяхъ Бекки употребляла ту легкую манеру въ разговорѣ и модной болтовнѣ, которая всегда производитъ довольно сильный эффектъ на людей посредственнаго воспитанія. Она легко успѣла прослыть между этими людьми за значительную особу; къ ней собирались небольшія партіи на чай; и полковница Кроули довольно охотно предавалась невиннымъ удовольствіямъ того мѣста, какъ то: дѣлала поѣздки въ открытомъ экипажѣ, брала морскія ванны, прогуливалась по взморью и посѣщала театръ. Мистриссъ Буржойсъ, жена живописца, нанявшая съ семействомъ, на лѣтнее время, квартиру въ отели, и къ которой мужъ ея Буржойсъ пріѣзжалъ по субботамъ и воскресеньямъ, находила сосѣдку свою очаровательною, до тѣхъ поръ однако, пока шалунъ Буржойсъ не началъ оказывать Бекки черезчуръ особеннаго вниманія. Но изъ этого еще ничего нельзя вывести: вѣдь она всегда была любезна, свободна и добра, особенно съ мужчинами!

Къ концу сезона, по обыкновенію, за границу пробралось безчисленное множество семействъ; и Бекки представилась бездна случаевъ узнать мнѣніе *общества* объ ея поступкѣ. Однажды, она, скромно прогуливаясь на булонской пристани и поглядывая вдаль на величественныя скалы Албіона, выказывающіяся на горизонтѣ изъ глубины голубого океана, встрѣтилась лицомъ къ лицу съ леди Партлетъ и ея дочерьми. Леди Партлетъ въ ту же минуту однимъ размахомъ парасоли собрала вокругъ себя дочерей своихъ и, бросая бѣшеные взгляды на нашу маленькую, бѣдную, одинокую Бекки, поспѣшно удалилась съ пристани. Въ другой разъ пришелъ пароходъ. На морѣ дулъ крѣпкій вѣтеръ, производившій въ мистриссъ Раудонъ особенное удовольствіе и юморъ, преимущественно въ то время, когда пассажиры, съ печальными и вытянутыми лицами, выходили на материкъ. Случилось, что въ тотъ день на пароходѣ находилась леди Слингстонъ. Она была чрезвычайно нездорова и истомлена и потому едва-едва могла перейти на пристань; но лишь только примѣтила она подъ розовой шляпкой насмѣшливую улыбку Бекки, какъ, въ одно мгновеніе, возвратилась къ ней вся ея энергія. Бросивъ на свою соперницу презрительный взглядъ, миледи, безъ всякой помощи, пошла въ таможню. Полковница засмѣялась: не думаю только, чтобъ это былъ смѣхъ удовольствія. Она сознавала свое одиночество, сознавала всю недоступность для себя далекихъ, блестящихъ скалъ Англіи.

И — странно для меня! — и самые мужчины измѣнились въ от-

Digitized by Google

вошенія Ребекки. Гринстонъ, напримѣръ, оскалилъ свои зубы, засмѣялся Бекки въ лицо съ фамильярностью, которая, по всѣмъ вѣроятностямъ, не слишкомъ-то понравилась ей. Бобъ Сакклинъ, который три мѣсяца тому назадъ не иначе стоялъ передъ Ребеккой, какъ съ открытой головой, и готовъ былъ пройти цѣлую милю подъ дождемъ, лишь бы только взглянуть на ея экипажъ передъ домомъ Гаита,—этотъ Бобъ Сакклинъ разговаривалъ однажды съ Фитцуѳомъ. Вдругъ мимо нихъ прошла мистриссъ Раудонъ. И что-жъ? Маленькій Бобби кивнулъ ей головой, не дотрогиваясь до шляпы, и продолжалъ свой разговоръ съ Фитцуѳомъ. Томъ Рэйксъ хотѣлъ забраться къ ней въ гостиную съ сигарой во рту.... Вотъ тогда-то Ребекка почувствовала все свое одиночество. «О, еслибъ *онъ* былъ здѣсь — думала она — эти трусы никогда не осмѣлились бы оскорблять меня.» Мистриссъ Раудонъ вспоминала о *немъ* съ величайшей грустью, — вспоминала объ его честной, постоянной добротѣ и вѣрности, его безпрекословномъ повиновеніи, его простоватости, его смѣлости. Можетъ быть, Бекки и плакала даже, потому что положила лишній слой румянъ на свои щочки, а за обѣдомъ была необыкновенно развязна.

Да, она уже румянилась, и.... и горничная ея подавала ей.... коньякъ; о томъ и не говоримъ, что̀ значилось въ счетѣ содержателя отели.

Но не такъ тяжело было переносить эти обиды мужчинъ, какъ симпатію, оказываемую нѣкоторыми леди. Мистриссъ Краккенбири и мистриссъ Вашингтонъ-Вайтъ, отправляясь въ Швейцарію, проѣзжали чрезъ Булонь. Онѣ находились подъ защитой полковника Горнера, молодого Бьюмориса и, безъ сомнѣнія, старика Краккенбири. Путешественники навѣстили мистриссъ Раудонъ — хныкали съ нею, болтали, утѣшали, — словомъ, покровительствовали Бекки — до тѣхъ поръ, пока не довели ея почти до бѣшенства. «Принимать покровительство отъ *нихъ*!» подумала полковница въ ту минуту, какъ гости, расцаловавшись съ нею, уходили отъ нея съ усмѣшкой. Бекки слышала, какъ раздался на лѣстницѣ хохотъ Бьюмориса, и знала очень хорошо, какъ слѣдовало понимать веселость юноши.

Вскорѣ послѣ этого визита случилось съ Ребеккой слѣдующее приключеніе: она, аккуратно выплачивавшая по своимъ недѣльнымъ счетамъ, — она, которая всѣми силами старалась быть пріятной рѣшительно для всѣхъ въ домѣ, — она, которая улыбалась хозяйкѣ его, называла лакеевъ monsieur, учтиво обращалась съ горничными и на каждомъ шагу извинялась передъ ними (а эти два послѣднія качества совершенно искупаютъ небольшую скупость въ деньгахъ), — эта Ребекка, говоримъ мы, вдругъ получила отъ содержателя отели предложеніе оставить его домъ. Этотъ отказъ произошелъ вѣроятно вслѣдствіе предостереженій, что Бекки ни подъ какимъ видомъ нельзя держать въ отели, ибо многія англійскія леди не хотѣли даже и сидѣть подлѣ нея. — Такимъ образомъ мистриссъ Раудонъ вынужденной нашлась нанять квартиру скучную и уединенную.

Digitized by Google

На зло, однакожь, всѣмъ этимъ неудачамъ, Ребекка старалась поддержать свое достоинство, сохранить характеръ и побѣдить скандалъ. Она регулярно ходила въ церковь и пѣла тамъ громче всѣхъ, — принимала живое участіе въ положеніи вдовъ потонувшихъ рыбаковъ, жертвовала работу и рисунки для отправляющейся къ индѣйцамъ миссіи, подписывалась въ «Собраніе» и не хотѣла танцовать, — словомъ, она дѣлала все, что только заслуживало уваженія; потому-то мы съ особеннымъ удовольствіемъ и останавливаемся на этомъ періодѣ ея житейскаго поприща; послѣдующія части ея исторіи будутъ менѣе пріятны. Она видѣла, какъ нѣкоторые люди избѣгали ея и, несмотря на то, скрѣпя сердце, улыбалась имъ. Вы никогда не могли бы заключить по ея наружности, какія муки уничиженія переносила она внутренно.

Исторія ея, во всѣхъ отношеніяхъ, была загадкой. Во мнѣніяхъ насчетъ ея образовались различныя партіи. Одни говорили, что она криминальная преступница, другіе утверждали, что она невинна какъ агнецъ, и что всему виной мужъ ея. Бекки чрезвычайно много выигрывала материнской привязанностью къ сыну, которую выказывала, заливаясь горькими слезами, при воспоминаніи о немъ, предаваясь сильной горести при случаѣ, когда упоминали его имя, или при видѣ ребенка, имѣющаго съ нимъ сходство. Этимъ средствомъ она привлекла къ себѣ доброе сердце мистриссъ Алдерни, балы которой и обѣды отличались превосходствомъ предъ всѣми тамошними резидентами. По прибытіи на каникулы маленькаго Алдерни изъ пансіона доктора Свинтеля, Бекки заплакала горькими слезами, чѣмъ и побѣдила чувствительную мистриссъ Алдерни.

— Мистеръ Алдерни и мой Раудонъ совершенно однихъ лѣтъ, и какъ похожи другъ на друга! А, еслибъ вы знали.... говорила Бекки, едва не задыхаясь отъ избытка чувствъ.

А между тѣмъ въ возрастѣ мальчиковъ было пять лѣтъ разницы и столько же сходства, какъ между моимъ почтеннѣйшимъ читателемъ и его покорнымъ слугой нижеподписавшимся. Венгамъ, отправляясь за границу, въ Киссингенъ, соединиться съ лордомъ Стэйномъ, просвѣтилъ съ этой стороны добродушную мистриссъ Алдерни, разсказавъ ей, почему онъ могъ описать маленькаго Раудона вѣрнѣе, чѣмъ описывала его мама, не любившая и почти никогда не видѣвшая сына. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ Венгамомъ, выходило, что маленькому Раудону тринадцать лѣтъ, между тѣмъ какъ Алдерни только девять; одинъ былъ бѣлокурый, другой — брюнетъ. Словомъ сказать, Венгамъ своими поясненіями принудилъ леди раскаяться въ ея добродушіи.

Каждый разъ, какъ Бекки, съ невѣроятными усиліями и трудами собирала вокругъ себя небольшой кружокъ, кто нибудь являлся передъ ней и грубо разметалъ его, такъ что мистриссъ Раудонъ приходилось начинать всю свою работу снова.

Нѣкую мистриссъ Ньюбрайтъ приняла Бекки къ себѣ на нѣкоторое время, будучи увлечена нѣжностью пѣнія послѣдней и ея над-

Digitized by Google

лежащими взглядами на серьёзные предметы, относительно которыхъ полковница, въ былые дни, именно въ усадьбѣ Кроули, получила весьма хорошія свѣдѣнія. Она не только принимала благотворительныя объявленія, но и читала ихъ, — приготовляла фланелевыя юбки, бумажные колпаки, рисованныя шторки и другіе предметы, съ цѣлью распродать ихъ и вырученными деньгами доставить средства нѣкоторымъ миссіямъ отправиться къ дикимъ индѣйцамъ. Мистриссъ Ньюбрайтъ по временамъ имѣла переписку съ миледи Соутдоунъ касательно составленія особаго капитала для фиджійскихъ островитянъ, — и въ этой перепискѣ однажды упомянула о *нѣжномъ другѣ* своемъ мистриссъ Раудонъ Кроули. Но вдовствующая леди доставила о Ребеккѣ такія свѣдѣнія, и съ такими подробностями, намеками, фактами, небылицами и предостереженіями, что дружба между мистриссъ Ньюбрайтъ и мистриссъ Кроули прекратилась навсегда....

Бекки перебѣгала изъ одного мѣста въ другое: изъ Булони въ Діепъ, изъ Діепа въ Каенъ, изъ Каена въ Туръ, — вездѣ прилагала всѣ свои усилія слыть почтенной: но, увы! рано или поздно, а настоящій характеръ ея открывался, и всѣ на нее нападали какъ ястребы.

Въ одномъ изъ этихъ мѣстъ Бекки была принята въ домѣ мистриссъ Гукъ Игльсъ — женщины безъ всякой предосудительности въ характерѣ. Мистриссъ Гукъ стояла въ отели, въ Діепѣ, куда явилась мистриссъ Раудонъ, — и онѣ познакомись другъ съ другомъ сначала въ морѣ, гдѣ купались, — потомъ за *table d'hôte*. Мистриссъ Игльсъ слышала — впрочемъ, ктожь этого не слышалъ? — распущенный по свѣту скандалъ насчетъ поступка Стэйна; но, поговоривъ съ Ребеккой, она утвердительно провозгласила, что мистриссъ Кроули невинна, что мужъ ея дурной человѣкъ, что лордъ Стэйнъ безчестенъ, какъ всякому извѣстно, и, наконецъ, что всѣ клеветы, взведенныя на мистриссъ Кроули, суть слѣдствіе гнуснаго и злобнаго заговора, составленнаго Венгамомъ.

— Мистеръ Игльсъ! если вы хоть сколько нибудь обладаете великодушіемъ, я увѣрена, что при встрѣчѣ съ этимъ человѣкомъ въ клубѣ вы непремѣнно наградите его парой хорошихъ оплеухъ, говаривала мистриссъ Игльсъ своему супругу.

Но Игльсъ, не болѣе какъ тихій старый джентльменъ, съ особенной наклонностью къ изученію геологіи, вовсе не былъ расположенъ привести въ исполненіе благонамѣренный совѣтъ своей супруги.

Такимъ образомъ Игльсъ покровительствовала Ребеккѣ, взяла ее въ свой собственный домъ въ Парижѣ, поссорилась съ женой посланника за то, что та не хотѣла принимать ея *protégée*, и употребляла все, что только находилось во власти женщины, чтобъ навести полковницу Кроули на путь добродѣтели и возстановить ея имя. Пріѣздъ изъ Кембриджа молодого Игльса вооружилъ, однакожь, противъ Ребекки и мистриссъ Игльсъ. Замѣтивъ впечатлѣніе, произведенное на юношу ея подругой, эта почтенная леди начисто отказала мистриссъ Рау-

Digitized by Google

донъ отъ своего дома. Что оставалось дѣлать нашей авантюристкѣ, въ такихъ плачевныхъ обстоятельствахъ? Она попробовала счастія въ кое какихъ спекуляціяхъ, но и тутъ подрѣзали ее неудачи и, какъ слѣдствіе ихъ, долги. Полковница скрылась изъ столицы Франціи внезапно и отправилась въ Брюссель. О, какъ хорошо помнила она это мѣсто! Ребекка улыбнулась, взглянувъ на маленькое *entresol*, которое нѣкогда занимала, подумала о семействѣ Бэйракровъ и вспомнила сцену хлопотъ ихъ при общемъ брюссельскомъ побѣгѣ, и то, какъ искали они лошадей, между тѣмъ какъ карета ихъ стояла въ *porte-cochère* отели. Она ѣздила на Ватерлоосское поле и кладбище Лекенъ, гдѣ памятникъ Джоржа Осборна чрезвычайно поразилъ ее. Бекки сдѣлала съ него рисунокъ. «Бѣдный Купидонъ! говорила она. — какъ страшно былъ онъ влюбленъ въ меня и до какой степени глупъ!... Удивляюсь, какимъ образомъ маленькая Эмми пережила его.... Впрочемъ, это добренькое созданіе.... и какой у нея толстый братъ! У меня и теперь еще хранится преуморительный портретъ его.... Надо сознаться, они добрые, простые люди....»

Но какъ тріумфально было для мистриссъ Раудонъ начало пребыванія ея въ Брюсселѣ, также плачевенъ и конецъ его. Парижскія невзгоды повторились и здѣсь, Уѣзжая изъ Брюсселя, она оставила по себѣ весьма лестную репутацію въ видѣ неоплатныхъ долговъ и тому подобнаго. А надо сказать, Бекки на славу жировала тамъ, также какъ и въ столицѣ Франціи!...

Такимъ образомъ наша скиталица, какъ новый Улиссъ, разъѣзжала по различнымъ городамъ Европы, стараясь въ которомъ нибудь изъ нихъ основать свою осѣдлость....

Говорятъ, когда счастіе въ игрѣ переставало благопріятствовать мистриссъ Кроули, она давала уроки въ музыкѣ. Въ Вильдбадѣ мадамъ де Раудонъ, вмѣстѣ съ герромъ Споффомъ, первымъ піанистомъ господаря Валахіи, давала matinée musicale. Кромѣ того, мой маленькій другъ Ивсъ, который знаетъ всякаго и который всюду путешествовалъ, докладывалъ мнѣ, что въ бытность его въ Страсбургѣ, въ 1830 году, на сценѣ, въ операѣ «Dame Blanche», появилась нѣкая Madame Rebecque и произвела въ театрѣ страшную суматоху. Ее освистали. Другъ мой Ивсъ совершенно увѣренъ, что несчастная débutante была никто другая, какъ мистриссъ Раудонъ Кроули.

Вотъ ужь скиталица, такъ скиталица, въ самомъ дѣлѣ!... Когда Ребекка доставала гдѣ нибудь денегъ, то принималась за игру, — когда проигрывала, то пускалась на разнаго рода выдумки, и ужь Богъ знаетъ, какъ и какимъ образомъ успѣвала она въ своихъ спекуляціяхъ!... Мнѣ сказывали даже, что въ Парижѣ полковница Кроули нежданно-негаданно нашла свою бабушку со стороны матери; дама эта, однакожь, отнюдь не принадлежала къ роду Монморанси, а была простая напельдинерша въ театрѣ Boulevards. Первая встрѣча родственницъ — если вѣрить слухамъ — представляла изъ себя трогательную сцену. Нижеподписавшійся не можетъ, впрочемъ, сообщить

Digitized by Google

вамъ объ этомъ свиданіи внучки съ бабушкой никакихъ другихъ подробностей, кромѣ того, что́ сказалъ онъ.

Случилось однажды, въ Римѣ, что полугодовая пенсія мистриссъ Раудонъ была доставлена главному банкиру, и такъ какъ каждый, кто только имѣлъ балансъ свыше пятисотъ скудій, приглашался на всѣ извѣстные балы, то и Бекки, въ числѣ прочихъ, удостоилась чести получить карточку на одно изъ блестящихъ собраній принца и принцессы Паллоніа. Послѣдняя происходила по прямой линіи изъ фамиліи Помпиліа, второго римскаго короля, и Эгеріи изъ дома Олимпа, между тѣмъ какъ Алессандро Паллоніа, дѣдушка принца, продавалъ мыльные шарики, духи, помаду, табакъ, носовые платки, исполнялъ разныя комиссіи для джентльменовъ и давалъ въ долгъ деньги. Въ салонахъ принца собирались всѣ римскія знаменитости — принцы, дюки, артисты, музыканты, — однимъ словомъ, люди всякаго званія и состоянія. Залы принца поражали своимъ великолѣпіемъ. Блескъ огней отражался на вызолоченныхъ рамахъ картинъ и на сомнительныхъ антикахъ, на огромномъ вызолоченномъ гербѣ, изображающемъ золотой грибъ на малиновомъ полѣ (цвѣтъ носовыхъ платковъ, которые продавалъ дѣдушка Паллоніа). Серебряный фонтанъ фамиліи Помпиліи сіялъ надъ крышей, надъ дверьми и панелями дома...

Такимъ-то образомъ Бекки, пріѣхавши изъ Флоренціи и скромненько помѣстившись въ гостинницѣ, получила приглашеніе на балъ принца Паллоніа. Горничная нарядила ее съ необыкновеннымъ тщаніемъ, и она отправилась на балъ, облокотившись на руку майора Лодера, съ которымъ въ это время случайно путешествовала. Вмѣстѣ вошли они и въ комнаты принца. Бекки увидѣла здѣсь множество лицъ, которыхъ она знавала въ счастливыя времена свои....

Облокотившись на руку майора Лодера, Бекки прогуливалась съ нимъ по комнатамъ и вмѣстѣ съ нимъ выпила въ буфетѣ порядочное количество шампанскаго. Потомъ парочка наша отправилась далѣе и достигла наконецъ бархатнаго розоваго салона самой принцессы, въ концѣ всѣхъ апартаментовъ (тутъ стояли статуи Венеры и венеціянскія зеркала въ серебряныхъ рамахъ), гдѣ княжеское семейство, съ отборными гостями, сидѣло за ужиномъ. Этотъ избранный банкетъ имѣлъ удивительное сходство съ тѣми, которыми мистриссъ Раудонъ наслаждалась въ домѣ лорда Стэйна. Она вспомнила о тѣхъ счастливыхъ дняхъ и въ тоже время за столомъ Паллоніа увидѣла самого лорда.

Шрамъ, разрѣзанный брильянтомъ на его бѣломъ, лоснящемся лбу, оставилъ темно-красный знакъ: рыжіе виски были окрашены въ пурпуровый цвѣтъ, придававшій блѣдному лицу Стэйна еще болѣе блѣдности. На немъ были ордена, синяя лента и подвязка, и, вообще, милордъ казался величественнѣе всѣхъ другихъ гостей, въ числѣ которыхъ находилась и прекрасная графиня Белладонна, née de Glandier, супругъ которой (графъ Паоло делла Белладонна), извѣстный

Digitized by Google

своими блестящими энтологическими коллекціями, давно уже находился въ отсутствіи, въ особенной миссіи къ марокискому императору.

Лишь только завидѣла Бекки лорда Стэйна, о какъ внезапно сдѣлался мелокъ для нея майоръ Лодеръ! и какъ несло отъ капитана Рука табачищемъ! Въ ту же минуту она приняла свои вящныя манеры, взглянула на милорда, и ей показалось, будто она въ Лондонѣ.

«Эта женщина глупа и нисколько не занимательна — подумала полковница, имѣя въ мысляхъ своихъ графиню Белладонну. — Я увѣрена, что она нисколько не интересуетъ его, и что онъ скучаетъ. При мнѣ этого никогда не случалось съ нимъ.»

И когда Ребекка поглядывала на лорда своими сверкающими глазками, сердечко ея трепетало тысячами трогательныхъ надеждъ, опасеній и воспоминаній. Бекки восхищалась имъ, улыбаясь роскошно, великолѣпно и надменно.... Ахъ, bon dieu, какой пріятный собесѣдникъ онъ, какой блестящій умъ, какой у него богатый запасъ разговора, какая величественная манера! И она промѣняла все это на майора Лодера, приверженца сигаръ и грогу, и на капитана Рука, съ его жокейскими шутками и простонароднымъ разговоромъ.

«Неужели милордъ не узнаетъ меня» — подумала мистриссъ Раудонъ.

Лордъ Стэйнъ, въ эту минуту разговаривая и смѣясь съ блистательной Белладонной, взглянулъ на сторону Бекки и — узналъ ее.

Мистриссъ Раудонъ страшно смутилась, когда взоры ея встрѣтились со взглядомъ Стэйна; но она поспѣшила улыбнуться наилучшимъ образомъ, какъ только могла улыбнуться въ эту минуту, и сдѣлала лорду маленькій, робкій, умоляющій реверансъ. А бывшій покровитель Ребекки смотрѣлъ на нее съ великимъ изумленіемъ, какъ Макбетъ при внезапномъ появленіи Банко за его пиршествомъ....

— Пойдемте въ столовую, мистриссъ Раудонъ! говорилъ между тѣмъ майоръ Лодеръ. — При этой знати мнѣ всегда дѣлается какъ-то неловко. Пойдемте и еще разъ попробуемте шампанскаго старика-хозяина.

Бекки показалось, что майоръ и безъ того уже порядочно напробовался.

Черезъ день послѣ того полковница отправилась гулять на гору Пинчіа (Гэйдъ-паркъ римскихъ лѣнтяевъ), вѣроятно, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ еще разъ повидаться съ лордомъ Стэйномъ. Но тамъ она встрѣтила другого знакомца: то былъ мистеръ Фише, довѣренное лицо милорда. Онъ довольно фамильярно кивнулъ Бекки головой и приложилъ къ шляпѣ палецъ.

— Я зналъ заранѣе, что мадамъ будетъ здѣсь, сказалъ Фише. — Я слѣдилъ за ней отъ самой ея отели. У меня есть для васъ, сударыня, совѣтъ.

Digitized by Google

— Не отъ маркиза ли Стэйна? спросила полковница тономъ сознанія въ своемъ собственномъ достоинствѣ и, въ тоже время, чрезвычайно взволнованная надеждой и ожиданіемъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Фише: — совѣтъ этотъ отъ меня. Я долженъ сказать вамъ, что Римъ весьма нездоровое мѣсто....

— Знаю, monsieur Fiche: нездоровое, — это правда, только не теперь, а послѣ пасхи.

— Я говорю вамъ, сударыня, что онъ именно теперь нездоровъ. Для нѣкоторыхъ людей въ немъ всегда бываетъ *malaria*. Этотъ болотный вѣтеръ убиваетъ многихъ во всѣ сезоны. Послушайте, мадамъ Кроули, вы всегда были *bon enfant*, и я всегда принималъ въ васъ участіе.... *parole d'honneur!* Берегитесь; я васъ предостерегаю. Уѣзжайте изъ Рима: въ противномъ случаѣ вы захвораете и умрете.

Бекки захохотала. Въ смѣхѣ ея выражалось сильное бѣшенство.

— Такъ вотъ что! понимаю: меня хотятъ убить! сказала она. — Какъ это романично!... Неужели милордъ возитъ съ собой *bravos* вмѣсто камердинеровъ и *stilettos* въ своихъ фургонахъ?... Но вы напрасно стараетесь испугать меня. На зло милорду, я останусь здѣсь.... Повѣрьте, и у меня найдутся люди, которые съумѣютъ защитить меня.

Въ свою очередь, и monsieur Fiche захохоталъ.

— Защитить васъ?! кто же напримѣръ? майоръ? капитанъ, что ли?... Хороши защитники, нѣчего сказать!... А вотъ у насъ такъ есть друзья, и повсюду. Намъ все извѣстно.... Знаемъ мы, съ кѣмъ вы водились въ Парижѣ и какихъ родственниковъ нашли тамъ.... Не удивляйтесь, мадамъ: мы рѣшительно все знаемъ.... Отчего бы, напримѣръ, ни одинъ посланникъ на всемъ материкѣ не хотѣлъ принимать васъ? а оттого, что мадамъ оскорбила человѣка, который никогда не прощаетъ и гнѣвъ котораго усилился при встрѣчѣ съ вами ... Вчера, воротясь домой, лордъ былъ какъ бѣшеный.... Мадамъ де Белладонна представила ему одну сцену изъ вашей жизни....

— О, такъ я должна благодарить за это мадамъ де Белладонну? сказала Бекки, испуганная полученнымъ извѣстіемъ.

— Нѣтъ, продолжалъ monsieur Фише: — въ этомъ дѣлѣ вы можете винить одного лишь монсиньора.... Вы очень дурно сдѣлали, что показались ему на глаза, и если останетесь здѣсь, то будете каяться. Помните мои слова. Уѣзжайте. Ахъ, вонъ и экипажъ милорда...

И, схвативъ Бекки за руку, онъ бросился въ сторону, въ то время, какъ коляска лорда Стэйна, запряженная превосходными лошадьми и украшенная блестящими гербами, быстро катилась по аллеѣ. Въ ней, развалившись на подушки, сидѣла мадамъ дя Белладонна, угрюмая и цвѣтущая. На рукахъ ея лежала прехорошенькая шарло, и надъ головой распускался бѣлый зонтикъ. Подлѣ нея находился старый Стэйнъ, съ багровымъ лицомъ и помертвѣлыми взглядами. По временамъ, въ этихъ взглядахъ проявлялся блескъ весьма неопредѣленнаго свойства — отъ ненависти ли, или гнѣва, или чего другого.... Впрочемъ, лучше сказать, что въ этихъ взглядахъ не было никакого блеска;

Digitized by Google

казалось, они утомлялись, глядя на бѣлый свѣтъ, котораго почти всѣ удовольствія и всѣ лучшія прелести давнымъ-давно прискучили ивнуренному старику.

— Со времени той ужасной ночи, монсиньоръ до сихъ поръ еще не можетъ поправиться, шепталъ monsieur Fiche, когда карета мелькнула мимо нихъ, и когда мистриссъ Кроули высунулась изъ за куста, прикрывавшаго ее.

«Въ своемъ родѣ и это утѣшеніе» — подумала Бекки въ отвѣтъ на замѣчаніе Фише.

Дѣйствительно ли милордъ имѣлъ преступныя намѣренія на жизнь мистриссъ Бекки, какъ сообщалъ Мг Фише (возвратившійся по смерти монсиньора въ отечество, гдѣ и теперь живетъ, пользуясь общимъ уваженіемъ, и откупивъ предварительно отъ своего патрона титулъ барона Финчи) и отъ выполненія которыхъ отказался его *factotum*,— или онъ хотѣлъ только напугать полковницу Кроули и тѣмъ принудить ее выѣхать изъ города, гдѣ милордъ располагалъ провести всю зиму, и гдѣ присутствіе Бекки было бы чрезвычайно непріятно для нашего нобльмена, — этого я не знаю. Но, во всякомъ случаѣ, угроза возъимѣла на мистриссъ Раудонъ надлежащее дѣйствіе: Бекки болѣе не рѣшалась уже показываться на глаза своего стараго покровителя.

Я думаю, каждому изъ васъ, мои читатели, извѣстна печальная кончина, постигшая этого нобльмена въ Неаполѣ, спустя два мѣсяца послѣ французской революціи 1830 года. Высокопочтеннѣйшій Джоржъ-Густавъ, маркизъ Стэйнъ, графъ Гантъ, перъ Ирландіи, виконтъ Гелборою, баронъ Питчли и Гринсби, кавалеръ разныхъ отечественныхъ и иностранныхъ орденовъ и почетный членъ многихъ знаменитыхъ обществъ, скончался послѣ непродолжительныхъ припадковъ, произведенныхъ, какъ гласили всѣ газеты, раздраженіемъ чувствительности лорда Стэйна.

Въ «Воскресной газетѣ» появился краснорѣчивый некрологъ, гдѣ описывались всѣ добродѣтели покойнаго, его великолѣпіе, его таланты и его благородные поступки. Тѣло Стэйна погребено въ Неаполѣ, а сердце — постоянно бившееся благородными и великодушными чувствами — перевезено, въ серебряной урнѣ, въ замокъ Гантъ.

«Въ атомъ человѣкѣ — говорилъ мистеръ Вагг — бѣдняки и изящныя науки потеряли благодѣтельнаго патрона, общество — одного изъ блестящихъ своихъ украшеній, Англія — преданнѣйшаго патріота и государственнаго мужа», и проч. и проч.

Духовное завѣщаніе милорда долгое время было предметомъ сильнаго спора. У мадамъ де Белладонны всѣми силами старались отнять знаменитый брильянтъ, называемый «Жидовское око», который милордъ постоянно носилъ на пальцѣ, и который мадамъ де Белладонна, какъ говорятъ, пріобрѣла послѣ горестной кончины Стэйна. Однако, довѣренный другъ покойнаго и слуга, мосьё Фише, доказалъ, что оный брильянтъ подаренъ маркизомъ вышеупомянутой мадамѣ за два

Digitized by Google

дня до его смерти. А вмѣстѣ съ брильянтомъ презентованы были и ассигнаціи, и другіе драгоцѣнные камни, неаполитанскія и французскія облигаціи и проч., открытыя въ бюро умершаго и требуемыя его наслѣдниками у оскорбленной Madame de Belladonna.

ГЛАВА LXIV.

Хлопоты и удовольствія.

Черезъ день послѣ нечаянной встрѣчи Джоза съ Ребеккой за игорнымъ столомъ, рано утромъ, тщательно принарядившись, вышелъ онъ изъ дому по направленію къ гостинницѣ Слона. Спустя нѣсколько времени, мистеръ Седли дѣлалъ уже освѣдомленія объ одной отыскиваемой имъ особѣ. Въ отвѣтъ, его проводили на самый верхъ, мимо комнатъ перваго этажа, занимаемыхъ странствующими разнощиками, мимо аппартаментовъ второго этажа, отданныхъ въ распоряженіе компаніи игроковъ, мимо третьяго этажа, гдѣ помѣщалась труппа вольтижеровъ и фигляровъ... и такъ далѣе, въ маленькія каютки подъ сводами крыши, гдѣ, между студентами, артистами, мелкими торговцами и бѣдными провинціялами, пріѣхавшими на праздникъ, и Бекки нашла себѣ самое тѣсное убѣжище, въ которомъ едва ли скрывалась когда какая нибудь красота.

Полковница Кроули любила жизнь во всемъ ея разнообразіи, и со всѣми и вездѣ была она какъ дома Природа одарила ее веселыми наклонностями, наслѣдованными ею отъ ея родителей, настоящихъ богемцевъ, какъ по вкусу, такъ и обстоятельствамъ жизни. Если подлѣ Бекки не находилось на лицо какого нибудь лорда, она съ величайшимъ удовольствіемъ пускалась въ разговоры съ его камердинеромъ. Шумныя сцены, всеобщее движеніе, вино, табакъ, болтовня евреевъ-торгашей, торжественныя, полныя хвастовства, выходки фигляровъ, пѣсни и тщеславіе гульливой молодежи приводили нашу маленькую женщину въ восхищеніе даже и въ то время, когда счастіе въ игрѣ бѣжало ея, и когда ей нечѣмъ было расплатиться съ содержателемъ таверны. Можно теперь представить себѣ, какъ же восторгалась мистриссъ Раудонъ отъ всѣхъ этихъ шумныхъ сценъ при кошелькѣ, набитомъ деньгами, выигранными за нее, нанануѣ, маленькимъ Джоржемъ!

Съ великимъ усиліемъ и молча, Джозъ добрался наконецъ до послѣднихъ ступенекъ лѣстницы. Переведя духъ и утеревъ лицо, ему предстояло совершить окончательный подвигъ: отыскать № 92, въ которомъ обиталъ предметъ его утомительныхъ поисковъ. Дверь, противоположная 92 нумеру, была открыта. На постели, лежалъ нѣкій юноша въ грязномъ шлафрокѣ, въ спальныхъ сапогахъ и съ длинной въ зубахъ трубкой, между тѣмъ какъ другой юноша, съ длинными рыжими волосами, въ истасканномъ и запачканномъ сюр-

Digitized by Google

тукѣ, стоялъ на колѣняхъ передъ 92 мъ нумеромъ, куда, сквозь замочную скважину, и умолялъ впустить его.

— Подите прочь! вскричалъ знакомый голосокъ, заставившій Джоза затрепетать. — Я ожидаю къ себѣ гостя. Ко мнѣ обѣщался быть дѣдушка. Онъ не долженъ видѣть васъ здѣсь....

— Дивная англичаночка! умолялъ на колѣняхъ стоявшій юноша: — сжалься надъ нами: назначь свиданіе. Поѣдемъ обѣдать со мной къ Фрицу въ Паркъ.... Фазаны жаренные будутъ, портеръ и французское вино.... Мы умремъ, если ты не согласишься.

— Умремъ! право слово, умремъ! подтвердилъ юноша, лежавшій въ постели.

Джозъ слышалъ весь этотъ разговоръ, хотя и не понялъ изъ него ни слова, — по весьма простой причинѣ: онъ въ жизни своей не учился діалекту, на которомъ объяснялись юноши — въ постели лежащій и на колѣняхъ стоящій.

— *Newmero kattervang dooze, si vous plaît!* сказалъ мистеръ Седли, съ величественнымъ видомъ, улучивъ минуту заговорить.

— *Quater fang tooce!* вскричалъ юноша и, вскочивъ, отправился въ свой нумеръ и заперъ за собой дверь.

И вслѣдъ за тѣмъ Джозъ услышалъ хохотъ обоихъ юношей.

Бенгальскій джентльменъ нѣсколько минутъ стоялъ смущенный, какъ вдругъ дверь 92 нумера открылась, и изъ нея высунулась маленькая головка Бекки, полная лукавства и хитрости. Первый предметъ, поразившій ее, былъ толстый Джозъ.

— Ахъ, это вы! вскричала мистриссъ Раудонъ, выступивъ впередъ. — О, еслибъ вы знали, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидала я васъ! Впрочемъ, вамъ придется немного подождать.... Черезъ минуту можете войти....

И, войдя въ свою комнату, Ребекка въ одинъ моментъ схватила баночку съ румянами, бутылку съ водкой и тарелку съ остатками кушанья, спрятала все это въ постель, пригладила наскоро волосы и за тѣмъ впустила мистера Седли.

Полковница Кроули была въ утреннемъ нарядѣ — розовомъ домино, истасканномъ, полиняломъ и отмѣченномъ мѣстами пятнами помады. Бѣлыя и нѣжныя ручки, высовывавшіяся изъ подъ широкихъ рукавовъ, и прекрасный станъ выкупали, однакожь, собой неопрятность костюма. Бекки ввела Джоза за руку въ свою каютку.

— Пойдемте, пойдемте! сказала она: — пойдемте и будемъ говорить. Садитесь пожалуста вотъ сюда.

Вмѣстѣ съ этими словами она довольно крѣпко сжала руку толстаго бенгальца и съ наивнымъ смѣхомъ посадила его на стулъ. Что до своей персоны, она помѣстилась на постели. Такимъ образомъ размѣстившись, Бекки первая обратилась съ нѣжнымъ разговоромъ къ своему старинному обожателю.

— О, какъ мало измѣнили васъ годы! сказала она, бросая взглядъ нѣжнаго участія. — Я узнала бы васъ, гдѣ бы мы ни встрѣтились.

Digitized by Google

Кто можетъ оцѣнить удовольствіе странника, когда ему еще разъ удается видѣть откровенное, честное лицо стариннаго друга!

Надо правду сказать, что въ эту минуту на честномъ и открытомъ лицѣ нисколько не отражалось ни честности, ни откровенности; напротивъ, въ немъ обнаруживались всѣ признаки безпокойства и замѣшательства. Джозъ осматривалъ странное помѣщеніе, въ которомъ отыскалъ предметъ своей прежней страсти. Одно изъ платьевъ Бекки висѣло надъ постелью; другое спускалось съ дверной задвижки. Шляпка ея затемняла почти цѣлую половину маленькаго туалета, на которомъ лежала премиленькая пара бронзовыхъ сапожковъ; на столѣ, подлѣ кровати, покоился французскій романъ и стояла свѣчка, — только не восковая. Ребекка и свѣчку хотѣла засунуть въ постель, но ограничилась тѣмъ, что накрыла ее бумажнымъ колпачкомъ, которымъ она гасила огонь, когда начинала засыпать.

— Я узнала бы васъ вездѣ, продолжала мистриссъ Раудонъ. — Есть предметы незабвенные для женщинъ. А вы принадлежите къ числу первыхъ мужчинъ, которыхъ я.... когда либо видѣла.

— Неужели?! воскликнулъ Джозъ. — Ахъ, Боже мой!.. пожалуста, не говорите.

— Пріѣхавъ съ вашей сестрицей изъ Чизвикка, я была тогда не болѣе, какъ ребенокъ, говорила Бекки. — Здорова ли она, моя неоцѣненная? О, какой вѣтренный человѣкъ былъ покойный мужъ ея!... Я увѣрена, что она ревновала его ко мнѣ. Но стала ли бы я заботиться о немъ, въ то время, когда другой.... впрочемъ, къ чему припоминать былое!

И полковница провела по глазамъ платочкомъ съ ободранными кружевами.

— Не правда ли, что мѣсто это довольно странное для женщины, которая нѣкогда жила совершенно въ другомъ мірѣ? О, Джозефъ, у меня столько было огорченій, я такъ много перенесла жестокихъ испытаній, что иногда почти съ ума сходила! Я не могу постоянно оставаться на одномъ мѣстѣ, но должна скитаться и переносить всякаго рода безпокойства и несчастія. Всѣ друзья мои оказались коварными, — всѣ, всѣ! Честный человѣкъ въ нынѣшнемъ свѣтѣ — диковинка. Я была вѣрная и преданная жена, хотя и вышла замужъ изъ за козней, потому что другая особа.... но что было, то и кончено. Я была вѣрна, а мужъ мой попралъ ногами и покинулъ меня. Я была самая нѣжная мать. У меня было одно дитя, единственная моя надежда, моя радость, мое счастіе, моя любовь, жизнь моя, а они оторвали его отъ меня!...

И Бекки, съ выраженіемъ отчаянія, прижала руку къ сердцу и опустила на минуту лицо свое въ постель.

Бутылка съ водкой стукнулась о тарелку съ холоднымъ кушаньемъ. Вѣроятно, та и другая были тронуты такимъ сильнымъ изліяніемъ душевной скорби. Максъ и Фрицъ съ удивленіемъ прислушивались за дверьми ко вздохамъ и рыданіямъ Бекки. Джозъ, при видѣ предмета

Digitized by Google

своего обожанія въ такомъ плачевномъ состояніи, былъ чрезвычайно тронутъ и испуганъ. Оправившись немного, Ребекка приступила разсказывать свою исторію. Повѣсть, которую она передала, была такъ правдоподобна, проста и безыскуственна, что, слушая это безпорочное существо, эту ничѣмъ не запятнанную женщину, сидѣвшую передъ Джозомъ на постели, гдѣ скрывалась бутылка съ водкой, легко можно было принять ее за созданіе, страдавшее за грѣхи всего человѣческаго рода.

Дружескій и конфиденціяльный разговоръ продолжался довольно долго. Въ теченіи этого времени Джозу дано было знать, что сердце Бекки впервые научилось биться именно въ его очаровательномъ присутствіи, — что Джоржъ Осборнъ питалъ къ *ней* привязанность, которая доказывалась ревностью Амеліи и ихъ легенькимъ раздоромъ, но что Бекки никогда не подавала ни малѣйшаго ободренія этому несчастному, что она никогда ни переставала думать о Джоѣ съ самого перваго дня встрѣчи ихъ, хотя, безъ всякаго сомнѣнія, супружескія обязанности она ставила выше всего, — обязанности, которыя она всегда свято сохраняла и сохранитъ до послѣдняго дня жизни своей, — или, говоря другими словами, до тѣхъ поръ, пока дурной климатъ, въ которомъ живетъ полковникъ Кроули, не освободитъ ея отъ союза, сдѣлавшагося невыносимымъ для нея.

Мистеръ Седли спустился съ чердака съ полнымъ убѣжденіемъ, что Бекки была добродѣтельнѣйшая и одна изъ плѣнительнѣйшихъ женщинъ, и вслѣдствіе этого составлялъ въ умѣ своемъ всѣ роды благодѣтельныхъ плановъ для поправленія ея обстоятельствъ. Преслѣдованіямъ ея должно окончиться, ее непремѣнно нужно возвратить обществу, котораго она была украшеніемъ. Онъ посмотритъ и подумаетъ, что должно сдѣлать для Ребекки. Ей нужно оставить это мѣсто и занять спокойную квартирку. Амелія должна съѣздить повидаться съ ней и обласкать ее. Ему самому нужно всѣмъ распорядиться и посовѣтоваться съ майоромъ. Разставаясь съ Джоемъ, Бекки плакала слезами сердечной признательности и сжала его руку, когда толстый джентльменъ нагнулся, чтобъ поцаловать ея бѣленькую лапку.

Раскланявшись съ Джозомъ, Бекки проводила его съ чердака съ такой граціей, какъ будто провожала изъ великолѣпнаго дома. Лишь только индѣецъ спустился съ лѣстницы, какъ Максъ и Фрицъ, съ трубками въ зубахъ, вышли изъ своей норы, и Бекки, чавкая холодный завтракъ и запивая его любимымъ напиткомъ, въ родѣ грога, забавлялась передразниваньемъ Джоя, къ неизъяснимому удовольствію юношей.

Бенгалецъ съ величайшею торжественностью вошелъ въ квартиру Доббина и сообщилъ майору трогательную исторію, которую онъ только что узналъ, не упоминая, впрочемъ, ни слова про встрѣчу свою въ игорномъ домѣ. Общими силами, оба джентльмена старались придумать, какъ бы лучше быть полезнѣе для мистриссъ Бекки, въ

Digitized by Google

то время, какъ послѣдняя оканчивала свой прерванный *déjeûner à la fourchette*.

Какимъ образомъ случилось, что Бекки очутилась въ этомъ маленькомъ городкѣ? Какая причина тому, что она не имѣетъ друзей и одинокая скитается изъ одного мѣста на другое? Пропустимте этотъ интервалъ ея исторіи. Скажемъ только, что Бекки оставалась нисколько не хуже того, какою была во дни своего благополучія; одно только счастіе не благопріятствовало ей.

Касательно Амеліи намъ извѣстно, что она была чрезвычайно мягкаго, простого характера, и что, услышавъ о чьемъ нибудь несчастіи, сердце ея сейчасъ же наполнялось сожалѣніемъ къ страдальцу. Если она своею снисходительностью и комплиментами баловала всѣхъ, кто только приближался къ ней, — если она просила прощенія отъ всѣхъ слугъ за безпокойство, которое причиняла имъ своимъ звонкомъ, — если она извинялась передъ прикащикомъ, который показывалъ ей кусокъ шолковой матеріи, и дѣлала реверансъ уличному метельщику, съ приличнымъ замѣчаніемъ на счетъ его аккуратности: то ничего нѣтъ мудренаго, что извѣстіе о бѣдствіи старинной подруги послужило поводомъ къ смягченію ея сердца.

Доббинъ, услышавъ о сантиментальномъ приключеніи съ Джозомъ, не заинтересовался имъ, конечно, до такой степени, какъ бенгальскій джентльменъ. Напротивъ, ощущеніе, произведенное на Уильяма встрѣчей Седли съ Ребеккой, не могло назваться пріятнымъ. Относительно бѣдственнаго положенія полковницы майоръ выразился довольно отрывисто. Доббинъ не питалъ къ ней ни малѣйшей склонности, а напротивъ, съ той самой минуты, когда зеленые глазки впервые взглянули на него и тотчасъ же отвернулись, онъ ни въ чемъ не довѣрялъ ей.

— Этотъ маленькій демонъ всюду влечетъ за собой какое нибудь бѣдствіе, сказалъ майоръ, весьма неуважительно. — Кто знаетъ, какого рода жизнь она вела, и по какому дѣлу находится за границей, и притомъ еще одна? Пожалуста, не говорите мнѣ о притѣснителяхъ и врагахъ. Честную женщину никогда не покидаютъ друзья и никогда не отлучаютъ ея отъ семейства. По какому случаю Ребекка покинута мужемъ? Вы говорите, что онъ безчестный человѣкъ. Это правда. Я помню, какъ онъ надувалъ и ослѣплялъ бѣднаго Джорджа. Но откуда же взялся скандалъ, который вывели изъ ихъ разводной? Мнѣ кажется, что я слышалъ кое-что! вскричалъ майоръ Доббинъ, который мало обращалъ вниманія на людскія сплетни, и котораго Джой тщетно старался убѣдить, что Бекки, во всѣхъ отношеніяхъ, была добродѣтельная женщина.

— Самое лучшее — спросимте мистриссъ Осборнъ, сказалъ лукавый дипломатъ: — пойдемте и посовѣтуемтесь съ нею. Я полагаю, вы допустите, что она превосходный судья и въ такихъ случаяхъ можетъ сдѣлать вѣрное рѣшеніе.

— Гм! да, Эмми.... пожалуй, положимъ что и такъ.... проговорилъ Джой довольно нерѣшительно.

Digitized by Google

— Положимъ, что и такъ?! Нѣтъ, этого недовольно. Я вамъ скажу, сэръ, что она прекраснѣйшая леди, какую я когда либо встрѣчалъ во всю мою жизнь, продолжалъ майоръ. — Да что тутъ долго разсуждать! пойдемте сейчасъ же и спросимте, стоитъ ли Ребекка того, чтобъ ее посѣщали, или нѣтъ. Я вполнѣ останусь доволенъ рѣшеніемъ мистриссъ Осборнъ.

Хитрый майоръ былъ убѣжденъ, что Эмми поддержитъ его сторону. Онъ вспомнилъ при этомъ случаѣ, что она одно время была справедливо ревнива къ Ребеккѣ и иначе не упоминала имени ея, какъ съ ужасомъ и содроганіемъ. «Ревнивая женщина — думалъ Доббинъ — никогда не прощаетъ.» И вотъ друзья наши перешли черезъ улицу въ домъ мистриссъ Осборнъ, гдѣ она съ самодовольствіемъ проходила музыкальный урокъ съ мадамъ Штрумпфъ.

Съ уходомъ учительницы пѣнія, Джой приступилъ къ положенію дѣла, употребивъ при этомъ свою обычную напыщенность выраженій.

— Амелія, душа моя, началъ онъ: — со мной сейчасъ случилось весьма необыкновенное.... да, да! Ахъ, Боже мой! весьма необыкновенное приключеніе.... Какъ ты думаешь? повѣришь ли мнѣ, что я встрѣтилъ одну изъ самыхъ старинныхъ и занимательныхъ твоихъ подругъ, и мнѣ бы очень хотѣлось, чтобъ ты навѣстила ее.

— Навѣстила ее?! съ удивленіемъ вскричала Амелія. — Кто же она такая?... Майоръ Доббинъ, пожалуста не сломайте моихъ ножницъ....

— Это женщина, которая чрезвычайно мнѣ не нравится, сказалъ майоръ угрюмо: — и которую вы не имѣете никакой причины любить.

— Я догадываюсь кто она — Ребекка?... Я увѣрена, что это Ребекка! сказала Амелія, чрезвычайно взволнованная и вся раскраснѣвшись.

— Отгадали. Вы всегда отгадываете, замѣтилъ Доббинъ.

Брюссель, Ватерлоо, былыя времена, горести, мученія и воспоминанія въ одинъ моментъ прихлынули къ нѣжному сердцу Амеліи и произвели въ немъ сильное волненіе.

— Пожалуста, освободите меня отъ этого свиданія, продолжала Эмми. — Я не могу видѣться съ ней.

— Я вѣдь говорилъ тебѣ, замѣтилъ Доббинъ Джозу.

— Она очень несчастна, и.... и еще что-то въ родѣ этого.... продолжалъ Джой. — Она очень бѣдна и беззащитна, была нездорова.... чрезвычайно нездорова.... негодяй мужъ покинулъ ее.

— Неужели! воскликнула Амелія.

— Въ цѣломъ мірѣ у нея нѣтъ ни души, которая пожалѣла бы о ней, довольно ловко продолжалъ Джозъ. — Ребекка говорила, что на одну тебя только и можетъ положиться она.... Ахъ, Эмми, еслибъ ты знала, какъ жалка она! Отъ горести она едва съ ума не сошла. Ея исторія разстрогала меня.... клянусь честью, разстрогала.... Жестокое

притѣсненіе никогда еще не переносилось съ такимъ примѣрнымъ терпѣніемъ. Семейство ея поступило несправедливо съ ней....

— Бѣдное созданіе! проговорила Амелія.

— И если ей не удастся пріобрѣсти друга, она сказывала, что непремѣнно умретъ, говорилъ Джой трепетнымъ голосомъ. — Ахъ, Боже мой! знаешь ли ты, что Ребекка покушалась на свою жизнь? Она всегда носитъ опіумъ при себѣ.... Я самъ видѣлъ стклянночку въ ея комнатѣ.... въ самой жалкой маленькой комнаткѣ.... подъ самой крышей простой гостинницы.... Я самъ ходилъ туда.

По видимому, это признаніе не совсѣмъ-то тронуло Амелію. Она даже улыбнулась слегка. Можетъ быть, она представила себѣ истомленную фигуру Джоя, когда тотъ взбирался по лѣстницѣ.

— Ужасно слышать про тѣ душевныя пытки, которыя она перенесла, продолжалъ Седли. — У нея есть сынъ, ровесникъ Джорджа.

— Да, да, я помню, помню! замѣтила Эмми. — Что́жь дальше?

— Премиленькій ребенокъ.... какъ нельзя болѣе обожаетъ свою мать. Но — представь себѣ! — его вырвали изъ ея объятій и не позволили ему видѣться съ ней.

— Неужели это правда, Джозефъ! вскричала Эмми, поспѣшно вставая. — Сію же минуту отправляюсь къ ней.... Я непремѣнно хочу видѣть ее.

И Амелія побѣжала въ сосѣднюю комнату, въ сильномъ смущеніи, — надѣла шляпку, вышла оттуда съ шалью на рукѣ и приказала Доббину слѣдовать за ней. Доббинъ выступилъ впередъ и надѣлъ на плечики Амеліи шаль: то былъ бѣлый кашемиръ, высланный майору изъ Индіи. Уильямъ ясно видѣлъ, что ему оставалось только повиноваться. Мистриссъ Осборнъ подала ему руку, и они отправились.

— Не забудьте: 92 нумеръ, — поднимитесь вверхъ по четыремъ лѣстницамъ, говорилъ Джой, провожая уходящихъ.

Въ это время Бекки тараторила и хохотала съ двумя юношами, вмѣстѣ съ ними прогуливаясь на счетъ своего дѣдушки. Вдругъ она увидѣла Амелію и Доббина, поспѣшно протурила своихъ пріятелей и успѣла прибрать свою комнату прежде чѣмъ содержатель гостинницы «Слона», очень хорошо знавшій мистриссъ Осборнъ, проводилъ ее по лѣстницѣ, ободряя миледи и герръ майора во время многотруднаго ихъ восхожденія.

— Милостивѣйшая государыня! сказалъ онъ, постучавшись въ двери Бекки.

— Кто тамъ? спросила мистриссъ Раудонъ, высунувъ головку — и испустила легкій крикъ.

Передъ ней стояли трепещущая Эмми и Доббинъ, высокій майоръ, съ бамбуковой тростью.

Уильямъ стоялъ неподвижно, наблюдая и интересуясь сценой, происходившей передъ его глазами. Эмми, съ распростертыми объятіями, бросилась къ Ребеккѣ. Въ эту минуту она простила ей все, обняла и поцаловала ее отъ всей души.... О, бѣдное, ничтожное созданіе! слу-

Digitized by Google

чалось ли тебѣ когда нибудь принимать до этого столь чистые, непорочные поцалуи?

ГЛАВА LXV

AMANTIUM IRAE.

Чистосердечіе и добродушіе, какими обладала Амелія, весьма вѣроятно, тронули даже и закоснѣлую въ грѣхахъ Бекки. На ласки и нѣжныя выраженія Эмми она отвѣчала чѣмъ-то похожимъ на признательность, и душевное волненіе полковницы хотя и кратковременно было, зато непритворно. Вырванный изъ ея объятій сынъ составлялъ главное несчастіе, которымъ Бекки снова привлекла къ себѣ свою прежнюю подругу, и одинъ изъ числа самыхъ первыхъ пунктовъ, которымъ наша простосердечная Эмми начала свой разговоръ съ мистриссъ Раудонъ.

— И они отняли у тебя твоего возлюбленнаго сына! воскликнула Амелія. — О, Ребекка! моя бѣдная страдалица, мой милый другъ! я знаю, что̀ значитъ лишиться сына, и могу вполнѣ цѣнить чувства того, кто его лишился.... Но, по волѣ Божіей, вѣроятно, они возвратятъ его тебѣ такъ, какъ милосердому Провидѣнію угодно было возвратить моего мнѣ.

— Сына моего, вы говорите, моего сына? О, да! я мучилась страшно (такъ признавалась Бекки, съ нѣкоторымъ угрызеніемъ совѣсти, предшествовавшимъ лжи), когда они отняли его.... Я думала, что умру; но, къ счастію, у меня открылась нервная горячка.... Докторъ отказался.... Я.... поправилась.... и теперь нахожусь здѣсь одинокая и убитая горемъ.

— Сколько лѣтъ вашему сыну? спросила Эмми.

— Одиннадцать, отвѣчала Бекки.

— Одиннадцать?! такъ онъ родился въ одномъ году съ Джоржемъ, которому....

— Знаю, знаю, прервала мистриссъ Раудонъ, совершенно забывшая о возрастѣ своего сына. — Ахъ, безцѣнная моя Амелія! горесть принудила меня забыть многое. Я очень, очень измѣнилась. Иногда я бываю какъ полуумная. Рауди было одиннадцать лѣтъ, когда его взяли отъ меня. Да будетъ надъ нимъ благословеніе.... Съ тѣхъ поръ я ни разу не видала его.

— Скажи, Бекки: онъ бѣлокурый или брюнетъ? продолжала глупенькая Эмми. — Покажи мнѣ его волосы.

Бекки едва не засмѣялась надъ простотой своей подруги.

— Покажу, только не сегодня, душа моя.... другой разъ, когда привезутъ мое имущество изъ Лейпцига, откуда я пріѣхала сюда. Я покажу и маленькій портретъ его, который сдѣлала въ счастливые дни моей жизни.

Digitized by Google

— Бѣдная, бѣдная Бекки! сказала Эмми. — Какъ благодарна, какъ признательна я должна быть!

И вслѣдъ за тѣмъ, она, по обыкновенію, начала воображать, что сынъ ея долженъ быть прекраснѣйшій, лучшій и умнѣйшій мальчикъ въ цѣломъ свѣтѣ.

— Вотъ ужо ты увидишь моего Джоржа, сказала Эмми, думая, что доставляетъ этимъ подругѣ своей величайшее утѣшеніе.

Такимъ образомъ, двѣ женщины продолжали разговаривать болѣе часу. Въ теченіи этого времени Бекки успѣла отдать нашей довѣрчивой женщинѣ полный отчетъ объ исторіи своей жизни, сведя концы къ тому, что она, Бекки, горькая скиталица, женщина бѣдная, беззащитная и одинокая.

Мистриссъ Осборнъ приняла этотъ длинный разсказъ сообразно своему характеру. Она дрожала отъ негодованія, когда полковница описывала ей поведеніе Раудона и Стэйна. Взгляды ея ставили знаки удивленія при каждомъ выраженіи, къ которому прибѣгала Ребекка, описывая притѣсненія своихъ сановитыхъ родственниковъ и отпаденіе отъ нея мужа (въ скобкахъ — мистриссъ Раудонъ отвосилась о мужѣ своемъ безъ всякой жолчи — скорѣе съ грустью, нежели съ гнѣвомъ: вѣдь она все еще нѣжно любила его; да и какъ не любить, когда Раудонъ — отецъ ея сына?). При описаніи сцены разлуки Бекки съ маленькимъ Рауди Эмми такъ часто прибѣгала къ платочку, что наша искусная актриса трагическихъ ролей не могла не аплодировать самой себѣ за тотъ эффектъ, какой производила она на свою слушательницу.

Между тѣмъ майоръ Доббинъ, не желавшій прерывать конференцію подругъ, но соскучившись, однакожъ, ждать окончанія ея, спустился въ нижній этажъ, въ общую для всѣхъ посѣтителей комнату, постоянно полною дыму и щедро залитую нѣмецкимъ пивомъ. На одномъ изъ грязныхъ столовъ стояли мѣдные подсвѣчники съ сальными огарками, въ количествѣ, соотвѣтствующемъ числу квартиръ, ключи отъ которыхъ висѣли въ правильномъ порядкѣ надъ свѣчами. Эмми прошла мимо этой комнаты съ сильнымъ замѣшательствомъ, тѣмъ болѣе, что тутъ собрались всякаго рода люди: и тирольскіе перчаточники, и дунайскіе продавцы полотенъ, съ своими тюками, студенты, наслаждающіеся буттербротами, лентяи, играющіе въ карты или домино на залитыхъ пивомъ столахъ, — фигляры, подкрѣпляющіе себя въ теченіи свободнаго времени отъ представленій.... словомъ сказать, всѣ *fumum* и *strepitus* нѣмецкой гостинницы во время ярмарки. Лакей принесъ майору кружку пива, какъ необходимую потребность для каждаго гостя.

Спустя нѣсколько минутъ, въ комнату вошли извѣстные читателю юноши — Максъ и Фрицъ, съ набекрененными шапками и трубками. Повѣсивъ ключъ свой на № 90 и потребовавъ себѣ порцію буттерброта и пива, они помѣстились подлѣ майора и начали разговоръ, который ни въ какомъ случаѣ не могъ избѣгнуть слуха Доббина. Главные предметы ихъ бесѣды составляли *Fuchs* и *Philister*, дуэли,

Digitized by Google

попойки и прибытіе ихъ изъ шоппенгаузенскаго университета, въ фургонѣ, рядомъ съ Бекки, съ цѣлью повеселиться на свадебныхъ праздникахъ Пумперникеля.

— Маленькій *Engländerinn*, кажется, *en bayz de gonnoissance*, сказалъ Максъ (французскому діалекту, какъ видите, онъ обучался) своему камраду Фрицу. — Лишь только ушелъ ея толстый дѣдушка, вслѣдъ за нимъ явилась ея премиленькая компатріотка. Я слышалъ, какъ онѣ лепечутъ тамъ....

— Намъ надо взять билеты на концертъ, замѣтилъ Фрицъ. — Есть у тебя деньги, Максъ?

— Да знаешь ли ты, что этотъ концертъ — концертъ *in nubibus*. Гансъ сказывалъ, что она публиковала о такомъ же концертѣ въ Лейпцигѣ, и что Буршенъ взялъ множество билетовъ. А она уѣхала не пѣвши. Вчера въ дилижансѣ она разсказывала, что піанистъ ея захворалъ въ Дрезденѣ. А я такъ думаю, что она и вовсе не можетъ пѣть: голосъ у нея такой же хриплый, какъ у тебя.

— И правда — хриплый! подтвердилъ Фрицъ. — Я слышалъ, какъ она пыталась пропѣть изъ окна *schrecklisch* англійскую балладу The Rose upon the balcony.

— Удивительнаго тутъ нѣтъ ничего, прибавилъ Максъ: — либо saufen, либо singen — что нибудь одно. — Нѣтъ! и не бери билетовъ... Вчера вечеромъ она довольно-таки выиграла въ *trente et quarante*. Я самъ видѣлъ, какъ она заставляла какого-то мальчика играть за себя... Лучше мы истратимъ эти деньги въ игорномъ домѣ, на театръ, или ее же попотчуемъ французскимъ виномъ и коньякомъ въ садахъ Аврелія.... А билетовъ не надо. Какъ ты скажешь?... Не велѣть ли подать пивца еще?...

По многимъ признакамъ, майоръ догадался, кто это такая *она*, о которой говорили юноши.

«Этотъ бѣсенокъ до сихъ поръ не оставляетъ своихъ продѣлокъ» — подумалъ Доббинъ и улыбнулся, припомнивъ тѣ времена, когда онъ былъ очевидцемъ ухаживанья Ребекки за Джозомъ и юмористической развязки похода миссъ Шарпъ противъ сердца мистера Седли. — Итакъ, этотъ бѣсенокъ опять принимается за свои интриги. — Ужь какъ бы хотѣлъ я, чтобъ въ эту минуту она была за сто миль отсюда. Появленіе этой женщины всегда влечетъ за собой какое нибудь бѣдствіе.»

И Доббинъ, погрузившись въ такую мрачную думу, облокотился обѣими руками на столъ и, помѣстивъ между ними свою голову, уткнулъ носъ въ Пумперниккельскую газету. Вдругъ кто-то ударилъ его зонтикомъ по плечу. Доббинъ поднялъ голову: передъ нимъ стояла Амелія.

Эта женщина, просто, тиранствовала надъ майоромъ (Удивляться тутъ нечему: и самые слабѣйшіе изъ смертныхъ всегда имѣютъ подъ рукой кого нибудь, кѣмъ они могутъ управлять)! Эмми повелѣвала Уильямомъ, дѣлала ему выговоры, заставляла приносить ей и носить

Digitized by Google

за нею разныя вещи, какъ будто Доббинъ былъ ньюфаундленская собака. И майоръ, если позволительно выразиться такъ, съ удовольствіемъ и во всякое время бросился бы въ воду, еслибъ только Эмми сказала ему: «Пиль, Доббинъ!»; мало того: онъ готовъ былъ таскать за ней въ зубахъ ридюкюль ея.

— Отчего вы, сэръ, не дожидались наверху — свести меня съ лѣстницы? сказала Амелія, слегка вздернувъ свою головку и сдѣлавъ майору самый саркастическій реверансъ.

— Мнѣ невозможно было стоять въ томъ коридорѣ, отвѣчалъ Доббинъ, съ комически-умоляющимъ взглядомъ и очарованный мыслью, что онъ подастъ Эмми руку и выведетъ ее изъ этого ужаснаго, наполненнаго табачнымъ дымомъ мѣста....

Мистриссъ Осборнъ находилась въ прекрасномъ расположеніи духа. Сгарая нетерпѣніемъ увидѣть брата, она страшно торопилась домой. А Джозъ между тѣмъ битый часъ расхаживалъ по комнатѣ салона перваго этажа, гдѣ его и застала сестрица, кусалъ свои ногти, то-и-знай поглядывалъ изъ окна по направленію къ гостинницѣ «Слона»

— Ну, что? спросилъ мистеръ Седли, дождавшись наконецъ своего посланнаго.

— Бѣдное, милое созданіе! какъ много она выстрадала! сказала Эмми.

— Ахъ, Боже мой! да я вѣдь говорилъ же тебѣ! замѣтилъ Джой, качнувъ головой такъ сильно, что полныя щеки его затряслись словно желе.

— Ребеккѣ непремѣнно нужно отдать комнату Пэйнъ, продолжала вдова. — А она можетъ помѣститься наверху.

Пэйнъ, степенная англійская дѣвушка, была камеръ-юнгферой мистриссъ Осборнъ. Какъ водится, камердинеръ Джоя ухаживалъ за ней, а Джоржъ любилъ пугать ее разсказами о германскихъ разбойникахъ и привидѣніяхъ. Бо́льшую часть времени миссъ Пэйнъ проводила въ ворчаньи, въ приведеніи въ порядокъ нарядовъ своей госпожи и въ изъявленіи намѣренія *завтра же* отправиться въ свой родимый Клапамъ.

— Бекки непремѣнно надо отдать комнату Пэйнъ, повторила Амелія.

Майоръ былъ несказанно удивленъ.

— Да вы и въ самомъ дѣлѣ хотите ввести эту женщину въ *ваши домы?* спросилъ онъ, вспрыгнувъ съ мѣста.

— Безъ сомнѣнія! отвѣчала Эмми самымъ невиннымъ образомъ. — Пожалуста не сердитесь и не сломайте мебели, майоръ Доббинъ! прибавила она. — Мы непремѣнно возьмемъ Ребекку къ себѣ.

— Да, да, мой другъ, непремѣнно! подтвердилъ Джой.

— Бѣдное созданіе!, продолжала Эмми. — банкиръ Ребекки обанкрутился и убѣжалъ; мужъ ея — законопослушный злодѣй! — мало того, что бросилъ ее, такъ даже отнялъ у ней ея послѣднее утѣшеніе — ея обожаемаго сына... Бѣдная, бѣдная Ребекка! совершенно одинока....

Digitized by Google

принуждена, чтобъ только имѣть насущный хлѣбъ, давать уроки въ пѣніи... И послѣ этого еще не взять ея къ себѣ!...

— Берите у нея уроки, мистриссъ Осборнъ! воскликнулъ Доббинъ: — но, ради Бога, не принимайте ея къ себѣ въ домъ. Я умоляю васъ.

— Эхъ, Доббинъ! укорительно проговорилъ мистеръ Седли.

— Вы меня удивляете, Уильямъ, — вы, столько великодушный всегда и ко всѣмъ! сказала Амелія. — Ну разсудите, не лучше ли оказать помощь Бекки теперь, когда она находится въ такомъ жалкомъ положеніи? Теперь-то мы и можемъ оказать ей помощь.... Старинный мой другъ — и не....

— Она не всегда была вашимъ другомъ, Амелія! прервалъ майоръ, выведенный изъ себя

Этого намека было слишкомъ много для Амеліи. Почти съ бѣшенствомъ взглянула она въ лицо Уильяма и сказала «Стыдитесь, майоръ Доббинъ! «Сдѣлавъ этотъ выстрѣлъ, Эмми оставила комнату, съ величественнымъ видомъ, и бойко затворила за собою и за своимъ оскорбленнымъ достоинствомъ дверь.

«Намекать мнѣ на *прошедшее*, говорила она самой себѣ. — О, какъ жестоко съ его стороны такое напоминаніе (и мистриссъ Осборнъ взглянула на портретъ Джоржа, по прежнему висѣвшій надъ портретомъ ея сына).... Да, это слишкомъ жестоко съ его стороны!.. Имѣетъ ли онъ право говорить о томъ, если я простила все? Конечно, нѣтъ!... Вотъ теперь то я вижу, какъ жалка, и неосновательна была моя ревность, — вижу, что ты былъ непороченъ.... О, да! ты всегда оставался непороченъ, мой милый другъ!»

Съ трепетомъ и негодованіемъ стала Амелія ходить по комнатѣ. Потомъ, подойдя къ комоду, она облокотилась на него и долго, долго смотрѣла на портретъ Джоржа. Эмми показалось, будто въ глазахъ портрета выражается упрекъ.... Всѣ прежнія, безцѣнныя воспоминанія кратковременной первой любви быстро явились передъ ней. Рана, которую многіе годы едва едва залечили, снова раскрылась, — и какъ жестоко раскрылась!...

Бѣдный Доббинъ!... бѣдный старый Уильямъ! что ты надѣлалъ? Одно несчастное, необдуманное слово твое разрушило всю работу, которой ты посвятилъ столько лѣтъ!... Одно только слово сказано, а птичка, которую ты такъ продолжительно приманивалъ къ себѣ, отлетѣла отъ тебя!...

Уильямъ хотя и замѣтилъ изъ взглядовъ Амеліи, что наступаетъ для него какой-то великій кризисъ, при всемъ томъ настойчиво продолжалъ упрашивать Седли, въ самыхъ энергическихъ выраженіяхъ, остерегаться Ребекки, и усильно, почти бѣшено заклиналъ Джоза не принимать ея къ себѣ. Доббинъ умолялъ своего пріятеля сдѣлать по крайней мѣрѣ, освѣдомленіе насчетъ мистриссъ Раудонъ, — разсказалъ ему, какъ онъ услышалъ, что эта женщина находилась въ обществѣ игроковъ и людей дурной жизни, — высказалъ, сколько зла на-

Digitized by Google

дѣлала она въ прежніе дни, — какъ она и Кроули едва не погубили бѣднаго Джоржа, — какъ Бекки разлучена теперь съ мужемъ своимъ, по ея собственному признанію, и, можетъ быть, по основательной причинѣ.... Самъ посуди, что это за подруга для Амеліи, столько еще неопытной въ дѣлахъ свѣта!...

Еслибъ Доббинъ былъ менѣе настойчивъ, или болѣе искусенъ, онъ могъ бы еще успѣть въ своихъ убѣжденіяхъ и мольбахъ предъ Джозомъ: но тотъ давно уже стѣснялся превосходствомъ надъ нимъ майора. Вслѣдствіе этого, на краснорѣчивые доводы Уильяма Джой шумно повелъ рѣчь о своей способности защитить собственную честь, о желаніи, чтобъ въ его дѣла посторонніе не вмѣшивались.... Гнѣвныя рѣчи Джоя были прерваны прибытіемъ изъ гостинницы «Слона» одной особы, съ весьма скуднымъ багажемъ.

Бекки привѣтствовала мистера Седли съ искреннимъ уваженіемъ и сдѣлала натянутый, хотя и дружескій, поклонъ майору Доббину, въ которомъ она, по инстинкту, узнала своего врага. Шумъ и говоръ, произведенные прибытіемъ полковницы Кроули, вывели Амелію изъ ея комнаты. Эмми съ жаромъ обняла свою гостью, бросивъ на майора сердитый взглядъ. Доббинъ, негодуя на несправедливость, но не на пораженіе, удалился, сдѣлавъ Эмми поклонъ съ такою же надменностью, съ какою отдавала ему маленькая женщина убійственный прощальный реверансъ.

Съ удаленіемъ Уильяма, Эмми сдѣлалась особенно развязна и преданна Ребекѣ, хлопотала о комнатѣ и наконецъ помѣстила въ ней свою гостью съ усердіемъ и дѣятельностью, какія рѣдко обнаруживались въ нашей смиренной, молодой подругѣ. Замѣчено всѣми, что когда предстоитъ въ виду совершить несправедливый поступокъ, то онъ совершается какъ только можно быстрѣе, и Амелія, поступая по этому правилу, воображала, что въ настоящемъ дѣлѣ она выказала чрезвычайно много твердости, достодолжнаго чувства и уваженія къ памяти покойнаго капитана Осборна.

Джоржъ, возвратившись съ гулянья къ обѣду, нашелъ, какъ и всегда, столъ, накрытый на четырехъ персонъ; только мѣсто, принадлежащее майору, заняла какая-то леди.

— А гдѣжь Доббинъ? спросилъ онъ.

— Майоръ Доббинъ сегодня не обѣдаетъ дома, отвѣчала Эмми, и, приблизивъ къ себѣ Джоржа, съ нѣжностью поцаловала его, пригладила его волосы и отрекомендовала мистриссъ Кроули.

— Рекомендую тебѣ, Ребекка, моего сына, сказала она съ такимъ выраженіемъ, какъ будто въ этихъ словахъ заключалось: «могъ ли свѣтъ произвести что нибудь подобное?!»

Бекки взглянула на Джоржа съ восторгомъ и съ любовью матери сжала его руку.

— Милое дитя! сказала она: — какъ онъ похожъ на моего....

Душевное волненіе заглушило дальнѣйшія слова полковницы; но Амелія поняла, что хотѣла выразить Бекки: она знала, что подруга

Digitized by Google

ея въ эту минуту думала о своемъ собственномъ сынѣ. Сообщество Эмми, однакожъ, утѣшило мистриссъ Кроули, и за обѣдомъ имѣла она прекрасный аппетитъ. Джоржъ внимательно смотрѣлъ на полковницу и только слушалъ. Когда подали дессертъ, Эмми вышла сдѣлать какія-то дальнѣйшія домашнія распоряженія; Джозъ задремалъ на стулѣ надъ газетой Галиньяни; Джоржъ и гостья сидѣли другъ подлѣ друга; мальчикъ не разъ, и довольно значительно, взглядывалъ на мистриссъ Раудонъ.

— Послушайте, сказалъ наконецъ Джоржъ, положивъ на столъ щипчики для орѣховъ.

— Что̀ скажете? спросила Бекки, засмѣявшись.

— Вы, кажется, та самая леди, которую я видѣлъ въ маскѣ, за *Rouge et Noir*.

— Те! маленькій шалунъ! промолвила полковница, взявъ джоржеву руку и поцаловавъ ее. — Вашъ дядя также былъ тамъ; но мама не должна знать про это.

— О, нѣтъ.... ни подъ какимъ видомъ, проговорилъ мальчикъ

— Вы замѣчаете, что мы уже сдѣлались хорошими друзьями, сказала Бекки, обращаясь къ Эмми, вошедшей въ комнату.

Надо отдать справедливость выбору мистриссъ Осборнъ: она взяла къ себѣ въ домъ самую разсудительную и милую компаньонку.

Уильямъ, въ сильномъ негодованіи, хотя и не предвидя всего бѣдствія, готовившагося ему, безъ всякой цѣли шатался по городу, пока не встрѣтился съ Тэйпуормомъ, который и пригласилъ его къ обѣду. За столомъ майоръ имѣлъ случай спросить посланника: не зналъ ли онъ чего нибудь о нѣкоей мистриссъ Раудонъ Кроули, которая, какъ извѣстно, произвела въ Лондонѣ фуроръ. Тэйпуормъ, знавшій всѣ лондонскія сплетни и, кромѣ того, будучи родственникомъ леди Гантъ, передалъ удивленному Доббину не менѣе удивительную исторію о Ребеккѣ и ея супругѣ. Исторія эта сопровождалась, конечно, приличными комментаріями. И когда Уильямъ сказалъ, что мистриссъ Осборнъ и мистеръ Седли приняли Ребекку къ себѣ въ домъ, Тэйпуормъ захохоталъ такъ сильно, что привелъ своего собесѣдника въ ужасъ. И, въ поясненіе своего необычайнаго смѣха, дипломатъ сдѣлалъ замѣчаніе, что вдова капитана Осборна поступила бы гораздо лучше, еслибъ, вмѣсто того, чтобъ принять Ребекку въ свой домъ, отправила ее, по принадлежности, въ тюрьму. Эта послѣдняя аттестація полковницѣ Кроули окончательно ужаснула бѣднаго майора. Еще поутру, до прибытія Ребекки, положено было, съ общаго согласія нашихъ друзей, что Амелія въ тотъ вечеръ отправится на придворный балъ. Тамъ, значитъ, можно будетъ разсказать ей все. Майоръ

Digitized by Google

пошелъ домой, надѣлъ мундиръ и отправился во дворецъ, съ полной увѣренностью, что встрѣтится тамъ съ мистриссъ Осборнъ. Но она и не думала ѣхать на балъ. Возвратясь домой, Доббинъ увидѣлъ, что всѣ огни въ домѣ мистера Седли погашены. Итакъ, до завтра ему не предстояло возможности увидѣться съ Амеліей.

Рано утромъ, Доббинъ отправилъ къ Эмми записку, въ которой просилъ у ней свиданія, по поводу одного весьма важнаго дѣла. Но посланный возвратился назадъ съ увѣдомленіемъ, что мистриссъ Осборнъ очень нездорова и не выходитъ изъ комнаты. Наконецъ, послѣ полудня, допущенный къ Эмми, Уильямъ, вмѣсто искренняго и признательнаго привѣтствія, къ которому онъ давно уже привыкъ, получилъ одинъ только холодный реверансъ и маленькую стянутую перчаткой ручку. Ребекка находилась тутъ же. Она хотѣла было встрѣтить Доббина съ улыбкой и дружескимъ пожатіемъ руки; но онъ отступилъ отъ нея съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ.

— Прошу извинить меня, сударыня, сказалъ ей майоръ: — но я вынужденнымъ нахожусь сказать вамъ, что пришелъ сюда безъ всякихъ дружелюбныхъ отношеній къ вашей особѣ.

— Сдѣлайте одолженіе, избавьте насъ отъ подобнаго рода выраженій! вскричалъ мистеръ Седли, встревоженный и сильно желая отдѣлаться отъ сцены.

— Мнѣ хочется знать, что̀ угодно сказать майору Доббину противъ Ребекки? проговорила Амелія тихо, но съ легкимъ дрожаніемъ въ голосѣ, зато съ весьма рѣшительнымъ выраженіемъ во взорахъ.

— Я вовсе не имѣю желанія допускать подобныя вещи въ моемъ собственномъ домѣ! снова вмѣшался Джой. — Прошу васъ, сэръ, замолчите!

И индѣецъ съ трепетомъ посмотрѣлъ вокругъ себя, раскраснѣлся, запыхтѣлъ и направился къ двери.

— Милый другъ мой! сказала Ребекка съ дѣтской нѣжностью: — сдѣлайте милость, выслушайте, что̀ хочетъ сказать противъ меня господинъ майоръ.

— Я рѣшительно ничего *не хочу* слышать! что̀ есть мочи, вскричалъ мистеръ Седли и за тѣмъ, подобравъ свой утренній костюмъ, ушелъ.

— Теперь остались только мы — двѣ женщины, сказала Амелія. — Теперь вы можете говорить, сэръ.

— Подобнаго рода обращеніе со мной едва ли прилично вамъ, Амелія! съ достоинствомъ отвѣтилъ Доббинъ. — Обязанность, по которой я пришелъ сюда, не можетъ доставить мнѣ особеннаго удовольствія....

— Сдѣлайте одолженіе, майоръ Доббинъ, выполняйте ваши обязанности поскорѣе! прервала Амелія, болѣе и болѣе досадуя.

— Я пришелъ сюда сказать.... и такъ какъ вы, мистриссъ Кроули, остаетесь здѣсь, то я долженъ сказать въ вашемъ присутствіи, что вы.... что вы ни подъ какимъ видомъ не должны составлять члена

Digitized by Google

семейства моихъ друзей. Леди, которая разлучена съ своимъ супругомъ, которая путешествуетъ подъ чужимъ именемъ, которая посѣщаетъ публичные игорные столы....

— Но я пріѣзжала тогда на балъ! вскричала Бекки.

— ....Такой женщинѣ, говорю я, вовсе не идетъ быть подругой мистриссъ Осборнъ и ея сына! продолжалъ Доббинъ, не обращая вниманія на ея слова. Я могу прибавить къ этому еще то, что здѣсь есть люди, которые знаютъ васъ, которые знаютъ все относительно вашего поведенія.... Меня удерживаетъ скромность высказать все это передъ.... передъ мистриссъ Осборнъ.

— Это весьма скромный и удобный родъ клеветы, майоръ Доббинъ! сказала Ребекка. — Вы хотите обвинить меня и не высказываете, въ чемъ я виновата. Не въ моей ли невѣрности къ мужу? Я презираю эту клевету и вызываю каждаго человѣка доказать ее.... Я вызываю даже васъ. Не въ томъ ли я виновата еще, что я бѣдна, покинута, несчастна?... Да, я сознаюсь въ этихъ порокахъ, и наказываюсь за нихъ каждый день.... Отпусти меня, Эмми: я уйду отсюда.... Не встрѣться съ тобой, я нисколько не была бы хуже сегодня, чѣмъ была вчера. Пройди ночь, и бѣдная скиталица была бы на своей дорогѣ.... Не ужели ты не помнишь пѣсни, которую мы пѣвали въ былые дни?... До сей поры я была не болѣе какъ бѣдная, отринутая странница, презираемая за ея жалкое состояніе, оскорбляемая потому только, что она одинока.... Пусти меня, Эмми: я вижу, что мое пребываніе здѣсь мѣшаетъ намѣреніямъ этого джентльмена....

— Вы отгадали, сударыня, сказалъ майоръ: — еслибъ я только имѣлъ въ этомъ домѣ какую нибудь власть....

— Власть?! никогда! прервала Амелія. — Ребекка! ты останешься со мною! Я не покину тебя, потому что тебя всѣ преслѣдуютъ; не хочу оскорблять тебя, потому что.... потому что, какъ видно по всему, майору Доббину непремѣнно хочется, чтобы тебя оскорбляли.... Уйдемъ отсюда, другъ мой.

Уильямъ отворилъ имъ двери; но въ то время, какъ онѣ выходили, Доббинъ взялъ за руку Амелію и сказалъ ей.

— Не угодно ли вамъ остаться на минуту и поговорить со мной?

— Онъ хочетъ говорить съ тобой, Амелія, и безъ меня, сказала Бекки, принимая видъ мученицы.

Амелія въ отвѣтъ сжала ея руку.

— Клянусь честью, то, о чемъ я намѣренъ говорить, до васъ вовсе не касается, замѣтилъ Доббинъ. — Воротитесь, Амелія, — я васъ прошу.

Доббинъ поклонился мистриссъ Кроули, и она затворила за собою дверь. Мистриссъ Осборнъ взглянула на Уильяма; лицо ея и губы совершенно побѣлѣли.

— Говоря съ вами, началъ Доббинъ, послѣ непродолжительнаго молчанія: — я вовсе некстати употребилъ слово власть.

— Да! подтвердила Амелія, и зубки ея застучали.

Digitized by Google

— Во всякомъ случаѣ, кажется, я имѣю право на то, чтобъ вы меня выслушали, продолжалъ майоръ.

— Конечно, вы имѣете на то право; и здѣсь я кстати могу замѣтить, что съ вашей стороны весьма великодушно напоминать мнѣ о нашихъ къ вамъ обязательствахъ, проговорила разгнѣванная женщина.

— Право, на которое я въ этомъ случаѣ опираюсь, передано мнѣ отцомъ Джорджа.

— Да; но этимъ правомъ вы оскорбили его память. Согласитесь, что вы оскорбили ее вчера еще, чего я никогда не прощу вамъ.... никогда! продолжала Эмми, трепеща отъ гнѣва и душевнаго волненія.

— Не думаю, Амелія, чтобъ вы были до такой степени несправедливы ко мнѣ, печально сказалъ Уильямъ: — Не думаю, чтобъ вы такъ строго взвѣсили слова, произнесенныя мной опрометчиво, и не приняли бы въ расчетъ преданности цѣлой жизни моей. Я полагаю даже, что память Джорджа нисколько не оскорблена, если разобрать всю сущность цѣли, которой мнѣ хотѣлось достичь и для которой я употребилъ своимъ оружіемъ дарованное мнѣ право. Если бы мы задумали обременять другъ друга упреками, я увѣренъ, что на меня не пало бы ни одного изъ нихъ, ни отъ вдовы Джорджа, ни отъ сына его. Подумайте объ этомъ, Амелія.... послѣ только, когда..., когда вы будете свободны.... Я убѣжденъ, что совѣсть ваша отмѣнитъ это обвиненіе. Она отмѣняетъ его даже теперь....

Амелія опустила головку.

— Я увѣренъ, что не вчерашнія слова мои раздражаютъ васъ, продолжалъ Уильямъ: — они послужили только предлогомъ; иначе я напрасно любилъ и лелѣялъ васъ въ теченіи пятнадцати лѣтъ. Неужели вы думаете, что во все это время не могъ я выучиться читать въ душѣ вашей всѣ чувства, и глядѣть какъ въ зеркало въ ваши мысли? Я знаю очень хорошо, къ чему душа ваша способна. Она можетъ привязаться къ воспоминанію и лелѣять мечту, но не можетъ чувствовать той привязанности, съ которою моя преданность вполнѣ заслуживала бы соединенія. Я всегда пріобрѣлъ бы это чувство отъ женщины болѣе великодушной.... Нѣтъ, Амелія, вы недостойны любви, которую я питалъ къ вамъ.... Я такъ и думалъ, что призъ, на который устремлена была вся жизнь моя, не стоитъ того, чтобы его выигрывать.... Да, я былъ глупецъ, мечтатель, вымѣнивающій всю свою истину и усердіе на вашу ничтожную, слабую искру привязанности. Теперь торговля моя кончилась: я оставляю это поприще. Я не нахожу васъ порочною: вы весьма добродушны и поступили какъ нельзя лучше.... Вы не могли.... вы не могли достичь высоты той искренней любви, которую я приносилъ вамъ въ даръ, и которую вамъ вовсе невысокая душа почла бы, можетъ, за счастіе принять себѣ.... Прощайте, Амелія!. Я долго наблюдалъ за вашей борьбой. Пора ей кончиться.... Мы оба надоѣли другъ другу....

Digitized by Google

Безмолвіе и удивленіе оковали Эмми, когда она увидѣла, что Уильямъ такъ неожиданно прервалъ цѣпь, на которой она держала его, и объявилъ свою независимость и превосходство. — Онъ такъ долго лежалъ поверженный у ея ногъ, что бѣдная маленькая женщина привыкла уже топтать его. Ей не хотѣлось выйти за него за мужъ и въ тоже время владѣло ею сильное желаніе держать его при себѣ. Она ничего не хотѣла дать ему, а желала, чтобы онъ отдалъ ей все. Это и составляетъ главную выгоду, которую женщины нерѣдко извлекаютъ изъ любви.

Признаніе Уильяма совершенно разбило Амелію. Ея нападеніе было отражено.

— Что́жь изъ этого могу заключить я? развѣ только то, что вы уѣзжаете отсюда, Уильямъ? проговорила мистрисъ Осборнъ.

Доббинъ печально усмѣхнулся.

— Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, сказалъ онъ: — вѣдь я уѣзжалъ же и возвратился черезъ двѣнадцать лѣтъ. Мы были молоды тогда, Амелія.... Прощайте, прощайте.... Довольно понстратилъ я жизни въ этой игрѣ.

Пока друзья наши разговаривали, дверь въ комнату мистрисъ Осборнъ была немного раскрыта. Это произошло оттого, что Бекки держалась за ручку и повернула ее, лишь только Доббинъ отошелъ отъ двери. Она слышала весь ихъ разговоръ, до послѣдняго слова. «О какое благородное сердце этого человѣка — подумала Бекки — и какъ безсовѣстно эта женщина играетъ имъ!» Мистриссъ Кроули восхищалась Доббиномъ; она уже не злопамятствовала за его возстаніе противъ нея. «Еслибъ мой мужъ былъ съ такой душой и умомъ.... Право, я никогда бы не обратила вниманія на его большія ноги!»

За тѣмъ Ребекка убѣжала въ свою комнату, рѣшившись на какой-то подвигъ: дѣло въ томъ, что она написала Доббину записку, въ которой умоляла его остаться на нѣсколько дней, и прибавляла, что въ эти дни она оказала бы ему услугу въ его намѣреніяхъ въ отношеніи къ Амеліи.

Итакъ, разлука свершилась. Еще разъ бѣдный Уильямъ подошелъ къ дверямъ и вышелъ изъ нихъ. Вдовушка удовлетворила свою прихоть, выиграла побѣду; оставалось только наслаждаться тріумфомъ, которому, вѣроятно, позавидуютъ многія леди.

Въ тотъ день, за обѣдомъ Джоржъ снова замѣтилъ отсутствіе стараго Доба. Кушали всѣ въ глубокомъ молчаніи. Аппетитъ Джоза, правда, нисколько не уменьшался; зато Эмми ни до чего не дотронулась.

Послѣ стола, Джоржъ, валяясь на подушкахъ старинаго окна, съ тройнымъ переплетомъ стеколъ, и изъ котораго видна была одна сторона рынка, гдѣ стоитъ гостинница «Слона!» — Джоржъ, какъ я уже сказалъ, валяясь на подушкахъ, замѣтилъ вдругъ признаки движенія въ домѣ майора, на другой сторонѣ улицы.

Digitized by Google

— Улло! вскричалъ онъ:—вонъ и ловушка Доббина! ее вытащили со двора.

Ловушкой называлась дорожная коляска майора, которую онъ купилъ, за шесть фунтовъ стерлинговъ, и которая постоянно служила предметомъ насмѣшекъ нашихъ друзей.

Эмми слегка вздрогнула, но ни слова не сказала.

— Улло! продолжалъ Джоржъ. — Вонъ и Францисъ выходитъ съ чемоданами, и Кунцъ, кривоглазый почтальонъ, идетъ по рынку съ тройкой лошадей.... Взгляните на его сапоги и желтую куртку — настоящее чучело!... Что̀жь это значитъ? Они запрягаютъ лошадей въ коляску Доба.... Развѣ онъ ѣдетъ куда нибудь?

— Да, отвѣчала Эмми: — онъ ѣдетъ путешествовать.

— Ѣдетъ путешествовать?! когда же воротится?

— Онъ.... онъ не воротится, проговорила Эмми.

— Не воротится?!

И Джоржъ вскочилъ съ окна.

— Останьтесь, сэръ! закричалъ Джой.

— Останься, Джоржъ, печально сказала мать.

Джоржъ остался: ходилъ по комнатѣ, вскакивалъ и соскакивалъ съ окна и вообще обнаруживалъ всѣ признаки безпокойства и любопытства.

Наконецъ заложили лошадей, привязали чемоданы. Францисъ вышелъ на улицу съ саблей своего господина, зонтикомъ и тростью, связанными вмѣстѣ, положилъ ихъ въ кузовъ, — потомъ вынесъ дорожное бюро и старый жестяной футляръ съ трехъугольной шляпой и положилъ ихъ въ ящикъ, — наконецъ вынесъ затасканный, старый синій подшитый краснымъ камлотомъ плащъ, который завертывалъ владѣтеля своего цѣлыя пятьнадцать лѣтъ и уже *manchen Sturm erlebt*, какъ говорилось въ тогдашней любимой цѣснѣ. Этотъ плащъ былъ новый передъ ватерлосской кампаніей и прикрывалъ Джоржа и Уильяма въ дождливую ночь послѣ сраженія при Quatre-Bras.

Вскорѣ вышелъ на улицу старый Бурке — хозяинъ дома, — за нимъ Францисъ, еще съ какими-то узелками — финальными узелками; а потомъ явился и майоръ Доббинъ. Бурке непремѣнно хотѣлось попаловать его (Всѣ, кто только хоть немного зналъ Уильяма, обожали его), и другъ нашъ съ большимъ затрудненіемъ отдѣлался отъ такого рода изъявленія сердечной привязанности со стороны стараго нѣмца.

— Ей Богу, я не могу болѣе.... что̀ съ нимъ такое? я пойду къ нему! вскричалъ Джоржъ.

— Пожалуста, отдайте ему это, сказала Бекки, сунувъ въ руку мальчика лоскутокъ бумажки.

Джоржъ опрометью бросился по лѣстницѣ и въ одинъ моментъ перелетѣлъ черезъ улицу. Желтый почтальонъ слегка похлопывалъ кончикомъ бича.

Digitized by Google

Освободившись отъ объятій честнаго нѣмца, Уильямъ сѣлъ въ карету. Джоржъ влѣзъ за нимъ и, обвивъ свои рученки вокругъ шеи Доббина (эту сцену видѣли изъ окна), началъ задавать ему многочисленные вопросы. Потомъ онъ вспомнилъ про записку и передалъ ее по принадлежности. Уильямъ съ жаромъ схватилъ ее и развернулъ съ трепетомъ. Но вдругъ лицо его перемѣнило выраженіе: Уильямъ надвое разорвалъ записку и выбросилъ ее изъ коляски. Нѣжно поцаловалъ онъ мальчика въ голову, и Джоржъ, утирая кулаками слезы, съ помощью Франциса спустился на панель. Fort Schwager! Желтый почтальонъ громко захлопалъ бичемъ, Францисъ вскочилъ на козлы, лошади тронулись, и голова Доббина опустилась на грудь. Проѣзжая мимо оконъ Амеліи, онъ ни разу не взглянулъ на нихъ. Джоржъ, оставленный одинъ на улицѣ, долго еще рыдалъ передъ собравшейся толпой народу.

Горничная Эмми слышала эти рыданія и ночью и, въ утѣшеніе мальчика, принесла ему абрикосоваго варенья. Всѣ бѣдные, всѣ скромные, всѣ честные и добрые люди, знавшіе майора, любили этого добродушнаго и простосердечнаго джентльмена.

Что касается до Эмми.... развѣ она не выполнила своего долга? Въ утѣшеніе, у нея оставался портретъ покойнаго Джоржа.

ГЛАВА LV.

ЗАКЛЮЧАЕТЪ ВЪ СЕБѢ ОТЧЕТЪ О РОДИВШИХСЯ, ВСТУПИВШИХЪ ВЪ БРАКЪ И УМЕРШИХЪ ЛИЦАХЪ ПРЕДЛЕЖАЩЕЙ ИСТОРІИ.

Какого бы рода ни былъ составленъ Ребеккою планъ, по которому истинной любви Доббина предстояло увѣнчаться полнымъ успѣхомъ, наша авантюристка за лучшее сочла держать его въ тайнѣ.

Мистриссъ Раудонъ, нежданно-негаданно, очутилась въ уютной и комфортабльной квартирѣ, окруженная друзьями, лаской и добродушными, простосердечными людьми, съ какими она не встрѣчалась давнымъ-давно. Несмотря на то, что она была авантюристка по склонности и по необходимости, — и на нее находили минуты, когда покой казался ей истиннымъ блаженствомъ. Ребекка походила на закоснѣлаго араба, который, рыская по пустынѣ на своемъ верблюдѣ, съ неизъяснимымъ удовольствіемъ останавливается иногда подъ финиковыми деревьями, при струяхъ прохладнаго источника, или отправляется въ города, шатается по базарамъ, освѣжаетъ себя ванной и молится въ мечетяхъ, передъ тѣмъ, какъ снова пускается на грабежи. Палатки Джоза и его пилавъ составляли для нашей маленькой аравитянки подобное же наслажденіе. Она привязывала своего коня, снимала оружіе и беззаботно грѣлась передъ огонькомъ толстаго индѣйца. Отдыхъ въ бродячей жизни и безпечность невыразимо были милы для нея.

Digitized by Google

Такимъ образомъ, довольная своей судьбой, Бекки употребляла всѣ свои усилія, чтобы понравиться другимъ; а намъ извѣстно, до какой степени была она свѣдуща, опытна и пользовалась успѣхомъ въ наукѣ нравиться. Что̀ касается до Джоя, мистриссъ Кроули даже въ теченіи непродолжительнаго свиданія съ нимъ на чердачкѣ гостинницы «Слона» нашла средства возвратить къ себѣ все прежнее его расположеніе. Въ продолженіи какой нибудь недѣли, индѣецъ нашъ обратился въ преданнѣйшаго раба Бекки и ея безумнаго обожателя. Онъ уже не предавался послѣобѣденнымъ отдохновеніямъ, какъ прежде, въ довольно приторномъ обществѣ своей сестры Амеліи, а частенько выѣзжалъ съ ней въ открытой коляскѣ. Онъ собиралъ небольшія общества въ своемъ домѣ и придумывалъ въ честь Ребекки различныя увеселенія. Тэйпуормъ, такъ жестоко наругавшійся надъ Бекки, каждодневно являясь къ Джою, ухаживалъ за полковницей Кроули. Бѣдную Эмми, и безъ того не слишкомъ словоохотливую, а съ отъѣздомъ Доббина сдѣлавшуюся болѣе обыкновеннаго грустною и молчаливою, совсѣмъ забыли, когда появился этотъ превосходный геній, въ лицѣ мистриссъ Раудонъ. Французскій посланникъ прельстился ею не менѣе своего британскаго соперника. Нѣмецкія дамы, столько снисходительныя къ англійской націи, восхищались остроуміемъ очаровательной подруги мистриссъ Осборнъ, и хотя ея не приглашали ко двору, однако многія важныя особы, уже довольно наслышавшіяся о прелестяхъ полковницы Кроули, нетерпѣливо желали узнать ее покороче. Бекки оживила своимъ присутствіемъ домъ мистера Седли. Она пѣла, играла, смѣялась, говорила на двухъ или трехъ языкахъ, вводила въ домъ кого ей вздумается и заставила Джоя вообразить, что только одни личные его таланты собираютъ къ нему такое избранное общество.

Что̀ касается до Эмми, открывшей, что она уже утратила роль хозяйки, исключая тѣхъ случаевъ, когда ей приходилось выплачивать счеты, — Бекки и ей доставляла удовольствія. Она безпрестанно говорила о майорѣ Доббинѣ, безъ зазрѣнія совѣсти обнаруживая свое восхищеніе достоинствами этого превосходнаго и великодушнаго джентльмена. Въ тоже время мистриссъ Раудонъ укоряла подругу свою за ея жестокое обращеніе съ Уильямомъ. Эмми, защищая свой поступокъ, старалась доказать, что онъ основанъ былъ на самыхъ чистыхъ нравственныхъ началахъ, что женщина, однажды.... и проч. и проч., — что, выйдя замужъ за такого человѣка, какъ покойный Джоржъ, она должна принадлежать ему до гроба.... Впрочемъ, Амеліи вовсе не было противно слушать похвалы, разсыпаемыя майору, и она сама нѣсколько разъ въ день наводила разговоръ на этотъ заманчивый предметъ.

Бекки недолго затруднялась въ средствахъ пріобрѣсть расположеніе Джоржа и вообще всѣхъ домашнихъ. Горничная Эмми, какъ намъ извѣстно, всей душой была предана майору. Разлюбивъ сначала Бекки, какъ виновницу отсутствія его, она примирилась съ мистриссъ

Digitized by Google

Кроули, потому что послѣдняя сдѣлалась ревностнѣйшимъ защитникомъ Уильяма.

Амелія приказала Джоржу вести съ отцомъ крестнымъ постоянную переписку и каждый разъ напоминала ему принисывать отъ своей маменьки нѣжное привѣтствіе. Смотря теперь на портретъ мужа, Эмми уже не замѣчала упрековъ въ глазахъ его; напротивъ, съ отъѣздомъ Доббина, она сама стала упрекать его.

Нельзя сказать, чтобы мистриссъ Осборнъ послѣ своей геройской жертвы пользовалась безмятежнымъ счастіемъ. Она сдѣлалась distraite, нервозна, молчалива и никому не нравилась, съ каждымъ днемъ становилась блѣднѣе и чувствовала себя больною. Она пробовала пѣть нѣкоторыя любимыя пѣсенки майора (веберова «Einsam bin ich nicht alleine» была одна изъ нихъ), но, обыкновенно, останавливалась на половинѣ, оставляла фортепьяно, уходила въ сосѣднюю комнату и тамъ, безъ всякаго сомнѣнія, прибѣгала искать утѣшенія въ портретѣ погибшаго мужа.

Но вотъ что замѣчательно: однажды, Джоржъ, перерывая бюро своей мама, нашелъ забытыя Доббиномъ перчатки, аккуратно и бережно сложенныя и припрятанныя въ одномъ изъ такъ называемыхъ потайныхъ ящичковъ.

Не имѣя особаго влеченія къ шумнымъ собраніямъ и даже, можно сказать, наскучивъ ими, Амелія съ величайшимъ удовольствіемъ предпринимала во время лѣтнихъ вечеровъ продолжительныя прогулки. Джоржъ былъ постояннымъ ея спутникомъ (Бекки предоставлялось на это время оставаться въ обществѣ мистера Джоя); и тогда мать и сынъ особенно любили предаваться разговорамъ о майорѣ, и съ такимъ усердіемъ, что мальчикъ нерѣдко улыбался. Амелія говорила сыну своему, что майоръ Уильямъ былъ лучшій человѣкъ въ цѣломъ свѣтѣ, добрѣйшій, храбрѣйшій и превосходнѣйшій. Снова и снова пересказывала Эмми сыну, что они обязаны всѣмъ на свѣтѣ единственно благодѣтельному попеченію этого нѣжнаго друга, — что всѣ его сослуживцы восхищаются имъ, хотя майоръ никогда не говоритъ о своихъ доблестныхъ подвигахъ, — что отецъ Джоржа какъ нельзя болѣе ввѣрился въ него и постоянно пользовался его чистосердечной дружбой.

И въ такихъ-то пріятныхъ разговорахъ мать и сынъ проводили большую часть своего времени. Безхитростная женщина сдѣлала изъ мальчика повѣреннаго своихъ тайнъ. Джоржъ былъ столько же другъ Уильяму, какъ и всякій другой, кто зналъ его поближе.

Между тѣмъ и мистриссъ Бекки, не желая остаться назади отъ другихъ въ своихъ сердечныхъ ощущеніяхъ, вывѣсила въ своей комнатѣ портретъ, къ изумленію и пересмѣиваньямъ обитателей дома Джоза и къ восторгу самого оригинала. Портретъ изображалъ фигуру мистера Седли. При первомъ появленіи своемъ въ семействѣ набоба, наша рѣшительная женщина, прибывшая съ весьма ничтожнымъ запасомъ имущества, вѣроятно, стыдилась этой ничтожности; но она

Digitized by Google

часто съ особеннымъ почтеніемъ поговаривала о багажѣ, оставленномъ ею въ Лейпцигѣ, откуда ей предстояло получить его. Когда путешественникъ безпрестанно говоритъ вамъ о богатствѣ своего имущества, котораго, по обстоятельствамъ, нельзя было ему взять съ собой, другъ мой, берегитесь такого человѣка: смѣло можно сказать, что онъ обманщикъ.

Но, къ сожалѣнію, ни Джой, ни Эмми не знали этой аксіомы. Имъ нужды мало было знать, имѣла ли Бекки хоть сколько нибудь хорошихъ платьевъ въ заочныхъ сундукахъ; но такъ какъ настоящій ея запасъ оказался чрезвычайно скуденъ, то мистриссъ Осборнъ подѣлилась съ Ребеккой своимъ гардеробомъ, — мало того: свезла ее къ лучшей въ городѣ модисткѣ, гдѣ и вырядила свою подругу какъ нельзя лучше. Съ шейки полковницы Кроули исчезли оборванные воротнички и замасленныя полковыя косыночки; а съ перемѣною жизни перемѣнились и привычки Бекки. Румяна не употреблялись болѣе; также и другое возбудительное средство, къ которому она уже привыкла, было отстранено, или, по крайней мѣрѣ, мистриссъ Раудонъ прибѣгала къ нему секретнымъ образомъ....

Наконецъ прибыли изъ Лейпцига давно ожиданные сундуки съ имуществомъ Ребекки. Но невелики и не казисты были они; не замѣчалось и того, чтобъ Бекки доставала изъ нихъ наряды или какія нибудь драгоцѣнности. Она открыла только извѣстное читателю бюро, наполненное кучей разныхъ бумагъ, и съ особенно пріятнымъ ощущеніемъ вынула изъ него одну картину, которую сначала пришпилила къ стѣнѣ въ своей комнатѣ, а потомъ показала ее Джозу. Картина эта, представлявшая портретъ джентльмена, была отдѣлана карандашемъ, за исключеніемъ лица, раскрашеннаго розовымъ цвѣтомъ. Джентльменъ ѣхалъ на слонѣ; задній планъ составляли: индѣйская пагода и кокосовыя деревья. Все дышало востокомъ.

— Ахъ, Боже мой! да это мой портретъ! воскликнулъ Джозъ.

И дѣйствительно, то было его изображеніе, въ цвѣтѣ молодости и красоты, и въ нанковой курточкѣ, сшитой по покрою 1804 года. Этотъ портретъ нѣкогда висѣлъ на Россель-скверѣ.

— Мнѣ удалось купить его, сказала Бекки голосомъ, дрожащимъ отъ душевнаго волненія: — мнѣ удалось купить его однажды, когда я отправилась посмотрѣть, не могу ли оказать пользу моимъ снисходительнымъ друзьямъ. Я никогда не разставалась съ этимъ портретомъ, да никогда и не разстанусь....

— Неужели? вскричалъ мистеръ Седли въ неизъяснимомъ восторгѣ и самодовольствіи. — Неужели вы берегли его собственно для меня?

— А вы думали нѣтъ!... Вы притворяетесь: вамъ это лучше моего должно быть извѣстно.... Впрочемъ, къ чему это.... что за польза оглядываться назадъ!... Теперь ужь слишкомъ поздно!

Былъ іюнь мѣсяцъ — лучшій сезонъ въ Лондонѣ. Джой, ежедневно читавшій, за завтракомъ, «Galignani», любилъ сообщать своимъ

Digitized by Google

леди извлеченія изъ этой газеты, гдѣ, между прочимъ, еженедѣльно представлялся подробный отчетъ о движеніяхъ войскъ, чѣмъ мистеръ Седли, какъ коренной служака, чрезвычайно интересовался. Однажды онъ прочиталъ слѣдующее: «*Прибытіе ...таго полка.* Гравзандъ Іюня 20. Сегодня утромъ прибылъ на нашъ рейдъ остъ-индскій корабль Рамкундеръ, имѣя на себѣ четырнадцать офицеровъ и всѣхъ рядовыхъ этого храбраго отряда. Они находились за границей четырнадцать лѣтъ, отправившись туда на слѣдующій годъ послѣ ватерлосской битвы, въ которой они принимали весьма дѣятельное участіе, и впослѣдствіи храбро отличились въ бурмисской войнѣ, въ Индіи. Ветеранъ-полковникъ, сэръ Мимель о'Доудъ, съ своей супругой и сестрицей, пріѣхали сюда вчера, съ капитанами Поски, Стобблемъ, Макроу, Малони, поручиками Смитомъ, Джономъ Томпсономъ, Ф. Томпсономъ, прапорщиками Гикксомъ и Грэди. Музыка на пристани играла національный гимнъ, толпы народа привѣтствовали храбрыхъ воиновъ громогласнымъ восклицаніемъ «ура!» Въ гостинницѣ Вайтъ защитникамъ старушки Англіи данъ былъ великолѣпный банкетъ. Во время пира, про выполненіе котораго блестящимъ образомъ, кажется, и говорить нечего, восторженныя восклицанія дошли до такой степени, что леди о'Доудъ и полковникъ вышли на балконъ и пили за здоровье своихъ соотечественниковъ кларетъ превосходной доброты».

Въ другой разъ мистеръ Седли прочелъ въ «Galignani» слѣдующее коротенькое объявленіе: «Майоръ Доббинъ присоединился къ ....тому полку въ Чатамѣ». И почти вслѣдъ за тѣмъ извѣщалось, что имя Доббина появилось между командующими полками: старый маршалъ Типтоффъ скончался во время переѣзда ....таго полка изъ Мадраса, и его величеству королю угодно было возвысить полковника сэра Микеля о'Доуда въ чинъ генералъ-майора, съ тѣмъ, однакожь, чтобъ онъ остался командиромъ храбраго ....таго полка.

Амелія заранѣе знала о нѣкоторыхъ изъ этихъ перемѣнъ. Переписка между Джоржемъ и его опекуномъ не прекращалась: Уильямъ, со времени своего отъѣзда, раза два писалъ къ Эмми самъ, но такъ непринужденно-холодно, что бѣдная женщина чувствовала теперь потерю власти своей надъ нимъ, и должна была сознаться, что Уильямъ свободенъ. Доббинъ оставилъ ее, и она сдѣлалась несчастна. Воспоминаніе объ его безчисленныхъ услугахъ, о томъ высокомъ уваженіи, которымъ она пользовалась отъ майора, становилось передъ Амеліей укоромъ и днемъ и ночью. Она горевала надъ этими воспоминаніями, созналась теперь въ чистотѣ и прелести любви, которою шутила, и упрекала себя за самовольное отреченіе отъ такого сокровища.

И дѣйствительно, сокровище это было уже утрачено. Уильямъ разстратилъ его. И ему казалось, что онъ уже не любилъ Эмми такъ пламенно, какъ прежде. Снова полюбить — невозможно ему. Но такого рода уваженіе, какое онъ питалъ къ Амеліи въ теченіи стольнихъ лѣтъ, казалось бы, нельзя оставить безслѣдно.... Нѣтъ!... И Уильямъ думалъ и передумывалъ. «Въ этомъ случаѣ я самъ былъ обольщенъ; я упорно

Digitized by Google

потакалъ своимъ чувствамъ. Еслибъ Амелія была достойна любви, которую я питалъ къ ней, она давно бы отвѣтила мнѣ тѣмъ же.... Я заблуждался. .. Да и что вся жизнь наша, какъ не заблужденіе!... Но положимъ: я овладѣлъ бы Амеліей — развѣ не могъ я разочароваться на слѣдующій же день послѣ побѣды? Къ чему мнѣ сожалѣть или стыдиться своего пораженія?» И тѣмъ болѣе Уильямъ думалъ объ этомъ, тѣмъ яснѣе видѣлъ свой обманъ. «Я увѣренъ, что позабуду неудачу въ любви, снова примусь за мои обязанности. Буду смотрѣть, чисты ли у солдатъ пуговицы и не дѣлаютъ ли сержанты ошибокъ въ своихъ отчетахъ, — буду обѣдать за общимъ столомъ и выслушивать разныя исторіи отъ шотландца-доктора.... А когда сдѣлаюсь старъ и безсиленъ, выйду въ отставку на полу-пенсіонѣ, и мои сестры будутъ бранить меня. *Ich habe geliebt und gelebet*, какъ говорится въ «Валленштейнѣ». Рѣшено!... Расчитайся съ хозяиномъ.... подай мнѣ сигару и узнай, Франсисъ, что сегодня играютъ въ театрѣ. Завтра мы ѣдемъ на «Батавійцѣ»....

Доббинъ говорилъ эти слова, изъ которыхъ Франсисъ слышалъ одни только приказанія, расхаживая взадъ и впередъ по комнатѣ одной изъ гостинницъ въ Роттердамѣ. Пароходъ «Батавіецъ» стоялъ въ гавани. Майоръ увидѣлъ на шканцахъ его мѣсто, гдѣ онъ и Эмми сидѣли во время отъѣзда ихъ изъ Англіи.... «Но что же такое хотѣла сказать ему мистриссъ Кроули?... Фи! не стоитъ и думать о томъ!... Завтра мы отправляемся въ море, чтобъ возвратиться въ Англію, къ нашему родному очагу и обязанностямъ по службѣ.

Въ іюлѣ, по принятому обыкновенію, все маленькое придворное общество Пумперникеля разъѣзжалось по всей Германіи на минеральныя воды, гдѣ и пользовалось ими изъ самыхъ источниковъ, — катались на ослахъ, играли въ *redoutes*, исправно кушали за *table d'hôte* и проводили все время въ праздности. Англійскіе дипломаты избрали себѣ лѣтнюю резиденцію въ Теплицѣ и Кессингенѣ, а французскіе соперники ихъ закрыли свою *chancellerie* и помчались на обожаемый ими *Boulevard de Gand*. Изъ Пумперникеля выѣзжалъ каждый, кто только имѣлъ хотя малѣйшее притязаніе на свѣтскость, какъ, напримѣръ, докторъ фонъ Глауберъ, въ числѣ паціентовъ котораго находился и мистеръ Седли. Фонъ Глауберъ легко убѣдилъ нашего индѣйца, какъ для поправленія его собственнаго, такъ и очаровательной сестрицы его — здоровья, провести лѣто въ вовсе непривлекательномъ приморскомъ городѣ Остэнде. Здоровье Эмми въ послѣднее время значительно разстроилось, и для нея все равно было, куда бы ни ѣхать. Но Джоржъ прыгалъ отъ радости при одной мысли, что ему предстоитъ движеніе. Что-жь до Бекки, то ей неизбѣжно пришлось занять

Digitized by Google

четвертое мѣсто въ прекрасной каруши Джоза. Слуги усѣлись на козлахъ. Полковница Кроули опасалась, правда, встрѣтиться, въ настоящей поѣздкѣ, съ кой-какими изъ друзей своихъ, отъ которыхъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, легко было ожидать ей весьма дурныхъ въ отношеніи ея исторій; но этого ли бояться Ребеккѣ! Въ опроверженіе всѣхъ клеветъ, наготовѣ у ней была своя исторія, убѣдительная и правдоподобная. Мистриссъ Раудонъ весьма удачно бросила въ сердце Джоза якорь, вырвать который могъ только слишкомъ сильный штормъ. Портретъ возъимѣлъ на мистера Седли рѣшительное дѣйствіе....

Пріѣхавъ въ Остэнде, мистриссъ Осборнъ тотчасъ же приступила къ употребленію морскихъ ваннъ и извлеченію изъ нихъ всего лучшаго. Хотя множество знакомыхъ Бекки, проходя мимо, осматривали ее съ ногъ до головы, ея постоянная спутница Амелія вовсе не замѣчала, какого рода то обхожденіе, которымъ пользовалась ея подруга: Ребеккѣ же, разумѣется, и въ голову не приходило разсказать Эмми, что происходило передъ невинными глазами ея патрона.

Впрочемъ, въ числѣ знакомцевъ полковницы Кроули нашлись и такіе, которые съ большой охотой признали въ ней свою старую пріятельницу, — можетъ быть, даже охотнѣе, нежели какъ хотѣлось. Вотъ хоть бы майоръ Лодеръ или капитанъ Рукъ. Оба они каждодневно присутствовали на пристани, съ сигарой въ зубахъ и съ нахальствомъ во взорахъ, и тотъ и другой безъ труда пріобрѣли доступъ къ гостепріимному столу и избранному обществу мистера Джозефа Седли. Отказа для нихъ не существовало: они врывались въ домъ во всякое время — находилась ли Бекки дома, или нѣтъ. Смѣло входили они въ гостиную мистриссъ Осборнъ, наполняли ее ароматомъ своихъ сюртуковъ и усовъ, называли Джоя «старымъ олешемъ», нападали на его обѣды, хохотали и пили безъ всякой церемоніи.

— Мнѣ бы хотѣлось знать, что они задумываютъ? спросилъ Джоржъ, которому слишкомъ не нравились эти джентльмены: — вчера я слышалъ, какъ майоръ говорилъ: «Нѣтъ, нѣтъ, Бекки! ты не должна прочить себѣ *стараго оленя*. Оставь намъ хоть косточки, или я.... Что бы такое значили эти слова майора, мама?

— Майоръ?! пожалуста, Джоржъ, не называй его майоромъ, сказала Эмми. — Я не могу объяснить тебѣ этихъ словъ, прибавила она.

Присутствіе такого джентльмена, какъ майоръ Лодеръ, вселяло въ мистриссъ Осборнъ неизъяснимый ужасъ и отвращеніе. Они разсыпали передъ ней дикіе комплименты и дерзко поглядывали на нее за обѣдомъ. Особенно несносно велъ себя Рукъ, такъ что Амелія страшилась его и не иначе позволяла ему видѣть себя, какъ въ присутствіи Джоржа.

Надо отдать справедливость Ребеккѣ въ этомъ отношеніи: она сама не позволяла друзьямъ своимъ оставаться съ мистриссъ Осборнъ наединѣ; но Лодеръ былъ холостъ и клялся, что овладѣетъ вдовушкой, — Рукъ питалъ такія же надежды; и оба они другъ передъ другомъ изо всѣхъ силъ бились къ достиженію цѣли. Амелія ничего этого не

Digitized by Google

угадывала; но тѣмъ не менѣе она чувствовала ужасъ и безпокойство въ ихъ присутствіи и сильно желала избавиться отъ нихъ.

Амелія упрашивала, умоляла Джоя возвратиться домой — не тутъ-то было! мистеръ Седли не рѣшался сняться съ мѣста, — онъ привязался къ доктору, а можетъ быть и къ другому чему нибудь. Въ оправданіе его, мы можемъ сказать только, что Бекки вовсе не хотѣлось возвратиться въ Англію.

Наконецъ Эмми сдѣлала рѣшительный шагъ: она написала письмо къ одному другу своему, находившемуся по другую сторону пролива, — письмо, о которомъ никому не сказала ни слова, и которое сама потихоньку, подъ платочкомъ, отнесла на почту. Она только сильно зарумянилась, когда Джоржъ попался ей на встрѣчу; зато въ тотъ вечеръ она необыкновенно была нѣжна съ нимъ. Возвратившись съ прогулки, ей не хотѣлось выходить изъ своей комнаты. Бекки подумала, что Лодеръ и Рукъ напугали ее.

«Ей нельзя оставаться здѣсь» — разсуждала Ребекка. — «Она непремѣнно должна уѣхать отсюда. Ей нельзя выйти ни за котораго изъ этихъ людей. Дурно было бы со стороны Лодера — рѣшиться на такое дѣло.... Нѣтъ, нѣтъ! пусть она выйдетъ замужъ за бамбуковую трость.... Я постараюсь устроить это....»

И съ этимъ вмѣстѣ Бекки принесла Амеліи чай въ ея спальню. Она застала подругу свою въ бесѣдѣ съ портретами и замѣтила, что она была въ самомъ грустномъ и раздражительномъ состояніи духа. Полковница поставила чай на столъ.

— Благодарю тебя, проговорила мистриссъ Осборнъ.

— Послушай, Амелія, сказала Бекки, подходя къ ней и осматривая ее съ презрительнымъ снисхожденіемъ: — я хочу поговорить съ тобою.... Ты должна уѣхать отсюда; ты должна удалиться отъ преслѣдованій этихъ людей.... Я не хочу, чтобъ ты черезъ нихъ приходила въ замѣшательство; а если ты останешься здѣсь, то они, навѣрное, оскорбятъ тебя. Они — негодяи, люди, которые того-и-смотри, что попадутъ на галеры... Не спрашивай меня, отчего я такъ знаю ихъ.... Я знаю рѣшительно всѣхъ.... Джозъ не можетъ защищать тебя: онъ хотя и толстъ, но слабъ и самъ нуждается въ защитникѣ.... Ты, какъ ребенокъ, безъ няньки жить не можешь. Тебѣ непремѣнно должно выйти замужъ. Въ противномъ случаѣ, ты и твой драгоцѣнный сынъ погибнете.... Слышишь ли, Амелія, ты непремѣнно должна имѣть мужа.... Тебѣ предлагалъ руку одинъ изъ лучшихъ джентльменовъ, какихъ я когда либо видала; но ты отказала ему, — ты — безумное, неблагодарное созданіе!...

— Ахъ, Бекки, Бекки! я употребляла всѣ усилія, чтобы забыть моего Джоржа, но не могла....

Амелія окончила свое признаніе взглядомъ на портретъ....

— Не могла?! ты не могла забыть его?! вскричала Бекки: — этого фанфарона, денди средней руки, безумнаго тщеславца, у котораго ни на волосъ не было ни ума, ни души, и который столько же

Digitized by Google

походилъ на вашего друга съ бамбуковой тростью, сколько и ты на королеву Елизавету! Человѣкъ, которому ты надоѣла, который на каждомъ шагу измѣнялъ тебѣ и который потому только соблюдалъ свою клятву, что Доббинъ принуждалъ его къ тому! Джоржъ самъ признавался мнѣ въ этомъ. Онъ никогда и не думалъ о тебѣ. Передо мною онъ зачастую осмѣивалъ тебя.... Ко всему этому я скажу тебѣ, что спустя недѣлю послѣ вашей свадьбы онъ объяснялся мнѣ въ любви своей.

— Ребекка, это ложь! это гнусная ложь! вскричала Амелія, затрепетавъ.

— Ложь?! такъ посмотри сюда, и ты убѣдишься, что эта ложь не хуже всякой истины, сказала Бекки и за тѣмъ, вынувъ изъ за пояса небольшую бумажку, развернула ее и всунула въ руку Амеліи. — Ты, вѣроятно, знаешь почеркъ Джоржа. Онъ самъ писалъ ко мнѣ эту записку, упрашивалъ меня бѣжать съ нимъ и передалъ ее передъ твоими глазами, наканунѣ того дня, когда его убили.... ну, да и по дѣломъ ему!...

Эмми не слушала своей подруги: она вся углубилась въ чтеніе записки. Это было то самое посланіе, которое Джоржъ вложилъ въ букетъ и отдалъ его Бекки, на балу герцога Ричмондскаго. Мистриссъ Раудонъ говорила правду: Джоржъ, дѣйствительно, упрашивалъ ее бѣжать съ нимъ.

Головка Амеліи склонилась на грудь: и ей еще разъ пришлось поплакать въ этой исторіи.... надо надѣятся, однакожь, въ послѣдній разъ... Между тѣмъ какъ мистриссъ Осборнъ предавалась изліяніямъ сердечной скорби, полковница почтительно стояла передъ ней. Кто можетъ анализировать эти слезы и сказать, горьки онѣ были или сладки? Была ли Амелія дѣйствительно огорчена, такъ какъ въ одну минуту низвергли ея идола и раздробили его передъ ея ногами, или, можетъ, она негодовала на него, что любовью ея пренебрегли, или, наконецъ, не радовалась ли она тому, что преграда, поставленная между ей и ея новой, искренней любовью, устранилась теперь?

«О, теперь меня ничто удержать не можетъ — подумала она. — Теперь я могу любить его всей душой моей.... Да, да! я буду, буду любить его, если только онъ позволитъ мнѣ и проститъ меня.»

Слезы Амеліи продолжались не такъ долго, какъ ожидала Бекки. Мистриссъ Кроули старалась утѣшить свою подругу и въ заключеніе поцаловала ее. Она обходилась съ Эмми какъ съ ребенкомъ и гладила ее по головкѣ.

— Теперь намъ остается только взять перо, чернила и написать къ *нему*, чтобъ онъ сію же минуту пріѣзжалъ сюда.

— Я напишу..., я уже написала къ нему сегодня, поутру, сказала Эмми, раскраснѣвшись до ушей.

Бекки захохотала.... «*Un biglietto*» — запѣла она — «*eccola qua*!», и весь домъ огласился ея звонкимъ голоскомъ.

Digitized by Google

Спустя два дня послѣ этой маленькой сцены, несмотря на погоду бурную и дождливую, несмотря на безсонницу, въ которой Амелія провела всю ту ночь, робко прислушиваясь къ завыванію вѣтра и отъ души сожалѣя о путешествующихъ берегомъ и моремъ, — не взирая на все это, мистриссъ Осборнъ встала довольно рано и принудила сына итти прогуляться съ ней по насыпи. Дождь крупными каплями билъ въ лицо Амеліи въ то время, какъ она прохаживалась по пристани и поглядывала на западный мрачный горизонтъ и на высокія волны, съ шумомъ и пѣной разбивавшіяся о берегъ. Ни Амелія, ни Джоржъ не изъявляли особенной склонности къ разговору; нарѣдка только послѣдній обращался съ нѣсколькими словами къ своей мама, требующей сочувствія и защиты.

— Я думаю, онъ не рѣшится ѣхать по морю въ такую страшную погоду, сказала Эмми.

— А я готовъ пари держать десять противъ одного, что онъ поѣдетъ, отвѣчалъ Джоржъ. — Взгляни сюда, мама: мнѣ кажется, это дымъ отъ парохода.

Дѣйствительно: дымъ широкой и черной полосой разстилался по волнамъ.

Хотя пароходъ и пустился въ море, но легко могло случится, что Доббина не было на немъ, что онъ могъ и не получить письма, и наконецъ даже, что онъ не захотѣлъ пріѣхать. Всѣ эти предположенія и тысячи другихъ опасеній одно за другимъ вкрадывались въ сердце мистриссъ Осборнъ съ тою быстротой, съ какой волны набѣгали на берегъ.

Между тѣмъ пароходъ приближался. Въ рукахъ Джоржа былъ щегольской телескопъ, которымъ онъ управлялъ весьма искусно. Онъ навелъ его на пароходъ и, разсматривая его, дѣлалъ приличныя морскія замѣчанія, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ судно, опускаясь и поднимаясь на волнахъ, быстрѣе и быстрѣе приближалось къ пристани. Вотъ уже на мачтѣ поднимаютъ англійскій флагъ.... Сердце Амеліи бьется ускоренно....

Мистриссъ Осборнъ захотѣлось самой поглядѣть въ телескопъ; но она не видѣла въ немъ ничего, исключая тусклаго кружка, быстро перебѣгавшаго съ одного мѣста на другое.

Джоржъ снова взялъ трубу и снова сталъ разглядывать пароходъ.

— Ахъ, какъ славно онъ пробивается! говорилъ мальчикъ. — Вотъ сейчасъ волна ударитъ его въ носъ. На палубѣ только двое пассажировъ. Одинъ изъ нихъ лежитъ.... въ плащѣ съ краснымъ.... Ура! это Доббинъ!

И вмѣстѣ съ тѣмъ Джоржъ захлопнулъ телескопъ и обвилъ руками мама свою. Что̀жь касается до Эмми, она заранѣе знала, что то былъ Уильямъ. Да и какже иначе! Все, что̀ она ни говорила насчетъ опасеній за его пріѣздъ, было чистѣйшее притворство. Онъ пріѣхалъ бы непремѣнно; онъ обязанъ пріѣхать. Амелія знала это навѣрное.

Digitized by Google

Пароходъ подходилъ къ пристани. Въ то время, какъ наши наблюдатели хотѣли приблизиться къ ней, ноги Эмми задрожали, и она едва могла переступать. Она лучше бы хотѣла упасть на мѣстѣ на колѣни и произнесть свои благодарственныя мольбы.... О, она бы, кажется, всю жизнь произносила ихъ!...

По случаю дурной погоды, на пристани почти никого не было. Нашъ молодой повѣса Джоржъ — и тотъ убѣжалъ домой, такъ что когда джентльменъ въ старомъ плащѣ на красной подкладкѣ выступилъ на берегъ, некому было даже посмотрѣть, что тутъ произошло. Впрочемъ, мы повѣдаемъ, вкратцѣ:

На встрѣчу джентльмена выступила леди въ промоченной насквозь бѣлой шляпкѣ и протянутыми двумя маленькими ручьками. Приблизившись къ нему, она скрылась подъ складками стараго плаща и съ жаромъ цаловала руку джентльмена, между тѣмъ какъ онъ прижалъ ее къ сердцу (которое приходилось какъ разъ надъ головой маленькой леди) и удерживалъ ее отъ паденія. Амелія лепетала что-то въ родѣ этого: «прости.... прости мнѣ, милый Уильямъ.... милый, дорогой, безцѣнный другъ мой.... поцалуй, еще разъ поцалуй...,» и такъ далѣе.....

Высвободившись изъ объятій Уильяма, Эмми все еще крѣпко сжимала его руку и нѣжно смотрѣла ему въ лицо, полное грусти, нѣжной любви и состраданія. Вдовушка поняла, что въ немъ выражался упрекъ, и опустила головку.

— Другъ мой, Амелія! ты во время прислала за мной, проговорилъ Доббинъ.

— Ты никогда не уѣдешь отъ меня, Уильямъ?

— Никогда, никогда! отвѣчалъ онъ и еще разъ прижалъ къ своему сердцу это нѣжное созданіе

Въ то время какъ наша парочка выходила изъ таможни, на встрѣчу имъ бѣжалъ Джоржъ, съ приставленнымъ къ глазу телескономъ, и громкимъ смѣхомъ, выражающимъ привѣтствіе; мальчикъ прыгалъ вокругъ влюбленной четы и всю дорогу до дому выполнялъ разныя забавныя штучки. Джой спалъ еще; Бекки не показывалась (хотя и смотрѣла на идущихъ сквозь гардинки). Джоржъ побѣжалъ похлопотать насчетъ завтрака. Эмми, которой шаль и шляпка переданы были въ коридорѣ мистриссъ Пэйнъ, подошла къ Уильяму, чтобъ разстегнуть его плащь, а мы.... мы, любезные читатели, пойдемъ за Джоржемъ — посмотримъ, какъ станетъ приготовляться для полковника завтракъ. Корабль введенъ въ гавань. Уильямъ овладѣлъ призомъ, за которымъ гонялся всю жизнь. Птичка попалась-таки наконецъ. И вотъ она, склонивъ головку свою на плечо милаго, воркуетъ подлѣ самого сердца Уильяма, съ нѣжными, распущенными, трепещущими крылышками. А Доббинъ только этого и просилъ каждый день и каждый часъ въ теченіи осьмнадцати лѣтъ. Объ этомъ-то онъ постоянно и томился. И вотъ майоръ на верху своего счастія; а съ тѣмъ вмѣстѣ и мы приблизились къ концу послѣдней страницы послѣдней части на-

Digitized by Google

шего романа. Прощай, нашъ добрый другъ полковникъ! да благословитъ тебя Господь, честная, благородная душа! Прощай и ты, милая Амелія! зеленѣй и цвѣти, нѣжная, маленькая паразитка, вокругъ крѣпкаго дуба, къ которому ты прильнула.

Довольная участіемъ своимъ въ вышеупомянутомъ событіи, Ребекка послѣ того никогда не показывалась на глаза полковника и его супруги, — по какой причинѣ, утвердительно сказать не могу: было ли то слѣдствіемъ раскаянія съ ея стороны передъ тѣмъ добрымъ и простосердечнымъ созданіемъ, которое приняло ее, Ребекку, подъ свою защиту при первомъ ея появленіи въ свѣтъ, или потому, можетъ быть, что мистриссъ Раудонъ, вообще, не любила сантиментальныхъ сценъ. «Весьма важныя дѣла требуютъ меня въ Брюге» — говорила она, отправляясь въ это мѣсто. И такимъ образомъ при брачномъ церемоніалѣ нашихъ друзей присутствовали только Джоржъ и его дядя. Когда все кончилось и мальчикъ присоединился къ своимъ родителямъ, Бекки возвратилась утѣшать одинокаго холостяка Джозефа Седли. Континентальная жизнь ему нравилась, какъ сказывалъ самъ онъ, отказываясь отъ радушнаго гостепріимства сестры своей и ея мужа.

Эмми радовалась въ душѣ своей при одной только мысли, что написала къ Уильяму прежде, чѣмъ узнала о роковомъ письмѣ своего мужа.

— Я зналъ давно, что онъ писалъ къ Ребеккѣ, сказалъ Уильямъ: — но могъ ли я употребить это оружіемъ противъ памяти бѣднаго друга моего? — Оно-то и было причиной моихъ страданій, когда....

— Ради Бога, никогда не говори мнѣ объ этомъ, прервала мистриссъ Доббинъ такъ умильно и смиренно, что полковникъ въ ту же минуту перемѣнилъ разговоръ, начавъ разсказывать о Глорвинѣ и любезной Пегги о'Доудъ, съ которыми онъ сидѣлъ, когда получилъ извѣстное достославное посланіе.

— Не пришли ты мнѣ этого письма, заключилъ Уильямъ, засмѣявшись: — кто знаетъ, можетъ быть, Глорвина носила бы теперь мою фамилію....

Въ настоящее время, Глорвина называется мистриссъ майорша Поски. За этого джентльмена она вышла послѣ кончины его первой супруги, принявъ твердое намѣреніе —внѣ знаменитаго... таго полка не искать себѣ руководителя въ жизни. Этого же правила, надо замѣтить, придерживается и леди о'Доудъ. Она, сказываютъ, чрезвычайно привязана къ ...тому полку, и случись что нибудь съ Микелемъ (отъ чего Боже сохрани!), она немедленно возвратится и поддѣнетъ себѣ кого нибудь изъ полковыхъ. Впрочемъ, генералъ-майоръ о сю пору здравствуетъ; живетъ онъ, въ о'Доудстонѣ съ роскошью, держитъ

Digitized by Google

гончихъ и, развѣ только за исключеніемъ сосѣда своего Гоггарти изъ замка Гоггарти, считается лучшимъ человѣкомъ во всемъ графствѣ. Леди о'Доудъ по прежнему продолжаетъ выплясывать *джигъ*. Какъ она, такъ и Глорвина, общимъ голосомъ рѣшили, что Доббинъ *безстыдно* поступилъ съ послѣдней. Однако жребій, выпавшій Поски, утѣшилъ Глорвину, а прекрасный тюрбанъ изъ столицы Франціи — совершенно укротилъ гнѣвъ леди о'Доудъ.

Когда полковникъ Доббинъ оставилъ службу — что совершилось тотчасъ же послѣ женитьбы его — онъ взялъ на аренду премиленькую усадьбу въ Гемпшэйрѣ, недалеко отъ усадьбы Кроули, гдѣ сэръ Питтъ и его семейство, вслѣдъ за состоявшейся въ парламентѣ реформой, проживали постоянно. Вмѣстѣ съ разрушеніемъ надеждъ на пріобрѣтеніе титула пера, пропали также для баронета и мѣста его въ Верхнемъ и Нижнемъ парламентѣ. Эта катастрофа разстроила его здоровье и карманъ; онъ упалъ духомъ и предсказывалъ скорое паденіе королевства Великобританскаго.

Леди Джэйнъ и мистриссъ Доббинъ заключили между собою тѣсный дружескій союзъ. Супруга сэра Питта была воспріемницей новорожденной дочери мистриссъ Доббинъ, принявшей имя своей крестной маменьки. Достопочтеннѣйшій Джемсъ Кроули совершалъ обрядъ крещенія. По смерти своего родителя, онъ занялъ и мѣсто его въ приходѣ. Между Джоржемъ и Раудономъ основалась тѣсная дружба. Въ вакаціонное время они вмѣстѣ ходили на охоту, вмѣстѣ вступили въ Кембриджскій университетъ и ссорились изъ за дочери леди Джэйнъ, въ которую они, безъ всякаго сомнѣнія, были влюблены. — Устроить партію между Джоржемъ и этой молоденькой леди составляло пріятное желаніе обѣихъ матерей, хотя я и слышалъ, что миссъ Кроули была болѣе расположена къ своему кузену.

Имя мистриссъ Раудонъ Кроули никогда не упоминалось ни въ которомъ изъ этихъ семействъ. Имѣлись особенныя причины на то, почему всѣ безмолвствовали относительно ея особы.... Куда бы мистеръ Джозефъ Седли ни поѣхалъ, Бекки всюду слѣдовала за нимъ; этотъ джентльменъ сдѣлался вполнѣ ея рабомъ. Адвокаты полковника увѣдомили его, что мистеръ Джозъ весьма высоко застраховалъ свою жизнь, изъ чего очевидно было, что ему хотѣлось увеличить свои капиталы, чтобъ погасить долги. Онъ получилъ изъ Остъ-Индіи безсрочный отпускъ, и недуги его съ каждымъ днемъ усиливались.

Услышавъ это, Амелія, чрезвычайно встревоженная, просила мужа своего съѣздить въ Брюссель, гдѣ проживалъ тогда Джой, и разъузнать, въ какомъ положеніи находятся дѣла его. Полковникъ весьма неохотно оставилъ свой домъ (потому что былъ совершенно углубленъ въ «Исторію Пунжабы», которая и теперь еще занимаетъ его, и чрезвычайно встревоженъ на счетъ своей маленькой дочери, которую онъ обожаетъ и которая только что оправилась отъ вѣтреной оспы), — Доббинъ, говоримъ мы, поѣхалъ въ Брюссель неохотно, гдѣ и нашелъ Джоза въ одной изъ огромнѣйшихъ отелей города. Мистриссъ

Digitized by Google

Кроули занимала другую половину той же отели; она держала великолѣпный экипажъ, давала балы и жила, вообще, на джентильную ногу.

Весьма натурально, что полковникъ, по прибытіи въ Брюссель, не хотѣлъ видѣться съ этой леди и не находилъ нужнымъ объявлять ей о своемъ пріѣздѣ; онъ сообщилъ объ этомъ, черезъ лакея, кто по секрету, одному только мистеру Седли. Джой просилъ полковника повидаться съ нимъ въ тотъ же вечеръ — когда мистриссъ Кроули отправится на *soirée* и тѣмъ доставитъ имъ возможность переговорить наединѣ. Доббинъ нашелъ зятя своего въ состояніи жалкаго разслабленія и страшно боявшагося Ребекки, хотя Джой и отзывался о ней не иначе какъ съ похвалой. Съ плѣнительнѣйшею вѣрностью ухаживала она за нимъ во время его неслыханныхъ недуговъ, была для него совершенно какъ дочь.

— Но только.... о, ради Бога, пріѣзжай сюда и живи вблизи меня и.... и.... иногда навѣщай меня.... слабо произносилъ несчастный.

При этихъ словахъ брови полковника нахмурились.

— Мы не можемъ этого сдѣлать, Джозъ, сказалъ онъ: — по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, Амелія не можетъ посѣщать тебя.

— Клянусь тебѣ, произнесъ мистеръ Седли, едва переводя духъ: — что Бекки невинна какъ младенецъ и также непорочна, какъ твоя жена.

— Можетъ быть, сказалъ полковникъ угрюмо: — но все же Эмми нельзя пріѣзжать къ тебѣ. Будь мужчиной, Джозефъ, оставь ты эту безчестную связь.... Поѣдемъ домой.... Мы слышали, что дѣла твои запутаны....

— Запутаны?! Кто смѣлъ клеветать на меня?... Весь мой капиталъ находится въ весьма выгодныхъ оборотахъ, Мистриссъ Кроули.... то есть.... я хочу сказать.... деньги мои доставляютъ мнѣ весьма значительную прибыль.

— По этому ты не въ долгу? Зачѣмъ же ты застраховалъ свою жизнь?

— Я думалъ.... такъ, знаешь.... маленькій подарокъ для нея.... въ случаѣ, если со мной приключится что.... А вѣдь тебѣ извѣстно мое слабое здоровье.... Притомъ же.... обыкновенная благодарность.... Всѣ свои деньги я намѣренъ оставить тебѣ.... Согласись самъ, что я могу удѣлить сколько нибудь изъ своихъ доходовъ....

Полковникъ упрашивалъ Джоза сейчасъ же бѣжать, уѣхать въ Индію, куда Бекки, конечно, не рѣшилась бы послѣдовать за нимъ, — однимъ словомъ сдѣлать все, что только могло бы разорвать преступную связь, которой слѣдствія могутъ быть для него пагубными.

Мистеръ Седли всплеснулъ руками и вскричалъ, что онъ возвратится въ Индію, сдѣлаетъ все на свѣтѣ, только не теперь.... И не надо говорить объ этомъ мистриссъ Кроули. «Бѣда, если она узнаетъ: она.... она.... убьетъ меня. Вы еще не знаете, какая она страшная женщина!»

Digitized by Google

— Почему же бы тебѣ не ѣхать со мной вмѣстѣ? спросилъ Доббинъ.

Но у Джоза недоставало храбрости на такой подвигъ.

— Я увижусь съ тобой завтра.... Но ни подъ какимъ видомъ не говори ей, что ты былъ здѣсь. А теперь иди домой: Бекки скоро воротится.

Доббинъ оставилъ зятя, волнуемый мрачными предчувствіями.

Это свиданіе родственниковъ было послѣднее. Спустя три мѣсяца, Седли умеръ въ Ахенѣ. По смерти Джоя открылось, что все состояніе его растрачено въ спекуляціяхъ. Изъ него осталось только двѣ тысячи фунтовъ — сумма, за которую была застрахована жизнь Джозефа, и которую раздѣлили поровну между его любезной сестрой Амеліей, супругой такого-то и проч., и его другомъ и неоцѣненной утѣшительницей во время болѣзни — Ребеккой, женой полковника Раудона Кроули, назначенной исполнительницей духовной.

Директоръ Страхового Общества божился, что такого казуснаго случая еще ни разу не случалось у него, и поговаривалъ о томъ, чтобы послать въ Ахенъ коммиссію — изслѣдовать причину смерти мистера Седли. Общество отказало въ уплатѣ страхового полиса. Но мистриссъ леди Кроули, какъ она титуловала себя, немедленно явилась въ Лондонъ, въ сопровожденіи гг. Бурке, Туртелла и Гэйеса, и требовала отъ Общества немедленной уплаты — и восторжествовала, благодаря содѣйствію вышеупомянутыхъ джентльменовъ. Деньги были выплачены, честное имя Бекки подтверждено. Но полковникъ Доббинъ отослалъ свою половину въ Страховое Общество и строго уклонялся отъ всякаго сообщенія съ Ребеккой.

Раудонъ Кроули умеръ отъ желтой горячки на островѣ Ковентри, любимый и оплакиваемый всѣми его подчиненными. Спустя шесть недѣль послѣ этой печальной катастрофы, скончался и братъ Раудона сэръ Питтъ, вслѣдствіе чего все имѣніе покойнаго перешло во владѣніе нынѣшняго сэра Раудона Кроули, баронета.

Въ свою очередь и баронетъ отказался видѣться съ своей матерью, которой выдаетъ, однакожь, значительное годовое содержаніе, и которая, какъ кажется, весьма богата. Раудонъ постоянно живетъ въ усадьбѣ Кроули, вмѣстѣ съ леди Джэйнъ и ея дочерью, между тѣмъ какъ Ребекка бо́льшею частію обрѣтается около Бата и Челтенэйма, гдѣ пользуется весьма незавидной репутаціей. Что́ дѣлать! и у нея есть свои враги.... Да у кого же нѣтъ ихъ? спросимъ мы, въ отвѣтъ на вопросъ приводя всю жизнь полковницы Кроули, которая теперь упражняется въ дѣлахъ благочестія. Имя ея можно встрѣтить во всѣхъ спискахъ человѣколюбивыхъ обществъ. «Покинутая Яблочница», «Пренебреженная Прачка», «Несчастный Пирожникъ» находятъ въ ней услужливаго друга. Всегда и вездѣ, гдѣ только требуется рука помощи, Бекки является немедленно.... Однажды Доббинъ, Эмми и ея дѣти нечаянно встрѣтились съ ней гдѣ-то въ Лондонѣ. Бекки жеманно потупила глазки и улыбнулась, когда семейство Уильяма бросилось отъ нея въ

Digitized by Google

сторону, — Эмми схватила подъ руку Джорджа (плѣнительнаго молодого человѣка), а полковникъ взялъ на руки свою маленькую Дженъ, которую онъ любилъ болѣе всего на свѣтѣ, болѣе даже, чѣмъ «Исторію Пуржабы», — «даже болѣе, чѣмъ меня» — подумала Амелія, вздыхая. — Однакожь, Доббинъ не произнесъ еще передъ Ameліей слова, которое не выражало бы собой нѣжности и ласки; нельзя сказать и того, чтобъ и она не отвѣчала ему тѣмъ же.

Любезный читатель! воскликнемъ вмѣстѣ: «Vanitas vanitatum et omnia vanitas!» Скажите: кто изъ насъ можетъ назвать себя счастливымъ въ этомъ мірѣ? кто изъ насъ не имѣлъ своихъ исключительныхъ желаній? или: когда эти желанія исполнены, кто изъ насъ оставался доволенъ ими?... Ну, дѣти, довольно! опустимте занавѣсъ: представленіе кончилось....

КОНЕЦЪ.

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
810693
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1916 L

ОБЪ ИЗДАНІИ

СОВРЕМЕННИКА

въ 1851 году.

Современникъ въ 1851 году будетъ издаваться по той же программѣ, въ томъ же объемѣ и въ тѣ же сроки. Что́ же касается до содержанія, то мы послѣдуемъ тому же правилу, какого держались въ предъидущіе три года: представимъ сначала отчетъ о содержаніи «Современника» въ 1850 году: сравнивъ его съ содержаніемъ журнала въ 1849 году, читатели будутъ въ состояніи сами опредѣлить до нѣкоторой степени, могутъ ли они ожидать улучшенія журнала въ будущемъ году.

Планъ, руководящій издателей при изданіи журнала, уже былъ не однажды высказанъ нами, и потому намъ остается только показать, въ какой мѣрѣ осуществлялся онъ въ 1850 году на самомъ дѣлѣ.

Удержавъ за «Современникомъ» названіе журнала «*Литературнаго*», усвоенное ему еще основателемъ его Пушкинымъ, редакція опредѣлила съ самого начала общій, основной его характеръ. Въ журналѣ литературномъ изящная словесность, или беллетристика должна занимать первое мѣсто, должна обращать на себя преимущественное вниманіе редакціи. Поэтому разнообразіе, занимательность и богатство беллетристики должны быть отнесены къ числу важнѣйшихъ условій, отъ которыхъ зависитъ достоинство, а слѣдовательно и самый успѣхъ журнала *литературнаго*. Редакція «Современника» постоянно имѣла въ виду это условіе, постоянно старалась объ улучшеніи

Digitized by Google

отдѣла Словесности, относительно какъ числа, такъ и достоинства входившихъ въ него статей. Правила, которыми она руководилась въ этомъ отношеніи, заключались въ томъ, чтобы отдавать предпочтеніе отечественному передъ иностраннымъ, а изъ послѣдняго допускать только то, что̀ заключаетъ въ себѣ несомнѣнныя литературныя достоинства. Но само собой разумѣется, что какъ достоинство, такъ и самое число помѣщаемыхъ въ журналѣ повѣстей зависитъ не столько отъ редакціи, сколько отъ числа и значенія талантовъ, дѣйствующихъ въ данную минуту на литературномъ поприщѣ. Редакція не можетъ производить сама талантливыхъ писателей, и обвинять ее за ихъ недостатокъ было бы странно и несправедливо. Но редакція журнала можетъ и должна стараться о томъ, чтобы существующіе, извѣстные публикѣ таланты не отказывали ей въ своемъ содѣйствіи. На ней же лежитъ обязанность заботливо слѣдить за вновь появляющимися дарованіями и служить посредникомъ между ними и публикою. Въ исполненіи этихъ двухъ обязанностей «Современникъ» сдѣлалъ все, что̀ только можно было сдѣлать. Въ этомъ отношеніи достаточно исчислить повѣсти и разсказы, помѣщенные въ первыхъ осьми книжкахъ нашего журнала на 1850 годъ. Нѣкоторыя изъ этихъ повѣстей принадлежатъ писателямъ, уже извѣстнымъ публикѣ, уже успѣвшимъ составить себѣ литературное имя. Онѣ доказываютъ ясно, что почти всѣ даровитые бѣллетристы настоящаго времени участвуютъ въ «Современникѣ» и украшаютъ страницы его своими произведеніями. Вотъ перечень бѣллетристическихъ произведеній, напечатанныхъ въ осьми (*) №№ «Современника» этого года.

1) *Я. Записки Тамарина.* Повѣсть въ двухъ частяхъ М. В. Авдѣева.

2) *Племянница.* Романъ Евгеніи Туръ (**).

3) *Необдуманный шагъ.* Разсказъ Н. Н. Станицкаго.

4) *Странная ночь.* Комедія въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ. Алексѣя Жемчужникова.

5) *Скрыпка.* Повѣсть въ двухъ частяхъ А. И. Кронеберга.

6) *Новоизобрѣтенная, привилегированная краска братьевъ Дирлингъ и К°.* Неправдоподобный разсказъ Н. А. Некрасова.

7) *Дачный разсказъ.* Д. С. Чернышева.

8) *Мелкія неудачи.* Повѣсть І. Ш—на.

(*) Для этой книжки также была набрана русская повѣсть; но редакція, не желая задерживать книжки, отложила эту повѣсть до слѣдующаго нумера, въ которомъ мы помѣстимъ ее вмѣстѣ съ другою повѣстью.

(**) Этотъ романъ еще не оконченъ авторомъ.

Прим. Ред.

Digitized by Google

9) *Минутное увлеченіе*. Разсказъ.

10) *Причуды*. Комедія П. Н. Мекшикова.

11) Стихотворенія Н. Щербины и Н. Некрасова.

Тѣ изъ извѣстныхъ нашихъ повѣствователей, которыхъ произведенія еще не были въ «Современникѣ» нынѣшняго года, появятся въ послѣднихъ книжкахъ. Что касается до отдѣла Иностранной Словесности, то въ немъ покуда помѣщены были два романа: «Денежный бракъ», переведенный съ французскаго г. Кронебергомъ, и «Ярмарка Тщеславія» Теккерея — романъ, принадлежащій къ числу самыхъ замѣчательныхъ произведеній этого даровитаго англійскаго писателя, и сверхъ того переводятся «Признанія Ламартина». Читатели знаютъ, что настоящее время бѣдно поэтическими талантами; но и въ этомъ отношеніи редакція сдѣлала все, что было можно: въ началѣ 1850 года появился г-нъ Щербина съ небольшою книжкою стихотвореній, въ которыхъ единогласно и публикою и критикою признанъ былъ замѣчательный поэтическій талантъ, и редакція поспѣшила пріобрѣсть сотрудничество г. Щербины для своего журнала.

Переходимъ къ отдѣлу «Наукъ и Художествъ».

Оставаясь во всемъ вѣрнымъ своему основному характеру журнала литературнаго, «Современникъ» имѣлъ постоянно въ виду сообщать болѣе живости самому отдѣлу наукъ, помѣщая въ немъ только такія статьи, которыя съ общедоступностію содержанія соединяли бы легкость изложенія. Редакція въ этомъ случаѣ никогда не раздѣляла и не будетъ раздѣлять того схоластическаго образа мыслей, по которому всякое стремленіе сблизить теорію съ жизнію и дать ученой мысли изящную литературную форму считается униженіемъ для науки, посягательствомъ на права ея и достоинство. Она полагаетъ, что подобныя требованія не соотвѣтствуютъ уже нынѣшнему значенію науки, общедоступность которой составляетъ одно изъ самыхъ характеристическихъ отличій и высшихъ достоинствъ современнаго образованія. На этомъ основаніи, редакція «Современника» всегда отдавала и будетъ отдавать предпочтеніе тѣмъ ученымъ статьямъ, которыя можетъ читать всякій, даже и не спеціяльно знакомый съ ихъ предметомъ. Исключеніе въ этомъ случаѣ мы допускали только для статей, имѣвшихъ цѣлью разработку свѣдѣній, относящихся до прошедшаго и настоящаго быта великаго нашего отечества. Въ этомъ отношеніи каждый дѣльный трудъ казался намъ драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ, и для журнала и для науки. Такого рода трудамъ, несмотря даже на спеціяльность ихъ содержанія, смѣло и охотно давали мы мѣсто на страницахъ «Современника». Важность отечественной исторіи и отечественной

Digitized by Google

статистики, и всеобщій интересъ, возбуждаемый этими предметами въ читающей публикѣ, даютъ намъ полное право надѣяться, что наши читатели вполнѣ одобрятъ побужденія, руководившія нами при помѣщеніи такого рода статей. Такъ, напримѣръ, помѣстивъ въ третьей книжкѣ «Современника» «Вѣдомость о народонаселеніи Россіи, составленную, по всеподданнѣйшимъ отчетамъ губернаторовъ, при статистическомъ отдѣленіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ», г-мъ А. К., мы увѣрены, что читатели наши вполнѣ оцѣнили значеніе матеріяла, которымъ въ первый разъ обнародованы были оффиціяльныя свѣдѣнія о предметѣ, составляющемъ существенную основу всѣхъ статистическихъ трудовъ. Живая ученая полемика, возбужденная появленіемъ этой «Вѣдомости», всего яснѣе указываетъ на важное мѣсто, принадлежащее ей въ мірѣ науки. Точно также и въ настоящей книжкѣ нашего журнала читатели найдутъ, хотя и совершенно спеціяльное, но тѣмъ не менѣе весьма важное по своему предмету и занимательное по своимъ выводамъ, изслѣдованіе о Несторѣ, принадлежащее одному изъ знатоковъ русской исторіи, давно уже извѣстному публикѣ плодами своихъ добросовѣстныхъ трудовъ. Наконецъ мы должны упомянуть о сочиненіи г. Пежемскаго: «Панорама Иркутской губерніи», заключающемъ въ себѣ столько занимательныхъ и новыхъ подробностей объ исторіи и современномъ состояніи обширнаго и столь мало еще извѣстнаго края. За тѣмъ главное мѣсто въ этомъ отдѣлѣ принадлежало статьямъ, касающимся разныхъ отраслей знанія и имѣющимъ общую занимательность. Такъ читатели видѣли здѣсь статьи г. профессора Грановскаго о «Нибурѣ», сочиненіе г. профессора Куторги «Исторія Папской Власти» и его же статью о «Периклѣ», три статьи г-на Х—го «О Волшебствѣ и Натуральной магіи», и нѣкоторыя другія.

Наконецъ, читатели «Современника» не могли не замѣтить, что кромѣ означенныхъ статей весьма значительное мѣсто какъ въ отдѣлѣ Наукъ, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ отдѣлахъ дано было статьямъ, относящимся къ исторіи литературы, какъ русской, такъ вообще европейской, какъ древней, такъ и новѣйшей. Важность этого рода статей, особенно въ настоящее время, не подлежитъ сомнѣнію. Главное достоинство ихъ заключается въ двойственномъ ихъ характерѣ — въ тѣсномъ соединеніи значенія ученаго съ литературнымъ. Изслѣдованія, относящіяся къ области литературной исторіи, имѣютъ равную цѣну и для ученыхъ и для любителей легкаго чтенія. Кромѣ того предметъ этотъ такъ обширенъ и разнообразенъ, онъ соединяетъ въ себѣ столько занимательныхъ сторонъ, что всякій журналъ,

Digitized by Google

который рѣшится посвятить себя преимущественно его разработкѣ, можетъ быть увѣренъ, что не утомитъ своихъ читателей однообразіемъ. Біографіи великихъ писателей, оцѣнка историческаго ихъ значенія, очерки литературной ихъ дѣятельности, общіе выводы о законахъ искусства, все это входитъ въ область литературной исторіи, науки, обнимающей собой всѣ времена и опредѣляющей рѣзче всѣхъ другихъ основной характеръ каждаго народа. На этомъ основаніи, статьямъ, относящимся къ этой области, мы дали въ нашемъ журналѣ такое значительное мѣсто, какого не давалъ имъ до сихъ поръ ни одинъ изъ нашихъ журналовъ. Такъ въ отдѣлѣ Наукъ читатели видѣли по этому предмету: 1) шесть статей П. Рѣдькина, содержащихъ въ себѣ подробную біографію Байрона; 2) статью г. Д. о Жизни и Поэзіи Катулла и 3) статью г. Ордынскаго о Ѳеофрастѣ. Кромѣ того мы посвятили цѣлый отдѣлъ «Иностранной Литературы» въ нашемъ журналѣ обзорамъ знаменитѣйшихъ иностранныхъ романовъ, стараясь въ обзорахъ этого рода соединить критическую оцѣнку литературныхъ произведеній съ историческими свѣдѣніями о жизни ихъ авторовъ. Такимъ образомъ мы помѣстили пять статей г. Д.: о «Клариссѣ Гарловъ» и Ричардсонѣ, о «Векфильдскомъ Священникѣ» и Гольдсмитѣ, о романѣ графа де Трессана «Исторія маленькаго Жана де Сентре и дамы его сердца», и о рыцарскихъ романахъ вообще, наконецъ о г-жѣ Радклиффъ и объ ея подражателяхъ, и нынѣ печатаемъ статью о Бальзакѣ, недавно умершемъ; готовимъ статью о Матюринѣ и его романѣ «Мельмотъ-Скиталецъ», и о мн. др. (*). Но, помѣщая характеристики иностранныхъ сочинителей, мы не забывали въ тоже время и о нашихъ отечественныхъ писателяхъ. Въ отдѣлѣ «Критики» читатели наши видѣли между прочимъ подробный разборъ изданныхъ г. Смирдинымъ сочиненій Кострова и большія статьи по поводу Одиссеи, переведенной В. А. Жуковскимъ, и греческихъ стихотвореній г-на Щербины. Наконецъ, въ отдѣлѣ «Смѣси», подъ общимъ заглавіемъ «Русскіе второстепенные поэты», помѣщено было нѣсколько статей, имѣвшихъ цѣлью напомнить публикѣ дарованія, несправедливо ею забытыя, и представить по возможности точную характеристику каждаго изъ нихъ. Эти статьи, равно какъ и статьи о замѣчательнѣйшихъ иностранныхъ романахъ и ихъ авторахъ, будутъ время отъ времени продолжаться и въ слѣдующемъ году, — и вообще на будущее время редакція «Современ-

(*) Печатаніе этого рода статей пріостановлено было потому, что редакція желала поскорѣе окончить романъ «Ярмарка Тщеславія», находя весьма справедливымъ неудовольствіе нѣкоторыхъ читателей на то, что большія произведенія разбиваются въ нѣкоторыхъ журналахъ на слишкомъ малые отрывки и долго тянутся.

Digitized by Google

ника» останется вѣрною принятому ею плану. Исторіи литературы будетъ сохранено то значительное мѣсто, которое удѣляла ей до сихъ поръ редакція. Сверхъ того, независимо отъ статей объ иностранныхъ писателяхъ, мы будемъ иногда печатать статьи о русскихъ романистахъ и повѣствователяхъ, сошедшихъ уже съ поприща литературнаго или оканчивающихъ его. Нѣтъ сомнѣнія, что романы Нарѣжнаго, Степанова, Полевого, Загоскина, Лажечникова, Барона Брамбеуса и нѣк. др. могутъ подать поводъ къ весьма интереснымъ этюдамъ о русской литературѣ. Наконецъ редакція начнетъ въ послѣднихъ книжкахъ нынѣшняго года или въ первыхъ слѣдующаго печатаніе цѣлаго ряда статей объ *исторіи русской журналистики*.... Статьи эти будутъ заключать въ себѣ подробные этюды о разныхъ эпохахъ нашей журналистики; сверхъ того отдѣльныя монографіи посвящены будутъ нѣкоторымъ изъ журналовъ, особенно замѣчательнымъ по своему достоинству или историческому значенію, напр. «Ежемѣсячнымъ сочиненіямъ» Миллера, «Благонамѣренному», «Сыну Отечества», «Вѣстнику Европы», «Московскому Телеграфу», «Телескопу» и друг.

Въ отдѣлѣ «Критики и Библіографіи» редакція «Современника» держалась того правила, что серьёзнаго, основательнаго разбора заслуживаютъ только серьёзныя, основательныя книги. По этой причинѣ, о бо́льшей части выходившихъ книгъ она помѣщала только небольшія рецензіи, находя совершенно неумѣстнымъ распространяться съ педантической подробностію о самыхъ пустыхъ и мелочныхъ книжкахъ. Относительно самого содержанія рецензій, редакція всегда старалась, чтобы въ нихъ точно означаемы были содержаніе книги, ея достоинства и недостатки. Но при этомъ она старалась избѣгать плодовитыхъ и неумѣстныхъ отступленій, этой школьной замашки, къ которой привыкли рецензенты нѣкоторыхъ журналовъ. Что̀ касается до книгъ серьёзныхъ и основательныхъ, до трудовъ добросовѣстныхъ и дѣльныхъ, то имъ посвящались обыкновенно большія статьи, которыя писались людьми спеціяльными и содержали въ себѣ часто новыя, самостоятельные взгляды на многіе изъ ученыхъ вопросовъ. Мы уже говорили о подробности, съ которою разбирались въ нашемъ журналѣ чисто-литературныя произведенія; замѣтимъ еще, что не менѣе подробно разбирались въ немъ и тѣ сочиненія, которыя, принадлежа по содержанію своему къ отечественной исторіи, заслуживали особеннаго вниманія или по важности ихъ предмета или по новости и основательности содержавшихсъ въ нихъ выводовъ. Перечень всѣхъ статей, помѣщенныхъ въ отдѣлѣ критики, всего лучше докажетъ справедливость нашихъ словъ. Въ теченіи девяти первыхъ

Digitized by Google

мѣсяцевъ нынѣшняго года, мы напечатали въ отдѣлѣ «Критики» десять статей, а именно:

1) *Обозрѣніе русской литературы за 1849 годъ.* Въ двухъ статьяхъ.

2) *Одиссея и журнальные толки о ней. Новыя стихотворенія В. А. Жуковскаго.* Въ двухъ статьяхъ.

3) *Разсужденіе о ельсиновой внемуте, написанное В. Вилувымъ.* — *Разсужденіе объ опредѣленіи вѣса атома нѣкоторыхъ простыхъ тѣлъ, написанное Генрихомъ Струве.* Статья П. А. Ильенкова.

4) *Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, изд. Калачовымъ. Книжка первая.* Статья А. Н. Аѳанасьева.

5) *Латинскіе императоры въ Константинополѣ и ихъ отношенія къ независимымъ владѣтелямъ греческимъ и туземному народонаселенію вообще. Историческое изслѣдованіе П. Медовикова.* Статья Т. Н. Грановскаго.

6) *О поклоненіи Зевсу въ древней Греціи. Соч. П. Леонтьева.*

7) *Греческія Стихотворенія И. Щербины.*

8) *Обзоръ дѣйствій Департамента Сельскаго Хозяйства въ теченіи пяти лѣтъ, съ 1844 по 1849 годъ.* Статья А. Н. Егунова.

9) *Объ историческомъ значеніи царствованія Бориса Годунова. Соч. И. Павлова.*

10) *Отвѣтъ на новый вопросъ о Несторѣ, лѣтописцѣ русскомъ.* Соч. П. Б.

Сверхъ того нѣсколько большихъ критическихъ статей помѣщено было въ отдѣлѣ «Библіографіи». Не перечисляя поименно всѣхъ напечатанныхъ нами рецензій, замѣтимъ, что если въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ и не были разобраны всѣ вышедшія въ теченіи года книги, то зато не было опущено ни одной книги, сколько нибудь замѣчательной по своему содержанію или достоинству, за исключеніемъ развѣ книгъ совершенно спеціяльныхъ, напримѣръ, медицинскихъ или математическихъ. Что касается до сочиненій по части русской исторіи, то мы можемъ смѣло сказать, что *всѣ* они были разобраны съ большею или меньшею подробностію въ нашемъ журналѣ. Замѣтимъ также, что «Современникъ» принялъ за правило помѣщать обозрѣнія статей, находящихся въ нашихъ губернскихъ вѣдомостяхъ, — статей весьма интересныхъ и важныхъ, а между тѣмъ остающихся мало извѣстными большинству читающей публики. Что касается до будущаго времени, то редакція намѣрена держаться и въ этомъ отношеніи тѣхъ же правилъ, которыхъ держалась она до сихъ поръ. Кромѣ статей о книгахъ,

Digitized by Google

вновь выходящихъ, въ началѣ будущаго года, помѣщено будетъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, подробное обозрѣніе русской литературы за 1850 годъ. Такъ какъ въ обозрѣніи 1850 года преимущественное вниманіе обращено было на ученыя сочиненія и статьи, то въ предстоящемъ теперь обозрѣніи будутъ разсмотрѣны съ особенною подробностью собственно-беллетристическія произведенія, при чемъ, однако, и ученая часть литературы 1850 года не будетъ упущена изъ виду.

Отдѣлъ «Смѣси» редакція «Современника» старалась сдѣлать по возможности живымъ, разнообразнымъ и легкимъ. Предпочитая и въ этомъ случаѣ отечественное иностранному, она не хотѣла исключительно пользоваться богатымъ запасомъ, представляемымъ въ этомъ отношеніи иностранными газетами и журналами. Изъ послѣднихъ она заимствовала только тѣ извѣстія, которыя могли имѣть дѣйствительный интересъ для русскихъ читателей, или тѣ статьи, которыя, подобно заслужившимъ всеобщее одобреніе «Разсказамъ о Вандименовой землѣ», могли доставить публикѣ легкое и вмѣстѣ съ тѣмъ полезное чтеніе. Съ ходомъ русской журналистики и съ самыми замѣчательными ея явленіями мы знакомили нашихъ читателей посредствомъ «Писемъ иногороднаго подписчика», которыхъ постоянный успѣхъ вполнѣ оправдывается изящной легкостью и богатствомъ разнообразныхъ свѣдѣній ихъ даровитаго автора. Не говоря о множествѣ другихъ мелкихъ статей, принадлежащихъ къ отдѣлу «Смѣси», напомнимъ читателямъ статьи объ Итальянской Оперѣ г. В. Боткина, разсказы «Княжна Нелли», «Часы» (*), — наконецъ, «Провинціяльныя письма» г. П. А—ва, которыя, кромѣ несомнѣннаго достоинства формы, заключаютъ въ себѣ множество живыхъ и оригинальныхъ замѣтокъ о нравахъ русскаго народа и о нѣкоторыхъ замѣчательныхъ особенностяхъ русской жизни.

Мы представляемъ самимъ читателямъ вывести окончательное заключеніе изъ этого краткаго отчета о дѣйствіяхъ редакціи «Современника» въ 1850 году. Ко всему сказанному считаемъ необходимымъ прибавить только одно замѣчаніе. Если, какъ мы надѣемся, сравненіе содержанія «Современника» 1850 года съ прошлогодними книжками того же журнала убѣдитъ читателей въ постоянномъ его усовершенствованіи, въ постоянномъ стремленіи редакціи пріобрѣтать новыхъ сотрудниковъ и распространять кругъ своихъ дѣйствій, то цѣль наша будетъ вполнѣ дости-

(*) Читатели поймутъ, что скорѣйшее или медленное продолженіе этихъ разсказовъ зависитъ вполнѣ отъ авторовъ, обѣщавшихъ редакціи писать, и не будутъ въ претензіи на редакцію, что этихъ разсказовъ помѣщено пока еще только два.

Digitized by Google

гнута. Улучшеніе, которое замѣтили читатели въ нынѣшнемъ году, можетъ послужить имъ залогомъ постояннаго стремленія редакціи къ усовершенствованію своего журнала и на будущее время. Въ слѣдующемъ году «Современникъ» сохранитъ тѣхъ же самыхъ сотрудниковъ, которымъ обязанъ онъ былъ до сихъ поръ своимъ успѣхомъ, и надѣется пріобрѣсти сотрудничество и нѣкоторыхъ другихъ, еще неучаствовавшихъ въ немъ писателей. Оставаясь во всѣхъ отношеніяхъ вѣрною принятому ею съ самого начала плану, редакція будетъ принимать всѣ возможныя мѣры для того, чтобы дѣйствительное исполненіе этого плана становилось съ каждымъ днемъ совершеннѣе. Что касается до отдѣла беллетристики, то мы теперь же можемъ сказать положительно, что въ слѣдующемъ году онъ будетъ богаче и обширнѣе, ибо мы уже имѣемъ для этого отдѣла много матеріяловъ; тѣ изъ объявленныхъ уже повѣстей, которыя мы не успѣемъ напечатать въ послѣднихъ книжкахъ нынѣшняго года, непремѣнно войдутъ въ первыя же книжки слѣдующаго. Нѣкоторыя изъ улучшеній, которыя намѣрены мы ввести въ нашъ журналъ по другимъ отдѣламъ, означены были выше.

«Современникъ» въ 1851 году будетъ выходить въ томъ же объемѣ, то есть книжками отъ 20 до 25 печатныхъ листовъ и болѣе, перваго числа каждаго мѣсяца и сохранитъ ту же самую наружность, какую принялъ съ самого начала своего преобразованія. При каждой книжкѣ будетъ прилагаться гравированная на мѣди и раскрашенная въ Парижѣ картинка модъ (изъ журнала *Les Modes Parisiennes*). Теперь намъ остается сказать только о разсылкѣ «Современника» въ провинціи. Но объ этомъ на сей разъ говорить много нечего. Получающіе нашъ журналъ знаютъ, что эта часть приведена нами въ надлежащее устройство; а тѣ, которые имѣли непріятность получить несвоевременно какую нибудь книжку, вѣроятно засвидѣтельствуютъ, что мы не скупились въ этомъ отношеніи и тотчасъ спѣшили выслать неполучившему новую книжку. Но и такихъ было чрезвычайно мало. Въ теченіи 1850 года редакція и конторы журнала получили жалобы только отъ *шести лицъ* на неисправную доставку. Если взять въ расчетъ число подписчиковъ на журналъ, то эта цыфра, конечно, менѣе чѣмъ незначительна. Ту же аккуратность въ доставкѣ журнала обѣщаемъ нашимъ подписчикамъ и на слѣдующій годъ.

Digitized by Google

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Цѣна за годовое изданіе «Современника», состоящее изъ двѣнадцати книжекъ (отъ 20 до 25 печ. листовъ въ каждой), съ двѣнадцатью гравированными на мѣди и раскрашенными въ Парижѣ картинками модъ — **ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ** безъ пересылки; за пересылку и доставку на домъ прилагается особо **ПОЛТОРА РУБЛЯ СЕРЕБРОМЪ**.

ПОДПИСКА *ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО* ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ Конторѣ Современника, *на Невскомъ Проспектѣ, у Казанскаго Моста, въ домѣ г-жи Энгельгардъ, при книжномъ магазинѣ Ѳед. Вас. Базунова.*

ВЪ МОСКВѢ:

Въ Конторѣ Современника, *на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ Университетской типографіи, при книжномъ магазинѣ комиссіонера Императорскаго Московскаго Университета И. В. Базунова.*

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями, надписывая ихъ: *Въ Контору Современника, въ С. Петербургѣ*, или *въ Газетную Экспедицію С. Петербургскаго Почтамта.*

За *непремѣнное* и *немедленное* исполненіе *такимъ образомъ адресованныхъ* требованій редакція *можетъ вполнѣ ручаться*, и потому проситъ иногородныхъ подписчиковъ, во избѣженіе неисправности, жалобъ и переписки, обращаться *исключительно* въ одну изъ конторъ журнала или въ Газетную Экспедицію Спб. Почтамта. О выходѣ каждой книжки будетъ публиковано въ газетахъ обѣихъ столицъ....

Въ заключеніе, редакція покорнѣйше проситъ гг. иногородныхъ доставлять свои требованія на журналъ заблаговременно, чтобъ можно было знать, сколько экземпляровъ печатать на слѣдующій годъ, и имѣть возможность безошибочно распорядиться количествомъ модныхъ картинокъ, о которомъ необходимо дать знать въ Парижъ заблаговременно....

Редакторъ и издатель **И. ПАНАЕВЪ.**
Издатель **Н. НЕКРАСОВЪ.**

Digitized by Google

ПРИЗНАНІЯ ЛАМАРТИНА.

24.

Жизнь, которую мы вели тогда въ Маконѣ, въ кругу нашей семьи, родственниковъ отца и городского общества, была однообразна, правильна и расчитана по часамъ. Такая жизнь могла остановить хоть воду въ англійскихъ источникахъ, только-что мной посѣщенныхъ, или взорвать, невыносимой скукой, безпокойную душу молодого человѣка, жаждущаго простора, полнаго энергіи и лишеннаго между тѣмъ всякой дѣятельности.

Запершись въ своей комнатѣ съ книгами и собакой, я оставался въ ней до обѣда, къ которому звонили обыкновенно въ полдень. Послѣ обѣда мы всѣ почтительно отправлялись въ залу большого дома къ прочимъ членамъ семейства. Здѣсь мы находили дядюшку и тетушекъ, которые разговаривали, читали или вязали послѣ обѣда. Это былъ страшный часъ, часъ замѣчаній и упрековъ, падавшихъ на бѣдную матушку за самыя легкія ошибки ея дѣтей. Тетки мои были добры, но онѣ были праздны и слѣдовательно немножко мелочны. Онѣ любили матушку, даже почитали ее, на насъ смотрѣли, какъ на собственныхъ дѣтей; но онѣ хотѣли имѣть только права и отклоняли отъ себя материнскія заботы. Я забылъ было на-

Digitized by Google

писать ихъ портреты, такъ что семейная картина моя осталась бы неполна. Возвратимся же къ ней.

Старшая изъ тетокъ называлась мадмуазель де-Ламартинъ; характеръ у нея былъ самый кроткій. Она была любимица своей матери, царица дома при моей бабушкѣ, которая смягчалась только для нея, опекунша младшихъ своихъ сестеръ, посредница между братьями; всѣ любили ее. Хотя она лѣтъ до двадцати-осьми или тридцати была очень хороша собою, и хотя было много искателей ея руки, по причинѣ ея красоты, прекраснаго характера и состоянія, однако же она отказалась отъ замужства, чтобы быть при своей матушкѣ до послѣдней минуты ея жизни. Она ухаживала за нею и служила ей. По смерти матери уже было поздно — тетушка уже состарѣлась: революція удалила изъ отечества единственнаго человѣка, котораго она любила любовью самою чистою. Тогда она привязалась къ своему старшему брату, ввѣрила ему управленіе своимъ имѣніемъ, которое соединила съ его собственнымъ, — хозяйничала въ его домѣ, какъ и прежде, управляла слугами, участвовала въ его добрыхъ дѣлахъ и употребляла все время, всю свою независимую жизнь на благочестивыя занятія. Она была слаба, блѣдна и томна; прекрасные глаза и восхитительная улыбка напоминали ея прежнюю красоту; голосъ ея былъ также слабъ, томенъ, проникнутъ любовью. На лицѣ всегда виденъ былъ отпечатокъ набожности и размышленія о предметахъ святыхъ; изъ этого состоянія она выходила только снисходя къ брату. Половину дня, по крайней мѣрѣ, она проводила въ церквахъ, у подножія алтарей; казалось, блѣдный, желтоватый блескъ свѣчей запечатлѣлся на ея челѣ.

Другая, которую, какъ я уже сказалъ, называли госпожею Вильяръ, была характера болѣе мужского, чѣмъ мужчина, и болѣе энергическаго, чѣмъ какой нибудь герой, и вмѣстѣ съ тѣмъ она была дѣятельнѣе, властолюбивѣе и порывистѣе вьюги; она была великодушна и откровенна, всегда готова исправить щедрыми благодѣяніями и безмѣрною преданностію семейству ошибки, или, скорѣе, вспыльчивость своего характера, отъ которой не могла удержаться; издали — ее любили, потому что своенравіе ея скрывалось тогда за ея хорошими качествами; вблизи — ее страшились, потому что рѣзкіе, мелкіе недостатки характера становились слишкомъ чувствительны при постоян-

Digitized by Google

ныхъ сношеніяхъ съ нею. Ее можно сравнить съ жосткою, шероховатою кожею, покрывающею прекрасныя формы: женщины въ такой кожѣ прекрасны только издали.

Въ молодости она была не такъ мила и пріятна, какъ ея сестра, но зато была умнѣе, живѣе и образованнѣе. Въ предъидущемъ поколѣніи она пріобрѣла репутацію умной женщины и отстаивала ее съ отчаяннымъ кокетствомъ. Въ общей залѣ разговоръ по бо́льшой части вела она и поддерживала его, когда онъ падалъ, какъ дѣйствующія лица на сценѣ, предлагающія необходимый вопросъ или дѣлающія возраженіе, на которомъ основанъ весь ходъ пьесы. На пятнадцатомъ году ее заставили поступить въ общество капоницъ, которымъ воспрещался бракъ, но позволялось жить въ свѣтѣ. Такимъ образомъ, ея собственное стремленіе, ея желанія подверглись нравственному насилію; въ сердцѣ своемъ она не переставала роптать на жизнь, къ которой была осуждена еще задолго до возраста размышленія и твердой воли. Когда революція отворила двери монастырей, тогда уже было поздно думать о замужствѣ: тетушкѣ уже было за тридцать лѣтъ.

25.

Во время послѣ-обѣденныхъ разговоровъ, когда все семейство по долгу собиралось въ домѣ дяди, она принимала на себя тонъ докучливой строгости доктора или казуиста; разговоръ ея часто былъ очень колокъ и оскорбителенъ для матушки. Весь онъ состоялъ изъ наставленій, намековъ, уроковъ, упрековъ, горькой иронія, касательно предметовъ самыхъ ничтожныхъ; иногда она смѣялась надъ воспитаніемъ сестеръ, слишкомъ изящнымъ, надъ нарядами, которые находила черезчуръ изысканными; намекала на наши расходы, превышавшіе, какъ говорила, ограниченныя средства батюшки; то разсуждала о нѣкоторыхъ лицахъ, слишкомъ *плебейскаго* происхожденія, которыхъ мы у себя принимали, — то о назидательныхъ книгахъ, которыя читались въ нашемъ домѣ; то о крайней терпимости мнѣній, — то о слабости батюшки и матушки ко мнѣ, о моихъ частыхъ отлучкахъ, пребываніи въ Парижѣ или о поѣздкахъ за границу, которымъ матушка помогала не по средствамъ семейства. Матушка

Digitized by Google

сначала слушала съ терпѣніемъ истинно удивительнымъ весь этотъ ежедневный разборъ совѣсти, дѣлаемый двумя золовками и дѣверемъ; она извинялась, оправдывалась, возражала ловко, скромно и пріятно; но если при возраженіи случалось, что съ устъ ея слетало оборонительное слово, немножко рѣзкое, пре-кословіе оживлялось, разговоръ становился жарче, сердитѣе; три антагониста, которыхъ она всегда соединяла передъ собою, сли-вались въ одинъ умъ, въ одинъ голосъ и осуждали матушку, каждый согласно съ своимъ характеромъ, — дядюшка, какъ че-ловѣкъ, имѣющій власть, мадмуазель де-Ламартинъ съ обычной кротостью, а г-жа Вильяръ съ упорствомъ и запальчивостію. Ма-тушка огорчалась, потому что дѣло шло о ея дѣтяхъ, иногда воз-мущалась, всего чаще плакала отъ этихъ несправедливостей: я съ живостію и горячностію принимала ея сторону; въ моихъ полу-словахъ видна была вся злость противъ утѣсненій, глухо отзывавшихся въ моей груди. За тѣмъ слѣдовали объясненія, всѣ успокоивались, извинялись другъ передъ другомъ, женщины мѣнялись нѣсколькими слезами и ласками, потомъ расходились, болѣе или менѣе въ мирѣ и согласіи, а на завтра — тѣже стычки, тѣже обвиненія и опять примиреніе всего семейства.

Вотъ что принуждена была терпѣть ежедневно бѣдная мать, женщина выше другихъ во всѣхъ отношеніяхъ, гордая и достойная, и все это терпѣла она въ видахъ пользы для будущ-ности своихъ дѣтей, зависѣвшей отъ этихъ трехъ стар-шинъ въ семействѣ. Часъ этотъ мы называли часомъ муки и старались, по выходѣ изъ дома дяди, отплатить ему, удвои-вая нѣжность нашу къ матушкѣ, потому что на нее всегда изъ за насъ, и изъ за меня въ особенности, обрушивалось дурное расположеніе духа дяди и тетокъ. Впослѣдствіи такое располо-женіе, бывшее въ сущности только слѣдствіемъ праздности и род-ственной немножко самоуправной и суетливой заботливости, за-мѣнилось въ нихъ чувствами и благодѣяніями, которыя сдѣлали намъ изъ этихъ тетокъ и дядей вторыхъ матерей и отцовъ.

26.

Послѣ этого суроваго засѣданія, длившагося часъ или два, въ продолженіи которыхъ мы нетерпѣливо считали на цыфер-

Digitized by Google

блатѣ каминныхъ часовъ минуты, тянувшіяся неимовѣрно долго, — матушка уходила къ себѣ съ дочерьми, чтобы присутствовать при урокахъ, или принимала безконечныя посѣщенія городскихъ гостей, предпочитавшихъ ея домъ и мягкій, нѣжный разговоръ ея — величавой суровости длиннаго отеля. Батюшка отправлялся поиграть въ шахматы или на партію триктракъ или бостона къ какой нибудь вдовствующей старушкѣ, старожилкѣ Макона, или къ какому нибудь офицеру изъ своего полка, женившемуся и, подобно ему, поселившемуся, послѣ эмиграціи, въ родномъ городѣ. Что до меня касается, то я поднимался въ свою комнату или же шелъ одинъ, задумчивый, гулять по пустыннымъ тропинкамъ, перерѣзывающимъ поля, лежащія за больницею. Оттуда видѣются городскія крыши, теченіе Саоны, ея необозримые луга, подобные дунайскимъ степямъ по дорогѣ изъ Сербіи въ Венгрію, и наконецъ Юра и Альпы,—Альпы, отъ которыхъ не могъ оторваться взоръ мой, какъ не могутъ оторваться взоры плѣнника отъ стѣны, за которою онъ ощущалъ солнце, любовь и просторъ.

27.

Эти прогулки, во время которыхъ я носилъ на сердцѣ страшную тяжесть грусти и скуки, не разнообразились ни неожиданностію видовъ, ни оживленіемъ, которое встрѣчаешь въ настоящей деревнѣ, ни чувствомъ истиннаго и глубокаго уединенія, которое объемлетъ васъ въ лѣсной чащѣ, ни источниками, ни деревьями, ни скалами. То былъ видъ предмѣстья,—видъ мертвый и самый блѣдный; то была не деревня, а плоскость какая-то, по которой идутъ для того, чтобы уйти отъ другихъ, а не для того, чтобы встрѣтить что или кого нибудь. Съ этихъ полей видны были крыши Макона, которыхъ я терпѣть не могъ въ эту эпоху жизни, потому что онѣ напоминали мнѣ мой плѣнъ; онѣ сдѣлались мнѣ дороги уже потомъ, позднѣе, когда стали напоминать мнѣ объ отцѣ, матери, сестрахъ, о моей колыбели. Мнѣ показались только женщины изъ казармъ, съ наглымъ видомъ; онѣ собирали фіялки, разбросанныя по дерну, окаймлявшему тропинки, или цвѣтущій терновникъ; съ тѣхъ поръ запахъ фіялокъ и благовонная бѣлизна боярышника, этихъ двухъ пред-

Digitized by Google

вѣстниковъ весны, мнѣ опротивѣли и на видъ и по своему запаху, потому что эти два цвѣтка всегда напоминаютъ мнѣ объ угрюмыхъ прогулкахъ, однообразныхъ изгородкахъ, объ этихъ грязныхъ женщинахъ, за которыми въ нѣкоторомъ разстояніи слѣдовали пьяные работники или праздношатающіеся солдаты. Видъ ближайшихъ окрестностей Макона очень похожъ на безжизненные, ничѣмъ не окаймленные виды Ломбардіи. Въ этой Мантуѣ могъ родиться какой нибудь Виргилій: все это дышетъ какою-то безконечностію, единообразіемъ и скукою; великолѣпная скука — вотъ характеристика мѣста. Я могу сказать, что въ продолженіи этихъ лѣтъ моей юности я выжалъ до послѣднихъ подонокъ все, что цейзажъ этотъ заключаетъ томительнаго въ своей красотѣ. Сколько разъ упрекалъ я судьбу, что я родился на этихъ равнинахъ, гдѣ душа расплывается, какъ взглядъ, а не въ Неаполѣ, Швейцаріи, Савоѣ, не въ Овернѣ, не въ Дофинѣ, не на Юрѣ, не въ Бретани, странахъ съ физіономіею глубокою, съ характеромъ разнообразнымъ! Зато съ какою радостію выбирался я наконецъ изъ безсмысленныхъ окрестностей Макона и вступалъ на настоящіе холмы Маконнэ, совершенно подобные безмертнымъ холмамъ *Арква*, гдѣ родился и умеръ Петрарка! Вотъ гдѣ мое Мильи; вотъ моя страна! Городовъ я никогда не любилъ — я люблю лишь гористое Маконнэ!

28.

Маконъ, этотъ маленькій городокъ, лежащій въ анти-живописной странѣ, на берегу рѣки, въ которой незамѣтно даже движенія и струенія воды, былъ, однакожь, заселенъ въ то время народомъ тихимъ, милымъ, ловкимъ и умнымъ и избраннымъ обществомъ, право достойнымъ соперничать съ салонами самыми аристократическими и самыми просвѣщенными, въ какихъ мнѣ случалось быть впослѣдствіи, во всей Европѣ. Это былъ *французскій Веймаръ*, галльская *Флоренція*, средоточіе изящнаго вкуса, хорошаго тона, пріятнаго досуга, удобствъ, искусствъ, литературы, наукъ и въ особенности средоточіе прекраснаго общества и разговоровъ. Случай собралъ всѣ эти элементы въ Маконѣ, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, слѣдовавшихъ за революціей и начавшихъ настоящій вѣкъ. Маконъ представлялъ

Digitized by Google

собой наносъ изъ прежняго общества, выброшенный волною на берега Саоны. Вотъ какимъ образомъ, совершенно естественно, образовался этотъ наносъ.

До 1789 года въ Маконѣ существовало епископство, необыкновенно богатое, котораго начальникъ былъ представителемъ Штатовъ Маконна и соединялъ въ своемъ епископскомъ дворцѣ все, что только было замѣчательнаго въ провинціи. Послѣдній епископъ былъ человѣкъ умный, любившій удовольствія и роскошь болѣе, чѣмъ это прилично служителю церкви.

Домъ его былъ центромъ всего изящнаго, изысканнаго, центромъ любезности и наукъ: arbiter elegantiarum. Четыре-статысячь ливровъ церковнаго дохода онъ тратилъ на разныя щедроты и празднества. Роскошью своею онъ затемнялъ все мѣстное дворянство, которое соперничало съ нимъ въ великолѣпіи.

Кромѣ того было два капитула благородныхъ канониковъ, обладавшіе значительными доходами съ каноникатовъ, пріорствъ, пребендъ. Эти каноники, по большой части принадлежавшіе къ высшимъ фамиліямъ города, провинціи или провинцій пограничныхъ, были праздны, богаты, любили удовольствія и собранія въ городѣ и въ деревнѣ, всегда готовые составить общество, произвести въ немъ движеніе и развеселить его.

Были еще два дома изъ высшаго дворянства, господствовавшіе надъ всѣмъ и не уступавшіе въ роскоши принцамъ. Одинъ изъ этихъ домовъ былъ домъ графа *Монтревеля*, который никогда не былъ при дворѣ и проживалъ въ Маконѣ шесть-сотъ тысячь ливровъ ежегоднаго дохода. На конюшнѣ его стояло сто охотничьихъ лошадей; у него былъ театръ, оркестръ на жалованьи, который могъ поспорить съ оркестромъ Кондѣ, въ Шантильи.

Далѣе, дворянство не древнее, незнаменитое, но состоявшее изъ семи или осьми семействъ мѣстнаго происхожденія, которыя старались сравняться въ роскоши съ епископомъ и такъ называемымъ придворнымъ дворянствомъ.

Наконецъ были праздные мѣщане — владѣльцы, жившіе съ земли, а вовсе не торговлей или свободными искуствами, — мѣщане столь же древніе, если еще не древнѣе, какъ и дворянскіе роды; мѣщанство это совершенно сливалось съ дворянствомъ, въ тѣхъ же залахъ, тѣхъ же замкахъ сходилось въ миѣніяхъ,

Digitized by Google

въ удовольствіяхъ. Все различіе состояло въ титулѣ и частичкѣ *de*.

29.

Революція, разсѣявъ, раззоривъ, разбросавъ по темницамъ всѣхъ этихъ людей, снова собрала почти всѣ эти обломки, послѣ терроризма, директоріи и консульства. Графъ Монтревель одинъ поплатился головою за свое огромное богатство и знаменитое имя. Епископъ долженъ былъ довольствоваться подаяніями вѣрующихъ; онъ жилъ подъ кровлею и питался хлѣбомъ одного изъ своихъ прежнихъ служителей; въ нищетѣ онъ былъ столько же покоренъ судьбѣ, столько же спокоенъ, сколько великолѣпенъ и щедръ во дни богатства.

Каноники и аббаты жили маленькимъ пенсіономъ отъ правительства и вспомоществованіями своихъ семействъ. Эмигранты, которые по большой части были еще молоды, когда оставили Францію для арміи Кондѣ, нашли свое состояніе (его нельзя было конфисковать) въ рукахъ своихъ отцовъ. Мѣщане потеряли лишь годъ свободы, который провели въ тюрьмахъ; имущества ихъ остались неприкосновенны, препровожденіе времени и нравы тѣже, что́ и до 89 года; роскошь возрождалась: вездѣ строили, садили, давали праздники въ деревнѣ и обѣды и балы въ городѣ; года, въ которые всѣ разсѣялись, — года минувшаго ужаса и страха, придали общественной жизни свѣжесть новизны и цѣну блага, на минуту потеряннаго и снова возвращеннаго.

Характеръ жителей нашей страны подходилъ какъ нельзя болѣе къ образу ихъ жизни. Основаніе этого характера — почти всеобщая снисходительность; онъ умѣренъ, какъ самый климатъ: въ немъ нѣтъ жару, огня еще менѣе, но зато въ немъ много милаго; во взаимныхъ отношеніяхъ жителей много теплоты, нравъ чрезвычайно ровный, какая-то всеобщая родственность между семействами и даже классами, что́ составляетъ обычную прелесть страны. Итакъ, жители представляли собой какъ бы одну семью, которой различные члены заняты были единственно тѣмъ, чтобы сдѣлать жизнь спокойною и тихою для себя, пріятною для другихъ. Это была часть Сенъ-Жерменскаго предмѣстья, только безъ его звонкихъ именъ, предразсудковъ и гордости, перенесенная во внутрь провинціи.

Digitized by Google

30.

Каждый вечеръ отворялись двери то одного дома, то другого, для принятія этого многочисленнаго и изящнаго общества; всѣ собирались за игорными столами, за исключеніемъ двоихъ-троихъ запоздалыхъ гостей, являвшихся когда партіи уже были составлены и разговаривавшихъ въ полголоса у камина, да молодыхъ дѣвицъ, сидѣвшихъ въ молчаніи сзади своихъ, шептавшихся другъ съ другомъ, матушекъ. На время этихъ вистовъ и безпрестанныхъ реверсій, во всѣхъ залахъ воцарялось строгое безмолвіе. Игра, какъ ни была она незначительна, овладѣвала вниманіемъ всѣхъ гостей, вызывала страсть и въ мужчинахъ и въ женщинахъ; ихъ сосредоточенность доходила почти до смѣшного,— измѣняя себѣ только полусловами, выраженіемъ лицъ и движеніями, то радостными, то отчаянными. Играли по пяти су фишка, иногда еще менѣе; но человѣкъ такъ одаренъ страстями, что вводитъ страсть даже въ ребяческія глупости, если не можетъ ввести ее во что нибудь поважнѣе. Къ тому же играть по вечерамъ въ гостиныхъ было обыкновеніе старинное, котораго держались изъ уваженія къ преданіямъ старыхъ временъ. Игрѣ придавали важность обязанности, которую необходимо долженъ былъ исполнять человѣкъ порядочный; въ противномъ случаѣ оставалось объявить себя человѣкомъ неблаговоспитаннымъ. Кто пренебрегалъ игрою, того презирали; кто въ ней отличался, того уважали и въ томъ искали. Я помню пятерыхъ или шестерыхъ мужчинъ, самыхъ пустыхъ, о которыхъ, однако же, говорили не иначе, какъ преклоняя предъ ними головы, потому что они превосходно играли въ бостонъ и реверсій, и говорили о нихъ съ бо́льшимъ уваженіемъ, чѣмъ о какомъ нибудь великомъ артистѣ. И съ такою репутаціею можно было прекрасно прожить свой вѣкъ и спокойно умереть. Матушка и сестры всѣми силами ободряли меня пріобрѣсти эту репутацію и сдѣлаться полезнымъ и пріятнымъ для хозяевъ дома тѣмъ, чтобы я садился около какого нибудь хромоногаго стола съ игроками, у которыхъ недоставало четвертаго; однако же, это имъ не удалось. Хотя по природѣ я очень люблю прислужиться, однакожь никогда не могъ

Digitized by Google

я превозмочь и вынести невыразимую скуку два часа въ день держать въ рукахъ все карты, когда все развлеченіе отъ нихъ для ума состоитъ только въ томъ, чтобы бросать на зеленое сукно королей, да дамъ, да пестрыхъ валетовъ, въ эту кучу картонныхъ кусочковъ, собирать ихъ снова и опять начинать тѣже упражненія, пока часы не пробьютъ освобожденія для бѣднаго ума! Я долженъ былъ отказаться отъ игры: ни терпѣніе, ни добрая воля, ни молодость, ни мое лицо — ничего не могли сдѣлать. Это обстоятельство было причиною, что я съ самого начала не заслужилъ уваженія старыхъ женщинъ, величественно господствовавшихъ въ этомъ мірѣ картъ, фишекъ и жетоновъ. Ихъ лица для меня оледенѣли и нахмурились. Обязанность постоянно сопровождать къ нимъ матушку и старшихъ сестеръ сдѣлалась для меня ежедневною пыткою; я сокращалъ эти страданія тѣмъ, что потихоньку уходилъ, какъ только начиналась игра.

31.

Былъ только одинъ домъ, гдѣ не играли и гдѣ каждый вечеръ собиралось нѣсколько обычныхъ посѣтителей и друзей: то былъ домъ моего дяди. Вечеромъ я ходилъ туда гораздо охотнѣе, чѣмъ утромъ. Это былъ пріятельскій кружокъ, политическій, литературный и ученый, гдѣ стоячій умъ маленькаго городка принималъ по крайней мѣрѣ вечеромъ участіе въ движеніи идей, фактовъ, — времени. Центромъ общества былъ мой дядя, человѣкъ съ разнообразными свѣдѣніями, который, по гибкости своего ума, умѣлъ приноровиться ко всякому разговору въ продолженіи праднаго вечера. Женщинъ у него никогда не было; осьмерыхъ или десятерыхъ мужчинъ, акуратно являвшихся каждый день, влекла одного къ другому, а всѣхъ къ хозяину дома, какая-то невольная и естественная прелесть, которая ведетъ человѣка безсознательно туда, гдѣ хорошо и тепло его уму. У дяди собирались изъ всѣхъ классовъ общества всѣ, кто только считался въ тѣхъ мѣстахъ человѣкомъ замѣчательнымъ, занимательнымъ или остроумнымъ: здѣсь была аристократія ума и вкуса. Много видалъ я гостиныхъ въ продолженіи моей жизни, какъ путешественника, дипломата, свѣтскаго

Digitized by Google

человѣка, — человѣка политическаго и ученаго, и, однако же, собраніе у дяди всегда представляется мнѣ какъ совершеннѣйшій образецъ, и главныя фигуры, рисовавшіяся въ полу-кругѣ, передъ каминомъ, навсегда запечатлѣлись въ моей памяти и глазахъ, съ костюмами, лицами, звукомъ голоса, съ ихъ движеніями и различнымъ складомъ ума.

32.

Во первыхъ, старикъ-аббатъ, почтенный и почитаемый въ провинціи и даже за ея предѣлами, въ рыжемъ парикѣ, съ длиннымъ важнымъ пергаментнымъ лицомъ, съ огромною шишкою на нижней губѣ, сидящій въ повелительной позѣ, съ вѣковымъ голосомъ, какъ бы выходящимъ изъ глубины библіотеки, гдѣ перелистываютъ пыльныя *in-quarto*. Его звали аббатомъ *Сигорнь*; до революціи онъ занималъ въ епархіи важную высшую должность, названіе и значеніе которой я не упомню. Онъ много написалъ и между прочимъ книгу подъ заглавіемъ *Христіянскій философъ*, которая и донынѣ пользуется хорошею репутаціею. Онъ обладалъ изумительными свѣдѣніями во всемъ, до чего теперь никому и дѣла нѣтъ, — *въ геральдикѣ, каноническомъ правѣ*, вопросахъ о духовныхъ бенефиціяхъ, вопросахъ судейскихъ и проч.; кромѣ того онъ съ успѣхомъ занимался науками математическими, естественными, химіею. Французскіе священники того времени ни въ чемъ не походили на нынѣшнихъ: они принадлежали свѣту; въ настоящее время они принадлежатъ только своему сану; это гораздо лучше, но это не то. Аббатъ Сигорнь всегда принадлежалъ вечеромъ обществу, а утромъ церкви и наукамъ. Онъ путешествовалъ, долго жилъ въ Парижѣ, гдѣ былъ докторомъ въ Сорбоннѣ; онъ посѣщалъ гостиныя г-жи Деффанъ и г-жи Жофренъ; тамъ видѣлъ онъ писателей и философовъ XVIII столѣтія. Характеръ его походилъ на закаленную сталь, по которой все скользитъ, не причиняя никакого вреда поверхности. Аббатъ велъ споръ съ Жанъ-Жакомъ Руссо; споръ этотъ былъ напечатанъ; въ немъ женевскій и маконскій философы сражались въ виду публики — о чемъ? — не знаю, но съ талантомъ, учтивостію, достоинствомъ и взаимнымъ уваженіемъ. Безъ сомнѣнія, аббатъ гордился борьбою съ такимъ знаменитымъ со-

Digitized by Google

перникомъ, и эта борьба доставила ему высокое уваженіе въ нашемъ краѣ. По утрамъ, онъ безплатно, единственно для успѣховъ науки, давалъ въ своей библіотекѣ уроки молодымъ людямъ, подававшимъ надежды. *Матьё*, котораго имя приноситъ славу странѣ, гдѣ онъ родился, былъ одинъ изъ его учениковъ. Аббатъ Сигорнь, несмотря на свои восемьдесятъ лѣтъ, всегда велъ разговоръ съ снисходительностію — второю прелестью стариковъ, столько же трогательною, какъ прелесть юности, потому что если она въ одномъ случаѣ есть слѣдствіе робости, то въ другомъ слѣдствіе снисхожденія: и та и другая занимательны. Его слушали съ уступчивостію. Разговоръ его былъ обиленъ какъ книга, расположенъ на части какъ рѣчь: видно было, что говоритъ профессоръ; къ наученію онъ примѣшивалъ разнообразные анекдоты о знаменитыхъ женщинахъ и мужчинахъ прошедшаго столѣтія, и эти анекдоты сильно возбуждали вниманіе слушателей. Бесѣду свою онъ пестрилъ также отрывками изъ своихъ стихотвореній и свѣтскихъ куплетовъ — несчастныя попытки, врѣзавшіяся въ моей памяти, какъ стихи Мальбранша. Ученому почти невозможно внушить, что поэзія не есть одна риѳма.

Когда Сигорнь умеръ, то имя свое онъ оставилъ улицѣ города, въ которомъ жилъ, а если у человѣка нѣтъ семейства, то дать имя свое камнямъ уже стоитъ чего нибудь.

33.

Всякій вечеръ приходилъ къ дядѣ еще другой аббатъ, по имени *Бурдонъ*. Молодость свою онъ провелъ при дворѣ, за обѣдами и въ будуарахъ; тогда онъ посѣщалъ салоны кардинала Берни и г-жи Помпадуръ гораздо чаще, чѣмъ аудиторіи Сорбонны. Но года, эмиграціи и расхищеніе *бенефицій*, которому подверглись духовные, — все это придавало ему важность, которую онъ оставлялъ лишь въ жару разговора и въ восторженномъ состояніи, овладѣвавшимъ имъ, когда онъ находился въ изящномъ обществѣ и за хорошимъ обѣдомъ. Тогда изъ него цѣлыми потоками текли разсказы о Парижѣ и о дворѣ, воспоминанія о лицахъ историческихъ и знаменитыхъ изгнанникахъ.

Digitized by Google

На эти собранія постоянно приходилъ еще одинъ замѣчательный человѣкъ, таинственный для всѣхъ, даже для дяди, который принималъ его каждый вечеръ. То былъ тоже старикъ, но старикъ крѣпкій и бодрый, такъ что лѣта его можно было только подозрѣвать, а опредѣлить ихъ съ точностію было невозможно. Лицо его никому ничего не говорило, какъ завѣщаніе за тройною печатью; лишь полу-открытые глаза, да и тѣ открывались единственно для того, чтобы наблюдать за мыслями другихъ, а не для того, чтобы можно было угадать то, что происходило въ его собственной головѣ. Въ немъ видна была какая-то принужденность: точно ему неловко было въ обществѣ, которое выше его и по состоянію и по рожденію. Платье его было бѣдно, безпорядочно, даже грязно; онъ казался воспріимчивымъ и гордымъ; какъ аѳинскій циникъ, посѣщающій Платона, онъ попиралъ гордость хозяина еще бо́льшею гордостью. Его прошедшее — загадка для всѣхъ: никто не зналъ ни его семейства, ни его родины; знали только, что зимою онъ живетъ на чердакѣ, въ бѣдномъ кварталѣ Макона, гдѣ все общество его состоитъ изъ собаки, козы и нѣсколькихъ книгъ. Коза питала его, собака любила, книги говорили ему о вѣкахъ и о свѣтѣ. По прошествіи зимы онъ отправлялся въ селенье по прозванію Бюсьеръ, подлѣ Мильи, расположенное въ горахъ Маконнэ, къ двумъ дѣвицамъ уже зрѣлаго возраста, такимъ же отшельницамъ и такимъ же страннымъ, какъ и онъ самъ. Никогда никто не входилъ ни въ ихъ домикъ, съ полу-закрытыми всегда ставнями, ни въ садъ ихъ, обнесенный высокими стѣнами. Когда мнѣ случалось проѣзжать верхомъ по тропинкѣ, шедшей мимо ограды, я приподнимался на стременахъ, чтобы заглянуть въ садъ, и видѣлъ иногда этихъ трехъ цивилизованныхъ дикарей, съ ихъ животными; они или собирали траву для козы, или читали на солнышкѣ, сидя на дернѣ дорожки. Взглядъ на этотъ домикъ оставлялъ впечатлѣніе неизъяснимой таинственности. Родственники ли это? связь ли какая? или что другое? Даже ближайшіе сосѣди, люди самые любопытные, никогда ничего не могли отгадать.

Старика звали де-Вальмономъ; онъ говорилъ рѣдко, но съ здравымъ смысломъ, знаніемъ вещей и точностію терминовъ, что заставляло немедленно всѣхъ умолкать, лишь только онъ открывалъ ротъ. Онъ не скрывалъ, что нѣкогда исполнялъ важ-

Digitized by Google

ныя, дипломатическія секретныя порученія отъ министровъ Людовика XV, а можетъ быть и отъ самого короля, у котораго была своя дипломатія, помимо министровъ, — что онъ жилъ въ Константинополѣ, Италіи и особенно въ Россіи и Пруссіи.

Фридриха Великаго онъ зналъ также хорошо, какъ Вольтеръ и всѣ философы *Потсдамскаго* круга. Если разговоръ шелъ объ этомъ королѣ, его времени и дворѣ, то де-Вальмонъ обогащалъ его разсказами самыми занимательными, самыми новыми.

Его слушали со вниманіемъ, но всегда съ какою-то недовѣрчивостію; иные упрекали даже дядю за то, что онъ принимаетъ къ себѣ человѣка подозрительнаго, быть можетъ какого нибудь тайнаго агента. Его смерть, скоро его постигшая, доказала, что всѣ эти предположенія были нелѣпы. Я видѣлъ, какъ онъ умеръ въ маконскомъ госпиталѣ, на ветхомъ матрацѣ; все его богатство лежало на стулѣ у его ногъ; у постели сидѣла бѣлая собака. Меня повелъ къ нему дядя, который предложилъ ему пристанище и помощь. Де-Вальмонъ отъ всего отказался со слезами благодарности на глазахъ, но съ гордымъ достоинствомъ стоика. Только меня, какъ человѣка молодого, попросилъ онъ позаботиться, послѣ его смерти, о бѣдномъ животномъ, которое оставалось ему вѣрнымъ до послѣдней минуты. Минута эта приближалась: назавтра его уже не стало.

34.

Самый замѣчательный изъ посѣтителей вечернихъ собраній въ домѣ дяди былъ верхне-бургундскій дворянинъ — де-Ларнѣ, женившійся въ Маконѣ. Онъ былъ колоссальнаго роста, съ громовымъ голосомъ, хотя съ лицомъ умнымъ и очень нѣжнымъ; это былъ древній германецъ, съ бѣлокурыми волосами, съ голубыми глазами, брошенный въ современное намъ общество. Мнѣ никогда не случалось видѣть соединенныхъ въ одномъ и томъ же человѣкѣ двухъ качествъ, обыкновенно исключающихъ одно другое: эрудиціи ума и пыла воображенія. Ларнѣ все зналъ и ко всему имѣлъ страсть.

Между прочимъ онъ восторгался литературою и поэзіею, точно также, какъ современными ему событіями и политикою. Соотечественникъ и товарищъ Руже-де-Лиля, другъ и поклон-

Digitized by Google

никъ Нодьѣ, Шеньѣ, де-Лили, онъ присутствовалъ на всѣхъ засѣданіяхъ академій, былъ членомъ всѣхъ кружковъ, слѣдилъ за всѣми лекціями, посѣщалъ всѣ гостиныя, любилъ театры: онъ былъ разумная губка двухъ вѣковъ, но губка, которая все удерживаетъ въ себѣ,—память изумительная: прозу, стихи, анекдоты, лица, рѣчи, сцены, цитаты — онъ рѣшительно все помнилъ. Въ его разговорѣ вы обрѣтали и глубокую древность, и прошедшее, и настоящее. То былъ всемірный словарь, переплетенный въ человѣческую форму, весь прахъ Александрійской библіотеки въ черепѣ одного живого человѣка! Онъ быстро полюбилъ меня за мою молодость, любознательность, за вниманіе, съ которымъ я слушалъ его, за восторженность, которую его собственная страстная натура зажигала въ моихъ взорахъ. Несмотря на то, что онъ былъ тридцатью годами старше меня, онъ считалъ меня одинаковыхъ лѣтъ съ собой, и я въ свою очередь смотрѣлъ на него какъ на ребенка, потому что онъ былъ изъ числа натуръ, которыя не старѣются даже въ преклонныхъ лѣтахъ, а моя была изъ числа тѣхъ, которыя опережаютъ года размышленіемъ. Часто по утрамъ приходилъ онъ ко мнѣ, чтобы окончить разговоръ, начатый наканунѣ, и тутъ онъ свободнѣе предавался своему искреннему вдохновенію. Дружбу ко мнѣ онъ сохранилъ до послѣднихъ дней своей жизни, и память о немъ наиболѣе наполняетъ для меня воспоминаніями и сожалѣніемъ улицы маленькаго городка, теперь для меня пустынныя, которыя онъ оживлялъ своими шагами и наполнялъ голосомъ.

Подлѣ него садились, въ той же залѣ, два обычныхъ посѣтителя, равно привлекательные для молодого человѣка по своему характеру и разговору. То были два эмигранта, морскіе офицеры.

Одинъ былъ маркизъ *Дорія;* впослѣдствіи онъ съ честію и долго былъ депутатомъ отъ Макона. То была натура итальянская по своей плодовитости, подвижности, краснорѣчію и обилію,—французская — по откровенности, благородству, радушію, безкорыстію и патріотизму. Онъ говорилъ много, разговаривалъ прекрасно, слушалъ еще лучше; онъ читалъ безконечно много, судилъ холодно и съ осторожностію. У него былъ умъ вѣрный, тонкій, эклектическій; онъ наблюдалъ приличія даже относительно идей; это былъ человѣкъ, который одинъ — ничего не смѣетъ и которому необходимо, чтобы его мысль была

Digitized by Google

въ нѣсколькихъ головахъ; тогда онъ выскажетъ ее и въ слухъ, открыто. О такихъ людяхъ можно сказать, что они хорошіе собесѣдники въ разумномъ обществѣ; они слушаютъ, смотрятъ, прочитываютъ утромъ газету и позволяютъ управлять своимъ мнѣніемъ, какъ позволяютъ портному кроить платье. У маркиза Доріа такая осторожность происходила отъ скромности, а вовсе не отъ умственнаго недостатка; маркизъ былъ человѣкъ свѣдущій и очень пріятный — находка въ городѣ, удаленномъ отъ центра. Характеръ его былъ еще привлекательнѣе, чѣмъ умъ: древній рыцарь съ изящнымъ лоскомъ новыхъ временъ, съ придворнымъ обхожденіемъ и съ истинною доблестію. Онъ никогда не былъ революціонеромъ. По своему рожденію и званію мальтійскаго кавалера, онъ принадлежалъ къ военной аристократіи.

Другой былъ одинъ изъ нашихъ родственниковъ и самыхъ близкихъ друзей, товарищъ маркиза Доріа по морской службѣ, какъ и онъ, эмигрантъ на осьмнадцатомъ году своей жизни; въ продолженіи многихъ лѣтъ онъ жилъ тою жизнью, которая изощряетъ умъ, смягчаетъ идеи, измѣняетъ нравы и придаетъ существованію простого провинціяльнаго дворянина оригинальность и занимательность *Одиссеи*. Его звали г. де-Санъ-Л.... (я умолчу объ его имени, потому что онъ еще живъ). Его разговоры отличались разнообразіемъ и живописными разсказами о лагеряхъ, путешествіяхъ, плаваньяхъ по водѣ, о всѣхъ удачахъ и неудачахъ, со всѣми неожиданностями долгаго изгнанія. Въ нѣсколько лѣтъ ему случилось быть за границею солдатомъ, морякомъ, придворнымъ, путешественникомъ, купцомъ; ему такъ извѣстна была Европа гостинная, военная и придворная, какъ знаешь улицу, въ которой живешь. Своими разсказами, иногда прикрашенными, но всегда занимательными, онъ очень кстати прерывалъ литературныя или политическія пренія и дѣлался короткою, случайною эпопеей этихъ разговоровъ. Кромѣ того онъ былъ красивъ собой, еще молодъ, читалъ съ искусствомъ и чувствомъ, зналъ наизустъ трагедіи Расина и Вольтера, декламировалъ ихъ, подражая самымъ великимъ актерамъ. Можно подозрѣвать, что изъ различныхъ талантовъ, въ которыхъ онъ упражнялся, чтобы избѣгнуть нищеты изгнанника, талантъ чтеца или декламатора французской поэзіи при нѣмецкихъ курсахъ служилъ ему однимъ изъ источниковъ.

Digitized by Google

Прочіе члены, составлявшіе это общество, были родственники или друзья дома, собиравшіеся сами собой, вслѣдствіе одинаковыхъ мнѣній, вкусовъ, расположенія къ серьёзнымъ разговорамъ, литературѣ, наукамъ или искусствамъ. Приходили постоянно два брата, возвратившіеся эмигранты, родственники дома, — Давойе и Сюриньи; оба они были замѣчательны — одинъ образованіемъ и страстью къ политикѣ, другой — рѣдкимъ талантомъ живописца. Всѣ люди тѣхъ мѣстъ, замѣчательные на поприщахъ судейскомъ, медицинскомъ или земледѣльческомъ, развивавшіе свой умъ или любившіе это видѣть въ другихъ, допускались въ гостиную дяди. Это былъ оазисъ посреди пустыни провинціяльныхъ обществъ, живое воспоминаніе тѣхъ собраній людей ученыхъ, праздныхъ и безъ-заботныхъ, которыя намъ представляетъ Боккачіо и которыхъ прелесть или просто случай сводитъ въ какой нибудь виллѣ около Тосканы, Флоренціи или Фіезоле.

35.

Понятно, что для меня, хотя я по своей молодости не игралъ въ этомъ обществѣ другой роли, кромѣ роли скромнаго и молчаливаго слушателя, — эти вечера, — проводимые мной въ слушаніи, какъ люди умные и образованные свободно разговаривали о разныхъ предметахъ, — уменьшали нѣсколько скуку, которая терзала меня въ продолженіи дня въ этой резиденціи... За порогомъ мной снова овладѣвали грусть и тоска.

36.

Скука — это слово обнимало собою всю мою тогдашнюю жизнь; скука была неизлечимая болѣзнь моей души. Моя скорбь уже не была такъ ощутительна: она испепелила во мнѣ всѣ чувствительныя фибры. Сердце во мнѣ окостенѣло, — такъ я думалъ.. по крайней мѣрѣ; но я чувствовалъ пустоту, — пустоту, которую ничто не могло наполнить. Я ничего не любилъ, не хотѣлъ ничего любить.. любить любовью — мнѣ ничего не оставалось. Совершенное отсутствіе чего бы то ни было зани-

Digitized by Google

мительнаго въ моей обыденной жизни въ продолженіи весны и лѣта, проведенныхъ въ Маконѣ, до того было велико, что я тщетно прівскивалъ средства самыя ребяческія, самыя механическія, чтобы какъ нибудь провести безконечные часы.

Въ городскомъ госпиталѣ жилъ немощный эмигрантъ, старинный товарищъ батюшки по полку, недавно возвратившійся въ Англію. Онъ лишился употребленія ногъ; все его состояніе заключалось въ небольшомъ пенсіонѣ, выдававшемся ему семействомъ на собственное его содержаніе и на содержаніе стараго слуги, товарища его изгнанія и несчастій. Его звали кавалеромъ де-Сеннесей. Однажды батюшка, который очень любилъ кавалера, послалъ меня къ нему. Уединеніе ветерана меня заинтересовало: я посѣтилъ его въ другой разъ. У него былъ умъ простой, какъ у солдата, который во всю свою жизнь зналъ только свою лошадь и саблю; но онъ былъ чувствителенъ, добръ и признателенъ. Онъ принималъ меня, какъ отшельники, покинувшіе міръ, принимаютъ тѣхъ, кто по добротѣ души или по дружбѣ приходитъ разнообразить нѣсколько ихъ уединеніе: видно, какъ тогда на лицѣ ихъ играетъ лучъ тайной радости; вы чувствуете, что доставляете имъ удовольствіе, и сами привязываетесь къ нимъ именно потому, что приносите хотя малое счастіе. Такъ и я привязался къ этому бѣдняку.

Каждый день, послѣ семейнаго обѣда и уединенной прогулки позади однообразныхъ садовъ госпиталя, я завертывалъ къ нему; я проходилъ ряды выздоравливающихъ, сидѣвшихъ подъ портикомъ; далѣе, мнѣ представлялись длинные ряды бѣлыхъ постелей, вѣчный блескъ свѣчей, всегда горящихъ посрединѣ зданія, на алтарѣ; поднимался по широкой, звучной лестницѣ, гдѣ встрѣчалъ сестеръ милосердія въ одѣяніи ихъ благочестиваго служенія, и проходилъ обширный коридоръ, въ концѣ котораго находилась дверь кельи бѣднаго кавалера.

Я находилъ его сидящимъ подлѣ окошка, передъ станкомъ часовыхъ дѣлъ мастера, подобно картезіанскимъ монахамъ, которыхъ маленькую комнату, садикъ и лабораторію я нѣкогда посѣщалъ; человѣку, во избѣжаніе смертельной скуки, необходимо работать тѣломъ или духомъ, или тѣмъ и другимъ поочередно; это непремѣнный законъ.

Кавалеръ де-Сеннесей, чтобы жить чѣмъ нибудь въ Лондонѣ въ продолженіи двѣнадцатилѣтняго изгнанія, выучился мастер-

Digitized by Google

ству брильянтщика и часовщика, а также токарному искусству, чтобы самому дѣлать ящички, табакерки, ларчики для драгоцѣнностей, футляры для портретовъ и для часовъ его собственной работы. Онъ былъ ловокъ и терпѣливъ, какъ человѣкъ, который, потерявъ способность пользоваться всѣми своими членами, сосредоточиваетъ въ оставшихся годными къ употребленію всю дѣятельность свою и энергію. Работа съ избыткомъ поддерживала его существованіе въ Лондонѣ, и онъ даже содержалъ, единственно работою рукъ своихъ, нѣсколькихъ товарищей, подвергшихся тому же несчастію, и не одаренныхъ такимъ талантомъ, какъ онъ.

Возвратившись во Францію, куда влекла его любовь къ родинѣ, доходящая у иныхъ до болѣзни и почти не позволяющая имъ наслаждаться благосостояніемъ подъ другимъ небомъ, — кавалеръ де-Сеннесей продолжалъ заниматься своимъ ремесломъ; но теперь онъ уже занимался безмездно, для сестеръ милосердія, для больныхъ, для своихъ друзей и знакомыхъ. Онъ цѣлый день проводилъ въ томъ, что разбиралъ и собиралъ стѣнные и карманные часы, оправлялъ миніатюры, точилъ изъ металла или слоновой кости украшенія или уборы для женщинъ. Дѣломъ своимъ онъ занимался серьёзно, хотя теперь эти занятія были для него не болѣе, какъ развлеченія: за ними уединеніе не было для него такъ чувствительно. Время отъ времени старый товарищъ по изгнанію или по полку завертывалъ къ нему на часокъ, чтобы потолковать объ арміи Конде, о графѣ д'Артуа, герцогѣ Ангіенскомъ или о принцѣ регентѣ Англіи, покровителѣ эмигранта.

Склонность, которую я чувствовалъ къ этому превосходному человѣку, сознаніе, что часы, проведенные имъ со мной въ разговорахъ, разнообразили его жизнь, а наконецъ и праздность, заставляющая завтра дѣлать тоже, что дѣлалъ вчера, — все это постоянно каждый день приводило меня въ госпиталь. Безпрестанно видя, какъ работаетъ пила, какъ навинчивается гайка, какъ вращается токарный станокъ, мелькаетъ шильце, визжитъ стальная пила, мнѣ самому захотѣлось работать. Кавалеръ научилъ меня часовому и токарному искусствамъ; я дѣйствовалъ инструментами подъ его наблюденіемъ, приготовлялъ, обтесывалъ дерево, обтачивалъ мѣдь; окончательно же отдѣлывалъ самъ кавалеръ. Наши разговоры, истощившіеся, когда де-Сеннесей размоталъ передо мной весь клубокъ своихъ воспомина-

Digitized by Google

ній, немножко монотонныхъ, теперь поддерживались безъ всякаго труда, благодаря нашимъ однородныхъ занятіямъ. Въ комнатѣ его слышался только однообразный шумъ кишечной струны, которая свистѣла по блоку токарнаго станка, треніе лощильной щетки по дереву, правильные, размѣренные удары маленькаго стальнаго молоточка по золотымъ или серебрянымъ дощечкамъ часовъ, да изрѣдка мы сами перебросимся двумятремя словами, или раздастся тихое пѣніе человѣка, который разсѣеваетъ слухъ свой, работая руками. Наша мастерская, выходившая на полдень и освѣщавшаяся широкимъ окномъ съ балкономъ, залита была свѣтомъ и оглашалась говоромъ жизни. Эта работа, этотъ жизненный говоръ, однообразіе, занятое трудомъ, бѣдный немощный старикъ, облегчающій свое горе и сокращающій день утомленіемъ, все это успокоивало и убаюкивало мою собственную скуку. Кончилось тѣмъ, что я сердечно привязался къ кавалеру. Иногда я обѣдалъ у него, какъ подмастерье съ своимъ хозяиномъ. Эти обѣды, изъ общаго котла, подававшіеся въ положенные въ больницѣ часы, всегда и единственно состояли изъ двухъ порцій вареной говядины, сухой, безъ малѣйшаго жира, разрѣзанной на два маленькихъ четырехъугольныхъ куска, какъ солдатскій паекъ; сушеные плоды и бутылка вина довершали обѣдъ, по окончаніи котораго мы тотчасъ опять принимались за работу. При наступленіи сумерекъ, мы приводили въ порядокъ станокъ, прятали инструменты въ ящикъ; я подметалъ стружки отъ дерева и желѣзные опилки, устилавшіе полъ, и мы разговаривали еще нѣсколько времени. Весь умъ кавалера заключался въ его сердцѣ. За исключеніемъ различныхъ чувствованій и происшествій, болѣе ничего изъ него нельзя было извлечь. Но вѣдь изъ этого можно сдѣлать цѣлую эпопею. Каждый простой человѣкъ есть поэма для того, кто съумѣетъ ее прочесть: занимательности гораздо болѣе въ томъ, кто слушаетъ, чѣмъ въ томъ, кто разсказываетъ. Кавалеръ никогда не надоѣдалъ мнѣ.

Однакожь, представьте себѣ молодого человѣка двадцати лѣтъ, уже извѣдавшаго чашу горести, истощеннаго упоеніемъ и слезами жизни, съ кипящимъ воображеніемъ, пожираемаго страстями, или еще нарождающимися, или не совсѣмъ потухшими, мыслью обнимающаго цѣлый міръ, — представьте же, что все занятіе его заключается въ томъ, чтобы стругать куски дерева,

Digitized by Google

обтачивать желѣзо и бесѣдовать съ старымъ инвалидомъ, вся прелесть котораго заключается лишь въ его страданіяхъ да добромъ сердцѣ!...

37.

Былъ у меня, однакожь, другой другъ, котораго я никогда не забуду: такъ онъ любилъ меня и такъ благоразумно и мило умѣлъ оставлять года свои и становиться въ уровень съ моею молодостью.

Онъ былъ гораздо старѣе кавалера де-Сеннесей и, несмотря на то, былъ самый молодой и самый любезный изъ всѣхъ стариковъ, какихъ мнѣ только случалось встрѣчать въ жизни. Его любилъ весь городъ; по своей нѣжной снисходительности ко всѣмъ, онъ, такъ сказать, привился ко всѣмъ семействамъ, такъ что былъ ихъ членомъ по сердцу, хотя вовсе не по родству. Онъ былъ другомъ и наставникомъ моего отца, когда послѣдній былъ еще очень молодъ. Старику этому теперь было далеко за восемьдесятъ лѣтъ. Онъ всегда оставался холостымъ, жилъ одинъ пожизненнымъ доходомъ въ нѣсколько тысячъ ливровъ, жилъ съ изящною умѣренностію и въ роскошной, благоденственной порядочности, свойственной холостяку. Въ молодости онъ былъ чрезвычайно хорошъ собой, и эта красота сохранилась еще и въ старости, потому что то была красота чувствъ, которая существуетъ пока сердце еще бросаетъ на лицо теплые лучи свои. Богатый, независимый, пользовавшійся большимъ вниманіемъ большого свѣта, въ молодости любимый женщинами, онъ щедро и благородно истратилъ еще въ раннихъ годахъ довольно значительное состояніе на друзей, на свою любовь, на путешествія. Вовремя онъ умѣлъ остановиться на той границѣ, за которою уже слѣдуетъ раззореніе. Что у него осталось, то онъ отдалъ на проценты, такъ чтобы уже не требовать капитала, — устроилъ себѣ хорошенькое помѣщеніе, съ садикомъ, въ центрѣ города; тамъ жилъ онъ — утромъ въ библіотекѣ, уцѣлѣвшей отъ переворотовъ, которымъ подверглось его состояніе; днемъ онъ посѣщалъ своихъ безчисленныхъ друзей, вечеръ проводилъ въ чьей нибудь гостиной, — лѣто и осень — на дачахъ, въ окрестностяхъ города.

Digitized by Google

Звали его — Блонделъ.

И во всѣхъ замкахъ, у всѣхъ знакомыхъ была для него комната, носившая его имя, приборъ за семейнымъ обѣдомъ. Это былъ гость, котораго всѣ искали, которому всѣ были рады. Его знали даже дѣти.

Онъ любилъ меня еще маленькимъ. Когда я возвратился изъ коллегіи, изъ Парижа и изъ путешествія, онъ полюбилъ меня еще болѣе. Мое лицо нравилось ему потому, что оно, какъ говорили, напоминало ему его собственное въ мои годы. Онъ заранѣе основывалъ большія надежды на счетъ моей будущности, оплакивалъ непремѣнную волю дяди держать меня въ совершенной праздности, въ этой семейной тюрьмѣ, въ маленькомъ городкѣ. Ему очень хотѣлось, чтобы мнѣ открылся наконецъ горизонтъ дѣятельной жизни, и онъ полагалъ, что въ военной службѣ,— на единственномъ въ то время поприщѣ,— я могъ бы увеличить уваженіе къ моему слишкомъ скромному имени. И онъ страдалъ, видя, какъ я угасаю, окруженный четырьмя стѣнами. Кошелекъ его, какъ скуденъ онъ ни былъ, всегда былъ открытъ для меня, какъ скоро мнѣ предстояло какое нибудь путешествіе или хотѣлось купить какое нибудь сочиненіе. Его библіотека была моею, и въ ней я проводилъ съ Блонделемъ по цѣлымъ утрамъ; часто оставлялъ онъ меня обѣдать и разговаривалъ со мной съ истинною довѣрчивостію человѣка, забывающаго неравенство, которое шестьдесятъ лѣтъ разницы полагаетъ между умами. Но онъ былъ для меня чудесная книга, а что еще важнѣе — книга любящая! Часы, проведенные съ нимъ, никогда не казались мнѣ долгими. Въ немъ и тѣни не было чего нибудь непріятнаго, тяжелаго и суроваго, какъ обыкновенно въ человѣкѣ преклонныхъ лѣтъ. Это былъ Аристипъ человѣческой жизни: ему шли къ лицу всѣ возрасты. Въ вещахъ и характерахъ онъ видѣлъ только хорошую сторону. Природа, создавая его тѣло, какъ бы совсѣмъ не дала ему желчи: онъ былъ живой оптимизмъ; его философія, которую онъ питалъ чтеніемъ и размышленіемъ, была философія осьмнадцатаго столѣтія, смягченная вѣрою въ провидѣніе,— философія, которая полагается на Творца всего созданія. Относительно политики онъ былъ безразличенъ. Вотъ каковъ былъ очаровательный старикъ, прожившій еще двѣнадцать лѣтъ послѣ того времени, о которомъ я говорю, и отражавшій на меня нѣжный свѣтъ про-

Digitized by Google

нѣдшаго столѣтія. Поэзія старости лишь въ немъ явилась мнѣ во всей красѣ: я видѣлъ жизнь, угасавшую также ясно, съ такою же свѣжестію, съ какою она развернулась на разсвѣтѣ.

38.

Вотъ каковъ былъ въ то время этотъ очаровательный городокъ. Дядя, аббатъ Сигоньо, Ларно и еще пять-шесть человѣкъ ученыхъ еще такъ недавно положили въ немъ начала къ распространенію вкуса и любви къ наукамъ, искусствамъ и высокой литературѣ. Они учредили въ Маконѣ академію. Эта академія сдѣлалась маленькимъ центромъ и побудительною причиною къ дѣятельности всѣхъ разбросанныхъ и праздныхъ талантовъ въ городѣ и ближайшей провинціи. Каждый мѣсяцъ тридцать или сорокъ человѣкъ этой академіи собирались на засѣданіе въ городской библіотекѣ, читали отчеты, изслѣдованія, проэкты улучшенія земледѣлія, задавали себѣ предметы для труда, разсужденій, литературныхъ сочиненій, а иногда и стиховъ. Такимъ образомъ, между этими людьми установилось тихое соревнованіе: иначе бездѣйствіе изсушило бы ихъ совершенно. Работамъ своимъ они не придавали излишней важности, не мѣтили на славу; напротивъ, они задергивали передъ собой завѣсу скромности. Девизомъ ихъ была фраза: «Прекрасное, доброе, полезное безъ корыстныхъ видовъ». Это учрежденіе, въ которомъ долго держался тотъ же духъ, позднѣе прославилось многими знаменитыми именами и непрерывнымъ рядомъ людей избранныхъ. Маконская академія, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, замѣняла Дижонскую академію, литературный очагъ Бургундіи, колыбель именъ Жанъ-Жака-Руссо и Бюффона.

Несмотря на мою неопытность и молодость, дядя хотѣлъ и меня сдѣлать членомъ академіи. Меня приняли подъ его покровительствомъ, и приняли для него, а вовсе не изъ за меня самого. При вступленіи я сказалъ рѣчь — это моя первая литературная страница въ публикѣ — о выгодахъ и преимуществахъ сообщенія идей между народами посредствомъ словесности. Недавно мнѣ попался въ руки манускриптъ этой рѣчи, и, перечитавъ, я сжегъ его, чтобы совершенно стереть слѣды избитаго пути, но

Digitized by Google

которому я повелъ мысль свою. Съ тѣхъ поръ я былъ членомъ не слишкомъ рачительнымъ, но вѣрнымъ, этого литературнаго сословія, удостоившаго принять меня въ число своихъ собратій еще за долго до времени моей извѣстности. Ему я обязанъ болѣе, чѣмъ часами славы: обязанъ дружбою.

Одно обстоятельство уничтожило все общее между мной и этой академіею. Я вычеркиваю изъ ея списковъ свое литературное имя. Литературное имя есть рука писателя: онъ долженъ подавать ее тѣмъ, кто ее принимаетъ, и отдергивать отъ тѣхъ, кто не видитъ цѣны въ его трудахъ. Если, на регистрахъ семейной академіи, имя мое пережило это время нѣсколькими годами, то любопытные, перебирая страницы 1810 года, могутъ сказать: *онъ еще былъ!* а перелистывая 1850 годъ: *его уже не было!*

39.

Что касается до молодыхъ людей моихъ лѣтъ, то ни въ отношеніи жизни, ни въ отношеніи вкуса или занятій ничто не влекло меня къ нимъ, а ихъ — ко мнѣ. За исключеніемъ троихъ, товарищей моихъ по коллегіи, я никого не посѣщалъ. Они занимались удовольствіями, праздниками, балами, охотой, а я былъ слишкомъ грустенъ, чтобы предаваться такимъ забавамъ. Изъ нихъ почти никто не занимался умственнымъ образованіемъ. Дворянство во времена Имперіи или служило на войнѣ, или охотилось; мѣщанство пило или ѣло; только въ сословіи докторовъ можно было найти нѣсколькихъ человѣкъ, склонныхъ къ умственнымъ занятіямъ; лишь между ними сохранилась любовь къ литературѣ.

Однажды, во время моихъ прогулокъ за городомъ, мнѣ случилось встрѣтить молодого адвоката, родившагося въ горахъ Юры и недавно поселившагося въ Маконѣ. Я зналъ его только въ лицо и по имени, потому что на улицахъ мнѣ указывали на него пальцемъ, какъ на человѣка, отъ котораго многаго ожидали на судейскомъ поприщѣ. Обо мнѣ онъ слышалъ, какъ о молодомъ человѣкѣ, который, посреди тривіяльной жизни тамошней молодежи, сознавалъ въ себѣ душу и болѣе или менѣе счастливо ухаживалъ за этимъ зародышемъ, заглохшимъ въ другихъ. Въ настоящую минуту за нимъ шла собака; моя всегда была

Digitized by Google

при мнѣ. Собаки подбѣжали другъ къ другу, поворчали и стали играть и такимъ образомъ заставили хозяевъ своихъ заговорить.

Оба мы желали встрѣтиться, и поэтому, послѣ нѣсколькихъ словъ, согласныхъ съ обстоятельствами, между нами завязался разговоръ о книгахъ, литературѣ, поэзіи. Я съ наслажденіемъ открылъ въ г. Роно (такъ звали адвоката) воображеніе живое и наивное, память, обогащенную классическими познаніями, безкорыстную страсть къ прекрасному, доходившую до энтузіазма, потребность восхищаться, которая обыкновенно указываетъ на потребность любить то, чему удивляешься, и на отсутствіе зависти. И длинные палисады изъ цвѣтущихъ кустарниковъ, которые и теперь еще осѣняютъ неровныя дороги, вьющіяся по лугамъ Макона, между хорошенькимъ селеньемъ Санъ-Клеманъ и Саоною, еще долго внимали нашей бесѣдѣ, которая продолжалась при взаимномъ удивленіи и удовольствіи. Вечеромъ мы разстались и хотя не условливались въ свиданіи, однакожь сошлись назавтра и потомъ стали сходиться очень часто: не имѣя случая встрѣчаться въ однихъ и тѣхъ же салонахъ, мы избрали себѣ салономъ смѣющуюся природу. Мы гуляли внизъ и вверхъ по теченію Саоны, гуляли лѣнивымъ шагомъ, погруженные въ мечты.... Въ нѣсколько дней мы сблизились, въ нѣсколько лѣтъ мы сдѣлались друзьями. Года шли за годами, и дружба наша возрастала все болѣе и болѣе; такъ дождевая вода падаетъ на старыя стѣны и сильнѣе скрѣпляетъ ихъ цементъ и покрываетъ мхомъ и плющемъ, которые окрашиваютъ ихъ ветхость. Часто оставляя мѣсто моего рожденія, даже послѣ смерти членовъ нашего семейства, я зналъ, что былъ человѣкъ, ожидавшій моего возвращенія, слѣдившій взоромъ за превратностію моей судьбы, всѣмъ сердцемъ возставшій противъ зависти, ненависти, клеветы, которыя ползаютъ по нашей колыбели, увы! какъ и по могильному камню, считавшій своимъ счастіемъ все, что было счастливаго въ моей жизни, и своимъ горемъ то, что въ ней было горькаго.

Въ послѣдній разъ пріѣхалъ я въ Маконъ: его уже не было! Когда онъ разставался съ жизнью, то, при послѣднихъ вздохахъ, на губахъ его мое имя сливалось съ именемъ его жены и его дѣтей.... Въ то время, какъ смерть похищала у меня послѣдняго друга съ родимой почвы, злополучіе съ корнемъ вырывало изъ слабыхъ сердецъ дружбу, на которую я могъ еще расчитывать.

Digitized by Google

40.

Между тѣмъ, праздная жизнь, во время пребыванія отца и матушки въ городѣ, конечно, не разсѣяла грусти, меланхоліи и невыносимой скуки, которую стѣны города всегда наводили на меня. Я люблю деревню. Въ городѣ радости мои неполны, а горести чувствительнѣе во сто разъ, потому что мои глаза, шаги, душа сосредоточиваются въ фокусахъ взглядовъ, голосовъ и шума. Я изслѣдовалъ бы и на тысячѣ страницъ оправдалъ бы это впечатлѣніе городовъ, которое поэтъ Куперъ съ такою полнотою опредѣлилъ для меня въ одномъ стихѣ: *Богъ создалъ поле, а города воздвигъ человѣкъ.*

41.

Наконецъ наступило время оставить городъ и возвратиться съ матушкой и сестрами въ наше убѣжище, наше милое и бѣдное Мильи. Онѣ раздѣляли мои чувства при возвращеніи въ эти старыя стѣны, этотъ садъ, при видѣ лощины, тропинокъ, лужаекъ, отѣненныхъ ивами, ростущими по берегамъ ручьевъ, перерѣзанныхъ шлюзами и мельницами.

Небесный сводъ, волны вольнаго воздуха, дрожанье листьевъ, журчанье водъ, — все это вселило миръ въ душѣ моей. Матушка, счастливая и спокойная, какъ мы, почерпала кромѣ того, сидя въ своей аллеѣ изъ грабинъ, чувствительное, лирическое благочестіе, которое всегда наполняло ея душу, или которое, скорѣе, было второю душою этой женщины.

Здѣсь она опять обрѣла время для благочестивыхъ размышленій, нарушавшихся обществомъ и благотворительными дѣлами, которыя въ городѣ отнимали у нея большую часть дня. Она продолжала заниматься съ сестрами тѣмъ, чѣмъ занимались съ ними въ городѣ ихъ учители — или учебными книгами, или глобусами, фортепьянами, рисованьемъ со скульптурныхъ моделей или эстамповъ. Послѣ этихъ занятій, она, вмѣстѣ съ дочерьми, посѣщала больныхъ и убогихъ. Жаркое время послѣ обѣда она проводила на скамейкѣ подъ липами, съ какой ни-

Digitized by Google

будь работой въ рукахъ, или въ чтеніи про себя, или же въ разговорахъ съ какимъ нибудь добрымъ деревенскимъ сосѣдомъ, пріѣхавшимъ издалека навѣстить ее; иногда она гуляла съ нами и заходила къ сосѣдямъ. Сосѣдство наше было оживленно, дружно между собою. Можно сказать, что матушка проливала изъ души своей простоту, искренность и любовь на всю страну. Въ самомъ дѣлѣ, она имѣла большое вліяніе на это согласіе сердецъ, которыя всѣ дѣлались откровенны передъ ея любезностію и красотою: не было облачка, которое бы не разсѣялось при ея появленіи; въ себѣ она мирила все: это была женщина мира. Ненависть къ комъ нибудь огорчала ее почти также, какъ если бы она почувствовала, что эта ненависть зародилась въ ея собственномъ сердцѣ; она не знала ни минуты покоя, пока ей не удавалось уничтожить въ комъ нибудь это чувство. Крестьяне называли ее мирнымъ судьей дружбы. Священникъ говорилъ: «это не судья мира, друзья мои, но гораздо лучше: это судья любви! Если вы не хотите меня послушать, то взгляните на нее: въ ней все дышетъ милосердіемъ!»

Это говорилъ аббатъ Дюмонъ, священникъ изъ Бюссьера, который послужилъ мнѣ типомъ въ моей поэмѣ *Жоселенъ*, и позднѣе сдѣлался моимъ другомъ. Въ немъ не было благочестія моей матери, зато въ немъ была вся восторженность ея добродѣтели.

42.

Селеніи, сосѣднія съ Мильи, къ которымъ матушка чаще всего направляла свои шаги, были *Бюссьеръ* и *Пьеррекло*. Въ древнемъ, живописномъ замкѣ Пьеррекло жилъ графъ Пьеррекло, старинный владѣлецъ всего ущелья, идущаго отъ подошвы горъ Санъ-Пуанъ. Это — лицо изъ романовъ Вальтеръ-Скотта, живущее въ странѣ, совершенно похожей на Шотландію, — старикъ безграмотный, жесткій, дикій, самовластный въ семействѣ, въ сущности добрый, но гордый и суровый въ разговорѣ съ своими старинными вассалами, которые разрушили его жилище въ первую бурю революціи, рѣшительно ничего не понимающій ни въ ходѣ событій, ни идей своего вѣка или, точнѣе, не знающій, что такое идея. Этотъ человѣкъ вмѣщалъ въ себѣ весь тринадцатый вѣкъ, былъ своенравенъ, оригиналенъ, грубъ, какъ по костюму, такъ

Digitized by Google

и по уму, и жестокій подагрикъ, что дѣлало его нравъ еще болѣе терпкимъ и непріятнымъ: но онъ любилъ общество, любилъ хорошо поѣсть, былъ сластолюбивъ, держалъ открытый столъ и хорошо принималъ не только сосѣдей, но и всѣхъ эмигрантовъ, людей, участвовавшихъ въ гражданской войнѣ, вандейцевъ и аристократовъ-роялистовъ. Онъ потерялъ жену еще въ молодости. Семейство его состояло изъ младшаго брата, состарѣвшагося въ качествѣ его главнаго слуги, вдовствующей старухи сестры — г-жи Муародъ, женщины по костюму и привычкамъ такой же странной, какъ ея братецъ, но съ живымъ, острымъ умомъ, котораго въ ней сначала и не подозрѣваешь. Она жила въ чемъ-то въ родѣ подвижной палатки на колесахъ, съ пологомъ и занавѣсами, защищавшими ее отъ холода; палатка эта стояла въ обширной залѣ, въ которой не было почти никакой мебели. Старуха отдергивала свои занавѣси и подкатывала шатеръ къ карточному столу, какъ скоро наступалъ часъ реверси или триктракъ, а часъ этотъ наступалъ вмѣстѣ съ разсвѣтомъ, потому-что въ замкѣ играли въ карты съ осьми часовъ утра до полудня, когда подавали обѣдъ. Послѣ обѣда опять садились за игру до четырехъ часовъ; тутъ гуляли немножко по террасамъ, возвышающимся надъ лугами и полями. Владѣлецъ замка, вооруженный рупоромъ, отдавалъ приказанія съ этихъ террасъ своимъ пастухамъ и хлѣбопашцамъ, разсѣяннымъ по долинѣ; вслѣдъ за тѣмъ входили въ залу и снова принимались за карты и играли до ужина.... и такъ круглый годъ.

Въ замкѣ были только двѣ книги: «Отчеты Неккера», скучныя финансовыя смѣты, и календарь текущаго года; книги эти лежали на каминѣ, и имя-то графъ Пьеррекло питалъ умственныя способности своихъ двоихъ сыновей и пятерыхъ дочерей. Старшій сынъ, лѣтъ тридцати-шести или сорока, еще находился въ изгнаніи; второму, съ которымъ меня сблизили потомъ охота, сосѣдство и удовольствія, было лѣтъ двадцать-пять. Двѣ изъ дочерей были замужемъ; три младшія были прелестью дома: всѣ три красавицы; но красота ихъ была различна. Отецъ любилъ ихъ, но полагалъ, что для нихъ весьма достаточно ихъ состоянія и имени: онѣ были прекрасными его служанками, главными надзирательницами за прислугой. Отецъ не былъ въ ихъ глазахъ только отцомъ, но существомъ какимъ-то высшимъ, которому онѣ служили, несмотря на дурной его нравъ.

Digitized by Google

Сынъ его превосходно ѣздилъ верхомъ и былъ храбръ и отваженъ какъ рыцарь — единственная доблесть, которую старый отецъ желалъ видѣть въ своихъ потомкахъ. Онъ былъ бы гораздо умнѣе, если бы былъ образованнѣе; у него было сердце благородное, великодушное, отважное: настоящая вандейская натура, которая привязала меня къ нему. Въ то время онъ былъ влюбленъ, невѣдомо отъ отца, въ молодую особу рѣдкой красоты, которая потомъ сдѣлалась его женою; эта дѣвушка, по своей чудной обольстительности, достойна быть героинею не одного романа. Она была дочь генерала, прославившагося въ послѣднія смуты и во время усмиренія Вандеи. Бонапарте удалилъ его въ его имѣнье въ Бургундію, въ замокъ Кормatенъ, древнее, роскошное мѣстопребываніе маршала д'Юсселя. Кормatенскій замокъ стоитъ въ восьми миляхъ отъ Пьеррекло. У молодого влюбленнаго была удивительная, арабская лошадь — *Эклипсъ*, стоившая ему покрайней мѣрѣ половины его законнаго наслѣдія. По окончаніи партіи послѣ ужина, при которой молодой человѣкъ долженъ былъ присутствовать, онъ поспѣшно убѣгалъ изъ замка, самъ сѣдлалъ коня, чтобы служители не открыли его отсутствія, — вскакивалъ на него и безъ отдыха мчался въ Кормatенъ, среди мрака, по горнымъ дорогамъ; у рѣшетки парка онъ привязывалъ лошадь, перескакивалъ черезъ стѣну, пробирался по ямамъ, чтобы получить въ награду взглядъ, цвѣтокъ какой нибудь и нѣсколько минутъ разговора шопотомъ, при вѣтрѣ и снѣгѣ, которые часто заглушали его слова и вздохи; за тѣмъ онъ снова переходилъ ровъ, перелѣзалъ черезъ стѣну, снова горѣла земля подъ копытами его скакуна, и влюбленный возвращался въ замокъ Пьеррекло до разсвѣта; въ семь часовъ утра онъ отправлялся въ залу, къ отцу, проскакавъ такимъ образомъ на одной и той же лошади шестнадцать миль отъ восхода мѣсяца до восхода солнца, и лишь для того чтобы вздохнуть подъ окномъ своей милой. Мнѣ самому нѣсколько разъ случалось встрѣчать, когда я возвращался домой въ осенніе вечера, бѣлую лошадь, которая изъ подъ копытъ сыпала искрами, по главной дорогѣ Мильи.

Такая любовь получила вознагражденіе: старый графъ, узнавъ отъ одного лѣсничаго о ночныхъ прогулкахъ сына, простилъ ему страсть, вполнѣ объясняемую столькими неотразимыми прелестями дѣвушки: любовники обвѣнчались. Молодая графиня,

Digitized by Google

Нина Пьеррекло, знаменитая своею красотою и талантами въ цѣлой странѣ, сдѣлала изъ замка Корматенъ прелестное жилище искусствъ и наслажденій. Тогда я сдѣлался однимъ изъ самыхъ близкихъ друзей ея мужа; я былъ постояннымъ гостемъ въ этомъ безподобномъ домѣ и провелъ въ немъ такіе часы своей юности, которые сдѣлали для меня воспоминаніе о замкѣ Корматенъ (находящемся теперь въ другихъ рукахъ) и милымъ и грустнымъ.

43.

Другое сосѣднее семейство, жившее ближе къ Мильи, было очень дружно съ нашимъ: то было семейство *Брюисъ*, одинъ членъ котораго прославилъ это имя въ словесныхъ наукахъ, и изъ котораго родомъ молодой поэтъ Леонъ Брюисъ; ему я посвятилъ введеніе къ моимъ Recuillemens. Дѣйствительность создаетъ иногда такія семейства, какихъ романъ никогда не дерзнулъ-бы изобрѣсти; къ такимъ-то семействамъ принадлежало и это; оно, по сосѣдству, по наслѣдственнымъ отношеніямъ, по дружбѣ, такъ тѣсно связано было съ нашимъ, что въ моихъ воспоминаніяхъ представляется какъ часть нашего. Оно жило въ хорошенькомъ мѣщанскомъ домикѣ, ниже селенія Бюссьеръ, при большой дорогѣ, идущей отъ горъ къ Саонѣ. Домикъ старый; у двери, выходящей на дорогу, есть еще и теперь лѣсенка изъ трехъ ступенекъ, сдѣланныхъ изъ тесаныхъ камней; сверху широкая плита, съ которой женщины и дѣвицы садились нѣкогда въ сѣдло, надѣтое на лошадь или мула, — единственный способъ ѣзды до того времени, пока наконецъ сдѣлалось возможно ѣздить въ каретахъ по нашимъ ущельямъ. Лужайки, орошаемыя хорошенькой рѣчкой и окаймленныя лѣскомъ, подходятъ почти подъ окна домика со стороны, противоположной большой дорогѣ; широкое крыльцо ведетъ въ садъ; при всей простотѣ этого строенія, вы видите въ немъ старинное удобство богатаго дома.

Когда я былъ еще ребенкомъ, семейство Брюисъ состояло изъ отца, стараго главнаго фермера аббатства Клюни, — носившаго суровый, деревенскій костюмъ начальника обширнаго хлѣбопашества, — платье изъ толстаго бѣлаго сукна съ длинной

Digitized by Google

шерстью, съ широкими фалдами, штиблеты изъ той же матеріи, застегнутые повыше колѣнъ,— и изъ матери и двадцати дѣтей, которыя въ началѣ столѣтія, всѣ были живы. Довольство, строгое воспитаніе, природные таланты, — все это сдѣлало изъ сыновей людей замѣчательныхъ, каждаго на своемъ поприщѣ. Нѣкоторыя изъ дочерей были замужемъ и время отъ времени пріѣзжали, съ своими маленькими дѣтьми, посѣтить родное гнѣздо, полное шуму и жизни; четыре еще были въ дѣвушкахъ и жили съ отцемъ, матерью и братьями. Эти молодыя женщины были очень дружны съ матушкою. Несмотря на воспитаніе въ деревнѣ, онѣ, по фамильному преданію и общенію съ братьями, каждый годъ вносившими въ домъ хорошій тонъ, изящество, образованность большого свѣта, въ которомъ жили въ Парижѣ или Ліонѣ, пріобрѣли лоскъ, изящную простоту и обращеніе самыхъ высокихъ дворянскихъ родовъ. Это была самая изысканная аристократія формъ, чувствъ и разговора, при всей простотѣ сельскихъ привычекъ. Можно было сказать, что онѣ находились при дворѣ. Эта фамилія существуетъ еще теперь въ одной изъ послѣднихъ дочерей дома. Уже пожилая, она сохранила свѣжесть впечатлѣній и прелесть ума своей молодости. Я всегда замѣчалъ, что доброта есть элементъ долговѣчности; любовь также сохраняетъ жизнь; ненависть, напротивъ, точитъ и разрушаетъ ее. Мадмуазель Куронъ (ея имя) всегда такъ живо напоминаетъ мнѣ матушку и сестеръ, какъ будто онѣ только что вышли изъ дому и отправились въ бюссьерскій садъ полюбоваться цвѣтами, которыми она нѣкогда занималась.

Г. *Водранъ*, одинъ изъ ея братьевъ, человѣкъ весьма достойный, въ то время поселился въ родительскомъ домѣ. Онъ часто разсуждалъ съ отцемъ моимъ о революціи, которую — какъ крайность и всеобщее разрушеніе—онъ проклиналъ. Она лишила его блестящей жизни, которою пользовался онъ въ Парижѣ, въ качествѣ главнаго секретаря г. Вилледёля, такъ что у него уцѣлѣли только книги. Водранъ былъ нѣкогда моимъ учителемъ чистописанія: его добротѣ я обязанъ искусствомъ излагать мысли мои такъ, что всякій можетъ прочесть ихъ, и придавать даже буквамъ какой-то внѣшній характеръ, который говоритъ о ясности и свѣтлости ума. Я вспоминаю объ его рукѣ, водившей моею, всякій разъ, какъ мнѣ удастся написать на листѣ бумаги строчку, пріятную для глаза.

Digitized by Google

44.

Я часто сопровождалъ матушку ко всѣмъ этимъ сосѣдямъ; но тайная грусть, въ которую я былъ погруженъ, не позволяла мнѣ наслаждаться, какъ прежде, прелестью этого дружескаго общества.

И я предпочиталъ сосредоточенную дружбу бѣднаго священника изъ Бюссьера, исторію котораго я разсказалъ въ своихъ «*Признаніяхъ*»; со дня на день привязанность моя къ нему усиливалась. Для двухъ душъ нѣтъ болѣе могущественной привлекательности, какъ скорбь, источникъ которой одинъ и тотъ же. Каждый день, часъ или два, я проводилъ у него въ саду, а остальное время бродилъ по вереску, покрывающему нашу гору, или подъ ивами, окаймляющими луга. Воздухъ полей пробуждалъ слегка поэтическое вдохновеніе въ моей душѣ, отягченной воспоминаніями, и я выражалъ въ кое-какъ набросанныхъ стихахъ осаждавшія меня впечатлѣнія. Въ то-то время написалъ я стихотвореніе къ лорду Байрону, котораго произведенія доходили до Мильи въ переводныхъ отрывкахъ, печатавшихся въ журналахъ. Когда батюшка (онъ очень любилъ стихи, но никогда не понималъ другихъ произведеній кромѣ Боало, Расина и Вольтера) услыхалъ эти ноты, столь чуждыя его слуху, онъ удивился и долго не зналъ, что дѣлать — хвалить или бранить стихи своего сына. У него было смѣлое сердце и робкій умъ; онъ всегда боялся, чтобы родительское пристрастіе и семейное самолюбіе не измѣнили его мнѣнія относительно того, что ему было такъ близко. Однакожь, однажды вечеромъ, въ Мильи, у огонька, выслушавъ упомянутое мной стихотвореніе и другое — *Долина*, онъ почувствовалъ, что глаза его увлажились, а сердце исполнилось радости.

— Не знаю, хорошо ли это, сказалъ онъ мнѣ: — въ этомъ родѣ мнѣ ничего не случалось слышать; я не могу судить, потому что не съ чѣмъ сравнить; одно могу тебѣ сказать: это поразило слухъ мой и встревожило сердце.

И незамѣтно онъ привыкъ къ новымъ струнамъ новой поэзіи, потому что былъ слишкомъ простосердеченъ, чтобы строить системы противъ своихъ впечатлѣній. Всякій разъ, какъ

Digitized by Google

мнѣ случалось написать одну изъ этихъ *думъ* или *гармоній*, изъ которыхъ напечатаны только нѣкоторыя избранныя пьесы, я читалъ ему отрывки, которыми былъ самъ болѣе доволенъ и которые не могли открыть ему кровавыхъ ранъ моего сердца; потому что все, что̀ было истиннымъ воплемъ моей души, воззваніемъ къ Богу, то̀ я рѣдко оканчивалъ и никогда не печаталъ. Хотя публика существо абстрактное, передъ которымъ не краснѣютъ, какъ передъ другомъ или отцомъ, — однако же душа всегда остается окруженною атмосферою стыдливости, всегда есть часть завѣсы, которую не хочешь совсѣмъ отдернуть.

Такъ прошли для меня осень и зима, въ деревнѣ и городѣ, въ кругу сестеръ и матери, среди грустной поэзіи и священныхъ мыслей, которыя падали на меня съ чела матери и родительскаго очага. Я былъ унылъ и убитъ, но не обезсилѣлъ. Душа моя закалилась въ слезахъ, а скука усиливала вдохновеніе. Одинъ взглядъ матери открывалъ мнѣ и освѣщалъ новый, широкій горизонтъ: этотъ взглядъ утѣшалъ меня и вселялъ надежду.

45.

Мрачная зима прошла въ собраніяхъ, обѣдахъ, балахъ и разныхъ праздникахъ у матушки и у другихъ городскихъ жителей. Это движеніе, — центромъ котораго былъ домъ моей матушки, потому что она была душою всего — добродѣтели ли, или любезности, добрыхъ ли дѣлъ, или приличныхъ удовольствій, — навѣвало на меня грусть еще сильнѣе, чѣмъ однообразіе и угрюмость въ продолженіи лѣта. Чтобы сдѣлать угодное матушкѣ, я являлся на эти собранія, но приносилъ съ собой особенный міръ, который уединялъ меня. Иностранцы, молодыя женщины и молодые танцоры ощущали какую-то робость, видя мое молчаливое отдаленіе отъ ихъ забавъ; они спрашивали другъ друга — что̀ за причина этого отвращенія къ свѣтскимъ удовольствіямъ и къ жизни, которое помрачаетъ лицо мое въ такіе годы? называли гордостію то, что̀ было единственно углубленіемъ въ самого себя.

Тутъ были женщины, замѣчательныя своимъ изяществомъ и прелестями; были молодыя особы, впослѣдствіи прославившіяся умомъ и красотою: такъ, напримѣръ, вторая дочь г. Форбена,

Digitized by Google

г-жа М...., тогда еще дитя, но уже много обѣщавшее. Все это видѣлъ я какъ бы въ туманѣ; я не танцовалъ, не игралъ, не подходилъ ни къ кому, чтобы обмѣняться пустыми, обыкновенными фразами, ложными, позолоченными жетонами случайныхъ разговоровъ. Я огорчалъ матушку и удивлялъ все общество нравственнымъ своимъ отдаленіемъ отъ всего, что оживляло домъ.

46.

Съ какою радостію смотрѣлъ я на возвращеніе весны! она вела за собою постъ, съ его воздержаніемъ и благочестивыми занятіями, во время котораго прекращалась вся суматоха зимнихъ увеселеній. Я отправился въ Верхнюю Бургундію, какъ бы для того, чтобы посѣтить другого дядю, жившаго въ той сторонѣ, а собственно лишь для того, чтобы удалиться отъ Макона и избавиться отъ любопытства маленькаго городка, который все хочетъ знать, а чего не знаетъ, то истолковываетъ по своему.

Я поѣхалъ въ замокъ д'Юрси, одно изъ старинныхъ жилищъ моего дѣда, доставшееся одному изъ дядей, котораго я любилъ болѣе всѣхъ другихъ родныхъ. Это былъ аббатъ Лашартинъ. Я говорилъ о немъ еще на первыхъ страницахъ моихъ «Признаній»: говорилъ, что по своей природѣ онъ созданъ былъ для свѣта, свободной жизни и удовольствій, — что право первородства сдѣлало изъ него духовную особу, — что онъ жилъ въ Парижѣ, при дворѣ, въ салонахъ женщинъ самыхъ прекрасныхъ и не слишкомъ строгихъ; говорилъ, какъ онъ, наконецъ, возвратившись съ рошефорскихъ понтоновъ и изъ парижскихъ тюрьмъ, воспользовался своею свободою и прекраснымъ состояніемъ, чтобы сложить съ себя обѣты своего званія, и поселился одинъ, какъ философъ и земледѣлецъ, въ глуши лѣсовъ, гдѣ по крайней мѣрѣ деревья и стада не могли потребовать у него отчета въ самовольномъ отлученіи.

Его замокъ, самый обширный и прекрасный въ цѣлой странѣ, стоялъ въ этомъ лабиринтѣ черныхъ горъ, темныхъ ущелій и однообразныхъ лѣсовъ, составляющихъ возвышенную часть Бургундіи, между Семуромъ и Дижономъ; кругомъ, на разстояніи четырехъ или пяти миль, не было ни одного города; мѣсто

Digitized by Google

это дико и сурово; воздухъ огненный, небо снѣговое; это французская Сибирь, печальная какъ сѣверъ, страна пастуховъ и дровосѣковъ, гдѣ по цѣлымъ часамъ встрѣчаешь только дубы и стада, похожія одно на другое. По блѣдно-сѣрому небосклону тянется черная полоса лѣсовъ, прямая и ровная какъ валъ, проведенный по веревкѣ. Это однообразіе пустынь между Каиромъ и Краснымъ моремъ, пока деревья не превратились еще въ пепелъ, а скалы въ лаву.

На узкой площади, на склонѣ этихъ ущелій, высится замокъ д'Юрси, точно аббатство. Лишь сквозь вѣтви громадныхъ дубовъ виднѣлся его необозримый фасадъ, съ пятнадцатью окнами со сводами и желѣзными балконами, съ позолоченными гербами; окна эти говорили о чистой итальянской архитектурѣ, перенесенной въ страну друидовъ. Окружные крестьяне говорятъ, что этотъ замокъ выстроенъ для звѣздъ небесныхъ, потому что онѣ однѣ могутъ смотрѣть на него. Замокъ стоитъ отъ селенія на разстояніи полу-часа ходьбы. Великолѣпное жилище отшельника, противорѣчіе между великолѣпіемъ зданія и самымъ мѣстомъ, на которомъ оно построено — вотъ его характеръ. Его окружали обширные сады, которые не были, да и не могли быть, нивелированы, потому что ихъ образовали покатости мѣста — здѣсь открытаго, тамъ запертаго горами, равнинами, ущельями, глубоко ушедшими подъ скалы. Четырнадцать ключей направлены были въ длинные подземные водопроводы, изъ которыхъ они выбѣгали наружу то тутъ, то тамъ, черезъ кучу раковинъ, камней, дельфиновъ съ бородами изъ зеленаго мху, или образовывали бассейны круглые, овальные, четырехъугольные, всѣхъ возможныхъ формъ и величинъ. На одномъ изъ нихъ стояла лодка, и я любилъ отвязывать цѣпь, пускать лодку по волѣ и смотрѣть, какъ ее заносило въ тростникъ. Одинъ изъ этихъ ключей назывался ключемъ *Фонтана*, по имени столѣтняго бука, прикрывающаго источникъ и своими вѣтвями бросающаго тѣнь на полъ-арпана земли. Этотъ ключъ я воспѣлъ нѣкогда въ стихотвореніи, подъ заглавіемъ:

Лѣсной ключъ.

«Свѣтлый журчащій ключъ, падающій со склона скалы прозрачной полосой на дернъ и разстилающійся по немъ.

Digitized by Google

«Изсѣченный каррарскій мраморъ, въ которомъ ты пѣнился прежде, нѣ удерживаетъ уже водъ твоихъ, и онѣ разсыпаются по влажному ковру лѣсовъ.

«Твой дельфинъ, поросшій зеленымъ плющемъ, уже не извергаетъ изъ ноздрей волнистыми, блестящими лучами горделивую пѣну водъ.

«Теперь храмомъ тебѣ и тѣнью служатъ только величественные буки, наклоняющіе свои мрачные, громадные стволы надъ твоими водами, разбѣгающимися какъ ихъ вѣтви.

«Листъ, позолоченный рукою осени, падаетъ съ нихъ и подергиваетъ зыбью твое чело; зеленый мохъ вѣнчаетъ обтертые временемъ края твоего бассейна.

«Но ты все бьешь пѣной, подобно великодушнымъ сердцамъ, которыя, несмотря на то, что ихъ отвергаютъ, все-таки сыплютъ щедрою рукою утѣшенія несчастнымъ.

«Наклонившись надъ твоей разбитой чашей, я гляжу, какъ твои сокрытыя воды прорываются, какъ скромная роса, на камни и шлифуютъ ихъ;

«Я слышу, какъ твои гармоническія капли падаютъ, все падаютъ, и паденье ихъ звучитъ какъ мелодическій голосъ, прерываемый нѣжнымъ вздохомъ.

«При этомъ голосѣ возникаютъ передо мной образы моего дѣтства; они обливаютъ меня грустію, и я вспоминаю о прошломъ....

«О, ты, котораго журчанію я теперь внимаю, о сколько разъ, дитятей и юношей, съ заботой на душѣ, я приходилъ къ твоимъ берегамъ — поплакать, или порадоваться!

«О, сколько прошедшихъ сценъ сливаются съ твоимъ мечтательнымъ гуломъ! Скажи, какая печальная мысль не утекла съ твоими водами?...

«Да, это я, съ бѣлокурыми волосами, развѣвающимися по волѣ вѣтра, приходилъ къ тебѣ во время оно, ребяческой рукою дразнить твою зыбь.

«Да, это я лежалъ подъ сводами деревъ, склонившихся надъ тобой, и слѣдилъ въ пространствѣ за моими мечтами.... о, онѣ были многочисленнѣе, чѣмъ твои капли....

«Обманчивый горизонтъ этаго возраста блестѣлъ, какъ иногда по утрамъ солнце золотитъ облако, которое должно помрачить его въ его пути.

Digitized by Google

«Позднѣе, разбитый бурею, оплакивающій смерть или отсутствіе милыхъ, сколько разъ преклонялъ я свою голову къ скалѣ, изъ которой ты бьешь!

«Закрывъ лицо руками, я не глядя видѣлъ тебя, и, подобно каплямъ послѣ бури, слезы мои возмущали твою зеркальную поверхность.

«Сердце мое, въ изліяніи своей скорби, ввѣрялось только твоему эхо, потому что твои рыданія, милый ключъ, казалось, отвѣчали на мои....

«И теперь я снова прихожу, увлекаемый прежнимъ чувствомъ, внимать твоему звучному паденію, раздающемуся въ тѣни лѣсовъ.

«Но бѣглыя мысли уже не слѣдятъ за твоими блуждающими водами, подобно этимъ листьямъ, уносимымъ потокомъ;

«Изъ міра имъ ненавистнаго онѣ возвращаются по твоему призыву, чтобы обновиться въ глубинѣ лѣсовъ, при нѣмыхъ лучахъ мѣсяца.

«Забывая рѣку, въ которую увлекаетъ тебя стремленіе ничѣмъ непреоборимое, я, слѣдя по жиламъ, дохожу до руки, тебя разсыпающей.

«Я смотрю на тебя, дитя облаковъ, смотрю, какъ разсыпаешься ты въ пѣнистыхъ волнахъ, стремишься съ бурями или разпадаешься росою по цвѣтамъ.

«Жаждущая земля поглощаетъ тебя въ пропасть, гдѣ клокочутъ твои воды, гдѣ дернъ каждою своею порою пьетъ по каплѣ твою кристальную влагу.

«Ты перегоняешься, дѣвственный перлъ, въ таинственныхъ чанахъ до тѣхъ поръ, пока твоя вода не сравнится съ блестящей лазурью небесъ.

«Ты показываешься — пустыня оживляется; дыханіе выходитъ изъ твоихъ водъ; старый дубъ расширяетъ свою вершину, чтобы прикрыть тебя тѣнью своихъ вѣтвей.

«Свѣтъ дребезжитъ по листамъ; птичка поетъ по твоему пути, и человѣкъ на колѣняхъ собираетъ тебя въ золотые сосуды или въ пригоршни своихъ рукъ.

«Листья скрываются во мракѣ, и, вѣрный персту, повелѣвшему тебѣ течь здѣсь для пролетающей птицы, ты своимъ журчаніемъ возвѣщаешь ей свое присутствіе.

Digitized by Google

«И меня ты также ждешь, чтобы сказать: зри здѣсь десницу твоего Бога! Это чудо, которому дивятся Ангелы, только капля Его мудрости.

«Твое сосредоточіе, твое журчаніе, какъ бы уготовляютъ Ему мое сердце; священная любовь къ природѣ есть первый гимнъ Творцу ея.

«При каждой жалобѣ твоихъ водъ, мнѣ чудится какой-то глубокій голосъ, который возвѣщаетъ Его и выхваляетъ.

«Сердце мое, переполненное мыслями, какъ твой бассейнъ водою, чувствуетъ, что сомкнутыя уста мои готовы излиться любовью, переполнившею мою грудь.

«Молитва, ищущая исхода, прорывается въ стремительныхъ рѣчахъ, и я молюсь....

«Вотъ какимъ видятъ меня снова твои берега — сегодня уже не тѣмъ, чѣмъ былъ вчера. Что̀жь? лебедь мѣняетъ перья, листъ падаетъ зимою!

«Быть можетъ, скоро ты увидишь, какъ я, склонивъ къ тебѣ мои сѣдины, сорву вѣтвь съ твоего бука, чтобы поддержать мои ослабѣвшія ноги.

«Сидя на скамьѣ изъ твоего мху, чувствуя, какъ изсякаютъ мои дни, слѣдя за тихимъ твоимъ струеніемъ, я научусь у тебя, какъ должно умирать.

«Глядя, какъ бѣгутъ твои воды, капля по каплѣ, какъ онѣ исчезаютъ волна за волною, я скажу себѣ: «Вотъ путь, по которому скоро послѣдуетъ жизнь моя.

«Много ли дней у меня осталось? что̀ мнѣ за дѣло! Я стремлюсь туда же, куда и ты бѣжишь. Нашъ вечеръ уже смѣняется утреннею зарею: текитежь, воды, теките вѣчно!»

47.

Я любилъ эти мѣста, любилъ дядю, любилъ старыхъ его служителей, которые видѣли меня еще ребенкомъ; для нихъ пріѣздъ мой въ эту пустыню упалъ на сердце лучомъ радости и воспоминанія; онъ внесъ разнообразіе и движеніе въ ихъ монотонную жизнь; я любилъ даже собакъ и огромныя стада овецъ, надъ которыми начальствовалъ, какъ Эвмей въ Итакѣ, пастухъ истинно гомеровскій, *старикъ Жакъ*, съ гордостію

Digitized by Google

предводителя и заботливостію матери къ дѣтямъ; особенно любилъ я чудесную женщину, управлявшую замкомъ и многочисленною прислугою съ тою кротостію и добротою, которая побѣждаетъ сопротивленіе, предупреждаетъ соперничество и заставляетъ любить дисциплину, потому что любятъ ту, которая ее предписываетъ. Она была старый другъ дяди, любима всѣмъ семействомъ, чувствительна, дѣятельна, безкорыстна, всеобщая заступница, еще съ пріятною наружностію, въ скромномъ костюмѣ, чистенькая, полу-свѣтская, полу-монастырка. Она обращалась со мной, какъ съ будущимъ наслѣдникомъ этого имѣнія, — баловала, какъ ребенка: къ моему пріѣзду, она приготовила мнѣ самую веселенькую комнату, заставила дядюшку купить лучшихъ охотничьихъ собакъ и самую красивую лошадь, какую могли только найти въ ихъ горахъ. Женщина эта еще жива и пишетъ ко мнѣ время отъ времени, когда до нея доходятъ обо мнѣ слухи пріятные или непріятные. Прекрасная мысль поручать управленіе огромнаго дома женщинамъ! Ихъ нѣжный голосъ смягчаетъ приказанія какою-то любовью; ихъ слабая рука ослабляетъ немножко власть и тѣмъ самымъ предупреждаетъ сопротивленія. Вѣдь сопротивляемься лишь тому, кто устрашаетъ, а не тому, кто научаетъ и внушаетъ.

Дядюшка мой изъ всѣхъ членовъ семейства былъ человѣкъ съ душою самою любящею, сердцемъ самымъ нѣжнымъ, одаренный характеромъ пріятнымъ и далеко не тяжелымъ. Онъ не умѣлъ ни хотѣть, ни противиться, ни повелѣвать: онъ умѣлъ только нравиться и угождать. Онъ возлагалъ все или на моего отца, или на г-жу Ройе, своего перваго министра. Меня онъ любилъ скорѣе съ нѣжностію друга, чѣмъ съ суровою властію дяди. Зато и я платилъ ему нѣжною привязанностію. Доброта всегда была для меня сильнымъ магнитомъ: всѣ другія достоинства мужчины или женщины исчезаютъ передъ этимъ. Доброта есть сама добродѣтель. Дядя получилъ этотъ даръ, и единственные недостатки, самые легкіе, которые бросали на него легкую тѣнь, все-таки были прекрасны, потому что были крайностію или милыми слабостями этой доброты.

Легко себѣ представить, былъ ли я счастливъ, находясь съ нимъ!

Я смотрѣлъ, какъ солнце восходитъ надъ вершинами дубовъ въ паркѣ; открывалъ окно, чтобы ласточки свободно могли

Digitized by Google

носиться подъ потолкомъ комнаты; читалъ, лежа въ постели, старыя книги изъ библіотеки, при говорѣ жизни, несшемся со двора замка или съ фермы; слушалъ звонки, привѣшенные къ козлу, ведущему стадо овецъ въ поле послѣ утренней росы; вставалъ, чтобы позавтракать съ дядею сливками отъ его коровъ и золотистымъ медомъ изъ ульевъ; разговаривалъ и ходилъ съ нимъ изъ залы въ библіотеку, изъ конюшенъ въ садъ; а въ часы, когда солнце жжетъ невыносимо, возвращался въ комнаты; потомъ, когда оно склонится къ закату, выходилъ изъ замка уже одинъ, съ ружьемъ или книгой въ рукахъ, или отправлялся верхомъ на моей дикой лошади съ шелковистою, густою гривою, ниспадающею внизъ и закрывающею ей глаза; во всю скачь несся по колючему, цвѣтущему чаирану (*); спускался въ ущелья, въ глушь лѣсовъ, гдѣ, чтобы пробраться подъ вѣтвями, нужно было пригнуться всѣмъ тѣломъ къ шеѣ лошади; гулялъ безъ цѣли и встрѣчалъ то проталину, то ключъ, то семью дикихъ козъ, испуганныхъ шумомъ; въ продолженіи цѣлыхъ часовъ блуждалъ нарочно въ окрестности, чтобы очутиться въ нѣсколькихъ миляхъ отъ замка, и потомъ, при вечерней свѣжести, тихимъ шагомъ возвращался домой; обѣдалъ, разговаривалъ, читалъ, слушалъ приключенія аббата въ Версали и Парижѣ, при прежнемъ правительствѣ; забывался подъ эти разсказы и когда овладѣетъ мной сонъ, то поднимался по широкой лѣстницѣ, проходилъ длинныя, наполнявшіяся звукомъ моихъ шаговъ залы и входилъ въ свою комнату, засыпалъ за страницею философа или поэта, а назавтра такой же день, такая же ночь. Вотъ какъ проходило время, когда мнѣ удавалось пріѣзжать на нѣсколько мѣсяцевъ, незамѣтныхъ, но быстрыхъ, въ это уединеніе, въ этотъ пріютъ тихой лѣни, безпечности, чтенія, мечтаній и дружбы!... Обстоятельства и отдаленность мѣста заставили меня, по смерти дяди, продать эти драгоцѣнныя деревья, распространявшія сладостную тѣнь, и источники, оглашавшіе окрестность своимъ журчаніемъ. Да будутъ они также гостепріимны и также отрадны для другихъ поколѣній!

Особенно часто сидѣлъ я подъ высокими буками, осѣняющими ключъ *Файара*, всегда пестрѣвшій черными дроздами,

(*) Растеніе, sainfoin d'Espagne — испанскія пѣтушьи головки, по латынѣ — haedisarum.

Digitized by Google

прилетавшими пить и нисколько не пугавшимися моего присутствія. Буки эти дотого обременены вѣтвями, а вѣтви, унизанныя сучками, дотого обременены листьями, что сквозь ихъ зеленую сѣтку едва-едва можно было разсмотрѣть свѣтлый прудъ, который блеститъ внизу, подъ тополями. О, отчего, переходя съ одного мѣста на другое, нельзя уносить съ собой и любимыя мѣста! я унесъ бы съ собой этотъ драгоцѣнный для меня клочекъ земли!

Здѣсь-то упивался я уединеніемъ до опьяненія, но никогда до пресыщенія!

КНИГА XIV.

1.

Этою жизнью, освѣжавшею мою грусть, какъ холодный воздухъ освѣжаетъ обжогу на рукѣ, я жилъ до осени. Сосредоточенное, страстное однообразіе этой жизни нарушалось только перепискою, правда рѣдкою, но задушевною и животрепещущею, съ *Салюсомъ;* такъ звали одного моего друга, о которомъ я еще не упоминалъ. Вотъ какимъ образомъ мы познакомились и полюбили другъ друга.

Въ королевской гвардіи, гдѣ батюшка заставилъ меня прослужить нѣсколько лѣтъ, былъ молодой бретанецъ, котораго красота, молодость и наивное добросердечіе, признакъ этой благородной породы, мнѣ очень понравились. Онъ тоже почувствовалъ инстинктивное влеченіе ко мнѣ; оба мы были въ томъ возрастѣ, когда дружба завязывается быстро, когда не разсуждаютъ объ ея прелести. Люди встрѣчаются, нравятся другъ другу, разговариваютъ, довѣряютъ одинъ другому мысли свои; если эти мысли сходны, то люди уединяются отъ толпы, разстаются съ неудовольствіемъ, встрѣчаются съ радостію, ищутъ другъ друга, привязываются, и вотъ они вездѣ вмѣстѣ. Такъ и я привязался братскою любовью къ моему товарищу. Мы сошлись во вкусахъ и къ военной службѣ и къ литературѣ, любили поэзію,

Digitized by Google

съ жадностію искали уединенія, сколько это намъ позволяла походная жизнь въ провинціи или въ казармѣ въ Парижѣ. Онъ говорилъ мнѣ о своемъ морѣ, я — о своихъ горахъ. Послѣ ученья, мы долго гуляли, мечтая, по зеленымъ тѣнистымъ и однообразнымъ аллеямъ Пикардіи. Въ нѣсколько мѣсяцевъ мы стали братьями; онъ зналъ всѣ мои секреты, я всѣ его; если бы случай привелъ меня въ его семейство, то я бы не былъ въ немъ человѣкомъ постороннимъ; онъ узналъ бы моего отца, мать и сестеръ по портретамъ, которые я ему сдѣлалъ....

Отецъ *Салюса* бѣжалъ въ Англію съ женою, сыномъ и дочерью, еще тогда въ пеленкахъ, послѣ первыхъ смутъ въ Вандеѣ. Имущество его было конфисковано. Двоюродный дѣдъ, духовная особа, старый и богатый, занимавшій важную должность въ Римѣ въ канцеляріи Ватикана, призвалъ въ Италію отца *Салюса* и его семейство. Оно поселилось въ Римѣ. Двоюродный дѣдъ умеръ, оставивъ свой палаццо, виллу близь Альбано и значительныя деньги своему племяннику. Этотъ племянникъ, отецъ моего друга, такимъ образомъ совершенно потерялъ свой національный характеръ: онъ сдѣлался римляниномъ. Узнавъ о возвращеніи Бурбоновъ во Францію, онъ пустился въ путь, чтобы возвратить себѣ родину, титулъ и получить вознагражденіе за свое изгнаніе. Въ Римѣ онъ оставилъ жену и дочь, а сына увезъ съ собой въ Парижъ и помѣстилъ его въ тотъ же корпусъ, гдѣ и я служилъ. Изъ Парижа онъ отправился въ Бретань и возобновилъ древнее жилище своихъ предковъ. Смерть караулила его въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ родился. На охотѣ съ старинными пріятелями въ отцовскихъ лѣсахъ, столь счастливо снова имъ обрѣтенныхъ, вдругъ лошадь подъ нимъ споткнулась и онъ ударился головою объ дубъ. Салюсъ поспѣшилъ въ Бретань, чтобы исполнить послѣдній долгъ въ отношеніи къ отцу и вступить во владѣніе половиною имѣнія; потомъ онъ пріѣхалъ проститься со мной въ Бове и оттуда отправился въ Римъ, къ матери и сестрѣ. Отъѣздъ его меня сильно опечалилъ и былъ одною изъ причинъ, заставившихъ меня оставить эту службу, столь скучную въ мирное время. Такъ какъ я былъ первымъ другомъ его юности, то дружба эта пустила въ его сердце глубокіе корни. Мы вели съ нимъ нескончаемую переписку; правда, мы заразъ жили въ двухъ мѣстахъ: онъ тамъ, гдѣ я, я вмѣстѣ съ нимъ въ Римѣ. Письма эти могутъ

Digitized by Google

составить цѣлый томъ; изъ нимъ можно узнать въ этомъ молодомъ человѣкѣ, смѣси бретанца съ римлянином, двойственную натуру — любознательную, геройскую и дикую сердцемъ, артистическую и созерцательную, по воображенію. Вотъ эта-то противоположность и привязывала меня къ нему, потому что въ ней я видѣлъ слабый отблескъ самого себя. Объ этомъ можно судить по отрывкамъ изъ писемъ Салюса, уцѣлѣвшихъ отъ времени и лежавшихъ въ старомъ шкапу дядиной библіотеки, куда я бросалъ ихъ, прочитавъ по нѣскольку разъ.

2.

Все это мнѣ необходимо было сказать для того, чтобы можно было понять одно изъ моихъ самыхъ неожиданныхъ путешествій въ молодости и самое таинственное исчезновеніе. Вы можете думать, что вамъ угодно, назвать это глупостію или преданностію — мнѣ все равно. Что сдѣлано — сдѣлано, что сказано — сказано. Признанія — это исповѣдь дружбы, и пусть дружба ихъ и разрѣшаетъ.

3.

Однажды вечеромъ, въ послѣднихъ числахъ іюля, въѣзжая верхомъ, съ ружьемъ черезъ плечо, на большую, пустынную лужайку, разстилающуюся между двумя липовыми рощами передъ замкомъ дяди, я очень удивился, увидавъ почтальона съ ближайшей почты *Понъ-де-Пани*, который подалъ мнѣ спѣшное письмо, написанное изъ сельской гостинницы, и попросилъ отвѣта.

Не сходя съ лошади, распечаталъ я письмо и прочелъ. Оно написано было по итальянски, на языкѣ, который послѣ моего долгаго пребыванія въ Италіи сдѣлался мнѣ также извѣстенъ, какъ мой собственный. Вотъ переводъ этого письма:

«Двѣ дамы, пріѣхавшія изъ Рима, узнавъ отъ графа Салюса «де***, что другъ его находится въ замкѣ д'Юрси, покорнѣйше «просятъ его пріѣхать на постоялый дворъ въ Понъ-де-Пани, «гдѣ онѣ ожидаютъ его въ гостинницѣ; онѣ полагаютъ на него

Digitized by Google

«всѣ свои надежды. Имя ихъ ему быть можетъ не безъизвѣстно,
«но онѣ увѣрены, что, будучи иностранки, принужденныя къ
«бѣгству, найдутъ въ немъ участіе и доброе сердце.»

«Графиня *Ливія Д****,
«и ея внука, княжна *Регина С****.»

4.

Я тотчасъ узналъ имена, которыми наполнены письма Салюса. Только я не могъ понять, что́ значитъ пріѣздъ ихъ во Францію безъ него, пребываніе въ деревенскомъ трактирѣ, на проселочной дорогѣ Бургундіи, и наконецъ слово — бѣглянки.

Дядя мой, котораго бубенчики почтовой лошади вызвали на крыльцо, улыбался съ лукавствомъ и добродушіемъ, глядя на мое удивленное лицо и видя, какъ внимательно я читалъ и перечитывалъ полученную записку.

— Пожалуста, не скрывайся отъ меня, сказалъ онъ, съ усмѣшкой посматривая на меня: — герои романовъ всегда нуждаются въ повѣренныхъ. Въ свое время мнѣ знакомы были обѣ роли. Я увѣренъ, что мнѣ не предлагаютъ первой роли эти прекрасныя путешественницы, о которыхъ говорилъ почтальонъ, выпивая стаканъ вина; но ты можешь поручить мнѣ вторую; я буду скроменъ: это добродѣтель снисходительности.

— Клянусь вамъ, дядюшка, отвѣчалъ я: — въ этомъ посланіи нѣтъ тайны, касающейся до меня. Вы часто сами меня упрекаете за мою грусть и знаете причину этой грусти. Здѣсь на землѣ сердце мое не можетъ привязаться ни къ какой красотѣ.

Онъ указалъ мнѣ пальцемъ на огромную, густую липу, подъ тѣнью которой я остановилъ лошадь.

— Видишь ли ты эту липу? сказалъ: — она постарше тебя, не такъ ли?

— Конечно.

— Ну, такъ въ двадцать лѣтъ я ее уже пять разъ подрѣзывалъ, а въ ней больше жизни, соку теперь, чѣмъ тогда, когда я сюда пріѣхалъ.

Digitized by Google

— Да, отвѣчалъ я съ грустью: — но вѣдь это — дерево, а я человѣкъ. Попробуйте-ка разсѣчь кору этой липы и выжечь сердцевину, и вы увидите — разцвѣтетъ ли она снова.

Мы вошли въ домъ шумя и разговаривая, онъ — весело, я — очень важно. Я отправилъ почтальона съ запискою, въ которой писалъ, что имя друга моего Салюса есть для меня талисманъ, и что я явлюсь въ Понъ-де-Пани почти въ одно время съ посланнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, я сѣлъ въ сѣдло и помчался по тропинкѣ черезъ лѣсъ, на половину сокращавшей дорогу, чтобы пріѣхать въ селеніе до ночи.

5.

Въ Понъ-де-Пани я сошелъ съ лошади; итальянскій курьеръ, въ богатой ливреѣ, проводилъ меня черезъ дворъ въ большой уединенный павильонъ, выходившій въ поле и составлявшій часть гостинницы. Онъ состоялъ изъ двухъ-трехъ комнатъ, назначавшихся для важныхъ путешественниковъ, которыхъ ночь часто застигала на этой станціи, у подошвы горы Сонбернонъ, куда не совсѣмъ-то благоразумно было пускаться въ темноту. Проводникъ сказалъ мою фамилію горничной или кормилицѣ, въ одеждѣ крестьянокъ изъ Тиволи, — одеждѣ, при видѣ которой сильно забилось мое сердце, потому что она напомнила мнѣ *Граціеллу*. Эта женщина, уже пожилая, отворила мнѣ двери въ комнату. Я вошелъ.

Увидавъ молніеносную красоту молодой княжны, которая встала и пошла мнѣ на встрѣчу, я подумалъ, что чуть ли дядюшка не правъ, и что если сердце можетъ создать иногда красоту, то красота въ состояніи создать новое сердце въ томъ, котораго она обдаетъ такимъ горячимъ лучемъ. Попробую описать сцену, которая никогда не изгладится изъ моей головы.

Комната была просторна, меблирована какъ всякая комната деревенской гостинницы; въ ней стояли двѣ постели, съ пологами блѣдно-голубого цвѣта, каретные ваши и сундуки; дорожные шали и плащи, покрытые пылью, валялись на стульяхъ и на коврѣ. Одно окно выходило на широкую равнину луговъ; послѣдніе лучи солнца освѣщали комнату и лица тѣмъ порошистымъ, горячимъ свѣтомъ, который походитъ на золотой дождь,

Digitized by Google

падающій на верхушки деревъ и разстилающійся по небосклону. Свѣтъ этотъ проникалъ черезъ полу-отдернутыя голубыя занавѣски и ложился лучезарною діадемой на голову и плечи молодой дѣвушки. Она была высока ростомъ, стройна, тонка, но въ ней не было, однакожь, той черезчуръ уже нѣжной гибкости и слабой худощавости, которыя въ нашихъ запоздалыхъ сѣверныхъ климатахъ сгоняютъ тѣлесный румянецъ съ дѣвушекъ отъ шестнадцати до осьмнадцати лѣтъ. Ея талія, руки, плечи, шея, щеки дышали округлостію, которая обрисовываетъ полноту жизни въ статуѣ «Психеи» Кановы. Въ ней ничто не гнулось долу, хотя все было легко и воздушно. Въ ней были самоувѣренность танцовщицы, несущейся по песку Кастелламаре и поднимающей руки, чтобы ударить кастаньетами. Одѣта она была въ черное шолковое платье, какъ всѣ итальянки того времени; на ней не было ни шали, ни косынки, которыя закрывали бы ея плечи или не позволяли плотно обхватывавшей шолковой ткани, подобно мокрому платью, обрисовывать контуры ея тѣла. Платье было очень коротко, какъ будто носившая его уже давно изъ него выросла; на коврѣ покоилась пара ножекъ, немножко побольше и потолще ногъ француженокъ. Ножки эти не носили башмаковъ: онѣ свободно прятались въ туфли изъ желтаго сафьяна, съ стальными блестками и съ разноцвѣтными узорами. Шея ея была совершенно обнажена; большая камея на ленточкѣ изъ чернаго бархата возвышала еще болѣе ея поразительную бѣлизну. Отъ вліянія ли солнца, скользившаго по ея челу, отъ волненія ли и стыдливости при видѣ незнакомаго человѣка, или заранѣе волновало ее то, что она имѣла сказать мнѣ, или просто отъ избытка жизни, какъ бы то ни было, только казалось, что вся краска прилила къ ея лицу.

Что же касается до выраженія ея глазъ, такихъ же темно-голубыхъ, какъ воды Тиволи, рта, котораго важныя, нѣсколько даже тяжелыя складки и выказывали и въ тоже время скрывали ея душу, нѣжности, которая влекла ее впередъ, и природной величавости, удерживавшей ея порывъ на встрѣчу ко мнѣ—всего этого я не берусь описать. Свѣтъ не описываютъ: его ощущаютъ. Волосы ея поддерживались сѣткою изъ малиноваго шолку, которую носятъ женщины юга въ дорогѣ или дома. Но изъ широкихъ петлей сѣтки, разорвавшихся отъ трепія о спинку кареты, выбѣгали тамъ и сямъ густыя букли, такъ что можно

Digitized by Google

было видѣть, какъ роскошны и гибки эти волосы. Они были бѣлокурые, но только того свѣтлаго цвѣта, который напоминаетъ стволъ пшеничной соломенки, обожженной іюльскимъ солнцемъ на римской полянѣ; этотъ русый цвѣтъ на волосахъ южной женщины имѣетъ оттѣнокъ золотистый, а на волосахъ сѣверной у него отливъ ледяной. Волосы ея на концахъ измѣняли цвѣтъ свой, какъ это бываетъ у дѣтей; они скручены были огненною лентою и образовывали природную діадему, на которой блестѣло солнце.

Вотъ какою явилась мнѣ княжна Регина. Блеску или нѣжности было болѣе въ чертахъ ея — не знаю. Я остановился неподвиженъ, пораженный удивленіемъ.

6.

Подлѣ нея, на матрацѣ, разостланномъ на полу и покрытомъ бѣлымъ мѣхомъ съ черными пятнами, отдыхала, облокотившись на руку, пожилая женщина, закутанная въ черный, бархатный плащъ. Ея лицо, хотя истомленное и покрытое замѣтными морщинами на щекахъ и двойномъ подбородкѣ, хранило еще слѣды исчезнувшей красоты. Носъ, какъ бы изсѣченный рѣзцомъ скульптора; широкіе, черные глаза подъ сводомъ бровей; ротъ, отвисшій по краямъ, но съ выраженіемъ граціи и силы на губахъ; перламутровые зубы; широкій, матовый лобъ, раздѣленный по серединѣ морщиною мысли; локоны черныхъ волосъ, едва подернутыхъ сѣдиною, выбѣгающіе изъ подъ коричневой сѣтки и закрученные какъ змѣи на впадинѣ висковъ; истомленный болѣзненный цвѣтъ кожи, лѣность въ движеніяхъ и разбитыхъ, глухихъ звукахъ голоса, — вотъ портретъ графини Ливіи Д***, бабушки молодой женщины.

При моемъ появленіи, она съ усиліемъ приподнялась на локтѣ; графиня взорами слѣдила за лицомъ и движеніями своей внуки, какъ будто одна была мыслью, а другая голосомъ въ этой сценѣ. Видно было, что вся душа матери перешла и вселилась въ дочь.

Digitized by Google

7.

— Я княжна Регина, сказала мнѣ по итальянски молодая женщина, голосомъ слегка дрожащимъ, звукъ котораго былъ звонокъ и чистъ, такъ что, слушая его, можно былъ подумать, что сыплютъ перлы въ сосудъ: — а вотъ — графиня Ливія, моя бабушка. Я знаю отъ того, кого вы называете другомъ и кто для меня все.... что имени *Салюса* достаточно для нашего знакомства; онъ узелъ нашего сердца и вашего. Нашу жизнь вы знаете изъ его писемъ; мы знаемъ васъ — изъ вашихъ; у него нѣтъ тайны отъ насъ, у васъ нѣтъ тайны отъ него. Итакъ, мы знаемъ васъ, хотя никогда не видались, — знаемъ, какъ будто вы были Салюсъ, а я — вы сами.— Отбросимъ же всѣ церемоніи другъ съ другомъ, прибавила она, быстро подойдя ко мнѣ, будто была моею сестрою, и своими прекрасными, трепещущими руками взяла мою руку. — Сдѣлаемтесь друзьями въ одинъ часъ, какъ будто мы знакомы цѣлыя десять лѣтъ.... Что̀ время, сказала она съ выраженіемъ нетерпѣнія, въ которомъ проявлялись вся ея воля и энергія: — что̀ время, если оно не служитъ къ тому, чтобы скорѣе полюбить другъ друга?

При этихъ словахъ, она вспыхнула какъ уголь, на который повѣяло вѣтромъ. Я улыбнулся, поклонился, пробормоталъ нѣсколько словъ о счастіи, преданности, всевозможныхъ услугахъ, дружбѣ къ Салюсу, который имѣлъ полное право видѣть во мнѣ самого себя. Старуха на все, что̀ говорила ея внучка и что̀ я отвѣчалъ, кивала головой въ знакъ согласія и дѣлала одобрительныя восклицанія. Регина сѣла у ея ногъ, на край матраца, и я взялъ стулъ и помѣстился въ нѣкоторомъ разстояніи отъ этой дивной группы.

8.

— Ну, такъ мы все вамъ разскажемъ въ двухъ словахъ, воскликнула Регина, устремивъ на меня свои безподобные, влажные глаза.

Вдругъ она остановилась, какъ будто сдѣлала какую нибудь вѣтренность.

Digitized by Google

— Ахъ, какая я сумасшедшая, живо прибавила она: — у меня есть къ вамъ письмо, а я и забыла отдать его!

Тутъ она вынула изъ за платья листъ бумаги, свернутый въ видѣ сердца, и подала его мнѣ, еще совсѣмъ теплый отъ ея груди. Бумага не была запечатана; я развернулъ ее и узналъ руку Салюса.

Вотъ что́ я прочелъ:

Замокъ ***, Римская область.

«Та, которая отдаетъ тебѣ это письмо, для меня дороже «жизни. Я въ тюрьмѣ, но почту себя на свободѣ, если только «она будетъ свободна. Она ѣдетъ во Францію, чтобы тамъ «скрыть свое существованіе и имя. Я могу довѣрить ее только «тебѣ; спрячь мое сокровище и будь для нея тѣмъ же, чѣмъ бы «я былъ для той, которую ты любилъ.

Салюсъ».

Содержаніе этого письма меня не удивило: предшествовавшія письма Салюса достаточно подготовили меня къ катастрофѣ подобнаго рода. Однако же, изъ груди моей вырвалось восклицаніе скорѣе горести, чѣмъ удивленія.

— Да, сказала со вздохомъ старая графиня: — спасая насъ, онъ погубилъ себя! Но нужно терпѣніе! процессъ еще пойдетъ на судъ: между судьями у меня еще есть друзья. Правое дѣло восторжествуетъ, я не сомнѣваюсь.

— А вмѣстѣ и любовь, прибавила молодая дѣвушка, цалуя портретъ, вставленный въ браслетъ графини: на портретѣ я увидалъ черты Салюса.

Тогда онѣ разсказали мнѣ поочередно, а иногда говорили и обѣ разомъ, развязку страсти, фазисы которой мнѣ были извѣстны изъ писемъ моего друга. Въ продолженіи разсказа чужеземки пролили потоки слезъ; я самъ едва не плакалъ. Наконецъ онѣ обратились ко мнѣ за совѣтомъ и просили руководить и защищать ихъ во время изгнанія, на которое осуждены были несчастіемъ. Если бы мало было дружбы и состраданія, чтобы пробудить во мнѣ преданность къ этимъ женщинамъ, то дивная красота Регины ни на минуту не позволила бы мнѣ колебаться. Ея взглядъ, голосъ, улыбка, ея слезы, притягательная сила, увлекавшая все, что́ къ ней приближалось, — все это заставляло меня съ радостію исполнить долгъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, собственное желаніе. Я не былъ влюбленъ въ нее; со-

Digitized by Google

стояніе моей души, обязанность въ отношеніи къ заключенному другу превратили бы въ преступленіе одну мысль любить ее. Однакожь, я былъ болѣе, чѣмъ влюбленъ. Взоры ея поглотили всю мою волю. Я чувствовалъ, что увлеченъ былъ въ атмосферу лучей, томленія, огня, слезъ, блеска и грусти, которою окружена была эта двадцатилѣтняя волшебница. Я невольно послѣдовалъ бы за нею, какъ увядшій листокъ несется, влекомый вѣтромъ. Друга, спасителя, брата, прислужника, добровольную жертву, — все могла она изъ меня сдѣлать, — все, только не любовника!

Но она захотѣла и сдѣлала.

Я обѣдалъ вмѣстѣ съ чужестранками и послѣ долго еще оставался у окна, выходившаго на луга, освѣщенные чудною луною, и въ полголоса разговаривалъ съ Региною объ ея любви и несчастномъ другѣ. Бабушка ея, больная, лежала на матрацѣ, въ тѣни комнаты, вздыхала и стенала при мысли умереть на чужбинѣ, оставить внучку на произволъ изгнанія. Я утѣшалъ ее надеждою на скорое освобожденіе Салюса, говорилъ о своей преданности. Въ головѣ нашей рождались разные планы, но мы ни на одномъ не могли остановиться. Наконецъ я посовѣтовалъ имъ отдохнуть все утро слѣдующаго дня въ Понъ-де-Пани, для того, чтобы графиня могла собраться съ силами, обѣщалъ возвратиться завтра вечеромъ совершенно готовымъ къ ихъ услугамъ, и послѣдовать за ними туда, гдѣ онѣ рѣшатся поселиться. Я просилъ старушку-бабушку смотрѣть на меня, какъ на сына, а Регину — довѣриться мнѣ какъ брату. Слыша, что я говорю по итальянски съ акцентомъ ихъ родины, который сохранился во мнѣ вслѣдствіе долгаго пребыванія въ Римѣ, имъ казалось, что онѣ видятъ родимое небо и природу. Наконецъ я съ ними простился и медленно, ослѣпленный и оглушенный, съ смущеннымъ сердцемъ, поѣхалъ по мрачнымъ ущельямъ, змѣящимся отъ Понъ-де-Пани къ замку д'Юрси. Дядя уже давно спалъ.

9.

Когда онъ всталъ, я разсказалъ ему вчерашнія приключенія и намѣреніе посвятить себя двумъ чужеземкамъ. Онъ показалъ видъ, будто вѣритъ моимъ словамъ; но улыбки его ясно гово-

Digitized by Google

рили, что онъ не думаетъ, чтобы въ этой встрѣчѣ я игралъ такую безкорыстную роль. Какъ бы то ни было, онъ никогда не сердился

— Дѣлай, что хочешь, сказалъ онъ: — вотъ ящикъ моего бюро: бери изъ него съ умѣренностію, но вольною рукою. Если это любовь, то время ее изнѣлитъ; если дружба, то тоже время можетъ превратить ее въ другое чувство. Ты еще очень молодъ въ опекуны женщины такой прекрасной, какою ты описываешь эту итальянку; береги сердце: оно скорѣе всего готово проснуться тогда, когда спитъ.

Я успокоилъ его; мнѣ ненавистно было даже слово — любовь, показалъ ему нѣсколько писемъ Салюса,— разсказалъ всю исторію страсти этихъ двухъ сердецъ, созданныхъ одно для другого.

Однакожь, собирая и наполняя эти замѣтки, я вижу, немножко поздно, что не упомянулъ объ исторіи этихъ двухъ любовниковъ. Я помѣщу ее здѣсь, при помощи писемъ Салюса, почти всѣхъ уцѣлѣвшихъ въ большомъ сундукѣ съ бумагами, привезенномъ мной изъ библіотеки замка д'Юрси.

10.

Я сказалъ уже, что отецъ и мать моего друга поселились въ Римѣ въ концѣ вандейской войны, что у нихъ были сынъ и дочь, почти одинаковыхъ лѣтъ. Они были богаты. Дочь звали Клотильдою. Братъ и сестра походили другъ на друга какъ два близнеца. Это сходство, восхищавшее и забавлявшее родителей въ первые годы жизни дѣтей, должно было впослѣдствіи сдѣлаться роковымъ для Салюса. Сейчасъ увидимъ, какимъ образомъ.

11.

Когда Клотильдѣ минуло двѣнадцать или тринадцать лѣтъ, отецъ и мать отдали ее въ одинъ изъ римскихъ монастырей, откуда дочери благородныхъ семействъ Италіи выходятъ лишь для вступленія въ бракъ. Эта обитель, остатокъ прежняго обширнаго женскаго монастыря, заключала въ себѣ,

Digitized by Google

вслѣдствіе революціи, небольшое число монахинь старыхъ и немощныхъ, не болѣе трехъ или четырехъ; молодыхъ дѣвушекъ изъ знатныхъ домовъ римской области было шесть-семь. Двѣ изъ нихъ: Клотильда и Регина, достигли юношескаго возраста; остальныя были дѣти отъ семи до осьми лѣтъ. Одинаковыя лѣта и различныя родины естественно должны были сблизить ихъ между собою. Онѣ не замедлили завязать страстную дружбу, составляющую прелесть и утѣшеніе въ этомъ уединеніи, гдѣ юныя сердца встрѣчаютъ другія юныя сердца, чтобы взаимно высказать свои первыя признанія.

Монастырь стоялъ въ обширномъ и пустынномъ кварталѣ — *Лонгара*, который тянется отъ Транстевера за колоннаду святого Петра. Эта улица безконечная, застроенная палаццо, монастырями или домами жалкой наружности, нѣкогда заселенными многочисленными бѣдными семьями, служившими при алтаряхъ, ризницахъ или базиликѣ, столицѣ католицизма. Въ то время, о которомъ я говорю, дома эти были пустынны или же заселены только стариками, бѣдными женщинами и немощными. Входя въ эту улицу, о древней роскоши которой свидѣтельствовали еще нѣсколько главныхъ входовъ удивительныхъ церквей или остатки архитектуры большихъ палаццо, вами овладѣвало какое-то чувство, невѣдомое на сѣверѣ Европы, какая-то восточная грусть, задумчивость, поразительное смущеніе, сжимавшее сердце безъ всякой видимой причины. То былъ контрастъ неба голубого и чистаго, какъ лазуревый камень, отражавшагося на красныхъ черепицахъ, и жгучей мостовой, въ уединеніи и молчаніи, придававшихъ дню какую-то смутную безконечность и ужасъ ночного мрака. Часто случалось мнѣ изъ конца въ конецъ пройти въ полдень длинный рядъ жгучихъ стѣнъ и не встрѣтить ни одного живого существа, не услыхать шаговъ, раздающихся по мостовой; только тощія кошки перебѣгали черезъ улицу и перескакивали изъ одного слуховаго окна въ другое, да брошенный оселъ, съ вьючнымъ сѣдломъ, щипалъ траву между разсѣлинами крыльцъ; женская рука невидимой женщины отворяла иногда ставень, потомъ онъ опять захлопывался; отъ окна къ окну привязаны были длинныя веревки, на которыхъ прачки вѣшаютъ бѣлье, а бѣдныя матери тряпки свои; въ глубинѣ улицы ложилась широкою тѣнью колоннада святого Петра, подобно тѣни таинственнаго каменнаго

Digitized by Google

лѣса; а вверху, въ небѣ, рисовался куполъ, воздушныя галлереи и балюстрада подъ крестомъ. Вотъ суровая физіономія этого квартала. Если отворится одна изъ дверей въ то время, какъ вы идете по этой улицѣ, и если вы бросите взглядъ во внутренность этихъ жилищъ, то увидите большіе дворы: солнце брызжетъ лучами на плиты мостовой, раковины фонтановъ или на мраморныя статуи въ нишахъ; а въ глубинѣ двора — обширный садъ, идущій крутымъ скатомъ, бѣлѣющій мраморными скамьями, правильно засаженный высокими кипарисами. — Вотъ Лонгара.

12.

Монастырь, который я посѣтилъ потомъ съ Салюсомъ, состоялъ только изъ низкаго дома, съ семью-осьмью окошками за желѣзными рѣшетками; съ улицы не видно было этого дома за большою стѣною, въ которой продѣлана была маленькая дверь. За этимъ крыломъ виднѣлись кучи развалинъ, въ половину прикрытыхъ вьющимися растеніями и нѣсколькими стѣнами, еще не скошенными временемъ, съ большими окнами безъ рамъ, за которыми видно было небо; за развалинами шелъ садъ, почти необработанный; широкая аллея, прежде вымощенная, теперь поросшая высокими, сухими травами, вела къ городскому валу; подъ самыми стѣнами другая, поперечная аллея, находившаяся почти постоянно въ тѣни, извивалась, слѣдя за изгибами бастіоновъ. На двухъ оконечностяхъ стояла статуя, позеленѣлая отъ сырости плющей и мху, лѣпившихся по стѣнѣ. Это было обычное мѣсто прогулки монахинь и молодыхъ затворницъ этого разрушеннаго монастыря. Ближе къ улицѣ тянулась длинная галлерея, служившая входомъ въ часовню, изъ превосходнаго желтаго камня. Два ангела изъ чернаго мрамора, приставленные къ карнизу портика, держали чашу. Окошки келій монахинь и двухъ старшихъ воспитанницъ выходили на террасу, прикрытую плоскою крышею галлереи. Статуя рисовалась внизу галлереи, надъ фонтаномъ, получавшимъ воду посредствомъ отвода изъ *Аква-Паулины*; фонтанъ этотъ журчалъ днемъ и ночью подъ монастырскими арками и одинъ наполнялъ живымъ говоромъ эту уединенную обитель.

Таковъ былъ монастырь, въ которомъ жили двѣ подруги.

Digitized by Google

13.

Хотя Клотильда была нѣсколькими мѣсяцами старше Регины, однакожь развитіе души и тѣла, совершающееся быстрѣе въ дѣвушкахъ южнаго климата, уничтожило разницу между ними. Мысли и чувства ихъ находились въ уровень съ ихъ ростомъ. Послѣ нѣсколькихъ недѣль, проведенныхъ вмѣстѣ, онѣ уже подружились, какъ двѣ сестры, сосавшія молоко у одной груди матери. Ихъ семейства хотя не ѣздили другъ къ другу, однако же были знакомы между собою, встрѣчаясь въ салонахъ римскихъ кардиналовъ и князей. Когда мать Салюса пріѣзжала въ монастырскую пріемную къ Клотильдѣ, то она вызывала также и Регину. Точно также и бабушка Регины, графиня Ливія, часто посѣщавшая начальницу, вмѣстѣ съ внучкой всегда призывала къ себѣ и молодую француженку. Такимъ образомъ подруги привыкли считать себя принадлежащими къ одной семьѣ, и привязанность ихъ возрастала съ каждымъ днемъ. У нихъ все было нераздѣльно—дѣтство и юность, монастырь и свѣтъ, воспитаніе и жизнь.

14.

По портрету Регины въ девятнадцать лѣтъ, легко себѣ представить, чѣмъ была она въ пятнадцать. Клотильды я никогда не видалъ, зналъ ее только по портретамъ, которые рисовалъ мнѣ ея братъ, и по изумительному, какъ говорили, съ нимъ сходству. Онъ изображалъ ее дѣвушкой, одаренной природой и чертами болѣе итальянскими, чѣмъ у самой Регины, съ черными глазами, блѣднымъ челомъ, темными, глянцовитыми волосами, строгимъ очертаніемъ губъ, съ выраженіемъ задумчивымъ и твердымъ, дѣвушкою, созрѣвшею до времени, печальною безъ горя, краснорѣчивою, хотя она еще не знала страсти; она была воплощенное предчувствіе жизни, любви, смерти,— тѣнь статуи, упавшая на надгробную плиту Ватикана. Взоръ ея — говорилъ онъ — проникалъ насквозь все, на что она смотрѣла; напротивъ, рѣчь ея какъ бы лѣпила то, что она видѣла или воображала. Такъ и

Digitized by Google

сама она врѣзывалась въ памяти тѣхъ, кто ее видѣлъ хотя однажды; это была дѣвушка чародѣйка. Но это чародѣйство, прибавлялъ онъ, не внушало страха: оно было обольстительно....

15.

Когда Регину привезли для окончанія воспитанія въ монастырь, Клотильда уже провела въ немъ нѣсколько мѣсяцевъ. Испуганная мрачнымъ костюмомъ и дряхлостію монахинь, Регина по инстинкту подружилась съ Клотильдой. Въ пустынномъ итальянскомъ монастырѣ для этихъ двухъ молодыхъ затворницъ мало было предметовъ, которые доставляли бы имъ развлеченіе во время, свободное отъ занятій. Всякій знаетъ тогдашнюю монастырскую жизнь: разныя церемоніи, которыя болѣе дѣйствовали на умъ, чѣмъ на душу, картины, цвѣты, церковный органъ, чтеніе книгъ, различныя процессіи, мрачная одежда, общая молитва, размышленіе въ назначенные часы, немножко музыки, немножко священной поэзіи, которыя преподавались юнымъ затворницамъ монастырскими учительницами; тихія прогулки въ монастырской оградѣ, долгое уединеніе, предписанное всѣмъ новопосвященнымъ, иногда визиты почетныхъ лицъ или покровителей монастыря; слушаніе проповѣдей какого нибудь проповѣдника знаменитаго въ окрестностяхъ; монотонность, забавная важность, придаваемая всякой бездѣлицѣ, — вотъ тогдашнее воспитаніе въ итальянскихъ монастыряхъ. Словомъ, не было искуса, который бы такъ легко могъ отуманить умственныя способности и воспламенить или совратить съ пути воображеніе.

Поэтому-то обыкновеннымъ слѣдствіемъ монастырскаго воспитанія были: ослабленіе мыслящихъ способностей и сильное развитіе страстей. Съ наслажденіемъ свѣта, съ бѣдностью мыслей юныя затворницы изъ монастыря вступали на поприще жизни, не умѣя пользоваться ея роскошью, ея свободой.

Клотильда, однакожь, до своего случайнаго поступленія въ монастырь, получила въ родительскомъ домѣ воспитаніе, которое далеко превосходило эту, такъ сказать, тѣнь образованія въ монастырѣ. Родители и просвѣщенная гувернантка, выписанная въ Римъ изъ Англіи, научили Клотильду всему тому, въ чемъ состоитъ въ Парижѣ или Лондонѣ воспитаніе молодой образо-

Digitized by Google

ванной дѣвушки. Она хорошо знала исторію, имѣла понятіе объ искусствахъ, прочла, въ отрывкахъ, великихъ поэтовъ древности и правильно говорила по французски, по итальянски и по англійски. Клотильдѣ не разъ удавалось въ родительскомъ домѣ слышать серьёзные разговоры образованнѣйшихъ людей этихъ трехъ націй, разговоры, которыхъ дѣти, обыкновенно, по видимому, не слушаютъ, но удерживаютъ въ памяти. Въ тогдашнее время, самые французскіе эмигранты были нововводителями въ сравненіи съ идеями, господствовавшими въ Италіи. Какъ ни была молода Клотильда, она, однакожь, высоко стояла надъ дѣтскостью монастырскаго воспитанія.

Она привезла съ собою въ монастырь нѣсколько избранныхъ англійскихъ и французскихъ книгъ; итальянскія монахини, не понимая ихъ содержанія, дозволили ей читать ихъ. Клотильда проводила время въ чтеніи и убѣгала тѣмъ праздности и сплетень маленькаго монастырскаго міра, въ которомъ ни одна мысль не находила отголоска. Примѣръ Клотильды и ея разговоръ научили Регину гораздо болѣе, чѣмъ скучныя наставленія монахинь.

Съ перваго раза Клотильда почувствовала къ Регинѣ тоже влеченіе, какое та чувствовала къ молодой француженкѣ; удивительная красота итальянки, какъ яркій лучъ, вдругъ освѣтила пустынную келью Клотильды, и блескъ этого луча, поразившій ея взоры, скоро проникъ въ ея сердце. Красота, особенно если въ ней есть эта тайна, которую называютъ прелестью, не только поражаетъ мужчину, но производитъ впечатлѣніе на самихъ женщинъ, даже на женщинъ тоже прекрасныхъ. Мужчинѣ она внушаетъ любовь, женщину она удивляетъ или привлекаетъ. Красота — таинственный даръ, имѣющій магическую силу.

Итакъ, Клотильда и Регина обѣ почувствовали это магическое вліяніе красоты, которая поразила ихъ при взглядѣ другъ на друга. Онѣ обѣ были прекрасны, но красота ихъ была различна: сосредоточенная въ Клотильдѣ, блестящая, поразительная въ Регинѣ. Это-то различіе, можетъ быть, и было одною изъ причинъ, привлекавшихъ ихъ другъ къ другу: несходства скорѣе сближаются, потому что дополняютъ одно другое. Дружба двухъ дѣвушекъ наполняла все ихъ существованіе въ монастырскомъ уединеніи. Онѣ чувствовали это тайное влеченіе другъ къ другу и внутренно радовались ему, потому что дружба ихъ, хоть столь же невинная, какъ ихъ сердца, была ревнива:

Digitized by Google

каждая изъ нихъ была бы несчастнѣйшимъ существомъ, еслибъ встрѣтила себѣ соперницу въ дружбѣ къ своей подругѣ.

16.

Клотильда и Регина не спали въ общемъ дортуарѣ съ маленькими воспитанницами: имъ отведены были двѣ особыя кельи, оставшіяся не занятыми по смерти двухъ старыхъ монахинь. Эти двѣ комнаты, бывшія стѣна объ стѣну, выходили окнами на террасу, такъ что хотя начальница монастыря и брала съ собою каждый вечеръ ключи отъ дверей, выходившихъ въ коридоръ, Клотильда и Регина могли черезъ окно потихоньку пройти одна къ другой, а бо́льшую часть ночи проводили въ чтеніи, въ разговорахъ или въ мечтахъ о томъ, что́ занимало ихъ днемъ.

По правиламъ монастыря, дѣвушки должны были ложиться въ восемь часовъ, даже лѣтомъ, въ ту минуту, когда луна и звѣзды придаютъ столько прелести небу, и когда свѣжій вѣтерокъ начинаетъ чуть-чуть колыхать вершины темныхъ кипарисовъ.

Это былъ именно тотъ часъ, въ который души двухъ молодыхъ подругъ начинали тоже пробуждаться отъ дневного утомленія, когда онѣ чувствовали необходимость подышать свѣжимъ воздухомъ, вдохнуть въ себя ароматъ колеблемыхъ вѣтромъ цвѣтовъ, прислушаться къ журчанью фонтана, наконецъ помечтать вдвоемъ, передать вполголоса другъ другу всѣ свои сладостныя грёзы....

Такимъ образомъ, почти каждый вечеръ, въ ту минуту, когда старыя монахини, ближайшія сосѣдки Клотильды и Регины, оканчивали послѣднюю молитву и гасили лампадку, одна изъ молодыхъ дѣвушекъ потихоньку вставала съ постели, отворяла осторожно окно и пробиралась въ келью своей подруги, которая уже ожидала ее. Тамъ, усѣвшись на постели или на окнѣ, противъ почернѣвшихъ стѣнъ, окружавшихъ своей тѣнью садъ, при вѣчномъ блескѣ фонтана, журчавшаго внизу, молодыя дѣвушки проводили долгое время въ таинственномъ шопотѣ, не слыша, какъ били часы на башняхъ сосѣднихъ церквей.

Digitized by Google

17.

О чемъ не говорили онѣ? о своей дружбѣ, которая такъ сильно, возрастала, о необходимости поминутно видѣться, о грусти, которую чувствовали въ то время, какъ занятія на нѣсколько времени разлучали ихъ, о совершенномъ сходствѣ своихъ впечатлѣній, грёзъ, о своихъ занятіяхъ, о поэзіи, о музыкѣ, — особенно о музыкѣ, которая услаждала ихъ болѣе, чѣмъ стихи, потому что въ звукахъ больше страсти, чѣмъ въ словахъ. Онѣ говорили о небѣ, о звѣздахъ, о высокихъ кипарисахъ, бросавшихъ отъ себя угловатую тѣнь, подобно той, какую бросаетъ отъ себя стрѣлка песочныхъ часовъ; говорили о деревнѣ, о пустыняхъ, о развалинахъ, о журчащихъ каскадахъ, о волнахъ близъ Альбано и Фраскато, въ которыхъ онѣ проводили дѣтство, о счастіи, какое онѣ будутъ чувствовать, когда вдругъ встрѣтятся тамъ въ то время, какъ винодѣлатели *Итри* или *Фонди*, въ минуты отдыха, танцуютъ подъ звуки perfetari (игрока на волынкѣ); говорили о своихъ семействахъ, о родителяхъ, о кормилицахъ, о буряхъ, о снѣгахъ, объ океанѣ, объ Англіи, о Франціи, о мрачныхъ замкахъ съ готическими башнями, столь различныхъ отъ вѣчно спокойныхъ виллъ, лежащихъ на римскихъ холмахъ и открытыхъ солнцу.

Источникъ этихъ разговоровъ не изсякалъ; своей монотонностью онѣ, казалось, подражали однообразному и меланхолическому журчанью *Аква-Паулины*, которая струилась въ мраморный бассейнъ.

Обративъ другъ къ другу свои прекрасныя головки, рука объ руку, сидѣли онѣ, и рѣзвый вѣтерокъ перемѣшивалъ густыя вряди волосъ ихъ, откинутыхъ на обнаженныя плечи. Въ такомъ положеніи дѣвушки походили на двѣ мраморныя кареатиды, поддерживающія балконъ, — кареатиды, у ногъ которыхъ разбивается волна, и на которыя падаетъ роса въ лѣтнія ночи.

Вѣроятно, эти ночныя бесѣды оставили сильное впечатлѣніе въ сердцахъ молодыхъ дѣвушекъ, потому что Регина и черезъ долгое время послѣ потери своей подруги не переставала вспоминать о нихъ, и описывала мнѣ чуднымъ языкомъ, въ которомъ было все — и сердце, и земля, и небо.

Digitized by Google

18.

Можетъ быть, эти ночныя бесѣды такъ поразили Регину потому, что онѣ сдѣлались причиной и началомъ ея любви и даже всей ея судьбы.

Всякій пойметъ, что мысли молодыхъ затворницъ чаще всего уносились въ нѣдра ихъ семействъ. Регина изъ своего семейства знала только одну бабушку, въ палаццо которой она была воспитана. Еще она помнила свою кормилицу, опекуна, князя ***, нѣсколькихъ аббатовъ, родственниковъ, и нѣкоторыхъ гостей, частью посѣщавшихъ графиню Ливію въ Римѣ или въ ***. Напротивъ, у Клотильды были отецъ, мать и братъ, а особенно — братъ, товарищъ и другъ ея дѣтства. Она любила брата и безпрестанно говорила о немъ своей подругѣ. Регина спрашивала, какихъ онъ лѣтъ, какіе у него волосы, глаза, носъ, — спрашивала о самыхъ его привычкахъ.

— Мнѣ не нужно описывать брата, отвѣчала ей Клотильда: — посмотри на меня: никогда въ природѣ не существовало такого сходства, какое между мною и моимъ братомъ: тоже лицо, тоже сердце, таже душа. Мы росли подъ одними и тѣми же впечатлѣніями, которыя равно и восхищали насъ и печалили, какъ будто бы мы жили однимъ сердцемъ. Мы родились въ одномъ и томъ же туманномъ климатѣ, взлелѣяны подъ шумомъ однѣхъ и тѣхъ же бурь. Мы вмѣстѣ блуждали повсюду, то ища себѣ убѣжища, то мѣняя его на новое. Вмѣстѣ мы прибыли и въ эти палаццо и виллы Рима, сдѣлавшагося нашимъ третьимъ отечествомъ. Тутъ мы ожили, при блескѣ лучей твоего прекраснаго солнца, какъ два зябкія растенія сѣвера, перенесенныя на югъ; но мы все-таки и тутъ сохранили воспоминаніе о нашемъ первомъ отечествѣ, о нашихъ горестяхъ, такъ что въ насъ осталась эта суровая холо́дность Бретани. Бретанцы по сердцу — римляне по чувствамъ, горячіе какъ наше новое солнце, суровые, какъ наше прежнее отечество, задумчивые, какъ южныя ночи, мрачныя, какъ бретанскіе туманы — вотъ характеръ мой и моего брата. Что́ же касается до нашего внѣшняго сходства, то еслибъ братъ мой надѣлъ мое платье, а я его, то сама мать наша едва ли бы узнала объ этомъ переодѣваньи. Я — тѣнь его; онъ — мое зер-

Digitized by Google

кало. Но теперь, я думаю, возрастъ нѣсколько измѣнилъ его. О, какъ бы я хотѣла увидать его на великолѣпномъ ворономъ конѣ, о которомъ онъ пишетъ мнѣ съ такимъ энтузіазмомъ!

— Я тоже, восклицала Регина:—хотѣла бы его видѣть! Мнѣ кажется, я увидала бы другую тебя, полюбила бы его, какъ люблю тебя, говорила бы съ нимъ, какъ съ тобою; право, я не боялась бы его.

И двѣ подруги бросались въ объятія, смѣялись и мечтали въ тихомолку, боясь, чтобы шумъ ихъ разговора не разбудилъ строгихъ монахинь.

Digitized by Google

ИСТОРІЯ ДВУХЪ ПРІЯТЕЛЕЙ.

ПОВѢСТЬ.

I.

Знаете ли вы Токсово? Этотъ чухонскій приходъ лежитъ верстахъ въ тридцати отъ Петербурга, по дорогѣ въ Финляндію. Мѣстоположеніе чрезвычайно живописное. Тутъ только начинаютъ волноваться финляндскія горы, и вамъ становится легко послѣ утомительнаго однообразія болотистаго предверія Петербурга. Обширныя озера, разбросанныя между горъ, еще болѣе разнообразятъ картины. Значительное разстояніе отъ столицы единственная причина, почему здѣсь вы не встрѣтите дачниковъ. Но нѣсколько лѣтъ тому назадъ довольно много молодыхъ людей постоянно проводили лѣто, для практическихъ занятій съемкою мѣстоположенія, въ здѣшнихъ деревняхъ, или, буквально переводя съ чухонскаго: горахъ, потому что всѣ эти деревни къ названію своему присоединяютъ слово: мяги (гора). Эти деревеньки, разбросанныя на довольно далекое разстояніе одна отъ другой, похожи на хутора южныхъ нашихъ губерній; въ каждой изъ нихъ помѣщается не болѣе одной семьи.

Въ одной изъ такихъ деревень жилъ нѣкто Кабуровъ, малый добрый, но довольно пустой. Въ немъ рѣшительно не было ничего такого, что бы могло остановить чье либо исключительное вниманіе; а между тѣмъ онъ былъ связанъ самою тѣсною друж-

Digitized by Google

бою съ человѣкомъ, совсѣмъ не походившимъ на дюжинныхъ людей. Это былъ Галицкій. Странно было видѣть связь двухъ существъ, столь противоположныхъ во всѣхъ отношеніяхъ. Кабуровъ былъ сынъ довольно достаточныхъ родителей, которые снабжали его, хотя и безъ излишества, всѣмъ нужнымъ. Галицкій — сирота. Другъ отца его, человѣкъ небогатый, доставлялъ ему малую сумму, едва достаточную на самое необходимое. Первый былъ безпечный, лѣнивый малый, краснощокій, со свѣтлыми волосами. Второй довольно угрюмъ, съ черными волосами и задумчивымъ лицомъ. Когда они учились, первый ходилъ въ классы потому, что того хотѣли родители, и опрометью бросался вонъ, при первомъ звукѣ звонка. Второй всегда былъ озабоченъ, всегда съ карандашомъ сидѣлъ поближе къ учителю, выходилъ послѣднимъ изъ залы, задумчиво доходилъ до дому, гдѣ опять садился за книги. Рѣдко удавалось товарищу отвлечь его отъ кабинетныхъ занятій, развеселить; но и веселость его проявлялась странно... смѣхъ судорожный и потомъ рѣзкій, мгновенный переходъ къ прежнему грустному состоянію, — видно было по всему, что Галицкій — сирота, что немного радостей испыталъ онъ въ жизни, а ожидалъ ихъ еще меньше.

Старыя истины: люди радушно принимаютъ того, кто что нибудь приноситъ съ собой. Иногда нужно имѣть только счастливую физіономію, веселые глаза, всегдашнюю улыбку, да къ этому громкій голосъ, чтобы радоваться глупости, сказанной другимъ, или при случаѣ насмѣшить своею собственною. Такой человѣкъ находка для людей; ему вездѣ кричатъ: здорово, любезный! нѣтъ ли чего новенькаго? Но кто всегда угрюмъ, кто всегда озабоченъ своимъ завтра, но не хлопотливъ на мелочи, къ тому при первой встрѣчѣ подойдутъ, можетъ быть, съ любопытствомъ, при второй только поклонятся, а при третьей своротятъ съ дороги.... Да оно и понятно. Кому дѣло до чужихъ дѣлъ? Нужно смѣшить или самому служить предметомъ смѣха, — еще выгоднѣе соединять то и другое: вотъ такой человѣкъ золото!

Кабуровъ принадлежалъ къ числу такихъ счастливцевъ. Онъ учился вмѣстѣ съ Галицкимъ въ гимназіи, — и вотъ начало ихъ дружбы. Когда они оставили гимназію и пошли разными путями, школьная дружба не измѣнилась.

Digitized by Google

Основныя черты характера остались тѣже. Зато оба они выросли и возмужали. Лицо одного сдѣлалось еще открытѣе, полное и румяное какъ зрѣлое яблоко; лицо другого сдѣлалось еще недоступнѣе: нужно въ самыя первыя лѣта видѣть и разузнавать такихъ людей. Съ каждымъ годомъ опытъ дѣлаетъ труднѣе отгадку ихъ, подобно тому, какъ время, стирая и застилая мхомъ древнюю надпись, дѣлаетъ ее недоступною любопытству людскому... Избравъ, по выходѣ изъ гимназіи, разныя дороги, друзья наши въ минуту, когда мы знакомимся съ ними, ожидали уже времени, когда поступятъ на службу дѣйствительную. Кабуровъ уже получилъ назначеніе и по окончаніи лѣта долженъ былъ ѣхать въ одну изъ южныхъ нашихъ губерній. Галицкій, пользуясь свободнымъ лѣтнимъ временемъ, охотно согласился провести нѣсколько времени у своего друга, съ которымъ предстояла ему долгая разлука, въ картинномъ преддверіи Финляндіи....

Пребываніе въ Токсовѣ показалось для Галицкаго истиннымъ наслажденіемъ; да и кому не понравится жизнь въ такомъ очаровательномъ мѣстѣ, послѣ многихъ лѣтъ безвыходной жизни въ столицѣ? Въ горномъ воздухѣ легче и вольнѣй дышется. Притомъ Галицкій страстно любилъ природу. Любимымъ его удовольствіемъ въ Токсовѣ было гулять по извилистымъ дорожкамъ, близъ озера, гладкимъ мраморомъ лежащаго въ сторонѣ и отражающаго въ своемъ лоскѣ розовыя полосы потухающей зари....

Однажды Галицкій гулялъ по дорожкѣ, которая ведетъ за большое озеро отъ Токсова. Здѣсь, на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, нѣтъ никакого жилья, и дорожка идетъ, извиваясь, заслоненная отъ огородовъ густымъ орѣшникомъ. Галицкій остановился, засмотрѣвшись на чудную картину вечерней зари, отраженной въ водахъ озера. Онъ былъ склоненъ къ мечтательности; въ мысляхъ его проносилась вереница свѣтлыхъ видѣній; знакомые сердцу образы ихъ, неясно, но вѣрно очерченные, возникали одни за другими и съ послѣднимъ румянцемъ зари терялись въ таинственной полу-тьмѣ, облегавшей небо.... Грустное чувство сжало сердце Галицкаго. Пронизнутый какимъ-то холодомъ, онъ осмотрѣлся кругомъ и оцѣпенѣлъ отъ ужаса. Въ нѣсколькихъ шагахъ, на громадномъ камнѣ, какихъ много встрѣчаете вы въ этихъ гористыхъ мѣстахъ, стояло

Digitized by Google

странное существо, которое испуганный умъ его готовъ былъ принять за привидѣніе. Обнаженныя руки его были устремлены на западъ, а туловище подано впередъ. Взглянувъ на привидѣніе, Галицкій примѣтилъ какую-то искру, блеснувшую въ глазахъ его, — другихъ признаковъ жизни онъ не замѣчалъ. Только вѣтеръ, дувшій прямо въ лицо, развѣвалъ огненные волосы и клочья какой-то одежды, придавая еще болѣе воздушности этому странному видѣнію. Бываютъ минуты, когда человѣкъ настроенъ къ необыкновенному. Галицкій съ напряженнымъ вниманіемъ всматривался въ таинственную фигуру; но туманъ и наступившіе сумерки мѣшали ему уловить полное очертаніе представившагося. Вдругъ какіе-то дикіе звуки раздались въ воздухѣ; до ушей Галицкаго долетѣли ясно только слова: гюва хильда! И потомъ стенанія, и послѣ бездушный хохотъ. Наконецъ онъ увидѣлъ, что привидѣніе начало удаляться по тропинкѣ. Галицкій остановился неподвижно. Онъ не понималъ, какъ объяснить себѣ это. Наконецъ онъ пошелъ, склонивши голову, вслѣдъ за видѣньемъ и вдругъ услышалъ все болѣе и болѣе приближающійся топотъ лошади. Это привело его нѣсколько въ себя. Близость человѣка въ такія мгновенья бываетъ особенно отрадна. Пронзительный крикъ и вслѣдъ за тѣмъ быстро промчавшаяся въ виду его лошадь безъ всадника заставили нашего героя ускорить шаги. Черезъ нѣсколько саженъ, онъ увидѣлъ свое странное видѣніе, наклонившееся надъ чѣмъ-то бѣлымъ. Разстроенному воображенію молодого человѣка на минуту представилось, сквозь окружающій мракъ, что вампиръ сосетъ кровь своей жертвы. Онъ кинулся къ видѣнію. Опять раздался крикъ, но уже не тотъ гармоническій и умоляющій, который за минуту поразилъ его слухъ вмѣстѣ съ топотомъ промчавшейся лошади: то былъ крикъ осиплый, неровный, съ нѣсколькими визгливыми переходами,— крикъ безумца. Кусты зашумѣли, привидѣніе исчезло, Галицкій стоялъ надъ полумертвой дѣвушкой. Онъ наклонился: пульсъ тихъ, неровно, но бьется! Приложилъ ухо къ устамъ дѣвушки — она слабо дышала. Въ тоже время онъ замѣтилъ на головѣ ея кровь и, сообразивъ всѣ обстоятельства, заключилъ, что она ушиблась при паденіи съ лошади. Въ это время запоздалая луна начала подниматься изъ за горъ, длинныя тѣни протянулись отъ деревъ, и озеро загорѣлось, какъ одна безконечная, изъ серебра сотканная пелена. Галицкій увидѣлъ передъ собой

Digitized by Google

дѣвушку поразительной красоты. Соломенная шляпа съ большими полями лежала въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, и золотистые волосы въ безпорядкѣ окружали голову; на блѣдномъ, продолговатомъ личикѣ замѣтно было нѣсколько пятенъ крови, что придавало картинѣ еще болѣе необыкновенности. Галицкій теръ виски дѣвушкѣ; наконецъ она открыла глаза и, приподнявшись на руку, дико и съ боязнію осмотрѣлась. Невольный стонъ вырвался изъ ея груди.

— Гдѣ я? что со мною?

— Не бойтесь ничего, я докторъ, сказалъ Галицкій.

— Докторъ?

И она смутно озиралась, стараясь собраться съ мыслями.

— Да, вы упали съ лошади и ушиблись. Но это ничего. Не безпокойтесь! Вы скоро будете здоровы.

— Да, теперь я припоминаю, точно, но....

Внезапный ужасъ выразился въ лицѣ дѣвушки.

Галицкій понялъ его причину и сказалъ:

— Не тревожьтесь, ради Бога: васъ напугалъ сумасшедшій крестьянинъ; но онъ теперь далеко; и притомъ онъ тихъ: онъ не дѣлаетъ никому вреда.

Дѣвушка нѣсколько успокоилась.

— Объясните мнѣ, пожалуста, спросилъ Галицкій: — какъ вы очутились здѣсь одни?

Дѣвушка, такъ странно встрѣченная Галицкимъ, принадлежала къ богатому семейству негоціянтовъ, проживавшему лѣтомъ въ одной изъ деревень, лежащихъ по токсовской дорогѣ, ближе къ Петербургу. Галицкій имѣвшій знакомыхъ въ З*, слышалъ объ этомъ семействѣ и даже видывалъ главу его — господина чрезвычайно горделивой осанки, управлявшаго конторой богатаго банкирскаго дома. Утромъ въ тотъ день все семейство, по обыкновенію петербургскихъ дачниковъ, отправилось на прогулку въ Токсово въ телѣжкахъ. Дѣвушка поѣхала верхомъ съ своими братьями, отстала, и лошадь, испуганная сумасшедшимъ, сбросила неопытную наѣздницу.

Галицкій вызвался проводить ее до дому, куда она очень торопилась, опасаясь обезпокоить родныхъ. Она была такъ слаба, что не могла итти безъ помощи Галицкаго, и притомъ ударъ головою о твердую почву совершенно помутилъ ея глаза. Галицкій осторожно велъ ее по тропинкѣ, облегавшей озеро;

Digitized by Google

когда вдругъ послышался топотъ нѣсколькихъ лошадей и смѣшанные голоса. То были братья Юліи (такъ звали дѣвушку), искавшіе сестру. Они осыпали Галицкаго благодарностью и пригласили къ себѣ, расчитывая, что помощь его можетъ поспособствовать пріобрѣсти дѣвушкѣ.

Сверхъ ожиданія, семейство негоціянта должно было ночевать въ домѣ, гдѣ пріѣзжающіе въ Токсово пользуются временнымъ пристанищемъ, и Галицкій всю ночь провелъ у постели больной. Къ утру у ней сдѣлался жаръ, и не оказалось никакой возможности перевезти ее въ такомъ положеніи домой. Надо было переждать еще день, и Галицкій опять не смыкалъ глазъ, неутомимо наблюдая свою паціентку. На третій день оказалась возможность перевезти больную домой; но она была такъ слаба, что ежеминутное присутствіе доктора было необходимо. Галицкаго пригласили, и онъ съ восторгомъ отправился въ З', гдѣ находилась дача негоціянта.

Его паціентка необыкновенно ему нравилась.

II.

Время шло къ осени. Быстро смѣнялись версты и станціи передъ глазами Кабурова, ѣхавшаго въ Крымъ. Еще первый разъ выѣзжалъ онъ изъ Петербурга такъ далеко, и дорога на каждомъ шагу преставляла ему что нибудь занимательное. Съ любопытствомъ смотрѣлъ онъ на города, которые быстро подбѣгали къ нему и потомъ убѣгали назадъ, вдаль, — — а онъ все подвигался дальше и дальше на югъ, замѣчая съ каждымъ днемъ ощутительную разницу въ климатѣ и картинахъ природы. Въ Черниговской губерніи выдержалъ онъ такую распутицу, что, заѣхавъ однажды въ грязь на большой дорогѣ, принужденъ былъ нанять шесть паръ воловъ, которые съ трудомъ вытащили повозку изъ трясины, при громкихъ крикахъ погонщиковъ: «цоболи, цобъ, цоболи, а ну, цобъ!» Эти крики сопровождались ударами бичей. Но скоро дорога разостлалась впереди ровною скатертью, и въ тряской телѣгѣ было покойно, какъ въ рессорномъ экипажѣ. Начинались новороссійскія степи. Новое чувство объяло душу путешественника, когда онъ въ теченіи нѣсколькихъ сутокъ не встрѣчалъ ничего, кромѣ уеди-

Digitized by Google

нныхъ станціонныхъ домиковъ. Степи Херсонской губерніи утомляютъ взоръ своею безжизненностію и однообразіемъ. Глаза невольно смыкаются, не находя даже камешка, на которомъ можно было бы остановить вниманіе. Около Елисаветграда поселены уланы. Огромные стоги сѣна какъ острова поднимаются изъ равнины. Здѣсь приходится ѣхать по большой части уже по обожженной почвѣ,—необходимое въ тѣхъ краяхъ условіе, чтобъ получить сочную траву. Невыразимо эффектно зрѣлище, когда изъ одной точки быстро распространяется огонь по всѣмъ направленіямъ, то пробирается тонкою огненною струйкою, то вдругъ разбѣгается кругомъ, или, набѣжавъ на скирду, мгновенно охватываетъ ее. А степной вѣтеръ разноситъ потомъ во всѣ стороны пылающія хлопья. И все это мимолетно, неуловимо, быстрѣе театральныхъ разрушеній. Въ Херсонѣ путешественникъ поставленъ былъ съ повозкой на дубки и пятнадцать верстъ до Алешекъ прошелъ по изгибамъ Днѣпра. На дубкѣ онъ нашелъ довольно занимательное общество. Особенно понравились ему два крымскихъ татарина, которые, поджавъ ноги, курили, взгромоздившись подъ навѣсъ своихъ маджаръ — экипажа, съ чудовищными колесами, крытаго по обручамъ рогожей: экипажъ очень покойный для татарина, но для европейца невыносимый. При ужасной медленности, потому что маджары запрягаются или волами, или верблюдами, движенье ихъ сопровождается скрыпомъ, нестерпимымъ для слуха. Въ иныхъ мѣстахъ этотъ скрыпъ считается нужнымъ для того, чтобы всякій издалека могъ узнать честнаго человѣка, который не крадется, а приближается къ вамъ явно. А крымчаки его держатся, я думаю, для того, чтобъ не тратиться на сало или деготь, на смазку. Подъѣзжая къ Перекопу, Кабуровъ любовался полетомъ орловъ, которые широкими кругами двигались въ пространствѣ и потомъ отдыхали, вися неподвижно въ воздухѣ, съ распростертыми крыльями. Недаромъ поэты называютъ полетъ орла пареньемъ; его движенья непохожи на движенья другихъ птицъ. Отъ царя воздушнаго вниманіе путешественника перешло къ кроткому царю степей — къ верблюду. Мощный, онъ переноситъ огромныя тяжести на плечахъ своихъ; но онъ силенъ не однимъ тѣломъ: терпѣливо, какъ труженикъ, переноситъ онъ голодъ и жажду и никогда не склоняетъ гордой своей шеи передъ человѣкомъ. Трудно растрогать его хладнокровіе; но въ

Digitized by Google

гнѣвѣ онъ ужасенъ; когда наконецъ его выведутъ изъ терпѣнія, онъ кусаетъ противника, топчетъ ногами и потомъ падая давитъ его всею тяжестію своего огромнаго тѣла.

Какъ привѣтливый хозяинъ, встрѣчаетъ васъ первый великанъ крымскихъ горъ сѣдой Чатырдагъ. Кажется, онъ манитъ васъ освѣжиться отъ зноя подъ сѣнь свою. Но трудно запастись терпѣніемъ на сто-тридцать верстъ, потому что безводная голая степь занимаетъ всю сѣверную часть поэтическаго полуострова. Часто попадаются стада овецъ, сторожимыя оборванными татарами. Часто представляются глазамъ цѣлыя озера воды; но это оптическій обманъ, который въ болѣе жаркихъ странахъ представляетъ путнику цѣлые фантастическіе города. Кажется, природа хотѣла дать южному лѣту нѣчто подобное зимнему сѣверному сіянію. И обоимъ этимъ чудесамъ не дивится безчувственный тупоумный алеутъ и слишкомъ чувственный, лѣнивый житель востока.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ лошади и дороги бываютъ здѣсь хороши, но зато въ зимніе мѣсяцы — ужасъ. Съ ноября до февраля рѣшительно нѣтъ проѣзда, такъ что иногда почту принуждены возить на верблюдахъ и на волахъ. По косогорамъ еще бываетъ лучше, но въ долинахъ, гдѣ земля по большой части наносная, колеса уходятъ по самую ступицу въ рыхлую грязь, и васъ осыпаетъ ею со всѣхъ сторонъ. По счастью, Кабуровъ ѣхалъ въ такую пору, когда вообще рѣдко бываютъ ненастные дни. Отъѣхавъ отъ Перекопа верстъ шестьдесятъ, онъ остановился переночевать; ему непремѣнно хотѣлось видѣть горы при полномъ свѣтѣ дня. Ночь упала на землю по южному—быстро, подобно театральному занавѣсу. Напившись чаю, съ горемъ по поламъ и съ соленой водой, потому что въ степи другой достать нельзя—и та изъ колодцевъ, — Кабуровъ улегся. Солнце рано поднялось и разбудило путниковъ. Кабуровъ радовался ясному дню и всматривался въ синюю цѣпь горъ, которыя тянулись отъ востока къ западу. Вдругъ вѣтеръ задулъ прямо въ лицо ѣдущимъ и началъ выдвигать одну за другой тучи, такъ что черезъ нѣсколько минутъ путники ничего не видали передъ собой, кромѣ тумана, изъ котораго сыпались на нихъ холодныя, мелкія, колючія какъ иглы капельки. Скорѣй, скорѣй до мѣста! Дорога то взбѣгала на косогоры, то спускалась внизъ, чтобы тотчасъ снова подняться. Купы величавыхъ раинъ-тополей показались впереди.

Digitized by Google

— Это Ахмечеть, сказалъ ямщикъ и махнулъ плетью по лошадямъ.

Городъ С* стоитъ въ прелестной долинѣ Салгира: эти слова изъ одной географіи невольно пришли на память Кабурову. Но, обыкновенно, много ожидаешь — мало найдешь. Когда, проѣхавъ сады предмѣстья, путники начали подаваться во внутренность города, — «не надо никогда вѣрить географіямъ», сказалъ Кабуровъ, озираясь кругомъ и видя одни голые безчисленные холмы, между которыми въ какой-то грязной ямѣ расположенъ городъ. Предубѣжденіе его возрасло еще болѣе, когда онъ въѣхалъ на базарную площадь. Особенно удивило его изобиліе огородныхъ овощей, которыя лежали по всей площади, безъ преувеличенья, горами. Татары, греки, жиды и русскіе мѣсили кругомъ грязь; у нѣкоторыхъ, какъ казалось, болѣе зажиточныхъ, были подвязаны ремнями подъ ноги деревянные треугольники, или скамѣечки о трехъ ножкахъ; но неопытнымъ ходакамъ они только затрудняли ходьбу. Четыре битыхъ часа принужденъ былъ Кабуровъ прождать здѣсь лошадей.

Къ разсвѣту онъ увидалъ передъ собой море и сталъ декламировать вслухъ извѣстную элегію. Шумно отвѣчали волны звучнымъ строфамъ поэта. Миновавъ бастіоны сѣвернаго укрѣпленія и спустившись къ маленькой кордегардіи, расположенной на пристани, Кабуровъ взялъ ординарный катеръ, и черезъ минуту черноморскія волны понесли его на хребтахъ своихъ, облитыя свѣтомъ луны.

Скоро онъ вышелъ на берегъ, и спустя часъ уже бродилъ по небольшимъ улицамъ города, пріискивая квартиру.

Въ городѣ, куда прибылъ Кабуровъ, проживала въ собственномъ домѣ почтенная госпожа Рокотаки. Вдова она была или старая дѣвица, неизвѣстно. За нѣсколько времени до эпохи нашего разсказа вдругъ явилась къ ней бѣдно-одѣтая дѣвушка. Красные глаза доказывали, что она еще недавно много плакала. Старуха взяла письмо, надѣла очки, съ трудомъ прочла его, сдѣлала гримасу, подумала, потомъ обратилась къ дѣвушкѣ и сказала:

— Такъ ваша маменька умерла, моя милая. То есть, я хотѣла сказать: сестрица моя умерла. Вѣчная ей память! Чтожь вы не отвѣчаете, голубушка?

Digitized by Google

Дѣвушка залилась слезами и произнесла:

— Да.

Болѣе она не могла ничего сказать.

— Вы теперь безъ пристанища. Нечего дѣлать! надо вамъ у меня помѣститься!

Житье было у тетки не слишкомъ веселое Клеопатрѣ (такъ звали дѣвушку); но она имѣла одинъ изъ тѣхъ счастливыхъ характеровъ, которые вы встрѣтите только подъ полуденнымъ небомъ. Веселая и живая, она исполняла приказанія и капризы тетки, въ полномъ смыслѣ слова, припѣвaючи,—переходила отъ работы къ работѣ безъ горя, безъ той грустной думы, которая такъ обыкновенна на лицахъ сѣверныхъ красавицъ.

Расхаживая по городу, Кабуровъ забрелъ наконецъ въ домъ Рокотани.

— Я слышалъ, что у васъ отдается квартира, сказалъ онъ, развязно входя къ хозяйкѣ и раскланиваясь.

— Отдается.... отвѣчала старуха сквозь зубы, медленно оглядывая его съ головы до ногъ.

Заключивъ по старому сюртуку, что онъ не слишкомъ богатъ, она довольно рѣзко прибавила:

— Да у меня квартира всегда ходила по двадцати рублей!

— Ну, что-жь! я съ охотой ихъ дамъ, только позвольте посмотрѣть квартиру.

Обращеніе старухи въ мигъ перемѣнилось: она уже боялась, чтобъ онъ не оступился, вводя его по узенькой лѣстницѣ во второй этажъ. Съ непривычки ходить по кораблямъ, онъ оступался на крутомъ трапѣ, потому что во флотскомъ городѣ С** вы безпрестанно встрѣчаете владычество корабельной архитектуры.

Старуха между тѣмъ, ловко шагая по ступенямъ, старалась задобрить Кабурова въ пользу квартиры.

— Вотъ, батюшка, развѣ немножко высоко.

— Высоко не бѣда, но лѣстница немножко крута.

— Нѣтъ, не крута; оно такъ съ перваго разу кажется....

И она стала распространяться въ похвалахъ квартирѣ; но никакія рекомендаціи не были ему нужны, когда, остановясь на галлерейкѣ, окружающей второй этажъ, онъ увидѣлъ передъ собой чудесную картину. Внизу ступенями сходили домики, нагроможденные одинъ на другой, и между ними зеленѣлись де-

Digitized by Google

ревья маленькихъ садиковъ. Потомъ ровная, бѣлая какъ скатерть площадка сходила къ голубому заливу, тихо плещущему въ берега; заливъ окружали грозныя батареи; съ брустверовъ ихъ внимательно выставляли жерла свои, устремленныя къ фарватеру, огромныя пушки. И, къ довершенію разнообразія, нѣсколько бѣлыхъ парусовъ, едва примѣтныхъ для глаза, мелькали на гладкой поверхности моря, такъ сливающейся съ небомъ, что порой корабли казались летящими по воздуху.

— Я переѣзжаю завтра. Нужно задатокъ?

И, не дождавшись отвѣта, онъ подалъ старухѣ ассигнацію.

— Вотъ десять рублей. Квартира за мной.

— Изволите, извольте, за вами.

И она провожала его поклонами.

Черезъ нѣсколько часовъ чемоданъ Кабурова былъ уже въ домѣ старухи.

— Что́жь, квартира свѣтленькая, чистенькая, сказалъ онъ своему Ивану.

— И племянница у хозяйки быстроглазая, что́ козочка, румяная, что́ твоя красная ягода.

— Будто?

— Право-съ, сами увидите; очень хороша.

Кабуровъ хорошо рисовалъ и, какъ любитель природы и живописи, былъ очень доволенъ ландшафтомъ, открывавшимся изъ его оконъ; но, получивъ извѣстіе о племянницѣ хозяйки, онъ сталъ вдесятеро довольнѣе....

— Да, недурно, очень недурно.... и мы съ ней подружимся. Досадно, что́ поздно: девять часовъ! Иванъ!

— Чего изволите?

— Что́, хозяйка еще не спитъ?

Вдругъ раздался громкій ударъ пушки и раскатился съ грохотомъ по горамъ.

— Что́ такое? Изъ пушки, кажется?

— Не знаю-съ; кажись незачѣмъ палить!

— Поди спроси, для чего палятъ.

Иванъ воротился и донесъ, что выстрѣлъ значитъ: пушка, и еще значитъ: девять часовъ.

— У кого ты спрашивалъ?

— У хозяйской кухарки.

— А что́ хозяйка?

Digitized by Google

— Поужинали-съ.

— Такъ рано?

— Такое заведеніе!

— Однакожь, она еще не ложилась. Я думаю, можно сходить туда. Что́ племянница?

— Обѣ въ бѣлыхъ неближеяхъ.

— Такъ до завтра.

Онъ зѣвнулъ и высунулся въ окно подышать прохладой южной ночи. Красавица! какъ она была тиха и безмятежна подъ своимъ темно-голубымъ покровомъ, усѣяннымъ золотыми звѣздами! Отпустивъ слугу и погасивъ свѣчку, Кабуровъ предался вполнѣ созерцанію. Вдругъ онъ видитъ подъ самыми своими окнами на землѣ большой четвероугольникъ свѣта, перекрещенный рамою. Какая-то тѣнь рисуется на этомъ фонѣ. Кажется, не старуха: чепца не видно. Не племянница ли хозяйки? Впрочемъ, какъ повѣрить по тѣни слова Ивана о красотѣ ея? Тѣнь хуже зеркала. Зеркало только все показываетъ навыворотъ, но зато ничего не упуститъ. А тѣнь? То вытянетъ носъ до безконечности, то совсѣмъ его спрячетъ..., а глаза?... нѣтъ! тѣнь никуда не годится!

Тише! и Кабуровъ за дверью, спускается по крутому трапу, ниже, ниже, — и вотъ онъ у окна. Закинувъ голову, опустивъ ручки, нѣжныя, пухленькія, на столъ, незнакомка открыла ротикъ и зѣвнула. И за тѣмъ вылетѣлъ вздохъ изъ ея пышной груди — такъ заключилъ Кабуровъ, по ея волненію и трепету. Казалось, что дума свела ея черныя брови. Потомъ она вздохнула еще разъ и, выпустивъ работу изъ рукъ, протянула ихъ вдоль тѣла, прислонясь къ спинкѣ стула.

Кабуровъ весь былъ зрѣніе.

Она привстала и съ боязнію, которая вмѣстѣ выражала странную безпечность, подошла къ двери и, прислонясь ухомъ къ скважинѣ, пробыла такъ нѣсколько секундъ.

Наконецъ, улыбнувшись, она быстро бросилась къ столу и потушила свѣчу.

Въ досадѣ, Кабуровъ готовъ былъ проклинать темноту, но вдругъ отскочилъ, вспомнивъ, что можетъ быть замѣченъ....

Digitized by Google

III.

Кабуровъ переписывался съ своимъ другомъ, оставленнымъ въ Петербургѣ, и мы приводимъ здѣсь отрывки изъ нѣкоторыхъ писемъ Галицкаго, нужные по плану нашей исторіи.

23 августа 18**.

«.... Исторія съ моей паціенткой, которую я встрѣтилъ въ Токсовѣ, испуганную помѣшаннымъ чухонцемъ, кончилась тѣмъ, чѣмъ часто кончаются подобныя исторіи. Я полюбилъ Юлію. Сначала я посѣщалъ ихъ домъ какъ докторъ—самое счастливое время моей любви. Я сблизился съ Юліей, я узналъ ее. Потомъ я бывалъ у нихъ какъ знакомый. Но съ каждымъ новымъ посѣщеніемъ роль моя у нихъ становилась тяжелѣе и тяжелѣе. Ничего общаго между ними и мной нѣтъ и быть не можетъ. Я—бѣдный докторъ, только что начинающій свое поприще; родители Юліи — люди богатые, а главное — зараженные честолюбіемъ, свѣтскимъ честолюбіемъ. Тяжелые, надменные люди! Съ каждымъ днемъ яснѣе чувствую необходимость избѣгнуть столкновенія съ ними; но какъ оставить Юлію? Какъ рѣшиться не видать ее, даже не высказавъ своей страсти? Любовь, первая любовь встрѣтила меня такъ неприв ѣтливо! но пусть она будетъ и послѣднею. Теперь остается мнѣ дружба, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я обниму тебя... Но, во что бы то ни стало, я не уѣду, не увидавъ ее и не высказавъ ей всего, что такъ давитъ мою грудь!»

27 сентября.

.... «Я видѣлъ Юлію. Я говорилъ съ ней. я высказалъ ей мою любовь. Другъ мой, она также любитъ меня! Она женщина съ характеромъ рѣшительнымъ. Но есть такія обстоятельства, въ которыхъ никакая рѣшительность ничего не въ состояніи сдѣлать. Тотчасъ побѣжала Юлія къ своей матери и объявила, что будетъ моею женою или — ничьею! Тоже объявила она отцу. Но такое рѣшительное объясненіе ни къ чему не повело. И мать и отецъ смѣялись. Я получилъ отказъ отъ дому. Юлія слегла въ постель. Сердце мое разорвано. Вотъ уже четвертый день я не вижу Юліи. На что я долженъ рѣшиться, не знаю. Кажется, самое лучшее — уѣхать. Но легко сказать —

Digitized by Google

уѣхать! Однакожь, соберусь съ силами и сдѣлаю, что̀ говоритъ благоразуміе. Одна мысль меня поддерживаетъ: Юлія сказала, что не будетъ принадлежать никому, кромѣ меня. Я уже давно поклялся ей не соединять своей судьбы съ судьбою другой женщины....»

Февраль, 9.

.... «Я ѣду къ тебѣ. Все кончено! все кончено! Она выходитъ замужъ. Какъ? кто тутъ виноватъ? Тяжело и безполезно входить въ причины, да я ихъ и не знаю. Все, что̀ сдѣлалось въ послѣднее время, облечено въ непроницаемый туманъ. Ничего не понимаю. Прощай и жди своего несчастнаго друга....»

Черезъ мѣсяцъ Кабуровъ стоялъ у пристани, поджидая подплывающаго катера.

— Галицкій!

— Кабуровъ!

И друзья заключили другъ друга въ объятія.

Проживши въ С** около года, безъ родныхъ, безъ друзей, Кабуровъ, привыкшій притомъ къ довольно разсѣянной жизни въ столицѣ, скучалъ иногда ужасно. Тѣмъ сильнѣе обрадовалъ его пріѣздъ Галицкаго.

— Ну, братъ, Галицкій, какъ я радъ, что ты пріѣхалъ. Ато совсѣмъ тоска. Ничего хорошаго; правда, погода постояннѣе вашей, петербургской. Впрочемъ, тебѣ будетъ что̀ посмотрѣть, потому что здѣсь именно все въ твоемъ вкусѣ. Во первыхъ, чудная природа, виноградъ ростетъ по улицамъ. А древностей не оберешься. И Херсонесъ, и Инкерманъ съ своими пещерами, и прочее, и прочее. Впрочемъ, ты самъ все увидишь.

— А каково здѣсь общество? спросилъ Галицкій.

— Общество? какъ тебѣ сказать? Признаться, я только недавно началъ сближаться съ здѣшними.

— Отчего же?

— Да все моряки. Нашему брату сначала бываетъ трудно съ ними сойтись. Впрочемъ, говоря правду, я не сошелся съ здѣшнимъ обществомъ потому, что не умѣлъ. Причина была во мнѣ. Я пріѣхалъ, я имѣлъ въ нихъ нужду, я же долженъ былъ

Digitized by Google

и искать. Нѣсколько разъ случалось мнѣ съ ними встрѣчаться. Кланяются, пожимаютъ мнѣ руку, но ни за что не пригласятъ. Женщины лучше. И здѣсь, какъ вездѣ, нужно отдать имъ преимущество. Я не хотѣлъ танцовать въ незнакомомъ обществѣ и ѣздилъ въ клубъ единственно, чтобъ убить время. Танцовали мазурку. Стою въ углу. Одна хорошенькая блондинка меня выбираетъ. Я положилъ шляпу и натянулъ перчатки. Нужно было вытащить меня одинъ разъ, чтобы пустить въ ходъ. Имъ чудно было смотрѣть на мои пѣшеходныя па. Надо замѣтить, что здѣсь танцы въ высшей степени прыгучи, такъ что объ иной дамѣ не шутя можно сказать, что она танцуетъ соло съ полетами и превращеніями: такъ она мечется во всѣ стороны и вывертываетъ ногами. А здѣсь есть одинъ танцоръ.... не помню фамиліи.... такъ тотъ дѣлаетъ такія антраша, что съ парусиннаго потолка въ клубѣ всегда сыплется краска, и онъ всегда какъ напудренный.... Впрочемъ, я отбился отъ матеріи: дѣло въ томъ, что, рѣшившись сдѣлать туръ, я пустился во всю ивановскую, такъ что теперь не пропускаю ни одного танца и этимъ открылъ себѣ дорогу во всѣ дома. Возьмешь даму:

— «Вы пріѣхали изъ Петербурга?

— «Изъ Петербурга.

— «Я думаю, вы не совсѣмъ довольны, что принуждены здѣсь жить.

— «Я самъ просился сюда.

— «О, такъ вы вѣрно раскаиваетесь?

— «Помилуйте! напротивъ, я нашелъ здѣсь то, чего и не воображалъ. Я ѣхалъ сюда для классической страны и природы, а нашелъ столько добрыхъ людей и прекрасныхъ, милыхъ дамъ....»

— За этимъ непремѣнно слѣдуетъ приглашеніе въ домъ. И мужъ, который прежде и не заикался о знакомствѣ, теперь принимаетъ меня какъ нельзя лучше. Что нибудь одно: или всѣ здѣшніе мужья подъ башмакомъ своихъ женъ, или они ничего не смыслятъ въ свѣтскихъ обычаяхъ. Они мастера ходить кругомъ свѣта, но не въ свѣтѣ.

И онъ расхохотался.

— Что за шумъ внизу? спросилъ Галицкій.

— Всегдашняя исторія. Старуха, презлая старуха — моя хозяйка. Она безпрестанно возится съ своею племянницей. Бѣд-

Digitized by Google

ненькая съ утра до ночи за работой. Но что въ ней хорошо и странно, такъ это то, что не унываетъ. Старуха разбранитъ ее, можетъ быть даже побьетъ. Ты думаешь — слезы, обмороки? Ничего не бывало! Черезъ минуту она ужь поетъ, покуда опять не разсердится старуха. Чудесная дѣвушка! живая, веселая, безпечная.

— И славу Богу! такіе характеры не способны къ глубокимъ впечатлѣніямъ, такъ ихъ не ждетъ и глубокое горе. Любовь слегка скользнетъ по сердцу и пройдетъ непримѣтно.

— Кажется, ты правъ. Я вотъ ужь почти годъ бьюсь, чтобъ расшевелить въ ней сердце — не удается! Не знаю, я ли не такъ взялся за дѣло, характеръ ли у нея такой невпечатлительный. Ужь чего я не дѣлалъ! Цѣлые дни пою нѣжные романсы, дѣлаю глазки, раскланиваюсь какъ нельзя вѣжливѣе. Вотъ только что передъ тобой я досталъ самую пышную розу, затянулъ:

«Я люблю, какъ только можно....»

и уронилъ цвѣтокъ къ ней на окно. Она сидѣла съ работой; старухи не было въ комнатѣ, о чемъ я могъ положительно заключить при помощи моего корабельнаго пола. Вслѣдъ за тѣмъ спускаюсь по лѣстницѣ и прохожу мимо. Старуха входитъ въ комнату, думаю: «вотъ спрячетъ цвѣтокъ».... Какъ же!

— Мг. Кабуровъ, отъ васъ упалъ цвѣтокъ. Я его вамъ не отдамъ: что съ возу упало, то пропало! сказала она такимъ голосомъ, что сама подозрительная старуха не могла тутъ ничего истолковать въ дурную сторону. Но легче ли мнѣ?

— Ты все тотъ же повѣса, замѣтилъ Галицкій. — А знаешь, другъ мой: ты дурно дѣлаешь. Съ твоимъ характеромъ.... не пришлось бы горько раскаяться.

— Ты боишься, чтобъ меня не плѣнила какая нибудь здѣшняя красавица, чтобъ не пришлось вздыхать и страдать. Ха! ха! ха!

— Нѣтъ, чтобъ ей не пришлось страдать. Да и ты хоть вѣтренъ, но сердце у тебя благородное: самъ будешь терзаться...

Digitized by Google

Галицкій жилъ уже нѣсколько недѣль въ С**. Душевное горе меньше терзало его. Кабуровъ ввелъ его въ кругъ своихъ знакомыхъ, и они довольно весело проводили время. И здѣсь вино играло не послѣднюю роль, оживляло бесѣду, обнаруживало наклонности каждаго и вызывало острыя шутки. Галицкому очень нравились эти бесѣды — они были какъ-то въ его родѣ. Однажды имъ случилось быть на кораблѣ, гдѣ общество офицеровъ дѣлало вечеринку. И Галицкій не раскаялся, что провелъ тамъ до разсвѣта. Въ первый разъ въ жизни испыталъ онъ наслажденіе холостой морской компаніи. Музыка гремитъ. Стаканы ходятъ кругомъ, шумъ, хохотъ, остроты, разсказы о походахъ; иные какъ тѣни пробираются по стѣнкамъ, начиная терять центръ тяжести; другіе сидятъ въ углахъ и распѣваютъ хоромъ въ разладъ. Никакого стѣсненія; беззавѣтная откровенная веселость! «Баста!» закричалъ кто-то: «Свѣтаетъ, домой пора, — спасибо, господа!» И все поднялось и все цалуется. По трапамъ спускаются въ катера. — Ура! на воду! Кто гребетъ?

И весело катится легкій катеръ, при ровномъ плескѣ волнъ, отражающихъ въ глубинѣ своей небо, усѣянное звѣздами. Весело расходятся пріятели, освѣженные живительнымъ дыханіемъ южной ночи....

Между тѣмъ Кабуровъ не оставлялъ намѣренія познакомиться съ своей хозяйкой. Но какія средства ни употреблялъ онъ, чтобъ получить право посѣщать ее, ничто не удавалось. Напрасно каждый разъ самъ приносилъ онъ плату за квартиру. Старуха встрѣчала его словами:

— Извините, сударь: я нездорова и не могу васъ принимать.

И каждый мѣсяцъ тоже и тоже.

Наконецъ случай помогъ Кабурову. Максимъ Игнатьичъ, тотъ самый, котораго фамилію всегда позабывалъ Кабуровъ, началъ навѣщать старую затворницу. Кабуровъ рѣшительно не могъ доискаться причины такихъ посѣщеній. Наконецъ, разъ, гуляя по Нижней улицѣ, онъ встрѣтилъ Максима Игнатьича въ полномъ парадномъ костюмѣ. Онъ шелъ къ Рокотаки. Старикъ былъ болтливъ и въ нѣсколько минутъ высказалъ Кабурову причину своихъ посѣщеній. Ему очень нравился домъ Рокотаки, и Максимъ Игнатьичъ рѣшился искать руки старой гречанки. Дѣла его начинали принимать хорошій оборотъ. Г-жа Рокотаки охотно принимала его, даже приказывала своей пле-

Digitized by Google

мапницѣ подчивать его каждый разъ вареньемъ, при которомъ обыкновенно подавался, по греческому обычаю, стаканъ воды.

— Чегожь вы медлите? замѣтилъ ему Кабуровъ. — Неужели вы еще не объяснились?

— Иду, иду — сегодня или никогда, отвѣчалъ старикъ, видимо робѣющій при одной мысли о предстоящемъ объясненіи.

Кабуровъ старался ободрить его, увѣривъ, что отказать такому достойному человѣку не рѣшится никакая женщина. Они вмѣстѣ дошли до дому, и Максимъ Игнатьичъ отправился съ предложеніемъ.

Кабуровъ стерегъ его, и когда наконецъ часа черезъ полтора старикъ вышелъ отъ Рокотаки, Кабуровъ зазвалъ его къ себѣ.

— Ну, что? побѣда!

— Тише, тише; она еще не сказала ничего рѣшительно, отвѣчалъ старикъ съ таинственнымъ видомъ, прикладывая палецъ къ губамъ: — но можно надѣяться.

— Теперь до васъ просьба, но....

И Кабуровъ въ свою очередь приложилъ палецъ къ губамъ и улыбнулся.

— А что?

— Сперва закусимъ. Хотите водки?

— Ваше здоровье!

— Нѣтъ, здоровье владычицы вашего сердца!

Максиму Игнатьичу очень понравился такой тостъ. Болтая съ нимъ и выспрашивая его о послѣдствіяхъ объясненія, Кабуровъ довольно часто подливалъ ему вина, и старикъ скоро развеселился; но потомъ вдругъ, утомленный ходьбою и жаркимъ объясненіемъ, онъ заснулъ и повалился головою на диванную подушку.

«Славно!» подумалъ Кабуровъ. «Предлогъ есть — отправлюсь прямо внизъ, скажу, что Максимъ Игнатьичъ умираетъ!»

Онъ побѣжалъ по лѣстницѣ внизъ, прямо къ хозяйкѣ, какъ сумасшедшій, растворилъ двери настежь и восклицалъ плачущимъ голосомъ:

— Дурно, очень дурно бѣдному Максиму Игнатьичу, моему единственному другу. Сдѣлайте милость мадамъ Рокотаки — нѣтъ ли у васъ спирту!

Digitized by Google

— Ахъ, Боже мой! что такое?

— Максиму Игнатьичу очень дурно. Онъ пришелъ ко мнѣ отъ васъ очень разстроенный, и когда я завелъ разговоръ объ васъ, онъ побѣдлѣлъ и покатился въ обморокъ....

— О, я понимаю.... Я сейчасъ сама буду.

— Извините, Это можетъ васъ разстроить, И притомъ....

— Вы правы — злые языки...,

— Но еслибъ вы поручили мнѣ сказать ему что нибудь, потому что я все знаю.... я догадался изъ нѣсколькихъ словъ, которыя онъ сказалъ, когда....

Г-жа Рокотаки закрылась платкомъ.

— Скажите хоть слово, но слово рѣшительное.

Старуха была увѣрена, что Кабуровъ не шутитъ, тогда какъ онъ едва сдерживалъ хохотъ.

— Да, я любилъ его.

— О, такое извѣстіе оживитъ его!

И онъ быстро убѣжалъ вверхъ.

«Ну, теперь я на хорошей дорогѣ; я свой человѣкъ у старухи» — думалъ Кабуровъ, и разныя надежды вертѣлись въ его головѣ. И онъ чувствовалъ не совсѣмъ похвальную радость. Люди его характера способны на все доброе, лишь бы оно не было сопряжено съ упорнымъ трудомъ, и также точно могутъ сдѣлать низкій поступокъ. Въ ихъ жизни случай, обстоятельства, прихоть — играютъ главнѣйшую роль....

Черезъ недѣлю, по протекціи Максима Игнатьича, Кабуровъ и Галицкій были приглашены къ Рокотаки провести вечеръ. Бдительный взоръ старухи словно подернулся туманомъ. Кабуровъ могъ свободно вести свою аттаку. Нетрудно вкрасться въ довѣренность дѣвушки, незнакомой съ людскими хитростями. Клеопатра была отъ природы умна. До двѣнадцати лѣтъ отецъ ея, старый морякъ, училъ ее граматѣ и ариѳметикѣ. Потомъ не стало добраго старика; дѣвушка не могла получить дальнѣйшаго образованія. Но она уже бѣгло читала, и хотя старуха очень занимала ее работой, однакожъ Клеопатра находила время читать книги, оставшіяся послѣ отца. Признаться, библіотека была не отборная; но все лучше, чѣмъ ничего. И дѣвушка изъ разрозненныхъ томовъ составила себѣ какой-то идеальный міръ, населенный пространными существами вмѣсто дѣйствительныхъ людей. Ее удивлялъ способъ выраженія нашихъ

Digitized by Google

молодыхъ пріятелей, совсѣмъ не то, что въ романахъ: слова не тѣ, мысли не тѣ; она помнила, что въ какомъ-то романѣ молодой человѣкъ заговорилъ съ героиней: «О, наипрелестнѣйшая дѣвица! обладательница моего сердца» и такъ далѣе. А Кабуровъ заговорилъ совсѣмъ не то: онъ не положилъ даже руки на сердце. Хладнокровно, свободно говорилъ онъ съ ней о вещахъ самыхъ обыкновенныхъ, и говорилъ такъ, что она все понимала и могла отвѣчать, не запинаясь. «Это гораздо лучше, чѣмъ въ моихъ романахъ» — думала Клеопатра. И вообще ей много пришлось сдѣлать поправокъ въ своемъ воображаемомъ мірѣ. А наконецъ она и совсѣмъ бросила свои прежніе романы. Когда случалось, что она и не участвовала въ разговорѣ, то часто съ работою въ рукахъ вслушивалась въ разговоръ нашихъ друзей. Слова Галицкаго всегда были пылки, но отзывались разочарованіемъ. Казалось, онъ оплакивалъ невозвратимое. Кабуровъ отвѣчалъ хладнокровно, часто ѣдко; но онъ вѣрилъ въ счастье. Для Клеопатры онъ былъ понятнѣе. Онъ былъ человѣкъ положительный, Галицкій—мечтатель, и еще мечтатель разочарованный. Положительное доступнѣе, и Клеопатра рѣшительно была на сторонѣ Кабурова. Притомъ Галицкій былъ съ нею только вѣжливъ, Кабуровъ — искателенъ. Онъ былъ молодъ, но уже опытенъ въ искусствѣ нравиться женщинамъ. Каждое его слово было размѣрено такъ, что Клеопатра могла изъ него извлечь смыслъ, который могъ относиться къ ней. Быть предметомъ вниманія молодого красиваго мужчины всегда лестно для дѣвушки, а въ положеніи Клеопатры и еще больше. До того времени, всегда подъ строгимъ надзоромъ, она не смѣла ступить лишняго шагу. А теперь вдругъ дана ей почти полная свобода; теперь всѣ силы души, не имѣвшія исхода, могли вылиться, — и на кого должны были устремиться онѣ, какъ не на Кабурова, который былъ такъ внимателенъ къ Клеопатрѣ?

Галицкій бывалъ иногда у старухи съ своимъ пріятелемъ и даже замѣтилъ, что старуха очень за нимъ ухаживаетъ.

— Послушай-ка, сказалъ однажды Галицкій своему пріятелю. — Вѣдь старая Рокотаки нещутя на тебя мѣтитъ.

— Что жъ? я очень доволенъ. Пускай себѣ мѣтитъ. Я даже просилъ Максима Игнатьича намекнуть, что я думаю свататься, и даже переговариваюсь уже съ родными.

Digitized by Google

— То-то мнѣ показалось страннымъ, что старуха заводила разговоръ о твоихъ родныхъ. Но зачѣмъ же такіе маневры?

— А такъ; увидимъ, что выйдетъ!

— Послушай, если ты не имѣешь серьёзнаго намѣренія жениться, грѣшно играть такъ сердцемъ дѣвушки. Она, кажется, къ тебѣ расположена. И если, притомъ, она можетъ толковать твое ухаживанье въ серьёзную сторону, — она дастъ волю своему сердцу, — и тогда изъ простой склонности можетъ родиться любовь.

— О, дѣло никогда не зайдетъ такъ далеко! Я напѣваю ей пріятный вздоръ, и она слушаетъ его какъ дитя колыбельную пѣсенку. Вѣдь она еще ребенокъ....

— Но колыбельная пѣсенка убаюкиваетъ, и тѣмъ хуже, что ты поешь ее ребенку, который можетъ заснуть на краю пропасти, не подозрѣвая вблизи опасности.... и тогда, что ждетъ ее при пробужденіи? А Клеопатра не вѣчно же останется ребенкомъ: придетъ опытность, и тогда....

Галицкій остановился и, не кончивъ рѣчи, прибавилъ:

— А иная колыбельная пѣсенка учитъ скорѣе и легче всякой книги и учителя.... да!

— Ты пойдешь гулять? спросилъ Кабуровъ.

— Нѣтъ, пойдемъ лучше къ Б—ву; мы такъ давно уже не были....

— Нѣтъ, не могу. Я долженъ итти на бульваръ.

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ предъидущаго разговора, Галицкій лежалъ на диванѣ. Онъ поздно пришелъ и, поговоривъ немного съ пріятелемъ, простился съ нимъ, чтобъ успокоиться. Вообще, въ послѣднее время имъ было не совсѣмъ ловко вмѣстѣ. Давно уже Галицкій ни однимъ словомъ не касался въ разговорахъ съ Кабуровымъ хозяйскаго семейства. И, чтобъ не имѣть повода говорить о немъ, — онъ зналъ, что безъ размолвокъ не обойдется, — онъ даже пересталъ ходить къ Рокотаки. Галицкому не спалось, и онъ лежалъ лицомъ къ стѣнѣ въ легкой дремотѣ. Прошло около часу. Онъ слышалъ, какъ Кабуровъ подошелъ къ часамъ, которые висѣли надъ его кроватью; посмотрѣлъ на нихъ внимательно; потомъ Галицкій замѣтилъ, по тѣни на стѣнѣ, что она какъ будто укоротилась: видно, Кабуровъ нагнулся, чтобъ посмотрѣть, спитъ ли онъ. Подсвѣчникъ звякнулъ объ столъ; но можно было догадаться, что его ставили осторожно. Потомъ,

Digitized by Google

скрыпнули щипцы, и въ комнатѣ стало темно. Потомъ дверь скрыпнула тихонько.

Галицкій все понялъ.

На утро онъ думалъ встрѣтить замѣшательство въ своемъ другѣ. Ничего не бывало. Кабуровъ прехладнокровно толковалъ о своихъ ежедневныхъ мелочахъ. Галицкій даже подумалъ, что ему просто приснился странный сонъ.

— Какъ идутъ твои дѣла? спросилъ онъ — и остановился: видно было, что онъ безъ умысла сдѣлалъ свой вопросъ и уже раскаявался въ немъ.

— Недурно! разсѣянно отвѣчалъ Кабуровъ. — Однако же, пора и въ путь! Я сегодня проспалъ. Прощай! кланяйся всѣмъ!

— И хозяйкѣ?

— Пожалуй.

И онъ вышелъ за ворота, гдѣ малорослая татарская лошаденка ожидала его, съ проводникомъ татариномъ.

Галицкій пожалъ плечами и не зналъ, что думать. Онъ зналъ, онъ былъ вполнѣ увѣренъ въ благородствѣ своего друга; но мысль, что другъ его играетъ именемъ, а можетъ быть и честью бѣдной дѣвушки, смущала его. Разборъ всѣхъ извѣстныхъ ему обстоятельствъ привелъ его наконецъ къ заключенію, что уже завязалась полная интрига, и, можетъ быть, дѣло идетъ уже къ развязкѣ. «Кабуровъ молодъ, вѣтренъ. Если не поздно еще, то удержу его, во что бы ни стало! Зачѣмъ я предоставилъ его собственной волѣ? Я побоялся пустой размолвки, не хотѣлъ переступить черезъ камешекъ в обоихъ, можетъ быть, столкнулъ въ пропасть....»

Галицкій хотѣлъ увидѣть Клеопатру и дня черезъ два послѣ отъѣзда Кабурова зашелъ къ нимъ. Старуха встрѣтила его жестокимъ выговоромъ — зачѣмъ такъ долго не бывалъ у нихъ?

— А Павелъ Александрычъ уже уѣхалъ? Бѣдный! ему скучно будетъ на южномъ берегу!

— Напротивъ. Я ему завидую. Я давно собираюсь и не могу выбрать свободной минуты отправиться туда, а онъ и не думалъ — собрался вмигъ и уѣхалъ!

Галицкій посмотрѣлъ на Клеопатру и замѣтилъ при послѣднихъ словахъ своихъ перемѣну въ ней. Казалось, она хотѣла укрыться отъ всѣхъ взоровъ: такъ она нагнулась къ пяльцамъ.

— Слышишь, Патрикѣевна, сказала значительно старуха.

Digitized by Google

Клеопатра тихо вздохнула. Галицкій испугался, когда разсмотрѣлъ ее: такъ она перемѣнилась. Онъ не узналъ въ ней цвѣтущей, живой, беззаботной Клеопатры. Она была блѣдна и печальна....

IV.

По улицѣ города С* шли двое въ охотничьихъ сапогахъ, съ ружьями и яхташами.

— Ну, ужь городъ! Ни одной порядочной улицы! Хорошъ, нечего сказать, бульваръ! Круть такая, что право лучше двадцать разъ прогуляться на мачту, чѣмъ одинъ разъ пройти по такимъ камнямъ. Будто нарочно отточены: такъ и колятъ ноги....

Такъ говорилъ маленькій, пузатенькій мичманъ товарищу своему, который шагалъ немилосердно по крутизнѣ болѣе чѣмъ въ сорокъ-пять градусовъ. Смѣшно было смотрѣть, какъ одинъ суетливо, другой спокойно отмѣривали шаги, поднимаясь выше и выше. Притомъ и наружность ихъ представляла рѣзкую противоположность. Одинъ былъ низокъ ростомъ, другой страшно высокъ; только тонкія ноги послѣдняго сгибались,— самъ же онъ былъ прямъ и, казалось, совершенно лишенъ способности гнуться.

— Ради Бога, потише! говорилъ невысокій. — Я задохнусь!

— Помилуй! да мы опоздаемъ, отвѣчалъ высокій, не оборачиваясь.

— Ну, выбрались! да гдѣ же они живутъ: Кабуровъ и докторъ.... ты знаешь?

— Знаю. Видишь зеленый балкончикъ.

— Дадутъ ли мнѣ у нихъ хоть стаканъ вина. Иначе я отказываюсь отъ охоты. А въ которомъ часу назначено? Слышишь, на бранвахтѣ двѣ стклянки.

— Назначено въ пять.

— Я думаю, они спятъ. А нѣтъ, вотъ знакомая голова: кажется, докторъ? или Кабуровъ, а? кажется Кабуровъ? да!

Но между тѣмъ, какъ боязливый мичманъ дѣлалъ себѣ вопросы и отвѣчалъ на нихъ, они уже были на дворѣ у нашихъ знакомцевъ, которые оканчивали свой туалетъ и вели жаркій разговоръ.

— Повѣрь моему знанію, говорилъ Галицкій. — Я не ошибаюсь. Ты знаешь, Кабуровъ, я никогда не сомнѣвался въ твоемъ благородствѣ; но подумай о положеніи бѣдной дѣвушки. Что ожи-

Digitized by Google

даетъ ее? Вѣчные слезы, вѣчные упреки тетки, а можетъ быть и еще хуже....

Въ ту минуту дверь отворилась; показался маленькій шкиперъ. Галицкій замолчалъ, а Кабуровъ, нагнувшись къ его уху, торопливо прошепталъ:

— Ну, я женюсь на ней!

Галицкій съ чувствомъ пожалъ ему руку, и по глазамъ благороднаго доктора можно было видѣть, какая тяжесть свалилась съ его сердца.

— А мы васъ ждали, ждали! встрѣтилъ Кабуровъ вошедшихъ стихомъ Грибоѣдова. — Чтобъ не помѣшала намъ погода, господа, продолжалъ онъ такимъ тономъ, въ которомъ человѣкъ болѣе проницательный тотчасъ угадалъ бы отказъ. Но не таковы были наши два моряка; одинъ былъ слишкомъ хладнокровенъ, другой слишкомъ горячъ; а крайности часто сходятся: одинъ уже рѣшившись на что нибудь никогда не мѣнялъ своихъ намѣреній, другой за все брался горячо и былъ притомъ страстнымъ охотникомъ.

— Погода не помѣшаетъ, господа: погода отличная. Штиль. Немножко жарко. Но вѣдь всего семь верстъ — пустяки! духомъ долетимъ. Стыдно, господа, отказываться!

— Мы не отказываемся, сказалъ Галицкій, надѣвая фуражку. — Мы послали уже и человѣка на катеръ съ тѣмъ, что слѣдовало намъ взять.

— Ну, ѣдемъ, ѣдемъ!

— Вы, господа, не разсердитесь, замѣтилъ Галицкій: — что съ нами будутъ и дамы?

— Какія дамы? Да съ дамами еще веселѣе!

— Хозяйка наша съ дочерью и своимъ женихомъ. Вы знаете Максима Игнатьича?

Вышла хозяйка изъ своихъ комнатъ и, выпустивши всѣхъ, собственноручно заперла двери огромнымъ ключомъ и погрузила его въ свой ридикюль. Когда спустились съ пристани и вошли въ лодку, раздался свистокъ. Весла стукнули въ уключины. Еще свистокъ, и лодка быстро полетѣла, разбивая въ брызги зеленую, прозрачную какъ изумрудъ воду. Поверхность моря была неподвижно гладка, какъ мраморная полированная доска; небо, отражаясь въ этой поверхности, сообщало ей синеватый цвѣтъ. Только мѣстами тянулись въ разныхъ направленіяхъ сѣ-

Digitized by Google

роватыя полосы, показывая, что воздухъ не могъ совсѣмъ успокоиться: природа показалась бы безжизненною, — теперь она дремала.

— Ухъ! какъ печетъ! Несмотря на парусину, съ меня потъ льетъ градомъ, сказалъ маленькій мичманъ, разстегивая свой сюртукъ.

— Что́жь тутъ удивительнаго? отвѣчалъ его товарищъ. — Еще бы ты больше размахивалъ руками! Ты и говоришь какъ будто для моціону.

— А развѣ лучше по твоему? Ты боишься перегнуться, точно батавская слезка, чтобъ не разсыпаться въ пыль.

Моряки, привыкшіе къ морю, предаются на морѣ тѣмъ же чувствамъ свободно, которыя одушевляютъ другихъ на сушѣ. Но непривычнаго объемлетъ непонятное чувство, сковывающее уста. Заливъ былъ тихъ; всѣ, кромѣ моряковъ, молчали. Галицкій глядѣлъ вдаль на море, на крутые берега, тянувшіеся по обѣимъ сторонамъ. Уже проѣхали половину всего пути до Инкермана. Нѣсколько судовъ на рейдѣ противъ города издали казались висящими въ воздухѣ: такъ приняло здѣсь море всѣ оттѣнки неба. Странное несходство замѣтилъ Галицкій между обоими берегами: вдоль лѣваго тянулись, словно каріатиды, чистые бѣлые обмои отъ дождей; пяты ихъ отекло море, головы упирались въ плотные пласты, которые поднимались одинъ на другой косвенно, какъ въ брошенной колодѣ картъ. Сверху они были засыпаны тонкимъ слоемъ земли съ обнаженною травою. Правый берегъ представлялъ совсѣмъ другой видъ; покрытый кустарникомъ, онъ былъ пріятнѣе для глазъ, потому что лучи солнца не могли сжечь его, какъ траву противоположнаго берега.

— Этотъ водопроводный каналъ, замѣтилъ докторъ: — вдоль всего берега тянется точно надрѣзка вокругъ черепа.

— Вотъ самое докторское сравненіе!

Между тѣмъ всѣ обратились въ ту стороны и поражены были вѣрностью сравненія.

Никто, однакожь, не продолжалъ разговора. Высокій морякъ сидѣлъ прямо, даже не прислонясь; низенькій суетился съ ружьемъ, увидѣвъ какую-то птицу на водѣ; но она нырнула, и онъ блуждалъ жадными глазами по всей окружности.

— Кажется, пеликанъ, бормоталъ онъ.

Digitized by Google

Кабуровъ все еще, казалось, былъ занятъ своимъ разговоромъ съ Галицкимъ. Повѣсивъ голову, онъ задумчиво смотрѣлъ на Клеопатру. Клеопатра, блѣдная, грустная, сидѣла противъ него, стараясь уловить его привѣтливый взглядъ.... Госпожа Рокотаки съ Максимомъ Игнатьичемъ сидѣли рядомъ въ хвостѣ колонны и шептались.

Скоро наша компанія очутилась посреди шестовъ, означающихъ фарватеръ рѣчки, окруженной болотами. И они поплыли вверхъ по теченію; весла чуть не задѣвали береговъ узкой рѣчки. Въ камышѣ часто попадались черепахи, но при приближеніи людей сейчасъ бросались въ воду и уходили на дно. Нѣсколько змѣй плавали по поверхности, какъ будто грѣясь на солнцѣ. Но они не такъ боялись людей и смѣло плавали около веселъ.

Близкая пристань послѣ семи-верстнаго плаванія оживила всѣхъ. Языки развязались; пошли толки объ охотѣ. Всякій разсказывалъ случаи, примѣчательные и занимательные, впрочемъ, для однихъ охотниковъ. Лодка остановилась. Сходни положены, стали выходить. Но наши моряки и Кабуровъ выпрыгнули черезъ бортъ. Кабуровъ помогъ выйти старухѣ и Клеопатрѣ, которой успѣлъ шепнуть, что она сегодня удивительно хороша. Бѣдная дѣвушка ожила....

Съ первымъ шагомъ на берегъ, Галицкій былъ пораженъ зрѣлищемъ, которое ему представилось. Никогда описанія туристовъ, ни живопись не дадутъ близкаго понятія о всѣхъ разнообразныхъ чудесахъ природы. Зеленый дернъ былъ покрытъ цвѣтами и ковромъ разстилался подъ самую скалу, которая тянулась на все видимое пространство долины и какъ стѣна поднималась на высоту до ста футъ. Сѣрый цвѣтъ ея рѣзко отдѣлялся отъ зеленаго дерна, на которомъ не было видно даже камешка. Вѣками сноситъ рѣка илъ, который сначала образуетъ мели, потомъ болота, покрытыя высокимъ камышомъ, и наконецъ обращается въ твердую почву, — и тогда возникаютъ зеленыя густыя деревья, какъ побѣдныя знамена завоеваній суши надъ моремъ. Но скала представляетъ истинно удивительное зрѣлище. Какъ будто брошенная ужасною силою, ровная, безъ впадинъ, безъ трещины, она лежитъ на дернѣ и, спускаясь сперва отвѣсно книзу, оканчивается легкимъ подгибомъ. И, кажется, еще немного времени, какъ она здѣсь упала; нѣсколько деревъ, какъ будто придавленныя тяжестію, но не сокрушенныя, выползаютъ,

Digitized by Google

изгибаясь, изъ подъ скалы и робко поднимаютъ свои зеленыя головы. Рѣдкіе плетеницы плюща и сталактитные іероглифы — вотъ единственныя украшенія, которыя допустила природа въ величавой архитектурѣ здѣшнихъ скалъ. Трудно рѣшить, что могло принудить поселиться въ этихъ скалахъ, которыя на нѣсколько верстъ, какъ берега широкой зеленой рѣки, изсѣчены пещерами. Безчисленное множество ярусовъ, изсѣченныхъ узкими переходами, нагромождены одинъ надъ другимъ и порождаютъ въ груди пришельца совершенно новыя, незнакомыя чувства. Цѣлый народъ обиталъ когда-то въ этихъ скалахъ. Въ нѣкоторыхъ углубленіяхъ видны еще пепелъ и остатки костей — жалкій памятникъ существъ, одушевленныхъ нѣкогда жизнію, страстями и религіей. Здѣсь жили христіяне, о чемъ свидѣтельствуютъ нѣсколько церквей, съ стройными высѣченными сводами, на которыхъ еще сохранился символъ Богочеловѣка и лики святыхъ, окруженныя золотымъ сіяніемъ. Въ одной церкви еще недавно стояли отъ алтаря по обѣимъ его сторонамъ два ряда колоннъ. Теперь только обломанные капители висятъ надъ головою путешественника.

Моряки, уже хорошо знакомые съ мѣстными древностями, отправились искать дичи. Въ двѣнадцать часовъ положено было собраться на лужайкѣ подъ деревьями — отдыхать и обѣдать. Рокотаки съ дочерью и Максимомъ Игнатьичемъ должны были заняться приготовленіями. Галицкій и Кабуровъ сейчасъ обѣщали присоединиться къ охотникамъ. Галицкій уговаривалъ Кабурова быть его проводникомъ.

Обойдя съ дамами нѣсколько пещеръ и полюбовавшись легкимъ стройнымъ акведюкомъ, построеннымъ нашими инженерами, Галицкій и Кабуровъ начали торопиться къ мѣсту охоты, откуда слышались безпрестанные выстрѣлы.

— Неужели пріятно убивать бѣдныхъ животныхъ, сказала Клеопатра. Не ходи! шепнула она Кабурову.

Но онъ, какъ будто не слыша, подхватилъ подъ руку Галицкаго.

— Воротись скорѣй! мнѣ скучно! сказала она плачущимъ голосомъ.

Они ушли.

— Право, я не понимаю, что за радость имъ охотиться, сказала г-жа Рокотаки. Ну, еще человѣку, который ничего не

Digitized by Google

имѣетъ, тому пріятно застрѣлить утку, чтобъ поѣсть жаркого. Ато нѣтъ! Все есть, а идутъ прямо въ грязь!

— И я не понимаю, сказалъ Максимъ Игнатьичъ, который уже заблаговременно пріучился къ покорности и при всякомъ приличномъ случаѣ подтверждалъ слова своей возлюбленной.

— Ну, Клепинька, погоди: будетъ твоимъ мужемъ, отучимъ его отъ такихъ глупостей.

— Съ позволенія вашего, отучимъ, непремѣнно отучимъ.

Клеопатра посмотрѣла вдаль и ничего не отвѣчала. Глаза ея были мокры; она думала: какъ онъ сегодня холоденъ! Одно только ласковое слово и потомъ опять сердитъ и молчаливъ.

И она тихонько плакала, пока Максимъ Игнатьичъ и г-жа Рокотаки строили воздушные замки изъ своего будущаго...

Галицкій и Кабуровъ подходили къ болоту; земля становилась сырѣе и сырѣе; наконецъ они часто принуждены были перепрыгивать мокрыя полоски, необыкновенно топкія.

— Какъ они зашли такъ далеко! замѣтилъ Кабуровъ.

— Можетъ быть, они шли въ обходъ, другой дорогой.

— Не воротиться ли намъ? здѣсь что-то плохо, а дичи совсѣмъ не видно.

Вылетѣлъ бекасъ, и Кабуровъ выстрѣлилъ. Испуганное выстрѣломъ, въ тоже время поднялось стадо воляныхъ курочекъ.

— Ну, хорошо, что мы не воротились. Вотъ гляди — одна опустилась въ камышъ. Пбстой! какъ бы намъ добраться? сказалъ Галицкій, остановясь на кочкѣ и выбирая глазами удобное мѣсто. — Сюда!

И онъ прыгнулъ вправо, но попалъ по колѣно въ трясину.

— Куда ты? проговорилъ Кабуровъ, но уже поздно.

— Ай! ай! какъ топко! Какъ бы мнѣ выбраться? Давай руку!

И онъ держалъ свою руку съ ружьемъ кверху, чтобъ не замочить замка.

— Что-то крѣпкое подъ ногой: кажется, камень; ну теперь брось-ка что нибудь и подай руку — я выпрыгну.

— На вотъ, ступи на мою сумку, сказалъ Кабуровъ и бросилъ ему сумку.

— А, хорошо! Теперь за что бы, за что бы ухватиться. Подвинься немного; нельзя — далеко! вотъ ружье, держи крѣпче...

Кабуровъ протягивалъ руку, но недоставалъ.

— Ну, братъ, бѣда! Тяни ружье. Ну, тяни!

Digitized by Google

Кабуровъ ухватился за дуло ружья Галицкаго и тянулъ его, перегнувшись назадъ и упершись одной ногой впередъ.

— Ну, разъ, два! прыгай же, вотъ такъ!

Галицкій прыгнулъ на твердую почву; но, дѣлая напряженіе прыгнуть, онъ задѣлъ пружину — курокъ спустился, раздался выстрѣлъ. Кабуровъ выпустилъ ружье.

Болѣзненный крикъ его раздался въ воздухѣ; онъ поблѣднѣлъ, зашатался и рухнулся назадъ, ухватившись руками за грудь.

— Боже мой! что я сдѣлалъ! воскликнулъ Галицкій и бросился къ нему.

— Ничего, ничего.... ахъ! кровь бьетъ! Галицкій.... Галицкій! больно.... видишь — кровь, кровь....

Галицкій не потерялъ присутствія духа. Стоя на колѣняхъ, онъ старался подать помощь своему другу. Но кровь уже запеклась, и онъ не могъ видѣть раны; нужно было обмыть ее, но не было воды. Къ счастію, Рокотаки съ женихомъ и Клеопатрой были недалеко.

— Скорѣй, сюда, сюда! Воды, дайте воды! кричалъ Галицкій нечеловѣчески громкимъ голосомъ.

И его услышали. Быстро прибѣжала Клеопатра.

Онъ раненъ; онъ лежитъ неподвижно. Онъ исходитъ кровію и держитъ платокъ у раны. Увидавъ его въ такомъ положеніи, Клеопатра онѣмѣла. Ужасъ лишилъ ее разсудка. Она не понимала ничего; глаза несчастной были неподвижны. Только грудь высоко поднималась.

— Не бойтесь ничего. Нужна только помощь, говорилъ Галицкій. — Дайте вашъ платокъ, поторопите съ водою.

Она все молчала.

— Клеопатра! проговорилъ Кабуровъ слабымъ голосомъ, увидѣвъ ее, — и глаза его остановились на ней: — Клеопатра!

Въ его голосѣ слышались и любовь, и состраданіе, и ласка, и онъ оживилъ ее.

— Что съ тобой?... что съ нимъ? прибавила она жалобнымъ, укоряющимъ голосомъ, обратясь къ Галицкому.

И она опустилась на колѣни и смотрѣла въ блѣдное лицо Кабурова.

Кровь хлынула сильнѣе изъ раны. Платокъ, который приложилъ Галицкій, не могъ удержать ее. Больной сдѣлалъ движеніе, хотѣлъ приподняться, но послѣ судорожнаго напряженія

Digitized by Google

упалъ со стономъ назадъ, и въ лицѣ его отразилось невыразимое страданіе. Клеопатра рыдала.

— Перестаньте! сурово сказалъ Галицкій, но такъ, чтобъ Кабуровъ не могъ слышать. — Вы его уморите; нужна помощь. Вотъ идутъ — не плачьте.

Явились Максимъ Игнатьичъ и Рокотаки. Моряки все еще охотились. Рокотаки закидала вопросами Галицкаго.

— Послѣ, отвѣчалъ онъ. — А теперь помогайте.

Обмывъ рану, Галицкій сталъ смотрѣть, въ какой степени она опасна. Клеопатра судорожно наблюдала его лицо, стараясь угадать состояніе больного. И она видѣла, что лицо доктора выражало болѣе и болѣе безнадежности, по мѣрѣ того, какъ онъ разсматривалъ рану. Но лицо Галицкаго было такъ серьёзно и строго, что она не смѣла даже спросить, есть ли надежда.

— Ну, ребята! сказалъ Галицкій матросамъ: — помогите поднять больного. Бережно — вотъ такъ! Что, другъ мой, не больно?

— Нѣтъ, ничего, ничего!

Но видно было, что ему трудно.

— Поднимается вѣтеръ, замѣтилъ Галицкій: — надо переждать. Донесите его до этого балагана.

Кабурова внесли въ одинъ изъ бѣдныхъ балагановъ, сложенныхъ изъ мелкихъ камней, подъ наклономъ скалы, которая служила имъ крышею.

— Нѣтъ ли чернилъ и пера: я напишу въ городъ къ аптекарю, чтобъ онъ прислалъ мнѣ все нужное. Къ тому времени погода утихнетъ. Кого бы послать?

— Вотъ чернила и бумага, сказалъ боцманъ, въ хатѣ котораго положили больного.

Максимъ Игнатьичъ между тѣмъ узналъ, что по близости пасутся лошади. Поймали одну, и черезъ минуту матросъ скакалъ въ городъ съ запискою.

Скоро пришли моряки и очень испугались, узнавъ горестное происшествіе. На койкѣ, устланной шинелями и салепами, Кабурову было спокойнѣе и легче. Галицкій не отходилъ отъ него.

— Скажите, какъ это случилось? спросилъ низенькій мичманъ.

Галицкій хотѣлъ отвѣчать, но Кабуровъ проговорилъ поспѣшно:

Digitized by Google

— Я.... нечаянно. Я самъ споткнулся, задѣлъ курокъ....

И онъ просилъ глазами своего друга молчать.

— Ахъ, какое несчастіе!

— Дайте ему отдохнуть, сказалъ Галицкій, видя, что глаза его друга смыкаются.

— Пойдемте закусить, господа, сказала тетка Клеопатры. — Вѣдь нужно же подкрѣпиться.

— Дайте мнѣ только вина, сказалъ Галицкій.

— Я не хочу ѣсть, тетушка, позвольте мнѣ остаться съ Федоромъ Федорычемъ (такъ звали доктора).

— Нѣтъ, тебѣ необходимо подкрѣпиться.

— Право, я не хочу; я выпью стаканъ воды.

— Хорошо, я пришлю.

И они вышли.

Галицкій и Клеопатра сидѣли молча у постели больного. Клеопатра тихо плакала. Больной впалъ въ безпамятство.

Къ вечеру прискакалъ нарочный обратно изъ города и привезъ все необходимое. Галицкій сдѣлалъ перевязку, со всѣми предосторожностями. Но больному дѣлалось хуже. У него обнаружилась лихорадка — дурной признакъ. Несмотря на бурю, Галицкій не рѣшался остаться ночь въ Инкерманѣ. Ему хотѣлось посовѣтоваться съ докторами. Дробь прошла подъ сердцемъ, рана была опасная.

— Я чувствую, что скоро умру, сказалъ Кабуровъ, когда никого не было въ хатѣ, кромѣ Галицкаго и Клеопатры. — Вези меня въ городъ — я бы хотѣлъ....

Онъ взглянулъ на Клеопатру, которая, въ тоскѣ невыразимой, сдерживая рыданія, слушала его.

Галицкій понялъ мысль его.

— Ты не умрешь, мой другъ, сказалъ онъ, но видно было по его голосу, что онъ хотѣлъ дать надежду, которой самъ не имѣлъ. — Но еслибъ Провидѣніе.... о будь покоенъ! я останусь.... Вѣдь у меня нѣтъ никого въ мірѣ, кромѣ тебя: что же и лелѣять мнѣ, какъ не то, что ты любилъ? Честь ея будетъ спасена....

— Благодарю... Мнѣ легче теперь.... Клеопатра! я любилъ, люблю тебя. Люби его!

Клеопатра зарыдала громко и покрывала поцалуями своего умирающаго друга. Но онъ опять впалъ въ безпамятство.

Digitized by Google

Въ такомъ положеніи перенесли его въ лодку. Галицкій поддерживалъ его плечи и грудь, охраняя рану; Клеопатра поддерживала голову. Всѣ помѣстились кругомъ, по лавкамъ. Гребцы приготовили весла.

— Ну, съ Богомъ, ребята! скомандовалъ маленькій мичманъ. — Только тише, не шумѣть, не стучать веслами.

Но чѣмъ далѣе плыла лодка, волненіе становилось сильнѣе; вѣтеръ крѣпчалъ. Больного покрыли какъ можно теплѣе. Наклонившись къ нему головою, сидѣла Клеопатра; она ловила каждое его дыханіе: «онъ спитъ, кажется, онъ дышетъ ровнѣе» — тихо говорила она иногда. «Какой у него жаръ!»

Галицкій держалъ его руку, наблюдая пульсъ, примѣтно слабѣвшій....

Когда выгребли изъ фарватера рѣчки, вѣтеръ былъ такъ силенъ, что парусовъ поставить не было возможности: принуждены были итти на веслахъ. Но волны быстро несли катеръ. Небо было темно: черныя тучи изъ края въ край покрывали его. И картина представляла что-то необычайное. Казалось, небо сошло на землю и земля стала небомъ. Безъ луны, безъ звѣздъ, безъ малѣйшаго сіянія было небо; но зато городскіе огни мелькали впереди какъ звѣзды, и два маяка ярко горѣли за кормою лодки, которая сама плыла какъ чудовище, махая огромными бѣловатыми крыльями и влача за собою длинный хвостъ; впереди пѣнились два огненные уса. Каждый порывъ вѣтра раздувалъ искры: онѣ сыпались кругомъ и летѣли впередъ. Казалось, воздухъ загорится, при каждомъ прикосновеніи веселъ къ водѣ. И вдали блуждали, какъ кометы, нѣсколько судовъ. Все море покрыто было огненною пѣною. Волны огня высоко вздымались и бросали судно какъ щепку. Часто вспрыски летѣли искрами черезъ края и холодомъ обдавали плывущихъ. Надо плыть ночью по Черному морю, чтобъ понять эту удивительную картину. Летишь по безконечному пространству огня, а небо виситъ надъ головою чернымъ куполомъ.

Чувство торжественнаго ужаса владычествовало надъ всѣми. Ни малѣйшаго звука не было слышно: голосъ бури покрывалъ все, и только при переходѣ его отъ одного порыва къ другому слышались удары веселъ и рѣдкіе пронзающіе стоны Кабурова.

— Какъ онъ сталъ тяжело дышать! тихо проговорилъ Галицкій и прислонилъ руку къ груди больного.

Кабуровъ не сдѣлалъ никакого движенія.

Digitized by Google

Горько было Галицкому. Окруженный безмолвіемъ живыхъ существъ и воемъ бури, онъ только теперь сознаЛъ положеніе, въ которое поставила его судьба. Любовь и дружба — вотъ что манило его въ жизни, къ чему онъ стремился съ такою жаждою. И, казалось, ясною улыбкою встрѣтила его любовь. Онъ шелъ къ ней съ полною надеждою и нашелъ, что эта улыбка была горькая, злая иронія! Съ убитымъ сердцемъ упалъ онъ на грудь друга и тамъ искалъ утѣшенія. Но судьба даетъ ему самому оружіе для разрушенія своего послѣдняго прибѣжища. Онъ умерщвляетъ друга... да, умерщвляетъ — рана смертельна! И жить несчастному осталось ровно столько, чтобъ имѣть время почувствовать весь ужасъ положенія, въ которомъ оставляетъ онъ любимое существо! Какія мученія долженъ вытерпѣть онъ, чувствуя смерть въ груди и оставляя больную дѣвушку въ жертву людского злословія. Нѣтъ, злословіе не должно коснуться несчастной. И, наклонившись въ свою очередь къ уху друга, Галицкій шепчетъ:

— Я женюсь на ней!

Слышалъ ли Кабуровъ его слова, понялъ ли въ нихъ смертный приговоръ свой, Галицкій не зналъ. Онъ находился въ забытьи. Тяжелыя мысли тѣснились въ его головѣ. И долго думалъ онъ, не сознавая ясно, что происходило вокругъ него, пока наконецъ лодка не ударилась о пристань.

— Его рука холодна! съ отчаяніемъ воскликнулъ онъ, возвращаясь къ ужасному настоящему, и упалъ на грудь Кабурова.

Клеопатра была въ безпамятствѣ. Она приняла послѣдній вздохъ любимаго человѣка безъ мысли, безъ сознанія. Лодка причалила въ безопасную бухту. Старуха плакала, всѣ суетились, готовясь нести домой Кабурова. Достали огня, нѣсколько фонарей засвѣтили вокругъ Кабурова. Страшная картина представилась окружающимъ. Тихо и спокойно было лицо Кабурова. Смертный вздохъ не былъ для него вздохомъ страданія. Клеопатра прислонилась къ нему, закрывъ часть его лица своими черными волосами. Галицкій рыдалъ на груди его....

— Его нужно поднять! сказалъ Максимъ Игнатьичъ, и Галицкій послушно поднялся.

Приподняли Клеопатру.

— Онъ весь какъ ледъ, проговорила она.

— Онъ умеръ! сказалъ Галицкій.

Digitized by Google

Клеопатра лишилась чувствъ.

И трупъ Кабурова и безчувственную Клеопатру понесли по улицамъ, при тускломъ свѣтѣ фонарей....

Черезъ мѣсяцъ, когда уже Галицкій былъ женихомъ Клеопатры, ему принесли письмо. Оно было отъ одного петербургскаго пріятеля и не содержало въ себѣ ничего особеннаго. Галицкій уже дочитывалъ его, довольно разсѣянно, какъ вдругъ встрѣтилъ нѣсколько строкъ, приковавшихъ все его вниманіе. Въ числѣ разныхъ столичныхъ новостей, петербургскій пріятель писалъ ему: «Да вотъ еще чуть не забылъ. Умеръ не«давно почтенный господинъ Т**. Конечно, въ его смерти нѣтъ «ничего удивительнаго (ему ужъ было подъ шестьдесятъ), но ты «помнишь, что онъ былъ женатъ на Юлинькѣ Л**, къ которой «и ты, помнится, былъ неравнодушенъ. Чудесная женщина! «Какъ она теперь интересна въ своемъ траурномъ платьѣ! только «очень печальна.... неужели по старомъ мужѣ? Вѣдь родители, «говорятъ, выдали ее противъ воли; дѣла ихъ были запутаны, «и богатый старикъ Т** воспользовался благопріятной минутой... «Ты ее скоро увидишь. Она, говорятъ, собирается въ ваши края...»

Галицкій не читалъ далѣе. Какія мысли, какія чувства, какія сожалѣнія пробудило въ душѣ его письмо пріятеля! Отчаяніе овладѣло имъ въ первую минуту. Два дня онъ не показывался; онъ не былъ болѣнъ, но состояніе его было хуже состоянія всякаго больного. На третій онъ вышелъ, и первый визитъ его былъ къ г-жѣ Рокотаки.

— Мы располагали, сказалъ онъ ей: — сдѣлать сватьбу еще черезъ полторы недѣли; но теперь я передумалъ и нахожу, что нѣтъ никакой нужды откладывать. Не лучше ли намъ кончить все завтра же. Вѣдь у васъ, вы говорили, все готово?

— И тѣмъ лучше! воскликнула радостно старуха. Какъ же, батюшка, все давно готово! Вѣдь я еще при покойномъ Павлѣ Александрычѣ начала приготовлять. Признаться, я думала... но вотъ поди разгадай молодыхъ людей! прибавила старуха съ лукавой улыбкой.

И на другой день была съиграна сватьба....

К. МЫТИЩЕВЪ.

Digitized by Google

ЯСНЫЕ ДНИ.

ИДИЛЛІЯ.

O primavero — gioventù dell' anno,
O gioventù primavero della vita!

Вамъ, можетъ быть, случалось, мой читатель, или моя читательница, не разъ искрещивать Русь не по однимъ шоссе и, отправляясь на лѣто въ деревню, дѣлать пути въ тысячу верстъ, которыхъ бы за глаза хватило, чтобы, перерѣзавъ всю Германію, доѣхать отъ Петербурга до Парижа,—и если случалось, то вы, конечно, помните эти длинные, жаркіе лѣтніе дни, когда, утомленные зноемъ, безсонницей, вы ѣдете пять-шесть дней. Воображеніе ваше долго занимало и тѣшило васъ; наконецъ оно устало и утомилось какъ ваше тѣло; въ больной головѣ нѣтъ мыслей; передъ закрытыми глазами нѣтъ ни одной картины, а вы все ѣдете, ѣдете.... трясетесь вы по избитой дорогѣ и ни о чемъ не думаете; а зной такъ и душитъ, пыль стоитъ неподвижно, лошади бѣгутъ самой несносной перевалкой, которую онѣ, кажется, нарочно выдумали, чтобы сердить васъ; а передъ вами все безконечная, широкая дорога, съ двумя рядами березокъ, между которыми, по волѣ колеи, лавируетъ вашъ экипажъ отъ одного ряда къ другому, какъ мореходъ по фарватеру; и безконечная дорога отъ этого дѣлается еще длиннѣе, еще безконечнѣе.

Digitized by Google

Но вотъ зной спалъ, вечеретъ, станція близко, и лошади побѣжали дружнѣе; при въѣздѣ на мостикъ васъ такъ тряхнуло, что вы только успѣли вскрикнуть: «эхъ!» — и сонъ какъ рукой сняло. Свѣжій вѣтеръ пахнулъ вамъ въ лицо. Вы начинаете подумывать о кипящемъ самоварѣ, который васъ ждетъ на станціи, погоняете ямщика и закуриваете папироску; можетъ быть, къ этому прибавляется сладкая мысль, что вамъ осталось всего какихъ нибудь сотни двѣ верстъ до мѣста, и что завтра въ эту пору вы будете дома. Оживилось ваше воображеніе, и видится вамъ старушка-мать, сидящая близко.... близко возлѣ васъ, и отецъ, много посѣдѣвшій въ послѣднюю разлуку, въ спокойно веселыхъ распросахъ котораго звучитъ его мужская, не пробивающаяся наружу, но глубокая любовь; а въ сторонѣ сосѣдка или кузина, съ синими глазами, русой косой въ три кольца и зарумянившимся какъ заря лицомъ, или юноша, не спускающій съ вашего лица задумчивыхъ и полныхъ жизни глазъ.... И вамъ хорошо, взоръ вашъ просвѣтлѣлъ, и, очнувшись отъ своихъ думъ, вы полной грудью пьете свѣжій, душистый вечерній воздухъ и любопытно озираетесь по чужимъ, незнакомымъ вамъ мѣстамъ. Вдругъ березки разступились; узкій проселокъ бѣжитъ, изгибаясь въ сторону; вы слѣдите за нимъ, и вотъ веселая деревня разсыпалась передъ вами задумчивыми, разнохарактерными избушками; пыль стоитъ облакомъ, у околицы стадо пестрѣетъ и гремитъ подъ ней; а въ сторонѣ одинокая, деревянная церковь, окруженная могильными крестами, деревянная церковь, вѣтхая, но богатая теплыми молитвами, которыя усердно шлетъ въ ней и молодой мужичекъ, и вѣтхая старушка, и румяная дѣвица,— всѣ, моля о своихъ желаніяхъ. За ней на пригоркѣ, сквозь густую зелень сада, проскользнетъ и встанетъ предъ вами широкій барскій домъ, весь облитый золотисто-румяной краской заката съ блестящими на солнцѣ стеклами. На просторномъ дворѣ видно движеніе: баба несетъ въ горницы клубящійся паромъ самоваръ; мальчикъ пробѣжалъ съ приказаніемъ; осѣдланный конь играетъ у подъѣзда въ рукахъ кучера; стройная женская фигура, въ бѣломъ легкомъ нарядѣ, мелькнула между цвѣтовъ и зеленью балкона и остановилась на немъ, завидя вашу пылящую тройку, и пристально глядитъ вслѣдъ за ней, рисуясь какъ воздушное видѣніе въ рамѣ олеандровъ и рододендръ, вся розовая и пышно освѣщенная послѣднимъ

Digitized by Google

лучемъ солнца. И воображеніе ваше разыгралось, и глазъ вашъ не хочетъ оторваться отъ этой живой картины, которая скоро и быть можетъ навсегда промелькнетъ передъ нимъ; и спрашиваете вы ямщика: «чей это домъ, братецъ?» — «Да господскій» — отвѣчаетъ онъ вамъ. — «А кто господинъ?» — «Петръ Афонасьичъ, Нена....нена...Ненабоковъ, кажись...» И, какъ бы сознаваясь, что онъ немного погрѣшилъ, надѣливъ человѣка не принадлежащимъ ему прозвищемъ, ямщикъ ударитъ по лошадямъ, и полетѣли вы впередъ и впередъ, вздымая желтую пыль на мягкой дорогѣ, и пока вашъ взглядъ спѣшитъ ловить убѣгающую картину, воображеніе пытается угадать, кто это Петръ Афонасьичъ, и чей конь рвется у крыльца изъ рукъ дюжаго конюха, и чья стройная фигура мелькнула на балконѣ, склонясь надъ затуманившеюся далью, и неясный узоръ романа заткался въ головѣ вашей, и, не замѣчая длинныхъ верстъ, задумавшись, доѣзжаете вы до станціи.

Я вамъ разскажу, если хотите, нѣсколько сценъ изъ этой сельской жизни, — сценъ, которыя рисуетъ и старается отгадать ваше воображеніе. Не обѣщаю, впрочемъ, ни повѣсти, ни романа.

Но прежде нежели я введу ваше вниманіе въ средину сельской жизни, мою любимую среду, гдѣ такъ много простоты, солнца, воздуху, раздольныхъ полей и темнаго лѣсу, я прошу васъ побыть немного въ Петербургѣ.

По календарю была весна. Молодая грудь просила душистыхъ ночей; горячая кровь, оживленная теплымъ воздухомъ, сильно играла въ венахъ. И вотъ позеленѣли стройныя березки за городскими заставами, пыль поднялась по улицамъ, барки задвигались по Невѣ и каналамъ, временемъ перепадали легкіе дождики. Петербургцы потянулись на дачи.

По календарю *** военнаго училища, была другая весна. Экзаменъ кончился, выпускъ затворилъ двери класснаго ученья и отворилъ ихъ для новой тяжелой науки — науки жить. Шумно и весело вышла молодежь, полная силы и надеждъ, на вольный свѣтъ, и радостно спѣшила зажить своей весной, не глядя въ будущее, не думая, что эта весна подчасъ скучнѣе и ненастнѣе петербургской весны. Чудная пора вѣры и радужныхъ надеждъ!

Около этого времени, небольшая квартирка о двухъ комнатахъ и передней, въ которомъ-то полку, съ недѣлю какъ была

Digitized by Google

занята прапорщикомъ Рожковымъ. Квартира была чистенькая, свѣтлая, отдѣланная заново. Все въ ней было въ свѣжемъ безпорядкѣ. Это не былъ безпорядокъ обжитый, хроническій, сдѣлавшійся своего рода порядкомъ. Напротивъ, всякая вещь только начинала служить своему назначенію и говорила о неустановившемся хозяйствѣ. Въ первой комнатѣ, у наличной стѣны, стоялъ большой письменный столъ: на немъ въ безпорядкѣ было разбросано нѣсколько бездѣлушекъ, только что принесенныхъ изъ магазина, нѣкоторыя еще не развернутыя, другія рядомъ съ оберточной бумагой, валявшейся тоже на столѣ и еще вгрубѣ хранящей ихъ форму. Противъ стола—большое комфортное кресло, на спинкѣ котораго голова еще не оставила темнаго слѣда; нѣсколько креселъ полу-комфортныхъ, турецкій диванъ и конторскій столъ. Справедливость, однакожь, заставляетъ меня замѣтить, что дѣвственность зеленаго сукна этого стола была уже нарушена безпорядочной группой перовыхъ, нетерпѣливо начертанныхъ цыфръ, между которыми одинъ рядъ стройно и многозначительно прошелъ по серединѣ, видимо обличая аккуратную и солидную руку.

О назначеніи другой комнаты давала понятіе простая односпальная кровать у внутренней стѣны. Въ ней было еще болѣе безпорядка: каска, шпага, эполеты, въ ящикахъ и безъ ящиковъ, лежали въ разныхъ мѣстахъ; у окна стоялъ небольшой столъ: на немъ складное зеркало, бритвенный приборъ и нѣсколько баночекъ съ помадой, духами и мылами; среди комнаты стоялъ стулъ, у котораго новенькій сюртукъ, свѣтящіе рукава, обнималъ спинку.

Былъ часъ второй дня. Надо было особенное счастіе, чтобы въ это время застать дома вновь выпущеннаго офицера. Однакожь, прапорщикъ Рожковъ былъ у себя. Его можно было видѣть во второй комнатѣ, передъ зеркаломъ. Рожковъ былъ высокаго роста, еще несовершенно, но крѣпко сложенъ; румяное лицо его весело и открыто; онъ былъ видимо добрый товарищъ. Костюмъ его въ настоящую минуту выказывалъ недавнее возвращеніе, потому что въ немъ до совершенной полноты не доставало только сюртука, заботливо повѣшеннаго руками камердинера на спинку стула.

Рожковъ сидѣлъ передъ зеркаломъ и пристально разсматривалъ верхнюю губу; не довѣряя глазамъ, онъ проводилъ надъ

Digitized by Google

ней кончикомъ мизинца, менѣе другихъ пальцевъ утратившаго чувствительность: юноша-Рожковъ, какъ видите, наблюдалъ за растеніемъ усовъ, для ускоренія котораго онъ вчера обрилъ ихъ. Въ это время въ прихожей зазвенѣлъ колокольчикъ.

— Дома? спросилъ кто-то.

— Дома, батюшка, пожалуйте, отвѣчалъ голосъ стараго слуги.

Дверь отворилась; Рожковъ поближе пододвинулъ лицо къ зеркалу, торопливо посмотрѣлъ съ той и другой стороны на пробивающіеся бакенбарды, которыми онъ прежде не успѣлъ заняться, и, еще не видя гостя, закричалъ:

— Здравствуй, Волжинъ!

И, вслѣдъ за тѣмъ, онъ подалъ вошедшему руку.

Волжинъ былъ — какъ вы справедливо догадываетесь — товарищъ Рожкова, и я съ удовольствіемъ познакомлю васъ съ нимъ, въ увѣренности, что онъ вамъ непремѣнно понравится. Представьте себѣ нѣжную мужскую натуру въ первой порѣ ея развитія, въ то переходное время, когда еще не знаешь, какъ опытъ жизни выработаетъ ее, съ невольнымъ участіемъ всматриваешься въ нее и желаешь спросить у будущаго, свѣтлыми днями, или мелкимъ дождемъ да холодной изморозью оно будетъ ростить этотъ свѣжій ростокъ, и одѣнется ли онъ твердой корой, которой не пробьетъ ни жаркій лучъ, ни морозная ночь, или будетъ вытягиваться подъ тонкой оболочкой, со страхомъ вглядываясь въ каждую тучку, или, наконецъ, можетъ быть, смѣло и стройно взнесется онъ красивымъ, зеленымъ деревомъ и гордо будетъ купаться кудрявой головой въ синемъ небѣ, и спокойно ждать грозы и ведра....

Волжину было не больше осьмнадцати лѣтъ; лицо правильное, съ тонкими и легко изогнутыми очертаніями, блѣдное, но блѣдности не болѣзненной, а нѣжной, не подкрашенное румянцемъ, но оттѣненное синими нервами, большими темно-карими глазами подъ длинными рѣсницами и легкой прорѣзью усовъ; мягкіе съ волною волосы были совсѣмъ свѣтлые, съ пепельнымъ отливомъ; весь онъ былъ тоненькій и стройный, и новенькій сюртучекъ легко обхватывалъ его длинный и гибкій станъ.

Волжинъ скинулъ замшевую перчатку, протянулъ свою худенькую и продолговатую руку Рожкову и весь ушелъ въ мягкое кресло.

Digitized by Google

— Ну, что? спросилъ Рожковъ.

— Ничего! отвѣчалъ Волжинъ.

И разговоръ перемежился. Рожковъ спросилъ трубку, а Волжинъ закурилъ папироску.

— Ты у Скосырева берешь эполеты? спросилъ Рожковъ.

— Нѣтъ, у Вальдшека.

— А перчатки?

— Перчатки въ Косметикъ.

— А я для деревни заказалъ лѣтній сюртукъ.

— А ты ѣдешь въ деревню?

— Хочу на дняхъ подать въ отпускъ на двадцать-восемь дней.

— Счастливецъ!

— Да, братъ! Что дѣлать здѣсь лѣтомъ? да я же и дома давно не бывалъ.... А ты?

— Куда же мнѣ дѣваться? Бабушка наняла дачу у самой заставы, чтобы больше глотать пыли. Имѣніе далеко; да и что мнѣ одному дѣлать въ немъ? А признаться, хотѣлось вспомнить старые годы! Я до двѣнадцати лѣтъ жилъ въ деревнѣ и съ удовольствіемъ вспоминаю о ней.

— Да, хорошо въ деревнѣ, особенно, коли сосѣди есть; а какая братъ у насъ сосѣдка — я тебѣ скажу!

Рожковъ, для поясненія фразы, приложилъ кончики трехъ пальцевъ къ губамъ и чмокнулъ.

— А мѣсто хорошо?

— И мѣсто славное. Болото за самымъ домомъ; бекасовъ пропасть. Ты вѣдь охотникъ?

— Охотился; да ужь года три ружья въ рукахъ не было. Я думаю, и стрѣлять разучился; а подъ Петербургомъ какая охота!

— А знаешь что, Волжинъ: поѣдемъ ко мнѣ.

— Какъ, къ тебѣ?

— Бери отпускъ, да и поѣдемъ вмѣстѣ. Мои будутъ тебѣ рады, какъ родному.... А ужь какъ мы поохотимся, а сосѣдки какія! Чудо какъ славно заживемъ вмѣстѣ. Поѣдемъ, душа моя! сказалъ Рожковъ особенно мягкимъ голосомъ.

Волжинъ улыбнулся, какъ улыбаются въ его годы всякой сладкой мысли.

Можетъ быть, въ его воображеніи пронеслось и синее небо, и бѣлая рѣка, и старинный домъ, который смотрится въ эту рѣку,

Digitized by Google

и темная дубовая роща съ ея задумчивымъ шопотомъ, — вся свѣтлая и чудная картина отжитаго дѣтства.

— Какъ же это сдѣлать! сказалъ онъ въ раздумьи: — твои родные меня не знаютъ, да и бабушка не отпуститъ.

— Вотъ пустяки! мой лучшій товарищъ будетъ у нихъ первымъ гостемъ; я ручаюсь, что тебя полюбятъ какъ меня; у меня славные старики! И ты ихъ полюбишь.... а бабушку уговори: скажи, что здоровье нужно поправить: она для твоего здоровья все сдѣлаетъ. Поѣдемъ, душа моя; вотъ разодолжишь... ну, сдѣлай мнѣ дружбу.

И Рожковъ протянулъ руку Волжину.

— Дай подумать по крайней мѣрѣ и посовѣтоваться съ бабушкой.

— Ну вотъ, что тутъ раздумывать! бабушка — ничего! а кузины да тетушки еще будутъ отговаривать. Душенька... поѣдемъ.... не откажи! приставалъ Рожковъ.

За Рожкова былъ сильный ходатай у Волжина — его собственное желаніе. Онъ защищался слабо и наконецъ согласился.

— Ну, вотъ разодолжилъ! закричалъ Рожковъ, вскочивъ съ мѣста и бросаясь обнимать Волжина: — вотъ это по товарищески! вотъ спасибо!

И Рожковъ былъ совершенно счастливъ.

— Иванъ, Иванъ! кричалъ Рожковъ своего стараго слугу! — Сходи за полковымъ писаремъ, сказалъ онъ, когда тотъ вошелъ: — знаешь, Волжинъ съ нами ѣдетъ въ деревню!

— Что-жь, батюшка, милости просимъ! Василій Сергѣичъ, Марья Степановна будутъ вамъ рады: они у насъ господа добрые, хлѣбъ соль любятъ, да и вамъ съ Петромъ Васильичемъ будетъ нескучно, отвѣчалъ Иванъ Семеновъ.

— Ну, пошли же за писаремъ, Иванъ! Сейчасъ вмѣстѣ и просьбы подадимъ. Да знаешь, Волжинъ, съ радости бутылочку бы холодненькаго.

— Пожалуй, улыбаясь сказалъ Волжинъ.

— Иванъ, слышишь, бутылочку!

Иванъ Семеновъ задумался, помолчалъ и сказалъ нерѣшительно.

— Клеко прикажете?

— Нѣтъ! редереръ.

Иванъ Семеновъ молча повернулся и медленно вышелъ.

Digitized by Google

Долго сидѣли Рожковъ и Волжинъ вмѣстѣ. Волжинъ распрашивалъ, Рожковъ отвѣчалъ, рисуя все розовыми красками. Сговаривались, что взять съ собой и какъ проводить время. И весело и немолчно шла ихъ бесѣда, и не холодное вино подогрѣвало ее. Богато и щедро стелетъ воображеніе свои узоры въ извѣстные годы, особенно когда двумъ собесѣдникамъ вмѣстѣ не пробило зрѣлости одного человѣка, когда имъ обоимъ нѣтъ еще и сорока лѣтъ.

Теперь въ тотъ край, куда давно зоветъ меня воображеніе,— въ край, гдѣ такъ много поэзіи, — въ деревню, которую я такъ люблю, можетъ быть и оттого, что живу постоянно въ городѣ.

Дня за три пути отъ Петербурга на югъ была тоже весна, но такая полная весна, что уже переходила въ молодое лѣто. Вечерѣло, и глазъ, утомленный долгимъ однообразіемъ бѣлаго снѣгу, съ наслажденіемъ останавливался на темной зелени лѣса, который горѣлъ и трепеталъ подъ малиновымъ лучемъ заката. Торный проселокъ бѣжалъ въ гору отъ большой дороги. Ранней весной, когда снѣгъ еще не совсѣмъ сталъ и лужи свѣтлой воды стояли между проталинами, въ базарный день, мужички сбирались изъ городу. Продажа была хорошая, и зашли мужички попробовать съ барышей на дорогу зелена вина. За тѣмъ передовой мужичекъ влѣзъ въ телѣгу, стегнулъ сивку и, положивъ голову на нахлестку, преспокойно заснулъ на ней, какъ на пуховой подушкѣ. Его примѣру послѣдовали и остальные, и порожняки тронулись. Сивка довольно небрежно и равнодушно бѣжала по дорогѣ, весьма дерзко не сворачивая предъ встрѣчными экипажами, къ крайнему оскорбленію почтовыхъ ямщиковъ и нѣкоторыхъ изъ господъ проѣзжающихъ. Справедливость требуетъ замѣтить, что по этому случаю ея хозяину досталось нѣсколько хлыстовъ по кожаному тулупу, сопровождаемыхъ весьма сильными выраженіями; но хозяинъ, однакожь, не обратилъ вниманія ни на то, ни на другое и продолжалъ спокойно опочивать, постукиваясь головой о деревянную нахлестку. Итакъ, сивка добѣжала до поворота и,

Digitized by Google

завидя село, возъимѣла похвальное намѣреніе прибавить рыси; но тутъ ей представилось затрудненіе: старая дорога была затоплена водою. Однакожъ, она не потерялась, подумала и пустилась лавировать цѣликомъ между лужами. За спвкой отправилась пегашка, за пегашкой буланка и т. д., и когда всѣ онѣ добѣжали до села и остановились каждая у своихъ воротъ, проселокъ былъ проложенъ, — и вотъ вамъ его исторія.

Мы проѣдемъ по этому проселку прямо къ барскому дому. Домъ былъ деревянный, обшитый тесомъ, въ два этажа и съ мезонимомъ. Видно было, что онъ сразу былъ строенъ для большого семейства, потому-то не пестрѣлъ пристройками и имѣлъ претензію на архитектуру. По правдѣ сказать, собственно архитектуры въ немъ не было, хотя тѣнь его строителя крайне бы огорчилась, или, просто, не повѣрила бы этому замѣчанію, приписавъ его моей зависти; но эта претензія составляетъ сама собой особый домашній родъ архитектуры. Домъ стоялъ бокомъ къ селу, принимая гостей широкими воротами къ крытому подъѣзду. Лицомъ онъ былъ къ полю. Длинный балконъ второго этажа лежалъ на шести толстыхъ колоннахъ; колонны упирались на широкую террасу; терраса лежала передъ разбитыми трехъугольниками цвѣтниковъ. За цвѣтникомъ начинались густыя аллеи, которыя медленно спускались по скату къ пруду. Среди пруда стоялъ — затѣя сельской остроты — искуственный островъ съ китайской бесѣдкой; маленькій плотъ плавалъ по канату и служилъ для сообщенія. За прудомъ начиналось поле съ перелѣскомъ, и горизонтъ замыкался рядами березъ, пересѣкающихъ его вмѣстѣ съ большой дорогой. Внутренній фасъ дома съ подъѣздомъ смотрѣлъ на дворовыя службы. Но мезонинъ былъ счастливѣе другихъ этажей. Съ одной стороны тремя маленькими окнами, съ бѣлыми занавѣсками, переглядывался онъ черезъ дорогу съ дальнимъ полемъ, пестрѣющимъ сосѣднею деревушкой, съ другой — черезъ низкія крыши службъ смотрѣлъ онъ на густой лѣсъ, начинающійся за дворомъ. Раннимъ утромъ и позднимъ вечеромъ бѣлый паръ по зарѣ вставалъ надъ зеленымъ лѣснымъ болотомъ, и чудно драпировался тогда темный лѣсъ его густымъ и длиннымъ облакомъ.

Было время, домъ этотъ былъ первымъ домомъ въ уѣздѣ и не послѣднимъ въ губерніи. Жилъ въ немъ сѣдой старикъ-по-

Digitized by Google

дагрикъ., вдовецъ, коротавшій конецъ жизни, какъ говорится, въ сельскомъ уединеніи.

Домашній очагъ составляли: ключница, управлявшая хозяйствомъ, нахлѣбникъ, лицо страдательное, худое, кланяющееся, да шутъ изъ дворни. Года въ два-три, разъ во весь опоръ подъѣзжала къ дому коляска и выскакивалъ изъ нея стройный гусаръ, и дворня кричала:

— Молодой баринъ пріѣхалъ.

Тогда ключница становилась со всѣми ласковѣе, обходительнѣе и бѣгала съ утра до вечера; тогда вынимались изъ погреба завѣтныя бутылки, чаще подъ руки проводили изъ за стола нахлѣбника, шутъ постоянно ходилъ въ своемъ колпакѣ, а деревенскія красавицы въ кумачныхъ сарафанахъ. Все оживлялось.

Прошли года.

Въ склепѣ сельской церкви прибавился одинъ гробъ; вскорѣ вынесли и ключницу въ церковную ограду. Тамъ же въ уголкѣ пріютились смирно и безмолвный нахлѣбникъ и краснобай-шутъ. И во всемъ домѣ остались два памятника отъ прежнихъ жильцовъ: въ гостиной портретъ сѣдовласаго старика въ шитомъ мундирѣ, да внизу, въ бильярдной, широкоплечій бюстъ шута въ колпакѣ, довольно похоже, послѣ шести неудавшихся опытовъ, снятый домашнимъ ваятелемъ, посредствомъ весьма простого способа налѣпливанія алебастра на лицо, — способа тѣмъ болѣе удобнаго, что лицо это, подернутое природнымъ глянцемъ, не нуждалось въ смазкѣ.

Нѣсколько лѣтъ домъ стоялъ пустой и, одѣваясь пылью и паутиной, ждалъ новыхъ жильцовъ.

Наконецъ, въ одно прекрасное, а можетъ и дурное утро, смели съ него пыль и паутину, и новые жильцы пріѣхали: Василій Сергѣичъ Рожковъ съ супругой Марьей Степановной поселились въ родовомъ наслѣдіи, почить отъ московской жизни, а можетъ, какъ говорили злые языки, поправлять неудачи спекулятивныхъ оборотовъ.

Я не буду утомлять ваше воображеніе разсказомъ, какъ новый владѣлецъ и жена его, прежде модная мечтательная московская барышня, превратились въ сельскихъ жителей, какими мы ихъ увидимъ.

Время сбиваетъ мечты и драпировку чувствъ, какъ бѣлый градъ пожелтѣлые листья, и человѣкъ, въ извѣстную пору, яв-

Digitized by Google

ляется наблюдательному глазу во всей наготѣ безъискуственной природы. Не будемъ же на живые образы наводить утраченныя краски, затѣмъ, чтобы показывать, какъ линяли онѣ, и войдемъ прямо въ домъ за моимъ досужимъ воображеніемъ.

Взобравшись по довольно широкой деревянной лѣстницѣ изъ нижняго въ бэль-этажъ, я бы остановился въ передней, потому что передняя вообще любопытная и чрезвычайно характеристическая часть дома; но эта передняя не представляетъ ничего замѣчательнаго ни въ дурномъ, ни въ хорошемъ отношеніи. Зала тоже не стоитъ особаго вниманія — съ своими бѣлыми стѣнами и рядомъ прямоспинныхъ стульевъ. Большая, свѣтлая, высокая, она была хороша для многолюднаго обѣда, а еще лучше для того, чтобы вечеромъ, въ часъ тихихъ сумерекъ, склонивъ голову и скрестивъ руки, долго и однообразно мѣрять ее длинными шагами, и подъ ихъ ровный стукъ думать тихую думу и далеко нестись вольною мыслью и вновь переживать чутко настроенной душою и грусть разлуки, и радость свиданія, и шопотъ чуднаго разговора, сказывать когда-то недосказанныя рѣчи и слышать, въ безмолвной тиши, сладко-звучащіе, желанные отвѣты.

Гостиная была совсѣмъ въ другомъ родѣ: она была темна — и отъ темныхъ обоевъ, и отъ трехъ широко-разставленныхъ оконъ, мало дававшихъ свѣту ея глубинѣ.

На длинной, полуосвѣщенной стѣнѣ надъ диваномъ висѣли два портрета; одинъ — про который мы говорили — старика въ шитомъ мундирѣ, съ рѣзкимъ профилемъ и густыми, бѣлыми волосами; другой — женщины, еще молодой, съ красивыми, но дурно сгармонированными чертами, обезображенными костюмомъ старой моды, который непріятно поражаетъ отвыкшій глазъ, при всемъ желаніи съискать въ немъ что нибудь живописное. Странное впечатлѣніе производилъ этотъ портретъ. Въ немъ было что-то недосказанное, что-то невыдержанное, непріятно привлекающее и отталкивающее любопытство, какъ неудавшійся романъ талантливаго пера. Была ли эта не полнота недостатокъ портрета, или составляла вѣрно схваченный характеръ самого оригинала, выказывающій грустную повѣсть жизни, я не берусь рѣшить; но портретъ, въ особенности рядомъ съ своимъ, рѣзко очерченнымъ сосѣдомъ, производилъ тяжелое впечатлѣніе. Оба они безмолвно глядѣлись въ два зеркала, наклонно ви-

Digitized by Google

стѣнія противъ нихъ, въ простѣнкахъ оконъ. Зеркала эти были въ темныхъ рамахъ краснаго дерева, съ высокими верхними досками, въ которыхъ блестѣли черныя пружки съ золотыми изображеніями богинь, неизвѣстныхъ ни въ одной извѣстной миѳологіи. За тѣмъ вся комната была завалена мебелью цѣльнаго краснаго дерева.

Гостиная, какъ вы можете судить, была мрачна и производила тяжелое впечатлѣніе, поэтому оставалась почти всегда пустою, кромѣ какихъ нибудь экстренныхъ дней, когда наѣхавшіе сосѣди оживляли ее.

Но рядомъ съ ней была другая, болѣе счастливая комната, напоминающая собою любимое дитя въ большой семьѣ. Изъ нея слышится звонъ чашекъ и веселый говоръ, и въ ней мы остановимся.

●

Я вамъ сказалъ уже, кажется, что былъ вечеръ, чудный майскій вечеръ, тихій, румяный и душистый; небольшая комната, въ которую мы входимъ, была вся залита его свѣтомъ. Дверь изъ этой комнаты на балконъ была отворена и закатный лучъ, пробившійся сквозь зелень сада вверхъ до второго этажа, горѣлъ на ея стеклѣ такъ, что больно было глазамъ смотрѣть на него, а дымъ отъ трубки, попадая подъ него, тянулся синими полосками.

Въ глубинѣ комнаты, прямо противъ двери на балконъ, стоялъ длинный столъ, покрытый бѣлою скатертью; широкій турецкій диванъ, по стѣнамъ, огибалъ его съ трехъ сторонъ. Большой красной мѣди, ярко вычищенный самоваръ кипѣлъ на столѣ и клубился паромъ. Разнообразная группа сидѣла вокругъ стола, за вечернимъ чаемъ.

Прямо передъ самоваромъ сидѣла высокая, полная женщина, лѣтъ сорока. Это была хозяйка дома, Марья Степановна. Еслибъ съ ея круглаго, неправильнаго, но добраго и озабоченнаго лица снять лѣтъ двадцать, мы бы увидѣли московскую барышню, очень недурную собой, съ добрымъ задаткомъ свѣжести и здоровья на многіе годы, — одну изъ тѣхъ барышень съ сантиментальными мечтами, которыхъ судьба, на перекоръ ихъ

Digitized by Google

мечтамъ, творитъ, какъ будто нарочно, чтобы быть хлѣбосольными хозяйками. И Марья Степановна исполняла свое призваніе: бразды хозяйства она держала не совсѣмъ граціозными, но полными и ловкими руками, изъ которыхъ ничто не вывалится. Шелковый распашной капотъ плотно облегалъ, нисколько, впрочемъ, не стѣсняя — на что было обращено особенное вниманіе — ея сильно-развитыхъ формъ. Обставленная вареньемъ, сливками, пенешечками, сдобными кренделями, чашками, блюдечками и стаканами, она, передъ увѣсистымъ, клокочущимъ самоваромъ, съ своимъ одноцвѣтнымъ и крѣпко румянымъ, но добрымъ лицомъ, составляла типъ сельской барыни-хозяйки. Марья Степановна одна занимала всю длинную сторону стола, какъ будто выражая этимъ, «что ужь тамъ, дескать, гдѣ я, такъ прошу не соваться: не нужна мнѣ ничья помощь, и что хоть я и женщина, и слабая женщина, а ужь авось какъ нибудь сама справлюсь, а на свою нашесть сосѣдову курицу не пущу, — нѣтъ ужь, не пущу!»

На другой сторонѣ дивана сидѣла Татьяна Терентьевна. Татьяна Терентьевна была сосѣдка изъ мелкопомѣстныхъ, лѣтъ пятидесяти. Она жила въ своей деревушкѣ, изъ пяти дворовъ, въ двухъ верстахъ отъ Рожковыхъ, и каждый день пѣшкомъ приходила къ нимъ. Если вы по этимъ даннымъ составите себѣ идею о бѣдной старушкѣ, ухаживающей за богатыми сосѣдями, въ томъ чаяніи, что они къ празднику пришлютъ ей пары двѣ гусей, да утокъ, а къ Великому посту гороху да гречихи, вы крайне ошибетесь. Татьяна Терентьевна была вершковъ шести ростомъ; сухія формы ея прямого стана были крѣпки и сильны; темное, рябоватое лицо, съ орлинымъ носомъ и быстрыми глазами, волосы съ просѣдью и маленькой косичкой, кое-какъ причесаны и безъ чепца; голосъ громкій и рѣзкій; нога въ грубомъ чулкѣ и кожаныхъ башмакахъ, смѣло выставленная изъ подъ короткаго платья, не стыдилась своего полъ-аршиннаго размѣра. Оставаясь весь вѣкъ дѣвицей, Татьяна Терентьевна каждый день аккуратно бывала у Рожковыхъ, потому можетъ, что ей скученько было одной, и любила она Рожковыхъ какъ добрыхъ сосѣдей, и Рожковы ее любили, потому что въ сущности она была добрая женщина; а можетъ даже у Татьяны Терентьевны была и цѣль, смѣлая цѣль, которую мы объяснимъ впослѣдствіи.

Digitized by Google

Возлѣ Татьяны Терентьевны лежалъ завязанный шаръ изъ толстой красной шерсти, на аршинныхъ иглахъ; рядомъ съ шаромъ рабочій мѣшокъ исполинскихъ размѣровъ, а возлѣ мѣшка сидѣла худенькая и щепетильная Маланья Аркадьевна, которая по нуждѣ могла бы умѣститься въ него. Маланья Аркадьевна была кузина Марьи Степановны, ея необходимое дополненіе, существо, жившее ея утраченными мечтами, въ противоположность ей отдалившее отъ себя всѣ существенныя заботы и крѣпко усвоившее всю эфемерную, испарившуюся часть ея юношескихъ грёзъ. Маланьѣ Аркадьевнѣ было тоже подъ сорокъ; она была небольшого роста, худенькая и увертливая. Съ перваго взгляда она бы показалась вамъ немного смѣшна; но, узнавъ ее, вы бы непремѣнно примирились съ ней и весело бы полюбили ее. Маланья Аркадьевна любила, когда ее звали Маланьей Аркадьевной. Лицомъ она была далеко не хороша; но въ немъ ничего не было непріятнаго; маленькій носъ ея былъ расплюснутъ съ конца и даже немного сдвинутъ въ бокъ, какъ будто нарочно, чтобы посмѣшить васъ. Лобъ маленькій, рябоватый, глаза узенькіе сѣрые, но живые, веселые и умные. Маланья Аркадьевна одѣвалась всегда чисто, щеголевато, но безъ претензій; ея жиденькіе волосы были тщательно приглажены и пробраны широкимъ рядомъ накось; черепаховая гребеночка весьма живописно торчала въ маленькой косичкѣ.

Маланья Аркадьевна была слишкомъ умна, чтобы понять, что претензіи въ ея года и съ ея фигурой были бы крайне смѣшны; но она не могла вполнѣ примириться съ дѣйствительностію, — въ хозяйствѣ любила только то, что проявлялось подъ романической формой: собирать грибы, снимать сливки къ чаю, сушить розовый цвѣтъ; и, разсказывая о какой нибудь прогулкѣ, она не могла никогда умолчать о такихъ, напримѣръ, подробностяхъ: «что вечеръ былъ прелестный. соловьи поютъ, цвѣтки цвѣтутъ, и ручеекъ этакъ въ сторонѣ, а кавалеры все такіе ловкіе.»

Но, отказавъ себѣ, по природному уму, въ надеждахъ осуществить свои грёзы, Маланья Аркадьевна не могла совершенно отречься отъ нихъ и нашла случай примирить мечты съ дѣйствительностью: она перенесла ихъ на свою племянницу Лизу. Лиза была дочь Марьи Степановны и Василья Сергѣича. Поэтъ сказалъ бы, что надъ ея темно-русой головкой шла шестнад-

Digitized by Google

цатая весна. Но я имѣю свои причины считать иначе: я скажу весьма просто, что ей было невступно шестнадцать лѣтъ, но что она только вступала въ свою первую весну. Когда тонкая травка пробьется на свѣтлый лучъ и весело заиграетъ свѣжей зеленью надъ черною пашнею, мы говоримъ «взошло!» и любопытно слѣдимъ, что выйдетъ изъ зеленой травки — выбѣжитъ ли стройный колосъ, колеблющійся отъ тяжести благодатнаго зерна, подъ дуновеніемъ вѣтра, или взойдетъ красивый, но безплодный цвѣтокъ, мимолетно веселящій нашъ праздный взоръ, или встанетъ грубое, неблагодарное плевело.

Лиза, по годамъ, была довольно большого роста. Можно бы было сказать, что у нея были черные волосы, если бы наши русскіе черные волосы не имѣли своего матоваго, свѣтлаго отлива, отличающаго ихъ отъ черныхъ волосъ юга и востока. Но эти черно-русые волосы такъ хорошо обрамливаютъ молочную бѣлизну, съ пышно розовымъ румянцемъ нашихъ рускихъ красавицъ, что надобно быть очень требовательнымъ, чтобы неудовольствоваться ими. Такіе волосы были у Лизы; они были подстрижены и падали пышной, кудрявой волной на ея голую шею, оставляя наружи только одно горлышко. Лицомъ она не была красавица: это было просто кругленькое, полненькое, хорошенькое личико, съ двумя ямками на щекахъ, подернутое легкимъ, весеннимъ загаромъ, какъ будто нарочно для того, чтобы оно къ зимѣ выглянуло бѣленькое и розовое, какъ первый снѣгъ на утренней зоркѣ. Станъ Лизы еще не сформировался; но это былъ тотъ мягкій и упругій станъ, который можно сжать двумя кистями руки, но который хочется обвить только одною. Вообще, Лиза была деревенское дитя, вскормленное на чистомъ воздухѣ молокомъ и домашними булочками, — чудесное дитя, отъ котораго вѣяло жизнью, свѣжестью и весельемъ.

Лизѣ, по моему счету, была первая весна. Она выходила изъ дѣтей и не была еще дѣвицей. Съ первымъ теплымъ лучемъ солнца, когда сбѣжалъ мартовскій снѣгъ, которымъ она не забыла умыться, и душистый вѣтеръ пахнулъ въ ея веселое личико, и соловей запѣлъ вечеромъ въ зеленомъ лѣсѣ, и лѣсъ впервые зашелестилъ новыми листьями, — сердце какъ-то странно забилось въ молодой, только что начинающей округляться груди Лизы; и вопросительно любопытно посмотрѣла она своими черными, свѣтлыми глазами изъ

Digitized by Google

подъ черными рѣсницы на окружающія ея лица; а лица всѣ были тѣ же добрыя, немного озабоченныя и хлопотливыя, полныя лица, которыя всегда окружали ее. Только одна тётя, ея балунья-тётя, какъ будто лукаво посматривала на нее своими маленькими, сѣрыми глазами и только какъ будто кончикъ ея приплюснутаго носика побольше сбочилася отъ сдержанной улыбки, только она какъ ребенокъ передъ сюрпризомъ, будто хотѣла сказать ей: «подожди, Лизочка! посмотри-ка, что будетъ изъ тебя!....» и Лиза чего-то весело ждала, и сердечко ея билось, билось...

Лиза сидѣла за тѣмъ же столомъ, спиной къ балкону, возлѣ своей тёти. Марья Степановна, угостивъ всѣхъ, благоразумно подумала о себѣ: налила черная какъ сусло чаю въ свою чашку, долила ее густыми, кипяченными съ пенками сливками, выбрала подрумянившійся крендель и съ степенностью доброй хозяйки принялась наслаждаться первой чашкой.

Но вдругъ, проглотивъ кусокъ, она остановилась въ какомъ-то странномъ недоумѣніи: блюдечко въ одной рукѣ и крендель въ другой остались, не опущенные, на воздухѣ, и Марья Степановна нѣмымъ, вопрошающимъ взглядомъ обвела окружающихъ. Окружающіе молча смотрѣли на нее, остановивъ тоже свои приподнятыя чашки: всѣ ждали чего-то необыкновеннаго, и прошло мгновеніе мертвой тишины.

— Никакъ крендельки кислы? сказала Марья Степановна съ волненіемъ.

— Нѣтъ, кажется, не кислы, замѣтила, сообразивъ важность вопроса, Маланья Аркадьевна.

— Нѣтъ, Маша, не кислы, сказала Лиза.

— Совсѣмъ не кислы. Это вамъ такъ показалось. Когда у васъ бываютъ кислые кренделя! рѣзко сказала Татьяна Терентьевна, какъ будто упрекая Марью Степановну тѣмъ, что у нея не бываетъ кислыхъ кренделей.

— Нѣтъ! это можетъ у васъ не кислы, а мнѣ попался кислый. Вотъ попробуйте моего, продолжала Марья Степановна, отломивъ кусочекъ своего кренделя и подавая Татьянѣ Терентьевнѣ.

— И пробовать не хочу. Знаю, что не кислы. Вы просто обмишурились, рѣшила Татьяна Терентьевна и принялась съ аппетитомъ за свой.

Digitized by Google

— Попробуй, кузина, продолжала неуспокоившаяся Марья Степановна.

Кузина попробовала, внимательно пожевала и, проглотивъ, еще подумала и потомъ утвердительно отвѣчала, что кренделькн не кислы.

На вкусъ Лизы Марья Степановна не полагалась и потому въ раздумьѣ и нерѣшительно обратилась къ своему.

— Странно! наконецъ сказала она: — вѣдь въ самомъ дѣлѣ не кислы! отчего же мнѣ это показалось?

Въ это время къ столу приблизилась небольшая мужская фигурка, съ длинными усами, и, протянувъ руку съ двумя сложенными пальцами, сказала сладенькимъ голосомъ:

— Марья Степановна, позвольте и мнѣ попробовать вашего кренделька.

Марья Степановна съ искреннимъ сожалѣніемъ посмотрѣла на фигурку и жалобно отвѣтила:

— Да ужь нѣтъ, Иванъ Иванычъ, я его съѣла.

Иванъ Иванычъ смѣшался и поспѣшилъ отдернуть руку.

— Эхъ, батюшка, когда хватился пробовать! сказала Татьяна Терентьевна и громко захохотала.

Ея примѣру послѣдовали другіе, и громкій смѣхъ огласилъ всю комнату, и въ немъ смѣхъ Лизы долго звенѣлъ какъ колокольчикъ, пока другой густой смѣхъ не послышался изъ угла и не покрылъ его своимъ перекатомъ. Это былъ добродушный смѣхъ Василья Сергѣича.

Не виноватъ! я, кажется, ничего не сказалъ ни объ Иванѣ Иванычѣ, ни о Васильѣ Сергѣичѣ: когда я заговорю о женщинахъ, я вѣчно забываю о мужчинахъ.... Впрочемъ, въ мои года это извинительно.

Иванъ Иванычъ Чепыжниковъ былъ племянникъ Татьяны Терентьевны.

Отслуживъ лѣтъ двѣнадцать въ какомъ-то пѣхотномъ армейскомъ полку и получивъ въ наслѣдство отъ покойныхъ родителей восемьдесятъ душъ, онъ съ чиномъ штабсъ-капитана вышелъ въ отставку и поселился въ деревнѣ, подъ покровительствомъ сосѣдки тетушки. Татьяна Терентьевна любила его по своему, — не весьма нѣжно, но тѣмъ не менѣе сильно. Ваня составлялъ предметъ ея гордости и заботливости. Она думала, что лучше ея Вани никого на свѣтѣ нѣтъ. А Ваня былъ

Digitized by Google

простой и добрый малый. Онъ имѣлъ одну претензію на красоту, въ которой ему рѣшительно отказала природа. Онъ носилъ волосы подъ гребенку и огромные усы, которые на ночь тщательно завивалъ и безпрестанно закручивалъ. Ничего не было страннѣе, какъ видѣть надъ этими усами узенькій, заостренный носъ, маленькіе, чрезвычайно добродушные глаза и вѣчную пріятную улыбку. Иванъ Иванычъ постоянно ходилъ въ венгеркѣ, сильно перехватывающей его аляповатый станъ. Венгерка это составляла предметъ его всегдашней мечты, и онъ былъ счастливѣйшій человѣкъ въ мірѣ, когда въ первый разъ надѣлъ ее. Онъ считалъ венгерку верхомъ хорошаго тона и изящнаго вкуса, и по этой причинѣ весь гардеробъ его состоялъ изъ различныхъ венгерокъ. Онъ этимъ гордился.

Иванъ Иванычъ, представленный тетушкой, каждый день бывалъ у Рожковыхъ, и я никакъ не поручусь, что онъ не имѣлъ тайныхъ видовъ на Лизу, потому что всегда особенно пріятно улыбался ей. Въ настоящее время онъ, какъ между двумя магнитами, сидѣлъ въ срединѣ между столомъ, окруженнымъ дамами, и Васильемъ Сергѣичемъ, съ которымъ онъ большею частію игралъ въ шашки, а въ остальное время имѣлъ привычку постоянно молча сидѣть, показывая этимъ знакъ своего особеннаго вниманія.

Въ заключеніе картины, мнѣ остается сказать о Васильѣ Сергѣичѣ. Онъ былъ очень полонъ, чтобы не сказать толстъ; но толщина его умѣрялась большимъ ростомъ. Лицо полное, сильно рябоватое и смуглое; рѣденькіе, съ просѣдью волосы на головѣ были гладко приглажены. Видно было, что Василій Сергѣичъ, съ своимъ атлетическимъ сложеніемъ, былъ когда-то молодецъ. Но года пронеслись надъ нимъ, и вотъ вышелъ передъ нами добрый, здоровый старикъ, спокойно отдавшій и себя и хозяйство въ управленіе распорядительной супруги, и наслаждающійся круглый годъ счастливымъ кейфомъ, прерываемымъ иногда охотой, ито въ воспоминаніе прежнихъ лѣтъ и для возбужденія аппетита. Каждый день Василій Сергѣичъ, для разнообразія, имѣлъ привычку, въ одиннадцать часовъ утра и въ девять вечера, кромѣ обыкновенной порціи передъ обѣдомъ и ужиномъ, выпивать по рюмкѣ травнику, послѣ которой непремѣнно долженъ былъ крякнуть, чѣмъ выражалъ свое полное удовольствіе. Если ему случалось,

Digitized by Google

ночему либо, послѣ выпитой рюмки не крякнуть, она для него теряла половину наслажденія, и тогда онъ обыкновенно наливалъ себѣ четверть рюмочки, выпивалъ и крякалъ, уже сильнѣе и продолжительнѣе. Изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобы Василій Сергѣичъ придерживался чарочки; напротивъ, это была обыкновенная порція, нисколько не измѣняющая нормы его расположенія духа.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда онъ чувствовалъ ознобъ или боль подъ ложечкой, Василій Сергѣичъ прибѣгалъ къ травнику какъ уже къ лекарству, никогда ему не измѣнявшему. Пособіе въ этомъ случаѣ дѣлалось необыкновенно скоро и почти очевидно. Проглотивъ цѣлебное, Василій Сергѣичъ тотчасъ слѣдилъ рукой направленіе, по которому текла внутри его живительная влага, и говорилъ: «ну, вотъ, теперь хорошо». Этимъ леченіе оканчивалось, и кромѣ его не зналъ Василій Сергѣичъ другихъ леченій. Но одно происшествіе, не задолго до эпохи нашего разсказа, сильно смутило Василья Сергѣича.

Это было за обѣдомъ. Не предчувствуя ничего особеннаго, онъ преспокойно занимался бараньимъ ребрышкомъ, какъ вдругъ что-то хрустнуло у него во рту. Онъ поднесъ руку и вынулъ вывалившійся, со всѣмъ здоровый, передній зубъ. Василій Сергѣичъ взглянулъ на него и поблѣднѣлъ какъ полотно: такъ его поразилъ первый признакъ разрушенія, который коснулся его крѣпкой натуры. Весь этотъ день Василій Сергѣичъ ходилъ пасмуренъ и, выпивъ вечернюю рюмку, совсѣмъ не крякнулъ и долго послѣ того съ удивленіемъ и горькой улыбкой разсказывалъ всѣмъ, что и онъ старикъ, что и у него ужь зубъ выпалъ, при чемъ, въ подтвержденіе словъ, показывалъ его мѣсто и даже предлагалъ показать и самый зубъ.

Въ то время, когда его густой смѣхъ, заглушивъ собой смѣхъ другихъ, обратилъ на него наше вниманіе, Василій Сергѣичъ сидѣлъ въ спокойныхъ креслахъ у отворенной двери балкона, на своемъ никогда не измѣняющемся мѣстѣ, такъ что въ мягкой спинкѣ этого кресла выпечаталась постоянно давящая ее фигура.

Передъ Василіемъ Сергѣичемъ стоялъ Федулъ съ дѣтьми. Чтобы не вовлечь въ недоразумѣніе читателя, спѣшу сказать, что это былъ самый невинный домашней работы столикъ о четырехъ прямыхъ ножкахъ, въ который вкладывалось нѣсколько его подо-

Digitized by Google

бій, одинъ меньше другого. Въ настоящее время Федулъ-отецъ не наслаждался полнымъ семействомъ. Въ то время, когда самъ онъ важно держалъ возложенную на него большую, любимую хозяйскую чашку съ чаемъ, самый маленькій Федульчикъ, не пользующійся особеннымъ довѣріемъ, по причинѣ весьма близкосходящихся ножекъ, робко стоялъ возлѣ, узенькій и тоненькій, едва держа поставленную на него шитую табачницу съ жуковскимъ, и ожидалъ перваго толчка, чтобы упасть вмѣстѣ съ ношей къ стопамъ большого Федула.

Когда женскій смѣхъ затихъ, Иванъ Иванычъ сидѣлъ уже на своемъ мѣстѣ и, чтобы оправиться отъ промаха, съ ожесточеніемъ принялся за трубку и улыбаясь испускалъ страшные клубы дыма; но по мѣрѣ спокойствія, возстановлявшагося въ его крови, клубы становились меньше и меньше, и наконецъ, какъ знакъ совершенной тишины духа, его губы сложились нуликомъ, и изъ нихъ, какъ голубь мира, вылетѣло круглое дымовое колечко, за нимъ другое и третье, и, перегоняя одно другое, они растягивались волнующимися кругами въ спокойномъ воздухѣ.

Вдругъ Лиза подняла въ верхъ пальчикъ и остановилась, къ чему-то прислушиваясь; черезъ минуту съ большой дороги послышался колокольчикъ. Лиза тотчасъ очутилась на балконѣ и, прикрывъ отъ солнца рукою глаза, отчего эта рука сдѣлалась будто прозрачная и видно было, какъ розовая кровь переливалась въ ней по жилкамъ, стала всматриваться. Но она вскорѣ съ досадой повернулась и, садясь у оставленной чашки, сказала:

— Нѣтъ: мимо.

— А скоро Петръ Васильичъ-то пріѣдетъ? спросила Татьяна Терентьевна.

— Да, скоро долженъ быть, отвѣчала Марья Степановна: — онъ писалъ намъ отъ семнадцатаго, что, говоритъ, на будущей недѣлѣ надѣюсь выѣхать. Сегодня у насъ.... которое у насъ сегодня число, Василій Сергѣичъ?

Василій Сергѣичъ очень равнодушно отвѣчалъ.

— Не помню, матушка.

— Сегодня, двадцать-осьмое, сказала Маланья Аркадьевна.

— Нѣтъ, двадцать-седьмое, утвердительно сказала Татьяна Терентьевна.

Digitized by Google

— Э! двадцать-осьмое, возразила Маланья Аркадьевна съ весьма хитрой улыбкой.

— Да ужь не спорьте, Маланья Аркадьевна! я знаю навѣрно, что двадцать-седьмое. Я посмотрѣла въ святцы: двадцать-седьмого — Ферапонта.

Этимъ доказательствомъ всякое недоразумѣніе было прекращено.

— Ну, такъ, видите ли, двадцать-седьмое суббота, двадцать-шестое пятница, двадцать-пятое четвергъ; далѣе Марья Степановна продолжала что-то вполголоса, отсчитывая пальцемъ правой руки пальцы лѣвой. — Семьнадцатое середа! сказала она громко: — значитъ, онъ писалъ въ прошедшую середу, что выѣдетъ; ну, и коль онъ выѣхалъ хоть во вторникъ послѣ обѣда, сегодня бы ужь долженъ быть здѣсь.

— Ну, и этотъ съ нимъ ѣдетъ, другой-то.... какъ его?

— Волжинъ, Павелъ Николаичъ? какже! съ нимъ.

— Ну, а зачѣмъ его несетъ сюда, продолжала Татьяна Терентьевна: — что вы родня ему, что ли! Отъ роду и не слыхивали и не видывали другъ друга; вдругъ, ни съ того, ни съ сего къ чужимъ людямъ въ гости ѣдетъ. Что, нынче мода, что ли, такая.

На эту сердитую выходку взялась отвѣчать Маланья Аркадьевна, чудесная Маланья Аркадьевна, вѣчная защитница юности и романтизма. Она очень краснорѣчиво описала узы дружбы, связующія Волжина съ Пьеромъ, и какъ пріятны эти узы, и какъ молодому человѣку сладко вдыхать ароматической воздухъ деревни, наслаждаясь пѣніемъ соловья, подъ сѣнію мирнаго семейства своего друга.

Татьяна Терентьевна что-то ворчала про себя, и, къ стыду ея, я долженъ сказать, что краснорѣчіе Маланьи Аркадьевны не произвело на нее никакого эффекта. Это я могъ заключить изъ того, что, возвращаясь домой, въ темныя сумерьки, пѣшкомъ, опираясь на суковатую палку и размахивая руками, Татьяна Терентьевна говорила сама съ собою, какъ имѣютъ привычку это дѣлать героини мелодрамъ на сценѣ, у которыхъ она, впрочемъ, ничего не могла заимствовать, — по той причинѣ, что никогда не видала ихъ.

— Гм! Не себѣ ли Маланья жениха прочитъ! Пора! Али для племянницы выписываетъ.... Много тамъ голи-то всякой!

Digitized by Google

Да, нѣтъ дудки! у насъ свой найдется. Татьяны не проведешь! Нѣтъ, не проведешь!...

И тутъ она глухо засмѣялась, такимъ смѣхомъ, что вблизи стоящая береза затряслась каждымъ листомъ и спугнула заснувшую на ней ворону. Ворона встрепенулась и полетѣла каркая, надъ Татьяной Терентьевной.

— На свою голову! сказала она громко, обращаясь къ воронѣ и бойко продолжала путь свой.

Но возвратимся въ чайную.

Прежде нежели кончился краснорѣчивый монологъ Маланьи Аркадьевны въ защиту юности, Василій Сергѣичъ снялъ съ этажерки гитару, вышелъ на балконъ, прислонился къ стѣнѣ, и утвердясь предварительно на одной ногѣ, закинулъ другую, какъ гидальго, когда поетъ серенаду подъ окномъ своей дольчезы, и за тѣмъ взялъ нѣсколько аккордовъ.

Услышавъ ихъ, Маланья Аркадьевна оставила безполезный споръ и, обратясь къ Василью Сергѣичу, сказала сладенькимъ голосомъ:

— Братецъ! съиграйте Сизаго голубочка; вы его давно не играли.

— Голубочка? что̀жь! и голубочка съиграемъ, отвѣчалъ добрый Василій Сергѣичъ.

И, сдѣлавъ приличную прелюдію, онъ заигралъ извѣстную: «Стонетъ сизый голубочикъ».

Продолжая играть, Василій Сергѣичъ видимо увлекался и трогался своей игрою, такъ что чрезъ нѣсколько минутъ тихо, безъ словъ, онъ началъ подпѣвать себѣ. Голосъ его былъ хриплъ и беззвученъ, но довольно гибокъ. Впрочемъ, верхнія ноты Василій Сергѣичъ выдѣлывалъ преимущественно бровями, и вообще мимика играла едва ли не главную роль въ его пѣніи.

Но не безъ интереса и особеннаго рода грустной прелести было это пѣніе въ настоящей обстановкѣ. Сумерки спускались на землю. Говоръ женскихъ голосовъ слышался изъ комнаты; а вечеръ мертвой тишины стлался передъ глазами, и было видно, какъ вся земля кругомъ засыпала. И въ это время, слушая беззвучную пѣсню, стоило внимательно всмотрѣться въ лицо Василья Сергѣича, принимавшее грустное выраженіе. И послышался бы вамъ тогда другой голосъ, невидимо отъ него, безсознательно для него, глухо поющій въ его груди. И пѣлъ бы для васъ этотъ

Digitized by Google

голосъ грустную пѣсню, горькую жалобу когда-то полнаго надеждъ, крѣпкаго и свѣжаго молодостью духа.

И часто любилъ пѣть Василій Сергѣичъ: это была привычка, оставшаяся въ немъ отъ молодости, и самъ онъ не зналъ, отчего онъ любилъ пѣть и что тогда шевелилось въ его груди и волновало его до такой степени, что онъ всегда послѣ пѣнія съ особеннымъ удовольствіемъ выкуривалъ трубку и отдыхалъ въ своемъ креслѣ. И не знаю, долго ли бы онъ пѣлъ въ тотъ разъ, если бы стѣнные часы въ залѣ не пробили девяти. Съ послѣднимъ звукомъ пружины, Василій Сергѣичъ вошелъ тихо въ комнату, положилъ на мѣсто гитару и вышелъ. И едва шаги его замолкли въ гостиной, какъ въ дальнихъ комнатахъ кто-то сильно крякнулъ.

Въ этотъ вечеръ ничей пріѣздъ не возмутилъ обычнаго порядка, и часа черезъ два, когда бѣговые дрожки унесли Ивана Иваныча, когда Татьяна Терентьевна, опираясь на сучковатую палку, успокоенная обращеніемъ къ воронѣ, большими шагами проходила просѣку, одна полная луна глядѣла черезъ балконную дверь въ знакомую намъ комнату и съ особеннымъ любопытствомъ свѣтила прямо въ лица двухъ акварельныхъ портретовъ: одного, изображающаго весьма довольнаго собой гусара, другого — какой-то мечтательной и интересной дамы въ бѣломъ платьѣ съ таліей подъ мышкой, съ улыбкой на устахъ протягивающей огромный розанъ вплоть къ золоченой рамкѣ.

Тарантасъ, запряженный тройкой ямскихъ, бойко ѣхалъ по большой дорогѣ подъ ночнымъ холодкомъ. Два запыленные юноши дремали въ немъ, покрикивая изрѣдка въ просоньи: «пошелъ!» Это были наши знакомые, давно жданные Рожковъ и Волжинъ. Темное передъутреннее небо побѣднѣло, и розовая зорька только что заиграла на востокѣ, когда тарантасъ поворотилъ влѣво на проселокъ. Тогда Иванъ Семеновъ, бывшій дядька, а нынѣ камерлинеръ Рожкова, обернулся и промолвилъ:

— Петръ Васильичъ! проснитесь, батюшка: къ дому подъѣзжаемъ.

Digitized by Google

— А! Въ самомъ дѣлѣ! сказалъ Рожковъ, протирая глаза, и радостно сталъ осматривать и признавать знакомыя мѣста. Волжинъ тоже встрепенулся и съ любопытствомъ всматривался въ раскрывающуюся незнакомую мѣстность, которая выставлялась ясно и рѣзко, полуосвѣщенными сторонами и еще болѣе манила взглядъ своими темными, сливавшимися во мракѣ очертаніями. А между тѣмъ тарантасъ въѣхалъ въ еще не проснувшееся село. Двѣ-три собаки встрѣтили и провожали его лаемъ; ямщикъ свиснулъ и прикрикнулъ и чрезъ нѣсколько минутъ тройка въѣхала въ незатворенныя ворота и остановилась подъ крытымъ подъѣздомъ. Рожковъ выскочилъ первый и постучался въ запертую дверь. Сердце его сильно билось. Цѣпная собака подала свой голосъ. Занавѣска въ окнѣ спальной зашевелилась, и вскорѣ шаги послышались по лѣстницѣ.

— Кто тутъ? сказала заспанная горничная, отворивъ двери, и, прежде нежели получила отвѣтъ, ахнула: — Петръ Васильичъ! и побѣжала опрометью наверхъ.

Рожковъ наскоро показалъ Волжину комнаты внизу и скрылся.

И пока наверху слышались бѣготня и неясный говоръ голосовъ, Волжинъ одинъ остался въ незнакомыхъ комнатахъ, въ которыя вскорѣ начали вносить ихъ вещи.

Я долженъ немного познакомить васъ съ прошедшей жизнью Волжина; но не бойтесь: я буду кратокъ.

Волжинъ лишился рано отца и матери. У него осталось о нихъ только неясное и полное грустной прелести воспоминаніе, какъ объ образахъ, видѣнныхъ во снѣ. Поэтому онъ подрасталъ и воспитывался въ домѣ бабушки, вмѣстѣ съ ея внучками. Кузины были старше Волжина и любили его покровительствующей любовью. Какъ меньшой въ семействѣ, какъ единственный представитель мужской линіи, онъ былъ въ немъ всеобщимъ любимцемъ. Всѣмъ извѣстно вліяніе, которое имѣетъ домашнее воспитаніе на внутреннее развитіе, на взглядъ и на манеры человѣка: женскій воспитанникъ, маленькій Волжинъ, взглянувъ на свѣтъ въ офицерскихъ эполетахъ, сохранилъ на себѣ отпечатокъ этого воспитанія. Хотя кадетская жизнь сгладила и укрѣпила въ нихъ много его слабыхъ сторонъ, и отъ этого онъ много выигралъ, но онъ все-таки былъ склоненъ къ мечтательности, нервозенъ и, можетъ быть, немного болѣе

Digitized by Google

женственъ, чѣмъ бы слѣдовало. Но въ его года это такъ извинительно; но зато въ Волжинѣ сохранился этотъ тонкій тактъ, эта задушевная склонность и симпатія ко всему прекрасному и поэтическому, наконецъ эта изящная прелесть въ манерахъ и одеждѣ, которая составляетъ неотъемлемыя достоинства женщинъ. Волжинъ, взросшій между ними, въ обществѣ не былъ ни робокъ, ни застѣнчивъ; но, оставшись одинъ въ домѣ, гдѣ ему были знакомы только два лица, Петръ Рожковъ да его пестунъ Иванъ Семеновъ, и пріѣхавъ въ этотъ домъ не съ визитомъ, не на день, а на мѣсяцъ, вступая произвольно въ домашнюю жизнь чужого семейства, онъ съ меньшей увѣренностью спросилъ себя, хорошо ли онъ сдѣлалъ, что такъ нецеремонно пріѣхалъ гостить, и съ любопытствомъ осматривалъ въ немъ незнакомыя комнаты и бюстъ шута, который стоялъ въ углу, думая по нимъ ознакомиться съ характеромъ жильцовъ. Но утренній свѣтъ дрожалъ на голыхъ, бѣлыхъ стѣнахъ комнаты, и полинялый бюстъ шута какъ-то жалко смотрѣлъ въ этомъ полу-свѣтѣ. Деревенскій лакей, переносившій вещи, замѣтивъ его вниманіе къ бюсту, сказалъ Волжину: «Это, сударь, былъ шутъ покойнаго барина», и, въ подтвержденіе своихъ словъ, проходя мимо, далъ шуту щелчекъ въ носъ, проговоривъ: «ну, ты, Мироша, глупая рожа!», хотя у него самого рожа была ничуть не умнѣе, и шута звали совсѣмъ не Мирошей, а Селифонтомъ.

Въ отвѣтъ на эту остроумную шутку, Волжинъ попросилъ умыться.

Рожковъ не надолго забылъ своего товарища; онъ вскорѣ сбѣжалъ внизъ и потащилъ Волжина къ чаю. Тотъ было вздумалъ отговариваться и ранней порой, и тѣмъ, что въ первыя минуты свиданія съ родной семьей посторонніе бываютъ лишніе, но вдругъ явился Василій Сергѣичъ и прекратилъ его совѣстливость. Поблагодаривъ Волжина за дружбу къ сыну и за любезность, съ которой онъ подарилъ его семейство своимъ пріѣздомъ, добрый Василій Сергѣичъ, разчувствовавшись отъ собственныхъ словъ, какъ Щепкинъ, читающій патетическое мѣсто, сказалъ, что теперь онъ не чужой въ ихъ семьѣ, и въ доказательство заключилъ Волжина въ свои объятія. Волжинъ понялъ искренность этого радушія и былъ благодаренъ за него. Съ своей стороны, Василій Сергѣичъ, обнявъ Волжина, нашелъ его такимъ маленькимъ, такимъ худенькимъ въ сравненіи съ

Digitized by Google

размѣромъ своей особы, что почувствовалъ къ нему необыкновенную покровительствующую склонность, и черезъ нѣсколько минутъ они шли вверхъ по лѣстницѣ рука объ руку, совершенно довольные другъ другомъ.

Столъ, накрытый бѣлой скатертью, въ извѣстной намъ комнатѣ, уже былъ почти весь заставленъ чайными принадлежностями, и самоваръ красной мѣди клокоталъ на немъ и дымился бѣлымъ паромъ. Короткое время отсутствія Петра Рожкова было употреблено дамами на поправку слишкомъ поспѣшно сдѣланнаго туалета, и вся семья только что сошлась вмѣстѣ, когда Василій Сергѣичъ ввелъ Волжина. Представленіе было коротко:

— Вотъ вамъ нашъ дорогой гость, сказалъ Василій Сергѣичъ и, потомъ, обратясь къ нему, поименовалъ: — вотъ жена моя, вотъ кузина, вотъ дочь; а этого, чай, вы сами знаете, прибавилъ онъ, показывая на сына.

Марья Степановна, въ избыткѣ радости, не по англійски, а по русски подала обѣ руки Волжину. Маланья Аркадьевна, быстро окинувъ его съ головы до ногъ сѣренькими глазками, тотчасъ замѣтила про себя, что онъ хоть и не бель-омъ, но премиленькій кавалеръ, и, какъ свѣтская дѣвица, сказала ему нѣсколько привѣтственныхъ фразъ, такимъ сладенькимъ голоскомъ, и при этомъ ея предательскій носикъ такъ мило погнулся, что въ ея радости сейчасъ было замѣтно удовольствіе видѣть такого друга у племянника. Лиза не сказала ни слова; но она такъ открыто и привѣтно посмотрѣла на него своими черными глазами изъ подъ высоко приподнятыхъ рѣсницъ, что Волжинъ почувствовалъ, какъ кровь теплою струей побѣжала къ груди его. Весело и отрадно смотрѣть и на чужую радость: весело моему перу писать эти строки.

Какая славная въ эту минуту была эта маленькая комната въ барскомъ домѣ Рожкова! Въ ней было столько свѣтлой, невозмутимой радости, что, кажется, ею можно было дышать какъ воздухомъ. И какія славныя лица были тогда у этой группы, усѣвшейся вокругъ самовара! У пожилыхъ какъ будто свѣжая кровь потекла по жиламъ, и черты ихъ точно сбросили тяжелые слѣды лѣтъ и выглянули изъ подъ нихъ свѣжія и помолодѣлыя, какъ вновь открытыя изъ подъ пепла помпейскія картины. А молодежъ, и безъ того полная

Digitized by Google

жизни и надежды! Хорошъ былъ этотъ Петя, выѣхавшій рослымъ и рѣзвымъ мальчикомъ съ откиднымъ воротничкомъ, который отлично спускалъ змѣя, ѣздилъ верхомъ на клеперѣ и съ ранняго утра пропадалъ изъ дому, возвратившійся теперь молодцомъ-офицеромъ въ давно оставленную семью и съ свѣтлымъ отъ радости лицомъ торопящійся наглядѣться и наговориться съ своими дорогими. Хорошъ былъ и Волжинъ, съ своей тоненькой, стройной фигуркой, которая еще рѣзче и легче выдавалась среди деревенскихъ лицъ; форменный сюртукъ его былъ застегнутъ на всѣ пуговицы, блѣдное лицо немного завѣтрено и большіе темные глаза утомлены отъ дороги. Напротивъ его сидѣла Лиза въ бѣломъ утреннемъ капотѣ, который она забыла перемѣнить. Ея розовое личико еще хранило слѣды недавняго сна и дышало свѣжестью; прибавьте къ этому раннюю пору встрѣчи, которая еще болѣе оживляла ее. Солнце только что вставало, по другую сторону дома. Его лучи не попадали въ комнату; но вся развернутая передъ нею даль зарумянилась отъ нихъ. Лиза растворила дверь балкона, и майское утро, со всѣмъ арамотомъ, свѣжестью и гармоніей, со всей своей чудной поэзіей, повѣяло ей на встрѣчу. А разговоръ былъ полонъ отрывистыхъ, перерывающихся, живыхъ и шумныхъ разпросовъ. Самоваръ клокоталъ въ срединѣ собравшейся семьи, и вьющійся дымъ табаку былъ такъ пріятенъ въ смѣси съ чистымъ воздухомъ. Даже маленькая живая фигурка Маланьи Аркадьевны, съ сѣренькими, улыбающимися глазками, притиснутымъ носикомъ и маленькой косичкой, приколотой сбоченившейся гребенкой, гармонировала въ этой картинѣ. И теперь скажите мнѣ, не любо ли, не весело ли слѣдить эту группу?

Но еще лучше, другъ-читатель, положить перо, закрыть книгу и тихо задуматься надъ другою глубоко отмѣченною въ памяти встрѣчею, отъ которой шибко, шибко когда-то билось сердце.

Въ это утро Татьяна Терентьевна и Иванъ Ивапычъ, проснувшись отъ сна, хотя и жили въ разныхъ деревняхъ, первымъ словомъ услыхали вѣсть, что къ Рожкову на зарѣ молодой

Digitized by Google

баринъ пріѣхалъ. Дивно передаются извѣстія между деревенскими сосѣдями. Если у васъ на званомъ обѣдѣ не удалось пирожное, или получите письмо, что тетка у васъ умерла, или ночью корова принесла двойни, можете быть увѣрены, что черезъ часъ узнаютъ объ этомъ всѣ сосѣди. Богъ вѣсть какими тайными путями и случайностями доходятъ вѣсти, но онѣ доходятъ необыкновенно скоро. Непремѣнно случится, что въ минуту происшествія или разнощикъ съ товаромъ пролалъ тутъ тесемки и старыя книги, или телка вашей Аксиньи забѣжала въ чужую усадьбу, или наконецъ, ужь если и этого не было, такъ просто надо допустить, что извѣстіе, какъ говорится, сорока на хвостѣ принесла; но, какъ бы то ни было, посредствомъ торгаша, телки или сороки, вѣсть тотчасъ дойдетъ до васъ. Это меня заставляетъ думать, что электрическіе телеграфы намъ вовсе не нужны. Послѣ этого объясненія всякому, вѣроятно, будетъ понятно, какимъ образомъ Татьяна Терентьевна и Иванъ Иванычъ узнали о пріѣздѣ Рожкова, и никого не удивятъ невинныя измѣненія туалета, въ которомъ они явились въ это утро.

Татьяна Терентьевна явилась первая, и въ ней эти измѣненія почти не были примѣтны: она также пришла пѣшкомъ, несмотря на двадцать-пять градусовъ тепла, поставила въ сѣняхъ сучковатую палку и явилась въ маленькую гостиную, съ огромнымъ мѣшкомъ на рукѣ и горѣвшимъ какъ зарево лицомъ; вмѣсто капота изъ простой холстинки на ней былъ капотъ изъ холстинки *англецкой*, впрочемъ, той же фабрики.

Татьяна Терентьевна была прилично радостна. Широко растворивъ двери, она живописно остановилась въ нихъ, какъ будто хотѣла сказать пріѣзжимъ: «Смотрите, вотъ она, Татьяна», и, окинувъ комнату свѣтлымъ взглядомъ, остановила его на Петрѣ Рожковѣ и подлетѣла къ нему съ словами:

— А, соколъ ясный!...

Соколъ ясный любезно поспѣшилъ ей на встрѣчу и, въ порывѣ воспоминанія дѣтства, готовъ былъ поцаловать ея ручку, но, взглянувъ на нее, пришелъ почему-то въ замѣшательство.

Однако, Татьяна Терентьевна тотчасъ вывела его изъ ложнаго положенія: она преспокойно обняла его и поцаловала въ обѣ щеки, проговоривъ:

— Что ты, батюшка, не узналъ, что ли, меня? къ ручкѣ вздумалъ подходить: точно въ первый разъ видишь!

Digitized by Google

Потомъ она отодвинулась отъ него, какъ будто для того, чтобы лучше его разсмотрѣть, окинула съ головы до ногъ и прибавила:

— Экой молодецъ! А вы чай, Марья Степановна, гостю-то совсѣмъ не рады.

Марья Степановна только улыбнулась на тонкую шутку Татьяны Терентьевны да посмотрѣла на Петрушу, и на глазахъ ея навернулись слезы радости. Тогда молодой Рожковъ представилъ Татьянѣ Терентьевнѣ своего товарища. Обернувшись къ нему, лицо Татьяны Терентьевны вдругъ приняло какое-то спокойно-величественное выраженіе; не останавливаясь, она отвѣчала на поклонъ Волжина, приподнявъ голову и подавшись впередъ богатырскою грудью, и при этомъ пришаркнула ногой на ходу и посмотрѣла на него прищурясь. Сдѣлавъ этотъ маневръ, Татьяна Терентьевна усѣлась на свое обычное мѣсто, довольная сознаніемъ, что она высказала пріѣзжему франтику, въ какой степени знакома съ манерами высшаго круга. Вскорѣ застучали бѣговые дрожки и явился Иванъ Иванычъ. При взглядѣ на него, Татьяна Терентьевна осталась имъ недовольна: онъ, по ея мнѣнію, слишкомъ много выказалъ вниманія къ пріѣзжимъ своимъ туалетомъ. Въ самомъ дѣлѣ, Иванъ Иванычъ былъ въ совершенно новой венгеркѣ, сплошь исписанной снурками, и весь усъ его былъ круто завитъ локономъ. И ему представили пріѣзжихъ. При этомъ Иванъ Иванычъ выказалъ обычную скромность и любезность, отвѣтивъ на представленіе самой пріятной улыбкой, послѣ которой поспѣшно поправилъ усы, боясь, вѣроятно, не разстроила ли она ихъ.

И день пошелъ бы обычной чередой, какъ шли всѣ дни въ благодатномъ селѣ Рожковыхъ, если бы лицо Волжина, изъ другой среды нечаянно вошедшее въ этотъ кругъ, не смутило его нѣсколько. Я говорю Волжина, потому что Петруша былъ свой: на Петрушу любуются, Петрушей восхищаются, но Петрушу не нужно занимать. Занимать! великая обязанность! камень испытанія хозяйской любезности въ провинціи, камень преткновенія для многихъ, которые считаютъ необходимымъ занимать гостей.

Утомленный дорогою, не оглядѣвшійся между новыми лицами, да еще слишкомъ молодой и ненабравшійся достаточно опытности, чтобы принять на себя издержки разговора, Волжинъ

Digitized by Google

составлялъ предметъ хозяйской заботливости, и Василій Сергѣичъ, забывъ лѣнь, съ радости и въ порывѣ расположенія, занялся имъ исключительно и превзошелъ самого себя. Онъ спросилъ Волжина, охотникъ ли онъ, и, получивъ отвѣтъ, что охотникъ съ ружьемъ, показалъ ему свою небольшую оружейную, разсказавъ исторію каждаго ружья и предложивъ на случай поля выбирать любое.

— Я бы вамъ совѣтовалъ взять вотъ это, сказалъ онъ, подавая ему одностволку въ сажень длины, съ полдюймовыми стѣнками. — Настоящій Кингельстонъ, на сто шаговъ кряковную держитъ, и ложа настоящая французская; попробуйте, какъ прикладисто.

Волжинъ попробовалъ и нашелъ, что его кадетское ружье было перышко въ сравненіи съ этимъ.

— Ружье доброе, сказалъ онъ: — но у меня есть свое съ собой.

— А, у васъ есть ружье! позвольте взглянуть.

Волжинъ хотѣлъ итти за нимъ, но Василій Сергѣичъ не допустилъ его и крикнулъ слугу.

Въ этотъ день, день радостнаго волненія, прислуга Рожковыхъ оказала чудеса дѣятельности и аккуратности. На зовъ Василья Сергѣича выскочили двое мальчиковъ.

— Скажи кто нибудь Ивану Семенову, чтобы подалъ ружье Павла Николаича.

Мальчики выскочили оба, на лѣстницѣ подрались изъ за того, кому итти, и, не рѣшивъ вопроса, въ перегонку бросились оба.

Черезъ нѣсколько минутъ, въ маленькую гостиную, съ приличной важностью, вошелъ Иванъ Семеновъ и внесъ небольшой ящикъ палисандроваго дерева, съ мѣдными наугольниками и бляхой, на которой были вырѣзаны буквы П и В.

— Что это? сказала Лиза, подбѣгая къ ящику, на которой съ любопытствомъ смотрѣли дамы.

— Это мое ружье, отвѣчалъ Волжинъ, отпирая его и вынимая изъ бархата тоненькіе, матовые, англійскіе стволы.

— Ахъ, Боже мой, ружье! закричала съ ужасомъ Маланья Аркадьевна.

— Чего испугалась, матушка! сказалъ Василій Сергѣичъ: — развѣ не видишь, что разобрано.

Digitized by Google

— Да оно, можетъ, и такъ выстрѣлитъ, продолжала она.

Татьяна Терентьевна только посмотрѣла на нее.

— Не бойтесь: оно не заряжено, сказалъ Волжинъ, сбирая ружье.

И Маланья Аркадьевна успокоилась.

Василій Сергѣичъ, посмотрѣвъ на англійскую надпись и не разобравъ ея, продолжалъ осматривать ружье.

— Славное ружьецо! Мастера англичане, нечего сказать! только легко черезчуръ.... А, впрочемъ, на бекасовъ хорошо. А далеко бьетъ?

— Не пробовалъ, отвѣчалъ Волжинъ.

— Какже это, не пробовавши купили.... А какъ цѣна?

— 250.

— Двѣсти-пятьдесятъ!.. Коли порядочно бьетъ, очень недорого. Одна укладка чего стоитъ. Я вѣдь за Кингельстона далъ 180.

— Да вѣдь это серебромъ, папа! сказалъ Петръ Васильичъ: — а вы заплатили ассигнаціями.

— Серебромъ?... Позвольте, что́жь это выйдетъ?

Онъ приготовился смекнуть, но Волжинъ отвѣчалъ:

— 875.

— Восемь-сотъ-семьдесять-пятъ.... Точно! и подумалъ: «не попробовавши!»

Размышленіе свое Василій Сергѣичъ заключилъ многозначительнымъ гм! и, посмотрѣвъ еще на ружье, продолжалъ:

— А вотъ, сударь мой, я вамъ покажу ружья наши.... Это, позвольте узнать, гдѣ вы изволили купить?

— Въ Англійскомъ магазинѣ.

— Да-съ! Ну, а у насъ не изъ Аглицкаго магазина, а бьютъ недурно: вы эдакихъ ружей не видали.... Позвать Парфена съ Степаномъ-чеботаремъ, да велѣть имъ и ружья захватить.

Иванъ Семеновъ отправился, и Иванъ Иванычъ рѣшился подать голосъ.

— Славное ружьецо, сказалъ онъ, мягко улыбаясь. — А вотъ-съ, когда мы стояли въ мѣстечкѣ Тептелевѣ, такъ Ендуковъ, мой товарищъ, выпонтировалъ у одного проѣзжаго ружье, тоже очень хорошее, аглицкое ружье.

Послѣ этого онъ немного смѣшался, отодвинулся и поправилъ усы.

Digitized by Google

Вскорѣ доложили, что Парфенъ съ Степаномъ-чеботаремъ пришли. Мужчины вышли въ переднюю.

Степанъ-чеботарь былъ парень высокій и бойкій, по праздникамъ являвшійся даже за барскимъ столомъ. Зная, въ чемъ дѣло, онъ подошелъ первый въ растворенныя двери, поклонился и, улыбаясь, подалъ необыкновенно длинное и широкодульное ружье, самой грубой работы.

— Не угодно ли полюбоваться, сказалъ, усмѣхаясь, Василій Сергѣичъ.

Волжинъ повертѣлъ ружье, нашелъ его крайне плохимъ и грубымъ, и не зналъ, что сказать.

А Степанъ-чеботарь улыбался подъ носъ и развязно переступалъ съ ноги на ногу.

Василій Сергѣичъ наслаждался недогадливостью Волжина.

Вдругъ Волжинъ вскрикнулъ:

— Что это! стволъ совсѣмъ кривой! изъ него стрѣлять нельзя!

Лицо Василья Сергѣича просіяло, и на устахъ Степана-чеботаря явилась такая улыбка, которая навѣрное пробѣжала бы кругомъ головы, еслибъ ей не помѣшали уши.

— Вотъ тутъ-то и штука, сказалъ Василій Сергѣичъ: — что онъ этимъ ружьемъ обстрѣляетъ надалекѣ и васъ и меня.

Степанъ-чеботарь, знавшій, по неоднократнымъ опытамъ, что послѣ этихъ словъ слѣдуетъ ему вступать въ объясненія, началъ:

— Это ружье, сударь, смѣю доложить, сначала было очень хорошо, только я, напримѣрно, уронилъ его и, должно быть, помялъ. Какъ помялъ, оно и начало бить вправо. Жалко стало ружья. Вотъ я, напримѣрно, и подумалъ: коли оно бьетъ вправо, такъ надо его погнуть влѣво. Пошелъ къ Парфену въ кузницу (Парфенъ, кузнецъ, онъ же и слѣсарь, при этомъ скромно погладилъ бороду) и говорю ему, такъ, молъ, и такъ. Парфенъ говоритъ, можно погнуть, да не испортить бы ружья, попробуемъ, говоритъ. И погнули немного. Выстрѣлили потомъ въ цѣль — оно еще правитъ. Вотъ мы, напримѣрно, взяли да еще погнули. Гнули, гнули, да такъ, напримѣрно, и пригнали въ цѣль.

— Да изъ него цѣлить нельзя, замѣтилъ Петръ Рожковъ.

Digitized by Google

— Оно и точно, что было неловко, да приправлялся, напримѣрно, такъ ничего-съ.

Ружье обошло по рукамъ и было возвращено Степану-чеботарю. Тотъ видѣлъ, что его роль кончена, самодовольно улыбнулся и отступилъ за Парфена.

Парфенъ былъ коренастый мужикъ, весь въ сажѣ, съ всклокоченными волосами и такой же бородой.

— А какъ вамъ понравится вотъ это ружье? сказалъ Василій Сергѣичъ: — оно мастера Парфена, деревенскаго.

Парфенъ выступилъ, поклонился и съ скромностью самороднаго таланта подалъ свое произведеніе Волжину.

Это было двухъ-ствольное ружье, собранное Парфеномъ; стволы его были разнаго калибра и толщины, грубо спаянные. Простая ложа крайне плоха, но замки выказывали русскую смѣтку. Правый замокъ не представлялъ ничего особеннаго и, вѣроятно, принадлежалъ тому же ружью, изъ котораго былъ и стволъ; но лѣвый — отъ одноствольнаго ружья, уже не годился, потому что вся внутренность его была обращена влѣво. Парфенъ нашелся. Онъ прирѣзалъ замокъ наоборотъ, такимъ образомъ, что собачка спускалась прямо къ носу; а чтобы не тянуть спускъ отъ себя, что было бы неловко, онъ привязалъ къ нему веревочку, которая огибала вбитый противъ него гвоздь и такимъ образомъ замѣнила приводъ.

Всѣ посмѣялись находчивости Парфена; но Василій Сергѣичъ не удовольствовался этимъ и снова обратился къ Парфену.

— А какъ называется твое ружье?

— Сами изволите знать, отвѣчалъ Парфенъ, почесываясь.

— Ну, говори братецъ!

— Съ противорѣчіемъ, тихо сказалъ Парфенъ.

— Какъ?

Смѣхъ снова возобновился. Комедія была кончена: Парфену съ Степаномъ-чеботаремъ велѣно было поднесть по чаркѣ, и господа пошли въ гостиную.

— А что, Ендуковъ, я чай, такихъ ружей не выигрывалъ? спросилъ Василій Сергѣичъ.

— Нѣтъ-съ, не случалось! улыбаясь отвѣчалъ Иванъ Иванычъ и вслѣдствіе этого поправилъ усы.

Digitized by Google

Василій Сергѣичъ уже затруднялся, чѣмъ занять гостя, и въ раздумьи зашелъ въ буфетъ, гдѣ и крякнулъ въ полъ-голоса; но, къ счастію, въ это время подали завтракъ и за тѣмъ кофе. За кофеемъ мужчины спросили трубки; Волжинъ, который не имѣлъ привычки курить до завтрака, тутъ вынулъ папироску и попросилъ у дамъ позволенія. Дамы, особенно Татьяна Терентьевна, очень удивились, что на подобныя вещи просятъ позволенія, а Маланья Аркадьевна замѣтила, что Волжинъ очень милый и деликатный кавалеръ. Папироски въ то время еще были новостью, которая не появлялась въ продажѣ. Волжину приготовлялъ ихъ его лакей, не вставляя картона, а просто—насыпая сухой табакъ въ заграничную бумажку, и потому курилъ онъ ихъ изъ янтарнаго мундштука, или осторожно приставляя къ губамъ тоненькую обертку. Новость возбудила вниманіе мужчинъ; дамы полюбовались серебряной портъ-сигаръ. Иванъ Иванычъ не удовольствовался этимъ и съ застѣнчивостью сказалъ: «Позвольте попробовать.»

Волжинъ подалъ ему папироску и огня. Иванъ Иванычъ забралъ ее въ зубы, курнулъ и въ недоумѣніи раскрылъ ротъ; намоченная бумажка въ немъ развалилась, и сухой табакъ облѣпилъ горло Ивана Иваныча! Долгій смѣхъ разразился насчетъ бѣднаго Ивана Иваныча. Благодаря этому происшествію, которое еще болѣе возстановило противъ Волжина предъубѣжденную Татьяну Терентьевну, было убито все утро. Когда разговоръ прерывался, Василій Сергѣичъ обращался къ Чепыжникову и спрашивалъ его:

— А что, Иванъ Иванычъ, не хотите ли папироски?

И смѣхъ возобновлялся снова. А время шло. И скоро Василій Сергѣичъ крякнулъ въ другой разъ: это означало, что кушанье подано.

За столомъ Василій Сергѣичъ, принимаясь за баранью котлетку, вдругъ ударилъ себя по лбу, положилъ вилку и обратился къ сыну.

— Петя! сказалъ онъ.

— Что? батюшка.

— А ты видѣлъ у меня обновку?

— Какую?

— Посмотри!

Digitized by Google

И онъ полу-открылъ ротъ и мизинцемъ показалъ на пустое мѣсто зуба.

— Что́ это, зубъ выпалъ?...

— Да, братецъ!... Представь, года два назадъ, тоже вотъ эдакъ за столомъ, ѣмъ я баранье ребрышко. Вдругъ.... и Василій Сергѣичъ подробно разсказалъ исторію, заключивъ со вздохомъ: — да, старость приходитъ!...

Послѣ этого онъ уже рѣшительно не зналъ, что́ показывать, и потому тотчасъ послѣ обѣда ушелъ спать, предоставивъ Волжина дамамъ.

Дамы имѣютъ больше такта, чѣмъ мужчины: это вещь неоспоримая. Поэтому, не показывая никакихъ рѣдкостей, онѣ незамѣтно провели послѣ-обѣда. Когда спалъ полдневный жаръ и садъ съ цвѣтущими деревьями одѣлся тѣнью и пахнулъ свѣжестью, Пьеръ подъ руку съ сестрою, Волжинъ и Малашья Аркадьевна спустились въ него́: весело и долго ходили они по его темнымъ аллеямъ, неумолчно болтая. Разъ, выйдя къ цвѣтнику, они взглянули на домъ, горѣвшій румянцемъ заката, и, въ открытомъ окнѣ, передъ ними нарисовалась фигура только что проснувшагося Василья Сергѣича, вся освѣщенная солнцемъ и дышащая довольствомъ. Не говоря ни слова, дамы повернули въ комнаты, въ увѣренности, что самоваръ уже поданъ. И опять собрались всѣ вокругъ знакомаго намъ стола, на которомъ клокоталъ самоваръ. Душистый чай полился въ стаканы, табачный дымъ струйками тянулся въ открытыя окна, и Федулъ съ дѣтьми радушно раскинулся для пріѣзжихъ. А между тѣмъ солнце закатилось., и смуглый вечеръ, одѣваясь тѣнью и дыша ароматомъ, тихо и тихо спустился. Есть что-то чарующее въ этой тишинѣ, и какъ бы ни была шумна бесѣда, она смолкаетъ подъ ладъ всей природѣ. Такъ было и въ семьѣ Рожковыхъ: мужчины молча курили; дамы изрѣдка, въ полъ-голоса, перебрасывались словами. И это въ природѣ людей, когда день проведенъ весело и счастливо: вечеръ долженъ быть тихъ и полонъ сладкой думы.

Въ это время сумерекъ, когда всякій занятъ собой, когда взглядъ не глядя бродитъ по предметамъ, а мечта расправляетъ крылья, Лиза, пріютившись въ углу дивана, долго и пристально смотрѣла въ одну сторону, а въ этой сторонѣ, въ широ-

Digitized by Google

кихъ и мягкихъ креслахъ, рисовалась темнымъ силуэтомъ тоненькая, немного согнутая фигура Волжина: одинъ только правильный профиль лица довольно рѣзко отдѣлялся на полуосвѣщенномъ окнѣ, и голова его была задумчиво онущена. Не умѣю сказать: на него ли смотрѣла Лиза, пользуясь темнотой и мѣстомъ, на которомъ никто не могъ подмѣтить ея взгляда, и не знаю, что могли разсмотрѣть въ этой темнотѣ ея черные, шестнадцатилѣтніе глаза, только вдругъ лукавая улыбка пробѣжала по ея пунсовымъ губамъ. Она осторожно встала и, не слышно ступая, подкралась къ Волжину. Всѣ смолкли и смотрѣли на нее; а она приложила пальчикъ къ устамъ и, стройная и хорошенькая, свѣжая, какъ только что распустившаяся роза, тихо, тихо нагнулась надъ не замѣчавшимъ ея Волжинымъ. Тогда осторожный смѣхъ зашумѣлъ по комнатѣ. Волжинъ приподнялъ голову, и взглядъ ихъ встрѣтился. И много было чудно граціознаго въ этой живой картинѣ, полуосвѣщенной сумерками. Лиза, нагнувшаяся, какъ цвѣтокъ на стеблѣ, съ пальчикомъ на губахъ, вся вспыхнула румянцемъ, какъ ребенокъ, пойманный въ шалости. Волжинъ, утомленный дорогою, забывшійся отъ усталости и вдругъ приподнявшій блѣдную голову, увидѣлъ надъ собой лукаво склонившуюся хорошенькую Лизу.

— Лиза! Лиза! сказала, покачавъ головою и невольно улыбаясь, Марья Степановна.

Лиза отбѣжала; Волжинъ вскочилъ; а Пьеръ, обратясь къ нему, лаконически спросилъ:

— Вздремнулъ?

— Замечтался! смѣясь, отвѣчалъ онъ.

Дружный, добродушный смѣхъ отвѣтилъ ему, и ледъ этикета былъ разбитъ.

Волжинъ не извинялся; Рожковъ не думалъ претендовать на него. Съ этой минуты онъ сталъ свой и съ нимъ перестали церемониться. Есть такія неловкости, изъ которыхъ надо только выйти свободно, и шагъ къ короткости сдѣланъ.

— Вы устали съ дороги: цѣлую ночь не спали и поцеремонились отдохнуть послѣ обѣда, съ упрекомъ сказала Марья Степановна. — А это все я виновата. Мы съ радости готовы были проговорить еще сутки. Я велю подавать ужинать.

— Пожалуста, не спѣшите! отвѣчалъ Волжинъ: — я дѣйствительно былъ немного утомленъ, но теперь снова готовъ

Digitized by Google

сидѣть до разсвѣта. А за то, что вы меня разбудили, Лизавета Васильевна, продолжалъ онъ, обращаясь къ ней: — я попрошу васъ сыграть что нибудь.

— Я дурно играю, сказала она, выходя въ залу: — и вамъ не удастся вздремнуть подъ мою музыку.

— Заставь его лучше спѣть, сказалъ Пьеръ сестрѣ.

— Спойте, сказала она, остановясь и повернувъ къ нему головку.

— Извольте, отвѣчалъ онъ.

И они оба ушли.

— Что это, батюшка, твой-то пріятель не выспался, что ли, въ Петербургѣ? спросила Татьяна Терентьевна тотчасъ, когда за Волжинымъ едва затворились двери.

— Онъ не спалъ всю дорогу, отвѣчалъ Пьеръ: — я увѣренъ, maman извинитъ его.

— Полно, Пьеръ! онъ такой славный: я отъ души рада ему.

— Въ самомъ дѣлѣ, бѣдненькій онъ долженъ быть очень утомленъ, прибавила Маланья Аркадьевна: — онъ такой худенькій, интереснепькій.

Татьяна Терентьевна видѣла, что всѣ берутъ сторону Волжина, но, не привыкнувъ отступать въ бою, вѣроятно, продолжала бы споръ, если бы въ это время въ высокой и длинной залѣ не звучалъ рояль и свѣжій, чудесный теноръ не запѣлъ арію изъ «Пуританъ.»

Всѣ смолкли и заслушались.

— Какой голосъ! воскликнули дами, когда арія кончилась.

— О! голосъ во сто-тысячъ франковъ! отвѣчалъ Пьеръ тономъ знатока.

А между тѣмъ раздалась другая музыка: звонъ тарелокъ и рюмокъ. Вскорѣ доложили, что подано кушать.

Не знаю, какой эффектъ произвело пѣніе Волжина на Лизу; но, проходя гостиную, она въ полъ-голоса сказала ему:

— Вы на меня не сердитесь за то, что я васъ разбудила?

— Вы надо мной не будете смѣяться, отвѣчалъ онъ.

И они, веселые, вошли вмѣстѣ.

И такъ кончился день.... Скоро послѣ ужина разошлась немного утомленная длиннымъ днемъ счастливая семья Рожко-

Digitized by Google

выхъ. Только одна Татьяна Терентьевна, Богъ вѣсть почему, ушла, какъ говорится, не въ своей тарелкѣ, и, идя темной просѣкой, шибко размахивала палкой и что-то тихо шептала. А въ это время надъ селомъ уже стояла мертвая тишина, и спали всѣ, отъ мала до велика: спала счастливая семья, встрѣтивъ жданаго гостя, спала Лиза тонкимъ дѣвичьимъ сномъ, — какъ убитый спалъ Волжинъ крѣпкимъ сномъ молодости, и всю ночь чудилось ему, что стоитъ, нагнувшись надъ нимъ, какое-то стройное существо и звучно смѣется дѣтскимъ смѣхомъ.

И пошла жизнь прежнимъ чередомъ въ благодатномъ селѣ Рожковѣ. Она не измѣнилась нисколько съ пріѣздомъ двухъ товарищей, но оживилась имъ. Время шло также; но юность внесла въ него свои силы, мечты и живость, и поэзія жизни проглянула сквозь утомительно однообразный порядокъ. Планы Петра Рожкова не совсѣмъ сбылись. Сосѣдки, о которыхъ онъ мечталъ, уѣхали куда-то на воды, и изъ всей заманчивой группы, какъ голая существенность, осталась одна Татьяна Терентьевна. Но онъ отъ этого не унылъ; время, на которое онъ пріѣхалъ, было коротко: сельскихъ удовольствій въ его года много. Однакожь, въ этой мирной семьѣ образовалась группа, въ которой тихо развивалась маленькая драма, — драма простая, какъ деревенская жизнь, свѣтлая, какъ весеннее утро съ розовымъ небомъ, по которому иногда бѣгаютъ сѣрыя тучки. Я говорю о Лизѣ и Волжинѣ. Терпѣливый и догадливый читатель, вѣроятно, давно ожидаетъ, когда эти два существа, оба въ первой порѣ развитія, повинуясь взаимному влеченію, улучатъ удобную минуту въ то время, когда почиваютъ папенька и маменька, а тетинька сидитъ за работой, пріютятся гдѣ нибудь подъ тѣнію деревъ, при легкомъ дуновеніи вѣтерка, и, посмотрѣвъ достаточное время другъ на друга, въ робкомъ и мятежномъ молчаніи, вдругъ какъ нибудь нечаянно коснутся руки рукою и объяснятъ, какъ дважды два — четыре, что они любятъ другъ друга и намѣрены любить до гроба, а пожалуй, коли мало покажется, такъ и за гробомъ. Но увы! пусть

Digitized by Google

гнѣвъ читателя теперь обрушится на меня: я не хочу вводить его въ заблужденіе и признаюсь, что въ моей простой исторіи не будетъ подобнаго эпизода, который я могъ бы описать съ большимъ жаромъ. Я предчувствовалъ, что мои молодые герои не сдѣлаютъ ничего подобнаго и лишатъ меня случая выказать вполнѣ мой талантъ; поэтому прошу читателя вспомнить, что я не обѣщалъ ему романа. Романъ я напишу впослѣдствіи; у меня въ воображеніи уже раскидывается его широкая канва, и перо ждетъ только досуга и просится рисовать его затѣйливые узоры; но теперь оно чертитъ эти простые контуры, и я возвращаюсь къ моей исторіи.

Ла! герои мои, противъ всякаго ожиданія, не влюбились другъ въ друга. Живя среди сельской свободы, вдыхая полной молодой грудью этотъ прозрачный и живительный весенній деревенскій воздухъ, который, кажется, пропитанъ ароматомъ рощи, полей и нѣги: они, оба молодые, оба хорошенькіе, оба въ первой порѣ полнаго развитія, они не бросились другъ другу на встрѣчу! Была ли этому причиной натура ихъ, или этотъ богатый запасъ жизни и надеждъ, которыхъ лишены мы, поизжившіеся служители свѣта, торопящіеся пользоваться коротенькими благопріятными обстоятельствами, я не берусь рѣшить. Но, не любя или не сознавая любви, тѣмъ не менѣе Волжинъ и Лиза были часто вмѣстѣ; ихъ невольно какъ-то влекло другъ къ другу, и они не противились этому влеченію, и имъ было такъ хорошо.... Часто утромъ, когда еще жаръ не успѣвалъ пробить темныя аллеи, и Василій Сергѣичъ крякнувъ усаживался за шашечницу съ Иваномъ Иванычемъ, Волжинъ подъ руку съ Лизой сбѣгали въ садъ, и долго подъ густымъ и темнымъ сводомъ акацій мелькало ея бѣлое платье, или гдѣ нибудь на деревянной скамейкѣ подъ наклоненными вѣтвями цвѣтущей липы слышался ихъ смѣхъ и говоръ. Иногда, послѣ обѣда, когда солнце безпощадно жгло землю, когда вся природа млѣла и замирала подъ его лучами и неподвижный воздухъ былъ густъ и зноенъ, Лиза вытаскивала свою тётю, которая ни въ чемъ не умѣла отказать ей, и втроемъ съ Волжинымъ пробирались онѣ вдоль узенькой тѣни строенія, отправлялись въ рощу. Тамъ миніатюрная Маланья Аркадьевна, вся красненькая отъ жару, въ утомленьи садилась подъ первымъ деревомъ, а Лиза и Волжинъ отправлялись рвать ландыши. Но и надъ свѣжими силами утомленье брало верхъ. Вскорѣ возвращались они. Лиза,

Digitized by Google

покрывъ бѣлымъ платкомъ смуглую головку, вся румяная, какъ созрѣвшая роза, высоко дышала полной грудью и помахивала вмѣсто опахала пучкомъ ландышей на разгорѣвшееся лицо. Нѣжная кожа его и прикрытыхъ кисейной пелериной плечъ, открывъ невидимыя поры, была влажна, и черные глаза, прикрытые длинными рѣсницами, мѣли отъ истомы. Волжинъ шелъ возлѣ нея, лѣниво покачивая свой тоненькій станъ, который, казалось, не имѣлъ силы держаться прямо. Въ утомленьи оба они скорѣе падали, чѣмъ садились подъ густую тѣнь зелени гдѣ нибудь недалеко отъ Маланьи Аркадьевны и долго молчали отъ усталости. Лиза слергивала платокъ, и подстриженныя кудри черныхъ волосъ чудесно обрамливали тогда ея полудѣтское личико. Волжинъ снималъ бѣлую фуражку, и бѣлизна его высокаго лба, прикрытаго козырькомъ, рѣзко отдѣлялась отъ загорѣлаго лица. Мало по малу они отдыхали, и скоро завязывался отрывчатый, безцѣльный, но полный чудесной для нихъ пустоты разговоръ. А жаръ, казалось, жогъ кругомъ. Тишина была мертвая. Даже птицъ не слышно было по лѣсу, и все въ природѣ, казалось, не смѣло двигаться. Только душистый паръ тихо поднимался маровомъ надъ болотомъ, поросшимъ желтыми и бѣлыми цвѣтками, склонившимися надъ широкими листьями, да сосновая роща дышала смолистымъ жаркимъ воздухомъ. Между тѣмъ добрая Маланья Аркадьевна гдѣ нибудь въ нѣсколькихъ шагахъ, согнувшись клубочкомъ, дремала подъ деревомъ. Да не сердятся на нее за неосторожность тѣ неусыпныя тетушки и старыя кузины, которыя олицетворяютъ отжившихъ аргусовъ. Любя отъ души моихъ юныхъ героевъ, я заступлюсь за ихъ добраго генія и замѣчу, что, по моему мнѣнію, при встрѣтившейся въ обманѣ надобности трудно было бы имъ провести ихъ добренькую тётю. Но въ этомъ случаѣ она, вмѣстѣ со мной, могла быть увѣрена, что опасности никакой не существуетъ. Впрочемъ, и тутъ я никакъ не поручусь, чтобы ея сѣренькіе маленькіе глазки не поглядывали иногда украдкой изъ подъ опущенныхъ рѣсницъ на молодую чету, дружно и живописно сидящую подъ густой тѣнью. Но я думаю, что эти взгляды скорѣе смотрѣли для наслажденія, нежели надсмотра: Маланья Аркадьевна такъ любила свою Лизу! И надо сознаться, что она любила и Волжина, во первыхъ за то, что онъ нравился ея Лизѣ, во вто-

Digitized by Google

рыхъ, за его свободную и граціозную прелесть манеръ, даже можетъ быть и за тотъ мягкій и гармоническій выговоръ, съ которымъ онъ произносилъ ее имя такъ, что въ немъ не слышно было ни грубой и деревенской опредѣленности Маланьи, ни приторной нѣжности романической Melanie. Къ тому же сердце Меланьи Аркадьевны не всегда безплодно билось въ груди. Романъ ея жизни былъ простъ и коротокъ. Давно, можетъ быть десятка за два лѣтъ назадъ, когда Василій Сергѣичъ только женился на Марьѣ Степановнѣ, въ домъ ея матери ѣзжалъ молоденькій гусарскій офицеръ. Маланьѣ Аркадьевнѣ, которая жила у тетки, было тогда семнадцать лѣтъ. Она не была хороша собою; но маленькая талія ея была гибка и хорошо схвачена, разговоръ живъ и веселъ, сѣренькіе глаза быстры и лукавы. Гусаръ былъ ловокъ и строенъ; черный, небольшой усъ его лежалъ живописно и обѣщалъ современемъ лихо закрутиться. Онъ протанцовалъ мазурку съ Маланьей Аркадьевной, и любилъ иногда поболтать съ ней въ углу гостиной. Малаша, бѣдная Малаша, не устояла: она влюбилась въ гусара со всею пылкостью семнадцатилѣтняго романическаго сердца, продумала о немъ напролетъ цѣлую ночь и весь день искала его сѣренькими глазками. И гусаръ, кажется, не былъ равнодушенъ къ ней: онъ чаще садился въ уголку гостиной и во время танцевъ возъимѣлъ привычку крѣпко держать ея руку. Но въ то время, когда романъ созрѣвалъ подъ самыми благопріятными признаками, судьба готовила ему другую развязку. Въ одно утро, гусаръ явился и объявилъ, что онъ заѣхалъ проститься: его полку велѣно было выступить въ походъ. Бѣдная Малаша навѣрное лишилась бы чувствъ, если бы въ гостиной въ это время не было ея тетки. Она ушла къ себѣ въ компату и, горько плача, едва успѣла зашить маленькую прядь и безъ того жиденькихъ волосъ въ сердечко изъ розоваго атласа, и въ этомъ зашиваньи потеряла послѣднія минуты, которыя могли бы быть посвящены прощальной бесѣдѣ. Когда она вошла въ гостиную, гусаръ, вѣроятно, только ожидавшій ее, всталъ и началъ прощаться: онъ былъ развязенъ и веселъ, а она едва держалась на ногахъ. Однакожь, протянувъ ему руку, она успѣла вложить ему розовое сердечко съ волосами и сердоликовое колечко. Гусаръ посмотрѣлъ на нея какъ-то вопросительно, поклонился и вышелъ. На другой день, рано утромъ, заиграли трубы, и полкъ выступилъ, а бѣдная Ма-

Digitized by Google

лаша лежала вся въ жару: чрезъ нѣсколько дней у нея открылась оспа. Когда она оправилась, полкъ уже былъ на границѣ, а оспа унесла бѣдный остатокъ красоты и свѣжести, которой ей удѣлила природа: романъ Малаши грустно остановился на первой страницѣ. И потомъ пошли долгіе годы; Малаша, сирота, небогатая племянница, да еще дурная собой, стала старою дѣвой. Сказать эти слова коротко; но пережить все, что въ нихъ есть грустнаго и горькаго, трудно, трудно! И великъ долженъ былъ быть запасъ ея доброты и терпѣнія, чтобы не озлобиться противъ свѣта, противъ молодости и красоты, которая весело проходила передъ ней съ своими надеждами и радостями, насмѣшливо поглядывая на старую дѣву. Но она пережила тяжелый періодъ и съ поблекшими мечтами, съ жизнью почти безъ прошлаго, успѣла сохранить теплое сердце и стала той доброй теткой, которую мы знаемъ. А гусаръ? спросите вы. Гусаръ какъ въ воду канулъ. Недаромъ говорится, что дарить волоса — дурная примѣта. Разъ правда, когда фамилію его по какому-то случаю, закраснѣвшись, по старой памяти, произнесла Маланья Аркадьевна, Иванъ Иванычъ выпустилъ трубку и тихо замѣтилъ: «Я ихъ знаю-съ».

— Какъ, гдѣ же вы его знали! спросила Маланья Аркадьевна съ біеніемъ сердца.

— Когда мы остановились въ мѣстечкѣ Маломонешти, сказалъ Иванъ Иванычъ: — такъ Ендуковъ, Петръ Осипычъ, и говоритъ мнѣ, у меня есть здѣсь знакомый, говоритъ, пойдемъ къ нему, Чепыжниковъ; я говорю ему: не поздоль? нѣтъ, говоритъ, онъ долго сидитъ; такъ не помѣшаемъ ли, говорю, можетъ они чѣмъ заняты. А онъ усмѣхнулся, да и говоритъ: «у него, братецъ, говоритъ, одно занятіе: какъ не приди, все карты тасуетъ.» Вотъ мы и зашли, а они сидятъ одни и перепускаютъ колоду картъ изъ одной руки въ другую, да этакъ вѣеромъ мастерски перепускаютъ, а какъ увидали насъ и говорятъ: не сразиться ли, господа? Созя, вели-ка, говоритъ, подать новыя; а Созя такая хорошенькая....

Но тутъ Маланья Аркадьевна вскочила и сказала:

— Вы, Иванъ Иванычъ, Богъ вѣсть про кого разсказываете. У насъ въ домѣ тетушки такихъ знакомыхъ не водилось!

И, несмотря на всю деликатность манеръ, она ушла хлопнувъ дверью, и долго, къ крайнему удивленію Ивана Иваныча, не-

Digitized by Google

вѣсть за что сердилась на него. И теперь, когда она перенесла всю свою любовь и надежды въ Лизу и когда въ полу-дремотѣ она поглядывала на нее маленькими глазками изъ подъ опущенныхъ вѣкъ, сознайтесь, не былъ ли это скорѣе взглядъ наслажденія, нежели дозора? Не видѣлась ли ей въ шестнадцатилѣтней Лизѣ ея короткая и безплодно погибшая весна жизни, возродившаяся теперь въ новой прелести и украшенная много обѣщающими надеждами. А Волжинъ, сидящій возлѣ Лизы, не напоминалъ ли ей другой оставшійся въ сердцѣ образъ, тѣмъ болѣе дорогой, что онъ былъ единственный. И дремота, смѣшавъ дѣйствительность съ грёзами, доставляла ей сладкія минуты, и согнувшейся клубочкомъ, рябоватой и красненькой, тёти Маланьи Аркадьевны казалось, будто снова была она Малаша, похорошѣвшая, точно по манію волшебницы, и будто снова сидѣлъ возлѣ нея стройный гусаръ лучше и стройнѣе прежняго, и, снова лаская ея слухъ забытыми звуками, лилась его рѣчь тихо и сладко, тише и слаще прежняго.... Вотъ отчего Маланья Аркадьевна, несмотря на послѣ-обѣденный жаръ, никогда не отказывала Лизѣ итти съ нею въ рощу; вотъ отчего просиживала она съ ними до тѣхъ поръ, пока солнце спускалось за высокую рощу и просыпался Василій Сергѣичъ, и самоваръ красной мѣди, шумящій кипяткомъ и дымящійся бѣлымъ паромъ, торопливо проносился кухаркой по двору.

А тамъ наступалъ вечеръ, тихій, душистый; кружокъ, собравшійся за чайнымъ столомъ, размыкался, и всѣ отправлялись въ садъ. Оставался только Василій Сергѣичъ, на обычномъ мѣстѣ, у открытаго окна: лаковая шашечная доска водружалась на Федула-отца; молча подсаживался къ ней Иванъ Иванычъ, которому, можетъ, и хотѣлось бы спуститься въ темныя аллеи, откуда слышались звонкіе голоса; но ни миной, ни нетерпѣливымъ движеніемъ не высказывалъ онъ нескромнаго желанія, и начинался однообразный, непрерывный стукъ костяныхъ шашекъ въ опустѣвшей комнатѣ. А въ саду между тѣмъ, тихо и чинно ступая, по широкимъ аллеямъ, толковали барыни объ ежедневныхъ, ничего не значащихъ пустякахъ. Вдругъ у пруда рѣзвая Лиза вскакивала на плотъ и говорила, посматривая кругомъ:

— Кто со мной?

Но братъ ея куда-то обыкновенно исчезалъ, дамы были заняты разговоромъ и поворачивали въ другую аллею; оставался

Digitized by Google

одинъ Волжинъ. Легко вспрыгивалъ онъ на плотъ, и тихо отдѣлялись они отъ берега, скользя какъ тѣни по нешелохнутой глади пруда. Иногда достигали они бесѣдки, и тогда, подъ ея легкимъ наметомъ, долго на блѣднѣющемъ оранжевомъ небѣ рисовались ихъ стройные и тоненькіе силуэты; иногда, заговорившись, останавливались они среди пруда и, облокотясь на перила, тихо покачивались на упругой влагѣ. О чемъ разговаривали они, Богъ вѣсть! Если уловить и положить на бумагу ихъ отрывчатый, иногда прерываемый долгими паузами разговоръ, вышла бы ничего незначащая, пустая болтовня, и вѣрьте, недоврительный читатель, что любви въ ней не было и помину. Волжинъ говорилъ о томъ, какъ отрадно, покинувъ шумный и многолюдный городъ, жить на деревенской свободѣ, вдоволь дыша цвѣтами и воздухомъ. Лиза говорила, какъ должно быть весело носиться по скользкому паркету подъ оживляющіе звуки оркестра, передъ глазами блестящей и шумной толпы... Вы видите: Волжинъ завидовалъ Лизѣ, Лиза завидовала Волжину; тому и другому хотѣлось ближе войти въ ту полуизвѣстную среду, въ которой жили они. Они распрашивали другъ друга, и часто одинъ разсказывалъ какой нибудь незначительный эпизодъ своего короткаго прошлаго, другой внимательно слушалъ, и такъ шла ихъ бесѣда, иногда веселая, иногда полная какой-то невысказываемой грусти, всегда ничего почти незначащая и всегда для нихъ прелестная. А между тѣмъ примѣтно темнѣло; холодная роса, испарина жаркой земли, выступала на зеленой травѣ; бѣлый туманъ поднимался съ пруда, и за домомъ изъ лѣсного болота соловей, спрятавшись въ покрытой бѣлыми цвѣтами душистой черемухѣ, заводилъ свою пѣсню, сначала прерывистую и нерѣшительную, потомъ громкую и блестящую. О чемъ пѣлъ онъ? что онъ высказывалъ своими трелями? Можетъ быть, вся его длинная и чудная пѣснь могла бы быть передана двумя самыми прозаическими словами.... А между тѣмъ, заслушавшись ее, можно провесть въ чудномъ раздумьи пѣлую ночь! Не удивляйтесь же, что я не передалъ разговоровъ Лизы и Волжина: въ нихъ была музыка невысказываемаго, непонятнаго имъ самимъ чувства.

Тогда Лиза и Волжинъ возвращались въ домъ. Волжинъ садился за рояль, бралъ сначала пустые аккорды, прерываемые фразами, потомъ пѣлъ. Иногда онъ пѣлъ серенаду Шуберта, и

Digitized by Google

ему казалось, что въ самомъ дѣлѣ онъ вызывалъ кого-то на тайное свиданіе. Не было еще формы у его мечты; но онъ уже былъ полонъ скрытой мольбы; а пѣсня соловья, какъ будто нарочно, чтобы дополнить иллюзію, долетала замирая изъ ближней рощи, и Лиза не понимала кто и куда, но какъ будто зоветъ и манитъ ее. Иногда онъ пѣлъ «Русалку» Лангера, эту чудную гармонію звуковъ, дополненную чудной гармоніей словъ, и тогда въ этой пустой, едва освѣщенной выходящей луной да умирающими сумерками залѣ, казалось, плескала волна объ волну и невидимая русалка начинала свою тоскливую пѣсню, свою грустную и полную страшнаго недоумѣнія жалобу на этого загадочнаго рыцаря чужой стороны, который спитъ на ея груди страннымъ сномъ и не дышетъ, не шепчетъ во снѣ... Слова замирали, пѣсня кончалась, и только слышенъ былъ плескъ далекихъ волнъ въ темнѣющей залѣ.... А между тѣмъ во время пѣнія тихо растворялись двери и не слышно входили и Маланья Аркадьевна, и Марья Степановна, и даже Татьяна Терентьевна съ вязаньемъ и длинными спицами въ рукахъ, и всѣ неподвижно слушали. Только оставались на своихъ мѣстахъ Василій Сергѣичъ съ Иваномъ Иванычемъ, за шашечницей, водруженной на Федулѣ-отцѣ, при одной свѣчѣ, довѣренной худенькому Федулусыну; а то во время какой нибудь блестящей, свѣжей ноты останавливалась на воздухѣ, съ приподнятой шашкой, рука Василья Сергѣича, не трогавшаго гитары съ пріѣзда Волжина, и, повернувъ ухо и сбоченивъ немного голову, онъ неподвижно вслушивался и потомъ, спуская шашку, говаривалъ:

— Экій голосъ!

— Да-съ! считалъ обязанностью прибавить Иванъ Иванычъ: — хорошо поютъ-съ. — А вотъ у насъ въ ротѣ былъ пѣсенникъ Антиповъ: пьяница горькая, а тоже славно пѣлъ.

Послѣ этого онъ торопливо поправлялъ усы и замышлялъ пробраться въ довѣди.

И такъ шли дни за днями,—славные, ясные дни. И погода, казалось, была заодно съ счастливой семьей: ни одного облачнаго, ненастнаго дня; изрѣдка набѣгутъ тучи, крупный дождь прольется съ шумомъ, быстро убѣгая за ними, освѣжительный громъ прокатится по небу, смирные обитатели села Рожкова перекрестятся... Глядь, и опять ясно: тучи разбѣжались, солнце за-

Digitized by Google

блистало еще свѣтлѣе, играя лучами на дождевыхъ каплях — воздухъ сталъ душистѣе, свѣжѣе; только дворовые гуси да утки подняли крикъ и бросились купаться въ широкія лужи, да деревенскіе, бѣловолосые мальчишки, соперничая съ ними и приподнявъ незамысловатую одеженку свою, отправлялись въ мутную воду, осторожно и съ наслажденіемъ ступая въ грязь босыми ногами. А дни шли да шли, — ясные, однообразные дни.

Признаюсь, въ началѣ этого разсказа я много надѣялся на Татьяну Терентьевну. Описывая ее темную, рембрантовскую фигуру, вглядываясь въ ея смуглое, рябоватое лицо, съ уваженіемъ мѣряя глазами ея огромный ростъ и вслушиваясь въ жосткія рѣчи, отрывисто бросаемыя ея громкимъ и грубымъ голосомъ, я думалъ, что она оттѣнитъ мою свѣтлую картину; я думалъ, что она смѣло вмѣшается въ идиллію моихъ героевъ и смутитъ ихъ ясные дни. Но, увы! и она измѣнила мнѣ. Татьяна! Татьяна! гдѣ твои замыслы? Гдѣ твоя энергія? Что сталось съ твоими смѣлыми предположеніями, которыя высказывала ты себѣ, идя вечеромъ по лѣсной просѣкѣ и торопливо шевеля губами? Надъ кѣмъ смѣялась ты своимъ густымъ смѣхомъ, спугнувшимъ дремлющую ворону? Надъ собой ты смѣялась, Татьяна! И въ тебѣ недостало смѣтки и рѣшимости. Смутилась ты своимъ умомъ, когда вмѣсто мощнаго соперника увидала жиденькую фигурку, которую легко могла бы перешибить пальцемъ. Удивилась ты, когда эта фигурка отвѣчала мягкимъ, вѣжливымъ голосомъ на твои заносчивыя выходки и граціозно поклонилась на твой гордый пріемъ. Ты вѣрно думала встрѣтить десятивершкового молодца съ перехватомъ въ таліи да лихо закрученнымъ усомъ, который начнетъ сыпать остроты да играть черными глазами? Вѣдь эти люди не опасны, Татьяна: вѣдь это люди дурного тона, понимаешь ли? А какъ увидала ты блѣденькаго, худенькаго, съ узенькими плечами, по твоему выраженію, молокососа, съ его свободно развязными манерами, да попробовала подслушать его равнодушно пустую, ни на что не напрашивающуюся, безпритязательную рѣчь, — успокоилась ты своимъ недальнимъ умомъ и спустила рукава!

А знаешь ли ты, что этотъ добренькій мальчикъ, который, кажись, пальцемъ воды не замутитъ, навсегда разбилъ всѣ твои лучшія мечты, всѣ твои любимые замыслы? Знаешь ли ты, что

Digitized by Google

онъ, имѣвшій невѣжливость задремать въ гостиной въ первый день пріѣзда, да еще и не извинившись послѣ того передъ дамами, не покраснѣвъ даже, а отдѣлавшись передъ Лизой одной только пѣсенкой, убилъ, наповалъ убилъ, твоего вѣчно услужливаго, предупредительнаго Ваню, каждый день завивающаго на ночь усы и играющаго по цѣлымъ днямъ въ шашки съ Васильемъ Сергѣичемъ. Да, Татьяна Терентьевна! пропали твои планы, пропалъ твой Ваня, и съ венгеркой и съ ловко разсказанными кстати воспоминаніями. Между нимъ и Лизой вѣчно будетъ стоять, покачиваясь, худенькая фигурка Волжина: уѣдетъ онъ, не воротится, безъ вѣсти пропадетъ — а будетъ вѣчной помѣхой.... Что безпокойно озираешься ты, что поглядываешь то на Лизу, то на Волжина, то на безмолвнаго, съ улыбкой на лицѣ, ловко пускающаго дымовыя колечки Ваню? ты начала догадываться!... Ты замѣтила улыбку Маланьи Аркадьевны, которая смотритъ на тебя, прищуря сѣренькіе глазки и насмѣшливо сбоченивъ маленькій носикъ! Да! опростоволосилась ты, Татьяна Терентьевна; догадалась, да поздно, — поздно: я уже кончаю!...

Да, наша простая исторія близка къ концу. Ясные дни не длятся долго, да и хорошо дѣлаютъ. Перемѣна погоды необходима для здоровья прозябенія, — перемѣна обстоятельствъ нужна для полноты жизни. И къ тому же отпускъ въ двадцать-восемь дней проходитъ скоро. А наши пріѣзжіе были уволены всего на четыре недѣли.

Къ концу этого времени темное облако какъ будто начало бросать тѣнь на спокойную жизнь нашей деревенской семьи. День отъѣзда близился: свѣтлыя лица становились задумчивѣе, въ веселомъ разговорѣ слышалась затаенная грусть. Разъ вечеромъ, когда рѣчь зашла о скорой разлукѣ, Марья Степановна нерѣшительно замѣтила что-то о короткомъ знакомствѣ своемъ съ уѣзднымъ докторомъ и съ тайнымъ волненіемъ посмотрѣла на Петрушу и Василья Сергѣича; но намекъ ея остался безъ послѣдствій, и день отъѣзда былъ назначенъ.

Тогда семейный кружокъ сомкнулся тѣснѣе.

Маланья Аркадьевна вмѣстѣ съ Лизой принялись выпивать дорожный мѣшокъ для Петруши. Работа была спѣшная, и онѣ про-

Digitized by Google

водили за ней бо́льшую часть дня; кромѣ того, Лиза вязала кошелекъ Волжину, и это отнимало у нея послѣднее свободное время. Небо хмурилось заодно съ лицами, и прогулки прекратились. Волжинъ обыкновенно садился около пялецъ. Общая бесѣда его, Лизы и Маланьи Аркальевны была весела, игрива и, должно признаться, немного мечтательна. Юность брала свое, а добрая Маланья Аркадьевна въ душѣ была не старѣе ихъ. Но въ рѣдкія минуты, когда Маланья Аркадьевна зачѣмъ нибудь покидала работу и Волжинъ оставался вдвоемъ съ Лизой, разговоръ ихъ не клеился и часто прекращался, и странное что-то творилось въ нихъ во время этого молчанія. Въ умѣ каждаго возникали какіе-то неясные, задушевные вопросы другъ къ другу; имъ хотѣлось бы высказать ихъ, дорого бы дали они, чтобы получить отвѣты на эти несознанные и невысказанные вопросы, а между тѣмъ они упорно молчали. Они думали о скорой разлукѣ, они мечтали другъ о другѣ, и имъ хотѣлось бы наглядѣться на черты, которыя скоро останутся только въ памяти, и ни одинъ изъ нихъ не поднималъ глазъ на другого. И было что-то тяжелое и вмѣстѣ пріятное въ этой нѣмой бесѣдѣ съ упрямо-потупленными глазами, и сердца ихъ бились шибко, шибко, и невольный румянецъ игралъ на лицахъ, будто они ждали чего-то, ждали трепетно, сладко. Случалось иногда, что взглядъ Ивана Иваныча, отрываясь отъ шашечницы, упадалъ въ это время на молчаливую пару, и Иванъ Иванычъ, не знаю почему, смущался и терялся. Тогда Василій Сергѣичъ медленно снималъ одну изъ его шашекъ, перевертывалъ ее и съ пристукомъ отставлялъ въ сторону.

— Что́ это вы дѣлаете, Василій Сергѣичъ? спрашивалъ, встрепенувшись, Иванъ Иванычъ.

— А фукнулъ вашу шашку, Иванъ Иванычъ: вамъ слѣдовало брать мою, да вы прозѣвали; я и фукнулъ. Не зѣвайте впередъ.

Тогда Иванъ Иванычъ смущался еще болѣе и вмѣсто отвѣта торопливо поправлялъ усы и внимательно погружался въ разстроенную игру.

А между тѣмъ, послѣ каждой ночи, день отъѣзда какъ будто видимо приближался.

Digitized by Google

И вотъ въ одно утро дорожный мѣшокъ былъ конченъ, кошелекъ довязанъ, подарки розданы по принадлежности; вечеромъ этого дня Рожковъ и Волжинъ должны были ѣхать.

Тучи заволокли небо, мелкій дождь моросилъ какъ сквозь сито; вплоть до обѣда всѣ просидѣли вмѣстѣ, толкуя о предположеніяхъ, о будущей зимѣ, о слѣдующемъ свиданьи. За обѣдомъ, передъ жаркимъ, Василій Сергѣичъ подозвалъ дворецкаго и тихо отдалъ какое-то приказаніе. Вслѣдъ-за тѣмъ дворецкій явился съ бокалами, и почти всѣ взглянули на нихъ съ затаеннымъ вздохомъ. Не думала вздыхать только Татьяна Терентьевна, никогда ни о чемъ не вздыхавшая; да Иванъ Иванычъ, посмотрѣвъ на узенькую талію бокала, въ первый разъ, кажется, съ опредѣленной цѣлью расправилъ усы. И вскорѣ дворецкій громко хлопнулъ пробкой и началъ пѣнить вино.

Я не люблю шампанскаго; да и вообще мы, русскіе, не столько любимъ пить, сколько истреблять его; но надо признаться, что иногда въ одномъ бокалѣ, выпитомъ въ извѣстную минуту, болѣе грусти и поэзіи, чѣмъ капель вина!

И много было грустнаго для семьи Рожковыхъ и Волжина въ этихъ прощальныхъ бокалахъ. Выпили ихъ, разумѣется, за здоровье отъѣзжающихъ, и Марья Степановна при этомъ случаѣ поплакала. Отъ души поблагодарили радушные хозяева Волжина за удовольствіе, которое онъ доставилъ имъ, и Волжинъ не остался въ долгу по искренности своего отвѣта; добрая Маланья Аркадьевна съ особеннымъ чувствомъ пожелала ему всего хорошаго и попросила не забывать ихъ, и при этомъ лукавая улыбка блеснула въ ея сѣренькихъ глазахъ и кончикъ носа погнулся самымъ насмѣшливымъ образомъ. Лиза не сказала ни слова Волжину; она только кивнула ему головкой да дотронулась бокаломъ о бокалъ и обмочила въ него алыя губки; зато Волжинъ выпилъ свой до капли. За тѣмъ Татьяна Терентьевна встала во всю величину своего роста и весьма пространно и подробно вычитала Петру Рожкову различныя блага, которыя желаетъ ему, и, обратясь къ Волжину, прибавила: «И вамъ того же.» Послѣ этого спича она выпила бокалъ разомъ и, садясь на мѣсто, крѣпко имъ стукнула. Иванъ Иванычъ былъ по обыкновенію кратокъ: онъ только сказалъ: «Счастливаго пути-съ»,

Digitized by Google

расправилъ усы, хотѣлъ выпить бокалъ однимъ глоткомъ, какъ дѣлалъ одинъ его знакомый — Тютергинъ, Григорій Григорьичъ, но поперхнулся и закашлялся до такой степени, что Татьяна Терентьевна, сидѣвшая возлѣ него, не утерпѣла и замѣтила: «экъ тебя!» Но потомъ чувство нѣжности взяло верхъ, и она сказала: «Дай я тебѣ стукну въ спину», и за тѣмъ въ самомъ дѣлѣ такъ стукнула бѣднаго Ивана Иваныча, что спереди у его венгерки отлетѣла одна пуговица, сдѣланная въ видѣ боченка. Однакожь, лекарство помогло, и всѣ встали изъ за стола.

Послѣ обѣда, не знаю почему, Лиза и Волжинъ взглянули въ одно время въ окошко; но сѣрыя тучи все висѣли на небѣ и мелкій дождь моросилъ какъ сквозь сито.

Въ этотъ день Василій Сергѣичъ и Марья Степановна не почивали послѣ обѣда. Общій разговоръ былъ вялъ и грустенъ: всѣмъ хотѣлось на прощаньи высказать многое и всѣмъ какъ-то не говорилось. Волжинъ былъ, не знаю почему, безпокоенъ; ему хотѣлось сѣсть возлѣ Лизы и поговорить съ ней, и, смѣшно сказать, это ему не удалось. То ему казалось неловкимъ подойти просто къ ней, тогда какъ прежде онъ дѣлывалъ это весьма часто и не подумавши, то мѣшалъ ему кто нибудь. Разъ онъ вышелъ въ залу, сѣлъ за рояль и началъ разсѣянно брать аккорды. Онъ думалъ, что Лиза выйдетъ на этотъ не условленный призывъ; сердце его билось шибко отъ ожиданія, и оно, казалось, не обмануло его: вскорѣ послышались шаги, дверь растворилась и вошла — Татьяна Терентьевна. Волжинъ вскочилъ со стула и ушелъ, а Татьяна Терентьевна насмѣшливо проводила его глазами.

Не помню, сказалъ ли я моему читателю о тайномъ замыслѣ Татьяны Терентьевны; впрочемъ, думаю, онъ и безъ меня догадался о немъ: Татьяна Терентьевна задумала женить своего Ваню на Лизѣ и войти въ семейство Рожковыхъ не съ шаткими правами нецеремонной гостьи, которыми она до сихъ поръ пользовалась, а со всею властью близкой родственницы. Но, увы! ея смѣлому плану едва ли суждено осуществиться: легкій и граціозный образъ Волжина свободно ложился въ сердцѣ Лизы и глубоко затушевывалъ тотъ ничтожный слѣдъ, который такъ трудно и терпѣливо пробивалъ бѣдный Иванъ Ива-

Digitized by Google

нычъ своими ежедневными посѣщеніями, своей безмолвной, покорной и улыбающейся услужливостью. И почуялъ, вѣрно, опасность недальновидный инстинктъ Татьяны Терентьевны: въ день отъѣзда она встрепенулась, стала на-сторожѣ и упорно мѣшала столкновенію Лизы съ Волжинымъ.

А между тѣмъ время шло, день клонился къ вечеру; а небо все было пасмурно, дождь все моросилъ какъ сквозь сито. Марья Степановна поговаривала было, чтобы отложить отъѣздъ до завтра; но молодымъ офицерамъ откладывать было нѣкогда; день отъѣзда былъ ими расчитанъ слишкомъ точно; къ тому же дождь былъ маленькій, а Татьяна Терентьевна замѣтила, что выѣзжать въ дождь весьма счастливо.

Велѣли вывести дорожный экипажъ и укладываться, а между тѣмъ подали знакомый намъ самоваръ красной мѣди, и въ послѣдній разъ семейный кругъ дружно и тѣсно сомкнулся вокругъ стола. Вскорѣ послышалась суетня людей, выносящихъ вещи, и вдругъ звякнулъ колокольчикъ.

Минуты до отъѣзда были сосчитаны.

Тогда Волжинъ, въ какомъ-то порывѣ, всталъ, закурилъ наскоро сигару и пошелъ къ балкону.

— Куда это вы, Павелъ Николаичъ? спросила Маланья Аркадьевна своимъ мягкимъ, нѣжнымъ голосомъ.

— У меня крѣпкая сигара, сказалъ онъ и вышелъ, затворивъ за собой стеклянную дверь.

Тогда онъ сталъ одинъ прямо передъ этимъ садомъ, въ которомъ гулялъ такъ часто,— прямо передъ зелеными полями, перелѣскомъ, незнакомой сосѣдней деревушкой, которая выглядывала черезъ дорогу, прямо передъ всей короткой, ясной и полной спокойствія деревенской жизнію: и всѣ знакомыя мѣста и вся эта жизнь, казалось, были передъ его глазами, и смотрѣлъ онъ на нихъ, тихо задумавшись, и цѣлый рой смѣшанныхъ думъ проходилъ въ головѣ его, и отъ всего этого хаоса думъ ему было хорошо и грустно. И, задумавшись, онъ молча курилъ и смотрѣлъ тѣми неподвижными глазами, которые направлены на какой нибудь листокъ или тычинку, и передъ которыми, между прочимъ, ясно проходятъ желанныя чудныя картины....

Дождь только что пересталъ итти. Въ воздухѣ было свѣжо и тихо; но по небу быстро бѣжали тучи разнообразными, причудливыми массами, сходясь, и расходясь, и смѣшиваясь. Солнца

Digitized by Google

не было видно: оно было за густой, сизой тучей; но лучи его просвѣчивали сквозь ея прозрачные, бѣловатые края, и отъ этого во всемъ воздухѣ было какое-то жолтое, странное освѣщеніе. Иногда какой нибудь обрывокъ облака попадалъ подъ лучи и одинокой яркой полоской горѣлъ причудливыми красками на прочистившейся лазури неба и легко бѣжалъ, играя своимъ нарядомъ. Зелень сада была изумрудно чиста: цвѣты во всей свѣжести красокъ, окропленные дождемъ, стояли неподвижно, но какъ-то грустно, стройно и, казалось, чего-то ждали; за садомъ лежала дорога черной полосой, и ни одинъ проѣзжій или прохожій не виднѣлся на ней: далекія избушки, крытыя лубкомъ или соломой, всякая тычинка забора, всякій сучекъ дерева, — все ясно и рѣзко виднѣлось и бросалось въ глаза; и все въ этомъ желтоватомъ освѣщеніи, въ этомъ свѣжемъ неподвижномъ воздухѣ и тишинѣ было полно какой-то непонятной оригинальности, какъ будто вся природа сбросила ежедневныя формы и явилась въ настоящемъ, безъискуственномъ видѣ, котораго каждая сторона, каждый кусокъ говорилъ внятно и ясно свою мысль, вложенную въ него при созданіи, свое слово, которое носилъ онъ отъ вѣка въ великой книгѣ бытія. Словомъ, это была одна изъ тѣхъ картинъ, богатыхъ не разнообразіемъ и живописностью вида, но тономъ и освѣщеніемъ, — одна изъ тѣхъ минутъ, въ которыя, подойдя къ окну, вдругъ увидишь всю знакомую, привычную глазамъ обстановку въ какомъ-то новомъ, чуждомъ ей свѣтѣ; и долго простоишь молча, глядя на нее, и много, много передумаешь доселѣ недуманнаго. Такъ стоялъ и Волжинъ на балконѣ, прислонясь спиною къ холодной стѣнѣ дома, куря сигару и безсознательно глядя на раскрытую даль. Его тоненькая, интересная фигура была какъ нельзя болѣе кстати настоящей картинѣ. Блѣдное лицо его было блѣднѣе обыкновеннаго; синіе нервы ясно выступали на вискахъ и открытомъ слегка наморщенномъ лбѣ, и онъ, какъ и все окружающее, былъ полонъ какой-то новой мысли. А мысль эта была о Лизѣ. Его юное и свѣжее воображеніе, какъ на зло, за минуту до отъѣзда, ясно рисовало ему эту хорошенькую, полную, едва распустившейся красоты дѣвочку во всѣхъ заманчивыхъ, разнообразныхъ положеніяхъ, во всемъ спокойствіи и безпечности деревенской жизни. И въ тоже время ему вспоминался шумный Петербургъ, съ его вѣчной суетой и дѣятельностью. Ему

Digitized by Google

ясно рисовалась вся его будущая жизнь въ немъ: балы, мимолетныя встрѣчи, разговоры о вчерашней оперѣ, о завтрашнемъ балетѣ, о вновь купленной лошади и о вновь показавшейся танцовщицѣ. Ему было жаль оставить въ деревенской тиши, въ этой однообразной и монотонной, какъ стукъ дождевыхъ капель, жизни маленькую Лизу, которая такъ чудесно созрѣла для другой жизни, полной чувствъ и дѣятельности; ему было грустно думать, что разводитъ ихъ разная дорога, въ разны кружки общества, и что, можетъ быть, имъ не суждено и встрѣтиться. О, гордый человѣкъ! ему было досадно, что онъ не унесетъ съ собой отъ этого столкновенія ничего, — ничего, кромѣ воспоминанія объ ясныхъ дняхъ да сожалѣнія о безцѣльно потерянныхъ и все-таки чудесныхъ минутахъ.... И, задумавшись, онъ стоялъ такъ долго, и вдругъ балконная дверь тихо стукнула; онъ поднялъ глаза: передъ нимъ стояла Лиза. Въ чайной былъ разговоръ о томъ, совершенно ли пересталъ дождь, или только перемежился, и будетъ ли онъ мочить отъѣзжающихъ, или не будетъ. Мнѣнія на этотъ счетъ были совершенно разногласящія: заинтересованная вопросомъ, Лиза встала и, сказавъ: «а вотъ я посмотрю», вышла на балконъ.

Для насъ совершенно неизвѣстно и, какъ говорится въ исторіи древнихъ временъ, покрыто мракомъ неизвѣстности, дѣйствительно ли съ этой цѣлью вышла Лиза. Но, затворивъ за собою дверь, она быстро окинула быстрыми черными глазами и прозрачную даль и волнующееся тучами небо, и остановила ихъ на Волжинѣ. И даль, и небо, и Волжинъ,—все было въ какомъ то желтомъ картинномъ свѣтѣ; все ей что-то говорило, — говорило новое, несказанное... и вдругъ какія-то чудныя ей доселѣ мысли толпой нахлынули въ ея дѣтскую темно-кудрявую головку.... сильно забилось сердце, вспыхнули какъ заря алыя щеки, и стояла она себя не чувствуя, вся зардѣвшаяся, передъ Волжинымъ, и Волжинъ, взглянувъ на нее, весь смутился. Тогда встрѣтившіеся ихъ взгляды слились въ одинъ взглядъ, и вмигъ они поняли и себя и одинъ другого.

И поняли они все, что влекло ихъ другъ къ другу, всю неясную прелесть ихъ пустыхъ бесѣдъ, ихъ долгихъ прогулокъ; и поняли они, что любили другъ друга, давно, давно, можетъ быть, съ первой встрѣчи, но что любовь ихъ, не вызванная наружу ни однимъ происшествіемъ, ни однимъ посторонним вли-

Digitized by Google

яніемъ, тихо дремала въ ихъ сердцѣ, подъ однообразный ходъ деревенской жизни, и могла бы такъ продремать еще долго.... Но всколыхнулась ихъ жизнь предстоящимъ отъѣздомъ, и въ послѣднее минутное свиданіе отъ одного встрѣтившагося взгляда вспыхнуло ихъ глубоко таившееся чувство, и поняли они разомъ и всю сладкую нѣгу первой любви и всю горькую, сжимающую сердце разлуку.

И стояли они такъ другъ передъ другомъ смущенные, раскраснѣвшіеся, не въ силахъ отвести слившихся взглядовъ. Имъ казалось, можетъ, что они переживали цѣлый вѣкъ, короткій какъ мгновеніе: это было то чудное состояніе, въ которое не чувствуется времени. Головы ихъ были полны какихъ-то неясныхъ мыслей, имъ было чудно хорошо и страшно больно, хотѣлось что-то сказать и не говорилось, и руки готовы были встрѣтиться и сжаться крѣпко, крѣпко....

— Я вѣдь говорила, что дождь пересталъ, сказала Татьяна Терентьевна, растворивъ дверь и остановившись въ ней во всей красѣ своего богатырскаго роста.

— Да! сказалъ Петръ Рожковъ: — теперь намъ можно ѣхать.

Волжинъ и Лиза повернулись лицомъ къ саду и чуть не заплакали.

Черезъ полчаса, дорожный экипажъ, гремя колокольчикомъ и бубнами разгонной тройки, отъѣзжалъ отъ крытаго подъѣзда барскаго дома. Молодой Рожковъ и Волжинъ, повернувъ голову, махали своими военными фуражками. На козлахъ, рядомъ съ кучеромъ, сидѣлъ степенный слуга Иванъ Семеновъ, медленно раскланиваясь съ вокругъ стоящей дворней. На подъѣздѣ осталась вся знакомая намъ деревенская семья: полная фигура Василья Сергѣича, съ крѣпко румянымъ, растроганнымъ лицомъ, во всегдашнемъ бѣломъ сюртукѣ, котораго пуговицы не были знакомы съ петлями, — Марья Степановна, вся расплаканная и разстроенная, — Лиза, приклонившая чернокудрую головку къ плечу,—Маланья Аркадьевна, у которой слезы, пробравшись по рябоватому лицу, капали съ приплюснутаго носика, и Татьяна Терентьевна, у которой лицо не въ состояніи было пробить ни слезы, ни улыбки; а сзади Иванъ Иванычъ съ физіономіей, приличной обстоятельству; кругомъ вся дворня отъ мала до велика, отъ вѣтхаго старика до грудного ребенка, и все смотрѣло не

Digitized by Google

спуская глазъ съ дорожнаго экипажа. А экипажъ бойкой рысью выѣхалъ со двора и помчался по гладкой дорогѣ, прямо къ селу, гдѣ весь свободный людъ уже высыпалъ къ воротамъ; вотъ онъ уже у церкви, вотъ сейчасъ повернетъ за ограду и скроется, и въ послѣдній разъ Рожковъ и Волжинъ махнули бѣлыми фуражками....

— Стойте! постойте! вдругъ раздался голосъ Марьи Степановны.

И материнскій плачъ слышался въ этомъ голосѣ, и была въ немъ боязнь, что не долетитъ ея зовъ до отъѣзжающихъ.

— Стой! стой! закричала вся дворня басомъ всѣхъ кучеровъ и визгливымъ дискантомъ бабъ, махая руками.

И экипажъ остановился.

— Положили ли цыплятъ жареныхъ? сказала Марья Степановна прерывающимся отъ слезъ голосомъ.

— Положили ли цыплятъ жареныхъ? кричали бабы и дворовыя дѣвки, побѣжавъ къ экипажу и адресуясь къ Ивану Семенову.

Голоса Ивана Семенова не было слышно; но вся его степенная фигура ясно обрисовывалась на высокихъ козлахъ. Онъ выразительно показалъ рукою на ящикъ и утвердительно кивнулъ головою. Тогда колокольчикъ снова зазвенѣлъ, экипажъ повернулъ за уголъ и скрылся.

И, постоявъ еще минуту, грустно вошли господа въ опустѣвшій домъ, и, толкуя про молодыхъ господъ, медленно потянулась по службамъ многочисленная дворня. Остался одинъ только столяръ Епифанъ, извѣстный въ дворнѣ глубокомысліемъ своихъ замѣчаній, да садовникъ Вавило, къ имени котораго дворовые остряки обыкновенно прибавляли «воткни голову на вилы», извѣстный тѣмъ, что онъ никогда не дѣлалъ никакихъ замѣчаній.

Епифанъ, подперевъ руки въ бока и значительно посмотрѣвъ на дорогу, обратился къ Вавилѣ.

— Оченно хорошіе господа! сказалъ онъ.

— Хорошіе, отвѣчалъ Вавило.

— И не грѣхъ бы было пожелать имъ благополучнаго пути и скатертью дороги, замѣтилъ Епифанъ.

— Не грѣхъ бы, отвѣчалъ Вавило.

Digitized by Google

Больше они не разсуждали, но тихо начали спускаться подъ горку къ одному хорошо имъ извѣстному домику у большой дороги.

Между тѣмъ не совсѣмъ еще разсталась добрая семья съ своими дорогими гостями: всѣ знали, что почти прямо передъ домомъ разступается безконечный рядъ березъ, и широкая дорога открыто лежитъ изрытой полосою, и всѣ поспѣшно проходили длинныя, казалось, опустѣлыя комнаты, и всѣ торопились на широкій балконъ, хотя уѣхавшіе нескоро могли показаться передъ нимъ.

И вотъ, черезъ нѣсколько минутъ грустнаго ожиданія, послышался снова дребезжащій колокольчикъ, и знакомая тройка вдругъ выбѣжала изъ за березокъ. Тогда, передъ собравшейся на балконѣ группой, въ клубахъ желтой пыли, промелькнулъ дорожный экипажъ, въ которомъ сидѣли двое молоденькихъ военныхъ, пристально глядящихъ на нее и махающихъ бѣлыми фуражками. Тогда передъ дорожными мелькнулъ двухъэтажный, съ балкономъ и террасою, домъ, и на балконѣ пестрая группа, махающая платками и вся ясно обрисованная и ярко освѣщенная румянымъ закатомъ. Еще минута, и скрылся экипажъ; только пыль, клубясь желтымъ облакомъ, постояла надъ слѣдомъ; но и та улеглась мало по малу; почти въ это же время опустѣлъ и широкій балконъ. Но въ углу его, между зеленью южныхъ деревьевъ, долго и неподвижно стояла Лиза; бѣлое платье ея пышно горѣло отъ лучей заката; заслонивъ рукою лицо отъ солнца, она смотрѣла на большую дорогу и рука ее казалось прозрачной. Межь тѣмъ вечерѣло замѣтно; бѣлый паръ началъ подниматься надъ облакомъ; съ широкаго стекляннаго пруда, надъ которымъ одиноко торчала китайская бесѣдка, пахнуло сыростью; а Лиза, склонивъ надъ рѣшеткой чернокудрую голову, все смотрѣла на дорогу. Дорога длинной, темной полосою, обозначаясь двумя рядами березъ, тянулась далеко, далеко, и ни одна живая душа по ней не шла и не ѣхала; а сзади Лизы спокойно стоялъ домъ, съ своей широкой террасой и толстыми колоннами, сверкая длиннымъ рядомъ оконъ. Тихъ и пустъ казался онъ, и не было въ немъ замѣтно никакого движенія. А солнце садилось безоблачно и чисто; у околицы, вздымая пыль, гремѣло стадо, и впереди его медленно шла бѣлая корова: завтра, по всѣмъ примѣтамъ, опять будетъ ясный день.

Digitized by Google

Но до этого завтра намъ уже нѣтъ дѣла. Я и такъ уже надоѣлъ, я думаю, тебѣ, мой терпѣливый читатель, тихо развертывая передъ тобой первое робкое чувство, которое медленно развивалось въ тиши и только въ самомъ концѣ разсказа едва обозначилось, какъ новый, только что прорѣзавшійся мѣсяцъ на блѣдномъ еще небѣ. Можетъ быть, ты спросишь, что сталось съ этимъ юнымъ чувствомъ? что сталось съ нашими юными героями? По правдѣ сказать, я объ этомъ ничего не знаю. Но думаю, что съ ними сбылось то, что сбылось съ каждымъ изъ насъ. Юноши мужаютъ; первое чувство, какъ ранній цвѣтъ, не созрѣвъ, вянетъ и падаетъ. Наши герои не были разлучены какимъ нибудь грознымъ препятствіемъ. Сблизилъ ихъ простой случай—пріѣздъ въ отпускъ; разлучила ихъ самая простая вещь — конецъ отпуска; каждый изъ нихъ возвратился въ свою среду, изъ которой временно вышелъ, и каждый нашелъ, что такъ и быть слѣдовало. Очень, можетъ быть, что и свидятся они и вспомнятъ прежнее время. Но какъ вспомнятъ они? Хорошо, если добромъ помянутъ они эти ясные дни, это чистое и свѣтлое чувство; и благотворно освѣжитъ ихъ это воспоминаніе, и, тихо улыбнувшись, они скажутъ: «славные были дни!» Но очень можетъ статься, что — люди свѣтскіе — посмѣются они и надъ прежними длинными безцѣльными прогулками, и надъ своей робкой, безмолвной, какъ застѣнчивое деревенское дитя, любовью, посмѣются и надо мной, который сдѣлалъ изъ этой любви какую-то идиллію, и надъ тобой, который терпѣливо дочитываетъ ее.... Надъ чѣмъ не смѣется человѣкъ!

М. АВДѢЕВЪ.

Digitized by Google

ПАРИ.

РАЗСКАЗЪ.

(ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИГИ.)

Бываютъ минуты, когда развлеченіе не только пріятно, но даже необходимо. Эту потребность чувствуешь обыкновенно послѣ долгихъ, одиночныхъ занятій, и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ серьёзнѣе были занятія. Въ эти минуты умственнаго отдохновенія, я стараюсь жить однимъ зрѣніемъ и слухомъ, и зимой хожу по Невскому проспекту, а лѣтомъ вездѣ, гдѣ нѣтъ пыли и грязи.

Былъ май мѣсяцъ, не только теплый, даже жаркій, настоящій лѣтній, который, опередивъ время года, уничтожалъ всякую разницу между старымъ и новымъ стилями. Петербургу также захотѣлось пожить преждевременно дачною жизнію: извинительно просидѣвшему семь мѣсяцевъ за двойными окнами пожелать вырваться на чистый воздухъ. Барки, нагруженныя по большой части мебелью, разбитой посудою и всѣмъ добромъ, которое не стоитъ перевозки, потянулись въ разныхъ направленіяхъ по каналамъ. Грязный видъ одной изъ такихъ барокъ разъ подѣйствовалъ на меня такъ непріятно, что я совершенно разочаровался насчетъ мечтательной прелести загороднаго житья и далъ тогда же себѣ слово или не переѣзжать никогда на дачу, или ничего не перевозить съ собой.

Digitized by Google

Въ тотъ годъ, несмотря на чудный май, я болѣе нежели когда нибудь хотѣлъ оставаться вѣренъ Петербургу и зимнимъ привычкамъ: въ нихъ сердце какъ-то приняло участіе, и мнѣ жаль было разстаться съ ними. Принадлежа къ сословію холостяковъ, я имѣлъ одно изъ ихъ похвальныхъ качествъ: умѣнье пособлять своему горю; вслѣдствіе этого я предположилъ чаще ѣздить на острова, на Минеральныя воды, на Королеву дачу,— и дѣйствительно утѣшился.

Изъ сухопутныхъ и водяныхъ сообщеній мнѣ предстояло выбрать одно, и я выбралъ легкое невское пароходство. Это было едва ли не самое пріятное и едва ли не самое дешевое средство, если не считать тѣхъ случаевъ, когда мои знакомые могли бы, по дути, довезть меня даромъ. Но дешевое само по себѣ можетъ быть еще дорого по сравненію. Если заведеніе городскихъ каретъ, въ которыхъ ѣдешь пять верстъ по мостовой за десять копѣекъ серебромъ, находитъ выгоднымъ возить за эту плату, то заведеніе невскихъ пароходовъ, меньше стоящее, могло бы меньшимъ и удовольствоваться. Успѣхъ всякаго предпріятія нисколько не зависитъ отъ высокихъ цѣнъ, а исключительно отъ массы потребителей. На богатыхъ людей расчитывать нечего: ихъ, во первыхъ, очень мало, а во вторыхъ, они также, какъ и всѣ, по простому здравому смыслу, охотнѣе даютъ меньше, нежели больше. Лучшимъ доказательствомъ этому можетъ послужить случай, которому я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ. При мнѣ въ Женеву пріѣхалъ Бастіанъ Франкони, родственникъ парижскаго, съ труппою вольтижеровъ и помѣстился въ циркѣ за porte neuve. Онъ распредѣлилъ цѣны за входъ не по мѣстамъ, а по экипажамъ, въ которыхъ къ нему пріѣзжали, думая такимъ образомъ поживиться насчетъ богатыхъ; пѣшеходы же, напротивъ, были обложены самою низкою платою. Но богатые не дались въ обманъ: узнавъ, въ чемъ дѣло, они за сто шаговъ до дверей кассы оставляли свои экипажи и до цирка доходили пѣшкомъ.

Въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда умъ проситъ покоя, а тѣло жаждетъ движенія, я пошелъ бродить по городу, не зная, гдѣ и какъ проведу вечеръ. Было шесть часовъ. По зимней привычкѣ выходить изъ воротъ направо, я и въ этотъ разъ повернулъ къ Михайловскому манежу. На углу Малой Садовой я столкнулся съ моимъ знакомымъ, котораго, въ отличіе отъ пріі-

Digitized by Google

ятныхъ знакомыхъ, я долженъ назвать непріятнымъ пріятелемъ, или, короче, непріятелемъ. Онъ былъ изъ числа тѣхъ, которыхъ нигдѣ не встрѣтишь въ домѣ, а встрѣтишь на улицѣ, въ гостяхъ, во всякое время и всегда не вовремя, которыхъ принимаешь не потому, что самъ ихъ зовешь, а потому, что они сами пріѣзжаютъ, и которые, наконецъ, терпѣть не могутъ, чтобъ отъ нихъ отворачивались.

— А я къ тебѣ шелъ отдохнуть, сказалъ онъ.

— Да тебѣ не нужно было бы устать, отвѣчалъ я: — откуда ты?

— Изъ Лѣтняго сада.

Предполагая, что онъ не пойдетъ назадъ туда же, я сказалъ, что спѣшу въ Лѣтній садъ, а оттуда пойду на острова. Отъ однихъ этихъ плановъ могли уже у усталаго подкоситься ноги. Расчетъ былъ вѣренъ.

— Нѣтъ, братъ, слуга покорный, я тебѣ не товарищъ; ступай одинъ.

— Нѣчего дѣлать, пойду одинъ.

Мы разстались.

Я схватился за эту мысль и рѣшился не пойти, а поѣхать на острова. Лѣтнимъ садомъ дошелъ я до садка, который называется пароходною пристанью потому только, что на немъ продаются билеты, а не рыба. Народъ толпился у перилъ и ждалъ съ нетерпѣніемъ часа отплытія. Лица и костюмы были у всѣхъ праздничные; одинъ только рулевой на пароходѣ да кассиръ на садкѣ были одѣты по будничному и что-то невеселы: первый, вѣроятно, оттого, что ему не приходилось посидѣть, а второй, вѣроятно, оттого, что ему не удавалось поѣздить. На всѣхъ не угодишь. Я взялъ билетъ и не безъ давки добрался до палубы, на которой помѣстился. Пароходъ вскорѣ зашумѣлъ, отдѣлился отъ берега и быстро, ровно, мягко понесъ насъ по Невѣ. Я и вздохнулъ легче и взглянулъ веселѣе. Мѣрный, величаво торжественный, мощный, ничѣмъ неодолимый бѣгъ его, покорный одной волѣ человѣка и управляемый невидимой силой, дѣйствуетъ на меня всегда особенно отрадно: во мнѣ рождается чувство самодовольствія и самонадѣянности, котораго я не испытываю на сушѣ. Я будто горжусь открытіемъ силы паровъ, ловкимъ примѣненіемъ ихъ къ плаванію, умно придуманнымъ механизмомъ, и, по человѣчеству, имѣю право

Digitized by Google

гордиться. Ничего подобнаго не ощущаю я, когда ѣду на простыхъ, извощичьихъ дрожкахъ, потому что нельзя пріискать ничего бо́льшаго въ противоположность пароходу. Мало того: я какъ-то униженъ, уничтоженъ, сидя въ нихъ; мнѣ грустно, неловко, совѣстно и за себя, и за извощика, и за изобрѣтателя. Если вы этого не испытали, то попробуйте когда нибудь пересѣсть съ парохода прямо на дрожки: вы увидите страшную разницу. Пассажировъ, противъ обыкновенія, было много; говору, по обыкновенію, было мало; всѣ, казалось, были убѣждены, что сошлись не для чего другого, какъ для того, чтобъ помолчать вмѣстѣ. Я тѣмъ охотнѣе подчинился этому убѣжденію, что могъ безъ помѣхи думать о тѣхъ, къ которымъ ѣхалъ. Теперь время, кажется, познакомить и васъ съ ними. Ольга Михайловна нанимала одну изъ береговыхъ дачь на Аптекарскомъ острову. Ольга Михайловна была вдова. Я вамъ не скажу ея фамиліи: о покойномъ ея мужѣ и обо всемъ, что до него касается, я говорить не буду. Еслибъ можно было, я бы не звалъ Ольги Михайловны и по отчеству, которое хотя весьма естественно напоминаетъ объ ея рожденіи, но собственно для повѣсти нисколько не нужно. Признаюсь, я гораздо охотнѣе называю ту, которую люблю, однимъ ея собственнымъ именемъ, по ней самой, нежели по батюшкѣ. Но я ужь такъ началъ, такъ и буду продолжать. Въ Ольгѣ Михайловнѣ ничего не было худого, мало было обыкновеннаго и очень много своего прекраснаго. Къ послѣднему разряду относились ея темные, густые волосы, которые она по большой части носила на англійскій манеръ — двумя длинными до плечъ локонами, — и темноголубые глаза подъ длинными рѣсницами. Эти глаза имѣли выраженіе какой-то пріятной усталости, какой-то сладкой задумчивости и не перескакивали суетливо-быстро съ предмета на предметъ, но переходили не торопясь, медленно отъ одного къ другому, останавливаясь на каждомъ по нѣскольку секундъ, какъ будто для отдыха. Никогда ничего похожаго на рѣзкость не подмѣтилъ я въ ея движеніяхъ; всѣ они были округленые, мягки, плавны, граціозны, а вмѣстѣ такъ свободны и натуральны, что силъ не было отъ нея оторваться; послѣ нея все казалось угловато, неровно, жестко, и взоры перенесть съ нее на другую женщину было также непріятно, какъ съѣхать съ гладкой деревянной

Digitized by Google

мостовой на каменную. Въ моральномъ отношеніи она дѣйствовала не менѣе отрадно, не менѣе успокоительно: достаточно было сѣсть подлѣ нея въ минуты горя и сердечныхъ тревогъ, чтобъ и сердцу стало легче и улеглись тревоги. Въ ней преобладала женственность, подъ вдохновеніемъ которой она дѣлала все очень просто, но все по своему, какъ будто въ отличіе отъ мужественности и въ доказательство, что она все можетъ ловко переладить на женскіе нравы, легко приноровить къ женской природѣ и мило выполнить на женскій ладъ. Дамы утрачиваютъ эту чудную способность, отъ весьма многихъ причинъ, а между прочимъ и отъ излишне-свободнаго обращенія съ мужчинами. Этою фамильярностію мы прежде очень дорожили; она покупалась нами, какъ награда, цѣною услугъ, вниманья и преданности, а теперь достается намъ совершенно даромъ. Мы отъ этого мало выигрываемъ, но дамы теряютъ много, такъ что иной разъ узнаешь ихъ едва ли только не по платью.

Въ Ольгѣ Михайловнѣ была еще другая особенность: она не могла долго выносить пристальнаго взгляда мужчины; ею овладѣвало безпокойное чувство невольнаго смущенія и страха; ей вдругъ становилось неловко на томъ мѣстѣ, гдѣ заставалъ ее этотъ взглядъ; она или отодвигала кресла свои, или глубже садилась на диванъ. Если мужчина продолжалъ настойчиво глядѣть, то ея смятеніе замѣтно усиливалось; она краснѣла, волновалась, съ тихою покорностію жертвы опускала голову и изъ за нависшихъ локоновъ поднимала на него глаза, но такъ боязливо, такъ нѣжно, какъ бы умоляла не смотрѣть на нее, пощадить ее. Въ эти минуты я готовъ былъ самъ броситься къ ногамъ ея и просить прощенія.

Въ городѣ сношенія мои съ Ольгой Михайловной были довольно коротки, но не довольно часты. Я навѣщалъ ее постоянно два раза въ недѣлю: въ извѣстный день, когда она принимала, и разъ, когда самъ находилъ удобнѣе. Кромѣ того мы видѣлись въ другихъ домахъ, но эти встрѣчи были случайны, и расчитывать на нихъ было нельзя. Несмотря на все желаніе мое ѣздить къ ней чаще, я удерживался; на это были у меня вотъ какія причины: я не зналъ, будетъ ли это ей нравиться, и навѣрно зналъ, что это не понравится ея роднымъ. Въ первомъ случаѣ мнѣ слѣдовало выжидать и надѣяться, во второмъ—маскировать себя и не плошать. Эти родные были, большею частію, люди

Digitized by Google

весьма суровые. Чувству они вообще неохотно вѣрили и одобряли его тогда только, когда оно подходило подъ условныя правила свѣтскости. Большинство голосовъ было, разумѣется, на ихъ сторонѣ, и мнѣ открыто дѣйствовать имъ въ оппозицію не было возможности. Я боялся разрыва не съ ними, а изъ за нихъ съ Ольгой Михайловной. Оставалось скрѣпить сердце и подѣлаться подъ ихъ тонъ, вкусъ и мнѣнія. Ольга Михайловна была такъ противоположна во всемъ этимъ холоднымъ людямъ, что я не понималъ, какъ могла она сохраниться въ ихъ кругу, и поясняль себѣ эту странность только тѣми законами природы, по которымъ ростутъ безопасно, на одной почвѣ, другъ подлѣ друга, и репейникъ и ландышъ. При родныхъ я не позволялъ себѣ ни лишній разъ взглянуть на нее, ни отдѣльно подсѣсть къ ней. Показывать вниманіе, сочувствіе, ласки позволялось не иначе, какъ на вѣсъ, всѣмъ поровну, и уличенный въ умышленномъ обвѣсѣ тотчасъ же наказывался злыми намеками и общимъ негодованьемъ. Одна веселость, по ихъ понятіямъ, не вела ни къ какимъ серьёзнымъ послѣдствіямъ, а потому и пользовалась большими привилегіями, такъ что начать сердечное дѣло можно было только подъ видомъ шутки. Ольга Михайловна имѣла единственную дочь трехъ лѣтъ и старшую сестру, Марью Михайловну, тридцати лѣтъ. Эта сестра съ мужемъ своимъ помѣщалась на дачѣ въ большомъ домѣ, фасомъ обращенномъ въ садъ, а Ольга Михайловна занимала павильонъ въ этомъ саду. Садъ окруженъ былъ деревяннымъ, сквознымъ заборомъ, который съ одной стороны отдѣлялъ хозяйственныя строенія отъ главнаго зданія, съ другой — упирался почти въ Невку, а съ третьей стороны товарищески терся бокъ о бокъ съ сосѣднимъ заборомъ, поставленнымъ и, вѣроятно, вырубленнымъ въ одно и тоже время однимъ и тѣмъ же топоромъ. Отъ балкона большого дома шли лучеобразно три дорожки, которыя, безъ поворотовъ и другихъ затѣй, соединялись въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ него въ одну широкую и, тутъ же повернувъ вдоль конюшни, выводили опять на прежнюю площадку. Вотъ и весь садъ. Но въ немъ была еще дорожка поуже, не такъ замѣтная подъ склономъ деревъ; ее кто-то первый тайкомъ протопталъ по дерну, и съ его счастливой ноги всѣ стали ходить по ней. Жильцы ее любили за тѣнь, за своенравные изгибы, за отдаленіе, за уютную

Digitized by Google

тишину и усыпали щеголеватымъ пескомъ. Пробивавшаяся трава на ней напоминала только объ ея первобытной простотѣ. Эта дорожка вела отъ павильона къ забору вдоль Невки. Еслибъ вы взяли на себя трудъ слѣдить за нею, то вы бы увидѣли, что она не оканчивается въ саду, а идетъ по ту сторону забора закрашеной рва и, подойдя къ берегу, вдругъ прямо упирается въ воду. Вѣроятно, какой нибудь каменноостровскій Леандръ, пускавшійся вплавь черезъ Невку, имѣлъ обыкновеніе выходить здѣсь на берегъ. Изъ хроникъ петербургскихъ дачь можно было бы многое узнать объ этой тропинкѣ — о томъ, кто ходилъ по ней, для чего, когда и долго ли? но хроникъ нѣтъ, и тѣмъ лучше для меня; теперь, по крайней мѣрѣ, есть широкое поле поэтическимъ догадкамъ, а тогда бы ихъ не было, потому что тогда, можетъ быть, вы узнали бы, что тропинку отъ рѣки проложилъ старый садовникъ для того, чтобъ не обходить кругомъ дачи, а носить воду черезъ заборъ прямо въ садъ.

Большой домъ былъ снаружи очень простъ, а внутри очень пустъ; эти два качества, при другихъ условіяхъ, были бы хороши, но въ настоящемъ случаѣ плохо рекомендовали архитектора и жильцовъ. Зато маленькій павильонъ отличался отдѣлкою. Пять зеркальныхъ оконъ въ дубовыхъ рамахъ, съ мѣдными задвижками и петлями, придавали ему много лоску, прозрачной глубины и щеголеватой опрятности; отлогая, слегка вогнутая желѣзная крыша, далеко впередъ выдавшаяся краями, напоминала восточные кіоски; множество цвѣтовъ тѣснилось вдоль стѣнъ подъ окнами; все было мило, весело вокругъ павильона: и песокъ передъ нимъ блестѣлъ ярче на солнцѣ, и трава свѣжѣе зеленѣла, и деревья раскидывались привольнѣе, и воздухъ дышалъ ароматнѣй. Нельзя было взглянуть на этотъ миніатюрный домикъ безъ радостной улыбки, нельзя было отвернуться безъ желанія въ него войти. Онъ состоялъ изъ четырехъ угловыхъ комнатъ: гостиной, спальни, дѣтской и дѣвичьей. Скажу два слова только о первой; въ другихъ я не былъ. Если судятъ о человѣкѣ по его почерку, то подавно можно судить о немъ по его квартирѣ. Всѣ предметы, вошедшіе въ домашній бытъ Ольги Михайловны, носили отпечатокъ ея характера, ея женственности. Вмѣсто обоевъ, одноцвѣтный, узорчатый ситецъ обтягивалъ стѣны гостиной отъ полу до карнизовъ; отъ карнизовъ онъ поднимался въ складкахъ подъ тупымъ угломъ къ по-

Digitized by Google

толку и сходился по средине въ одну розасу; изъ центра ея опущена была на шолковыхъ спуркахъ плоская ваза изъ красной итальянской глины; изъ вазы падали во всѣ стороны длинныя, зеленыя, цѣпкія гирлянды и нити, которыя, переплетаясь между собою, граціозно качались въ воздухѣ. Два большія зеркала въ драпировкѣ изъ розовой кисеи стройно и легко висѣли въ простѣнкахъ; цвѣты стояли пирамидальными группами въ углахъ и посреди комнаты, окруженные диванами и креслами. Металлъ и дерево были какъ будто изгнаны отсюда: изнѣженный слухъ хозяйки не любилъ рѣзкихъ звуковъ перваго, а осязаніе ея не любило жосткости второго. Мебель со спинками и ручками была вся обита трипомъ; ковры лежали на полу, коврики на столахъ, мягкія подушки на окнахъ. Здѣсь можно было долго простоять на одномъ мѣстѣ безъ желанія перейти на другое, долго ходить безъ желанія присѣсть и долго сидѣть безъ желанія встать; все дѣлалось одинаково покойно. Ничто здѣсь не раздражало нервовъ; если вы задѣвали за что нибудь, то ничего не роняли, а если сами падали, то не ушибались. Крикливые голоса были здѣсь тихи, шумныя движенія не слышны. Теперь обдайте эту комнату нѣжнымъ запахомъ цвѣтовъ, одушевите присутствіемъ хорошенькой женщины, и я посмотрю тогда, то ли будетъ съ вами, что было со мной. Но пока довольно, пароходъ подвезъ насъ къ дачѣ Королева, и я, вмѣстѣ съ другими, пошелъ слушать не оркестръ Гильмана, а игру Лумби. Деревья въ саду были еще довольно голы, но садъ былъ уже весь въ зелени; этотъ оптическій обманъ не объяснялся ничѣмъ другимъ, какъ множествомъ стульевъ и столовъ, выкрашенныхъ новою зеленою краскою, и для полноты обмана недоставало одного: чтобъ краска марала платья. Осторожно пробравшись къ оркестру между стульями, я выбралъ одинъ, но не изъ тѣхъ, которые были поближе, а изъ тѣхъ, которые были посуше, и сѣлъ съ пріятнымъ намѣреніемъ слѣдить за смычкомъ талантливаго артиста. Не гармонія, а мелодія его сочиненій мнѣ въ особенности понравилась; но такъ какъ гармонія зависѣла отъ выполнителей, а мелодія отъ самого автора, то я остался столько же недоволенъ первыми, сколько доволенъ вторымъ. Въ антрактѣ я всталъ и, къ неожиданному удовольствію, увидѣлъ вдали сходившую съ

Digitized by Google

лѣстницы Ольгу Михайловну. Она шла съ сестрою и зятемъ, Иваномъ Александрычемъ.

Я пошелъ за ними черезъ мостъ и догналъ на томъ перекресткѣ сада, гдѣ меня всегда беретъ раздумье, куда итти: къ тому ли забору, который направо, къ тому ли, который налѣво, или къ тому, который прямо? Я обыкновенно въ этомъ случаѣ смотрю на всѣ стороны, а иду назадъ и сажусь на прежнее мѣсто, довольный прогулкою. Подойдя къ моимъ дамамъ, я раскланялся. Онѣ остановились.

— Здравствуйте, Павелъ Иванычъ! давно ли вы здѣсь? спросила меня Марья Михайловна.

— Съ полчаса, не болѣе. Досадно, что вы не пріѣхали нѣсколькими минутами ранѣе: Лумби игралъ миленькую пьесу: «Лѣтняя ночь въ Даніи».

— Что́ это, изъ оперы? спросила Ольга Михайловна.

— Вы судите по заглавію; это — просто галопъ его сочиненія.

— Именно по заглавію, потому что оно напомнило мнѣ другое: «Сонъ въ лѣтнюю ночь» Мендельсона.

— Пойдемте назадъ, перебилъ Иванъ Александрычъ: — туда нѣкуда итти.

— А я только хотѣла вамъ это предложить, сказала Марья Михайловна.

Мы повернули опять черезъ мостъ и сѣли въ сторонѣ на боковую скамейку. Марья Михайловна перенеслась вся въ публику и начала искать знакомыхъ; но ихъ не было, потому что изъ средняго сословія она не знала ни одной дамы, а изъ высшаго знала только двухъ; нельзя было предполагать, чтобъ тутъ случилась именно одна изъ этихъ. Мнѣ не нравилось въ Марьѣ Михайловнѣ вѣчное желаніе ея выдавать себя въ публикѣ, и только въ публикѣ, за женщину лучшаго общества и тона. На балахъ, въ театрѣ, концертахъ она говорила только съ тѣми, которые принадлежали къ артистократическому кругу, и замѣтно сердилась, если неизвѣстный мужчина вдругъ становился подлѣ нея. Она тотчасъ же повертывалась къ нему спиною и рѣзко показывала, что съ нимъ незнакома. Дома же, напротивъ, она впадала въ другую крайность: и принимала безъ строгой сортировки и любезничала безъ большой надобности. Пестрота нарядовъ была такъ велика, что Марья Михайловна

Digitized by Google

могла многое замѣтить, многое осмѣять, кое-что одобрить и кое-чѣмъ позаимствоваться. Расчитывая на угодливость мужа, она обращала его вниманіе только на тотъ туалетъ, который ей нравился. Я въ это время занялся моей сосѣдкой. Послѣ перваго впечатлѣнія, производимаго массою народа на всякаго новаго пришельца, Ольга Михайловна вошла скоро въ нормальное положеніе покоя и тихой веселости. Она не наводила своего лорнета на толпу, ее мало интересовавшую; ея ручка недвижно лежала на колѣняхъ, высовываясь изъ подъ огромной шали. Все кругомъ ея самодовольно сидѣло, горделиво вставало, жеманно ходило, чопорно изъяснялось, а она ничего не видѣла, ничего не замѣчала. Мнѣ казалось, что еслибъ меня закутали въ такую же шаль и также посадили, то и я бы ни на кого не смотрѣлъ и не двигался.

— Покойно ли вамъ на этой скамейкѣ, Ольга Михайловна?

— Очень.

— Завидую вашему таланту покойно помѣщаться на безпокойномъ мѣстѣ. Вы сегодня какъ-то невзыскательны.

— Потому что не имѣю права быть строгою: я сама дурно вела себя по утру и капризничала.

— И много?

— Довольно-таки.

— Но не сердились?

— Нѣтъ, и посердилась.

— А на кого?

— На гувернантку моей Нелли: вошла ко мнѣ за чѣмъ-то, когда я еще спала; а на мою Нелли за то, что пришла со мною поздороваться, когда я уже встала.

— Да есть ли у нихъ на это ваши приказанія?

— Есть, да не слушаются; я гувернанткѣ разъ на всегда сказала, чтобъ приходила тогда только, когда ее позовутъ, и Нелли сказала....

— Что же вы сказали Нелли?

— Зачѣмъ вамъ знать? Еслибъ вы были ея гувернанткой....

— Да я развѣ не могу быть гувернеромъ?

— Не можете.

— Да почему же не могу?

— Впрочемъ, я ужь сказала вамъ.

Digitized by Google

— Вы мнѣ ничего не говорили; изъ вашихъ словъ я могу только догадываться, что Нелли обязана войти къ вамъ, когда вы еще почиваете.

— Ну, да.

— А что̀ далѣе?

— И разбудить меня.

— Но я не знаю: когда и какъ?

— Да развѣ дочь можетъ разбудить мать свою иначе, какъ не поцалуемъ? Мнѣ кажется, что вы были бы дурнымъ отцомъ.

— Отчего же именно дурнымъ?

— Оттого, что вы не поняли самой простой и натуральной вещи.

— Это, скорѣе, оттого, что я никакимъ не былъ: ни дурнымъ, ни хорошимъ.

— И то можетъ быть. Но не правда ли: я худо сдѣлала, что разсердилась; капризничать — иногда позволяется, но сердиться — никогда.

— Признаюсь, я сдѣлалъ бы на вашемъ мѣстѣ тоже самое, хоть я и плохой отецъ, какъ вы увѣряете.

Въ это время кончилась вторая часть концерта. Марья Михайловна разсѣянно взглянула на печатный листокъ программы, на часы, и встала.

— Ольга, не пора ли домой? сказала она. — А вы, Павелъ Иванычъ, остаетесь здѣсь и потомъ въ городъ?

— Остаюсь здѣсь и потомъ къ вамъ, если позволите.

— Такъ поѣдемте вмѣстѣ теперь, — мы въ коляскѣ.

— Безподобно.

Публика поспѣшно разбрелась по отдаленнымъ аллеямъ: послѣ оглушительнаго шума всякое уединеніе пріятно, всякій пустырь покажется садомъ. Мы свободно добрались до выхода и сѣли въ коляску. Дорогой Марья Михайловна была также безпокойна, какъ и въ публикѣ; на наемныя четвероместныя кареты она не обращала никакого вниманія; зато, при каждой встрѣчѣ съ блестящимъ экипажемъ, она быстро приподнималась, наклоняла впередъ голову и старательно разсматривала мелькавшія лица. Но любопытство ея кончалось обыкновенно или сожалѣніемъ, что она не успѣла разглядѣть; или досадой, что она разглядѣла то, чего не хотѣла видѣть. Кромѣ того, она два раза была наказана особеннымъ образомъ: какая-то блѣдная,

Digitized by Google

пожилая и серьёзная дама, въ щегольской коляскѣ на лежачихъ рессорахъ, поровнявшись съ нами на Строгоновомъ мосту, обдала суетливую Марью Михайловну убійственно холоднымъ взглядомъ и строгой важностію лица. Потомъ—какая-то молоденькая, хорошенькая женщина, въ легкой, низенькой, двумѣстной каретѣ, на парѣ сѣрыхъ рысаковъ, догнала насъ при поворотѣ съ Каменнаго острова на Аптекарскій и, высунувъ головку изъ окна, пристально взглянула на Марью Михайловну, презрительно улыбнулась и спряталась опять въ карету. Ольга Михайловна искала развлеченій другого рода: она смотрѣла на гладкую, широководную Неву, на живописную перспективу ея береговъ, на дымившіеся вдали пароходы, на ясное небо, на легкое облачко, одиноко летѣвшее по его лазури, на пурпуромъ окрашенный западъ; и лицо ея, одушевленное картиной вечера, было такъ тепло освѣщено, такъ плѣнительно покойно, такъ задумчиво мило, что я боялся неумѣстнымъ словомъ разрушить ея мечтательный міръ.

— О чемъ вы думаете? спросила меня вдругъ Марья Михайловна.

Есть иные, весьма нехитрые вопросы, на которые, однако, отвѣчать очень трудно безъ приготовленія: правды сказать — нельзя, а серьёзною ложью вывернуться — не хочется. Удобнѣе всего отдѣлываться отъ нихъ шутками. Напримѣръ, на вопросъ: отчего вы сегодня молчаливы? я отвѣчаю: оттого, что сегодня болѣе расположенъ слушать, нежели говорить; и т. под. Поэтому на вопросъ Марьи Михайловны: о чемъ вы думаете? я отвѣчалъ: ни о чемъ и о многомъ.

— Однако, о чемъ именно?

— Это ничто — я, это многое — вы.

Она не знала, что сказать, и поклонилась мнѣ съ принужденной улыбкой. Изъ этого я вывелъ утѣшительное заключеніе, что если можно легко озадачить вопросомъ, то еще легче озадачить комплиментомъ. Мы доѣхали безъ другихъ приключеній и разговоровъ: Марья Михайловна ушла въ заднія комнаты, а мы, втроемъ, вышли на балконъ. Издалека увидѣвъ мать, Нелли побѣжала къ ней на встрѣчу. Ольга Михайловна радостно подняла прелестнаго ребенка и, откинувъ назадъ его растрепанныя кудри, горячо расцаловала его въ губки.

— А не пора ли тебѣ спать, моя Нелли?

Digitized by Google

— Пора, мама; да я тебя ждала, чтобъ съ тобой проститься.

— Ну, поди спать, моя маленькая!

— А я завтра разбужу тебя, мама?

— Видите, какъ подѣйствовали мои утреннія наставленія, сказала Ольга Михайловна, обращаясь ко мнѣ.

— Да, да, разбудишь, моя маленькая!

Шопотомъ прочла она молитву надъ дочерью, глядя съ нѣжностью ей въ глаза, перекрестила три раза, еще разъ поцаловала и передала гувернанткѣ.

Эта сцена, очень обыкновенная въ домашнемъ быту, грустно на меня подѣйствовала. Никогда моя холостая жизнь не казалась мнѣ такъ скучна своимъ ходомъ, такъ ничтожна своими удовольствіями, такъ жалка своею будущностью, такъ безотрадна своимъ одиночествомъ, какъ въ эту минуту. Разбирая чувство, овладѣвшее мной, я отнесъ его сперва къ дочери, потомъ къ самой матери, и дознался безъ большого затрудненія, что я не столько завидовалъ счастію быть отцомъ такого ребенка, сколько счастію быть мужемъ такой женщины. Должно признаться: холостой человѣкъ особенно самолюбивъ. На всѣ вещи онъ смотритъ съ своей точки зрѣнія, заботясь только о себѣ и мало стѣсняясь другими, — самопроизвольно вмѣшивается въ чужую семейную жизнь, выбрасываетъ изъ нея что считаетъ лишнимъ и оставляетъ то, что находитъ для себя необходимымъ. Во мнѣ не было развито это самолюбіе до такой степени: я вообще любилъ дѣтей больше ихъ маменекъ, и если были исключенія, то они ничего не доказываютъ уже потому, что доказываютъ слишкомъ много.

Общество наше вскорѣ увеличилось четырьмя пріѣхавшими лицами: молоденькой дамой, которая ненавидѣла карты, и ея мужемъ, который былъ страшный до нихъ охотникъ. Эта дама любила говорить со всѣми мужчинами одинаково, не справляясь, кто, каковъ, откуда. Мужъ садился играть, не спрашивая, съ кѣмъ, во что и почемъ. Дамѣ нравились не мужчины собственно, а нравилась болтовня; мужу нравились не карты, а нравился процессъ игры; даму можно было бы назвать умной женщиной, еслибъ она говорила поменьше; мужа можно было бы назвать игрокомъ, еслибъ онъ игралъ получше. Дальнѣйшей параллели между супругами я выводить не стану, потому что судьба параллельныхъ линій извѣстна: никогда не сходиться. Третьимъ

Digitized by Google

лицомъ былъ осмидесятилѣтній старикъ — ходячая кладовая изношенныхъ каламбуровъ, истасканныхъ остротъ и обвѣтшалыхъ анекдотовъ. Онъ казался явнымъ анахронизмомъ, старой заплатой на модномъ фракѣ, умирающимъ эхомъ давно умершаго звука. Четвертымъ лицомъ былъ дальній родственникъ Ивана Александрыча, любитель музыки, человѣкъ, впрочемъ, обыкновенный, въ полномъ и обширномъ значеніи этого слова. Онъ ѣздилъ въ домъ не для себя, не для хозяевъ, а для гостей, потому что оставался тогда только, когда гости были, и тотчасъ уѣзжалъ, когда ихъ не было. Въ этомъ состояла вся его особенность. Я бы не вывелъ на сцену этихъ людей, нисколько ненужныхъ для хода повѣсти, еслибъ сочинялъ ее; но не могу не упомянуть о нихъ здѣсь потому, что многія случайности необходимы какъ тѣни, какъ блики и для полноты обстановки и для вѣрности разсказа. Погулявъ съ полчаса въ саду, мы вошли къ Ольгѣ Михайловнѣ въ павильонъ.

— У васъ сегодня настоящій раутъ, Ольга Михайловна: какъ-то вы насъ разсадите? спросилъ любитель музыки.

— А ужь вы не хотите ли составить квартетъ?

— Какой квартетъ! мнѣ хочется чаю.

— Такъ дайте сперва намъ усѣсться.

— Ну, а если не достанетъ мѣста? сказала говорливая дама.

— Я не знаю, что будутъ дѣлать мужчины, отвѣчала Марья Михайловна, садясь на диванъ: — но мы постараемся сѣсть прежде ихъ.

— О насъ не безпокойтесь: мы будемъ, вѣроятно, играть, сказалъ охотникъ до картъ.

— Да вѣдь вамъ все-таки сидѣть на чемъ нибудь надобно, возразила жена его.

— Да, конечно; но мы помѣстимся какъ нибудь.

— А я бы радъ былъ вѣкъ стоять передъ дамами, да еще на колѣняхъ, прибавилъ старикъ: — въ мое время кавалеры не то дѣлали; покойный князь....

— Успокойтесь, перебила говорливая дама: — мы этого отъ васъ не потребуемъ.

— Потому что теперь кавалеры сами не станутъ.

— Нѣтъ, потому что это смѣшно; гораздо пріятнѣе сидѣть рядомъ и говорить.

Digitized by Google

— Да вѣдь и въ мое время становились не при каждомъ случаѣ; я помню, разъ покойный князь....

— Да что вы все про покойниковъ.... На колѣни становиться, по-моему, еще смѣшнѣе и еще невыгоднѣе для мужчинъ.

— Почему же?

— Теперь мнѣ и въ голову не придетъ, даже для шутки, ударить вееромъ или перчаткой: поднимай руку, да еще и не достанешь; а когда мужчина на полу, передъ вами, то такъ и кажется, что онъ сталъ нарочно для этого.

— Ольга! а у тебя тѣсновато для восьмерыхъ, сказалъ, оглядываясь, Иванъ Александрычъ: — у насъ въ домѣ было бы просторнѣе пить чай.

— Было бы просторнѣе, но было бы противъ условія.

— Противъ какого условія? спросила говорливая дама.

— Мы условились обѣдать каждый день въ большомъ домѣ, потому что тамъ есть кухня; а вечеромъ — пить чай у меня, потому что у меня есть гувернантка.

— Но въ условіи съ миссъ Файтъ, которую я вамъ отрекомендовалъ, ни слова не было сказано объ обязанности разливать чай, замѣтилъ я.

— Да; но я потомъ уже сама упросила ее заняться этимъ.

— Я также предоставляю это моей нѣмкѣ, сказала говорливая дама: — онѣ рождены для этого.

— Кто?... нѣмки или гувернантки?

— Нѣмки-гувернантки; моя что дѣлывала прежде? изъ экономіи положитъ чаю мало, а въ чайникъ зато положитъ кусочекъ сахару и увѣряетъ, что отъ этого чай крѣпче.

— Онъ можетъ быть слаще.

— Нѣтъ, говоритъ, что крѣпче, будто совсѣмъ потемнѣетъ.

— Я это слышалъ про чернила, замѣтилъ я.

— Ну, конечно, про чернила, подхватила Марья Михайловна. — Ваша нѣмка сбилась.

— Или ты перемѣшала, сказалъ мужъ.

— Какже я могла перемѣшать? Нѣтъ ничего общаго между чаемъ и чернилами.

— Ну, какъ нибудь перемѣшала.

— Да, полно, другъ мой, что ты увѣряешь!

— Да ты иной разъ вѣдь принимаешь же валета за короля, даму за валета; а что между ними общаго?

Digitized by Google

— Ну, ты сейчасъ ужь и про карты: нѣтъ, съ тобой говорить нельзя.

Она отвернулась отъ мужа.

— А что, въ самомъ дѣлѣ, не составится ли у насъ вистъ-преферансъ? спросилъ Иванъ Александрычъ.

— Непремѣнно составится, отвѣчалъ охотникъ до картъ: — насъ четверо: я, вотъ и вотъ....

— Нѣтъ, другъ мой, перебила жена: — мы скоро поѣдемъ.

— Да куда же теперь ѣхать?...Мы только что пріѣхали.

— Какъ куда? домой....

— Успѣемъ.

Онъ подошелъ къ ней и съ нѣжностью поглядѣлъ на нее.

— Но только, пожалуста, недолго, сказала она.

— А что? ты покамѣстъ поговори; никто вамъ мѣшать не будетъ.

— Хорошо, хорошо, знаю.

Мужчины перешли въ большой домъ; мы остались вчетверомъ: Ольга и Марья Михайловны, говорливая дама и я.

— Вы живете на дачѣ? спросила меня послѣдняя.

— Нѣтъ, въ городѣ; но въ семь часовъ уѣзжаю на острова.

— А куда вы чаще ѣздите: на Минеральныя воды или къ Лумби?

— Къ Лумби.

— А я на Минеральныя воды: онѣ отъ насъ ближе; но ѣзжу нехотя: тамъ какъ-то шумно и все въ безпрестанномъ волненіи; я никогда не бываю тамъ покойна; вѣчно ожидаешь чего-то и боишься — и потомъ, хочешь, не хочешь, а все дѣлай по звонку; сегодня, напримѣръ, я сѣла случайно подлѣ молоденькой дѣвушки....

— Такъ вы пріѣхали къ намъ оттуда?

— Оттуда.... мужчина, который говорилъ съ этой дѣвушкой, тотчасъ всталъ и ушелъ; она поглядѣла на меня очень сердито, также встала и ушла за нимъ; потомъ, проходя мимо насъ, они пересмѣивались и въ одно время взглядывали на меня.

— Ну, это, вѣрно, та, которую мы встрѣтили въ каретѣ у Каменноостровскаго мосту, сказала Марья Михайловна.—Какъ она была одѣта?

— Въ лиловомъ платьѣ и въ зеленой шляпкѣ.

— Ну, такъ и есть.

Digitized by Google

— Очень можетъ быть; она нехороша, но свѣжа; а мужчина былъ хорошъ собой: блѣденъ, статенъ и высокъ, — черные, выразительные глаза, усы и солитеръ на пальцѣ.

— Это долженъ быть игрокъ, сказалъ я.

— Нѣтъ, не думаю; я, напротивъ, глядя на него, представляла себѣ такимъ графа Каліостро; а жаль, что въ наше время нѣтъ этихъ таинственныхъ, загадочныхъ лицъ.

— Они есть, да въ меньшемъ размѣрѣ, отвѣчалъ я: — о нихъ не говорятъ, потому что говорить не стоитъ; вѣдь плутомъ быть довольно невыгодно: одного обмануть удастся, а другой зато будетъ осторожнѣе.

— Но много было и не страннаго въ жизни Бальзамо: напримѣръ, его способность узнавать все, что дѣлается.

— Все это проще, нежели вы думаете: счастливый случай, умѣнье имъ воспользоваться, и больше ничего; то, что казалось прежде непонятнымъ, теперь очень ясно.

— Признаюсь, я и теперь, однако, не понимаю способности, которой больше всего завидую, сказала Ольга Михайловна, — видѣть, по произволу, въ любую минуту, кого захочется, несмотря ни на отсутствіе, ни на время, ни на отдаленіе.

— Это очень легко; я готовъ собственными моими средствами, одинъ, безъ посторонней силы и чужой помощи, [illegible] сдѣлать тоже самое, и доказать вамъ на дѣлѣ, что я имѣю эту способность.

— Какъ? способность видѣть когда и кого вамъ вздумается?

— Да.

— Вы шутите, Павелъ Иванычъ.

— Нимало, Ольга Михайловна; хотите пари?

— Съ удовольствіемъ, но объясните точнѣе, въ чемъ дѣло.

— Вотъ въ чемъ: я держу съ вами пари, что васъ увижу, когда только захочу, независимо отъ вашей воли, даже въ ту минуту, которую вы сами мнѣ назначите, предоставляя вамъ полное право на эту минуту уѣхать, спрятаться, запереться отъ меня, — однимъ словомъ, дѣйствовать мнѣ наперекоръ, какъ вамъ заблагоразсудится.

— И я сама назначу вамъ время?

— Вы назначите мнѣ время, а я долженъ буду отгадать мѣсто и явиться туда, чтобъ васъ увидѣть.

— Да какъ вы узнаете куда именно?

Digitized by Google

— Это ужь мое дѣло.

— Тутъ должна быть непремѣнно какая нибудь хитрость, игра словъ или мистификація, сказала Марья Михайловна: — невозможно иначе.

— Даю вамъ слово, что нѣтъ ни того, ни другого, ни третьяго; какъ я сказалъ, такъ точно и будетъ. Ольга Михайловна, о чемъ идетъ у насъ пари?

— О чемъ хотите.

— Я вамъ проигрываю четыре фунта конфектъ, но вы мнѣ ничего не проигрываете.

— Это отчего?

— Оттого, что я слишкомъ увѣренъ въ выигрышѣ. Марья Михайловна, будьте свидѣтельницей и потрудитесь разнять.

Эта увѣренность придала шуткѣ серьёзное значеніе. Дамамъ казалось невѣроятнымъ, чтобъ я могъ самъ собой узнать мѣсто, куда пріѣхать. Изъ тысячи средствъ, придуманныхъ ими, ни одно нисколько не удовлетворяло ихъ любопытства. По смыслу предложеннаго пари, я долженъ былъ обладать непонятной силой и непремѣнно прибѣгнуть къ ней, потому что легко могъ быть въ необходимости разнять домовую крышу, раздвинуть стѣну, войти невидимкой. Тогда дѣло принимало совсѣмъ другой оборотъ и выходило уже изъ ряда обыкновенныхъ.

— Я на всякій случай предупреждаю васъ, Ольга Михайловна, что я, можетъ быть, перемѣню костюмъ и явлюсь въ томъ, который мнѣ покажется болѣе удобнымъ; можетъ быть, вдругъ застучатъ къ вамъ въ окно, или вы услышите странный голосъ и чью-то походку; можетъ быть, даже безъ ключа отворятся двери и къ вамъ войдетъ незнакомый человѣкъ, или, наконецъ, случится что либо другое въ этомъ же родѣ, то я заранѣе прошу васъ не пугаться.

— Однако, слишкомъ ужь напугать меня я вамъ не позволяю; а должна ли я быть одна, или могу быть съ кѣмъ нибудь?

— Это зависитъ совершенно отъ васъ: будьте съ кѣмъ хотите.

— Я бы выбрала одно мѣсто въ саду, въ Павловскѣ, которое никому неизвѣстно, сказала Марья Михайловна.

— А я бы поѣхала къ знакомымъ въ Царское село, къ которымъ Павелъ Иванычъ не ѣздитъ, прибавила говорливая дама.

Digitized by Google

— Тогда бы и Ольгѣ Михайловнѣ нужно было туда поѣхать, отвѣчалъ я: — впрочемъ, разстояніе тутъ ничего не значитъ, и затрудненіе не въ этомъ, а въ томъ, чтобъ отъ меня скрыть, гдѣ Ольга Михайловна будетъ въ такую-то минуту.

— Объ этомъ не безпокойтесь: ужь я, конечно, не скажу вамъ.

— Такъ назначьте мнѣ время: утромъ, днемъ, вечеромъ, ночью.

— Я бы назначила по утру въ два часа, сказала Марья Михайловна.

— А я бы въ два часа ночью, прибавила говорливая дама.

— И тогда вышло бы недоразумѣніе, которымъ Павелъ Иванычъ могъ бы воспользоваться, замѣтила Ольга Михайловна: — потому что теперь ночей нѣтъ.

— Повѣрьте, что я и не сталъ бы на это расчитывать: я хочу у васъ выиграть безъ мелочныхъ придирокъ, безъ двусмысленныхъ уловокъ, прямо, явно, неоспоримо; ничьихъ пособій мнѣ не нужно, мои средства мнѣ не измѣнятъ.

— Какая самонадѣянность! Какъ бы я желала, чтобъ вы проиграли! Я въ состояніи сама заплатить за четыре фунта конфектъ, если вы проиграете; впрочемъ, вамъ лучше проиграть; ну, пожалуста, проиграйте мнѣ.

— И желалъ бы, да не могу.

— Но вы скажете по крайней мѣрѣ, какимъ образомъ вы выиграете?

— Въ этомъ-то, по несчастью, я вамъ и долженъ отказать.

— Отчего же?

— Потому что мои средства могутъ служить мнѣ только до тѣмъ поръ, пока мнѣ одному извѣстны; открой я ихъ другому, они тотчасъ потеряютъ всю силу.

— Ну, право, вы это говорите въ шутку.

— Да къ чему мнѣ?

— Для того, чтобъ окружить себя таинственностію, пробыть нѣкоторое время для насъ загадкою и въ черной мантіи магика хвастливо порисоваться на первомъ планѣ; но у васъ для этого нѣтъ двухъ вещей: большихъ черныхъ глазъ и блѣдности въ лицѣ.

— Позвольте мнѣ ужь отъ себя прибавить третью: и нѣтъ солитера на пальцѣ.

Digitized by Google

— Ну, вотъ видите: въ добавокъ, не вы ли сказали, что въ наше время колдуномъ быть нерасчетливо?

— Я и теперь повторяю, что его непремѣнно поколотятъ, хотя съ вами мнѣ этого бояться было бы нечего. Впрочемъ, я и самъ быть имъ не хочу; но отъ моихъ средствъ, конечно, нѣсколько загадочныхъ, я все-таки не откажусь.

— Такъ вы не боитесь смѣшной репутаціи великаго человѣка на малыя дѣла?

— И очень боюсь; да что же дѣлать, если вы насильно жалуете меня въ волшебники.

— Вѣдь и я опять не могу же назвать обыкновеннымъ то, что мнѣ кажется необыкновенно.

— Такъ условимтесь окончательно вотъ какъ: я буду обязанъ сказать вамъ, какъ я выигралъ, только въ такомъ случаѣ, когда васъ увижу.

— Ну, да наше пари состоитъ въ томъ, чтобъ меня увидѣть; если же вы меня не увидите, то вы проиграли; о чемъ же мы до сихъ поръ говорили?

— Но, можетъ быть, вамъ будетъ не менѣе любопытно знать, какъ я проигралъ.

— Это мнѣ все равно: проигрывайте, какъ хотите, я не спрашивать васъ не буду, даю вамъ слово.

— А я его беру на всякій случай.

Раздались голоса подъ окнами; мужчины возвращались изъ большого дома въ павильонъ.

— Они сегодня кончили очень рано, сказала говорливая дама.

— И очень кстати: я позову мужа на консультацію; вѣдь это непротивно условіямъ пари, Павелъ Иванычъ? спросила Марья Михайловна.

— Нисколько! чѣмъ больше будетъ людей противъ меня, тѣмъ мнѣ будетъ легче или, по крайней мѣрѣ, лестнѣе выиграть.

Иванъ Александрычъ и охотникъ до картъ вошли въ комнату; старика и любителя музыки уже не было: они уѣхали не простясь.

Марья Михайловна разсказала подробно, съ чего, какъ и о чемъ я предложилъ пари.

Digitized by Google

— Откладывать нечего, остается одно: Павлу Иванычу назначить время, а Ольгѣ выбрать мѣсто; для совѣщанія объ этомъ вы позволите намъ оставить васъ на минутку? прибавила она, обратясь къ говорливой дамѣ, къ ея мужу и ко мнѣ.

Они втроемъ ушли въ спальню къ Ольгѣ Михайловнѣ и затворили дверь.

— Мнѣ интересно знать: чѣмъ они рѣшатъ, сказала говорливая дама.

— Чѣмъ бы ни рѣшили, а выиграть трудно, отвѣчалъ мужъ ея: — впрочемъ, со мной было вотъ теперь, когда мы играли почти тоже самое: я узналъ, гдѣ трефовая дама. У моего партнёра ея быть не могло, потому что онъ пошелъ съ валета; Ивана Александрыча ея не было потому, что онъ во второй рукѣ пропустилъ.

— Да полно, другъ мой! ты ко всему примѣшаешь карты; право, это ни на что не похоже.

— Да что же тутъ такого?

— Ничего нѣтъ такого, а скучно слушать; я говорю, зато въ карты не играю; а ты играешь въ карты, зато ужь не говори.

— Вотъ славно! совсѣмъ и не говори.

— Да, по настоящему, такъ бы слѣдовало.

— Ну, хорошо, хорошо.

Въ эту минуту отворилась дверь, и Иванъ Александрычъ съ двумя дамами вышелъ изъ спальни.

— Вотъ мое рѣшеніе, Павелъ Иванычъ, сказала Ольга Михайловна: — я назначаю вамъ завтра, въ среду, въ восемь часовъ вечера.

— Постараюсь непремѣнно быть; но могу ли я на прощаньѣ попросить васъ о двухъ бездѣлицахъ: во первыхъ, чтобъ вы въ восемь часовъ не разъѣзжали и не ходили, а были уже на мѣстѣ, и во вторыхъ, о томъ, чтобъ вы меня подождали немного, если я опоздаю.

— То и другое будетъ сдѣлано: я пріѣду и сяду — сяду и буду ждать васъ до четверти девятаго; впрочемъ, вы бы могли для бо́льшей акуратности повѣрить часы ваши съ моими.

— Да; но можетъ легко случиться, что я узнаю о мѣстѣ свиданія только за десять минутъ: мнѣ нужно же имѣть въ запасѣ

Digitized by Google

другія десять минутъ, чтобъ успѣть пріѣхать; во всякомъ случаѣ, четверти часа мнѣ очень достаточно.

— Вы возьмите съ собою работу, сказала говорливая дама.

— Не стоитъ! у меня будетъ другое занятіе.

— И весьма пріятное, которое легче, однако, найти въ городѣ, нежели на дачѣ, замѣтила Марья Михайловна, лукаво улыбаясь.

— И особенно пріятное въ жаркое время, прибавилъ Иванъ Александрычъ: — когда не только ищешь тѣни, но радъ холоду и морозу.

— Ну, не говори, Jean.

— Да о чемъ же можно догадаться изъ моихъ словъ?

— Да не нужно никакихъ объясненій; они только сбиваютъ.

— По счастію, меня сбить нельзя, Ольга Михайловна; я не составилъ еще никакого плана и даже ни о чемъ не буду думать.

— Да кто же за васъ станетъ хлопотать?

— Сама судьба: она постучится ко мнѣ въ двери или позвонитъ въ колокольчикъ, войдетъ и скажетъ: поѣзжай туда — и я поѣду.

— Это очень покойно.

— Не правда ли?

Я взялъ шляпу; говорливая дама поднялась также; мы вышли вмѣстѣ.

— Итакъ, до завтра, до свиданія, улыбаясь сказала мнѣ Ольга Михайловна, когда я проходилъ мимо оконъ ея павильона.

— До свиданія.

Я раскланялся, но при выходѣ изъ сада еще разъ, въ дверяхъ, оглянулся. Она стояла на томъ же мѣстѣ, прислонясь къ стѣнѣ, и провожала насъ глазами.

Въ бѣломъ платьѣ, тонко перехваченномъ въ таліи, съ наклоненной головой и длиннымъ локономъ на плечѣ, она отчетливо обрисовывалась на темномъ грунтѣ растворенаго окна. По легкости, неподвижности абрисныхъ линій и по блѣдно-матовому свѣту, на ней ровно разлитому, ее можно было принять за чудное, ночное видѣнье; одни глаза ея сохраняли еще дневной блескъ и прозрачность; какъ будто ночи хотѣлось отнять ее у

Digitized by Google

дня, и будто дню жаль было уступить ее ночи. Этотъ споръ былъ рѣшенъ въ пользу послѣдней, потому что Ольга Михайловна затворила окно, а человѣкъ закрылъ ставни. На подъѣздѣ я догналъ супруговъ, съ которыми вышелъ.

— Что́ вы сдѣлали? спросилъ я охотника до картъ: — выиграли?

— Нѣтъ, проигралъ, несмотря на то, что узналъ, гдѣ трефовая дама.

Онъ взглянулъ на жену.

— Опять начинаешь, сказала она.

Я подсадилъ ее въ коляску, и мы разстались.

На другой день, ровно въ восемь часовъ по полудни, человѣкъ мой подалъ Ольгѣ Михайловнѣ, въ кондитерской Сальватора, записку слѣдующаго содержанія:

«Еслибъ я не былъ долженъ, по уговору, разсказать вамъ, какимъ образомъ я выигралъ у васъ пари, то я непремѣнно явился бы въ восемь часовъ вечера на мѣсто свиданія. Но я дорожу моими средствами болѣе, нежели удовольствіемъ выигрыша, а потому, сознаваясь въ умышленномъ проигрышѣ и посылая вамъ четыре фунта конфетъ, я радуюсь, что сохранилъ, по крайней мѣрѣ, право не объявлять никому моего секрета. Впрочемъ, если вы въ немъ сомнѣваетесь, то я предлагаю вамъ еще разъ тоже самое пари, съ новымъ, однако, для меня обязательствомъ: открыть вамъ эти средства во всякомъ случаѣ, чѣмъ бы пари ни кончилось».

Въ тотъ же день вечеромъ я отправился къ Ольгѣ Михайловнѣ на дачу.

— Марьи Михайловны и Ивана Александрыча нѣтъ дома, сказалъ мнѣ человѣкъ: — но они приказали доложить вамъ, что тотчасъ пріѣдутъ и дома будутъ пить чай; а пожалуйте къ Ольгѣ Михайловнѣ: она у себя.

Я прошелъ въ павильонъ.

— Здравствуйте, Ольга Михайловна.

— Ну, какъ хотите, Павелъ Иванычъ, а вы мнѣ должны сказать, какимъ образомъ вы узнали, что мы въ восемь часовъ

Digitized by Google

пріѣдемъ къ Сальватору и будемъ ѣсть у него мороженое. Я не отстану отъ васъ, пока вы не скажете.

— Но я проигралъ пари: я васъ не видѣлъ.

— Полноте! это одна уловка, хитро придуманная: вы меня не видѣли, потому что не хотѣли видѣть, но знали, гдѣ я, и сами не пріѣхали, а прислали человѣка, для того только, чтобъ имѣть право не говорить мнѣ:... Но вы мнѣ скажете, — не правда ли?

— Будьте сами судьею въ дѣлѣ, Ольга Михайловна, проигралъ я или нѣтъ?

— Да, право, я не знаю, какъ вамъ отвѣчать: нельзя такъ хорошо выиграть, какъ вы проиграли.

— Это ужь другой вопросъ: какъ я проигралъ, но я все-таки проигралъ.... вы согласны?

— Положимъ.

— А если я проигралъ, то не имѣю ли права не говорить вамъ, какъ именно. Вспомните, не вы ли сами сказали, что не будете меня распрашивать, и еще дали мнѣ слово, а я его взялъ на всякій случай; вотъ оно и пригодилось.

— Это я помню.

— А если помните, то, вѣроятно сознаетесь, что требуете отъ меня несправедливаго.

— Можетъ быть; но мнѣ очень хочется знать; ну, скажите мнѣ.

— У васъ есть средство узнать: новое пари; но въ этотъ разъ и вы должны мнѣ что нибудь проиграть.

— Съ удовольствіемъ; назначьте сами — что.

Глаза ея оживились. Я молча глядѣлъ на нее. Она слегка покраснѣла, взяла локонъ, распустила его, потомъ опять свила, потомъ откинула его за ухо и, сѣвъ глубже въ кресла, приготовилась слушать.

Я нарочно медлилъ.

— Да что же вы не говорите?

— Не говорю оттого, что до сихъ поръ я видѣлъ въ васъ одно желаніе выиграть, но не знаю вашей готовности проиграть.

— Этой готовности у меня столько же, сколько желанія выиграть.

— Еслибъ въ васъ ея было только на половину, то уже было бы очень много.

Digitized by Google

— Я постараюсь вамъ доказать это. Что вы хотите, чтобъ я вамъ проиграла?

— Я у васъ немногаго попрошу: подушку вашей работы.

Въ ожиданіи Марьи Михайловны и зятя, Ольга Михайловна велѣла готовить чай. Они вскорѣ пріѣхали отъ говорливой дамы и занимали меня вопросами. Я, разумѣется, не объяснилъ имъ моего выигрыша. Иванъ Александрычъ обрадовался новому пари.

— Если, по вашему мнѣнію, я выигралъ оттого, что Ольга Михайловна придумала легкое мѣсто, то придумайте сами, Иванъ Александрычъ.

И придумаю такъ скоро, что и вамъ не дамъ времени одуматься. Ольга, ты разрѣшаешь мнѣ?

— Пожалуста.

— Ну, вотъ, постарайтесь, Павелъ Иванычъ, увидѣть Ольгу сегодня ночью въ три часа.

— Это будетъ мнѣ очень нетрудно, если вы мнѣ позволите остаться у васъ до трехъ.

— Нѣтъ, сегодня не позволимъ; да еслибъ вы и остались, то все бы не увидѣли; хотите, я вамъ даже скажу, гдѣ она будетъ?

— Нѣтъ, Jean, это ужъ лишнее.

— Да тутъ дѣло не въ томъ, чтобъ узнать мѣсто, а въ томъ, чтобъ до него добраться; я ужъ приму всѣ мѣры, повѣрьте, и если будетъ нужно, то запру Ольгу на ключъ и запечатаю двери: надѣюсь, что вы не рѣшитесь войти насильственно?

— О, конечно; но если такъ случится, что я увижу Ольгу Михайловну, а она меня не увидитъ?

— Не безпокойтесь: скорѣе выйдетъ наоборотъ; ну, тогда вы намъ разскажете, какъ ее увидѣли.

— Смотри, Ольга, будь осторожна, замѣтила Марья Михайловна.

— Нечего остерегаться: я закупорю комнату такъ герметически, что и муха не влетитъ.

— Но я желалъ бы, Иванъ Александрычъ, чтобъ въ этой комнатѣ было, по крайней мѣрѣ, свѣтло: въ темнотѣ, разумѣется, ничего не увидишь.

— Будетъ очень свѣтло, да вамъ-то покажется темно.

— А о чемъ пари? спросила Марья Михайловна.

Digitized by Google

— Я проигрываю Ольгѣ Михайловнѣ серебряную пахитосочницу.

— А ты, Ольга?

— А я вышью Павлу Иванычу подушку; только нельзя ли на этотъ разъ избавить меня отъ обязанности ждать четвертью часа долѣе срока: мнѣ и безъ того придется васъ ждать до трехъ часовъ.

— Если я поставлю мои часы по вашимъ, то вамъ не нужно будетъ ждать меня ни минуты.

Мы свѣрили наши часы.

— Однако, прощайте, сказалъ я: — мнѣ хотѣлось бы до дождя добраться до дому.

— Я вамъ не завидую, Павелъ Иванычъ, тащиться теперь въ городъ, а потомъ ѣхать отыскивать Ольгу; право, мнѣ очень жаль, что я не могу пригласить васъ остаться; еслибъ не было пари, я бы никакъ не отпустилъ васъ.

— Это мнѣ будетъ урокомъ на будущее время: не предлагать пари въ дурную погоду.

Я простился, но домой не поѣхалъ, потому что тучи, охватившія все небо, ежеминутно грозили если не потопомъ, то наводненіемъ.

Вспомнивъ объ одномъ холостомъ пріятелѣ, который жилъ на Каменномъ островѣ и лечился отъ безсонницы, я отправился къ нему съ твердымъ намѣреніемъ разбудить его, если ужъ онъ вылечился, или усыпить, если онъ еще боленъ.

Едва успѣлъ я до него доѣхать, какъ полилъ дождь, сверкнула ослѣпительно молнія и ударилъ громъ. Я боязливо взглянулъ на часы: было половина двѣнадцатаго. Пріятель мой дѣйствительно не спалъ, но неизвѣстно отчего—отъ безсонницы или отъ грозы. Онъ вскочилъ и бросился къ окну, но, въ дверяхъ столкнувшись со мной, отступилъ въ недоумѣніи.

— Ты являешься настоящимъ Мефистофелемъ: въ блескахъ молніи и при ударахъ грома, сказалъ онъ. — Ужь не нарочно ли ты выбираешь такія ночи для разъѣздовъ? да скажи, пожалуста, ты хорошо спишь?

Свернувъ на свой любимый предметъ, онъ принялся разбирать всѣ испытанныя имъ методы леченія. Снотворныя вещества, которыми онъ былъ до костей пропитанъ, придали и диссертаціи его наркотическое свойство. Казалось бы, что, при такой спо-

Digitized by Google

собности усыплять другихъ, ему легче всего было самому заснуть, но выходило наоборотъ, и въ этомъ-то состояло его наказаніе, едва ли не равное мученію Тантала.

Гроза продолжалась четверть часа, не долѣе; но въ эти пятнадцать минутъ она успѣла многое сдѣлать: и на небо навести прежнюю лазурь, и на воды прежнюю ихъ гладь, и землю напоить, и омыть деревья, и благодатно растворить воздухъ.

Ровно въ три часа ночи раздались въ спальнѣ Ольги Михайловны три легкіе удара въ ставни. Иванъ Александрычъ, выбѣжавшій изъ павильона, никого не нашелъ подъ окномъ, но ставни были на полъ-пальца раскрыты, такъ что внутренность комнаты была вся видна; на пескѣ же подъ окномъ прочелъ онъ слово: *пари*.

Я пріѣхалъ на другой день утромъ на дачу. Ольга и Марья Михайловны, напавъ на Ивана Александрыча, обвинили его въ неумѣньи распорядиться.

— Право, вы неблагодарны, сказалъ онъ имъ: — изъ за васъ меня всего дождемъ вымочило, когда я закрывалъ ставни; а вы хоть бы мнѣ спасибо за это. Въ ту минуту, какъ я ихъ связывалъ мокрой веревкой, мнѣ казалось, что ихъ туже связать нельзя, и я ручаюсь, что безъ дождя никто не растянулъ бы ея ни на волосъ, а скорѣе оборвалъ бы ее.

— Не дождикъ, а ты виноватъ, Jean: не нужно было мудрить слишкомъ; ты хотѣлъ схитрить—и перехитрилъ, думалъ, что выйдетъ лучше, а вышло хуже.

— И не Иванъ Александрычъ тутъ виноватъ; повѣрьте, судьба такъ устроила.

— Какая тутъ судьба, Павелъ Иванычъ! она не станетъ мѣшаться въ такія мелочи, какъ наше пари; въ однихъ важныхъ случаяхъ я ее допускаю.

— Намъ эти случаи кажутся мелочными и важными, а для нея они всѣ одинаковы. Вотъ я знаю одного юношу, который, по просьбѣ больного пріятеля, пошелъ посмотрѣть для него подержаную коляску, продававшуюся по газетамъ въ такомъ-то домѣ. Коляски, онъ, кажется, и не видѣлъ, а увидѣлъ молоденькую вдову, которая ее продавала, и, познакомившись съ ней, на ней женился; а эта вдова получила вскорѣ потомъ два наслѣдства и двадцать-тысячь серебромъ ежегодна-

Digitized by Google

по дохода. Счастливецъ, женившійся по милости больного пріятеля, недолго оставался у него въ долгу; онъ расплатился съ нимъ вотъ какъ: взялъ за него билетъ въ одну изъ томболъ и выигралъ ему новую коляску на лежачихъ рессорахъ. Можно ли мелочнѣе начать и важнѣе кончить? Еслибъ юношѣ сказали напередъ: «отъ коляски зависитъ твое счастіе: пойдешь посмотрѣть ее — женишься на молоденькой, богатой вдовѣ, не пойдешь—не женишься»,—то онъ бы принялъ эти слова за самыя несбыточныя, а какъ женился, то нашелъ очень натуральнымъ, что женился.

— Вы, кажется, также находитесь въ числѣ тѣхъ избранныхъ людей, которымъ судьба явно покровительствуетъ, и этимъ очень довольны.

— Еслибъ она выбирала по достоинству, то ея покровительство могло бы служить мнѣ рекомендаціей; но она часто выбираетъ и случаи мелочные и людей мелочныхъ; поэтому мнѣ хвалиться нечѣмъ. Въ добавокъ: если она ко мнѣ благосклонна, то, право, только въ бездѣлицахъ. Вы сами знаете, могу ли я похвастаться моимъ счастіемъ!

— Но вы, однако, два раза выиграли пари, и не вправѣ на нее жаловаться.

— Я и не жалуюсь, но не могу не замѣтить, что ея протекція ограничивалась до сихъ поръ одними пустяками, однимъ минутнымъ прикосновеніемъ, которое ни къ чему не вело, какъ будто она шла не ко мнѣ собственно, а къ другому, и только по дорогѣ задѣвала меня ненарочно. Вѣдь всѣ ея благодѣянія состоятъ въ томъ, что я разъ какъ-то выигралъ въ лотереѣ суконную куколку для вытиранія перьевъ, да другой разъ нашелъ въ вагонѣ, на желѣзной дорогѣ изъ Страсбурга въ Базель, бисерный кошелекъ съ бронзовымъ замочкомъ — ито пустой.

— Такъ вы мою подушку считаете наравнѣ съ суконной куколкой и бисернымъ кошелькомъ? это очень мило.

— Когда я ее получу отъ васъ, я за нее помирюсь съ судьбою; но вѣдь она еще пока не вышита.

— А желаніе мое сдѣлать вамъ удовольствіе?

— Желаніе вынужденное, и высоко его цѣнить нельзя; вы проиграли подушку не по доброй волѣ, — нехотя ее и вышьете; вѣдь до пари вы не думали же подарить мнѣ ее?

— А можетъ быть и думала — почему вы знаете!

Digitized by Google

— Не думала, не вѣрьте, Павелъ Иванычъ, перебила Марья Михайловна.

— Я и не вѣрю.

— И хорошо дѣлаете, продолжала Марья Михайловна.

— Ну нѣтъ, возразила ей Ольга Михайловна.

Хотя мысленно я держалъ сторону Ольги Михайловны, но показать этого не хотѣлъ, потому что, зная характеръ Марьи Михайловны, боялся вооружить ее противъ себя. Долго молчать было неучтиво, поднять прерванный разговоръ было нерасчетливо, свернуть на новый предметъ, какъ будто изъ опасенія, чтобъ хозяева опять не заспорили, было рѣзко. Нужно было возвратиться къ прежней темѣ, настроивъ ее на новый ладъ.

— А вы, Иванъ Александрычъ, обязаны вашей женитьбой, конечно, не колясѣ? спросилъ я.

— Да едва ли не ей, потому что я въ первый разъ въ ней пріѣхалъ къ Marie; еслибъ я пѣшкомъ пришелъ, то, можетъ быть, она бы еще подумала: выйти ли за меня? Не правда ли, Marie?

— Нѣтъ, не правда, — и она, взглянувъ изкоса на Ольгу Михайловну, положила работу на столъ и встала: — не еслибъ и была правда, то я бы тебѣ не сказала.

— Да теперь скрывать нечего: ужь поздно и дѣла не поправишь.

Въ Марьѣ Михайловнѣ, послѣ спора, обнаруживалась вдругъ какая-то обидчивость, какая-то необходимость говорить вамъ колкости; но при гостяхъ она удерживалась и только упорно молчала и дулась. Это дутье не проходило само собою, а требовало или объясненія, или примирительной сцены, послѣ которыхъ вдругъ опять исчезало.

Иванъ Александрычъ, не дождавшись отвѣта, обратился ко мнѣ.

— Вотъ женщины!... Нѣтъ, Павелъ Иванычъ, не начинайте съ коляски; лучше начните, съчего угодно: хоть съ суконной куколки, или бисернаго кошелька, или съ пари.

— Я со всего начиналъ, да ничѣмъ не кончаю; видно, разные случаи ведутъ къ разнымъ результатамъ и дѣйствуютъ на иного совершенно обратно; суконная куколка, напримѣръ, была причиною, что я далъ себѣ слово не брать никогда билетовъ ни въ какія лотереи; бисерный кошелекъ отучилъ меня присвои-

Digitized by Google

вать чужія вещи, потому что, разъ, положивъ въ него деньги на счастье, я его потерялъ съ деньгами; а послѣ нашего пари я, можетъ быть, никогда не буду держать пари.

— Отчего же? спросила Ольга Михайловна.

— Теперь я еще самъ не знаю, отчего; но послѣдствія могутъ быть такого рода....

— Что вы не получите подушки? перебилъ Иванъ Александрычъ; я въ этомъ почти увѣренъ, потому что Ольга очень лѣнива.

— А именно въ этомъ случаѣ я и далъ слово не держать пари.

— Ужь не съ досады ли, что вы въ кои-вѣки разъ выиграли, но не получили выигрыша? сказалъ Иванъ Александрычъ.

— Нѣтъ, изъ простого заключенія, что пари также, какъ многое, ничѣмъ не кончается.

— Я, правда, лѣнива-таки, хотя не для другихъ, а для себя только, но условія наши очень помню и, повѣрьте, ихъ выполню.

— Тогда я не стану держать пари изъ благодарной памяти къ вамъ въ особенности и ко всѣмъ вообще за пріятно проведенное время.

При этомъ я слегка поклонился Марьѣ Михайловнѣ, какъ главной хозяйкѣ дома. Мягкая фраза моя и ее смягчила, расположивъ къ примиренію и разговору.

Она улыбнулась мнѣ и, подойдя къ столику, протянулась черезъ Ольгу Михайловну за своей работой. Это доброе существо тотчасъ воспользовалось этимъ случаемъ, чтобъ попаловать сестру въ щеку. Марья Михайловна вдругъ стала другая.

— Но, Павелъ Иванычъ, дайте же намъ хоть разъ у васъ выиграть, сказала она: — по крайней мѣрѣ отыграться; вѣдь это наконецъ обидно: всѣ способы, кажется, на нашей сторонѣ, а мы не можемъ; ну, въ послѣдній разъ, пожалуста, держите пари; Ольга, держи пари.

— Я готова; не знаю, какъ Павелъ Иванычъ.

— А я и подавно готовъ.

— Неужели вы выграете три раза сряду? Но для перваго пари назначила мѣсто сама Ольга, для второго Jean, а для третьяго — назначу я; если же и мнѣ не удастся, то мы рѣшительно кладемъ оружіе передъ вами и признаемъ себя побѣж-

Digitized by Google

денными; но скажите, Павелъ Иванычъ, у васъ есть какой нибудь обсерваціонный пунктъ?

— Какой пунктъ?

— Для вашихъ наблюденій за нами; вѣдь вы, вѣроятно, не сидя же дома дѣлаете розысканія?

— Конечно, нѣтъ.

— Съ какого же пункта вы ихъ начинаете?

— О, этого я вамъ не скажу; впрочемъ, чтобъ дать вамъ всѣ средства у меня наконецъ выиграть, я вамъ открою: съ вашей дачи....

— Вы великодушный непріятель, и проиграть вамъ лестнѣе, нежели у другого выиграть.

— Но прежде, нежели вы рѣшите, о чемъ у васъ пари, сказалъ Иванъ Александрычъ: — я вамъ посовѣтую одно, Павелъ Иванычъ: не брать чего еще нѣтъ, а взять готовое; подушка вещь хорошая, но когда уже сшита.

— Да я никакого выигрыша не хочу: хочу только выиграть.

— Нѣтъ, если уже держать пари, то по всѣмъ правиламъ, возразила Марья Михайловна.

— Разумѣется, сказала Ольга Михайловна: — предлагать невышитую подушку, дѣйствительно, мнѣ не слѣдовало; это все равно, что играть не на наличныя деньги, а въ долгъ; я придумала кое-что другое вамъ на память, Павелъ Иванычъ, и попрошу васъ любить это существо столько же, сколько я его люблю.

— Кого это?

— Моего Кингъ-шарля.

— Въ такомъ случаѣ я вамъ отдамъ моего попугая.

— И Кингъ-шарля съ его серебрянымъ ошейникомъ.

— А я вамъ попугая съ его мѣдной клѣткой.

— И прекрасно! Теперь, Marie, назначь Павлу Иванычу, когда.

— Да когда же? хотите завтра! Что такое завтра?

— Воскресенье.

— Ну, завтра, въ воскресенье, въ 5 часовъ по полудни.

— Идетъ.

Вскорѣ послѣ обѣда, вѣрный принятому правилу: не оставаться на вечеръ въ томъ домѣ, въ которомъ обѣдалъ, я простился и уѣхалъ.

Digitized by Google

Теперь я вмѣсто себя перенесу сюда на вечеръ моихъ читателей и попрошу ихъ пробыть здѣсь десять минутъ невидимками. Для этого не нужно имъ ни предварительнаго знакомства съ хозяевами дома, ни ихъ особеннаго позволенія.

Ольга и Марья Михайловны сидѣли въ саду на диванѣ, прислоненномъ къ стѣнѣ павильона, подъ однимъ изъ его оконъ. Передъ диваномъ стоялъ дамскій рабочій столикъ съ разбросанными на немъ узорами и образчиками англійскаго шитья, начками пахитосъ, газетами и томиками какого-то французскаго романа. Иванъ Александрычъ, еще пасмурный отъ послѣ-обѣденнаго сна, читалъ про себя, а зѣвалъ вслухъ. Открытое окно, изъ котораго рельефно высовывалось типическое лицо миссъ Файтъ, было на аршинъ выше дивана и казалось картиной, надъ нимъ повѣшенной. Нелли не было: она уже спала. Ольга Михайловна, отложивъ работу въ сторону и задумчиво склонивъ головку на руку, смотрѣла на миніатюрнаго Кинга-шарля, лежавшаго у ногъ ея. Она какъ будто предчувствовала скорую разлуку съ любимой собачкой и жалѣла, что легкомысленно пожертвовала ею. Бережно поднявъ ее, она ее приласкала и заботливо уложила подлѣ себя.

— Неужели мы и въ этотъ разъ не выиграемъ, Marie?

— Я, напротивъ, увѣрена, что выиграемъ; ты ничего не догадываешься о моемъ планѣ?

— Нѣтъ.

— Такъ и онъ не догадается.

— Въ чемъ же дѣло?

— Я назначила пять часовъ потому, что онъ въ это время всегда обѣдаетъ, но никогда не обѣдаетъ дома; и замѣтила ли ты, что я спросила насчетъ обсерваціоннаго пункта?

— Это я помню; онъ отвѣчалъ, что выбралъ нашу дачу для наблюденій за нами; но къ чему это ведетъ?

— Къ тому, что его въ пять часовъ навѣрно не будетъ дома.

— Ну, такъ что же?

— А мы въ пять часовъ ровно будемъ у него: посидимъ минутъ десять и пріѣдемъ назадъ.

— Ты довольно хитро придумала, Marie.

— Не правда ли? Гдѣ онъ ни будь — это намъ все равно; но у себя ужь онъ никакъ не останется.

Digitized by Google

— Правда; подшутимъ же мы надъ нимъ; представь себѣ его удивленіе, когда мы скажемъ, что были у него.

Заранѣе поздравляю тебя, Ольга, съ попуганемъ.

Разговоръ этимъ кончился. Иванъ Александрычъ сталъ читать вслухъ, а вѣвать про себя. Я избавлю читателей моихъ отъ обязанности присутствовать долѣе при этомъ чтеніи: вѣвота заразительна, и я боюсь, что и безъ того навелъ ее.

Мнѣ слѣдовало въ воскресенье быть у себя дома не прежде, какъ за минуту до пяти часовъ, для того, чтобъ дать Ольгѣ и Марьѣ Михайловнамъ время безъ меня пріѣхать, но не дать имъ времени уѣхать до срока. Я такъ и сдѣлалъ.

Во время самого боя часовъ вошелъ я къ себѣ въ кабинетъ, который служилъ вмѣстѣ и гостиной; прятаться было некуда и уже поздно.

— Какъ, это вы? воскликнули Ольга и Марья Михайловны.

— Извините, я.

— Да какимъ образомъ вы здѣсь?

— Я имѣю, кажется, право, пріѣхать домой во всякое время.

— Да въ этотъ часъ вы не должны были быть дома?

— Но я долженъ былъ васъ увидѣть.

— Такъ вы знали, что мы будемъ у васъ?

— Зналъ.

— Да какже вы узнали?

— Я вамъ не скажу.

Я бы этимъ кончилъ мою повѣсть, еслибъ не боялся, что нѣкоторыя мѣста въ ней останутся темными.

Ольга Михайловна вскорѣ послѣ пари уѣхала въ деревню; я далъ слово написать къ ней три письма и въ нихъ подробно разсказать исторію трехъ моимъ выигрышей.

Въ отвѣтѣ ея на первое письмо мое находились слѣдующія строки:

«Мнѣ досадно, что я знаю, какимъ образомъ вы выиграли въ первый разъ, и досадно потому болѣе, что вы выиграли очень просто. Право, вы сдѣлали бы гораздо лучше, еслибъ мнѣ ничего не говорили.»

Digitized by Google

На этомъ основаніи я ничего и не скажу о моемъ первомъ выигрышѣ.

О второмъ я писалъ вотъ что́ :

.... «Отъ васъ въ одиннадцать часовъ вечера поѣхалъ я къ пріятелю, который жилъ на Каменномъ острову.

«Въ половинѣ третьяго часа ночи я его оставилъ. Извощиковъ нигдѣ не было, вѣроятно, потому, что они совѣстились дребезжаньемъ и стукотней дрожекъ нарушить торжественную тишину ночи, грозою омытой. На мое счастье плыла не вдалекѣ запоздалая лодка ; въ ней переѣхалъ я на Аптекарскій островъ вдвое скорѣе и вышелъ на берегъ противъ самой вашей дачи. Вы, вѣроятно, помните уединенную дорожку въ вашемъ саду и тропинку, которая вела отъ Невки къ забору. Подойдя къ нему, я замѣтилъ, что четыре деревянныя спицы легко изъ него вынимались и служили проходомъ. Я ихъ выдвинулъ вверхъ и очутился въ саду. Все было тихо. Бережно прокравшись къ вашему павильону, я осмотрѣлъ его со всѣхъ сторонъ и сталъ прислушиваться. Какіе-то глухіе, несвязные звуки раздавались въ угловой комнатѣ. Я подошелъ ближе, потомъ къ самому окну, и ясно различилъ вашъ голосъ. Не было сомнѣнія, что вы сидѣли въ спальнѣ и съ кѣмъ-то говорили. Я вышелъ изъ за деревьевъ на открытое мѣсто посмотрѣть на часы : до трехъ оставалось десять минутъ. Возвратясь къ окну, я оглядѣлъ ставни и веревку, которая ихъ плотно связывала. Она была умышленно закрѣплена такимъ гордіевымъ узломъ, что нечего было и пробовать его распутать ; одно можно было сдѣлать : разрѣзать ее ножомъ; но это значило бы дѣйствовать насильственно, вооруженною рукою, что́ формально противилось нашимъ условіямъ. Стянутая во время дождя веревка должна была, обсохнувъ, опять удобно растянуться, по простому закону физики. Я схватился за эту мысль, а въ тоже время и за веревку. Послѣ нѣкоторыхъ усилій, я, дѣйствительно, замѣтилъ, что она подается. Между ставнями образовалась продольная щель, въ которой блеснулъ огонекъ. Никакой потѣшный огонь не могъ такъ сильно меня потѣшить, какъ эта узкая, неподвижная полоска свѣта. Оттянувъ еще нѣсколько веревку, я на полъ-пальца раскрылъ ставни. Сторы не были еще повѣшены въ вашемъ павильонѣ. Вмѣсто нихъ, бѣлыя кисейныя занавѣски плотно закрывали низъ окна во всю его ширину; но, непроницаемыя для

Digitized by Google

глаза при дневномъ свѣтѣ, онѣ предательски сквозили при огнѣ!

«Вы сидѣли передъ зеркаломъ въ бѣломъ пеньуарѣ. Этотъ костюмъ соединялъ изящество и щегольство дневного платья съ идеальной простотой ночного туалота. Одинаково принадлежа дню и ночи, онъ имѣлъ всю характеристику сумерекъ: ихъ таинственность, ихъ неопредѣленность, ихъ фантастическую прелесть. Вы, вѣроятно были такъ успокоены Иваномъ Александрычемъ насчетъ принятыхъ имъ мѣръ, что нисколько не ожидали моего появленія, а ждали только, чтобъ пробило три часа: вамъ казалось совершенно излишнимъ сидѣть для этого въ платьѣ, и вы рѣшились, подъ тройной защитой — запертыхъ дверей, закрытыхъ ставень и задернутыхъ занавѣсокъ, надѣть пеньуаръ и приказать дѣвушкѣ расчесывать вамъ волосы.

«..... Марья Михайловна и Иванъ Александрычъ сидѣли по обѣимъ сторонамъ туалетнаго столика; казалось, что и они, ежедневно васъ видѣвшіе, любовались вами въ эти завѣтные часы ночи! Я посмотрѣлъ на бронзовые часы, стоявшіе въ углу дивана, и на свои: оставалась минута. Вы протянули руку на прощанье Ивану Александрычу, и только лишь нагнулись къ Марьѣ Михайловнѣ, чтобъ поцаловать ее, какъ пробило три часа. Вслѣдъ за этимъ я слегка ударилъ три раза въ ставни. Вы прижались къ столику, — но это первое движеніе внушено вамъ было не испугомъ, — потомъ взглянули на Ивана Александрыча, который тотчасъ вскочилъ, подбѣжалъ къ окну и отдернулъ занавѣски.

«Хоть я нисколько не боялся улики въ ночномъ досмотрѣ, потому что имѣлъ на это полное право, но все-таки не желалъ быть пойманнымъ на дѣлѣ. Написавъ тростью подъ окномъ на пескѣ слово *пари*, я скрылся между деревьями и въ нѣсколько прыжковъ очутился у забора. Перелѣзть черезъ него и вставить поднятыя спицы было дѣломъ одной минуты», и т. д.

Третье письмо мое — о послѣднемъ выигрышѣ, до Ольги Михайловны не дошло: его перехватила и уничтожила миссъ Фэйтъ, которая помогла мнѣ выиграть третье пари....

П. М.

Digitized by Google

ЗАПИСКИ
ОБЪ АВАРСКОЙ ЭКСПЕДИЦІИ НА КАВКАЗѢ
1837 ГОДА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Географическій очеркъ Дагестана. — Главнѣйшія племена, населяющія его. — Цѣль Аварской экспедиціи. — Кази-мулла. — Секта мюридовъ. — Военныя дѣйствія Кази-муллы. — Смерть Кази-муллы. — Гамзатъ-бекъ. — Краткій взглядъ на исторію Аваріи. — Взятіе Хунзаха Гамзатъ-бекомъ и злодѣйское истребленіе племени аварскихъ хановъ. — Убійство Гамзатъ-бека. — Экспедиція полковника Клюге-фонъ-Клюгенау. — Шамиль — новый предводитель мюридовъ. — Очеркъ крѣпости Темирханъ-Шура. — Толки передъ экспедиціей. — Мысль вести походныя записки. — Начало похода и записокъ. — I. *Лагерь при деревнѣ Дженгутай, 8 мая.* — Число отряда и обозъ нашъ. — Очеркъ Дагестанскаго хребта. — Походный видъ кавказскаго солдата. — Маленькое приключеніе. — Видъ дагестанскихъ деревень, дворцовъ и саклей. — Сады. — *11 мая, лагерь надъ рѣчкой Урумъ.* — Жители Дженгутая. — Деревня Кака-Шура. — Устройство водяныхъ мельницъ. — Исторія поручика В**. — Видъ съ горы на нижній Дагестанъ. — Простодушіе лезгиновъ. — Мѣдныя и серебряныя деньги. — *12 мая, лагерь близъ деревни Лаваши.* — Лезгинскія сакли. — Акушинское общество. — Начало трудностей похода. — Хаджалмакинское ущелье. — Горская пасѣка. — Лезгины. — Искуственные сады. — Деревня Хаджалмаки. — Разговоръ съ лезгиномъ и замѣтка о лезгинахъ. — Водопадъ. — Новыя трудности. — Деревня Копали.

Да простятъ мнѣ мои читатели, если я, предполагая въ нихъ самыя малыя свѣдѣнія о Кавказѣ, начну мои записки съ географическаго описанія той страны, на которую я намѣренъ обратить ихъ вниманіе.

Digitized by Google

Сценой военныхъ дѣйствій экспедиціи 1837 года, получившей названіе *Аварской Экспедиціи*, былъ Дагестанъ. Надобно имѣть предъ глазами спеціяльную карту Кавказа, чтобы составить себѣ понятіе о Дагестанѣ; но и на картѣ вы не найдете яркой красочной полоски, которая бы рѣзко оттѣняла его отъ другихъ земель. Это монгольское названіе, значащее въ переводѣ *гористая страна*, безъ сомнѣнія, дано было татарами, пришедшими на западный берегъ Каспійскаго моря, неопредѣленно землѣ, предъ глазами ихъ лежащей и уставленной безчисленными горами; мы же распространили это названіе почти на всю восточную, при-каспійскую часть Кавказа.

Не имѣя возможности приложить здѣсь карту экспедиціи, я долженъ обратиться къ описанію географическаго положенія страны; и поэтому, чтобы представить себѣ Дагестанъ, я попрошу читателя вообразить обширный треугольникъ земли, котораго основаніемъ будетъ Каспійское море. Одну, сѣверную и почти перпендикулярную къ основанію, сторону составляетъ рѣка Сулакъ, а другую, самую неопредѣленную и разнообразно искривленную — вершины горнаго хребта, который, протягиваясь отъ Сулака къ морю, утопаетъ въ немъ южнѣе города Кубы. Площадь этого треугольника русское правительство на Кавказѣ называло сначала собственно Дагестаномъ и раздѣляло его на южный, отъ Кубы до Дербента, и сѣверный, отъ Дербента до рѣки Сулака. Очень недавно еще появилось названіе *Нагорный Дагестанъ* или *Лезгистанъ*, которое дали странѣ, лежащей отъ моря по ту сторону хребта и населенной лезгинами. Хребетъ этотъ есть отрасль, или, правильнѣе сказать, уступъ главнаго Кавказскаго хребта, который, какъ видно на каждой картѣ, направляясь отъ Чернаго моря къ востоку, поворачиваетъ потомъ къ юго-востоку и идетъ такимъ образомъ подъ острымъ угломъ къ Каспійскому морю. Этотъ хребетъ не имѣетъ здѣсь никакого общаго названія, и потому для ясности я буду называть его Дагестанскимъ хребтомъ. Онъ скатывается къ морю нѣсколькими вѣтвями, которыя, то углубляясь, то возвышаясь, то сходясь между собою, образуютъ самую прекраснѣйшую на всемъ Кавказѣ страну.

Нагорный Дагестанъ, который по преимуществу составляетъ сцену описываемой экспедиціи, занимая, какъ я уже сказалъ, страну по ту сторону Дагестанскаго хребта, заключаетъ въ себѣ между другими частичками земель Аварію—страну, играющую первую роль въ этой экспедиціи. Теперь, читатели, я увѣренъ, что вы уже имѣете нѣкоторое понятіе о географическомъ положеніи Аваріи; вы уже воображаете ее за Дагестанскимъ хребтомъ,— и вы отгадали; только я прибавлю, что не за хребтомъ, а на самомъ хребтѣ, потому что хребетъ этотъ не какой нибудь валъ, а огромная, возвышенная масса

Digitized by Google

земли, толщиною, можетъ быть, въ нѣсколько десятковъ веретъ. Но чтобы вы не глядя на карту еще яснѣе узнали, какую именно часть хребта занимаетъ Аварія, то слѣдуйте только мыслію за мной, а если угодно, возьмите хоть и карандашъ. На Кавказскомъ хребтѣ, на самомъ его изломѣ, гдѣ онъ склоняется къ юго-востоку, есть одна высокая гора, изъ боковъ которой вытекаютъ, почти параллельно, два бурные потока, двѣ рѣки, называемыя нами и татарами Аварскимъ и Андійскимъ Койсу (*), которыя потомъ, сливаясь вмѣстѣ и общими исполинскими силами прорѣзывая Дагестанскій хребетъ, составляютъ уже извѣстную намъ рѣку Сулакъ. Въ этомъ-то пространствѣ между двумя Койсу возвышается Аварія, занимавшая прежде бо́льшую часть поверхности и боковъ этой возвышенности, а теперь уступившая часть своего мѣста другимъ названіямъ. Вотъ вамъ, читатели, теперь, какъ мнѣ кажется, довольно ясное описаніе тѣхъ странъ, о положеніи которыхъ вы непремѣнно должны имѣть понятіе, если хотите читать мои, или даже чьи либо записки о нашихъ кавказскихъ экспедиціяхъ, которыхъ бо́льшая часть производилась на этомъ до сихъ поръ еще малоизвѣстномъ пространствѣ.

Дагестанъ населяютъ два главныя племени: татары и лезгины или, какъ они себя называютъ, таулинцы (**). Не входя въ археологическія изслѣдованія объ этихъ народахъ, буду говорить только объ ихъ настоящемъ состояніи. Татары занимаютъ прибрежную часть Дагестана, лезгины — гористую. Лезгины, старѣйшіе обитатели Дагестана, въ древности, вѣроятно, жили и на прибрежьи, но потомъ татарами были оттѣснены въ горы, за которыми они хотя частію и укрылись отъ порабощенія побѣдителей, но эти храбрые и болѣе многочисленные пришельцы проникали въ самыя неприступныя ихъ убѣжища и оставили тамъ еще доселѣ неизглаженные слѣды своего владычества.

Татары управляются ханами, изъ которыхъ въ сѣверномъ Дагестанѣ значительнѣйшіе шамхалъ тарковскій и ханъ мехтулинскій. Лезгины не имѣютъ ни хановъ, ни князей, а живутъ патріархальными обществами, управляемыми старѣйшинами, которыхъ власть, самая впрочемъ ограниченная, только и обнаруживается нѣсколько во время общихъ внѣшнихъ предпріятій; во внутреннемъ же управленіи они почти не имѣютъ никакого права. Гражданскія дѣла, то есть споры о собственности, у нихъ рѣшаются кадіями, или судьями,

(*) Койсу по татарски значитъ баранья вода; Сулакъ — сладкая или молочная вода. Татары называютъ всѣ четыре рѣки Лезгистана Койсу, придавая для различія названія Аварскій, Андійскій Койсу и прочее, которыя, однакожь, у лезгинъ имѣютъ особое названіе.

(**) Таулу — значитъ горецъ.

Digitized by Google

избираемыми каждымъ обществомъ; а уголовныя, то есть обиды личныя, рѣшаются у нихъ каждымъ *собственноручно* на основаніи эдета (*) кровомщенія (канлы). Важнѣйшія изъ лезгинскихъ обществъ: койсубулинское, акушинское, андалайское, судахаринское, андійское, гумбетовское, салатавское и множество другихъ. Эти общества представляютъ собою едва ли не первую еще степень политическаго устройства народовъ. Но между этими обществами, какъ памятникъ татарскаго въ горахъ владычества, является *ханство* Аварское. Я говорю: «какъ памятникъ татарскаго владычества», по нѣкоторымъ моимъ свѣдѣніямъ; но, можетъ быть, это есть памятникъ и какого нибудь другого событія. Это явленіе чрезвычайно достопримѣчательно для историка и стоитъ того, чтобы кто нибудь изъ археологовъ обратилъ на него особое вниманіе, тѣмъ болѣе, что народное преданіе выводитъ происхожденіе аварскихъ хановъ отъ рыцарей крестовыхъ походовъ, которыхъ пребываніе въ этихъ горахъ подтверждается очень многими памятниками, на которые я укажу впослѣдствіи.

Чтобы означить цѣль Аварской экспедиціи, или изложить причины, заставившія предпринять ее, надо имѣть понятіе о тогдашнихъ обстоятельствахъ горцевъ. Слыхали ль вы что нибудь о кавказскомъ возмутителѣ Кази-муллѣ? вѣроятно, очень мало, или покрайней мѣрѣ не столько, какъ стоятъ его шумные подвиги, которые, безъ всякаго сомнѣнія, глубоко бы врѣзались въ вашей памяти, если бы въ тоже время, какъ они происходили, вниманіе ваше не было увлечено гораздо ближайшими событіями — военными нашими дѣлами въ Польшѣ. Это обстоятельство было причиною, что Кази-мулла остался едва замѣченъ нами, хотя онъ явился не какъ метеоръ, разсыпающійся погасающими искрами: Кази-мулла былъ однимъ изъ тѣхъ людей, которые увлекаютъ умы народа не на одно только мгновеніе, а посѣваютъ въ нихъ понятія и правила, поддерживающія волненіе и послѣ смерти внушителя. Эти понятія, возбужденныя Кази-муллою въ дагестанскомъ народѣ, до сихъ поръ служатъ еще причиною возмущеній грубаго племени, которое нелегко мѣняетъ свои мнѣнія. Кази-мулла былъ религіозный возмутитель. Зная, какъ всѣ предшествовавшіе ему возмутители мало имѣли вліянія на своихъ сподвижниковъ, дѣйствуя только одними пружинами народнаго легкомыслія, онъ употребилъ въ дѣло самую сильнѣйшую пружину дѣйствій человѣческихъ — религію, и, чтобы имѣть въ своемъ распоряженіи не слабую, на короткое только время сбирающуюся толпу, а какую нибудь сильную и постоянную массу сподвижниковъ, онъ основалъ въ Дагестанѣ секту такъ на-

(*) Эдетъ — обычай.

Digitized by Google

зываемыхъ *мюридовъ*, и объявилъ себя начальникомъ ея — *имамомъ*. Духомъ этой секты была магометанская вѣра, а правилами: не щадить ни имущества, ни живота своего на уничтоженіе вкравшихся въ религію измѣненій и на истребленіе всѣхъ невѣрныхъ, разумѣется преимущественно христіанъ, а изъ христіанъ — русскихъ. Фанатизмъ скоро привлекъ къ нему множество послѣдователей; но Кази-мулла, намѣревавшійся посредствомъ ихъ дѣйствовать уже на остальную массу народа, былъ строгъ въ выборѣ и принималъ только людей отважныхъ и ученыхъ. Каждый мюридъ долженъ былъ знать грамату и читать алкоранъ, не пить вина, не курить табаку, быть всегда готовымъ на бой, по требованію своего учителя или начальника секты, и для отличія себя отъ другихъ носить бѣлую чалму или повязку поверхъ своей шапки — папаха.

Имѣя болѣе тысячи такихъ отважныхъ и, по своему, даже ученыхъ мюридовъ, Кази-мулла началъ возбуждать горцевъ къ возстанію противу урусовъ, какъ они насъ называютъ. Несмотря на безпрестанныя свои неудачи, на понятное и для нихъ преимущество русскаго оружія, они всегда готовы собраться къ битвѣ по первому призыву и хотя напередъ увѣрены, что ихъ разобьютъ, но страсть къ войнѣ и грабежу, всегда господствующая у праздныхъ народовъ, преодолѣваетъ предположенія опасности. Зато толпы эти еще скорѣе разсѣеваются, нежели собираются. Не только разгоняетъ ихъ какая нибудь неудача, но чаще всего недостатокъ чурековъ (хлѣбовъ) заставляетъ ихъ какъ можно скорѣе убираться въ свои сакли. Кази-мулла понималъ, что съ такимъ войскомъ немного онъ надѣлаетъ подвиговъ, и потому старался хотя сколько нибудь связать порядкомъ эти безпорядочныя толпы. Онъ далъ имъ хорошихъ начальниковъ и взялъ на себя обязанность заботиться объ ихъ продовольствіи; такимъ образомъ, одушевивъ эти разноплеменныя полчища религіознымъ фанатизмомъ, онъ дѣйствительно отчасти достигъ своей цѣли. У него бывало въ сборѣ по двадцати тысячъ народу, который по мѣсяцу и болѣе находился въ полѣ. Онъ сдѣлалъ набѣгъ на Кизляръ, производилъ вторженія въ земли шамхала тарковскаго и многихъ татарскихъ князей и осмѣливался подступать подъ наши сильныя крѣпости Внезапную, Бурную и г. Дербентъ. И каковажь была храбрость нашихъ тогда очень малочисленныхъ войскъ, которыя не только оборонились отъ такого сильнаго врага, но разбили его совершенно, усмирили возмутившіяся племена, покорили новыя и положили всему конецъ убіеніемъ самого Кази-муллы! Этотъ фанатикъ погибъ на порогѣ родного своего аула Гимровъ, въ тѣсномъ ущельѣ, въ которомъ онъ, заградившись каменною стѣною и завалами, рѣшился защищаться до послѣдней капли

Digitized by Google

крови. Это происходило въ 1832 году, въ то самое время, когда побѣдоносныя наши войска дѣйствовали на западѣ противъ другихъ возмутителей....

Кази-мулла погибъ; но секта его не уничтожилась, и едва, какъ говорится, исчезъ военный дымъ съ полей Дагестана, какъ она опять стала мало по малу распространяться и настроивать умы къ новымъ возмущеніямъ. Послѣ Кази-муллы начальникомъ секты или имамомъ сдѣлался Гамзатъ-бекъ, одинъ изъ первыхъ его учениковъ и сподвижниковъ. Чтобы лучше понять дѣйствія этого преемника Кази-муллы надобно нѣчто сказать объ Аваріи.

Аварія была нѣкогда самымъ сильнѣйшимъ въ горахъ Лезгистана обществомъ — ханствомъ. Она не только владѣла многими, теперь уже отъ нея независимыми обществами, но была почти единственною повелительницею въ этой части горъ, и хановъ ея трепетали всѣ сосѣди. Во второй половинѣ XVIII столѣтія ея воинственный Омаръ-ханъ заставилъ платить себѣ дань грузинскаго царя Ираклія II, хановъ дербентскаго, кубинскаго, бакинскаго, ширванскаго, шекинскаго и пашу ахалцыхскаго, за то только, чтобы не опустошать ихъ владѣній. Хотя еще въ 1727 году бывшій тогда ханъ Аваріи, во время нашей экспедиціи въ сѣверномъ Дагестанѣ, явился въ нашъ лагерь и далъ присягу въ вѣрности,— но когда въ 1799 году генералъ Лазаревъ прибылъ съ однимъ только полкомъ въ Тифлисъ, Омаръ-ханъ двинулся къ Сигнаху противъ него съ войскомъ, но былъ разбитъ на голову. Въ 1803 году, преемникъ его Ахметъ-ханъ аварскій присягнулъ въ вѣрноподданствѣ Россіи, но въ 1821 году нарушилъ присягу, вооружился противъ насъ и былъ разбитъ генераломъ Вельяминовымъ при Аймакахъ. По смерти его, правительницею или ханшею Аваріи сдѣлалась жена его Паху-бике, которая въ 1822 году признала себя данницею Россіи и съ тѣхъ поръ ненарушимо сохраняла самыя дружественныя къ намъ отношенія. Сосѣдніе общества только силою оружія удерживаемыя въ зависимости, начали мало по малу отдѣляться отъ слабой ханши, а дружественныя ея сношенія съ русскими поселили въ нихъ еще болѣе къ ней ненависти, и съ тѣхъ поръ они искали всевозможныхъ случаевъ ослабить или совершенно уничтожить это, все еще грозное для нихъ ханство.

Гамзатъ-бекъ, наученный примѣромъ своего учителя, какъ трудно сражаться съ русскими, не осмѣливался явно дѣйствовать противъ нихъ, а устремилъ всѣ свои замыслы на покореніе Аваріи. Онъ сдѣлался предводителемъ враждебныхъ ей обществъ и въ 1834 году успѣлъ отторгнуть отъ нея нѣкоторыя изъ сильнѣйшихъ деревень и наконецъ обложилъ сильный и дотолѣ неприступный Хунзахъ, столицу Аваріи. Долго стоялъ онъ передъ стѣнами этого дѣйстви-

Digitized by Google

тельно крѣпкаго города, дѣлалъ нѣсколько приступовъ, отводилъ воду; но все было тщетно. Аварцы, предводительствуемые двумя храбрыми сыновьями престарѣлый уже ханши, дрались отчаянно, и Гамзатъ-бекъ, не надѣясь одолѣть ихъ силою, прибѣгнулъ къ подлой азіятской хитрости. Обманомъ, подъ видомъ переговоровъ, завлекъ онъ въ свой станъ аварскихъ князей Абу-нунцалъ-хана, Булачъ-хана и Умма-хана, и, умертвивъ ихъ, внезапно бросился на безпечныхъ хунзахцевъ, овладѣлъ городомъ, умертвилъ ханшу, — и изъ всей этой большой семьи осталась въ живыхъ только жена Абу-нунцалъ хана, Гайбатъ-бике, бывшая беременною, которая впослѣдствіи родила сына султанъ Ахметъ-хана, нынѣшняго наслѣдника аварскаго ханства. Это истребленіе ханской фамиліи происходило 13 августа 1834 года.

Насытившись кровью этого знаменитаго и древняго рода, Гамзатъ объявилъ себя ханомъ Аваріи; но судьба недолго дозволила ему наслаждаться своими злодѣяніями. Противъ него составился заговоръ, и 19-го сентября того же года, во время большого магометанскаго праздника, когда Гамзатъ, какъ глава духовенства, вошелъ въ мечеть, жители Хунзаха—Османъ, молочный братъ, или *имчекъ* Абу-нунцалъ-хана и Гаджи муратъ, бросились на него, и Османъ убилъ его выстрѣломъ изъ пистолета. Съ нимъ погибла часть его приверженцевъ, а остальные бѣжали изъ Хунзаха и опустошали его окрестности.

Всѣ эти происшествія случились такъ скоро, что невозможно было отвратить ихъ. Бывшій въ то время начальникомъ сѣвернаго Дагестана, полковникъ, нынѣ генералъ-лейтенантъ, Клюге-фонъ-Клюгенау былъ не въ состояніи съ находящимися въ его распоряженіи войсками оказать какое либо содѣйствіе аварцамъ и получилъ подкрѣпленіе уже послѣ этой кровавой катастрофы; но, быстро двинувшись въ горы, опъ въ одни сутки спустился въ страшное Гимрійское ущелье, разорилъ Гимры — это гнѣздо мюридовъ, и, возвратясь оттуда, пошелъ къ Аваріи, гдѣ взялъ штурмомъ неприступныя высоты Готцатля, наказалъ многія отторгнувшіяся отъ Аваріи деревни, привелъ ихъ въ прежнее повиновеніе и поставилъ правителемъ Аваріи Асланъ-хана казикумыкскаго, до совершеннолѣтія спасеннаго наслѣдника ханства. На это лестное для горцевъ титло было тогда много претендентовъ, связанныхъ родствомъ съ погибшей фамиліей: Асланъ, ханъ казикумыкскій — владѣтельный князь въ южномъ Дагестанѣ, Абу-муслимъ, братъ бывшаго шамхала тарковскаго, а нынѣ шамхалъ и мужъ Салтанеты Марлинскаго — дочери аварской ханши, и наконецъ ханъ мехтулинскій — молодой и храбрый владѣтельный князь въ сѣверномъ Дагестанѣ.

Digitized by Google

Экспедиція полковника Клюге-фонъ-Клюгенау, славившаяся многими подвигами этого кавказскаго вождя-героя, который такъ смѣло рѣшился повести горсть русскаго войска по маловѣстнымъ намъ дотолѣ тропинкамъ, между страшныхъ ущелій и пропастей Лезгистана, и вступить въ бой съ горцами въ самыхъ ихъ горахъ, въ ихъ крѣпкихъ аулахъ, — эта экспедиція возстановила только на время спокойствіе, но не уничтожила глубоко вкоренившейся секты мюридовъ — источника возмущеній той страны. Еще уцѣлѣлъ одинъ изъ друзей и учениковъ Кази-муллы, извѣстный впослѣдствіи Шамиль, который, ставъ начальникомъ секты, началъ привлекать на свою сторону деревни, потомъ цѣлыя общества: въ два года этотъ возмутитель дотого усилился, что сдѣлался опять опаснымъ для Аваріи и уже началъ свои враждебныя противъ нея дѣйствія.

Не допустить этого новаго возмутителя, Шамиля, овладѣть Аваріей было цѣлію описываемой мною экспедиціи 1837 года; но къ этому присоединились еще и другія намѣренія. Асланъ-ханъ умеръ въ 1836 году, и на мѣсто его былъ поставленъ правителемъ Аваріи Ахметъ, ханъ мехтулинскій. Хотя аварцы и не обнаруживали еще своей ненависти къ Ахметъ-хану, но онъ видѣлъ, что они ждутъ только къ тому случая, и, чувствуя себя не въ состояніи бороться съ одной своей дружиной противъ цѣлаго народа, ему очень желательно было имѣть силу, которая бы могла поддержать власть его: съ этимъ намѣреніемъ онъ предложилъ кавказскому начальству идею воспользоваться тогдашними обстоятельствами Аваріи — основать въ Хунзахѣ крѣпость и оставить тамъ русскій гарнизонъ. Съ перваго взгляда казалось, что Хунзахъ будетъ однимъ изъ самыхъ важнѣйшихъ стратегическихъ пунктовъ для нашихъ военныхъ дѣйствій въ Дагестанѣ: полагали, что, укрѣпившись въ Хунзахѣ и снабдивъ его военными и съѣстными запасами, можно будетъ оттуда легко сдѣлать движенія во всѣ стороны къ разнымъ враждебнымъ племенамъ.

Отрядъ, назначенный для Аварской экспедиціи, собирался въ укрѣпленіе Темирханъ-шуру. Это укрѣпленіе, бывшее штабъ-квартирой сначала Куринскаго, а теперь Апшеронскаго пѣхотнаго полка, начато постройкою въ 1832 году — въ одной изъ прелестнѣйшихъ долинъ сѣвернаго Дагестана. Оно основано на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прежде былъ аулъ того же имени, — имени, которое напоминаетъ собою грознаго Тамерлана, такъ, какъ другой аулъ, находящійся не вдалекѣ, а нынѣ уже не существующій — *Чумкисъ-кентъ*, то есть деревня Чумкиса, или Чингиса (мѣсто смерти полковника Миклашевскаго), напоминаетъ другого монгольскаго завоевателя, Чингисъ-

Digitized by Google

хана. Быть можетъ, эти аулы и дѣйствительно обязаны имъ своимъ основаніемъ.

Мѣстоположеніе Темирханъ-шуры превосходно и въ военномъ и въ живописномъ отношеніи. Она расположена на высокомъ бугрѣ, выдавшемся среди ровной долины, который съ одной стороны гольмъ перпендикулярнымъ утесомъ спускается къ текущей мимо его изъ горъ небольшой рѣчкѣ Узени, а прочими сторонами скатывается постепенно въ долину. На вершинѣ этого бугра, высоко выдавшагося голою скалою, устроена батерея, повелѣвающая всею окрестностію, а пониже вокругъ нея расположено укрѣпленіе. Церковь, казармы, госпиталь, магазинъ, дома начальника и офицеровъ, построенные изъ дикаго камня и выштукатуренные, даютъ прекрасный видъ этому укрѣпленію, ярко бѣлѣющему среди окружающей его почти вѣчной зелени. Поодаль отъ него устроенъ форштатъ, гдѣ живутъ семейные солдаты и офицеры. Домики небольшіе, бо́льшею частію турлучные, то есть сдѣланные изъ торчевого плетня, обмазаннаго глиною, съ плоскою крышею, но чистенькіе и красивенькіе, что́ даетъ этому форштату видъ городка гораздо лучше иныхъ уѣздныхъ. Строитель этого укрѣпленія генералъ Клюге-фонъ-Клугенау старался сколько возможно болѣе доставить удобствъ жизни для лишенныхъ всякихъ общественныхъ удовольствій кавказскихъ воиновъ, и своею щедростію и любезностію онъ сдѣлалъ жизнь нашу очень пріятною въ этомъ пустынномъ мѣстѣ, за тридевять земель отъ родины, среди дикихъ и враждебныхъ намъ племенъ. Тамъ у насъ были и собранія, и балы, и вистъ, и бильярдъ, и даже театръ. Я увѣренъ, что кто только вспомнитъ этотъ періодъ времени въ Темирханъ-шурѣ, тотъ душевно поблагодаритъ того, кто умѣлъ быть такъ попечительнымъ и внимательнымъ.

Недалеко отъ укрѣпленія находится озеро, имѣющее версты четыре въ окружности. Вода въ немъ соленая и негодная для употребленія, но очень здоровая для купанья и цѣлительная въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ. Зеркальная поверхность озера очень много придаетъ красоты мѣстоположенію Темирханъ-шуры. Возлѣ крѣпости ярко бѣлѣется надгробный памятникъ капитана генеральнаго штаба Богдановича, убитаго въ Гимрахъ въ 1832 году.

Съ мѣсяцъ уже войска стояли около этого укрѣпленія, въ ожиданіи предстоящаго, и слова «походъ въ Аварію» безпрестанно были на языкѣ и сердцѣ каждаго. Каждому хотѣлось напередъ знать хоть что нибудь объ этой странѣ: хотѣлось знать, какія трудности насъ ожидаютъ, съ какимъ непріятелемъ будемъ мы сражаться. Иной распрашивалъ о жителяхъ, другой — о климатѣ, третій — о Шамилѣ и отчаянныхъ мюридахъ, четвертый — о

Digitized by Google

таинственномъ Хунзахѣ, тотъ — о прелестныхъ видахъ, тотъ — о полножномъ кормѣ. Молодые офицеры мечтали о чинахъ и крестахъ, старые заботились о походныхъ удобствахъ, солдаты толковали о крутыхъ горахъ, длинныхъ переходахъ, каменистой дорогѣ, и го подбивали сапоги свои гвоздями, то прилаживали походныя сумки. Но никто не могъ удовлетворить любопытныхъ: никто еще не видалъ самой Аваріи, а кто и былъ по близости, такъ обыкновенно слишкомъ увлекался своею опытностію и, толкуя обо всемъ, ничего не говорилъ ясно. Только и слышишь бывало отъ нихъ, что горы да ущелья, ущелья да горы, а какія ущелья, какія горы — толку не добьешься. Эти неудовлетворительные разсказы покрывали Аварію какою-то таинственностію, которая возбуждала любопытство у каждаго, кому уже давно надоѣло единообразіе жизни въ штабъ-квартирѣ. Къ тому же на Кавказѣ каждый радъ экспедиціи какъ празднику. Это единственный случай увидѣться съ знакомыми и друзьями. Сладкія мечты брали верхъ надъ горькими, и всѣ радовались и всѣ съ нетерпѣніемъ ждали похода.

Хотя расчеты нашего брата солдата совсѣмъ другіе, однакожь и мы радовались экспедиціи. Насъ утѣшала непріятельская добыча, винная порція, отличія. Одинъ изъ бывшихъ въ плѣну у горцевъ насказалъ намъ, что въ Баваріи (Аваріи) всегда тепло, винограду и курочи (абрикосовъ) какъ листу, а барановъ по горамъ какъ стрекозы. «А ужь какъ пройдемъ, братцы, въ Индію, а оттуда въ Италію (*), тамъ-то буракъ! хоть кибитки строй! И все такія косматыя, да легкія, да наипрекрасныя, что чудо! А вода съ нихъ какъ съ гуся: такъ и скатывается.» Мы слушали и тоже говорили: «ахъ! кабы скорѣе въ походъ.»

Но болѣе всѣхъ занималъ этотъ походъ меня. Преданія объ аварахъ древнихъ писателей и новыя яркія страницы объ Аваріи нашего кавказскаго повѣствователя, противорѣчащіе разсказы бывалыхъ, недостатокъ подробныхъ описаній или даже какихъ нибудь вѣрныхъ свѣдѣній, и мысль, что тѣ мѣста, которыя мы открываемъ кровію, почти совершенно остаются неизвѣстными для прочихъ соотечественниковъ, — все это вмѣстѣ возбуждало во мнѣ сильное желаніе увидѣть Аварію собственными глазами, полюбоваться ея видами, узнать что нибудь объ ея жителяхъ, и потомъ какъ можно вѣрнѣе передать мои замѣчанія другимъ. Жалѣю о томъ, что знаніе мое не позволяло мнѣ имѣть болѣе къ тому средствъ; жалѣю о тѣхъ, которые могли бы лучше это сдѣлать, но не понимали пользы и не радѣли.... Увѣренный, что какъ мѣста нами завоеванныя, такъ и

(*) Тогда еще мы такъ мало знали этотъ край, что, дѣйствительно, солдаты называли Аварію Баваріей, Индію — Индіей, а Тавлію — Италіей.

Digitized by Google

собственное наше положеніе за тридевять земель отъ милой родины, отъ родныхъ и друзей, очень занимательны для тѣхъ соотечественниковъ, которые принимаютъ живое участіе и въ нашихъ побѣдахъ, и въ нашей участи, я долгомъ почелъ, по силамъ своимъ и способностямъ, хотя сколько нибудь удовлетворить ихъ желаніе — сшилъ тетрадь, купилъ карандашъ и тоже говорилъ: «Ахъ! когдабъ скорѣе въ походъ!...»

Несправедлива была бы послѣ этого слишкомъ строгая взыскательность къ издаваемому мной описанію экспедиціи; но если кто изъ участвовавшихъ въ ней найдетъ что нибудь неполнымъ или невѣрнымъ, то я очень бы желалъ, чтобы онъ указалъ мнѣ мои ошибки. Я и самъ считаю мои записки неполными и, быть можетъ, слабыми, но думаю, что этимъ-то я и заставлю войти со мной въ состязаніе другихъ, которые болѣе меня знаютъ; и быть можетъ они, также какъ и я, вытащатъ свои забытыя тетрадки, дополнятъ ихъ памятью и издадутъ въ свѣтъ на зло моимъ запискамъ и на радость мнѣ и всѣмъ любознательнымъ соотечественникамъ.

Лагерь при деревнѣ Дженгутай. 8 мая.

Наконецъ мы выступили въ походъ, 8 мая. Въ этотъ день какъ-то особенно прекрасно взошло солнце и утро было тихое и очаровательное. Воздухъ былъ свѣжъ и наполненъ благоуханіемъ травъ и цвѣтовъ; алмазная роса сверкала по зелени; соловьи пѣли въ цвѣтущихъ уже кустарникахъ; жаворонки щебетали въ поднебесьи. Эта восхитительная картина природы располагала каждаго къ радости и порождала самыя сладкія мечты. Въ какомъ-то восторженномъ расположеніи духа былъ весь отрядъ. Не говорю уже о легковѣрной юности; но я приглядывался къ самымъ степеннымъ физіономіямъ — и въ нихъ не замѣтилъ никакого мрачнаго чувства: такъ всѣ радовались походу и такъ обольстительны были надежды каждаго! Объ опасностяхъ или смерти никто и не думалъ. Эта мысль рѣдко приходитъ въ голову кавказскаго воина даже въ самомъ сраженіи, а уже тѣмъ менѣе при началѣ похода... Всѣ были веселы, довольны, счастливы, какъ будто шли не на кровавый, а на веселый дружескій пиръ.

Авангардъ нашего отряда выступилъ изъ Темирханъ-шуры 7 мая; 8-го выступила вторая колонна со всѣми тяжестями и обозомъ, при которой находился и я, во второмъ батальонѣ Куринскаго Егерскаго

Digitized by Google

полка. Отрядъ состоялъ изъ 2-го, 3-го и 4-го батальоновъ Куринскаго полка, трехъ батальоновъ Апшеронскаго и двухъ его свѣтлости князя Паскевича Ериванскаго, всего изъ осьми батальоновъ, неполнаго впрочемъ комплекта, 8 легкихъ полевыхъ орудій, 10 горныхъ единороговъ, 4 вьючныхъ мортирокъ, одной сотни донскихъ и двухъ сотенъ линейныхъ казаковъ. Каждый батальонъ имѣлъ при себѣ всѣ свои тягости, какъ-то: патронные и палаточные ящики, фургоны, артельныя повозки и лазаретныя фуры. Кромѣ этого довольно уже большого и тяжелаго обоза, было еще съ нами — тысяча татарскихъ арбъ, на которыхъ везлось на сорокъ дней провіанту, 500 четвертей ржаной муки для будущаго хунзахскаго гарнизона, запасный артиллерійскій паркъ и матеріялы для деревяннаго моста. Все это находилось при нашей второй колоннѣ. Такой огромный караванъ, способный двигаться только въ степи, два дня вытягивавшійся изъ Темирханъ-шуры, заставлялъ задумываться при взглядѣ на возвышавшійся впереди хребетъ, чрезъ который нужно было перевезти его.

Генералъ Клюге-фонъ-Клюгенау, знавшій по опыту, что въ это время нѣтъ еще въ горахъ ни былинки, не совѣтовалъ выступать въ походъ такъ рано и съ такимъ количествомъ травоядныхъ, тогда какъ военныя обстоятельства нисколько насъ къ тому не принуждали. Ахметъ-ханъ съ своей милиціей былъ довольно силенъ, чтобы защитить Аварію, а Шамиль не только не дѣйствовалъ наступательно, но, напротивъ, заперся въ одномъ крѣпкомъ аулѣ — Телитль. Но командующій отрядомъ генералъ Фезн былъ противнаго мнѣнія, ибо хотѣлъ не однихъ побѣдъ, но и прочнаго утвержденія въ краѣ.

Дагестанскій хребетъ составляетъ длинную цѣпь горъ, утесистыхъ съ западной стороны, а съ восточной постепенно скатывающихся къ Каспійскому морю, гдѣ, то возвышаясь живописными буграми, то углубляясь роскошными долинами, наконецъ у береговъ разстилается обширными лугами и степями, такъ что мѣстоположеніе этой прикаспійской части Дагестана можно означить вообще тремя параллельными скатами, тремя широкими уступами огромнаго и неправильнаго амфитеатра. Первый уступъ почти необитаемъ. Его составляютъ или голыя скалы, или вершины и ущелья, покрытыя дремучимъ строевымъ лѣсомъ, гдѣ дубъ и букъ помнятъ времена Тамерлана. На второмъ уступѣ, долины, орошаемыя множествомъ гремучихъ ручьевъ, имѣютъ самую плодоносную почву, на которой родится всякаго рода хлѣбъ, — и прелестнѣйшіе сады окружаютъ живописно каменныя деревни. Послѣдній уступъ составляютъ луга, на которыхъ пасутся многочисленныя стада барановъ верхнихъ и нижнихъ жителей Дагестана. Далѣе къ морю идутъ степи, песчаныя, покрытыя солончаками и почти совершенно безплодныя, по кото-

Digitized by Google

рымъ кочуютъ нагайцы и на которыхъ множество соляныхъ озеръ доставляютъ владѣльцамъ ихъ большія выгоды.

Наша дорога отъ Темирханъ-шуры, лежащей на среднемъ уступѣ, и до аула Кака-шура, прислонившагося къ первому уступу, пересѣкала наклоненную долину, и въ этомъ мѣстѣ она вездѣ удобна для повозокъ. Жители Дагестана ѣздятъ на арбахъ, что̀ дѣлаетъ ихъ дороги широкими и гладкими. Муслимъ-аулъ, Дженгутай, Дергали и Кака-шура — вотъ деревни, чрезъ которыя пролегалъ нашъ путь до подъема на хребетъ.

Наружный видъ нашего отряда казался мнѣ величественнымъ и прекраснымъ. Это была длинная, почти безконечная свѣтлая полоса, которая какъ сверкающій ручей вилась по долинѣ. Чистая аммуниція и опрятная одежда красили солдатъ, а искусство и снаровка пригонки заставляли удивляться ихъ предусмотрительности. Кавказскій солдатъ совсѣмъ не такъ одѣвается въ походъ, какъ на смотръ. Вмѣсто ранца за плечами холстяная сумка; сума подтянута ремнемъ, на которомъ висятъ небольшой жестяной котелокъ, отвертка, сальница со щеткой, кисетъ, трубка и прочее; панталоны спрятаны въ сапоги, скатанная шинель надѣта черезъ плечо, фуражка на бекрень и ружье съ отпущеннымъ погономъ, которое онъ, смотря по надобности, то держитъ на плечѣ, то носитъ за плечами. А не угодно ли заглянуть въ походную солдатскую сумку? Вы найдете тамъ, кромѣ шестидневнаго провіянта и другихъ необходимостей, еще кусочекъ зеркальца, въ которомъ онъ каждый день охарашивается; а у иного есть и священная книжка. И обладаніе огромною библіотекой не даетъ другому такого вѣса, какъ этому солдату его единственная книжка въ глазахъ его товарищей!

Пройдя красивенькую деревушку Муслимъ-аулъ, мы сдѣлали привалъ. Роты поставили ружья въ козлы и отдыхали, пока стягивался обозъ. Что̀ за чудная вещь въ походѣ привалъ! Это самая сладкая мечта, которая прежде всѣхъ другихъ лелѣетъ и пѣшаго солдата и коннаго офицера. Когда изнемогаетъ тѣло, тогда оставляешь всѣ желанія и думаешь только какъ бы поскорѣе отдохнуть, какъ бы поскорѣе на привалъ. Да! никто, выступая въ экспедицію, не задавалъ себѣ столько надеждъ, какъ я; а случалось, что усталость до того разстроивала мои предположенія, что, казалось, тужь минуту помѣнялся бы своею участью съ самымъ бѣднѣйшимъ пастухомъ, который, думаешь, спитъ себѣ спокойно теперь подъ своимъ непромокаемымъ кровомъ.... Но вотъ привалъ: бросаешься на землю и радостно отдыхаешь.... Впрочемъ, настоящій привалъ вовсе не былъ въ этомъ родѣ. Мы прошли всего не болѣе пяти верстъ: устать было неотчего, и потому вмѣсто спокойствія вездѣ была дѣятельность. Деньщики развязывали вьюки и доставали еще

Digitized by Google

свѣжія закуски, солдаты развязывали сумки и вытаскивали еще тепленькія булочки; словомъ, всѣ начали закусывать. Группы офицеровъ собрались вокругъ вьючныхъ сундуковъ своихъ командировъ, гдѣ очень неделикатно истребляли пирожки, жареныхъ куръ, вареныя яйца и подшучивали надъ зѣваками. Курили трубки, пили вино, напѣвали пѣсни и то посматривали на крутой хребетъ, то оглядывались на почти родимую намъ Шуру, которая такъ живописно бѣлѣлась посреди зеленой долины. Обозъ придвинулся, ударили подъемъ, и весь отрядъ вспорхнулъ какъ журавлиное стадо, построился и маршъ.... Дорогою солдатамъ нескучно. Они или поютъ пѣсни, или разсказываютъ свои похожденія, сказки, анекдоты, шутятъ и толкуютъ о командирахъ. Между ними есть закаленные весельчаки, люди, у которыхъ ни языкъ, ни ноги никогда не устаютъ; и счастлива рота, которая имѣетъ такого балагура. Она не знаетъ, какъ время летитъ, и не замѣтитъ, какъ дойдетъ до привала. Скажетъ словцо—животики надорвешь; а какъ пойдетъ въ плясовую, такъ всю усталость какъ рукой сниметъ.

До самого Дженгутая дорога ровная и хорошая, а по сторонамъ ея волнистая равнина, покрытая какъ бархатъ зелеными полями и пестрыми нажитями ячменю и пшеницы. Въ четыре часа по полудни мы остановились лагеремъ на ночлегъ возлѣ этой деревни. Разбили палатки, развели огни, и черезъ часъ уже кипѣлъ мой походный мѣдный чайникъ. Въ походѣ чай совершенно другой напитокъ отъ чаю комнатнаго. Дома пьешь его по привычкѣ и рѣдко съ наслажденіемъ, а здѣсь — о! это просто нектаръ! Съ невыразимымъ удовольствіемъ глотаешь его теплую струю и чувствуешь, какъ она живительнымъ бальзамомъ разливается по внутренности. Отдернувши полы палатки, со стаканомъ въ рукахъ, я долго сидѣлъ поджавши ноги и любовался Дженгутаемъ. Это столица Мехтулинскаго владѣнія, то есть мѣстожительство его владѣтеля, Ахметъ-хана, который тогда находился въ Аваріи. Видъ ея довольно живописенъ. По срединѣ, въ родѣ замка, возвышается четырехъсторонній ханскій дворецъ: около него толпится сотни двѣ довольно чистыхъ каменныхъ саклей, и наконецъ все это опоясано широкою полосою цвѣтущихъ садовъ.

Здѣсь я хочу разсказать одно изъ моихъ приключеній, которое, какъ и многія изъ послѣдующихъ, хотя и мало интересно, но какъ такія мелочи или характеризуютъ народъ, съ которымъ мы входили въ сношенія, или обнаруживаютъ наше положеніе, то я и не считаю ихъ лишними. За разными хлопотами я не успѣлъ подковать въ Темир-ханъ-шурѣ бывшую у меня вьючную лошадь, и какъ некованная лошадь совершенно не можетъ итти по каменистой дорогѣ, то мнѣ захотѣлось сдѣлать это въ Дженгутаѣ. Въ лагерь нашло множество жи-

Digitized by Google

телей для продажи намъ чурековъ, ячменю, яицъ и прочаго. Купивъ у одного изъ нихъ себу (мѣрку) ячменю, я попросилъ его проводить меня въ деревню и отыскать кузнеца. Часа три ѣздили мы съ нимъ по узкимъ улицамъ, посѣтили по крайней мѣрѣ десятерыхъ *устъ*, то есть мастеровъ, и на силу у одиннадцатаго сыскали станъ плоскихъ азіятскихъ подковъ, но безъ гвоздей, и потому подковать лошадь было невозможно. Но я рѣшился купить подковы. За нихъ слѣдовало заплатить два абаза (два двугривенныхъ), и какъ у меня мельче рубля серебромъ не было денегъ, то тутъ начались новыя хлопоты. Кузнецъ разослалъ искать мелочи по всѣмъ своимъ роднымъ и знакомымъ; я ждалъ болѣе часу, и наконецъ посланные возвратились съ [illegible]мъ только абазомъ!... Что дѣлать? еще двухъ недостаетъ. И я принужденъ былъ вмѣсто ихъ взять четырехъ курицъ.

Но надосугѣ я внимательнѣе разсмотрѣлъ ханскій замокъ. Всѣ строенія Дагестана, да почти и всего восточнаго Кавказа, одной архитектуры. Сакли строятся изъ нетесанаго дикаго камня, соединеннаго глиною, длинныя, четырехъугольныя, съ плоскими крышами и съ галлереей на дворъ. Двери и окна (безъ стеколъ, только съ внутренними двустворчатыми ставнями) обращены къ галлереѣ, а на улицу выходитъ глухая стѣна, въ которой вверху подъ самой крышей пробиты частыя небольшія бойницы, открываемыя въ случаѣ войны. Сакли въ Дагестанѣ бо́льшею частію двухъэтажныя; иныя строятся покоемъ, охватывая три стороны двора, и имѣютъ нѣсколько комнатъ въ одинъ рядъ, но несоединяющихся между собою дверьми. Часть двора, выходящая на улицу, въ незастроенномъ мѣстѣ обносится каменною стѣною, въ которой продѣлываются узкія полукруглыя ворота, а надъ ними устроивается иногда башня. Дворы бо́льшею частію малые, застроенные, и такъ стѣснены между собой, что часто деревня представляетъ почти сплошные дома, сходящіеся крышами, по которымъ можно исходить всю деревню. Улицы узки и кривы, и какъ деревни эти бо́льшею частію устроиваются на неприступномъ мѣстѣ, то можете судить, чего иногда намъ стоитъ взятіе такой деревни, защищаемой съ свирѣпымъ отчаяніемъ. Замокъ Ахметъ-хана отличается отъ прочихъ домовъ только величиною и тѣмъ, что въ немъ въ иныхъ мѣстахъ и на улицу есть окна, и окна европейскія — со стеклами и симметрически расположенныя. Это уже значительный шагъ къ цивилизаціи, и быть можетъ, когда нибудь, влетитъ туда съ дневнымъ свѣтомъ и свѣтъ европейской образованности.

Но болѣе всего мнѣ нравились въ этой деревнѣ ея сады. Неимовѣрной величины орѣховыя деревья, яблони, груши, персики, абрикосы, обвитые и сплетенные вьющимся виноградомъ, невольно вле-

Digitized by Google

кутъ насъ подъ тѣнь свою, и я бы не устоялъ противъ этого искушенія, если бы не время уже было возвратиться въ лагерь. Въ другомъ мѣстѣ я подробнѣе опишу эти очаровательные сады, которые кромѣ цвѣта ничего не имѣютъ общаго съ нашими садами.

Когда я пріѣхалъ въ лагерь, товарищи мои по палаткѣ успѣли уже приготовить походный ужинъ, то есть кашицу съ саломъ, и это неприхотливое кушанье показалось мнѣ самымъ эпикурейскимъ блюдомъ.

11 мая. Лагерь надъ рѣчкой Урумъ.

На другой день съ разсвѣтомъ мы двинулись далѣе. Тяжелый обозъ чрезвычайно затруднялъ нашъ маршъ, и мы почти на каждой верстѣ должны были останавливаться и ожидать, пока онъ станется. Жители Дженгутая встрѣчали насъ съ любопытствомъ, продавали намъ чуреки и ячмень, но не изъявляли ни радости, ни печали. Жители Дженгутая и почти всѣхъ окрестныхъ деревень бо́льшею частію татары; но между ними есть и лезгины, и отъ этой смѣси они не имѣютъ общей физіономіи. Между ними вы найдете и черноволосыхъ, и бѣлокурыхъ, и рыжихъ, съ черными, голубыми или сѣрыми глазами; но вообще народъ хорошей наружности, высокаго роста, бодраго и воинственнаго вида. Одежда ихъ, какъ и всѣхъ жителей этой части Кавказа, болѣе подходитъ уже къ грузинской или персидской, хотя многіе носятъ и черкесскую. Вообще, всѣ жители Кавказа имѣютъ два главныхъ мужскихъ костюма: черкесскій и персидскій. Первый господствуетъ на сѣверѣ Кавказскаго хребта, второй на югѣ, и подвергаются они очень незначительной смѣси. Черкесскій костюмъ состоитъ изъ суконной коротенькой черкески, на груди которой нашиты кожаные патронташи, изъ плоскаго косматаго папаха, бешмета, узкихъ штановъ, узенькихъ чивяковъ, или башмаковъ, и ноговицъ; а персидскій — изъ чухи безъ патронташей, съ откидными длинными рукавами, изъ остроконечной высокой шапки, бешмета, широкихъ шальваръ; мѣсто ноговицъ и чивяковъ занимаютъ или сапоги съ большими подборами и длинными голенищами, или остроконечные башмаки безъ пятокъ, тоже съ высокими подборами. Другихъ костюмовъ я не встрѣчалъ нигдѣ на Кавказѣ, исключая развѣ Иммеретіи, гдѣ носятъ особыя шапки. О женскомъ нарядѣ я скажу гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, потому что ни одной порядочно одѣтой женщины не встрѣтилъ я въ Дженгутаѣ, хотя и много ихъ выглядывало на насъ изъ за воротъ и заборовъ.

Отъ Дженгутая до деревни Дергали, на разстояніи шести или семи верстъ, дорога была еще довольно удобна: ни горъ, ни ущелій,

Digitized by Google

а ровная долина, повсюду превосходно воздѣланная трудолюбивыми жителями. Мнѣ очень понравилась эта небольшая деревушка, имѣющая, впрочемъ, домовъ до пятидесяти. Она какъ бы прилеплена къ подымающейся надъ нею горѣ, и чистенькія ея сакли, возвышаясь одна надъ другою, даютъ ей видъ какого-то рыцарскаго замка. Сады ея тоже прелестны и живописно окружаютъ ея подножіе. Мы только прошли ее и спѣшили къ деревнѣ Кака-шура, гдѣ слѣдовало быть ночлегу. Дорога начинала уже дѣлаться хуже, потому что шла уже у подошвы горы, но все еще не представляла большихъ затрудненій, и мы достигли Кака-шуры благополучно, пройдя въ этотъ день не болѣе, впрочемъ, пятнадцати верстъ.

Кака-шура мѣстоположеніемъ почти похожа на Дергали, только гораздо больше ея. Это послѣдняя пригорная деревня, и отъ нея начинается уже хребетъ, который по направленію отъ этой деревни имѣетъ меньшую и не такъ крутую возвышенность. Переночевавъ, по выходѣ изъ деревни мы вступили въ ущелье. На днѣ его шумѣлъ потокъ, а по лѣвой отлогой сторонѣ продѣлана была нашимъ авангардомъ дорога. Она шла сначала по ущелью, но потомъ начала подыматься въ гору и, чтобъ не быть слишкомъ крутою, извивалась зигзагами, или, какъ говорятъ солдаты, *вавилонами*. По теченію ручья устроено множество водяныхъ мельницъ, совершенно не похожихъ на наши. Здѣшніе жители не запружаютъ воды подобно намъ, а отводятъ ее нѣсколько въ сторону узенькою канавою, которая равняется съ крышею мельницы, и оттуда по узкому деревянному столбу вода низвергается подъ мельницу, гдѣ вертитъ небольшое горизонтальное колесо о восьми или десяти лопаткахъ самой грубой работы. Внутри нѣтъ никакихъ зубчатыхъ колесъ, а верхній камень вертится на небольшомъ желѣзномъ веретенѣ, вдѣланномъ въ вертикальный валъ водяного колеса. Таковы вообще всѣ азіятскія мельницы на Кавказѣ, и отводные ихъ каналы часто приводятъ въ изумленіе незнакомыхъ съ законами гидравлики. Иногда эти каналы, а особливо назначенные для орошенія полей, простираются на три и четыре версты, и посредствомъ ихъ подымаютъ воду вверхъ на нѣсколько сажень; вода такимъ образомъ течетъ совершенно на гору, потому что какъ вершина ручья гораздо выше его русла, которое безпрестанно склоняется, а каналъ между тѣмъ постепенно возвышается, то воду можно поднять до уровня съ вершиною.

Пройдя всего отъ Кака-шуры верстъ шесть, мы остановились съ тѣмъ, чтобы дождаться всего обоза и уже ночевать: такъ затру-

Digitized by Google

дительна становилась дорога для нашего обоза. Мы шли по хребту, и жалко было смотрѣть, съ какими усиліями артельныя лошади тащили на подъемъ тяжело нагруженныя повозки, или тощіе азіятскіе быки свои скрыпучія арбы. Крики фурлейтовъ, гики азіятцевъ, хлопанье бичей и трескъ повозокъ уже начали часто повторяться и заставляли насъ предполагать трудности, какія намъ предстояли въ самыхъ горахъ. Къ вечеру, наконецъ, благополучно придвинулся арьергардъ, и огни запылали надъ давно жданными артельными котлами. На этомъ ночлегѣ мы имѣли прекрасный подножный кормъ, и лошади наши покамѣстъ были еще бодры.

Покуда готовили ужинъ, я пошелъ отыскивать одного изъ друзей своихъ, молодого поручика Б**, котораго я очень любилъ и съ которымъ мнѣ хотѣлось побесѣдовать. Онъ сидѣлъ возлѣ своей палатки и, казалось, любовался заходящимъ солнцемъ и разнообразными видами, которые уже начали отсюда открываться. Онъ служилъ прежде въ гвардіи, былъ хорошо образованъ, добръ, неопытенъ какъ дитя, но съ пылкими чувствами и фанатическимъ воображеніемъ, — еще въ цвѣтѣ лѣтъ, въ началѣ жизни онъ казался уже разочарованнымъ.

— Ну, что! каковъ Кавказъ? было мое первое восклицаніе.

— Да! хорошъ для глазъ, отвѣчалъ онъ нашимъ кавказскимъ каламбуромъ и равнодушно просилъ меня садиться на разосланной буркѣ.

— Неужели только глаза могутъ найти здѣсь себѣ пищу? Я думаю, и умъ и сердце не были бы правдны, если бы мы захотѣли только дать имъ занятіе. Здѣсь такъ все величественно, такъ ново, такъ отлично отъ нашего европейскаго міра, что невольно возбуждаетъ сердце къ восхищенію, а умъ къ наблюдательности.

— Это правда, у кого умъ можетъ быть чѣмъ либо отвлеченъ отъ собственныхъ обстоятельствъ и сердце можетъ быть чувствительно къ чему иному, кромѣ своего горя.

— Ты никогда не былъ вполнѣ со мной откровененъ и потому не стану возражать тебѣ. Но вспомни мои разсказы о моихъ потеряхъ. Неужели онѣ незначительнѣе твоихъ? Но я все забываю взглянувъ на эту еще дѣвственную страну, и мечтаю только о томъ, какъ бы мнѣ болѣе проникнуть въ ея таинства.

— Я никогда не считалъ твоихъ несчастій ничтожнѣе моихъ. Напротивъ, они гораздо значительнѣе. Въ самой нѣжной юности, въ самомъ разгарѣ твоего стремленія къ познаніямъ ты долженъ былъ оставить мирную сѣнь любезныхъ тебѣ наукъ и вступить на непри-

Digitized by Google

бычное и трудное военное поприще. Признаюсь, я всегда удивлялся твоей твердости, и даже стыжусь говорить тебѣ о моихъ страданіяхъ. Не смѣшно ли было бы, еслибъ я обрѣзавъ пальцъ сталъ жаловаться на боль тому, у кого ядро оторвало руку. Да, мой другъ! мнѣ жаль, мнѣ смѣшно, мнѣ стыдно своей слабости. Моя потеря въ сравненіи съ твоею ничтожна; но она грызетъ мое сердце ежеминутно, она тянетъ къ себѣ всѣ моя чувства, мысли.... и я не въ силахъ отъ нея оторваться....

— Не изъ пустого любопытства, котораго ты до сихъ поръ во мнѣ не замѣчалъ, а изъ участія къ тебѣ, которое я уже не разъ обнаруживалъ на дѣлѣ, наконецъ спрошу тебя о твоемъ горѣ. Несчастія не имѣютъ степеней. Они подобны болѣзнямъ, изъ которыхъ мы ту считаемъ мучительнѣйшею, которою страдаемъ.

— Да! мнѣ пора все разсказать тебѣ. Кто знаетъ, что со мной будетъ! Мнѣ кажется, я не возвращусь изъ этой экспедиціи; а мнѣ не хотѣлось бы умереть, не передавъ кому либо моихъ послѣднихъ воспоминаній о той, которую одна только смерть исторгнетъ изъ моей памяти. Вотъ видишь ли, мой другъ: я влюбленъ, и эта несчастная страсть, несмотря на отдаленіе, преслѣдуетъ меня еще съ бо́льшею силою здѣсь, нежели въ Петербургѣ. Тамъ я былъ знакомъ съ семействомъ Б**, которое состояло изъ доброй и умной старушки и ея единственный дочери Елены. Они были не очень богатые люди, но жили прилично, и у нихъ часто собирались гости: ихъ родные и знакомые. Еленѣ было семнадцать лѣтъ. Черты лица ея не были совершенны; но выраженіе ихъ было восхитительно. Каждое ея движеніе, каждый звукъ голоса были граціозны и обольстительны въ высочайшей степени. Вотъ ея портретъ; но въ состояніи ли искусство земное изобразить восхитительное выраженіе этого личика!... Она была прекрасно образована, превосходно пѣла, играла, и этого уже было слишкомъ достаточно, чтобы воспламенить мою голову. Я посѣщалъ ихъ очень часто, и изъ ея невинныхъ ласкъ, изъ ея взоровъ я началъ замѣчать расположеніе ко мнѣ. Обвороженный ея любезностію, я не могъ долѣе скрываться предъ нею и высказалъ ей любовь мою. Она заплакала и, подавъ мнѣ свою руку, сказала: «Боже! могла ли я думать о такомъ счастіи!» Съ тѣхъ поръ поселилось между нами истинное блаженство, котораго теперь я не въ силахъ пересказать тебѣ. Мы ничего не скрывали другъ отъ друга, почти каждый день видѣлись и съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе влюблялись одинъ въ другого. Я уже сдѣлалъ ей предложеніе и только ожидалъ благословенія родителей,

Digitized by Google

чтобы сказать о томъ ея матери, но между тѣмъ.... Въ числѣ гостей посѣщалъ ихъ иногда одинъ молодой человѣкъ, любезный, милый, привѣтливый, но легкомысленный и дерзкій въ высочайшей степени. Онъ часто шутилъ, любезничалъ съ Еленой, которая съ своею дѣтскою наивностію обходилась съ нимъ очень привѣтливо, и повѣса вообразилъ, что она въ него влюблена. Однажды собралось нѣсколько молодыхъ людей на именины къ одному изъ товарищей; тамъ же были я и Б**. Какъ водится, вина было вдоволь, и когда поразогрѣлись головы, начались разговоры про разныя интриги. Почти каждый разсказывалъ какія нибудь глупости, умалчивая объ истинной сердечной связи; но Б** вдругъ началъ хвастаться любовью къ нему Елены и такими ея ласками, о какихъ я еще и думать не смѣлъ. Я молчалъ; иные называли его счастливцемъ, а другіе надъ нимъ смѣялись и считали разсказъ его шуткою. — «Клянусь вамъ, что это правда — сказалъ онъ — и вотъ вамъ даже ея кольцо, которое она мнѣ недавно подарила» — и золотое колечко брякнуло на столѣ. Я не могъ болѣе выдержать. — «Лжешь! — закричалъ я — я докажу тебѣ, что это клевета» — и, схвативъ кольцо, выбѣжалъ изъ комнаты, оставивъ всѣхъ въ изумленіи....

«Еще было не болѣе десяти часовъ вечера, и я опромѣтью побѣжалъ въ домъ Елены. Я нашелъ ее одну въ гостиной, матери не было дома, и я былъ очень радъ случаю быть съ нею наединѣ Едва подавляя свой гнѣвъ, я вдругъ спросилъ:

— Елена! любишь ли ты меня?

— Къ чему этотъ вопросъ? развѣ ты еще этого не знаешь? живо возразила она и быстро бросилась было ко мнѣ; но встревоженный видъ мой остановилъ ее.

— Что̀ это значитъ? отчего ты дрожишь и такъ блѣденъ? Александръ, ради Бога, отвѣчай мнѣ!

— Послѣ буду отвѣчать, а теперь спрошу: любишь ли ты Б**?

— Александръ! произнесла она болѣзненно-укорительнымъ голосомъ и, залившись слезами, упала на кресло.

«Несмотря на мою увѣренность въ ея любви, невольныя сомнѣнія встревожили было мое пылкое воображеніе; но чистосердечный видъ этого милаго созданія, ея слезы глубоко меня тронули, и я, схвативъ ея руку и осыпавъ поцалуями, сказалъ сквозь слезы:

— Прости мнѣ, милая Елена! я виноватъ передъ тобою. Но взгляни на это кольцо: вѣдь оно не твое?

— Нѣтъ, не мое.... но, ахъ! Александръ! какая низость! Это мое кольцо.... я не замѣтила.... въ мазуркѣ, вѣрно, мнѣ его подмѣ-

Digitized by Google

милая. Неужели Б**! Вотъ кольцо, которое я, не разсмотрѣвъ, считала своимъ.

«И съ этимъ словомъ она сняла съ руки кольцо, почти такое же, какъ и ея, и, бросивъ его, опять начала плакать.

— Успокойся, Елена! Я вѣрю, что это обманъ, что ты невинна; но обманщикъ будетъ жестоко наказанъ за свою дерзость.

«И я разсказалъ ей поступокъ Б**.

— Прощай, моя милая! Мнѣ нѣкогда, да уже и поздно....

..... Между мною и Б** произошла ссора, и я долженъ былъ уѣхать на Кавказъ. .....

«Не хочу утомлять тебя долѣе подробностями. Скажу только, что передъ моимъ отъѣздомъ на Кавказъ, я и Елена повторяли нѣсколько разъ клятвы любви, обѣщанія писать письма, и когда нибудь я дамъ тебѣ прочитать ея драгоцѣнныя строки, полученныя мной уже здѣсь, чтобы ты могъ судить о ней.... Вотъ мое горе, милый другъ! Вотъ что ежеминутно занимаетъ мой умъ и сердце, и что послѣ этого можетъ меня радовать здѣсь?... Тамъ, тамъ, далеко, носится моя душа, мое воображеніе, а здѣсь бродитъ только мое бренное тѣло....»

Пріятель мой, какъ видитъ читатель, говорилъ нѣсколько восторженно, но онъ былъ еще очень молодъ и сильно влюбленъ. Я передалъ его разсказъ безъ всякихъ измѣненій.

Онъ замолчалъ, я молчалъ тоже; молча мы доѣдали бараній шашлыкъ и допили стаканы кахетинскаго. Уходя, я пожалѣлъ о судьбѣ его, которой развязку я почти предвидѣлъ, но не хотѣлъ огорчать его моими неутѣшительными предположеніями.

На другой день съ разсвѣтомъ мы двинулись далѣе. Дорога хотя шла въ гору, но не очень круто, и авангардъ нашъ, пройдя верстъ десять и достигнувъ вершины хребта, остановился поджидать обоза. Въ этомъ мѣстѣ хребетъ, какъ я уже сказалъ, имѣетъ самую мѣньшую возвышенность. Къ удивленію нашему, почти на самой вершинѣ его мы нашли неглубокій изсѣченный въ камнѣ колодезь и очень рады были утолить холодною его водою палившую насъ жажду. Но какой чудный видъ открылся вдругъ передъ нами! Съ одной стороны, весь Дагестанъ роскошнымъ ковромъ разстилался будто у самыхъ ногъ нашихъ, съ своими зелеными долинами, лѣсами, деревьями, садами, между которыми ручьи и рѣки какъ блестящія ленты живописно извиваются, а скалы и горы какъ бы нарочно разставлены, чтобы отдѣлять одну отъ другой эти разнообразныя картины чудной галлереи. Тамъ какъ будто стадо, спящее у озера, виднѣется

Digitized by Google

Темирханъ-шура, тамъ Казанище, славные своими кинжалами, тамъ Дженгутай, Дергали плаваютъ въ яркой зелени садовъ своихъ, далѣе, направо, Параулъ, Гилли, Буйнаки, налѣво — Ероелы, Темиръ-аулъ и другія деревни, а тамъ вдали, сливаясь съ небомъ, синѣется море. Однимъ словомъ, предъ глазами вашими развернута самая вѣрная барельефная карта, которую вы можете изучать и любоваться. Какое-то пріятное чувство ощущаешь въ груди своей, когда стоишь на горѣ и видишь ниже себя то, что́ прежде было гораздо выше: будто дѣлаешься владыкою всей окрестности, будто въ состояніи достать рукой каждую деревню! Невольно становишься горделивымъ. Но чтобы смирить свое высокомѣріе, стоитъ только оборотиться и взглянуть въ другую сторону. Вдругъ, какъ бы въ испугѣ, пробуждаешься, очарованіе исчезаетъ, страхъ смиряетъ чувства и показываетъ нашу ничтожность. Да! взгляните въ эту сторону, въ этотъ нагорный Дагестанъ! Здѣсь не увидите уже ни прежнихъ долинъ, ни луговъ, ни рощъ: здѣсь взоръ вашъ то испугается мрачнаго ущелья, то отворотится отъ безобразной скалы, то помутится отъ бездонной пропасти. Какъ будто только-что было здѣсь землетрясеніе: такъ все разрушено, такъ все обезображено. Какой-то зловѣщій сѣрый, глиняный цвѣтъ подернулъ все видимое; и это наводило ужасъ не только на пылкую душу какого нибудь подобнаго мнѣ созерцателя, но воо́ще и на самую черствую самаго хладнокровнаго зрителя, потому что этотъ сѣрый цвѣтъ не обѣщалъ намъ ни былинки подножнаго корму.

Обозъ подотсталъ, и мы стали спускаться къ рѣчкѣ Уруму, гдѣ уже стояла лагеремъ наша первая колонна. Спускъ этотъ не очень крутъ, и мѣстами разработанная дорога была довольно удобна, и мы еще рано разбили палатки на берегу Урума.

На другой день пришелъ нашъ арьергардъ; здѣсь соединился весь нашъ отрядъ; пріѣхалъ и генералъ, котораго мы по выступленіи изъ Темирханъ-шуры еще не видали. Итакъ, въ пять дней мы успѣли пройти примѣрно до сорока верстъ и очень счастливо перетянулись чрезъ одну изъ возвышенностей — перевалились за хребетъ.

Мы уже въ Тавліи, въ Лезгистанѣ, въ Нагорномъ Дагестанѣ. Жители навезли въ отрядъ множество ячменю, чурековъ, яицъ, свѣжихъ яблокъ, разумѣется прошлогоднихъ, и начался базаръ.

Digitized by Google

12 мая. Лагерь близъ деревни Лаваши.

Изъ Урума мы выступили опять двумя колоннами. Съ первою отправился самъ генералъ, а вторая, подъ командою нашего полка подполковника Цыклаурова, опять должна была двигаться съ обозомъ. Урумъ — небольшая горная рѣчка, которую мы перешли въ бродъ, и поднявшись на крутой берегъ, нѣсколько верстъ шли пустынною равниною, которая какъ-то нечаянно здѣсь образовалась. Время было прекрасное. Утреннее солнце нѣсколько разцвѣтило эту мрачную пустыню, жаворонки щебетали въ воздухѣ и нѣсколько оживляли эту глушь; а тамъ, вправо, изъ за высокихъ и угрюмыхъ горъ выглядывали блестящія снѣжныя вершины и восхищали взоръ игрою своею съ солнечными лучами. Но вотъ декорація перемѣнилась: мы вступили въ Ливанское ущелье. По обѣ стороны возвышаются почти перпендикулярные скалы и утесы, нѣтъ нигдѣ ни деревца, ни зелени, лишь голые камни и глина. Внизу шумѣлъ небольшой ручей, надъ головою вилась лазурная полоска свѣтлаго неба, и свѣжій воздухъ пріятенъ былъ своею прохладою. Въ одномъ мѣстѣ ущелья, на значительной высотѣ отъ подошвы, есть нѣсколько пещеръ и въ нѣкоторыхъ живутъ бѣдные лезгины. Я докарабкался до одной изъ нихъ. У отверстія сидѣло самое бѣдное семейство и готовило себѣ въ котлѣ какую-то пищу, а далѣе, на скалѣ, съ винтовкой въ рукахъ молодой горецъ глядѣлъ за десяткомъ козъ и овецъ своихъ, которыя съ необыкновенною ловкостію отъискивали между камнями скудную пищу. — «Вотъ жалкая жизнь — подумалъ я — и неужели въ ней есть какія либо радости и удовольствія!» Далѣе встрѣчалось нѣсколько бѣдныхъ и одинокихъ саклей, прислоненныхъ къ скаламъ; но вообще это ущелье до Лавашей необитаемо и пусто.

Деревня Лаваши расположена на верху лѣвой стѣны этого ущелья. Она принадлежитъ къ Акушинскому обществу и довольно обширна; но снизу трудно было разсмотрѣть ее. Возлѣ нея опять соединились наши колонны. Кое-какъ размѣстились по тѣсному ущелью и разбили палатки. Вечеръ былъ прекрасный. Генералъ велѣлъ играть музыкѣ и горнистамъ, и жители Лавашей, отъ мала до велика, мужчины и женщины, какъ ласточки усѣлись на закраинахъ утесовъ и почти висѣли надъ нашими головами. Но любопытнѣйшіе спустились внизъ, и меня очень насмѣшилъ одинъ изъ нихъ. Передъ горнистами стоялъ съ булавою тамбуръ-мажоръ, и какъ горны во

Digitized by Google

время игры обращены назадъ отверстіемъ, то лезгинъ подходилъ по порядку къ каждому горну, подставлялъ ухо и съ гримасами удивлялся игрѣ ихъ. Переслушавши всѣ горны, наконецъ подходитъ онъ къ тамбуръ-мажору и также прикладываетъ ухо къ булавѣ его, въ ожиданіи, что и она заиграетъ, какъ вдругъ тамбуръ-мажоръ стукнулъ его въ голову, и онъ отскочилъ съ испугомъ.

До сихъ поръ мы еще нигдѣ не встрѣчали непріятеля. Акушинское общество, чрезъ которое лежалъ нашъ путь, съ давняго еще времени намъ предано и потому не принимало участія въ возмущеніи Шамиля, и мы въ немъ были безопасны. Это одно изъ сильнѣйшихъ лезгинскихъ обществъ, состоящее изъ нѣсколькихъ деревень, между которыми главная Акуша; управляемое умными кадіями, оно болѣе другихъ благоденствуетъ. Еще, кажется, въ 1818 году памятный на Кавказѣ генералъ Ермоловъ одержалъ надъ ними славную побѣду при этой же деревнѣ Лаваши, взялъ съ нихъ аманатовъ и клятву быть нашими союзниками и никогда не присоединяться къ врагамъ нашимъ; и этотъ, по видимому, варварскій народъ до сихъ поръ твердо сохранилъ свою клятву, несмотря на обольщенія и угрозы многихъ возмутителей. Разсказываютъ, что когда Кази-мулла прислалъ къ нимъ пословъ своихъ, чтобы склонить ихъ дѣйствовать вмѣстѣ съ нимъ противу насъ, то они, собравъ депутатовъ отъ всѣхъ деревень своихъ и посовѣтовавшись между собой, несмотря на сильное уже могущество Кази-муллы, несмотря на многія сосѣднія общества, принявшія уже его сторону, такъ отвѣчали: «Мы дали клятву никогда не нападать на русскихъ и не входить въ сношенія съ ихъ врагами, а русскіе тоже обѣщались насъ защищать. До сихъ поръ они держатъ свое слово: зачѣмъ же намъ нарушать нашу клятву? Таково мнѣніе насъ, стариковъ. Но у насъ есть молодые люди, которые, быть можетъ, не послушаютъ нашихъ совѣтовъ и по страсти къ войнѣ будутъ тайно съ вами участвовать: такъ пусть и они лучше явно обнаружатъ свое желаніе.» Послѣ этого была собрана изъ всѣхъ деревень бо́льшая часть молодежи. Имъ пересказали предложеніе Кази-муллы, связи съ русскими, отвѣтъ посланникамъ и наконецъ спросили, желаютъ ли они итти противъ русскихъ? Молодежь увлечена была справедливостію и благоразуміемъ своихъ старѣйшинъ и съ негодованіемъ отвергла предложеніе возмутителей.

Лошади наши уже давно голодали. Травы ни стебелька. Жители продавали намъ саманъ, то есть мелкую какъ рѣзка солому, которая у нихъ всегда такою дѣлается отъ особаго рода молотьбы

Digitized by Google

хлѣба; но можетъ ли она замѣнить сѣно? А попробовали было вырывать корни, такъ пять человѣкъ не нароютъ для одной лошади и въ пять часовъ, да и тѣхъ лошади не ѣли. Мой гнѣдой начинаетъ уже худѣть и вѣрно жестоко недоволенъ этимъ краемъ.

Мая 13.

За Лавашами, поднявшись въ гору, мы наконецъ выбрались изъ ущелья, и передъ нами открылась небольшая равнина, которой почва хотя и камениста, но прекрасно обработана и хорошіе всходы ячменю и пшеницы удивили бы нашихъ агрономовъ. Но какая странность! шесть дней, какъ мы оставили Дженгутай, Дергали, гдѣ пшеница и ячмень уже выкидывали колосъ, а здѣсь они только еще взошли. Это оттого, что мѣстность здѣсь гораздо выше и снѣгъ еще недавно растаялъ. Поля обложены толстою каменною стѣною и между ними дорога представляла улицу.

Верстъ восемь шли мы этой равниной и потомъ между двухъ горъ должны были спускаться въ пропасть. Спускъ былъ очень крутъ, и каждую повозку нужно было спускать по одиночкѣ, безъ лошадей, одними людьми. Къ ней привязывали сзади и съ боковъ нѣсколько веревокъ, и человѣкъ двадцать, уцѣпившись за нихъ, съ большими усиліями удерживали ея стремленіе. Мы были въ этой странѣ какъ дома и нигдѣ не встрѣчали непріятеля. Спустившись въ эту пропасть, мы шли самымъ страшнымъ и мрачнымъ ущельемъ, ведущимъ къ деревнѣ Хаджалмаки и оттого называемымъ Хаджалмакинскимъ. Бока его саженей на двѣсти возносились перпендикулярными глинистыми скалами, изъ которыхъ съ любопытствомъ выглядывали на насъ огромные нависшіе камни, какъ бы готовые на насъ обрушиться. Внизу ревѣлъ бурный потокъ, по руслу котораго пролегала наша дорога, загроможденная обвалившимися каменьями, которые, во многихъ мѣстахъ запруживая ручей, заставляли его низвергаться чрезъ нихъ водопадомъ. Лошади наши разбивали подковы по этой страшной мостовой и портили ноги, телѣги ломались, фурлейты кричали, били жалкихъ животныхъ, но обозъ едва двигался. Одна обломавшаяся повозка останавливала всѣ задніе, потому что нѣкуда было объѣхать. Между тѣмъ шелъ дождь и погода была мрачная. Сѣрыя облака вереницами носились не только надъ головами, но и между ногами нашими, и, какъ бы испуганныя нашею суматохою, они опромѣтью бѣгали по ущелью и прята-

Digitized by Google

лись подъ нашими непромокаемыми шинелями. — «Вотъ подлинно диковинное ущелье» — говорили солдаты — знать недобрая сила дерется здѣсь вонъ этими бомбами!» А эти бомбы, дѣйствительно, вещь удивительная. Вообразите себѣ круглые камни, правильные какъ бильярдные шары, въ діаметрѣ болѣе сажени! Иные изъ нихъ торчатъ на значительной высотѣ, въ глиняныхъ скалахъ, или лежатъ подлѣ ущелья, совершенно цѣлые, другіе расколоты пополамъ. Они разной величины, отъ сажени до дюйма въ діаметрѣ, шифернаго свойства, только не черные, а сѣрые, и когда разобьешь, то въ серединѣ на четверть въ діаметрѣ пустота, наполненная кристаллообразными полупрозрачными камешками. Не зная успѣховъ современной минералогіи, я не могу пускаться ни въ какія разсужденія объ этихъ каменьяхъ; но, судя по различной ихъ величинѣ, мнѣ кажется, что большіе были прежде маленькими и слѣдовательно маленькіе будутъ большими, а потому это явленіе можетъ быть самымъ очевиднымъ доказательствомъ растенія камней.

Мы шли далѣе. Ущелье то съуживалось, то расширялось, и скалы имѣли самыя фантастическія формы. Погода прояснилась. Нѣсколько солнечныхъ лучей, залетѣвшихъ въ ущелье, придали ему болѣе разнообразія, и въ одномъ мѣстѣ я былъ пріятно пораженъ премиленькой картинкой. Посреди этой дикой и разрушенной природы, гдѣ глазъ кромѣ камней и глины ничего болѣе не встрѣчаетъ, вдругъ, выйдя изъ за одной скалы, видишь на правой сторонѣ ущелья, въ половинѣ его высоты, прелестнѣйшій, самой яркой зелени небольшой садикъ. На небольшой искуственной, саженей въ сорокъ, площадкѣ растетъ пшеница и по краямъ ея до тридцати абрикосовыхъ и другихъ деревьевъ. Въ концѣ площадки, къ самой скалѣ пристроена маленькая чистенькая сакля, возлѣ нея пчельникъ, а надъ нею, саженей десять повыше, дугою низвергается водопадъ чистою и прелестною полоской, который падаетъ противъ двери сакли въ сдѣланный изъ камня водоемъ!... Это мѣсто, истинно, какъ говорится, романическое, чрезвычайно меня восхитило, и я почти позавидовалъ его владѣльцу, который сидѣлъ спокойно у порога своей сакли и, безъ сомнѣнія, удивлялся нашему появленію. Пчельникъ этого горца состоялъ изъ пятнадцати или двадцати ульевъ, расположенныхъ совершенно по горски. Впереди сдѣлана каменная стѣнка, аршина четыре вышиною, въ которой продѣланы въ три ряда, какъ будто бойницы, лазеи для пчелъ. Сзади этой стѣнки подѣланы въ три ряда полки, на которыхъ поставлены пчелы, очками къ каменнымъ отверстіямъ стѣнки, въ небольшихъ плетеныхъ изъ прутьевъ ульяхъ, обмазанныхъ глиною, вышиною вер-

Digitized by Google

пикомъ восемь, снизу въ діаметрѣ четверти три, а вверхъ не болѣе двухъ. Это первая встрѣтившаяся мнѣ горская пасѣка. Впрочемъ, не помню, чтобы я видѣлъ потомъ гдѣ либо другую, и мнѣ кажется, что пчеловодство въ этой части горъ самое незначительное, по причинѣ дикости и безплодія страны, тогда какъ въ другихъ странахъ Кавказа, особенно въ лѣсистыхъ, медъ составляетъ даже предметъ торговли. Теперь, когда я переписываю эти записки, я очень жалѣю, что не обращалъ вниманія, во время пребыванія моего на Кавказѣ, на разныя хозяйственныя занятія его жителей, а въ томъ числѣ и на пчеловодство, изъ котораго, быть можетъ, можно было бы извлечь что нибудь полезное для настоящихъ моихъ занятій. Но можно ли мнѣ было думать въ то время, что впослѣдствіи я сдѣлаюсь мирнымъ земледѣльцемъ и такимъ страстнымъ пчеловодомъ....

Въ этотъ день, по трудности дороги и безпрестанной ломкѣ повозокъ, мы не дошли до Халжалмаковъ и ночевали въ ущельѣ. Жители навезли къ намъ продавать саману, ячменю, яицъ, куръ, свѣжихъ яблокъ и прочаго. За мѣшокъ саману, величиною съ перину, мы платили по полтинѣ серебромъ; четверть ячменю обходилась до пяти рублей серебромъ, — все же прочее недорого, а яблоки даже дешевы: десятокъ самыхъ лучшихъ пять копеекъ мѣлью. Это особенный родъ зимнихъ яблокъ, темно-пунсоваго цвѣта, продолговатыхъ, наподобіе нашихъ крымскихъ яблокъ, которыя по преимуществу разводятся въ горскихъ садахъ и сберегаются, какъ видите, очень долго. Здѣшніе жители брали наши мѣдныя деньги, но тотчасъ же намъ ихъ промѣнивали и за рубль серебра давали пять мѣди. Они также промѣнивали и мелкое серебро и давали по шести двугривенныхъ на рубль серебра....

Лезгины совершенно отличны физіономіей отъ другихъ кавказскихъ народовъ, которая гораздо болѣе имѣетъ сходства съ нашею сѣверною, нежели съ какою либо изъ южныхъ. Они всѣ блондины, даже есть рыжіе, съ небольшими сѣрыми или голубыми глазами и горбатыми носами, очень большого росту, но не такъ стройны, какъ черкесы или чеченцы. Есть даже толстые и съ большими брюхами. Видъ ихъ мужественный, воинственный и чрезвычайно простодушный; но бритая ихъ голова, лобъ съ глубокими морщинами, нависшія брови, подстриженная торчащая борода и атлетическое тѣлосложеніе дѣлаютъ ихъ въ сраженіи ужасными. Одѣваются они по персидски, шапки только не остроконечныя, а цилиндрическія, какъ наши малороссійскія, да еще иные, постарѣе лѣтами, носятъ прекурьёзныя овчинныя шубы, широкія, длинныя, съ длиннымъ шерстью вверхъ

Digitized by Google

воротникомъ, точь-въ-точь какъ медвѣди; вмѣсто рукавовъ, висятъ бараньи хвосты, служащіе имъ карманами. Несмотря на лѣтніе жары, лезгинъ почти не разстается съ этою шубою, въ которой онъ съ своею высокою шапкой кажется просто гигантомъ. Намъ также очень понравилось сукно на ихъ чухахъ. Оно дѣлается изъ овечьей шерсти и какъ будто не тканое, а вязаное, наподобіе трико, бѣлое или синее и довольно тонкое, такъ что всѣ офицеры его покупали и шили себѣ походные панталоны. Вообще, всѣ жители одѣваются довольно опрятно, лучше нежели другіе дагестанцы, и это показываетъ, что они живутъ достаточно, по своимъ потребностямъ. Оружія они не имѣли съ собой никакого, кромѣ кинжаловъ, изъ которыхъ иные въ аршинъ длины и какъ ладонь широкіе, но весьма просто оправлены. Въ своихъ неприступныхъ скалахъ, они менѣе подвержены нечаяннымъ нападеніямъ, нежели черкесы или чеченцы, и потому у нихъ нѣтъ обыкновенія, подобно имъ, носить всегда на себѣ все свое оружіе, которое они, впрочемъ, въ исправности сохраняютъ до случая.

Языкъ лезгинскій, которымъ говоритъ вообще все народонаселеніе этой части горъ, есть коренной ихъ собственной языкъ, и произношеніе его самое странное и труднѣйшее изъ всѣхъ другихъ кавказскихъ языковъ. Когда лезгинъ говоритъ, то онъ и щелкаетъ, и чирикаетъ, и хлыпаетъ, и какъ бы давится. Я пробовалъ выговаривать нѣкоторыя слова, разъ пятьдесятъ заставлялъ повторять ихъ себѣ и никакъ не могъ выговорить какъ слѣдуетъ.

Лошадей здѣсь почти не увидите, а если и есть, то очень мало и самыя мелкія, которыхъ, по недостатку корма, держать очень трудно. Но мѣсто ихъ занимаютъ такъ называемые *ишаки*, или ослы, небольшіе, съ теленка ростомъ, но крѣпкіе и неприхотливые. Одинъ ишакъ можетъ нести на себѣ до трехъ пудовъ по самой дурной дорогѣ и крутымъ горамъ, безъ подковъ и на собственныхъ харчахъ, не требуя за труды ни ячменю, ни сѣна. Это самое полезнѣйшее въ горахъ животное, но зато и несноснѣйшее своимъ крикомъ, что и подавало поводъ солдатамъ къ безпрестаннымъ насмѣшкамъ. Рогатаго скота почти нѣтъ въ горахъ, зато довольно овецъ и козъ, которыя очень смѣло отыскиваютъ себѣ по скаламъ пищу.

Мая 14.

По утру изъ нашей колонны отправилась такъ называемая саперная команда къ первой колоннѣ, которая находилась далеко впе-

Digitized by Google

реди насъ и разработывала дорогу. Въ этой командѣ, впрочемъ, не было ни одного сапера, а все обыкновенные солдаты; но они имѣли весь саперный инструментъ и сдѣлали свое дѣло чудесно. Генералъ обращалъ большое вниманіе на эту команду, поощрялъ солдатъ, шутилъ съ ними, награждалъ, и никакія скалы не могли противиться ихъ усиліямъ. Наконецъ двинулась и наша колонна. Дорога шла по правую сторону ручья, продѣланная въ косогорѣ правой стороны ущелья, то подымаясь, то спускаясь, и, несмотря на разработку, была очень трудна.

Въ одномъ мѣстѣ, покамѣстъ обозъ подымали на возвышенность, я остановился у ручья, сѣлъ подъ тѣнь дико растущаго абрикосоваго дерева и пустилъ тощую мою лошадь щипать травку, кой-гдѣ растущую по берегу. Я предался моимъ обычнымъ мечтамъ, переносился въ прошедшее, припоминалъ мою покойную жизнь подъ домашнимъ кровомъ, мои мирныя занятія науками и искусствами, мои скромныя тогдашнія желанія, надежды, мое стремленіе къ полезной, но не тревожной жизни.... и думалъ ли я тогда, что судьба пойдетъ наперекоръ всѣмъ моимъ предположеніямъ и броситъ меня на это трудное и опасное поприще, между этихъ дикихъ скалъ и грозныхъ пропастей?!...

Крики фурлейтовъ, стукъ и трескъ повозокъ, шумъ сустящихся до того уже сдѣлались для меня обыкновенными, что не могли исторгнуть меня изъ моей задумчивости; но вдругъ суматоха сдѣлалась болѣе обыкновенной, и я оглянулся. Въ это время четыре дебелыхъ буйвола тащили на гору тяжелую грузинскую арбу, наполненную разными продуктами *духанщика* — одного изъ отрядныхъ маркитантовъ. Несмотря на исполинскія свои силы, буйволы остановились, пали на колѣни, и на нихъ посыпались удары погонщиковъ-татаръ, которые метались во всѣ стороны, дико кричали, погоняя животныхъ; но все было тщетно. Между тѣмъ за этою арбою остановился и прочій обозъ; тутъ солдаты уже хотѣли столкнуть арбу въ сторону, въ кручу, какъ я вмѣшался въ дѣло и уговорилъ ихъ лучше помочь втащить арбу на гору, нежели бросить ее даромъ и потерять столько драгоцѣннаго спирту. Магическое обѣщаніе духанщика въ мигъ подѣйствовало, и арба мгновенно взлетѣла на гору.

Версты за двѣ до деревни начинается самая живописная дорога. Ущелье нѣсколько расширяется, и по обѣимъ сторонамъ его, отъ подошвы почти до самой вершины, восходятъ террасами чудные сады. Виноградныя лозы густыми шпалерами огораживаютъ небольшія площадки, на которыхъ растутъ персиковыя, абрикосовыя де-

Digitized by Google

ревья, яблоки, груши, сливы и орѣхи — эти огромные орѣхи, которые, кажется, съ трудомъ держатся на этомъ искуственномъ подножіи. По террасамъ въ разныхъ мѣстахъ журчитъ вода, которая, падая каскадами съ одной на другую, придаетъ этимъ садамъ почти волшебную прелесть. И въ какомъ же это мѣстѣ? Взгляните вокругъ! вездѣ скалы, утесы, дичь, глина, камни, нѣтъ даже земли. Природа здѣсь не производитъ сама ни одной былинки, а человѣкъ, какъ на зло ей, создалъ такую чудную растительность, какую трудно имѣть и въ самыхъ плодороднѣйшихъ мѣстахъ. Но чего стоила такая работа! Вообразите себѣ довольно крутой скатъ горы, то есть сторону ущелья. У подошвы ея закладывается толстая каменная стѣна, иногда болѣе сажени вышиною, и пространство между стѣною и горою насыпается землею, и такимъ образомъ составляется первая терраса. Повыше ея закладывается другая такая же стѣна; опять пространство между ею и горою насыпается землею и такимъ образомъ далѣе, покамѣстъ скатъ горы не подымется утесомъ и, слѣдовательно, не позволитъ далѣе итти террасамъ. Смотря по мѣстности, такихъ террасъ бываетъ до полсотни, и нѣкоторыя изъ нихъ не шире сажени. Вообразите себѣ, что иногда на всѣ эти террасы нужно было на спинахъ ишаковъ наносить плодородной земли, которую не всегда можете отыскать близко, и тогда посудите, какого все это стоило труда и, слѣдовательно, какъ долженъ быть трудолюбивъ этотъ народъ. Мы удивляемся голландцамъ, которые изъ болота сдѣлали обитаемую страну. Но тамъ образованность, науки, искусства, коммерція, правительство. А загляните въ эти горы, гдѣ не знаютъ ни читать, ни писать, гдѣ нѣтъ почти правительства, гдѣ нѣтъ желѣза и на лопатку, и вы дѣйствительно изумитесь, увидѣвъ среди этихъ дикихъ и безплодныхъ горъ прекрасныя деревни, плодоноснѣйшіе и огромнѣшіе сады и плодороднѣйшія поля!

Но вотъ мы вступили въ *Хаджалмаки*. Красивѣе этой огромной акушинской деревни я еще не видѣлъ. Она стоитъ на лѣвой сторонѣ ущелья, на высокомъ бугрѣ, и чистыя и бѣлыя ея сакли живописно выставляются изъ за густой зелени садовъ, съ трехъ сторонъ ея окружающихъ. Мѣстоположеніе раздѣлило эту деревню на части, изъ которыхъ иныя, имѣя не болѣе пяти домовъ, тѣсно соединенныхъ между собой и съ возвышающимися четвероугольными башнями, очень бы годились для какой нибудь сцены изъ рыцарскихъ романовъ. При проходѣ нашемъ чрезъ деревню, мужчины группами сидѣли на площадкахъ около домовъ и спокойно на насъ смотрѣли. Иные были одѣты въ описанныя уже мной шубы, другіе въ чухи, а большая часть просто въ синихъ или зеленыхъ рубашкахъ, совер-

Digitized by Google

шелко русскаго покроя, надѣтыхъ поверхъ шальваръ и подвязанныхъ поясомъ. Всѣ они были безъ оружія, дебелые, рослые, мускулистые, а иные изъ нихъ толстые какъ наши мясники.

Съ однимъ изъ моихъ товарищей, который хорошо зналъ по татарски, мы зашли въ саклю. Хозяинъ среднихъ лѣтъ, съ самою привѣтливою физіономіей, подалъ намъ огня на трубки и просилъ садиться. Сакля его была устроена какъ и вообще всѣ сакли на Кавказѣ. Это была длинная четырехъугольная комната, довольно высокая, съ одною дверью на галлерею и двумя окнами. По срединѣ находился рѣзной столбъ, поддерживающій продольную балку потолка, сдѣланнаго не изъ камыша, какъ въ другихъ мѣстахъ, а изъ плетня, хорошо смазаннаго глиною. Въ полъ-стѣны, противоположной окнамъ, придѣлана широкая полка, отъ которой, внизъ до полу, спускается большой прекрасный коверъ собственнаго издѣлія, а наверхъ положены подушки, одѣяла, платье и прочее, въ совершенномъ порядкѣ. Въ разныхъ мѣстахъ сакли подѣланы въ стѣнахъ четырехъугольные ниши, заставленные мѣдною полужоною посудою, то есть разной величины и вида очень искусно сдѣланными кувшинами, тазами, блюдами и проч.; и между ними нѣсколько нашихъ бутылокъ и штофовъ пользуются большимъ уваженіемъ. Но какова честь нашимъ тарелкамъ! ихъ не жгутъ, подобно намъ, горячими кушаньями, а съ осторожностію прокалываютъ въ нихъ дырочки и на шнурочкахъ, какъ картинки, развѣшиваютъ ихъ по стѣнамъ на деревянныхъ гвоздяхъ, гдѣ также часто красуются самыя курьёзныя персидскія маленькія зеркала, съ раскрашенными рамами, куда, взглянувши, непремѣнно увидишь кошку или собаку. Чистота и опрятность въ этихъ саклях удивительны и составляютъ разительный контрастъ съ самими хозяевами. Полъ всегда застланъ или цыновкою, превосходно изъ травы сдѣланною, или ковромъ, нѣсколько хуже того, который виситъ на стѣнѣ. Мы усѣлись на коврѣ, возлѣ камина, почти непримѣтно вдѣланнаго въ стѣнѣ, въ которомъ труба прямо выходитъ на крышу и никогда не закрывается; немного спустя намъ подали на тонкомъ деревяномъ кругломъ блюдѣ, очень хорошей работы, два кукурузныхъ чурека, кусочекъ пиндиру, или овечьяго сыру, и кусокъ вяленой баранины. Сдѣлавъ честь этому нероскошному, но пріятному угощенію отъ чуждаго намъ и дикаго горца, мы завели съ нимъ разговоръ.

— Проходили ли здѣсь когда либо прежде русскіе?

— Нѣтъ! это еще въ первый разъ.

— А видѣлъ ли ты ихъ прежде гдѣ нибудь?

Digitized by Google

— Я бывалъ на заработкахъ въ Дербентѣ и Кубѣ и тамъ ихъ много видѣлъ.

— А гдѣ лучше? здѣсь или въ Дербентѣ?

— Дома лучше. Здѣсь насъ никто не трогаетъ, а тамъ мы чужіе, и всяко бываетъ. А далеко ли вы живете?

— О! мы живемъ далеко отсюда: во сто разъ будетъ, какъ отсюда до Дербента.

. . . . . .

— А зачѣмъ у васъ столько арбъ съ поклажею? вѣрно вы совсѣмъ переселяетесь.

— Это запасъ на всякій случай, сказалъ я: — быть можетъ, и долго пробудемъ. А что слышно у васъ про Шамиля?

— Говорятъ, что онъ теперь находится въ Телитлѣ у своего дяди Ахверды-Магома, съ самыми лучшими своими мюридами, кромѣ Али-бека, который гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ собираетъ войско.

— А крѣпокъ ли Телитль?

— О, очень крѣпокъ! Когда-то еще покойный аварскій ханъ хотѣлъ взять его и окружилъ многочисленнымъ войскомъ. Много разъ бросались на штурмъ, да ничего не сдѣлали. У него было одно старое ружье (такъ обыкновенно азіятцы называютъ пушку), много перепортилъ онъ мѣдныхъ кувшиновъ и сдѣлалъ изъ нихъ шесть большихъ пуль (ядеръ). Всѣ выстрѣлилъ, одно даже попало въ аулъ, да все ничего не сдѣлалъ. О! Телитль очень крѣпокъ!...

Я смѣялся надъ этой блокадой и хотѣлъ еще продолжать разспросы, но дали знать, что уже пора въ походъ, и мы простились съ хозяиномъ. По выходѣ изъ сакли, я увидѣлъ на галлереѣ нѣсколько женщинъ, и, спросясь у хозяина, можно ли съ ними говорить, подошелъ къ нимъ. Онѣ были уже не молоды, что-то шили; обѣ очень чисто одѣты, гораздо лучше, нежели какъ одѣваются татарки. На головахъ имѣли онѣ красиво вышитыя золотомъ и серебромъ повязки, наподобіе нашихъ малороссійскихъ очипковъ, а сверхъ цвѣтной синей рубашки какія-то странныя такого же цвѣта мантильи: спереди до пояса въ родѣ круглаго воротника, который сзади спускается треугольникомъ до самыхъ пятокъ. Въ ушахъ онѣ имѣли большія круглыя серебряныя серги, на пальцахъ по нѣскольку такихъ же колецъ и на правой рукѣ цѣпочкою скованые серебряные браслеты. Просто щеголихи! но жаль, что старыя, и потому кромѣ «саламалейкюмъ» я ничего не сказалъ имъ. Но, на мое счастье, изъ за полурастворенной двери выглянуло очень миленькое молоденькое личико, на которое я, впрочемъ,

Digitized by Google

болѣе одного взгляда не успѣлъ бросить; но и этого было довольно, чтобы замѣтить большіе каріе глаза, тоненькій носикъ, розовенькія губки и полныя щечки. О! это вѣрно одна изъ хаджалмакинскихъ красавицъ; какъ жаль, что мы здѣсь не остановились, чтобы сколько нибудь болѣе узнать о такъ интересныхъ для насъ горянкахъ. Но вообще лезгинскія женщины всего Дагестана болѣе миловидны, нежели красивы. Онѣ не имѣютъ высокаго роста, стройной таліи, черныхъ большихъ глазъ и полныхъ формъ такъ называемыхъ нами черкешенокъ, то есть женщинъ закубанскихъ народовъ. Но зато онѣ граціозны въ высочайшей степени. Небольшого роста, кругленькія, живыя, съ быстрыми глазками и необыкновенною свѣжестію лица — просто восхищеніе! и особливо когда всѣ эти прелести одѣнетъ бывало русская рука въ шолковый горскій же костюмъ!...

За деревнею начинается довольно крутой спускъ, и версты на четыре простираются сады, понижаясь террасами до самого Койсу, называемаго Акушинскимъ. На противоположной сторонѣ этой рѣки, берегъ опять возвышается, гдѣ нѣсколько ручьевъ, прорѣзывая его и низвергаясь въ Койсу, образуютъ отлогія ущелья, воздѣланныя полями и садами. По ту сторону природа казалась нѣсколько живѣе, возвышенности нѣсколько разступились, и между ними и по отлогостямъ зеленая травка веселила глаза, уже давно ея невидавшіе. Пока я спускался съ горы между садовъ, шумъ рѣки дѣлался все болѣе и болѣе и наконецъ до того усилился, что я, предположивъ что нибудь особенное, поспѣшилъ внизъ. И дѣйствительно, я увидѣлъ одно изъ такъ называемыхъ чудесъ природы — *Хаджалмакинскій водопадъ*. Большая страшная рѣка Койсу, какъ Терекъ въ Дарьялѣ, несется среди грознаго ущелья, и на четверть версты паденіе ея дѣлается такъ круто, что взбитыя пѣной волны не льются, а прыгаютъ одна черезъ другую, отдѣляясь отъ поверхности воды и несясь въ воздухѣ, какъ бы испуганное стадо барановъ, стремглавъ бѣгущее съ горы; и вдругъ эти клубящіяся и яростныя волны останавливаются, вздымаются, кружатся и нѣсколькими потоками, со всѣхъ сторонъ падаютъ въ каменный, сажени четыре въ діаметрѣ и глубиною бассейнъ, — и можете вообразить, что дѣлаетъ такая страшная сила въ такомъ тѣсномъ пространствѣ! Вода кипитъ и клокочетъ какъ въ котлѣ, крупные брызги лучами мечутся въ разныя стороны и разбиваются въ пары, шумъ оглушаетъ уши, и скалы дрожатъ подъ ногами. Но вотъ вода вырывается изъ этого минутнаго заключенія, многими узкими водопадами низвергается еще сажени на четыре ниже и — исчезаетъ! Только слышны подъ ногами страшные

Digitized by Google

стены этого доселѣ необузданнаго исполина, встрѣтившаго теперь крѣпкую и непреодолимую преграду своему бурному стремленію, да сквозь трещину не шире аршина можно видѣть въ глубинѣ саженей на восемь его страшныя усилія вырваться изъ этого непривычнаго плѣна. Такимъ образомъ, саженей на сорокъ вся рѣка проходитъ глубоко подъ землею или скалою и потомъ опять вырывается на свободу и несется по ущелью. Верстъ пять ниже, она соединяется съ другой такой же рѣкой, Кара-Койсу, и говорятъ, что тамъ есть водопадъ гораздо больше и страшнѣе Хаджалмахинскаго; но походному наблюдателю нѣтъ возможности отлучиться въ сторону.

Мы переѣхали эту большую рѣку по самому маленькому мостику изъ нѣсколькихъ бревенъ, положенныхъ чрезъ трещину. На другой сторонѣ находится небольшая деревушка, отъ которой начался крутой подъемъ, и уже очень поздно мы выбрались на вершину его и остановились ночевать на небольшой площадкѣ. Здѣсь уже началось *Судахаринское* общество, подобное Акушинскому, но гораздо его менѣе.

Мая 15.

Съ ночлега дорога пошла самая дурная: то подвигалась довольно круто, то спускалась почти перпендикулярно, а ежели и попадалась ровная, то снѣжныя поля такъ ее стѣсняли, что нужно было разбирать окружающія ихъ каменныя стѣны. И какихъ трудовъ стоило подымать и спускать по этой дорогѣ артиллерію и наши артельныя повозки! Въ иномъ мѣстѣ она шла по самой закраинѣ обрывовъ, и чтобы не допустить повозку опрокинуться въ пропасть, нѣсколько человѣкъ ухватывались за веревки и такимъ образомъ поддерживали ее. Но малѣйшая неосторожность — и повозка обрывалась и увлекала съ собою лошадей и людей. Уже нѣсколько было такихъ случаевъ, и кромѣ лошадей погибло три человѣка фурлейтовъ. Отъ этихъ затрудненій, почти на каждомъ шагу встрѣчающихся, обозъ безпрестанно ломался, останавливался и растянулся по дорогѣ на большое пространство. Я, какъ имѣющій лошадь, былъ посылаемъ безпрестанно для узнанія о причинѣ остановки обоза....

Мы еще были въ такой сторонѣ, гдѣ жители считали насъ за временныхъ гостей. Дорогою мнѣ встрѣчалось человѣкъ по десяти лезгинъ. Они были вооружены кинжалами, длинными пистолетами,

Digitized by Google

а нѣкоторые ружьями и пашками, но никого не трогали и преспокойно погоняли своихъ ишаковъ.

Перевалясь чрезъ гору, я былъ восхищенъ чудесною картиною природы и искусства человѣческаго. Посреди широкаго разступа горъ возвышается, до половины ихъ, совершенно голый, огромный каменный бугоръ, который какъ бы нарочно сверху до низу расколотъ по волнамъ узкою и извилистою трещиною, изъ которой внизу струится чистый ручеекъ, а наверху, надъ самой закраиной, по обѣимъ ея сторонамъ, возвышаются какъ бы перпендикулярныя скалы — сакли небольшой деревушки *Копали*. Густые, зеленые сады, ее окружающіе, составляютъ прекрасный контрастъ съ этою голою выдавшеюся изъ нихъ глыбою, и это мѣсто показалось мнѣ самымъ картиннымъ изъ всѣхъ доселѣ видѣнныхъ. Когда мы вошли въ эту трещину, которая сходится надъ головою, насъ обдала пріятная прохлада; въ одной сторонѣ была пещера, и, пройдя этими воротами саженей пятьдесять, мы опять увидѣли равнину, покрытую садами. Возлѣ деревни мы остановились ожидать обоза. Насъ оступили любопытные жители, одѣтые также, какъ и акушинцы. Я хотѣлъ было вступить съ ними въ разговоръ; но они ни слова не понимали по татарски, а лезгинскаго переводчика не было. Я забылъ сказать, что здѣшніе и акушинскіе лезгины ни слова не знаютъ по татарски, исключая немногихъ, тогда какъ этотъ языкъ есть почти общій на Кавказѣ, — и отъ этого выходили иногда смѣшныя сцены между лезгинами и солдатами. Однажды солдатъ покупалъ у лезгина чуреки. Воображая, что съ своимъ *яманъ* и *якши* онъ можетъ пройти весь Кавказъ, солдатъ началъ говорить по татарски и съ лезгиномъ; но тотъ, не понимая его, чирикалъ ему по своему, чего солдатъ не могъ принять даже за какой либо языкъ.— «Глянь, глянь, сказалъ солдатъ своимъ товарищамъ. — Вотъ такъ диво! Татаринъ не знаетъ по татарски!» — Но это было еще въ началѣ похода, а теперь смѣтливые солдаты начали уже говорить и по лезгински. Почти всѣ жители Копали курили табакъ, изъ маленькихъ глиняныхъ или мѣдныхъ трубокъ, довольно искусно сдѣланныхъ. У одного изъ нихъ за полтину серебромъ я купилъ очень миленькую небольшую трубочку, сдѣланную изъ какого-то желтаго камня, оправленную серебромъ и очень искусно оплетенную тоненькою серебряною проволокою; эту трубочку я потомъ переслалъ домой, гдѣ всѣ видѣвшіе ее не хотѣли вѣрить, чтобъ она была азіятской работы. Намъ очень пріятно было видѣть здѣшнихъ жителей курящими трубки: это означало, что они и знать не хотѣли мюридскаго ученья, которое строго запрещаетъ курить табакъ.

Digitized by Google

Отъ деревни версты на четыре идетъ ровная дорога, и зной дневной исчезалъ въ густой тѣни вѣковыхъ садовъ. Плодовитые абрикосы, раскидистыя яблони и столѣтніе орѣхи манили меня подъ кровъ свой, и я уже хотѣлъ было отдохнуть подъ однимъ изъ нихъ, какъ вдругъ увидѣлъ — что бы вы думали? — милую свою землячку, березу!... Съ тѣхъ поръ какъ я на Кавказѣ, я еще въ первый разъ увидѣлъ это дерево.... и могъ ли я не предпочесть его всѣмъ прочимъ? Я легъ въ тѣни его, вспомнилъ свои родныя рощи, и слеза упала на нумеръ моей мѣдной пуговицы....

Пройдя далѣе, въ самихъ садахъ, находится небольшая деревушка *Оскальды*, которой жители продавали намъ яблоки и грецкіе орѣхи; а по выходѣ изъ садовъ, вправо, по горѣ, виднѣются уединенныя сакли и возлѣ одной изъ нихъ тоненькая какъ столбъ высокая башенка, вѣроятно минаретъ мечети. Тамъ и самъ растутъ одинокія раины и абрикосовыя деревья.

Я. КОСТЕНЕЦКІЙ.

Digitized by Google

СЦЕНЫ ПОСЛѢДНЯГО ЧАСА.

ФИЗІОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Джонъ Гентеръ назвалъ кровь главнымъ основаніемъ жизни. Извлекая тайнымъ процессомъ важнѣйшія части пищи, кровь сообщаетъ питаніе и жизненную дѣятельность въ различныя части тѣла; во время своего обращенія, вознаграждая безпрестанныя потери нашей системы, она принимаетъ и извергаетъ въ наружу часть истощенныхъ веществъ, которыя только могутъ мѣшать дѣйствію машины. Если кровь достигнетъ одной степенью выше извѣстной точки, — дѣятельность замедляется; если привести ее въ нормальное состояніе, — дѣятельность возстановляется немедленно. Въ кровопусканіи обыкновенно мозгъ прежде другихъ органовъ чувствуетъ потерю крови; и простая перемѣна положенія тѣла, измѣняя количество крови въ головѣ, бываетъ достаточна, чтобы произвести чувствительность или потерю чувствъ. Въ насъ нѣтъ ни одного органа, который могъ бы существовать, если въ немъ не происходитъ правильное и здоровое обращеніе крови: въ то мгновеніе, когда кровь останавливается въ обращеніи, въ то мгновеніе, когда она въ извѣстной степени дѣлается недостаточною по количеству или негодною по качеству, смерть неизбѣжна. «Мы родимся — сказалъ Сенека — однимъ способомъ; умираемъ — многими.» Но если смертныя болѣзни бываютъ, такъ сказать, безчисленны, смотря по ихъ свойству и мѣсту, пораженному ими, онѣ всѣ могутъ рѣшаться разрушеніемъ кровообращенія, подобно радіусамъ круга, соединяющимся съ разныхъ сторонъ въ одну точку.

Digitized by Google

Сердце даетъ движеніе всей кровяной массѣ. Исполняя, въ нашей организаціи, обязанность насоса, сердце работаетъ безъ нашего содѣйствія и производитъ четыре тысячи ударовъ въ часъ и продолжаетъ такимъ образомъ иногда въ теченіи вѣка. Но въ нашемъ тлѣнномъ тѣлѣ никакой органъ, какъ бы онъ ни былъ изумителенъ по своему устройству и дѣйствіямъ, не предохраненъ отъ болѣзней. Сердце есть сѣдалище многочисленныхъ болѣзненныхъ припадковъ, которые уничтожаютъ его сжимательную и расширительную силу: когда прекращается дѣятельность сердца, кровь останавливается. Крайніе случаи лучше выставляютъ истину теоріи; поэтому дѣйствія прекращенія біенія сердца тѣмъ ощутительнѣе, чѣмъ внезапнѣе происходитъ это прекращеніе. Примѣры тому не рѣдки. Гнѣвъ, боль, радость, боязнь чувствуются въ центрѣ кровообращенія, и всѣ эти страсти, доведенныя до высокой степени, могутъ остановить сердце въ одно мгновеніе или даже растерзать его тревогой, которую онѣ производятъ. Равнымъ образомъ физическія причины могутъ мгновенно и навсегда остановить сердце: ударъ по животу, паденіе съ возвышеннаго мѣста, слишкомъ сильное напряженіе будутъ имѣть тѣже послѣдствія.

Легкія не менѣе необходимы для обращенія крови. Вся масса крови, возвращаясь къ сердцу, протекаетъ по безчисленнымъ его сосудамъ и, выбрасывая чрезъ поры нечистыя вещества, собранныя ею во время теченія, получаетъ въ замѣнъ новый запасъ воздуха. Эта операція останавливается у утопленниковъ, потому что они не могутъ вдыхать вознаграждающій кислородъ, — у повѣшенныхъ, потому что сообщеніе легкихъ съ воздухомъ прекращается, — въ тѣхъ случаяхъ, когда грудь и желудокъ сжаты и не имѣютъ свободнаго движенія, — въ случаѣ поврежденія той части спинной кости, откуда выходятъ нервы, способствующіе мускулярнымъ движеніямъ дыханія. Отъ того и другого способа происходитъ множество различныхъ случаевъ и болѣзней, но всегда съ однимъ послѣдствіемъ, что кровь не очищаясь останавливается въ легкихъ и наполняетъ воздушные каналы. Дыханіе необходимо для жизни, потому что безъ дыханія кровь не могла бы обращаться, или если бы обращалась, то приводила бы съ собой разрушеніе, вмѣсто жизни и здоровья.

Мозгъ есть центръ силы нервовъ, и безъ него мы не могли бы ни думать, ни дѣйствовать, ни чувствовать; но мгновеннымъ послѣдствіемъ смерти бываетъ постоянно прекращеніе дѣятельности сердца или легкихъ. Въ апоплексическомъ ударѣ, равно какъ и въ приливахъ, останавливается кровообращеніе, а съ нимъ и жизнь. Гдѣ бы ни находилась болѣзнь, сердце и легкія въ связи съ нею или непосредственно, или же чрезъ нервы и мозгъ, и въ большей части

Digitized by Google

болѣзней всѣ эти органы ослабѣваютъ въ одно время, такъ что иногда бываетъ трудно рѣшить, который изъ нихъ страдаетъ преимущественно.

Смерть рѣдко бываетъ слѣдствіемъ одной старости. У тѣхъ, которые живутъ долѣе всѣхъ, обыкновенно развивается какая нибудь болѣзнь, подрубающая корень дерева; но бываетъ, что тѣло само собою истощается и безъ болѣзни и боли разрушается незамѣтнымъ образомъ. Всѣ старики болѣе или менѣе испытываютъ это послѣдствіе старости. Органы имѣютъ менѣе *жизненности*, тѣлесныя отправленія — менѣе энергіи; зрѣніе затемняется, слухъ дѣлается тупымъ, ослабіе теряетъ свою явственность — и, несмотря на то, что не обнаруживаются ни мѣстныя болѣзни, ни безпорядокъ въ общей экономіи тѣла, ясно, что жизнь удаляется. Старики часто бываютъ лѣнивы вслѣдствіе темперамента; они медленны въ движеніяхъ по физической необходимости; сухость жилъ, слабость мускуловъ отнимаютъ у членовъ ихъ всю упругость, которою они прежде владѣли. Бентлей говаривалъ, что онъ похожъ на свой дорожный чемоданъ, который держался только пока до него не касались, но который тотчасъ развалился бы, если бы подвергся снова прошедшимъ толчкамъ и невзгодамъ. Лордъ Честерфильдъ въ старости не могъ переносить быстраго движенія кареты и если отправлялся въ ней на гулянье, то говорилъ, намекая на медленность лошадей: «я отправляюсь на репетицію моихъ похоронъ.» Эти слова, равно какъ и многія другія, служатъ доказательствомъ, что умъ его не раздѣлялъ упадка тѣла; но нерѣдко бываетъ, что и у людей менѣе замѣчательныхъ душевныя способности остаются нетронутыми среди физическихъ болѣзней. Память одна рѣдко избѣгаетъ нападеній старости. Мозгъ, подобно отвердѣлому жорнову, сохраняетъ еще старыя впечатлѣнія, но не принимаетъ новыхъ. Бываетъ даже иногда, что воспоминанія прошедшаго совершенно изглаживаются. Фонтенель забылъ свои сочиненія; но старость, уничтоживъ его память, оставила въ умѣ его всю свѣжесть молодости. — Онъ могъ наблюдать за развитіемъ своей болѣзни и шутить надъ нею. «Я скоро отправлюсь въ дорогу — говорилъ онъ — и послалъ впередъ тяжелую поклажу.» Когда Брейдону читали путешествіе его въ Сицилію, онъ рѣшительно не помнилъ, что видѣлъ описываемыя мѣста и сцены, и еще менѣе, что самъ писалъ о нихъ; но онъ понималъ, что ему читали, находилъ описаніе занимательнымъ и не вполнѣ ему вѣрилъ.

Поэтому тѣло впадаетъ въ рѣшительное безсиліе, разумъ тяжелѣетъ, и человѣкъ входитъ во второе дѣтство, которое имѣетъ впрочемъ мало сходства съ первымъ. Сэръ Вальтеръ-Скоттъ, будучи жертвой увеличивающейся болѣзненности, говорилъ шутя о

Digitized by Google

себѣ самомъ, что, пробѣжавъ свой путь, онъ воротился къ исходной точкѣ; но къ этому онъ присовокупилъ, что желалъ бы имѣть способность выростить новые зубы. Это замѣчаніе рѣзко опредѣляетъ различіе между утромъ и вечеромъ жизни. Какъ дѣтство, такъ и старость лишены зубовъ; но зубы перваго рождаются, а зубы послѣдней уже умерли. Пелей справедливо замѣчаетъ, что физическій и душевный упадки столько же могутъ находить счастья въ креслѣ, сколько юность въ избыткѣ и цвѣтѣ жизни. Намъ непріятна мысль умирать постепенно, и опытъ долженъ научить насъ, что изо всѣхъ разрушающихъ началъ время есть самое сладкое. Органы уничтожаются безъ боли и ослабѣваютъ вмѣстѣ. Пищевареніе замедляется, кровь уменьшается, біеніе сердца утихаетъ и незамѣтно достигаетъ наконецъ своего послѣдняго удара. Сонливость усиливается въ той же степени, въ какой понижаются способности, — отъ жизни переходишь ко сну, отъ сна къ смерти. Моавръ на осьмидесятомъ году отъ роду дремалъ двадцать часовъ въ сутки, пока не заснулъ, чтобы никогда не пробудиться.

Нѣкоторыя лица имѣютъ предчувствіе своего близкаго конца. Моцартъ написалъ свой реквіемъ въ полномъ убѣжденіи, что сочиняетъ его для себя. Гогартъ, увѣренный въ близкой смерти, хотѣлъ написать картину, относящуюся до этой идеи. Друзья спросили его, что онъ будетъ рисовать.

— Конецъ всѣмъ вещамъ, отвѣчалъ онъ.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ ему кто-то, смѣясь: — то будетъ конецъ и живописцу.

— Да, сказалъ Гогартъ, серьёзнымъ тономъ: — и чѣмъ раньше я кончу, тѣмъ будетъ лучше.

На другой день онъ сѣлъ за картину, работалъ безъ отдыха и когда навелъ кистью послѣднюю черту, разбилъ палитру и закричалъ:

— Я кончилъ!

Явилась въ свѣтъ картина подъ заглавіемъ: «*Finis*». Это было въ мартѣ, а въ октябрѣ великаго художника не стало. Въ прежнее время эти предчувствія приписывались сверхъестественнымъ причинамъ; но Гентеръ въ нѣсколькихъ словахъ разгадалъ тайну, если можно назвать ее тайной:

«Мы чувствуемъ иногда въ насъ самихъ — говорилъ онъ — что въ скоромъ времени перестанемъ жить, потому что жизненныя силы наши ослабѣваютъ, и нервы передаютъ мозгу впечатлѣніе о томъ».

Этотъ знаменитый человѣкъ долженъ былъ самъ служить примѣромъ феномена, который онъ объяснилъ раціонально. Однажды, выходя изъ дому, онъ сказалъ, что умретъ, если какое-то преніе на

Digitized by Google

амфитеатрѣ приметъ неблагопріятный оборотъ. Одинъ изъ его товарищей дѣйствительно представилъ опроверженіе на рѣчь его. Эта обида оправдала предсказаніе, потому что Гентеръ почти тотчасъ послѣ того испустилъ духъ въ сосѣдней комнатѣ. Выражая это предчувствіе, онъ руководствовался, впрочемъ, только своею опытностью: давно подвергаясь припадкамъ болѣзни сердца, онъ чувствовалъ, что она достигла той степени, когда всякое сильное сотрясеніе должно было рѣшиться переломомъ.

Обстоятельства, которыя въ другое время прошли бы незамѣтно, принимаются за предвѣстниковъ смерти, когда здоровье уже въ дурномъ состояніи. Смерть современника старикамъ считается предвѣстникомъ ихъ собственной смерти, и ожиданія ея часто способствуютъ кончинѣ, потому что достаточно легкаго сотрясенія, чтобы разрушить силы, подкопанныя годами. Говорятъ, что довѣріе къ медику есть половина выздоровленія, потому что оно поддерживаетъ надежду и даетъ тѣлу нравственную силу; но когда отчаяніе присоединяется къ болѣзни, легкая болѣзнь часто обращается въ смертную. Замѣчателенъ случай съ Уолсеемъ. Наканунѣ смерти онъ спросилъ, который часъ. Ему отвѣчали, что уже позже восьми.

— Восемь часовъ! отвѣчалъ онъ: — этого не можетъ быть; восемь часовъ! восемь часовъ! нѣтъ, нѣтъ, еще нѣтъ восьми часовъ, потому что въ восемь часовъ вы потеряете вашего господина.

Онъ ошибся днемъ, но сказалъ правду въ отношеніи къ часу. На другой день утромъ, безпокойный духъ его оставилъ смертную оболочку, въ то время, какъ часы пробили восемь. Присутствующіе думали, что время смерти было ему открыто заранѣе; что́ касается до насъ, то мы полагаемъ, судя по впечатлѣнію, произведенному этою идеею на его умъ, что она основывалась на какомъ нибудь астрологическомъ предсказаніи.

Видѣли людей, умиравшихъ единственно отъ ожиданія смерти. Въ прежнее время часто случалось съ тѣми, которые умирали насильственною смертью, что они требовали убійцъ своихъ явиться въ извѣстный срокъ на судъ Всевышняго, и есть примѣры, вполнѣ доказанные, что убійцы, подавляемые соединенными силами боязни и угрызеній совѣсти, дѣйствительно умирали въ назначенный срокъ. Чума убиваетъ не такъ скоро, какъ боязнь. Принцесса Гонзагъ-Клевская и Гизъ, архіепископъ реймскій, однажды вечеромъ отправились въ келью къ монашенкѣ, съ намѣреніемъ читать ей увѣщанія, какъ это дѣлается умирающимъ.

— Она умираетъ, сказали они другъ другу шопотомъ.

Едва только они произнесли эти слова, какъ молодая монашенка дѣйствительно испустила духъ, отъ удара страха. Монтень говоритъ

Digitized by Google

о человѣкѣ, которому объявили милость на эшафотѣ, но который умеръ въ ожиданіи смертоноснаго удара. Кардиналъ Ришльё, надѣясь вырвать признаніе у кавалера Жарса, заставилъ его взойти на эшафотъ, гдѣ кавалеръ показалъ, впрочемъ, много мужества и даже веселости; но когда онъ преклонилъ голову на блокъ и когда нѣсколько минутъ спустя ему объявили прощеніе, онъ находился продолжительное время въ какомъ-то оцѣпенѣніи; несмотря на все его мнимое равнодушіе къ смерти, въ страшной пыткѣ, предшествовавшей удару сѣкиры, было столько ужаснаго, что она едва не сдѣлалась смертельною. Докторамъ дали одного осужденнаго, и они, желая испытать дѣйствіе воображенія, объявили ему, что онъ умретъ отъ кровопусканія, самаго легкаго способа смерти, извѣстнаго наукѣ. Набросивъ ему покрывало на лицо, они ущипнули его, чтобы изобразить тѣмъ дѣйствіе ланцета, посадили его въ теплую ванну, какъ бы для удобнѣйшаго вытеканія крови, и начали разсуждать между собой о трагическихъ симптомахъ, будто оказывающихся на ланцетѣ. Не потерявъ ни капли крови, этотъ несчастный умеръ отъ одного впечатлѣнія, произведеннаго на умъ его, и когда подняли покрывало, то нашли одинъ трупъ.

Признаки смерти вслѣдствіе болѣзни бываютъ обыкновенно весьма характеричны. Мутные глаза наполовину закрыты, зрачки перевернуты и малы; щеки впадаютъ; носъ сжимается и вытягивается; губы висятъ—блѣдныя и голубоватыя; смертельный холодъ овладѣваетъ оконечностями и постепенно распространяется по всему тѣлу; самое дыханіе кажется ледянымъ; кожа скользка; голосъ измѣняется; пульсъ дѣлается слабымъ, неправильнымъ и постепенно болѣе и болѣе медленнымъ; дыханіе также замедляется, и при каждомъ выдыханіи воздуха слышится храпѣніе; дѣйствіе легкихъ дѣлается перемѣжающимся, какъ и пульса; иногда протекаетъ одна или двѣ минуты, пока умирающій дѣлаетъ усилія, чтобы дышать; наконецъ является послѣдній вздохъ, и борьба души съ тѣломъ окончена.

Въ сценахъ, сопровождающихъ смерть, встрѣчаешь частности подробностей, которыя не измѣняютъ сходства этихъ общихъ чертъ. Нѣкоторые люди, потерявъ даже сознаніе, продолжаютъ инстинктивнымъ движеніемъ сбрасывать съ себя одѣяло, какъ будто обремененные его тяжестью; другіе царапаютъ или мнутъ его между пальцами, безъ сомнѣнія нервознымъ движеніемъ или желая возбудить чувство осязанія, которое засыпаетъ. Въ это же время чувства подвержены безпрестаннымъ иллюзіямъ. Обманутые тѣнями, мелькающими мимо помраченныхъ глазъ ихъ, умирающіе пытаются схватить руками предметы, которые не существуютъ; слухъ ихъ

Digitized by Google

наполненъ воображаемымъ шумомъ, который принимаетъ иногда форму опредѣленныхъ звуковъ. Поэтъ Коуперъ (*Cowper*), подвергавшійся въ теченіи всей своей жизни лихорадочнымъ видѣніямъ, вздумалъ однажды въ молодости повѣситься, будто слышалъ трижды восклицаніе: «свершилось!»

Движенія духа, въ отношеніяхъ своихъ съ физическимъ упадкомъ, играютъ часто замѣчательную роль въ явленіяхъ разрушенія нашего существа. Древніе питали вообще великое уваженіе къ *novissima verba*. Они думали, что умирающіе получали свои вдохновенія изъ міра, въ который переходили, и что по мѣрѣ того, какъ потухало въ нихъ человѣческое бытіе, они начинали говорить языкомъ боговъ. Вѣрнѣе то, что умирающіе, сдѣлавшись нечувствительными къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ и подвергшись бреду, мечтаютъ объ обыкновенныхъ своихъ занятіяхъ и строятъ воображаемое настоящее изъ воспоминаній прошедшаго. Докторъ Армстронгъ умеръ, произнося афоризмы медицины; послѣднія слова Наполеона были: «авангардъ»; лордъ Темплердэнъ воображалъ, что засѣдаетъ въ судилищѣ, и умеръ съ словами: «Господа присяжные, вы теперь займетесь обсужденіемъ вашего положенія»; докторъ Адамъ, авторъ *Римскихъ древностей*, воображалъ себя въ классѣ раздающимъ похвалы и выговоры ученикамъ. «Но сдѣлалось темно — сказалъ онъ вдругъ — ученики могутъ разойтись», и тотчасъ же испустилъ духъ. Нельзя, впрочемъ, утвердительно сказать, что примѣры подобнаго рода доказываютъ внутреннее чувство. Умъ способенъ машинально слѣдить по привычному пути, не занимаясь собственными операціями, и малѣйшій толчекъ можетъ привести его въ движеніе, когда уже всѣ остальныя способности исчезли. Де-Ланьи не могъ уже узнать своихъ друзей, окружавшихъ смертный одръ его; когда же его спросили, какой квадратъ двѣнадцати, онъ немедля отвѣчалъ: 144.

Иногда бредъ умирающихъ походитъ на опьяненіе. Самосознаніе еще существуетъ, но власть надъ собой уже исчезла. Личность человѣка открывается тогда во всей наготѣ, безъ всякихъ перемѣнъ, налагаемыхъ приличіемъ и интересомъ. Женщина, питавшая всегда ненасытную жажду къ сплетнямъ и умѣвшая обуздывать эту страсть, за нѣсколько часовъ передъ смертью впала въ это состояніе. Ядъ, желчь и ябеда, долгое время сдерживаемыя, потекли безъ всякаго воздержанія. «Мнѣ, право, кажется—сказалъ позже мужъ—что она въ эти немногіе часы повторила все, что слышала о ближнемъ съ самого дѣтства.»

Иногда кажется, будто смертельная болѣзнь останавливается; больной живъ и дышетъ, и друзья его, почитавшіе его погибшимъ,

Digitized by Google

уже считаютъ его спасеннымъ. Но то все таже смерть — только въ маскѣ. Это мнимое облегченіе вскорѣ ознаменовывается новыми припадками, которые всегда низводятъ несчастнаго въ могилу. Смерть отъ водяной довольно часто предшествуется такими признаками возстановленія. Сэръ Генри Галфордъ видѣлъ четыре или пять случаевъ воспаленія въ мозгу, гдѣ бѣшеный бредъ оканчивался свѣтлымъ промежуткомъ, а свѣтлый промежутокъ — смертью. Даже медики часто ошибались признаками: «Посмотрите! — закричалъ одинъ изъ нихъ съ торжествующимъ лицомъ собрату, входящему въ комнату больного — посмотрите, лихорадка проходитъ!» «Нѣтъ — отвѣчалъ болѣе опытный собратъ, послѣ минуты наблюденія — больной отходитъ.» Можно положительно сказать, что поправленіе дѣйствительно, когда пульсъ поправился; иначе жизненныя способности истощены и природа не имѣетъ поощренія. Рѣдко это временное возвращеніе здоровья бываетъ полнымъ; но частное облегченіе, доставляя минутное здоровье, производитъ весьма замѣчательную перемѣну въ чувствованіяхъ. Прекращеніе боли составляетъ положительное удовольствіе, превышаемое немногими наслажденіями. Случаются иногда поразительныя доказательства въ хирургическихъ операціяхъ, когда ни боль во время дѣйствія инструментовъ на больныя части, ни всѣ придаточные ужасы не въ состояніи возмутить удовольствіе, ощущаемое тотчасъ послѣ операціи. Сэръ Чарльзъ Белль вскрылъ дыхательное горло человѣку, у котораго въ горлѣ сдѣлались спазмы и который умиралъ за недостаткомъ воздуха. Операція была болѣзненна; нужно было даже вырѣзать и снять часть хряща; но едва человѣкъ, лицо котораго было покрыто потомъ и выражало до тѣхъ поръ страшное страданіе, и который могъ дышать только помощью конвульсивныхъ усилій, свободно могъ вдохнуть воздухъ чрезъ искуственное отверстіе, какъ уже заснулъ глубокимъ сномъ, несмотря на блескъ окружавшихъ его свѣчей и среди хирурговъ, которые съ окровавленными руками еще возились около него. Соддатъ, раненый при Ватерлоо пулею въ голову, вынесъ операцію трепанировки, и М. Астлей Куперъ вынулъ у него кость, которая проникла въ мозгъ на полтора дюйма. Едва операція была окончена, какъ больной уже сѣлъ на постель и началъ разговаривать. Онъ въ тотъ же самый день могъ встать и одѣться.

Часто бываетъ трудно различить въ точности минуту, превращающую оживленное тѣло въ трупъ. Но кто видѣлъ трупъ — холодный, бездыханный и недвижный, тому невозможно предполагать, что жизнь можетъ принять признаки смерти, и что лица, принадлежащія еще сему міру, могутъ по ошибкѣ быть похоронены заживо. Между тѣмъ многіе люди, особенно женщины, пугают-

Digitized by Google

ся этой мысли до такой степени, что едва осмѣливаются спать, боясь проснуться въ гробу, вмѣсто постели, и имѣя надъ собой шесть футовъ земли вмѣсто покрывала. М. Джуліа де-Фонтенель написалъ по этому предмету любопытную книгу (*), въ которой исчислилъ всѣ случаи мнимой смерти, какіе могъ собрать. О книгѣ Джуліо де-Фонтенеля можно сказать, что сочиненіе исторіи о привидѣніяхъ есть лучшее опроверженіе привидѣній. Несмотря на то, мнѣніе, что давно умершія лица, судя по всѣмъ внѣшнимъ признакамъ, воротились въ жизнь, нашло приверженцевъ у всѣхъ народовъ и подало поводъ къ многочисленнымъ суевѣрнымъ обрядамъ. Роджеръ Норсъ говоритъ, что турки, когда слышатъ шумъ въ могилѣ, выкапываютъ трупы и нарубаютъ ихъ въ куски, чтобы они не возвращались. «Нѣсколько англійскихъ негоціянтовъ — присовокупляетъ онъ — разъѣзжая однажды верхомъ въ окрестностяхъ Константинополя, вмѣстѣ съ янычаромъ, проѣхали мимо стараго больного жида, который сидѣлъ на могилѣ. Янычаръ не минуты не усомнился, что этотъ жидъ именно самъ житель могилы, и, побранивъ его серьёзно за то, что тотъ осмѣлился вторично осквернить міръ сей своимъ присутствіемъ, онъ приказалъ ему воротиться въ свое подземное жилище. Народы, еще болѣе углубленные въ невѣжество, вѣрятъ баснямъ еще нелѣпѣе. Но когда желаешь, какъ Джуліо Фонтенель, привести ясныя доказательства въ подтвержденіе нелѣпости, то уничтожаешь фантастическое зданіе тѣми же средствами, какими хотѣлъ возвысить его.

Изъ всѣхъ анекдотовъ, болѣе или менѣе замѣчательныхъ, разсказываемыхъ подъ именемъ случаевъ мнимой смерти, одинъ отличается не столько спеціяльною вѣрностію, сколько авторитетомъ разсказчика — знаменитаго Сиденгама. Современники его, медики, доказывали краснорѣчивыми разсужденіями, что оспа должна уступать леченію теплыми средствами. Тщетно умирали больные: доктора увѣряли, что лучше умирать по правиламъ, чѣмъ лечить противно правиламъ искусства. Сиденгамъ, произведшій переворотъ во всей медицинской системѣ, рано узналъ, что слѣдуетъ искать леченія зла на другомъ концѣ термометра. Подвергаясь, какъ всѣ великіе люди, нападеніямъ зависти, онъ защищался слабо и со скромностію, и въ числѣ фактовъ, приводимыхъ имъ въ защиту своей методы, онъ разсказываетъ, какъ одинъ молодой человѣкъ въ Бристолѣ, подвергнутый своимъ медикомъ леченію потной баней, пришелъ въ состояніе мнимой смерти и былъ потомъ приведенъ въ чувство простымъ дѣйствіемъ холоднаго воздуха. Съ той минуты,

(*) Recherches médico-légales sur l'incertitude des signes de la mort.

Digitized by Google

какъ его почли умершимъ, лица, бывшія около него, удалились, оставивъ на тѣлѣ его небрежно наброшенное покрывало. Но онъ едва избавился изъ рукъ искусства и перешелъ въ руки природы, какъ началъ приходить въ себя и жилъ, чтобы свидѣтельствовать о справедливости принциповъ, поддерживаемыхъ Сиденгамомъ.

Всѣ случаи мнимой смерти, даже тѣ, о которыхъ говорили чаще другихъ, какъ то: Франсоа де-Сивиля, капитана временъ Карла IV, который прибавлялъ къ своей подписи гиперболическую фразу: «трижды погребенный и милостію Бога трижды воскресшій» (*), — смерть испанскаго гранда, который, говорятъ, умеръ подъ ножомъ хирурга Везалія, — смерть аббата Прево, жертвы непростительной поспѣшности деревенскаго старосты и не менѣе непростительнаго невѣжества деревенскаго доктора, — всѣ эти случаи, говоримъ мы, или не выдерживаютъ строгой критики, или легко объясняются весьма естественными причинами, и не слѣдуетъ заключать, что живые люди подвергаются ежедневно опасности быть принятыми за мертвыхъ и быть заколоченными во время летаргическаго сна между четырьмя сосновыми досками.

Среди этихъ преувеличеній и сказокъ, былъ, однако, одинъ неопровержимый случай, который въ прежнее время возбуждалъ сильныя предубѣжденія: находили часто трупы, перевернутые въ гробу, и саваны въ безпорядкѣ. Но въ настоящее время знаютъ, что то, что приписывали судорожнымъ усиліямъ, нечто иное, какъ результатъ развитія разрушенія. Въ тѣлѣ образуется газъ, дѣйствіе котораго походитъ на нѣкоторыя движенія жизни. Сила этого газа такъ велика въ трупахъ, которые долгое время находились подъ водой, что Девержи, медикъ морги (**), увѣряетъ, что трупы утопленн-

(*) Болѣе или менѣе правдоподобныя приключенія Франсоа Сивиля доказываютъ на самомъ дѣлѣ весьма мало. Онъ былъ еще въ утробѣ матери, которая была уже въ поздней беременности, когда она вдругъ умерла, ее похоронили, и никто не думалъ спасти ребенка; случайное возвращеніе отца, бывшаго въ отсутствіи, спасло его отъ смерти. Вотъ что Сивиль считаетъ своею первою смертью, первымъ погребеніемъ и воскресеніемъ. Вторая произошла во время осады Русси въ 1569 году. Пораженный пулею, онъ упалъ безъ чувствъ, и работники, копавшіе не вдалекѣ траншею, бросили немного земли на него. Слуга его, искавшій давно своего господина, чтобы дать ему приличное погребеніе, замѣтилъ высунувшуюся изъ земли руку и узналъ по брильянтовому перстню руку своего господина. Онъ еще дышалъ и былъ перенесенъ на постель, гдѣ оставался нѣсколько дней между жизнью и смертью. Жизнь взяла наконецъ верхъ, когда отрядъ непріятелей открылъ Сивиля, по случаю взятія города, и выбросилъ его изъ окошка. Онъ упалъ на кучу навоза, и вотъ что онъ считалъ третьимъ погребеніемъ. Несмотря на то, онъ дожилъ до четвертаго и послѣдняго.

(**) *Morgue* — мѣсто, куда складываются въ Парижѣ трупы, найденные на улицѣ.

Digitized by Google

никомъ, когда не удерживаются рѣшеніями, часто бываютъ приподнимаемы со стола и брошены на землю. Всѣ тѣла, опущенныя въ землю, ранѣе или позже производятъ газъ, который сводитъ кисть, растягиваетъ кожу до нѣсколькихъ и иногда разрываетъ самый гробъ. Воображеніе прекратило эти газовые взрывы въ ночныя и глухіе часы; открывали попилу: положеніе трупа утверждало подозрѣніе, и поврежденія кожи считались ранами, произведенными зубами несчастныхъ въ отчаяніи. Сильныя и острыя болѣзни, убивающія скоро, благопріятствуютъ быстрому развитію газа; онъ въ этихъ случаяхъ можетъ произойти два или три часа послѣ смерти, и движеніе, производимое имъ на члены, можетъ заставить подумать, что скрывшаяся жизнь пробуждается. Случается иногда, что вещества, находящіяся въ желудкѣ, возвращаются назадъ, и что кровь вытекаетъ изъ носа или отверстія, произведеннаго въ венѣ, при попыткѣ пустить кровь въ апоплексическомъ ударѣ. Эти обманчивые симптомы часто возбуждали сильное состраданіе, внушая мысль, что ошибались въ признакахъ смерти, и что можно было спасти покойнаго, если бы имѣли подъ рукой необходимую помощь.

Эта же причина была, вѣроятно, основаніемъ древняго повѣрья, что трупъ убитаго человѣка покрывался кровавымъ потомъ въ присутствіи убійцы, или что рана обливалась кровью, когда онъ касался до нея. Часто наслѣдованный кровавой потъ происходитъ дѣйствіемъ газа, который, желая освободиться, гонитъ влагу чрезъ поры кожи. Могло случиться, что этотъ феномэнъ являлся въ ту минуту, когда подводили убійцу въ жертвѣ; что же касается до суда прикосновеніемъ, то прижиманіе венъ могло имѣть прямымъ слѣдствіемъ разлитіе крови, уже готовой вытечь изъ раны вслѣдствіе явленія газа. Эти самыя явленія, безъ сомнѣнія, не всегда воспроизводились въ подобныхъ случаяхъ; но одна удача легко заставляетъ забыть многія неудачи.

Прекращеніе дыханія есть единственный рѣшительный признакъ смерти, и этотъ признакъ также легко можетъ быть узнанъ, какъ вѣренъ въ своихъ результатахъ. «Дѣйствіе крови—говоритъ Бенжаменъ Броди — никогда не продолжается болѣе четырехъ или пяти минутъ послѣ прекращенія дыханія». Древнее отличіе сердца было обозначаемо словами: «*primum vivens, ultimum moriens*», и когда наступаетъ значительная пауза между біеніями этого органа, не можетъ быть, чтобы жизнь скрывалась еще въ тѣлѣ. Но какъ поверхностному наблюдателю легче узнать игру легкихъ, чѣмъ дѣйствіе сердца, то прекращеніе дыханія можетъ считаться обыкновеннымъ и неопровержимымъ признакомъ смерти. Между тѣмъ благоразумно, вообще, давать прейти двумъ или тремъ часамъ прежде, чѣмъ касаться тѣла,

Digitized by Google

и анекдотъ о полковникѣ Тоуншендѣ, по видимому, оправдываетъ предположеніе, что жизнь можетъ продолжаться немного долѣе, чѣмъ обыкновенно, даже послѣ прекращенія движенія сердца и легкихъ. Полковникъ Тоуншендъ умиралъ. Однажды утромъ онъ объявилъ своимъ докторамъ, что открылъ, будто можетъ умереть по собственному желанію и потомъ произвольно возвратиться въ жизнь, и предложилъ имъ тотчасъ же доказать свои слова. Одинъ изъ докторовъ взялся за его пульсъ, другой положилъ руку ему на сердце, между тѣмъ какъ третій держалъ зеркало передъ его ртомъ. Дѣйствительно, пульсъ мало по малу пересталъ биться, удары сердца остановились, дыханіе не помрачало болѣе зеркала, и всѣ признаки жизни совершенно исчезли. Медики начали опасаться, что полковникъ довелъ свой опытъ слишкомъ далеко, и что онъ умеръ навсегда, какъ вдругъ по прошествіи получаса жизнь возвратилась постепенно, какъ утратилась. Это происходило въ девять часовъ утра, а въ шесть часовъ вечера въ тотъ же день полковника не стало. Вскрытіе тѣла нисколько не объяснило тайны. Болѣзнь полковника была — ракъ въ правомъ бедрѣ, и это обстоятельство вполнѣ объясняло смерть его, не объясняя, однако, странной способности прекращать отправленія жизни произвольнымъ усиліемъ. Но какія бы физіологическія заключенія ни могли быть выведены изъ этого факта, это вовсе не исключеніе изъ правила, что жизнь и дыханіе, въ отношеніи къ погребенію, есть однозначащія выраженія.

Впрочемъ, прекращеніе дыханія не есть единственный признакъ смерти, предшествующій разрушенію: есть еще другой, извѣстный каждому: это постепенный переходъ тѣла изъ состоянія гибкости въ состояніе твердое. Первое дѣйствіе смерти есть разслабленіе мускуловъ: нижняя челюсть упадаетъ, члены виснутъ, суставы гибки и кожа мягка. Послѣ того наступаетъ противное состояніе, въ которомъ тѣло, до того гибкое и мягкое, дѣлается твердымъ и крѣпкимъ. Это состояніе является прежде всего въ мускулахъ шеи и спины; оно потомъ распространяется на верхнія оконечности, послѣ того на нижнія и исчезаетъ въ томъ же порядкѣ, въ какомъ явилось. Оно начинается обыкновенно черезъ пять или шесть часовъ послѣ смерти и бо́льшею частью продолжается отъ шестнадцати до двадцати-четырехъ часовъ; но эпоха наступленія этого состоянія твердости и время продолженія измѣняются значительно, смотря по возрасту и сложенію человѣка, роду смерти и состоянію атмосферы. Во всякомъ случаѣ, съ той минуты, какъ показывается твердость мускуловъ, не можетъ быть сомнѣнія въ дѣйствительности смерти.

Это мускулярное измѣненіе смерти производитъ часто ошибочныя мнѣнія. Въ періодъ ослабленія, когда мускулы ослабли и нака-

Digitized by Google

кое физическое дѣйствіе или душевное волненіе не нарушаетъ спокойствія лица, оно принимаетъ то выраженіе доброты, которую Байронъ описалъ въ «Гьяурѣ». Окрѣпленіе мускуловъ уничтожаетъ это спокойствіе: оно сдвигаетъ брови, стягиваетъ черты и ротъ и превращаетъ выраженіе доброты въ грубое, сердитое и страдальческое. Тѣ, которые случайно видятъ трупъ родственника или друга, когда онъ носитъ на себѣ этотъ озабоченный отпечатокъ, печалятся, считая это признакомъ, что смерть произошла среди страданій тѣла и волненій души. Сильныя страсти, великія и продолжительныя страданія могутъ дать мускуламъ насильственное движеніе, которое еще явственнѣе выражается въ отвердѣломъ состояніи; но выраженіе лица въ особенности ясно обозначается состояніемъ трупа, или, другими словами, степенью отвердѣлости. Такимъ образомъ, лица, умершія вслѣдствіе болѣзней изнурительныхъ, часто будутъ имѣть выраженіе спокойствія и мира, хотя они умерли въ отчаяніи; между тѣмъ какъ мускулёзный человѣкъ, заснувшій спокойно послѣднимъ сномъ, поразитъ васъ печальнымъ и суровымъ лицомъ.

Когда исчезнетъ способность, развивающая теплоту, трупъ слѣдуетъ законамъ неодушевленныхъ предметовъ, и съ періодомъ отвердѣнія наступаетъ, по большой части, этотъ холодъ кожи, который обыкновенно считается принадлежностью смерти. Время, необходимое трупу для охлажденія, зависитъ отъ состоянія самого тѣла и отъ обстоятельствъ, въ какихъ оно находится. Холодъ кожи самъ по себѣ не есть еще доказательство смерти, но раньше или позже необходимое условіе.

Послѣ отвердѣнія слѣдуетъ разрушеніе, которое не надо смѣшивать съ живымъ гніеніемъ, по самому своему существу и по придаточнымъ обстоятельствамъ. Оно начинается въ желудкѣ, кожа котораго принимаетъ зелено-синеватый цвѣтъ, переходящій мало по малу въ бурый или черный и распространяющійся постепенно по всему тѣлу. Если уже показался этотъ признакъ гніенія, то живымъ неудобно ждать, пока разрушеніе сдѣлаетъ дальнѣйшіе успѣхи. Въ Англіи рѣдко хоронятъ мертваго, прежде чѣмъ онъ носитъ на себѣ этотъ неопровержимый признакъ, что возвращается въ прахъ, изъ котораго произошелъ. Ускореніе этого дѣйствія въ извѣстное время и въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ въ сущности не есть отступленіе отъ правила: въ этомъ случаѣ быстрѣйшее гніеніе заставляетъ торопиться погребеніемъ и оправдываетъ его вполнѣ.

Изъ многочисленныхъ путей, ведущихъ къ одной общей цѣли, есть такіе, которые легче другихъ, и безъ труда можно понять, принимая въ соображеніе различіе темпераментовъ и характеровъ, что

Digitized by Google

существуетъ различіе мнѣній, въ отношеніи къ выбору и желаніямъ по этому предмету. Цезарь желалъ смерти самой внезапной и неожиданной: онъ во время ужина заявилъ это желаніе, и на другое утро желаніе его исполнилось въ залѣ сената. Плиній видѣлъ также въ скоропостижной смерти величайшее благо жизни, и Августъ былъ почти того же мнѣнія. Этотъ послѣдній никогда не слышалъ о неожиданной и легкой смерти какого нибудь лица, не пожелавъ той же участи себѣ и своимъ друзьямъ. Монтань былъ одного мнѣнія съ Цезаремъ и думалъ, что лучше всего: «проглотить пилюлю, не разжевавъ ея.» Если бы Томасъ Броунъ былъ одного вѣроисповѣданія съ Цезаремъ, то предпочелъ бы, какъ онъ, умереть внезапно, чѣмъ перенести мученія долгой агоніи: то былъ мудрецъ, котораго смерть, когда бы ни настала, всегда нашла бы готовымъ принять ее. Но христіянство, открывъ новое поле нашимъ надеждамъ, увеличило вмѣстѣ съ тѣмъ наши опасенія. Томасъ Броунъ понималъ, что родъ смерти обстоятельство само по себѣ малозначащее.... У бо́льшей части людей плоть и кровь говорятъ тѣмъ же языкомъ: любишь больше, чтобы свѣча горѣла до конца, чѣмъ задуть ее разомъ. Иногда, впрочемъ, перспектива долгихъ страданій заставляетъ отчаянныхъ людей искать болѣе быстраго и легкаго средства избавиться жизни. Такимъ образомъ, видѣли, во время чумы въ Сиракузахъ, какъ множество римлянъ бросались на непріятельскіе посты, чтобы погибнуть отъ меча, а не отъ страшной заразы, пожиравшей народонаселеніе.

Густавъ-Адольфъ, желанія котораго были исполнены на люценскомъ полѣ сраженія, говорилъ, что счастливѣйшій человѣкъ тотъ, которому доведется умереть во время исполненія своего долга. Нельсонъ желалъ имѣть похоронным звономъ пушечную пальбу. Когда маршалу Виллару, умиравшему естественной смертью, объявили, что герцогъ Бервикскій умеръ смертью солдата при осадѣ Филиппсбурга:

— Я всегда говорилъ, отвѣчалъ онъ: — что онъ счастливѣе меня.

..... Когда Марія ожидала смерти отъ Елизаветы, то рѣшилась просить, чтобы ей отрубили голову не топоромъ, а мечемъ; въ томъ же родѣ просьба лорда Феррерса, желавшаго быть повѣшеннымъ въ Тибернѣ на шолковой веревкѣ. Но послѣдняя прихоть герцога Кларенскаго, если вѣрить анекдоту, самая странная въ своемъ родѣ. Умъ этого принца былъ удивительнымъ образомъ занятъ сочиненіемъ: «*Plaisirs de la Mémoire*», и онъ желалъ быть потопленнымъ въ бочкѣ, воображая, что любимая его мальвазія сдѣлаетъ его смерть пріятнѣе. Удушеніе было пріятно геліогобальскимъ паразитамъ, когда оно происходило посредствомъ благовоній. Старикъ

Digitized by Google

Феллеръ, разсмотрѣвъ всѣ роды смерти, дошелъ до слѣдующаго лаконическаго заключенія:

«Я не нахожу смерти, которая мнѣ нравилась бы. Но — присовокупляетъ онъ — не будемъ думать объ этихъ вещахъ: не цѣли выбирать стрѣлу, которая будетъ спущена на нее.»

Дѣйствіе смерти техническимъ словомъ называется *агоніей*. Это выраженіе соединяетъ въ себѣ общее и ошибочное повѣрье, сдѣлавшееся причиной варварскихъ и даже преступныхъ обрядовъ. Венеціанскій посланникъ въ Англіи, въ царствованіе Маріи, упоминаетъ объ обычаѣ въ низшихъ классахъ — класть на ротъ умирающихъ подушку, на которую садились или упирались ближайшіе родственники, пока не задыхался умирающій. Это было дѣло, которое охотно исполнялъ отецъ для сына, сынъ для отца; такимъ образомъ они думали сократить страшную борьбу жизни со смертью.

Во Франціи умерщвляли людей, страдавшихъ водобоязнью, съ той минуты, какъ болѣзнь, по видимому, дѣлалась неизлечимою. Существуетъ повѣрье, что укушеніе бѣшеной собаки сообщаетъ людямъ страсть животнаго — кусать; но эти жестокія убійства производились не съ цѣлью общей безопасности: то было чувство состраданія, руководившее убійцъ; они не имѣли въ виду другой цѣли, кромѣ пользы несчастныхъ больныхъ. Летоаль упомянулъ въ своемъ журналѣ о нѣсколькихъ фактахъ этого рода. Молодая женщина, заболѣвшая водобоязнью, до того испугалась грозившей ей опасности быть задушенною (что въ подобныхъ случаяхъ — замѣчаетъ разсказчикъ въ скобкахъ — весьма обыкновенный случай), что была доведена до бѣшенства скорѣе предстоявшимъ лекарствомъ, чѣмъ самою болѣзнью. Но сила привычки взяла верхъ надъ естественнымъ чувствомъ родственниковъ: отлохнувъ къ мольбамъ самой жертвы, они настаивали на томъ, что считали исполненіемъ своего долга; только по слабости они замѣнили задушеніе отравой, и самъ мужъ, «съ искреннимъ сожалѣніемъ», собственной рукой приготовилъ женѣ роковой напитокъ. Иногда, впрочемъ, жертва сама просила смерти. Пажъ, отправлявшійся къ морю, что тогда считалось вѣрнымъ средствомъ противъ водобоязни, былъ въ лѣсу оцарапанъ шиповникомъ, вслѣдствіе чего показалось нѣсколько крови. По предразсудкамъ тогдашняго времени, видъ крови въ его состояніи считался гибельнымъ обстоятельствомъ. Молодой человѣкъ, опасаясь припадка бѣшенства, просилъ, чтобы его на мѣстѣ задушили, по словамъ Летоаля: присутствующіе, рыдая, исполнили его просьбу. Другой пажъ, къ счастію, умеръ, когда располагались застрѣлить его изъ мушкета. Медики во Франціи донынѣ иногда употребляютъ хитрость, имѣющую отношеніе къ этой страшной дѣйствительности. Обманщики иногда представляются

Digitized by Google

больными водобоязнью: когда медикъ имѣетъ въ томъ подозрѣніе, то даетъ приказаніе задушить больного между двумя тюфяками. Распоряженіе это, какъ говоритъ Орфила, быстро излечиваетъ больного.

Слѣдуетъ отличать страданія самой смерти отъ страданій болѣзни, предшествовавшей концу жизни, потому что когда жизнь потухаетъ, чувствительность ослабѣваетъ; впадаешь въ родъ онѣмѣнія, безчувствія, которое увеличивается постепенно съ приближеніемъ смерти. Такъ называемая агонія никогда не бываетъ такъ сильна, какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда мозгъ поражается ею послѣ всѣхъ другихъ органовъ и когда умъ сохраняетъ до конца раціональное сознаніе о состояніи тѣла. И, несмотря на то, лица, находящіяся въ этомъ состояніи, обыкновенно свидѣтельствуютъ, что мало вещей на свѣтѣ, которыя были бы такъ легки, какъ смерть. «Еслибъ я имѣлъ столько силы, чтобъ держать перо — говорилъ Уильямъ Гентеръ — я бы написалъ, какъ легко и пріятно умирать». — «Я думалъ, что умирать труднѣе» — говорилъ Людовикъ XIV.

Мы бы могли привести безчисленное множество подобныхъ изрѣченій. Всѣ лица, выражавшія подобнаго рода ощущенія, казалось, находились подъ вліяніемъ пріятной неожиданности. Море бушевало въ тотъ день, когда Коллингвудъ испускалъ духъ на стихіи, бывшей театромъ его славы, и капитанъ Томасъ выразилъ ему свое опасеніе, чтобы его не безпокоила качка корабля: «Нѣтъ, Томасъ — отвѣчалъ онъ — въ состояніи, въ которомъ я нахожусь, ничто въ мірѣ не можетъ меня безпокоить. Я умираю и увѣренъ, что всѣ любящіе меня должны радоваться, видя, съ какимъ спокойствіемъ я достигаю конца моей жизни».

Еще случается часто, что умирающіе не имѣютъ сознанія ни самихъ себя, ни окружающаго ихъ. Выраженіе лица ихъ и движенія могли бы заставить думать, во многихъ случаяхъ, что хотя они уже совершенно умерли для внѣшняго міра, но что у нихъ еще остается внутренняя чувствительность. Но, по свидѣтельству тѣхъ, кого смерть пощадила при послѣднемъ часѣ, мы знаемъ, что въ то время, когда друзья ихъ соболѣзновали объ ихъ мнимыхъ страданіяхъ, жизнь была у нихъ въ состояніи ничтожества. Монтань, ошеломленный паденіемъ съ лошади, разорвалъ свою верхнюю одежду, но потерялъ совершенно сознаніе и узналъ о своихъ дѣйствіяхъ только послѣ, по разсказамъ своихъ слугъ. Видъ лихорадочнаго бреда грустенъ; но больной просыпается отъ своего забытья, какъ отъ глубокаго сна, не подозрѣвая, что онъ проводилъ дни и ночи, метаясь по постели и произнося несвязныя рѣчи. Всякій разъ, когда бываетъ безчувственность, наступающаяся смерть предшествуетъ смерти дѣйствительной, и умирать значитъ проснуться на томъ свѣтѣ.

Digitized by Google

Обыкновенно, духъ находится въ среднемъ состоянiи между дѣятельностiю и забытьемъ. Не привыкшiе сидѣть у постели умирающихъ легко принимаютъ увеличивающееся оцѣпенѣнiе за совершенную безчувственность; но внимательные наблюдатели могутъ замѣтить, что ухо, хотя уже тупо, однако еще не глухо, — что глазъ, хотя и подернутъ, однако еще не лишенъ способности видѣть. Когда лицо, находившееся возлѣ одра умирающаго доктора Уолластона, замѣтило, что сознанiе уже исчезло, умирающiй ученый сдѣлалъ знакъ, чтобы ему дали бумаги и карандашъ, написалъ нѣсколько цыфръ и сложилъ ихъ. Главная разница между нимъ и тысячами умирающихъ, которые не въ состоянiи показать признакъ сознанiя, состояла въ возвышенной степени его характера. Способности этихъ лицъ также живы, хотя имъ непрiятно произвести малѣйшее усилiе, и только нѣсколькими отрывистыми фразами, срывающимися съ устъ ихъ, они даютъ намъ знать, что физическая безчувственность у нихъ сильнѣе, чѣмъ умственная. Лица, которымъ было суждено дойти до границъ того мiра, откуда уже не возвращаются, соглашаются въ этомъ отношенiи. Въ бо́льшемъ числѣ этихъ случаевъ, равно какъ и въ безчувствiи, являются признаки, къ которымъ мы привыкли присоединять идею о страданiяхъ, потому что они дѣйствительно сопровождаютъ ихъ постоянно. Холодный потъ выступаетъ на кожѣ, дыханiе тяжело и усиленно, и иногда, особенно у лицъ нѣжнаго тѣлосложенiя, смерти предшествуютъ судорожныя движенiя, которыя какъ бы означаютъ борьбу съ непрiятелемъ. Но это просто признаки разрушенiя и изнуренiя системы, не имѣющiе никакого отношенiя къ боли. Знаменитый шотландскiй профессоръ Кемпбель подвергся сильному припадку удушья (*asthma*), который едва не убилъ его нѣсколькими мѣсяцами раньше смерти его, отъ этой же болѣзни. Подкрѣпительное средство дало ему неожиданное облегченiе, и первыя произнесенныя имъ слова выражали изумленiе печали, написанной на лицахъ друзей, потому что онъ самъ, какъ замѣтилъ имъ, находился въ высшую критическую минуту и въ ожиданiи немедленной смерти въ такомъ состоянiи, что лучше не могъ выразить своихъ ощущенiй, какъ объявивъ, что былъ въ восхищенiи. И, дѣйствительно, его страданiя, даже въ ту минуту, когда онъ усиливался судорожно дышать, должны были быть легкими; иначе физическая сила уничтожила бы умственную восторженность.

Плачъ и стоны родственниковъ часто тревожили послѣднiя минуты умирающихъ, которые, потерявъ уже языкъ, часто выражаютъ взорами страданiя, имъ причиняемыя. Какъ бы ни было трудно побѣждать свои ощущенiя, когда душа готова разстаться съ тѣ-

Digitized by Google

ломъ, любовь и сожалѣніе требуютъ въ подобномъ случаѣ, чтобы мы сдѣлали усиліе надъ самими собой. Еще непростительнѣе стараться насильно остановить улетающую жизнь вливаніемъ лекарствъ въ горло, которое уже не можетъ глотать, или вызывать въ тѣлѣ, уже лишенномъ движенія, признаки существованія сильными возбудительными средствами. Въ прежнее время для оживленія умирающаго существовалъ обычай направлять дымъ въ ноздри. Когда великій химикъ Кавендишъ замѣтилъ приближеніе своей смерти, то приказалъ слугѣ удалиться и не возвращаться раньше извѣстнаго часа. Когда слуга воротился, онъ нашелъ трупъ господина, желавшаго умереть въ тишинѣ и спокойствіи, невозмущаемомъ присутствіемъ людей, помощь которыхъ ему уже была не нужна. Всѣ желаютъ облегчить страданія на смертномъ одрѣ родственника или друга; но необдуманная нѣжность, которая въ своихъ послѣдствіяхъ вреднѣе совершеннаго равнодушія, дѣлаетъ ложе смерти терновымъ.

Болѣзнь не всегда основывается на агоніи. Нить можетъ порваться внезапно, какъ часто случается въ грудныхъ болѣзняхъ. Сынъ Бюрка, на которомъ отразилась часть извѣстности отца, слышалъ рыданія родителей въ сосѣдней комнатѣ, при мысли о неизбѣжномъ несчастіи, которое должно было случиться. Онъ всталъ, подошелъ къ отцу и старался завлечь его въ веселый разговоръ. Бюркъ молчалъ, подавляемый горемъ. Сынъ его сдѣлалъ усиліе, чтобы утѣшить отца.

— Я не чувствую никакой болѣзни, сказалъ онъ: — я чувствую себя лучше и веселѣе; между тѣмъ, не знаю почему, сердце мое въ тревожномъ состояніи. — О! говорите со мной, прошу васъ! говорите со мной о религіи, говорите о нравственныхъ предметахъ, говорите, если угодно, о незначительныхъ предметахъ.

Потомъ, услышавъ шумъ —

— Нейдетъ ли дождь? спросилъ онъ. — Нѣтъ! это шумъ вѣтра въ листьяхъ.

Ему пришли въ память прекрасные стихи Мильтона, и онъ произнесъ ихъ съ большимъ чувствомъ. Мы приведемъ эти стихи въ переводѣ: «Вѣтры, дыханіе которыхъ исходитъ съ четырехъ странъ неба, прославляйте своими голосами Всевышняго; растенія, склоняйтесь; кедры съ могущественными вѣнцами, нагибайте свои вершины въ знакъ поклоненія». Онъ во второй разъ повторилъ эти стихи и, присоединяя дѣло къ словамъ, скрестилъ руки въ знакъ умиленія, потомъ безпрепятственно упалъ въ объятія отца. Никакое предчувствіе не предупредило его, что черезъ минуту онъ будетъ находиться у престола своего Создателя, хвалу которому произносили уста его.

Digitized by Google

Но, обыкновенно, рука смерти даетъ себя чувствовать за минуту передъ появленіемъ. Между тѣмъ и тогда одно слово прощанія или молитвы, сопровождаемое выраженіемъ спокойствія въ чертахъ и голосѣ, показываетъ, что въ этомъ предвѣщаніи нѣтъ ничего тягостнаго. Такимъ образомъ умеръ Боало, вслѣдствіе водяной. Когда одинъ изъ его друзей вошелъ въ комнату — «Здравствуйте и прощайте! — сказалъ ему поэтъ — прощайте надолго!» и тотчасъ умеръ.

Въ скоропостижной смерти, не предшествуемой болѣзнью, дѣло происходитъ почти такимъ же образомъ. Одни умираютъ въ исполненіи обыкновенныхъ обязанностей жизни, другіе съ неоконченной рѣчью на устахъ, третьи среди спокойнаго сна. Многіе умираютъ не издавая ни малѣйшаго звука, многіе съ простымъ вздохомъ, многіе съ спазматическимъ стономъ. Въ другихъ случаяхъ, бываетъ двѣ или три минуты борьбы и страданія, и смотря по тому, болѣе или менѣе времени проходитъ между началомъ и концомъ кризиса, могутъ быть обыкновенныя страданія болѣзни. Но, вообще, не можетъ быть менѣе страшной смерти той, которая бываетъ среди жизни: если между здоровьемъ и могилой проходятъ нѣсколько біеній пульса, нѣсколько волненій груди, тогда, конечно, небольшая разница, болѣзненные ли то судороги, трепетъ ли радости, или машинальныя движенія тѣла, въ которомъ уже чувствительность угасла.

Итакъ, мысль, что страданія смерти суть высшая степень страданій болѣзни, совершенно противорѣчитъ фактамъ, потому что если періодъ агоніи не переступается внезапно, то смертельная болѣзнь производитъ безчувствіе. Если страданія болѣзни были очень сильны, чувство облегченія, которое слѣдуетъ за ними, до такой степени поразительно по своей противоположности, что охотно принимаешь его за признакъ отступленія болѣзни. Пушкинъ страдалъ ужасно отъ полученной имъ на поединкѣ раны. Жена его, обманутая глубокимъ спокойствіемъ, которое послѣдовало за этимъ состояніемъ страданія, сказала медику съ радостнымъ выраженіемъ: «Вы видите, что онъ не умретъ: онъ спасенъ.» Но въ эту самую минуту потухла жизнь. Когда эти признаки предшествуютъ выздоровленію, то въ дѣйствительности впереди находится болѣе страданій, чѣмъ если они предсказываютъ смерть, потому что хотя болѣзнь на минуту ослабѣваетъ, однакожь не отступаетъ. Куперъ, прійдя въ себя послѣ попытки къ самоубійству, вообразилъ, что онъ въ аду...

Всякій можетъ составить себѣ общее понятіе объ испытаніяхъ, которыя нужно пройти, прежде чѣмъ наступитъ смерть. Въ этихъ испытаніяхъ продолжительность столь же важный элементъ, какъ и сущность болѣзни, и изнурительныя болѣзни, не сопровождаемыя

Digitized by Google

сильными страданіями, требуютъ часто со стороны больного столько же мужества, сколько и терпѣнія. «Друзья — сказалъ академикъ Фонтенель незадолго передъ смертью — я не чувствую никакой боли, но небольшую трудность поддерживать жизнь.» Но эта малость труда обращается въ великую тягость, когда она безъ промежутковъ тянется недѣлями и мѣсяцами. Моръ, платоникъ, находившійся въ подобномъ состояніи, сравнивалъ себя съ рыбой внѣ своей стихіи, борющейся въ пескѣ.

Часто насильственная смерть мало различается отъ естественной. Многіе яды производятъ въ нашемъ тѣлѣ безпорядки, подобные тѣмъ, которые бываютъ неизбѣжною участью человѣчества. Вещества, убивающія съ быстротою молніи, имѣющія слѣдствіемъ усыплять чувства, никогда не могутъ произвести того, что называется дѣйствительными страданіями. Кровоистеченіе можетъ быть результатомъ какъ насилія, такъ и болѣзни, и, судя по примѣру Сенеки, продолжительныя страданія котораго послѣ открытія венъ заставили его прибѣгнуть къ другому способу смерти, — Томасъ Броунъ заключилъ, что этотъ родъ смерти ужасенъ. Броунъ по видимому придавалъ болѣе важности тому, что́ читалъ, чѣмъ тому, что́ видѣлъ собственными глазами, — потому что онъ въ теченіи своей практики долженъ былъ узнать, что кровоистеченіе не есть необходимо страдальческій родъ смерти. Боль зависитъ отъ бо́льшаго или мéньшаго пространства времени, которое протекаетъ прежде, чѣмъ жизнь дойдетъ до точки, когда оканчивается чувствительность. Лѣнивая кровь стараго Сенеки двигалась такъ медленно, что оставляла ему именно столько силы, чтобы чувствовать и страдать. Когда кровь течетъ свободнѣе, дѣйствіе бываетъ быстрѣе и боль менѣе, потому что кратковременнѣе.

Одинъ изъ самыхъ легкихъ родовъ смерти — это та, которая происходитъ послѣ выстрѣла: между тѣмъ, какъ бы она быстра ни была, тѣло имѣетъ время чувствовать, а умъ размышлять. При первой попыткѣ убійства, происшедшей вслѣдствіе происковъ фанатическихъ приверженцевъ Испаніи противъ Вильгельма, принца оранскаго, ставшаго въ главѣ возстанія Нидерландовъ, пуля пробила кости его лица и бросила на землю. Въ мигъ — и мы употребляемъ здѣсь это выраженіе въ собственномъ смыслѣ, чтобы означить самое короткое пространство времени, — въ мигъ, предшествовавшій его безчувственности, принцъ могъ вообразить, что потолокъ залы упалъ на него и раздавилъ его. Пушечное ядро, убившее Карла XII, позволило этому монарху поднести руку къ рукояти шпаги: мысль нападенія и необходимости обороны была вызвана въ немъ мгновеннымъ ударомъ, который по видимому не долженъ былъ оставить

Digitized by Google

времени для мысли. Но изъ этого нисколько не слѣдуетъ, что ударъ, имѣющій слѣдствіемъ мгновенную смерть, былъ бы сопровождаемъ болью. Напротивъ, судя по тому, что́ знаютъ о первыхъ впечатлѣніяхъ, происходящихъ вслѣдствіе ранъ отъ огнестрѣльнаго оружія, впечатлѣніе скорѣе бываетъ заглушающее чувствительность, чѣмъ болѣзненное. Лордъ Байронъ сдѣлалъ физіологическое наблюденіе, что въ случаяхъ смерти отъ огнестрѣльнаго оружія выраженіе умирающаго было всегда выраженіе натуральности, между тѣмъ въ случаяхъ смерти отъ удара кинжала и пр. черты сохраняютъ, до послѣдняго издыханія, выраженіе особенности характера умирающаго. Нѣсколько изъ первыхъ случаевъ намъ докажутъ, что даже послѣ смертельныхъ ранъ жизнь можетъ продлиться до послѣдней минуты, безъ особеннаго нарушенія системы. Солдатъ, раненый при Ватерлоо въ лашку, спросилъ воды у маркитанта, у котораго случайно было пиво въ манеркѣ. Раненый, напившись, съ живостью поблагодарилъ своего товарища и сказалъ ему, что почти весь его полкъ погибъ; потомъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ къ хирургу, онъ грянулся на землю и испустилъ духъ однимъ судорожнымъ движеніемъ; «и между тѣмъ — присовокупляетъ маркитантъ, разсказывающій этотъ анекдотъ — голосъ его едва показывалъ физическую слабость». Капитанъ Базиль Галлъ, присутствовавшій въ своей юности при Кореньской битвѣ, разсказываетъ случай, который представляетъ много аналогіи съ предшествовавшимъ фактомъ. Старый офицеръ, раненый пулей въ голову, блѣдный, шатаясь, подошелъ къ мѣсту, гдѣ перевязывали раненыхъ, и просилъ хирурга осмотрѣть рану. Ее объявили смертельною. «Я этого-то и боялся — сказалъ онъ, произнося слова съ нѣкоторою трудностью — а между тѣмъ я бы еще желалъ пожить немного, если бы было возможно». Онъ положилъ шпагу на камень такъ осторожно, какъ будто она была стеклянная, и почти въ ту же минуту грянулся на землю и испустилъ дыханіе.

Удушеніе отъ потопленія почиталось у нѣкоторыхъ древнихъ философовъ страшнымъ родомъ смерти, потому что они считали душу огненнымъ тѣломъ, которое потухаетъ въ водѣ. Естественное побужденіе, заставляющее утопающаго человѣка биться, въ самомъ началѣ есть чувство испуга, но не страданія; боль приходитъ позже и вскорѣ уступаетъ мѣсто пріятной забывчивости; нѣкоторые даже, если не бо́льшая часть, совершенно избѣгаютъ преходящаго чувства страданія. Особа, которой мы можемъ вполнѣ вѣрить, говорила намъ, что не чувствовала ни малѣйшаго признака задушенія. Рѣка была прозрачна, день свѣтелъ, и какъ она находилась въ вертикальномъ положеніи, то могла видѣть солнце, проникавшее чрезъ воду.

Digitized by Google

Между тѣмъ она не боялась своей участи и не чувствовала желанія избѣгнуть ея. Сладкое чувство сонливости, казалось, превращало смертоносную влагу въ ложе отдыха. Одинъ изъ друзей Ламоса-ле-Вайера увѣрялъ этого писателя, что, утопая, съ такимъ наслажденіемъ почувствовалъ дно рѣки, что не могъ удержаться отъ минутнаго гнѣва противъ тѣхъ, которые спасли его. Весьма извѣстный офицеръ, находящійся еще въ живыхъ, напечаталъ замѣчательный разсказъ о временномъ удушеніи отъ потопленія: онъ также упоминаетъ о совершенномъ отсутствіи страданій, въ то время, какъ онъ находился подъ водой; но онъ кромѣ того открываетъ особенное обстоятельство, — а именно, что въ теченіи немногихъ мгновеній, когда онъ находился въ сознаніи, всѣ происшествія его жизни, начиная съ его дѣтства, казалось, прошли мимо его глазъ съ быстротою молніи. Этотъ разсказъ, въ справедливости котораго нельзя сомнѣваться, подтверждаетъ точность, въ отношеніи къ наблюденію, древняго восточнаго разсказа о султанѣ, который опускалъ голову въ бассейнъ воды и пробѣгалъ нѣкоторымъ образомъ, прежде чѣмъ вынималъ ее изъ воды, всѣ происшествія своей жизни; но мы не намѣрены дать этому физіологическое объясненіе.

Многіе люди, судя по собственнымъ испытаніямъ дѣйствій холода, не сомнѣваются, что отъ замерзанія страшно страдаютъ. Но это значитъ впадать въ обыкновенное заблужденіе, состоящее въ мысли, что боль увеличивается съ усиленіемъ причины, производящей ее, что могло бы только случиться, еслибъ чувствительность оставалась неизмѣнною. Холодъ вскорѣ наводитъ сонъ, который заглушаетъ чувства и заставляетъ насъ забыть жизнь. Одинъ пріятель Роберта Бойля, заснувшій такимъ образомъ, сидя спокойно въ саняхъ, объявилъ ему, что не чувствовалъ тогда ни силы, ни желанія просить помощи, и если бы товарищи не замѣтили его положенія, онъ охотно принялъ бы снѣгъ вмѣсто савана. Но самый любопытный примѣръ усыпительной силы мороза встрѣчается въ приключеніяхъ товарищей Кука, которые, во время перваго его путешествія, были застигнуты снѣгомъ, среди ботаническихъ поисковъ на Огненной землѣ. Докторъ Соландеръ, шведскій уроженецъ, знавшій хорошо вліяніе суроваго климата, предупреждалъ своихъ спутниковъ, чтобы они не останавливались, какъ бы ни устали. «Кто присядетъ — сказалъ онъ — тотъ заснетъ, а кто заснетъ, тотъ умретъ». Докторъ говорилъ какъ философъ, но чувствовалъ какъ человѣкъ. Несмотря на увѣщанія даже тѣхъ, которыхъ онъ предостерегалъ, онъ первый остановился и сѣлъ на землю. Предупредили чернокожаго слугу, послѣдовавшаго его примѣру, что онъ умретъ, и тотъ отвѣчалъ, что онъ того именно желаетъ. Но докторъ

Digitized by Google

противорѣчилъ собственной философіи: онъ сказалъ, что хочетъ немного соснуть и послѣ того будетъ продолжать свой путь. Онъ дѣйствительно заснулъ на двѣ или на три минуты, и заснулъ бы вѣроятно навсегда, еслибъ товарищи, къ счастію, не успѣли развести огонь. Подобныя сцены тысячи разъ повторялись во время отступленія отъ Москвы. Историкъ Алисонъ, желавшій опытомъ самъ убѣдиться, до какой степени можно бороться противъ усыпляющаго свойства мороза, сѣлъ однажды вечеромъ въ своемъ саду при двадцати градусахъ морозу, по стоградусному термометру, и онѣмѣніе овладѣло имъ такъ скоро, что онъ не могъ понять, какимъ образомъ хотя одинъ солдатъ французской арміи могъ противостоять этому страшному вліянію.... Другимъ обыкновеннымъ результатомъ сильнаго мороза бываетъ сходство съ опьянѣніемъ, и люди полузамерзшіе бывали наказаны въ Англіи какъ пьяницы,— несправедливость тѣмъ болѣе горькая, что, по ихъ собственному мнѣнію, состояніе ихъ произошло именно отъ отсутствія крѣпкихъ напитковъ. Впрочемъ, всѣ эти случаи легко объясняются. Сжимательная сила холода стягиваетъ сосуды, отдаляетъ кровь во внутренность тѣла, и поверхность, лишенная живительной влаги, твердѣетъ и теряетъ свою чувствительность. Часть крови, двигавшаяся въ этихъ наружныхъ сосудахъ, удаляется въ мозгъ и онѣмѣніе мозга оканчиваетъ состояніе безчувственности. Можно судить о быстротѣ этого явленія, если ему не противопоставляется движеніе, по тому факту, что въ теченіи немногихъ минутъ, въ которыя спалъ докторъ Соландеръ, башмаки его упали съ ногъ, вслѣдствіе сжатія ихъ. Это еще новый поводъ не удивляться противорѣчію, которое существуетъ между его ученіемъ и его поведеніемъ: чѣмъ болѣе была имъ предсказанная опасность, тѣмъ болѣе также должна была быть легкость, съ которою бдительность его была обманута и обезоружена.

Смерть удушеніемъ вообще была въ употребленіи чаще чѣмъ другіе роды казней, — болѣе, быть можетъ, чѣмъ всѣ другіе роды вмѣстѣ. Предполагаютъ, *a priori*, что эта смерть самая болѣзненная, вслѣдствіе внезапнаго перехода силы здоровья къ насильственной, а между тѣмъ не мгновенной смерти. Многіе люди, дѣйствительно, воображаютъ, что паденіе тѣла производитъ вывихъ въ шеѣ. Вывихъ спинныхъ позвонковъ долженъ убить въ то самое мгновеніе, когда происходитъ паденіе; но это мнѣніе должно встать на ряду съ обыкновенными заблужденіями. Если это явленіе возможно, то оно бываетъ очень рѣдко, и развѣ только когда прибѣгаютъ къ какому либо особому средству. Если паденіе значительно, или человѣкъ тяжелъ, то вывихъ весьма возможенъ; но, за исключеніемъ нѣсколькихъ рѣдкихъ случаевъ, висѣльники умираютъ отъ простого

Digitized by Google

удушенія. Многіе люди, пережившіе висѣлицу, дали отчетъ въ своихъ ощущеніяхъ: особа, знакомая съ лордомъ Бэкономъ, желавшая на себѣ испытать дѣйствіе мѣстнаго повѣшенія, упала среди опыта и едва дорого не поплатилась за свое любопытство, потому что была безъ чувствъ, когда перерѣзали веревку; она объявила, что не ощущала никакой боли, и что единственное чувство былъ огонь передъ глазами, который сначала превратился въ черный цвѣтъ, а потомъ въ небесно-голубой. Капитанъ Монтаньякъ, повѣшенный во время религіозныхъ войнъ во Франціи и отвязанный отъ висѣлицы по просьбѣ виконта Тюреня, жаловался, что, потерявъ внезапно всякое чувство боли, его лишили свѣта, прелесть котораго была выше всякаго описанія. Другой преступникъ, спасшійся отъ смерти вслѣдствіе того, что петля оборвалась, сказалъ, что послѣ одной секунды страданія онъ видѣлъ огонь, а сквозь огня красивую аллею. Было бы безполезно исчислять эти примѣры, и по этому предмету можно обратиться къ сочиненіямъ судебной медицины. Изъ этого слѣдуетъ, что страданіе мгновенно, что взору представляются разные цвѣта, и что послѣ созерцанія этихъ цвѣтовъ наступаетъ забытье. Отвлеченный отъ дѣйствительности, умъ занятъ картинами, которыя не имѣютъ ничего общаго съ зрѣлищемъ, находящимся передъ глазами зрителей....

(*Quarterly Review*).

Digitized by Google

О СОВРЕМЕННОЙ КРИТИКѢ ВО ФРАНЦІИ.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Вступленіе.

Хотя почти во всѣхъ курсахъ словесности признано, что современный намъ періодъ европейской литературы замѣчателенъ необыкновеннымъ развитіемъ дѣятельности критической, тѣмъ не менѣе всякій образованный человѣкъ, со вниманіемъ прослѣдивши эту дѣятельность за послѣднія двадцать лѣтъ, съ трудомъ удержится отъ чувства довольно грустнаго и произнесетъ приговоръ не совсѣмъ снисходительный. Такого наблюдателя болѣе всего поразитъ необыкновенный, повсемѣстный упадокъ критики и недовѣріе читателей къ ея суду. Основательная, хотя и нелегко дающаяся всякому, германская философская критика лишилась своихъ корифеевъ и начала щеголять схоластицизмомъ и туманностью,—недостатокъ, противъ котораго ей слѣдовало бороться всѣми мѣрами. Что сказали бы мы о мыслителѣ, нарочно затемняющемъ смыслъ своихъ и безъ того нелегкопонимаемыхъ произведеній? Геній самого Канта не былъ бы оцѣненъ потомками, если бы кенигсбергскій философъ, изъ видовъ забавы или пустого фразёрства, началъ запутывать нарочно тонкую нить своихъ глубокомысленныхъ выводовъ. Германская критика сама наложила на себя руку и тѣмъ принесла огромный ущербъ искусству, такъ какъ направленіе ея дѣятелей было весьма полезно, по здравому направленію и огромной учености критиковъ.

Digitized by Google

Эта же самая отрасль словесности пришла въ упадокъ и въ Англіи. Причины тому были двѣ: неумолимый антагонизмъ литературныхъ и политическихъ партій,—антагонизмъ, почти не допускавшій добросовѣстности, и потомъ преобладаніе легкой, свѣтской критики надъ трудами болѣе важнаго направленія. Занятіе критика (*reviewer*) сдѣлалось въ Англіи любимымъ занятіемъ молодыхъ людей, получившихъ энциклопедическое, поверхностное образованіе. Лучшіе журналы выбирали своихъ критиковъ, основываясь не на учености ихъ, а на живости слога и умѣньи разсказывать вещи вовсе посторонняго содержанія; слѣдовательно, не мудрено, что библіографическія статьи въ этихъ журналахъ давно уже сдѣлались чѣмъ-то среднимъ между повѣстью, историческимъ разсказомъ, критикою и фельетономъ.

Въ Россіи литературная критика стоитъ тоже не на завидной высотѣ; утративъ въ послѣднее время двухъ или трехъ лучшихъ дѣятелей, она даже представляетъ мало надежды впереди; но обстоятельство это можетъ быть оправдано тѣмъ, что потребность въ основательной критикѣ у насъ появилась весьма недавно.

Самое непріятное зрѣлище представляетъ намъ положеніе критики французской: все, что только есть мелкаго, жалкаго и возмутительнаго въ литературной дѣятельности извѣстной націи, мы найдемъ въ сочиненіяхъ писателей, которыхъ полу-ученые, полу-шарлатанскіе труды читаются и хвалятся во всей Европѣ, служатъ литературнымъ кодексомъ въ своей землѣ. Проникнувъ вмѣстѣ съ нами въ странную, фантастическую область французской критики, читатель увидитъ не одну вещь истинно невѣроятную. Онъ познакомится съ аристархами, обладающими громкою извѣстностью и не умѣющими написать двухъ строкъ, не укравши для нихъ чужой мысли, чужой фразы, чужого приговора; онъ посмотритъ на строгихъ критиковъ, противорѣчащихъ себѣ на всякой страницѣ и еще гордящихся этими противорѣчіями. Намъ предстоитъ прослѣдить за дѣятельностью людей, не сказавшихъ ни объ одномъ старомъ или новомъ писателѣ добраго слова и нагло утверждающихъ, что успѣхъ чужой книги приводитъ ихъ сперва въ бѣшенство, а потомъ въ уныніе,—разобрать сочиненія тружениковъ, учившихся всю жизнь и всю жизнь вращавшихся въ кругу самой непослѣдовательной дѣтской критики, и оцѣнить дѣятельность писателей, не учившихся ничему, не вѣрящихъ въ науку и въ тоже время преклоняющихся передъ скучнѣйшею трагедіею Расина и передъ тремя единствами Аристотеля. Передъ нами откроется длинный рядъ наивнѣйшихъ промаховъ, учености, потраченной даромъ, безсовѣстныхъ похвалъ твореніямъ своихъ пріятелей и дикаго негодованія за чужое противорѣчіе.

Digitized by Google

Но зачѣмъ же, спроситъ читатель, долго останавливаться надъ такими неутѣшительными картинами и не пройти мимо ихъ съ презрѣніемъ, котораго онѣ заслуживаютъ? На это замѣчаніе мы можемъ отвѣчать съ полною увѣренностію, что положеніе французской современной критики не только не заслуживаетъ презрѣнія, но стоитъ изученія самаго добросовѣстнаго и можетъ породить не одинъ слабый этюдъ въ родѣ нашего, а цѣлый рядъ статей, обильныхъ занимательностью и чисто практическою пользою. Это заключеніе основываемъ мы на трехъ соображеніяхъ, родившихся въ нашей головѣ при чтеніи новыхъ и старыхъ французскихъ критиковъ.

Во первыхъ, безпристрастное положеніе нашего предмета должно повлечь за собою болѣе ясное возарѣніе на труды писателей, которыхъ славѣ мы вѣримъ на слово, тогда какъ они не заслуживаютъ и частички своей славы. Бездна ложныхъ мнѣній и парадоксовъ, которыми щеголяютъ новые французскіе критики, вводятъ въ заблужденіе тѣмъ легче, что написаны изящнымъ слогомъ, изданы прекрасно и читаются многими людьми, которыхъ не удовлетворяетъ такъ называемое легкое чтеніе; а между тѣмъ мы твердо убѣждены, что полезнѣе читать всю свою жизнь романы Поль-де-Кока и Александра Дюма, нежели раздѣлять литературныя мнѣнія котораго нибудь изъ сотрудниковъ *Revue des Deux Mondes* или *Journal des Débats*.

Во вторыхъ, не слѣдуетъ думать, чтобы французская словесность, обильная талантами во всѣхъ родахъ и въ послѣднее время обогатившаяся черезъ знакомство съ англійскими и нѣмецкими писателями, по части критики имѣла однихъ ничтожныхъ дѣятелей. Вся сила въ томъ, что эти жалкіе дѣятели, по своей ловкости и вѣтренности читателей, добились славы и авторитета, тогда какъ труды людей истинно ученыхъ и полезныхъ, скрываются въ неизвѣстности и порождаютъ однѣ насмѣшки и жалобы на тонкости и сухость изложенія. Это обстоятельство до крайности важно; его слѣдуетъ знать всякому человѣку, ищущему серьёзнаго чтенія и вѣрныхъ теорій по части словесности; для русскихъ оно имѣетъ еще болѣе важности, потому что наши иностранные учители поселили въ насъ цѣлую бездну литературныхъ предразсудковъ. Въ свое время насъ учили благоговѣть передъ теоріями Боало и Лагарпа, въ получаемыхъ нами журналахъ мы увлекаемся ложными взглядами Сенъ-Бева, Жанена, Планша; исторію французской словесности мы перечитываемъ по Низару и Вильмену, не подозрѣвая того, что эти критики, умѣя иногда вести разсказъ съ рѣдкимъ искусствомъ, часто бываютъ ничтожны и даже вредны въ ученомъ отношеніи. А между тѣмъ ихъ имена извѣстны всѣмъ и каждому, тогда какъ сочиненія такихъ критиковъ, какъ Перро, Мерсье, Мишьельсъ, едва ли могутъ быть отысканы въ нашихъ

Digitized by Google

книжныхъ лавкахъ. О нихъ никто не думаетъ и не отдастъ имъ должной справедливости, потому только, что этой справедливости не хотятъ воздать имъ на ихъ родинѣ.

Но третье, самое важное изъ нашихъ соображеній заключается въ томъ, что грустное впечатлѣніе, остающееся въ человѣкѣ, изучившемъ исторію нашего предмета, можетъ принести нѣкоторую пользу писателямъ, готовящимъ себя для трудовъ по части русской литературной критики. Увидѣвъ, сколько труда, таланта, изслѣдованій потрачено безъ пользы во Франціи, убѣдившись въ томъ, что одно умѣнье владѣть слогомъ не даетъ критику и сотой доли достоинствъ, нужныхъ для того, чтобъ судить о произведеніяхъ какой бы ни было словесности, имъ легче будетъ понять ту простую истину, отъ которой такъ часто отклоняются европейскіе критики, а именно — *что безъ строгой эстетической теоріи всякая критическая попытка будетъ слаба и безплодна.* Невыгодное положеніе, въ которомъ находятся самые прославленные изъ французскихъ цѣнителей словесности, не имѣетъ другой причины, кромѣ ихъ малаго знакомства съ отвлеченными, философскими науками. Поверхностное знаніе законовъ мышленія ведетъ къ отсутствію цѣлой и неизмѣнной теоріи; отсутствіе теоріи ведетъ къ шаткости идей; шаткость идей порождаетъ или слѣпое преклоненіе передъ чужимъ судомъ, или озлобленную ненависть противъ всякаго, котораго мысль идетъ наперекоръ нашимъ волнующимся, неопредѣленнымъ убѣжденіямъ. Прославленные французскіе критики, зная, что философія и эстетика ихъ погубятъ, бѣгаютъ отъ эстетики и философіи; а большинство читателей, увлекаясь удободоступностью ихъ манеры, бѣгаетъ за ними съ рукоплесканіями, насмѣшливо встрѣчая каждый трудъ сколько нибудь важный и добросовѣстный. Цѣня свою популярность, наши шаткіе критики сами нападаютъ на своихъ болѣе дѣльныхъ собратій и такимъ образомъ, слѣдуя закону самосохраненія, сознательно портятъ и науку и словесность своей родины.

Теперь приступаемъ къ нашему труду, хотя знаемъ, что онъ не будетъ полонъ: матеріяльныя средства насъ удерживаютъ. Всякій трудолюбивый писатель знаетъ, въ какой степени трудно, даже въ Петербургѣ, отыскивать и пріобрѣтать сочиненія, нужныя для справокъ, особенно если сочиненіе написано давно и содержаніе его не представляетъ особеннаго интереса большинству читателей. По случаю этихъ затрудненій, мы должны были даже отчасти измѣнить планъ этюда и поневолѣ заимствовать многія мѣста изъ нѣсколькихъ сочиненій, написанныхъ авторами, съ мнѣніями которыхъ мы очень часто не соглашаемся.

Digitized by Google

ГЛАВА I.

Классицизмъ и романтизмъ, новая и древняя словесность, начало критики во Франціи и первые литературные споры по поводу превосходства старыхъ и новыхъ писателей.

Въ словесности каждой изъ западныхъ странъ Европы тѣсно слиты два главные элемента, составляющіе основу настоящаго искусства: первый изъ нихъ передалъ современной Европѣ римлянами и заключается въ совокупности идей, знакомыхъ древнимъ народамъ; второй же сформировался подъ вліяніемъ живительныхъ идей христіанства и преданій, существовавшихъ между племенами, разгромившими Западную имперію. Общую массу произведеній, оставшихся намъ отъ древней Греціи и Рима, и творенія, написанныя въ ихъ духѣ, принято называть классическимъ отдѣломъ словесности, тогда какъ созданіямъ, внушеннымъ духомъ новыхъ вѣрованій или преданіями новыхъ народовъ, лучшіе иностранные критики даютъ названіе романтическихъ произведеній. Классификація эта до крайности неудовлетворительна и неясна; но такъ какъ мы намѣрены стать на точку зрѣнія французской критики, то и примемъ ее какъ болѣе удобную для нашего этюда.

Для насъ, русскихъ, поставленныхъ развитіемъ нашей словесности въ необходимость быть эклектиками по части древняго и новаго искусства, антагонизмъ этихъ двухъ видовъ въ искусствѣ и словесности почти непонятенъ. Мы говоримъ: въ древней словесности есть много прекраснаго, но многое въ ней ложно и, отживши свой вѣкъ, не можетъ служить темою для вѣчнаго подражанія. Понятія людей идутъ впередъ съ каждымъ поколѣніемъ, и естественно, что послѣ столькихъ вѣковъ смѣшно во всемъ слѣдовать древнимъ теоріямъ. Съ другой стороны, мы очень хорошо знаемъ, что поэзія среднихъ вѣковъ, несмотря на всѣ свои достоинства, несмотря на облагороженіе ея идеями, внесенными въ нее ученіемъ христіянскимъ, далеко не можетъ служить безукоризненнымъ образцомъ для литературы будущихъ поколѣній. И, разсуждая такимъ образомъ, всякій изъ насъ понимаетъ, что критикъ, который бы началъ унижать древнихъ въ похвалу современнымъ дѣятелямъ, или смѣяться надъ новымъ искусствомъ съ цѣлію восхваленія древнихъ писателей, по необходимости вдается въ односторонность и заранѣе произноситъ приговоръ своему труду.

Такъ думаемъ мы, простые зрители литературнаго движенія въ чужихъ странахъ; но въ нѣкоторыхъ государствахъ Европы, пре-

Digitized by Google

имущественно во Франціи, еще не существуетъ той терпимости въ искусствѣ, безъ которой не можетъ существовать истинно здравой критики. Еще недавно журналы и газеты оглашались неистовыми спорами между классиками и романтиками; еще недавно часть парижской публики толпами бѣгала смотрѣть трагедіи Понсара, написанныя по теоріи Аристотеля, тогда какъ корифеи романтическаго направленія писали драмы безъ всякихъ правилъ, даже безъ правилъ орѳографіи. Посреди этихъ недавнихъ споровъ и сформировалась та скептическая, холодная, безсистемная школа критиковъ, о которой намъ предстоитъ говорить съ читателемъ; но такъ какъ этюдъ по поводу этой школы, взятый отдѣльно, не будетъ вполнѣ понятенъ для людей, незнакомыхъ съ положеніемъ старыхъ и новыхъ литературныхъ партій во Франціи, то краткой исторіи этихъ партій мы намѣрены посвятить первую половину нашего труда.

Такъ называемая эпоха *возрожденія искусствъ*, начавшаяся во Франціи въ концѣ XV столѣтія, служитъ исходнымъ пунктомъ для исторіи французской критики. Съ періода возрожденія и начинается упорная и почти безплодная борьба между древнимъ и новымъ элементомъ словесности; съ этого періода, идеи, преобладавшія въ древнемъ искусствѣ, перестали быть достояніемъ немногихъ ученыхъ и съ каждымъ годомъ пріобрѣтали въ обществѣ право гражданства. Древняя словесность, забытая и осужденная въ первые вѣка послѣ паденія Западной римской имперіи, не могла быть вѣчно забытою: въ ней хранились сокровища поэзіи и философіи; ея смѣлость, оконченность и прелесть не могли не найти себѣ ревностныхъ поклонниковъ въ обществѣ, которое, по части искусства, не создало почти ничего подобнаго древнимъ образцамъ. Италія, въ которой слѣды римскаго владычества были живѣе, первая выказала пламенное сочувствіе къ едва забытому міру; еще въ XIII столѣтіи познаніе латинскаго языка стало общимъ въ этой странѣ и творенія римскихъ писателей начали пользоваться фанатическимъ уваженіемъ, въ одно и тоже время благотворнымъ и вреднымъ. Виргилій сдѣлался какимъ-то полубогомъ и прозванъ былъ первымъ поэтомъ. Всякій сильный талантъ считалъ долгомъ тратить свои силы, сочиняя книги на чуждомъ нарѣчіи. При этихъ, бо́льшею частію безплодныхъ, попыткахъ и зародилось то поклоненіе буквѣ древней словесности, которое повело къ безусловному принятію древнихъ формъ, внесенію въ новое искусство теорій отжившей словесности. Но плодъ оказался только впослѣдствіи: первое же время знакомства новой Италіи съ древнимъ міромъ, указавъ ея великимъ умамъ на всю прелесть заколдованной области изящнаго, породило поэтовъ, подобныхъ Данту и Петраркѣ. Эти поэты умѣли сохранять свою независи-

Digitized by Google

мость, быть людьми своего времени и говорить страстямъ своимъ современниковъ. Совѣмъ тѣмъ, внимательно читая изъ творенія и біографіи, можно съ справедливостію сказать, что подобная независимость далась имъ не безъ потерь и усилій. Такъ нѣкоторыя творенія Данте писаны на латинскомъ языкѣ; такъ едва не погибло великолѣпнѣйшее изъ твореній врачата Альгіери: планъ «Божественной Комедіи» составленъ былъ не на языкѣ его родины, и первыя пѣсни состояли изъ латинскихъ гекзаметровъ. «Одинъ разъ — разсказываетъ который-то изъ его біографовъ — въ пустынный монастырь Корво зашелъ путникъ высокаго роста и величественной наружности; долго бродилъ онъ между колоннами храма и молился передъ образами святыхъ угодниковъ. Угрюмыя, повелительныя черты его лица, не согласныя съ бѣднымъ нарядомъ и посохомъ странника, обратили на себя вниманіе иноковъ. Старшій изъ нихъ подошелъ къ незнакомцу и спросилъ: «не нужно ли ему чего нибудь»; незнакомецъ поглядѣлъ на него и сказалъ только: «спокойствія». Скоро весь монастырь узналъ, что посѣтитель прозывается Данте Альгіери: то былъ вельможа, изгнанный изъ Флоренціи неблагодарными согражданами, человѣкъ, пользовавшійся славою воина, поэта и государственнаго мужа. Иноки обласкали путника, и онъ прожилъ у нихъ нѣсколько дней и на прощанье подарилъ имъ книгу, содержавшую въ себѣ первую часть «Божественной Комедіи». Къ удивленію ихъ, поэма написана была на итальянскомъ языкѣ. Когда они выразили свое недоумѣніе, почему поэтъ избралъ такое жалкое нарѣчіе вмѣсто величественнаго латинскаго языка, Данте сказалъ имъ, что самъ раздѣляетъ ихъ мнѣніе, но что *для маленькихъ дѣтей не годится пища, которую съ наслажденіемъ вкушаютъ люди взрослые.*

Понятно, каковы были въ ученыхъ людяхъ Италіи предразсудки на счетъ новыхъ нарѣчій и новой словесности, если самъ Данте, громаднѣйшая личность своей родины, сознавался, что ея языкъ не годится для людей строгихъ и окрѣпшихъ въ мышленіи! Въ XV столѣтіи, поклоненіе римской словесности, еще болѣе усиленное ближайшимъ знакомствомъ съ искусствомъ древней Греціи, дошло до крайнихъ предѣловъ и нанесло огромный ущербъ итальянской словесности: творенія Данта, Бокаччіо и Петрарки поступили въ разрядъ сочиненій недостойныхъ изученія, усовершенствованіе языка остановилось, — лучшіе поэты Италіи если и писали на своемъ языкѣ, тобрались за одни блѣдныя эклоги и идиліи; человѣкъ знаменитой учености, Франческо Филельфо, издалъ цѣлый рядъ сочиненій, въ которыхъ унижалъ заслуги трехъ великихъ основателей словесности его родины. Наконецъ, въ 1514 году, въ Италіи играна была первая тра-

Digitized by Google

гедія, написанная съ строгимъ соблюденіемъ всѣхъ правилъ аристотелевой поэтики: она называлась *Софонизба* и авторомъ ея былъ архіепископъ Триссино; а за ней послѣдовалъ цѣлый рядъ пьесъ, въ которыхъ подражаніе древнимъ формамъ и отсутствіе всякой современности, всякой національности доходило до величайшей крайности. Утвердительно можно сказать, что драматическія представленія болѣе всѣхъ другихъ произведеній дѣйствуютъ на массу публики, и потому рабское поклоненіе формамъ древняго искусства, проникнувъ на сцену, не имѣло болѣе никакихъ препятствій къ рѣшительному преобладанію. Около этого самого времени и послѣдовало близкое сношеніе Италіи съ Франціей, — сношеніе, случившееся вслѣдствіе войнъ Карла VIII и Людовика XII, породившее эпоху возрожденія и нанесшее сильный ударъ литературной національности Франціи.

Поклоненіе древнимъ формамъ искусства вначалѣ принесло Франціи почти такую же пользу, какъ и Италіи во времена Данта: знакомство съ древними писателями и изученіе классиковъ не могло пройти безъ полезныхъ результатовъ. Эпоха возрожденія (*période de la renaissance*) еще не достаточно разработана критиками; но всѣ они отдаютъ справедливость необилію сильныхъ талантовъ, являвшихся въ то время во Франціи, хотя таланты эти, по самому закону національнаго характера, не имѣли той самостоятельной устойчивости, которая далась на долю итальянскимъ поэтамъ, и посреди неумѣреннаго поклоненія отжившему міру и чуждому языку производила дѣятелей, подобныхъ Данту и Бокаччіо. Ни въ одномъ народѣ идеи и образы, проводимые въ древней словесности, не являлись въ болѣе сухомъ и безжизненномъ видѣ: отсутствіе поэтическаго такта, издавна характеризующее французовъ, сдѣлало то, что на ихъ словесности вліяніе древнихъ поэтовъ отразилось не какъ новый живительный элементъ, а какъ мертвая, стѣснительная теорія. Превосходя итальянцевъ въ практической сторонѣ жизни, французы ранѣе ихъ поняли, что писать на чужомъ языкѣ безполезно и безтолково; но, уступая имъ въ эстетическомъ чувствѣ, они не могли разсудить, что рабское послѣдованіе литературнымъ теоріямъ отжившихъ народовъ почти на столько же безтолково. Мы сейчасъ говорили о Данте, — теперь въ параллель ему поставимъ одного изъ самыхъ блестящихъ поэтовъ Франціи, писателя почти геніяльнаго, именно Пьера Корнеля, начавшаго писать въ ту эпоху, когда уже никто во Франціи не признавалъ необходимости писать по латыни, и слѣдовательно поставленнаго, относительно своихъ современниковъ, въ положеніе несравненно выгоднѣйшее, чѣмъ творецъ «Божественной Комедіи». Чтобъ сохранить свою самостоятельность, Данту пред-

Digitized by Google

стояло бороться противъ всей массы ученыхъ его родины, бороться съ самимъ собой, потому что въ его мнѣніи Виргилій, Стацій и другіе римскіе поэты были почти богами, геніями, достигшими крайнихъ предѣловъ совершенства. Отчего же Данте не написалъ своей поэмы размѣромъ Энеиды? почему его трилогія ничѣмъ не напоминаетъ собою любимыхъ имъ поэтовъ? почему она остается нерушимымъ памятникомъ своего времени, въ которомъ отражаются всѣ средніе вѣка, съ ихъ жизнью, вѣрованіями, юношескими порывами и тяжкими преступленіями?

Изъ за какой же причины Корнель, человѣкъ, проникнутый идеями христіанскаго общества, способный выразить потребности своего вѣка и своей націи, обогащенный познаніемъ древнихъ и новыхъ писателей, не поступилъ подобно автору «Божественной Комедіи» и не создалъ рода болѣе сообразнаго съ его вѣкомъ и современнымъ искусствомъ? Онъ встрѣтилъ на пути своемъ мертвую теорію, открытую въ греческихъ книгахъ, и нашелъ, что противъ этой теоріи итти невозможно, покорился правиламъ, написаннымъ во время упадка древняго искусства, и, даже не боровшись съ ними, растратилъ свой талантъ на фальшивой дорогѣ. Ему сказали: въ трагедіи должны дѣйствовать одни князья и герои, и онъ выводилъ на сцену однихъ князей и героевъ; въ аристотелевыхъ книгахъ сказано, что въ трагедіи говорятъ лишь высокимъ слогомъ, и Корнель исполнилъ это условіе; онъ слышалъ, что на древнемъ театрѣ не мѣнялись декораціи и вслѣдствіе того писалъ пьесы, которыхъ завязка и развязка происходили въ одной и той же комнатѣ, и даже не подумалъ о томъ, что причиною этого стѣснительнаго правила было нечто иное, какъ мѣстныя условія и архитектурное положеніе древнихъ театровъ. Онъ не хотѣлъ сообразить, что съ той поры міръ измѣнился, что новые народы явились на сцену съ новыми особенностями и потребностями, что новая религія принесла съ собою новыя условія для искусства, что ни одно поколѣніе не проходитъ по землѣ не заронивши въ умы сѣмянъ новой поэзіи, и что ни одна форма искусства не можетъ оставаться неподвижною.

Предѣлы нашей статьи не позволяютъ намъ очертить подробнѣе то ненормальное состояніе, въ которое брошена была французская словесность неразумнымъ развитіемъ классицизма. Если мы сказали слишкомъ мало, то приглашаемъ читателей самихъ подумать объ исторіи драматической литературы во Франціи, такъ какъ въ ней всего болѣе находится фактовъ, поясняющихъ наши указанія; теперь же мы прямо приступимъ къ изложенію борьбы, начавшейся между французскими учеными за преобладаніе старыхъ образцовъ въ словес-

Digitized by Google

ности. Такъ какъ борьба эта положила основаніе французской критикѣ, то мы остановимся съ особымъ тщаніемъ на этомъ исходномъ пунктѣ.

Въ то время, когда изученіе древней словесности оказалось неблагопріятнымъ для самого языка, не вѣру обращая общее вниманіе на языки латинскій и греческій, нашлись во Франціи люди, понявшіе несообразность подобнаго направленія и горячо вступившіеся за драгоцѣннѣйшее достояніе своей родины, именно за ея нарѣчіе. Первымъ изъ нихъ былъ *Дюбелле (Dubellay)*, котораго сочиненіе «*Illustrations de la langue française*» имѣло огромный успѣхъ и тронуло живыя струны французской національности. Идеи, въ немъ развиваемыя, были совершенно новы для того времени. Дюбелле доказывалъ, что объ языкахъ нельзя судить какъ о растеніяхъ, изъ которыхъ иныя красивы и могучи, а другія слабы и безобразны: совокупныя усилія писателей и народа украшаютъ и возвеличиваютъ національное нарѣчіе; стоитъ его бросить — оно заглохнетъ, — заняться имъ, и оно удивитъ всѣхъ своимъ развитіемъ. Потому-то ученые, презрительно отзывающіеся о своемъ родномъ языкѣ и присвоившіе себѣ языкъ грековъ и римлянъ, не только не приносятъ пользы своему отечеству, но губятъ его лучшее достояніе; и дѣйствительно, французскій языкъ, если имъ не заниматься, не очищать его и не писать на немъ сочиненій, сдѣлается языкомъ варварскимъ. «Или они думаютъ — прибавляетъ авторъ — что греческій языкъ всегда былъ таковъ, какъ при Демосѳенѣ, или языкъ Цицерона былъ таковъ же при основаніи Рима?»

Перечитывая эти слова, невольно вспомнишь о русскомъ разговорномъ языкѣ, который не получаетъ по сіе время должнаго развитія, потому что въ нашемъ обществѣ преобладаетъ языкъ французскій.

Какъ бы то ни было, роль Дюбелле не была трудна, и скоро побѣда осталась за его послѣдователями; а ими были всѣ поэты и беллетристы того времени. Одни ученые еще оспоривали ихъ заключенія и подсмѣивались надъ неотесанностью французскаго языка; но ихъ оппозиція не была страшна: большинство націи было на сторонѣ Дюбелле, Ронсара, Вильона и Маро; ихъ сочиненія читались всѣми, и вторженіе чужихъ языковъ въ изящную словесность сдѣлалось невозможнымъ. Но, исполнивъ первую часть своего труда, защитники природнаго языка остановились: отвергнувъ чужой языкъ, они не могли удержаться отъ глубокаго уваженія къ литературнымъ теоріямъ древнихъ народовъ и не уберегались отъ подражанія буквѣ древней словесности. Въ предисловіи къ

Digitized by Google

одной изъ своихъ теперь забытыхъ поэмъ, *Франсіадъ*, Роксаръ, бывшій защитникъ французскаго языка, утверждаетъ, что каждая поэма должна писаться по плану Иліады и Энеиды. «Кто назначаетъ себя для служенія музамъ» — говоритъ другой писатель, Жоакенъ *(Joachim)*—тотъ читай днемъ и ночью греческія и латинскія книги, а пуще всего охраняй себя отъ чтенія нашихъ народныхъ легендъ, пѣсенъ, вирле и балладъ; ибо вся эта старая французская поэзія только портитъ вкусъ и развиваетъ невѣжество. Если хочешь писать эпиграммы, перечитывай Марціала; если желаешь взяться за элегію, то подражай Овидію и Тибуллу.» Такимъ образомъ эти первые критики не только отрицали всю поэзію, зародившуюся со времени паденія Римской имперіи, но даже, по причинѣ своей малой учености, сосредоточивали свое уваженіе на однихъ только латинскихъ писателяхъ; имена поэтовъ Греціи они упоминали безсознательно, для красоты слога, или вовсе ихъ не упоминали.

Итакъ, писатели того времени, почти безъ сопротивленія, признали авторитетъ латинскихъ писателей и покорялись ему съ полной охотой: принимаясь за поэму, начинали обкрадывать Виргилія, а въ одахъ заимствовали все у Горація. Правда, изрѣдка слышались жалобы на подражательность; такъ, наприм., Теофиль *(Théophile)* не одинъ разъ называлъ необходимое воззваніе къ музамъ *безплоднымъ обезьянствомъ* и подсмѣивался надъ богами Олимпа; но Теофиль славился своею причудливостью, и на замѣчанія его противъ древнихъ смотрѣли какъ на нѣчто весьма забавное; никто не придавалъ имъ важнаго значенія. Таже участь постигла *Буа-Робера (Bois-Robert)*, прочитавшаго во Французской Академіи, чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ ея основанія, диссертацію о превосходствѣ христіянскаго искусства и словесности надъ словесностью и искусствомъ древнихъ народовъ. Рѣчь его признана была умною шуткою, парадоксомъ, какъ сказали бы въ наше время, да по всей вѣроятности самъ Буа-Роберъ не смотрѣлъ на нее иначе: Гомеръ названъ былъ въ ней уличнымъ трубадуромъ, который могъ только тѣшить невѣждъ и мужиковъ; оцѣнка другихъ древнихъ поэтовъ была въ томъ же родѣ.

Первымъ серьёзнымъ защитникомъ новаго искусства явился нѣкто *Демаре-де-Сенъ-Сорленъ*, поэтъ довольно плохой, но критикъ весьма замѣчательный. Первымъ предлогомъ къ его изысканіямъ по поводу древней словесности было слѣдующее обстоятельство. Демаре написалъ поэму духовнаго содержанія *(Madelaine)*, въ которой, разумѣется, не могъ слѣпо слѣдовать манерѣ Стація и Виргилія. Бывали примѣры, что его предшественники въ сюжетъ изъ священной

Digitized by Google

исторіи находили случаи примѣшивать Олимпъ, Музъ и Аполлона; но свѣтлый умъ Демаре осуждалъ вставки такого рода; въ предисловіи къ поэмѣ онъ выразилъ ту мысль, что это произведеніе не должно быть судимо по теоріямъ Аристотеля, такъ какъ міръ съ тѣхъ поръ измѣнился и явились въ немъ новые источники поэзіи. За тѣмъ, перейдя собственно къ разряду сочиненій, взятыхъ изъ священной исторіи, Демаре высказалъ мысль о *чудесномъ* въ христіанской поэзіи, какъ оно возвышенно, трогательно и близко къ понятіямъ читателя. Поэма и предисловіе встрѣчены были жестокими критиками, на которыя *Демаре* отвѣчалъ трактатомъ подъ названіемъ: «Сравненіе языка и поэзіи французской съ языками греческимъ и латинскимъ и ихъ поэзіею.» Изъ первыхъ строкъ книги легко усмотрѣть, до какой степени великій интересъ возбужденъ былъ спорами Демаре и его критиковъ. «Читатель — говоритъ нашъ авторъ — тебѣ предстоитъ произнести судъ по поводу спора, важнѣе котораго не было и не будетъ ничего на свѣтѣ; а именно: ты долженъ обсудить прошлые и настоящіе вѣка, произнести приговоръ надъ греками, римлянами и французами.» Сочиненіе Демаре раздѣляется на двѣ части, и его достоинства особенно замѣтны въ первой половинѣ, заключающей въ себѣ взгляды общіе: авторъ отдаетъ должную справедливость древнимъ писателямъ и укоряетъ ихъ только въ бѣдности замысла. Новая словесность разнообразнѣе и богаче, потому что ея источникъ обильнѣе и глубже; христіянство развило въ насъ новыя стороны, науки двинулись впередъ, и такъ далѣе. Весь гнѣвъ свой Демаре изливаетъ на нелѣпыхъ поклонниковъ чужимъ талантамъ, на ученыхъ, называвшихъ Виргилія «божественнымъ», на педантовъ, видящихъ крайній предѣлъ совершенства въ греческихъ и латинскихъ сочиненіяхъ. По его словамъ, «говорить, что мы не сравнимся никогда съ ними, значитъ унижать натуру человѣческую».

Весьма важно продолженіе этихъ обвиненій на литературныхъ цѣнителей его времени: «не по одному невѣдѣнію они такъ прославляютъ древнихъ поэтовъ: тутъ заключается много дурныхъ началъ, и, во первыхъ, зависть. Превознося старыхъ дѣятелей, критикъ можетъ сколько угодно унижать своихъ современниковъ: отдаленная слава грека или римлянина его не оскорбляетъ. Потомъ идутъ упрямство и рутина: разъ выбравъ предметы для рабскаго поклоненія, выгодно держаться ихъ во всю жизнь.»

За одно только можно упрекнуть Демаре: онъ упустилъ изъ виду главный недостатокъ современнаго ему направленія, — недостатокъ, который мы во всемъ блескѣ увидимъ въ новой француз-

Digitized by Google

ской критикѣ, а именно — *невѣжество* и вмѣстѣ съ тѣмъ страхъ за свое невѣжество. Принявъ немногосложныя теоріи Аристотеля, утверждая, что нѣтъ словесности внѣ подражанія древнимъ, критики, современные Демаре, защищали свое собственное дѣло. Для того, чтобъ выйти изъ подражанія и перестать поклоняться древнимъ, нужно было создать новыя формы искусства; а у кого изъ тогдашнихъ знаменитостей хватало силъ на подобный трудъ? кто изъ нихъ могъ измѣрить все величіе поэзіи, разлитой по Европѣ силою христіянства и идей, чуждыхъ римскому міру? Отречься отъ поклоненія древнимъ, не значило ли открыто признать свое безсиліе и отречься отъ всякаго авторитета въ дѣлѣ отечественной словесности?

А авторитеты въ то время существовали, и какіе еще авторитеты! Литературный законодатель Франціи, Николай Боало-Депрео пользовался полною славою подъ конецъ поприща Демаре; каждое слово этого аристарха служило приговоромъ, и весь Парнасъ того времени трепеталъ передъ его холодными, неловкими, вялыми эпиграммами. Изъ всѣхъ старыхъ и новыхъ критиковъ, считая въ томъ числѣ Зоила, убитаго за то, что хулилъ Гомера, и Менцеля, прославившагося по случаю нападеній на Гёте, — не найдется существа, котораго вліяніе на словесность, несмотря на нѣкоторыя хорошія стороны, было болѣе обильно вредомъ. Критики, подобные Боало, могли являться въ одной только Франціи, гдѣ было столько ученыхъ, не имѣющихъ ни малѣйшей эрудиціи и едва знающихъ по гречески, литераторовъ, не знакомыхъ съ старою словесностью своей родины, поэтовъ, не имѣющихъ тѣни поэтическаго инстинкта, не сочувствующихъ природѣ и способныхъ писать водяныя вирши на всевозможныя темы, — критиковъ, которыхъ политическія статьи полны одной брани и дерзости.

Заслугъ Боало мы не намѣрены отвергать и первые сознаемся, что его сочиненія были главною причиною упадка ложной сантиментальности, которою щеголяли до него французскіе поэты и романисты. Можетъ быть, не всѣ наши читатели знаютъ, что хитросплетенный и забавный языкъ, на которомъ говорятъ нѣкоторыя лица въ мольеровой комедіи *Précieuses ridicules*, былъ языкомъ весьма употребительнымъ при началѣ критическаго поприща Боало: на немъ писались модные романы, модные мадригалы, на немъ объяснялись во многихъ гостиныхъ. Противъ этого языка Боало ратовалъ не напрасно и имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ онъ при его жизни былъ заброшенъ и покрытъ должнымъ презрѣніемъ. Мало того: ему же предстоитъ похвала за возвышеніе моральнаго значенія литератора:

Digitized by Google

Боало былъ чуть ли не первымъ писателемъ, не искавшимъ покровителей и умѣвшимъ сгруппировать вокругъ себя школу молодыхъ поэтовъ, въ родѣ Расина и Лафонтена, умѣвшимъ побуждать ихъ къ труду и защищать ихъ съ помощью своего кредита при дворѣ отъ нападковъ невѣжественныхъ партій.

Но тутъ и кончается польза, принесенная имъ французской словесности. Какъ критикъ догматическій, Боало-Депрео не сдѣлалъ ничего, кромѣ вреда. Онъ не имѣлъ философскихъ свѣдѣній, нужныхъ для подобнаго труда; онъ былъ поэтомъ, не имѣя ни таланта, ни жизненной опытности. Всѣ достоинства его замѣчательнаго ума были затемнены односторонностью: онъ зналъ древнюю словесность, не зная древней жизни, обусловливавшей развитіе искусства; писалъ по французски правильно и изящно, не зная всѣхъ особенностей своего языка. Оттого его понятія о древнихъ относятся больше къ буквѣ, чѣмъ къ духу древней словесности, а реформы отечественнаго слога переходятъ въ пуризмъ, приносящій съ собой одно отрицаніе.

Потому-то истинная самостоятельность этого замѣчательнаго человѣка заключалась въ искаженіи французскаго языка, — искаженіи, наложившемъ тяжкую печать отмѣнной сухости и блѣдности на всю словесность того времени. Увлеченный борьбою съ писателями, дѣйствительно насиловавшими свой языкъ, Боало положилъ основаніе языку, если позволено будетъ такъ выразиться, *оффиціально-литературному*. Все мѣткое, наивное, простое, живописное было изгнано изъ этого условнаго языка; слогъ раздѣленъ былъ на благородный и площадной: чтобъ достойно опредѣлить эти два рода, мы только скажемъ, что Монтань и Рабле писали на языкѣ площадномъ. Языкъ же Боало и Расина, этотъ бѣдный, обрѣзанный языкъ, лишенный живости и простыхъ словъ, — языкъ, поставленный на ходули, былъ слогомъ въ высшей степени благороднымъ. Бѣдность оффиціальнаго языка была такова, что на немъ приходилось говорить перифразами, — оттого его напыщенность отталкивала всякаго; но кто могъ произносить судъ надъ этимъ языкомъ? Боало и его послѣдователи были въ полномъ смыслѣ поэтами извѣстнаго кружка; пьесы давались для богатыхъ диллетантовъ; масса публики не знала этихъ поэтовъ, а сами они глушались народомъ и его нарѣчіемъ.

Понятно, что Боало не могли быть пріятны идеи, высказанныя Демаре, тѣмъ болѣе, что смѣлый защитникъ современнаго искусства не разъ защеплялъ суроваго аристарха; но авторъ «*Art Poétique*» не считалъ нужнымъ унижать свои достоинства споромъ съ такимъ ничтожнымъ человѣкомъ; за него отвѣчали другіе критики, кото-

Digitized by Google

рыхъ даже имена до насъ не дошли: такъ ихъ сочиненія были безъ-извѣстны. А между тѣмъ борьба между приверженцами старой и новой словесности кипѣла, и вскорѣ на сцену явился дѣятель, съ которымъ тягаться было несовѣстно гордому пріятелю Расина и Лафонтена.

При извѣстномъ министрѣ Кольберѣ состоялъ въ качествѣ друга и секретаря нѣкто Карлъ Перро *(Perrault)*, тотъ самый Перро, котораго прелестныя дѣтскія сказки до сей поры считаются образцовыми и переведены едва ли не на всѣ земные языки. Перро обладалъ не важнымъ талантомъ какъ поэтъ; но онъ былъ весьма ученъ, а бросивши государственныя дѣла еще болѣе пріобрѣлъ свѣдѣній и начитанности. Демаре и послѣдователи его были очень близки съ Перро; ихъ идеямъ о древнемъ искусствѣ онъ сильно сочувствовалъ и поддерживалъ ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ; такъ въ своей поэмѣ: «Вѣкъ Людовика Великаго», Перро помѣстилъ нѣсколько стиховъ, въ которыхъ подсмѣивался надъ наивностями и промахами Гомера. Ихъ успѣхъ, и успѣхъ довольно незаслуженный, далъ нашему автору мысль написать критическое сочиненіе, въ которомъ бы всѣ вопросы, занимавшіе тогдашнія литературныя партіи, были изслѣдованы съ полною основательностью. Школѣ, защищающей новую поэзію, потребно было имѣть свой литературный кодексъ, и этотъ кодексъ получила она въ замѣчательномъ произведеніи Перро, которое называлось «Сравненіе между древними и нашими современниками» *(Parallèle entre les anciens et les modernes)*.

Вотъ нѣкоторыя изъ идей, высказанныхъ въ этой замѣчательной книгѣ. Полезно уважать нашихъ предшественниковъ во всемъ, но боготворить ихъ не слѣдуютъ: за сознаніемъ ихъ недосягаемаго совершенства слѣдуетъ непремѣнно малодушіе и недовѣріе къ своимъ силамъ; а отъ малодушія недалеко до предразсудка. Микель Анжело изваялъ Купидона, зарылъ его въ землю и откопалъ будто древность, въ присутствіи нѣсколькихъ поклонниковъ древности. Эти поклонники признали Купидона безподобнымъ, въ тысячу разъ лучше исполненнымъ, нежели всѣ труды флорентинскаго скульптора: тоже ослѣпленіе видимъ мы въ приверженцахъ классической словесности. Не говоря уже о расчетѣ критиковъ, восхваляющихъ древность затѣмъ, чтобъ свободнѣе глумиться надъ современными талантами и избавить себя отъ труда слѣдить за ходомъ новыхъ свѣдѣній, такое восхваленіе тѣмъ нелѣпо, что идетъ наперекоръ смыслу. Растенія и животныя тѣже въ настоящее время, какими были при Периклѣ и Августѣ: почему же человѣкъ одинъ такъ выродился, что не способенъ къ искусству на

Digitized by Google

сколько были способны современники Августа и Перикла? По настоящему, *насъ* слѣдуетъ именовать *древними*, ибо мы прошли болѣе вѣковъ и пользуемся наслѣдіемъ, скопленнымъ прежде, и добавляемъ его; мы старѣе древнихъ мыслителей, потому что богаче ихъ познаніемъ и опытомъ. Безспорно, древнимъ принадлежитъ честь открытія искусствъ и первая наука; но развѣ слѣдуетъ лишать ея людей, усовершенствовавшихъ науку и искусство?

Отъ общихъ идей перехода къ частностямъ, Перро разсматриваетъ состояніе наукъ и искусствъ въ древнемъ мірѣ, сравниваетъ ихъ съ теперешнимъ ихъ положеніемъ и пальму первенства отдаетъ своимъ современникамъ. Противъ греческой архитектуры онъ выставляетъ архитектуру готическую, потомъ передаетъ читателямъ неудовлетворительныя теоріи древней живописи и развиваетъ все величіе, которымъ обогатились изящныя художества со введеніемъ въ нихъ христіянскихъ идей. Отъ политическаго краснорѣчія грековъ переходитъ онъ къ современному религіозному краснорѣчію, выказываетъ его трогательность и высоту, потомъ замѣчаетъ ошибки древнихъ историковъ, ихъ незнаніе географіи, ихъ страсть къ длиннымъ рѣчамъ и преувеличеніямъ. Вслѣдъ за тѣмъ Перро, неустрашаемый никакими авторитетами, принимается за греческихъ и римскихъ поэтовъ, толкуетъ о сухости греческихъ трагедій, о темнотѣ, о тривіальности ихъ лириковъ и эпиковъ; увлеченный пристрастіемъ къ своимъ задушевнымъ идеямъ, онъ доходитъ до того, что смѣется надъ Гомеромъ и упрекаетъ Ѳеокрита въ описаніяхъ *площадныхъ подробностей;* но эти странности, довольно понятныя въ увлекшемся критикѣ, выкупаются тѣмъ, что Перро въ тоже время выражаетъ нѣсколько свѣтлыхъ идей. «Гомеръ былъ вѣренъ своему времени, Ѳеокритъ изображаетъ тѣ нравы, которые при немъ существовали, и потому эти писатели почти правы. Намъ предстоитъ дѣлать тоже; но, къ несчастію, мы не въ силахъ сообразить, что живемъ не во времена Гомера, Ѳеокрита или Горація.»

Послѣдняя часть сочиненія посвящена сравненію древней и новой науки, и тутъ всѣ доказательства Перро почти безполезны, потому что отрицать превосходство нашихъ ученыхъ свѣдѣній, даже и въ то время, могли одни съумасшедшіе.

Чтобъ показать, какова была полемика того времени, мы скажемъ теперь о томъ, какимъ образомъ Боало отвѣчалъ на сочиненіе Перро; а не отвѣчать было нельзя: успѣхъ книги грозилъ всѣмъ послѣдователямъ литературнаго законодателя. На поэму Перро, о которой мы говорили, авторъ «*Art Poétique*» отвѣчалъ тремя эпиграммами: судить о нихъ можно по одной, въ которой Боало спраши-

Digitized by Google

вместо самого себя: «неужели такая поэма написана не у гуронов, и читана въ Академіи вмѣсто Шарантона» (то есть дома съумасшедшихъ). «Сравненіе между древними и современниками» вдохновило его снова: Боало написалъ къ Перро пять эпиграммъ, еще болѣе неудачныхъ и неприличныхъ. Въ нихъ онъ сравниваетъ кроткаго Перро съ Неровомъ, называетъ его безумцемъ, извергомъ, потомъ спрашиваетъ себя, какое дать еще названіе злодѣю, и наконецъ говоритъ, что Перро есть «глупецъ, преисполненный злости». Но такъ какъ подобныя эпиграммы, по своей плоскости, не возбуждали никакого сочувствія въ читателяхъ, то Боало отвѣтилъ противнику книгою подъ названіемъ «Разсужденіе о Лонгинѣ», въ которыхъ, по поводу теорій этого ритора, высказалъ свое мнѣніе объ идеяхъ, взятыхъ Карломъ Перро подъ свою защиту.

«Разсужденіе о Лонгинѣ» можетъ быть съ пользою читано людьми, желающими прослѣдить манеру лучшихъ французскихъ критиковъ, — манеру, которая, къ сожалѣнію, имѣетъ еще приверженцевъ и въ наше время. Не имѣя ни одной философской идеи объ искусствѣ, не опираясь ни на какое твердое заключеніе, кромѣ неполныхъ и ошибочныхъ сентенцій, нахватанныхъ у древнихъ, Боало, при всей своей желчи и при умѣньи владѣть языкомъ, долженъ былъ бродить въ совершенной темнотѣ. Какъ человѣкъ, незнакомый съ управленіемъ лошади, Боало, сѣвъ на своего боевого коня и поднявъ знамя въ защиту своихъ идей, долженъ былъ вертѣться на одномъ мѣстѣ, не умѣя формировать никакого, даже ошибочнаго вывода. Чтобъ не молчать, онъ съ первыхъ же страницъ бросается въ личности. Братъ Карла Перро, ученый медикъ, когда-то вылечилъ Боало отъ тяжелой болѣзни, за что былъ осмѣянъ въ четвертой части «*Art Poétique*». Боало опять обращается къ этому предмету: «говорятъ — пишетъ онъ — что я долженъ быть благодаренъ доктору Клавдію Перро, и что будто онъ спасъ меня отъ смерти; правда, онъ давалъ мнѣ лекарства; но я былъ болѣнъ неопасно: вся болѣзнь заключалась не болѣе какъ въ лихорадкѣ. Потомъ у меня было стѣсненіе въ груди: онъ пустилъ мнѣ кровь изъ ноги, и я не могъ ходить цѣлыя три недѣли. Кромѣ того, Клавдій Перро вполнѣ раздѣляетъ превратныя мнѣнія своего брата: надъ нимъ слѣдуетъ смѣяться, какъ надъ вандаломъ.» Такъ началъ Боало свою войну противъ защитниковъ новаго искусства.

Высказавъ такія мысли, Боало замѣчаетъ, что нельзя же ими одними ограничить свой трактатъ, и, *bon gré*, *mal gré*, переходитъ къ литературѣ. Въ своей книгѣ Перро осудилъ его приговоръ надъ какимъ-то ничтожнымъ стихомъ Скюдери: что же дѣ-

Digitized by Google

лостъ нашъ законодатель? онъ на нѣсколькихъ страницахъ доказываетъ, что приговоръ его справедливъ и, слѣдовательно, отецъ Сидерія, дѣйствительно, никуда не годился. И вся книга написана въ томъ же духѣ. Перебѣгая отъ подробностей къ мелочамъ, Боало-Депрео видимо выказываетъ свое безсильіе передъ основными вопросами, и еслибъ книга его не заключала брани на Перро и его послѣдователей, трудно былобъ догадаться, что она сочинена въ опроверженіе теоріи автора «Сравненія». Въ заключеніе, Боало упрекаетъ своего антагониста въ дурномъ знаніи греческаго языка и напоминаетъ ему, что Зоилъ, за свои насмѣшки, былъ умерщвленъ, сожженъ или побитъ камнями въ Смирнѣ. За «Разсужденіемъ о Лонгинѣ» послѣдовало еще нѣсколько эпиграммъ, на которыя Перро не счелъ нужнымъ отвѣчать: во все продолженіе спора, тянувшагося нѣсколько лѣтъ, онъ не сказалъ своимъ противникамъ ни одной дерзости; иногда только онъ отвѣчалъ имъ стихами, которые, при всемъ своемъ приличіи, имѣли нѣчто весьма ѣдкое и остроумное. Такъ по поводу книги Боало написано было имъ слѣдующее четверостишіе:

L'agréable dispute où nous nous amusons
Passera sans finir jusqu'au races futures,
Nous dirons toujours des raisons,
Ils diront toujours les injures.

Въ другой разъ, по поводу панегириковъ древнимъ писателямъ, онъ сказалъ:

La raison en est toute prête:
En mérite, en vertu, en bonnes qualités,
On souffre mieux cent morts au dessus de sa tête
Qu'un seul vivant à ses coûtés.

Борьба между Перро и Боало-Депрео окончилась миролюбиво, и тутъ мы можемъ усмотрѣть новый зародышъ зла во французской критикѣ, а именно шаткость мнѣній, необходимое послѣдствіе поверхности въ мышленіи. Партія Боало была сильнѣе: на ея сторонѣ былъ весь кружокъ тогдашнихъ меценатовъ; читатели, по близорукости, свойственной французамъ, интересовались критиками, которые такъ бранились въ то время, какъ ихъ противники хранили приличное молчаніе. Боало, слѣдуя совѣтамъ своего кружка, наконецъ помирился съ Перро; но никто не принуждалъ его дѣлать уступокъ въ своихъ мнѣніяхъ и самъ Перро того не требовалъ: между тѣмъ Боало, авторъ «*Art poétique*» и защитникъ древнихъ, написалъ ему письмо, въ которомъ отдавалъ справедливость новому

Digitized by Google

искусству и говорилъ, что оно, безспорно, далеко подвинулось со временъ древнихъ. Друзья Буало называли эту выходку именемъ великодушія; но кому не прійдетъ въ голову, что въ дѣлѣ истины и абстрактныхъ понятій ни пристрастіе, ни великодушіе не ведутъ ни къ чему кромѣ шаткости? Споръ между хвалителями древняго и новаго искусства разлился по Европѣ: въ Англіи Свифтъ и другіе, во имя Греціи и Рима, боролись съ Бейлемъ и Сентъ-Эвремономъ, въ Италіи Паоло Бени и Эррико вновь начали нападать на Данте, Тасса и Аріосто, во Франціи Ламоттъ исковеркалъ «Иліаду» на свой ладъ, *исправилъ ошибки Гомера* и гордился своимъ подвигомъ, до тѣхъ поръ, пока поклонница Гомера и Греціи мадамъ Дасье, раздосадованная его нападками на своего любимаго поэта, отвѣчала на эти нападки книгою «Объ испорченности вкуса», въ которой называла Ламотта жалкимъ пигмеемъ, дерзнувшимъ задумать о томъ, чтобы взлѣсть на небо. Ламоттъ пустилъ противъ защитницы Гомера новое сочиненіе: «Разсужденіе о критикѣ». Въ этомъ разсужденіи, ссылаясь на слова греческихъ философовъ и писателей, въ которыхъ нетрудно найти всѣ аргументы *pro* и *contra*, доказывалъ заблужденія Гомера, вычислялъ его ошибки и говорилъ, что Гомера слѣдуетъ исправлять. Обѣ стороны вдавались въ крайность и, тѣша самихъ себя, совершенно упускали изъ виду интересъ болѣе близкій для каждаго критика, а именно — плачевное состояніе отечественной словесности.

ГЛАВА II.

Причины преобладанія древнихъ формъ во французской словесности XVII и XVIII столѣтій. — Борьба противъ трехъ единствъ и эстетическихъ теорій Аристотеля. — Ламоттъ и его сочиненія. — Знакомство съ англійскимъ театромъ и Шекспиръ. — Критикъ Мерсье и его заслуги.

Читатель не ожидаетъ отъ насъ подробнаго разсужденія о положеніи французской словесности въ первыхъ годахъ XVIII столѣтія; если онъ незнакомъ съ нею, мы не можемъ этого поправить въ предѣлахъ такой короткой статьи; если же онъ имѣетъ всѣ свѣдѣнія, необходимыя для чтенія нашего этюда, нѣсколько лишнихъ общихъ мѣстъ не принесутъ ему ни малѣйшаго удовольствія.

На литературу той эпохи не слѣдуетъ, однако же, глядѣть, какъ на рабское подражаніе духу и буквѣ древнихъ писателей. О живительномъ, пластическомъ значеніи древней словесности въ то время почти никто не думалъ. Манеры, то есть буквы греческихъ и римскихъ,

Digitized by Google

писателей держались строго поэты того времени; но французская національность такъ сильна, что она находила средства выражаться и въ произведеніяхъ, написанныхъ въ подражаніе древней формѣ; идеи, принесенныя въ Европу христіанствомъ, средними вѣками, новою политическою жизнью, развитіемъ семейственности, успѣхами наукъ, выказывались несмотря на чуждую, стѣснительную манеру литературныхъ произведеній,—манеру, налагавшую печать безсилія на лучшихъ дѣятелей французской словесности. Безсиліе это имѣло еще другую причину, родственную съ подражательностію. Объ этой-то причинѣ мы намѣрены сказать нѣсколько словъ и потомъ перейти къ нашему предмету.

Ложно-классическая словесность Франціи была поэзіею одного кружка: съ тѣхъ поръ, какъ поэты бросились въ рабское подражаніе древнимъ формамъ, они утратили все право на сочувствіе массы своихъ согражданъ; они сдѣлались поэтами не народа, а ученыхъ, богачей и придворныхъ. Еслибъ французская аристократія ихъ времени была хорошо образована, говорила чистымъ и богатымъ языкомъ, поэты выиграли бъ отъ такого сближенія; но того не было. Кружокъ, котораго поэтами они сдѣлались, только что бросилъ до карикатурности изысканный языкъ рамбульетскихъ собраній; но напыщенности, церемоніальности и сухости выраженій онъ не могъ оставить такъ скоро. Писатели должны были писать языкомъ придворнымъ, утонченнымъ до сухости, языкомъ блѣднымъ, лишеннымъ наивности и простоты, языкомъ, поставленнымъ на ходули. То былъ слогъ высокій; для него были брошены веселая манера Рабле, задушевный языкъ Монтаня, наивные обороты рыцарскихъ романистовъ, граціозныя или меланхолическія выраженія прежнихъ поэтовъ Принявъ условный языкъ, оставалось принять условный образъ мыслей; за языкомъ кружка непремѣнно слѣдовали понятія того же кружка.

Отдавая всю справедливость людямъ придворнымъ, государственнымъ, даже просто ученымъ, слѣдуетъ сказать, однакожь, что чистая поэзія немного обогатится, стараясь приладиваться къ ихъ вкусу. Практическіе интересы жизни изощряютъ умъ, разсудокъ насчетъ другихъ поэтическихъ способностей, какъ-то воображенія, чувствительности. Комическій, наивный, грустный разрядъ литературныхъ произведеній не найдетъ въ нихъ большого сочувствія: любовь къ природѣ, изображенія тихой жизни и задушевныхъ тайнъ мыслящаго человѣка не могли трогать царедворцевъ Людовика XIV, жизнь свою проводившихъ въ Версали и предпочитавшихъ волокитство всѣмъ семейнымъ наслажденіямъ. Пріобрѣтя меценатовъ и за-

Digitized by Google

говоривъ ихъ языкомъ, французская поэзія поневолѣ стала дѣлить ихъ узкій взглядъ на искусство.

Такое положеніе словесности было до крайности выгодно теоретикамъ и литературнымъ критикамъ того времени. Имъ не нужно было учиться иностраннымъ языкамъ, слѣдить за словесностью другихъ народовъ, придумывать новые пути для искусства. Стоило только поклоняться древнимъ и при всякомъ спорѣ приводить мнѣніе того или другого латинскаго писателя; составивъ себѣ разъ опредѣленную рамку, оставалось преслѣдовать всякое неподходившее къ ней произведеніе и, вслѣдствіе такихъ нетрудныхъ услугъ, пользоваться славою, общимъ почтеніемъ, направлять вкусъ высшаго общества, получать пенсіи отъ герцога такого-то, отъ такого-то маркиза. Наконецъ дѣла пошли такимъ образомъ, что и древнихъ читать было незачѣмъ: сужденія свои можно было основывать на примѣрѣ своихъ писателей. Вѣкъ Людовика XIV породилъ нѣсколько блестящихъ литературныхъ дѣятелей: всѣ они подчинили свой талантъ ферулѣ тогдашнихъ критиковъ; тѣмъ важнѣе была заслуга: они слѣдовали древней формѣ, они писали свои сочиненія по рецептамъ Боало слѣдовательно, они были великіе люди, они возродили время Перикла и Августа; отступать отъ ихъ манеры значило унижать словесность. О предразсудкахъ тогдашняго времени можно судить по слѣдующему анекдоту. Во время театральныхъ представленій, актеры, представлявшіе греческихъ и римскихъ героевъ, одѣвались въ шляпы и пудреные парики, латы и чулки съ башмаками (*). Они на сценѣ стояли не шевелясь; изъ жестовъ допущено было только мѣрное размахиваніе руками, и когда уже въ концѣ XVIII столѣтія актеръ Офренъ позволилъ себѣ нѣкоторыя отступленія отъ формы, принятой за сто лѣтъ, и сообщилъ своимъ жестамъ болѣе живости, на него смотрѣли какъ на дерзкаго нововводителя, а товарищи почти принудили оставить парижскую сцену. Положеніе французской словесности, и особенно драматической, какъ нельзя болѣе согласовалось съ игрою актеровъ.

Между тѣмъ кружокъ людей, сочувствующихъ словесности, расширялся болѣе и болѣе; трагедіи Расина и его послѣдователей уже не играпись передъ собраніемъ ста или двухъ-сотъ зрителей; съ развитіемъ народнаго образованія потребность чтенія и театра сдѣлалась общею потребностью, и критики, упорно поддерживающіе формы древней словесности, нашли, что трудъ ихъ сталъ не такъ легокъ.

(*) Даже Кавилла и Мононіи не смѣли являться иначе какъ въ фижмахъ, пудрѣ и съ вѣерами. Только при Вольтерѣ, извѣстная М-lle Клеронъ сдѣлала измѣненіе въ костюмѣ.

Digitized by Google

Отвсюду являлась литературная оппозиція, и масса публики начинала смутно постигать, что поэзія вѣка Людовика XIV не была еще поэзіей, единственною по своимъ совершенствамъ. Вольтеръ и Дидро, знакомые съ британскою словесностью, первые внесли во Францію зародышъ идей и теорій, которыми прославилась литература Англіи. Изъ писемъ Вольтера и переводныхъ отрывковъ французская публика съ удивленіемъ узнала, что есть на свѣтѣ произведенія писателя, несоблюдавшаго аристотелевыхъ правилъ и все-таки великаго писателя, по имени Шекспира. Дидро излагалъ свои теоріи насчетъ составленія театральныхъ пьесъ изъ простой жизни и нападалъ на смѣшной обычай выводить въ XVIII столѣтіи, на подмостки парижскаго театра, князей и героевъ временъ древней Греціи. Бомарше обдумывалъ свои геніяльныя комедіи «Севильскій цырульникъ» и «Сватьбу Фигаро», въ то же время отдавая на театръ другія пьесы, болѣе слабыя по замыслу, но замѣчательныя по несоблюденію въ нихъ классическихъ правилъ. Наконецъ Мармонтель, салонный нувеллистъ и философъ, по поводу стѣснительныхъ условій французской сцены, писалъ такія строки: «Неужели одному холодному разсудку предстоитъ трудъ обуздывать горячее воображеніе поэта? неужели этотъ поэтъ вѣчно долженъ рабски покоряться условіямъ устарѣвшаго и взыскательнаго вкуса? Если вы желаете вполнѣ наслаждаться поэзіей, дайте ей полную свободу, какъ гордому коню, и тогда вы увидите ее во всей красѣ. Она будетъ иногда падать, но, вѣрьте мнѣ, и въ паденіи будетъ хранить свое величіе».

Но честь правильнаго нападенія на устарѣлыя классическія условія предстояла человѣку болѣе темному. Ламоттъ, тотъ самый Ламоттъ, который изуродовалъ Гомера и перебранивался съ мадамъ Дасье за Иліаду и Одиссею, наконецъ убѣдился, что главный вопросъ заключается не въ униженіи древнихъ образцовъ, а въ ниспроверженіи древнихъ формъ, вторгнувшихся въ чуждое искусство и поработившихъ себѣ французскую словесность. Театръ, какъ мы уже однажды замѣтили, всего болѣе страдалъ вслѣдствіе этого подражанія; потому-то первымъ дѣломъ Ламотта было разсмотрѣніе стѣснительныхъ условій французской сцены. Три единства (*), какъ главныя изъ означенныхъ условій, были въ первый разъ выведены на судъ здравой критики. Во первыхъ, говорилъ Ламоттъ, разсмотримъ, что такое единство мѣста. Пьеса начинается и оканчивается въ од-

(*) Лишнимъ считаемъ излагать теорію трехъ единствъ. Особы, не читавшія французскихъ трагиковъ, могутъ увидѣть полное соблюденіе классическихъ правилъ французской сцены въ трагедіяхъ Сумарокова и Княжнина. Въ нихъ они найдутъ и *три единства*, и *напереснковъ*, и *благородный слогъ*, и содержаніе, чуждое нашему времени, нашей жизни.

Digitized by Google

ной и той же комнатѣ, декорація остается одна и таже на всѣ пять актовъ: авторъ долженъ поневолѣ сводить своихъ дѣйствующихъ лицъ на это общее *rendez-vous*. Для чего такое ирраціональное условіе? Защитники правила говорятъ, что перемѣна сценъ нарушаетъ правдоподобіе; но развѣ правдоподобіе не нарушается этимъ поочереднымъ и общимъ *rendez-vous* въ одной и той же залѣ? И наконецъ, въ театрѣ нельзя требовать строгаго правдоподобія: зритель, сидя въ партерѣ, очень хорошо знаетъ, что онъ не въ Римѣ и не въ Греціи. Къ чему же ведетъ строгое соблюденіе единства мѣста? Къ тому, чтобы трагикъ, стараясь его соблюсти и ломая свою голову надъ пустымъ условіемъ, жертвовалъ ему своею фантазіею и блескомъ таланта?

Переходя къ единству времени, Ламоттъ находитъ его еще болѣе стѣснительнымъ. Законодатели вкуса, въ родѣ Боало-Депрео, положили, что дѣйствіе трагедіи не можетъ заключать въ себѣ болѣе двадцати-четырехъ часовъ, то есть, что завязка, катастрофа и развязка интриги должны случиться въ одни и тѣже сутки. Пьеса, обнимающая собою событія недѣли, мѣсяца, года, есть нелѣпость и плодъ варварства. «Для чего — спрашиваетъ Ламоттъ — полагаете вы такую преграду фантазіи поэта? Изъ правдоподобія, говорите вы; но подумайте, не идетъ ли ваше правило наперекоръ всякому правдоподобію? Зритель не сидитъ въ театрѣ и трехъ часовъ: стало быть, доведя ваше же умствованіе до результатовъ, и интрига пьесы должна обнимать собою событія трехъ часовъ. Но вы говорите, что никакая интрига не можетъ разыграться въ дѣйствительномъ мірѣ въ продолженіи трехъ часовъ, и даете разрѣшеніе на сутки; но отчего же непремѣнно въ сутки? отчего не на бо́льшее время? И кромѣ того, не совершенно ли нелѣпо предполагать, что вся исторія Ипполита, его объясненія съ мачихою, его распря съ отцемъ, его любовь, изгнаніе и смерть случились въ теченіи однихъ и тѣхъ же сутокъ. Развѣ въ исторіи нѣтъ въ высшей степени драматическихъ событій, разыгрывавшихся въ годъ, въ два года времени? Стало быть, эти событія не годятся для сюжета трагедіи, или поэтъ долженъ съизнова насиловать свое дарованіе, пытаясь уложить это событіе въ ваши нелѣпые двадцать-четыре часа?

Единство дѣйствія менѣе грѣшитъ противъ законовъ здраваго смысла: дѣйствительно, зритель развлечется и не будетъ доволенъ, если трагедія не имѣетъ цѣлости, центральнаго пункта, и если интересъ ея не сосредоточенъ около главнаго лица, а раздробленъ поровну между разными лицами. Но и тутъ нельзя быть слишкомъ взыскательнымъ: развѣ умный авторъ не можетъ придумать средствъ для приданія интереса самой раздробленной интригѣ?

Digitized by Google

Высказавъ эти въ то время весьма замѣчательныя соображенія, Ламмотъ переходитъ къ подробностямъ; но, къ сожалѣнію, избытокъ матеріала вредитъ нашему критику. Дѣйствительно, въ старомъ французскомъ театрѣ всякая подробность вопіетъ противъ здраваго смысла; и для указанія всѣхъ этихъ несообразностей потребно много труда и системы при нападеніи. Все-таки многія изъ нихъ много пострадали отъ насмѣшекъ Ламотта, въ особенности излившаго свою иронію на невообразимо безсмысленный обычай выводить въ трагедіяхъ наперсниковъ и наперсницъ (*confident* и *confidente*).

Какъ критикъ, Ламоттъ принесъ много пользы французской словесности своими выходками противу трехъ единствъ и другихъ несообразностей псевдо-классической трагедіи; польза эта была бы еще значительнѣе, еще ближе къ цѣли и практическому примѣненію, еслибъ тому не препятствовали три важныя обстоятельства. Во первыхъ, Ламоттъ имѣлъ очень мало эрудиціи, не зналъ иностранныхъ языковъ и, какъ всѣ французы, былъ не очень твердъ въ дѣлѣ абстрактныхъ соображеній; поэтому онъ не могъ создать прочной системы, которая бъ замѣнила устарѣлыя условія классицизма. Во вторыхъ, Ламоттъ имѣлъ несчастіе самъ писать весьма плохія трагедіи; а въ третьихъ, его полемика возстановила противъ него соперника, съ которымъ мудрено было сражаться: мы говоримъ про Вольтера.

Роль Вольтера, какъ критика и нововводителя, довольно важна во французской словесности; кромѣ того, она такъ интересна, что мы поговоримъ о ней съ нѣкоторою подробностью. Прежде всего слѣдуетъ сказать, что Вольтеръ, обладая огромнымъ самолюбіемъ, не былъ слишкомъ снисходительнымъ судьей для своихъ современниковъ; онъ уважалъ классическія правила, но, какъ драматическій поэтъ, не любилъ трагиковъ, которыхъ слава могла затемнить его собственную; въ его замѣткахъ, по поводу сочиненій Корнеля и Расина, ясно видно скрытое усиліе унизить обоихъ корифеевъ французской сцены. Выучившись англійскому языку (рѣдкое пріобрѣтеніе въ то время) и посѣтивъ Англію, Вольтеръ не упустилъ случая сказать французской публикѣ, что хотя она и почитаетъ своихъ трагиковъ неоцѣненными образцами, но что въ Англіи многіе смотрятъ на нихъ иначе, и что въ этой странной, но благородной землѣ имя какого-то Шекспира весьма популярно. Вслѣдъ за тѣмъ Вольтеръ предложилъ своимъ читателямъ переводъ гамлетова монолога (быть или не быть),—переводъ не совсѣмъ вѣрный, но все-таки сохранившій нѣкоторыя красоты подлинника, — и при этомъ случаѣ весьма снисходительно отозвался о разнообразіи, энергіи и увлекательности британскаго трагика. Нѣтъ сомнѣнія, въ своемъ первомъ энтузіазмѣ

Digitized by Google

Вольтеръ пошелъ бы дальше, но этотъ энтузіазмъ не нашелъ себѣ полнаго отголоска въ кружкѣ англійскихъ ученыхъ: въ то время британская словесность была копіей съ французской, и вторымъ отрывкомъ, переведеннымъ съ англійскаго Вольтеромъ, былъ отрывокъ изъ одной весьма слабой трагедіи Аддисона. Однако же, вліяніе Шекспира и Англіи не прошло для Вольтера безъ послѣдствій: онъ началъ вводить въ трагедію сюжеты изъ новой исторіи, изъ исторіи христіанскихъ и магометанскихъ государствъ Европы, переносилъ дѣйствіе своихъ трагедій въ Китай и Америку. Какъ ни ничтожны были эти нововведенія, но все-таки они были шагомъ впередъ.

Полезныя нововведенія быстро шли бы въ наукѣ и словесности, еслибъ люди, производящіе реформу, не ссорились между собой. Вольтеру, читавшему Шекспира и Отуая въ оригиналѣ, показалась неприличною дерзость Ламотта, нападавшаго слишкомъ сильно на теорію псевдо-классицизма. Удары, наносимые врагамъ трёхъ единствъ классической системѣ, падали на прежнія и новыя пьесы самого Вольтера. Этого было довольно, и скоро бѣдный Ламоттъ, осыпанный блестящими эпиграммами, насмѣшливыми доводами, понялъ, что подобный противникъ способенъ увѣрить всю вселенную въ правотѣ самаго неправаго дѣла. Эпиграммы Вольтера не были похожи на тупыя дерзости, которыя Боало расточалъ своимъ противникамъ: каждая шутка автора «Шотландки» влекла за собою общій смѣхъ и конечное пораженіе.

Съ Вольтеромъ могъ бороться одинъ только Вольтеръ; и дѣйствительно, сѣмена, зароненныя имъ во французскую словесность, начали приносить обильные плоды,—плоды, которымъ не радъ былъ самъ сѣятель. Вольтеровы «Письма объ англичанахъ», тѣ самыя письма, въ которыхъ онъ разсуждалъ о Шекспирѣ и о достоинствѣ англійской поэзіи, раздражили любопытство публики. Знаніе англійскаго языка стало уже не столь рѣдкимъ во Франціи; нашлись люди, знакомые съ британскою поэзіею: они стали дѣлиться съ читателемъ своими свѣдѣніями. Около 1753 года, аббатъ Яръ (*Yart*) издалъ восемь томовъ, заключавшихъ въ себѣ переводы изъ лучшихъ англійскихъ писателей; аббатъ Дюренель (*Duresnel*) еще ранѣе издалъ подобный же сборникъ. Посреди атоніи, въ которой находилась тогда поэзія и драматическая литература Франціи, знакомство съ англійскими поэтами и мыслителями должно было оживить ее и придать ей новыя силы.

Такъ и случилось: черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ изданія своей книги объ англичанахъ, Вольтеръ съ ужасомъ услышалъ, что на томъ самомъ театрѣ, гдѣ давалась его «Заира» (въ которой, сказать

Digitized by Google

мимоходомъ, магометане употребляютъ слово *madame* и толкуютъ о *гименеѣ*), ставится трагедія Дюси, взятая изъ Шекспира и называемая «Гамлетъ, принцъ датскій». Извѣстіе это не могло польстить Вольтеру въ дѣлѣ славы: онъ такъ былъ дальновиденъ, что не могъ радоваться успѣхамъ писателя, имъ же хваляимаго когда-то. Дюси (*Ducis*) передалъ Гамлета, изломавъ его по всѣмъ правиламъ псевдоклассицизма; но обстоятельство это не утѣшало фернейскаго философа: онъ понималъ, что даже въ испорченной драмѣ Шекспира таится начало, предназначенное для разрушенія славы французскихъ трагиковъ и, стало быть, его собственной извѣстности. Съ тѣхъ поръ отзывы его о твореніяхъ Шекспира утратили послѣдній оттѣнокъ снисходительности — сдѣлались рѣзки и насмѣшливы; но уже было поздно.

Успѣхъ «Гамлета» окрылилъ ревностнаго Дюси. Вслѣдъ за драмою изъ жизни принца датскаго изломаны были, сообразно правиламъ французской сцены, «Король Лиръ», «Отелло», «Макбетъ», «Ромео и Джульета»; представленіе каждой изъ нихъ, несмотря на всѣ классическія предосторожности, наносило тяжелый ударъ школѣ Расина, Боало и Вольтера. Каждый зритель невольно сравнивалъ эти плѣнительные сюжеты изъ понятной намъ христіанской жизни съ холодными, избитыми пьесами, взятыми изъ исторіи всѣмъ извѣстной Лукреціи, всѣмъ надоѣвшихъ Атридовъ; все было ново и разительно въ интригахъ Шекспира, начиная отъ восхитительной исторіи ребенка Джульеты до кровавыхъ злодѣйствъ мрачной леди Макбетъ. О Дюси и Шекспирѣ говорили безпрестанно; нашлись книжные люди, читавшіе Шекспира въ оригиналѣ и утверждавшіе, что Дюси только испортилъ творенія британскаго поэта. Оставалось познакомить публику съ самимъ авторомъ «Гамлета», и вотъ, въ 1776 году, «одинъ безстыдный бездѣльникъ» (такъ выразился Вольтеръ въ письмѣ своемъ къ Даламберу) вздумалъ перевести на французскій языкъ всѣ творенія Шекспира. Книга была издана, и успѣхъ ея былъ такъ великъ, что имя переводчика вполнѣ извѣстно и до нашего времени: его звали Летурнеръ (*Letourneur*).

Гнѣвъ Вольтера, при появленіи этого перевода, вышелъ изъ всякихъ границъ приличія и, что́ еще удивительнѣе, не принесъ никакой пользы идеямъ фернейскаго философа. Безспорно, живи Шекспиръ во Франціи, въ его время, Вольтеръ затопталъ бы его въ грязь, унизилъ бы своими насмѣшками, оттолкнулъ бы его отъ публики на нѣсколько десятковъ лѣтъ; но что́ можно было сдѣлать съ человѣкомъ уже умершимъ, не имѣющимъ никакого прикосновенія къ французскому обществу того времени; злѣйшая эпи-

Digitized by Google

грамма должна была проскользнуть по такому оружію, и борьба съ Шекспиромъ приняла бы характеръ борьбы съ прославленною, но неуловимою тѣнью. Тѣмъ не менѣе Вольтеръ началъ борьбу своего рода: вся его переписка въ 1776 году наполнена бранью и насмѣшками по поводу Шекспира и Летурнера; перваго изъ нихъ называетъ онъ паясомъ, пьянымъ дикаремъ, помѣшанцемъ человѣкомъ, — второго же признаетъ достойнымъ ослсухъ и тѣлеснаго наказанія. Мало того, въ Академію представлена была Вольтеромъ записка противъ драмъ Шекспира и ихъ переводчика: выраженія этой записки были таковы, что Академія, несмотря на всю свою приверженность къ псевдо-классическимъ теоріямъ, отправила ее обратно къ автору, для исправленія чересчуръ рѣзкихъ выраженій. Легко догадаться, что рѣзкія выходки Вольтера не могли вполнѣ повредить драмамъ Шекспира; тѣмъ не менѣе публика стала нѣсколько недовѣрчивѣе къ поэту Англіи; что же касается до Летурнера, то этотъ замѣчательный писатель, въ своемъ предисловіи къ Шекспиру, высказавъ не одну здравую мысль и показавшій большую способность къ критикѣ, не могъ не пострадать отъ негодованія тогдашняго литературнаго повелителя. Но уже бороться съ нововводителями было трудно: отвсюду возникали поэты и критики, съ новымъ взглядомъ на искусство; всѣ они стремились въ новыя области фантазіи и искали вдохновенія въ современной, всѣмъ понятной дѣйствительности. Бернарденъ-де-Сенъ-Пьеръ смѣло вступилъ въ область природы и явно пошелъ наперекоръ псевдо-классической словесности, загородившей себѣ дорогу къ источнику всякой поэзіи — природѣ съ ея прелестью и таинствами. Начавъ свой путь по слѣдамъ Бюффона, какъ ученый естествоиспытатель, авторъ «Павла и Виргиніи» кончилъ свое поприще какъ истинный поэтъ, и повелъ своихъ читателей на берегъ пустыннаго моря, въ дѣвственные лѣса тропическихъ странъ. Жанъ-Жакъ Руссо, писатель столь же безгранично преданный любви къ природѣ, внесъ въ свою словесность новый элементъ, совершенно противный псевдо-классицизму, — элементъ, порожденный развитіемъ чисто-христіанскаго искусства: онъ возвысилъ психологію до высокой поэзіи, показалъ своимъ современникамъ, что въ сердцѣ одинокаго и оскорбленнаго человѣка таятся родники чувства и драмы. Въ тоже самое время громадный успѣхъ «Женитьбы Фигаро» поражалъ псевдо-классицизмъ на двухъ главныхъ пунктахъ: живость дѣйствія и разнообразіе сценъ въ пьесѣ Бомарше явно указывали на вялость дѣйствія въ старыхъ театральныхъ произведеніяхъ, тогда какъ мѣткій, блестящій, наивный языкъ автора «Севильскаго Цырульника» составлялъ рѣзкую противоположность съ языкомъ старыхъ писателей.

Digitized by Google

На землѣ нѣтъ народа, болѣе французовъ наклоннаго къ самой упрямой рутинѣ; ни одна нація не имѣетъ подобнаго отвращенія къ отвлеченному мышленію и подобной готовности вѣрить всему на честное слово. Все литературное движеніе, начавшееся во второй половинѣ прошлаго столѣтія, несмотря на свою оригинальность и сочувствіе къ нему публики, не отодвинуло французской словесности отъ поклоненій теоріямъ Аристотеля и Боало-Депрео. Публика бѣгала глядѣть «Фигаро» и все-таки въ дѣлѣ комедіи признавала Бомарше поэтомъ второстепеннымъ; первыя мѣста даны были, не говоря уже о дѣйствительно великомъ Мольерѣ, Корнелію за его «Лжеца», холоднымъ комикамъ Реньяру и Детушу. Хвалили Шекспира, но не хотѣли признать, что Расинъ унизилъ себя и свой талантъ старыми теоріями; читали Бернарденъ-де-Сенъ-Пьера, но никто не замѣчалъ новыхъ элементовъ, внесенныхъ имъ въ тощую словесность своей родины. Лучшимъ доказательствомъ неразумія тогдашней публики и ея дѣтскаго отвращенія отъ всякой глубокой, философской мысли можетъ служить участь, постигшая въ то время одного изъ превосходнѣйшихъ критиковъ, которые когда либо родились во Франціи.

Въ 1773 году, *Себастьянъ Мерсье*, писатель, извѣстный въ свое время по значительному успѣху своихъ театральныхъ пьесъ и по оригинальности ихъ манеры, издалъ небольшую книжку, подъ заглавіемъ: «Опытъ о драматическомъ искусствѣ» *(Essai sur l'Art dramatique)*. Книга не имѣла никакого успѣха, хотя для своего времени была однимъ изъ изумительнѣйшихъ литературныхъ феноменовъ. Представьте себѣ появленіе эстетическихъ этюдовъ Шиллера во времена тяжелаго Готшеда, вообразите себѣ, что во времена Хераскова и Кострова въ Россіи явилась критическая статья Сенковскаго: появленіе этихъ произведеній не было бы такъ необыкновенно, какъ изданіе книги Мерсье во время споровъ съ Ламоттомъ; ни одно изъ нихъ не превышало бы идеи своего времени, на сколько твореніе Мерсье превышало идеи его современниковъ. «Опытъ о драматическомъ искусствѣ» принадлежитъ къ твореніямъ, составляющимъ славу критики: въ этомъ произведеніи каждая мысль вѣрна до сей поры, во второй же половинѣ прошлаго столѣтія была непонятною новостью, геніальнымъ анахронизмомъ. Все, что въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ говорено было въ защиту романтизма, можетъ быть найдено въ книгѣ Мерсье; великія литературныя открытія тридцатыхъ годовъ нашего столѣтія не стоютъ названія открытія: всѣ они ясно высказаны въ опытѣ нашего критика. Къ сожалѣнію, не имѣя подъ рукой этого сочиненія, мы принуждены ограничить наши о немъ толки; для примѣра же и подтвер-

Digitized by Google

жденія нашихъ словъ выпишемъ нѣсколько страницъ изъ предисловія (*):

«Драматическое искусство (что бы о немъ ни говорили) находится почти въ дѣтствѣ: несмотря на усилія небольшого числа геніяльныхъ людей, строеніе, планъ котораго былъ задуманъ съ робостью, воздвигнуто на узкомъ пространствѣ и шаткомъ грунтѣ. Сценическая сфера стѣснена до невозможности; на нее поставлены лица все одни и тѣже и по большой части такія, которыхъ бы слѣдовало избѣгать, если не исключать вовсе. Никто не обнялъ мыслію всего величія, какого могло бы достигнуть это искусство: всѣ были углублены въ суевѣрное почитаніе разъ принятой формы. Поэтъ, лишенный смѣлости, списывалъ свой кабинетъ вмѣсто общества; даже въ наше время, толпа, наполняющая театръ, состоитъ вся изъ однихъ и тѣхъ же людей; имъ-то старается угождать драматическій писатель. Наши зрители составляютъ не публику, а *кружокъ;* въ этомъ кружкѣ свои предводители: педанты-критики, люди съ малыми свѣдѣніями и съ холодностью въ сердцѣ; они даютъ тонъ общему приговору и, ссылаясь на правила условнаго вкуса, поддерживаютъ свое незаслуженное вліяніе.

«Нужно признаться, что наше драматическое искусство, безобразно сложившееся въ полуобразованномъ вѣкѣ, сохраняетъ все безобразіе своего происхожденія. Оно не имѣетъ національности: его можно сравнить съ изящнымъ деревомъ, вывезеннымъ изъ Греціи и зачахнувшимъ на неблагосклонной почвѣ. Оно пересажено грубыми и неловкими руками, почему плоды его безвкусны и не имѣютъ красоты. Первыя наши трагедіи принадлежатъ рабскимъ поклонникамъ древнихъ формъ, и эти поклонники до того довели свое нелѣпое подражаніе, что ввели у насъ даже греческіе хоры! *А сверхъ того, подражая чужимъ формамъ, наши первые трагики имѣли несчастіе не знать ни древнихъ, ни новыхъ правилъ; они не понимали, что именно стоитъ быть заимствованнымъ у грековъ и римлянъ, и что должно быть прибавлено своего къ этимъ заимствованіямъ.*

«Жозель, Мере, Ротру могутъ назваться отцами нашей трагедіи: они первые ухватились за сюжеты изъ древней жизни — за самоубійство Дидоны, влюбленную Ѳедру, Антигону и такъ далѣе; обезобразивъ эти сюжеты, они своимъ примѣромъ увлекли за собой позднѣйшихъ писателей и, что еще хуже, нашихъ первокласныхъ трагиковъ. Сходство позднѣйшихъ трагедій съ пьесами, написанными во

(*) Страницы эти, къ счастію, выписаны цѣликомъ въ одномъ изъ критическихъ сочиненій Мишельса. Вполнѣ раздѣляя взгляды этого новаго критика, мы заимствуемъ ихъ отъ него съ двойнымъ удовольствіемъ.

Digitized by Google

времена только что возникшей словесности, разительно: ни геній, ни вкусъ даровитыхъ людей не спасли ихъ отъ жалкаго подражанія; они, подобно своимъ предшественникамъ, не были живописцами, а копіистами; они создавали съ помощью своей библіотеки, *они не заглянули въ книгу жизни, изъ которой одинъ только Мольеръ ухитрился прочесть нѣсколько страничекъ*. Кто не скажетъ, какъ странны были ихъ старанія создавать пьесы на манеръ твореній, являвшихся въ чужомъ народѣ, за нѣсколько вѣковъ до нашего времени, вмѣсто того, чтобъ, сообразно своему вѣку, создать новое драматическое искусство, сродное народу, для котораго оно создано!

«Итакъ, я осмѣливаюсь бороться съ общимъ предразсудкомъ, утверждать, что основа нашего драматическаго искусства ошибочна и смѣшна, что древнія теоріи должны быть измѣнены, что наша прославленная трагедія есть нечто иное, какъ предразсудокъ, хотя и облеченный въ пурпуръ и золото, — призракъ ложный и безтѣлесный. Пора уважать законы дѣйствительности, пора обратиться къ истинѣ и бросить условный языкъ, условныя страсти и условныхъ героевъ. Наши трагедіи непонятны для народа, для людей простыхъ и мало читавшихъ; въ нихъ нѣтъ ни души, ни простоты, ни жизни, ни практической моральной идеи. Мои слова возбудятъ шумъ и противорѣчіе, я это знаю, потому что люди, подвизаясь на пути жизни, даже науки, болѣе и болѣе раболѣпствуютъ передъ суевѣрными формулами; но, съ другой стороны, я знаю, что истина всегда приноситъ свой плодъ: пускай ея зародышъ топчутъ ногами, силятся уничтожить — онъ все-таки ростетъ, хотя и медленно; а человѣкъ просвѣщается, хотя и противъ воли.

«Критики, комментаторы, сочинители диссертацій и подобные имъ любители схоластики, говорящіе языкомъ мертвецовъ и благоговѣющіе передъ древними писателями, имѣютъ свои причины любить темноту и гробницу. Вслѣдствіе вѣчной бесѣды съ отжившими знаменитостями ихъ глаза отвыкли отъ свѣта; такіе люди любятъ ссылаться на авторитетъ людей, читанныхъ всѣми тысячу разъ; при каждомъ неизвѣстномъ имени, при всякой новой мысли они поднимаютъ тревогу, боясь за свои собственныя мысли. Эти люди смѣшны.»

По этому отрывку, можно судить о блестящемъ складѣ ума нашего критика. Но мало того, что Мерсье въ высшей степени обладаетъ художническимъ тактомъ и умѣньемъ находить новыя идеи, онъ еще высказываетъ эти идеи съ неслыханною дотолѣ рѣзкостью и рельефностью. Авторъ «Опыта» принадлежитъ къ весьма малому числу французскихъ критиковъ, не имѣющихъ ни малѣйшей шаткости мыслей;

Digitized by Google

онъ распоряжается своими умозрѣніями, какъ превосходно обученнымъ войскомъ, съ особенными силами напирая на пункты особенной важности и безъ устали поддерживая атаку по всей линіи. По идеямъ Мерсье, театръ есть высшее проявленіе искусства; важность его во всѣхъ отношеніяхъ неисчислима: драматическій авторъ заставляетъ огромную массу зрителей жить нѣсколько часовъ жизнью своихъ героевъ и, настроивъ ихъ извѣстнымъ образомъ, причиняетъ имъ скорбь, радость, веселость, внушаетъ любовь къ изящному и высокія нравственныя правила. «Неужели же, спрашиваетъ себя критикъ, мы достигнемъ этого результата однѣми громкими фразами, интригами безъ страсти, фальшивыми монологами и съ помощью другихъ всякихъ пружинъ современной драматургіи? Взгляните на древнихъ, которыхъ буквѣ мы подражаемъ: такъ ли они дѣйствовали? Ихъ драматическое искусство сливалось съ религіозными торжествами и играми; ихъ герои, ихъ боги, ихъ отечественныя воспоминанія служили темами для трагедій; *въ Аѳинахъ не давали пьесъ изъ вавилонской или ассирійской жизни. Правда, у грековъ была трагедія «Персы»; но эти персы воевали съ Греціей, и завязка пьесы основана была на неудачѣ ихъ нашествія. Тѣни мертвыхъ не сгоняли живыхъ съ подмостокъ театра.*

Новое драматическое искусство, кромѣ отклоненія отъ современности и національности, имѣетъ другіе недостатки. Антагонизмъ трагедіи и комедіи ни на чемъ не основанъ: трагедія, говорятъ намъ, должна быть постоянно серьёзна и величественна; но развѣ это условіе не вредитъ истинѣ творенія? Гоняясь за серьёзностью, трагедія окружаетъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ неестественной сановитостью, уродуетъ ихъ слогъ, изгоняетъ простоту; стремясь къ одному трогательному и ужасному, она клевещетъ на натуру человѣческую, вводя безпрестанно колоссальныя преступленія и бурныя страсти. Комедія вдается въ ту же крайность: чтобъ постоянно смѣшить зрителя, она уродуетъ дѣйствующія лица, создаетъ чудовища порока, глупости и низости въ то время, какъ трагедія представляетъ намъ невѣроятныхъ героевъ благородства и самоотверженія. Мало того: комедія и трагедія грѣшатъ еще тѣмъ, что жертвуютъ всѣмъ дѣйствіемъ, всѣми своими лицами для развитія одного или двухъ главныхъ характеровъ; послѣдствіемъ такой методы на пьесу ложится отпечатокъ жосткости, сухости и невѣроятности.

Драма, если ее понять какъ слѣдуетъ, служитъ лучшимъ выходомъ изъ такого жалкаго и ненормальнаго положенія; драма должна замѣнить собою и комедію и трагедію. Въ ней одной можно изображать людей такими, какъ они есть: людей дѣйствительно существующихъ, смѣшивающихъ въ себѣ добродѣтель и слабость, благо-

Digitized by Google

родныя и смѣшныя качества. Въ драмѣ нѣтъ надобности безобразить героевъ или возвышать ихъ до невозможной идеальности: въ драмѣ каждое изъ дѣйствующихъ лицъ можетъ быть поставлено на свое мѣсто, языкъ можно упростить, стѣснительныя условія старой сценической рутины отвергнуть на вѣчныя времена. Стоитъ стать на эту точку для созданія пьесы, чтобъ увидѣть всю нелѣпость старой драматической школы. Прежніе трагики не занимались ни изученіемъ народныхъ нравовъ, ни различныхъ эпохъ исторіи, ни картинъ различной мѣстности; ихъ герои двигались въ какомъ-то фальшивомъ кругу; ихъ греки не были похожи на грековъ. Пренебрегая мелочами обстановки и костюмовъ, эти писатели пренебрегали богатою жилою поэзіи. Освободивъ искусство отъ стѣснительной подражательности древнимъ образцамъ, не останется намъ и причинъ исключительно заниматься изученіемъ корифеевъ древней драматургіи. Нужно уважать ихъ, но необходимо слѣдуетъ помнить, что нашъ міръ не ихъ міръ, что наши зрители не греки, а современники и соотечественники наши. Вѣка не прошли безплодно надъ нашимъ обществомъ: наши вѣрованія, наши нравы, наша поэзія, наши смѣшныя стороны измѣнились; и неужели мы не захотимъ знать этихъ измѣненій, не пожелаемъ выставить ихъ въ рядъ живыхъ и стройныхъ произведеній?

Такова была система Мерсье и — повторяемъ еще разъ — въ 1773 году, и притомъ во Франціи, появленіе такого критика могло назваться феноменомъ рѣдкимъ и блистательнымъ. Всѣ новыя идеи объ искусствѣ затронуты въ разбираемомъ нами «Опытѣ». Предѣлы нашей статьи мѣшаютъ намъ посвятить болѣе мѣста анализу этого необыкновеннаго произведенія; скажемъ только, что выписанныя нами мысли не составляютъ десятой доли замѣчательныхъ идей, высказанныхъ Мерсье въ лицо псевдо-классицизму. Такъ, напримѣръ, нашъ критикъ смѣло говоритъ, что Шекспиръ, Кальдеронъ и Лопе-де-Вега достойны назваться корифеями современнаго драматическаго искусства. Въ другомъ мѣстѣ своей книги Мерсье опровергаетъ всю славу Боало, выставляетъ жосткость и малую образованность Малерба, называетъ трагедіи Расина *разговорами въ царствѣ мертвыхъ* и предпочитаетъ ему Корнеля, хотя жалѣетъ о его покорности тогдашнимъ сценическимъ теоріямъ. Дѣйствительно, смѣлость и огонь автора «Цида», его знакомство съ испанскимъ театромъ, рѣдкія его отклоненія отъ теоріи трехъ единствъ и оффиціально-литературнаго языка даютъ ему неоспоримый перевѣсъ надъ робкимъ Расиномъ.

Наконецъ Мерсье въ своемъ «Опытѣ» и послѣдующихъ твореніяхъ съ уваженіемъ говоритъ о нѣмецкой словесности. Это обстоя-

Digitized by Google

тельство весьма немаловажно — во первыхъ потому, что нѣмецкій языкъ необходимъ для каждаго критика, по обилію философскихъ сочиненій, на немъ писанныхъ; а во вторыхъ — сочувствіе Мерсье къ Германіи заслуживаетъ еще бо́льшаго вниманія потому, что въ его время нѣмецкій языкъ во Франціи былъ почти новостью, а словесность Германіи почиталась чѣмъ-то грубымъ и невыносимо глупымъ. Чтобъ показать, до какой степени мизерна была эрудиція тогдашнихъ французскихъ критиковъ, стоитъ только сказать, что въ 1801 году знаменитый Лагарпъ, говоря въ одно и тоже время о Кантѣ и нелѣпомъ мистикѣ Сведенборгѣ, называлъ ихъ обоихъ «позоромъ рода человѣческаго» *(opprobre du genre humain)*. Такое мнѣніе объ одномъ изъ величайшихъ современныхъ философовъ, изученіе котораго давно уже признано краеугольнымъ камнемъ для всякаго человѣка, сколько нибудь занимающагося отвлеченными науками, избавляетъ насъ отъ скучной обязанности говорить о всей фальшивой критической дѣятельности Лагарпа, хотя это имя до сей поры популярно во Франціи, между тѣмъ какъ труды Мерсье давно уже преданы въ ней полному забвенію.

Участь, постигшая знаменитаго критика, служитъ неутѣшительнымъ доказательствомъ тому, какъ трудно и грустно толковать пустому и вѣтреному народу о предметахъ важныхъ и новыхъ. Всѣ идеи, высказанныя этимъ авторомъ, живутъ и донынѣ; но онѣ сдѣлались достояніемъ ничтожныхъ шарлатановъ, вѣтреныхъ критиковъ, которые съумѣли откопать ихъ въ его забытыхъ книгахъ и, съ примѣсью собственныхъ остротъ и нелѣпыхъ, но поверхностно-живыхъ выходокъ, выдать ихъ за свою собственность. Мерсье глубоко уважалъ свои идеи, а потому не хотѣлъ излагать ихъ въ видѣ дерзкихъ или забавныхъ сказочекъ, которыя бы возбудили участіе публики; оттого его превосходная книга не получила успѣха; кромѣ того, нашъ авторъ раздѣлялъ философскія убѣжденія, совершенно противоположныя легкимъ, узкимъ и безнравственнымъ понятіямъ того времени: саркастическій скептицизмъ Вольтера, сенсуализмъ Кондильяка и грубыя доктрины д'Ольбаха и Гельвеція не только не льстили его воображенію, но даже возбуждали его противорѣчіе; а противорѣчить философской книгѣ того времени значило навѣрное губить свою репутацію. Въ одномъ изъ своихъ произведеній, Мерсье, съ изумительною проницательностью, намекаетъ на вредъ, котораго слѣдуетъ ждать словесности отъ тогдашней философіи. «Я вѣрю — говоритъ онъ — что мы безсмертны, что здѣшняя жизнь составляетъ только малую часть нашего существованія. Я не боюсь смерти и въ смертный часъ буду помышлять о другой жизни. Такія идеи должны порождать благородные, геройскіе

Digitized by Google

поступки! Только онѣ, затаившись въ высокой душѣ, могутъ сорѣть и принести благо міру! Холодный матеріялистъ! съ твоею сухостью и анализомъ, съ твоею грустною системой и сухими умствованіями, ты не видишь того, что уничтожаешь всю красоту въ этомъ мірѣ, лишаешь людей и внѣшнюю природу ихъ прелестнаго, поэтическаго покрова!»

Еслибъ Мерсье и не былъ защитникомъ тѣхъ здравыхъ идей въ искусствѣ, которыя мы, съ возможною краткостью, постарались передать нашимъ читателямъ; еслибъ онъ не обращалъ на себя нашего вниманія глубокимъ и рѣдкимъ въ то время познаніемъ иностранныхъ литературъ, у него осталась бы еще одна заслуга передъ потомствомъ, и заслуга въ высшей степени важная: Мерсье былъ первымъ изъ французскихъ критиковъ, обратившимъ вниманіе на крайнюю бѣдность и блѣдность тогдашняго литературнаго языка; онъ первый воздвигся противъ аристарховъ, которые, заботясь объ облагороженіи этого языка, изгнали изъ него всѣ простые, наивные, народные слова и обороты. Мерсье поставилъ на видъ публикѣ всю красоту стараго французскаго языка, обиліе его средствъ и наивную мѣткость оборотовъ. Вообще, ни одинъ изъ французскихъ критиковъ не затрогивалъ и донынѣ не затрогиваетъ въ одно и тоже время столь много литературныхъ вопросовъ первой важности. Стоя выше своихъ современниковъ, Мерсье видитъ и далѣе, точно также, какъ полководецъ, находясь на возвышеніи, обозираетъ пространства, совершенно непримѣтныя солдату, стѣсненному посреди боевой колонны.

При жизни своей Мерсье пользовался достаточною извѣстностью, хотя она и не была совсѣмъ лестна. Его считали человѣкомъ даровитымъ, но произвольно вдавшимся въ парадоксы; его справедливыя нападки на французскую словесность приписывались одной завистн чужому успѣху. Люди поумнѣе отдавали всю справедливость его уму и рѣдкой учености, но толковали, что теоріи Мерсье слишкомъ отвлеченны, и что изученіе, примѣненіе ихъ стоитъ слишкомъ огромнаго труда,— отвлеченности, *la force de l'abstraction*, къ которой не способны французы-критики, современные Мерсье; его ненавидѣли, потому что въ его сочиненіяхъ видѣли неотразимый приговоръ собственному своему ничтожеству, въ своихъ возраженіяхъ геніяльному человѣку. Эти недостойные аристархи сильно напирали на то обстоятельство, что Мерсье, осуждая драматическую литературу Франціи, осуждалъ ту словесность и тѣхъ трагиковъ, которыми гордится его отечество. Затронувъ мелкое національное тщеславіе читателей, имъ нетрудно было остаться побѣдителями.

Digitized by Google

Имя Мерсье теперь только начинаетъ возникать изъ забвенія, въ которомъ долго пребывало наряду съ именами людей, о которыхъ помнить не стоитъ. Въ Германіи Мерсье еще пользуется непритворнымъ уваженіемъ; во Франціи же неблагодарность лучшихъ критиковъ къ этому рѣдкому писателю доходитъ до того, что еще недавно, въ *Revue des Deux Mondes*, помѣщенъ былъ нелѣпый параллель между романами Евгенія Сю и бельлетристическими произведеніями Мерсье, о критическихъ произведеніяхъ котораго тутъ же было сказано нѣсколько сухихъ словъ. Авторъ статьи думалъ унизить Сю, сравнивая его съ такимъ забытымъ, ничтожнымъ дѣятелемъ, какъ Мерсье! Не говоря о томъ, что самая идея сравнивать этихъ двухъ совершенно разнородныхъ писателей показываетъ величайшее невѣдѣніе въ критикѣ, ограничимся только тѣмъ, что воздадимъ здѣсь, вдали отъ литературныхъ партій Франціи, полную дань удивленія одному изъ даровитѣйшихъ людей, когда либо трудившихся на пользу словесности своей родины.

ГЛАВА III

Причины, вновь развившія псевдо-классическое направленіе. Новая война съ псевдо-классическими теоріями. Шатобріанъ. Андрей Шенье и госпожа Сталь. Паденіе старыхъ теорій объ искусствѣ.

Политическія революціи гибелью отражаются въ мірѣ искусства и науки; переворотъ и смуты, начавшіеся во Франціи съ 1789 года, прежде всего угасили почти всю литературную дѣятельность страны, а то, что осталось отъ этой дѣятельности, отброшено было въ область самаго узкаго и неподвижнаго псевдо-классицизма. Причинъ тому было много.

Во первыхъ, людямъ молодымъ и образованнымъ, поэтамъ и критикамъ, которые бы могли оказать услуги словесности введеніемъ въ нее здравыхъ теорій и болѣе художественнаго языка, не было возможности заниматься тихими занятіями писателя: они вовлечены были въ политическую дѣятельность, для того, чтобъ, истративъ свои силы въ трудѣ, превышающемъ ихъ назначеніе, сложить въ цвѣтѣ лѣтъ свои головы. Можетъ быть, еслибъ буря, разразившаяся надъ Франціею, прошла мимо или наступила черезъ нѣсколько лѣтъ позже, мы увидѣли бы въ словесности этой страны имена, нынѣ извѣстныя намъ по одной только грустной или пагубной дѣятельности; даже нѣтъ сомнѣнія, что люди, подобные Демулену, Верньо, Искару и Барнаву, — люди превосходнаго образованія, ода-

Digitized by Google

ренные богатымъ политическимъ цинтиктомъ, посвятивъ себя другой дѣятельности, были бы славными дѣятелями въ словесности своего края.

Итакъ, во время ужасовъ тяжелой эпохи литературная дѣятельность сосредоточилась въ трудахъ немногихъ тружениковъ, которые готовы бываютъ сочинять классическія трагедіи въ то время, когда земля колеблется подъ ихъ ногами, и печатать посланія къ Хлоѣ, несмотря на то, что десять народовъ вступаютъ въ границы ихъ отечества. Бурныя историческія эпохи порождаютъ мало поэтовъ, еще менѣе ученыхъ и критиковъ; большинство талантовъ въ ту пору грустно затаиваетъ въ своей груди священный огонь, какъ то дѣлалъ Шатобріанъ, или оставляютъ своихъ отсталыхъ соотечественниковъ, какъ поступила госпожа Сталь. Вальс псевдо-классики снова приняли словесность подъ свое покровительство, снова начали поклоняться буквѣ древнихъ писателей и пользоваться несоспоримымъ авторитетомъ; оно случалось тѣмъ легче, что вся Франція помѣшалась на подражаніи древнимъ героямъ и древней жизни: это подражаніе, развившееся вслѣдствіе политическихъ событій, дошло до такихъ крайностей, что женщины одѣвались на манеръ Аспазіи: въ туники и котурны; а мужчины носили фригійскія шапки; мѣсяцамъ даны были названія на латинскій манеръ, и рабская подражательность древнимъ обычаямъ соблюдалась въ народныхъ праздникахъ. Въ литературный, административный и разговорный языкъ вошло множество нелѣпыхъ словъ, какъ-то: цивизмъ, и т. д. Скучныя псевдо-классическія пьесы пріобрѣли величайшую популярность, которою когда либо пользовались: критики переносили ихъ блѣдность и неестественность изъ за нѣсколькихъ политическихъ аллюзій. Мода будто полновила всю эту дряхлую, антинаціональную словесность, и она, какъ гальванизированный трупъ, могла показаться чѣмъ-то живымъ для неопытнаго глаза.

Почти тѣже причины поддерживали ея преобладаніе и во время Имперіи. Узкій и отсталый кружокъ литературныхъ дѣятелей раздвигался весьма рѣдко и почти не увеличивался; государство еще не пришло въ то мирное состояніе, когда каждый его членъ можетъ трудиться по мѣрѣ своихъ силъ, не опасаясь катастрофъ и внезапной тревоги. Но таковы отношенія между политическимъ спокойствіемъ и литературною дѣятельностью, что даже первые годы правленія перваго консула не прошли безъ пользы для французской словесности. На чужой землѣ, правда, и подъ чужимъ небомъ написаны были первыя произведенія, показавшія, что Франція еще не сошла съ прежней дороги; но тѣмъ не менѣе эти труды были оцѣнены и носили въ себѣ зародышъ новыхъ идей, служили началомъ

Digitized by Google

новой школы. Въ первыхъ твореніяхъ Шатобріана уже видно было отклоненіе отъ псевдо-классическихъ уроковъ; стихотворенія Андрея Шенье начинали возникать изъ незаслуженнаго забвенія, а госпожа Сталь издала свои критическія сочиненія и готовилась познакомить свое отечество съ германской литературой, германской философіей и германскими драматическими теоріями. Разсмотримъ вліяніе этихъ трехъ дѣятелей на французскую критику, — и если предѣлы нашей статьи мѣшаютъ намъ разобрать труды ихъ противниковъ и послѣдователей, трудъ нашъ все-таки будетъ не совсѣмъ неполонъ: три автора, названные нами, сосредоточиваютъ въ себѣ литературное движеніе того времени, изображая собой какъ бы три штурмовыя колонны, двинувшіяся съ разныхъ пунктовъ на цитадель псевдо-классицизма. Дѣйствительно, дѣятельность этихъ писателей была торжественна, несмотря на свое различіе: первый изъ нихъ (Шатобріанъ), анализируя искусство христіянскихъ вѣковъ, показалъ его величіе и поставилъ его выше древняго искусства; второй (Шенье) — своими стихами показалъ, *какъ* слѣдуетъ подражать древнимъ, и тѣмъ осудилъ окончательно защитниковъ ложнаго классицизма, — показалъ имъ, что ихъ идеи о древнихъ совершенно ложны. Въ тоже самое время, талантливая поклонница Германіи, г-жа Сталь, раскрыла критикѣ новый горизонтъ, новые законы, такъ сказать, новую лабораторію идей. Прежде всего познакомимся съ главнымъ трудомъ Шатобріана.

Всѣ литературныя нововведенія происходятъ сознательно или безсознательно; нововведенія послѣдняго рода никуда не годятся въ критикѣ, потому что не основаны на наукѣ и логическомъ мышленіи. Но въ изящной словесности они прекрасны: Руссо, писавши «Новую Элоизу» и «Исповѣдь, Бернарденъ-де-Сенъ-Пьеръ, создавая плѣнительный образъ Виргиніи и описывая природу съ страстнымъ чувствомъ, не думали о томъ, что они своими сочиненіями пробиваютъ новый, широкій, цвѣтистый путь въ безплодной словесности Франціи. Бомарше, занимаясь своимъ неподражаемымъ «Фигаро», не имѣлъ въ виду наносить удара тремъ единствамъ и методѣ Боало. Каждый изъ названныхъ писателей сдѣлалъ свое дѣло, и уже критикамъ предстояла честь разъяснить ихъ трудъ, извлечь изъ него законы для будущихъ дѣятелей. Шатобріанъ, въ первыхъ своихъ произведеніяхъ, чисто бельлетристическихъ, былъ нововводителемъ такого рода; но, какъ по достоинству, такъ и по оригинальности своихъ трудовъ, онъ былъ далеко ниже и Руссо и даже Бернарденъ-де-Сенъ-Пьера: онъ, такъ сказать, подновилъ впечатлѣніе, сдѣланное этими двумя дѣятелями, но собственно отъ себя сказалъ весьма мало новаго. Меланхолическій элементъ, составляю-

Digitized by Google

щій главную прелесть поэмъ Шатобріана, глубокое сознаніе шаткости земныхъ благъ, переходящее въ тоску и разрѣшающееся изумленіемъ передъ вѣчными чудесами природы, — всѣ эти особенности, за которыя поэтъ Франціи былъ признанъ многими цѣнителями за предшественника лорда Байрона, уже существовали въ то время въ произведеніяхъ британской и нѣмецкой словесности. Великое же вліяніе Шатобріана на литературныя идеи Франціи началось не ранѣе первыхъ годовъ нашего столѣтія, съ появленіемъ его капитальнаго произведенія: *Génie du Christianisme*, «Духъ Христіанства». Со времени твореній Мерсье, Франція не имѣла ничего подобнаго въ критическомъ отношеніи, а псевдо-классицизмъ не встрѣчалъ себѣ опаснѣйшаго противника.

Читатель, знакомый съ жизнью и твореніями Шатобріана, весьма хорошо знаетъ, что книга о «Духѣ Христіанства» была написана вовсе не съ критическою цѣлью, а самъ авторъ ея такъ мало имѣлъ вражды къ псевдо-классическимъ теоріямъ, что даже признавалъ открыто авторитетъ самыхъ плохихъ корифеевъ этой школы. Произведеніе, о которомъ идетъ рѣчь, имѣло цѣль несравненно высшую— способствовать возрожденію христіанскихъ убѣжденій во Франціи, показавъ все величіе, могущество и прелесть этихъ убѣжденій. Время его появленія, мысли, въ немъ высказанныя, какъ нельзя болѣе совпадали съ положеніемъ умовъ во Франціи, истомленной безвѣріемъ и жаждущей убѣжденій и истинной поэзіи; оттого-то успѣхъ произведенія не только превзошелъ всѣ ожиданія автора, но даже отразился на всей словесности его отечества, разсыпая новые элементы на долю каждаго художества, каждой отрасли словесности. Краткій анализъ шатобріановой книги покажетъ намъ ея важность лучше всѣхъ разсужденій объ ея достоинствѣ. Самъ Шатобріанъ говоритъ, что, составляя книгу о «Духѣ Христіанства», онъ имѣлъ въ виду доказать, «что изъ всѣхъ когда либо существовавшихъ и существующихъ религій вѣра христіанская всѣхъ болѣе изобилуетъ человѣколюбіемъ, — что она болѣе всѣхъ другихъ сдѣлала для художествъ, наукъ и истинной свободы, — что современное общество одолжено ей всѣмъ, начиная отъ земледѣлія до отвлеченныхъ наукъ, отъ пріютовъ убогихъ до изящныхъ храмовъ, построенныхъ Микель-Анджело и изукрашенныхъ Рафаэлемъ, — что мораль ея божественна, что ея обряды и догматы въ высшей степени поучительны, — что она развиваетъ геній, очищаетъ вкусъ, поощряетъ благородныя страсти, даетъ писателю обширное поле, а художнику образцы неподражаемой прелести». Изъ этихъ краткихъ словъ мы уже видимъ, какою стороною твореніе Шатобріана касается искусствъ и словесности, а также,

Digitized by Google

въ чемъ заключается пораженіе, нанесенное имъ псевдо-классическимъ теоріямъ.

Книга раздѣляется на четыре части: первая трактуетъ о догматѣ и морали христіянской, вторая имѣетъ своимъ предметомъ значеніе христіянскаго элемента въ поэзіи, въ третьей разсматривается его же вліяніе на литературу и изящныя художества, четвертая и послѣдняя разсматриваетъ обряды и услуги, оказанныя обществу христіянствомъ. Уже первая часть имѣетъ значительную важность въ критическомъ отношеніи, такъ какъ въ ней авторъ показываетъ слабость древней философіи, ничтожество древнихъ вѣрованій; но собственно критическое значеніе книги начинается со второго отдѣла. Чтобъ показать манеру великаго автора, выписываемъ нѣсколько строкъ изъ его начала:

«Лучшая часть поэзіи, поэзія драматическая, ничего не получала отъ политеизма: мораль и миѳологія имѣли мало общаго. Богъ леталъ на своей колесницѣ, жрецъ приносилъ жертву; но ни боги, ни жрецы не учили о томъ, что̀ такое человѣкъ, откуда онъ происходитъ, куда стремится, каковы его наклонности и пороки, каково его назначеніе въ здѣшней и будущей жизни. Въ христіянствѣ религія тѣсно связана съ моралью. Нашъ законъ объясняетъ намъ наше происхожденіе и наше существо; христіянскія таинства до насъ касаются; наши интересы видны всюду; для насъ Сынъ Божій принесъ себя въ жертву. Отъ Моисея до Іисуса Христа, отъ апостоловъ до послѣднихъ отцовъ церкви мы видимъ картину внутренняго человѣка; мракъ, сокрывавшій его, разсыпается по повелѣнію Божію; ложныя религіи отдѣляли человѣка отъ Творца, истинная вѣра сближаетъ ихъ между собою.

«Вотъ драматическая и внутренняя сторона, которой не хотятъ понять наши драматическіе писатели....»

Изъ этихъ короткихъ словъ читатель увидитъ, какимъ способомъ авторъ умѣлъ, говоря о самыхъ возвышенныхъ и важныхъ предметахъ, въ тоже время ниспровергать старые классическіе предразсудки, и, раскрывая новую, психологическую сторону въ словесности, указывать будущимъ дѣятелямъ новый путь и живое направленіе. Такъ какъ драма зиждется на общественныхъ и родственныхъ отношеніяхъ разныхъ лицъ между собою, то Шатобріанъ, переходя къ подробностямъ, показываетъ, до какой степени идеи христіянства сдѣлали эти связи удобнѣйшими для поэзіи, расширивъ, идеализировавъ и очистивъ ихъ во всѣхъ случаяхъ жизни. Онъ показываетъ, на сколько въ новыхъ обществахъ стали святѣе отношенія отца къ сыну, дѣтей къ матери, супруговъ между собой. Пересчитывая столь

Digitized by Google

прославленные типы древности, онъ отказывается безусловно преклониться предъ ихъ величіемъ, выказываетъ ихъ мелочность, заблужденія рядомъ съ болѣе возвышенными типами вѣковъ, освященныхъ божественною мудростью. Онъ беретъ идеалъ жреца у древнихъ народовъ и противопоставляетъ этой холодной фигурѣ образъ христіанскаго священнослужителя, исполненнаго любви и смиренія; разбирая достоинства и недостатки древняго воина, онъ ставитъ рядомъ съ хищнымъ римлянинномъ рыцарей, воспѣтыхъ Тассомъ. Отъ людей авторъ переходитъ къ страстямъ и продолжаетъ прежнюю параллель: самая сильная и популярная изъ страстей человѣческихъ — любовь, въ своемъ неизмѣримомъ и многостороннемъ развитіи, подъ вліяніемъ христіанства, такъ далеко оставившая за собою любовь по идеямъ древнихъ, служитъ ему новымъ столпомъ для его обширной теоріи. На всѣхъ пунктахъ живительное вліяніе христіанства становится ясно и понятно; какъ солнце, отражающееся въ малѣйшей каплѣ, оно отражается въ малѣйшихъ подробностяхъ жизни новыхъ народовъ. Отъ любви къ подобному себѣ существу возвышаясь до любви къ Богу, авторъ безъ труда показываетъ, на сколько вялое и скептическое благочестіе древнихъ было ниже, презрѣннѣе благочестія, проявившагося въ новыхъ народахъ съ познаніемъ истиннаго Бога.

Совершивъ свой геніальный обзоръ человѣчества съ его страданіями, поэтъ, однако, не кладетъ еще пера: отъ человѣка и внутреннихъ его особенностей онъ переходитъ къ міру внушнему. Жаркій поклонникъ природы и благоговѣйный чтитель ея Создателя, Шатобріанъ и тутъ на своемъ мѣстѣ, и тутъ его доводы блещутъ неотразимою истиною. Пониманье тайнъ природы и восторженное сознаніе ея красотъ до такой степени развито въ новыхъ обществахъ, что оно ясно и непонимающему дѣла. Христіанство идеализировало природу также, какъ оно расширило и освятило страсти человѣческія.

Итакъ, куда мы ни обратимся, отвсюду видимъ измѣненія, принесенныя христіанствомъ на долю поэзіи. Древняя поэзія погибла бы въ тоскѣ и измельченіи, еслибъ Спаситель не указалъ ей новаго пути. Господь спасъ не одно человѣчество отъ вѣчнаго сна: Онъ спасъ и искусство, которое погибало въ изнеможеніи. Заканчивая свою параллель, поэтъ сравниваетъ съ поэмами Гомера, около которыхъ группируются произведенія древней музы, съ колоссальными памятниками еврейскаго народа, богатымъ источникомъ вдохновенія для новыхъ поэтовъ.

Чтобъ не выходить изъ предѣловъ нашей статьи, здѣсь мы и окончимъ анализъ критической части шатобріанова произведенія:

Digitized by Google

важность его достаточно уже разъясняется передъ читателемъ, особенно, если онъ сообразитъ, что «Духъ Христіянства» появился въ то время, когда французскіе поэты занимались полемикою о театральныхъ наперсникахъ и спорили о томъ, можетъ ли то, или другое слово быть употреблено въ высокомъ слогѣ, подобающемъ трагедіи,—въ то время, когда Франція все еще преклонялась передъ литературными теоріями Боало, — того самого Боало, который писалъ къ своему другу такого рода фразы: «Въ моей новой поэмѣ я пу«стился въ значительныя нововведенія: смѣлость моя дошла до «того, что я въ стихахъ упомянулъ о бѣломъ султанѣ на шляпѣ ко«роля. Само собой разумѣется, что для неблагороднаго слова *pana*«*che* я употребилъ приличную перифразу.»

Ударъ, нанесенный Шатобріаномъ псевдо-классическимъ теоріямъ, былъ тѣмъ сильнѣе, что онъ произведенъ былъ мимоходомъ, безъ всякаго обдуманнаго намѣренія: поэтъ желалъ выставить всѣ благодѣянія, доставленныя свѣту и искусству христіянскими понятіями, и вовсе не думалъ о томъ, чтобъ расшатать литературный авторитетъ Аристотеля и его послѣдователей. «Искусство переродилось со времени христіянства — говорили читатели — почему же наши поэты гоняются за древними и страшатся новыхъ элементовъ въ искусствѣ?» — «Идеалъ древнихъ несходенъ съ идеаломъ христіянскаго героя — думали критики — изъ за чего же мы раболѣпствуемъ передъ каждою буквою древняго писателя?» — «Мы не греки и не римляне — разсуждалъ молодой трагикъ, откопавшій въ Титѣ Ливіи сюжетъ для трагедіи и уже принявшійся обдѣлывать его по разъ данному рецепту — мы не римляне и не греки, ихъ страсти для насъ чужды. Для чего мнѣ ломать голову надъ семействомъ Атридовъ? «И авторы, и критики, и читатели начали разсуждать такимъ образомъ, и долго, долго вопросы, затронутые Шатобріаномъ, смутно бродили въ тогдашнемъ обществѣ.

Пока совершалось это броженіе — вѣрный признакъ огромности вліянія, произведеннаго критикою Шатобріана, вся старая школа литераторовъ и критиковъ подверглась новому неудовольствію людей съ тонкимъ вкусомъ, а теоріи этой школы получили новый толчекъ, не столь страшный, какъ отъ только что анализированнаго нами произведенія, но довольно опасный, по самой своей оригинальности. У одного изъ корифеевъ тогдашней псевдо-классической драматургіи, Маріи Іосифа Шенье, былъ когда-то братъ, подававшій великія надежды, замѣчательный по своей учености, очаровательному характеру и поэтическому таланту. Въ 1793 году, этотъ молодой человѣкъ, по имени Андрей Шенье, безвинно сложилъ голову на эшафотѣ, оставивъ послѣ себя нѣсколько стихотвореній и

Digitized by Google

неконченныхъ поэмъ. Стихотворенія эти сперва никѣмъ не читались, потомъ читались одними любителями, потомъ ихъ прочла вся образованная Франція; извѣстности ихъ помогла трагическая участь самого автора; и наконецъ, мало по малу, всѣ читатели единогласно утвердили, что Андрей Шенье, несмотря на свою молодость, несмотря на то, что талантъ его угасъ несозрѣвши, достоинъ названія первокласснаго поэта.

Посмертная слава Андрея Шенье, по видимому, не могла вредить корифеямъ тогдашней словесности. Три четверти его произведеній были внушены ему древними образцами; любовь молодого поэта къ Греціи и ея искусству была безпредѣльна и казалось тѣмъ понятнѣе, что самъ онъ, по матери, былъ грекомъ, родился въ Константинополѣ и еще ребенкомъ бродилъ по мѣстамъ, воспѣваемымъ другими французскими поэтами изъ своихъ кабинетовъ. Лучшія изъ произведеній его молодости, по временамъ, казались скопированными со стиховъ Тибулла и Ѳеокрита, Катулла и поэтовъ греческой антологіи. Но въ этой-то превосходной, *неслыханной во Франціи*, вѣрности древнимъ образцамъ заключалось новое, тяжкое осужденіе псевдо-классицизму. Андрей Шенье, взросшій на греческомъ языкѣ, читавшій древнихъ поэтовъ до того, что его здоровье нѣсколько разъ слабѣло подъ вліяніемъ умственныхъ трудовъ, одаренный всѣми условіями для творчества и пониманья красоты, не могъ понимать древности такъ, какъ ее понимали французскіе аристархи: онъ сдѣлался классикомъ, тогда какъ они вязли въ условномъ псевдо-классицизмѣ; своими стихотвореніями, чуждыми всѣхъ прикрасъ и ухищреній, онъ сразу произвелъ значительный расколъ между всѣми поклонниками древности. Разумная часть этихъ поклонниковъ отдавала должный почетъ необыкновенному таланту Шенье, сознаваясь, что ближе копировать древнихъ было невозможно; а между тѣмъ приверженцы ложнаго классицизма были смущены явленіемъ новаго таланта; имъ было ясно, какъ день, что даровитый поэтъ, подражая столь прославленнымъ стихотворцамъ, шелъ наперекоръ всѣмъ понятіямъ о высокомъ и низкомъ слогѣ. Дѣйствительно, языкъ Шенье отличался сжатостью, простотою и картинностью его образцовъ; въ немъ не было ни перифразъ, ни антитезъ, ни амплификацій; самыя простыя вещи назывались въ немъ собственными именами; очевидно, что былъ языкъ простонародный, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ какъ нельзя болѣе подходилъ къ языку Катулла и Ѳеокрита. Мало того: самое содержаніе пьесъ Шенье не ладило съ псевдо-классическими теоріями; въ немъ не было и слѣда *высокой*, *разукрашенной* натуры, и опять-таки оно какъ нельзя болѣе подходило къ содержанію поэтовъ Гре-

Digitized by Google

ціи. Молодой поэтъ рисовалъ въ своихъ стихахъ картины, отъ которыхъ Боало отвернулся бы съ ужасомъ. Сатиръ раздразнилъ козла, козелъ сталъ на заднія ноги и напалъ на своего противника; они устремились другъ на друга; ихъ лбы стукнулись съ такою силою, что по зеленому лѣсу раздался шумъ. Другая картина: слѣпой и нищій старикъ идетъ по цвѣтущему лугу возлѣ пасущагося стада; собаки кидаются на него съ яростью; онъ ждетъ неминуемой смерти, когда мальчики, охранявшіе овецъ, прибѣгаютъ на шумъ и освобождаютъ бѣдняка. Они кормятъ и ласкаютъ бѣднаго слѣпца; онъ разсказываетъ имъ чудныя исторіи: этотъ слѣпецъ — Гомеръ! Еще стихотвореніе: молодая дѣвушка, позабывъ всякое благоприличіе и торжественность, свойственную языку Боало и Расина, осмѣливается выражаться такими словами:

Accours, jeune Chrimis, je t'aime et je suis belle,
Blanche comme Diane et légère comme elle!...

Стихи прелестны; но они принадлежатъ къ языку *простонародному*. Какимъ образомъ поэтъ осмѣлился употребить два короткіе эпитета *blanche et légère*, — эпитеты, которые не могутъ быть выражены иначе, какъ перифразами? И хорошо ли слово *je t'aime*, когда для выраженія этого существуютъ болѣе прекрасныя фразы: «*les tendres feux me consument*» или «*je me rends à tes voeux!*»

А вмѣстѣ съ тѣмъ, какое сходство съ древними!

Но что сдѣлалось съ псевдо-классиками, когда они принялись за ямбы Шенье, то есть за стихотворенія, писанныя подъ вліяніемъ опасности и клеветы, вдохновленныя благороднымъ негодованіемъ! Молодой поэтъ кидаетъ грязью въ лицо Робеспьера и Марата, защищая свою жизнь и убѣжденія; онъ чувствуетъ, что ему нѣкогда заниматься мщеніемъ фразъ, и оттого становится еще живѣе, еще трогательнѣе, еще ближе къ древнимъ сатирикамъ. Онъ сравниваетъ кровавыя судилища тѣхъ временъ съ бойнею, обезумѣвшій отъ страха народъ со стадомъ барановъ, демагоговъ съ мясниками; онъ съ раздирающею душу ироніей встрѣчаетъ торжества тогдашнихъ временъ и желаетъ жить только для вреда врагамъ Франціи —

Pour cracher sur leur nous, pour chanter leur supplice!

Въ каждомъ стихѣ его сатирическихъ произведеній слышатся жизнь, натура, чуждая лишнихъ украшеній; а между тѣмъ однимъ украшеніями и жилъ псевдо-классицизмъ его времени.

Digitized by Google

Литературный вопросъ, поднятый всевозраставшею славою Андрея Шенье, можетъ быть выраженъ такимъ образомъ: творенія молодого поэта составлены совершенно по древнимъ образцамъ, а между тѣмъ каждая ихъ строка идетъ наперекоръ теоріямъ ложнаго классицизма. Классицизмъ этотъ проповѣдуетъ необходимость самаго близкаго подражанія древнимъ, слѣпой покорности формамъ греческой и римской словесности; его теоріи, по видимому, совпадаютъ съ теоріями А. Шенье: откуда же происходитъ такая громадная разница? Ясно, что кто нибудь — или Шенье, или псевдо-классики — не понимаютъ древняго искусства; иначе не вышлобъ такой странной аномаліи. Кто правъ, кто виноватъ? Конечно, обвинить одного поэта легче, чѣмъ потребовать на судъ всю фалангу критиковъ; но нельзя забыть и того, что Андрей Шенье поэтъ первоклассный, всѣми прославленный. Не ошибаются ли, чего добраго, сами псевдо-классики въ своемъ воззрѣніи на древнее искусство? имѣютъ ли они достаточныя познанія въ этой, по видимому, священной для нихъ отрасли словесности? не сбили ли они публики съ толку фальшивымъ толкованіемъ древнихъ образцовъ, трактуя о Ѳеокритѣ и Тибуллѣ? не имѣли ли они въ виду распространеніе собственныхъ своихъ ложныхъ теорій, не имѣющихъ ничего общаго съ простотою древнихъ поэтовъ?

Отъ вопросовъ подобнаго рода нетрудно было перейти къ розысканіямъ. Древніе языки были довольно знакомы французской публикѣ; нашлись между читателями любители, снова взявшіеся за древнихъ писателей и открыто утверждавшіе, что классицизмъ Боало, Лагарпа и Лебатте чрезвычайно далекъ отъ древняго классицизма, даже болѣе, нежели драмы Шекспира далеки отъ трагедій Расина. Слово *ложный классицизмъ* впервые мелькнуло во французской словесности.

Къ сожалѣнію, правильное изученіе древнихъ образцовъ не могло вполнѣ укорениться въ обществѣ, быстро увлекаемомъ всякою новостью; этюды, возбужденные появленіемъ твореній Андрея Шенье, продолжались недолго, хотя ихъ вліяніе и не лишилось всей своей важности. Въ 1810 году, госпожа Сталь окончила свое замѣчательное сочиненіе, и вся Франція, прочитавъ книгу о Германіи, признала въ ея авторѣ смѣлую и блестящую нововводительницу. Никогда еще романтическія теоріи сѣверныхъ народовъ не были переданы любопытной публикѣ въ видѣ болѣе доступномъ, убѣдительномъ и очаровательномъ. Будто въ отплату политическихъ завоеваній Франціи, Германія, чрезъ посредство великой писательницы, сдѣлала нашествіе на литературу враждебной державы. Германская поэзія, германская философія и германская критика предстали во всемъ оружіи

Digitized by Google

и нанесли послѣдній ударъ литературному псевдо-классицизму, уже умиравшему во Франціи. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ появленія книги «О Германіи», теоріи, съ которыми боролись Перро Мерсье и Шатобріанъ, изъ ряда живыхъ и всѣми уважаемыхъ истинъ перешли на вѣчное время въ область тѣней, сдѣлались забавнымъ и неопаснымъ анахронизмомъ.

Госпожа Сталь, по справедливости, занимаетъ, рядомъ съ Мерсье и Шатобріаномъ, первое мѣсто въ числѣ писателей, имѣвшихъ благотворное вліяніе на исторію французской критики. Всѣмъ извѣстны событія жизни этой необыкновенной женщины, — событія, словно предназначенныя судьбою для того, чтобъ укрѣпить и раздвинуть тотъ мощный талантъ, которымъ была она награждена при рожденіи. Какъ женщина, госпожа Сталь одарена была чрезвычайно подвижною, увлекающеюся натурою, давшею ей возможность весьма часто мѣнять свои литературныя убѣжденія, постоянно приближаться къ истинѣ и усовершенствованію, а сверхъ того выражать свои идеи съ той горячностью, которая достигается только при пособіи большой любви къ своимъ твореніямъ. Полное собраніе ея сочиненій, относящихся къ литературнымъ вопросамъ, поражаетъ часто противорѣчіемъ взглядовъ и выводовъ; но эта непослѣдовательность становится понятна, если знать обстоятельства, при которыхъ написано было каждое изъ произведеній. Къ чести госпожи Сталь, должно замѣтить то обстоятельство, что даже въ первыхъ ея сочиненіяхъ мы видимъ фактъ, въ то время необыкновенный, — именно внесеніе философскихъ идей въ вопросы о литературныхъ теоріяхъ. Въ первой ея книгѣ: «Опытъ о вымыслахъ» *(Essai sur les fictions, 1795)*, мы видимъ выводы хотя по временамъ ошибочные, но уже скрѣпленные философскими теоріями, преобладавшими въ то время; доктрина господствовавшей тогда школы безпрестанно призывается на помощь при разрѣшеніи затруднительныхъ вопросовъ. Такимъ образомъ самое произведеніе, несмотря на свои недостатки, уже выходитъ изъ разряда пустыхъ трактатовъ и представляетъ изъ себя вещь цѣлую, основанную на прочномъ фундаментѣ, подлежащую правильному опроверженію и правильной защитѣ. Съ расширеніемъ философскихъ познаній госпожи Сталь, расширялась и критическая ея дѣятельность: вторая книга ея, по поводу исторіи словесности, «О литературѣ и связи ея съ общественными учрежденіями», изобилуетъ блестящими мыслями и плодотворными выводами. Не осмѣливаясь, изъ патріотизма и по причинѣ нѣкоторой шаткости убѣжденій, радикально осудить ложное направленіе французской словесности, госпожа Сталь, однакожь, всѣми силами опровергаетъ несчастную мысль псевдо-классиковъ о томъ, что совершенство нахо-

Digitized by Google

дится только въ твореніяхъ древнихъ писателей и въ сочиненіяхъ ихъ подражателей — поэтовъ вѣка Людовика XIV. Чтобъ устранить эту мысль, знаменитая писательница не принимается за безплодныя сравненія: она находитъ въ исторіи и философіи твердое основаніе для построенія на немъ своихъ доводовъ. «Главная идея — «говоритъ госпожа Сталь — отъ которой никогда не нужно отводить «своего вниманія, заключается въ слѣдующемъ: науки, искусства, «нравственность не угасаютъ никогда; чѣмъ далѣе идетъ родъ чело- «вѣческій, тѣмъ болѣе усиливается и ихъ развитіе. Самыя тяжелыя «эпохи въ исторіи не лишаютъ человѣка сокровищъ этихъ; напро- «тивъ того, ясно видно, что ихъ возростаніе увеличивается съ каж- «дою новою степенью развитія обществъ.»

Идея, заключающаяся въ вышеприведенныхъ строкахъ, давно уже поступила въ разрядъ непреложныхъ истинъ; въ то же время (1800) она была нова и превосходно выражена. Съ ея помощью можно было съ полной логичностью произнести осужденіе противъ жалкихъ теоретиковъ, забравшихъ себѣ въ голову, что все истинное и прекрасное высказано было за нѣсколько вѣковъ древними и ихъ подражателями, вслѣдствіе чего послѣдующіе вѣка, осужденные на одно рабское поклоненіе передъ старымъ искусствомъ, являются какими-то жалкими періодами времени, обдѣленными бѣдняками въ цѣни вѣковъ. Не имѣя полной теоріи, противоположной псевдо-классицизму, госпожа Сталь не могла, однакожь, извлечь всѣхъ выгодъ отъ того превосходнаго положенія, въ которое поставила себя съ первыхъ страницъ книги; полная разработка ея идей совершена была уже въ позднѣйшее время. Тѣмъ не менѣе, не взирая на этотъ недостатокъ, несмотря на множество важныхъ противорѣчій, встрѣчающихся во многихъ частяхъ сочиненія, указанная нами книга можетъ быть съ большою пользою прочитана и теперь людьми, интересующимися исторіей французской литературы. Чтобъ пояснить ея важность во время появленія, достаточно будетъ сказать, что между многими блестящими идеями, въ ней высказанными, заключается нѣсколько мыслей, служащихъ какъ бы предисловіемъ знаменитому шатобріанову творенію, о которомъ мы говорили выше съ нѣкоторою подробностью.

Въ 1803 году, знаменитая писательница принуждена была оставить Францію. Изъ записокъ ея видно, что, оставляя свою родину, госпожа Сталь находилась подъ вліяніемъ жестокой горести: ей казалось, что, прощаясь съ роднымъ краемъ, она прощается на вѣчныя времена со счастіемъ и славою, и что чужая земля не можетъ ей представить ни одной радости, ни одного предмета, достойнаго изученія. А между тѣмъ это страшное несчастіе — изгнаніе, сопря-

Digitized by Google

женное со всевозможными огорченіями, послужило къ ея большей славѣ, пересоздало всѣ ея мысли и самый взглядъ на искусство. Въ Германіи, посреди новыхъ людей и интересовъ, окруженная первыми знаменитостями той страны, госпожа Сталь увидѣла широкое поле для своихъ наблюденій. Все ее занимало — и языкъ, превосходно обработанный, несмотря на свою жосткость, и драматическое искусство, начинавшее обращать на себя взоръ всей Европы, и поэзія, полная обаянія, и философія, идущая твердымъ шагомъ по зыбкому пути отвлеченностей. Первымъ мѣстопребываніемъ госпожи Сталь былъ городъ Веймаръ, гдѣ она познакомилась съ Гёте, Виландомъ, Шиллеромъ и провела нѣсколько мѣсяцевъ въ ихъ постоянномъ сообществѣ. Если знаменитая писательница была совершенно увлечена величіемъ этихъ личностей, зато и они испытали на себѣ вліяніе ея симпатической и пылкой натуры. Не скрывая своихъ малыхъ познаній въ нѣмецкой словесности, она безпрестанно требовала объясненій, дѣлала интересныя заблужденія и, изъ любви къ Франціи, безпрестанно поддерживала ея литературныя теоріи, давно уже осмѣянныя въ Германіи.

Такъ, напримѣръ, при первомъ свиданіи съ Шиллеромъ, талантливая изгнанница прямо пустилась восхвалять передъ нимъ систему трехъ единствъ и французскихъ трагиковъ, всѣми мѣрами унижая драматурговъ Германіи и не думая даже о томъ, что Шиллеръ могъ оскорбиться такими словами. Но авторъ «Вильгельма Телля» былъ слишкомъ далекъ отъ такой мелочности; напротивъ того, онъ отвѣчалъ шутками и принялся за серьёзныя доказательства не ранѣе того времени, какъ знаменитая спорщица успѣла пріобрѣсти полный запасъ свѣдѣній о положеніи нѣмецкаго театра. Изъ Веймара госпожа Сталь проѣхала въ Берлинъ, прожила до 1807 года въ Швейцаріи, Италіи, и потомъ снова посѣтила Германію и осталась тамъ гораздо долѣе, нежели въ первый разъ. Все это время любимымъ ея занятіемъ было чтеніе нѣмецкихъ писателей, а ближайшими собесѣдниками служили ей Вильгельмъ Шлегель, Барантъ и де-Сисмонди — три человѣка, давно уже осудившіе узкое французское образованіе и хорошо знакомые съ словесностью Англіи, Италіи и Германіи.

Книга госпожи Сталь: «О Германіи», появилась въ 1810 году; но, по разнымъ обстоятельствамъ, обширная продажа этого сочиненія началась не ранѣе 1813 года; но тогда успѣхъ ея не ограничился одною Франціею: во всей Европѣ это сочиненіе признано было образцовымъ. На ея сочиненіе посвящено было около семи лѣтъ; многія мѣста ея писаны были по указаніямъ первыхъ поэтовъ и критиковъ того времени; необыкновенная ясность и красота изложенія дѣлали этотъ этюдъ доступнымъ для каждаго читателя. Въ пер-

Digitized by Google

вый разъ французская публика увидѣла передъ собою полную и изящную картину сосѣдственной страны, о которой до сихъ поръ имѣла только одни сбивчивыя, превратныя понятія; въ первый разъ она познакомилась съ личностями, подобными Гёте и Шиллеру; въ первый разъ она узнала, что на ея литературныя теоріи смотритъ съ насмѣшливой холодностью одинъ изъ образованнѣйшихъ народовъ Европы.

Изъ уваженія къ читателю, стараясь анализировать только тѣ творенія, которыя уже начали забываться въ наше время, мы не находимъ нужнымъ излагать сущности книги г-жи Сталь, — книги, которая до сихъ поръ можетъ назваться лучшимъ произведеніемъ о Германіи и вѣроятно еще долго имъ останется. Книга эта есть во всякой библіотекѣ, читается до сихъ поръ и еще недавно напечатана книгопродавцомъ Шарпантье въ его красивой и дешевой коллекціи. О вліяніи ея на литературу и критику Франціи читатель можетъ безъ труда составить свое собственное заключеніе; мы же ограничимся только указаніемъ тѣхъ важныхъ сторонъ, по которымъ твореніе госпожи Сталь можетъ назваться блестящимъ дополненіемъ къ шатобріанову «Духу Христіанства.» Читатель, безъ сомнѣнія, замѣтилъ нѣкоторую амплификацію въ твореніи Шатобріана: она происходитъ отъ той исключительности взгляда, въ которую великій авторъ былъ вовлеченъ самимъ содержаніемъ своей книги. Разсматривая неисчислимыя благодѣянія, которыми поэзія новыхъ народовъ одолжена христіанскому элементу, онъ дошелъ до того, что сталъ смотрѣть на его вліяніе съ точки нѣсколько неправильной, такъ что нѣкоторые доводы книги принимаютъ видъ совершенныхъ парадоксовъ, а другіе поражаютъ своею неполнотою. Такъ, напримѣръ, семейная жизнь, безспорно, была освящена и расширена вліяніемъ новаго ученія; но всякій знаетъ, что она одолжена многими поэтическими особенностями и тому элементу, который внесенъ былъ въ исторію народами, разгромившими Римскую имперію, до принятія ими христіанства. Тацитъ говоритъ, что у германцевъ женщины были въ несравненно бо́льшемъ почетѣ, нежели у римлянъ, что по самому расположенію небольшихъ германскихъ селеній родовое чувство развито было у германцевъ въ сильной степени. Говоря о рыцарствѣ, Шатобріанъ выказываетъ его прямымъ послѣдствіемъ христіанскихъ понятій; но мы знаемъ, что рыцарство имѣло свои недостатки, чуждые духу божественной религіи. Кромѣ того, всѣ историки соглашаются въ томъ, что это установленіе имѣло зародышъ у германскихъ племенъ, ранѣе ихъ вторженія въ Западную римскую имперію, и что въ немъ сливаются два начала: христіанское, принесшее ему все прекрасное, и начало, перешедшее отъ

Digitized by Google

древнихъ обычаевъ. Тоже и съ феодальною системою и со многими другими учрежденіями новыхъ обществъ, тоже и съ ихъ поэзіей.

Понятно, стало быть, что изслѣдованіе о новой поэзіи, въ которомъ упущенъ столь важный элементъ, каковымъ была поэзія племенъ, поселившихся на римской землѣ и уже впослѣдствіи принявшихъ христіанство, требовало необходимыхъ дополненій. Племена, заселявшія сѣверъ Европы прежде и послѣ римскаго владычества не были племенами варварскими, лишенными всякой поэзіи: изучая ихъ жизнь, нравы и вѣрованія, видишь, какъ нельзя лучше, что элементъ, внесенный ими въ новое общество, имѣлъ много самостоятельности. Вся фантастическая область поэзіи принадлежитъ имъ по праву; поэзія, развившаяся съ такимъ блескомъ въ пѣсняхъ трубадуровъ и рыцарскихъ сказкахъ, составляетъ, такъ сказать, своего рода миѳологію, часто пустую, но иногда грандіозную и оригинальную. Меланхолически мрачная жизнь приморскихъ сѣверныхъ племенъ,— жизнь, прерываемая удалыми походами и дальними странствованіями по морю, трудолюбивый и бранный бытъ франковъ и германцевъ, ихъ фанатическіе обряды въ глуши вѣковыхъ лѣсовъ, ихъ подвиги, достойные своего рода Иліады: всѣ эти особенности не могли пропасть даромъ и не оставить по себѣ поэтическихъ слѣдовъ. Но слѣды эти не были подмѣчены Шатобріаномъ: онъ прошелъ равнодушно мимо одной изъ важнѣйшихъ сторонъ средневѣковаго общества.

Госпожа Сталь, имѣвшая славу годомъ ранѣе Шатобріана затронуть вопросъ о важности христіанскаго элемента въ новой словесности, докончила его трудъ, высказавши многое о томъ, что было позабыто авторомъ «Рене». Германія, какъ страна, свято сохранившая сокровища, завѣщанныя ей вѣками, послужила ей для того поводомъ: знакомя читателей съ современнымъ положеніемъ нѣмецкой словесности, сочинительница книги «О Германіи» съ особенною любовью разъяснила передъ ними самое значеніе этой словесности, тѣ сѣмена, изъ которыхъ она зародилась. Она съумѣла сердцемъ понять исторію страны, ею описываемой, разгадать ея стремленія и поэтическія потребности, показать всю самостоятельность и величіе ея поэзіи.

Такимъ образомъ, въ началѣ нашего столѣтія, теорія того ложнаго классицизма, который поставлялъ единственнымъ условіемъ литературной дѣятельности вѣчное и безплодное подражаніе греческой и латинской словесности, были подкопаны въ самомъ основаніи. Шатобріанъ раскрылъ передъ другими поэтами всю важность и плодотворность искусства христіанскихъ вѣковъ; г-жа Сталь показала имъ все вліяніе на поэзію средневѣковаго элемента и кромѣ

Digitized by Google

него познакомила Францію съ литературой Германіи; а даровитый Андрей Шенье своими стихами привелъ почитателей своего таланта къ тому заключенію, что самая поэзія древности была дурно понята ея поклонниками. Въ глазахъ каждаго любителя словесности всѣ три рода искусства: искусство древнее, искусство, напѣтное (singen) средними вѣками, и искусство, сформировавшееся подъ живительнымъ вліяніемъ христіанства, перестали быть чѣмъ-то розными и враждебными между собою. Время нетерпимости и узкихъ теорій прошло безвозвратно; словесности и критикѣ представлялось новое и широкое поле для полезной дѣятельности.

Посмотримъ теперь, какъ воспользовалась имъ французская критика.

Digitized by Google

СОЧИНЕНІЯ ИЗМАЙЛОВА (АЛЕКСАНДРА ЕФИМЫЧА).

Изданіе Смирдина.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

ИЗМАЙЛОВЪ КАКЪ НЕ-БАСНОПИСЕЦЪ.

Въ первой статьѣ нашей («Современникъ», 1849, № XI) мы говорили объ Измайловѣ какъ о баснописцѣ; теперь разсмотримъ всѣ другія его сочиненія.

Каждая литературная дѣятельность есть произведеніе двухъ данныхъ: историческихъ или общихъ, личныхъ или частныхъ. Различіе между великими писателями и обыкновенными заключается въ томъ, что въ дѣятельности первыхъ преимущественно выражается общій, историческій элементъ жизни, а въ дѣятельности вторыхъ — элементъ частный, личный. Оригинальный талантъ тысячью связей соединенъ съ обществомъ, посреди котораго рожденъ. Извѣстная эпоха даетъ ему питательные соки и потомъ сама испытываетъ его вліяніе. Съ одной стороны, онъ сынъ своего времени; съ другой — онъ внѣ своего времени, которое опережаетъ своими высокими стремленіями. Вотъ отчего и происходитъ, что современники часто не понимаютъ великаго человѣка, живущаго съ ними вмѣстѣ. Что бы онъ ни дѣлалъ, его дѣйствія двоякаго рода: или положительныя, соотвѣтственныя требованіямъ людей, если эти требованія совпадаютъ съ его собственными планами, — или отрицательныя, когда онъ становится въ противорѣчіе съ окружающимъ его

Digitized by Google

обществомъ. Въ томъ и другомъ случаѣ, дѣятельность его отражаетъ на себѣ историческій, общій элементъ; только въ первомъ случаѣ онъ отражаетъ эпоху положительнымъ образомъ, во второмъ — отрицательнымъ. Какъ единица, онъ, конечно, подчиненъ вліянію ежедневнаго, будничнаго, такъ сказать, теченія жизни; но онъ не позволяетъ ему овладѣть собой, закрыть предметъ болѣе важный — историческое, общее. Вотъ почему въ твореніяхъ великихъ писателей часто умалчиваются ихъ личныя отношенія; не видишь указаній на повседневныя обстоятельства ихъ жизни; біографу чрезвычайно трудно найти біографическія черты тамъ, гдѣ не любятъ говорить о себѣ. Занятые выраженіемъ идеи, построеніемъ системы, интересами исторіи, оригинальные писатели какъ бы забываютъ анекдоты, случаи и подробности своего индивидуальнаго существованія.

Напротивъ, въ дѣятельности писателей обыкновенныхъ наиболѣе значительную роль играетъ индивидуальное, личное. Талантъ или способность ихъ безпрерывно подвергается вліянію повседневныхъ, часто мелочныхъ обстоятельствъ жизни, — обстоятельствъ, лежащихъ внѣ историческаго движенія. Многое въ ихъ сочиненіяхъ есть дѣло случая, плодъ каприза. Конечно, не могутъ они не увлекаться потокомъ времени, еще менѣе способны стать противъ теченія; но, какъ легкія тѣла, они часто пристаютъ къ другимъ тѣламъ, или выбрасываются на сушу, или прибиваются волнами къ берегу. Они часто становятся игрушкою обстоятельствъ, результатомъ случайностей. Анекдоты обращаютъ на себя ихъ вниманіе помимо общихъ выводовъ. Они чрезвычайно любятъ говорить о себѣ и о всемъ, что къ нимъ относилось или относится, потому что сильно привязаны къ личности, не понимая, какъ она ничтожна въ сравненіи съ общимъ, котораго они не видятъ, а видя — не понимаютъ. Въ дѣятельности такихъ людей чрезвычайно важны обстоятельства личныя, элементъ біографическій.

Измайловъ принадлежитъ къ дѣятелямъ второго рода. Въ его литературныхъ произведеніяхъ личность беретъ больше мѣста, чѣмъ общее движеніе словесности. Читатель невольно останавливается на характерѣ автора, который такъ или иначе выказывается при всѣхъ литературныхъ вопросахъ, занимавшихъ его современниковъ. Отъ этого и происходитъ, что, знакомясь съ его сочиненіями, въ которыхъ не могло не отразиться общее движеніе науки и словесности, невольно знакомишься и съ его личностью, съ его біографіей. Это — личность по преимуществу откровенная, чрезвычайно занятая собою, эгоистическая въ добромъ смыслѣ, если позволено такъ выразиться. Критика, взявшая на себя обязанность оцѣнить

Digitized by Google

подобнаго автора, должна не только указать мѣсто, которое онъ занимаетъ между литературными дѣятелями извѣстной эпохи, но и представить отличительныя свойства его личности.

Такъ мы и поступимъ. Кромѣ разбора собственныхъ сочиненій Измайлова, мы постараемся опредѣлить значеніе его журнала, такъ что статья наша, представивъ съ одной стороны монографію писателя, съ другой — представитъ нѣкоторые матеріялы для журналистики. Мы надѣемся, что читатели не посѣтуютъ на насъ за большой объемъ статьи. Впрочемъ, мы будемъ касаться общаго хода словесности на столько, на сколько онъ нуженъ для объясненія дѣятельности Измайлова, для показанія, какъ эта дѣятельность отражаетъ въ себѣ различныя направленія литературы.

Измайловъ, нападая на негодные романы и причисляя къ нимъ своего Евгенія Лукича Негодяева (*), говоритъ:

Осьмнадцати, не больще, лѣтъ,
Урода этого я произвелъ на свѣтъ;

а такъ какъ онъ родился въ 1779 году, то, слѣдовательно, 1797 годъ есть первый годъ его авторства. Если же началомъ вступленія на литературное поприще должно полагать время отпечатанія сочиненія, то выходитъ, что Измайловъ началъ писать съ 1799 года, и писалъ до самой своей смерти, то есть до 1831 года, въ теченіи тридцати лѣтъ. Это тридцатилѣтіе обильно важными событіями въ исторіи русской словесности, и ко всѣмъ этимъ событіямъ больше или меньше прикасается Измайловъ. Въ настоящемъ случаѣ, мы не имѣемъ надобности изображать подробно состояніе нашего просвѣщенія и литературы въ тотъ періодъ времени, который обнимаетъ дѣятельность Измайлова; достаточно будетъ краткаго указанія тѣхъ пунктовъ, около которыхъ сосредоточивалась литературная жизнь означеннаго тридцатилѣтія.

Реформа Карамзина произвела споры о старомъ и новомъ слогѣ, раздѣлившіе литераторовъ на два враждебные стана. Его «Повѣсти» и «Письма русскаго путешественника» даютъ сильный ходъ сантиментальности. Поэзія сначала живетъ подражаніемъ французской поэзіи, потомъ обращается къ двумъ другимъ, несравненно болѣе плодотворнымъ источникамъ: къ романтизму, съ которымъ знакомитъ насъ Жуковскій, и къ истинному классицизму, который изучали Мерзляковъ и Гнѣ-

(*) Евгеній или пагубныя слѣдствія дурнаго воспитанія и сообщества, 2 части. 1799—1801.

Digitized by Google

дичъ. Переводъ «Иліады» возбуждаетъ толки о гекзаметрахъ, подобно тому, какъ первые опыты Жуковскаго возбудили толки о балладахъ, а дальнѣйшая его дѣятельность заставила говорить о мистическомъ элементѣ поэзіи. Русская литература обогащается «Исторіей Государства Россійскаго» — великимъ памятникомъ таланта и трудовъ Карамзина. Въ третьемъ десятилѣтіи текущаго столѣтія совершаются два событія: основаніе истинно-національной поэзіи Пушкинымъ и знакомство съ философіей Шеллинга. Вниманіе, обращенное дотолѣ на романтизмъ Жуковскаго, устремляется на произведенія поэтовъ пушкинской школы, которая въ первое время своего существованія извѣстна была подъ именемъ новой романтической школы. Литературная критика сначала держится французскихъ эстетикъ, а потомъ переходитъ къ эстетикамъ нѣмецкимъ.

Сообразно изчисленнымъ событіямъ въ исторіи нашей литературы мы станемъ обозрѣвать и дѣятельность А. Измайлова. Сначала мы покажемъ его значеніе какъ стихотворца; потомъ опредѣлимъ участіе его въ реформѣ Карамзина, въ движеніи сантиментальности, въ романтизмѣ Жуковскаго, въ дѣятельности пушкинской школы, въ знакомствѣ съ философіей; дальше разсмотримъ его какъ критика; наконецъ сдѣлаемъ очеркъ его личности, нераздѣльно связанной съ его занятіями литературой.

I.

Изъ двухъ томовъ сочиненій А. Измайлова первый наполненъ стихами, второй — прозою, но и прозаическія статьи его нерѣдко скрашиваются стихотворною рѣчью, которая входитъ блестящими вставками въ обыкновенное выраженіе.

Бо́льшая половина перваго тома занята баснями и сказками, о которыхъ мы уже говорили; другую, мѣньшую половину, занимаютъ лирическія и элегическія пьесы, пѣсни, разговоры, посланія, застольные стихи, смѣсь, надписи, надгробныя, мадригалы, экспромты, эпиграммы, эпитафіи, шарады. Обо всемъ этомъ слѣдуетъ намъ говорить.

Литературная дѣятельность А. Измайлова началась и почти кончилась въ тотъ періодъ времени, когда стихи играли чрезвычайно важную роль въ нашей словесности. Значеніе, которымъ они у насъ пользовались, отъ Ломоносова до Пушкина, было слѣдствіемъ эстетическихъ понятій, переданныхъ намъ французскими теоретиками. Французы и до сихъ поръ не совсѣмъ ясно понимаютъ, въ чемъ заключается творчество поэта и чѣмъ отличается поэтическій образъ отъ стихотворнаго выраженія,

Digitized by Google

внутренняя форма идеи отъ ея формы внѣшней. Очевиднымъ доказательствомъ ихъ сбивчивыхъ, въ этомъ отношеніи, понятій служатъ критики Сенъ-Бёва, Густава Планша, Филарета Шаля, Сенъ-Маркъ-Жирардена, всѣ такъ называемые Critiques, Mélanges, Portraits littéraires, пользующіяся отмѣнной извѣстностью въ Парижѣ. Когда Бенаръ издалъ сокращенное изложеніе двухъ томовъ гегелевой эстетики, то нельзя было безъ улыбки и сожалѣнія читать отзывъ одного журнала объ этомъ благонамѣренномъ, хотя и крайне неудачномъ трудѣ. Все заставляетъ думать, что знакомство съ германской философіей и эстетикой идетъ въ малый прокъ тѣмъ людямъ, которые до сихъ поръ соединены тысячью литературныхъ преданій съ вѣкомъ Людовика XIV, съ Боало, Расиномъ и Мольеромъ. Чего же было ожидать отъ французскихъ литераторовъ въ то время, когда Боало господствовалъ на Парнасѣ и его l'Art poétique признавалась непреложнымъ, непогрѣшительнымъ кодексомъ для каждаго поэта? Еслибъ на стихи смотрѣли какъ на особенное выраженіе, вполнѣ соотвѣтствующее внутренней настроенности творящаго, тогда, конечно, никто бы не имѣлъ права оспоривать того важнаго мѣста, которое они заняли въ литературѣ. Но на нихъ смотрѣли совершенно иначе: въ нихъ видѣли просто мѣрную рѣчь, болѣе пріятную для слуха, чѣмъ проза, называли ихъ «пріятной игрой ума, представляющей болѣе разнообразныхъ оборотовъ, измѣненій тона»; гармоніи же между этой игрой и игрою чувства, возбужденнаго въ поэтѣ какимъ нибудь предметомъ, не чувствовали, не подозрѣвали. И вотъ, благодаря сбивчивости понятій о творчествѣ и поэзіи, съ одной стороны проза казалась неприличнымъ орудіемъ для выраженія поэтическихъ созерцаній, а съ другой — поэтическія созерцанія не различались отъ стиховъ: поэзія и стихотворство составили одно нераздѣльное, по крайней мѣрѣ въ убѣжденіи большинства писавшихъ и всего множества читавшихъ. Отсюда преимущество стиховъ предъ прозой, высокое значеніе первыхъ въ нашей литературѣ. «Хорошіе стихи — говоритъ Карамзинъ, при разборѣ «Душеньки» — всегда лучше хорошей прозы. Богдановичъ писалъ ими — и мы всѣ читали его; Лафонтенъ — прозою, и романъ его едва ли извѣстенъ одному изъ пяти французовъ, охотниковъ до чтенія.» Въ журналахъ, первый, самый видный отдѣлъ посвящался стихотвореніямъ. «Не подумаетъ ли кто, что здѣсь стиховъ не будетъ?» такъ спрашиваютъ Крыловъ и Клушинъ, издатели «Зрителя» (1792 г.). «Боже сохрани! безъ стиховъ ежемѣсячникъ, какъ пища безъ питья, или какъ чай безъ сахару. Угоститъ ли тотъ хозяинъ гостей, который представитъ имъ обѣдъ, хотя бы преизобильный и превкусный, но

Digitized by Google

безъ всякихъ напитковъ?... безъ стиховъ нельзя.» Важность стиховъ сохранилась и по истеченіи тридцати лѣтъ послѣ «Зрителя»; можно судить о ней хотя по слѣдующему объявленію издателя «Благонамѣреннаго» въ 1822 году: «Если какая либо изъ присланныхъ пьесъ въ теченіе мѣсяца не будетъ напечатана, то сочинитель или переводчикъ оной можетъ быть увѣренъ, что ее не пропустила цензура (которой, замѣтимъ мимоходомъ, строжайше запрещено пропускать сочиненія, не имѣющія нравственной и полезной цѣли, и между прочимъ вмѣнено въ обязанность не одобрять къ напечатанію и такихъ пьесъ, въ которыхъ много ошибокъ противъ чистоты языка и здраваго смысла, *хотя бы это были и стихи съ риѳмами*), или что издатель не нашелъ эту пьесу, по содержанію ея, либо по слогу, соотвѣтственною съ планомъ сего изданія.» Превосходство риѳмованныхъ стиховъ предъ бѣлыми вытекало изъ тѣхъ же источниковъ, какъ и превосходство стиховъ предъ прозою, именно изъ положеній, что стихотворство есть пріятная игра ума, что труднѣйшее имѣетъ болѣе цѣны въ искусствахъ, и что мѣрная рѣчь, скрашенная созвучіями, болѣе льститъ слуху. Когда сравнишь прошедшее съ настоящимъ, когда прочтешь, напримѣръ, въ одномъ изъ нынѣшнихъ журналовъ такое объявленіе: «Статьи, не могущія войти въ журналъ, возвращаются въ контору, откуда можно получить ихъ обратно, а *стихотворенія, признанныя неудобными къ напечатанію, возвращаемы не будутъ*», то необходимо увидишь, что такая противоположность вкусовъ и направленій могла быть результатомъ только великихъ успѣховъ, что путь отъ метроманіи къ изгнанію стиховъ есть путь неоспоримо-быстраго развитія эстетическихъ понятій о поэзіи. Мы сказали, что значеніе, которымъ пользовалось стихотворство, начиная съ Ломоносова, уничтожается при Пушкинѣ. Дѣйствительно такъ. Съ Пушкина стихъ получаетъ значеніе высшее, какъ поэтическое слово, въ которое поэтъ облекаетъ свои созерцанія, какъ внѣшнее, необходимо условливаемое внутреннимъ. До точныхъ понятій о поэзіи и стихотворствѣ дошли мы двумя путями: во первыхъ, истинно-художественными произведеніями Пушкина, у котораго стихъ являлся необходимымъ выраженіемъ идеаловъ, — во вторыхъ, знакомствомъ съ твореніями нѣмецкихъ эстетиковъ.

Въ «Благонамѣренномъ» (1825) есть также разсужденіе о стихотворствѣ и поэзіи, переведенное изъ сульцеровой теоріи изящныхъ искусствъ; но, видно, уже поздно было перучиваться, какъ издателю, такъ и сотрудникамъ его, учившимся у французскихъ теоретиковъ. Благодаря ихъ правиламъ и укоренившемуся обычаю, имя стихотворца сдѣлалось именемъ почет-

Digitized by Google

нымъ, многоуважаемымъ. Страсть писать стихи, низать риѳмы обуяла всѣхъ литераторовъ, молодыхъ и старыхъ, подобно какой нибудь эпидемической болѣзни. Въ самый разгаръ ея очень кстати явился переводъ комедіи Пирона: «Метроманія» (1820), отрывки изъ которой переводчикъ ея, Н. Сушковъ, печаталъ и въ «Благонамѣренномъ». Вотъ почему въ сочиненіяхъ Измайлова и въ его журналѣ весьма часто встрѣчаются съ одной стороны нападки на стихобѣсіе, съ другой же собственная работа тому, что они осмѣивали. На вопросъ: съ какимъ человѣкомъ всего несноснѣе жить? «Благонамѣренный» отвѣчаетъ: «съ самолюбивымъ стихотворцемъ. Загрѣхи мои послалъ мнѣ Богъ товарища-стихотворца, и кого же? Самого неугомоннаго. Взглянуть не на кого: едва дышетъ, а все пишетъ. Недавно пошелъ ему осьмнадцатый годъ, а онъ собирается уже выдать свои стихотворенія въ трехъ томахъ съ виньеткою и своимъ портретомъ. Сколько же онъ еще напишетъ и переведетъ бумаги, если доживетъ до шестидесяти лѣтъ!» Въ «Разговорѣ между издателемъ Благонамѣреннаго и стихотворцемъ» (*), Измайловъ съ ужасомъ слышитъ отъ послѣдняго, что онъ упражняется въ *пространномъ* стихотворномъ родѣ, т. е. пишетъ стихами книги въ восемь и десять томовъ, что онъ привезъ съ собой только *четыре воза* стихотвореній (Соч. Изм. Ч. 2, стр. 573). Между выходками «Сатирическихъ Вѣдомостей» есть многія, направленныя противъ Пегасина, Риѳмолюбова. То отдается въ залогъ рукописная поэма, состоящая болѣе нежели изъ двадцати тысячь шестистопныхъ стиховъ; то вызываются желающіе взять на себя поставку, для сочиненія драмъ, разныхъ выписокъ изъ старинныхъ русскихъ романовъ; то объявляется о потерѣ черновой рукописи подъ заглавіемъ: «Тартаръ, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, россійскими стихами».

Къ страсти писать стихи присоединялась другая страсть — читать ихъ:

Не говорю, зачѣмъ онъ пишетъ,
Но для чего читаетъ онъ?

Пускай бы самолюбивые стихотворцы только писали, восклицаетъ также «Благонамѣренный» съ сильной досадой; ато вѣдь они прожужжали всѣмъ уши!

(*Благ. 1818*).

.... Бѣда! куда дѣваться?
Идетъ творецъ случайныхъ одъ!
Онъ ищетъ съ кѣмъ бы повстрѣчаться —

(*) «Тутъ ничего не прибавлено, а развѣ убавлено.» *Примѣчаніе самого автора.*

Digitized by Google

Прочесть Расиновъ переводъ.
Друзья и морщатся и хвалятъ,
Въ глаза зѣваютъ и хулятъ;
Ничѣмъ охоты не убавятъ:
Поэтъ неумолимъ читать!
(*Благ. 1823*).

Измайловъ вооружался и противъ этой страсти. Въ первой статьѣ мы выписали отрывки изъ басень, сюда относящіеся; теперь должны указать другія пьесы, помѣщенныя въ «Сатирическихъ Вѣдомостяхъ». Одна изъ нихъ приглашаетъ для отъѣзда въ деревню, съ однимъ изъ стихотворцевъ, *слушателя* крѣпкаго сложенія и испытаннаго терпѣнія; другая обѣщаетъ за доставленіе потеряной рукописной трагедіи *прочесть* новую оду; третья описываетъ обѣдъ, данный Пегасинымъ:

Первѣйшій поэтъ нашъ Пегасинъ, въ день своего рожденія, давалъ друзьямъ своимъ стихотворный обѣдъ. За горячимъ *читали* торжественную оду; за холоднымъ — отрывокъ изъ дидактической поэмы; за соусами — смѣсь, какъ то: дружескія посланія, романы, баллады и проч.; за жаркимъ героиду гекзаметрами, изъ которыхъ многіе состояли только изъ односложныхъ словъ; за десертомъ — мадригалы, тріолеты, альбомные стихи, и т. п. (Ч. 2, стр. 597 и 598).

Обѣ страсти были грѣхомъ и нашего баснописца: онъ любилъ и писать и читать стихи, въ чемъ нерѣдко самъ сознавался простодушно:

«Люблю писать стихи и отдавать въ печать!
Не потаю грѣха: люблю ихъ и читать,

не только друзьямъ сердечнымъ, но встрѣчнымъ и поперечнымъ» (*).

Онъ не могъ слушать безъ восторга чтеніе собственныхъ стиховъ своихъ. Вотъ любопытный, въ этомъ отношеніи, отрывокъ изъ письма къ г. Каченовскому о праздникѣ, по случаю десятилѣтія «Сына Отечества»:

«На столикѣ, у софы (*въ кабинетѣ г. Греча*), лежали всѣ шесть частей новаго «Словаря Россійской Академіи», котораго, къ стыду моему, до сихъ поръ еще я не видалъ. Всѣ мы, истинные любители Отечественной Словесности, порадовались, что Академія наша свершила наконецъ столь долговременный трудъ свой. Желательно, чтобы безпристрастная критика оцѣнила сіе полезное твореніе.

(*) Письмо въ Тамбовъ къ кн. Н. А. Ц. (Благон., 1825).

Digitized by Google

Пью чай, держу въ рукѣ сухарь,
А самъ въ очкахъ гляжу въ Словарь,
Вдругъ слышимъ всѣ — о чудеса!
Прекраснѣйшіе голоса
Изъ ближней залы раздались,
И всѣ туда мы поплелись.

Человѣкъ шесть отличнѣйшихъ пѣвцовъ запѣли прекраснѣйшій духовный кантъ: *Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ!* Всѣ слушали эту піесу съ большимъ удовольствіемъ. Потомъ пропѣли другой кантъ, или канту, и чрезъ нѣсколько времени

О радость! о восторгъ!
Едва стоять на мѣстѣ могъ —
Поютъ мои — мои куплеты,
Которые еще я въ юношески лѣты
Съ французскаго переложилъ (*);
На музыку ихъ Жилинъ положилъ.

Но послѣ того, г. Г—чъ передѣлалъ музыку, и вышла прекрасная! По окончаніи пѣсни раздались рукоплесканія, закричали: *автора! автора!!* Сердце у меня билось, сильно билось! Не знаю, что говорить — кланяюсь. Ахъ, какъ весело слушать рукоплесканія стихамъ своимъ!»

Поэтовъ называлъ онъ негодными мужьями: «имъ только бы читать стихи!» — Больной, онъ оставался вѣренъ Фебу: «бредилъ стихами», и жалѣлъ о томъ, что нельзя читать вслухъ стиховъ; больной же, за годъ до смерти, даетъ зятю своему и его женѣ, а своей дочери, инструкцію въ стихахъ, которой начало напоминаетъ Эдипа:

Опора нѣжная дебѣлаго слѣпца....

Всѣ почти его письма, изъ которыхъ самое задушевное и болѣе остроумное есть упомянутое письмо къ Каченовскому, пересыпаны стихами. Здѣсь онъ вѣрный поклонникъ моды, господствовавшей тогда во французской литературѣ: французы излагали даже курсы наукъ въ видѣ писемъ, мѣшая прозу со стихами и состоя въ двойномъ заблужденіи, т. е. принимая стихи за поэзію, а прозу — за науку, тогда какъ ни того, ни другого не было въ ихъ Lettres à Sophie, à Emilie, à Marie, etc., etc. «Благонамѣренный» часто принималъ на свои страницы переводы изъ писемъ Демутье, Эмѣ-Мартена, сантиментальныхъ миѳологовъ и физиковъ. Одно письмо, подъ названіемъ: «Гармонія растительнаго и животнаго царства, или любовь соловья и

(*) Опасности отъ воды (Les dangers de l'eau).

Digitized by Google

розы», такъ любопытно, что мы не откажемъ себѣ въ удовольствіи выписать изъ него для читателей двѣ–три страницы. Авторъ, объяснивъ составъ, свойства и необходимость для жизни воздуха, оканчиваетъ свой урокъ слѣдующимъ образомъ:

«Какое разстояніе находится между травкой и человѣкомъ! Однакожъ наша жизнь связана двойными узами съ существованіемъ сего слабаго растенія. Сколь удивительно сіе твореніе, изъ котораго ничто не можетъ быть отнято, безъ того, чтобъ все неразрушилось! О Саади! ты безъ сомнѣнія зналъ сей высокій законъ гармоніи вселенной, когда воспѣвалъ любовь соловья и розы — розы нѣмой и гордой, и соловья — соперника Орфея.

Но скоро на поляхъ надменнаго Востока
Младая роза разцвѣтетъ;
Едва раскроется.... незримаго потока
Благоуханіе въ окрестностяхъ прольетъ.
И нимфа сельская въ невинномъ удивленьѣ
Венеры новой въ свѣтъ мечтаетъ зрѣть рожденье,
По волѣ правящихъ боговъ.
Всѣ признаютъ ее царицею цвѣтовъ.
Но роза и сама удивлена собою....
И перси дѣвственны прелестнаго цвѣтка
Стыдливость милая румяной пеленою
Одѣла. — Вотъ издалека
Несется быстрою стрѣлою,
Увидя розу соловей,
Цѣлуетъ вмигъ ея и перси лобызаетъ....
И счастіе любви воспѣвъ, вдругъ улетаетъ,
Забывъ, что клятву далъ быть вѣчно вѣрнымъ ей.

«Удержимъ вѣтренаго соловья, схватимъ его за крылья и заключимъ съ розою въ хрустальную клѣтку. И такъ справедливо, что онъ обязанъ будетъ жизнію подругѣ, которую сердце его забыло. Лишенный новаго воздуха, онъ скоро бы пересталъ издавать гармоническіе звуки, еслибы по дѣйствію непонятнаго чуда.... Неугадываете ли вы, что произойдетъ? Уже соловей своимъ дыханіемъ испортилъ атмосферу въ клѣткѣ; но роза, любящая воздухъ, вдыхаемый ея любовникомъ, поглощаетъ его и, очистивъ, тихо испускаетъ: сколько разъ соловей разлагаетъ воздухъ, столько разъ роза удерживаетъ въ себѣ смертельные яды; и наконецъ, когда птица, воспѣвая свою признательность, разстается съ жизнію, роза наклоняется, блекнетъ и умираетъ» *(Благон. 1821)*.

Таже страсть къ стихотворству вызывала часто Измайлова на стихотворныя замѣтки, которыми онъ выражалъ свои суж-

Digitized by Google

ленія о разныхъ предметахъ. Бо́льшая часть ихъ помѣщалась внизу строкъ, въ выноскахъ. Онѣ имѣли видъ сентенцій или афоризмовъ и ясно выказывали нравственныя и литературныя убѣжденія стихотворца. При извѣстіи о книжкѣ: «Распознаваніе и леченіе геморроя», сказано, что сочинитель совѣтуетъ воздерживаться отъ употребленія горячихъ напитковъ; Измайловъ прибавляетъ:

И даже отъ вина!...
Да лучше пусть болитъ спина!

Представивъ отчетъ о раздачѣ денегъ двадцати бѣднымъ, въ числѣ которыхъ было двѣнадцать дамъ, онъ заключаетъ:

И въ томъ числѣ *двѣнадцати* вдовамъ —
А говорятъ, что *я писатель не для дамъ*.

Авторъ «Письма къ сердечному другу моему въ О....», нападаетъ на выраженіе: *неистомная рука;* Измайловъ тотчасъ пишетъ внизу:

Давно ли, милосерды боги,
Явились *неистомны ноги?*
И *неистомная* является рука!
Вотъ скоро явятся и *неистомны глазки*,
Ушки, *носки*, *боки!*...
Складнѣе бабушкины сказки!

При стихахъ:

И жизнь и всѣ радости жизни
Въ жертву любви я принесъ,

Измайловъ подбираетъ свой стихъ:

Ну, право, не поймешь самъ бѣсъ.

Онъ даже не оставилъ и «Евгенія Онѣгина» безъ стихотворныхъ замѣчаній. Извѣщая о первой главѣ этого романа, онъ между прочимъ говоритъ: «Не соглашаемся однако съ любезнымъ сочинителемъ, будто врядъ можно найти *въ Россіи цѣлой три пары стройныхъ женскихъ ногъ:*

Ну какъ сказать онъ это могъ?
Какъ стройны ножки, не велики
У Евфрозины, Милолики,
У Лидіи, у Ангелики!

Вотъ я насчиталъ четыре пары,

А можетъ быть во всей Россіи есть
По крайней мѣрѣ паръ пять, шесть!»

Digitized by Google

Иногда Измайловъ замѣнялъ стихи прозой. Въ XI № «Благонамѣреннаго» за 1819 годъ напечатана нравоучительная повѣсть: «Безразсудное признаніе». Переводчикъ ея, г-нъ Мгзнръ, усерднѣйше посвятилъ свой трудъ Славѣ Яковлевнѣ Раппопортъ, въ Поповкѣ (*). Въ повѣсти разсказывается, что супруга (Селимена) при смерти своей открываетъ мужу (Доранту), что одинъ изъ троихъ дѣтей ихъ принадлежитъ не ему.... Супругъ восклицаетъ: «Жестокая!» а Измайловъ въ выноскѣ ставитъ свое, прозаическое, восклицаніе: «Дура!»

Сбивчивыя понятія о поэзіи, незнаніе точныхъ признаковъ, отличающихъ ее отъ стихотворства, были причиною того, что Измайловъ, не боясь упрека въ самохвальствѣ, открыто называетъ себя поэтомъ. Во многихъ мѣстахъ встрѣтите вы у него указанія на свою личность, въ родѣ слѣдующихъ:

Я, я *поэтъ* подъ сѣдинами
(Но не съ сѣдыми волосами).... (Ч. I, стр. 284).
. . . . . .
Хотя и я поэтъ.... (стр. 287).
. . . . . .
Не живописецъ я — поэтъ (стр. 292).
. . . . . .
Не крючкотворецъ я: поэтъ (стр. 319), и пр.

Почемужь и не такъ, если онъ писалъ стихи, и если многіе, писавшіе стихами хуже его, величались именемъ поэтовъ? Поэтомъ именовался и авторъ акростиха: «Анна Василевна», и творецъ надписи мѣсту рожденія Ломоносова:

Честь мощному орлу: онъ изъ *болота* въ мигъ
До солнца высоты среди небесъ достигъ!
Кто онъ — герой иль царь?... Нѣтъ — пѣснопѣвецъ Росовъ!
Въ *болотѣ* родился великій Ломоносовъ! (**)

И сочинитель другой, сантиментальной, надписи «Къ грудной булавкѣ, съ птичкою, держащею сердечко на золотой цѣпочкѣ»:

Г.... птичкою порхая на свободѣ,
Дай Богъ, чтобъ сердце ты по сердцу обрѣла!
Не спорь со мной, что нѣтъ такихъ сердецъ въ природѣ:
Природа для сердецъ сердца произвела.
Любить любезное и жизнью наслаждаться
Въ слiяньи сладостномъ двухъ душъ между собой —

(*) Подъ переводомъ подписано: Лубны, 1819.

(**) Одинъ изъ знакомыхъ автору надписи (Хвостову) сказалъ ему, что селеніе, гдѣ родился Ломоносовъ, называется *болото* (Благон. 1824, № 6). Это извѣстіе и внушило ему надпись.

Digitized by Google

Для сердца милый долгъ — ему повиноваться
Велитъ и здравый умъ и гласъ любви святой.
Наступитъ часъ — и ты, плѣнившись чувствомъ страсти,
Заплатишь милому любовью за любовь,
Свободу покоришь закону нѣжной власти
И сердцу цѣпь сплетешь — изъ розовыхъ цвѣтовъ (*).

Изъ того же источника, т. е. изъ сліянія поэзіи съ стихотворствомъ, происходило и другое явленіе въ стихотворческой дѣятельности Измайлова: онъ не довольствовался извѣстностью въ одномъ поэтическомъ родѣ, но претендовалъ на успѣхи во всѣхъ родахъ лирики. Мало того, что онъ подписывался Баснинымъ, называлъ себя Фабулистомъ: ему нужно было имя поэта не въ ограниченномъ значеніи. Говоря, что «оды вышли уже изъ моды», онъ самъ написалъ ихъ шесть; смѣялся надъ эпитафіями, объявляя, что «при заказѣ ихъ необходимо нужно доставлять мѣрку съ надгробнаго камня и копію съ послужнаго списка», и между тѣмъ далъ семь эпитафій, изъ которыхъ двѣ на смерть Ласточки и Зайчика; вооружался противъ вакхическихъ и эротическихъ поэтовъ, и сочинялъ анакреонтическія и вакхическія пьесы. Въ его стихотвореніяхъ, какъ мы видѣли, есть и пѣсни, и посланія, и надписи, и мадригалы, и экспромты — и все, безъ чего не могла пріобрѣтаться поэтическая слава.

Въ первой статьѣ нашей мы сказали и теперь должны повторить тоже самое, что, по свойству своего таланта, Измайловъ принадлежалъ къ сатирикамъ. Но такъ какъ сатира подраздѣляется на разные виды и способна принимать разные тоны, то, говоря опредѣлительнѣе, Измайловъ есть откровенно-грубый сатирикъ предметовъ простонародныхъ. *Цинизмъ сатиры:* вотъ отличительный признакъ его произведеній — и басень, и посланій, и эпиграммъ, и пѣсень. Если нужно означить талантъ его отрицательными качествами, то мы скажемъ, что онъ не былъ способенъ ни къ высокому, ни къ нѣжному въ поэзіи, хотя особенно претендовалъ на послѣдній родъ. Имя «дамскаго писателя», «писателя для дамъ» (**), кажется, льстило ему паче всего. Частымъ повтореніемъ этого почетнаго титла, взятаго имъ безъ спросу, онъ думалъ укрѣпить его за собой въ вѣчное и потомственное владѣніе, не предвидя двухъ злыхъ стиховъ Пушкина. На основаніи положительнаго свойства его таланта, лучшія мѣста, въ стихотвореніяхъ нѣжнаго и возвышеннаго рода, суть тѣ, въ которыхъ онъ являлся сатирикомъ; на основаніи отрицательнаго свойства, худшія мѣста, въ стихотвореніяхъ

(*) «Благон.», 1818, № 6.

(**) «И для мужчинъ» — прибавляетъ онъ иногда, какъ бы страшась ограниченнаго круга своей поэтической славы.

Digitized by Google

сатирическихъ, тѣ, гдѣ онъ хотѣлъ быть нѣжнымъ и возвышеннымъ. Его нѣжные пѣсенки и мадригалы — посягательство на нѣжность; его оды — посягательство на лиризмъ. Одинъ смѣшатъ своею любезностью, вмѣсто того, чтобы трогать; другія смѣшатъ своимъ пареніемъ, вмѣсто того, чтобы пробуждать чувство высокаго. То и другое скорѣе примешь за пародіи поэтическихъ видовъ, чѣмъ за точные ихъ образцы. Доказательство нашихъ словъ представляетъ почти каждая пьеса. Въ «Застольной пѣснѣ на отъѣздъ въ Тверь» авторъ называетъ себя барбосомъ:

Подниму въ Твери я носъ,
Буду лаять какъ Барбосъ:
А гдѣ нужно, тамъ согнусь
И въ лисицу превращусь.
Совѣсть! ты меня лишь кинь!
Слышишь? Чу! звенитъ: динь динь!

Шутливое «Посланіе къ пріятелю на отъѣздъ его въ Москву» заключаетъ въ себѣ очень удачную пародію высокаго:

Ходи обѣдать чаще въ гости,
Да тукомъ облекутся кости,
И будешь соченъ какъ трава
Иль злакъ на пажитяхъ весною.

Напротивъ, въ «Прощальныхъ стихахъ кавалеристамъ и артиллеристамъ» вовсе нѣтъ достойныхъ поэтическихъ образцевъ:

О храбрые кавалеристы,
Уланы, хваты — молодцы!
И *умницы* — артиллеристы,
Всѣмъ офицерамъ образцы.
Простите! *Къ Вязьмѣ вы стремитесь!*
Счастливый путь, герои, вамъ, и проч.

Ихъ нѣтъ и въ возваніи къ смерти:

О смерть! кто, кто тебя свирѣпѣй можетъ быть?
Моленьямъ нашимъ не внимаешь,
Перстами слухъ себѣ отъ насъ ты затыкаешь,
И заставляешь слезы лить!

Эпитафія «Зайчику» хотѣла соединить нѣжное съ высокимъ, но и то и другое вышло въ ней забавнымъ:

Съ вечерней, утренней росой
Здѣсь Настя (*) слезы проливаетъ:
Здѣсь зайчикъ серенькій, *косой*
Сномъ непробуднымъ почиваетъ.

(*) Дочь сочинителя.

Digitized by Google

Несчастный выпрыгнулъ въ окно
Для соблазнительной свободы,
Но смерть внизу ждала давно
И Стиксовы онъ переплылъ воды.
Ахъ! не одинъ, о зайчикъ, ты
Погибъ, упавши съ высоты.

Послѣ нравоученія такъ и ждешъ примѣра въ Наполеонѣ, котораго нашъ авторъ вставилъ въ басню: «Лѣстница».

Вотъ мадригалъ, безъ сомнѣнія, заставлявшій долго смѣяться ту особу, къ которой онъ былъ адресованъ:

Когда, здороваясь или прощаясь съ вами,
Цѣлую ручку, я у васъ,
И вы, какъ ангелъ, разсмѣясь
Своими алыми устами,
Касаетесь щеки моей —
Не помню я себя отъ радости — ей, ей!
Что чувствую, того сказать вамъ не умѣю:
Но только всякій разъ жалѣю
За чѣмъ я не уродъ?
За чѣмъ не на щекѣ мой ротъ?...

Мы должны еще выписать стихи на пріѣздъ Я. И. Г., въ свое время послужившіе обильной пищей журнальнымъ насмѣшкамъ:

Радость наша
Докторъ Яша
Возвратился
Изъ вояжа;
Не женился
На чужбинѣ.
Ахъ, голубчикъ!
Ахъ, касатикъ!
Ахъ, лебедикъ!
Соколъ ясный!
Врачъ прекрасный!
Съ другомъ вѣрнымъ
Обнимися;
Къ сердцу, къ сердцу
Мнѣ прижмися.
Позабудемъ нашу ссору (*);
Не сердися,
Улыбнися.
Что, привезъ ли
Намъ гостинцу

(*) За стихи.

Digitized by Google

Изъ дороги? —
Есть.... о боги!
О другъ милой!
Другъ сердечной!
Намъ не дорогъ
Твой подарокъ;
Дорога намъ
Дружба друга.
Какъ мы ради,
Что пріѣхалъ
Другъ нашъ добрый!
Не боимся лихорадокъ,
Ни горячекъ,
Ни хирагры,
Ни подагры,
Ни гангрены:
Докторъ Яша
За рецептикъ —
Всѣ болѣзни
Въ ретираду.
Заживемъ же
Снова дружно:
По субботамъ,
Также въ среду,
Будемъ вмѣстѣ;
Станемъ спорить,
Но безъ сердца,
Безъ сарказмовъ. —
Оставайся
Здѣсь въ столицѣ
И женися
На дѣвицѣ
На прекрасной,
На пѣвицѣ голосистой,
На танцоркѣ
Стройной, ловкой,
На комъ хочешь,
Не женись лишь,
Другъ сердечной,
На ученой,
На педанткѣ,
На злодѣйкѣ
Стихотворкѣ.

Просимъ прочесть также «Завѣщаніе Наполеона Бонапарте», отказывающаго, между прочимъ, *свою душу и геній князю са-*

Digitized by Google

тапъ, который сочинялъ съ нимъ бюллетени (Ч. I, стр. 318), и «Инструкцію зятю», оконченную такимъ образомъ:

Коль скучно будетъ вамъ, то лучше почитайте,
На фортепіано поиграйте.
Ну поцѣлуйтесяжъ — меня облобызайте.

Вездѣ и во всемъ читатель увидитъ одно и тоже: онъ увидитъ, что Измайловъ не имѣлъ способности выражать нѣжное и величественное. Желая подъ часъ показаться Анакреономъ или Пиндаромъ, онъ всегда являлся Теньеромъ. Если надобно объяснять качество таланта сравненіемъ, то ужь конечно всего лучше взять то имя, которое самъ Измайловъ придавалъ себѣ и которымъ назвалъ его Revue encyclopedique, 1821 года (*). Я— русскій Теньеръ № 1, говорилъ онъ. Подъ русскимъ Теньеромъ № 2 разумѣлъ онъ Нарѣжнаго. Между ними дѣйствительно есть сходство, точно также, какъ есть большое различіе между ними и Теньеромъ. Сходство въ томъ, что оба они выбирали предметами сатиры — по преимуществу грубое и простонародное жизни, оба любили цинизмъ въ сатирическихъ изображеніяхъ. Различіе въ томъ, что живопись Теньера есть художественная живопись простой природы, тогда какъ ни Измайловъ, ни Нарѣжный не принадлежатъ къ художникамъ. Отличительное свойство сатиры Измайлова обнаруживается вездѣ: и въ басняхъ, о которыхъ мы подробно говорили, и въ повѣстяхъ, и въ письмахъ, и въ разговорахъ, и въ сатирическихъ вѣдомостяхъ, и въ эпиграммахъ. Изъ послѣднихъ нѣкоторыя недурны, напримѣръ:

1.

Клитъ былъ плохой поэтъ,
Теперь сталъ критикъ рѣдкій.
Тутъ, впрочемъ, дива нѣтъ:
Изъ кислаго вина выходитъ уксусъ ѣдкій.

2.

О ужасъ! о досада!
Гомера перевелъ безграмотный Глупонъ.
Отъ лошади погибъ несчастный Иліонъ,
А отъ осла погибла Иліада.

Зато ужь есть и такія, въ которыхъ остроуміе подразумѣвается, напримѣръ:

1.

Какъ у тебя, братъ, *красень* носъ!
— А вотъ-съ
Пью *бѣлое* вино-съ.

(*) Il est le Teniers des écrivains russes.

Digitized by Google

2.

«Коль *теплое* дадутъ мѣстечко мнѣ, пойду».
— Ты заслужилъ давно *претеплое*... въ аду.

3.

«Отдѣлали жъ меня въ палатѣ!
Прислали мнѣ оттуда *кость*!»
— Ну поздравляю: очень кстати. —
«Какъ кстати?» — Да вѣдь ты курносъ,
Такъ нуженъ для тебя былъ *кость*. —

Циническая сатира Измайлова, всегда почти лишенная остроты, могла сердить тѣхъ, противъ кого устремлялась, откровеннымъ указаніемъ недостатка, грубою рѣзкостью брани. Павлушка мѣдный-лобъ и люди, ему подобные, безъ сомнѣнія, узнавали себя и въ баснѣ «Лгунъ», и въ послѣднемъ примѣчаніи стихотворнаго посланія «къ N. N. о садѣ Г....» (*): но трудно было бы и не узнать, когда сатирикъ указываетъ прямо на нихъ пальцемъ. Къ сатирическимъ сочиненіямъ его идетъ какъ нельзя лучше оправданіе одного автора, высказанное въ 52-й эпиграммѣ:

— Твои портреты очень схожи:
На лица пишешь все! — «Нѣтъ, я пишу на рожи».

Если послѣднее слово означаетъ грубое, циническое осмѣяніе недостатковъ, то Измайловъ въ немногихъ словахъ представилъ совершенную характеристику своего таланта и литературной дѣятельности.

Платя дань модѣ, Измайловъ написалъ *шестнадцать* шарадъ. Рѣдкій нумеръ «Благонамѣреннаго» обходился безъ этихъ стихотворныхъ игрушекъ, которыя впослѣдствіи крѣпко надоѣли читателямъ. Когда на каждое почти сложное слово была уже написана шарада, тогда неутомимые виршеслагатели пустили въ ходъ предлоги и буквы и начали теребить любое слово до тѣхъ поръ, пока оно не разрубится на желанныя части. Неизвѣстный авторъ дружескаго посланія къ Измайлову, жалуясь,

(*) Ганина — автора пьесъ: «Валеріанъ, или мужъ двухъ женъ», «Джонсъ или добродѣтельный Иванъ», «Елвира или Роза», «Любимъ», «Слабомысловъ». Въ «Елвирѣ или Розѣ», разсказываетъ Измайловъ, *театръ представляетъ молодую турчанку, стоящую на колѣняхъ; въ Джонсѣ*, между дѣйствующими лицами, находятся: *городское правленіе, львица, Прескотъ*. Дѣйствіе происходитъ на Антильскихъ островахъ, неподалеку отъ морского берега, близъ возвышенной горы, на степи Сары. Г. Ганинъ гордился и носилъ на шеѣ голубой платокъ: онъ записывалъ своеручно на особомъ листѣ посѣтителей своего сада, начиная съ 5-го класса (Соч. Изм., Ч. I, стр. 256). Въ «Благонамѣренномъ», при разборѣ драмъ его, выставлено много преинтереснѣйшихъ предметовъ. Жалѣемъ, что предѣлы статьи не позволяютъ намъ сдѣлать выписки.

Digitized by Google

что онъ не помѣстилъ ни одной изъ 365 шарадъ, посланныхъ къ нему какимъ-то украинскимъ поэтомъ, прибавляетъ: «Дѣльно! очень, очень хорошо! Но дурно то, что вы сами печатаете въ каждомъ номерѣ шарады — и какія шарады! Мнѣ кажется, скоро вломаютъ въ шарады всякое слово русскаго языка! Для удалаго пера нѣтъ невозможнаго. Одинъ склеилъ шараду изъ *ко-зы*, другой *гор-оха, пар-ика, золото-ноши* — и Богъ знаетъ, какими плоскостями приправляются эти парики и золотоноши. Древняя исторія, имена французскихъ генераловъ, Италія, латинская грамматика, славянскій букварь — все перечесено въ шарады. Но чаще всего заглядываютъ они въ русскую азбуку, и въ рѣдкой шарадѣ не читаемъ:

Мой *первый* слогъ — предлогъ,
Второе — въ азбукѣ....» *(Благ. 1822)*.

И вотъ, въ 1823 г., самъ Измайловъ слезно проситъ самоучекъ-стихотворцевъ не присылать усыпительныхъ стишковъ, *особенно* шарадъ, анаграмъ, опонимовъ и логогрифовъ.

Послѣ стихотвореній Измайлова, любопытно и даже необходимо обозрѣть стихотворный отдѣлъ «Благонамѣреннаго», на характерѣ котораго такъ рѣзко отпечаталась личность его издателя.

Въ стихотвореніяхъ 1818—1820 годовъ почетнѣйшее мѣсто занимаютъ идиллiи В. Панаева, который практически и теоретически послужилъ пастушеской поэзiи. Рѣдкій нумеръ перваго года обходился безъ его стихотвореній. Въ 10 № 1818 года напечатано его разсужденіе: «О пастушеской или сельской поэзiи», которое авторъ, впослѣдствiи исправивъ и дополнивъ, приложилъ къ собранiю своихъ идиллій (1820 г.). По случаю ихъ выхода, Измайловъ изчисляетъ отличительныя свойства произведенiй Панаева: «простота и естественность разговора, нѣжность и сила въ чувствованiяхъ, нѣжность и живость въ картинахъ и описанiяхъ, легкая и исправная версификацiя». Многія его идиллiи — говоритъ онъ — по всей справедливости могутъ назваться образцовыми. Въ застольныхъ стихахъ Измайлова, адресованныхъ идиллисту, слышенъ голосъ искренняго уваженія:

Silence! silence! Шампанское готово!
Но чуръ еще не пить: хочу имѣть я слово.
Вѣдь именинникъ-то поэтъ
И жилъ въ Аркадiи съ пѣвцами-пастухами:
Такъ надобно его поздравить намъ стихами.
Что? есть ли у кого кунлеты, иль сонетъ?...
Нѣтъ!
Со мною есть стишки, но только, между нами,

Digitized by Google

Не слишкомъ хороши.
Аркадинъ! другъ мой, братъ! тебя я поздравлю.
Отъ всей моей души
Такъ счастливо тебѣ съ Филлидой (1) жить желаю,
Какъ въ золотой живали вѣкъ.
Живи подолѣе: ты добрый человѣкъ,
Кто добръ, тотъ и полезенъ,
А ты еще притомъ уменъ да и любезенъ —
Ну какъ не уважать тебя и не любить?
Соперниками были (2)
(Мнѣ этого не позабыть)
И тутъ другъ друга мы любили,
Другъ другу правду говорили.
Ты идиллистъ,
Я фабулистъ —
Поэты оба мы — во мнѣньяхъ, вкусахъ сродны, и проч.

(Соч. А. Изм., ч. I, стр. 264 — 265)

Еслибъ кто заподозрилъ похвалу Измайлова, какъ друга идиллисту, тому можно замѣтить, что и другіе были одного съ нимъ мнѣнія. Авторъ подробнаго разбора идилліи Гнѣдича «Рыбаки» («Благон». 1822) называетъ Панаева «достойнымъ подражателемъ Геснера, единственнымъ сельскимъ поэтомъ нашимъ, которому *Панъ*, вмѣстѣ съ *свирѣлью* (3), передалъ кажется и свое имя». Ѳ. Р....скій, женѣ котораго (4) идиллистъ посвятилъ свои идилліи, благодаритъ его особеннымъ за то посланіемъ («Благон». 1823, № 23 и 24), гдѣ говоритъ, что авторъ изобразилъ не мечту, а человѣка, какимъ онъ долженъ быть при патріархальной простотѣ. Этою мыслью онъ испровергаетъ мысль другого посланія къ г. Панаеву, сказавшаго, что идиллистъ изображалъ мечту.

Теперь, когда опредѣлилась точная сущность идилліи, *рода столь же труднаго, сколь и пріятнаго*, по замѣчанію А. Измайлова, критика можетъ, пожалуй, быть строгою и къ стихотвореніямъ г. Панаева, и къ его «Разсужденію о пастушеской поэзіи», и къ хвалебнымъ отзывамъ объ его идилліяхъ; но такая строгость будетъ несправедлива. Идилліи г. Панаева соотвѣтствовали тогдашнимъ требованіямъ отъ искуства; онѣ, сообразно понятію о пастушеской поэзіи, были лучшимъ ея осуществленіемъ. Тогда никто не удивлялся, что авторъ «Разсужденія»

(1) Такъ называетъ онъ свою супругу.

(2) Въ одномъ дружескомъ литературномъ обществѣ.

(3) И гербъ Панаевымъ съ *свирѣлію* вѣдь данъ.
(Примѣч. А. Измайлова).

(4) Сестрѣ г. Панаева.

Digitized by Google

называетъ простоту Ѳеокрита грубою,—что, по его мнѣнію, пѣвецъ сицилійскій ниже пѣвца швейцарскаго, т. е. Геснера, въ идилліяхъ котораго простота не имѣетъ ничего низкаго, — что идиллія, перенесенная изъ Аркадіи въ наши мѣста, изъ эпохи Ѳеокрита въ наши времена, лишится всего своего достоинства, и писатель увидитъ себя въ самомъ затруднительномъ положеніи,—что, выводя на сцену нимфъ и сатировъ, можно удачно придать идилліи характеръ древности, сдѣлать ее разнообразнѣе, занимательнѣе. Когда появились «Рыбаки», идиллія Гнѣдича — первый опытъ русской народной идилліи, въ которой авторъ осмѣлился обойтись безъ Хлой и Дафнисовъ, тогда критика, о которой мы упоминали, вооружилась противъ такой смѣлости и въ доказательство своей правоты сослалась.... на «Разсужденіе» г. Панаева. Дивиться всему этому нечего. Въ томъ же журналѣ («Благ». 1823, №X) переведенъ изъ Жоффрѐ: «Опытъ объ Идилліи». Французскій авторъ находитъ «идиллій Ѳеокрита вообще мало занимательными; пастуховъ его злыми, сварливыми, завистливыми, чародѣями». Такъ какъ литература наша въ то время шла по слѣдамъ французской, то образцы и мнѣнія послѣдней переносились въ первую. Въ «Разсужденіи объ эклогѣ» (Discours sur l'églogue) Фонтенель упрекаетъ древнихъ за то, что они не облагораживали природы, а изображали ее во всей грубости; онъ честилъ именами неучей пастуховъ Ѳеокрита; ему хочется такихъ, которые могли бы не уронить себя въ любомъ салонѣ. По его понятію, греческіе и латинскіе поэты унижаютъ искусство, заставляя идиллическія лица говорить о навозѣ, стойлахъ, свинопасахъ — какъ будто о какихъ нибудь привлекательныхъ предметахъ. Онъ утверждаетъ, что поэтъ обязанъ не описывать природу, а только выражать чувства, ею возбуждаемыя, то есть поступать совершенно наперекоръ сущности наивной поэзіи. Невозможно выразить мнѣнія болѣе ошибочнаго, болѣе французскаго, болѣе соотвѣтствующаго эпохѣ. Но и въ другую, ближайшую къ намъ эпоху, именно въ первое двадцатилѣтіе текущаго вѣка, Бональ (Bonald) ставилъ Геснера выше Ѳеокрита. Выходя изъ своего главнаго положенія, что литература есть выраженіе общества, онъ видитъ въ первой тотъ же прогрессивный ходъ, какому покоряется послѣднее. Какъ общество идетъ отъ состоянія семейнаго, домашняго, къ состоянію публичному, такъ и литература постепенно восходитъ отъ простого, наивнаго, патріархальнаго рода къ роду публичному или общественному. Въ подкрѣпленіе своей мысли, авторъ разсматриваетъ поэзію пасторальную и поэзію эпическую: идиллію Ѳеокрита, Виргилія и Геснера съ одной стороны, Иліаду, Энеиду и Освобожденный Іерусалимъ съ другой. Въ первыхъ (Ѳеокритѣ

Digitized by Google

и Гомерѣ) видишь дѣтство поэтическаго рода; во вторыхъ (Энеидѣ и Эклогахъ Виргилія) его юношество; въ третьихъ (Геснерѣ и Тассѣ) мужество, такъ что идилліи Ѳеокрита, эклоги Виргилія и пасторали Геснера находятся между собою въ такомъ же точно отношеніи, въ какомъ находятся эпопеи Гомера, Виргилія и Тасса. Другими словами: нравы, изображаемые Ѳеокритомъ, запечатлѣны грубой простотой; Геснеръ (корифей пасторальныхъ поэтовъ, по словамъ Боналя) изображаетъ природу простую, но облагороженную: онъ умѣлъ избѣгнуть и грубости пастушескаго быта и пышнаго блеска цивилизаціи; Виргилій занимаетъ средину между необлагороженной наивностью Ѳеокрита и благороднымъ изяществомъ Геснера (*).

Идиллія, говоритъ одинъ нѣмецкій историкъ литературы, есть поэзія изобразительная, которая къ поэзіи эпической и драматической относится какъ сцена къ дѣйствію, какъ происшествіе къ дѣянію, природа къ человѣку, миръ къ войнѣ. Поэтому идиллія процвѣтала преимущественно въ тѣхъ странахъ, гдѣ не было самоподвижной исторіи, гдѣ являлось преобладающимъ то состояніе жизни, которое нарушается только извнѣ, а не измѣняется внутреннимъ движеніемъ. Времена Геснера были такимъ періодомъ спокойствія для Швейцаріи. Идилликъ выбираетъ предметомъ своихъ изображеній тѣ классы общества, тѣ времена и мѣста, въ которыхъ царствуютъ миръ и тишина; ибо его произведеніе, обязанное изображать однѣ мирныя сцены, нуждается яркихъ страстей. Оттого-то идиллики, особенно Геснеръ, питаютъ утрированный ужасъ ко всякой войнѣ, ко всѣмъ завоевателямъ, ко всѣмъ дѣятельнымъ характерамъ. Для Геснера, равно какъ и для Клопштока, міръ пастушескій есть міръ патріархальный; оба они видятъ въ этомъ мірѣ золотой вѣкъ безмятежной семейной жизни. Геснеръ и не сомнѣвался въ дѣйствительномъ существованіи золотого вѣка, какимъ является онъ въ изображеніяхъ пастушеской поэзіи; оттого-то онъ и не видитъ химеры въ созданіи тѣхъ невинныхъ людей, которые, по словамъ Гердера, являются у него не въ облагороженной природѣ, а какъ облагороженные идеалы. Хотя Геснеръ подражалъ Ѳеокриту, но его идилліи покрыты колоритомъ новыхъ временъ. Правда, его пастушки меньше фонтенелевыхъ похожи на французскихъ придворныхъ, однакожь и у него есть нѣчто подобное. Въ предисловіи къ идилліи: «Смерть Авеля», извѣстной болѣе всѣхъ другихъ его произведеній, онъ говоритъ, что, заботясь о тѣхъ молодыхъ господахъ, которые не въ состояніи выносить простодушія древняго міра, онъ хочетъ завязать для нихъ интригу: одно изъ дѣйствующихъ лицъ будетъ нѣжный

(*) Du style et de la littérature, 1806; Mélanges 1819.

Digitized by Google

юноша, другое — военный человѣкъ, третье станетъ говорить лишь то, что можетъ сказать о мірѣ престарѣлый французъ. Его Филлиды и Хлои — нечто иное, какъ городскія барышни, и дѣвушки его романа «Дафнисъ», которыя, желая нарядиться, идутъ къ ручью умывать лицо, въ сущности не разнятся отъ тонкихъ свѣтскихъ дамъ, неумѣющихъ говорить простодушнымъ языкомъ пастушескаго міра. — Какъ слабъ и притороненъ этотъ языкъ, такъ блѣдно и вяло содержаніе. Нигдѣ не видишь изображенія сильныхъ моментовъ жизни. Хоть бы остался Геснеръ на родной почвѣ, подобно Фолу и Гебелю; хоть бы воспользовался онъ народнымъ языкомъ, который составляетъ такую прелесть въ идилліяхъ названныхъ поэтовъ, въ идилліяхъ Ѳеокрита, въ португальскихъ пастораляхъ! Ибо если мы интересуемся сценами скромной, тихой жизни, то преимущественно въ томъ случаѣ, когда эти сцены — домашнія, наши собственныя, къ которымъ чувствуемъ мы сильное влеченіе, подобное влеченію къ воспоминаніямъ объ юности. Отчего ни одинъ идилликъ не выберетъ себѣ темой этихъ воспоминаній? Дѣтство наше — истинный золотой вѣкъ; въ этомъ отношеніи каждый можетъ сказать о себѣ: «и я родился въ Аркадіи; и если бы въ идилліяхъ представленъ былъ окончательно — образовавшійся человѣкъ, разсказывающій о первомъ періодѣ своей жизни, о событіяхъ, опредѣлившихъ его характеръ и дѣйствія, то идиллики избѣжалибъ недостатка, свойственнаго имъ всѣмъ. Этотъ недостатокъ — антипатія къ городской жизни, къ страстямъ, которыхъ они не изображаютъ, которыхъ они не знаютъ и которыя они отвергаютъ не столько изъ опыта, сколько изъ сантиментальнаго влеченія къ прозябаемой жизни, къ нравственному квіетизму. Исчезъ бы этотъ недостатокъ, еслибъ идиллія изобразила, на примѣръ, какъ человѣкъ, искушенный жизнію, возвращается мыслью къ первому потоку своей жизни — къ міру своего дѣтства, или какъ Наполеонъ и Карлъ, потерпѣвшіе неудачи въ свѣтѣ, примиряются съ своей судьбой — одинъ, заточенный на пустынномъ островѣ, другой — добровольно удалившійся въ уединеніе.

Никто не говорилъ объ идилліяхъ лучше Шиллера, котораго каждое слово объ этомъ предметѣ есть классическое: «Цѣль идиллій — изобразить человѣка въ состояніи невинности, въ мірѣ съ самимъ собой и съ окружающею дѣйствительностью. Самымъ естественнымъ къ тому средствомъ почти всегда казалось представленіе міра пастушескаго, міра, предшествовавшаго цивилизаціи. Но состояніе невинности находится и послѣ успѣховъ цивилизаціи: мысль о немъ и вѣра въ него и примиряютъ человѣка съ дѣлымъ зломъ, которое вытекаетъ изъ цивилизаціи. Поэзія представляетъ эту идею невиннаго быта созерцанію чувствъ;

Digitized by Google

она хочетъ осуществить ее, неосуществляемую вполнѣ на самомъ дѣлѣ. Идиллія, рисуя естественное состояніе человѣка до начала цивилизаціи, исключаетъ, вмѣстѣ съ ея невыгодами, и всѣ ея выгоды; она ставитъ сзади насъ ту цѣль, къ которой должна привести насъ, и потому можетъ внушать намъ лишь горестное чувство потери, а не радостное чувство надежды. Такъ какъ она достигаетъ своей цѣли уничтоженіемъ всякаго искусства и упрощеніемъ человѣческой природы, то, при высшемъ содержаніи для сердца, представляетъ очень бѣдное содержаніе для ума, и ея однообразный кругъ скоро истощается. Она способна принести излеченіе только сердцу больному, требующему покоя; сердцу же здоровому она не въ силахъ дать пищи; она не въ состояніи оживлять, а можетъ только успокоивать. Никакое искусство поэтовъ не поможетъ этому недостатку, который лежитъ въ самой сущности пастушеской поэзіи. У любителей идиллій говоритъ не вкусъ, а личная потребность: слѣд., ихъ сужденія не должно принимать въ расчетъ. Все сказанное гораздо менѣе относится къ идилліи наивной, т. е. древней, нежели къ идилліи сантиментальной, т. е. новой. Наивная идиллія никогда не остается безъ содержанія, потому что содержаніе ея заключается въ самой формѣ. Наивный поэтъ представляетъ предметъ олицетвореннымъ, со всѣми его границами; онъ не отрѣшается отъ содержанія, если только не удаляется отъ природы. Вслѣдствіе этого, поэтъ сантиментальный, изображающій свой предметъ идеализированнымъ, устраняя отъ него всѣ границы, не долженъ заимствовать содержанія у поэта наивнаго, ибо это содержаніе само по себѣ неважно, а становится поэтическимъ только по изложенію. Но сантиментальные идиллики поступили иначе: они создали идеалъ, сохранивъ притомъ бѣдный содержаніемъ пастушескій міръ. Они такъ идеальны, что изображенія ихъ проигрываютъ въ отношеніи къ индивидуальной истинѣ, и такъ индивидуальны, что отъ этого страждетъ ихъ идеальное содержаніе. Геснеровъ пастушокъ не можетъ восхищать насъ, какъ дитя природы: онъ слишкомъ идеальное существо; а для идеала — онъ существо слишкомъ ничтожное. Такая двойственность отразилась даже на языкѣ, который колеблется между прозой и стихами. Поэтому гораздо лучше поступили тѣ, которые сдѣлали рѣшительный выборъ между идеальностью и индивидуальностью, какъ, наприм., Фоссъ.»

Надо жалѣть, что превосходными идеями Шиллера не воспользовались у насъ ни практика, ни теорія поэзіи. Та и другая за совѣтами обращались къ Боало, который отъ идиллія требовалъ четырехъ качествъ: simplicité, douceur, naiveté, élégance. Основательный взглядъ на пастушескую поэзію (хотя тоже безъ

Digitized by Google

вліянія Шиллера) находимъ впервые у Гнѣдича, въ предисловіи къ идилліи «Сиракузянки», переведенной имъ изъ Ѳеокрита. Знакомство съ греческими и лучшими нѣмецкими идилликами устранило его, по крайней мѣрѣ въ теоріи, отъ понятій Фонтенеля, Дезульеръ, Боало и проч. Притомъ были уже образцы истинныхъ идиллій: «Луиза» (Фосса), переведенная Теряевымъ, и сельскія стихотворенія Гебеля, превосходно переданныя Жуковскимъ. Владычество же пастушеской поэзіи въ родѣ Дезульеръ и Геснера собственно кончилось у насъ выходомъ въ свѣтъ идиллій В. Панаева, и издатель «Благонамѣреннаго» справедливо замѣтилъ, что «Геснера не любятъ романтическіе поэты такъ называемой новой школы». Замѣчаніе сказано въ 1823 г., когда новая школа, основанная Пушкинымъ, начала уже дѣйствовать.

Участіе г. Панаева не ограничивалось одними идиллическими стихотвореніями: ему принадлежатъ также небольшія повѣсти и разсказы: «Не родись ни пригожъ, ни красивъ, а родись счастливъ», «Романическое письмо изъ Петербурга, или хорошія слѣдствія дружескаго разговора», «Жестокая игра судьбы», «Приключеніе въ маскерадѣ», и т. д. Въ 1818 г. напечатанъ отрывокъ изъ его «Историческаго Похвальнаго слова Кутузову». Измайловъ благодаритъ его за это участіе въ альбомныхъ стихахъ:

О ты, котораго труды мнѣ такъ полезны,
Съ тѣхъ поръ какъ издаю журналъ.

Кромѣ Панаева, въ первыхъ годахъ «Благонамѣреннаго» (1818 — 1820) встрѣчаются имена Дельвига, Милонова, Баратынскаго, А. Пушкина, Д. Давыдова, Ѳ. Глинки, Хмѣльницкаго и другихъ извѣстныхъ писателей нашихъ. Всѣ они бросили въ журналъ нѣсколько пьесъ, изъ которыхъ иныя впослѣдствіи признаны недостойными войти въ собраніе сочиненій.

Дельвигу принадлежатъ четыре посланія: «Темирѣ», которую онъ проситъ не забыть его въ Москвѣ, столицѣ роскоши; «Пушкину» (изъ Малороссіи), котораго онъ называетъ своимъ Орестомъ; «Илличевскому», которому пишетъ исповѣдь въ своей лѣни:

Я благотворности труда
Еще, мой другъ, не постигаю!
Лѣниться, говорятъ, бѣда —
А я въ бѣдѣ сей утопаю,
И, пробудившись, забываю,
О чемъ заботился вчера.

Этихъ трехъ посланій, какъ слабыхъ еще поэтическихъ опытовъ, нѣтъ даже въ «Полномъ собраніи сочиненій русскихъ ав-

Digitized by Google

торовъ, 1850 года». Въ немъ есть только четвертое посланіе: «Къ Мальчику», напечатанное съ перемѣнами, которыя сдѣлалъ самъ авторъ:

Мальчикъ! солнце встрѣтить должно
Съ торжествомъ въ концѣ пировъ;
Принесите осторожно
И скорѣй изъ погребовъ
Матерь чистаго веселья
Влагу смольную вина,
Чтобы мы, друзья похмѣлья,
Невидали въ чашахъ дна!

Таковъ первоначальный видъ первой строфы. Въ измѣненномъ видѣ четыре послѣдніе стиха читаются такъ:

Въ кубкахъ длинныхъ и тяжелыхъ,
Какъ любила старина,
Нашихъ прадѣдовъ веселыхъ
Переживша вина.

Изъ сочиненій А. Пушкина, котораго въ посланіяхъ называли тогда «огнецнымъ, чувствительнымъ пѣвцомъ всемощной любви и добраго Руслана», и на младомъ челѣ котораго «предвидѣли вѣнецъ Аріоста и Парни, Петрарка и Бояна», напечатаны: «Молдавская пѣсня», явившаяся прежде того съ ошибками въ «Сынѣ Отечества,» и «къ портрету Жуковскаго» въ такомъ видѣ:

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ временъ таинственную даль;
Услыша ихъ, воспламенится младость,
Безмолвная утѣшится печаль
И рѣзвая задумается радость (*).

Баратынскій далъ пьесъ семь, не больше: «Къ Алинѣ», Портретъ В.», «Любовь и дружба», «Догадка», «Возвращеніе», «Поцѣлуй», «Б-му» (при отправленіи его въ армію). Послѣднія четыре пьесы вошли, съ значительными измѣненіями, въ собраніе его стихотвореній.

Пьесы Ѳ. Глинки: «Романсъ», «Усладова Лира» (подражаніе «Алинѣ и Альсиму»), «Уголъ, славянская эклога» (разговоръ славянскихъ пастуховъ), и тогда уже выразили таинственный, мис-

(*) Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль;
И, внемля имъ, вздохнетъ о сладкѣ младость,
Утѣшится безмолвная печаль
И рѣзвая задумается радость.

(Сон. А. Пушкина)

Digitized by Google

тическій тонъ, сохраненный поэтомъ доселѣ. И тогда любилъ онъ отмѣтить курсивомъ нѣкоторыя слова, особенное значеніе которыхъ понятно только ему одному:

Ахъ, то *онъ*, то другъ мой милой!
Милой! погоди....
. . . . . .
Тамъ съ врагомъ мы *крови чашу*
Будемъ *братски* пить.
. . . . . .
Онъ промѣнялъ *всѣ блески* міра
На миръ *души*.
. . . . . .
Мы у *Хозаръ* отбили грады,
У *Печенѣговъ* табуны....

Милоновъ былъ ревностнымъ вкладчикомъ стихотвореній въ «Благонамѣренный»; зато и «Благонамѣренный» почтилъ память его особеннымъ образомъ: цѣлую книжку, состоящую изъ двухъ нумеровъ (1821 г. № 17 и 18), наполнилъ онъ статьями о Милоновѣ, только о Милоновѣ, котораго геній, какъ самъ онъ говорилъ о себѣ, подавили утраты (*). Теперь показалась бы странною такая неделикатность издателя, обязаннаго больше всего печься о разнообразіи журнала; но тогда подобный журнальный фактъ извинялся многими обстоятельствами. Онъ извинялся особенной дружбой Милонова съ членами Санктпетербургскаго Общества любителей Словесности, Наукъ и Художествъ, котораго онъ самъ былъ членомъ, а Измайловъ предсѣдателемъ, и особеннымъ участіемъ его въ журналѣ. Въ дружбѣ Милоновъ видѣлъ кумиръ души своей и воспѣлъ ее во многихъ стихотвореніяхъ (Къ дружбѣ, Къ юности, Луказію, Счастливецъ). Ей и музамъ пожертвовалъ онъ многими выгодами жизни, что и выразилъ въ посланіи къ И. М. Фовицкому, который совѣтовалъ ему писать сатиры:

Скорѣй совѣтуй мнѣ, чуждъ лести и сомнѣнья,
Чтобы напрасныя оставивъ покушенья,
Я уклонился музъ въ ничтожности моей,
Для коихъ пренебрегъ я цвѣтомъ юныхъ дней,
Для коихъ я отвергъ, исполненъ ихъ отравой,
Какъ юность пылкая стремилась въ слѣдъ за славой,
И брани и честей блистательный доспѣхъ,
Для коихъ я бѣжалъ плѣнительныхъ утѣхъ,
Которы въ обществахъ чело другихъ вѣнчали;
Для нихъ сокрыты дни въ трудахъ перепадали,

(*) Милоновъ умеръ въ 1831 году.

Digitized by Google

И скорбь ихъ сблизила безвременный закатъ!
Мой геній подавленъ подъ бременемъ утратъ.

И вотъ друзья его представляютъ «Краткій очеркъ его жизни», читаютъ «Рѣчь по случаю его кончины», «Разборъ двухъ стихотвореній, переведенныхъ изъ Шиллера Милоновымъ и Жуковскимъ», отдавая предпочтеніе первому, «Разборъ стихотворенія: «Бѣдный поэтъ» (подражаніе Жильберу); потомъ опять «О сочиненіяхъ Милонова», наконецъ надгробіе, сочиненное самимъ Измайловымъ, который назвалъ покойника «Бѣднымъ поэтомъ».

Послѣ 1821 года имена извѣстныхъ стихотворцевъ исчезаютъ въ «Благонамѣренномъ»: мѣсто ихъ заступаетъ фаланга или малоизвѣстныхъ, или вовсе незнакомыхъ, или псевдонимовъ. Чѣмъ дальше издавался журналъ, тѣмъ стихотворный отдѣлъ становился слабѣе и слабѣе.

Статьи, какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ, наполняющія «Благонамѣренный», бо́льшею частію доставлялись членами Санктпетербургскаго Общества любителей Словесности, Наукъ и Художествъ, котораго предсѣдателемъ былъ извѣстное время А. Измайловъ, и членами одного дружескаго литературнаго собранія.

Основаніе Санктпетербургскому Обществу любителей Словесности, Наукъ и Художествъ положено въ 1801 году. Нѣсколько молодыхъ людей, воспитанниковъ Императорской Академіи Наукъ (Борнъ, Попугаевъ, Димитріевъ, Лангенъ, Волковъ и Красовскій) согласились собираться, чтобы читать вмѣстѣ свои сочиненія и переводы и пользоваться взаимными замѣчаніями и совѣтами. Вскорѣ присоединились къ нимъ другіе молодые же любители словесности. Собирались каждую недѣлю по крайней мѣрѣ одинъ разъ, слушали, поправляли другъ друга, — и Общество въ первый еще годъ своего существованія издало небольшое собраніе стихотвореній своихъ членовъ, подъ заглавіемъ: «Свитокъ Музъ». Эти стихотворенія, особенно опыты въ поэзіи г. Востокова, обратили на себя вниманіе публики. На другой годъ вышла вторая книжка «Свитка Музъ», принятая любителями отечественной словесности столь же благосклонно, какъ и первая. Но главное занятіе общества составляли тогда переводы важныхъ твореній Бентама, Монтескьё, Мабли, Беккарія, Румфорда и другихъ. Немногіе изъ этихъ переводовъ напечатаны и даже окончены, но время на нихъ употреблено съ пользою. Между тѣмъ кругъ Общества болѣе и болѣе распространялся, число членовъ увеличивалось, засѣданія становились занимательнѣе, и наконецъ, въ 1803 году, Императоръ Александръ Всемилостивѣйше соизволилъ утвердить проэктъ устава Обще-

Digitized by Google

ства. Съ этого времени Общество пріобрѣло многихъ достойныхъ членовъ, извѣстныхъ уже публикѣ успѣхами своими въ словесности; всѣ почти частные труды членовъ представлялись на судъ Общества и разсматривались или въ обыкновенныхъ засѣданіяхъ, или въ особенныхъ комитетахъ, что каждаго члена побуждало къ трудолюбію и каждому служило въ пользу. Въ 1812 году оно начало издавать ежемѣсячный журналъ: «Санктпетербургскій Вѣстникъ», признанный отъ Министра Народнаго Просвѣщенія полезнымъ по части критики, но прекращенный обстоятельствами тогдашняго времени. Врагъ вошелъ въ отечество; бо́льшая часть членовъ вступила въ арміи или ополченія; многіе изъ находившихся въ гражданской службѣ отправлены были начальствами въ разныя мѣста съ разными порученіями; въ столицѣ оставалось не болѣе пяти или шести членовъ, изъ которыхъ каждый чрезвычайно былъ занятъ настоящею своею должностью, и Общество принуждено было, въ 1813 году, прекратить свои засѣданія, возобновленныя потомъ въ 1816 году. Главною цѣлью членовъ постановлено было «взаимное усовершенствованіе въ трудной наукѣ слова и распространеніе истиннаго вкуса». Труды ихъ печатались или особенными изданіями, или въ журналахъ: «Сынъ Отечества» и «Благонамѣренный». Издатель послѣдняго торжественно признавался, въ собраніи Общества 1820 года, что онъ былъ бы не въ состояніи издавать свой журналъ уже третій годъ, еслибъ «почтеннѣйшіе его сочлены не сообщали ему своихъ произведеній, служащихъ украшеніемъ изданію».

Частное, дружеское литературное общество состояло подъ предсѣдательствомъ Софьи Дмитріевны Пономаревой, умершей въ 1824 году. Измайловъ связанъ былъ съ нею тѣсными узами искренней дружбы, называлъ ее украшеніемъ, душею дружескихъ бесѣдъ, которыя она оживляла своимъ остроуміемъ и любезностію. Въ сочиненіяхъ его есть много пьесъ, адресованныхъ С. Д. П. и доказывающихъ, къ какой постоянной и теплой привязанности способна была его добрая душа. Вотъ стихи къ портрету, стихи въ день ея рожденія, стихи въ день ея Ангела, въ которыхъ говорится, что она, плѣняя всѣхъ, сама ни разу не была влюблена; вотъ два экспромта, изъ которыхъ второй сказанъ по случаю пробы комедіи: «Провинціяльный Адонисъ», гдѣ С. Д. П. играла роль слуги Ивана; вотъ посланіе къ ея собакѣ Гектору; вотъ элегія на болѣзнь:

Софія не можетъ!
Софія больна!
Софія въ постелѣ
Четвертый ужь день!

Digitized by Google

Всѣ граціи плачутъ,
Амуры въ слезахъ,
И Игры и Смѣхи
Вечезли камъ сонъ!
И Гекторъ съ Малвиной
Уныло визжатъ.

О боги, богини!
Взгляните съ небесъ,
Какъ въ спальнѣ Софія
Смиренько лежитъ.
Невидно румянца
На впадыхъ щекахъ;
Невидно улыбки
На алыхъ устахъ;
Лишь временемъ вздохи
Изъ груди летятъ:
У милой Софіи
Смертельно болятъ
И щечки и зубы!
Она простудилась:
Въ ней жаръ и ознобъ,
Совсѣмъ сна лишилась,
Пропалъ аппетитъ, и проч.

Вотъ кантата на кончину, подражаніе стихотворенію Батюшкова «На смерть супруги Ѳ. Кокошкина»; вотъ надгробныя и наконецъ «Мысли при гробѣ», написанныя прозой. «Въ Петербургѣ — говоритъ А. Измайловъ — съ нынѣшней зимы (1821 года) завелись въ нѣкоторыхъ домахъ литературныя собранія. Въ положенный день въ недѣлѣ сходятся, тамъ или здѣсь, пять, десять человѣкъ извѣстныхъ литераторовъ и молодыхъ людей, желающихъ сдѣлаться извѣстными, пьютъ чай, разговариваютъ о матеріяхъ, до словесности, наукъ и художествъ касающихся, сообщаютъ другъ другу свои замѣчанія, наблюденія, открытія, обсуживаютъ вмѣстѣ и общими силами важные предметы, спорятъ и расходятся, чтобъ завтра или послѣ завтра сойтись въ другомъ мѣстѣ и продолжать начатое. Польза такихъ собраній очевидна. Желательно, чтобъ они больше и больше входили въ обыкновеніе». Искренно хотѣли бы мы — хотя силою чародѣйства — перенестись на эти минувшія, дружескія и литературныя вечера у С. А. П., на которыхъ Измайловъ былъ всегда желаннымъ гостемъ. Боже мой, какъ было тогда весело и невинно! Вы можете смотрѣть съ-высока на тѣ статьи, которыя читались въ Обществѣ членами; но по крайней

Digitized by Google

мѣрѣ не скроете того, что занятія литературой проистекали изъ искренней любви къ ней, что они отличались добровольною ей преданностью, безъ примѣси посторонннихъ расчетовъ и нелитературныхъ стремленій. Нелитературнаго было только угощеніе: чай, прохладительные напитки и ужинъ, что нисколько не нарушало согласія между посѣтителями и не препятствовало ихъ охотѣ къ сочиненіямъ, чтенію и слушанію. O bon vieux temps! тогда читали — и слушали, а потомъ разсуждали о читанномъ; тогда авторъ пьесы и самъ чувствовалъ удовольствіе и другимъ доставлялъ его; тогда, кромѣ стиховъ на заданныя риомы (буриме), писали еще сочиненія въ прозѣ на заданныя слова. Есть подробное сочиненіе у Карамзина (Дремучій лѣсъ, сказка для дѣтей, 1794); есть такое же и у Измайлова: «Губа, разговоръ отца съ сыномъ» (1821). Подписчики «Благонамѣреннаго» имѣли случай читать многія пьесы въ томъ же родѣ: «Переписка и Свиданіе», «Вѣчная любовь», «Элегія» и проч. Одному члену дружескаго общества задано было сочинить на слова: «Дурная погода», но онъ, напрасно искавъ вдохновенія, представилъ, по его собственному, скромному выраженію, вмѣсто дурной погоды *дурной* переводъ отрывка изъ романа Лантье: Les voyageurs en Suisse. Другой, г. Словаревъ, въ стихотвореніи «Къ немногимъ», разсказалъ исторію осла, которому дано было вдоволь ячменя и пшеницы, проса и овса, и который умеръ съ голоду, раздумывая, что выбрать. Басня заключена слѣдующимъ примѣненіемъ:

Я самъ теперь похожъ на этого Осла!
Бывало, зададутъ задачу,
Какъ разъ придумаю, какъ разъ сочинено,
И съ сердцемъ радостнымъ лечу пѣшкомъ на дачу.
Когдажь о чемъ писать на выборъ намъ дано,
Съ тѣхъ поръ.... въ два мѣсяца не выбралъ я предмета,
И только самъ себѣ и Обществу въ позоръ
Принесъ сегодня этотъ вздоръ.

Если пренумерантамъ «Благонамѣреннаго» не всегда или несовсѣмъ нравились эти литературныя tours de force, то утѣшеніемъ для нихъ оставалось обѣщаніе издателя «напечатать имена ихъ въ концѣ журнала....» O vanitas vanitatum! o tempora! o mores!

II.

Когда началъ издаваться «Благонамѣренный», борьба за старый и новый слогъ, между послѣдователями Карамзина и

Digitized by Google

послѣдователями Шишкова, уже совсѣмъ почти затихла. Измайловъ принималъ въ этой борьбѣ дѣятельное участіе и какъ баснописецъ (см. басню его: «Шутъ въ парикѣ», выписанную нами въ первой статьѣ), и какъ журналистъ (см. «Цвѣтникъ», изданный имъ на 1809 г. съ А. Бенитцкимъ, а на 1810 г. съ П. Никольскимъ), и какъ критикъ, при разборѣ нѣкоторыхъ книгъ. Въ 1818 г. слава Карамзина утвердилась прочно. Реформа, произведенная имъ въ построеніи рѣчи, принята была всѣми: исключенія оставались развѣ въ упорствѣ немногихъ поклонниковъ такъ называемаго стараго слога. Не «Письма русскаго путешественника», не «повѣсти» и журнальныя статьи обращали на себя вниманіе публики: публика читала уже восемь томовъ «Исторіи Государства Россійскаго». Здѣсь могла быть работа серьёзной критикѣ. Но такой критики «Благонамѣренный» не зналъ. Отъ литературнаго движенія, произведеннаго Карамзинымъ и его послѣдователями, къ числу которыхъ принадлежалъ и Измайловъ, остался на долю послѣдняго только чистый, легкій, пріятный слогъ или стиль. Онъ и выставлялъ его на показъ при каждомъ удобномъ случаѣ, какъ ниже увидимъ. Теперь же посмотримъ тѣ мѣста журнала, въ которыхъ, хотя и глухо, отдавались прежніе громы карамзинистовъ и славянофиловъ.

Въ первомъ нумерѣ перваго года (1818), напечатано стихотвореніе О. Н.: «Отвѣтъ и Совѣтъ». Авторъ отвѣчаетъ своему другу, желавшему узнать средства прослыть поэтомъ. Этихъ средствъ два: одно — истинное и трудное, другое — ложное и легкое. Послѣдняго держатся поэты старой школы:

Уставъ *ихъ* въ двухъ статьяхъ: одною онъ велитъ,
Чтобъ даже въ мадригалахъ
Славянскія слова всегда ты помѣщалъ;
Другою, чтобъ своихъ отважно защищалъ.
Притомъ писателей, прославившихъ Россію,
Осмѣивай, брани — пристойность не нужна —
И проклинай К . . . . . .
Сочлены чувствуютъ къ нему антипатію,
За то, что первый онъ осмѣлился ввести
Въ стихи и прозу слогъ пріятный,
Для нихъ и дикій и невнятный.

Когда «Благонамѣренный» (1818) предложилъ вопросъ: «Отчего у насъ мало охотниковъ до чтенія книгъ, а особливо хорошихъ?» тогда въ письмѣ къ издателю, по этому поводу написанному, г-нъ Остоженскій между прочимъ замѣчаетъ: «что должно разумѣть подъ словомъ: хорошая книга? У всякаго свой вкусъ, и то, что для меня хорошо, для другого дурно.

Digitized by Google

Иной любитъ читать Карамзина и опыты Батюшкова; другой — *Разсужденіе о старомъ слогѣ?*»

При извѣстіи о второмъ изданіи (1818) Оссіана, переведеннаго Костровымъ, приверженцы славянскихъ словъ задѣты стихомъ В. Пушкина, изъ посланія его къ Жуковскому:

Славянскія слова талантовъ не даютъ.

Измайловъ не говоритъ ни объ Оссіанѣ, ни о вѣрности перевода. Онъ только упомянулъ о смѣси русскихъ словъ со славянскими: «Костровъ перевелъ Оссіана слишкомъ за двадцать лѣтъ до 1818 г., когда мы начинали учиться прозою. Русскій переводъ хорошъ, но былъ бы еще лучше, еслибъ въ немъ меньше было славянскихъ словъ и оборотовъ. Въ одномъ и томъ же случаѣ видишь смѣсь славянскихъ и русскихъ словъ: *езеро и озеро, на камени и на камнѣ, на крилахъ вѣтренныхъ и на крылахъ вѣтровъ*», и т. д. Когда вышла первая часть «Переводовъ въ прозѣ» Вл. Измайлова (1819), переводчика «Аталы» и автора «Путешествія въ Полуденную Россію, въ письмахъ», — путешествія, внушеннаго «Письмами русскаго путешественника», издатель «Благонамѣреннаго», отдавая справедливую похвалу своему однофамильцу и собрату, говоритъ: «Должно отдать справедливость новѣйшимъ нашимъ литераторамъ, что многіе изъ нихъ пишутъ не только стихами, но и прозою въ милліонъ разъ лучше *старинныхъ нашихъ словесниковъ*, которые очень худо знаютъ русскую грамматику, или по крайней мѣрѣ синтаксисъ, а о приличіи, вкусѣ и вовсе слышать не хотятъ.» Коснувшись трагедій и комедій, по случаю переведенной С. Аксаковымъ «Школы мужей», онъ жалѣетъ, что трагики не слѣдуютъ примѣру Озерова: «послѣдователи его возвратились ко временамъ Сумарокова, пишутъ надутымъ, полуславянскимъ языкомъ». Всего забавнѣе, въ этомъ отношеніи, «Письмо изъ Р.... къ пріятелю въ Москву» (1823). Авторъ его, *Дядинькинъ Племянникъ*, описываетъ собраніе любителей словесности:

«Дядя приготовлялъ въ ближней залѣ все нужное для ученаго засѣданія. Наконецъ отворились двери въ святилище р....ской поэзіи и господа литераторы вступили въ залъ. При входѣ въ него, они какъ будто переродились. Таково вліяніе воздуха ученой комнаты. Каждый членъ принялъ на себя видъ важной, холодной учтивости; каждый охорашивался и въ молчаніи смотрѣлъ на господина предсѣдателя.

Посреди залы стоялъ длинный столъ, тотъ самый, который служитъ для обѣда въ званыя именины, съ тою разницею, что теперь онъ былъ накрытъ не скатертью, а клеенкою, и вмѣсто тарелокъ

Digitized by Google

стояли свѣчи, бутылки съ пивомъ и подносъ съ кедровыми орѣхами.... Множество книгъ in folio лежало въ углу въ совершенномъ порядкѣ.

Предсѣдатель (дядя) подошелъ къ своему мѣсту и позвонилъ въ колокольчикъ: члены подошли къ стульямъ; дядя позвонилъ въ другой разъ, и члены сѣли. Я, *яко недоучившійся студентъ*, долженъ былъ стоять подлѣ креселъ г. предсѣдателя.

Взоры присутствующихъ устремлены были на предсѣдателя.... Священное молчаніе! Дядя быстрымъ взоромъ окидываетъ безмолствующихъ — попираетъ наморщенное чело и оно проясняется — кашляетъ и улыбка играетъ на устахъ его; ударяетъ по столу правою рукою, наклоняется и говоритъ:

«Милостивые государи мои и почтенно-любезные сотоварищи!

Пусть *краски раскладетъ* Ириса предо мною,
Аврора растворитъ небесной *ихъ* росою,
Восторгъ со кистію съ Парнаса прилетитъ,
А нѣжный Граціи *перстъ* на хартіи чертитъ.

Богатѣть въ тѣлесныя и душевныя добродѣтели паче, нежели въ сребро и злато — се есть правило наше: вторгаться въ лавиринеъ, или вертоградъ Слова Россійскаго и любопрѣніемъ опровергать хитросплетенныя новизны благопріятелей языка иноземнаго и не щадить оныхъ, одебелѣ бо сердце людей сихъ — предметъ при нашей и состязаній!»

Одинъ изъ членовъ написалъ, по препорученію г. предсѣдателя, «Опытъ Россійской Риторики», и сталъ заниматься русской просодіей, но выборъ примѣровъ затруднялъ его. Другой помогъ этому горю: онъ, въ часы досуга, записывалъ въ особенную тетрадь стихи, которые ему нравились. Предсѣдатель подошелъ къ библіотекѣ, взялъ толстую книгу и началъ говорить:

«Сія книга, государи мои, есть сокровищница россійскаго стихотворства; тутъ найдете вы образцовыя стихотворенія для двадцати разныхъ просодій».

Дядинька развернулъ книгу и прочелъ: *Лучшіе и образцовые отрывки изъ русскихъ стихотвореній. .... Часть 401.*

Вотъ, продолжаетъ дядинька, вотъ описаніе русскаго воинства:

Стекаются со всѣхъ Россійскихъ сторонъ
Для царства, общества и вѣры *оборонъ;*
Вращаютъ машины, *шумитъ средь дебрей камень:*
Геройскою рукой несутъ *военный пламень*,
Гдѣ ступятъ — *тучи, мракъ подъ ихъ ногами зрятъ;*
Гдѣ взглянутъ — *зарево кровавое родятъ.*
Колоссы шлемы ихъ, *пространныя стопы*,
А руки — *длинные, огромные столпы.*

Digitized by Google

Дядинька съ довольною улыбкою обратился къ гг. членамъ и торжествующимъ голосомъ сказалъ: «вотъ поэзія! вотъ метафоры! вотъ истинно высокое! Далѣе:

Третій членъ началъ читать свое разсужденіе о баснѣ, а въ примѣръ ясности и простоты разсказа прочелъ «Сраженіе кошекъ съ мышами»; четвертый прочелъ разсужденіе о поэзіи вообще, съ эпиграфомъ:

Безъ крыльевъ на Парнассъ, на небо не спѣши;
Кто созданъ *не орломъ*, летая не спѣши (*);

пятый прочелъ разсужденіе о разнообразіи вкуса, съ эпиграфомъ:

Пьютъ мохъ, и мазь ѣдятъ, и проч.

шестой началъ читать повѣсть: «Приключеніе парика В. К. Тредьяковскаго», и едва началъ: «Когда путешествіе было однимъ изъ вожделеннѣйшихъ желаній моихъ....», племянникъ заснулъ и не можетъ сказать, чѣмъ собранье кончилось».

Въ pendant къ этому письму «Дядинькина Племянника» надо поставить разговоръ, сочиненный самимъ Измайловымъ: «Дядя и племянникъ Славенофилы» *(Соч. А. Изм., томъ I, стр. 240—243)*:

ПЛЕМЯННИКЪ.

Почтенный дядюшка, наставникъ мой и другъ,
Нельзяль мнѣ какъ попасть въ твой любословный кругъ?
Любитель ревностный Россійскаго я Слова;
Хочу и я писать, бумага ужъ готова.
Есть скляница чернилъ и перьевъ пукъ великъ.
Что надобно еще?

ДЯДЯ.

Знать надобно языкъ.

ПЛЕМЯННИКЪ.

Какой?

ДЯДЯ.

Свой собственный: Россійской иль Славянской.
. . . . . Церковную печать
Всего нужнѣе намъ, словесникамъ, читать.

ПЛЕМЯННИКЪ.

Но для чего, скажи, такое нужно чтенье?

ДЯДЯ.

Чтобъ старыя слова вводить въ употребленье.

ПЛЕМЯННИКЪ.

Какихъ употреблять не должно вовсе словъ?

ДЯДЯ.

Чужихъ, иль проклятъ будь ты во вѣки вѣковъ.

(*) Нѣтъ дара, лучше не пиши. *Прим. А. Измайлова.*

Digitized by Google

ПЛЕМЯННИКЪ.

А позволительныль бываютъ солецизмы?

ДЯДЯ.

Все это ничего и даже галицизмы.
Простителенъ тому французскій оборотъ,
Кто съ тщаніемъ слова Славянски подберётъ.
Противны языку слова чужеязычны,
А обороты всѣ ему весьма приличны.

ПЛЕМЯННИКЪ.

Что́ нужно для стиховъ?

ДЯДЯ.

Тутъ тайна лишь одна,
Чтобъ риѳма кончилась всегда на имена;
Для прозы же нужна краса другого рода.

ПЛЕМЯННИКЪ.

Какая?

ДЯДЯ.

Чтобъ глаголъ въ концѣ былъ періода.

ПЛЕМЯННИКЪ.

Чтожъ долженъ я писать? подай ты мнѣ совѣтъ.
Не можноль о любви?

ДЯДЯ.

Коль о плотской, то нѣтъ.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Хоть проза и стихи не будутъ хороши,
Но цѣль хорошая, а этого довольно.

ПЛЕМЯННИКЪ.

Признаться, дядюшка, немножко будетъ больно,
Въ народныхъ коль листахъ иль въ дневникѣ какомъ
Пожалуютъ меня печатнымъ дуракомъ.

ДЯДЯ.

Ты будешь мученикъ. Мужайся и крѣпися!
Въ броню лукавствія поспѣшно облекися;
Возьми безстыдства щитъ и на своихъ враговъ
Сыпь сотни, тысячи старинныхъ бранныхъ словъ;
Кричи: «анаѳема! злодѣи! изувѣры;
«Враги отечества и православной вѣры!
«Влеките ихъ на казнь! влеките на костёръ!»
Мы подтакнемъ тебѣ и скажемъ: *какъ остёръ!*

ПЛЕМЯННИКЪ.

А если на мое такое возраженье
Послѣдуетъ еще другое пораженье
И нечего уже мнѣ будетъ отвѣчать,
Что́ дѣлать мнѣ тогда?

ДЯДЯ.

Что́ дѣлать?... *замолчать....*»

Digitized by Google

III.

«Письмами Русскаго Путешественника» (1791) и «Бѣдной Лизой» (1792) Карамзинъ далъ сильное движеніе сантиментальности, начатой еще до него за нѣсколько лѣтъ. Вслѣдъ за могучимъ талантомъ потянулась вереница подражателей, и талантливыхъ и безталанныхъ: безъ перваго сочиненія мы не имѣли бы «Путешествія въ полуденную Россію», В. Измайлова (1800), «Новаго чувствительнаго путешественника», К. Г. (1802), «Путешествія въ Малоросію», кн. Петра Шаликова (1803—1804); безъ второго — «Обольщенной Генріетты, или торжества обмана надъ слабостію и заблужденіемъ», Ивана Свѣчинскаго (1801), «Несчастной Маргариты», истинной россійской повѣсти (1803), «Марьиной рощи», Жуковскаго (1809), и другихъ. А. Измайловъ былъ одинъ изъ первыхъ, увлеченныхъ общимъ движеніемъ сантиментальности: въ 1801 г. написалъ онъ «Бѣдную Машу». Но природа отказала ему въ тѣхъ принадлежностяхъ чувствительности, при которыхъ она становится сантиментальностью, и, напротивъ, даровала ему ту ея степень, на которой она отличается простодушіемъ и грубоватостью. Поэтому «Бѣдная Маша» выходитъ изъ круга собственно такъ называемыхъ чувствительныхъ повѣстей. Выходитъ же она двумя сторонами: во первыхъ, мелодраматической развязкой, которая именно показываетъ, что авторъ не могъ совладѣть съ элементами сантимантальной поэзіи, во вторыхъ, сценами простого, обыкновеннаго быта, изображеніе которыхъ свойственно было таланту автора и которыя поэтому вышли лучшія. Въ самомъ дѣлѣ, сватовство Маши и письмо Филимона Фатюева читаются съ удовольствіемъ:

«Проворная сваха пошла прямо отъ Милова *(молодого человѣка, сватавшагося за Машу)* къ Простакову *(дядѣ Маши)*. Входитъ въ комнату и, помолившись, кланяется низехонько хозяину и хозяйкѣ. — Мнѣ есть до вашей милости нужда, говоритъ она имъ. — Какая, голубушка, какая? спрашиваетъ ее Простаковъ. — У васъ есть товаръ, а у меня купецъ. — Садись-ка, садись.... дай-ка, жена, намъ наливочки. — Сватается, батюшка, за вашу племянницу молодецъ смирный, постоянный и, какъ красная дѣвушка, хмѣльнаго въ ротъ не беретъ. — Хорошо, старушка, хорошо; да таковъ ли онъ полно? сказала Простакова свахѣ, поднося ей рюмку крѣпкой наливки. — Чтобы мнѣ, старой вѣдьмѣ, сейчасъ захлебнуться, коли я вамъ лгу.... Сами изволите увидѣть, коли прикажете ему къ себѣ побы-

Digitized by Google

вать. — Пусть пожалуетъ, пусть пожалуетъ: мы рады дорогому гостю».

Грамотка къ Простакову отъ его знакомца, Филимона Фатюева, слѣдующаго содержанія:

«Государь мой Пантелеймонъ Трифоновичь обще съ государынею Саламанидою Тарасьевною желаю вамъ на многія лѣта здравствовать.

«Усердно поздравляю васъ съ наступившею святой Четыредесятницею, желаю вамъ душеспасительно оную проводить; увѣдомляю притомъ, во первыхъ, что я пріѣхалъ сюда живъ и здоровъ, и во вторыхъ, что нашелъ здѣсь вашего зятя, сиречь мужа вашей племянницы, господина Милова. Да будетъ вамъ, государю моему, вѣдомо, что онъ находится не у дѣлъ, а женатъ уже года три на другой женѣ, не на русской, а на нѣмкѣ, живетъ здѣсь съ нею и ѣстъ по постамъ скоромное. Совѣтую вамъ, яко старинный другъ, приказать вашей племянницѣ, чтобы она о семъ не печалилась, а подала бы лучше на него просьбу, куда подобаетъ. За симъ остаюсь вашъ вѣрный слуга Филимонъ Фатюевъ.

П. П. Здѣсь варятъ изрядное-таки пиво, но только, по глупому обыкновенію, кладутъ въ него мало хмѣлю, вина же цѣльнаго и хорошей водки не скоро найдешь.»

Имена: Пантелеймонъ Трифоповичъ, Саламанида Тарасьевна, Филимонъ Фатюевъ, вѣрно схваченныя черты обыкновеннаго, низменнаго быта, показываютъ, что талантъ Измайлова и въ повѣстяхъ одинаковъ съ талантомъ въ его басняхъ: опъ заключается въ комическомъ изображеніи ежедневной жизни; только этотъ комизмъ въ повѣсти «Бѣдная Маша» не запечатлѣнъ еще тѣмъ цинизмомъ, который такъ явственъ въ многихъ басняхъ.

Содержаніе повѣсти мелодраматическое. Миловъ женился на Машѣ, потомъ уѣхалъ отъ нея въ какой-то городъ и женился на нѣмкѣ Шарлоттѣ. Маша, узнавъ объ этомъ, отправилась къ нему съ своимъ сыномъ. Шарлотта, въ отчаяніи, зарѣзалась. Миловъ разрѣзалъ у себя на рукахъ и на ногахъ жилы перочиннымъ ножикомъ. Самоубійцу вывезли за городъ на большое поле, зарыли тамъ въ могилу, въ которой была положена Шарлотта, и похоронили трупъ его вмѣстѣ съ ея трупомъ. Маша изъ всего имѣнія, оставшагося послѣ Милова, взяла себѣ только одинъ его силуэтъ, возвратилась въ домъ своихъ родственниковъ, гдѣ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и умерла съ грусти.

Digitized by Google

Въ другомъ подражаніи Карамзину: «Что нужно актеру?» Измайловъ вовсе отбросилъ чувствительность, которая положена въ основу оригинала: «Что нужно автору?» Кромѣ характеристическихъ особенностей талантовъ, много здѣсь значило и теченіе времени: оригиналъ явился въ 1793 году, подражаніе напечатано въ 1819 году. На пространствѣ двадцати-двухъ лѣтъ общее движеніе сантиментальности уже исчезло. Карамзинъ первымъ условіемъ авторства поставилъ *доброе, нѣжное сердце*. «Говорятъ, что автору нужны таланты и знанія: острый, «проницательный разумъ, живое воображеніе, и проч. Справед- «ливо, но сего недовольно. Ему нужно имѣть и доброе, нѣжное «сердце, если онъ хочетъ быть другомъ и любимцемъ души «нашей; если хочетъ, чтобы дарованія его сіяли свѣтомъ «немерцающимъ; если хочетъ писать для вѣчности и собирать «благословенія народовъ. — Ты хочешь быть авторомъ? «читай исторію несчастій рода человѣческаго, — и если «сердце твое не обольется кровію, оставь перо, или оно «изобразитъ намъ хладную мрачность души твоей. Но если «всему горестному, всему угнетенному, всему *слезящему* от- «крытъ путь въ *чувствительную грудь твою;* если душа твоя «можетъ возвыситься до страсти къ добру, можетъ питать «въ себѣ святое, никакими сферами неограниченное жела- «ніе всеобщаго блага: тогда смѣло призывай богинь парнас- «скихъ: онѣ пройдутъ мимо великолѣпныхъ чертоговъ и посѣ- «тятъ твою смиренную хижину; ты не будешь безполезнымъ «писателемъ, и никто изъ добрыхъ не взглянетъ сухими глазами «на твою могилу.» — Въ статьѣ Измайлова нѣтъ ни слова о добромъ, нѣжномъ сердцѣ, о чувствительности и слезахъ. Онъ единственнымъ условіемъ сценическаго искусства полагаетъ: образованность. «Актеры — какъ сказалъ весьма справедливо «Дюброка въ классическомъ своемъ сочиненіи: «О Искусствѣ Чтенія» — суть органы первѣйшихъ геніевъ націи. Но, чтобы «быть достойными органами таковыхъ геніевъ или лучшихъ дра- «матическихъ поэтовъ, надобно чувствовать ихъ красоты; для «сего непремѣнно должно имѣть основательныя свѣдѣнія въ «словесности и въ другихъ имѣющихъ съ оною тѣсную связь «наукахъ — познаніе свѣта, нравовъ и страстей человѣческихъ, «— однимъ словомъ, *весьма большое образованіе*. — Образован- «ность или знаніе словесныхъ наукъ и знаніе свѣта необходимы, «въ строгомъ смыслѣ, какъ для трагическаго, такъ и для коми- «ческаго актера.»

Сантиментальность, двинутая Карамзинымъ, держалась въ нашей литературѣ не болѣе двадцати лѣтъ, т. е. съ 1792 по 1812 годъ. Нѣкоторые писатели довели ея до крайности, такъ

Digitized by Google

что князь Шаховскій, еще въ 1807 году, осмѣялъ россійскихъ чувствительныхъ путешественниковъ небольшой пьеской: «Новый Стернъ.» Въ 1818 году, когда Измайловъ началъ издавать журналъ свой, не было уже общаго разлива сантиментальности, а оставались только частныя ея проявленія. Литература имѣла въ виду другія цѣли, жила другими интересами; прежняя цѣль и прежніе интересы сохранились для очень немногихъ, для нѣсколькихъ единицъ. Эти единицы хотѣли держаться и держать словесность на томъ, съ чего Карамзинъ началъ свою дѣятельность. Такое упорное стояніе на одномъ и томъ же пунктѣ равнозначительно отсталости и обращается въ плодотворный предметъ для сатиры. И сатира устремилась на нихъ всѣми своими орудіями: эпиграммами, пародіями. Въ «Благонамѣренномъ» самымъ усерднымъ гонителемъ сантиментальности былъ племянникъ издателя, Павелъ Лукьяновичъ Яковлевъ, авторъ «Чувствительнаго Путешествія по Невскому проспекту», повѣсти: «Несчастія отъ слезъ и вздоховъ», нѣсколькихъ театральныхъ пьесъ, издавшій, вмѣстѣ съ своимъ дядею, на 1826 и 1827 годы, «Календарь музъ» (*). Подъ статьями своими онъ ставилъ иногда буквы: *ій—оы*. Дѣйствующія лица его разсказовъ и комедій взяты съ натуры, особенно одно, чрезвычайно понятное литераторамъ по тому крайнему развитію сантиментальности, которой такъ долго служило его перо, — лицо, посвятившее нравственное существо свое романической чувствительности, легкому и пріятному.

Въ «Разсказахъ Лужницкаго старца» (Благон. 1820) курсивомъ напечатаны его любимыя слова и выраженія, отъ которыхъ такъ и вѣетъ сладенькими чувствами, розовыми впечатлѣніями. Они вертятся на языкѣ автора «Разсказовъ», какъ Вздыхаловъ вертѣлся на остріѣ сатиры князя Вяземскаго (**). Дѣло въ томъ, что г-ну *ій—оы* хочется написать повѣсть. Но, къ несчастію чувствительныхъ авторовъ, москвичи знаютъ и Воробьевы Горы, и Симоновъ монастыря, и Марьину рощу.... и куда ни забредетъ меланхолikъ *безъ плана и цѣли*, вездѣ воспоминанія, вездѣ наслажденіе *для памяти сердца!* Напрасно молодые авторы будутъ искать около Москвы какого нибудь мѣстечка для поселенія любовниковъ, старушекъ, пустынниковъ.... Все уже занято! все уже занято! Лизы, Тани, Кати, Маши, со всѣми семействами и знакомцами, отмежевали себѣ поля,

(*) Въ сочиненіяхъ А. Измайлова есть два письма къ нему о изданіи въ Петербургѣ.

(**) Хочу ли намекнуть объ авторѣ смѣшномъ?
Вздыхаловъ, какъ живой, на остріѣ твоемъ.
(Къ перу моему).

Digitized by Google

горы, лѣса, долины, и уже некуда водить читателей. «Такъ думалъ я» — говоритъ *ій—ой*, — «прогуливаясь по *Дѣвичьему* «*полю, когда вечерніе лучи солнца бросали послѣдній блескъ* на «златые верхи башенъ и церквей московскихъ! Не знаю отъ чего, «я воображалъ тогда, что могу написать *прелестный романъ*, о «двухъ несчастныхъ любовникахъ, которые, *съ перваго взгляда*, «почувствовали страстную любовь.... Она закраснѣлась, онъ — «не сводилъ съ ея глазъ; она пошла домой, онъ — проводилъ ее «до калитки; она махнула ему платкомъ, онъ — упалъ на ко- «лѣни, и прочее, и прочее, подобное. Итакъ я воображалъ, что «напишу прелестный романъ, — и первое потому, что выслу- «шалъ полный курсъ словесности, исторіи, археологіи; второе «потому, что нахожу въ себѣ всѣ потребности чувствительнаго «автора, то есть: люблю ходить пѣшкомъ и сидѣть въ задумчи- «вости, когда бываю одинъ.... О планѣ романа я не заботился, «меня мучило *поселеніе* моихъ любовниковъ.... Воробьевы Горы «— заняты! окрестности Симонова монастыря — заняты! «Марьина роща — занята! Вообразите: самыя лучшія мѣста.... «Извѣстный стихъ самъ собою представился *памяти* моего *раз- «судка* (*):

«О боги! для чего такъ поздно я родился!»

Послѣ долгаго раздумья, авторъ нашелъ наконецъ приличное мѣсто *для поселенія* своихъ любовниковъ — *Лужники*, что̀ за Дѣвичьимъ монастыремъ. «Безподобно!... прелестно!....» восклицаетъ онъ. «Я заставлю гулять по Лужникамъ всю чувствительную публику московской столицы.... Моя повѣсть будетъ такъ *интересна*, такъ трогательна, что Лужники сдѣлаются сходбищемъ всѣхъ меланхоликовъ обоихъ половъ; не останется кругомъ ни одной березы, ни одного дуба, ни одной сосны, на которыхъ бы не вырѣзаны были стишки князя Шаликова, Ив. Писарева, Нечаева....»

Лицо Лужницкаго Старца, вовсе, впрочемъ, не сантиментальное, также извѣстно. Его легко узнать по слѣдующему маловажному обстоятельству. Старецъ, Онисимъ Тимофѣевичъ, просилъ г. *ій—ой* притти къ нему напиться *ароматнаго* чаю съ *палевыми* сливками и *розовыми* сухарями. Авторъ «Разсказовъ» явился въ назначенное время и засталъ старца въ весьма странномъ положеніи. Посреди комнаты лежалъ большой листъ желѣза, а на немъ нѣсколько дестей бумаги. Старецъ, одною рукою держа кочергу, другою поджигалъ бумагу. — «Что̀ вы дѣлаете?

(*) Припомните стихи Батюшкова:

О память сердца! ты сильнѣй
Разсудка памяти печальной.

Digitized by Google

спросилъ авторъ «Разсказовъ», входя въ комнату. — Инквизиторствую, отвѣчалъ онъ, оставя свою работу и оборотясь къ гостю. — Что вы сжете? — Бѣлую бумагу. — Умилосердитесь! она и безъ огня страдаетъ ежеминутно подъ перьями регистраторовъ, журналистовъ и сочинителей! — Старецъ, не отвѣчая, опять принялся за свою работу — и бумага запылала. Полюбовавшись на свѣтлый ея пламень, старецъ положилъ кочергу на стулъ и сѣлъ противъ своего костра. — Эта бѣдная бумага, сказалъ онъ, приготовилась на мое сочиненіе о безполезности буквы *Э*. Лѣтъ десять сбирался я написать его, безпрестанно думалъ объ исполненіи своего намѣренія; но покуда продолжались мои сборы, другой ясно и неоспоримо доказалъ всѣмъ и каждому, кому это вѣдать надлежитъ, что буква *Э* негоднѣе самого *ера*. Вижу, что у насъ есть еще люди, которые заглядываютъ въ азбуку, и радуюсь.»

Въ 16-мъ *№* «Благонамѣреннаго», за 1820 годъ, помѣщена комедія въ одномъ дѣйствіи: «Бѣдный Макаръ», сочиненіе П. Л. — Завязка ея неправдоподобна. Арбатовъ, хотѣвшій женить своего сына Ѳедора на Варѣ, дочери пріятеля своего Макара Ивановича Лужникова, вдругъ измѣняетъ намѣреніе, осерчавшись на «Записки Лужницкаго Старца» и думая, что авторъ этихъ «Записокъ» — Лужниковъ. Въ устройствѣ семейныхъ дѣлъ нашихъ главный пунктъ — общественное положеніе и карманныя обстоятельства, а литература не оказываетъ на него ни малѣйшаго вліянія. Съ этой стороны, комедія — пустой фарсъ, какъ и позднѣйшее произведеніе Масальскаго: «Классикъ и Романтикъ.» Но для насъ, въ настоящемъ случаѣ, по отношенію къ сантиментальности, важенъ *Евгеній Эрастовичъ Слезкинъ*, одно изъ дѣйствующихъ лицъ, не довольныхъ записками Лужницкаго Старца и пришедшихъ къ Лужникову для выраженія своей претензіи. Онъ является въ шестой сценѣ:

Слезкинъ (подходя къ Трепеткову, котораго принимаетъ за автора «Записокъ»). Знаете ли, милостивый государь, слѣдующую мысль знаменитаго Шекспира: «Доброе имя есть первая драгоцѣнность души нашей: кто крадетъ у меня кошелекъ, крадетъ бездѣлку; но кто похищаетъ мое доброе имя, тотъ самъ не обогащается, а меня дѣлаетъ бѣднѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ.»

Трепетовъ. Что вамъ угодно, милостивый государь?

Слезкинъ. Ахъ! увы!... увы!... но боги!... О сердце человѣческое!... Какое внутреннее влеченіе, какая симпатія, которая должна существовать только въ отношеніи къ одному доброму, нѣжному....

Трепетовъ. Изъяснитесь, сударь!...

Digitized by Google

Слезкинъ. Что вовлекло васъ въ непріятное званіе критика? какіе виды? Праведное небо! Гдѣ наслажденіе сердца? гдѣ очаровательная будущность? гдѣ?...

Трепетовъ. Изъясните.

Слезкинъ. И совѣсть ваша, это зеркало души, этотъ бичъ — ахъ! нѣтъ! — Этотъ неумолимый судія помышленій, поступковъ нашихъ — совѣсть, совѣсть не терзаетъ вашего сердца?...

Трепетовъ. Я теряю терпѣніе.

Слезкинъ. Лейте слезы!... проливайте слезы!... слезы, слезы!... Пусть текутъ онѣ обильными ручьями и орошаютъ грудь вашу, тяжкими вздохами волнуемую!... Спросите память сердца!... Она скажетъ вамъ, что вы пріуготовили себѣ дни, напитанные горестію, печалями, воздыханіями и....

Трепетовъ. Да что вамъ угодно?

Слезкинъ. Устремите мысленные взоры ваши въ глубину помышленій и прошедшаго!... Что вы увидите?... увы, увы!...

Тотъ же сантиментальный человѣкъ, только подъ именемъ Эраста Ліодоровича Чертополохова, представленъ въ повѣсти: «Несчастія отъ слезъ и вздоховъ» (Благонамѣренный 1824 и 1825). Авторъ описываетъ разныя похожденія своего героя, отъ самого его рожденія до смерти. Нѣкоторыя черты характера и обстоятельства разсказаны забавно. Вотъ, напримѣръ, Эрастъ пріѣзжаетъ въ домъ помѣщика Богатонова:

«Я очень радъ, что вижу у себя новаго Стерна — говоритъ ему хозяинъ, и Эрастъ дружески пожимаетъ руку Богатонова, и сердечный вздохъ летитъ изъ груди его, и радостная слеза катится изъ его лѣваго глаза!.. — Я съ удовольствіемъ читала ваши повѣсти, говоритъ ему хозяйка — и Эрастъ почтительно наклоняется, прижимаетъ къ сердцу дорожный картузъ, и слеза сердечнаго удовольствія бѣжитъ изъ его праваго глаза. — Какъ мило, какъ пріятно вы пишете! говоритъ ему нѣжная Юлія (дочь Богатонова), бросивъ на него пронзительный взглядъ.... и Эрастъ вспыхнулъ.... затрепеталъ, и слезы градомъ посыпались по его блѣдножелтымъ ланитамъ!... онъ не въ силахъ говорить.... слова замираютъ въ груди его.... Окружающіе Богатонова подходятъ къ чувствительному путешественнику и поочередно изъясняютъ радость свою, видя новаго Стерна!... Эрастъ засыпанъ учтивостями....

Восхищенный всѣмъ, что видѣлъ, что слышалъ и чувствовалъ, приходитъ онъ въ отведенную ему комнату.... новое наслажденіе, новая причина къ восторгамъ. Всѣ стѣны его кабинета увѣшаны гирляндами изъ васильковъ, миртовыми вѣнками; на письменномъ

Digitized by Google

столѣ стоитъ бюстъ Ж. Ж. Руссо, и подлѣ, въ фарфоровой вазѣ, ландыши.... и эклоги Сумарокова въ богатомъ переплетѣ. Слезы такъ и текутъ изъ глазъ эрастовыхъ, и окружающія его гирлянды, вѣнки и ландыши кажутся ему какъ за слюдою....

Юлія, маркизъ Глаголь *(нахлѣбникъ Богатонова, переименованный въ маркиза изъ господина Горлайскаго)*, московскіе Сенпрё *(гости Богатонова)* условились праздновать прибытіе въ село Боззаботино знаменитаго Чертополохова.... Игривое воображеніе Юліи придумало все для этого романическаго праздника.... Маркизъ Глаголь пишетъ роли дѣйствующимъ лицамъ; оставалось только уговорить Эраста, чтобъ онъ дозволилъ одѣть себя пастушкомъ. Юлія взялась за это... чего не сдѣлаетъ съ нами прелестная? Особливо въ чемъ откажетъ ей чувствительный Эрастъ! И Юлія только намекнула о праздникѣ, о костюмѣ пастушка (всегда драгоцѣнномъ для поэта), Эрастъ на все согласился.... и еще написалъ мадригалъ Юліи, въ которомъ клялся всѣми богами, что она можетъ сдѣлать изъ него не только пастуха, но и пастушку....

Эрастъ долженъ представлять пастушка Миртила, который оставилъ родину потому, что приревновалъ свою пастушку Дафну къ сатиру Циклопу. На дорогѣ встрѣчаетъ онъ другаго пастушка Меналка, скитающагося по горамъ и долинамъ изъ любви къ астрономіи. Этого Меналка долженъ представить Ѳедотъ *(слуга эрастовъ)*. Они дружатся, то есть Меналкъ и Миртилъ, и идутъ вмѣстѣ, куда глаза глядятъ.... вдругъ.... вдали видятъ они пыльное облако.... оно несется прямо къ нимъ.... ближе, и вотъ глазамъ ихъ представляется цѣлое стадо барановъ, преслѣдуемое волкомъ. Они оба, Менадкъ и Миртилъ, бросаются на хищника, то есть на волка, прогоняютъ его, и гонятъ стадо назадъ. Вдругъ бѣжитъ къ нимъ на встрѣчу прелестная пастушка и благодаритъ ихъ за избавленіе ея овецъ отъ лютаго непріятеля. Миртилъ, само собою разумѣется, влюбляется въ пастушку и идетъ съ нею въ ея шалашъ; пастушкѣ также нравится Миртилъ, но она предлагаетъ ему разныя испытанія, напримѣръ: онъ долженъ перепрыгнуть черезъ ровъ, чтобъ сорвать для нея незабудку; долженъ скатиться съ крутой горы, чтобъ достать маленькаго ягненка, который не въ силахъ еще взобраться на крутизну; онъ долженъ спѣть безъ приготовленія какую нибудь балладу или романсъ.... вотъ главныя черты роли, назначенной для Эраста, отъ которой онъ въ восхищеніи.... и какъ не восхищаться? Роль его пастушки взяла для себя Юлія.

По окончаніи представленія, пастушокъ, т. е. Эрастъ, сталъ на правое колѣно.... Пастушка, т. е. Юлія, надѣла ему на голо-

Digitized by Google

ву розовый вѣнокъ и отвела его въ свой шалашъ.... Миртилъ изъясняетъ ей свою страсть.... пастушка приказываетъ ему пѣть. Эрастъ беретъ гитару, садится на траву, откашливается и поетъ на голосъ: *на толь, чтобы въ печали?*

Все служитъ красотѣ ...
Амуру всѣ подвластны;
И тотъ, и та, и тѣ —
Все служитъ красотѣ.
Днемъ, ночью и въ мечтѣ,
Въ подсолнечной прекрасной,
Все служитъ красотѣ —
И тотъ, и та, и тѣ.

Громкія рукоплесканія съ балкона. Эрастъ цѣлуетъ руку Юліи. — Наступило время обѣда; онъ садится подлѣ Юліи.... Музыка гремитъ и новое торжество: поютъ стихи въ честь Эраста, пьютъ за здоровье знаменитаго поэта!... По окончаніи стола новые хлопоты; Юлія затѣяла сыграть шараду въ дѣйствіи.... и выбрала слово *Каракалпакъ*. Эраста нарядили въ каракалпацкое платье. Вечеромъ садъ былъ иллюминованъ; вездѣ видны были вензели Эраста съ надписями: *чувствительный путешественникъ*, *новый Стернъ*, *милый поэтъ* и проч. Эрастъ плакалъ, какакъ дитя, читая эти лестныя для него надписи; но какъ описать, что происходило въ его сердцѣ, и головѣ, когда онъ съ прочими гостями вошелъ въ бесѣдку, при входѣ въ которую сіялъ очень сходный портретъ его въ платьѣ пастушка съ надписью: *Все служитъ красотѣ!* А въ бесѣдкѣ? О Юлія! Юлія! что ты дѣлаешь съ бѣднымъ Эрастомъ? Въ бесѣдкѣ на четырехъ стѣнахъ видны были прозрачныя картины, представляющія главнѣйшія черты изъ жизни чувствительнаго Чертополохова.

Вскорѣ Эрастъ узналъ, что представленная идиллія была нечто иное, какъ злая насмѣшка надъ нимъ. Онъ опять разочарованъ; но можно ли съ его сердцемъ жить на свѣтѣ и не любить? Любить для него также необходимо, какъ дышать, ѣсть, пить, плакать и писать тріолеты и буриме.... Правда, до сихъ поръ онъ испыталъ только одни мученія въ любви; но когда ему пріятны эти мученія, что̀ съ нимъ прикажете дѣлать? Къ тому же въ душѣ его не погибла надежда найти наконецъ *ее* — ту половину самого себя, которую всякій человѣкъ долженъ искать въ этомъ свѣтѣ! И Эрастъ нашелъ ее — въ племянницѣ управителя. Онъ завязалъ уже новый романъ, какъ вдругъ получаетъ письмо отъ кухарки Мавры, которое извѣстило его о смерти его родителя. Эрастъ отправился въ Москву и началъ жить покойно. Но спокойствіе это было нарушено прибытіемъ буфетчика Клима изъ Беззаботина.

Digitized by Google

«Является Климъ, кланяется и начинаетъ свой разсказъ, прежде о барышнѣ, потомъ о баринѣ, потомъ объ управителѣ и наконецъ о его племянницѣ. Тутъ-то и ожидалъ его Эрастъ. — «Ну чтожъ, чтожъ она?» прервалъ онъ съ пылающими щеками. — Что ей дѣлается, сударь! Здорова — и веселится! — «Ужъ и веселится! невозможно! и чему же?» — Какъ, сударь, развѣ вы не знаете ничего?— «Ничего. Я, я совсѣмъ ничего не знаю!» — Она выходитъ за мужъ.. — «За мужъ? за кого?» говоритъ Эрастъ умирающимъ голосомъ.— За Павла, баринова камердинера.... Еслибъ въ Эраста въ эту минуту выстрѣлили изъ Кремлевскія пушки, онъ право не почувствовалъ бы того.... такъ поразилъ его Климъ немногими словами. — Эрастъ невольно опустился на стулъ.... смертная блѣдность покрыла лице его.... голова закружилась, и еслибъ онъ закрылъ въ эту минуту глаза, то Климъ подумалъ бы, что онъ совсѣмъ умеръ.

И три часа сряду сидѣлъ Эрастъ въ безмолвномъ оцѣпенѣніи. Когдажь грудь начала сильнѣе и сильнѣе воздыматься, и вздохи полетѣли изъ нея.... слезы полились такъ стремительно, что въ пять минутъ и манжеты и камзолъ и колѣни Эрастовы были какъ въ водѣ! Ѳедотъ только дивится, откуда берется эта роса чувствительности? Онъ, у котораго текутъ слезы только отъ крѣпкаго нюхальнаго табаку — и то на тощакъ!

Бываютъ такія горькія минуты въ жизни, въ которыя человѣкъ *понимаетъ только*, что все для него погибло!... Эти ужасныя минуты достались на долю Эраста.... Все кончено для него! Онъ утонулъ въ морѣ бѣдствія!

Тихо, спокойно, не говоря ни слова, беретъ онъ свою шляпу и не отвѣчая Ѳедоту на всѣ его вопросы, идетъ на Ваганьково. Тамъ.... сокрыто его истинное блаженство: Марья и Ліодоръ; тамъ наслаждаются они незаходимымъ солнцемъ радостей, и Эрастъ съ завистію смотритъ на драгоцѣнныя для него могилы. Младенчество и юность оживаютъ въ его памяти при гробахъ незабвенныхъ для него свидѣтелей! Онъ бросается на хладную могилу, скрывающую Марію.... и растерзанному сердцу его какъ будто стало легче.... какъ будто что-то согрѣло его.... И ему пріятно и въ сердцѣ его одно утѣшительное желаніе навсегда лечь подлѣ Маріи и Ліодора! Въ умѣ его нѣтъ ни одной ясной и опредѣлительной мысли!... Онъ только чувствуетъ, что лежитъ на гробахъ родныхъ своихъ, и ему пріятно! И въ такомъ положеніи пробылъ онъ до самой ночи.... Сторожъ кладбищенскій нашелъ его и напомнилъ, что пора возвратиться въ городъ.... Услыша человѣческій голосъ, Эрастъ всталъ.... еще разъ обнялъ могилы Маріи и Ліодора, и не отвѣчая ничего сторожу, пошелъ въ городъ. *Въ городъ!* вотъ слово, которое коснулось его

Digitized by Google

ушей.... и растревожило существо его. Въ городъ! я иду въ городъ, думалъ онъ — туда, гдѣ тысячи людей въ немъ живущихъ чужды для меня какъ надписи на незнакомыхъ могилахъ!... Ночь претемная, ни звѣздочки на небѣ!... Онъ идетъ, спокойно, тихо, уже приближается къ заставѣ.... вдругъ....

Стая собакъ съ лаемъ бѣжитъ на встрѣчу Эрасту.... онѣ близко.... уже подлѣ него.... окружаютъ — и напали. Въ мигъ не стало обѣихъ полъ его кафтана, локти и колѣна изорваны. О благодѣтельная судьба! безъ этихъ собакъ Эрастъ не опомнился бы отъ своего горя. Но когда онѣ, разорвавши его платье, стали кусать и его тѣло, ему показалось, что ночь перемѣнилась въ день; онъ поднялъ крикъ, побѣжалъ, собаки за нимъ — и до самой заставы, за нимъ. — Тутъ онъ отдохнулъ, опомнился и скорыми шагами пошелъ на свою квартеру. Прояснившійся разсудокъ его напрасно спрашиваетъ у памяти, какъ онъ забрелъ на кладбище и ночью.... Онъ спѣшитъ, онъ торопится; въ разорванныя мѣста его платья продуваетъ вѣтерокъ; раны отъ собачьихъ зубъ становятся чувствительнѣе съ каждымъ шагомъ. Наконецъ онъ дома. Входитъ — и Ѳедотъ, взглянувъ на своего барина, отъ ужаса падаетъ предъ нимъ на колѣна. Эрастъ блѣденъ, безъ шляпы, волосы всклокоченные, все платье въ лоскутьяхъ и изъ свѣжихъ ранъ течетъ кровь. И все это отъ того, что управителева племянница выходитъ за мужъ за камердинера Павла!

Съ Эрастомъ сдѣлалась горячка — и Эрастъ умеръ. А она жива! всякую недѣлю ѣздитъ она на могилу его.... Недавно были мы вмѣстѣ съ нею на Ваганьковскомъ кладбищѣ. Съ нами былъ одинъ изъ Московскихъ поэтовъ, чувствительный, нѣжный, томный... однимъ словомъ: новый Эрастъ Чертополоховъ.... На камнѣ, скрывающемъ новаго Стерна, не было надписи.... Я осмѣлился дружески упрекнуть его въ забвеніи Эраста, и чувствительный поэтъ тотчасъ написалъ эпитафію:

Подъ камнемъ симъ лежитъ Эрастъ Чертополоховъ.
Скончался (въ середу) отъ слезъ, любви и вздоховъ.»

Можетъ быть, читатели нашего журнала, пробѣжавъ выписанныя нами страницы, покачаютъ головою и подумаютъ: «не многожь надобно было остроумія для забавы читателей 1825 года!... Нынѣ недалеко уѣдешь на такомъ остроуміи!...» Просимъ ихъ припомнить, что главное лицо выражало крайность сантиментальнаго направленія и было, для тогдашняго времени, лицомъ живымъ, то есть не умершимъ еще литературною смертію. Какъ въ повѣсти-карикатурѣ дѣйствовали Чертополоховъ и Мотылькова, такъ и въ комедіи-карикатурѣ: «Романъ на большой дорогѣ», написанной г. Загоскинымъ за шесть лѣтъ

Digitized by Google

прежде, дѣйствовали Посошковъ и Ландышева. Публика тамъ и здѣсь находила знакомыя, современныя ей лица. Она съ улыбкой удовольствія замѣчала, что заключительное письмо нѣкоторыхъ путешествій пародировано эпилогомъ «Чувствительнаго путешествія по Невскому проспекту» (1820):

«Какъ мореходецъ, послѣ путешествія кругомъ свѣта, разсматриваетъ карту пройденныхъ морей, какъ — и проч., и проч., и проч., такъ я, возвратясь въ свое уединеніе (состоящее 1 Адмиралтейской части 1-го квартала, въ домѣ подъ № 110-мъ, въ 4-мъ этажѣ), такъ я (сидя на пуховомъ диванѣ) летаю мысленнымъ взоромъ въ прошедшемъ, вспоминаю свои приключенія на Невскомъ проспектѣ, и говорю въ свое утѣшеніе: *я путешествовалъ!*

Но если г. Яковлевъ смѣялся надъ разнообразными проявленіями сантиментальности, то Измайловъ, можетъ быть изъ уваженія къ первоначальному образцу чувствительныхъ путешествій въ нашей литературѣ, не раздѣлялъ сатирическаго ожесточенія своего племянника. По случаю одной выходки «Литературныхъ Листковъ», онъ пишетъ (*Благ. 1824 г.*): «Зачѣмъ нападать на путешествія, въ которыхъ самыя мелочныя обстоятельства описаны съ искусствомъ, очаровывающимъ читателя? Пусть подобные авторы наполняютъ листки *пріятнымъ изліяніемъ своихъ чувствованій при видѣ горы, рѣки, кусточковъ, ручейковъ и передаютъ потомству любопытныя извѣстія, какимъ образомъ пожилая, курносая нѣмка въ чепчикѣ бранилась съ пьянымъ мужемъ своимъ сапожникомъ.* Подобныя выписки, изобличая критика въ желаніи привязываться къ словамъ, показываютъ съ тѣмъ вмѣстѣ его безсиліе».

Осмѣявъ Чертополоховыхъ, или Новыхъ Стерновъ, въ повѣсти и комедіи, «Благонамѣренный» не упустилъ случая кольнуть ихъ и третьимъ орудіемъ сатиры: эпиграммой. Она напечатана въ 1823 году (№ XI):

Дитя пастушеской натуры
Писатель Нуликовъ такъ сладостно поетъ,
Что ужъ пора бъ ему назваться безъ хлопотъ
Кондитеромъ литературы.

Неудачное подражаніе ей устремлено противъ романтиковъ:

Дитя мечтательной натуры
Поэтъ-романтикъ Мглинъ такъ слогъ туманитъ свой,
Что ужъ давно пора назвать его мечтой,
Иль призракомъ литературы.

(Благон. 1823, № 15).

Digitized by Google

ОДИНЪ ИЗЪ ТРИНАДЦАТИ (MADAME JULES).

РОМАНЪ БАЛЬЗАКА.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

Продолжаемъ нашъ разсказъ.

Куда ни бросается бѣдный Жюль Демаре, какими путями ни силится онъ добиться ключа тѣхъ событій, которыя разрушили его семейное счастіе, одинъ только результатъ представляется ему въ тысячѣ разныхъ фактовъ: Клеменція невѣрна ему, Клеменція невѣрна и преступна. Несмотря на всю положительность своего характера, вслѣдствіе которой онъ такъ любилъ вѣрные факты и не довѣрялъ своему внутреннему чувству, — несмотря на свою роль холоднаго судіи, несчастный мужъ не вѣритъ своему горю, но все-таки продолжаетъ искать истины. Положеніе невинной Клеменціи напоминаетъ ту старую и трогательную исторію, на которой основаны басни «Сороки Воровки» и «Соннамбулы», — басни, основанныя на борьбѣ непорочнаго существа съ гнетомъ гибельныхъ подозрѣній. Для поэта истиннаго сюжеты подобнаго рода будутъ всегда новы; онъ разовьетъ ихъ безъ прикрасъ и эффектовъ; посредственный писатель, взявшись за нихъ, непремѣнно впадаетъ въ повторенія и вялость. Но Бальзакъ не былъ ни поэтомъ, ни посредственнымъ писателемъ; какъ человѣкъ, одаренный великимъ литературнымъ тактомъ, онъ съумѣлъ старую исторію отдѣлать заново и извлечь изъ нея все, что только было можно. Описывая розыски Жюля, онъ выводитъ передъ читателемъ цѣлый рядъ лицъ, исклю-

Digitized by Google

чительно принадлежащихъ Парижу, и обрисовываетъ каждое изъ нихъ съ рѣдкою отчетливостью.

Жюль знаетъ, что Клеменція получаетъ откуда-то шифрованныя письма: съ той минуты, какъ онъ принялся за свои изслѣдованія, для него уже, по самому ходу дѣла, не можетъ существовать секретовъ. Онъ долженъ знать содержаніе сказанныхъ писемъ; но такъ какъ шифровка ихъ ему непонятна, то онъ обращается къ одному изъ друзей своей молодости. Пользуясь этимъ случаемъ, авторъ романа знакомитъ насъ съ новымъ лицомъ: Жакъ, другъ Жюля, человѣкъ терпѣливый, добросовѣстный и практическій, будто нарочно созданный для храненія чужихъ секретовъ, холодный, неутомимый и будто высохшій нравственно, но вмѣстѣ съ тѣмъ способный на всякую услугу. Привязанностей у него немного, но онѣ сильны и постоянны. Жакъ безгранично преданъ Клеменціи, въ домѣ которой такъ часто отдыхалъ отъ своихъ трудовъ и на минуту забывалъ свою одинокую, безцвѣтную жизнь. Положеніе этихъ двухъ людей, Жюля и Жака, тайно перечитывающихъ письма, адресованныя любимой ими женщинѣ, ново и драматично. Какъ и слѣдуетъ ожидать, письма эти написаны въ двусмысленномъ видѣ и скорѣе обвиняютъ, нежели оправдываютъ госпожу Демаре.

Мы уже видѣли, что, по ходу дѣла, Жюль имѣлъ столкновеніе съ семействомъ Моленкура; хотя описаніе этого семейства заключается въ немногихъ словахъ, но оно отличается разительною вѣрностью. Бабушка молодого человѣка, съ особенною, забавно-грустною нѣжностью вмѣшивающаяся во всѣ дѣла Моленкура, гвардейскаго офицера и совершеннолѣтняго юноши, ея пріятель, мальтійскій командоръ, тѣломъ и душою прилѣпившійся къ распадающемуся дому Моленкуровъ и сдѣлавшійся въ немъ чѣмъ-то въ родѣ устарѣлой мебели, — фигуры этихъ отжившихъ людей, ихъ привязанность другъ къ другу, ихъ заблужденія, ихъ чувство собственнаго упадка, всѣ мелкія подробности въ томъ же родѣ превосходно характеризуютъ тогдашнее дворянство Франціи.

Мы уже видѣли, что показанія Августа Моленкура были всего невыгоднѣе для Клеменціи.

Наконецъ къ Жюлю является еще новое лицо, Ида, парижская шляпница или флеристка, дочь той старухи, у которой Феррагю занимаетъ часть помѣщенія. Типы гризетокъ у насъ уже такъ извѣстны, мы такъ хорошо знаемъ ихъ нарядъ, ихъ умѣнье ходить по грязи, ихъ неправильный почеркъ, капризы и одежду, что описывать Иду будетъ вещью совершенно лишнею; не мѣшаетъ только прибавить, что прежде Бальзака портреты подобнаго рода рѣдко являлись во французской словесности. Ида, о которой мы сейчасъ

Digitized by Google

говорили, привязалась къ старому жильцу своей матери, зная, что онъ знакомъ съ молодой женщиной по имени *М-me* Демаре. Взбалмошная дѣвчонка прибѣгаетъ на квартиру Жюля, дѣлаетъ сцену и говоритъ объ его женѣ, какъ о потерянномъ существѣ. Такимъ образомъ, обвиненія всѣхъ родовъ собраны въ одно цѣлое.

Лишнимъ будетъ разсказъ о томъ, какимъ образомъ Жюль Демаре наконецъ подстерегъ тайну жены, по какому случаю узналъ онъ, что Феррагю ея отецъ, что она была обязана въ видахъ его же пользы хранить сказанную тайну до извѣстнаго времени. Восторгъ, испытанный Жюлемъ, при убѣжденіи, что Клеменція невиновата, быстро смѣненъ былъ отчаяніемъ: нравственныя страданія и другія причины истощили организмъ юной женщины, и смерть была неизбѣжна.

Весь день послѣ своего открытія Жюль провелъ скитаясь внѣ дома. Честный и прямодушный судья, онъ не зналъ, какими глазами придется ему взглянуть на лицо супруги, оскорбленной несправедливымъ подозрѣніемъ. Поступокъ, который человѣку съ обыкновеннымъ сердцемъ кажется маловажною ошибкою, для душъ чистыхъ и благородныхъ принимаетъ размѣры злодѣянія. Малое пятно на бѣломъ платьи дѣвицы возбуждаетъ впечатлѣніе почти столь же тяжелое, какъ запачканныя лохмотья нищаго.

Наконецъ Жюль вошелъ къ женѣ, дрожа всѣми членами. Она лежала въ постели, въ сильномъ жару; онъ сѣлъ у ея постели, взялъ руку Клеменціи и заплакалъ.

— Безцѣнное дитя, могъ онъ только сказать: — это мое раскаяніе....

— Въ чемъ же? тихо спросила она и, опустившись на подушки, закрыла глаза, боясь своимъ голосомъ, своимъ взглядомъ показать, какъ много она страдала передъ тѣмъ, какъ поздно пришла минута примиренія.

Поговоривъ съ докторомъ и убѣдившись во всемъ ужасѣ своего положенія, Жюль воротился къ женѣ, сѣлъ въ кресла и остался безъ движенія передъ постелью, приковавъ свои глаза къ глазамъ Клеменціи. По временамъ, раскрывая рѣсницы, она бросала на него взглядъ, проникнутый страстью, чуждый укоризны и горечи. Смерть для нихъ обоихъ была предчувствіемъ, поражавшимъ ихъ въ равной степени. Взоры ихъ соединялись въ одной и той же мукѣ, какъ прежде соединялись въ одной и той же равно раздѣленной страсти. Оба знали развязку своей исторіи и были полны сознаніемъ неизбѣжной разлуки.

Сцены послѣднихъ дней Клеменціи весьма трогательны; но, чтобъ быть справедливымъ, нужно сказать, что онѣ могли быть

Digitized by Google

несравненно лучше изображены: умѣя разнообразить самую слабую сторону въ сюжетѣ, Бальзакъ любитъ отдохнуть тамъ, гдѣ начинается драма или естественный поворотъ развязки. Оттого-то онъ безподобенъ тамъ, гдѣ нѣкоторая блѣдность сюжета побуждаетъ его приняться за всѣ мѣры къ его украшенію; тутъ-то появляются истинный анализъ, безподобныя мелочи, портреты и житейскіе афоризмы. Тамъ, гдѣ величайшій поэтъ былъ бы ничтоженъ, авторъ «Горіо» умѣетъ сдѣлаться чрезвычайно высокимъ; зато въ мѣстахъ истинно поэтическихъ онъ сходитъ въ разрядъ посредственныхъ бельлетристовъ. Описывая агонію Клеменціи Демаре, онъ только въ двухъ мѣстахъ напоминаетъ прежняго Бальзака, — именно, упоминая объ ощущеніяхъ вслѣдствіе ложныхъ надеждъ, подаваемыхъ иногда докторами, и разсказывая, что Клеменція, въ послѣдніе часы жизни, безпрестанно отсылала прочь своего мужа, чтобъ спасти его отъ зрѣлища предсмертныхъ страданій. Какими прекрасными страницами были бы мы обязаны автору, еслибъ, ухватившись за эту трогательную деликатность умирающей женщины, онъ подарилъ насъ нѣсколькими подробностями, которыя такъ подходятъ къ женщинѣ, подобной Клеменціи, — къ женщинѣ, такъ понимавшей всѣ мелочи любви! Опасаться длинноты тутъ было невозможно, тѣмъ болѣе, что на романъ, разбираемый нами, только одна неопытная дѣвушка можетъ смотрѣть какъ на правильное и цѣлое произведеніе.

Но, раздѣлавшись съ драмою и предоставленный собственнымъ своимъ средствамъ, Бальзакъ скоро находитъ случаи опять возвыситься. Одна изъ самыхъ ненатуральныхъ подробностей романа даетъ ему нужный исходный пунктъ. Жюль получаетъ письмо, которое его жена писала къ нему за нѣсколько дней до своей смерти; нечего и говорить, что этотъ фактъ самъ по себѣ лишенъ естественности и весьма не новъ; но, посмотрѣвъ на содержаніе письма, кто не скажетъ, что этотъ отрывокъ принадлежитъ къ драгоцѣннѣйшимъ вещамъ французской словесности?

Вотъ это письмо, отъ слова до слова:

«Другъ мой! вотъ мое завѣщаніе. Для чего не дѣлать завѣщаній для сокровищъ сердца, такъ, какъ ихъ дѣлаютъ для другого имущества? Въ моей любви все мое богатство, и я не хочу заниматься ничѣмъ кромѣ ея. Я умираю въ полномъ счастіи, потому что я любима. Врачи по своему изъясняютъ причину моей смерти, но я передамъ ее тебѣ, хоть она будетъ для тебя тяжка. Я не хочу унести отъ тебя моей тайны.

«Я была воспитана, въ глубокомъ уединеніи, вдали отъ свѣта и пороковъ, моей матерью. Ты ее зналъ, ты зналъ все уваженіе, которымъ она пользовалась; но я одна изъ цѣлаго свѣта наслаждалась

Digitized by Google

ея небесною душою. Я любила ее съ первыхъ лѣтъ жизни, сознавала всѣ радости, которыя она изливала на мою жизнь; я любила ее вдвойнѣ, зная, за что ее люблю; съ этихъ поръ я выучилась сознавать свои привязанности. Девятнадцать лѣтъ я любила ее одну. Она развивала во мнѣ благородныя и святыя чувства; она выучила меня молиться и быть всегда чистою предъ Богомъ. Жюль, мнѣ радостно признаться тебѣ, что я знаю цѣну моей молодости: я знаю, что ты получилъ меня чистую и непорочную сердцемъ.

«Когда въ первый разъ покинула я уединеніе, когда въ первый разъ я украсила цвѣточнымъ вѣнкомъ мою голову и прибавила нѣсколько атласныхъ бантовъ къ моему бѣлому платью, когда я отдалась невинному кокетству и мыслямъ о свѣтѣ, который должна была увидѣть, — всѣ эти чувства предназначены были для тебя, Жюль: тебя перваго я увидѣла въ свѣтѣ. Изъ всѣхъ лицъ я отличала твое лицо; въ твой голосъ я прежде всего начала вслушиваться... И когда ты подошелъ ко мнѣ съ краскою на лицѣ и заговорилъ со мною трепещущимъ голосомъ, впечатлѣніе того мгновенія было такъ сильно, что когда я пишу о немъ, руки мои дрожатъ. Сперва мы вездѣ искали другъ друга, потомъ угадали нашу любовь, и оба равно наслаждались ею. Моя мать уже сдѣлалась второю въ моемъ сердцѣ. Когда я это ей сказала, она улыбнулась! Потомъ я стала твоя. Вотъ вся жизнь, — вся жизнь моя, дорогой другъ моего сердца!

«Одинъ разъ вечеромъ, за нѣсколько дней до своей смерти, моя мать со слезами объяснила мнѣ тайну моего происхожденія. Она много любила.... и потому никто не обвинитъ ея; а Богъ будетъ къ ней милосердъ. Я узнала, что въ Парижѣ живетъ человѣкъ, для котораго я составляю всю жизнь и все блаженство, что твое богатство было его дѣломъ и что онъ любитъ тебя, но вмѣстѣ узнала и то, что онъ извергнутъ изъ общества, носитъ имя, заклейменое позоромъ, тяготится имъ не столько для себя, сколько для насъ съ тобой. Мать моя составляла его единственное утѣшеніе, но она умирала. Я обѣщалась ей замѣнить ее, обязалась продолжать за нея свой долгъ тайною милосердія. Въ первый разъ я увидѣла моего отца у гроба матери. Когда онъ поднялъ на меня свои заплаканные глаза, мнѣ показалось, что онъ ищетъ во мнѣ своихъ погибшихъ надеждъ. Я поклялась не лгать, но хранить молчаніе....

«Да, Жюль, я думала, что ты не можешь любить дочь преступника Граціана такъ, какъ любилъ свою Клеменцію. Неужели безъ этого страха я была бы въ состояніи что нибудь скрывать отъ тебя? Теперь ты знаешь все. Силою моей любви я могла бы, можетъ быть, побѣдить страданіе и болѣзнь, но я не заслужилабъ голоса сомнѣнія. Мое происхожденіе ослабило бы, уменьшило, измѣнилобъ чистоту

Digitized by Google

твоей любви. Этой боязни ничто не можетъ разрушить, и вотъ истинная причина моей смерти. Жюль, я не могу жить, страшась отъ тебя безпрестанно одного слова, одного взгляда, слова, котораго, можетъ быть, ты никогда не скажешь, взгляда, который у тебя, можетъ быть, никогда не вырвется.... но что́жь дѣлать! я боюсь ихъ.... Я умираю любимою, и вотъ мое утѣшеніе. Я узнала, что въ продолженіи четырехъ лѣтъ отецъ мой и люди ему преданные пускались на неслыханныя дѣла, чтобъ обмануть свѣтъ. Чтобы дать мнѣ имя, они добыли моему отцу и имя и званіе. Теперь моя смерть сохранитъ отца отъ необходимости прибѣгать къ обману.... Я знаю, что онъ не переживетъ меня.

«Итакъ, прощай Жюль! Сердце мое все здѣсь: въ послѣдній разъ пересказать тебѣ мою любовь, со всѣми ея страданіями и опасеніями, не значитъ ли раскрыть передъ тобой всю мою душу? У меня недостало бы силъ пересказать тебѣ все это, но достало написать. Кто не проститъ мнѣ этого признанія между жизнью, которая кончается, и началомъ новой жизни? Прощай же, мой другъ: я иду къ Тому, Кто нашъ общій отецъ милосердый; я вѣрю, что и ты будешь тамъ же. Я вѣрю, что у подножія Его престола, соединенные навѣки, мы будемъ вѣчно любить другъ друга. Я вѣрю, что душа моя будетъ тебѣ сопутствовать, знать твои мысли, обвиваться вокругъ тебя, пока ты останешься на землѣ. И такъ, живи свято, чтобъ прямѣе дойти до меня. Ты можешь еще сдѣлать столько добра въ свѣтѣ... и не есть ли святая обязанность страждущаго существа разливать вокругъ себя добро и радость, давать другимъ то, чего оно само лишилось? Твоя участь жить для несчастныхъ; къ нимъ я не буду ревновать тебя, къ ихъ слезамъ и улыбкамъ я не буду ревнива. Послѣ такой любви, какою мы любили другъ друга, куда обратиться, кромѣ Бога? Богъ одинъ вѣренъ; Онъ одинъ справедливъ. Люби его одного, я хочу этого! я знаю, что ты не можешь любить два раза; я умираю съ мыслью, составляющею счастіе женщины: моимъ гробомъ будетъ твое сердце. Послѣ дѣтства, о которомъ я тебѣ разсказывала, вся моя жизнь заключалась въ твоемъ сердцѣ; ты не изгонишь меня оттуда и послѣ смерти. Я горжусь этой единственной жизнью. Ты зналъ меня только въ цвѣтѣ юности, и я оставляю тебѣ горе, но безъ разочарованія. Жюль! такая смерть блаженнѣе всякой смерти.

«Ты умѣлъ меня постичь такъ вѣрно, что я рѣшаюсь поручить тебѣ одну вещь... конечно, излишнюю, исполненіе прихоти, простительной женщинѣ, желаніе, внушенное ревностью, потому что мы обѣ умѣемъ ревновать. Я прошу тебя сжечь всѣ вещи, намъ принадлежавшія, уничтожить нашу любимую комнату, истребить все, что́

Digitized by Google

могло бы служить воспоминаніемъ прежнихъ дней нашей взаимной привязанности. Еще разъ прощай... Я люблю и буду любить тебя до моей послѣдней мысли, до послѣдняго вздоха».

Вотъ еще выписка изъ книги, въ которой истинное чувство прекрасно сливается съ знаніемъ и живостью малѣйшихъ подробностей. Это описаніе похоронъ Клеменціи,— сцена весьма важная въ романѣ, имѣющемъ цѣлью изображеніе парижской жизни во всѣхъ ея видоизмѣненіяхъ.

«Стѣны церкви св. Роха обиты были чернымъ. Пышность, обнаружившаяся во время приготовленій, привлекла туда множество народу, потому что въ Парижѣ все становится зрѣлищемъ, даже горесть самая истинная. Есть люди, которые бросаются къ окнамъ смотрѣть, какъ сынъ плачетъ провожая тѣло своей матери; другіе пытаются помѣститься выгоднѣе передъ эшафотомъ какого нибудь преступника. Ни у одного народа въ свѣтѣ нѣтъ такихъ жадныхъ глазъ. На этотъ разъ зѣваки были особенно удивлены, увидя, что шесть боковыхъ придѣловъ церкви были всѣ обиты чернымъ. Въ каждомъ изъ нихъ присутствовали два человѣка въ траурѣ, при печальномъ богослуженіи. На хорахъ были оба брата Демаре и ихъ другъ Жакъ; за оградою стояли служители. Жюль не хотѣлъ видѣть ни одного равнодушнаго лица во время церемоніи.

«Большая обѣдня совершена была со всевозможнымъ великолѣпіемъ. Кромѣ священнослужителей названной церкви, было еще тринадцать священниковъ изъ другихъ приходовъ. Никогда, можетъ быть, *Dies iræ* не производило на самыхъ случайныхъ слушателей впечатлѣнія болѣе глубокаго, болѣе леденящаго душу, какъ то, которое произведено было этимъ гимномъ, величественно возглашеннымъ осьмью пѣвцами, въ сопровожденіи священниковъ и мальчиковъ хора. Изъ шести боковыхъ придѣловъ двѣнадцать другихъ дѣтскихъ голосовъ раздавались съ унылою рѣзкостью и плачевно мѣшались между собой. По всѣмъ угламъ церкви переливалось могучее пѣніе. Казалось, вопли страданія ежеминутно сливались съ криками отчаянія и глухого ужаса. Воображеніе начинало понимать скорби, невѣдомыя свѣту, сѣтованія сокровенной дружбы, плачъ не усопшей юности.

«Ни въ одной религіи, ужасъ души, отторгаемой отъ тѣла и бурно волнуемой передъ величіемъ Божіимъ, не можетъ быть выраженъ съ такою могучею силою. Передъ этимъ воплемъ должны смиряться художники съ ихъ страстными твореніями! Ничто не можетъ состязаться съ этимъ пѣніемъ, заключающимъ въ себѣ всѣ страсти человѣческія, дающимъ имъ какую-то гальваническую жизнь за предѣлами гроба. Оно словно приводитъ ихъ еще трепещущими

Digitized by Google

на судъ Бога живаго. Эти крики дѣтей, соединенные съ звуками важныхъ мужскихъ голосовъ, будто совмѣщаютъ въ себѣ жизнь человѣческую съ ея возрастами, страданіями каждаго возраста; она слышится намъ въ прерывистомъ, дребезжащемъ пѣніи старцевъ священниковъ, въ могучихъ возгласахъ пѣвцовъ, — повсюду разливается гармонія, исполненная громовъ и молній,— гармонія, понятная сердцамъ самымъ холоднымъ, фантазіямъ самымъ безстрастнымъ... Ни въ одномъ храмѣ нѣтъ сводовъ безотвѣтныхъ для такого пѣнія: они трепещутъ, они говорятъ, они разливаютъ вокругъ себя ужасъ всею силою своихъ отголосковъ.

«Вы подумаете, что безтѣлесныя полчища умершихъ возстаютъ и простираютъ къ вамъ руки; здѣсь уже не отецъ, не супругъ, не дитя, одѣтые въ трауръ, а все человѣчество, возникающее изъ своего праха. Невозможно имѣть полнаго понятія о христіанскомъ утѣшеніи, доколѣ не извѣдаешь подъ сѣнью христіанства глубочайшей изъ скорбей, оплакивая любимое существо, лежащее во гробѣ, пока не извѣдаешь всѣхъ ощущеній, возбуждаемыхъ этимъ гимномъ, полнымъ религіознаго ужаса, который возрастаетъ съ каждымъ стихомъ, поднимается къ небесамъ, устрашаетъ, уничтожаетъ, потомъ снова возвышаетъ душу и въ ту минуту, какъ оканчивается послѣдній стихъ, оставляетъ въ сознаніи глубокое чувство вѣчности....»

Такъ какъ наши выписки, правильно сцѣпляясь между собою, представляютъ родъ эпилога къ исторіи госпожи Демаре, то мы не находимъ ничего лучшаго, какъ заключить ихъ новою выпискою, въ одно время и заканчивающею романъ и выказывающею необыкновенную наблюдательность въ авторѣ,— наблюдательность въ одно и тоже время мелочную и высоко оригинальную. Всѣ черты, о которыхъ сейчасъ будетъ рѣчь, подмѣчены будто по задачѣ, будто отъ нечего дѣлать или вслѣдствіе праздной фланёрства по улицамъ и переулкамъ, а между тѣмъ, совокупно взятыя и примѣненныя къ одному изъ лицъ романа, онѣ поражаютъ своимъ глубоко трагическимъ значеніемъ.

«Кто не встрѣчалъ на бульварахъ Парижа, при поворотѣ улицы, или подъ сводами Палероаля, наконецъ — во всякомъ мѣстѣ, гдѣ только можетъ довести случай, мужчины или женщины, видъ которыхъ пробуждаетъ тысячи смутныхъ мыслей въ головѣ? При взглядѣ на подобное существо, въ насъ возбуждается внезапное участіе, либо по причинѣ лица той особы, — лица, на которомъ видны слѣды многихъ прежнихъ волненій, либо оригинальной совокупностью движеній, осанки, поступи и одежды, либо глубоко выразительнымъ взглядомъ, либо какимъ нибудь другимъ признакамъ, сильно поражающимъ, хотя мы и не можемъ достаточно объяснить

Digitized by Google

тому причины. На другой день другія мысли, другія парижскія картины уносятъ изъ нашего воображенія этотъ минутный призракъ.

«Но если мы, или проходя въ извѣстный часъ по одному мѣсту, какъ чиновники по окончаніи своей службы, или шатаясь взадъ и впередъ по городу, какъ тѣ люди, которые составляютъ движимое имущество парижскихъ улицъ и встрѣчаются во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ,— если мы, говорю я, снова встрѣтимъ тоже самое лицо, тогда существо это поселяется въ наше воображеніе и вязнетъ тамъ, какъ первый томъ романа, котораго конецъ намъ неизвѣстенъ. Мы чувствуемъ побужденіе заговорить съ незнакомцемъ, сказать ему:

— «Что ты за человѣкъ? зачѣмъ скитаешься? По какому праву носишь ты измятый воротникъ, трость съ роговымъ набалдашникомъ, жилетъ, вышедшій изъ моды? Зачѣмъ у тебя на носу очки съ двойными синими стеклами или галстухъ *des muscadins*, который уже давно носить перестали?»

«Между этими блуждающими созданіями, одни принадлежатъ къ разряду древнихъ Термовъ, которыхъ римляне ставили на границахъ своихъ владѣній: они не говорятъ ничего, *они* стоятъ *здѣсь*, — вотъ и все. Зачѣмъ они стоятъ? того не знаетъ никто. Фигуры эти подобны тѣмъ, которыя служатъ типомъ для скульпторовъ, изображающихъ Четыре Времени Года, Торговлю, Изобиліе. Другіе, бывшіе адвокаты, ветхіе купцы, старые служаки, ходятъ взадъ и впередъ, но кажутся неподвижными. Подобно жалкимъ деревьямъ, стоящимъ на берегу рѣки и выказывающимъ свои полуобнаженные корни, они не принадлежатъ къ потоку Парижа, къ его дѣятельной толпѣ.

«Одинъ изъ этихъ парижскихъ Мельмотовъ, назадъ тому нѣсколько дней, появился среди населенія, которымъ, въ хорошую погоду, меблируется пространство между южною рѣшеткою Люксамбурга и сѣверною Обсерваторіи. Эта площадка, откуда видѣнъ весь Парижъ, завоевана охотниками играть въ шары, старыми посѣдѣлыми удальцами съ простодушною физіономіею. Человѣкъ, о которомъ мы говорили, должно быть жилъ въ этомъ пустомъ кварталѣ; по крайней мѣрѣ онъ всякій разъ неотлучно присутствовалъ при игрѣ въ шары и весьма рѣзко отличался отъ группы прочихъ зрителей, которыхъ, еслибъ парижане могли быть классифированы зоологически, слѣдовалобъ и всѣхъ причислить къ роду моллюсковъ. Новый пришлецъ будто сжился съ главнымъ шаромъ въ игрѣ, называвшемся чушкою (*cochonnet*) — тѣмъ шаромъ, который служитъ цѣлью для игроковъ и сосредоточиваетъ въ себѣ интересъ партіи. Незнакомецъ обыкновенно прислонялся къ дереву, когда шарикъ останавливался, и потомъ присматривался къ другимъ катящимся шарамъ, съ тревожнымъ вниманіемъ. Онъ не говорилъ ничего, и игроки на-

Digitized by Google

мало не тяготились его упорной молчаливостью; иные изъ нихъ, правда, почитали его за глухонѣмого. Когда, по правиламъ игры, нужно было опредѣлять разстояніе между шарами и чушкою, всѣ прибѣгали къ палкѣ незнакомца, которая служила тамъ общепринятою мѣрою. Когда надобность встрѣчалась, игроки брали палку изъ ледяныхъ рукъ старика, и брали ее не говоря ему ни слова, даже не дѣлая ни одного обыкновеннаго знака привѣтливости. Ссуда палки сдѣлалась для него родомъ службы, на которую онъ соглашался безъ ропота. Когда случался дождь, онъ оставался подлѣ своего заѣзжаго шарика рабомъ и стражемъ начатой партіи: ему было все равно — ненастье или прекрасная погода.

«Блѣдный, дряхлый, разсѣянный, безъ всякаго вниманія къ самому себѣ, онъ часто забывалъ дома шляпу и приходилъ съ обнаженною головою, выставляя на показъ свои сѣдые волосы и желтую четырехъугольную лысину, похожую на колѣно, пробивающееся сквозь рубище. Онъ ходилъ съ полуоткрытымъ ртомъ, безъ мысли во взглядѣ, безъ признака твердости въ походкѣ, никогда не улыбался, не поднималъ головы кверху и все глядѣлъ въ землю, будто ища чего-то. Въ четыре часа какая-то старуха приходила за нимъ и уводила незнакомца невѣдомо куда, таща его за руку, какъ дѣвушка тащитъ упрямую козу, которой желательно остаться на травѣ и не возвращаться въ хлѣвъ. Смотрѣть на этого человѣка было тягостно....»

Читатель догадывается, что жалкое, убитое существо, такъ поразительно обрисованное нашимъ романистомъ, было никто иной, какъ отецъ Клементіи Демаре, преступный и предпріимчивый Граціанъ Феррагю. Неудачная и мелодраматическая концепція этого персонажа, по нашему мнѣнію, вполнѣ выкупается выписанными нами строками. Изъ за описанія одной палки, которую игроки безпрепятственно берутъ изъ рукъ этого старика, затѣмъ, чтобъ мѣрить разстояніе между своими шарами, мы готовы простить Бальзаку созданіе характера вдвое несообразнѣйшаго и страннаго.

3.

Такъ кончается этотъ романъ, оставляющій въ читателѣ, несмотря на многія грустныя и тягостныя подробности, впечатлѣніе свѣжее и успокоительное. Чтобъ изукрасить простую канву похожденій Жюля Демаре и его жены, романистъ придумалъ довольно много мелодраматическихъ эффектовъ и эпизодическихъ лицъ, и

Digitized by Google

такимъ образомъ заплатилъ дань духу своего времени и фальшивому направленію французской словесности. Но вполнѣ осуждать этой амплификаціи невозможно: во первыхъ, она принесла свою выгоду, приманивая читателей и, такъ сказать, популяризируя идеи, высказанныя въ романѣ; во вторыхъ, эти излишнія подробности совершенно блѣднѣютъ, исчезаютъ передъ прелестью главной интриги. Мы читали много разъ эту книгу и такъ мало помнимъ ея *внѣшній* интересъ, что не можемъ давать о ней отчета, не имѣя подъ рукою: зато мы помнимъ, какъ нельзя лучше всякую черту, относящуюся до исторіи супруговъ, особенно, если эта черта хотя сколько нибудь обрисовываетъ персонажъ Клеменціи, созданіе, выше котораго не подымалась фантазія автора «Евгеніи Гранде» и «Старика Горіо».

Отдавая отчетъ о «Клариссѣ Гарловъ» (*), мы нѣсколько разъ замѣчали, что изъ всѣхъ женщинъ, созданныхъ романистами XVIII столѣтія, лицо Клариссы болѣе всего приближается къ идеалу женщины, такъ, какъ воображало себѣ этотъ идеалъ общество прошлаго столѣтія. Болѣе ста лѣтъ отдѣляютъ насъ отъ современниковъ Ричардсона; слѣдовательно, понятія о значеніи и совершенствахъ женщины должны были измѣниться: намъ нужны другіе идеалы, болѣе сообразные съ нашимъ образомъ мыслей; мы можемъ признавать всю прелесть ричардсоновой Клери и жанъ-жаковой Юліи; но мы не ослѣплены ими, мы ясно видимъ ихъ слабыя стороны, мы осуждаемъ пассивность первой, философскую восторженность второй. Никто не скажетъ, чтобъ со времени Ричардсона и Руссо не было блистательныхъ періодовъ словесности; много превосходныхъ типовъ создано было дѣятелями нашего періода, много свѣтлыхъ женскихъ образовъ примкнуло къ восхитительной фалангѣ, въ первыхъ рядахъ которой мы видимъ Беатриче Данта, Виргинію Бернарденъ де-Сенъ-Пьера, Миньону Гёте. Но женскаго созданія, въ которомъ бы сосредоточивались, резюмировались (просимъ прощенія за безвкусное слово), блистали всѣ лучшія качества женщинъ нашего времени, не было еще создано; XIX вѣкъ не имѣетъ еще ни своей Клери, ни своей Юліи. Мы еще не умѣемъ опредѣлить ясно ни роли женщины, въ нашемъ обществѣ, ни ея достоинствъ, ни ея недостатковъ.

Въ этомъ безсиліи новой словесности по части созданія женскихъ типовъ, подобныхъ Юліи и Клариссѣ, нельзя обвинять словесность, и нечего сокрушаться по этому поводу. Созданіе абстрактнаго идеала, въ которомъ бы олицетворялись смутныя потребности какого бы то ни было вѣка, не есть вещь легкая: чѣмъ разнообраз-

(*) Современникъ, № 1 1850 г.

Digitized by Google

нѣе общество, тѣмъ сложнѣе характеры, тѣмъ менѣе рѣзки индивидуальности. Если у насъ нѣтъ типовъ, въ которыхъ бы каждая женщина нашего времени узнавала хотя частичку самой себя, тѣмъ болѣе поля для дѣятельности поэтовъ и романистовъ, тѣмъ болѣе предстоитъ простора для ихъ изысканій. Характеръ слишкомъ истинный, идеалъ, удовлетворяющій всѣмъ потребностямъ общества, породитъ бездну неловкихъ подражаній и кинетъ словесность въ лабиринтъ, изъ котораго ей долго не выпутаться. Всѣ героини, созданныя въ XVIII столѣтіи, имѣютъ прототипомъ или Кларриссу, или Юлію. Въ толпѣ этихъ блѣдныхъ, безличныхъ существъ мы можемъ отыскать двѣ-три фигуры, имѣющія жизнь; а за тѣмъ уже не найдемъ другихъ сколько нибудь замѣчательныхъ идеаловъ.

То, что было съ писателями XVIII столѣтія, конировавшими Руссо и Ричардсона, повторилось въ послѣднія тридцать лѣтъ по поводу созданія мужскихъ характеровъ. XIX столѣтіе имѣетъ поэта, котораго до нашихъ дней поминутно встрѣчаетъ на своемъ пути всякій писатель, каждый романистъ, желающій проникнуть глубже въ характеръ современнаго человѣка. Герои, созданные этимъ поэтомъ, несмотря на свою мрачную грандіозность, могутъ назваться прямыми дѣтьми XIX столѣтія. Читатель уже назвалъ лорда Байрона. Рѣзкія и существенныя принадлежности нашихъ поколѣній высказаны творцомъ «Донъ-Жуана» и «Гарольда», облечены въ ослѣпительную форму поэзіи, и все-таки самый холодный, самый нехитрый человѣкъ найдетъ въ этихъ эффектныхъ геояхъ частичку самого себя. Скептицизмъ и жажда дѣятельности, апатія и влеченіе къ блеску, пороки и гордость, эгоизмъ и многосторонность, добро и зло, — тутъ есть все, есть весь человѣкъ нашего столѣтія. Оттого-то ни у одного поэта въ цѣломъ мірѣ не было такой бездны подражателей, сознательныхъ и безсознательныхъ, какъ у Байрона. Куда бы ни бросился современный романистъ, вездѣ, напротивъ него, видится ему фигура британскаго барда, вездѣ кидаются ему въ глаза идеалы, созданные великимъ поэтомъ, — идеалы понятные, нимало неустарѣвшіе, несмотря на всѣ злоупотребленія байронизма.

Все, что ни есть лучшаго въ современной намъ школѣ романистовъ, порождено вліяніемъ лорда Байрона на европейскую словесность. Одни юмористы еще не поддаются могучему вліянію полуотжившей поэзіи; но свободны ли и они отъ подражанія? пусть отвѣчаетъ Диккенсъ, выводившій на сцену столько мрачныхъ фигуръ, пусть отвѣчаетъ Чарльзъ Лэмбъ, котораго юморъ зачастую безотраденъ. Въ дѣлѣ юмора лордъ Байронъ былъ не ничтожнымъ дѣятелемъ, хотя на эту сторону его таланта европейскіе критики обращали мало вниманія. А за тѣмъ каждый изъ

Digitized by Google

поэтовъ Европы, каждый изъ романистовъ платилъ дань человѣку, создавшему нѣсколько типовъ, соотвѣтственныхъ нашему времени. Лучшія имена французской и нѣмецкой словесности обязаны были вліянію лорда Байрона лучшею частью своей дѣятельности. Они дополняли разсказанное, примѣняли идеалы Байрона къ разнымъ странамъ и положеніямъ; они досказывали, но не говорили новаго. Недавно кто-то говорилъ: «всѣ герои романовъ похожи на мужчинъ лорда Байрона.» Слѣдовало только прибавить: *современныхъ романовъ*.

Но, разсуждая о созданіи мужскихъ и женскихъ характеровъ, мы отдалились отъ Бальзака и разбираемой нами книги. Въ ней два лица, на которыхъ сосредоточивается весь интересъ; читатель догадывается, что мы говоримъ о Клеменціи Демаре и ея мужѣ. Эти два лица совершенно соотвѣтствуютъ одно другому, вполнѣ вѣрны своей эпохѣ и тому обществу, среди котораго живутъ. Жюль Демаре нечто иное какъ негоціянтъ, буржуа съ самыми мѣщанскими занятіями и привязанностями: онъ ѣздитъ на биржу, удваиваетъ свое огромное состояніе, обѣдаетъ поздно и бо́льшую часть вечеровъ сидитъ дома съ женою. Жизнь его проста, потребности его не велики; но онъ смѣло можетъ сказать, съ однимъ изъ лучшихъ поэтовъ нашего столѣтія,

Mon verre n'est pas grand, mais je bois dans mon verre.

Таково первое впечатлѣніе. Но, глубже вглядѣвшись въ жизнь Демаре и его тихія привязанности, не одинъ изъ современныхъ намъ счастливцевъ позавидуетъ этому простому негоціянту. Онъ богатъ, его жена красавица и любитъ мужа безъ памяти; у него довольно характера, чтобъ не впасть въ пошлость, — довольно эпикуреизма, чтобъ сознавать свое счастіе, лелѣять его, дорожить имъ какъ глазомъ. Ему нелегко достались богатство и жена красавица, потому онъ знаетъ цѣну тому и другому; онъ умѣетъ наслаждаться комфортомъ какъ истинный человѣкъ нашего времени, умѣетъ любить жену. Въ молодости своей онъ сказалъ себѣ: я достигну счастія, — и добился до него. Безъ гроша въ карманѣ, обуздывая свою горячую кровь и инстинкты юности, онъ дни и ночи сидѣлъ въ какой-то купеческой конторѣ, былъ честенъ, трудолюбивъ, уменъ, дѣятеленъ — и разбогатѣлъ. Первая молодость его прошла безъ женской улыбки, безъ любви, а между тѣмъ въ душѣ копились потребности къ привязанности, росли подъ гнетомъ нужды и трудовъ; но онъ не давалъ имъ воли: онъ понималъ, что бѣдняку нѣкогда заниматься любовью. И зато онъ сохранилъ свѣжесть чувствъ, энергію, крѣпость силъ. Умъ его возмужалъ въ лишеніяхъ и сдѣлался

Digitized by Google

годенъ ко всему; богатство не вскружило его: оно пришлось по силамъ г. Демаре; любовь жены не вскружила ему головы; онъ умѣлъ отвѣчать на нее безграничною страстью и все-таки распоряжаться ею на бо́льшее благо себѣ и своей подругѣ.

Все это страсти *наши*, страсти понятныя, близкія своему времени, высказанныя вѣрно и увлекательно.

Клеменція Демаре, какъ мы уже сказали, есть лучшее созданіе Бальзака. Это женщина, одаренная умомъ и любящимъ сердцемъ, — женщина умная въ самомъ счастіи, одно изъ тѣхъ кроткихъ, благородныхъ существъ, о которыхъ мечтаютъ люди, испытавшіе многое, извѣдавшіе нищету непомѣрно горячей любви, узнавшіе пустоту женщинъ съ сильными страстями. Клеменція не думаетъ о какихъ-то высокихъ страданіяхъ и необъятныхъ наслажденіяхъ; она предана своему мужу; для нея правильная, законная страсть выше всевозможныхъ романическихъ привязанностей. Клеменція Демаре чужда жоржъ-сандовской философіи, туманнымъ стремленіямъ новой Элоизы; но она еще болѣе чужда пассивности героинь Ричардсона. Она радостно приняла на себя роль хозяйки, — роль скромной, нѣжной, неэгоистичной и счастливой женщины; изъ мелкаго круга женскихъ заботъ она составила себѣ и трудъ и наслажденіе; изъ своей чистой супружеской любви она составила себѣ цѣлый міръ, гдѣ ей все повинуется, гдѣ она играетъ первую роль. Мужъ ея удвоиваетъ свое состояніе, завоевываетъ себѣ завидное положеніе въ обществѣ; она стремится къ тому, чтобъ удвоить общее счастіе; она всякій день завоевываетъ сердце своего супруга. Она не захочетъ соваться въ коммерческія дѣла Жюля; зато Жюль предоставляетъ ей безъ контроля всю домашнюю, всю женскую часть ихъ быта. Трудъ обоихъ легокъ и прекрасенъ, и безмятежное счастіе служитъ имъ наградою; ихъ медовой мѣсяцъ тянется нѣсколько лѣтъ. Все это просто, и потому прекрасно какъ изящный пейзажъ, какъ та простая картина Лувровой выставки, о которой мы говорили въ началѣ нашей статьи.

Смѣло бросившись въ средину простой жизни, Бальзакъ распоряжается въ ней какъ привычно отличному мастеру своего дѣла, какъ человѣкъ, глубоко изучившій жизнь современнаго общества, для котораго нѣтъ тайнъ даже въ сердцѣ женщины.

Ни въ одномъ изъ извѣстныхъ намъ произведеній анализъ не доведенъ до такой тонкости и вмѣстѣ рельефности, ни одинъ романистъ не представлялъ истинъ болѣе близкихъ сердцу каждаго въ самомъ простомъ, осязательномъ видѣ. Не избѣгая длинныхъ разсужденій тамъ, гдѣ они необходимы, Бальзакъ вполнѣ показалъ свое искусство доказывать свои доводы примѣрами, состоящими изъ

Digitized by Google

живыхъ, увлекательныхъ подробностей. Человѣкъ, никогда не думавшій о значеніи женщины въ супружествѣ, о важности ея вліянія на всѣдневную обстановку жизни, можетъ безъ вниманія пропустить десятокъ блистательныхъ афоризмовъ, вѣрныхъ замѣчаній; но онъ остановится, полный смутнаго очарованія, передъ нѣсколькими сценами, гдѣ кипитъ дѣйствіе, разительное, обаятельное въ самой своей простотѣ. Такова, напримѣръ, неподражаемая сцена возвращенія съ бала,—сцена въ спальнѣ *M-me* Демаре, гдѣ она начинаетъ догадываться въ подозрѣніяхъ мужа, — сцена ея болѣзни, ея терзаній при видѣ поведенія Жюля. Мы видимъ передъ собой кокетливый будуаръ, убранный по вкусу Клеменціи,— любуемся ея обворожительнымъ ночнымъ нарядомъ, сочувствуемъ ея тревогѣ, страдаемъ вмѣстѣ съ Жюлемъ и вмѣстѣ съ нимъ предаемся порывамъ счастія, которому «быть можетъ, недолго длиться.» Всякая черта, всякое слово затрогиваетъ одинъ изъ элементовъ, спящихъ въ глубинѣ нашей души; мы узнаемъ самихъ себя, узнавши любимыхъ женщинъ въ образцахъ, набросанныхъ тонкимъ, смѣлымъ перомъ моднаго романиста. Что бы ни говорили философы, мода рѣдко основывается на безобразіи.

Недостатковъ въ романѣ весьма много; главнымъ изъ нихъ можно назвать обычное въ авторѣ неправдоподобіе событій. На происшествія, выходящія изъ круга обыкновенной жизни, мы смотримъ съ своей особенной точки зрѣнія, которую постараемся теперь же указать читателю. По нашему мнѣнію, странно думать, что мелкій романъ долженъ быть также простъ, какъ ежедневныя занятія самаго прозаическаго, неувлекающагося смертнаго. Нимало не соглашаясь съ подобными понятіями о романѣ, мы, напротивъ того, готовы утверждать, что въ жизни и въ свѣтѣ зачастую случаются событія странныя, исключительныя, разительныя: неужели же романисту слѣдуетъ бѣгать отъ подобныхъ событій? Неужели человѣку, бывшему свидѣтелемъ странныхъ, замѣчательныхъ событій, должно молчать о нихъ изъ уваженія къ тому, что тотъ или другой критикъ проводилъ всю жизнь въ четырехъ стѣнахъ и понимаетъ только микроскопическіе интересы жизни?

Итакъ, по личному нашему мнѣнію, романистъ не долженъ отказываться какимъ-то фанатическимъ уваженіемъ къ мелкой реальности, не долженъ бѣгать исключительныхъ характеровъ и приключеній; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ онъ могъ употреблять безъ разбора эти важныя пружины фактическаго, внѣшняго интереса. Особенную осторожность въ этомъ отношеніи долженъ соблюдать человѣкъ, котораго сила, какъ у автора Клеменціи Демаре, заключается въ тонкости анализа, въ умѣньи уловлять сокровенныя, нѣж-

Digitized by Google

ные оттѣнки характеровъ. Всякое исключительное лицо, всякое рѣзкое событіе романа сильно дѣйствуетъ на читателя, захватываетъ часть его вниманія, дробитъ интересъ цѣлаго, превращаетъ сочувствіе въ любопытство. Кто хочетъ разсказывать эффектное, рѣдкое приключеніе, тотъ посвяти ему отдѣльный эпизодъ, отдѣльный томъ, отдѣльный романъ, не примѣшивая яркихъ красокъ къ нѣжному, туманному колориту картины. Невыразимо пріятно глазу слѣдить за вечернимъ, мягкимъ сумракомъ; можно просидѣть цѣлый часъ въ своей комнатѣ и наблюдать за постепеннымъ сгущеніемъ этого сумрака, за потуханіемъ отблеска розовой зари. Комната, освѣщенная такимъ свѣтомъ, неизъяснимо привлекательна; но попробуйте въ ней зажечь одну свѣчу, и весь эффектъ пропадетъ невозвратно.

Подобнаго рода вещи часто случаются съ романами, въ которыхъ авторъ нѣсколько разъ переходитъ отъ тихаго, тонкаго анализа къ пламенному, ярко раскрашенному разсказу. Эффектъ за эффектъ — подобному роману я скорѣе предпочту «Графа Монте-Кристо», романъ, гдѣ все необыкновенно, исключительно и все-таки интересно. Тамъ по крайней мѣрѣ олицетворено могущество золота, жажда мщенія, и на этихъ весьма понятныхъ данныхъ построена сказка, достойная тысячи одной ночи. Дюма создалъ себѣ особенный родъ, провелъ свой планъ въ исполненіе, со славою, и книга его долго будетъ читаться и хвалиться. Всѣ неслыханныя похожденія его героя, увлекая читателя, не отвлекаютъ его вниманія, потому что вниманію нечего дѣлать при подобномъ чтеніи. Но не то происходитъ съ романами Бальзака: хитросплетеніе интриги, обиліе исключительныхъ характеровъ вредятъ цѣлому, мѣшаютъ читателю.

Въ разбираемомъ нами романѣ смѣлость и затѣйливость вымысла приносятъ явный ущербъ тому пониманью дѣйствительности, той способности подсматривать тайны сердца человѣческаго, которыми Бальзакъ постоянно отличался и отличается. Фантазія такого умнаго писателя не могла создать чего либо особенно нелѣпаго и безобразнаго; но артистическаго такту у него не хватило на соразмѣрность и гармонію вымысла съ дѣйствительностію. Въ основной идеѣ «Исторіи Тринадцати» нѣтъ ничего неправдоподобнаго, но есть нѣчто лишнее; читатель, затронутый оригинальнымъ замысломъ романиста, ждетъ событій рѣзкихъ и необыкновенныхъ, ищетъ сказки, а находитъ одинъ прелестный анализъ супружеской жизни. Зачѣмъ Ферраго съ своими товарищами введенъ въ тихую и скромную исторію Жюля Демаре и его прелестной жены? что выигрываетъ романъ отъ подобнаго столкновенія? Для того, чтобъ уморить Клеменцію, не нужно было прибѣгать къ такимъ хитрымъ и необыкновеннымъ сред-

Digitized by Google

ствамъ: *M-me Jules* смѣло могла умереть отъ простуды, отъ горячки и все-таки остаться однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ, граціозныхъ образовъ, созданныхъ писателями нашего столѣтія.

Продолжаемъ наши замѣчанія. Въ теченіи разсказа, таинственный Феррагю является въ пяти-шести разныхъ видахъ: нищимъ, банкиромъ, посланникомъ и такъ далѣе. Всего этого я опять-таки не назову нелѣпымъ: въ эпоху, взятую Бальзакомъ, парижскіе салоны набиты были разными авантюристами сомнительной жизни; но я опять-таки скажу: всѣ эти превращенія вовсе не нужны въ романѣ. Пока главный изъ Тринадцати дѣйствуетъ въ одиночку, сходясь на сценѣ съ однимъ Моленкуромъ, мы еще можемъ переносить эту фигуру; но чуть только Феррагю, это лицо, созданное для эффекта и потѣхи любительницъ таинственнаго, начинаетъ зацѣплять главныхъ героевъ романа, чуть только эта странная и безполезная фигура своимъ вмѣшательствомъ начинаетъ портить удовольствіе, ощущаемое нами при истинно художественномъ изображеніи отношеній молодыхъ супруговъ, мы начинаемъ сердиться и на Феррагю и на самого автора.

Романы Бальзака, и въ числѣ ихъ «Одинъ изъ Тринадцати», не взирая на многія уступки, сдѣланныя ихъ авторомъ капризамъ своей публики, а можетъ быть отчасти и по причинѣ этой уступки, останутся навсегда превосходными картинами частной жизни въ первой половинѣ нашего столѣтія. Любовь къ умнымъ подробностямъ, вѣрнѣе *интимность*, составляетъ одинъ изъ главныхъ признаковъ современной словесности: поэзія идетъ по одной дорогѣ съ наукою, отбросившею эффектныя гипотезы и перешедшею къ неутомимому анализу мелкихъ фактовъ. Печать простоты и положительности равно лежитъ на произведеніяхъ ученой и изящной словесности.

Бальзакъ есть писатель въ высшей степени интимный. Можно бросаться въ мелочи и, бѣгая отъ всего возвышеннаго, впасть въ самую жалкую односторонность: такова участь писателей, безъ мѣры преданныхъ ложному реализму; но Бальзакъ не изъ ихъ числа. Его тактъ — первое условіе для всякаго романиста, не покидаетъ его ни на минуту, проявляясь равно и въ описаніяхъ мелочей, и въ патетическихъ сценахъ, и въ простомъ разговорѣ, и въ раздирающей душу драмѣ. Авторъ «Старика Горіо» вездѣ одинаковъ: если онъ увлекается, онъ знаетъ, что увлеченіе въ такомъ-то мѣстѣ необходимо; если ему встрѣчаются сухія подробности, онъ оживляетъ ихъ всею силою своего дарованія. Нашъ романистъ обходится со своими вымыслами какъ умный, благородный, но весьма охлажденный человѣкъ; онъ имъ не преданъ и не питаетъ къ нимъ никакой ненависти; онъ

Digitized by Google

знаетъ, что изъ жизни и изъ задуманнаго труда умный человѣкъ долженъ извлечь все, что́ только можно изъ нихъ извлечь. Оттого-то и происходитъ въ немъ то спокойствіе духа, безъ котораго невозможно ни одно произведеніе интимной словесности. Чтобъ съ любовью глядѣть на всякую мелочь, нужно испытать въ жизни что нибудь важное; чтобъ съ спокойнымъ сердцемъ обдѣлывать подробности своего труда, нужно быть весьма равнодушнымъ къ радостямъ и печалямъ.

Digitized by Google

НОВЫЯ КНИГИ.

СЕНТЯБРЬ 1850.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

144) Графъ Радецкій и его походы въ Италіи въ 1848 и 1849 годахъ. *Сочиненіе* П. Лебедева, *Генеральнаго Штаба полковника, Императорской Военной Академіи профессора. Съ портретомъ Радецкаго и двумя картами. Спб. Въ тип. военно-учебн. заведеній. 1850. Въ 8-ю д. л., стр. XI, 319 и 87.*

Чѣмъ ближе къ намъ событіе, тѣмъ труднѣе узнать его основательно и оцѣнить безпристрастно. О невозможности современной исторіи было говорено и писано много разъ; считая излишнимъ доказывать подробно истину всѣмъ извѣстную, замѣтимъ только, что справедливость ея вполнѣ подтвердила историческая литература послѣдняго времени. Всеобщій интересъ, возбужденный событіями 1848 и 1849 годовъ, былъ причиною появленія множества историческихъ сочиненій, имѣвшихъ цѣлью частію простое изложеніе этихъ событій, частію оцѣнку внутренняго ихъ значенія. Попытки такого рода оказались, однакожь, больше неудачными. Роль историковъ принимали на себя по большой части такіе люди, которые или участвовали сами въ описываемыхъ событіяхъ, или, по крайней мѣрѣ, живо испытали на себѣ ихъ вліяніе. Отъ такихъ писателей, конечно, трудно было ожидать полнаго безпристрастія; главною цѣлію ихъ сочиненій было восхваленіе или собственной ихъ личности, или той политической стороны, къ которой они принадлежали. Въ ихъ рукахъ исторія превращалась въ памфлетъ; къ

Digitized by Google

истинѣ примѣшивалась неправда, и даже самая истина явилась въ такомъ преувеличенномъ видѣ, который возбудилъ во многихъ невольную и справедливую недовѣрчивость. Съ другой стороны, недостатокъ подробныхъ и критически-очищенныхъ матеріяловъ препятствовалъ даже людямъ вполнѣ равнодушнымъ открыть истину, разъяснить настоящій характеръ событій и разгадать дѣйствительную ихъ причину. Единственнымъ источникомъ для исторіи двухъ послѣднихъ годовъ служили и служатъ до сихъ поръ газетныя извѣстія; а кто не знаетъ, какъ извѣстія эти отрывочны и безсвязны, какъ преувеличиваютъ они значеніе фактовъ, какъ много остается въ нихъ недосказаннаго, какъ мало такого, чего бы не опровергали послѣдующія, постепенныя признанія. Писать исторію переворотовъ, ознаменовавшихъ собой два послѣдніе года, можно будетъ только тогда, когда напечатаются и разработаются критически всѣ оффиціяльные документы, относящіеся къ событіямъ этой эпохи. Но такихъ документовъ напечатано до сихъ поръ еще весьма немного; а безъ нихъ записки частныхъ лицъ, какъ бы ни были онѣ любопытны сами по себѣ, никогда не доставятъ историку того прочнаго и важнаго основанія, на которомъ долженъ утверждать онъ свои розысканія и выводы.

Впрочемъ, нѣтъ такого общаго правила, которое не допускало бы исключенія; исключенія, какъ извѣстно, не только не опровергаютъ правила, но, напротивъ, подтверждаютъ еще болѣе его справедливость. Руководствуясь этой общеизвѣстною истиною, мы считаемъ себя вправѣ, несмотря на все сказанное выше, признать лежащій передъ нами трудъ г. Лебедева трудомъ дѣльнымъ, добросовѣстнымъ и вполнѣ достигающимъ своей цѣли. Надо сознаться, что почтенный авторъ имѣлъ болѣе средствъ, чѣмъ всякій другой, выполнить съ успѣхомъ свою задачу. Онъ не принималъ никакого участія въ событіяхъ, которыя описывалъ, стоялъ отъ нихъ вдалекѣ, какъ равнодушный и спокойный зритель, и потому самое описаніе ихъ могъ составить безпристрастно, *sine ira et studio*. Съ другой стороны, эпизодъ, составляющій предметъ его сочиненія, самъ по себѣ таковъ, что изученіе его гораздо легче, чѣмъ изученіе другихъ событій той же эпохи. Вообще, военныя происшествія легче описывать, чѣмъ политическія: истина ихъ менѣе затемняется вліяніемъ страстей, а ложь узнается скорѣе, потому что для повѣрки ея существуетъ гораздо болѣе средствъ въ рукахъ историка. Къ этому надо прибавить, что итальянская война 1848 и 1849 годовъ, составляющая предметъ сочиненія г. Лебедева, принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ изъ современныхъ событій, для разъясненія которыхъ уже имѣется въ наличности достаточное

Digitized by Google

число матеріяловъ. Австрійское правительство обнародовало сводъ оффиціальныхъ извѣстій объ этихъ кампаніяхъ; сверхъ того, записокъ объ этой войнѣ, писанныхъ очевидцами, вышло такъ уже много, что, несмотря на пристрастіе и неточность нѣкоторыхъ изъ нихъ, представляется совершенно возможнымъ раскрыть вполнѣ истину посредствомъ сличенія и критическаго разбора всѣхъ противорѣчащихъ показаній. Притомъ, нѣкоторыя изъ этихъ записокъ писаны людьми, не принадлежащими ни къ той, ни къ другой изъ враждующихъ сторонъ. Особенно важный и по числу фактовъ и по достовѣрности ихъ матеріялъ составляетъ сочиненіе прусскаго генерала Валлизена, которому открыты были всѣ источники и даже позволено было переѣзжать изъ одной арміи въ другую. Г. Лебедевъ воспользовался для своего труда какъ этимъ сочиненіемъ, такъ и всѣми другими, относящимися къ тому же предмету; списокъ всѣхъ книгъ и брошюръ, принятыхъ въ руководство авторомъ, помѣщенъ въ предисловіи къ его книгѣ. Сверхъ того, онъ пересмотрѣлъ, какъ говоритъ самъ, отдѣльныя статьи, разсѣянныя въ журналахъ, и всѣ современныя извѣстія лучшихъ періодическихъ изданій — *Allgemeine Zeitung*, *Journal des Débats* и *Journal de Francfort*.

При необыкновенномъ трудолюбіи г. Лебедева и навѣстности, пріобрѣтенной прежними его трудами, немудрено, что ему удалось составить книгу большую, дѣльную и, по содержанію своему, весьма занимательную. Но для того, чтобы читатели наши могли судить съ полнымъ знаніемъ дѣла о занимательности этой книги, мы постараемся познакомить ихъ ближе съ ея содержаніемъ. По нашему мнѣнію, это будетъ лучшимъ средствомъ доказать справедливость нашихъ сужденій. Сверхъ того, мы полагаемъ, что многіе факты, находящіеся въ книгѣ г. Лебедева, будутъ имѣть для большинства читателей интересъ совершенной новости. Походы Радецкаго въ Италіи извѣстны намъ были до сихъ поръ только по современнымъ газетнымъ извѣстіямъ, неполнымъ и отрывочнымъ; и только теперь, благодаря трудолюбію г. Лебедева, представляется возможность изложить эти событія въ связномъ и отчетливомъ разсказѣ.

Сочиненіе г. Лебедева начинается краткимъ очеркомъ жизни графа Радецкаго до начала послѣдней ломбардской революціи. Долгъ справедливости заставляетъ насъ сознаться, что очеркъ этотъ не оправдалъ нашихъ ожиданій. Онъ заключаетъ въ себѣ только послужной списокъ знаменитаго полководца; прочтя его, мы остались въ прежнемъ невѣдѣніи насчетъ частной жизни Радецкаго, его нравственныхъ свойствъ и постепеннаго ихъ развитія. Мы узнали изъ него только слѣдующіе факты, которые и сообщаемъ нашимъ чита-

Digitized by Google

телямъ. Графъ Іосифъ Радецкій де-Радецъ *(Radetzky de Radetz)* родился въ Требницѣ, въ Богеміи, въ 1766 году. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ обнаружилъ онъ особенное влеченіе къ военной службѣ, въ которую и вступилъ на двадцать-второмъ году отъ рожденія. Съ 1796 по 1814 годъ онъ постоянно находился въ рядахъ дѣйствующей арміи и принималъ участіе въ бо́льшей части знаменитѣйшихъ сраженій этой эпохи. Отличаясь постоянною храбростію, онъ возвышался въ чинахъ довольно быстро, въ 1805 году былъ уже произведенъ въ генералъ-майоры, а спустя четыре года удостоился чести быть начальникомъ штаба у эрцгерцога Карла во время кампаніи 1809 года. Побѣдою при Аспернѣ австрійцы обязаны были преимущественно искуснымъ распоряженіямъ Радецкаго, получившаго за это сраженіе чинъ фельдмаршала-лейтенанта. Въ 1813 и 1814 годахъ Радецкій былъ начальникомъ штаба у главнокомандующаго союзными арміями, князя Шварценберга. Здѣсь въ особенности развился административный его талантъ; всѣ распоряженія, имѣвшія послѣдствіемъ пораженіе Наполеона подъ Лейпцигомъ и вторженіе шести-сотъ-тысячной союзной арміи во Францію, выходили изъ подъ его пера. По окончаніи войны онъ не остался въ бездѣйствіи, но исполнялъ съ успѣхомъ разныя должности, къ которымъ призывало его довѣріе правительства. Въ 1829 году онъ былъ произведенъ въ генералы отъ кавалеріи и назначенъ комендантомъ сначала въ Офенъ, потомъ въ Ольмюцъ и наконецъ въ Лембергъ, — въ 1831 году сдѣланъ былъ главнокомандующимъ войсками въ Ломбардо-Венеціянскомъ королевствѣ, а въ 1836 году произведенъ въ генералъ-фельдмаршалы. Несмотря на многочисленныя занятія, онъ находилъ время постоянно слѣдить за усовершенствованіями военнаго искусства и первый сдѣлалъ опытъ введенія въ австрійскую армію боевыхъ порядковъ, по примѣру Высочайше утвержденныхъ для нашей арміи. «Нѣтъ сомнѣнія — замѣчаетъ по этому случаю г. Лебедевъ — что «эти тактическія усовершенствованія исправили существенный не«достатокъ австрійской арміи, — ея неподвижность, неспособность «къ маневрированію, и сдѣлали ее вполнѣ послушнымъ орудіемъ «маститаго вождя, въ настоящихъ трудныхъ обстоятельствахъ, въ «такой пересѣченной странѣ, какова равнина сѣверной Италіи; даже «во время настоящей венгерской кампаніи, генералы, образовав«шіеся въ Италіи, подъ начальствомъ Радецкаго, съ успѣхомъ «употребляли его боевые бригадные порядки.»

Назначенный военнымъ начальникомъ Ломбардіи въ 1831 году, Радецкій постоянно занималъ эту должность до самого 1848 года, т. е. до начала итальянскихъ революцій. Въ теченіи семьнадцати лѣтъ, благодаря его твердости, Ломбардія оставалась спокойною; но въ на-

Digitized by Google

началѣ 1848 года она увлеклась общимъ революціоннымъ движеніемъ, охватившимъ въ это время всѣ итальянскія провинціи. Происхожденіе этого движенія и причины его быстраго развитія указаны г-мъ Лебедевымъ кратко, но отчетливо и вѣрно. Первымъ поводомъ къ пробужденію въ Италіи революціоннаго духа были, какъ извѣстно, преобразованія, предпринятыя въ 1846 году вновь избраннымъ папою, Піемъ IX. Преобразованія эти, встрѣченныя общимъ восторгомъ Италіи, пробудили въ ней съ новою силою постоянно таившуюся надежду на возстановленіе государственнаго единства и національной независимости. Расчитывая на помощь сардинскаго короля и его шестидесяти-тысячной, превосходно-организованной арміи, итальянскіе демократы приготовились къ возстанію и уже въ 1847 году успѣли произвесть безпорядки въ Моденѣ и Флоренціи. Ломбардія еще не трогалась; но Радецкій, понимавшій настоящее положеніе дѣлъ, неоднократно указывалъ своему правительству на непріятельское расположеніе сардинскаго короля, на тайныя приготовленія его къ войнѣ, на необходимость усилить австро-итальянскую армію и привести въ лучшее положеніе находившіяся въ Ломбардіи крѣпости. Но австрійское министерство, надѣясь на привязанность жителей къ вице-королю Ломбардіи, эрцгерцогу Рейнеру, не оцѣнило надлежащимъ образомъ представленій Радецкаго, считало опасенія его преувеличенными и для усиленія его назначило только 16 батальоновъ, приказавъ сформировать изъ нихъ резервный корпусъ.

Революціонное движеніе проникло въ Ломбардію въ самомъ началѣ 1848 года. Первые признаки его обнаружились тѣмъ, что въ Миланѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ молодежь рѣшилась не курить сигаръ и запретить всѣмъ ихъ куреніе, — съ цѣлью лишить австрійское правительство того дохода, который получало оно отъ табачнаго акциза. По этому поводу, 2 и 3 января обнаружились въ Миланѣ безпорядки, которые, впрочемъ, прекращены были въ тоже время вооруженною силою. Эрцгерцогъ Рейнеръ, желая кроткими мѣрами успокоить умы, приказалъ войскамъ, для избѣжанія всякаго повода къ непріязненнымъ стычкамъ, оставаться въ казармахъ и строго запретилъ имъ курить на улицахъ. Но эти распоряженія еще болѣе усилили безпорядки, и вице-король увидѣлъ себя вынужденнымъ предоставить Радецкому право дѣйствовать по своему усмотрѣнію и принимать всѣ мѣры, необходимыя для возстановленія порядка. Между тѣмъ въ другихъ государствахъ Италіи также обнаружились возстанія: 8-го января произошли безпорядки въ Ливурно, 9-го — въ Павіи, 10-го — въ Пизѣ, 12-го — въ Сициліи. При такихъ обстоятельствахъ, необходимо было принять энер-

Digitized by Google

гическія мѣры. 15-го января, въ краснорѣчивой прокламаціи къ своимъ солдатамъ, Радецкій объяснилъ имъ настоящее положеніе дѣлъ и высказалъ твердое намѣреніе отстаивать права законной власти противъ всѣхъ возможныхъ нападеній. Прокламація эта принята была арміею съ восторгомъ; но, къ сожалѣнію, число и состояніе войска далеко не соотвѣтствовали важности того подвига, къ которому призывали Радецкаго обстоятельства. Общая численность австрійской арміи въ Италіи простиралась въ то время отъ 65 до 70 тысячъ. Армія раздѣлена была на два большіе корпуса, разсѣянные по всему королевству. Одинъ, подъ начальствомъ графа Вратислава, расположенъ былъ въ Ломбардіи, — другой, подъ предводительствомъ барона д'Аспре, въ венеціанскихъ владѣніяхъ. Въ подкрѣпленіе къ этимъ войскамъ, предположено было сформировать резервный корпусъ, что́ и поручено было графу Нюдженту; но формированіе этого корпуса производилось весьма медленно. Кромѣ малочисленности и раздробленія на небольшіе отряды, австро-итальянская армія имѣла еще одинъ существенный недостатокъ: треть ея состояла изъ итальянцевъ, на вѣрность которыхъ нельзя было полагаться. Наконецъ, дѣйствія сардинскаго правительства еще болѣе увеличивали опасность того положенія, въ которомъ находился Радецкій. По распоряженію короля Карла-Альберта, были призваны въ ряды піемонтской арміи всѣ оставившіе службу ветераны, запрещено отпускать выслужившихъ сроки, потребованы къ своимъ мѣстамъ всѣ офицеры и унтеръ-офицеры, уволенные въ отпускъ, и приняты мѣры для приведенія всѣхъ крѣпостей въ оборонительное положеніе.

Между тѣмъ въ самой Ломбардіи преслѣдованіе курильщиковъ съ каждымъ днемъ становилось упорнѣе. Не ограничиваясь угрозами и оскорбленіями, начали прибѣгать къ убійству и насилію. Особенно невыносимо было положеніе военныхъ: ихъ публично оскорбляли при появленіи на улицѣ; и даже трактирные лакеи отказывались служить тѣмъ, кто говорилъ по нѣмецки. Въ Бергамо, въ Кремонѣ, въ Венеціи, въ самомъ Миланѣ безпрестанно происходили безпорядки. Положеніе дѣлъ въ сосѣднихъ государствахъ еще болѣе поддерживало тревожное состояніе умовъ. Въ Римѣ народъ осаждалъ Квиринальскій дворецъ, требуя отъ папы благословенія на крестовый походъ противъ австрійцевъ; въ Генуѣ явно проповѣдывали походъ въ Ломбардію; въ Неаполѣ и Ливурно происходили возстанія во имя Пія IX, а сардинскій король сдвигалъ войска свои къ границѣ подъ видомъ принятія мѣръ противъ распространенія мятежа. Опасность увеличивалась съ каждымъ днемъ, и австрійское министерство рѣшилось принять энергическія мѣры. 22 февраля Ломбардо-Венеціа-

Digitized by Google

ланское королевство объявлено было на военномъ положеніи; Радецкому — предоставлена полная свобода дѣйствій, приказано ускорить отправленіе вспомогательныхъ войскъ въ Италію и посланы значительныя суммы на военныя издержки. Эти мѣры увѣнчались полнымъ успѣхомъ и остановили на время быстро распространившееся волненіе; извѣстная твердость Радецкаго и общая преданность къ нему солдатъ возбудили всеобщее довѣріе; убійства прекратились; все вошло въ законный порядокъ и даже происшедшая 24 февраля въ Парижѣ революція не имѣла никакого отголоска въ Миланѣ. Но спокойствіе это продолжалось недолго: мятежъ вспыхнулъ съ новою силою, какъ скоро возстаніе, происшедшее въ Вѣнѣ 13 марта, оживило надежды итальянскихъ демагоговъ и дало имъ новыя средства къ исполненію ихъ постоянныхъ, только на минуту затаившихся замысловъ.

17 марта получено было въ Миланѣ первое извѣстіе о вѣнскихъ происшествіяхъ. Въ тотъ же вечеръ вице-король эрцгерцогъ Рейнеръ уѣхалъ со всѣмъ семействомъ своимъ въ Тироль, въ сопровожденіи миланскаго губернатора, графа Спаура. На другой день обнародовано было императорское повелѣніе объ избраніи народныхъ представителей для составленія проэкта ломбардской конституціи. Едва узнали объ этомъ въ Миланѣ, какъ тотчасъ же всѣ улицы покрылись многочисленными толпами народа, требовавшаго немедленнаго исполненія императорскаго декрета; мгновенно составилась депутація, которая, подъ предводительствомъ городского подесты, графа Казати, и въ сопровожденіи толпы вооруженной молодежи, двинулась ко дворцу, чтобы объявить гражданскому губернатору графу О'Доннелю свои требованія. О'Доннель старался усмирить недовольныхъ силою убѣжденія и остановилъ войска, шедшія для защиты дворца; но въ это время толпа напала на часовыхъ, заграждавшихъ доступъ къ дворцу; одинъ изъ предводителей мятежниковъ, Чернуски, бросившись на самого губернатора, взялъ его въ плѣнъ и принудилъ подписать распоряженіе о сформированіи національной гвардіи и предоставленіи полицейскаго управленія городскому муниципалитету. Мятежъ охватилъ съ быстротою молніи всѣ улицы Милана, и на Бролетто, мѣстѣ засѣданія магистрата, развилось трехцвѣтное знамя. Австрійскія войска, захваченныя въ расплохъ, въ первыя минуты дѣйствовали безъ единства; расположеніе города, въ которомъ волновалось 170 тысячъ жителей, представляло большія затрудненія для ихъ удобнаго маневрированія и дѣйствія. Главнымъ пунктомъ, около котораго они сосредоточились, былъ замокъ, находящійся на западной сторонѣ Милана; оттуда повелъ Радецкій аттаку противъ города. Въ теченіи трехъ дней, 18, 19 и 20

Digitized by Google

марта кровопролитная борьба между инсургентами и австрійцами не прекращалась ни на минуту; въ началѣ успѣхъ переходилъ съ одной стороны на другую; но подъ конецъ стали одолѣвать мятежники. Въ тоже время получено было извѣстіе о скоромъ прибытіи сардинскаго войска на помощь Милану. Тогда Радецкій увидѣлъ необходимость отступить отъ Милана и, соединивъ всѣ свои войска, стать подъ защитою крѣпостей Вероны, Леньяго, Пескьеры и Мантуи. Притянувъ къ себѣ бригады Страссольдо и Маурера, стоявшія на Тессино, Радецкій началъ отступательное движеніе въ ночь съ 22 на 23 марта, а вечеромъ 24 достигнулъ Лоди, гдѣ и расположился лагеремъ за рѣкою Аддою.

Войско Радецкаго было въ высшей степени изнурено пятидневной упорною борьбою въ улицахъ Милана. Оно потеряло 260 человѣкъ убитыми и 369 ранеными. Кромѣ того, около 16,000 человѣкъ, уроженцевъ Ломбардо-Венеціянскаго королевства, оставили свои знамена и передались на сторону инсургентовъ. Въ Лоди Радецкій получилъ прискорбныя извѣстія о возстаніи Кремоны, Брешіи, Удино, Тревизо, Падуи и Венеціи. Въ особенности прискорбно было паденіе Венеціи, города важнаго въ политическомъ и военномъ отношеніи. Оно убѣдило фельдмаршала въ невозможности оставаться за Аддою, посреди страны, въ которой повсюду пылало возстаніе. Поэтому онъ рѣшился отступить далѣе— къ рѣкамъ Минчіо и Адижу, и стать подъ защиту четырехъ крѣпостей, устроенныхъ на этихъ рѣкахъ. Отступленіе началось 23 марта, а 2 апрѣля оба корпуса, составлявшіе, какъ замѣчено было выше, австро-итальянскую армію, соединились подъ Вероною, сильною и обширною крѣпостію, находящеюся на рѣкѣ Адижѣ.

Между тѣмъ сардинское войско уже вступило въ предѣлы Ломбардіи, въ числѣ 62 тысячъ. Превосходное по своему устройству, оно имѣло неопытныхъ начальниковъ. Главный предводитель его король Карлъ-Альбертъ видѣлъ войну только издали; генералы его были еще неопытнѣе и даже сами говорили передъ палатами, что тридцати-пятилѣтній миръ не способствовалъ развитію ихъ военныхъ дарованій. Генеральный штабъ находился въ плохомъ состояніи; части интендантская и медицинская устроены были весьма дурно. Но, несмотря на всѣ эти недостатки, сардинская армія имѣла надъ австрійскою два важныхъ преимущества; во первыхъ, она значительно превосходила ее числомъ. Она состояла, какъ уже сказано выше, изъ 62 тысячъ человѣкъ, тогда какъ подъ начальствомъ Радецкаго было не болѣе 30 тысячъ. Во вторыхъ, она дѣйствовала въ странѣ, расположенной въ ея пользу, тогда какъ войско австрійское встрѣчало въ жителяхъ сильное нерасположеніе и отовсюду окружено

Digitized by Google

было врагами. Но эти важныя преимущества не принесли никакой пользы Карлу Альберту; его многочисленныя ошибки и военная опытность графа Радецкаго дали войнѣ такой результатъ, котораго, конечно, не предвѣщало ея начало.

25 марта сардинскія войска переправились черезъ Тессино двумя колоннами и двинулись: 1-й корпусъ на Миланъ, Бресчію и Гойто, а 2-й — на Павію, Лоди и Кремону. Сверхъ того, изъ итальянскихъ волонтеровъ сформированъ былъ особый корпусъ, въ 8 или 10 тысячъ человѣкъ, подъ начальствомъ піемонтскаго генерала Аллеманди. Ему велѣно было раздѣлиться и дѣйствовать по двумъ направленіямъ: одна часть должна была обойти озеро Идро съ западной стороны и занять Рокка д'Анфо, Риву и Тріентъ; другою же частію предположено было дѣйствовать на западной сторонѣ Гардскаго озера. Назначеніе этого отряда состояло въ томъ, чтобы отрѣзать австрійскимъ войскамъ единственное ихъ сообщеніе съ Вѣною по долинѣ р. Адижа. Что касается до арміи Радецкаго, то она расположена была между Вероною и Минчіо, имѣя въ Гойто авангардъ свой, подъ начальствомъ Вольгемута.

Вечеромъ 7 апрѣля, первая дивизія 1-го сардинскаго корпуса, подъ начальствомъ генерала Бава, расположилась въ $3^1/_2$ миляхъ отъ Гойто, занятаго одною ротою тирольскихъ егерей; всѣ остальныя силы Вольгемута стояли на лѣвомъ берегу Минчіо. 8-го апрѣля утромъ сардинцы вытѣснили австрійскихъ егерей изъ Гойто и тотчасъ же перешли Минчіо. На другой день, именно 9 апрѣля, 3-я сардинская дивизія (2 корпуса), послѣ легкой стычки съ австрійцами, также перешла Минчіо, неподалеку отъ Монцамбано, небольшого города, находящагося въ 17 верстахъ выше Гойто. Наконецъ 11 апрѣля, два сардинскихъ батальона, подъ начальствомъ полковника Моллара, переправились черезъ ту же рѣку, несмотря на сопротивленіе австрійцевъ, около Борготто, находящагося верстахъ въ 8-ми ниже Монцамбано. Къ 19 апрѣля вся сардинская армія была уже на лѣвомъ берегу Минчіо.

Не имѣя никакого опредѣленнаго плана дѣйствій и получивъ извѣстіе, будто гарнизонъ Пескьеры (крѣпости, находящейся на Минчіо въ $3^1/_2$ верстахъ выше Монцамбано) совершенно упалъ духомъ и готовъ сдаться по первому востребованію, Карлъ-Альбертъ послалъ 10 апрѣля парламентёра къ коменданту, съ предложеніемъ сдачи. Получивъ противъ ожиданія отказъ, онъ рѣшился приступить къ правильной осадѣ Пескьеры, а покуда ограничиться ея обложеніемъ. Этимъ обложеніемъ и частыми рекогносцировками, успѣхъ которыхъ переходилъ съ одной стороны на другую, ограничивались дѣйствія Карла-Альберта въ теченіи цѣлыхъ десяти дней

Digitized by Google

Только 20 апрѣля рѣшился онъ начать наступательныя дѣйствія. Планъ его состоялъ въ слѣдующемъ. Онъ хотѣлъ обойти правое крыло Радецкаго, стать на его сообщеніяхъ съ Тиролемъ и, перейдя Адижъ выше расположенія австрійцевъ, пресѣчь единственный путь ихъ отступленія. При этомъ онъ надѣялся воспользоваться ошибкою Радецкаго, отрядившаго къ Пастренго (въ двадцати верстахъ отъ Вероны) бригаду Вольгемута; бригада эта была назначена для сохраненія сообщенія арміи съ Тиролемъ; но удаленіе такого слабаго отряда отъ Вероны, гдѣ находились главныя силы австрійцевъ, мало удовлетворяло предназначенной цѣли и подвергало Вольгемута опасности отдѣльнаго пораженія.

20 апрѣля Карлъ-Альбертъ двинулъ часть своего войска къ Пастренго и, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, успѣлъ 30-го того же мѣсяца выгѣснить австрійцевъ изъ этого пункта, несмотря на подкрѣпленіе, присланное Вольгемуту Радецкимъ. Дѣло 30 апрѣля окончилось самымъ выгоднымъ образомъ для сардинцевъ. Выбитые изъ всѣхъ позицій, австрійцы переправились на лѣвый берегъ Адижа, уничтожили за собой мостъ и расположились для наблюденія за рѣкою у Понтонъ, Арче и Пороны. Сардинскій король началъ дѣлать приготовленія къ переправѣ чрезъ Адижъ у Арче, гдѣ мѣстность весьма этому способствовала. Судьба Италіи могла рѣшиться на лѣвомъ берегу Адижа, но вдругъ Карлъ-Альбертъ измѣнилъ всѣ свои предположенія. Получивъ извѣстіе, что жители Вероны ожидаютъ перваго благопріятнаго случая для возстанія противъ австрійцевъ, что пять тысячъ итальянцевъ, находящихся въ арміи Радецкаго, также готовы передаться, а четыре тысячи венгерцевъ, узнавшіе о началѣ безпокойствъ на своей родинѣ, откажутся принять участіе въ сраженіи, — онъ рѣшился вдругъ отказаться отъ переправы чрезъ Адижъ, спуститься по правому берегу его до Вероны и тамъ произвести фронтальное нападеніе на высоты, занятыя австрійцами впереди крѣпости, въ разстояніи отъ нея болѣе чѣмъ на пушечный выстрѣлъ. Въ ночь съ 3 на 4 мая король снялся съ позиціи, а 5 числа достигъ съ своимъ войскомъ веронскихъ высотъ. На слѣдующій день открылось упорное сраженіе, продолжавшееся нѣсколько часовъ сряду. Главнымъ пунктомъ, около котораго сосредоточивались дѣйствія, было мѣстечко Санта-Лучія, находящееся невдалекѣ отъ Вероны. Піемонтская армія показала въ этомъ дѣлѣ необыкновенную храбрость, засвидѣтельствованную самимъ Радецкимъ; несмотря на то, разбросанное расположеніе сардинскихъ войскъ, неимѣніе резервовъ и отсутствіе необходимаго единства въ нападеніяхъ были причиною совершеннаго пораженія сардинцевъ. Отброшенные отъ Санта-Лучіи, они бѣжали въ величайшемъ безпо-

Digitized by Google

рядкѣ, хотя непріятель и не думалъ ихъ преслѣдовать. Дороги усѣяны были трупами умершихъ и умирающихъ отъ ранъ; раненыхъ, за немѣніемъ хорошихъ фуръ, везли на телѣгахъ и артилерійскихъ повозкахъ; хирурги, не имѣвшіе порядочныхъ инструментовъ для ампутацій, не могли исполнять своихъ обязанностей; армія ушла совершенно духомъ; и, по моральному вліянію своему, побѣда Радецкаго имѣла еще болѣе важности, нежели въ чисто-военномъ отношеніи. Вообще, на сраженіе при С.-Лучіи, какъ справедливо замѣчаетъ г. Лебедевъ, должно смотрѣть, какъ на окончаніе перваго періода кампаніи 1848 года. «Отсюда дѣло австрійцевъ, которое ка«залось совершенно проиграннымъ, начинаетъ измѣнять свой ха«рактеръ; успѣхъ быстро слѣдуетъ за успѣхомъ, и вскорѣ истощен«ная и обезсиленная сардинская армія принуждена была сражаться «уже не за побѣду, а за жизнь, какъ говаривалъ Цезарь.»

Одержавъ побѣду при С.-Лучіи, Радецкій желалъ тотчасъ перейти къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ; но важныя причины принудили его остаться три недѣли подъ стѣнами Вероны. Важнѣйшею изъ нихъ была необходимость дождаться графа Нюжента, который шелъ къ нему на подкрѣпленіе съ корпусомъ въ тридцать тысячъ человѣкъ, сформированнымъ съ необыкновенною быстротою, благодаря искусству и распорядительности австрійскаго военнаго министра, графа Латура. Нюжентъ шелъ съ сѣвера и переправился черезъ рѣку Изонцо уже въ половинѣ апрѣля; но въ дальнѣйшемъ своемъ пути онъ безпрестанно встрѣчалъ непріятелей, затруднявшихъ ему переправы черезъ рѣки, и потому подвигался весьма медленно. 9 мая онъ подступилъ къ Тревизо, но, не успѣвъ взять этого города, обратился на Виченцу, вѣроятно съ тѣмъ, чтобы открыть сообщеніе съ Радецкимъ. 20 онъ произвелъ нападеніе на Виченцу; но жители оборонялись упорно въ теченіи цѣлаго дня, а 21 поутру прибылъ къ нимъ на помощь четырехъ-тысячный римскій корпусъ, подъ начальствомъ генерала Дуранло. Послѣ этой неудачи Нюжентъ рѣшился сложить съ себя начальство. Мѣсто его занялъ графъ Турнъ. Радецкій, желая загладить невыгодное впечатлѣніе, произведенное на корпусъ Нюжента неудачною аттакою Виченцы, и овладѣвъ этимъ городомъ, открыть сообщеніе съ изобильными венеціянскими областями, приказалъ Турну произвести 23 новое нападеніе на Виченцу. Послѣ двѣнадцати-часового бомбардированія, австрійцы нѣсколько разъ ходили на приступъ; но всѣ ихъ аттаки были отражены съ значительною потерею, простиравшейся, по слухамъ, до двухъ тысячъ человѣкъ. Главною причиною этой неудачи были, какъ замѣчаетъ г. Лебедевъ, мужество и распорядительность генерала Дуранло, защищавшаго Виченцу. Отраженный имъ, графъ Турнъ рѣшил-

Digitized by Google

ся отступить отъ Виченцы и 25, прибывъ въ Верону, соединился съ главными силами. 26 корпусъ его имѣлъ отдыхъ, а 27 Радецкій предположилъ начать наступательное дѣйствіе къ Минчіо. Въ это время главная сардинская армія расположена была между рѣками Минчіо и Адижемъ, занимая первымъ флангомъ окрестности Мантуи, центромъ Виллафранку, Сону и С.-Жіустину, а лѣвымъ флангомъ Пастренго. Часть ея, подъ начальствомъ герцога генуэзскаго, продолжала осаждать Пескьеру. Планъ Радецкаго состоялъ въ томъ, чтобы съ одной стороны подать помощь Пескьерѣ, а съ другой, устремивъ главную массу силъ на Мантую, перейти тамъ Минчіо, двинуться вверхъ, по правому берегу этой рѣки, разбить находившіяся на этомъ берегу (около мѣстечка Куртатоне) неаполитанскія и тосканскія войска, а оттуда дѣйствовать въ тылъ арміи Карла-Альберта. Для исполненія этого плана приказано было небольшому отряду, подъ начальствомъ полковника Цобеля, итти на помощь Пескьерѣ,— корпусу графа Турна оставаться въ Веронѣ, а главнымъ силамъ, простиравшимся въ то время до сорока тысячъ, итти тремя колоннами къ Мантуѣ.

Всѣ эти движенія начались, какъ уже замѣтили мы выше, 27 мая. 29 того же мѣсяца полковникъ Цобель, разбитый высланною противъ него сардинской бригадою, принужденъ былъ отступить, не достигнувъ назначенной ему цѣли. Въ тотъ же день, самъ Радецкій, уже наканунѣ прибывшій въ Мантую, вознамѣрился овладѣть укрѣпленною непріятельскою позиціею между Куртатоне и Монтанара, и обойдя такимъ образомъ оконечность праваго фланга непріятельской линіи, двинуться вверхъ по Минчіо, съ тѣмъ, чтобы принудить сардинцевъ либо принять рѣшительное сраженіе, либо уступить. Тосканскія войска, защищавшія Куртатоне и Монтанару, несмотря на упорное, цѣлый день продолжавшееся сопротивленіе, принуждены были наконецъ уступить превосходной силѣ непріятеля; часть ихъ положила оружіе, часть отступила отъ прежде занятыхъ позицій. Но стойкая оборона ихъ принесла большую пользу Карлу-Альберту. Она дала піемонтской арміи время собраться около Гойто, на правомъ берегу Минчіо. 30 числа сардинцы, въ числѣ 20 тысячъ человѣкъ, заняли эту позицію и приготовились встрѣтить нападеніе австрійцевъ. Съ своей стороны, Радецкій, не зная, что при Гойто успѣли сосредоточиться столь значительныя силы, двинулъ на этотъ пунктъ одинъ 1-й, изъ 12,000 человѣкъ состоявшій корпусъ, желая произвести только усиленную рекогносцировку этихъ мѣстъ, чтобы узнать числительность и расположеніе непріятеля. Но, встрѣтивъ не вдалекѣ отъ Гойто непріятеля, войска 1 корпуса, ободренныя побѣдою предшествовавшаго дня, увлеклись и завязали бой, несмотря на

Digitized by Google

значительное превосходство сардинской арміи. 2 австрійскій корпусъ былъ такъ отдаленъ отъ мѣста битвы, что не могъ подать никакой помощи; поэтому, послѣ трехъ-часового кровопролитнаго боя, австрійцы принуждены были отступить отъ Гойто. Дѣло, происходившее въ этомъ пунктѣ, сочтено было сардинцами за побѣду. И дѣйствительно, они успѣли отразить австрійцевъ и удержались въ своей позиціи на Минчіо Радость ихъ была еще увеличена привезеннымъ въ эту минуту извѣстіемъ о сдачѣ Пескьеры, которая мужественно защищалась въ теченіи 50 дней, но принуждена была наконецъ уступить силѣ обстоятельствъ.

Войска австрійскія, несмотря на неудачу главной арміи на Гойто, надѣялись на другой день снова помѣряться силами съ непріятелемъ. Но вслѣдствіе проливного дождя, безпрерывно продолжавшагося четыре дня, рѣки По и Минчіо выступили изъ береговъ и дороги сдѣлались рѣшительно непроходимы не только для артиллеріи и кавалеріи, но даже для пѣхоты. Между тѣмъ Радецкій получилъ одно за другимъ непріятныя извѣстія о сдачѣ Пескьеры, о сосредоточеніи 40,000 сардинскихъ войскъ на правомъ берегу Минчіо, о занятіи ими позиціи чрезвычайно выгодной, наконецъ объ удаленіи Императора въ Тироль и о возстаніи, происшедшемъ 26 мая въ Вѣнѣ. Эти извѣстія заставили фельдмаршала совершенно измѣнить планъ своихъ дѣйствій. Съ паденіемъ Пескьеры утратилась главная цѣль наступленія къ верховьямъ Минчіо. Съ другой стороны, при новомъ положеніи дѣлъ въ самой Австріи, армія не только не могла надѣяться на подкрѣпленіе, но могла оказаться необходимою для защиты престола въ самой Австріи. Взвѣсивъ эти обстоятельства, Радецкій рѣшился оставить свою позицію при Минчіо, обратиться противъ Венеціянской области, неожиданно овладѣть Виченцей, какъ пунктомъ, лежавшимъ на прямомъ сообщеніи Вероны съ Тиролемъ, и, совершенно обезпечивъ себя съ этой стороны, выждать, чѣмъ кончатся вѣнскія смуты, и тогда перейти снова къ наступленію. Сосредоточеніе сардинской арміи на правомъ берегу Минчіо и увѣренность ея предводителя въ томъ, что Радецкій постарается загладить неудачу при Гойто новымъ сраженіемъ, много облегчили для австрійскаго главнокомандующаго исполненіе его предначертаній.

Въ ночь съ 3 на 4 іюня австрійская армія скрытно снялась съ своей позиціи и черезъ Мантую потянулась къ Виченцѣ. Движеніе это продолжалось нѣсколько дней. Австрійскія силы сосредоточились около Виченцы только 9 іюля, и на слѣдующій день Радецкій уже рѣшился произвести нападеніе на этотъ городъ. Несмотря на упорную и мужественную защиту генерала Дурандо, Радецкій одержалъ верхъ. Утромъ 11 числа заключена была капитуляція, а въ

Digitized by Google

полдень городъ былъ сданъ австрійцамъ. Войска Дуранде, въ числѣ 15 тысячъ, получили свободный пропускъ въ отечество, обязавшись не служить противъ Австріи въ теченіи 3 мѣсяцевъ; сверхъ того фельдмаршалъ обѣщалъ амнистію замѣшаннымъ въ мятежѣ жителямъ Виченцы и ея округа. Этотъ успѣхъ Радецкаго былъ весьма важенъ самъ по себѣ; но важность его еще усилилась тѣмъ, что около того же времени Падуя и Тревизо покорились австрійскимъ войскамъ; первый городъ взятъ былъ барономъ д'Аспре, второй — фельдмаршалъ-лейтенантомъ Вельденомъ. Такимъ образомъ, все Венеціянское королевство, за исключеніемъ Озопо, Пальмановы и самой Венеціи, снова покорилось своему законному государю.

Вырвавъ Виченцу изъ рукъ инсургентовъ, Радецкій снова поспѣшилъ къ Веронѣ. Онъ справедливо расчитывалъ, что сардинскій король, узнавъ о движеніи австрійцевъ къ Виченцѣ, не упуститъ случая напасть на Верону, съ тѣмъ, чтобы овладѣть этой крѣпостію или по крайней мѣрѣ заставить фельдмаршала поспѣшить къ ней на помощь и снять блокаду Виченцы. Въ самомъ дѣлѣ Карлъ-Альбертъ, получивъ извѣстіе о сдачѣ Виченцы, немедленно поспѣшилъ къ Веронѣ, надѣясь взять ее въ отсутствіе Радецкаго, посредствомъ нечаяннаго нападенія. Но расчеты его были обмануты быстротою и распорядительностію австрійскаго фельдмаршала. 12 іюля Радецкій уже прибылъ въ Верону. Австрійскія войска, утомленныя боемъ и быстрымъ переходомъ, совершеннымъ въ четверо сутокъ, едва лишь расположились на отдыхъ, какъ съ городской обсерваторіи замѣтили приближеніе отъ Валлафранки сильныхъ непріятельскихъ колоннъ. По этому извѣстію, войска поспѣшили изъ казармъ и съ бивуаковъ къ угрожаемымъ пунктамъ и весело строились къ бою, предчувствуя новую побѣду. И дѣйствительно, послѣ незначительной перестрѣлки передовыхъ линій, Карлъ-Альбертъ, убѣдившись, что вся австрійская армія находится въ Веронѣ, поспѣшно отступилъ. Эта небольшая стычка еще болѣе возвысила духъ австрійскихъ войскъ и доказала вполнѣ военныя дарованія ихъ начальника. Еслибъ Радецкій не столь настойчиво аттаковалъ Виченцу, или, довольный одержаннымъ успѣхомъ, промедлилъ подъ нею еще одни сутки, то, безъ сомнѣнія, сардинцы успѣли бы захватить Верону и, переправившись черезъ Адижъ, появились бы на сообщеніяхъ австрійской арміи. «Съ этой минуты — говоритъ Радецкій въ своихъ оффиціальныхъ донесеніяхъ — померкла побѣдная звѣзда непріятеля, исчезла его прежняя самоувѣренность; мѣсто ея заступили колебаніе и нерѣшимость, которыя уничтожили въ войскахъ довѣріе къ начальникамъ, что вполнѣ отразилось въ послѣдующихъ дѣйствіяхъ».

Послѣ неудачной попытки Карла-Альберта на Верону, объ арміи

Digitized by Google

оставались нѣкоторое время въ бездѣйствіи. Только въ половинѣ іюля мѣсяца сардинскій король рѣшился снова приступить къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Планъ его состоялъ въ томъ, чтобъ овладѣть Мантуею; но въ тоже время онъ хотѣлъ удержать за собой позицію, которую занималъ на Адижѣ. Съ этой цѣлью, направивъ значительную часть своихъ войскъ къ Мантуѣ, онъ растянулъ всѣ остальныя силы свои отъ этой крѣпости до Пастренго. Радецкій не имѣлъ въ началѣ положительныхъ свѣдѣній о числѣ сардинскихъ войскъ, сосредоточившихся при Мантуѣ; потому онъ направилъ на этотъ пунктъ только небольшій отрядъ, который при Говерноло былъ совершенно разбитъ сардинскимъ генераломъ Бава. Но эта частная побѣда не принесла сардинцамъ никакой пользы. Она только удостовѣрила Радецкаго въ соединеніи значительныхъ непріятельскихъ силъ подъ Мантуей. Подобное сосредоточеніе не могло обойтись безъ ослабленія центра растянутой сардинской линіи. Поэтому австрійскій главнокомандующій рѣшился направить главный ударъ на пространство между Кустоцца, Сомма-Кампанья, Сона и Санъ-Жіустина. Расчетъ Радецкаго оказался совершенно вѣрнымъ. Захваченные въ расплохъ сардинцы не успѣли сосредоточить своихъ силъ на этихъ пунктахъ и въ кровопролитныхъ сраженіяхъ при Сомма-Кампаньѣ (23 іюля) и Кустоццѣ (25 іюля) не только потерпѣли совершенное пораженіе, но и потеряли всякую возможность успѣшно продолжать начатую при такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ войну. Видя совершенное разстройство своего войска, Карлъ-Альбертъ рѣшился отступить за Минчіо. Направивъ первый корпусъ къ Гойто, онъ приказалъ второму корпусу, подъ начальствомъ генерала де-Сонна, овладѣть находящимся невдалекѣ отъ Гойто мѣстечкомъ Вольта и держаться въ немъ до послѣдней крайности. Это было необходимымъ и единственнымъ средствомъ прикрыть отступленіе сардинской арміи. Но несчастіе преслѣдовало и тутъ Карла-Альберта. Прибывъ въ Вольту, де-Сонна нашелъ ее уже въ рукахъ австрійцевъ. Попытка его овладѣть снова этимъ важнымъ пунктомъ не имѣла успѣха. Разбитый совершенно, онъ долженъ былъ отступить къ Гойто. Эта неудача окончательно разстроила сардинскую армію и принудила короля предложить Радецкому перемиріе. Но условія, предложенныя фельдмаршаломъ, показались королю слишкомъ тягостными; онъ рѣшился продолжать войну, надѣясь на поголовное ополченіе жителей Ломбардіи, а между тѣмъ счелъ нужнымъ отступить съ своей разстроенной и упавшей духомъ арміей къ Милану. Но надежды его на дѣятельную помощь со стороны жителей Милана оказались неосновательными; онъ принужденъ былъ сражаться одинъ съ преслѣдовавшимъ

Digitized by Google

его непріятелемъ и подъ стѣнами этого города потерпѣлъ новое и окончательное пораженіе. Выбитые изъ всѣхъ своихъ позицій, сардинскія войска принуждены были расположиться за городскимъ укрѣпленіемъ, а самъ Карлъ-Альбертъ остановился во дворцѣ Гренпи, ввѣривъ охраненіе своей особы миланской національной гвардіи. Миланцы и не думали защищаться; сардинская же армія совершенно обезсилѣла и упала духомъ; продолжать войну было невозможно, и потому въ ночь съ 4 на 5 августа король рѣшился отправить въ главную квартиру Радецкаго двухъ парламентёровъ, предложившихъ очистить Миланъ и Ломбардо-Венеціянское королевство, съ тѣмъ, чтобы сардинская армія могла безпрепятственно отступить къ р. Тесино. Но, прежде чѣмъ предположеніе это было принято, въ Миланѣ обнаружилось сильное волненіе, подвергшее опасности жизнь короля и ускорившее развязку драмы, уже подготовленную самымъ ходомъ войны. Но разсказать и объяснить эту послѣднюю катастрофу мы предоставимъ самому г. Лебедеву.

«Едва только получены были въ Миланѣ первыя извѣстія о неудачахъ Сардинцевъ, какъ 28-го іюля революціонное правительство Ломбардіи отказалось повиноваться Карлу Альберту и, вопреки его приказаній, ввѣрило охраненіе страны оборонительной коммиссіи (commission de defense), составленной изъ генерала Фанти, адвоката Рестелли и доктора Маэстри; всѣми ея дѣйствіями управляли два демагога, Каттанео и Чернуски, которые думали помощью возгласовъ и зажигательныхъ прокламацій остановить того, котораго не остановила 60 т. армія Карла Альберта. Коммиссія посылала въ главную квартиру короля одинъ планъ за другимъ: она хотѣла укрѣпить все теченіе Адды, потомъ отозвала отъ этой рѣки ломбардскія ополченія и начала раздѣлять Миланъ на части, распредѣляя ополченія, команды и инженеровъ для ихъ защиты, а между тѣмъ наступило 4-ое августа и Австрійцы уже дрались подъ стѣнами мятежнаго города.

«Въ самый день боя миланская оборонительная коммиссія приказала звонить въ набатъ, бить сборъ и раздала народу до 60 т. ружей, взявъ ихъ силою изъ арсенала и складовъ. Подобная толпа, непринимавшая участія въ оборонѣ, только затрудняла дѣйствія Сардинцевъ и была послушнымъ орудіемъ злоумышленниковъ, при покушеніи ихъ на особу короля, къ которому они начали питать непримиримую ненависть съ тѣхъ поръ, какъ войска его испытали неудачи. 5-го августа, пока еще длились переговоры между Піемонтцами и Австрійцами, неизвѣстно кѣмъ была взорвана городская пороховая мельница и съ нею уничтожились послѣднія надежды на продолженіе обороны. Наконецъ, когда условія капитуляціи были подписаны и слухъ объ этомъ распространился по городу, то, такъ называемая, республиканская партія начала разсѣевать самыя нелѣпыя клеветы на счетъ Карла Альберта и его арміи и возбуждать народъ къ бунту.

Digitized by Google

Чернь со всѣхъ сторонъ устремилась ко дворцу Гренни, съ громкими криками: «Morte a Carlo Alberto traditore!...» Она оскорбляла тѣхъ, кто носилъ піемонтскій мундиръ, и, опрокинувъ королевскіе экипажи, похитила драгоцѣнности тамъ находившіяся. Возмущеніе съ часу на часъ возрастало; угрозы противъ короля становились ужаснѣе, а дворцовая стража, составленная изъ Миланцевъ, присоединилась къ черни. Карлъ Альбертъ, увѣренный въ своей правотѣ относительно ослѣпленной черни, вышелъ на дворцовый балконъ; но его голосъ потерялся среди тысячи угрожавшихъ воплей.

«Едва извѣстіе объ этомъ неслыханномъ возстаніи достигло до сардинскаго лагеря, какъ офицеры савойской бригады, справедливо негодуя на предательство и неблагодарность Миланцевъ, собрались для совѣщанія о мѣрахъ къ спасенію короля и отправили трехъ своихъ товарищей: Максимиліана Ферреро, Карла Куси и Леона Кокатрикса, дабы увѣдомить остальныя войска о своемъ безпокойствѣ и намѣреніяхъ. Поступокъ этотъ возбудилъ повсюду живѣйшій энтузіазмъ; но король, увѣдомленный о рѣшеніи своихъ вѣрныхъ войскъ, отвѣчалъ съ истинно геройскимъ великодушіемъ: «Еслибы даже народъ этотъ (Миланцы) покусился на мою жизнь, я не допущу, чтобы «мои солдаты проливали кровь Итальянцевъ!...»

«Желая также спасти дѣтей своихъ отъ тѣхъ оскорбленій, которымъ самъ подвергался, Карлъ Альбертъ послалъ имъ строгое приказаніе не оставлять своихъ дивизій; не смотря на это, герцогъ Генуэзскій, увлекаемый сыновнею привязанностью, осмѣлился ослушаться и прибылъ во дворецъ; но благородный и привѣтливый видъ молодаго и мужественнаго принца не произвелъ никакого впечатлѣнія на безумную толпу и не спасъ его отъ оскорбленій.

«Къ вечеру архіепископъ и подеста миланскій отправились въ главную квартиру Радецкаго съ тѣмъ, чтобы ускорить ходъ переговоровъ и просить фельдмаршала спасти городъ отъ безначалія и грабежа. Между тѣмъ республиканцы, узнавъ великодушныя слова Карла Альберта и увѣренные въ ненаказанности, перешли отъ угрозъ къ дѣлу и начали стрѣлять въ дворцовыя окна. Набатъ гремѣлъ; смятеніе достигло крайней степени: тысячи криковъ: «смерть, смерть измѣнникамъ!...» оглашали площадь; уже нѣсколько безумцевъ выломали дворцовыя двери, другіе пытались влѣзть въ окна, и только необыкновенныя усилія горсти королевскихъ карабинеровъ и свиты Карла Альберта остановили навремя эти преступныя попытки.

«Въ эту страшную минуту, когда неблагодарность, буйство и всѣ низкія страсти выказывались въ постыдной наготѣ своей, явились высокіе подвиги самоотверженія, вѣрности и истинной привязанности къ королю: находившійся въ госпиталѣ сержантъ піемонтской арміи Оренго, услышавъ объ опасности, которой подвергался король, съ трудомъ притащился ко дворцу Гренни и, прислонившись къ одной изъ колонъ портала, пытался остановить нѣсколько бѣсновавшихся,

отвѣчая на ихъ крики смерти — восклицаніемъ: «Viva Carlo Alberto!...»

«Около 10 ти часовъ вечера инсургенты миланскіе, удостовѣрившись въ невозможности проникнуть во дворецъ, прикатили бочку съ порохомъ и рѣшились взорвать порталъ на воздухъ. Тогда вѣрный и мужественный Альфонсъ ла-Мармора, полковникъ артиллеріи и шталмейстеръ герцога Генуэзскаго, ускользнулъ изъ дворца безъ вѣдома короля, успѣлъ добѣжать до лагеря и возвратился съ ротою стрѣлковъ и батальономъ піемонтской бригады. Нѣсколько ударовъ ружейными прикладами разсѣяли толпу негодяевъ, дѣйствія которыхъ составятъ печальную и постыдную страницу въ исторіи новѣйшей Италіи. Въ полночь Карлъ Альбертъ вышелъ изъ дворца Греппи и пѣшкомъ направился къ восточнымъ валамъ города, гдѣ пламенѣвшая негодованіемъ армія уже давно громко требовала своего короля и грозила выручить его штурмомъ.

«Такимъ образомъ король сардинскій, какъ бѣглецъ, оставилъ тотъ городъ, для котораго онъ пожертвовалъ спасеніемъ своей арміи и подвергалъ опасности неприкосновенность своихъ владѣній.

«6-го августа, въ три часа утра, армія сардинская двинулась изъ города, и въ то время, когда савойская бригада проходила по бульвару отъ воротъ Тоза до воротъ Верчеллино, тѣ же самые люди, которые наканунѣ грозили королю гибелью, укрывшись теперь за стѣнами, стрѣляли по отступавшимъ союзникамъ и перераниили нѣсколькихъ.

«Въ главной квартирѣ Радецкаго архіепископъ и подеста умоляли фельдмаршала поспѣшить занятіемъ города, два раза (въ 6-ть и въ 8-мь часовъ) депутація, состоявшая изъ именитыхъ горожанъ, повторяла ту же просьбу, и наконецъ въ 10 часовъ, когда баррикады были разобраны и мостовыя исправлены, фельдмаршалъ вступилъ въ городъ съ авангардомъ 2-го корпуса. Армія австрійская отличалась щегольствомъ своей одежды; каждый солдатъ, по старинному нѣмецкому обычаю, имѣлъ на киверѣ или каскѣ зеленую вѣтку. Разсказываютъ, что какой-то австрійскій генералъ, или полковникъ, проѣзжая передъ сардинскою гвардейскою бригадою, оставленною для передачи Римскихъ воротъ императорскимъ войскамъ, остановилъ свою лошадь и, обратясь къ солдатамъ, сказалъ по итальянски, что считаетъ себя счастливымъ, лично передавая піемонтскимъ войскамъ то удивленіе, которое возбуждали въ немъ неустрашимость и мужество, которыя они показали въ стольких сраженіяхъ. Эти благородныя слова, произнесенныя непріятелемъ, заставили бѣдныхъ піемонтскихъ солдатъ забыть на минуту оскорбленія, которыми ихъ обременяли Миланцы, кричавшіе безпрестанно: «Alla forca i Piemontesi traditori!...»

«Но этимъ не все еще кончилось. Пользуясь промежуткомъ между выступленіемъ изъ города Піемонтцевъ и вступленіемъ Австрійцевъ,

Digitized by Google

республиканцы разграбили дома тѣхъ, которые, не желая подчинять-ся своему законному государю, послѣдовали за сардинскою арміею.

«По вступленіи австрійской арміи въ Миланъ, 1-й корпусъ занялъ сѣверную часть городскаго вала, 4-й южную, а резервный остался у С. Донато.

«Восторгъ арміи и энтузіазмъ ея къ своему вождю не имѣли предѣловъ. Въ день занятія города, фельдмаршалъ послалъ графа Клама въ Вѣну, къ военному министру, а князя Фридриха Лихтенштейна въ Инспрукъ, къ императору, съ слѣдующимъ донесеніемъ:

Главная квартира Миланъ 6-го августа 1849 года.

«Миланъ снова нашъ. Онъ безусловно сдался на волю Его Импе-«раторскаго Величества и сегодня въ полдень я вступилъ туда съ «моею храброю арміею; піемонтскія войска очистили городъ, и, по «условію, заключенному сегодня съ ними и Миланцами, Піемонтцы «сегодня же, въ 7-мь часовъ вечера, перейдутъ за Тессино и очистятъ «Ломбардію.

«15-ть дней назадъ, моя армія выступила изъ Вероны и перешла «къ наступленію. Въ продолженіе столь краткаго времени она одер-«жала побѣды при Соммакампаньѣ, Кустоццѣ, Вольтѣ, Кремонѣ, Пиччи-«гетонѣ и потомъ, спустя два дня, явилась подъ Миланомъ, а сегодня, «ровно въ пятнадцатый день по выступленіи изъ Вероны, она овла-«дѣла Миланомъ. Совершая все это, армія хотѣла исполнить свою «вѣрноподданическую обязанность относительно обожаемаго Импера-«тора и нашего дорогаго отечества, и теперь нѣтъ ни одного непрія-«теля въ предѣлахъ Ломбардіи» ...

Дѣйствительно, вечеромъ 6-го августа піемонтская армія начала переходить Тессино, а 7-го она вся перешла за эту рѣку и расположилась на правомъ берегу ея, усиливъ гарнизонъ Александріи и занявъ цитадель этой крѣпости. Король предложилъ Радецкому трехдневное перемиріе, которое было принято, но съ тѣмъ, чтобы освободить плѣнныхъ, взятыхъ во время кампаніи. Это одно объясняетъ, почему фельдмаршалъ, стоя на пути отступленія разбитой, упавшей духомъ арміи, занимавшей городъ, жители коего были противъ нея, позволилъ ей безпрепятственно отступить. Здѣсь политическія соображенія управляли соображеніями военными. При тогдашнемъ положеніи дѣлъ и направленіи умовъ, Австріи нужно было дѣйствовать съ крайнею осторожностью. Франція легко могла принять сторону Сардиніи; въ самой Австріи волненія только еще разгорались и демагоги со страхомъ смотрѣли на успѣхи Радецкаго, видя въ нихъ зарю торжества порядка и законности. Дѣла въ Германіи были еще хуже: Франкфуртскіе умозрители и деологи сочиняли различныя системы государственнаго устройства: въ жару политико-экономическихъ мечтаній, они приносили въ жертву своему самолюбію благо, спокойствіе и самую жизнь милліоновъ и дерзко становились между государями и подданными. Взвѣсивъ все это, нельзя не повторить, что Радецкому нужно

Digitized by Google

было дѣйствовать съ крайнею осторожностью съ тѣхъ поръ, какъ главная цѣль войны была достигнута и непріятель очистилъ предѣлы Ломбардіи.

«Король сардинскій увезъ съ собой изъ Милана четыре милліона золотомъ и серебромъ въ слиткахъ. Поступокъ этотъ, быть можетъ, справедливый съ его стороны, какъ наказаніе Миланцевъ за неблагодарность, былъ несправедливъ, потому что увезенные милліоны составляли государственную собственность и должны были оставаться неприкосновенными.

«9-го августа прибылъ въ Миланъ начальникъ штаба сардинской арміи графъ де Саласко, предлагая отъ имени короля шестинедѣльное перемиріе съ тѣмъ, чтобы приступить къ переговорамъ о мирѣ. Въ тотъ же день заключена была между нимъ и Радецкимъ конвенція, сущность которой заключалась въ слѣдующемъ:

«Граница государствъ назначается демаркаціонною линіею между «обѣими арміями.

«Крѣпости Пескьера, Рокка д'Анфо и Озопо будутъ очищены «сардинскими и итальянскими войсками. Сдача каждой изъ сихъ крѣ«постей должна послѣдовать въ теченіе трехъ дней послѣ объявленія «заключеннаго условія. Все находящееся тамъ казенное имущество бу«детъ сдано Австрійцамъ; выходящія же войска возьмутъ только то, «что принадлежитъ собственно имъ.

«Морскія и сухопутныя силы короля сардинскаго очистятъ Венецію, «ея портъ и территорію: за собственность и неприкосновенность лицъ «ручается австрійское правительство.

«Герцогства Модена, Парма, городъ и округъ Піаченца будутъ «равномѣрно очищены сардинскими войсками. Срокъ перемирія назна«чается шесть недѣль, дабы успѣть окончить переговоры о мирѣ; по «истеченіи же срока, перемиріе или будетъ продолжено съ обоюднаго «согласія, или за восемь дней до срока объявится о продолженіи «военныхъ дѣйствій.»

«10-го августа король сардинскій издалъ прокламацію къ своему народу и арміи, гдѣ, сообщая о прошедшихъ удачахъ и неудачахъ, онъ просилъ своихъ подданныхъ не вѣрить толкамъ злоумышленниковъ, переносить съ терпѣніемъ настоящія несчастія и ожидать всего отъ будущаго. Мы приведемъ то, что относится собственно къ описываемымъ событіямъ. «Желаніе возстановить независимость Италіи», писалъ король, «побудило меня воевать противъ Австріи. Мужество мо«ихъ войскъ вначалѣ, казалось, приковало побѣду къ нашимъ знаме«намъ. Ни я, ни сыновья мои не избѣгали опасностей; увѣренность въ «справедливости дѣла возбуждала наше мужество.

«Но улыбка счастія была кратковременна. Непріятель получилъ «значительныя подкрѣпленія, а войска мои, неполучавшія продо«вольствія, принужденныя сражаться почти одни, должны были оста«вить занятыя позиціи и завоеванныя провинціи.

«Я отступилъ къ Милану, дабы защищать его; но моя армія,

Digitized by Google

«утомленная продолжительными трудностями войны, не могла отваживаться на новое сраженіе. Бодрость храбрѣйшихъ солдатъ имѣетъ также свои предѣлы.

«Невозможно было безъ денегъ, снарядовъ и продовольствія выдержать осаду въ Миланѣ. Быть можетъ, что съ содѣйствіемъ обитателей города мы могли бы сопротивляться еще нѣсколько дней и потомъ погребстись подъ развалинами города, безъ малѣйшей надежды на побѣду.

«Тогда только, съ согласія Миланцевъ, я вступилъ въ переговоры съ непріятелемъ.

«Я не позабылъ восклицаній, которыми вы привѣтствовали мое отправленіе; въ шумѣ сраженій они пріятно отдавались въ ушахъ моихъ. Имѣйте и теперь довѣренность къ вашему королю и надѣйтесь на будущее.»

Такъ кончилась четырехмѣсячная борьба безначалія съ порядкомъ и законностью. Начавъ ее при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, Радецкій умѣлъ сначала собрать и устроить свою армію, испытать ее въ дѣлѣ противъ непріятеля при С. Лучіи, разгадавъ своего противника, усмирить край, находившійся въ тылу арміи, перешедъ къ рѣшительному наступленію и въ двѣ недѣли успѣлъ разбить и окончательно разстроить непріятельскую армію; взялъ городъ, бывшій началомъ и средоточіемъ возстанія, и водрузилъ побѣдныя знамена императорскія на берегахъ Тессино Результаты удивительные, въ особенности, если принять во вниманіе смутное положеніе дѣлъ Австріи и незначительность силъ, которыя фельдмаршалъ имѣлъ вначалѣ подъ рукою!»

Вторая половина книги г. Лебедева посвящена изложенію войны Сардиніи съ Австріей въ 1849 году. Событія этой войны, съ одной стороны, менѣе сбивчивы и запутанны, нежели событія 1848 года; съ другой стороны, они еще свѣжи въ памяти и большинству читателей совершенно извѣстны. На этомъ основаніи, мы считаемъ безполезнымъ распространяться о содержаніи второй части разбираемаго нами сочиненія, тѣмъ болѣе, что слишкомъ многочисленныя заимствованія изъ книги г. Лебедева могутъ уменьшить тотъ интересъ, который должна возбудить эта книга въ читающей публикѣ. Впрочемъ, долгъ справедливости заставляетъ насъ замѣтить, что сжатый нашъ разсказъ далеко не даетъ понятія о содержаніи самого сочиненія. Событія, разсказанныя нами вкратцѣ, у г. Лебедева изложены съ чрезвычайной подробностію; съ другой стороны, мы выпустили въ нашемъ разсказѣ всѣ общія соображенія автора о дѣйствіяхъ Радецкаго и Карла-Альберта; а соображенія эти столько же основательны, сколько и любопытны.

Къ сочиненію г. Лебедева приложены прекрасный портретъ графа Радецкаго и двѣ карты, служащія къ объясненію текста.

Digitized by Google

145) Русская фауна или описаніе и изображеніе животныхъ, водящихся въ имперіи россійской. Составлено В. Симашко. Часть первая. Введеніе. *Спб. 1850.*

Наконецъ передъ нами полный первый томъ «Русской Фауны», заключающій въ себѣ очеркъ анатоміи и физіологіи человѣческаго тѣла, съ поясните льными рисунками въ 40 таблицахъ. Этотъ томъ по наружному изяществу своему представляетъ рѣдкое явленіе въ русской литературѣ, и вообще — мы можемъ сказать теперь же — трудъ г. Симашко во многихъ отношеніяхъ весьма замѣчательныхъ. Имѣя теперь уже цѣлый отдѣлъ «Фауны», можно составить объ изданіи г. Симашко довольно безошибочное заключеніе. Почему весьма скоро мы и представимъ читателямъ обѣщанную нами статью о «Фаунѣ». А между тѣмъ рекомендуемъ эту прекрасную книгу любителямъ естественныхъ наукъ.

146) Опытъ опредѣленія совершенствъ и недостатковъ лошади. В. Зейберлинга. Съ одиннадцатью рисунками. *Спб. 1850*

Мало свѣдущіе въ предметѣ, составляющемъ спеціальность г. Зейберлинга, мы, однакожь, просмотрѣли его книгу не безъ любопытства. Сколько мы можемъ судить, она показалась намъ дѣльною и заслуживающею вниманія любителей лошадей и заводчиковъ; выписываемъ для нихъ предисловіе автора, изъ котораго они наперед узнаютъ, чего могутъ ожидать отъ этой книги:

«Мы получаемъ о предметахъ понятіе, если, или всесторонно (totum), или большею частію знакомы съ ихъ натурою. Чѣмъ ясніе и живѣе образъ ихъ, тѣмъ представленіе объ нихъ бываетъ совершеннѣе, полнѣе. Безъ этого разсужденія наши о предметахъ будутъ: или эмпирическіе, или основаны на пустыхъ теоріяхъ и догадкахъ. Правда и то, что встрѣчаются люди, которые обладаютъ инстинктивнымъ тактомъ, и чрезъ посредство его пріобрѣтаютъ практическое свое знаніе. Но не всѣмъ врожденъ этотъ геніальный тактъ, не всѣ способны изъ своихъ наблюденій составлять т. сказать натуральную систему, и сообщать за тѣмъ логическое понятіе объ ней, чтобы можно было и другому изучить эту творческую смѣтливость и руководствоваться ею въ практикѣ. Поэтому, если мы и встрѣчаемъ какую нибудь Hyppiatrique, то б. частію находимъ въ ней или хаосъ, или поэзію, или мелочную хвастливую ложь. Очень часто сочиненіями о домашнихъ животныхъ обязаны мы эмпирикамъ, не имѣющимъ даже основныхъ понятій о томъ дѣлѣ, за которое они берутся, и потому-то подобныя явленія выходятъ въ карикатурномъ видѣ.

«Ясно, что всякому занимающемуся изученіемъ этого благороднаго животнаго необходимы основательныя объ немъ свѣдѣнія. Нѣкоторыя изъ нихъ называемъ существенными, составляющими тѣмъ самымъ

Digitized by Google

краеугольный камень другимъ вспомогательнымъ. Къ первымъ принадлежатъ: *Анатомія* и *Зоономія*, Зоотерапія, Эпизоотія, Зоохирургія, и т. д. Анатомія занимается изслѣдованіемъ устройства тѣла животнаго, а Зоономія здоровымъ отправленіемъ его органовъ, остальные же предметы здѣсь упомянутые занимаются распознаваніемъ и леченіемъ болѣзней.

«Въ человѣческой медицинѣ мы встрѣчаемъ многія сочиненія подъ названіемъ: «Антропологія» въ которыхъ разсматривается строеніе нашего тѣла и отправленія его органовъ; но, къ сожалѣнію, большею частію они трактуютъ о человѣкѣ съ физіологической точки зрѣнія, вовсе не обращая вниманія на сохраненіе его здоровья.

«У насъ въ Ветеринарной медицинѣ есть также нѣчто въ родѣ Антропологіи — «Гиппологія», и то впрочемъ, не на русскомъ языкѣ

«И такъ слѣдуя плану Гиппологіи я далъ своему сочиненію слѣдующій порядокъ:

«Въ *первыхъ 2-хъ частяхъ* излагается Естественная Исторія, Анатомія и Физіологія лошади. Ознакомивъ читателя съ строеніемъ ея тѣла и отправленіемъ его отдѣльныхъ органовъ, мы перейдемъ къ:

«*3-й части*, трактующей о сохраненіи здоровья животнаго (діэтетика въ обширномъ смыслѣ этого слова).

«*Въ 4-й части* будетъ изложена теорія кованія, понятія о берейторской школѣ и т. д.

«*Въ 5-й части* занимемся изученіемъ собственно того, что касается *совершенства* лошади, разсматривая ея породы, преимущественно породы лошади нашего Отечества.

«*Въ 6-й части* будутъ описываться всѣ *недостатки*, т. е. пороки лошади, въ патологическомъ и діагностическомъ отношеніяхъ, съ объясненіемъ ихъ причинъ и признаковъ (Экстеріеръ въ тѣсномъ смыслѣ).

«Такимъ образомъ это сочиненіе будетъ представлять собою такъ сказать *сводъ* или Энциклопедію понятій о лошади.

«Изъ обширнаго плана моего предпріятія видно, что при соблюденіи всѣхъ правилъ неподвижной школы классицизма, не такъ легко сжать въ тѣсную рамку все то, что составляетъ обильный матеріалъ для цѣлаго сочиненія. Въ этомъ случаѣ, имѣя въ виду *основное* — sine qua non — условіе всякаго подобнаго сочиненія: краткость и полноту, я не вдавался ни въ какія частности, входящихъ сюда предметовъ, но старался изложить только то, что необходимо въ общежитіи, стараясь притомъ соединить полезное съ пріятнымъ.»

Замѣтимъ, что нынѣ вышла только первая часть труда г. Зейберлинга.

147) Указатель замѣчательныхъ открытій по физическимъ и естественнымъ наукамъ, составляемый М. Хотинскимъ. *Спб. 1849.*

Подъ выписанными нами заглавіемъ печатаются въ «Журналѣ

Digitized by Google

Министерства Народнаго Просвѣщенія» ученыя извѣстія, относящіяся къ физическимъ и естественнымъ наукамъ. Эти извѣстія за *1849 годъ* нынѣ поступили въ продажу отдѣльно.

148) Указатель для производства уголовныхъ слѣдствій. Сост. Н. Калайдовичемъ. *Изданіе второе. Спб. 1850.*

Второе изданіе книги, о которой мы въ свое время уже говорили.

МОСКОВСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

149) Князь Андрей Юрьевичъ Боголюбскій, *соч.* М. Погодина. *Москва. 1850 года.*

Сочиненіе г. Погодина не составляетъ новости: «Предлагаемый «отрывокъ изъ моей русской исторіи, о жизни великаго князя Андрея Юрьевича Боголюбскаго — говоритъ авторъ — состоитъ изъ «трехъ отдѣленій, которыя напечатаны были порознь въ «Москвитянинѣ» и «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», и «теперь оттуда издаются вмѣстѣ: *1) повѣствованіе, 2) изслѣдованіе, «3) свидѣтельства. Читатели увидятъ, что повѣствованіе основывается въ строгомъ смыслѣ на свидѣтельствахъ, а свидѣтельства, «со всѣми возникающими изъ нихъ вопросами, разобраны критически «въ изслѣдованіи*» (Смотри предисловіе). Прежде всего, читателя поражаетъ распорядокъ статей: сначала авторъ представляетъ ему выводы, потомъ критику матеріяловъ, наконецъ уже — самые матеріялы; слѣдовательно, онъ поступаетъ совершенно наоборотъ, и, начиная съ того, чѣмъ бы долженъ окончить, оканчиваетъ тѣмъ, съ чего бы должно начать. Неужели подобному порядку авторъ слѣдовалъ и во время самой работы, т. е. сначала написалъ сочиненіе, а потомъ обратился къ лѣтописцамъ! Кромѣ того, подобное раздѣленіе какъ-то странно. Зачѣмъ одно и тоже повторять три раза? Авторъ въ «свидѣтельствахъ» представляетъ сводъ лѣтописныхъ извѣстій о Боголюбскомъ; въ «изслѣдованіяхъ» задаетъ себѣ вопросы и отвѣчаетъ на нихъ тѣми же показаніями лѣтописцевъ; а въ «повѣствованіи» тѣже показанія лѣтописцевъ передаетъ въ разсказѣ, новымъ русскимъ языкомъ. Развѣ нельзя было соединить всей этой работы въ одну статью? Во первыхъ, отрывочно перепечатывать лѣтописи — трудъ безплодный и ненужный; во вторыхъ, всякое ученое сочиненіе непремѣнно разомъ предлагаетъ и свои изслѣдованія и свои выводы, отчего послѣдніе получаютъ болѣе твердости и представляются болѣе ясными. Раздѣлять то и другое — значитъ, можетъ

Digitized by Google

быть, слишкомъ подчиняться вліянію сухого нѣмецкаго систематизма.

Въ свое время мы изложили откровенно наше мнѣніе о первой части сочиненія г. Погодина, о такъ называемомъ «повѣствованіи» (Современ. 1850, № 1, стр. 11, Библіогр.). Теперь намъ остается подтвердить тоже. Думая передать лѣтописныя сказанія въ разсказѣ художественномъ и общедоступномъ, авторъ перемѣшалъ слова старинныя, отжившія съ книжными и захотѣлъ изъ тѣхъ краткихъ и сухихъ извѣстій, какія даются лѣтописцами, создать образы и картины. Вышло что-то натянутое, искуственное. Заботясь о художественности, г. Погодинъ упустилъ изъ виду раскрытіе началъ, опредѣляющихъ смыслъ и значеніе всѣхъ фактовъ, слѣдовательно, упустилъ изъ виду то, что всего важнѣе для историка. Что пользы знать, когда и какъ сражался такой-то князь, если мы не знаемъ, *за что, по какимъ основаніямъ* поднялъ онъ оружіе? Что пользы знать, что такой-то князь помирился съ тѣмъ-то, или что тогда-то онъ умеръ, если мы не знаемъ, *какими правами скрѣплялись между князьями взаимныя отношенія*, или *какое измѣненіе произвела въ этихъ отношеніяхъ смерть* одного изъ князей? Безъ раскрытія основныхъ движущихъ началъ, эпоха останется непонятною, и тѣ тонкія характеристическія черты, которыя вычитываются изъ источниковъ только при особенной вглядчивости и при необходимомъ посредствѣ яснаго историческаго пониманія, не будутъ для насъ замѣтны. Г. Погодинъ и нѣкоторые другіе изслѣдователи думаютъ, что достаточно, сдѣлавъ сводъ лѣтописнымъ извѣстіямъ, пересказать ихъ новымъ языкомъ: это они называютъ *фактическимъ* изслѣдованіемъ объ извѣстномъ лицѣ или событіи. Но вѣдь можно, передавая со всею ученою добросовѣстностію содержаніе лѣтописнаго разсказа, придать ему совершенно другой свѣтъ и такимъ образомъ измѣнить его характеръ. Стоитъ только употребить неточный эпитетъ или сколько нибудь искуственное выраженіе, чтобы исчезли наивность и простота первоначальнаго быта, и изъ незначительнаго мѣнового торга предстояла торговля обширная и вполнѣ развитая, изъ краткаго извѣстія о смерти Боголюбскаго возникла цѣлая драма. Вотъ примѣръ. На стр. 32—33 разбираемой нами брошюры читаемъ: «*Смеркалось. Шумъ постепенно утихаетъ. Гарнизонные, отслушавъ всенощную, разошлись спокойно по домамъ. По широкой улицѣ не видать уже болѣе никого изъ прохожихъ. Православные, каждый у себя, приготовляются* къ новому празднику. Вотъ наступаетъ и ночь. *Одни погасили. Всѣ ложатся спать.* Одни только заговорщики не смыкаютъ глазъ, *народный въ своемъ домѣ готовился*

«къ замышленному кровавому дѣлу. Вотъ смолкло все и на дворѣ «княжескомъ: затворены тесовые ворота, заперты двери. Остались «только ходить дозоромъ сторожа. Старый князь, совершивъ по обы- «чаю вечернюю молитву, отошелъ ко сну, одинъ; подлѣ него въ дру- «гой горницѣ, спитъ дѣтскій — вся его прислуга. Заговорщики выль- «заютъ изъ логовищъ, сходятся, и, видя, что весь городъ спитъ «уже крѣпкимъ сномъ, и никто помѣшать имъ не можетъ, идутъ съ «оружіемъ къ княжескому двору. *Они убили сторожей, выломили «двери въ сѣняхъ*, бросились къ спальнѣ — *и вдругъ отшатнулись*, «испугались сами не зная чего. Трепетъ пробѣжалъ по ихъ жи- «ламъ....» и т. д. Все напечатанное нами курсивомъ принадлежитъ фантазіи г. Погодина!!! А извѣстно, что съ помощію фантазіи стóитъ только приняться за перо, какъ изъ пяти строкъ лѣтописи составится двадцать! И откуда чтó является? Вотъ хотя бы о смерти Боголюбскаго лѣтопись говоритъ только: «и пришедши нощи, они же (загово- «ворщики) устремишеся поимавше оружья, поидоша на нь яко звѣрье «свѣрьпіи; и идущимъ имъ къ ложници его, и прія ѣ (ихъ) страхъ и «трепетъ, и бѣжаша съ сѣній». Какъ просто! Тогда какъ у г. Погодина является прекрасное описаніе вечера, съ соблюденіемъ всѣхъ реторическихъ правилъ распространенія предложеній и по-степенности въ описаніи; сначала смеркается, шумъ мало по малу утихаетъ, всѣ приготовляются ко сну, потомъ гаснутъ огни.... Мало этого: г. Погодинъ послалъ всѣхъ жителей ко всенощной, заставилъ ходить дозоромъ сторожей, далъ улицѣ эпитетъ *широкой*, поселилъ заговорщиковъ въ логовищахъ и проч. и проч. Конечно, все это далеко не соотвѣтствуетъ избранной эпохѣ; но стоитъ ли заниматься такими пустяками, какъ характеристическія черты извѣстнаго времени. Чтó за бѣда, если сторожа, можетъ быть, вовсе не ходили дозоромъ, — если (какъ положительно извѣстно) строились въ старину тѣсно и широкихъ улицъ не было, — если, наконецъ, бояре и приближенные князя никакъ не жили въ логовищахъ, а въ домахъ. Чтó касается дó насъ лично, то признаемся, что подобныя восполненія мы считаемъ недостойными науки; фантазіи позволительно разыгрываться только въ художественныхъ произведеніяхъ (въ изящной словесности); но и тамъ она должна быть вѣрна духу времени; а сочинять въ исторіи — нѣтъ, этому нисколько нельзя сочувствовать.

Какъ ни сухо составлено «изслѣдованіе», но эта часть брошюры несравненно лучше; по крайней мѣрѣ въ ней нѣтъ *восполненій фантазіи*. Авторъ задаетъ себѣ очень простые вопросы, относящіеся къ внѣшней исторіи избраннаго имъ лица, и отвѣчаетъ

Digitized by Google

на нихъ лѣтописными свидѣтельствами; вопросы эти слѣдующіе: когда родился Андрей Боголюбской, гдѣ родился, когда онъ женился, на комъ? гдѣ жилъ Андрей, что побудило его удалиться на сѣверъ (отвѣтъ: привычка), какіе источники для исторіи этого князя, въ чемъ состояли его дѣйствія? Занявшись внѣшнею исторіею, авторъ естественно не могъ притти къ выводамъ новымъ и знаменательнымъ; напротивъ, при такомъ одностороннемъ воззрѣніи, онъ легко поддался не совсѣмъ правильному представленію объ эпохѣ Андрея Боголюбскаго (какъ это мы и показали) и не представилъ ничего такого, что объясняло бы намъ значеніе Боголюбскаго.

«*Такимъ образомъ* — замѣчаетъ г. Погодинъ въ предисловіи къ своему сочиненію о Боголюбскомъ — я *обработываю* всю русскую исторію.» Чего можно ожидать отъ такой обработки? Вотъ вопросъ, который предлагаемъ мы на разрѣшеніе любителей отечественной старины....

ПРОВИНЦІЯЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

150) Жизнь князя Андрея Михайловича Курбскаго въ Литвѣ и Волыни. *Акты, изданные Временною Коммиссіею, Высочайше учрежденною при Кіевскомъ Военномъ Генералъ-Губернаторѣ, Кіевъ. 1849. Томы I и II.*

Временная Кіевская Коммиссія для разбора древнихъ актовъ уже довольно извѣстна своими полезными и прекрасными изданіями матеріяловъ отечественной исторіи. Ею были изданы два тома актовъ для исторіи юго-западной Россіи подъ названіемъ «Памятниковъ» (томъ I, второе изданіе, 1847; томъ II, 1846 г.), «Лѣтопись Самойла Велычка» (1848 г.) и «Древности» (1846 г.). Настоящее собраніе актовъ, касающихся жизни князя Курбскаго, этого чрезвычайно замѣчательнаго лица въ нашей исторіи XVI вѣка, заслуживаетъ особеннаго вниманія ученыхъ и любителей отечественной старины. Оно одинаково превосходно, какъ по внѣшней красотѣ изданія, такъ и по внутреннему значенію памятниковъ, по ихъ содержанію. Дѣйствительно, два тома актовъ о «Жизни князя Андрея Михайловича Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни» изданы роскошно: бумага и шрифтъ подтверждаютъ это, какъ нельзя лучше. Акты,

Digitized by Google

писанные на западно-русскомъ и польскомъ нарѣчіяхъ, напечатаны Коммиссіею въ подлинникѣ, вмѣстѣ съ переводами ихъ на новѣйшій русскій языкъ. Къ нимъ присоединены: нѣсколько снимковъ; планъ и изображеніе старой церкви св. Троицы, въ селѣ Вербкѣ, въ которой былъ похороненъ князь Курбскій; указатель лицъ и географическихъ названій, предисловіе и «свѣдѣнія о Ковельскомъ имѣніи, принадлежавшемъ князю Курбскому». Послѣдняя статья, вмѣстѣ съ предисловіемъ, принадлежитъ профессору Кіевскаго Университета г. Иванишеву. Въ ней сочинитель обращаетъ вниманіе на земли, которыя входили въ составъ Ковельской волости, указываетъ лица, которымъ онѣ принадлежали въ разное время, какое устройство и какія привиллегіи соблюдались въ разныхъ селахъ и въ городѣ Ковлѣ. Въ предисловіи г. Иванишевъ дѣлаетъ довольно подробное извлеченіе изъ напечатанныхъ въ этомъ же изданіи актовъ о послѣдней половинѣ жизни князя Михайла Андреевича Курбскаго; извлеченіе это не лишено общаго интереса. За тѣмъ слѣдуетъ указаніе на тѣ правила, какія были приняты въ руководство при изданіи означенныхъ актовъ. Акты эти до сихъ поръ были неизвѣстны наукѣ; только два изъ нихъ были еще прежде напечатаны въ «Сказаніяхъ князя Курбскаго»; остальные и притомъ наиболѣе любопытные — появляются впервые.

Главный интересъ разсматриваемыхъ нами памятниковъ, изданныхъ Кіевскою Коммиссіею, заключается въ тѣхъ чрезвычайно характеристичныхъ подробностяхъ, какія сообщаютъ они о послѣднихъ годахъ жизни князя Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни и о тогдашнемъ состояніи юго-западной Руси. Курбскій провелъ эти послѣдніе годы своей жизни неспокойно; отъ военныхъ подвиговъ, совершаемыхъ имъ въ войнѣ противъ московскаго царя, онъ переходилъ къ вопросамъ богословскимъ и къ переводу Златоуста; дома его встрѣчали безпрестанныя непріятности то отъ безпокойныхъ сосѣдей, то отъ нѣкоторыхъ его слугъ и даже отъ жены Марьи Юрьевны, урожденной Голшанской. Хозяйственныя заботы по обширнымъ имѣніямъ, пожалованнымъ Курбскому королемъ, прерывались безпрерывными вторженіями сосѣдей, которые нападали на земли князя Курбскаго, грабили и разоряли ихъ, а людей побивали. Съ своей стороны, Курбской не могъ оставлять безъ мести своихъ противниковъ; онъ нападалъ на ихъ земли и предавалъ все разгрому и грабежу. Съ женою своею Курбской жилъ въ непріязненныхъ отношеніяхъ, пока наконецъ не принужденъ былъ разойтись съ нею окончательно. На основаніи третейскаго суда, онъ выхлопоталъ разводъ; но и послѣ Марья Юрьевна долгое время преслѣ-

Digitized by Google

ему тяжбами и жалобами, сочиняя на него ложные доносы. Князь Курбской также не строго разбиралъ средства къ защитѣ, и заставлялъ своихъ подчиненныхъ записывать въ урядовыя книги доносы, слишкомъ оскорбительные для чести бывшей его жены. Надобно замѣтить, что въ то время страшный произволъ, насилія, корысть, разбои и безнравственность составляли самое обыкновенное явленіе въ Литвѣ и Волыни, которыя не знали никакой твердой власти.

Къ этимъ столько важнымъ для внутренней исторіи памятникамъ, коммиссія присоединила еще во второмъ томѣ «Предисловіе князя Андрея Курбскаго на книгу Словесъ Златоустовыхъ, глаголемую Новый Маргаритъ» и «Сказаніе Курбскаго о знакахъ книжныхъ». Прибавленія эти чрезвычайно интересны. Въ «предисловіи на книгу Словесъ Златоустовыхъ» Курбской говоритъ о своемъ состояніи, о царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грезномъ, и высказываетъ тотъ же взглядъ на современныя ему явленія, какой замѣчается въ его «Исторіи» Грознаго и въ письмахъ къ этому государю. Слѣдовательно, князь Курбской сѣтуетъ въ предисловіи на умаленіе силы и власти «сановитыхъ» людей, то есть бояръ, на учрежденіе опричнины, на клятвенныя грамоты, которыя брались съ отъѣзчиковъ, и наконецъ на раздачу земель служилымъ татарамъ. Всѣ эти нововведенія, по собственному выраженію князя Курбскаго, *снѣдали его сердце яко моль*. Одно утѣшеніе находилъ онъ «въ книжныхъ дѣлахъ». Курбской говоритъ, что онъ учился *Аристотелевымъ книгамъ физической и этической* и часто читалъ священное писаніе. Узнавши въ разговорѣ съ преподобнымъ Максимомъ, что сочиненія восточныхъ отцовъ церкви далеко не всѣ переведены на славянскій языкъ, князь Курбской выучился въ Литвѣ латинскому языку и сталъ переводить съ этого языка на славянскій Златоуста. Въ «Сказаніи о знакахъ книжныхъ» Курбской объясняетъ знаки препинанія, употребляемые въ греческомъ текстѣ, и совѣтуетъ ихъ употреблять переписчикамъ и сочинителямъ.

Нельзя не пожелать, чтобы подобныя столько важныя и полезныя изданія были бы доступнѣй по своей цѣнѣ, нежели какъ теперь. Въ этомъ отношеніи, мы не можемъ не указать въ примѣръ на Археографическую Коммиссію, изданія которой и очень полезны, и очень доступны по цѣнѣ.

151) Путешествіе по востоку. *Путешествіе по Дагестану и Закавказью*. И. Березина. Изданіе второе. *Казань. 1850 года.*

Читатели наши могутъ найти разборъ прекрасной книги г. Бере-

Digitized by Google

зина, вышедшей нынѣ вторымъ изданіемъ, въ IV № нашего журнала за нынѣшній годъ (отд. V, стр. 79 и слѣд.)

152) О состояніи женщинъ въ Россіи до Петра Великаго. Соч. В. Шульгина. *Выпускъ первый. Кіевъ. 1850.*

Объ этомъ сочиненіи, предметъ котораго такъ важенъ и любопытенъ, мы готовимъ статью въ отдѣлъ «Критики».

Digitized by Google

АКАДЕМИКЪ А. В. СТУПИНЪ.

Весьма часто и въ низшемъ классѣ являются люди съ душой пламенной, съ любовью ко всему прекрасному и изящному, — часто такіе люди, прежде нежели достигнутъ своихъ благородныхъ цѣлей, должны вытерпѣть нищету и бороться со всѣми лишеніями; но они, ничѣмъ не будучи обязаны происхожденію своему, сами пріобрѣтаютъ честь и имя. Къ такому разряду принадлежитъ академикъ А. В. Ступинъ.

1776 года февраля 13 родился Александръ Васильевичъ Ступинъ, который, на третьемъ году своего рожденія, лишился матери въ городѣ Владимірѣ; по матери своей онъ происходитъ изъ дворянскаго рода Борисовыхъ, которой отецъ былъ воеводою въ Костромѣ, а родной дядя контръ-адмираломъ; послѣдній жилъ въ Петербургѣ, и въ домѣ его она получила воспитаніе.

Оставшись сиротою, онъ отданъ былъ на попеченіе арзамасскому мещанину Василію Ступину. Этотъ мѣщанинъ, будучи разгульной жизни, пошелъ по собственной охотѣ въ рекруты, а шестилѣтній Ступинъ остался тогда на рукахъ его жены, которая зачислила его въ сословіе мѣщанское; отрокъ, брошенный на произволъ судьбы, не былъ забытъ доброй и умной мѣщанкой Анисіей Степановной Ступиной: она, несмотря на то, что была безграмотная, пеклась о немъ какъ о своемъ сынѣ и постоянно вселяла въ него правила христіянской добродѣтели. Въ дѣтствѣ своемъ Ступинъ часто досаждалъ воспитательницѣ излишней своей рѣзвостью, но всегда былъ добръ и чувствителенъ, не могъ переносить равнодушно обидъ, оказываемыхъ кому либо, или жестокаго обращенія съ посторонними, — сострадалъ безсильнымъ животнымъ, когда ихъ били, и не любилъ видѣть въ клѣткахъ птицъ или на цѣпи собакъ.

Любознательный съ дѣтства, онъ, будучи еще пяти лѣтъ, просилъ убѣдительно названную имъ мать (послѣднимъ именемъ

Digitized by Google

и мы будемъ именовать его воспитательницу) (*), чтобы она отдала его учиться граматѣ; однако, она долго не соглашалась на его просьбу, ибо, по тогдашнему времени, это считалось погубить ребенка; за всѣмъ тѣмъ его настойчивость превозмогла: его отдали одной пожилой дѣвицѣ, которая скоро выучила его азбукѣ, и когда хотѣла учить Часовнику, съ платою по три копейки съ листа, то мать нашла, что это дорого, и отдала сына продолжать ученіе благовѣщенскому глухому пономарю. Пономарь, задавши ему урокъ, уходилъ въ свою комнату заниматься часовымъ мастерствомъ, а подъ вечеръ приходилъ выслушивать выученное имъ, и какъ Ступинъ былъ лѣтами моложе другихъ учениковъ и отставалъ отъ нихъ, то, по излишней къ нему строгости пономаря, вселили въ него робость и боязливость. Всю зиму онъ училъ Часовникъ. Мать взяла его отъ пономаря и отдала прежней *мастерицѣ*. У нея онъ выучилъ псалтырь въ 23 дня. Какъ мастерица не умѣла писать, то снова отдали его глухому пономарю, у котораго выучился онъ письму, и мать, полагая, что этимъ окончилось все его воспитаніе, взяла домой и заставляла списывать съ дурного почерка женской руки каноны и молитвы, доставляемые изъ Алексѣевской общины (**). Онъ занимался этимъ до десятилѣтняго возраста, и вмѣсто того, чтобы дать ребенку свободу учиться, его заставляли пѣть и читать въ церкви, звонить и благовѣстить, прислуживать церковно-служителямъ и носить имъ дрова, за что онъ получалъ ничтожную награду. На деньги, накопленныя такимъ образомъ, онъ купилъ сочиненіе Тихона, епископа воронежскаго: «*О должностяхъ христіянина*».

Его отдали къ одному купцу въ лавку, думая этимъ пріохотить къ торговому промыслу; но онъ со слезами просилъ, чтобы его взяли назадъ, ибо видѣлъ въ торговлѣ хитрость и обманъ. Тогда мать посадила его въ свою мелочную лавочку. Въ это время онъ безпрестанно списывалъ историческія сочиненія, чертилъ перомъ головки

(*) Надежда Никитишна, мать А. В. Ступина, скончавшаяся на 32 году отъ рожденія, поручила, за три года до своей кончины, ребенка Ступина Аннсіи Степановнѣ, которая жила впослѣдствіи въ домѣ Александра Васильевича и умерла въ 1812 г., на 73 году. Надежда Никитишна была добрая, образованная и умная женщина, но по несчастнымъ обстоятельствамъ должна была разстаться навсегда съ своимъ сыномъ.

(**) Въ Арзамасѣ есть женскій монастырь, называемый Алексѣевской общиной. Это благодѣтельное учрежденіе поддерживается собственными трудами монахинь, занимающихся рукодѣліемъ и иконописаніемъ. Ихъ трудами расписаны внутренность храмовъ общины, устроены риза, плащеница и всѣ церковныя вещи.

Учредительницей общины была Марія Петровна Протасьева. Въ Арзамасѣ она подворилась къ упраздненному Алексѣевскому женскому монастырю и основала обитель.

Digitized by Google

людей, изображалъ, по своему представленію, разныхъ животныхъ и все, что попадалось ему на мысль. Явно открывшаяся въ немъ страсть къ искусству побудила его мать отдать его одному посредственному, жившему въ сосѣдствѣ съ ними, живописцу, весьма невоздержной жизни. Ступинъ поступилъ къ нему въ 1787 г., сентября 28, на три года, съ платою по пяти рублей въ годъ. Въ первый годъ его ученія открылось въ Арзамасѣ народное училище, куда онъ ходилъ въ свободное время слушать лекціи. Въ слѣдующемъ году наставникъ его въ живописи, будучи приглашенъ помѣщикомъ Полченіновымъ въ село его Воронцово, для написанія иконостаса, взялъ съ собой двѣнадцатилѣтняго Ступина. Помѣщикъ и сынъ его Петръ Егоровичъ Полченіновъ полюбили ученика за расторопность и услужливость, за что его брали повсюду, и наконецъ сынъ повезъ его съ собой въ Петербургъ, гдѣ онъ служилъ въ гвардіи, и хотѣлъ было записать въ свой полкъ, но мать никакъ на это не согласилась, боясь, чтобы онъ, оставшись безъ ея надзора, не совратился съ пути нравственности и не забылъ попеченій ея. На третій годъ ученія, живописецъ повезъ его въ городъ Темниковъ (Тамбовской губерніи), въ которомъ онъ подрядился также писать иконостасъ. Мать снабдила Ступина на дорогу одной гривной мѣди, и какъ учитель его велъ себя слишкомъ невоздержно, то онъ съ товарищемъ своимъ часто сидѣлъ безъ куска хлѣба и ходилъ, за три версты, въ *Саниксарскій* монастырь (*); сверхъ этого, учитель похитилъ у него деньги — 70 копеекъ мѣди, — все его достояніе, и, разумѣется, пропилъ ихъ. Не желая подвергнуться въ другой разъ такому горю, онъ, копя деньги, пряталъ ихъ подальше отъ учителя.

На четырнадцатомъ году онъ писалъ дома небольшіе образа и поправлялъ старые. Однако, положеніе его отъ этого не улучшалось. Черезъ нѣсколько времени онъ перешелъ въ ученики къ монастырскому дьячку А. С. Блахину, бывшему потомъ соборнымъ священникомъ, съ договоромъ на одинъ годъ. Пробывъ у него девять мѣсяцевъ, онъ былъ выбранъ обществомъ въ десятники полицейскіе и какъ отличался проворствомъ, то былъ отправленъ на посылки къ городничему В. С. Ананьину. Въ одно досужее время онъ сдѣлалъ перомъ очень схожіе портреты съ дѣтей городничаго. Город-

(*) Саникарскій Богородицкій мужской монастырь, нынѣ заштатный. Основаніе ему положилъ темниковскій инокъ Лука Евсюковъ (въ 1659 г.), а Саникарскимъ, или, правильнѣе, Сѣнокарскимъ, названъ отъ окружающихъ его сѣнокосовъ. Монастырь этотъ есть одинъ изъ лучшихъ въ Тамбовской губерніи. Въ монастырѣ три церкви: 1) Соборная, во имя Рождества Пресвятыя Богородицы; 2) Больничная, во имя Владимірской Божіей Матери; 3) во имя Преображенія Господня, которая поставлена подъ святыми воротами.

Digitized by Google

ничій, узнавъ объ этомъ, вышелъ къ нему на крыльцо, у котораго онъ стоялъ тогда на часахъ, и спросилъ его: онъ ли рисовалъ портреты съ дѣтей его.— Точно такъ, ваше высокоблагородіе! — «Ну, такъ тебѣ, братецъ, лучше приняться за карандашъ.» Ступинъ, поклонившись ему, отвѣчалъ съ робостію, что причиною уклоненія отъ его занятій одна бѣдность. Г. Ананьинъ уволилъ его отъ должности; однако, онъ прослужилъ еще нѣсколько времени въ мѣщанской каморѣ, поручавшей ему собирать подушныя деньги и записывать людей, бывавшихъ на мірскомъ сходбищѣ. По совершенномъ же увольненіи, онъ нанялся въ работники золотить иконостасъ; но тогда, на его бѣду, наступила рекрутская очередь, и онъ, имѣя отъ роду 16 лѣтъ и будучи беззащитенъ, опасался попасть въ рекруты, и потому ушелъ въ село Выѣздново (*), гдѣ скрывались арзамасцы отъ повинности рекрутской. Онъ скрылся у одного тамошняго маляра и занялся иконописаніемъ, съ платою въ недѣлю по одному рублю мѣди.

Ступинъ давно желалъ поступить въ ученье къ этому дьякону, бывшему тогда въ великой славѣ, и, къ неожиданной радости Ступина, дьяконъ самъ пригласилъ его къ себѣ работать на весь великій постъ: здѣсь Ступинъ заработалъ пять рублей ассигнаціями. Съ этими деньгами прибѣжалъ онъ къ своей матери и хвалился, что получилъ большую награду отъ лучшаго художника! Самъ дьяконъ, находя въ своемъ ученикѣ дарованія, принялъ его снова къ себѣ въ сотрудники, съ платою въ годъ по 48 рублей, которая увеличилась впослѣдствіи до 80 рублей. — Съ хозяиномъ своимъ онъ ѣздилъ въ село Тарханово, къ помѣщику Приклонскому, заказавшему иконостасъ, и какъ при рядѣ было выговорено шесть ведеръ вина, для перегонки спирта на лакъ, то его учитель, также не пренебрегавшій спиртовыми напитками, сильно запилъ и потомъ умеръ въ Арзамасѣ отъ удара, во время запоя.

На девятнадцатомъ году жизни Ступинъ женился на дочери мѣщанина Селиванова, Екатеринѣ Михайловнѣ, за которой получилъ приданаго 200 рублей. Жена его переносила съ самоотверженіемъ всѣ крайности бѣдности.

Вскорѣ потомъ Ступинъ нанялся къ новому хозяину расписывать съ нимъ церковь въ селѣ Кошелевкѣ, госпожи Арцыбашевой (Спаскаго уѣзда, Тамбовской губерніи), и потомъ, по окончаніи работы, возвратился въ свой городъ. Здѣсь родная сестра его, воспитывав-

(*) Село Выѣздново почти въ трехъ верстахъ отъ города и славилось въ прежніе годы притономъ разбойниковъ, а нынѣ оно, по мнѣнію арзамасцевъ, что, кажется, не совсѣмъ справедливо, славится превосходными женскими уборами и женщинами красавицами.

Digitized by Google

шался у госпожи Аргамаковой, неотступно убѣждала его поступить въ гражданскую службу, стыдясь видѣть брата своего въ мѣщанскомъ званіи. Жаль было ему разстаться съ любимымъ своимъ занятіемъ, но онъ не могъ устоять противъ неотступныхъ просьбъ сестры. Онъ поступилъ на службу въ Нижегородское Губернское Правленіе, съ званіемъ подканцеляриста, въ отдѣленіе совѣтника К. М. Р**, который занялъ его работой у себя дома: золоченіемъ рамъ и малярствомъ, за что увольнялъ домой его, а когда нужно, требовалъ обратно. При всей непріятности такого положенія его въ Нижнемъ-Новгородѣ, онъ пользовался тамъ слушаніемъ лекцій, посѣщая тамошнюю семинарію. Г. Р** часто приказывалъ ему то красить кровлю дома, въ его деревнѣ Ляховѣ, то расписывать стѣны дома или красить мельницу. Нижегородская игуменья избавила его отъ такой службы: она поручила ему написать образъ Воздвиженія Креста, для поднесенія Императору Павлу Петровичу, котораго ожидали тогда въ Нижнемъ, и этотъ образъ такъ понравился, что многіе приняли участіе въ молодомъ художникѣ, особенно добрый совѣтникъ губернскаго правленія С. Севастьяновъ, который, одобряя, сказалъ: «слушай, голубчикъ! выбирай любое: или служи, или выходи въ отставку; я тебя выпущу канцеляристомъ.» Онъ вышелъ въ отставку и вскорѣ получилъ подрядъ въ Арзамасской кладбищенской Всесвятской церкви — написать въ придѣлѣ на правой сторонѣ 24 образа, за 60 рублей ассигн. Съ этого времени, 1797 года, сентября 1, онъ началъ принимать къ себѣ учениковъ и брать работы, изъ которыхъ одна изъ самыхъ выгодныхъ состояла въ написаніи иконостаса въ селѣ Кеншѣ, Пензенской губерніи, у помѣщика Якобсона, заплатившаго ему за это 350 руб. На эти деньги онъ купилъ себѣ домъ въ городѣ Арзамасѣ.

Бывшій товарищъ его В. С. Туринъ, посѣщавшій потомъ классы въ Академіи Художествъ, совѣтовалъ ему ѣхать для усовершенствованія въ Петербургъ.

1800 года, марта 5, отправился Ступинъ въ Петербургъ, съ іеромонахомъ Александро-Невской лавры, отцемъ Доримидонтомъ, уроженцемъ арзамасскимъ, оставивъ жену и сына-первенца Рафаила на попеченіе учениковъ своихъ, которымъ онъ сдалъ работу арзамасской церкви Спасо-Нерукотвореннаго образа. За провозъ и содержаніе его въ дорогѣ іеромонахомъ онъ написалъ портреты съ его отца и матери и потомъ снялъ копію съ его собственнаго портрета. Въ проѣздъ чрезъ Новгородъ іеромонахъ представилъ его митрополиту Гавріилу, бывшему тогда на покоѣ (*). Митрополитъ

(*) Отецъ Доримидонтъ былъ любимымъ іеромонахомъ у высокопреосвященнаго Гавріила.

Digitized by Google

принялъ его ласково, подарилъ ему сочиненіе св. Димитрія Ростовскаго и напутствовалъ незабвеннымъ наставленіемъ. «Ты ѣдешь въ царство познаній и если пойдешь по правому пути, то найдешь всякое добро и счастіе; если пойдешь по лѣвому пути, то встрѣтишь утонченный развратъ, зло и гибель.»

Въ Петербургъ онъ прибылъ 17 марта вечеромъ; на другой день выпалъ такой дождь, что сошелъ весь снѣгъ. Ступинъ остановился у родного дяди жены своей, Ст. Ив. Турина, служившаго въ столицѣ по земской части. Содержаніе нашему Ступину обходилось не очень дешево, ибо фунтъ самой лучшей говядины стоилъ 12 коп., а въ Арзамасѣ она стоила 2 коп. Іеромонахъ Доримидонтъ имѣлъ случай представить его статсъ-дамѣ княгинѣ Дарьѣ Александровнѣ Трубецкой (*), родной сестрѣ графа Румянцова-Задунайскаго, которая приняла его милостиво и приглашала къ своему столу.

Спустя нѣсколько дней послѣ своего прибытія въ столицу, онъ экзаменовался въ Академіи Художествъ (марта 26). Тутъ посадили его сначала рисовать съ гипсовыхъ головъ, потомъ съ античной головы генія и головы Геркулеса; послѣ онъ рисовалъ съ античныхъ фигуръ и за успѣхи былъ награжденъ второю серебряною медалью. Ему страстно хотѣлось поступить въ классы адъюнктъ-ректора Ивана Акимовича Акимова, который принималъ къ себѣ учениковъ съ платою по 175 руб. въ годъ, а онъ взялъ съ собой денегъ всего-навсе 250 рублей. Желаніе его скоро исполнилось: однажды, во время его занятій въ Античной галлереи, пришелъ г. Акимовъ, посмотрѣлъ на рисунокъ Ступина, Акимовъ сѣлъ исправлять его и сказалъ: «Очень порядочно нарисовано, только великонекъ кулачекъ и пятка; но это ничего. Видно, ты рисуешь съ натуры?» Точно такъ. Ректоръ, посмотрѣвъ рисунокъ снова, замѣтилъ: «порядочно, и анатомію изучать начинаешь. Русскій, что ли, ты?» Ступина часто принимали за грека, а иногда за грузина, по бѣловатому его лицу и чернымъ волосамъ. Тотъ отвѣчалъ, что онъ настоящій русскій, пріѣхалъ изъ Арзамаса, слишкомъ за 1,000 верстъ, и что онъ очень бѣдный человѣкъ. — «Художество любитъ усиліе и труды — сказалъ г. Акимовъ — и чѣмъ болѣе препятствій, тѣмъ надежнѣе успѣхи.» Молодой художникъ не смѣлъ противорѣчить и не смѣлъ просить, въ присутствіи многихъ учениковъ, объ оказаніи ему какого либо пособія; но когда ректоръ вышелъ изъ галлереи, то онъ провожалъ его, отворяя и затворяя за нимъ дверь, и просилъ неотступно о покровительствѣ. Описывая свою бѣдность, онъ предлагалъ ему годичную плату по 100 рублей

(*) Отецъ Доримидонтъ служилъ въ ея домашней Крестовой церкви.

Digitized by Google

ассигнаціями. Тотъ сначала отговаривался принять его, за немѣніемъ мѣста въ классахъ, потомъ, смягчившись, спросилъ: «знаетъ ли кто тебя въ Академіи?» «Пользуюсь — отвѣчалъ Ступинъ — лестнымъ вниманіемъ ко мнѣ заслуженнаго профессора Алексѣя Егоровича Егорова и смотрителя классовъ, г. Финясва.» — «Хорошо, приходи завтра: я подумаю.» На другой день чуть-свѣтъ онъ уже дожидался въ передней его выхода. Акимовъ вышелъ: Ступинъ поклонился ему низко, подалъ свой паспортъ и положилъ на него деньги. Онъ принялъ ихъ благосклонно и приказалъ ему переѣхать въ его домъ, примолвивъ: «а какой обрядъ у меня, скажутъ о томъ твои товарищи.» Тутъ одинъ изъ учениковъ сталъ говорить, что у нихъ и такъ тѣсно; ректоръ возразилъ: «не мѣшай мнѣ, Владиміръ. Мнѣ понравилось его умное и скромное лице, и я надѣюсь, что онъ будетъ добрый человѣкъ.» Ступинъ поступилъ въ классы августа 16 и съ этого времени началъ заниматься покойно, хотя содержаніе его было довольно скудное, и кромѣ питья невской воды онъ не зналъ другого. Новый наставникъ, будучи охотникъ до садоводства, заставлялъ его съ товарищами подчищать деревья, полоть гряды, носить землю и бѣлье на Неву. Однажды, когда онъ перевозилъ съ товарищами березку черезъ Неву, корень дерева перетянулъ его на одну сторону, и онъ упалъ въ воду. Къ счастію, онъ умѣлъ плавать: вынырнулъ и достигъ берега благополучно. Несмотря на незавидное положеніе Ступина, онъ со дня на день болѣе нравился г. Егорову, который часто надѣлялъ его своимъ столомъ и чаемъ. Акимовъ, увидѣвъ расположеніе къ нему Егорова, сталъ обходиться съ нимъ получше и однажды просилъ его посредства, чтобы Егоровъ далъ свое мнѣніе о картинѣ, которую онъ писалъ въ Михайловскій дворецъ (нынѣ Инженерный замокъ). Двое художниковъ: Акимовъ и Егоровъ, отличались въ это время особенною способностію: первый даромъ слова въ объясненіи теоретической живописи, а второй — черченіемъ карандашемъ. Первый часто приводилъ слушателей въ восторгъ и, по выраженію Ступина, бросалъ въ нихъ не скорлупами, но ядрами питательными. Стараясь не проронить его словъ, онъ записывалъ ихъ мѣлкомъ на рукавахъ своего синяго китайчатаго тулупа. Второй не увлекалъ словами, но передавалъ жизнь въ рисункахъ своихъ.

Занимаясь съ успѣхомъ подъ руководствомъ Акимова и Егорова, Ступинъ получилъ, по окончаніи годичнаго своего ученія, медаль за отличіе. Вслѣдъ за этимъ онъ получилъ непріятную вѣсть: жена писала къ нему, что онъ обложенъ податью, съ платежемъ еще за четырехъ душъ. Это такъ его разстроило, что онъ, выйдя разсѣянно въ переднюю своего учителя, сѣлъ и горько задумался. Акимовъ,

Digitized by Google

проходя мимо, спросилъ у него о причинѣ: тотъ разсказалъ ему про свое горе. «Что у васъ тамъ за люди? Ты поѣхалъ учиться доброму дѣлу: надо бы тебя поддерживать, а они еще тѣснятъ! Императрица лично тебя знаетъ (*) и порадовалась, когда услыхала, что ты получилъ медаль. Напиши записку о себѣ, а я подамъ Ея Величеству.» Чрезъ нѣсколько дней Акимовъ поднесъ записку Императрицѣ, которая приняла живое участіе въ Ступинѣ, и съ тѣмъ вмѣстѣ Акимовъ представилъ Ступина графу Строганову, тогдашнему президенту Академіи Художествъ, рекомендуя его такъ: «Ваше сіятельство! мой ученикъ Ступинъ ходитъ въ рубищѣ: не оставьте его милостивымъ вашимъ вниманіемъ.» Графъ, извѣстный своею благотворительностію, много содѣйствовалъ къ облегченію участи Ступина; на докладной запискѣ, представленной о немъ Государю Императору, послѣдовала собственноручная надпись: «Александра Ступина съ семействомъ освободить отъ податей и даровать ему свободу, соотвѣтственно его художеству, — съ тѣмъ, чтобы по мѣрѣ оказываемыхъ имъ успѣховъ воспользоваться ему правами и преимуществами обучающихся въ Академіи» (**). Графъ Строгановъ, несмотря на преклонныя свои лѣта и на сильный, шедшій тогда ледъ по Невѣ (въ концѣ апрѣля мѣсяца 1802 г.), переѣхалъ на катерѣ въ Академію и, собравши всѣхъ учениковъ, велѣлъ конференцъ-секретарю А. Ѳ. Лабзину читать именной указъ. По прочтеніи указа, графъ представилъ Ступина товарищамъ въ примѣръ, какъ обратившаго на себя вниманіе Государя, и, поздравивъ съ монаршею милостію, поцаловалъ его.

Лучшими товарищами и соперниками Ступина были Варникъ и Кипренскій, оба превосходные портретисты. Они надѣляли его рисунками и картинами своихъ трудовъ, даже и тогда, когда онъ жилъ въ Арзамасѣ.

(*) Г. Акимовъ, который училъ живописи великую княгиню Елизавету Алексѣевну, бывшую потомъ императрицей, всегда посылалъ во дворецъ кого либо изъ учениковъ, наканунѣ урока, чтобы заблаговременно приготовить краски и инструменты. Однажды Ступинъ, приготовляя краски во дворцѣ, имѣлъ счастіе увидѣть великую княгиню Елизавету Алексѣевну, и поклонился ей; она, взглянувъ на него ласково, отвѣтила привѣтливо наклоненіемъ головы.

Въ Москов. Вѣд. за 1844 г., № 38, стр. 213, сказано: «г. Акимовъ опредѣлилъ Ступина къ Ея Императорскому Величеству Елизаветѣ Алексѣевнѣ для приготовленія живописныхъ красокъ и инструментовъ». Это несправедливо: г. Акимовъ посылалъ поочередно учениковъ своихъ для приготовленія красокъ и никого не опредѣлялъ; притомъ Елизавета Алексѣевна была тогда великой княгиней.

(**) Съ освобожденіемъ отъ податнаго сословія, г. Ступинъ получилъ аттестатъ 1 ст. со шпагою и чинъ 14 класса, что въ тогдашнее время почиталось великою наградою.

Digitized by Google

Къ прежнимъ ходатаямъ Ступина, гг. Акимову и Егорову (*), присоединились новые: конференцъ-секретарь Александръ Ѳедорычъ Лабзинъ, старшій профессоръ скульптуры Мих. Ив. Козловскій, ст. сов. Архипъ Матвѣичъ Ивановъ (**), воспитывавшійся вмѣстѣ съ Козловскимъ, и Ѳед. Леонт. Свѣшниковъ; всѣ они снабжали его произведеніями художествъ. Лабзинъ не оставлялъ его своими совѣтами и наставленіями и потому велъ съ нимъ переписку болѣе двадцати лѣтъ.

При всемъ желаніи Ступина продолжать свое ученіе въ Академіи, онъ долженъ былъ возвратиться на родину, гдѣ его семейство и ученики нуждались въ пропитаніи. Двѣ недѣли протекли въ прощаніи то съ товарищами, то съ наставниками и покровителями. Императрица пожаловала ему на дорогу двѣсти рублей серебромъ. Благоговѣя къ памяти вѣнценосныхъ особъ, онъ сохранилъ салфетку, которою Государыня обтирала кисти и палитру, — нѣсколько штилей и кистей Ея. Президентъ Академіи, графъ Александръ Сергѣичъ Строгановъ, до конца своей жизни не оставлялъ его. Акимовъ подарилъ ему на память Бахуса, копію съ Рубенса въ мѣру подлинника, — крещеніе Св. Ольги, имъ самимъ писанное, — нѣсколько эстамповъ изъ коллекціи Аннибала Кореджія, шестнадцать эстамповъ съ рисунковъ Кореджія и нѣсколько своихъ рисунковъ и чертежей. Козловскій во время сужденій Академіи объ успѣхахъ Ступина первый произнесъ рѣшительный приговоръ объ увольненіи его изъ мѣщанскаго сословія.

Покровителями его еще были: ректоръ и старшій профессоръ скульптуры Ѳед. Ѳед. Щедринъ, — дѣйст. ст. сов. старшій ректоръ Ив. Пет. Мартосъ, творецъ Минина и Пожарскаго, поставленныхъ въ Москвѣ на красной площади противу Кремля, — старшій профессоръ исторической живописи Григ. Ив. Угрюмовъ, профессоръ перспективы Ѳед. Алекс. Алексѣевъ, старшій профессоръ архи-

(*) Егоровъ съ самого вступленія Ступина въ Академію и потомъ, когда онъ вышелъ изъ нея, не переставалъ принимать въ немъ истинное участіе. Почти не было ни одного рисунка, котораго бы онъ не исправлялъ, и этимъ, разумѣется, болѣе всѣхъ способствовалъ его успѣхамъ въ рисованіи. При отъѣздѣ Ступина въ Арзамасъ, онъ снабдилъ его многими рисунками, снятыми съ натуры, отдалъ ему почти всѣ эскизы своего рисованія и сочиненія, снялъ съ него три портрета и подарилъ собственный, писанный имъ самимъ. Ступинъ, пріѣзжая нѣсколько разъ въ Петербургъ, останавливался въ его домѣ. Егоровъ, ведя съ нимъ переписку, приглашалъ его ѣхать съ нимъ въ Римъ, куда онъ отправлялся съ Шебуевымъ.

(**) Въ бытность Ступина въ Петербургѣ, въ 1845 г., онъ не засталъ уже въ живыхъ Акимова, Козловскаго, Мартоса и Иванова; они погребены на Смоленскомъ кладбищѣ.

Digitized by Google

тектуры Андр. Никит. Воронихинъ (*), дѣйст. ст. сов. и старшій ректоръ исторической живописи Вас. Куз. Шебуевъ, который, будучи его учителемъ, подарилъ ему два эскиза своего сочиненія, двѣ картины, рисованныя имъ съ натуры, и прекрасную голову Василія Великаго, которую онъ вырѣзалъ изъ своей картины. Отдавая ему эту голову, онъ сказалъ: «у меня просилъ графъ А., но я не отдалъ ему: она лучше пригодится тебѣ.» Наконецъ — ректоръ архитектуры Михайловъ, который подарилъ ему своего сочиненія планъ съ фасадомъ Московскаго театра.

Архіепископъ ярославскій Павелъ, членъ святѣйшаго синода, который былъ нижегородскимъ епископомъ, совѣтывалъ Ступину переселиться въ Ярославль и открыть тамъ свою школу. По совѣту его, онъ поѣхалъ туда, чтобы предварительно ознакомиться съ обществомъ. На пути въ Ярославль онъ посѣтилъ Св. Троицко-Сергіевскую лавру и Виѳанію, гдѣ жилъ тогда митрополитъ Платонъ, котораго онъ желалъ видѣть и принять отъ него благословеніе. Войдя въ церковь, онъ увидѣлъ его въ простой рясѣ и камилавкѣ, и подошелъ къ нему подъ благословеніе; но первосвятитель приказалъ ему отслушать первоначально обѣдню. Во время служенія архипастырь самъ подавалъ кадило, читалъ апостолъ, носилъ свѣчу предъ Евангеліемъ и исполнялъ всѣ обязанности церковно-служителя. Когда Ступинъ подошелъ подъ благословеніе Платона, кроткій пастырь спросилъ его: кто онъ такой? откуда и куда ѣдетъ? и потомъ далъ ему душеспасительное наставленіе.

По прибытіи въ Арзамасъ Ступинъ учредилъ въ этомъ городѣ школу рисованія, въ 1802 году. Отказывая себѣ во всякомъ удовольствіи, онъ скупалъ книги, эстампы съ античныхъ фигуръ, бюстовъ и картинъ. Изъ Академіи онъ привезъ статуи: Фавна, Венеры Медицейской, Бойца, десять разныхъ бюстовъ, — двѣ статуи, подаренныя ему Академіей Художествъ, — одну статую, подаренную гр. П. И. Кутайсовымъ, — много картинъ, рисунковъ и эстамповъ, всего до шести-тысячь-пяти-сотъ, въ томъ числѣ двадцать-пять подлинныхъ картинъ Акимова, Егорова, Шебуева, Варнека и два поясные портрета Карла Брюлова; остальныя картины состояли изъ снимковъ иностранныхъ и до двухъ тысячь томовъ книгъ, бо́льшею частію художественнаго содержанія. Съ такимъ запасомъ его школа представляла въ маломъ видѣ Академію. Открывъ классы живописи, онъ кромѣ того взялъ особаго учителя для преподаванія исторіи,

(*) Онъ былъ крѣпостной человѣкъ гр. Ал. Сер. Строганова, потомъ имъ отпущенъ на волю и жилъ нѣсколько времени въ Англіи съ сыномъ графа, наконецъ сдѣлался архитекторомъ и строилъ, между многими зданіями, Казанскій соборъ въ Петербургѣ.

Digitized by Google

географіи, ариѳметикѣ, чистописанію и закону Божію. Въ теченіи шести лѣтъ школа его распространилась до такой степени, что не только люди свободнаго, но и крѣпостного сословія поступали къ нему. Въ тоже самое время онъ получилъ замѣчательный заказъ отъ князя грузинскаго. Въ селѣ Катунках, принадлежавшемъ этому князю, онъ расписалъ всю церковь внутри, написалъ новыхъ девяносто историческихъ картинъ духовнаго предмета, украсилъ церковь снаружи лѣпной работою, а карнизы арабесками. Эту работу цѣнили знатоки дорого, а онъ произвелъ ее въ два года менѣе нежели за три тысячи рублей! Изъ этой договорной суммы уержано еще было четыреста рублей.

Въ 1808 г. онъ перешелъ въ новый свой домъ, въ которомъ выстроилъ двѣ галлереи: одну картинную, а другую античную. Въ 1809 г., Академія Художествъ, видя полезные успѣхи Ступина въ распространеніи живописи по сѣверо-восточному краю Россіи, вмѣнила себѣ въ пріятный долгъ поощрить его, а потому іюня 10 въ томъ же году произвела его въ академики, приняла его школу подъ свое покровительство и съ тѣмъ вмѣстѣ возложила на него обязанность, чтобы онъ ежегодно представлялъ Академіи отчетъ о состояніи заведенія и успѣхахъ обучающихся, также присылалъ бы рисунки и другія работы своихъ учениковъ, чтобы Академія могла слѣдить за успѣхами его заведенія. Съ тѣхъ поръ оно получило наименованіе *Художественной школы въ городѣ Арзамасѣ* (*). Въ томъ же году, посѣтивъ Петербургъ, онъ привезъ съ собой, для опредѣленія въ Академію, одиннадцатилѣтняго сына своего, и арзамасскаго мѣщанина М. П. Коринескаго, который превосходно рѣзалъ и чертилъ самоучкой планы и фасады зданіямъ (**), и лучшаго ученика своего И. Горбунова, который былъ впослѣдствіи отпущенъ на волю своей госпожей, для усовершенствованія въ художествѣ. Ступинъ доставилъ тогда же въ Академію произведенія своей школы, состоящія изъ портретовъ, картинъ и тридцати рисунковъ, снятыхъ съ подлинниковъ и гипсовыхъ фигуръ. Онъ представилъ ихъ конференцъ-секретарю, который отослалъ на судъ къ первоначальному его наставнику, Акимову. Послѣдній, разсмотрѣвши ихъ, отозвался съ

(*) Ордеръ Императорской Академіи Художествъ, данный Ступину на званіе академика отъ 19 августа 1809 г., за подписью конференцъ-секретаря Лабзина, и опредѣленіе совѣта Императорской Академіи Художествъ отъ 14 августа того же года, за подписью президента, статсъ-секретаря Оленина.

(**) Коринескій былъ впослѣдствіи награжденъ, за архитектурные чертежи, двумя серебряными медалями перваго и второго достоинствъ и аттестатомъ первой степени со шпагою. Нынѣ онъ служитъ при Казанскомъ университетѣ архитекторомъ и преподавателемъ архитектуры.

Digitized by Google

похвалою, произнеся: «дай Богъ хоть бы и у насъ такъ рисовали», потомъ поручилъ ему представить рисунки въ Академію, и на предложеніе Ступина: не угодно ли изъ тридцати рисунковъ выбрать лучшіе? профессоръ сказалъ: «не для чего выбирать: всѣ нарисованы очень хорошо». Трое изъ учениковъ его: одинъ Соколовъ, нарисовавшій Самсона съ Далилой, съ эстампа Рубенса, — другой — Горбуновъ, снявшій портретъ съ самого Ступина и Клеопатру съ эстампа, а третій — Лебедевъ, удостоены были награды серебряными медалями.

Академія, въ поощреніе къ трудамъ академика Ступина, приняла на казенный счетъ сына его; Горбуновъ же поступилъ къ г. Егорову, а Коринѳскій къ Воронихину, въ домахъ которыхъ они жили. Ступинъ, по окончаніи своихъ дѣлъ, возвратился на свою родину, обогативъ себя новымъ запасомъ по предмету искусствъ (*).

Школа, сдѣлавшись неномѣстительною и неудобною, заставила Ступина перестроить ее, и въ 1813 г. онъ началъ перестройку по плану Коринѳскаго и нѣкоторыхъ профессоровъ, съ одобренія Академіи. Перестройка происходила подъ присмотромъ Коринѳскаго.

Съ 1815—1818 г., онъ получалъ заказы для написанія образовъ и иконостасовъ, а именно: въ Пензѣ для собора, въ селѣ Петинѣ для г. Аненкова и въ селѣ Салмѣ для г. Нечаева. Въ 1817 г. онъ получилъ бронзовую дворянскую медаль. Въ 1820 г. расписывалъ большой иконостасъ въ заштатномъ городѣ Почникахъ, въ 1822 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ—соборъ, во имя преподобнаго Макарія, находящійся на ярмарочной площади.

Въ 1825 году онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ и представилъ въ Академію нѣсколько трудовъ своихъ учениковъ; изъ нихъ Академія наградила Козьму Макарова первою, а Ивана Соколова второю серебряною медалью (**), а Аѳанасія Надежина свидѣтельствомъ для полученія медали. Ступину же подарила Академія двѣ статуи: Миліагро и Аполоній, и опредѣлила единогласно, чтобы о трудахъ его довести до свѣдѣнія Государя Императора. Сынъ Ступина не

(*) Въ Московскихъ Вѣдомостяхъ за 1844 г., № 33, стр. 214: «Рѣщикъ Коринѳскій по ходатайству Ступина принятъ своекоштнымъ въ архитектурный классъ, — такихъ примѣровъ до того времени не бывало». Это невѣрно: Коринѳскій былъ принятъ въ домъ Воронихина за плату и изъ дому Воронихина ходилъ въ академическіе классы.

(**) И. Соколовъ поступилъ потомъ въ Московскій Кадетскій Корпусъ учителемъ рисованія.

Въ Московскихъ Вѣдомостяхъ за 1844 г., № 34, стр. 218: «Въ 1825 онъ (Ступинъ) привезъ въ Академію 4 картины историческія и 31 рисунокъ, въ чемъ много способствовалъ ему сынъ его». Это также невѣрно: сынъ оказывалъ слабые успѣхи и не хотѣлъ учиться.

Digitized by Google

оправдалъ попеченій о немъ отца и вниманія начальства: онъ умеръ отъ невоздержной жизни. Дочь Ступина вышла замужъ, въ 1834 году, за Алексѣева, художника съ большими способностями, который сначала былъ ученикомъ у Ступина, а потомъ окончилъ образованіе въ Академіи. Ступинъ лишился жены своей (въ 1838 году); съ ней онъ дѣлилъ и горе и радость 43 года. Ударъ этотъ такъ былъ силенъ для его дочери и его самого, что дочь находилась нѣсколько времени въ помѣшательствѣ, а онъ занемогъ горячкою и едва не умеръ. По прошествіи пяти лѣтъ дочь его умерла отъ горловой чахотки, оставивъ послѣ себя трехъ дочерей и одного сына.

Ступинъ представлялъ также работы учениковъ своихъ въ Общество Поощренія Художниковъ, отъ котораго получилъ отзывъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, именно, что труды его имѣютъ цѣлію общую пользу, что попеченія его оправдываются успѣхами его учениковъ, что Общество, желая знать о всѣхъ вышедшихъ и нынѣ находящихся въ его школѣ ученикахъ, вмѣняетъ себѣ въ обязанность оказывать имъ и самому Ступину возможныя пособія (*). При чемъ общество подарило ему 39 литографическихъ головъ съ картинъ Рафаэля и другихъ знаменитыхъ художниковъ. Гр. П. И. Кутайсовъ подарилъ Ступину слѣпокъ съ мраморной статуи Апполино, а г. Кикинъ, бывшій въ то время однимъ изъ главныхъ двигателей поощреній Общества Художниковъ, познакомилъ его съ Довомъ, англійскимъ живописцемъ, написавшимъ для военной галлереи 200 портретовъ съ генераловъ, отличившихся въ незабвенный 1812 годъ. Дову особенно понравилась головка мальчика, писанная съ натуры, которую онъ выпросилъ у Ступина, а ему подарилъ въ замѣнъ 12 портретовъ съ нашихъ знаменитыхъ генераловъ.

Два художника изъ школы Ступинской: Макаровъ и Надежинъ положили основаніе двумъ новымъ школамъ живописи: первый открылъ въ городѣ Саранскѣ (Пензенской губерніи), а второй — въ городѣ Козловѣ (Тамбовской губерніи), и получилъ потомъ медаль, а за открытіе школы званіе академика.

Генералъ-губернаторъ Н. А. Бахметьевъ, посѣтивъ въ 1826 году художественную школу Ступина, увидѣлъ у него писанный масляными красками видъ города Арзамаза и предложилъ ему написать другой, который и былъ представленъ Государю Императору,

(*) Отношеніе Общества Поощренія Художниковъ къ академику Ступину отъ 4 марта 1835 г., за подписью члена и казначея Петра Кикина, члена и секретаря В. Григоровича.

Digitized by Google

за что Ступинъ удостоенъ былъ наградою брильянтоваго перстня съ сапфиромъ, цѣною въ 1000 р. ассиг.

Академикъ Ступинъ былъ избранъ Обществомъ въ должность церковнаго старосты, въ 1827 г., и эту должность исполнялъ, кажется, до сихъ поръ, несмотря на преклонность лѣтъ. При появленіи холеры въ Арзамасѣ, онъ былъ избранъ (въ 1830 г., сентября 22) временной полиціей частнымъ приставомъ первой части города и эту обязанность исполнялъ съ самоотверженіемъ. За тѣмъ назначенъ былъ (14 октября) смотрителемъ нижегородской предохранительной заставы, а послѣ (22 октября) наименованъ комиссаромъ (1). Вслѣдъ за этимъ онъ непрерывно былъ избираемъ дворянами и разночинцами, депутатомъ въ комитетъ для уравненія городскихъ повинностей, для повѣрки приходо-расходныхъ городовыхъ книгъ и по квартирной комиссіи. За одиннадцатилѣтнее служеніе старостой церковнымъ, въ приходѣ Св. Духа, онъ получилъ отъ консисторіи нижегородской похвальный листъ (2), а потомъ былъ пожалованъ медалью золотою, за ту же службу, въ 1846 г. (3); Академія же Художествъ исходатайствовала ему награду орденомъ Св. Анны 3 ст.

Труды Ступина неизчислимы. По просьбѣ г-жи Путиловой, онъ расписывалъ церковь въ ея деревнѣ (въ 1827 г.) и церковь въ деревнѣ г. Кроткаго (въ 1828 г.), потомъ приглашенъ былъ въ Уральскъ (въ 1835 г.) для иконостасной работы въ войсковой церкви, во имя Казанской Божіей Матери (4), — въ Илецкую защиту для написанія мѣстныхъ образовъ, во храмъ Спасителя. Вслѣдъ за этимъ онъ подрядился расписывать въ Оренбургѣ иконостасъ.

Въ 1836 г. Ступинъ представилъ въ Академію рисунки своей школы, въ томъ числѣ четыре картины зятя своего, Алексѣева, рисованныя съ натуры. Совѣтъ Академіи наградилъ Алексѣева званіемъ академика, а за превосходное его изображеніе торбаниста, взятаго Ея Величествомъ, во время бывшей художественной выставки, пожалованъ брильянтовымъ перстнемъ (5); другимъ же его ученикамъ: Павлу Рачкову и Василью Бовину, даны серебряныя медали 2 ст.; Карпу Виноградову и Панфилу Незнасву объявлена особенная похвала; а остальные ученики поощрены одобреніемъ и вниманіемъ

---

(1) Аттестатъ арзамасскаго уѣзднаго комитета, учрежденнаго для пресѣченія холеры, дан. 1831 г. въ январѣ мѣсяцѣ.

(2) Похвальный листъ консисторіи 1835 г., октября 13, за № 5,314.

(3) Указъ Святѣйшаго Синода, по высочайше утвержд. комит. гг. министр. 15 и 29 января 1846 г.

(4) Свидѣтельство Уральской войсковой канцеляріи 1836 г. октября 13 дня.

(5) Алексѣевъ, спустя потомъ нѣсколько лѣтъ, занялся въ Санктпетербургѣ (съ 1843 г.) стѣнной работой для Исакіевскаго собора.

Digitized by Google

Академіи (*). Во время выставки въ Нижнемъ (въ 1837 г.) лучшихъ произведеній по разнымъ отраслямъ, Его Высочество Государь Наслѣдникъ Престола удостоилъ разсматривать труды арзамасской художественной школы, особенно картины Алексѣева, изъ которыхъ взялъ два вида Нижняго города, снятые съ натуры, и пожаловалъ ему 150 р. сер., удостоивъ милостивымъ вниманіемъ самого академика Ступина, котораго распрашивалъ объ основаніи и способѣ преподаванія въ его школѣ.

Помѣщикъ Богдановъ сдѣлалъ предложеніе Ступину (въ 1836 г.) написать иконостасъ въ селѣ его Куликовкѣ, а пензенскій преосвященный Амвросій поручилъ расписать церковь холодную въ Нижнеломовскомъ казанскомъ монастырѣ и въ Пензенскомъ тепломъ соборѣ придѣлъ, съ тѣмъ, чтобы стѣны и потолокъ разрисовать арабесками, а образа масляными красками. Въ Казанскомъ монастырѣ были приготовляемы картины историческія, величиною въ четыре аршина. Въ этомъ большомъ и важномъ трудѣ былъ ему хорошимъ помощникомъ зять его. При разрисованіи потолка въ придѣлѣ Пензенскаго собора обломилась подъ Ступинымъ доска: онъ упалъ и прошибъ себѣ голову. Скоро, однако, подали ему помощь, и онъ на другой день, превозмогая свою боль, снова принялся за работу съ привычной ему дѣятельностью: самъ нарисовалъ 189 херувимовъ, въ ростъ человѣческій, а 16 рамъ, четырехъ-аршинныхъ, расписалъ подъ рѣзную работу.

Въ слѣдующемъ году (1839) онъ написалъ для Больничной церкви города Чамбаръ (Пензенской губерніи), мѣстные образа; въ 1840 году взялся написать иконостасъ въ полковую церковь въ Нижнемъ городѣ и принималъ участіе въ расписаніи, въ великолѣпномъ арзамасскомъ Воскресенскомъ соборѣ придѣла на правой сторонѣ, украшеннаго его работы двумя мѣстными образами: Спасителя и Божіей матери, сидящихъ на престолѣ. Въ 1841 г. приглашали его въ село Лайдехъ (Суздальскаго уѣзда Владимірской губерніи) и Флорищенскую пустынь, для расписанія церквей; но онъ отказался, за дальностію дороги (**). Въ слѣдующемъ году постигло его горестное собы-

(*) Отношеніе Импер. Акад. Худ. къ академику Ступину: 17 ноября 1846 г. № 665, 22 февраля 1840 г. — № 166, 29 октября 1840 г. — № 851, 13 февраля 1841 г. — № 730, 19 февраля 1842 г. — № 102, 28 ноября 1842 г. № 913.

(**) Ученики его школы особо занимались еще расписываніемъ церквей и иконостасовъ, по губерніямъ: Нижегородской, Пензенской, Саратовской, Симбирской и Оренбургской. Однихъ иконостасовъ поставлено ими 136, образовъ 3,319; сколько прошло ученической работы, состоящей преимущественно изъ картинъ историческихъ и портретовъ, какъ наиболѣе замѣчательныхъ, то можно сказать приблизительно 10,000.

Digitized by Google

тіе: школа художественная, зажигаемая два раза злонамѣренными людьми, была подожена 5 ноября и вся обратилась въ пепелъ. Въ виду его было расхищаемо все его имущество; но добрые люди спасали обгорѣлые эстампы, картины, книги, бюсты, антики и статуи.

Все, что было пріобрѣтено имъ въ теченіи сорокалѣтнихъ усильныхъ трудовъ, сдѣлалось добычею огня и хищническихъ рукъ. Оставшись, можно сказать, безъ насущнаго хлѣба, онъ искалъ пристанища подъ чужимъ кровомъ. Извѣщая о своемъ бѣдствіи и несчастіи друга своего Ив. Макс. Горностаева (жившаго въ Петербургѣ), онъ возлагалъ всю свою надежду на благость Промысла, карающаго и испытывающаго: «Господь даде и Господь отъя.» Горностаевъ совѣтывалъ ему обратиться къ покровительству Академіи Художествъ. По обязанности своей доносить ежегодно Академіи о состояніи школы, онъ довелъ до свѣдѣнія объ уничтоженіи огнемъ школы (изъ которой вышло болѣе ста полезныхъ художниковъ) и заключилъ, что онъ, сколько еще есть у него силъ, не прекратитъ занятій своихъ, дабы быть полезнымъ въ образованіи юношества, и что, лишась способовъ привесть школу въ прежнее состояніе, онъ, однако, возлагаетъ всю свою надежду на Бога (1).

Многіе думали, что школа его рушилась; но Государь Императоръ, по ходатайству Академіи Художествъ, повелѣлъ выдать ему въ единовременное пособіе пять тысячь рублей серебромъ (2). Ступинъ, надѣясь на помощь Божію, не обманулся. Послѣ пособія онъ приступилъ немедленно къ строенію школы. По благодѣтельному участію новаго президента, Его Императорскаго Высочества Герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго, и конференцъ-секретаря В. И. Григоровича, Академія снабдила его безденежно статуями: Лаокона, Міліагро, Венерой Медицейской, Бойцемъ Германикомъ, головами: Аполлона, Юпитера, Аріадны, дочери Ніобы, Александра Македонскаго, нѣсколькими бюстами и анатоміей Гудонова (3). По прошествіи четырехъ лѣтъ, онъ былъ награжденъ орденомъ Владиміра 4 степени, за признанную Академіей пользу въ распространеніи живописи въ отечествѣ и за сорокалѣтнее существованіе его школы (4).

Пріятно вспомнить, что въ отчетѣ Академіи Художествъ съ 1842 до 1843 показаны молодые люди, ученики Ступина, и изъ нихъ самый

---

(1) Рапортъ въ Императорскую Академію Художествъ академика Ступина, 27 ноября 1842.

(2) Сообщеніе Императорской Академіи Художествъ акад. Ступина, отъ 15 февраля 1843 г., № 703.

(3) Извѣщеніе В. И. Григоровича отъ 9 декабря 1843 г., № 963.

(4) Сообщеніе Импер. Акад. Худ. отъ 22 декабря 1845 г., № 129, и 5 декаб. 1846 г., № 1,365.

Digitized by Google

замѣчательный Василій Расвъ и извѣстный уже намъ Алексѣевъ. Первый былъ впослѣдствіи отправленъ въ чужіе краи, для съемки видовъ; онъ одаренъ особенною способностію какъ пейзажистъ. Многіе его пейзажи находятся у Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Престола. Онъ ѣздилъ въ Сибирь для снятія видовъ съ Демидовскихъ заводовъ и впослѣдствіи на Кавказъ. Зять Ступина Алексѣевъ и другіе ученики его получили назначеніе соотвѣтственно ихъ способностямъ, между тѣмъ двое были оставлены въ Академіи для усовершенствованія, трое поступили учителями рисованія, въ гимназію: въ Уфимскую — Иванъ Петровъ, въ Пермскую — Владиміръ Щегольковъ, который хорошо знаетъ архитектуру и имѣетъ даръ снимать виды въ перспективѣ, — въ архангельскую — Василій Гальяновъ, въ нижегородскій благородный пенсіонъ — Павелъ Рачковъ, въ Аракчеевскій кадетскій корпусъ — Ив. Каширинъ; трое удостоены аттестатами 1 ст. со шпагою, 8 награждены серебряными медалями 1 и 2 достоинства; за тѣмъ оставалось въ школѣ 15 человѣкъ. Сверхъ этого онъ тогда же представилъ въ Академію 6 картинъ, снятыхъ съ натуры, работы двухъ его учениковъ: Рачкова и Свѣшникова (*); 20 рисунковъ съ головъ античныхъ фигуръ и съ оригинальныхъ гипсовыхъ. Въ числѣ даровитыхъ учениковъ онъ лишился одного, перекрещеннаго изъ евреевъ, который могъ бы современемъ принести честь школѣ его. Оставшись сиротою семи лѣтъ, онъ былъ призрѣнъ благочестивымъ архимандритомъ Печерскаго Нижегородскаго монастыря, Ѳеофиломъ, который вскормилъ и воспиталъ его въ правилахъ христіанскихъ и, замѣтивъ въ немъ наклонность къ художеству, отдалъ его для усовершенствованія въ школу Ступина.

Говоря о школѣ художественной, открытой въ 1802 г., необходимо сказать нѣсколько словъ объ условіяхъ, на какихъ принимаются сюда питомцы, всякаго сословія и званія. Малолѣтные принимаются на 6 лѣтъ, съ платою по 57 р. 14½ к. сер. въ годъ, съ содержаніемъ, кромѣ платья; взрослые — по 85 р. 72 к. сер.; обучавшіеся прежде и показавшіе успѣхи, принимаются на 3 и на 2 года по 100 р. (**). Со времени заведенія школы по нынѣшній годъ (съ 1802 по 1850) обучалось 168 человѣкъ, такъ что въ каждый годъ приходилось круглымъ числомъ тридцать питомцевъ, что весьма много для частнаго заведенія, учрежденнаго усиліями и средствами постоянно скудными.

Школа расположена въ возвышенной части города и примыкаетъ

(*) Первый былъ мѣщанинъ нижегородскій, а второй арзамасскій.

(**) Въ Москов. Вѣд. за 1844 г., № 219: «Ученики малолѣтные принимаются на 8 лѣтъ, съ платою за содержаніе съ пищею (кромѣ платья) по 150 р. въ годъ, а взрослые на 6 лѣтъ по 200 р. ас.». Все это показано неправильно.

Digitized by Google

къ тремъ улицамъ: Прогонной, Троицкой и Стрѣлецкой. Главное съ мезониномъ зданіе имѣетъ въ длину 9 саж., а въ ширину 6 саж., и въ немъ, кромѣ академика Ступина, помѣщаются: краскотерная, библіотека, классная и четыре вверху комнаты для учениковъ. Противоположно дому находятся галлереи: двѣ для помѣщенія картинъ, антиковъ и ученическихъ работъ и одна для кладовой. Сверхъ этого имѣются при домѣ особыя службы, баня, огородъ и садъ для прогулки учениковъ.

Для пособія питомцевъ и образованія ихъ находится библіотека, состоящая изъ 1800 книгъ, бо́льшею частію на русскомъ языкѣ и разнаго содержанія. По предмету живописи: 5,152 эстампа, 789 эскизовъ, 290 рисунковъ съ натуры, 208 картинъ, 41 фигура, въ томъ числѣ 7 античныхъ въ ростъ человѣка, 16 греческихъ бюстовъ, 12 слѣпковъ, 6 барельефовъ; всѣхъ же предметовъ по художественной части 6,480. Сверхъ этого хранится значительное число ученической работы, состоящей изъ пейзажей, портретовъ и картинъ историческихъ.

Много вышло полезныхъ художниковъ изъ его заведенія. Честь основателю и покровителямъ Арзамасской школы! Академикъ Ступинъ, нынѣ старецъ маститый (ему 74 года), достигъ своей цѣли,— цѣли быть полезнымъ отечеству.

Никто не можетъ быть лучшимъ судьею полезныхъ трудовъ г. Ступина, какъ Академія Художествъ, которая, произнося свое мнѣніе объ успѣхахъ его школы и стремленіи его самого къ благородному и возвышенному, выразилась такъ: «Хотя Академія всегда предполагала видѣть отъ вашего усердія и любви къ художествамъ посильнаго блага общаго; однако такой пользы отъ заведенія вашего она не ожидала»; далѣе: «изъявляя вамъ свою признательность за труды ваши къ пользѣ отечества, она (Академія) никогда не оставитъ съ своей стороны свидѣтельствовать о васъ, не только какъ о достойномъ уваженія художникѣ, но какъ о примѣрномъ гражданинѣ общества (*)».

АЛЕКСАНДРЪ ТЕРЕЩЕНКО.

(*) Отношеніе Императорской Академіи Художествъ академику Ступину, отъ 5 декабря 1810 г., за № 232.

Digitized by Google

РАЗСКАЗЫ О КОЛОНІЯХЪ ВАНДИМЕНОВОЙ ЗЕМЛИ.

СТАТЬЯ ШЕСТАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

Зима въ Вандименовой землѣ. — Преслѣдованіе туземцевъ. — Станъ. — Извѣстія о дитяти. Великодушіе Скроппса. — Мускито. — Охота. — Туземцы узнаютъ стараго непріятеля. — Бѣгство. — Бой. — Геройское самоотверженіе Скроппса. — Возвращеніе къ Клейду. — Чарльзъ Чаффенъ. — Похищеніе Георгіаны изъ Краснаго дома. — Краббъ. — Тягость богатства. — Несчастіе Краббa. — Рѣшеніе его оставить колонію. — Четырнадцать лѣтъ спустя. — Изобиліе поселеній. — Письмо. — Смерть Краббa. — Заключеніе.

По причинѣ густой массы нависшихъ древесныхъ сучьевъ съ ихъ темно-зелеными листьями, образовавшей родъ свода, снѣгъ покрылъ землю весьма мало. При всемъ томъ, слѣдовъ туземцевъ было достаточно для преслѣдованія ихъ. Молча шли мы за нашимъ проводникомъ между длинными и стройными стволами дерева *Stringy-bark*. Изрѣдка Томъ оборачивался къ намъ, открывалъ два ряда своихъ бѣлыхъ зубовъ, съ самодовольствіемъ указывая на неясные слѣды и какъ бы вызывая насъ на похвалу его проницательности.

Пробродивъ такимъ образомъ по густому лѣсу часа два, мы снова очутились въ довольно обширной и почти безлѣсной равнинѣ, походившей на большой паркъ. Послѣобѣденное солнце растопило почти весь снѣгъ, за исключеніемъ мѣстъ въ тѣни отдѣльныхъ, громадныхъ деревьевъ. Не опасаясь, впрочемъ, потерять слѣдъ, имѣя такого искуснаго проводника, мы продолжали путь около двадцати миль въ направленіи къ юго-востоку. Мы проѣзжали такимъ образомъ чрезъ прекрасную страну, покрытую волнообразными холмами и полянами, пока не достигли подошвы низкаго горнаго хребта, гдѣ находилось нѣсколько казуарскихъ дубовъ. Эти деревья некрасивы, но служатъ хорошимъ топливомъ; ихъ уважаютъ за душистый запахъ и приготовляютъ изъ нихъ изящную мебель. Здѣсь мы остановились, чтобы дать отдыхъ лошадямъ. Констабли развели огонь и принялись за приготовленія къ скромному завтраку. Послѣ того мы снова пустились въ дорогу, пока наконецъ заходившее за снѣжными горными вершинами солнце не заставило насъ искать теплаго ночлега; спать на открытомъ воздухѣ въ то время года было бы вредно. Такъ какъ мы нимало не сомнѣвались, что догонимъ

Digitized by Google

тузэмцевъ, то и не слишкомъ утомляли лошадей. Намъ казалось невѣроятнымъ, чтобы Мускито, съ своей шайкой, могъ бродить нѣсколько дней сряду безъостановочно. Оставалось заняться устройствомъ ночлега. Мы имѣли, правда, только одинъ топоръ, но почти всѣ хорошо владѣли имъ (лучше всѣхъ нашъ индѣецъ), такъ что вскорѣ передъ нами явились собственной работы двѣ лѣсныя хижины, покрытыя сучьями.

Утренній холодъ къ полудню измѣнился въ тепло; и еслибъ не забота объ участи похищеннаго ребенка, то мы вдоволь могли бы наслаждаться прекраснымъ, окружавшимъ насъ ландшафтомъ. Продолжая дальнѣйшій путь, мы вдругъ замѣтили, что слѣды маленькой ножки уже исчезли. Нами овладѣло чувство невольной боязни и недоумѣнія. Впрочемъ, мысль, что тузэмцы, можетъ быть, понесли дѣвочку на рукахъ, нѣсколько утѣшала насъ. Такимъ образомъ, въ разныхъ догадкахъ и предположеніяхъ, провели мы цѣлую ночь, тѣмъ болѣе непріятную для насъ, что съѣстные припасы наши истратились. Въ такой печальной настроенности духа, Скроппсу захотѣлось развеселить себя глоткомъ согрѣвающаго и подкрѣпляющаго рому; но напрасно нѣсколько разъ пытался онъ заставить своего воздержнаго товарища напасть на бутылку: убѣжденія его нимало не дѣйствовали на Зандерса.

— Работа наша слишкомъ холодна, говорилъ Скроппсъ: — а холодная вода не способна согрѣть человѣческое сердце. Огонь, быть можетъ, и въ состояніи подѣйствовать съ пользой на наружность человѣка; но желудокъ, тебѣ извѣстно, источникъ, откуда жаръ распространяется по всему тѣлу. Удивительно, какъ бездѣлицей спирту (одного стакана достаточно) согрѣвается все оно, до оконечности пальцевъ....

— До конца носа, хочешь ты сказать, перебилъ Зандерсъ. — Ты столько уже горячилъ его, что онъ у тебя донынѣ не простылъ.

— Ты вздоръ мелешь! въ свою очередь, прервалъ Скроппсъ. — Это не отъ вина, какъ ты думаешь, а вотъ отчего: разъ, какъ-то вечеромъ.... почти ничего не выпилъ.... легъ я въ постель съ трубкой во рту, да такъ и заснулъ, а проснувшись, почувствовалъ, что весь кончикъ моего носа совершенно исчезъ.... Это все отъ коротенькихъ чубуковъ....

— Такъ чтожъ ты не взялъ съ собой двухъ-фляжекъ? Вотъ одна бы и пригодилась теперь для собственнаго потребленія. А эта, любезный, про запасъ, на всякій случай: вѣдь и одинъ глотокъ рому кстати можетъ иногда спасти жизнь человѣка.... Спрячь-на фляжку....

Digitized by Google

— Да она теперь необходима, говорилъ Скроппсъ: — со мной что-то нехорошее дѣлается.... не знаю отчего, только кусокъ опоссума, который я съѣлъ.... словно скипидару принялъ я.... едва могу терпѣть. — Убудетъ, что ли, продолжалъ Скроппсъ меланхолически: — если я проглочу немножко.... самый маленькій глотокъ.... хоть бы понюхать только....

Но Зандерсъ оставался непоколебимъ, и такъ какъ Скроппсъ очень уважалъ судью, то и не рѣшился дотронуться до рома. Завернувшись въ свою кэнгуровую шкуру, онъ проворчалъ что-то подъ носъ и вскорѣ заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Слѣдующее утро мы встрѣтили еще болѣе печальные, чѣмъ наканунѣ; никто изъ насъ не былъ расположенъ къ бесѣдѣ. Постоянное безполезное преслѣдованіе подавило нашу бодрость, которую ужь никакъ не могла возстановить совершенная неизвѣстность о томъ, сколько еще предстоитъ блуждать намъ. Снова пустившись въ дорогу и пройдя нѣсколько, черный Томъ показалъ намъ вдругъ свѣжій слѣдъ обнаженной ноги. Мы повели лошадей на ближній холмъ и съ любопытствомъ разсматривали слѣды, возбудившіе въ насъ нѣкоторую надежду на успѣхъ предпріятія. Осмотрѣли оружіе, обтерли ружейные кремни, насыпали пороху на полки и забили крѣпкіе заряды. Возможная и близкая опасность придавала намъ энергіи, хоть и не безъ примѣси страха, потому что мы проникли теперь въ такую часть страны, гдѣ еще никогда не ступала нога европейца, и которая находилась далеко отъ всякой помощи. Когда мы осторожно взобрались на вершину холма, судья далъ намъ знакъ остановиться и приказалъ индѣйцу осмотрѣть окрестность.

Томъ молча началъ пробираться выше, прилегъ потомъ на землю и поползъ на животѣ какъ змѣя чрезъ опрокинутыя деревья, камни и траву, до самой макушки, откуда могъ удобно обозрѣть лежавшую внизу полосу земли. Пролежавъ нѣсколько времени безъ всякаго движенія, онъ наконецъ тихо и осторожно спустился къ намъ.

— Черные люди въ долинѣ, сказалъ онъ шопотомъ. — Мускито съ ними.

— Что они дѣлаютъ? спросилъ констабль.

— Разводятъ огонь — ѣдятъ.

— Дитя съ ними?

— Не могу видѣть. Подойди къ тому дереву, продолжалъ Томъ, указывая вправо: — самъ увидишь.

Мы всѣ отправились на то мѣсто, которое указывалъ индѣецъ, и, поручивъ лошадей констаблямъ, взобрались на самую вершину, гдѣ и легли подъ кустами. Отсюда мы легко могли наблюдать дика-

Digitized by Google

рей, находившихся передъ нами, въ долинѣ. По видимому они прибыли къ этому мѣсту съ намѣреніемъ провести здѣсь нѣсколько дней, потому что на разныхъ пунктахъ устроили стѣнки изъ прутьевъ и покрыли ихъ древесной корой. Эти грубо выстроенныя палатки имѣли около четырехъ футовъ вышины. Въ числѣ ихъ мы замѣтили одну, стоявшую немного поодаль и отличавшуюся отъ другихъ узкой крышей, на столько широкой, чтобы покрыть только одного человѣка.

Со всѣхъ сторонъ пылали большіе костры. Одни изъ дикихъ стояли, тамъ и сямъ, прислонясь къ деревьямъ, между тѣмъ какъ другіе расположились вокругъ огня; женщины по большой части занимались дѣтьми. Почти всѣ были нагіе, и только одинъ туземецъ, въ которомъ мы, по фигурѣ его и осанкѣ, узнали Мускито, имѣлъ черную шляпу, жилетъ и панталоны; нѣкоторыя изъ женщинъ прикрылись чѣмъ-то въ родѣ стараго изодраннаго шерстянаго одѣяла. Долгое время внимательно разсматривали мы группы дикарей, но ни въ одной изъ нихъ не замѣтили дочери Цыгана. Наконецъ мы удалились за гребень холма и стали совѣтываться, что бы намъ предпринять.

— Если хотите послушаться моего совѣта, сказалъ Зандерсъ: — то подождите до вечера, пока стемнѣетъ. Туземцы, вы знаете, впотьмахъ трусятъ ходить. Тогда мы можемъ накрыть ихъ и прежде всего покончить дѣло съ Мускито. Они, вѣроятно, разбѣгутся, и если и захватятъ съ собой ребенка, — верхомъ-то мы ихъ, конечно, догонимъ, тѣмъ болѣе, что дикари бьются лошадей.

— Признаюсь, замѣтилъ судья: — мнѣ очень жаль, что мы не нашли дѣвочки. Мы отправились съ цѣлью освободить ребенка, а не убивать туземцевъ.... Ѣдятъ ли они бѣлыхъ?... Зандерсъ! поговорите-ка объ этомъ съ Томомъ: не узнаете ли чего.

— Томъ! спросилъ Зандерсъ: — черный человѣкъ ѣстъ бѣлыхъ пикканини (*)?

Томъ безпокойно началъ озираться и, казалось, не желалъ отвѣчать, потому что сиднейскіе видѣйцы, какъ единственные туземцы, имѣющіе сношенія съ колоніями, знаютъ то отвращеніе, которое бѣлые питаютъ къ людоѣдамъ.

— Томъ никогда не ѣлъ бѣлыхъ людей, вирадчиво продолжалъ Зандерсъ: — никогда; но *сердитые* черные люди ѣдятъ ли иногда бѣлыхъ? ѣдятъ ли пикканини?

— Сердитые черные иногда ѣдятъ людей, отвѣчалъ Томъ: — когда они разсердятся или дерутся; но я никогда не ѣдалъ.

(*) Пикканини — дитя.

Digitized by Google

— Нѣтъ! ты — нѣтъ! но сердитый черный человѣкъ дѣйствительно ѣстъ бѣлаго?

— Да.

— И бѣлаго пикканини ѣдятъ сердитые черные люди?

— Да — сердитые черные люди.

— Безчеловѣчные! съ жаромъ вскричалъ Скроппсъ. — И подумать страшно, что они съѣдятъ бѣдную дѣвочку. Вотъ, Зандерсъ! возьми изъ моего кармана бутылку съ ромомъ.... возьми, говорю тебѣ!... Я покрайней мѣрѣ отказываюсь отъ нея и отдаю ее чернокожимъ за ребенка... Конечно, я бы охотно глотнулъ еще, прежде чѣмъ уйдемъ; но... нѣтъ! бери... Лучше остаться безъ рому, чѣмъ допустить, чтобы дикіе съѣли бѣднаго ребенка....

— Браво, Скроппсъ! сказалъ судья. — Будьте увѣрены, я не забуду вашего великодушнаго самопожертвованія, потому что знаю, какъ оно трудно для васъ. Надѣюсь, однакожъ, что мы и безъ потери рому достигнемъ нашей цѣли. — Томъ, продолжалъ судья, обращаясь къ нашему вожатому: — погляди-ка, нѣтъ ли между черными людьми бѣлаго пикканини — вотъ такого роста?

И онъ показалъ индѣйцу предполагаемый имъ ростъ семилѣтняго дитяти.

Томъ понялъ все, что̀ ему сказали по англійски, — во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ самъ могъ отвѣчать, — понялъ также тотчасъ, что̀ судья хотѣлъ еще сказать ему, и, немного погодя, смотря въ землю, проговорилъ:

— Я нтти.

И за тѣмъ, замолчавъ, потому что туземцы, вообще, скупы на слова, Томъ началъ раздѣваться — снялъ съ себя все, не исключая и башмаковъ и чулокъ, такъ что въ скоромъ времени стоялъ передъ нами въ костюмѣ своихъ соотчичей. Индѣецъ тотчасъ же составилъ себѣ планъ дѣйствій. Описавъ кругъ влѣво, онъ поспѣшно скрылся, оставивъ насъ въ боязливомъ ожиданіи.

Возвратясь черезъ часъ, Томъ сообщилъ намъ собранныя имъ свѣдѣнія, съ свойственнымъ дикарямъ лаконизмомъ.

— Бѣлое пикканини у черныхъ людей! сказалъ онъ.

— Хоть то хорошо, замѣтилъ судья: — что дитя живо еще. — Каковъ ребенокъ собой, Томъ?

Не понявъ этого вопроса, но понимая въ тоже время, что отъ него ждутъ отвѣта, индѣецъ сказалъ, указывая на отдѣльно стоявшую избу:

— Пикканини въ маленькомъ домѣ.

— Что̀ они хотятъ сдѣлать съ пикканини? спросилъ я.

Digitized by Google

— Съѣсть — конечно! вскричалъ Скроппсъ. — Перестрѣлять бы ихъ всѣхъ поодиначкѣ!...

— Теперь дикари, кажется, въ мирномъ расположеніи духа, замѣтилъ судья: — такъ, по моему, вѣрнѣе будетъ послать къ нимъ Тома для переговоровъ. Пусть онъ передастъ туземцамъ наши дружескія чувства. Мы же отправимся вслѣдъ за нимъ на лошадяхъ и съ оружіемъ, такъ что дикари, въ случаѣ если захотятъ сопротивляться, найдутъ насъ наготовѣ.... Вы всѣ знаете желаніе колоніальнаго правительства — безъ крайней необходимости не притѣснять туземцевъ.

— Позвольте, сэръ, прервалъ Зандерсъ: — вѣдь Мускито убилъ болѣе чѣмъ одного человѣка, и мы имѣемъ приказаніе схватить его гдѣ бы то ни было.

— Мы станемъ дѣйствовать смотря по обстоятельствамъ, замѣтилъ на это судья. — Въ настоящую же минуту надо освободить ребенка изъ рукъ дикихъ, стараясь не проливать крови.

За тѣмъ мы снова спустились съ горы, поворотили вправо, чтобы достигнуть открытаго мѣста, прежде нежели туземцы замѣтятъ насъ, и направились къ хижинамъ. Индѣецъ шелъ впереди, шагахъ въ двадцати. Приблизясь къ дикарямъ на близкое разстояніе, мы остановились и съ сердечнымъ трепетомъ ожидали, чѣмъ все это кончится. Тогда Томъ опять одѣлся въ свой европейскій костюмъ; индѣйцы, впрочемъ, легко могли узнать его происхожденіе, по цвѣту лица. Къ нашему изумленію, дикіе, обыкновенно питающіе недовѣріе къ своимъ образованнымъ соплеменникамъ, позволили Тому подойти къ огню, не обнаруживая съ своей стороны ни малѣйшаго сопротивленія. Быть можетъ, причиною этому были мы сами, находившіеся такъ близко отъ нашего вожатаго; однакожь, это странное и неожиданное равнодушіе Мускито и его товарищей съ перваго разу навело насъ на подозрѣніе въ измѣнѣ, и мы начали осторожно оглядываться, не откроемъ ли какихъ доказательствъ къ тому.

Я часто имѣлъ случай наблюдать тупой, никуда не обращенный взглядъ туземцевъ Вандименовой земли и ихъ равнодушіе ко всему, если они не приведены въ волненіе голодомъ или другими страстями. Сходство ихъ въ этомъ отношеніи съ обыкновенными домашними животными — разительно. Но вотъ еще характерная черта природныхъ вандименцевъ: женщины здѣсь еще говорятъ одна съ другою, но мужчины постоянно соблюдаютъ глубокое молчаніе. Эта мертвая тишина, въ противоположность шуму и дикому крику, которыхъ мы ожидали, наполнила сердца наши суевѣрнымъ стра-

Digitized by Google

хомъ, увеличившимся еще болѣе отъ окружавшей насъ неизмѣримой чащи.

Между тѣмъ Мускито вступилъ въ лаконическіе переговоры съ нашимъ проводникомъ. Томъ немедленно сообщилъ намъ, въ чемъ они состояли.

— Мускито говоритъ: вы придите! сказалъ онъ.

— Что́жь это значитъ, однако? съ изумленіемъ вскричалъ судья: — дикари не обнаруживаютъ ни малѣйшей боязни!... Нѣтъ ли тутъ, однакожь, какой нибудь хитрости? какъ вы думаете, Торнлей?

— Я съ своей стороны такъ озадаченъ, отвѣчалъ я: — что ровно ничего не могу понять.... Зандерсъ, вы хорошо знаете обычаи туземцевъ: въ какомъ положеніи ихъ копья и дротики.

— Никогда нельзя угадать, что́ намѣрены предпринять дикари,— впрочемъ, рѣдко или никогда — что нибудь доброе, отвѣчалъ Зандерсъ. — Какъ видите, мы пришли въ одинъ изъ ихъ становъ, если можно назвать станомъ эту кучу хижинъ.... Говорятъ, однакожь, что Мускито бываетъ ласковъ иногда.

— Скроппсъ! ты съ нимъ довольно часто встрѣчался: чего онъ теперь хочетъ?

— Никогда хорошаго! отвѣчалъ Скроппсъ. — Теперь же, если не ошибаюсь, дикари намѣрены пировать.... Посмотрите: тамъ виситъ цѣлый рядъ опоссумовъ.... да вонъ, у голубыхъ гумовыхъ деревьевъ; а тамъ, въ кустахъ.... Боже! это должно быть дитя.... Они хотятъ изжарить его къ своему обѣду....

— Дитя?! вскричалъ судья: — нѣтъ! не можетъ быть!... Ступай, Томъ, спроси Мускито, у него ли дитя, пикканини бѣлаго?

Томъ исполнилъ приказаніе и тотчасъ воротился съ отвѣтомъ.

— Мускито говоритъ: бѣлый человѣкъ убьетъ пикканини, Мускито убьетъ бѣлаго человѣка. Пикканини въ домѣ: пикканини — тамъ....

— Не понимаю, сказалъ судья: — чего хочетъ этотъ Мускито?... Но такъ какъ туземцы, кажется, расположены къ миру, то мы и пойдемъ къ нимъ: посмотримъ, не удастся ли получить бѣдную дѣвочку дружелюбными средствами.

— Не лучше ли оставить здѣсь двоихъ изъ насъ настражѣ, на случай внезапнаго нападенія? замѣтилъ констабль. — Это будетъ лучше, нежели когда насъ всѣхъ перерѣжутъ.

— Именно такъ, Зандерсъ! отвѣчалъ судья: — оставайтесь вы съ Скроппсомъ у лошадей, а мы съ мистеромъ Торнлеемъ отправимся къ дикарямъ пѣшкомъ.... если только согласенъ мистеръ Торнлей...

Digitized by Google

— Разумѣется, согласенъ! сказалъ я. — Всего лучше не показывать дикарямъ, что мы боимся ихъ.

— Возьмите съ собой мою фляжку съ ромомъ, подхватилъ Скроппсъ въ порывѣ великодушія. — Дайте глотокъ Мускито, и вы увидите, какъ скоро придетъ онъ въ хорошее расположеніе духа.

— Нѣтъ, нѣтъ! возразилъ судья: — спрячьте ромъ: понадобится и безъ того... Притомъ же, трудно справиться съ дикаремъ, когда онъ трезвъ; но во хмѣлю онъ хуже съумасшедшаго.... Ну, Торнлей, пойдемте смѣло....

Мускито стоялъ подлѣ огня, передъ самой хижиной, гдѣ, по словамъ Тома, находилась дѣвочка. Выраженіе его лица, по видимому, было также тупо, какъ и у всѣхъ другихъ дикарей, и онъ стоялъ передъ костромъ сгорбившись. Приближаясь къ Мускито, я замѣтилъ, однакожь, что отъ полузакрытыхъ, но подвижныхъ глазъ его ничто не ускользало. Сознаюсь, я подходилъ къ дикарю, въ его собственномъ станѣ, съ робостью и трепетнымъ ожиданіемъ. Мускито поднялъ глаза, разглядывалъ насъ въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ, и потомъ снова опустилъ ихъ, не показавъ, что узналъ насъ, и не обнаруживъ никакой непріязни.

Мы находились въ положеніи человѣка, который, пріѣдя въ свою квартиру, находитъ въ ней непрошенаго, непріятнаго гостя. Никто изъ насъ не говорилъ ни слова. Наконецъ судья прервалъ молчаніе.

— Много кэнгуру въ этомъ краѣ, Мускито? спросилъ онъ.

— Бума вонъ! отвѣчалъ дикарь и указалъ на большаго кэнгуру, повѣшеннаго въ кустахъ, — предметъ, внушившій Скроппсу такое страшное подозрѣніе.

Судья довольно ясно намекнулъ своему новому знакомцу, какъ пріятенъ былъ бы для него кусокъ этого бума.

Мускито закричалъ нѣсколько словъ одному изъ своихъ одноплеменниковъ, и тотъ немедленно принесъ нѣсколько кусковъ кэнгуру; онъ положилъ ихъ на уголья съ такою готовностью, что было бы грѣшно сомнѣваться въ гостепріимствѣ туземцевъ.

Когда говядина изжарилась, мы расположились на землѣ; Мускито сѣлъ противъ насъ на корточки. Нѣкоторые изъ его товарищей стояли немного поодаль и разсматривали насъ съ видимымъ любопытствомъ, но безъ враждебныхъ намѣреній. Мы, съ своей стороны, убирали мясо въ глубокомъ молчаніи.

Находя все это очень благопріятнымъ для насъ, я посовѣтовалъ судьѣ, воспользовавшись настоящей минутой, въ видѣ предисловія, предложить дикарю стаканъ рому. Пріятель мой далъ знакъ Скроппсу, чтобы онъ принесъ фляжку и жестяной стаканъ.

Digitized by Google

Глаза Мускито засверкали при этомъ предложеніи; онъ готовился вскочить.

— Покажите бутылку, сказалъ я.

Скроппсъ высоко поднялъ тщательно спрятанную у него фляжку; увидѣвъ ее, Мускито въ одну минуту принялъ свое прежнее положеніе.

Между тѣмъ Скроппсъ приблизился. У него текли слюньки при взглядѣ на питье, въ которомъ онъ не могъ принять участія.

— Эти дикіе, сэръ, сказалъ онъ судьѣ: — чрезвычайно мнительны. Такъ, если позволите, я въ ихъ глазахъ проглочу немного рому: тогда они увидятъ, что мы не желаемъ имъ зла. .. Позвольте мнѣ раскупорить фляжку?

— Ступайте и снова садитесь на коня: почемъ знать, какъ скоро понадобится намъ помощь!... Что́жъ касается до рому, то дома вы можете пить его сколько угодно.

И за тѣмъ пріятель мой, безъ дальнѣйшихъ разговоровъ, взялъ изъ рукъ Скроппса фляжку, которую тотъ передалъ ему съ печальнымъ видомъ и со вздохомъ.

Судья, наливъ въ стаканъ рому, съ торжественностью поднесъ его угрюмому предводителю дикарей. Мускито выпилъ ромъ съ явнымъ наслажденіемъ; суровая наружность его почти исчезла; и вскорѣ послѣ того онъ изъявилъ свое удовольствіе такой страшной улыбкой, что я невольно схватился за ружье. Мускито же, ударивъ широкой рукой своей по груди, протянулъ стаканъ для другой порціи. Считая въ эту минуту удобнымъ начать переговоры, судья сказалъ дикарю:

— Мускито убьетъ бѣлаго человѣка? Зачѣмъ Мускито убьетъ бѣлаго человѣка?

— Бѣлый человѣкъ — дурной человѣкъ! отвѣчалъ чернокожій: — хочетъ убить пикканини; но Мускито убьетъ его.

— Зачѣмъ же Мускито держитъ пикканини? продолжалъ мой пріятель. — Развѣ Мускито хочетъ вырастить пикканини и сдѣлать изъ нея джинъ черному человѣку?

Дикарь покачалъ головой, а еслибъ умѣлъ, то вѣроятно, засмѣялся бы.

— Бѣлая пикканини, замѣтилъ онъ: — не годится черному человѣку.

— Зачѣмъ же вы взяли пикканини? зачѣмъ спасаете отъ злого бѣлаго человѣка?

Мнѣ кажется, Мускито понялъ вдругъ, чего хотѣлъ отъ него судья, потому что черты лица его въ ту же минуту оживились, и онъ быстро отвѣчалъ:

Digitized by Google

— Цыгана пикканини. Цыганъ умеръ. Цыганъ хорошъ съ Мускито. Онъ братъ Мускито. Мускито не позволитъ злому бѣлому человѣку убить пикканини Цыгана.

Невольно обмѣнялись мы съ судьей изумленнымъ взглядомъ; и теперь я надѣялся легко достигнуть своей цѣли, если только успѣю объяснить дикарю, что желаю взять дѣвочку подъ свое покровительство.

— Цыганъ братъ Мускито? спросилъ я.

— Цыганъ братъ Мускито, отвѣчалъ чернокожій.

— Мускито, продолжалъ я, обращаясь къ нему: — ты знаешь меня?

Онъ бывалъ часто въ моемъ домѣ, и я его всегда угощалъ дамперами, горячимъ и сладкимъ чаемъ, и даже иногда ромомъ.

— Вы мистеръ Торнлей? спросилъ Мускито.

— Да! отвѣчалъ я: — я братъ Цыгана.

Мускито недовѣрчиво взглянулъ на меня.

Цыганъ — братъ Мускито, продолжалъ я смѣло: — Цыганъ — братъ Торнлея, Торнлей — братъ Мускито.

Этимъ замысловатымъ разсужденіемъ хотѣлъ я довести дикаго до того, чтобы онъ призналъ меня своимъ вѣрнымъ союзникомъ; мнѣ вовсе не хотѣлось прибѣгать къ какимъ либо враждебнымъ средствамъ. Мускито призадумался надъ моими словами и спросилъ потомъ съ обычною индѣйскою осторожностью:

— Зачѣмъ вы братъ Цыгана?

— Цыганъ, отвѣчалъ я: — когда злой бѣлый человѣкъ его убилъ, сказалъ мнѣ: «Дай моей маленькой пикканини хлѣба и мяса.... маленькая.... такая маленькая....» А я сказалъ Цыгану: Торнлей — братъ Цыгана.

Когда я замолчалъ, Мускито, вставъ съ мѣста, закричалъ что-то одному изъ своихъ людей и вскорѣ воротился съ молодой, стройной дѣвушкой. Кожа ея была блестящаго чернаго цвѣта, и, по ея походкѣ и одеждѣ, я догадался, что это любимая жена Мускито. Старая солдатская куртка, безъ пуговицъ, раскрытая впереди, составляла весь лѣтній и зимній нарядъ дикарки. Красный платокъ, обернутый вокругъ черной, кудрявой головы, обозначалъ, вѣроятно, преимущество этой женщины передъ ея подругами. Легкость костюма сообщала ея движеніямъ особенную живость. Когда она подошла къ Мускито, онъ отдалъ ей нѣсколько приказаній, и любимица его вскорѣ воротилась держа за руку дрожащую отъ боязни дочь Цыгана.

Дѣвочка подняла свои большіе черные глаза, напомнившіе мнѣ послѣдній взглядъ умиравшаго бушренджера, и искала въ кругу насъ лицо знакомое и приверженное къ ней; но, видя, что передъ

Digitized by Google

ней все чужія лица, она тихо вздохнула и опустила глаза въ землю, не зная, считать ли насъ друзьями, или врагами.

— Георгіана! проговорилъ я въ полголоса.

При этомъ имени малютка вздрогнула и, сложивъ свои нѣжныя, бѣлыя ручки и протянувъ одну ножку впередъ, съ сомнѣніемъ вопросительно смотрѣла на меня, какъ бы желая открыть въ совершенно чужомъ лицѣ знакомыя ей черты. Дѣвочка была необыкновенно хороша собою и съ перваго же разу очень понравилась мнѣ.

— Пройдойди ко мнѣ, Георгіана, бѣдная, маленькая сиротка, сказалъ я голосомъ, который не могъ не дойти до ея маленькаго сердца. — Ты будешь моей дочерью, а я — твоимъ другомъ и отцомъ.

Дитя вскрикнуло въ восторгѣ и, обливаясь слезами, порхнуло ко мнѣ на грудь и обнимало меня.

Даже дикари, казалось, тронулись этой картиной. Женщины, столпившись, разсматривали насъ съ любопытствомъ, между тѣмъ какъ и у мужчинъ исчезло ихъ прежнее равнодушіе. Природа, равная для всѣхъ, обнаружилась и въ нихъ.

— Остерегайтесь, сэръ, замѣтилъ Зандерсъ, подошедшій вмѣстѣ со Скроппсомъ: — берегитесь: дикарямъ опасно вѣрить, — и они никогда не пропустятъ благопріятной минуты....

— Вы уронили фляжку, тоскливо сказалъ Скроппсъ: — вонъ она — у васъ подъ ногами.... чтобъ не разбилась: даромъ пропадетъ весь ромъ....

— Но пока дикари еще въ хорошемъ расположеніи духа, прервалъ судья: — постараемся уйти отъ нихъ съ выгодой. Ребенка мы можемъ взять на лошадь.... Итакъ, ѣдемъ домой.... Не зѣвайте только....

— Я еще ничего не ѣлъ, возразилъ Скроппсъ: — въ желудкѣ у меня страшная пустота....

— Мы никакъ не можемъ предпринять обратнаго пути, не запасшись провизіей, подтвердилъ я. — У насъ даже нѣтъ пары собакъ, чтобы поймать кэнгуру... Да, мы сдѣлали большую ошибку не взявъ собакъ....

— Въ такомъ случаѣ надо еще разъ обратиться къ туземцамъ, сказалъ судья: — не снабдятъ ли они насъ чѣмъ нибудь.

— Мускито! можешь ли достать намъ кэнгуру?

— Кэнгуру? да.

И, по приказанію предводителя, дикари быстро принялись заостривать копья и собирать дротики.

Странно, что туземцы Вандименовой земли до сихъ поръ еще не завели у себя лука, хотя тамъ есть много разнаго рода деревьевъ, по ихъ крѣпости, весьма удобныхъ для этого. Длинныя и твердыя,

Digitized by Google

жилы кэнгуру доставили бы прекрасныя тетивы. Да и вообще эти жилы могли бы принести пользу во многихъ случаяхъ. Австралійскіе туземцы донынѣ употребляютъ для своихъ сѣтей, мѣшковъ и пр. волокна дерева, называемаго *stringy-bark*.

Женщины между тѣмъ поняли, что мы хотимъ говядины для пикканини, и одна изъ нихъ приблизилась къ намъ, держа въ рукахъ маленькій топоръ изъ наточеннаго камня, и, улыбаясь, приглашала насъ, на своемъ родномъ языкѣ, слѣдовать за нею. Оставивъ констаблей сторожить лошадей, мы пошли за чернокожей до окраины небольшого кустарника, находившагося не въ дальнемъ разстояніи отъ стана. Тамъ, въ полномъ смыслѣ слова, обнюхавъ деревья, дикарка остановилась передъ однимъ изъ нихъ: обояніе дало ей знать, что здѣсь находится опоссумъ. Не имѣя на себѣ одежды, австралійка очень легко взлѣзла на гладкое толстое дерево. Сначала она вырубила на немъ, въ двухъ или трехъ футахъ отъ земли, небольшую скважину, едва достаточную для того, чтобы вложить въ нее большой палецъ ноги. Такимъ образомъ, она встала какъ бы на первую ступеньку лѣстницы,— потомъ сдѣлала другой уступъ, за тѣмъ третій и т. д., пока не находилась наконецъ отъ земли въ разстояніи футовъ пятидесяти. Здѣсь-то, гдѣ дерево начинало развѣтвляться, дикарка вынула изъ дупла опоссума, котораго тотчасъ же и убила. Слѣзла же она съ дерева еще съ бо́льшею ловкостью.

Взявъ убитое животное *за ухо*, австралійка со смѣхомъ подала его моей маленькой питомицѣ и за тѣмъ, ласково кивая головой, удалилась. Думая, чѣмъ бы наградить дикарку за ея услугу, я вспомнилъ, что со мной былъ красный шолковый носовой платокъ, который я и подарилъ австралійкѣ. Подарокъ этотъ во всѣхъ другихъ женщинахъ возбудилъ *сильную зависть*. Обвязавъ платокъ около тѣла въ видѣ пояса, дикарка прислонилась къ опрокинутому дереву. Торжествующимъ взглядомъ смотрѣла она на любимицу Мускита, — смотрѣла съ тѣмъ полу-сожалѣніемъ, съ какимъ европейская дама, *въ шляпкѣ послѣдняго фасона*, взираетъ на свою подругу *въ старомодной*.

Между тѣмъ дикари окончили сборы къ охотѣ за кэнгуру, и пока Мускито собралъ всѣхъ своихъ подчиненныхъ — мужчинъ, женщинъ и дѣтей — мы вышли изъ стана, поручивъ констаблямъ надзоръ за лошадьми. Взявъ за руку маленькую Георгіану, не желавшую разстаться со мной ни на минуту, я съ судьей провожалъ всю толпу, состоявшую изъ двадцати-пяти человѣкъ. Двѣ или три женщины остались для надзора за дѣтьми.

— Надѣюсь, что все пройдетъ мирно, сказалъ я судьѣ, видя, что у каждаго дикаря были и стрѣлы и дротики. — Смотрите, чтобъ

Digitized by Google

они не вздумали послѣ, отдохнувъ отъ охоты на кэнгуру, поохотиться за нами....

— Да, особенно если кто нибудь изъ нихъ узнаетъ въ васъ героя, угощавшаго ихъ изъ хижины пулями.

— Э, гдѣ имъ!... Да я и одѣтъ-то былъ тогда совершенно иначе...

— Но въ томъ-то и дѣло, что эти дикари чрезвычайно зорки и ужь никакъ не измѣнятъ себѣ, пока не прійдетъ время дѣйствовать. Копья и стрѣлы производятъ на меня весьма непріятное впечатлѣніе, и я желалъ бы быть отъ нихъ въ эту минуту какъ можно дальше.

Обычная лѣнь индѣйцевъ замѣнилась необыкновенной живостью; женщины и дѣти приняли въ ней участіе, и со всѣхъ сторонъ раздавался шумъ и гамъ. Безпечность была общая. Не слишкомъ, впрочемъ, довѣряя ей, я замѣтилъ нашему проводнику, чтобы онъ предостерегъ насъ при малѣйшемъ признакѣ измѣны. Но Томъ увѣрялъ, что ни одинъ изъ дикарей не имѣлъ непріязненной мысли.

— Не хотятъ драться теперь, сказалъ онъ: — охота на кэнгуру.

Нашъ проводникъ, не вмѣшиваясь въ толпу туземцевъ, оставался вблизи насъ. Пройдя около полумили, дикари остановились. Мускито распредѣлилъ охоту. Половину отряда онъ послалъ, какъ говорилъ Томъ, къ мѣсту, находящемуся отъ насъ въ четырехъ миляхъ, между тѣмъ какъ другихъ отправилъ вправо, а иныхъ влѣво. Мускито намѣревался такимъ образомъ окружить полосу земли и дичь, бывшую въ серединѣ, согнать на одно мѣсто. Такъ дѣлается зимой; въ сухое же время года, чтобъ выгнать звѣря, туземцы, обыкновенно, зажигаютъ лѣсъ.

Мускито сѣлъ на землю, мы же размѣстились на опрокинутомъ древесномъ стволѣ.

— Дѣло приняло совершенно другой оборотъ, сказалъ судья. — Вотъ ужь никогда не думалъ, что пойду сегодня на охоту съ дикарями.

— Надѣюсь, что все кончится благополучно, замѣтилъ я: — хотя съ тѣхъ поръ, какъ вы намекнули, что меня могутъ узнать чернокожіе, мнѣ въ голову приходили весьма непріятныя мысли Бой съ дикими въ настоящую минуту не доставилъ бы мнѣ ни малѣйшаго удовольствія: куда бы мы дѣвали тогда Георгіану!. .

Услышавъ эти слова, ребенокъ молча прильнулъ ко мнѣ.

— Читалъ я недавно статью одного французскаго писателя, сказалъ судья: — въ которой онъ силится разкрасить дикую жизнь. За ставилъ бы я этого господина быть отъ дикарей также близко, какъ мы: что бы онъ тогда заговорилъ!

Digitized by Google

— Да, замѣтилъ я: — жизнь туземцевъ Вандименовой земли крайне незавидна, какія бы потребности мы ни взяли въ примѣръ. Вотъ хоть бы и пища: что́ имѣетъ здѣсь дикарь кромѣ кэнгуру да опоссумовъ? И для того, чтобъ пріобрѣсти ихъ, туземцы принуждены безъ устали скитаться съ одного мѣста на другое.... А замѣтили ли вы когда, чтобы они вѣровали въ Верховное Существо?

— Они вѣрятъ только въ злого духа, постоянно вредящаго имъ; — о добромъ же началѣ до сихъ поръ не имѣютъ никакого понятія. Кукъ и Фландерсъ описали разные религіозные обряды сиднейскихъ индѣйцевъ. Что́жь касается до первобытныхъ жителей острова, то намъ о нихъ и этого не извѣстно....

— Наше незнаніе языка здѣшнихъ туземцевъ, замѣтилъ я: — и есть главная причина тому, что мы такъ мало имѣемъ свѣдѣній объ ихъ обычаяхъ.

— Безъ сомнѣнія, языкъ ихъ, судя по тому, сколько мы его знаемъ, заключаетъ въ себѣ только самыя простыя мысли.

— У нихъ удивительная мимика!

— Какъ у всѣхъ дикарей.... Но хозяинъ нашъ встаетъ.... Начинается потѣха....

Мускито медленно поднялся съ земли и крикнулъ что-то индѣйцамъ, стоявшимъ близъ него справа и слѣва; тѣ передали слова предводителя слѣдующимъ, и когда звукъ потерялся въ отдаленіи, мы подвинулись впередъ. Мускито почти не обращалъ на насъ вниманія, или по крайней мѣрѣ показывалъ видъ, будто не замѣчаетъ насъ, и во все время соблюдалъ молчаніе. Когда же дѣлались громче и громче крики и возгласы его товарищей и тамъ и сямъ вдали начали показываться кэнгуру, въ немъ проснулась страсть дикаря; его тупой взоръ оживился, все тѣло пришло въ движеніе. Мускито съ страшнымъ крикомъ началъ гнать приближавшуюся дичь въ отведенный кругъ, съ ужасной быстротой дѣлавшійся все тѣснѣе и тѣснѣе. Вдругъ мы увидѣли кэнгуру футовъ въ шесть вышины, дѣлавшаго огромные скачки. Мускито встрѣтилъ его дротикомъ: оружіе засѣло въ лѣвое плечо животнаго, но тотчасъ же переломилось при быстромъ бѣгѣ кэнгуру въ кусты. Охотники, однакожь, пригнали его назадъ. Мускито, размахнувшись, ударилъ дубиной по красивой головѣ животнаго. Кэнгуру тряхнулъ ею и ушами, но прежде чѣмъ кинулся бѣжать, Мускито нанесъ новый ударъ. Продолжая колотить звѣря дубиной, дикарь осторожно избѣгалъ заднихъ ногъ его, которыми животное старалось обороняться. Кэнгуру наконецъ издохъ. Раздался общій торжествующій крикъ.

Мрачный и молчаливый, Мускито мгновенно измѣнился: глаза его сыпали искры, и сильныя руки его ускоренно махали оружіемъ.

Digitized by Google

Кругъ дѣлался все тѣснѣе, и мы увидѣли въ немъ пятерыхъ кэнгуру, изъ которыхъ одинъ былъ необыкновенной величины. Дикіе указывали на него съ радостными криками: «*бума-бума!*» Трое изъ кэнгуру, мéньшихъ, вскорѣ издохли подъ копьями и стрѣлами; *бума* же съ упрямствомъ стоялъ въ серединѣ, смѣло ожидая наступающихъ на него враговъ, но вскорѣ былъ пораженъ множествомъ дротиковъ. При каждомъ мѣткомъ ударѣ кэнгуру прискакивалъ, ища мѣста, гдѣ бы онъ могъ пробиться чрезъ окружающую его толпу. Вдругъ, въ темнотѣ, почти противъ насъ, показались три темныя фигуры; съ воплемъ бросились онѣ на животное, которое съ испугомъ чрезвычайно быстро кинулось къ тому мѣсту, гдѣ я стоялъ съ судьей и маленькой дѣвочкой, и въ одну минуту выскользнуло изъ круга. Мускито съ бѣшенствомъ топнулъ ногой, а во мнѣ внезапно пробудилась моя прежняя страсть къ охотѣ, и, приподнявъ ружье, я опустилъ курокъ. Кэнгуру, какъ нарочно, на эту минуту остановившись, упалъ подъ моимъ выстрѣломъ съ разможженнымъ черепомъ.

Со стороны туземцевъ выстрѣлъ сопровождался глубокой тишиной; только взгляды ихъ были боязливо устремлены на меня. Эта неожиданная тишина послѣ всего шуму и крику произвела на меня непріятное впечатлѣніе. Я въ ту же минуту побѣжалъ къ кэнгуру, соблюдая, однакожь, всю осторожность, необходимую въ лѣсу: зарядилъ ружье,— между тѣмъ какъ дикари внимательно разсматривали меня. Одному изъ нихъ, стоявшему ко мнѣ ближе прочихъ, я далъ знакъ подойти и принять убитаго звѣря, стараясь притомъ вразумить туземца, что добыча принадлежитъ имъ; и когда чернокожіе поняли, чего я хочу отъ нихъ, они начали приближаться ко мнѣ, медленно, однакожь, и нерѣшительно. Одинъ Мускито подошелъ смѣло и, осмотрѣвъ кэнгуру съ видомъ знатока, изъявилъ свое совершенное удовольствіе. Четверо изъ индѣйцевъ понесли убитое животное къ своему стану, находившемуся отъ того мѣста не вдалекѣ, между тѣмъ какъ остальные, казалось, приготовлялись къ пиру. Но прежде, чѣмъ мы достигли огней, мы встрѣтили обоихъ констаблей, которые, услышавъ выстрѣлъ, бросили сѣдла на лошадяхъ и спѣшили помочь намъ въ опасности, какъ полагали они.

— Мы думали, что вамъ приходитъ жутко, сказалъ Зандерсъ. — Скроппсъ радовался стычкѣ: онъ вѣдь не изъ послѣднихъ, когда дѣло дойдетъ до драки.

— По моему, лучше немедля стрѣлять въ этихъ чернокожихъ, замѣтилъ Скроппсъ. — Смотрите, не довѣряйте дикарю.

— Садитесь лучше на лошадей, прибавилъ Зандерсъ. — У дикихъ — не забудьте — въ рукахъ дротики и стрѣлы. Вонъ, посмотрите-ка

Digitized by Google

на тѣхъ трехъ молодцовъ, которые о чемъ-то сговариваются и безпрестанно указываютъ на мистера Торнлея.

— Они говорятъ о его прекрасномъ выстрѣлѣ, сказалъ судья, смѣясь: — и, пожалуй, удивляются, какъ можно человѣку стрѣлять такъ вѣрно.

— Быть можетъ, сэръ; но мнѣ не нравится тотъ взглядъ, который чернокожіе бросили на насъ, да и молчаніе ихъ — тоже.... Осторожность никогда не мѣшаетъ....

Посадивъ дѣвочку на мою лошадь, я сказалъ Георгіанѣ, чтобы она держалась за гриву и не обнаруживала боязни. Такимъ образомъ, мы приблизились къ кострамъ. Туземцы, сложивъ добычу въ середину открытаго мѣста, разошлись. Подлѣ кэнгуру лежали двѣ змѣи.

— На что онѣ чернокожимъ? спросилъ я у Тома.

— Ѣсть! отвѣчалъ онъ. — Змѣи — хорошо: въ Сиднѣѣ ѣдятъ много змѣй.

Между тѣмъ одинъ изъ туземцевъ взялъ змѣй и бросилъ ихъ въ огонь, не очистивъ и не снявъ съ нихъ кожи; и когда онѣ пролежали тамъ достаточное, по его мнѣнію, время, дикарь, съ двумя другими, съѣлъ амфибій съ явнымъ наслажденіемъ.

Послѣ того чернокожіе начали раздѣлять на части одного изъ большихъ кэнгуру. Видя, что острые кремни ихъ, которыми они рѣзали животное, оказываются очень неудобны, я вынулъ свой карманный ножъ и подарилъ его Мускито. Въ ножѣ были большой и маленькій клинки и пила. Открывъ пилу, я объяснилъ стоявшимъ подлѣ меня туземцамъ употребленіе ея, что имъ видимо понравилось. Большой клинокъ также заслужилъ одобреніе дикарей. Мускито тотчасъ же употребилъ въ дѣло свой подарокъ, весьма искусно разрѣзавъ имъ кэнгуру. Сначала онъ снялъ голову и бросилъ ее въ сторону, потомъ отдѣлилъ отъ туловища плечи и наконецъ предложилъ намъ съ вѣжливостью, какой мы отъ него не ожидали, окорокъ — лучшія части кэнгуру. Зандерсъ, забросивъ подарокъ на сѣдло, уговаривалъ насъ, не теряя времени, отправиться далѣе. Мы послѣдовали его совѣту, послѣ нѣсколькихъ минутъ промедленія, въ которыя я и судья любовались любопытствомъ и удивленіемъ, съ которымъ дикари разсматривали причиненную пулей рану въ головѣ звѣря. Это обратило вниманіе ихъ на оружіе, произведшее такую быструю и вѣрную смерть; нѣсколько человѣкъ столпились вокругъ меня и указывали съ оживленными жестами на прикладъ ружья, украшенный маленькими серебряными насѣчками и широкой блестящей пластинкой, на которой предполагалось вырѣзать имя владѣтеля. Пока я держалъ прикладъ подъ рукой, индѣйцы не видѣли его; теперь же они смотрѣли на него съ тѣмъ радостнымъ

Digitized by Google

изумленіемъ, съ какимъ мы неожиданно встрѣчаемъ нашего стараго знакомаго.

— Остерегайтесь, сэръ, замѣтилъ Зандерсъ: — вонъ тѣ не спускаютъ глазъ съ вашего ружья.

— Торнлей, съ живостью подхватилъ судья: — васъ узнали. Дикари припомнили ваше оружіе. И чѣмъ скорѣе мы удалимся, тѣмъ лучше. Поѣзжайте съ ребенкомъ впередъ; я же съ двумя констеблями останусь въ тылу. Можетъ ли Томъ бѣжать въ случаѣ надобности?

— Также скоро, какъ мы ѣдемъ, сказалъ Зандерсъ.

— Итакъ, впередъ.

Едва мы съ судьей вскочили на лошадей, какъ вдругъ въ толпѣ дикарей раздался крикъ, до такой степени пронзительный, что лошади наши, въ испугѣ, начали метаться. Въ тотъ же мигъ до насъ долетѣла стрѣла, пущенная въ меня, но попавшая въ лошадь Скроппса.

Нечего было ожидать долѣе. Мы поскакали съ Томомъ впередъ, обогнувъ холмъ, но были вскорѣ принуждены остановиться, по зову судьи, чтобы не оставить за собой бѣднаго чернокожаго. Поэтому Зандерсъ взялъ Тома къ себѣ на лошадь, и мы помчались далѣе. Пользуясь этой остановкой, дикари успѣли предупредить насъ близъ холма, и хотя мы избѣгли стрѣлъ, однако искусно брошенная дубина ударила лошадь Скроппса въ ногу и заставила насъ снова остановиться.

— Смирно! вскричалъ судья. — Передъ нами чистая дорога и гладкая равнина!

Стрѣлы пресѣкли его рѣчь.

— Зандерсъ! пріударь-ка вонъ этого молодца — въ углу, съ связкой стрѣлъ....

Констабль выстрѣлилъ, и индѣецъ упалъ; остальные отступили за деревья.

— Ну, Скроппсъ, говорилъ судья: — употребите всѣ усилія пришпорить вашу лошадь.

Проѣхавъ около часу вдоль опушки лѣса медленнымъ шагомъ, мы достигли подошвы небольшого холма.

— Сэръ, сказалъ Зандерсъ: — если туземцы выбрали себѣ мѣсто для нападенія, то оно должно находиться здѣсь. Они теперь знаютъ, что когда-то преслѣдовали мистера Торнлея за убійство ихъ родственниковъ, и требуютъ кровь за кровь: это ихъ обычай.

— Отчего же, спросилъ я: — Мускито оставался спокойнымъ? Онъ меня, вѣроятно, также узналъ.

Digitized by Google

— Да, извольте видѣть, онъ не сиднейскій индѣецъ и собственно не принадлежитъ ни къ какому племени этого острова. Вотъ если бы вы обидѣли одну изъ его джинъ — тогда другое дѣло: въ этомъ отношеніи они тоже не любятъ, чтобы ухаживали за ихъ женами. Оттого-то нерѣдко и происходитъ вражда между бѣлокожими и туземцами. Стоккиперы часто приманиваютъ индѣйскихъ женщинъ парой гвоздей, или какимъ нибудь старымъ стекломъ, или краснымъ платкомъ.... Красные платки лучше всего притягиваютъ. Индѣйцамъ же это, конечно, не нравится; и вотъ отчего дерутся....

— Теперь, вѣроятно, будетъ тоже, прервалъ судья: — туземцы толпой бѣгутъ сюда. Нечего дѣлать, придется защищаться....

Между тѣмъ мы прибыли на гребень холма, у подножія котораго тянулась большая, открытая равнина; однако, то пространство, по которому намъ предстояло спуститься, было покрыто кустарникомъ, и мы остановились, поэтому, на открытомъ мѣстѣ, чтобы встрѣтить ожидаемый натискъ. Индѣйцы столпились отъ насъ во ста шагахъ. Одинъ изъ нихъ, держа въ одной рукѣ дубину, а въ другой пучокъ стрѣлъ, подошелъ къ намъ и сказалъ длинную рѣчь, махая руками, но безъ сильнаго гнѣва.

— Что онъ тамъ такое говоритъ, Томъ? спросилъ судья.

— Онъ говоритъ: вы всѣ, бѣлые люди, всѣ злы.

— Еще что?

— Онъ говоритъ: вы всѣ пришли въ эту страну и ѣдите кэнгуру и отнимаете джинъ. Онъ говоритъ, вы всѣ очень злы, бѣлые люди; онъ говоритъ, джентльменъ, что мистеръ Торнлей очень злой бѣлый человѣкъ: убилъ брата — брата этого чернаго человѣка; онъ говоритъ, что хочетъ бросить въ мистера Торнлея дротики....

— Онъ посылаетъ вамъ вызовъ, Торнлей, подхватилъ судья: — вы не можете отказать ему въ удовлетвореніи; иначе чернокожій осрамитъ васъ....

— Мистеръ Торнлей туда встать, продолжалъ Томъ: — черный броситъ на него одну, другую, три стрѣлы; тогда черный не хочетъ больше драться.... только убить мистера Торнлея.... тогда очень хорошіе друзья....

— Торнлей! сказалъ судья, смѣясь: — здѣсь вамъ, кажется, придется играть роль Квинта-Курція.

— Съ позволенія вашей милости, прервалъ Скроппъ: — во первыхъ, я не знаю, какъ поступилъ съ туземцами *Хиндусъ Курціусъ*; если же мы имѣемъ дѣло съ сердитымъ человѣкомъ, то его можно подкупить чѣмъ нибудь: съ нами есть много разныхъ вещей, — вотъ, напримѣръ, полъ-бутылки рому.... Если бы ему предложить ее?

Digitized by Google

Томъ, приблизившись къ дикарю, закричалъ: «корробара!», т. е. что онъ желаетъ капитуляціи, и показалъ ему ромъ, спрашивая, не желаетъ ли туземецъ остановить непріязненныя дѣйствія. Но предложеніе было отвергнуто съ презрѣніемъ. Томъ сообщилъ намъ объ этомъ, дикарь снова началъ перечислять свои страданія, нанесенныя ему бѣлымъ, и клялся отмстить.

— Попробуемъ, не удастся ли намъ заставить его торговаться. Что дать ему, Томъ?

— Дайте бутылку рому, а для джинъ его — красный платокъ мистера Торнлея и пуговицы отъ вашего платья!

— Пуговицы такъ пуговицы! Вотъ онѣ.

И Томъ отправился съ нашими пожертвованіями къ чернокожему; но дикарю непремѣнно хотѣлось имѣть у себя топоръ парламентера. Этимъ, однакожь, не все кончилось. Проводникъ нашъ и дикарь повели долгіе переговоры. Съ нетерпѣніемъ дожидались мы Тома.

— Черный человѣкъ говоритъ, что у мистера Торнлея пикканини, и что въ этого молодца хочетъ онъ бросить стрѣлку маленькую.

— Черный человѣкъ говоритъ, продолжалъ Томъ, прерванный на минуту замѣчаніемъ Скроппса, что онъ вовсе не желаетъ, чтобъ въ него пустили стрѣлу: — черный человѣкъ говоритъ: онъ долженъ бросить стрѣлой въ кого-нибудь, потому что если онъ вовсе не броситъ стрѣлой, то должны будутъ смѣяться; онъ говоритъ, не сдѣлаетъ больно бѣлому человѣку, а только немного воткнетъ стрѣлу.

— Немного воткнуть стрѣлу въ меня? снова прервалъ Скроппсъ, сильно обиженный. — Да я этого не хочу. Пускай онъ воткнетъ стрѣлу въ дерево, если это ему доставляетъ удовольствіе. Зачѣмъ ему хочется воткнуть стрѣлу именно въ меня?

— Добрый Скроппсъ! шуточнымъ тономъ сказалъ судья: — если вы въ этомъ случаѣ пожертвуете собой, то предупредите большое кровопролитіе. Я, конечно, не могу вамъ приказать это, но оно зависитъ совершенно отъ вашей рѣшимости и великодушія; подумайте, что небольшой раной можете вы спасти жизнь многихъ людей. Помните Квинта-Курція....

— Я никогда не повѣрю, чтобы *Хиндусъ-Хурціусъ* когда нибудь стоялъ передъ такими варварами.

— Вы можете быть увѣрены, что я испрошу для васъ у губернатора не только награду, но и производство....

— Ну ужь это слишкомъ! жаловался Скроппсъ. — Впрочемъ, я постоянно бываю жертвой. Давича фляжку мою съ ромомъ отдали этимъ сорванцамъ, а теперь меня подставляютъ подъ ихъ стрѣлы...

Digitized by Google

— Я вамъ вотъ что скажу, прервалъ я: — съ вами ни въ какомъ случаѣ не можетъ произойти большого несчастія, — и если вы хотите принять предложеніе дикаря, то получите отъ меня сто долларовъ.

— Ну, пожалуй, проговорилъ Скроппсъ: — я иду.... Сто долларовъ монетой, конечно, а не товарами?

— Да, сто звонкихъ долларовъ.

— Я иду, замѣтьте, не для денегъ, а изъ жалости къ ребенку, замѣтилъ Скроппсъ..

— Дикарь врядъ ли попадетъ въ тебя, сказалъ Зандерсъ: — и, по законамъ туземцевъ, ты имѣешь право взять и для себя стрѣлу.

Ожиданіе долларовъ взяло наконецъ верхъ надъ боязнью, и нашъ храбрый констабль медленно побрелъ къ мѣсту, гдѣ долженъ былъ произойти поединокъ. Скроппсъ остановился въ сорока шагахъ отъ черножожаго, скорчивъ пресмѣшную гримасу. Дикарь встрѣтилъ его длинною и, по видимому, цвѣтистою рѣчью, которой бѣдный констабль внималъ, вѣроятно, съ тѣмъ же чувствомъ, съ какимъ осужденный слушаетъ чтеніе приговора. Послѣ того туземецъ сдѣлалъ нѣсколько дикихъ прыжковъ, продолжавшихся такъ долго, что Скроппсъ наконецъ закричалъ съ сердцемъ:

— Damn you! если ты еще не отложилъ намѣренія бросить твою стрѣлу, то бросай скорѣе.

Туземецъ понялъ только первое слово и, зная, что оно выражаетъ гнѣвъ, вдругъ остановился и пустилъ въ констабля стрѣлу; но она промелькнула подлѣ руки Скроппса и упала за нимъ въ двадцати шагахъ.

— Эге! крикнулъ констабль: — да это ужь черезчуръ близко!... Нельзя ли потише, любезный!...

Слѣдующая за тѣмъ стрѣла сдѣлала больше: она попала въ табакерку, бывшую въ правомъ карманѣ Скроппса, и пробила ея крышку. Констабль переполошился. Осыпавъ всѣхъ островитянъ очень нелестными любезностями, онъ обратился въ постыдное бѣгство. Но Скроппса догнала третья стрѣла, попавшая ему въ задъ. Сдѣлавъ прыжокъ, не осрамившій бы и кэнгуру, нашъ бѣдняга страшно закричалъ и прибѣжалъ къ намъ, между тѣмъ какъ Зандерсъ отъ смѣху едва могъ сидѣть на лошади.

— Однако, Скроппсъ, сказалъ онъ: — ты никогда не можешь показать этой раны. Ступай и проси чернаго джентльмена, чтобы онъ бросилъ въ тебя другой стрѣлой — только не взадъ ужь.

— Сто долларовъ! шепталъ Скроппсъ, довольный тѣмъ, что отдѣлался такъ легко: — сто долларовъ — монетой, а не товарами; ну, за сто долларовъ я готовъ еще разъ подставить себя....

Digitized by Google

Между тѣмъ дикарь, прокричавъ что-то торжествующимъ голосомъ, собралъ свое оружіе и воротился къ товарищамъ. Туземцы послѣ того уже не задерживали насъ, и мы безпрепятственно могли продолжать свой путь.

Эту ночь мы были принуждены провести въ лѣсу, а на другой день къ вечеру достигли хижины стоккипера, на востокъ отъ равнины *salt-pan*, и здѣсь отпустили Тома, которому судья выдалъ свидѣтельство на полученіе товаровъ въ Лаунчесъ-тоунѣ.

Вечеромъ мы прибыли въ хорошую гостинницу, и отсюда судья захотѣлъ на другое же утро отправиться въ Лаунчесъ-тоунъ, чтобы узнать судьбу дяди Георгіаны. Едва мы сѣли за ужинъ, какъ услышали какой-то особенный стукъ въ двери.

— Это Чарльзъ Чаффемъ! закричалъ Зандерсъ.

Дѣйствительно, констабль не ошибся: у порога стоялъ продавецъ лошадей. Когда мы стали здороваться съ нимъ, онъ молча и съ печальнымъ видомъ указалъ на страшно разбухшія ноги своего Родерика.

— Что это вы сдѣлали, Чаффемъ, съ вашею лошадью? вскричалъ судья съ сожалѣніемъ.

— Я?! что я сдѣлалъ? жалобно проговорилъ Чарльзъ. — Но я требую справедливости! вскричалъ онъ вдругъ: — да, справедливости! если только она еще существуетъ въ Англіи.... Негодяи!... оба.... оба.... Но я съумѣю найти ихъ.... я напишу своему дяди въ Уилдшейръ; онъ примется за это дѣло.... Посмотримъ тогда....

Съ этими словами, Чаффемъ сошелъ съ лошади, на которой сидѣлъ, и повелъ ее вмѣстѣ съ Родерикомъ въ конюшню. За ужиномъ онъ разсказалъ намъ, какъ, слѣдуя за бѣглецами, вдругъ увидѣлъ, по слѣдамъ, что его Родерикъ захромалъ. Подстрекаемый такимъ несчастнымъ открытіемъ, Чарльзъ, не щадя коня, погнался за хромоногой лошадью, которую наконецъ и настигъ. Но, занявшись Родерикомъ, онъ не обращалъ вниманія на бывшаго на немъ всадника; и тотъ успѣлъ улизнуть....

Констабли, по моей просьбѣ, проводили меня до Клейда, гдѣ я щедро наградилъ ихъ за оказанную мнѣ помощь. Дѣвочка была принята моимъ семействомъ съ самою родственною любовью.

На слѣдующій день, когда малютка отдохнула и укрѣпилась, она разсказала намъ исторію своихъ страданій и бѣгства, или, скорѣе, похищенія изъ краснаго дома. Бывшій товарищъ ея отца скрывалъ ее въ хижинѣ на Семимильномъ берегу. Этотъ человѣкъ былъ, вѣроятно, подкупленъ господиномъ въ черномъ платьѣ, съ тѣмъ, чтобы отправить ее на корабль, судя по нѣкоторымъ разговорамъ, которые ей удалось подслушать; при всемъ томъ, онъ постоянно обращался съ нею ласково и предупреждалъ всѣ ея нужды. Однажды утромъ

Digitized by Google

вдругъ явились два человѣка и, несмотря на всѣ возраженія ея защитника, взяли ее изъ хижины. Сначала онъ не хотѣлъ слѣдовать за ними, но наконецъ согласился.

Переѣхавъ въ лодкѣ черезъ широкую рѣку, похитители, послѣ продолжительнаго разговора, поссорились. Тогда господинъ въ черномъ платьѣ взялъ Георгіану къ себѣ; остальные двое отстали; вскорѣ послѣ того она услышала крикъ, который тотчасъ же смолкъ, и за тѣмъ воротился изъ лѣсу другой незнакомецъ, но безъ ея защитника, и когда Георгіана заплакала, то оба строго прикрикнули на нее.

Около брода, человѣкъ, державшій ее передъ собой на лошади, казалось, получилъ на что-то согласіе господина въ черномъ платьѣ; съ грубостью спустилъ онъ малютку съ лошади и закричалъ: «Ты мнѣ уже давно надоѣла; но вотъ погоди: переѣдемъ только на тотъ берегъ...» Эти слова заставили ребенка вздрогнуть, отъ предчувствія чего-то страшнаго. Дитя кричало и рыдало, но злодѣй не обращалъ вниманія на мольбы Георгіаны и несъ ее къ берегу рѣки. Тщетно протягивала она ручонки свои къ другому незнакомцу: отъѣхавъ въ сторону, онъ ничего не слышалъ, или не хотѣлъ слышать. Вдругъ изъ чащи появилась толпа чернокожихъ. Человѣка, который несъ Георгіану, дикари сбили съ ногъ, а ее взяли съ собой и приласкали. Вотъ все, что могла разсказать намъ малютка. Воспоминаніе объ испытанныхъ ею страданіяхъ заставило ее заплакать: склонивъ свою головку на мою грудь, Георгіана громко всхлипывала.

Послѣ того я разсказалъ домашнимъ моимъ о моихъ собственныхъ приключеніяхъ. Краббъ былъ въ то время въ отсутствіи: онъ отправился въ Гобартъ-тоунъ посмотрѣть, въ порядкѣ ли его овцы.

Я обратилъ теперь главное свое вниманіе на ферму: пока я отыскивалъ Георгіану, многое пришло здѣсь въ безпорядокъ. Краббъ не возвращался долго, и я уже началъ безпокоиться, какъ вдругъ, однажды утромъ, увидѣлъ его на полѣ. Онъ, казалось, усталъ и ослабъ; платье его было въ пыли и грязи; на плечахъ пріятель мой несъ что-то завязанное въ пестрый платокъ, и отъ тяжести узла онъ шелъ медленно и сгорбившись. Помогая Краббу въ его ношѣ, возвратился я съ нимъ въ домъ. Со вздохомъ бросился онъ въ кресла, съ громкимъ звономъ уронивъ на полъ узелъ.

— Слава Богу, началъ онъ наконецъ: — вотъ я и дома; а я уже думалъ, что никогда не увижу васъ.... Ну, страна! ни почтовыхъ нѣтъ.... ничего нѣтъ!... Впрочемъ, это подѣломъ мнѣ.... Кто не велѣлъ уѣзжать вовремя!... Но теперь кончено: уѣду на слѣдующемъ же суднѣ, которое пойдетъ въ Англію. Здѣсь, кромѣ горя, ничего не встрѣтишь.... Да и вы, Торнлей — вспомните мое сло-

Digitized by Google

во — скоро будете разворены, а нѣтъ такъ и убиты, — да, всѣ!... Сколько васъ тутъ ни есть.... Непремѣнно!...

— Да что же случилось? спросилъ я съ испугомъ. — Говорите, ради Бога, что сдѣлалось съ вами.

— Со мною что сдѣлалось? все! все, чему не должно быть.... Я вамъ разскажу — дайте только время и поѣсть сначала. — Все это по милости моего участка въ Вишневой долинѣ, продолжалъ Краббъ, обтеревъ ротъ и съ силою стукнувъ по столу, такъ что бывшая на немъ посуда привскочила: — да! все изъ за этого участка! Кто толкалъ меня гнаться за нимъ!... не проси я этой земли, и не дай ея мнѣ губернаторъ, я бы и не подумалъ строить своего дома, а еслибъ не построилъ, то не мучился бы съ этими несносными долларами.... Но и стоитъ, правда, — подѣломъ мнѣ, говорю я!... Бетси! моя добрая, милая Бетси! заключилъ Краббъ: — потрудись написать для меня письмецо.

— Съ удовольствіемъ; но кому же?

— Одному купцу въ Гобартъ-тоунѣ, мистеру Стихесъиннину.

— Какое странное имя!

— Это что-то въ родѣ голландца, моя милая. Онъ постоянно исполняетъ всѣ мои порученія.... Я бы самъ написалъ, но, живя такъ долго въ этой прекрасной странѣ, испортилъ свои глаза.... Да, по правдѣ сказать, я и прежде съ трудомъ читалъ писанное, особенно мелко; да и самъ я писалъ мало: такая вещица, какъ перо, какъ-то не держится въ рукѣ, привыкшей къ плугу....

— Что же вы хотите сдѣлать съ этимъ узломъ долларовъ, мистеръ Краббъ? спросила жена моя. — Надѣюсь, не дома станете держать ихъ. Здѣсь, въ лѣсу, они — плохіе товарищи.

— Вотъ этого-то я и не знаю! отвѣчалъ Краббъ, съ печальнымъ видомъ. — Съ тѣхъ поръ, какъ деньги у меня въ рукахъ, всѣ обращались ко мнѣ съ такимъ же вопросомъ; но онъ постоянно ставилъ меня въ тупикъ. Во всякомъ случаѣ, работы и горя было вдоволь отъ этихъ денегъ....

— Вы, вѣроятно, продали вашихъ овецъ? а что получили за нихъ?

— Ничего, кромѣ досады и — вотъ этихъ долларовъ. Одинъ покупщикъ хотѣлъ три года кредита, предлагая тридцать шиллинговъ за штуку, — наконецъ даже сорокъ, но я сказалъ ему, что торгъ мой — на чистыхъ денежкахъ; такъ я самъ купилъ овецъ, такъ и продалъ ихъ. Послѣ того, другой, въ Лаунчесъ-тоунѣ, хотѣлъ дать мнѣ за нихъ не знаю сколько-то штукъ скота. «Это дикій скотъ?» спросилъ я. — «Конечно!» отвѣчалъ покупщикъ. «А гдѣ онъ теперь находится?» «О, гдѣ нибудь около Циркулеръ-геда!» Въ та-

Digitized by Google

комъ случаѣ — сказалъ я — пускай вашъ скотъ остается около Циркулеръ-геда, пока головы его не сростутся съ хвостами; а я вовсе не желаю имѣть дѣло съ быками, которые находятся вѣгахъ, по всему острову.» Наконецъ одинъ новый переселенецъ, услышавъ о моихъ тонко-рунныхъ овцахъ, изъявилъ мнѣ свое намѣреніе купить ихъ четыреста.

— А плата какова? спросилъ я.

— Банковыми билетами, отвѣчалъ онъ: — въ счетъ банка Вандименовой земли.

«Не знаю, какъ это случилось, только покупателю удалось уговорить меня; и мы отправились вдвоемъ на мои луга за Норфольскими равнинами; тамъ-то начался у насъ споръ. Онъ хотѣлъ выбрать всѣхъ самокъ, всѣхъ молодыхъ и лучшихъ, я же сказалъ: «Нѣтъ! этому не бывать!» Послѣ того, переселенецъ, битые полъ-часа, представлялъ мнѣ разные резоны, что покупщикъ имѣетъ полное право сортировать товаръ. Однакожь, я рѣшительно объявилъ, что онъ можетъ брать овецъ или нѣтъ, но что вотъ какого рода мои условія: одинъ фунтъ за штуку, и безъ выбора. За тѣмъ покупщикъ предложилъ мнѣ поочередной выборъ, на что я наконецъ согласился. Когда же онъ, отмѣтивъ и наложивъ на овецъ клейма, хотѣлъ погнать ихъ, я спросилъ деньги.

— Давайте мнѣ перо и чернилы, отвѣчалъ онъ: — я напишу вамъ вексель.

— Вексель?! замѣтилъ я: — ну ужь, на вексель-то я не согласенъ.

— Хорошо! продолжалъ покупщикъ: — въ такомъ случаѣ вы должны пойти со мной въ Лаунчесъ-тоунъ: тамъ получите вачисто. А съ собой у меня нѣтъ: я не такъ глупъ!

— Все это прекрасно, замѣтилъ я: — однакожь, безъ денегъ не отпущу овецъ, т. е. пока здѣсь не заплатите.

— Очень хорошо! промолвилъ покупщикъ.

— И въ Лаунчесъ-тоунѣ онъ, вѣроятно, отдалъ вамъ деньги? спросилъ я Крабба.

«Это вы сейчасъ узнаете.... Итакъ, я пошелъ съ покупателемъ въ Лаунчесъ-тоунъ; тамъ мы прежде всего выпили кварту портеру.— недуренъ, но все-таки гораздо хуже нашего пива. Послѣ того покупщикъ написалъ такъ называемый вексель и отдалъ его трактирщику, чтобы тотъ отнесъ его къ одному тамошнему купцу. Немного погодя, посланный воротился съ сотней банковыхъ билетовъ, каждый въ четыре доллара, — по крайней мѣрѣ онъ такъ говорилъ; самъ же я не могъ понять, что на нихъ написано: буквы были страшно кривы. Переселенецъ написалъ тогда строчки двѣ на

Digitized by Google

ключѣ бумаги, говоря, что это приказъ моему пастуху отпустить овецъ; я подписалъ бумагу. Взглянувъ на нее, онъ спросилъ, какъ меня зовутъ: я назвался Самуэломъ; а онъ замѣтилъ, что никогда бы не разобралъ, но что мой пастухъ, вѣроятно, пойметъ. Такимъ образомъ, передо мной лежало четыреста бумажекъ. Немного погодя подошелъ ко мнѣ трактирщикъ, подсѣлъ и началъ разсказывать разныя новости.

— Вы уже слышали о большомъ банкротѣ въ Гобартъ-тоунѣ? спросилъ онъ меня. — На эти банковые билеты, что́ у васъ, денегъ не получишь, заключилъ трактирщикъ.

«Итакъ, я отдалъ всѣхъ своихъ прекрасныхъ овецъ за нѣсколько кусочковъ бумаги, годной только для того, чтобъ закурить трубку! Холодный потъ выступилъ у меня на всемъ тѣлѣ.

— Послушайте, сказалъ я купцу: — у меня есть важныя причины, по которымъ я желаю имѣть серебро вмѣсто билетовъ: нельзя ли обмѣнять?

— Извольте, отвѣчалъ тотъ, очень вѣжливо. — Но, мнѣ кажется, возиться съ долларами неудобно.

— Совсѣмъ нѣтъ! возразилъ я.

«И купецъ размѣнялъ билеты на серебро, высыпавъ его въ старый мѣшокъ для дроби. Обвернувъ мѣшокъ носовымъ платкомъ, чтобъ отклонить всякое подозрѣніе въ цѣнности моей ноши, я воротился въ трактиръ.

— Вы носите съ собой слишкомъ большую сумму денегъ, замѣтилъ мнѣ содержатель его. — Смотрите, чтобъ она не соблазнила слугъ; надѣюсь, однакожъ, что вы не оставите вашихъ долларовъ у меня, въ трактирѣ....

«Съ этого начались всѣ мои непріятности.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я: — мы съ долларами отправимся далѣе.

— Я совѣтывалъ бы вамъ, продолжалъ трактирщикъ: — никому не говорить, что съ вами столько денегъ....

— Не безпокойтесь, прервалъ я: — я и самъ понимаю эти вещи.

«Послѣ обѣда, пустившись въ дорогу, я нашелъ серебро тяжелѣе, нежели предполагалъ, — поэтому въ десяти миляхъ отъ Лаунчесъ-тоуна зашелъ къ одному знакомому мнѣ переселенцу, желая провести у него ночь.

— Что́ это у васъ? спросилъ онъ, удивясь тяжести узла. — Не доллары же это! а очень похоже что-то....

— Деньги?! вскричала жена моего пріятеля: — ахъ! васъ убьютъ изъ за этихъ денегъ.... Прошу васъ, мистеръ Краббъ, продолжала она: — не оставляйте ихъ здѣсь; за вами вѣрно наблюдаютъ; и аре-

Digitized by Google

станы ограбятъ и убьютъ насъ.... Какъ вы могли нести съ собой столько серебра!...

— Если принесъ его, сказалъ я, немного обидѣвшись: — то, конечно, и унесу. Я отправлюсь къ старику Симмонсу: онъ, вѣроятно, дастъ мнѣ ночлегъ.

«Мужъ хотѣлъ удержать меня; но, замѣтивъ желаніе жены его, чтобы я убрался, я, взбросивъ мѣшокъ на плечи, пошелъ къ старику Симмонсу, жившему двумя милями далѣе.

— Могу я здѣсь ночевать? спросилъ я.

— Конечно, съ удовольствіемъ! отвѣчалъ тотъ. — Нимъ! поставь бараньи ребра на огонь.... Что это у васъ?

— Вамъ я могу сказать, отвѣчалъ я; — вамъ можно довѣриться: я продалъ мои овцы, а это деньги за нихъ.

— Деньги?! съ изумленіемъ проговорилъ Симмонсъ. — Какъ вамъ въ голову пришло бѣгать здѣсь съ такой кучей денегъ! Васъ ограбятъ и убьютъ, прежде чѣмъ вы придете домой.... Но уберемъ по крайней мѣрѣ ваши доллары.

«Сказавъ это, Симмонсъ накрылъ мой мѣшокъ пустымъ, желѣзнымъ горшкомъ на трехъ ножкахъ. Это было сдѣлано вовремя, потому что тотчасъ послѣ того вошелъ въ комнату работникъ съ мясомъ.

«Едва я успѣлъ поужинать, какъ раздался стукъ въ двери, и въ комнату вошли три арестанта. Одинъ имѣлъ отпускную, а двое другихъ отправлялись на какую-то ферму близъ Лаунчесъ-тоуна. Симмонсъ взглянулъ на меня, какъ будто хотѣлъ сказать: «Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!» Но нельзя же было въ зимнюю пору отказать въ ночлегѣ. Непрошеные гости оглянулись и искали, гдѣ бы сѣсть; а одинъ изъ нихъ спросилъ: «Позвольте мнѣ подвинуть горшокъ, мистеръ, чтобы сѣсть ближе къ огню?»

«Симмонсъ еще разъ взглянулъ на меня.

— Вотъ, возьмите мой стулъ, сказалъ я, вставая: — я цѣлый вечеръ сидѣлъ у огня и согрѣлся.

«Вмѣстѣ съ тѣмъ я опустился на горшокъ, и хотя сидѣнье мое оказалось очень неудобнымъ, я всѣми силами старался не обнаружить этого.

— Вамъ, кажется, жестко сидѣть, мистеръ, улыбаясь сказалъ одинъ изъ гостей.

— Нисколько! вскричалъ я, подъ вліяніемъ мысли, что этотъ человѣкъ, быть можетъ, угадалъ, отчего такъ неподвижно сижу я на одномъ мѣстѣ.

«Другіе также предлагали мнѣ свои стулья, но чѣмъ болѣе они меня упрашивали, тѣмъ сильнѣе возникало во мнѣ подозрѣніе, и я

Digitized by Google

никакъ не соглашался. «Нѣтъ — думалъ я — ужь вы меня не пересидите здѣсь....»

«Симмонсъ между тѣмъ очень безпокоился. Онъ имѣлъ только одну кровать для гостей, которую они предлагали мнѣ; я же не трогался съ своего мѣста, хотя острыя ножки горшка причиняли мнѣ много горя; такимъ образомъ я просидѣлъ на нихъ цѣлую ночь какъ насѣдка на гнѣздѣ....»

При этихъ словахъ Крабба всѣ мы засмѣялись, что̀ ему очень не понравилось.

— Смѣйтесь, смѣйтесь! сказалъ онъ съ досадой. — Но желалъ бы я посмотрѣть, какъ бы вамъ понравилось сидѣть цѣлую ночь на опрокинутомъ трехъножномъ горшкѣ.

— Ну, спросилъ я: — чѣмъ же все это кончилось?

— Кончилось?! Я думалъ, что это будетъ продолжаться вѣчно! Однакожь, благодаря Богу, всему есть конецъ. Такъ вотъ и ссыльные: къ утру ушли они, и Симмонсъ сказалъ мнѣ:

— Ради Бога, мистеръ Краббъ, отправляйтесь съ вашими деньгами домой: я цѣлую ночь ни на минуту не могъ заснуть.

«Такимъ образомъ принимали и выгоняли меня вездѣ; наконецъ я добрелъ съ своими долларами. Къ счастію, ихъ достаточно, чтобы заплатить за мой обратный переѣздъ; здѣсь я не останусь долѣе ни на минуту.... Итакъ, Бетси, моя милая, есть ли у тебя тамъ перо и чернила?

— Давно готово! Но что̀жь мнѣ писать?

— Пиши, что̀ я скажу тебѣ.

«Мистеръ Стихесъинининъ!

Сэръ!

«Надѣюсь, вы здоровы также, какъ и я....

— Но вы больны! прервала Бетси: — я никогда не видѣла васъ такимъ блѣднымъ, какъ теперь.

— Это ужь такъ принято, Бетси, сказалъ Краббъ. — Нужно же чѣмъ нибудь начать письмо, а я свои всегда начинаю такъ.... Но продолжай.

«Вандименова земля меня совсѣмъ раззорила, и я намѣренъ уѣхать съ первымъ кораблемъ. Поэтому, сдѣлайте одолженіе, возьмите для меня мѣсто и скажите капитану, чтобы онъ выбралъ его около оси, гдѣ не слишкомъ трясетъ: я помню, какъ непріятенъ былъ мой пріѣздъ сюда.... Этого, впрочемъ, не нужно писать.

— Что̀жь дальше? спросила Бетси.

— Больше ничего!... Благодарю, Бетси!... Однако, ты можешь еще замѣтить, что послѣдній боченокъ сахару былъ безсовѣстно сыръ и песоченъ. Такъ!... Потомъ напиши еще, что я даю ему со-

Digitized by Google

рокъ шиллинговъ за все сѣмя клеверу, сколько у него есть, и чтобы онъ постарался доставить мнѣ нѣкоторое количество земляники изъ Питтоніи теплицъ.... да чтобъ не забылъ посмотрѣть, достаточно ли длинна моя койка на кораблѣ... Кромѣ того, спроси еще, не дастъ ли мнѣ правительство двоихъ печниковъ: я бы желалъ выстроить въ долинѣ хорошенькій домикъ, — конечно, съ прудомъ для рыбы и бесѣдкой въ саду. Кстати: пусть онъ пришлетъ мнѣ кровельный молотъ и боченокъ кровельныхъ гвоздей, да пусть справится, можетъ ли корабль взять съ собой послѣднюю шерсть, и какія цѣны на нее. Мнѣ также нужны пильщики и плотники.... Но ходьба такъ утомила меня, что я болѣе уже не могу писать... Приготовь письмо, Бетси... Вотъ допью только этотъ стаканъ и потомъ пойду спать....

— Что же вы намѣрены сдѣлать съ вашими долларами? спросила жена моя.

— Съ долларами.... съ трудомъ проговорилъ Краббъ, напуренный силами и отуманенный тремя большими стаканами пуншу: — доллары?... да положите ихъ.... опять въ горшокъ....

На другое утро Краббъ рѣшился отправить мѣшокъ съ серебромъ въ Гобартъ-тоунъ, въ сопровожденіи двухъ констаблей.

— Серебряные доллары, сказалъ онъ: — прекрасны и достойны пріобрѣтенія, но весьма неудобны для переноски и еще болѣе для сохраненія....

Прошло четырнадцать лѣтъ послѣ всего мной описаннаго. Однажды, я сидѣлъ въ моемъ саду подъ мимозовымъ деревомъ, на моемъ любимомъ мѣстѣ, и наслаждался прекраснымъ вечеромъ.

За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ я передалъ свою ферму и отдалъ старшему сыну моему Уильяму, который жилъ въ нашемъ большомъ каменномъ домѣ съ своей женой и семействомъ. Бетси, вышедшая, въ 1827 году, за Джоржа Бересфорда, жила съ своими пятерыми дѣтьми въ Вишневой долинѣ, на красивой фермѣ, владѣтелемъ которой былъ вѣчно недовольный и уже дряхлый Краббъ. Старшій Бересфордъ, женившійся на Люси Мусъ еще въ 1824 году, жилъ съ нею и съ многочисленнымъ семействомъ своимъ на рѣкѣ Шаннонѣ.

Это было въ мартѣ мѣсяцѣ, въ концѣ лѣта; и страна принала уже желтоватый оттѣнокъ, свойственный полямъ и зелени Вандименовой земли во время осени. Два маленькихъ крикуна, братъ и сестра, играли подлѣ меня на круглой лужайкѣ. На грядѣ, покрытой цвѣтами и фруктами, стояли яблони, покрытыя чудными плодами.

Digitized by Google

Красивый осьмилѣтній мальчикъ игралъ съ молодымъ кэнгуру, дразня его сахаромъ, и бѣлый какаду, съ высоко вздувшимся желтымъ гребнемъ, кричалъ и болталъ на дорогѣ, желая обратить на себя вниманіе дѣтей. Далѣе, ниже, въ долинѣ, похожей на паркъ, паслось нѣсколько дойныхъ коровъ, съ двумя или тремя лошадьми и маленькимъ, домашнимъ стадомъ мериносовъ.

Я внимательно читалъ сочиненіе, полученное мной не задолго передъ тѣмъ изъ Англіи. Надо замѣтить, что я завелъ себѣ библіотеку изъ слишкомъ тысячи-двухъ-сотъ томовъ.

Мной вдругъ овладѣло безсовнательное чувство тоски. И, въ самомъ дѣлѣ, я не имѣлъ никакой причины печалиться: благодаря Бога, у меня было все, что радуетъ и счастливитъ человѣка, — и если въ глазахъ моихъ когда либо и являлась слеза, то какъ слеза благодарности и радости. Отложивъ чтеніе до другого разу, я предался воспоминаніямъ: передо мной проходили, одна за другой, разныя сцены моей дѣятельной жизни, полной приключеній.... Вдругъ ко мнѣ подошла милая жена моя, подруга всѣхъ трудовъ моихъ и счастія. Въ одной рукѣ ея было письмо, а другою — она поддерживала старушку-мать свою, давно уже перешедшую за обыкновенный срокъ человѣческой жизни.

Моя Мери также очень перемѣнилась, хотя и по наружности только; сердце же ея по прежнему было тепло и вѣрно.

Въ эту минуту я новсему могъ видѣть, что жена хочетъ сообщить мнѣ радостную вѣсть: она подавала мнѣ письмо съ милой улыбкой. На немъ находился англійскій штемпель, и на печати стояло одно только слово: «Георгіана.»

Здѣсь кстати замѣтить, что вслѣдъ за тѣмъ, какъ я принялъ дочь Цыгана въ мое семейство, судья сдѣлалъ надлежащія распоряженія — доказать въ Англіи права бѣднаго ребенка. Много было переписки, — и черезъ четыре года прибылъ въ колонію агентъ, съ уполномочіемъ сопровождать Георгіану въ Англію. Присланный сказалъ намъ, что дядя матушки, Джонъ Ширлей, овладѣлъ имѣніями брата, какъ ближайшій его наслѣдникъ; но нашлось завѣщаніе старшаго брата, въ которомъ [illegible] отказывалъ все свое имущество Джоржу Ширлею, въ случаѣ [illegible] или дѣти его воротятся въ Англію. Не было возможности [illegible], уничтожить завѣщаніе; но дядя не признавалъ брака законнымъ. Опекуны Георгіаны, чтобы удобнѣе вести процессъ, непремѣнно хотѣли видѣть ее въ Англіи. Туда въ ту пору отъѣзжалъ съ своей женой одинъ нашъ пріятель. Воспользовавшись этимъ случаемъ, мы поручили ихъ надзору Георгіану. Все это происходило въ 1828 году. Тогда пріемышу нашему только что исполнилось одиннадцать лѣтъ, — и дѣвочка могла на-

Digitized by Google

зваться красавицей, въ полномъ смыслѣ слова.

Мы получили отъ нея нѣсколько писемъ, доставившихъ намъ большое удовольствіе. Окончаніе процесса Георгіаны сильно интересовало насъ, и потому я съ жадностью распечаталъ письмо ея, адресованное на имя Мери. Вотъ содержаніе его:

«Милая моя мистриссъ Торнлей!

«Изъ прежнихъ моихъ писемъ вы знаете, что я намѣревалась выйти замужъ. Эта перемѣна образа жизни, однакожъ, никогда не произвела бы перемѣны, въ отношеніи къ вамъ, въ сердцѣ вашей Георгіаны. Я могу наконецъ нарушить молчаніе, которое должна была соблюдать насчетъ моего брака.

«Въ Миланѣ, гдѣ я короткое время жила съ моимъ опекуномъ, увидала я впервые моего мужа. Въ день нашего пріѣзда, вечеромъ, отправились мы въ театръ. Спектакль начался оперой; послѣ нея давалась пьеса подъ названіемъ «Цыганъ». Содержаніе ея воскресило въ моей памяти всѣ сцены моего дѣтства; а большіе черные глаза актера, занимавшаго роль цыгана, съ чрезвычайною ясностью представили мнѣ потухающій, но тѣмъ не менѣе страстно любящій взглядъ, устремленный на меня, когда-то, моимъ умирающимъ отцомъ.... Это грустное воспоминаніе взволновало меня до такой степени, что со мною сдѣлался припадокъ, и я упала. Одинъ молодой человѣкъ долго хлопоталъ около меня и помогъ моему опекуну перенести меня въ карету. На другой день онъ пріѣхалъ узнать о моемъ здоровьи. Такимъ образомъ, мы познакомились и впослѣдствіи полюбили другъ друга. Но долго старалась я, сначала, противиться моей страсти, боясь охлажденія со стороны молодого человѣка, когда узнаетъ, чью дочь любитъ онъ. Въ такихъ неопредѣленныхъ отношеніяхъ нашихъ другъ къ другу прошло два года. Наконецъ я рѣшилась открыться. И женихъ мой не только не охладѣлъ ко мнѣ, но утверждалъ, что мое довѣріе къ нему возбудило въ немъ еще бо́льшую привязанность. Вскорѣ послѣ того [illegible] разстался съ нами, подъ предлогомъ, будто какія-то важныя [illegible] требуютъ его присутствія въ Лондонѣ. А когда мы возвратились [illegible], женихъ мой пришелъ къ намъ, вручилъ мнѣ пакетъ [illegible] тотчасъ послѣ того удалился. Боязливо вскрывала я [illegible] въ немъ заключались документы, совершенно оправдывавшіе моего отца въ смерти лѣсничаго, за что́ его сослали въ Вандименову землю. Теперь мнѣ уже не для чего было противиться браку съ любимымъ человѣкомъ, и вскорѣ послѣ того мы обвѣнчались....»

Пропускаю часть письма, которая не можетъ интересовать читателя; далѣе Георгіана писала:

Digitized by Google

Мистеръ Джемъ Шарлей живетъ заграницей, и мое дѣло о наслѣдствѣ еще и до сихъ поръ не кончено; но такъ какъ мы довольно богаты, то и утѣшаемся тѣмъ, что это имѣніе достанется если не намъ, то нашимъ внукамъ.

P. S. Едва не забыла спросить о моемъ старомъ пріятелѣ Краббѣ. Когда еще, какъ я отправлялась въ Англію, былъ онъ старъ и слабъ. Живъ ли? доволенъ ли хоть теперь своей «прекрасной земелькой?» Кланяйтесь ему отъ вашей

Георгіаны.

— Добрый старикъ, сказалъ я: — какъ онъ обрадуется, когда узнаетъ, что маленькая дѣвочка, которую онъ любилъ, не забыла его. Боюсь только, что Краббу недолго уже остается принимать поклоны отъ его друзей: послѣднія извѣстія о немъ весьма неутѣшительны.

Не успѣлъ я сказать этихъ словъ, какъ прискакалъ Джоржъ Бересфордъ, говоря, что здоровье Краббы съ послѣдняго вечера приняло дурной оборотъ, и что Бетси проситъ меня пріѣхать. Я тотчасъ велѣлъ осѣдлать лошадь и, сказавъ, чтобы жена ѣхала въ каретѣ, отправился съ затемъ въ Вишневую долину.

Дорогой мы заѣхали къ врачу и, посадивъ его на взятую съ собой лошадь, просили его проводить насъ, чтобы посмотрѣть, не удастся ли искусству продлить жизнь нашего стараго друга.

— Я думаю, сказалъ медикъ: — что наука тутъ не поможетъ. Вашъ пріятель умираетъ отъ старческой слабости. Который ему годъ?

— Мы этого не знаемъ въ точности, отвѣчалъ я: — а самъ Краббъ говоритъ, что ему восемьдесятъ-два года; но, судя по разнымъ происшествіямъ, которыя онъ помнитъ, онъ долженъ быть старѣе.

Вскорѣ послѣ того прибыли мы въ домъ моихъ дѣтей и старика, въ Вишневой долинѣ, окруженной лѣсистыми холмами. Краббъ выстроилъ пестрящую англійскую ферму. Мы нашли нашего друга въ большихъ креслахъ. Бѣлые какъ снѣгъ волосы его опускались на плечи; онъ сидѣлъ у окна, и передъ глазами старика разстилались его же собственные поля, прудъ и лѣсъ. Бетси сказала намъ, что онъ жаловался на туманную погоду, хотя воздухъ былъ чистъ и ясенъ. Я зналъ, что значитъ этотъ туманъ.

— Вотъ пріѣхалъ батюшка! вскричала моя дочь, увидѣвъ насъ.

— А, Торнтонъ! очень радъ вашему пріѣзду! говорилъ Краббъ, Гдѣ вы?... Подойдите ближе..... Воздухъ удушливъ: вѣроятно,

Digitized by Google

жаръ опять подожгли лѣсъ; ничего не видно, кромѣ дыму... Ну, да это не новость здѣсь!...

— У насъ, въ Вандименовой землѣ, нѣтъ уже дикихъ, возразила Бетси. — Развѣ вы забыли, какъ, нѣсколько лѣтъ назадъ тому, ихъ всѣхъ со всего острова?...

— Изгнали?! Ахъ, да! теперь помню, какъ мы длинной цѣпью тянулись по всей странѣ и тузёмцы никакъ не могли понять, чего мы хотимъ.

— Вамъ кланяется Георгіана, Краббъ! сказалъ я, взявъ его за руку. — Сегодня мы получили письмо отъ нея.

— Георгіана?! радъ, очень радъ!... Доброе дитя! она современемъ сдѣлается хорошенькой дѣвушкой.... Итакъ, Георгіана вспомнила обо мнѣ? Это хорошо! Когда я пріѣду въ Англію, то навѣщу ее; теперь же.... теперь я не совсѣмъ здоровъ.

— А какъ вы себя чувствуете, мой старый другъ?

— Я слабъ, очень слабъ, а впрочемъ ничего. Вотъ видите, Торнлей, эта земелька наконецъ пришибла меня. Я вѣдь говорилъ вамъ, да вы не хотѣли вѣрить.... Подлóмъ мнѣ, я совершенно подлóмъ!... Давно бы, правда, уѣхалъ я отсюда, кабы не хмѣль удерживалъ:

— Зато вы научили колонистовъ сажать его, сказалъ я, желая потѣшить Краббa.

— И пиво варить — такое.... Бетси! миая Бетси! будь такъ добра: подай твоему отцу кружку изъ послѣдней бочки.... Такъ!... Дай я попробую....

Бетси поднесла кружку къ губамъ Краббa.

— Что это? заговорилъ онъ: — какой странный вкусъ! Налей-ка въ другую кружку.... Торнлей не можетъ же уйти отъ меня не выпивши стакана пива.... Но я, вѣроятно, не буду болѣе сидѣть хмѣль и пить пиво, которое самъ варилъ....

— Любезный другъ! сказалъ я: — вы прожили несравненно больше многихъ и многихъ изъ насъ; и послѣдніе ваши годы протекли въ богатствѣ и изобиліи.... Остается только просить Бога, чтобы Онъ простилъ ваши заблужденія....

— Не знаю, говорилъ Краббъ тихимъ, дрожащимъ голосомъ, между тѣмъ какъ умъ его сталъ уже мѣшаться: — не знаю. Вотъ то развѣ, что пріѣхалъ сюда, и — еще хуже — что остался здѣсь, вмѣсто слѣдующимъ кораблемъ я возвращаюсь домой.... Нельзя достать тутъ пива ни за какія деньги. Къ чему годна гостинница, если въ ней нѣтъ пива?... Полъ-гинеи за бутылку пива — срамъ и стыдъ!... Видѣли ли вы когда нибудь, чтобъ люди пахали такимъ образомъ?... Не знаете, что значитъ «подъ парой»... вы, пріѣзжіе изъ Евро-

Digitized by Google

да.... серъ.... я бы не желалъ быть невѣжливымъ, но.... вы крестьянинъ изъ города, серъ....

— Онъ бредитъ, сказалъ пасторъ, внявшійся по просьбѣ Крабба.

Въ ту минуту вошла Мери. Старикъ съ большимъ трудомъ узналъ ее.

— Миссисъ Торнлей, говорилъ Краббъ медленно и слабымъ голосомъ: — вашъ бѣдный мужъ убитъ дикими; но намъ должно перенести это.... Заживо изжарить.... людоѣды..... Но мы всѣ уѣдемъ, — всѣ.... Я отправляюсь съ первымъ кораблемъ.... Бетси!... гдѣ Бетси?

Бетси, схвативъ руку старика, старалась успокоить его; а пасторъ спросилъ Крабба, не желаетъ ли онъ чего нибудь.

Этотъ вопросъ привелъ старика въ память; въ одну минуту онъ понялъ свое положеніе; голосъ его сдѣлался слабѣе, пульсъ сдавился, и было трудно разобрать медленно произносимыя имъ и отрывистыя слова:

— Я знаю, шепталъ онъ едва внятно: — что мы всѣ должны умереть; но и я бы охотно еще посмотрѣлъ, какъ удастся пшеница; въ новомъ полѣ.... Джоржъ! не пахай никогда волами.... не стрѣляй быковъ, какъ послѣдняго. Я.... я разстаюсь.... Бетси! держи мою руку.... Что, что я чувствую?.... Я.... задыхаюсь.... Я.... я.... я.... не могу дышать.... О, Торнлей! наконецъ.... оставляю я эту... землю и иду.... домой.... наконецъ....

Вмѣстѣ съ этими словами Краббъ умеръ. Всѣ мы плакали. Я терялъ въ немъ моего лучшаго друга, котораго любилъ даже за его слабости и странности, бывшія для другихъ предметомъ смѣха.

Надъ могилой Крабба поставилъ я простой камень съ надписью:

Здѣсь покоятся смертные останки
Самуила Крабба,
англійскаго фермера,
умершаго 86-ти лѣтъ.

Что еще прибавлять ко всѣмъ этимъ воспоминаніямъ? Современное положеніе колоніи довольно извѣстно. Впрочемъ, не мѣшаетъ сдѣлать общій взглядъ на тѣ перемѣны, которымъ подверглась Вандименова земля въ послѣдніе двадцать-два года.

Въ ту пору переселенцевъ было здѣсь еще очень мало, и вся колонія состояла почти исключительно изъ ссыльныхъ. Теперь же по всему острову тянутся цвѣтущія фермы. По прибытіи моемъ сюда, въ 1817 году, число жителей Вандименовой земли не превышало

Digitized by Google

двухъ тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ немногіе только были вольные; а въ настоящее время населеніе острова увеличилось до сорокапяти тысячъ, въ числѣ которыхъ двадцать-три тысячи вольныхъ. Въ 1817 году не вывезли ни одного фунта шерсти, въ 1838 году, напротивъ того, 1,942,000 фунтовъ. Жизнь и имущество жителей не подвержены опасности, какъ прежде; о туземцахъ помнятъ въ колоніи только по преданію; бушренджеры составляютъ рѣдкое исключеніе; кражи овецъ почти никогда не случается.

Пристройки и, вообще, улучшенія особенно замѣчательны въ Гобартъ-тоунѣ. Вездѣ, въ окрестностяхъ города, возвышаются веселыя и роскошныя дачи, и повсюду построены мосты и проведены дороги. Корабли въ четыреста тоннъ могутъ безопасно стоять въ широкой гавани.

Что́ж касается до меня, то я безъ хвастовства скажу, что могу служить примѣромъ, до чего можно дойти прилежаніемъ, терпѣніемъ и бережливостью, и какъ выгодно поселяться въ колоніяхъ, гдѣ земля еще не обработана, слѣдовательно дешева и съ каждымъ годомъ, безъ дальнѣйшей работы, возвышается въ цѣнѣ, по причинѣ увеличивающагося народонаселенія.

Я, конечно, теперь старѣюсь; но тѣло мое еще крѣпко, и съ тѣхъ поръ, какъ поселился въ колоніяхъ, я ни одного дня не былъ боленъ.

Мой старый пріятель судья, сдѣлавшійся теперь богатымъ и толстымъ, нѣсколько мѣсяцевъ справлялся о моихъ занятіяхъ, видя, что я пишу что-то такъ усердно. Нѣсколько дней тому назадъ, я, показавъ ему толстую рукопись, сказалъ подъ секретомъ, о чемъ писалъ.

— Какое же содержаніе вашей рукописи? спросилъ онъ. — Исторія острова?

— Островъ, отвѣчалъ я: — или, вѣрнѣе, колонія еще слишкомъ молода, чтобы писать ея исторію; я только, по собственнымъ приключеніямъ и воспоминаніямъ, разсказалъ объ успѣхахъ переселенцевъ и передалъ такіе факты, которые читателямъ могутъ дать довольно вѣрное понятіе о Вандименовой землѣ....

Этими словами переселенецъ кончаетъ дневникъ свой.

Digitized by Google

ЛАСТОЧКА. — ОРЕЛЪ.

I.

У меня лежитъ передъ глазами древній греческій рисунокъ, на которомъ изображены три фигуры. Та, которая слѣва, представляетъ молодого человѣка въ цвѣтѣ лѣтъ, восклицающаго, указывая на птичку, вьющуюся надъ его головою: «Вотъ ласточка!» Въ серединѣ сидитъ мужчина зрѣлыхъ лѣтъ; онъ поднялъ голову и отвѣчаетъ: «Клянусь Геркулесомъ! ты правду говоришь!» — «Вотъ она!» кричитъ въ тоже время мальчикъ, указывая пальцемъ на милую птичку. Взрослый присовокупляетъ, какъ заключеніе: «Весна пришла!» Сцена эта почти воспроизведена въ словахъ Аристофана: Σὺ φαίνει παῖδες.

Уильсонъ говоритъ объ американской ласточкѣ: «Лишь только появляется она, мы съ радостію привѣтствуемъ прилетъ ея, какъ предвѣстницу весны цвѣтущей и подругу теплыхъ дней; и когда, послѣ морозовъ суровой зимы, намъ объявляютъ о возвратѣ ласточекъ, сколько свѣжихъ, милыхъ мыслей рождается въ насъ при этой простой новости!» Сердце человѣческое билось тѣмъ же чувствомъ и въ древнемъ грекѣ и въ новомъ американцѣ.

Американская ласточка имѣетъ семь дюймовъ въ длину и тринадцать дюймовъ въ ширину распростертыхъ крыльевъ. Клювъ у нея черный; верхняя часть головки, шейка, спинка и начало хвоста синяго металлическаго цвѣта, спускающагося на грудь. Окружность клюва — темно-каштановаго, а нижняя часть крыльевъ — свѣтло-каштановаго цвѣта. Крылья и хвостъ черно-красноватые или цвѣта сажи, съ зеленымъ отливомъ. Хвостъ глубоко раздвоенъ, потому что два боковыя пера на полтора дюйма длиннѣе другихъ; они остроконечны. Каждое перышко, исключая двухъ среднихъ, имѣетъ на внутренней сторонѣ продолговатое бѣлое пятнышко. Глаза темно-коричневые, уголки клюва желтые, а ножки красно-коричневыя. Это самцы.

Самка отличается отъ самца бѣловатымъ брюшкомъ, слегка крапчатымъ, и тѣмъ, что крайнія перомшки хвоста не такъ длинны.

Эти птички лѣпятъ свое гнѣздо около недѣли; работа начинается въ первыхъ числахъ мая. Уильсонъ говоритъ, что гнѣздышко ихъ имѣетъ видъ опрокинутаго конуса, перпендикулярно раздѣленнаго на сторонѣ, прилѣпленной къ дереву. Верхній край округленъ, какъ балконъ; тутъ отдыхаетъ самецъ или самка. Сверху гнѣздо отъ пяти до шести дюймовъ въ діаметрѣ; внѣшняя высота его — семь дюй-

Digitized by Google

мовъ. Стѣнки (около дюйма толщиною) сдѣланы изъ глины, перемѣшанной съ сѣномъ, очень тонкимъ; смѣсь эта, кажется, накладывается правильными слоями. Внутренность конуса устлана чрезвычайно нѣжнымъ, мелкимъ сѣномъ, поверхъ котораго положены широкія, гусиныя перья, чрезвычайно пушистыя. На этой мягкой постелькѣ лежатъ пять прозрачныхъ яичекъ, испещренныхъ темно-красненькими пятнышками.

Уильсонъ, бывшій шестнадцатаго мая на охотѣ, на вершинѣ горы Покано, въ Нортамптонѣ, когда ледъ былъ болѣе трехъ линій толщины, съ удивленіемъ замѣтилъ пару ласточекъ, избравшихъ себѣ жилище на бѣдной хижинѣ. Солнце только что встало, морозъ бѣлилъ землю, а самецъ, сидя на крышкѣ подлѣ самки, щебеталъ и распѣвалъ съ удивительною веселостью. Владѣтель этого мѣста разсказалъ охотнику-естествоиспытателю, что каждый годъ одна пара ласточекъ постоянно прилетала и устроивала себѣ гнѣздо на балкѣ, выдавшейся надъ жолобомъ, въ шести или семи футахъ отъ земли. Внизу горы, въ обширной долинѣ, принадлежащей одной тавернѣ, Уильсонъ насчиталъ двадцать гнѣздъ, которыя, казалось, всѣ были заняты.

«Никогда — говоритъ онъ — не встрѣчалъ я ласточекъ въ лѣсахъ; но подойдите къ фермѣ, и вы увидите множество этихъ птичекъ, разсѣкающихъ воздухъ и оглашающихъ окрестность своимъ крикомъ. Нѣтъ ни одной риги и овина, гдѣ бы не лѣпилось ласточкино гнѣздо; такъ какъ народное повѣрье благоволитъ къ этимъ птицамъ, то ихъ никогда не трогаютъ.»

Владѣтель риги, о которомъ мы говорили, нѣмецъ по происхожденію, увѣрялъ Уильсона, что если кто позволитъ убить ласточку, то у того молоко коровье превратится въ кровь, и что овинъ, на которомъ есть гнѣздо ласточки, никогда не будетъ застигнутъ молніею. «Я показалъ видъ, что вполнѣ вѣрю его словамъ — прибавляетъ вѣрный и милый писатель. — Суевѣріе это говоритъ въ пользу человѣчности.»

У американцевъ Соединенныхъ-Штатовъ есть такие каменная ласточка (*). Уильсонъ, описавшій ее, замѣчаетъ, что шумъ, производимый этими птицами, когда онѣ опускаются и поднимаются по трубѣ, походитъ на отдаленное грохотаніе грома. Если дожди обильны и продолжительны, то гнѣздо отдѣляется отъ стѣны. Если случается это несчастіе въ то время, когда самка сидитъ на яицахъ, то они, конечно, разбиваются при паденіи; зато заботливая природа обезпечила птенцевъ, которые еще не могутъ летать. Мускульная сила въ

(*) По Линнею — Hirundo pelasgica.

-ливаются этихъ малютокъ и силы ихъ острыхъ коготей весьма защищательны еще тогда, когда они еще плохо видятъ; постигнутыя несчастіемъ, т. е. паденіемъ гнѣзда на землю, несчастныя птички кидаются за стѣну, дѣлаются какъ бѣлки, и въ этомъ положеніи родители кормятъ ихъ въ продолженіи недѣли и даже болѣе.

Шуршманъ, корреспондентъ Уильсона, видѣлъ однажды вечеромъ, что въ трубу влетѣло ласточекъ до двухъ сотъ. Кошка вскарабкалась на крышу сѣла у отверстія, гдѣ старалась поймать пару-другую: старанія коварнаго звѣря не увѣнчались успѣхомъ; тогда кошка задумала устроить другую засаду и сѣла на краешекъ трубы. Безстрашныя птицы продолжали описывать спиральныя линіи, не обращая ни малѣйшаго вниманія на врага и его усилія поймать ихъ. «И я былъ такъ счастливъ — прибавляетъ добрый Шуршманъ — что видѣлъ, какъ всѣ онѣ избѣгли ея когтей.»

Уильсонъ, наблюдатель крайне совѣстливый, говоритъ, что ему никогда не удавалось видѣть, чтобы ласточки часто посѣщали кухонныя трубы. Если онѣ и залетятъ туда, то лишь для того, чтобы ее навѣдовать: онѣ немедленно возвращаются назадъ, лишь только примѣтятъ тамъ огонь и дымъ.

Поговоримъ теперь о «пурпуровомъ каменномъ стрижѣ» (*), этомъ любимцѣ англо-американцевъ и даже индѣйцевъ. Для этой милой птички ставятъ ящички вмѣ домовъ. Въ этихъ уютныхъ жилищахъ онѣ кладутъ по четыре бѣленькихъ яичка, безъ пятнушекъ и чрезвычайно малыхъ, сравнительно съ ихъ ростомъ.

Впрочемъ, онѣ хорошо платятъ за оказываемое имъ гостепріимство.

«Пурпуровый каменный стрижъ — говоритъ тотъ же авторъ, Шуршманъ — какъ и родственникъ его, земородокъ, — гроза и ужасъ воронокъ, сокольи и орловъ; онъ нападаетъ на нихъ повсюду съ такою отвагою и силою, что они принуждены обращаться въ бѣгство. Это обстоятельство такъ извѣстно маленькимъ птичкамъ и домашней птицѣ, что едва заслышатъ крикъ стрижа, вступающаго въ битву, какъ между ними распространяются совершеннѣйшее смущеніе и тревога. Необыкновенно интересно посмотрѣть, съ какимъ жаромъ и смѣлостію эта птица нападаетъ и задираетъ сокола и орла. При случаѣ она даетъ нѣсколько хорошихъ уроковъ и земородку, когда застаетъ его близко отъ своихъ владѣній; несмотря на то, обѣ птицы дѣйствуютъ заодно, когда дѣло идетъ объ ихъ общемъ непріятелѣ.»

(*) Cypselus melba. — Linnaeus. — Hirundo pacifica.

Лордъ Байронъ рѣдко ѣлъ говядину; если только онъ когда-нибудь. Сидя, однажды, передъ Томасомъ Муромъ, съ аппетитомъ уплетавшимъ надъ сочнымъ бифстексомъ, онъ спросилъ его: «какая пища не дѣлаетъ его дикимъ?» Возбудительная пища краснаго каменнаго стража отличается отъ пищи прочихъ американскихъ ласточекъ: любимое его кушанье — оса и стрекоза. Уильсонъ нашелъ четыре стрекозы въ желудкѣ стража.

Однако же, оставимъ, читатель, другіе виды американской ласточки и возвратимся къ ласточкѣ нашего климата.

Эліанъ и Плутархъ утверждаютъ, что изъ всѣхъ животныхъ нельзя одомашнить только птицу-муху и ласточку. Къ этимъ двумъ существамъ, непокорнымъ воспитанію, Плиній присовокупляетъ породу мышей и крысъ.

Здѣсь не мѣсто разсуждать: ласточки ли сдѣлались болѣе цивилизованы и послушны, или человѣкъ усовершенствовался въ искусствѣ пріучать къ себѣ животныхъ; я знаю только то, что, находясь въ неволѣ, ласточки дѣлаются очень ручны, и что наблюденіемъ, производимымъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, мы обязаны свѣдѣніемъ, что онѣ линяютъ въ январѣ и февралѣ.

Въ сентябрѣ 1800 года, почтенный Вальтеръ Тревелинъ написалъ изъ Лонгъ-Виттона, въ Нортумберландѣ, къ издателямъ *Птицы Великобританіи, Бевика (Bewick's British Birds)*, письмо, въ которомъ находится слѣдующій разсказъ, образецъ простоты, граціи и ясности:

«Около двухъ мѣсяцевъ тому назадъ — пишетъ достойный пасторъ — ласточка упала въ одинъ изъ нашихъ каминовъ. На ней были почти всѣ перья; черезъ два-три дня она могла уже летать. Дѣти вздумали попробовать воспитать ее, на что я согласился, опасаясь, что родители покинули ее. Такъ какъ птичка нисколько не была испугана, то дѣтямъ это удалось безъ труда: она открывала ротикъ, чтобы хватать мушекъ, сколько они могли ихъ ей доставить, и постоянно слушалась свистка, по которому они привыкли ее къ обѣду. Спустя нѣсколько дней, быть можетъ недѣлю, они привыкли уносить ее съ собой въ полѣ, и какъ скоро кто нибудь изъ нихъ поймаетъ мушку и свиснетъ, ласточка немедленно прилетаетъ къ ловцу и беретъ добычу. Часто она подымалась въ воздухъ и летала около нихъ, но тотчасъ же, при первомъ призывѣ, спускалась внизъ, несмотря на постоянныя усилія дикихъ ласточекъ соблазнить ее: нѣсколько изъ нихъ увивались около нея, стараясь увести ее съ собою, когда примѣчали, что она садилась на пальцы дѣтей, въ которыхъ они держали какой нибудь лакомый кусочекъ. Но большой

Digitized by Google

вместе, если дѣти уходили далеко отъ дерева, птичка садилась на одного изъ нихъ, даже безъ всякаго зова.»

Что за очаровательная картина невинности и нѣжности, выигрывающая еще отъ безпокойства старыхъ ласточекъ и ихъ усилій удалить маленькую любимицу отъ этихъ существъ, на которыхъ онѣ, безъ сомнѣнія, смотрѣли какъ на молодыхъ тиановъ! Правда, мухи, жертвы ласточки, бросаютъ нѣкоторую тѣнь на общій эффектъ; но станемъ продолжать разсказъ:

«Наша маленькая гостья никогда не содержалась въ клѣткѣ; она свободно летала по комнатамъ, гдѣ находились дѣти, и дѣти никогда не выходили безъ нея изъ дому. Она усаживалась иногда на ихъ руки или вспархивала на головы и сама ловила летавшихъ мушекъ, что стала дѣлать наконецъ съ большимъ искусствомъ. Дѣти, видя, что забота объ ея пищѣ отнимаетъ у нихъ много времени (она была ненасытима: я увѣренъ, что она съѣдала въ день отъ семи-сотъ до тысячи мухъ), выпустили ее изъ комнатъ часа на три и заперли всѣ окна, желая, чтобы она сама научилась охотиться, въ чемъ она скоро успѣла. Однако же, ласточка тѣмъ не менѣе нисколько не одичала: всегда отвѣчала на ихъ призывъ и, по собственной волѣ, нѣсколько разъ въ день прилетала къ нимъ въ окно. Садилась она всегда въ ихъ комнатѣ и перестала это дѣлать только дней съ десять. Птичка постоянно взбиралась на голову къ которому нибудь изъ нихъ и оставалась тутъ до тѣхъ поръ, пока дѣти не ложились спать. Когда ребенокъ двигался или даже ходилъ — это ея нисколько не безпокоило: она очень уютно сидѣла на головѣ, завернувъ головку подъ крылышко; на ночь ее сажали въ какой нибудь теплый уголокъ: она очень любила тепло.»

Однакожь, нѣжныя старанія удалить птичку отъ ея маленькихъ друзей, произвели свое дѣйствіе.

«Теперь уже дня четыре — говоритъ въ концѣ своего письма достойный Тревеліанъ — какъ она не прилетала ночевать въ домъ, и хотя она не обнаруживаетъ никакихъ признаковъ болѣзни, замѣтно сдѣлалась менѣе ручною, потому что уже не отвѣчаетъ на свистокъ и не садится на руку. Она уже и не посѣщаетъ насъ такъ часто, какъ прежде; но мы все-таки слышимъ, что она щебечетъ и порхаетъ около нашего дома. Въ продолженіи шести недѣль нашего не было сравниться съ ея фамильярностію, и я не сомнѣваюсь, что все-продолжалось бы по прежнему, если бы мы не оставляли ее какъ можно чаще одну, изъ опасенія, чтобы она, сдѣлавшись совершенно ручною, не осталась у насъ въ то время, какъ птицы улетаютъ за море, и не умерла бы зимою отъ холода и голода.

Digitized by Google

Вотъ какъ оканчивается эта маленькая исторія. Однакожь, птичка бы не умерла, еслибъ и осталась на волѣ: Корнишъ Вотисси держалъ у себя двухъ ласточекъ — одну въ продолженіи полуторагода, а другую въ продолженіи двухъ лѣтъ.

Уильсонъ доказалъ, что свинную американскую ласточку легко сломашить; онъ замѣтилъ также, что она дѣлается необыкновенно смѣла и ручна. Часто онъ держалъ ласточекъ по нѣскольку дней у себя въ комнатѣ; онѣ проводили время въ ловлѣ мухъ, прилетали за ними на платье его и волосы и время отъ времени кричали, когда передъ окнами вились ихъ прежнія подруги.

Но вообще чрезвычайно трудно укротить характеръ существа до такой степени свободнаго. Разсмотрите птицу: взгляните на тонину ея ножекъ и ногтей, взгляните, какъ все строеніе ея тѣла приноровлено къ жизни въ воздухѣ! Какое удивительное развитіе крыльевъ! Какъ сильны мускулы, посредствомъ которыхъ птица по цѣлымъ часамъ плаваетъ въ воздухѣ и бороздитъ пространство съ быстротою и разнообразіемъ эволюцій, необходимыхъ для поимки добычи! Взоры едва могутъ слѣдить за нею. Какъ примѣръ быстроты, Виргилій и Аріостъ не могли представить ничего быстрѣе полета ласточки.

Можно себѣ представить, какое безчисленное множество насѣкомыхъ истребляетъ пара ласточекъ, когда кормитъ своихъ птенцовъ, если вспомнить, сколько мухъ ежедневно потребляла ручная ласточка Тревеліана! Ѳеокритъ, поэтъ природы, также обратилъ на это вниманіе въ своей XIV идилліи.

Басня также овладѣла ласточкой, и стихи и проза прославили несчастія дочерей Пандіона. О птичкѣ этой существуютъ разсказы, очевидно написанные съ полною вѣрою, и они чрезвычайно забавны. Хоть, напримѣръ, разсказъ Плинія о плотинахъ, построенныхъ одними ласточками, для огражденія отъ разливовъ Нила.

Вѣроятно, вслѣдствіе своихъ скромныхъ заслугъ, птичка, какъ говоритъ Плиній и Эліанъ, одарена была способностію никогда не утрачивать зрѣнія. Ей безнаказанно можно было выколоть глаза: у нея образовывались новые.

Въ древности, кажется, *таракан* было насѣкомое столь же пріятное для птицъ и маленькихъ ласточекъ, сколько и для пчелъ, какъ говорится въ *Георгикахъ*. Когда оно дѣлало нашествіе на гнѣзда ласточекъ, то испуганные родители спѣшили сорвать нѣсколько ласточекъ-пеструшекъ и бросить ихъ въ свое жилище. Тараканы грабители немедленно убирались вонъ, и ни одинъ головы не смѣлъ показать, пока зубчатые листки лежали въ гнѣздѣ.

Хотите убѣдиться въ этомъ? Откройте Эліана.

Digitized by Google

Все это очень похоже на разсужденіе, и, я уверенъ, многіе читателей готовы бросить эти листки, вспомнивъ, сколько видовъ ласточекъ остается намъ разсмотрѣть. Успокойтесь, читатели; какъ ни занимательна исторія этихъ птичекъ, я погорюю лишь объ одной или двухъ ласточкахъ, если только можно назвать этихъ птицъ ласточками.

Лѣсная ласточка, *artamus sordidus*, *berwowen* аборигеновъ равнинъ и горъ западной Австраліи, и *worle* жителей страны Сонда, также любима обитателями пятой части свѣта, какъ собственно ласточка европейцами. Ни одна птица не возбуждала столько споровъ между орнитологами: Латамъ сдѣлалъ изъ нея дрозда, Кювье — *ocypterus*, а Кайлеръ — *leptopterix*.

Гульдъ приписываетъ этой птицѣ нравы кроткіе; она избираетъ себѣ жилище и вьетъ гнѣздо близъ домовъ, особенно такихъ, которые окружены оградами и пастбищами, окаймленными высокими деревьями. Этотъ отважный путешественникъ и ученый орнитологъ первый замѣтилъ ее на Вандименовой землѣ. Порода эта очень многочисленна на сѣверѣ Дервента. На каждомъ деревѣ торчало штукъ по двѣнадцати, которыя расположились группами по четыре и по пяти на одной засохшей вѣткѣ. Тѣмъ не менѣе ихъ не такъ было много, чтобы назвать ихъ стадами. Каждая птичка, казалось, имѣла свою отдѣльную волю, независимо отъ воли сосѣдки. Независимо, по мѣрѣ потребности, онѣ слетали съ вѣтки въ погоню за насѣкомымъ или кружились около дерева и опять занимали прежнія мѣста. Это обыкновеніе указываетъ на нѣкоторое сродство лѣсной ласточки съ мухоловкою. Гульдъ замѣтилъ, что эта ласточка, чтобы подняться въ воздухъ, двигаетъ поочередно то однимъ, то другимъ крыломъ и придаетъ своему хвосту косвенное направленіе. Онъ часто замѣчалъ, что онѣ долго остаются неподвижны на изгородяхъ. «Однакожъ — прибавляетъ Гульдъ — это спокойное, неподвижное состояніе несвойственно птичкѣ: жизнь совершательная вещь спеціальность, потому что, хотя ея строеніе и болѣе приспособлено, чѣмъ у другихъ, къ безразличной жизни на землѣ, на деревьяхъ или воздухѣ, форма ея крыльевъ обозначаетъ особенное сродство ея съ возлухомъ.»

«И въ самомъ дѣлѣ — продолжаетъ Гульдъ — когда она преслѣдуетъ насѣкомыхъ, вызванныхъ отрадною теплотою изъ ихъ убѣжищъ и кружащихся въ листьяхъ древесныхъ, тогда только, во время этихъ возлушныхъ полетовъ, рѣзвѣйшая воздухъ вовсѣхъ направленіяхъ, съ замѣчательною ловкостію и довольствомъ, и распуская по вѣтру бѣлыя и черныя хвостовыя перушки, — только тогда

отъ великолѣпнаго птичка является въ полной красотѣ взорамъ наблюдателя.»

Жакьберъ, сотрудникъ Гульда, замѣтилъ у этихъ ласточекъ на Лебединой рѣкѣ другую оригинальную привычку.

«Нѣкоторыя изъ нихъ — говоритъ онъ — цѣпляются за вѣтку, а другія прицѣпляются къ первымъ въ такомъ множествѣ, что образуютъ какъ бы цѣлые гроздья.»

Это же самое замѣчали и у европейскихъ ласточекъ. Шарль Вагеръ разсказываетъ, что весною того года, когда онъ измѣрялъ глубину Ламанша, вдругъ прилетѣло безчисленное множество ласточекъ и усѣлось на всѣхъ снастяхъ его судна. «Не было веревки — говоритъ онъ — которая бы не была ими унизана. Онѣ держались прицѣпившись одна къ другой, какъ рой пчелъ; палуба, рѣшительно всѣ выпуклости, оконечности, все было усѣяно ими. Онѣ, казалось, истомлены были усталостію и голодомъ: у нихъ только и было, что кости да перья; но ночью онѣ собрались съ силами и къ утру всѣ улетѣли».

Бѣдныя путницы очевидно направлялись къ сѣверу.

Гульдъ во множествѣ нашелъ австралійскихъ лѣсныхъ ласточекъ въ городѣ Пертѣ около половины апрѣля мѣсяца. Потомъ онѣ вдругъ исчезли и возвратились только къ концу мая; безчисленными стаями, вмѣстѣ съ обыкновенною ласточкой и каменнымъ стрижемъ, поселились онѣ надъ озеромъ, лежащимъ милях въ десяти отъ города. Ихъ было такое несмѣтное множество, что онѣ, подобно густому облаку, бросали тѣнь на озеро.

Голосъ этой птицы — говоритъ Гульдъ — очень походитъ на голосъ нашихъ ласточекъ; только онъ рѣзче. Желудокъ у нея мускулистый, обширный; она питается вообще насѣкомыми.

Гульдъ присовокупляетъ, что на Вандименовой землѣ ее можно смѣло помѣстить между птицами перелетными. По его наблюденіямъ, она появляется въ октябрѣ — первомъ лѣтнемъ мѣсяцѣ въ Австраліи, и, послѣ двухъ выѣздовъ, въ ноябрѣ улетаетъ въ сѣверныя страны. Тотъ же натуралистъ замѣчаетъ, что ласточки Лебединой рѣки, Южной Австраліи и южнаго Новаго-Валиса ничѣмъ не отличаются между собою — ни величиною, ни цвѣтомъ; а ласточки Вандименовой земли всегда больше и темнѣе цвѣтомъ.

Вообще, время отъ сентября до декабря есть для этой птицы время вылупливанія. Мѣста, гдѣ онѣ вьютъ свои гнѣзда, разнообразны. Гульдъ нашелъ такое гнѣздо въ пустыхъ листьяхъ кустарника, всѣмъ близко къ землѣ; другія видѣлъ онъ на вѣтвяхъ, на которыхъ не было листьевъ, на дряхлыхъ пняхъ, въ дуплахъ горы и во сто дру-

Digitized by Google

гихъ мѣстахъ. Гнѣзда на Ванкименовой землѣ шире, комфортнѣе и лучше слѣплены, чѣмъ на австралійскомъ континентѣ.

По словамъ Гульда, *pratincus sordidus* несетъ по четыре яйца, расположеніе крапинокъ на которыхъ чрезвычайно разнообразно; они тускло-бѣлаго, немножко грязнаго цвѣта, съ коричневымъ краемъ. На нѣкоторыхъ замѣчается какъ бы второй слой сѣренькихъ крапинокъ, на внутренней сторонѣ скорлупы; они средней величиною въ одиннадцать линій въ длину и восемь въ діаметрѣ.

Головка, шейка и все тѣло этой птицы темно-сѣраго цвѣта; крылья темнаго черно-синяго, а внѣшняя часть второго, третьяго и четвертаго большихъ перьевъ — бѣлаго. Зрачки темно-коричневые, клювъ синій съ чернымъ кончикомъ. Лапки свинцовыя. Самецъ и самка очень похожи другъ на друга; только самка поменьше. Длина птицы почти шесть дюймовъ.

II.

То, что предшествуетъ, написано въ мартѣ. Вчера, первагo апрѣля, флюгера, такъ долго остававшіеся неподвижными, наконецъ покорились весеннему вѣтерку,

Grata vice veris et favoni.

Каждая почка развертывается, каждое зерно надувается. Вся природа возрождается.

Плѣнница зоологическаго сада въ *Regent's Park*, орлица съ бѣлой головой (*haliaëtos leucocephalus*), снесла первое яйцо 5 апрѣля 1845 года, а второе 8 числа того же мѣсяца, въ грудѣ, гнѣздѣ изъ соломы, вѣтокъ и проч., устроенномъ на самомъ полу ея жилища, орлиной хижинѣ въ зоологическомъ саду *Regent's Park*.

Какая ужасная темница для птицы, которой обычное мѣсто жительства — вершина острыхъ скалъ, выдающихъ изъ озера, или на утесѣ, висящемся надъ большими рѣками или необозримымъ моремъ! Берега Ніагары — любимое мѣсто орла съ бѣлой головою, или *лысаго орла*; послѣднее прозваніе есть чистая ложь, потому что ни у одной птицы нѣтъ столько перьевъ, сколько у этой. Тамъ выжидаетъ онъ рыбу и устремляется на трупы бѣлокъ, ланей, медвѣдей и другихъ четвероногихъ, которыя, желая переправиться черезъ рѣку повыше ея паденія, скручены были потокомъ и увлечены страшнымъ водопадомъ.

Птица эта очень сильна; она достигаетъ въ длину и семь футовъ въ ширину распростертыхъ крыльевъ; обхватъ ноги, какъ она поднялась на воздухъ съ десятидюймовыми когтями, и мо-

Digitized by Google

взлетѣвъ футовъ на двѣнадцать отъ земли, она уронила добычу, вслѣдствіе усилій ягненка и криковъ зрителей. Тѣмъ не менѣе орелъ съ такою силою бросился на бѣдную жертву, что переломалъ ей бока. Разсказываютъ даже, что орелъ съ бѣлой головой напалъ на ребенка, который если и остался живъ, то единственно потому, что немедленно прибѣжала его мать и стала отчаянно кричать, а главное, благодаря непрочности его одежды, которая разорвалась; орелъ унесъ съ собой лоскутки.

Онъ нападаетъ даже на старыхъ и больныхъ барановъ и съ яростію устремляется когтями въ глаза бѣдныхъ животныхъ.

Однимъ словомъ, это отъявленный разбойникъ, удивительно описанный Уильсономъ:

«Сидя на самой высокой вѣткѣ какого нибудь гигантскаго дерева, откуда далеко виденъ берегъ и океанъ, онъ какъ будто спокойно созерцаетъ движеніе всего пернатаго царства, живущаго подъ нимъ: тутъ нѣжно волнуется въ пространствѣ бѣлая чайка; тамъ морской куликъ торопливо скачетъ по песку; стадо утокъ тянется внизъ по водѣ; молчаливый журавль, настороживъ глаза, разгуливаетъ по песчаному берегу; крикунъ воронъ и множество другихъ птицъ, питающихся по безконечной милости мудрой природы, копаются внизу. Надъ ними вдругъ дерзаетъ подняться птица.... дерзкій поступокъ тотчасъ обращаетъ на себя вниманіе орла. По широкому сгибу крыльевъ, по неподвижности, съ которою она держится въ воздухѣ, онъ узналъ водянаго сокола, остановившагося надъ одною изъ своихъ водяныхъ жертвъ. Тутъ глаза его заблестѣли, и онъ, покачиваясь на вѣткѣ, распустилъ слегка крылья, выжидаетъ окончанія. Предметъ его вниманія, быстрый какъ стрѣла, бросается вдругъ внизъ и исчезаетъ подъ водою, которая брызжетъ во всѣ стороны отъ удара его крыльевъ.

«Въ эти минуты взоры орла горятъ огнемъ; вытянувъ шею, готовый тронуться съ мѣста, онъ видитъ, что соколъ показывается надъ поверхностію, борясь съ своею добычею, и поднимается въ воздухъ, оглашая его своимъ побѣднымъ крикомъ. Это знакъ для орла: онъ устремляется внизъ и начинаетъ свою охоту за соколомъ; оба употребляютъ всю силу своихъ крыльевъ; эти воздушныя эволюціи необыкновенно красивы. Орелъ, полета котораго ничто не замедляетъ, поднимается съ быстротою; онъ уже почти дотронется до своего противника, какъ вдругъ соколъ, съ пронзительнымъ крикомъ, безъ сомнѣнія крикомъ отчаянія или достойнаго презрѣнія, выпускаетъ рыбу изъ когтей. Орелъ, остановившись на бѣгу, чтобы вѣрнѣе прицѣлиться, спускается какъ ураганъ,

хватаетъ рыбу когтями прежде, чѣмъ она успѣетъ упасть въ воду, и съ торжествомъ уноситъ въ гнѣздо богатую добычу.

Картина прекрасная, поэтическая, и что важнѣе — чрезвычайно вѣрная. Но вѣдь на вещь можно смотрѣть различно. Посмотримъ, что думаетъ объ орлѣ добрый и честный Франклинъ.

Въ письмѣ своемъ къ Баху, изъ Пасси, 26 января 1784 года, онъ говоритъ:

«Слишкомъ лѣнивый, чтобы самому ловить рыбу, орелъ сидитъ себѣ преспокойно на сухой вѣткѣ и слѣдитъ за работою сокола-рыболова; когда трудолюбивая птица поймаетъ наконецъ рыбу и полетитъ съ нею въ свое гнѣздо, чтобы накормить самку и птенцовъ, орелъ пускается въ погоню и овладѣваетъ добычею. Но разбой не обогащаетъ его. Онъ превеликій трусъ: маленькая королевская птичка, не больше воробья, отважно нападаетъ на него и прогоняетъ. Говорятъ, будто лысый орелъ походитъ на индѣйку. Она аборигенъ Америки. Орловъ можно встрѣтить во всѣхъ странахъ; а индѣйка дѣйствительно есть принадлежность только Америки; тѣ, которыхъ впервые увидали въ Европѣ, привезены были во Францію изъ Канады іезуитами и въ первый разъ явились за свадебнымъ столомъ Карла IX.

«Я знаю, что индѣйка птица ограниченная и характера тщедушнаго. Впрочемъ, она птица храбрая и не задумавшись выступитъ противъ того, кто вздумалъ бы сдѣлать нападеніе на птичій дворъ.

Какъ бы то ни было, все-таки орелъ съ бѣлой головой отважный боецъ. Гарднеръ говоритъ, что, очутившись однажды въ нѣсколькихъ тоазахъ отъ одного изъ этихъ орловъ, онъ ясно видѣлъ по тому, какъ птица распустила свои перья, и по ея воинственной осанкѣ, что она не уступитъ мѣста безъ спора.

Что касается до коршуновъ, то орелъ обращается съ ними съ величайшимъ презрѣніемъ, чего они, правду сказать, вполнѣ заслуживаютъ. Онъ держитъ ихъ въ приличномъ разстояніи, особенно въ такомъ случаѣ, когда стадо бѣлокъ попадаетъ въ полосу Ніагары и когда орелъ подбираетъ ихъ трупы. Когда его тешитъ голодъ, тогда онъ съ коршуномъ дѣлаетъ ту же штуку, что и съ рыболовомъ: онъ нападаетъ на него съ яростію и, заставивъ хищника выбросить мертвечину, которою набитъ его зобъ, самъ съѣдаетъ его вкусную добычу.

Орелъ въ природномъ состояніи, обыкновенно вьетъ гнѣздо на какомъ нибудь высокомъ деревѣ, часто на берегу болота; и если ему понравится выбранное дерево, то уже онъ возвращается къ нему, какъ полъ. Отъ поправляетъ и прибавляетъ къ каждому весною гнѣзда

ало достигаетъ большихъ размѣровъ, такъ что бросается въ глаза на далекомъ разстояніи. Сплетаетъ оно изъ вѣтокъ, дерна, сѣна, мху и перьевъ и вмѣщаетъ два яйца. Уильсонъ говоритъ, что орлица сначала кладетъ одно яйцо и уже послѣ долгаго на немъ сидѣнія кладетъ другое. Когда первое высижено, то его теплоты достаточно для того, чтобы орленокъ вылупился изъ второго. Уильсонъ не полагается совершенно на подлинность этого разсказа, однако же, говоритъ, что одинъ почтенный гражданинъ Виргиніи увѣрялъ его, будто видѣлъ на большомъ срубленномъ деревѣ гнѣздо бѣлаго орла, гдѣ находились два птенца, изъ которыхъ одинъ показался ему втрое больше другого. Однако же, высиживаніе яицъ съ долгими промежутками времени слишкомъ противорѣчитъ со всѣми извѣстными правилами высиживанія.

Въ зоологическомъ саду *Regent's Park* самка сѣла на яица 8 апрѣля, и, несмотря на толпу посѣтителей, высѣдъ продолжался до 6 іюня; тутъ безплодныя яица были брошены. Самецъ былъ чрезвычайно внимателенъ къ самкѣ; на яицахъ они сидѣли поочередно. Однако же, неуспѣхъ заставилъ ихъ бросить это занятіе, и съ тѣхъ поръ самка не снесла ни одного яица.

Привязанность орловъ-родителей къ птенцамъ хотя не достигаетъ нѣжности овсянокъ, однако же, очень сильна. Одинъ житель Норфолька, въ Соединенныхъ-Штатахъ, говорилъ Уильсону, что, рубя лѣсъ, онъ увидалъ на большой валящейся соснѣ гнѣздо бѣлаго орла съ орленками. Подъ деревомъ развели огонь, чтобы свалить его; пламя поднялось выше половины дерева; бѣдная самка все кружилась около огня и наконецъ подлетѣла такъ близко, что обожгла крылья и едва могла спастись сама. И что же? несмотря на свое собственное плачевное состояніе, она пробовала нѣсколько разъ снова подлетѣть къ гнѣзду; возбужденныя материнскія чувства заставляли ее пренебрегать смертію, чтобы спасти только дѣтей своихъ.

Докторъ Самуэль Смитъ, изъ Филадельфіи, вскрывъ трупъ орлицы, нашелъ въ ней много большихъ яицъ и маленькихъ.

«Не входитъ ли — говоритъ докторъ — въ виды природы то обстоятельство, что всякая вещь должна быть обильна; но вѣдь птица эта высиживаетъ ежегодно только по два птенца; слѣдовательно, къ чему же ей такое множество? Всѣ ли яица сосчитаны въ живомъ тѣлѣ, такъ что число ихъ никогда не увеличивается, а убываетъ до тѣхъ поръ, пока ни одного не останется? Если такъ, то число это должно соотвѣтствовать долгой жизни и согласоваться съ крѣпкимъ здоровьемъ этой благородной птицы. Это объяснило бы, почему природа,

Digitized by Google

всегда экономная въ своей физической силѣ, даетъ ей только по два дѣтеныша въ годъ.»

Неутомимый Гульдъ могъ бы увидать въ Лондонскомъ Зоологическомъ саду то, чего ему не удавалось высмотрѣть въ родимой странѣ птицы. Орлица съ *угловатымъ хвостомъ aquila fucosa*, Кювье, *уолъ-джа* аборигеновъ горъ и долинъ западной Австраліи, *орелъ-соколъ* колонистовъ и *горная орлица* южнаго Новаго Валиса Коллена, 27 февраля 1850 года снесла первое яйцо, котораго еще ни разу не производила у насъ птица этой породы. 28 числа положили это яйцо подъ обыкновенную курицу, и она старательно, но безуспѣшно сидѣла на немъ до 21 марта; 4 марта орлица снесла другое яйцо, которое также положено было подъ курицу, которая въ апрѣлѣ еще сидѣла на немъ.

Aquila fucosa для южнаго полушарія тоже, что золотистый орелъ для нашего. Вообще водящійся въ южной части Австраліи; онъ преимущественно встрѣчается во множествѣ на Вандименовой землѣ и на большихъ островахъ пролива Басса. Одаренный большою силою и свирѣпый до крайности, онъ бичъ пастуховъ и скотоводовъ, ведущихъ съ нимъ смертельную войну и постоянно его преслѣдующихъ. Гульдъ убилъ одного, который вѣсилъ десять фунтовъ и имѣлъ въ ширину распростертыхъ крыльевъ шесть футовъ восемь дюймовъ; но Гульдъ встрѣчалъ несравненно больше этого.

Эти орлы главнымъ образомъ питаются кэнгуру мелкой породы. Съ высотъ небесъ, описывая свой однообразный кругъ, бандитъ съ проницательнымъ глазомъ высматриваетъ бѣдныхъ четвероногихъ и, выбравъ котораго нибудь, устремляется на жертву съ безошибочною и неумолимою вѣрностію. По славамъ Гульда, драхва, которая въ два раза тяжелѣе орла, находитъ себѣ убѣжище только въ необозримыхъ равнинахъ по срединѣ материка, ито не всегда. Но кэнгуру составляетъ, кажется, его насущную пищу. О несметномъ числѣ этихъ четвероногихъ можно судить по разсказу капитана Флиндерса, объ островѣ Кэнгуру, гдѣ они жили въ отличномъ согласіи съ морскою коровой, какъ это показываютъ рисунки господина Уэсталля.

«Было слишкомъ поздно — говоритъ капитанъ — въ воскресенье вечеромъ 21 марта 1802 года, чтобы спуститься на землю; но всѣ лорнетки и трубки направлены были на берегъ. Нѣсколько молодыхъ офицеровъ (въ числѣ ихъ храбрый и достославный сэръ Джонъ Фра[illegible]нъ) увѣряли, что тамъ копошились какія-то черныя массы, подобныя скаламъ. На утро мы увидали, что у опушки лѣса паслось спокойно несмѣтное множество черныхъ кэнгуру, которыхъ приближеніе капитана Флиндерса и его свиты нисколько не испугало.

Digitized by Google

«У меня — продолжаетъ капитанъ — было двуствольное ружье со штыкомъ, а у товарищей — карабины. Опредѣлить число видѣнныхъ нами кэнгуру я не берусь,—скажу только, что я убилъ десять штукъ, а товарищи двадцать-одну. Въ продолженіи дня мы перетащили ихъ на берегъ. Самый маленькій вѣсилъ шестьдесятъ-девять фунтовъ, а самый большой сто-двадцать-пять. Кэнгуру эти очень походятъ на кэнгуру южнаго Новаго Валиса; только первые черные и толще.

«Чрезъ хворостникъ и деревья мы никакъ не могли посредствомъ подзорныхъ трубокъ и другихъ инструментовъ усмотрѣть кульминаціонной точки острова: высота и густота лѣса все закрывала. Однако же, невозможно было сомнѣваться, чтобы этотъ большой кусокъ земли не былъ отрѣзанъ отъ материка; потому что кротость кэнгуру и присутствіе на берегу морской коровы, при совершенномъ отсутствіи слѣдовъ человѣка, ясно показывали, что онъ необитаемъ.

Но теперь тамъ, гдѣ прыгалъ кэнгуру, гуляетъ овца, и страшная птица съ угловатымъ хвостомъ жестоко истребляетъ ягнятъ. Не надо думать, чтобы она пренебрегала мертвечиной: Гульдъ видѣлъ, какъ штукъ сорокъ орловъ этой породы трудились надъ трупомъ буйвола. Онъ говоритъ даже, что этотъ орелъ по цѣлымъ днямъ слѣдитъ охотника за кэнгуру, чтобы воспользоваться тѣмъ, что охотникъ бросаетъ, потроша свою добычу.

Ихъ гнѣздо, которое наблюдалъ тотъ же ученый путешественникъ, находится на вершинѣ самыхъ недоступныхъ деревьевъ; оно широко, почти плоско и сдѣлано изъ палочекъ и вѣтокъ.

МАНЧЕСТЕРЪ ВЪ СУББОТУ ВЕЧЕРОМЪ.

Вообще для всѣхъ рабочихъ классовъ вечеръ въ субботу есть самый дѣятельный изо всей недѣли. Дѣло идетъ о томъ, чтобы истратить заработокъ, для котораго они трудились въ предъидущіе дни; для многихъ гораздо труднѣе распорядиться повыгоднѣе своими деньгами, чѣмъ скопить ихъ. Въ субботу вечеромъ поводы къ расходамъ многочисленнѣе и могущественнѣе. Провизія всевозможныхъ сортовъ, одежда, предметы прихоти выставлены по цѣнамъ самымъ обольстительнымъ; во многихъ случаяхъ, ихъ несовершенство дѣлается незамѣтнымъ при газовомъ освѣщеніи. Въ субботу появляются всѣ объявленія о продажѣ за сходную цѣну. Наружная сторона лавокъ и конторы книгопродавцевъ завалены листками, еще мокрыми, только что вышедшими изъ подъ типографскаго станка, украшенными гравюрами на деревѣ, сулящими чудеса, въ чтеніи

которыхъ молодые люди обоего пола, служащіе при мануфактурахъ, надѣются найти убѣжище противъ бездѣлія, ожидающаго ихъ завтра, потому что для многихъ изъ нихъ воскресные часы тянутся очень долго. Куда ни посмотришь, вездѣ являются удовольствія за дешевую цѣну. Работникъ, слухъ котораго утомился въ продолженіи цѣлой недѣли непрерывнымъ, однообразнымъ шумомъ машинъ, бѣжитъ съ восторгомъ послушать вокальной или инструментальной музыки, которая имѣетъ для него во сто разъ болѣе привлекательности потому, что онъ можетъ наслаждаться ею на свободѣ, можетъ пить и курить, что̀ составляетъ его непремѣнную принадлежность.

Въ Манчестерѣ суббота для рабочаго класса есть почти такой же важный день, какъ для нихъ хозяевъ вторникъ, когда происходитъ купля и продажа хлопчатой бумаги. Въ этотъ день, т. е. въ субботу, магазины и конторы запираются вообще въ часъ по полудни, и прикащики, рабочіе люди и проч., которые одни могли бы заселить городъ средней величины, свободны до утра въ понедѣльникъ. Мануфактуры и другія большія заведенія прекращаютъ свои занятія въ четыре или пять часовъ, и населеніе по крайней мѣрѣ тысячъ во сто душъ немедленно получаетъ плату за свой недѣльный трудъ. Мало улицъ, которыя представляли бы по субботамъ видъ такой мертвый, какъ улица магазиновъ или бумаго-прядилень въ Манчестерѣ. Остановленная, умолкшая паровая машина теперь не болѣе, какъ бездѣйственная масса чугуна; высокая труба не извергаетъ клубовъ дыму, станки недвижны, двери отворены, потушены свѣчи. Вы чувствуете, что нѣтъ уже тутъ души промышленности: пришелъ послѣдній день недѣли и работники въ этихъ огромныхъ ульяхъ разсѣялись, каждый въ свою сторону, чтобы позаботиться о своихъ частныхъ нуждахъ.

Но сдѣлайте нѣсколько шаговъ, войдите въ ближайшую улицу — и картина перемѣнится, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла: слухъ вашъ поражается всевозможнымъ шумомъ, всевозможные проходящіе толкаютъ васъ безъ всякой церемоніи. Каждый домъ — лавка, и въ каждой лавкѣ освѣщеніе. Здѣсь вы находите множество булочниковъ, съ большими ярлыками разныхъ цвѣтовъ, на которыхъ обозначены цѣны сортовъ хлѣба, и разными объявленіями, доводящими до почтеннѣйшей публики, что на этой недѣлѣ произошло «новое пониженіе цѣнъ» на этотъ наинеобходимѣйшій предметъ питанія, и что *пироги-хлѣбы* (*) продаются необыкновенно дешево. Мануфактуры, теперь такія спокойныя, заплатили хорошее жалованье работникамъ; съѣстные припасы сильно понизились въ

(*) Приготовляемые въ Англіи изъ чаю.

Digitized by Google

цѣнѣ, такъ что у булочниковъ въ покупателяхъ нѣтъ недостатка. Виднѣются лавки мясниковъ, совершенно открытыя спереди, въ которыхъ свободно волнуется газъ и коптитъ при малѣйшемъ струеніи воздуха; на мясныхъ тушахъ также красуются ярлыки, обозначающіе цѣну говядины по фунтамъ; мясникъ — Геркулесъ, съ краснымъ лицомъ, въ передникѣ, съ оселкомъ, болтающимся на боку, прогуливается передъ своею лавкою, засунувъ руки въ карманы и покрикивая время отъ времени: «покупайте же, сударыни, покупайте!» И дѣйствительно, *сударыни* покупаютъ. Вы видите тутъ мужа и жену; оба они молоды и порядочны съ виду; у мужа на рукахъ маленькій ребенокъ, заботливо закутанный; онъ спитъ спокойнымъ сномъ; жена несетъ корзину и ключъ отъ квартиры. Чета эта, безъ сомнѣнія, занимаетъ домикъ въ одной изъ тѣхъ улицъ, гдѣ квартиры не должны быть дороги; она обходится безъ прислуги; жена не можетъ итти на рынокъ прежде, чѣмъ мужъ не получитъ своего жалованья; а такъ какъ ребенка нельзя оставить дома одного, то они отправляются втроемъ. Такія группы встрѣчаются сотнями часовъ до одиннадцати. Но каковы бы ни были для ребенка послѣдствія такого образа жизни, они ничтожны въ сравненіи съ тѣмъ, что суждено претерпѣвать дѣтямъ матерей, работающихъ на мануфактурахъ, остающимся въ продолженіи цѣлаго дня на попеченіяхъ, за которыя по большой части платятъ и которыя всегда недостаточны. Въ продолженіи 1848 года, въ Манчестерѣ, въ полиціи объявлено было 4,715 дѣтей, потерявшихся въ улицахъ; всѣ они были найдены и изъ нихъ 1,681 трудами полиціи. Въ Ливерпулѣ, городѣ, гдѣ почти такое же населеніе, но который не есть городъ фабричный, число дѣтей, потерявшихся въ улицахъ и возвращенныхъ родителямъ полиціею, въ продолженіе того же года, не превышало 360.

Однако же, эта улица, гдѣ толпится народъ, не занята исключительно людьми покупающими и продающими. Вы встрѣтите въ ней много молодыхъ людей и дѣвушекъ, одѣтыхъ въ хорошее платье ремесленниковъ и, по видимому, ни мало не заботящихся о субботнихъ запасахъ. Они прохаживаются мимо лавокъ, разсматривая чепцы и шляпки, модные пальто и прочіе предметы одежды, выставленные на показъ. Цѣны всѣмъ этимъ вещамъ обыкновенно означены цыфрами; но ихъ необходимо посмотрѣть поближе, чтобы не быть обманутымъ какою нибудь микроскопическою цыфрою, предательски приставленною къ тѣмъ, которыя первыя должны броситься въ глаза. Видъ этой молодежи, веселой и беззаботной, разительно противорѣчитъ съ видомъ людей, о которыхъ мы сейчасъ говорили и которые вовсе не старше, но они уже обзавелись хозяйствомъ.

Digitized by Google

Между тѣмъ какъ въ лавкахъ безъ шуму совершается купля и продажа, купцы, таскающіе свои товары по улицамъ, жестоко шумятъ и кричатъ, выхваляя наперерывъ свойство, качество и цѣну своихъ произведеній. Изъ этихъ торговцевъ самые замѣчательные апельсинщики. Однажды въ субботу вечеромъ, на одной изъ многолюдныхъ улицъ Манчестера я насчиталъ до двадцати-двухъ апельсинщиковъ — и вѣдь только по одной сторонѣ. У нѣкоторыхъ изъ нихъ маленькіе столики, прислоненные къ углу стѣны, съ фонаремъ, покрытымъ бумажнымъ колпакомъ; въ такомъ случаѣ торговка вяжетъ чулокъ или занимается чѣмъ нибудь въ этомъ родѣ. Но вообще апельсины носятъ въ корзинахъ, и разнощики разгуливаютъ по тротуару, покрикивая: «Четыре апельсина за пенни! — четыре за одинъ пенни!» Въ Манчестерѣ должно быть огромное потребленіе этого фрукта. Подите куда хотите, вездѣ васъ обступятъ съ предложеніями купить апельсиновъ; въ театрѣ ли вы сидите, въ циркѣ ли, ѣдете ли въ омнибусѣ или по желѣзной дорогѣ: куда ни повернете голову — вездѣ ѣдятъ апельсины.

Улицы запружены еще продавцами старыхъ зонтиковъ, торговля которыми есть слѣдствіе гигрометрическаго состоянія атмосферы, — бѣдными женщинами, продающими чепчики, за которыми онѣ просидѣли, быть можетъ, цѣлую недѣлю, — разнощиками почтовой бумаги, сургуча, конвертовъ по дешевой цѣнѣ, календарей и иллюстрированныхъ брошюръ. Тамъ-самъ мелькаетъ колесо фортуны, около котораго толпятся дѣти, въ надеждѣ, что выпадетъ на ихъ долю выигрышъ съ орѣхами. Но посреди гама и шума, производимыхъ соперничествомъ всевозможныхъ промышленностей, тутъ есть классъ людей, взывающій къ вамъ, т. е. къ вашему кошельку, однимъ молчаніемъ. Въ другіе дни въ Манчестерѣ встрѣчаешь мало нищихъ; зато ужь въ субботу они появляются во множествѣ. Ничего не можетъ быть труднѣе, какъ распознать настоящее состояніе этихъ нѣмыхъ просителей. Такъ, напримѣръ, въ продолженіи двухъ или трехъ субботнихъ вечеровъ мнѣ случалось видѣть картины такой нищеты, что самый жестокій непріятель нищихъ непремѣнно долженъ расчувствоваться. Въ одной изъ самыхъ многолюдныхъ улицъ города, на стулѣ, у края тротуара сидѣла женщина въ траурѣ, бѣдно, но чисто одѣтая. Она держала на рукахъ двоихъ дѣтей, очевидно близнецовъ; еще четверо стояли по сторонамъ. Ни одинъ изъ нихъ не произносилъ ни слова: они обращали только на проходящихъ кроткіе, но выразительные взоры. Недалеко находились два или три кабака, около которыхъ тѣснилась полу-пьяная толпа; грубыя движенія и циническій разговоръ ихъ составляли разительный контрастъ съ почтенной нищетой этой несчастной женщины. Подобныя

Digitized by Google

явленія часты въ Манчестерѣ, но только по вечерамъ въ субботу.

Въ Манчестерѣ есть нѣсколько народныхъ рынковъ; изъ нихъ главный — Смитфильдъ. Это обширная площадь, гдѣ раскинуты палатки и балаганы, образующіе правильныя линіи и придающіе рынку видъ сельской ярмарки. Тутъ театры всевозможнаго рода, звѣринцы, восковыя фигуры, гаеры, и проч.; у каждаго балагана оркестръ и толпа зѣвакъ. На этомъ рынкѣ есть длинные ряды, назначенные для торговли старымъ платьемъ, говядиною, свѣжею и соленою, и другими съѣстными припасами животнаго царства. Однако же, толпа здѣсь не такъ многолюдна, какъ можно предполагать: въ Манчестерѣ лавки имѣютъ преимущество передъ рынками. Оставляя Смитфильдъ, вы входите въ Тутъ-Гилль — улицу, наполненную народомъ; одна часть ея уставлена лавочками букинистовъ. Здѣсь же вы найдете машины, посредствомъ которыхъ за одинъ пенни вы можете узнать вашъ ростъ и вѣсъ, что обозначается на карточкѣ и подается вамъ; тутъ же художникъ берется, за нѣсколько пенсовъ, въ одно мгновеніе ока, нарисовать вашъ портретъ, ручаясь за сходство; далѣе не безъ успѣха показывается «магическое зеркало», въ которомъ молодой джентльменъ можетъ увидать свою нареченную невѣсту, а молодая миссъ своего будущаго супруга. У всѣхъ этихъ господъ, мѣрильщиковъ и вѣсильщиковъ, артистовъ и магиковъ, достаточная практика.

Изъ этого квартала вы входите въ старое кладбище, пустынное и спокойное. Высокая, четырехъугольная башня, почернѣвшая отъ дыму всѣхъ манчестерскихъ мануфактуръ, господствуетъ, какъ молчаливый колоссъ, надъ шумомъ и движеніемъ сосѣдняго квартала. Пройдите кладбище, спуститесь по ступенькамъ, минуйте другой рынокъ, и вы очутитесь въ Денсъ-Геть, самой старинной и заселенной улицѣ города Манчестера. Въ продолженіи трехъ минутъ передо мной, въ одну изъ субботъ, прошло 155 человѣкъ. Рабочее населеніе мануфактуръ здѣсь не такъ многочисленно, какъ въ другихъ кварталахъ; зато пьянство и порокъ являются въ полной наготѣ. Больно смотрѣть на толпу, обоего пола, тѣснящуюся около заведеній, гдѣ продаются горячіе напитки; когда же пріотворяется дверь, тогда вы видите, что во внутренности толпа еще многочисленнѣе.

Музыка составляетъ главное увеселеніе народа въ Манчестерѣ по субботамъ. Вотъ большая афиша, прилѣпленная къ стѣнѣ, во главѣ которой красуются слова: «Вечерніе концерты по субботамъ», и каждая возвѣщаетъ, что въ Институтѣ Ремесленниковъ данъ будетъ «музыкальный дивертисементъ, состоящій изъ пѣсенъ серьёз-

Digitized by Google

ныхъ и комическихъ», въ который подписчики допускаются за три, а публика за шесть пенсовъ. Программа чрезвычайно привлекательна, а цѣна за входъ доступна всѣмъ рабочимъ классамъ. Институтъ этотъ построенъ въ кварталѣ, находящемся въ центрѣ города; въ залѣ, обширной и удобной, стоитъ прекрасный органъ; но аудиторія немногочисленна; зала эта, въ которой могутъ помѣститься болѣе тысячи человѣкъ, занята лишь на половину, и въ этомъ собраніи людей хорошо одѣтыхъ напрасно станете вы искать глазами «ремесленниковъ». Вечерніе субботніе концерты въ Манчестерѣ не имѣли такого успѣха, какъ въ Ливерпулѣ; эта спекуляція даже чуть-чуть не разорила Института. Очевидно, что ремесленники ищутъ удовольствій въ другомъ мѣстѣ.

Недалеко отъ Института, возвышается зданіе, носящее названіе «Казино», которое, если вѣрить объявленіямъ, есть «храмъ поэзіи и пѣнія»; входъ въ него открытъ для всякаго. Казино стоитъ въ почетномъ кварталѣ, гдѣ въ недальнемъ другъ отъ друга разстояніи находятся четыре церкви и часовня, музеумъ Общества Естественной Исторіи, одно изъ лучшихъ заведеній этого рода въ провинціяхъ, знаменитая зала Свободнаго Обмѣна, Королевскій театръ и циркъ. Въ той же улицѣ, гдѣ Казино, по той же сторонѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этого «храма поэзіи и пѣнія», находится концертная зала, въ которой собирается избранное общество Манчестера; такимъ образомъ классы самые высшіе и низшіе могутъ, почти на одномъ мѣстѣ, удовлетворять своей страсти къ музыкѣ. Передъ входомъ въ Казино всегда толкается толпа молодежи, бросающая во внутренность, всякій разъ, какъ отворяются двери, жадные взоры; тутъ находится полицейскій чиновникъ для сохраненія порядка; печатное объявленіе гласитъ всѣмъ и каждому, что въ залу допускаются только особы, снабженныя билетами. Билеты эти продаются по два и по три пенса, смотря по тому, беретъ ли посѣтитель мѣсто въ партерѣ, или галлереѣ. Сумма, заплаченная имъ за билетъ, возвращается ему въ видѣ «угощенія перваго сорта», состоящаго изъ яблоковъ, апельсиновъ, пирожковъ, *ginger-beer*, эля, портера и сигаръ. Зала, съ значительнымъ оркестромъ, составляетъ длинный прямоугольникъ; на одномъ концѣ возвышается театръ съ декораціями; узкая галлерея идетъ вдоль трехъ стѣнъ; слѣва и справа отъ театра устроены двѣ ложи. Стѣны галлереи, равно какъ и брусья, поддерживающіе крышу, украшены въ театральномъ стилѣ; наверху и внизу находятся конторы, гдѣ обмѣниваютъ билеты на «угощенія» и продаютъ на деньги; скамейки расположены такъ, чтобы можно было поставить бутылки, стаканы и проч.; въ галлереѣ оставлено для гулянья про-

Digitized by Google

странство между балюстрадою и чѣмъ-то въ родѣ особыхъ комнатокъ, идущихъ вдоль стѣны. Все это блестяще освѣщено газомъ. Зала можетъ вмѣщать въ себѣ отъ 1,500 до 2,000 человѣкъ; когда я посѣтилъ ее въ субботу вечеромъ, то въ ней было по крайней мѣрѣ тысяча посѣтителей, состоявшихъ бо́льшею частію изъ молодыхъ людей и даже дѣтей обоего пола. Тутъ сидѣло много женщинъ, изъ которыхъ нѣкоторыя, поставивъ передъ собою стаканъ *портера*, кормили грудью дѣтей. По видимому, эти посѣтители не принадлежали къ рабочему классу, потому что въ галлереѣ много было прикащиковъ изъ конторъ и магазиновъ. Весьма немногіе сидѣли безъ шляпъ; всѣ заняты были ѣдою, питьемъ, куреньемъ и разговорами. *Ginger-beer* (*), казалось, былъ въ большомъ ходу, и время отъ времени шумъ въ залѣ и звуки оркестра разнообразились взрывомъ газовой жидкости и криками мальчиковъ, сновавшихъ съ корзинами фруктовъ, пряниковъ и проч. Табачный дымъ, поднимавшійся изъ партера, воздухъ, испорченный испареніями этой толпы и безчисленными газовыми рожками, отсутствіе, или, скорѣе, невозможность освѣжать залу, — все это дѣлало атмосферу въ галлереѣ чрезвычайно непріятною и нездоровою; но слушатели, кажется, не замѣчали этого неудобства, потому что всѣ были очень веселы. Изрѣдка кто нибудь, побезпокойнѣе другихъ, дѣлалъ необходимымъ вмѣшательство служителей и даже полицейскаго чиновника; вообще, впрочемъ, безпорядка не было, и я не видалъ ни одного сильно пьянаго: вина и спиртуозныхъ напитковъ не продавали, а *эль* и *портеръ*, потреблявшіеся въ большомъ количествѣ, кажется, не производили другого дѣйствія, кромѣ веселаго расположенія духа. Въ продолженіи всего вечера оркестръ исполнялъ разныя пьесы; но узнать что́ играютъ, посреди всеобщаго шума, не было никакой возможности. Но вдругъ раздается колокольчикъ — шумъ нѣсколько стихаетъ; всѣ обращаютъ взоры на театръ, гдѣ является дама въ костюмѣ, поетъ какую нибудь народную пѣсню и уходитъ, но скоро возвращается и исполняетъ другую пьесу; послѣ этого снова раздается шумъ и инструментальная музыка, пока не явится на сцену другой пѣвецъ. Иногда на этомъ театрѣ разыгрываются небольшія сценки, даже бываютъ танцы; вообще, слова и куплеты приличны, за исключеніемъ нѣкоторыхъ двусмысленностей, равно вызывающихъ и смѣхъ и свистки.

Казино есть одно изъ самыхъ большихъ заведеній подобнаго рода въ Манчестерѣ; и то, что́ мы сказали о немъ, можно примѣнить и къ другимъ; только нѣкоторыя заведенія въ мѣньшемъ размѣрѣ,

(*) *Ginger* — по англійски, пряникъ.

Digitized by Google

такъ что весь ихъ оркестръ, напримѣръ, состоитъ изъ фортепьянъ или органа; другія имѣютъ претензію давать маленькія драматическія представленія или показывать *пластическія позы*. Во многихъ стѣны украшены масляною живописью весьма замѣчательною; б льшая часть изъ нихъ открыта ежедневно, слишкомъ третья часть — по воскресеньямъ вечеромъ; но тутъ бываетъ только музыка религіозная, для чего обыкновенно употребляютъ подвижные органы. О числѣ такихъ заведеній въ Манчестерѣ можно судить потому, что одинъ народныхъ сборищъ, не включая Салфорда, 475 и 1,143 питейныхъ, гдѣ продается только одно пиво; 49 изъ первыхъ и 41 изъ послѣднихъ даютъ музыкальныя представленія; въ 26 изъ первыхъ и 10 изъ послѣднихъ музыка бываетъ по воскресеньямъ. Сумма, расходуемая въ нихъ каждую недѣлю, простирается по крайней мѣрѣ до тысячи фунтовъ стерлинговъ; изъ нихъ треть растрачивается въ субботу вечеромъ.

Къ одиннадцати часамъ всѣ концерты кончаются; посѣтители расходятся по домамъ; тамъ и сямъ встрѣчаешь подгулявшаго, трущагося объ стѣны; разнощики разбрелись; лавки запираются, свѣчи тухнутъ одна за другою; извощики ведутъ по конюшнямъ своихъ усталыхъ коней, и когда наступаетъ воскресное утро, весь Манчестеръ, съ его громадными машинами, огромными запасами съѣстныхъ припасовъ и разныхъ товаровъ, съ его сотнями тысячъ жителей, погруженъ въ глубокое молчаніе, нарушаемое лишь, время отъ времени, свисткомъ локомотива и стукомъ, подобно грому, отъ катящагося за нимъ поѣзда съ товарами.

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.

ПИСЬМА О РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКѢ.

XIX.

Нѣтъ сомнѣнія, что мои письма надоѣли читателямъ, но въ утѣшеніе скажу имъ, что настоящее письмо будетъ послѣднее (съ слѣдующаго мѣсяца Иногородный Подписчикъ снова примется бесѣдовать съ публикой о русскихъ журналахъ). И притомъ я постараюсь сдѣлать его покороче. Начну съ небольшого разсказа «Бархатный башмачекъ, помѣщеннаго въ 8 № «Пантеона».

На святкахъ, какой-то пріѣзжій изъ Саратова, по имени Петръ Петровичъ, ѣхалъ на сонномъ ванькѣ по безлюднымъ и незнако-

Digitized by Google

мымъ ему улицамъ Петербургской стороны, какъ вдругъ за воротами ближняго дома раздался чей-то громкій и веселый смѣхъ, и въ слѣдъ за нимъ что-то черное перелетѣло черезъ заборъ, ударилось въ шапку извощика, и, отскочивъ отъ нея, спряталось въ шубу Петра Петровича. Извощикъ, вслѣдствіе этого толчка, погналъ сильнѣе лошадь, сдѣлалъ нѣсколько поворотовъ, спустился на Неву; но Петръ Петровичъ еще не могъ опомниться и притти въ себя отъ неожиданности. Боясь осязать предметъ, щекотавшій ему горло, Петръ Петровичъ вытянулъ шею и со всею осторожностью, какъ будто въ потьмахъ брался за раскрытую бритву, дотронулся до щекотавшаго его предмета, и вытащилъ — бархатный башмачекъ. Петръ Петровичъ, обрадованный такому неожиданному обстоятельству, и сообразивъ, что, стало быть, онъ суженый, началъ припоминать, въ какой улицѣ и на какомъ мѣстѣ онъ получилъ этотъ подарокъ.

Добравшись кое-какъ до Коломны и переполошивъ стукомъ въ калитку всѣхъ мирныхъ обитателей своего околодка, Петръ Петровичъ въ какомъ-то безпамятствѣ вошелъ въ свою комнату, зажегъ свѣчу, положилъ возлѣ нея на столъ свой таинственный подарокъ и принялся посылать къ нему разныя восторженныя восклицанія въ родѣ слѣдующихъ: «*Душка ты мой!* Диво ты дивное, чудо ты чудное! все въ тебѣ очарованіе: отъ каблучка до завязокъ и бантика.... даже эта *нескромная* дырочка на подъемѣ, вышденная или молью или дерзкимъ мышенкомъ, имѣетъ свою особенную прелесть.... Они тутъ по совѣсти, такъ кстати: какъ крошечное родимое пятнышко на атласномъ плечѣ красавицы... *Сокровище ты мое* — нѣмое, безъотвѣтное!... Чью ножку обувалъ ты?... *Чьи пять ноготочковъ, пять* гибкихъ пальчиковъ *упирались въ твой носикъ?*»

Извѣстное дѣло, что влюбленные особенные мастера придумывать нѣжныя названія и посылать самыя эксцентрическія восклицанія, особенно если восклицанія эти относятся къ такъ называемымъ *вещественнымъ знакамъ*. Восклицанія Петра Петровича еще ничто въ сравненіи съ тѣми, которыя дѣлаетъ, по тому же поводу, авторъ одного романа подъ заглавіемъ «*Башмачекъ*», въ которомъ, между многими страстными стихами, мнѣ особенно памятны два слѣдующихъ:

«Башмачекъ, *мой другъ отважный,*
Грудь моя полна тобой!»

Но обратимся къ разсказу и его герою. Петръ Петровичъ, въ жару своего восторга, забылъ не только лечь спать, но даже раздѣться, и такимъ образомъ, не снимая шинели, промечталъ всю

Digitized by Google

своимъ *сокровищемъ* до утра. Онъ уже воображалъ, что нашелъ обладательницу башмачка, онъ видѣлъ домикъ съ высокимъ заборомъ, изъ за котораго вылетѣлъ и попалъ къ нему въ шубу бархатный башмачекъ, онъ уже видѣлъ, какъ почтенный родитель владѣтельницы башмачка дастъ имъ свое благословеніе и пятьдесятъ тысячъ чистаганомъ, — вдругъ этотъ сонъ на яву былъ прерванъ появленіемъ въ комнату его хозяйки, неизмѣнно являвшейся по утрамъ съ кофеемъ и сухарями. Но Петру Петровичу было не до сухарей.

«.....Вы, мнѣ кажется, батюшка, и не ложились даже?... говоритъ его хозяйка Марья Сергѣевна.

— Ни на секунду....

— Господи, воля твоя!... Да, что же это съ вами?

— Все — и ничего!... Все и ничего, Марья Сергѣевна! самодовольно повторилъ Петръ Петровичъ.

— Какъ это — все и ничего?... Развѣ такъ бываетъ?

— Бываетъ, часто бываетъ, Марья Сергѣевна; но разскажу вамъ послѣ.... Теперь же, сдѣлайте одолженіе, поищите моихъ галошъ.... Гдѣ-то я ихъ тутъ сбросилъ вчера въ потьмахъ, да вотъ, хоть ты что хочешь, не найду....

— Такъ, стало быть, вы ужь идете?...

— Иду, сію-минуту.... Судьба зоветъ.... Сегодня день рѣшительный въ моей жизни!

— А! вотъ оно что, подумала старушка, вытаскивая изъ подъ дивана галоши Скокова.... (я вамъ и забылъ сказать его фамилію) Сегодня, вишь ты, тяжбы его рѣшатся.... Ну, давай Господи!...

— Да хоть бы кофейку то напились, продолжала она вслухъ и необыкновенно ласково.

— Кофе?... Не могу.... Ни ни!.... Въ душу не пойдетъ кофе.... Упоенъ.... такъ упоенъ я.... что вотъ *точно кадку нектару выпилъ*..... Ну, словомъ, упоенъ!... Да и некогда....

— Эвая оказія, сказала Марья Сергѣевна: — а вѣдь вотъ я думала, что сегодня день-то у васъ свободный, такъ вы не переговорите ли съ Анной Алексѣевной. Она хотѣла побывать.... Напрасно-то ей съ Петербургской тащиться не близко мѣсто....

— Что это — съ Анной Алексѣевной, о невѣстахъ?... *Ахъ!* Гдѣ жъ ей сыскать такую, какую я самъ нашелъ?

— Какъ?... Невѣсту нашли?

— Красавицу..... Марья Сергѣевна..... пятьдесятъ тысячъ чистаганомъ.... домъ свой.... одѣвается, какъ графиня — вся въ бархатѣ: и шляпки, и салопы, и башмаки..... Башмаки баркатные!.... Прощайте!

«Вотъ тебѣ и все, — и ничего подумала старушка.... Никакъ онъ рехнулся, сердечный!

Digitized by Google

И Марья Сергѣевна въ раздумьѣ опустилась на стулъ, тяжело вздохнула и въ раздумьѣ выпила кофе.»

А Петръ Петровичъ былъ уже на улицѣ и нанималъ извощика на Петербургскую. Вдругъ на противоположной сторонѣ улицы онъ увидѣлъ хорошенькую даму, обутую въ бархатные башмаки. Петръ Петровичъ, подобравъ полы своей шинели, немедленно перебѣжалъ черезъ улицу, сбилъ съ ногъ какого-то прямичника и чуть-чуть не бросился на шею къ незнакомкѣ. Однакожь, усталость и отчасти благоразуміе помѣшали ему сдѣлать эту глупость, и онъ ограничился обыкновеннымъ преслѣдованіемъ незнакомки и внимательнымъ разсматриваніемъ ея ногъ. Дама, замѣтивъ преслѣдованіе, прибавила шагу, Петръ Петровичъ тоже; наконецъ, видя его неотвязчивость, она перешла на другую сторону улицы и подозвала извощика.

«Дрожа и затаивъ дыханіе, онъ съ напряженнымъ вниманіемъ ждалъ отвѣта незнакомки на вопросъ. «куда прикажете?»

— На Петербургскую, отвѣчала дама нерѣшительно, взглянувъ на ту сторону, гдѣ остался Скоковъ.

— На Пе....тер....бургскую!... почти съ воплемъ повторилъ онъ, въ ту минуту, какъ его очарованіе было уже на концѣ улицы.... — Извощикъ!... Извощикъ! крикнулъ, задыхаясь Скоковъ. — Это она!... Слышишь, она!... Давай!... На Петербургскую... цѣлковый... четвертакъ на водку.... два! Гони.... вонъ — видишь — за тѣми санями.

«Экого сѣдока послалъ Господь» — подумалъ Ванька.

И усадилъ Петра Петровича въ сани, застегнулъ полость и не жалѣя ни кнута, ни лошади, погналъ *послѣднюю*, быстро настигая указанный предметъ. Пара саней, слѣдуя одни за другими, быстро промчались по Исакіевской площади, спустились на Неву, и минуя Мытнинскую пристань, повернули направо, потомъ налѣво....

«Такъ и есть, такъ точно?...» — шепталъ Петръ Петровичъ.

Но здѣсь возничій его остановился.

— Что ты?... могъ только проговорить пораженный Петръ Петровичъ.

— Ничего-съ, ваше благородіе, извольте сидѣть спокойно, отвѣчалъ извощикъ, спрыгнувъ съ облучка: — сію минуту справлюсь.... чересѣдельникъ сползъ....

— Сѣдельникъ!... А!... Пропадай ты со своимъ сѣдельникомъ! вскричалъ озадаченный Скоковъ. — На, тебѣ!

Съ этими словами онъ бросилъ извощику обѣщанную монету и, не спуская внимательнаго глаза съ передовыхъ саней, повернувшихъ налѣво, бѣгомъ пустился за ними.

Сани остановились у воротъ довольно опрятнаго домика. Дама разсчиталась съ извощикомъ, насмѣшливо улыбнулась, взглянувъ на Петра Петровича — и исчезла въ калиткѣ. Черезъ пять минутъ Ско-

Digitized by Google

ковъ уже стоялъ за порогомъ этой же калитки, атакованный громкимъ лаемъ четырехъ дворняжекъ, которыя совершенно загородили ему дорогу, не давая шагнуть ни взадъ, ни впередъ.... Въ эту же минуту, къ довершенію зла, на крыльцѣ показался рослый и усастый мужчина, вооруженный предлиннымъ чубукомъ.

— Кого вамъ угодно, милостивый государь? спросилъ онъ довольно грубо.

Петръ Петровичъ смѣшался; онъ рѣшительно незналъ, кого ему угодно.

— Кого же вамъ нужно? тѣмъ же нерасполагающимъ тономъ повторилъ усачъ, спускаясь по лѣствицѣ одною ступенькою ниже.

Скоковъ потерялся совершенно ... Но сильно дернутый зубастою дворняжкою за полу, онъ нѣсколько ободрился, ткнулъ ее ногою въ оскаленную челюсть и, запинаясь, отвѣчалъ:

— Даму-съ.... Мнѣ даму.... одну.... тутъ....

— Даму? съ язвительнымъ смѣхомъ повторилъ усачъ. — А вотъ я тебѣ дамъ даму!... Я тебѣ покажу, какъ бить моихъ собакъ и волочиться за моею женою....

Шумъ, поднятый на дворѣ, вызвалъ, къ счастію Петра Петровича, всѣхъ любопытныхъ жильцовъ этого дома, и въ числѣ ихъ онъ увидѣлъ улыбающееся лицо свахи, о которой говорила ему Марья Сергѣевна. Петръ Петровичъ бросился къ ней съ такою радостью, какъ будто бы увидѣлъ послѣ долгой разлуки родную мать. И въ самомъ дѣлѣ, кого не порадовалъ бы такой случай! Петръ Петровичъ, волей неволей, а долженъ былъ заговорить о предметѣ ея ремесла: просилъ, какъ бы найти ему невѣсту.

— Просто, очень просто, батюшка, Петръ Петровичъ, отвѣчала словоохотливая сваха. — Кому другому, а вамъ стоитъ только кличъ кликнуть.... Вотъ можно попробовать такой марьяжъ, что́ не надо марьяжнѣе.... Да вотъ далеко ходить нечего: черезъ домъ отсюда.... Безволосовы.... Прекраснѣйшее семейство.... Прелесть, что такое!... Отецъ въ чинахъ, денегъ куры не клюютъ у него, дочь красавица писаная, образована на всѣ возможные діалекты; я вамъ скажу: тиха, скромна ... Къ окну не подойдетъ безъ отцовскаго спросу.... а ужь жеманства за нею.... ни-ни!... Никакого ... Помилуй Богъ! Ну, чѣмъ бы вамъ она не невѣста и не жена?... Хотите?... Дѣло тотчасъ уладимъ, батюшка....

На другой день, Петръ Петровичъ отправился къ Безволосовымъ и былъ принятъ старикомъ какъ нельзя лучше. Съ первыхъ же словъ разговора оказалось, что они земляки, что́ еще больше расположило ихъ другъ къ другу. Надежда Осиповна, дочь Безволосова, околдовала его совершенно своею красотою и любезностью, и никогда Петръ Петровичъ не былъ такъ счастливъ, какъ въ этотъ вечеръ. Въ теченіи двухъ мѣсяцевъ Петръ Петровичъ, который также

Digitized by Google

понравился (какъ ему сообщила сваха), безпрестанно бывалъ у Безволосыхъ и рѣшительное объясненіе откладывалъ потому только, что ему хотѣлось знать, точно ли ей принадлежитъ башмачекъ. Однажды Петръ Петровичъ пришелъ къ нимъ въ такое время, когда старика не было дома, а Надинька одѣвалась. Въ залѣ, въ которой расположился Петръ Петровичъ въ ожиданіи выхода хозяйки, горничная поливала цвѣты. Надѣясь разрѣшить занимавшій его вопросъ о башмакѣ, онъ обратился къ горничной, но вѣроятно взялся за это дѣло не совсѣмъ ловко, потому что горничная хотѣла убѣжать, и въ то время, какъ онъ схватилъ ее за руку, чтобы удержать, отворилась дверь, и въ залу вошла Надинька.

— И это вы, Петръ Петровичъ? сказала она кроткимъ голосомъ, едва сдерживая дрожь и волненіе.

Петръ Петровичъ началъ оправдываться; но автору для продолженія разсказа угодно было, чтобы несчастный герой не съумѣлъ доказать своей невинности и чтобы для него закрылись двери дома г. Безволосова. Возвратясь домой, онъ нашелъ у себя на столѣ два письма: одно отъ Безволосова — съ просьбою оставить его семейство своими посѣщеніями и даже письмами; другое — съ увѣдомленіемъ, что тяжебное дѣло, по которому онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, рѣшено окончательно въ его пользу. Въ тотъ же день Петръ Петровичъ увязалъ все свое имущество, въ томъ числѣ и башмачекъ, и выѣхалъ изъ Петербурга.

Прошелъ годъ со времени приключеній, надѣланныхъ башмачкомъ. Петръ Петровичъ поселился въ своемъ помѣстьѣ, селѣ Укромскомъ, близъ Саратова, и велъ самую тихую, уединенную жизнь. Разъ, поздними зимними вечеромъ, какой-то проѣзжій старикъ съ хорошенькой дѣвушкой, сбившись съ дороги, остановились у его дома и просили ночлега. По распоряженію хозяина, они немедленно были приглашены въ кабинетъ, а Петръ Петровичъ отправился переодѣваться. Кажется, нѣтъ надобности докладывать читателю, кто были эти проѣзжіе. Надинька, разсматривая разныя бездѣлушки въ кабинетѣ хозяина, остановилась наконецъ передъ мраморною тумбою, на которой лежалъ башмачекъ, покрытый хрустальнымъ колпакомъ.

— Боже мой! что это? закричала затрепетавшая дѣвушка....

Нужно ли объяснять послѣ этого, что черезъ нѣсколько минутъ всѣ недоразумѣнія объяснились, и молодые люди кинулись другъ другу въ объятія?

Конечно, всю эту исторію башмачка вы, можетъ быть, найдете весьма невѣроятною; но ея бо́льшая или мѣньшая вѣроятность нисколько не вредитъ тому впечатлѣнію, которое производитъ на

Digitized by Google

васъ разсказъ. Въ разсказахъ этого рода важно не *le quoi*, а *le comment*.

Разъ какъ-то, когда дурная погода, волей невольной, заперла меня въ комнату (а на дачѣ, вы сами знаете, какъ это непріятно), отъ скуки, чтобъ что нибудь дѣлать, взялъ я первую попавшуюся мнѣ книгу (сентябрьскіе журналы еще не выходили), право не помню, какую. Прочелъ три-четыре страницы — что это? Чего люди не пишутъ! Былъ тамъ и юноша съ кудрями по плечамъ, и дѣва съ задумчивымъ взглядомъ, и разбойники, и лѣсъ, и похищеніе... и чего-то тамъ не было! чего хочешь, того просишь. Нѣтъ, такая книга не прогонитъ моей хандры; пожалуй еще ночью спать не будешь. И книга отправилась въ самое дальнее отдѣленіе шкафа, и едва ли ей придется увидѣть когда нибудь свѣтъ Божій. А дождь все-таки идетъ да идетъ, и барабанитъ по стекламъ, и, какъ будто на зло мнѣ, твердитъ: сиди дома, сиди дома! Скучно!... что дѣлать!... а все-таки приходится опять приняться за какую нибудь книгу, по русской пословицѣ: клинъ клиномъ выгонять. Да кстати, я вспомнилъ, что въ послѣднемъ письмѣ моемъ я не успѣлъ поговорить съ читателями объ августовской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ», и немедленно принялся за чтеніе. Первое, что я прочелъ — это: *Пятьдесятъ лѣтъ*, повѣсть *М. М. Достоевскаго*, автора «Воробья» и «Двухъ старичковъ», повѣсть о томъ, какъ люди живутъ, какъ они влюбляются и собираются жениться въ пятьдесятъ лѣтъ, да потомъ сообразятъ, что ужь дескать поздно, да такъ и доживаютъ свой вѣкъ холостыми.

Хотите, я вамъ разскажу эту повѣсть? Гдѣ-то далеко, въ глуши (въ какой губерніи и въ какомъ уѣздѣ, авторъ не счелъ нужнымъ сказать), въ сельцѣ Пріютинѣ, живетъ старикъ Семенъ Семенычъ Блекловъ съ своимъ племянникомъ Гришей и воспитанницей Софьей Михайловной Кулаковой. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нихъ живетъ баронесса Елена Яковлевна Роненбергъ, непремѣнный другъ мамзель Софи, тридцатилѣтняя вдова, хорошенькая, веселая, страшная кокетка, по которой втайнѣ вздыхаетъ старикъ Блекловъ. Повѣсть начинается тѣмъ, что къ воротамъ помѣщичьяго дома подъѣзжаетъ кибитка, изъ которой выпрыгиваетъ «молодой человѣкъ лѣтъ двадцати восьми, удовлетворительнаго роста, таковой же наружности, съ удовлетворительно длинными бѣлокурыми волосами и весьма удовлетворительно одѣтый». Это другой племянникъ Блеклова, Валентинъ Александрычъ Блекловъ. Года три тому назадъ онъ поссорился съ дядей, или, лучше сказать, дядя просто за просто прогналъ его изъ дому за то, что онъ осмѣлился просить руки Софьи Михайловны. Съ горя отправился онъ въ Петербургъ,

Digitized by Google

потомъ за границу, пожуировалъ, разсорилъ всѣ деньги и теперь пріѣхалъ мириться съ дядей. Но старикъ не слишкомъ-то согласенъ на мировую. Въ три года онъ много перемѣнился: сдѣлался драхлымъ, сварливымъ, сердитымъ. Одна Софи развлекала его. Хорошо, что это ей ничего не стоило: веселая, рѣзвая отъ природы, она рада была (несмотря на свои семнадцать лѣтъ) цѣлый день играть съ кѣмъ бы то ни было — съ дворняшкой, съ котенкомъ, съ своимъ другомъ баронессой, или со старикомъ Блекловымъ. Пока старикъ читаетъ племяннику строгую мораль, которую тотъ слушаетъ съ подобающимъ вниманіемъ, является баронесса Роненбергъ. Старикъ, сконфуженный, что его застали въ халатѣ, бѣжитъ въ кабинетъ переодѣться. Бѣгство его всѣ принимаютъ за припадокъ болѣзни и бѣгутъ за нимъ, оставивъ баронессу и Валентина вдвоемъ. Оказывается, что они давно знакомы другъ съ другомъ. Въ былыя времена, Валентинъ былъ страстно влюбленъ въ баронессу, но потомъ, какъ часто случается, разлюбилъ ее и уѣхалъ. Съ тѣхъ поръ они не встрѣчались до этой минуты. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе непріятное. Но баронессѣ вовсе не нравится присутствіе Валентина въ Пріютинѣ: у ней есть свои планы; надо его выпроводить, во что бы то ни стало. И вотъ она отправляется къ старику съ просьбою согласиться на бракъ Валентина съ Софи. Блекловъ, не понявъ сперва, въ чемъ дѣло, воображаетъ, что баронесса узнала объ его любви къ ней, проситъ у ней на колѣнахъ прощенья и заключаетъ тѣмъ, что предлагаетъ ей свою руку, сердце и богатство. Баронесса говоритъ ему, что онъ можетъ надѣяться, но съ условіемъ, если онъ помирится съ племянникомъ и отдастъ ему Софи. Разумѣется, онъ на все соглашается. Счастливый старичекъ думаетъ, что достигъ цѣли всѣхъ своихъ желаній и помышленій; но не тутъ-то было. Прохаживаясь по саду, онъ слышитъ разговоръ баронессы съ докторомъ, Адамомъ Адамычемъ. Изъ этого разговора онъ узнаетъ, что баронесса старается разстроить сватьбу Валентина и выдать Софи за доктора, какъ она ему обѣщала, сама же она выходитъ за старика Блеклова потому, что онъ, по показанію того же доктора, долженъ умереть черезъ пять мѣсяцевъ. Тутъ только старикъ догадывается въ чемъ дѣло, на другой же день пишетъ учтивый отказъ баронессѣ, а имѣніе свое отдаетъ Софи и племянникамъ.

Содержаніе повѣсти, какъ вы видите, не новое и не замысловатое; изложеніе тяжелое,— повѣсть скучна. Главное лицо повѣсти — старикъ Блекловъ, вышло удачнѣе другихъ. Подлѣ этого портрета, довольно ловко схваченнаго, другія лица повѣсти остаются какъ бы въ туманѣ; рельефнѣе другихъ — баронесса, хитрая женщина, кокетка, которая нисколько не смущается встрѣчею съ Валентиномъ,

Digitized by Google

несмотря на то, что прежде они были въ довольно близкихъ отношеніяхъ, — притворяется кроткой, любящей женщиной, называетъ его другомъ своимъ, а между тѣмъ всѣми силами старается выпроводить изъ имѣнья дяди, чтобъ самой все прибрать къ рукамъ.

Въ отдѣлѣ Смѣси напечатанъ разсказъ г. *А. М.* подъ заглавіемъ *Дорогой гость*, — разсказъ о томъ, какъ одинъ докторъ, возвращаясь съ именинъ своего паціента, сбился съ дороги, и, остановившись въ деревнѣ у совершенно незнакомаго ему помѣщика, котораго въ это время не было дома, выпилъ его чай, съѣлъ его ужинъ, выкурилъ его табакъ, наконецъ улегся спать на его постели, покрылся его халатомъ, и когда хозяинъ воротился домой, то обыгралъ его на довольно значительную сумму.

Въ сентябрьской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» я не безъ удовольствія прочиталъ повѣсть г-на *Григоровича: Неудачи*. Еслибъ я попытался разсказать вамъ содержаніе этой повѣсти обстоятельно, то моя попытка далеко не познакомила бы васъ съ этимъ произведеніемъ, потому что все достоинство его въ подробностяхъ и наблюдательности, простирающейся далеко за предѣлы внѣшняго міра. Эти качества, разумѣется, исчезаютъ даже при довольно подробномъ обзорѣ содержанія; а выписки не удовлетворили бы вполнѣ вашего любопытства, не представивъ вамъ много цѣлаго, потому что все въ этой повѣсти тѣсно и неразрывно связано между собою. Всѣ эти причины заставляютъ меня ограничиться самымъ краткимъ обзоромъ ея содержанія.

Въ одной изъ пустынныхъ частей Петербурга живетъ бѣдный молодой человѣкъ, служащій въ одной частной конторѣ. Съ дѣтства онъ чувствовалъ въ себѣ способность къ живописи; но необходимость помогать своему семейству и совершенная невозможность обезпечить себя на нѣсколько лѣтъ, чтобы предаться любимому занятію, были постояннымъ препятствіемъ къ развитію и усовершенствованію его таланта. Случайно познакомился онъ съ двумя художниками, которые, увидѣвъ его произведенія, убѣдили Андреева (фамилія героя) поступить въ Академію Художествъ. Средства къ его существованію были найдены, и Андреевъ, послѣ долгихъ колебаній, наконецъ согласился. Въ короткое время успѣхи Андреева превзошли ожиданія: онъ получилъ серебряную медаль; кромѣ того ему назначили программу и выдали вспомогательную сумму денегъ. Но занятія Андреева, обѣщавшія уже ему извѣстность и богатство, были навсегда прерваны извѣстіемъ о смерти замужней сестры его, содержавшей его семейство. Старушка мать, увѣдомляя его объ этомъ, просила пріѣхать къ ней, потому что на немъ одномъ основываются всѣ надежды семейства, и что онъ можетъ получить въ ихъ городѣ

Digitized by Google

мѣсто. Спокойно и безропотно простился Андреевъ съ Академіей, съ талантомъ и блестящею будущностью и уѣхалъ изъ Петербурга. Пять лѣтъ спустя послѣ этого, одинъ изъ академическихъ товарищей Андреева, отправляясь въ одну изъ южныхъ губерній, завернулъ въ городокъ, гдѣ живетъ бѣдный Андреевъ, и встрѣтилъ его, сдѣлавшагося изъ художника почтмейстеромъ. Онъ переносилъ безропотно свое положеніе и утѣшалъ себя мыслію, что онъ не добровольно заглушилъ въ себѣ дарованіе, что не растратилъ его на вѣтеръ, и что теперь все-таки можетъ приносить пользу своему семейству.

«Библіотека для Чтенія» еще въ прошломъ году начала печатать рядъ разсказовъ подъ названіемъ «*Замосковная лѣтопись о нашихъ женскихъ дѣлахъ и о другихъ*». Въ числѣ этихъ разсказовъ попадались нѣкоторые, весьма занимательные и хорошо написанные. Я до сихъ поръ помню первую повѣсть — исторію Ольги и Долановскаго, трогательный и простой разсказъ самоотверженія. Я читалъ его съ удовольствіемъ и непрочь бы прочесть еще разъ. Сентябрьская книжка «Библіотеки» подарила насъ опять новымъ разсказомъ. Это продолженіе исторіи лицъ, съ которыми мы встрѣчались прежде. Дѣйствіе начинается баломъ, дающимся по случаю поимолки сына какой-то графини съ ея воспитанницей Александриной. Но, къ общему удивленію публики, мѣсяца черезъ два Александрина является Александрой Львовной Тѣстовой, женою откупщика. Почему это сдѣлалось такъ, а не иначе, это остается для читателя тайной, по крайней мѣрѣ въ этой книжкѣ. Впрочемъ, Александрина, окруженная богатствомъ и роскошью, страстно любимая мужемъ, исполняющимъ ея малѣйшія желанія, груститъ и худѣетъ; ей хочется чего-то, она раздражительна, страдаетъ нервами, — однимъ словомъ, несчастна. Кромѣ этой новой героини въ повѣсти множество нашихъ старыхъ знакомцевъ, о приключеніяхъ которыхъ я вамъ не разсказываю, потому что они находятся въ связи съ тѣмъ, что было, и тѣмъ, что еще будетъ; но прежняго я не помню, а что будетъ дальше — не знаю. Теперь скажу, что повѣсть, какъ повѣсть, читается съ большимъ интересомъ. Но ей вредитъ количество дѣйствующихъ лицъ. Читателю трудно слѣдить за ними, а автору, разумѣется, еще труднѣе обрисовать ихъ. Лучше другихъ вышла Надежда Толова — существо кроткое, любящее, пожертвовавшее своимъ счастіемъ и спокойствіемъ — счастію любимаго человѣка, но въ которой иногда проявляются вспышки прежней страсти, еще не совсѣмъ угасшей. Другія лица довольно блѣдны; но въ цѣломъ, однакожъ, видѣнъ самостоятельный талантъ и умѣнье взяться за дѣло.

Digitized by Google

Кромѣ описанія *Поѣздки въ Болгары*, второй статьи г. *П. Юрткульскаго*, въ IX *№* «Библіотеки» есть нѣсколько интересныхъ статей въ отдѣлѣ *Наукъ и Художествъ*.

Статья *О французскомъ романсѣ* отличается особенною эрудиціей, которою, впрочемъ, не съумѣлъ воспользоваться авторъ. Вся его статья состоитъ изъ названій романсовъ, именъ композиторовъ и хронологическихъ свѣдѣній; но во всемъ этомъ нѣтъ ничего живого и способнаго удержаться въ памяти читателей. Впрочемъ, отдавая справедливость эрудиціи автора, я не могу не указать на небольшой пропускъ, довольно важный по предмету статьи. Авторъ не упомянулъ о книгѣ подъ заглавіемъ: «*Le doux Entretien des bonnes compagnies, ou le Recueil des plus beaux airs à chanter, le tout composé depuis trois mois par les plus rares et excellents esprits de ce temps.* (Paris. Jean Puignard, au quatrième pilier de la grande salle du Palais, MDCXXXIV).

Въ этомъ собраніи, любопытномъ по своей древности для всякаго библіофила, напечатана, между прочимъ, неизвѣстная до сихъ поръ народная пѣсенка Малерба, замѣчательная по своему языку и наивности, характеризующей многія произведенія этого поэта. Сообщаю ее читателямъ буква въ букву:

L'AR MONSIEUR DE MALHERBE.

Chanson 54.

Belle, quand te lasseras-tu
De causer mon martyre?
— Je n'ons ny biauté ny vartu,
Cela vous plait à dire.
Portez vos biaux discours ailleurs,
Car je n'aimons point les railleurs.

Je ne te raille nullement
Quand je te nomme belle.
— Je somme belle voirement,
Maje c'est à la chandelle:
Ce néanmoins un sermoneur
N'a rien gagné sur notre honneur.

Tu sais bien, si tu me cognois,
Que je ne dissimule.
— Vous donnez le goût à la noix,
Vous sucrez la pilule;
Francis! qui ne vous cognoistroit
Peut bien dire qu'il ne renvoit.

Digitized by Google

Faut-il voir tant de cruauté
Parmy tant de mérite.
— Si vous appelez laideur beauté,
J'avons sen que vous dicte;
La, la, Monsieur, tous vos rebus
Ne passent point pour Jacobus.

Il n'y a beauté sous le ciel
Qui soit à toy semblable.
— Si vous voulez parboliser,
Allez à tous les diables,
Avecque tout votre jargon
Qui ne vaut pas un patagon.

En France, je suis admiré
Comme chose adorable.
— Si vous vous étiez bien miré,
Vous iriez à l'estable;
Car vous êtes un ane bien fait,
Tant en paroles qu'en effect.

N'aimer pas un sujet si beau,
C'est faire mille crimes.
— C'est à Nicole du Poinciau
Qui' il faut conter ces rimes;
A respondra, car elle a lu
Les livres du père Goulu.

Пѣсня эта въ свое время была до такой степени въ модѣ, что даже шесть лѣтъ спустя, въ 1640 году, два куплета этой пѣсни распѣвали въ *la Comédie des Chansons*.

Некрологъ М. Л. Неважовича. — Въ Одессѣ, 23 августа 1850 года скоропостижно скончался, 33 лѣтъ отъ роду, Михаилъ Львовичъ Неваховичъ, извѣстный публикѣ изданіемъ карикатурнаго альбома: «Ералашъ». Сообщаемъ здѣсь извѣстіе о жизни покойнаго, могущее быть любопытнымъ для цѣнителей его таланта, погибшаго столь рано.

Михаилъ Львовичъ родился 6 іюня 1817 года въ Варшавѣ. Тамъ провелъ онъ бо́льшую часть своего дѣтства. Отецъ его Л. А. Неваховичъ, извѣстный любитель литературы и драматургіи и авторъ

Digitized by Google

драмы: *Сулковы*, долгое время служилъ при министрѣ финансовъ царства Польскаго графѣ Друцкомъ-Любецкомъ.

Въ 1829 году, Михаилъ Львовичъ поступилъ въ Горный корпусъ, гдѣ провелъ два года, а въ 1833 году опредѣлился юнкеромъ въ Курляндскій уланскій полкъ, но вскорѣ, по слабости здоровья, вышелъ въ отставку. Въ началѣ 1836 года, онъ вновь вступилъ на службу въ Сумскій гусарскій полкъ и 20 мая 1837 года произведенъ въ корнеты, съ переводомъ въ Клястицкій гусарскій полкъ. 19 мая 1838 года произведенъ въ поручики, а 17 марта 1841 года уволенъ въ отставку, за болѣзнію, съ награжденіемъ чиномъ штабъ-ротмистра.

Съ этого времени Михаилъ Львовичъ окончательно поселился въ Петербургѣ, и слабое его здоровье еще болѣе разстроилось въ 1842 году, послѣ кончины нѣжно любимаго имъ меньшого брата, товарища его дѣтства и службы, умершаго въ Петербургѣ, отъ чахотки, 22-хъ лѣтъ отъ роду. Въ томъ же году Михаилъ Львовичъ вступилъ въ бракъ съ извѣстною танцовщицей петербургскихъ театровъ, Татьяною Петровной Смирновой, продолжавшею свое артистическое поприще подъ прежнимъ своимъ именемъ, заслужившимъ уже до того лестную извѣстность. Въ маѣ 1844 года, онъ сопровождалъ жену свою во время путешествія ея за границу и былъ свидѣтелемъ ея успѣховъ на парижской и брюссельской сценѣ. Въ ноябрѣ того же года онъ возвратился въ Петербургъ, откуда уже почти не выѣзжалъ, исключая нѣкоторыхъ поѣздокъ для свиданія съ родственниками.

Въ 1845 году родилась у него мысль объ изданіи Ералаши, и весною 1846 года появилась первая тетрадь ея. Съ тѣхъ поръ издано было Неваховичемъ шестнадцать выпусковъ «Ералаши», пріобрѣтшей въ скоромъ времени множество подписчиковъ. Многія тетради литографировались по нѣскольку разъ, и это одно уже свидѣтельствуетъ о достоинствѣ этого изданія. Покойный Неваховичъ безспорно имѣетъ право на имя перваго русскаго карикатуриста въ смыслѣ современномъ. Конечно, «Ералашъ» нельзя назвать совершеннымъ; но вспомнимъ, что это было *первое* русское изданіе въ своемъ родѣ и уже породило подражателей. Вспомнимъ то богатство колкой остроты и неподдѣльной веселости, которое разсѣяно въ листахъ «Ералаши», и подивимся этому неисчерпаемому юмору. Замѣтимъ также, что талантъ Неваховича самоучка. Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ онъ имѣлъ наклонность къ рисованію фигуръ и хотя неправильно, но рисовалъ портреты въ карикатурѣ до того сходными, что нельзя было въ минуту не узнать оригиналовъ. Учиться рисовать онъ началъ поздно; но способности его были необыкновенны.

Digitized by Google

Въ доказательство тому скажемъ, что, незадолго до смерти, онъ въ первый разъ попытался писать масляными красками и скоро оказалъ въ этомъ трудномъ родѣ большіе успѣхи.

Для тѣхъ, кто зналъ коротко Неваховича, не изумительна неисчерпаемость его воображенія. Надобно было видѣть и слышать его въ дружескомъ кругу, чтобы убѣдиться, до какой степени разнообразія и одушевленія могутъ дойти юморъ и сатира. Рѣчь его была безпрерывная импровизація, живая, картинная, увлекательная. Онъ не только мгновенно постигалъ и мастерски отдѣлялъ смѣшную сторону какого нибудь предмета, но самъ воспроизводилъ капризы своей фантазіи на степень дѣйствительности, существованію которой нельзя было не вѣрить: такъ она казалась осязательною. Умъ его былъ изумительно гибокъ, эпиграммы злы какъ его карандашъ. Но ошибаются тѣ, которые думаютъ, что сердце его было полно желчи и недоброжелательства. У Неваховича эпиграмма была только плодомъ особенной настроенности ума. Многочисленные друзья покойнаго всѣ могутъ свидѣтельствовать объ его добролушіи, незлопамятливости и всегдашней готовности всѣми силами оказать услугу ближнему. Эти качества душевныя, не менѣе его ума, заставляли любить его и сослуживцевъ и людей, которые успѣли узнать короче его благородное сердце.

Въ маѣ нынѣшняго года, Неваховичъ отправился на югъ Россіи, чувствуя необходимость лечиться, и, пріѣхавши въ Одессу, сталъ купаться въ морѣ. Въ письмахъ своихъ, писанныхъ въ Петербургъ, онъ съ отрадою говорилъ объ облегченіи своего недуга и скоромъ возвращеніи. Но судьба рѣшила иначе.

Утромъ 23 августа Неваховичъ возвратился съ купанья домой, веселый какъ всегда. Погода была холодна и вѣтрена, и онъ легъ въ постель, чтобы согрѣться. Въ той же комнатѣ рисовалъ путешествовавшій съ нимъ молодой художникъ Бейдеманъ. Вдругъ Неваховичъ сказалъ ему, что чувствуетъ себя дурно, и страшная блѣдность покрыла лицо его. Бейдеманъ бросился за докторомъ, который жилъ рядомъ, и черезъ три минуты больному была подана медицинская помощь; изъ обѣихъ рукъ пытались ему пустить кровь, но она не пошла, и черезъ четыре минуты Неваховича не стало. По свидѣтельству медицинскому оказалось, что легкія были переполнены густою черною кровью; прочія же внутренности были совершенно нормальны, такъ что смерть его должно приписать легочному удару.

Тѣло Неваховича предано землѣ на Одесскомъ кладбищѣ. Послѣдній, печальный долгъ отданъ былъ покойному петербургскимъ пріятелемъ его, княземъ В. И. В., который присутствовалъ при кон-

Digitized by Google

чинѣ его и сообщимъ друзьямъ покойнаго горестную вѣсть. После Неваховича остались два сына.

Грустно описывать послѣднія минуты любимаго человѣка, и грустно будетъ многимъ читать эти строки, при мысли, что даровитый человѣкъ умеръ такъ молодъ!...

М. ЛОНГИНОВЪ.

10 сентября 1851 года.

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ прошломъ мѣсяцѣ упомянули мы о замѣчательныхъ людяхъ, умершихъ въ нынѣшнемъ году, и представили некрологи двухъ изъ нихъ — Роберта Пиля и Бальзака. Теперь поговоримъ о Людовикѣ-Филиппѣ.

— Людовикъ-Филиппъ родился въ Парижѣ 6 октября 1773 года. Онъ былъ старшимъ сыномъ Филиппа-Жозефа, герцога орлеанскаго. Воспитаніе его было рано поручено госпожѣ Жанлисъ. Молодой герцогъ шартрскій присоединился въ 1789 году къ партіи, бывшей во главѣ происходившаго въ то время политическаго движенія. Въ 1791 году, оставилъ Вандома съ своимъ полкомъ и отправился въ Валансіенъ. Въ апрѣлѣ 1792 года, онъ принялъ участіе въ войнѣ съ Австріей. 20 сентября того же года онъ сражался при Вальми, начальствуя отрядомъ, порученнымъ ему Келлерманомъ, а 6 октября онъ участвовалъ въ битвѣ при Жемаппѣ подъ начальствомъ Дюмурье.

Между тѣмъ, какъ онъ предавался этимъ воинскимъ подвигамъ, волненіе во Франціи увеличилось. Изданный тогда декретъ объ изгнаніи фамиліи Бурбоновъ испугалъ герцога шартрскаго, и онъ прибылъ въ Парижъ, для убѣжденія отца своего искать убѣжища въ чужихъ краяхъ. Герцогъ орлеанскій не послушалъ его совѣтовъ, и онъ долженъ былъ возвратиться къ своему мѣсту. Случившаяся же вскорѣ казнь герцога орлеанскаго подтвердила горестныя предчувствія его сына. Черезъ нѣсколько времени генералъ Дюмурье и герцогъ шартрскій получили повелѣніе явиться въ Комитетъ общественнаго спасенія; но они оставили войска свои и, перешедши за границу, скрылись въ Голландіи.

Австрійское правительство предложило тогда герцогу шартрскому вступить въ службу Имперіи; но онъ отказался и удалился въ Швейцарію. Сестра его Аделаида и госпожа Жанлисъ присоединились къ нему въ Шафгаузенѣ и сопутствовали ему въ Цюрихъ.

По прибытіи въ городъ, Людовикъ-Филиппъ встрѣтилъ во французскихъ эмигрантахъ очень дурное расположеніе ко всему сво-

Digitized by Google

ему семейству, а начальство кантона, боясь навлечь на себя гнѣвъ французскаго правительства, отказало ему въ убѣжищѣ. Странники оставили Цюрихъ, сохраняя возможное инкогнито, и отправились въ Цугъ, гдѣ и нашли себѣ домъ. Они были, однако же, вскорѣ изгнаны и, по покровительству г. Монтеспьё, принцесса Аделаида и г-жа Жанлисъ поступили въ Сенклерскій монастырь, близъ Баумгартена. Герцогъ же, въ сопровожденіи своего вѣрнаго служителя Бодуэна, былъ въ разныхъ странахъ Европы, почти безъ всякихъ средствъ, снискивая себѣ пропитаніе. Онъ уже доходилъ до того, что принужденъ былъ работою доставать себѣ средство къ жизни, какъ получилъ письмо отъ г. Монтескьё, съ извѣстіемъ, что ему предоставлено мѣсто преподавателя въ Рейхенаусской академіи. Онъ поспѣшилъ отправиться въ этотъ маленькій городокъ, гдѣ, выдержавши экзаменъ, былъ допущенъ къ преподаванію, хотя еще и не имѣлъ двадцати лѣтъ отъ роду. Онъ принялъ фамилію Шабо-Латуръ.

Волненіе, происшедшее въ Гризонскомъ кантонѣ, принудило принцессу Аделаиду удалиться въ Венгрію, подъ покровительствомъ ея тетки, принцессы Конти. Въ тоже время, Монтескьё предложилъ свой собственный домъ герцогу шартрскому, который, подъ именемъ Корби, скрывался въ немъ до 1794 года. Но когда и тамъ убѣжище его было открыто, то онъ рѣшился совершенно оставить Швейцарію.

Онъ намѣревался бѣжать въ Америку и въ началѣ 1795 года отправился въ Гамбургъ, чтобы отплыть туда; но недостатокъ денегъ заставилъ его отказаться отъ этого предположенія. Имѣя переводный вексель на одного копенгагенскаго банкира, онъ прошелъ пѣшкомъ по Швеціи и Норвегіи и въ августѣ 1795 года прибылъ къ Сѣверному мысу; проживъ тамъ нѣкоторое время, онъ отправился въ Торнео и Або и проѣхалъ по Финляндіи.

Директорія, послѣ безполезныхъ поисковъ къ открытію мѣстопребыванія молодого герцога, сообщила ему предложеніе переѣхать въ Соединенные-Штаты, давъ ему обѣщаніе улучшить положеніе герцогини орлеанской и позволить молодымъ братьямъ его присоединиться къ нему. Письмо съ этимъ предложеніемъ было доставлено г. Уэствудомъ герцогу, который изъявилъ на то свое согласіе. 24 сентября 1796 года, въ сопровожденіи своего вѣрнаго Бодуэна, онъ отплылъ на кораблѣ *American* и послѣ двадцати-семи-дневнаго путешествія прибылъ въ Филадельфію.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ къ нему присоединились герцогъ монпансьерскій и графъ Божоле. Всѣ три брата провели зиму вмѣстѣ въ Филадельфіи. Въ Монвернонѣ они были представлены генералу Уашинг-

Digitized by Google

тону. Послѣ долгаго и утомительнаго путешествія на западъ, они возвратились въ Филадельфію, откуда отправились въ Нью-Орлеанъ, и на англійскомъ кораблѣ приплыли въ Гавану, гдѣ испанское начальство сдѣлало имъ дурной пріемъ. Герцогъ кентскій хотя и принялъ ихъ въ Багамѣ, но не осмѣлился позволить имъ возвратиться въ Англію на британскомъ кораблѣ. Они поѣхали снова въ Нью-Орлеанъ и въ февралѣ 1800 года на купеческомъ кораблѣ достигли Фальмута. Они поселились въ Твикенгамѣ.

Мать ихъ, герцогиня орлеанская, оставалась тогда въ Испаніи. Всѣ три брата получили отъ лондонскаго кабинета позволеніе отправиться на королевскомъ кораблѣ въ Минорку; но это намѣреніе ихъ не удалось, и они воротились въ Твикенгамъ. Здѣсь, въ 1807 году, умеръ герцогъ монпансьерскій, а за нимъ скоро послѣдовалъ и графъ Божоле, умершій въ Мальтѣ, въ 1808 году. Первый погребенъ въ Уэстминстерѣ, а послѣдній — въ церкви св. Іоанна лавалетскаго.

Герцогъ орлеанскій, сопровождавшій брата въ Мальту, оставилъ этотъ островъ и переселился въ Мексику, по приглашенію короля Фердинанда. Здѣсь, въ 1809 году, онъ вступилъ въ бракъ съ принцессою Маріею-Амаліею.

Послѣ двадцатилѣтняго изгнанія, герцогъ 18 мая 1814 года въѣхалъ въ Парижъ. Въ началѣ Ста-Дней онъ получилъ отъ Людовика XVIII кратковременное начальство надъ сѣверною арміею; но 24 марта онъ сдалъ свою должность герцогу тревиаскому и возвратился въ Твикенгамъ. При вторичномъ возстановленіи, онъ снова жилъ въ Англіи, до 1827 года.

Послѣдующія событія жизни Людовика-Филиппа извѣстны.

— *Открытіе большого озера во внутренности южной Африки.* — Англійскіе и французскіе журналы называютъ открытіе этого озера величайшимъ географическимъ открытіемъ нашего времени. Англійскіе миссіонеры — Ливенгстонъ, Освель и Муррай, проникнули во внутренность южной Африки, туда, гдѣ не было еще ноги европейца, именно на 800 верстъ на с.-с.-в. отъ Колобенга, главнаго становища племени Бакваинъ, между которымъ упомянутые миссіонеры проповѣдывали евангеліе. Освель и Муррай ѣдутъ теперь въ Англію и по пріѣздѣ на родину сообщатъ ученому свѣту плоды своего далекаго и затруднительнаго странствованія. Теперь же извѣстно, что они открыли подъ 19° южной широты берега огромнаго озера, простирающагося далеко на сѣверъ и востокъ. Это озеро никакъ не можетъ быть смѣшиваемо съ Ныяссы или Марави, о которомъ упоминаютъ старинные португальскіе путешественники, посѣщавшіе внутренность южной Африки, потому что южный берегъ Марави лежитъ не далѣе 12° южной широты.

Digitized by Google

На берегахъ новооткрытаго озера и рѣкъ его системы любознательный путешественникъ найдетъ множество произведеній всѣхъ трехъ царствъ природы, понынѣ совершенно неизвѣстныхъ ученому свѣту. Внутренность южной Африки представляетъ нынѣ самое богатое и обильное жатвою поле для путешественниковъ. Туда совѣтуютъ англійскіе журналисты ѣздить богатымъ англичанамъ, одержимымъ сплиномъ, и вмѣсто того, чтобы стрѣлять полуручныхъ оленей, зайцевъ и фазановъ, поохотиться на колоссовъ животнаго царства: слоновъ, носороговъ, гиппопотамовъ, жирафъ, львовъ и другихъ не менѣе интересныхъ животныхъ.

— *Разложеніе воды Средиземнаго моря.* — Понынѣ составъ воды Средиземнаго моря былъ опредѣленъ весьма неточно, и потому г. Узильо (*Usiglio*) оказалъ наукѣ услугу точнымъ разложеніемъ воды этого моря и сравненіемъ ея съ океаническою.

Главнѣйшія вещества, содержащіяся въ этой водѣ, суть кислоты: соляная, водородобромная, сѣрная и угольная; но здѣсь нѣтъ фосфорной кислоты, которую Фигье и Міель нашли въ водѣ океана, въ соединеніи съ магнезіей. Что касается до основаній, то Узильо нашелъ кали, натръ, магнезію, известь и окись желѣза; но въ океанической водѣ находится еще окись марганца.

Хлоръ находится въ водѣ Средиземнаго моря въ большомъ изобиліи: 100 граммовъ воды содержатъ въ себѣ 2,0468 гр. хлора и только 0,0432 гр. брома, почти постоянно сопровождающаго хлоръ. Оба, кажется, соединены со щелочными металлами — потассіемъ и содіемъ. Невозможно бы понять, какъ, при образованіи земного ядра, хлоръ, находясь въ присутствіи металловъ, къ которымъ онъ имѣетъ весьма большое сродство, не соединился съ ними, подобно кислороду, если не обращать вниманія на огромную массу послѣдняго въ сравненіи съ хлоромъ. Дѣйствительно, должно допустить, что уже послѣ образованія многочисленныхъ кремнекислыхъ солей, составляющихъ главную массу земного шара, кислородъ, водородъ, хлоръ и содій образовали основу океана, и еще позже этого событія два послѣднія начала, соединяясь другъ съ другомъ, породили нѣсколько отдѣльныхъ слоевъ земной толщи.

Важнѣйшая часть труда г. Узильо надъ водою Средиземнаго моря состоитъ въ изысканіи количества кали, въ ней заключающагося. По его опытамъ, 100 граммовъ воды содержатъ въ себѣ 0,320 граммовъ кали или 0,265 граммовъ потассія. Вслѣдствіе этого небольшого содержанія, выщелачиванье кали изъ воды Средиземнаго моря требуетъ предварительнаго сильнаго сгущенія послѣдней.

Если припомнить факты окаменѣнія раковинъ внутри нашихъ теперешнихъ морей, то нельзя удивляться, что въ нихъ заключается

Digitized by Google

извести вдвое болѣе, чѣмъ кали. Въ самомъ дѣлѣ, вода Средиземнаго моря содержитъ во 100 граммахъ 0,623 граммовъ извести; а въ океанической водѣ послѣдней щелочи еще болѣе. Углекислая известь содержится въ Средиземномъ морѣ въ довольно большомъ количествѣ, для образованія мощныхъ пластовъ раковиннаго известняка, подобныхъ пластамъ третичныхъ формацій, и для окаменѣнія раковинъ, точно такъ, какъ то происходило въ геологическія времена.

Хлористаго содія или поваренной соли заключается въ водѣ Средиземнаго моря около трехъ процентовъ (*). Послѣ этой соли, самой обильной въ морскихъ водахъ, должно упомянуть о хлористомъ магнезіи, котораго во 100 граммахъ воды содержится 0,3219 граммовъ, тогда какъ сѣрнокислой магнезіи содержится только 0,2477 гр., а сѣрнокислой извести 0,1357 гр.

Хотя новѣйшія изслѣдованія не показали въ водѣ океана и Средиземнаго моря іода; но растенія и животныя, въ нихъ живущія, содержатъ въ себѣ этотъ металлоидъ. Это служитъ доказательствомъ, что употребляющіе ихъ органы гораздо чувствительнѣе нашихъ реагентовъ. Къ тому же, сильное присутствіе брома мѣшаетъ открытію присутствія іода.

Дальнѣйшія подробности объ изысканіяхъ г. Узильо можно найти въ протоколахъ Академіи Наукъ въ Монпелье, которой трудъ упомянутаго химика былъ представленъ въ засѣданіи 21 минувшаго января (**).

— *Микроскопическое изслѣдованіе воску.* — Въ засѣданіи 25 февраля текущаго года, г. *Дюжарденъ (Dujardin)* представилъ Парижской Академіи Наукъ результаты микроскопическихъ изслѣдованій, сдѣланныхъ имъ надъ воскомъ.

Бѣлый воскъ, взятый мелкими кусочками или тонкими осколками, представляется въ микроскопъ безвидною или аморфною массою; но если расплавить его на стеклянной предметной пластинкѣ микроскопа *(porte-objet)*, то онъ принимаетъ кристаллическій видъ. Послѣдній бываетъ еще явственнѣе, если наблюдать воскъ въ поляризованномъ свѣтѣ и если накрыть его одною изъ тѣхъ тонкихъ пластинокъ гипса, которыя г. Біо называетъ *чувствительными пластинками (lames sensibles)*. Замѣчательно, что если кристаллы образовались отдѣльно и лежатъ площадью на предметной пластинкѣ, то толщина ихъ слишкомъ мала, чтобы дѣйствовать на поляризованный свѣтъ: для этого надо, чтобы кристаллы лежали кучею или представлялись глазу въ косвенномъ положеніи.

(*) Правильнѣе - 2,9124.

(**) Compt rend. de la Séance du 21 Janv. 1850, ten. à l'Acad. d. Sc. de Montpellier.

Digitized by Google

Если растворъ воску въ лимонномъ эѳирномъ маслѣ будетъ заключенъ между двумя пластинками стекла, то въ немъ образуются маленькіе лучистые и пластинчатые кружочки, которые въ поляризованномъ свѣтѣ представляются блестящими и пересѣченными поперекъ черными крестомъ, соотвѣтственно направленію плоскости поляризаціи. Эти характерные признаки сохраняются воскомъ даже послѣ многихъ растворовъ въ летучихъ маслахъ и смолахъ и служатъ постояннымъ признакомъ для отличенія его отъ смолистыхъ тѣлъ. Послѣднія, какъ, напримѣръ, элеми и такамахака, тоже представляютъ кристаллы послѣ плавленія на легкомъ жару, но послѣ дѣйствія сильнаго жара теряютъ кристалличность и дѣйствіе на поляризованный свѣтъ. Даже холестерина, нагрѣтая свыше 200°, теряетъ свою способность кристаллизоваться. Другія жирныя вещества, кристаллизующіяся подобно воску, отличаются отъ этого послѣдняго величиною, формою и группировкою кристалловъ.

Воскъ въ мелкихъ осколкахъ хотя и является безвиднымъ, но дѣйствуетъ на поляризованный свѣтъ, а въ прикосновеніи съ холоднымъ эѳиромъ или лимоннымъ масломъ, медленно растворяясь, вскорѣ показываетъ свою кристаллизуемость.

Напротивъ того, пластинки воску, найденныя на пчелахъ и только-что выработанныя, не дѣйствуютъ на поляризованный свѣтъ, пока не будутъ сплавлены или растворены въ чемъ либо; но если такіе кусочки приплюснуть на предметной пластинкѣ, то приплюснутыя стороны сильно деполяризуютъ свѣтъ. Уже это одно показываетъ, что кусочекъ воску состоитъ изъ перпендикулярныхъ фибръ; но такая фибричность еще лучше доказывается тѣмъ, что если на кусочкѣ воску сдѣлать остріемъ иглы нѣсколько маленькихъ уколовъ, то каждый изъ этихъ послѣднихъ представится, въ поляризованномъ свѣтѣ, окруженнымъ свѣтлымъ кольцомъ, пересѣкаемымъ поперечно черными крестомъ *(Institut. № 843)*.

— *Новый минералъ — эднофитъ.* — Этотъ минералъ найденъ въ сіенитѣ острова Ламэ *(Lamme)* г. Уайби вмѣстѣ съ другимъ также новымъ минераломъ — атеріаститомъ. Кристаллы его весьма рѣдки и прямой ромбоидальной призмы. Колется по спаямъ и изломъ имѣетъ ровный. Бока матовые или мало блестящіе; блескъ нѣсколько перламутровый по спайностямъ. Цвѣтъ бѣлый, иногда съ примѣсью сѣраго и бураго; порошокъ бѣлый. Въ мелкихъ кусочкахъ просвѣчиваетъ или даже полупрозраченъ. Крѣпость между шпатомъ и апатитомъ; плотность = 2,27.

Передъ паяльною трубкою *эднофитъ* плавится въ безцвѣтное стекло. Превращенный въ порошокъ, онъ разлагается соляною кислотою, съ образованіемъ студенистаго осадка.

Digitized by Google

Этотъ минералъ былъ разлагаемъ гг. Бокомъ и Берлиномъ. Анализъ перваго далъ слѣдующій результатъ :

Кремнезема .	54.93
Глины	23,59
Натра	14,06
Воды.	8,29
	100,87

По Берлину, эднофитъ состоитъ изъ

Кремнезема .	55,06
Глины	23,12
Натра	14,06
Воды.	8,16
	100,41

Изъ этихъ разложеній выводится формула, совершенно соотвѣтствующая формулѣ *анальцима*, именно :

$$NaSi^3+3\,AlSi^3+2Aq.$$

Поэтому, кажется, что эднофитъ есть нечто иное, какъ диморфное видоизмѣненіе анальцима.

— *Новое гигантское ископаемое животное — полеросавръ.* — Недавно нашли въ *Уйльденскихъ* слояхъ, въ Тильгастъ-форестской каменоломнѣ (*), огромную плечевую кость (*humerus*) новаго крокодиловиднаго ископаемаго животнаго. Тамъ же докторъ Мантель нашелъ, за нѣсколько лѣтъ, кости игуанодона, плеосавра и нѣсколько примѣчательныхъ позвонковъ, непринадлежавшихъ ни одному изъ извѣстныхъ родовъ.

Вновь найденная плечевая кость лежала въ пластѣ песчаника и представляла степень окаменѣлости, свойственную ископаемымъ костямъ песчаныхъ слоевъ уйльденской почвы (*wealdien*). Она лежала сажени на три ниже поверхности земли. Длиною она была въ $4^1/_4$ фута, и ея мозговая полость имѣла діаметръ въ 3 дюйма. Этимъ она отличалась отъ костей цетіосавровъ или китящеровъ и другихъ ящеровъ, о которыхъ думаютъ, что они жили въ морѣ,—тогда какъ форма и размѣры кости отличаютъ ее отъ костей игуанодоновъ, плеосавровъ и мегалосавровъ. Всего ближе предположить ее принадлежавшею ископаемому животному изъ рода крокодиловъ, понынѣ оставшемуся неизвѣстнымъ. Докторъ Мантель убѣдился, что вышеупомянутые найденные имъ еще ранѣе, въ той же мѣстности, хвостовые позвонки, по всей вѣроятности, принадлежали тому же животному, которое онъ называетъ, по причинѣ его огромности, *поле-*

(*) Въ Суссексѣ въ Англіи.

Digitized by Google

респерамъ или *чудовищеромъ*. Судя по упомянутой плечевой кости, изъ сравненія ея съ костями гавіаловъ, оказывается, что велоросавръ имѣлъ 80 футовъ длины и 20 футовъ въ окружности туловища; судя же по позвонкамъ, животное имѣло нѣсколько меньшіе размѣры, хотя все-таки превосходило величиною всѣхъ понынѣ извѣстныхъ пресмыкающихся.

Мантель полагаетъ, что нѣкоторыя кости изъ оксфордширскаго оолита, находящіяся въ коллекціи Дина, въ Оксфордѣ, и причисленныя къ остаткамъ цетіосавровъ, скорѣе принадлежали велоросаврамъ. Онъ оканчиваетъ свою записку нѣкоторыми соображеніями относительно вѣроятнаго физическаго состоянія странъ, служившихъ обителью для пресмыкающихся вторичныхъ геологическихъ періодовъ. По его мнѣнію, нѣтъ никакой надобности и даже нѣтъ никакихъ положительныхъ причинъ допускать, что тогдашняя атмосфера была пресыщена углеродомъ, чрезвычайно густа и поэтому не годилась для дыханія млекопитающихъ, мѣсто которыхъ въ тогдашней фаунѣ занимали колоссальныя пресмыкающіяся. Растенія, которыхъ остатки мы находимъ вмѣстѣ съ окаменѣлыми костями, показываютъ ихъ чрезвычайную близость къ нынѣ живущимъ видамъ, и все свидѣтельствуетъ о томъ, что острова и материки, на которыхъ развивалась неоконченная флора и фауна, пользовались всѣми условіями атмосферы и климата, которыми нынѣ отличаются тропическія страны (*Proceedings of the London Royal Society, 14 Febr. 1850*).

— *Новый способъ приготовленія хлорнокислаго кали въ большомъ видѣ.* — Хлорнокислыя соли и особенно хлорнокислое кали (*) могли бы имѣть значительное техническое приложеніе, если бъ обходились не такъ дорого. Конечно, хлоръ и кали матеріялы дешевые; но способы добыванія хлорнокислыхъ солей были донынѣ весьма затруднительны и давали такъ мало продукта, что цѣна его, по необходимости, была очень высока. Нынѣ *Кальвертъ*, въ Манчестерѣ, удовлетворительно рѣшилъ задачу дешеваго приготовленія *бертоллетовой соли* и другихъ солей хлорной кислоты.

Оставивъ въ сторонѣ послѣднія, какъ менѣе употребительныя и не столь важныя, обратимся къ новому способу приготовленія хлорнокислаго кали въ большомъ видѣ.

Г. Кальвертъ беретъ $5^1/_2$ эквивалентовъ ѣдкой извести съ 1 эквивалентомъ ѣдкаго кали и чрезъ нагрѣтый растворъ пропускаетъ токъ хлора. Здѣсь образуется хлористый кальцій и хлорнокислое кали, которое, при обыкновенномъ способѣ, превращается въ хло-

(*) Такъ называемая *Бертоллетова соль*.

Digitized by Google

растое, потому что въ послѣднемъ случаѣ изо 100 грановъ кали получается только 43 грана хлорнокислой соли, а по способу Кальверта 220 грановъ. Послѣднее количество весьма близко къ указываемому теоріею, именно 260 грановъ. Здѣсь, какъ видно, главное усовершенствованіе состоитъ въ томъ, чтобы смѣсь извести и кали, чрезъ которую пропускается хлоръ, находилась не при обыкновенной температурѣ, какъ то прежде дѣлалось, а при возвышенной, какъ придумалъ Кальвертъ. Сродство кислорода съ хлоромъ быстро увеличивается съ возвышеніемъ температуры.

Еще важное условіе заключается въ степени густоты раствора. Если, напримѣръ, употребить растворъ ѣдкаго кали въ 28 градусовъ (1,040), содержащій 34 грана кали на 100 грановъ жидкости и смѣшать его съ 431 граномъ извести (*), то получится только 130 грановъ хлорнокислаго кали. Если же смѣшать 100 грановъ раствора, содержащаго 58,75 кали на 1,000 грановъ жидкости, съ 6 эквивалентами извести, то получится 158 грановъ хлорнокислой соли. Наконецъ, если взять растворъ ѣдкаго кали въ 1,110 плотностію и содержащій 102,33 кали, на 1000 грановъ жидкости, прибавить 6 эквивалентовъ извести, послѣ того, постепенно нагрѣвъ до 40°, быстро пропускать токъ хлора (**), до насыщенія, профильтровать и выпарить досуха, за тѣмъ перерастворить въ кипящей водѣ, остудить и вновь выпарить, — то получается 220 грановъ чистой бертоллетовой соли.

Этотъ способъ, уже приведенный въ дѣйствіе въ большомъ видѣ, оказался весьма удовлетворительнымъ и, безъ сомнѣнія, будетъ принятъ всѣмъ фабрикантами хлорнокислыхъ солей. Такимъ образомъ, понизится цѣна бертоллетовой соли и увеличится техническое ея употребленіе.

— *Азотистый боръ.* — Лѣтъ восемь тому назадъ, г. *Бальменъ (Balmain)* открылъ соединеніе азота съ боромъ, которое назвалъ *этогеномъ*. Это соединеніе, оставшееся неразложеннымъ, получалось чрезъ накаливаніе смѣси борной кислоты и сѣры съ синеродистымъ потассіемъ, цинкомъ или ртутью.

Нынѣ г. *Велеръ* подвергнулъ это соединеніе новымъ изслѣдованіямъ и указалъ легчайшій способъ его полученія, чрезъ накаливаніе смѣси изъ одной части чистой буры (совершенно сухой) съ двумя частями высушеннаго нашатыря. При этомъ получается бѣлая, пористая, неплавкая масса, которую толкутъ въ мелкій порошокъ и

(*) То есть съ 6 эквивалентами.

(**) При этомъ, отъ химическаго дѣйствія, температура возвышается до 90 градусовъ.

Digitized by Google

потомъ варятъ долгое время въ водѣ, подкисленной соляною кислотою.

Полученный такимъ образомъ азотный боръ представляетъ всѣ признаки, описанные г. Бальменомъ. Это бѣлый, весьма легкій порошокъ, фосфоризующійся зеленоватымъ свѣтомъ подъ пламенемъ паяльной трубки. Чрезъ плавленіе съ ѣдкими щелочами онъ превращается въ борную кислоту и амміакъ. Кислоты на него не дѣйствуютъ. При красномъ каленіи водяной паръ разлагаетъ его на борную кислоту и амміакъ; это же самое превращеніе совершается и отъ дѣйствія воды при + 200°, но только медленнымъ образомъ. Чрезъ накаливаніе съ углекислымъ кали рождается борнокислое и синеродокислое кали.

Анализъ этого соединенія показалъ, что оно никогда не бываетъ совершенно чистымъ, и содержитъ въ себѣ примѣсь разныхъ количествъ борной кислоты, которую невозможно удалить совершеннымъ образомъ чрезъ промываніе. Несмотря на то, всегда можно опредѣлить относительныя количества составныхъ началъ, образующихъ азотный боръ. Разложеніе показываетъ, что эти начала соединены здѣсь въ пропорціи:

Бора. . . .	43,76
Азота. . . .	56,27
	100,00

что ведетъ къ формулѣ BAz.

— Читатели наши, безъ сомнѣнія, уже знаютъ объ успѣшномъ приведеніи въ исполненіе предпріятія, обратившаго на себя вниманіе всего просвѣщеннаго міра. Мы хотимъ сказать объ открытіи подводнаго электрическаго телеграфа между Дувромъ и Кале. Теперь наконецъ разрѣшена эта великая задача, такъ долго и нетерпѣливо ожиданная. Первая депеша, отправленная изъ Дувра, была получена на временной станціи на Гриницкомъ мысѣ, близъ Кале, 28 августа н. ст. Пароходъ «Голіаѳъ» прибылъ въ Дувръ наканунѣ и привезъ подводный проводникъ, длиною въ 30 миль, предназначенный къ соединенію береговъ Франціи и Англіи. Мѣдная проволока, навернутая на огромномъ валькѣ, находилась въ оболочкѣ изъ гутта-перчи. Уже заранѣе были сдѣланы нужныя приготовленія для укрѣпленія этого проводника на обоихъ берегахъ, и для этой цѣли, кромѣ того, была назначена свинцовая труба, длиною во 120 метровъ, долженствовавшая защищать проводникъ отъ различныхъ случайностей. 28 числа на «Голіаѳѣ» находились, кромѣ многихъ зрителей, изобрѣтатель телеграфа, Джакъ Бреттъ, Уолластонъ, Франциск Эдуардсъ, Рейцъ, Крамптонъ и другіе ученые; толпа любопытныхъ собралась также и въ портѣ. Въ половинѣ одиннадцатаго конецъ

Digitized by Google

проволоки былъ прикрѣпленъ къ берегу и приведенъ въ сообщеніе съ телеграфическимъ снарядомъ, помѣщавшимся въ небольшомъ домикѣ близъ станціи желѣзной дороги. Тогда пароходъ, дѣлая по одной милѣ въ часъ, пошелъ къ Гринизскому мысу, находящемуся въ семи миляхъ отъ Дувра, въ равномъ разстояніи отъ Кале и Булони. Развиваніе проволоки и вообще всѣ приготовленія были произведены по приказаніямъ командира «Голіаѳа», съ быстротою, осторожностью и полнымъ успѣхомъ. Броттъ оставался на англійскомъ берегу; съ каждымъ новымъ успѣшнымъ дѣйствіемъ, его вознаграждали торжественными рукоплесканіями. Наконецъ въ девять часовъ вечера была получена на Гринизскомъ мысѣ телеграфическая депеша. Это первое посланіе отпечаталось на большомъ листѣ бумаги въ присутствіи множества французскихъ чиновниковъ и посторонныхъ зрителей, посреди самыхъ восторженныхъ одобрительныхъ восклицаній.

— Жозефъ Кюссонъ, крестьянинъ изъ окрестностей По, устроилъ замѣчательный по своему механизму подвижный календарь. Къ сожалѣнію, мы находимъ о немъ самыя поверхностныя свѣдѣнія, тогда какъ это новое механическое чудо, какими такъ богата современность, заслуживало бы подробнаго описанія. Этотъ календарь означаетъ часы, минуты, секунды, дни недѣли, числа и названія мѣсяцевъ, часы восхода и захожденія солнца, фасы луны и проч. Вся эта машина дѣйствуетъ съ замѣчательною правильностью; колеса ея сдѣланы изъ дерева и мѣди съ совершенствомъ, которое превосходитъ самую взыскательную требовательность. Весь механизмъ покрытъ стекломъ, что́ позволяетъ съ удобностью въ короткое время понять его устройство и повѣрить точность движенія. Изобрѣтателю принадлежитъ вся честь замысла и исполненія. Замѣчательно, что, будучи принужденъ работать въ полѣ, онъ, ночью, при слабомъ свѣтѣ лампы, въ углу анбара, дѣлалъ свои часы при помощи только циркуля и нѣкоторыхъ другихъ, довольно грубыхъ, орудій. Вся эта работа была совершена имъ въ теченіи трехъ лѣтъ.

— Всемірная выставка, назначенная въ будущемъ году въ Лондонѣ, продолжаетъ сильно занимать англійскіе журналы и общество, и такъ какъ на этотъ великій праздникъ промышленности приглашены всѣ народы земного шара, то одинъ изъ важнѣйшихъ лондонскихъ журналовъ, «*Morning Chronicle*», предложилъ въ своихъ столбцахъ гостепріимство иностраннымъ языкамъ. Онъ объявилъ, что онъ будетъ публиковать на французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ всѣ извѣстія и документы, относящіеся до выставки 1851 года.

Digitized by Google

— Съ нѣкотораго времени начали говорить о чудесномъ открытіи, которое, если справедливо, сдѣлано очень кстати. Дѣло идетъ, ни больше, ни меньше, какъ о компасѣ для отысканія золота, о магнитѣ, среднемъ драгоцѣннымъ металламъ, безошибочно указывающемъ мѣсто ихъ нахожденія посредствомъ непреоборимаго притягательнаго движенія.

Чудесный металлъ, говорятъ, утвержденъ на стрѣлкѣ; если приложить устроенный для этого снарядъ къ ящику или вообще къ тому мѣсту, гдѣ скрыты драгоцѣнные камни, золотыя или серебряныя вещи, то стрѣлка подымается или опускается; такъ что остается только слѣдовать ея указанію, и сокровище будетъ найдено. Говорятъ даже, что Ротшильдъ предложилъ сдѣлать нужные для этого опыты въ своемъ отелѣ.

Кстати напомнимъ, что подобныя извѣстія должны быть принимаемы съ большою осторожностью.

— Въ Лондонѣ вышло драгоцѣнное для ученаго міра изданіе одной изъ индѣйскихъ священныхъ книгъ: Ригъ-веда-сангита, состоящее изъ тысячи страницъ въ четвертую долю листа. Извѣстно, что веды и законы Ману — самые древніе памятники письменности Индустана. Веды были составлены въ XIV вѣкѣ до Р. Х., Віасою, по вдохновенію самого Брамы, какъ полагаютъ индусы. Віаса былъ мудрецъ, котораго имя значитъ *собирать;* по словамъ учениковъ его, онъ, по окончаніи этого труда, былъ взятъ на небо. Тѣ, кому случалось изучать ихъ, согласны въ томъ, что они составляютъ сборникъ писаній, гораздо древнѣйшихъ, чѣмъ самъ ихъ *собиратель*, и имъ соглашенныхъ и сведенныхъ. Ведъ считается четыре: Ригъ-веда, Яджуръ-веда, Сама-веда и Атарва-веда. Онѣ написаны на самомъ древнемъ священно-ученомъ языкѣ Индіи. Брамины полагали, что никто, кромѣ ихъ, не въ состояніи читать эти книги; но Чамберсъ, Джонсъ, Колбрукъ, Уильсонъ и др. доказали имъ противное. Со времени трудовъ этихъ ученыхъ Европа могла ближе познакомиться не только съ языкомъ, но и съ религіей и философіей древнихъ индѣйцевъ. Въ настоящее время въ европейскихъ библіотекахъ, и особенно въ англійскихъ, находится много экземпляровъ этихъ книгъ; но ученые Индіи и Европы съ нетерпѣніемъ ожидали изданія полнаго текста ведъ. Трудъ доктора Мюллера, несмотря на то, что это еще только начало полнаго изданія ведъ, удовлетворитъ любознательности трудящихся надъ разработкою свѣдѣній о древнихъ индѣйцахъ.

Прибавимъ къ этому, что Остъ-индская компанія оказываетъ изданію Мюллера благородное покровительство денежнымъ пособіемъ, а значительнѣйшія публичныя библіотеки, академіи и уче-

Digitized by Google

ныя европейскія получили отъ него въ даръ полтораста экземпляровъ.

— Лордъ Кингсборо кончилъ предпринятое имъ великолѣпное изданіе рисунковъ съ памятниковъ мексиканской живописи. Это изданіе составляетъ девять томовъ, изъ которыхъ первый появился въ 1830 году. Единственными источниками исторіи первоначальныхъ народовъ Америки служатъ мексиканскія іероглифическія изображенія, собранныя во времена завоеванія испанцевъ. Къ несчастію, монахи, явившіяся вслѣдъ за Кортесомъ, увлекаясь своею ревностью къ уничтоженію даже малѣйшихъ слѣдовъ древней религіи туземцевъ, разрушили значительное число этихъ драгоцѣнныхъ памятниковъ. Немногіе остатки ихъ теперь разсѣяны въ библіотекахъ Берлина, Дрездена, Эскуріала, Вѣны, Веллетри, Рима, Болоньи и Мексики. Въ Парижѣ есть копіи, которыя, по древности своей, цѣнятся учеными почти наравнѣ съ подлинниками.

Эти рисунки сдѣланы на оленьей кожѣ или на особеннаго рода папирусѣ, а нѣкоторые даже на хлопчато-бумажномъ полотнѣ. Ко многимъ изъ этихъ документовъ присоединены примѣчанія на испанскомъ или мексиканскомъ языкахъ, имѣющія огромнѣйшую важность, потому что они составляютъ объясненіе рисунковъ, современное завоеванію, — эпохѣ, въ которую толкованіе этихъ іероглифовъ еще не было утрачено.

Они не переплетались волюмами, какъ листы нашихъ книгъ, но навертывались на дерево, не складывались вигвагами, поддерживаемые двумя вырѣзанными изъ легкаго дерева дощечками, изъ которыхъ одна находилась вверху, а другая внизу.

Многіе утверждали, что въ средней Америкѣ не было извѣстно собственно такъ называемое іероглифическое письмо. Однако же, не приписывая этимъ народамъ того совершенства въ этомъ отношеніи, котораго достигли египтяне, надо признать, что у нихъ были простые знаки для изображенія воды, земли, воздуха, вѣтра, дня, ночи, полуночи, слова, чиселъ, дней и мѣсяцевъ солнечнаго года и проч. Эти знаки, присоединяясь къ живописному изображенію какого либо происшествія, объясняли эпоху, мѣстность и различныя подробности этого послѣдняго. Эти народы, дѣлая намекъ на нѣкоторые предметы, поражающіе чувства, могли выражать имена городовъ и государей. У нихъ даже находятъ слѣды письма, называемаго *фонетическимъ*, или, лучше, зародышъ этого рода письма.

Рукописи, найденныя Гумбольдтомъ въ мексиканскомъ дворцѣ и переведенныя имъ съ такимъ искусствомъ, представляютъ исторію переселенія ацтековъ, занявшихъ въ Мексикѣ мѣсто другихъ жив-

Digitized by Google

ныхъ тамъ народовъ, а также повѣствованіе объ ихъ войнахъ и основаніи многихъ городовъ.

Испанскій ученый, Перецъ, съ большимъ терпѣніемъ изучавшій хронологію древнихъ обитателей Анагуака и Юкатана, положительно доказалъ, что вторженіе ацтековъ восходитъ по крайней мѣрѣ до половины перваго вѣка по Р. Х., а не до шестого только, какъ думали прежде. Это слѣдуетъ изъ рукописи, написанной на память однимъ юкатанскимъ индѣйцемъ, нѣсколько лѣтъ спустя послѣ испанскаго завоеванія. Неутомимый путешественникъ Стивенсъ напечаталъ ее въ первый разъ въ 1843 году въ Нью-Йоркѣ, въ своемъ «Путешествіи по Юкатану». Въ настоящее время американскіе антиквары возсоздаютъ исторію своихъ первоначальныхъ народовъ съ такою же легкостью, какъ римляне временъ Цезаря возсоздали исторію первыхъ царей Рима.

Къ сожалѣнію, недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ объяснить важность изученія древнихъ памятниковъ Мексики и тѣмъ показать ту высокую степень образованности, которой достигли древніе ея обитатели. Мы можемъ только напомнить нашимъ читателямъ о знакомомъ русской публикѣ сочиненіи Прескотта объ этой странѣ. Въ настоящее время важнымъ пособіемъ для такого изученія можетъ служить открытый въ Луврскомъ дворцѣ мексиканскій музеумъ. Хотя онъ заключается только въ одной залѣ, но вмѣщаетъ въ себѣ любопытное собраніе архитектурныхъ и скульптурныхъ обломковъ, металлическихъ и глиняныхъ изображеній, вазъ, оружій, музыкальныхъ инструментовъ, украшеній, ведеръ, вѣсовъ и разныхъ орудій, привезенныхъ изъ Мексики, Перу и Чили. Въ Луврскомъ музеумѣ съ давняго времени находилось нѣкоторое количество американскихъ памятниковъ, доставленныхъ изъ Мексики гг. Сегеномъ и Франкомъ, и изъ Перу г. Ангреномъ, бывшимъ французскимъ консуломъ въ Лимѣ; вазы и статуйки были куплены при распродажѣ кабинета Денона; наконецъ въ 1850 году Латуръ-Алларъ пріобрѣлъ въ Мексикѣ собраніе изваяній. Все это послужило поводомъ къ открытію особаго музея мексиканскихъ древностей. Конечно, время дастъ возможность увеличить его; уже и послѣ его открытія, какъ мы сообщили нашимъ читателямъ, нѣкоторыя частныя лица пожертвовали въ его пользу разные находившіеся въ ихъ рукахъ предметы, достойные любопытства.

— Извѣстно, что во время февральской революціи мраморная статуя работы Дюпо, изображавшая Меркурія, изобрѣтающаго лиру, была разбита въ Пале-Роялѣ. Теперь она отлита изъ бронзы и поставлена въ фойе театра Большой Оперы.

Digitized by Google

Различныя статуи будутъ въ скоромъ времени поставлены въ Версальскомъ музеѣ, и между прочимъ статуя Тюрго, Мальзерба и Лапласа. Статуи Мансора и Ленотра замѣнятъ миѳологическія изображенія Людовика XV и Маріи Лещинской, находящіяся при входѣ изъ южнаго флигеля въ паркъ. Наконецъ Военная Версальская галлерея будетъ умножена бюстами генераловъ Барраля, Ренье, Дювивье, Негріе и Бреа. Бюстъ послѣдняго былъ заказанъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ Гротерсу, который уже сдѣлалъ изображеніе этого несчастнаго генерала, бывшее на выставкѣ 1849 г. и теперь поставленное въ Нантскомъ музеѣ.

— Безъ сомнѣнія, всякій, кому удавалось посѣщать луврскія галлереи, былъ непріятно пораженъ видомъ уродливыхъ произведеній китайскаго искусства, находившихся въ одномъ изъ отдѣленій Египетскаго музея. Послѣ великолѣпнаго зрѣлища, представляемаго этрусскими вазами, античными бронзами, собраніемъ драгоцѣнныхъ камней и золота, привезенныхъ изъ Египта, вдругъ глаза посѣтителей переходили къ отвратительнымъ фигуркамъ, раскрашеннымъ краснымъ, голубымъ и зеленымъ цвѣтомъ, которыхъ единственное достоинство заключается въ происхожденіи изъ отдаленнаго Китая. Теперь всѣ эти предметы перенесены въ Морской музей, недавно открытый для публики. Это распоряженіе уничтожаетъ одинъ изъ недостатковъ въ расположеніи Луврскаго музея.

— Французская академія нравственныхъ и политическихъ наукъ предложила слѣдующія темы для конкурса на премію въ 1851, 1852, 1853, 1854 и 1855 годахъ:

По философскому отдѣленію, на 1851 годъ: «Сравнить нравственную и политическую философію Платона и Аристотеля съ ученіемъ величайшихъ новыхъ философовъ о тѣхъ же предметахъ; опредѣлить то, что въ этихъ системахъ есть временнаго и ложнаго, и истиннаго и безсмертнаго». Премія въ 1,500 франковъ.

На 1853 годъ: «Критическій разборъ главныхъ новыхъ богословскихъ системъ».

По отдѣленію нравственныхъ наукъ, на 1852 годъ: «Изслѣдовать исторію различныхъ системъ нравственной философіи въ древности, до начала христіанства; опредѣлить вліяніе, которое имѣли нѣкоторыя изъ этихъ системъ на общественное положеніе, среди которыхъ онѣ образовались, и то вліяніе, которое въ свою очередь оказывали общественныя состоянія общества въ древнемъ мірѣ».

На 1853 годъ: «Критическій разборъ системъ, которыя направляютъ законы нравственности къ удовлетворенію страстей». Премія въ 1,500 франковъ.

Digitized by Google

По отдѣленію политической экономіи и статистики, на 1850 годъ: «Изложить экономическія мѣры, предпринятыя Кольберомъ, показать ихъ цѣль и сдѣлать выводъ ихъ послѣдствій со времени его управленія до нынѣ». Премія 1,500 франковъ.

Также на 1852 годъ: «Должно ли поощрять, посредствомъ премій или какимъ либо другимъ особымъ выгодъ, ассоціаціи, кромѣ обществъ взаимной помощи, которыя могли бы возникнуть въ промышленности между работниками или же между старшинами и работниками»?

По отдѣленію законовѣдѣнія, на 1851 годъ: «Изслѣдовать начало судопроизводства или судебнаго сословія во Франціи; изложить ихъ исторію; начертать ихъ нынѣшнее устройство и развить ихъ начала».

На тотъ же годъ: «Въ чемъ заключаются, съ точки зрѣнія юридической и политической, преобразованія, возможныя въ гражданскомъ судопроизводствѣ Франціи»?

По отдѣленію исторіи, на 1853 годъ: «Изслѣдовать состояніе земледѣльческихъ сословій во Франціи отъ XIII столѣтія до 1789 года. Показать, какимъ подлежали они постепеннымъ обязательствамъ, означая при томъ, какія въ этомъ отношеніи обнаруживались различія въ разныхъ частяхъ Франціи, и пользуясь сочиненіями законовѣдовъ, текстомъ обычнаго права, стараго и преобразованнаго, общаго и мѣстнаго, печатнаго и письменнаго, королевскими законами и сочиненіями историковъ, а равно старинными сдѣлками, которыя могли бы пролить свѣтъ на этотъ вопросъ».

Премія въ 1,500 франковъ.

На 1854 годъ: «О состояніи рабочихъ классовъ во Франціи отъ XII столѣтія до 1789 года».

На пятилѣтнюю премію для 1855 года, учрежденную покойнымъ г. де-Морогомъ, который, завѣщаніемъ 25 октября 1834 года, назначилъ девять тысячъ франковъ для выдачи премій черезъ каждыя пять лѣтъ, по очереди, отъ Академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ — лучшему сочиненію о состояніи пауперизма во Франціи и о средствахъ къ отвращенію его, и отъ Академіи естественныхъ и математическихъ наукъ — сочиненію, которое наиболѣе будетъ содѣйствовать къ успѣхамъ земледѣлія во Франціи. Королевскимъ повелѣніемъ 26 марта 1846 года завѣщаніе это разрѣшено принять Академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ. На 1855 годъ назначена премія въ три тысячи франковъ.

— Считаемъ не лишнимъ сообщить тѣмъ изъ нашихъ читателей, которыхъ въ особенности интересуетъ воспитаніе дѣтей, обращенныхъ природою, лишившею ихъ драгоцѣннѣйшихъ даровъ своихъ: слѣпа и слуха, — что послѣ раздачи наградъ въ Парижскомъ Національномъ

Digitized by Google

институтъ глухо-нѣмыхъ, г. Дельмасъ, предсѣдательствовавшій на этомъ воспитательно-филантропическомъ празднествѣ вмѣсто президента Французской республики, прочелъ рѣчь, заслужившую общее вниманіе и одобреніе слушателей. Изобразивъ начало и основаніе глухонѣмыхъ, незабвенныя заслуги предъ человѣчествомъ и совершеніе аббата де-Леппэ, котораго по справедливости назвалъ отцемъ этихъ несчастныхъ, онъ заключилъ свою рѣчь желаніемъ, чтобы воспитаніе глухо-нѣмыхъ было направлено къ земледѣлію. Это новое направленіе, по весьма основательному мнѣнію г. Дельмасъ, могло бы современемъ легко обезпечить ихъ будущность, давъ имъ дешевыя и соотвѣтствующія ихъ способностямъ средства существованія.

— Недавно въ Шуази-Леруа произошла одна изъ тѣхъ сценъ, о которыхъ всегда пріятно разсказывать людямъ, умѣющимъ цѣнить добрыя дѣла. На площади были сдѣланы, всегда наводящія грусть, приготовленія къ публичной продажѣ. Туда была снесена очень простая мебель; уже приступали къ продажѣ; вдругъ чиновникъ, распоряжавшійся аукціономъ, получилъ извѣстіе, что мѣстный приходскій священникъ желаетъ переговорить съ нимъ. Чиновникъ отправился къ нему.

— Я узналъ, сказалъ почтенный служитель алтаря: — что вамъ приказано продать мебель одного изъ моихъ прихожанъ. Какъ великъ долгъ его?

— Четыреста франковъ, отвѣчалъ чиновникъ.

— Эта сумма слишкомъ значительна для моихъ малыхъ средствъ; но если кредиторъ можетъ удовольствоваться двумя-стами франковъ, то я охотно предлагаю ихъ ему.

Чиновникъ тотчасъ же объявилъ, что онъ объяснится съ кредиторомъ, и во всякомъ случаѣ немедленно, подъ собственною отвѣтственностью, остановитъ продажу. Потомъ, возвратясь на мѣсто продажи, онъ объявилъ собравшимся покупщикамъ о предложеніи священника. При этомъ извѣстіи толпа пришла въ восторгъ и мебель была отнесена къ хозяину при восклицаніяхъ въ честь добраго священника.

— Въ Варшавѣ-Янковскомъ Лесковомъ Судѣ было произнесено дѣло, которое предоставляетъ врачамъ любопытный фактъ манеомании.

Панна Жозефа Варнеръ женился нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Еще до свадьбы въ ней были замѣчены задумчивость и чрезвычайное стремленіе къ уединенію; однако же, ничто не обнаруживало въ этой молодой женщинѣ какого либо разстройства умственныхъ способ-

Digitized by Google

постей; онъ судилъ правильно, былъ трудолюбивъ и права очень добродушнаго.

Домашнія несчастія и, безъ сомнѣнія, излишнее употребленіе крѣпкихъ напитковъ, кажется, содѣйствовали къ развитію постигшей его болѣзни. Въ концѣ прошедшаго февраля, Вернеръ жаловался многимъ изъ своихъ родныхъ на дурные въ отношеніи къ нему поступки жены своей, и особенно тещи: онъ увѣрялъ, что она околдовала его. Позднѣе, онъ воображалъ, что она отравила его, приписывая ей сильныя страданія тѣла, и даже просилъ призвать на помощь врача, въ надеждѣ вылечиться отъ своей воображаемой болѣзни.

18 іюня, онъ, съ этою цѣлію, отправился къ доктору Ветцингеру, которому разсказалъ свои страданія, и получилъ отъ него рецептъ. Возвратясь домой, онъ, вѣроятно, по предписанію врача, сдѣлалъ себѣ какое-то питье и легъ спать въ десять часовъ вечера. Когда же жена и теща улеглись, онъ отправился въ комнату этой послѣдней и убилъ ее.

На вопросъ судьи о томъ, какимъ образомъ совершилъ онъ это убійство, и о причинахъ, заставившихъ его покуситься на преступленіе, онъ отвѣчалъ, что дѣйствіе его было непроизвольно.

— Тѣло мое здѣсь ни при чемъ, сказалъ онъ: — виновъ этого злой духъ, котораго напустила на меня теща. Прежде ухода въ ея комнату, на меня нашелъ припадокъ моей болѣзни; онъ былъ такъ силенъ, что огонь выходилъ изъ моего рта, носа и ушей, а въ головѣ моей какъ будто раздавались пистолетные выстрѣлы. Тогда, не будучи въ состояніи оставаться въ постели, я всталъ и пошелъ въ комнату тещи, которая уже лежала; я схватилъ ее за горло, и она закричала:

«— Жозефъ, видишь ли ты это распятіе?

«Меня обдалъ страхъ, и я выпустилъ ее изъ рукъ; но въ это время я замѣтилъ черную кошку; злой духъ опять овладѣлъ мной, повлекъ къ тещѣ, и я задушилъ ее.»

Врачи, призванные на совѣщаніе, почти всѣ одного мнѣнія объ умственномъ состояніи Вернера; однако, гг. Тенгеръ и Дейбель, посѣщавшіе его въ тюрьмѣ, отозвались нѣсколько подозрительнѣе. Они объявили, что, по совершенному убѣжденію ихъ, обвиненный, во время совершенія этого преступленія, не владѣлъ своимъ разсудкомъ, и что онъ былъ увлеченъ непреоборимымъ вліяніемъ, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ. Самое важное подтвержденіе этого мнѣнія, въ ихъ глазахъ, заключается не только въ задумчивости и мрачности обвиненнаго, его положеніи и рѣчахъ и

поведеній, но въ различныхъ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ и сопровождавшихъ этимъ поступкомъ. Такъ, прежде онъ былъ подверженъ видѣніямъ и болямъ, доказывающимъ чрезвычайное раздраженіе нервовъ; онъ считалъ себя отравленнымъ. Послѣ, въ то время, когда родные возвратились съ похоронъ, Вернеръ добровольно сознался, что онъ былъ причиною смерти своей тещи, между тѣмъ какъ всѣ, зная возрастъ и болѣзненное состояніе покойницы, относили его къ причинѣ естественной.

Обвиненный, въ своихъ отвѣтахъ, былъ совершенно спокоенъ и даже сказалъ священнику, что, со времени совершенія этого дѣйствія, онъ испытываетъ чувство спокойствія, которое вознаграждаетъ его за всѣ его несчастія и даже утѣшаетъ, если онъ самъ будетъ приговоренъ къ смерти.

Всѣ свидѣтели, мэръ и священникъ представили самыя выгодныя показанія о нравственности Вернера, который, по словамъ ихъ, пользуется общимъ расположеніемъ жителей Эгисгеймской общины.

Основываясь на всѣхъ этихъ свидѣтельствахъ, судъ, признавая совершеніе этого дѣйствія непроизвольнымъ, отказался обвинить его, но предложилъ только принять въ отношеніи къ Вернеру мѣры, которыхъ требуетъ общественная безопасность.

Въ то время, когда присяжные входили въ залу, назначенную для ихъ совѣщаній, со всѣхъ сторонъ раздался крикъ о помилованіи: то были жители Эгисгеймской общины, покинувшіе свои работы для того, чтобы засвидѣтельствовать объ участіи, внушенномъ имъ несчастливцемъ, котораго невинность была для нихъ очевидна.

Черезъ нѣсколько минутъ присяжные возвратились съ приговоромъ оправданія; но Вернеръ былъ отданъ въ распоряженіе префекта.

— 18 августа н. ст., около $7^1/_2$ часовъ вечера многими было замѣчено въ Аррасѣ очень любопытное атмосферическое явленіе.

Съ аміенской дороги были видны огненный шаръ, висѣвшій надъ Анью, и въ тоже время, надъ Ваньонльё, небольшая часть радуги, величиною не болѣе десяти градусовъ, которой цвѣта, яркіе въ нижней части, терялись сверху въ темнотѣ облаковъ. Вскорѣ къ этой радугѣ присоединилась другая, потомъ третья и четвертая, всѣ одинаково яркія. Эти радужные отрѣзки окружности были расположены одинъ внутри другого.

Съ появленіемъ каждой новой радуги объемъ свѣтлаго шара увеличивался; но на облакахъ не было никакого слѣда, означавшаго соединеніе этихъ двухъ оптическихъ явленій, которыя хотя и были различны, однако принадлежали къ одному большому кругу, потому что при внимательномъ взглядѣ на шаръ можно было замѣтить, что

Digitized by Google

онъ составлялъ малую часть радуги, которой замѣчательные цвѣта и особенная яркость желтаго и краснаго цвѣтовъ давали другую форму. Когда черезъ нѣсколько минутъ блескъ радуги постепенно уменьшился и изгладился совершенно, то на востокѣ небо было сѣрое, свинцоваго цвѣта, а на западѣ остался блѣдный свѣтъ, подобный свѣту луны, сообщавшій свой цвѣтъ облакамъ, гонимымъ вѣтромъ. Къ этому должно прибавить, что всѣ четыре радуги совпадали одна съ другою, не оставляя обыкновеннаго промежутка въ 9 градусовъ, и что порядокъ расположенія цвѣтовъ былъ одинаковый.

Digitized by Google

МОДЫ.

Началась опера, скоро начнется балетъ, наступаетъ время балоновъ. Въ дамскомъ туалетѣ предсказываютъ нынѣшнюю зиму большую роскошь. Предсказательницы, то есть обладательницы лучшихъ модныхъ магазиновъ въ Петербургѣ, основываютъ свои предсказанія на слѣдующемъ явленіи природы: если зима была ровная и холодная, лѣто будетъ жаркое. Точно такъ и въ модахъ: лѣтній туалетъ дамскій былъ очень простъ, слѣдовательно зимой будетъ особенно роскошенъ. Дѣйствительно, ни въ одно лѣто дамскія моды не были доведены до такой простоты, какъ въ нынѣшнее. Казалось, изобрѣтательницы ихъ болѣе ни о чемъ не думали, какъ только объ удобствѣ. И, въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть легче, проще и удобнѣе *бальныя* и *кольи*, которыя дѣлались изъ одинаковой матеріи съ платьемъ? Это не то, что мантилья. Они не требовали той заботливости, которая необходима, чтобъ мантилья сидѣла грацiозно. Мы рѣшительно находимъ, что мантильи удобны только для зимы и для комнаты: конечно, никакая дама согласится, что при лѣтнихъ прогулкахъ, или съ кавалеромъ подъ руку, вооруженная притомъ зонтикомъ, она потратитъ много напрасныхъ усилій, чтобъ мантилья держалась на сѣчныхъ красиво и ловко. Если прикалывать ее булавками, то всѣ грацiя исчезнетъ въ ней. Поэтому *шарфы-мантильи*, изобрѣтенные для лѣта, только зимой могутъ быть употребляемы съ удобствомъ. Для зимы они — восхитительны. И, въ самомъ дѣлѣ, что можетъ

быть роскошнѣе и граціознѣе такой бархатной мантильи-шарфа (цвѣтъ — смотря по вкусу), обшитой шерстяными кружевами въ аршинъ шириною подъ цвѣтъ бархата; такія мантильи-шарфы дѣлаютъ также на ватѣ и обшиваютъ горностаемъ шириною по ровной части какъ бархата, такъ и горностая; слѣдовательно, къ концамъ уже, какъ самая мантилья; а верхняя сторона обшивается очень узко.

Шерстяныя и кружевныя косынки, мантильи, баскины дѣлаются разныхъ цвѣтовъ, сообразно съ цвѣтомъ платья, что необыкновенно красиво. Для примѣра, приведемъ слѣдующій утренній туалетъ: Рединготъ изъ матеріи темно-гранатнаго цвѣта, затканной большими матовыми цвѣтами (надо замѣтить, что зимой гладкія матеріи почти неупотребительны), съ закрытымъ лифомъ, съ рукавами *паготе*, обшитыми шерстяными кружевами того же цвѣта; на плечахъ накинута шерстяная кружевная косынка того же цвѣта; шляпка на кудрисахъ неразрѣзного бархата, тоже гранатнаго цвѣта; съ обѣихъ сторонъ съ небольшими кучками перьевъ подъ цвѣтъ шляпы; завязки и банты подъ полями изъ бѣлыхъ лентъ неразрѣзного бархата. Вообще, поля шляпъ носятъ очень большія, тулья очень маленькая и совершенно назадъ. Аксессуары къ такому туалету: маленькій воротничекъ изъ валансьенскихъ кружевъ; рукава — *паготе* изъ тюлю, затканнаго цвѣтами, обшитые въ нѣсколько вершковъ ширины валансьенскимъ кружевомъ, или широкіе рукава съ обшивкой безъ кружевъ. Перчатки перловаго цвѣта. Ботинки того же цвѣта, какъ и платье, съ очень маленькими носками изъ лакированной кожи.

Обратимся къ бальному туалету. Готовятся въ большомъ количествѣ бальныя платья, вышитыя золотомъ и шелками, называемыя англійской вышивкой.

Вотъ три платья этого рода:

1) Крѣповое платье въ нѣсколько воланомъ, вышитыхъ золотомъ, шириною каждый въ пять вершковъ; уборка на лифѣ и рукавахъ, разумѣется, состоитъ также изъ воланевъ, точно также вышитыхъ. Къ такого рода платью придуманъ и соотвѣтственный головной уборъ: это небольшая косыночка, сплетенная сѣтью изъ маленькихъ золотыхъ снурковъ; бахрама у ней очень длинная и касается плечъ.

2) Бирюзоваго цвѣта шу-де-суа платье, съ такими же воланами, какъ у крѣповаго, только вышитыми не золотомъ, а бѣлымъ шелкомъ. Головной уборъ къ этому платью — бѣлыя перья, перемѣшанныя съ голубыми.

3) Платье атласное въ китайскомъ вкусѣ; по бѣлому полю вьются гирлянды розовыхъ цвѣтовъ — олеандръ, съ бѣлыми зеле-

Digitized by Google

цвѣтами, листьями. На головѣ небольшая шляпка, изъ бѣлаго неразрѣзнаго барежа, украшенная небольшими бѣлыми и розовыми перьями, и вообще напоминающая нѣсколько китайскую форму; подъ полями нѣсколько розовыхъ олеандръ, съ очень длинными листьями.

Безъ золота, перьевъ и цвѣтовъ, кажется, не можетъ обойтись ни одинъ бальный туалетъ нынѣшнюю зиму.

Самый скромный бальный туалетъ для очень молодыхъ дѣвицъ— бѣлое розовое платье въ три юбки, безъ всякихъ украшеній; рукава и корсажъ, соединяясь съ бертой, покрыты тюлемъ-бульоне. Голова убрана ландышами, или дубовыми листьями. Подобныя платья дѣлаются также розовыя и голубыя.

Для пріѣзда въ театръ и выхода съ бала палантины и горностаевыя мантильи остаются въ такомъ же употребленіи, какъ и прошлой зимой. Новоизобрѣтенныя мантильи, *Sortie-de-bal*, дѣлаютъ всего чаще такимъ образомъ: широкая атласная бѣлая перелинка, безъ рукавовъ, доходящая почти до колѣнъ, съ капишономъ, на цвѣтной подкладкѣ — розовой, голубой, свѣтло-зеленой; эта новая выдумка представляетъ много случаевъ изящно драпироваться. Одна, изъ такихъ мантилій, появившаяся во время открытія оперы, произвела большой эффектъ. Она была изъ бѣлаго атласа, вся мелко выстеганая, съ тремя золотыми кистями; вмѣсто застежекъ эти мантильи завязываются золотыми снурками, и съ длинными золотыми роскошными кистями у остраго капишона.

Теплыя ботинки, для выѣзда на балъ, доходятъ до страшной роскоши: ихъ не дѣлаютъ иначе, какъ самыхъ свѣтлыхъ цвѣтовъ — бѣлыя, розовыя, голубыя, на горностаѣ.

Башмаки бальные дѣлаются съ небольшими острыми наружными каблуками, съ острыми носками, съ небольшой гладко-золотой или брильянтовой пряжкой. Такъ-что нынѣшнюю зиму одинъ бальный башмачекъ можетъ стоить несмѣтныя суммы; и во сколько разъ еще прекраснѣе покажется маленькая ножка, при блескѣ брильянта!

Скажемъ нѣсколько словъ о зимнихъ салопахъ и шляпкахъ. Въ Петербургѣ нынѣшней осенью появились дамскіе пальто изъ мужской матеріи. Фасонъ ихъ похожъ на фасонъ обыкновенныхъ бархатныхъ бурнусовъ-пальто; но только рукава дѣлаются гораздо шире, круглые. Напереди эти пальто застегиваются тремя или четырьмя большими темными перламутровыми пуговицами. Цвѣтъ этихъ пальто преимущественно коричневый.

Бурнусы-жоке очень хорошій для молодыхъ дѣвицъ. Фасонъ ихъ въ родѣ баскины, только болѣе свободы въ таліи, съ большимъ воротникомъ, съ рукавами *реліжіезъ*; на плечахъ небольшія *жоке*.

Digitized by Google

Такіе бурнусы дѣлаются изъ бархату; воротники, рукава, низъ кругомъ вышиваются такого же цвѣта снурками, широкого вершка въ три; узоръ — смотря по вкусу.

Цвѣтъ зимнихъ шляпъ еще неопредѣленъ. Фасонъ ихъ немного уже выше; на бархатныхъ шляпахъ кулисы дѣлаются очень широкія; у визитныхъ шляпъ, даже не изъ разрѣзного бархата, кулья дѣлаются прозрачныя, и въ нее вшиваютъ блондовыя прошивки. Вообще, подъ полями такихъ шляпокъ носятъ цвѣты съ длинною зеленью.

Digitized by Google

Стран.

Русская Фауна или описаніе и изображеніе животныхъ, водящихся въ Имперіи Россійской. Составилъ В. Симашко. Часть I. . 40

Опытъ опредѣленія совершенствъ и недостатковъ лошади. В. Зейберлинга. Съ 11-ю рисунками 40

Указатель замѣчательныхъ открытій по физическимъ и естественнымъ наукамъ, составляемый М. Хотинскимъ. 41

Указатель для производства уголовныхъ слѣдствій. Составилъ Н. Калайдовичъ. Изданіе второе 42

Князь Андрей Юрьевичъ Боголюбскій, соч. М. Погодина . . . 42

Жизнь князя Андрея Михайловича Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни. Акты, изданные Временною Коммиссіею, Высочайше учрежденною при кіевскомъ военномъ генералъ-губернаторѣ. Томы I и II 45

Путешествіе по востоку. Путешествіе по Дагестану и Закавказью. И. Березина. Изданіе второе. 47

О состояніи женщинъ въ Россіи до Петра Великаго. Соч. В. Шульгина. Выпускъ первый. 48

VI.

СМѢСЬ.

СЕНТЯБРЬ.

Провинціяльныя письма. Письмо седьмое. *П. А—ва* 1

Разсказы о Колоніяхъ Вандименовой Земли. Статья пятая . . . 28

Современныя замѣтки. Письма о русской журналистикѣ. Письмо осьмнатдцатое. (Обзоръ русскихъ журналовъ за августъ 1850 года) 65

Объ изученіи фортепьянной музыки 85

Внутреннія извѣстія.

(О пріютахъ для дѣтей сельскаго населенія. — Результатъ нижегородской выставки. — Выставка сельскихъ произведеній Костромской, Вологодской, Ярославской, Владимірской и Тверской губерній въ городѣ Кинешмѣ. — Мелочи) 91

Иностранныя извѣстія.

(Сэръ Робертъ Пиль. — Бальзакъ. — Воздушное путешествіе г-дъ Биксіо и Барраля. — Статья Т. Готье о новой системѣ воздухоплаванія Петена. — Статистика омнибусовъ въ Англіи. — Мелочи) 100

ОКТЯБРЬ.

Академикъ А. В. Ступинъ. *Александра Терещенко* 123

Разсказы о Колоніяхъ Вандименовой Земли. Статья шестая и послѣдняя 141

Ласточка. — Орелъ 175

Digitized by Google

Стран.
Манчестеръ въ субботу вечеромъ 188
Современныя замѣтки. Письма о русской журналистикѣ. Письмо девятнадцатое (Обзоръ русскихъ журналовъ за сентябрь 1850 года) 195
Некрологъ М. Л. Неваховича. *М. Лонгинова* 206
Иностранныя извѣстія.
(Некрологъ Людовика-Филиппа. — Открытіе большого озера во внутренности южной Африки. — Разложеніе воды Средиземнаго моря. — Микроскопическое изслѣдованіе воску. — Новый минералъ — зднофитъ. — Новое ископаемое животное — полеросавръ. — Приготовленіе хлорноватокислаго кали. — Азотистый боръ. — Электрическій телеграфъ между Дувромъ и Кале. — Подвижной календарь Жозефа Кюссона. — Еще нѣсколько словъ о всемірной выставкѣ. — Компасъ для отыскиванія золота. — Изданіе «Ригъ-веда-сангита». — Изданіе лорда Кингсбороу. — Пополненіе статуями и бюстами Версальскаго музея и Военной Версальской галлереи. — Улучшеніе въ расположеніи Лувръскаго музея. — Конкурсъ Французской Академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ. — Рѣчь г. Дельма о глухо-нѣмыхъ. — Благотворительность священника. — Фактъ монономіи. — Атмосферическое явленіе 209
Моды (*съ двумя парижскими картинками*) 229
«Ярмарка Тщеславія». Романъ безъ героя. Соч. Вил. Теккерея. Части девятая, десятая (послѣдняя).

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи предоставлено было въ Цензурный Комитетъ установленное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, сентября 26-го дня 1850 года.

Цензоръ *А. Крыловъ*.
Цензоръ *Н. Срезневскій*.
10 октября. Цензоръ *А. Крыловъ*.

Digitized by Google

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

О. В. БАЗУНОВА,

на Невскомъ проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ Энгельгарда, противъ Милютиныхъ лавокъ,

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

АДРЕСЪ-КАЛЕНДАРЬ: ОБЩІЙ ШТАТЪ РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ НА 1850 ГОДЪ. Спб. 1850. 2 части. Цѣна въ бумажкѣ 5 руб. 30 коп. сер., въ переплетѣ 5 руб. 80 коп. сер., вѣсовыхъ за 4 ф.

О СОСТОЯНІИ ЖЕНЩИНЪ ВЪ РОССІИ ДО ПЕТРА ВЕЛИКАГО. Историческое наслѣдованіе *Виталія Шульгина*. Кіевъ. 1850. Цѣна 1 руб. 20 коп., съ пересылкою 1 руб. 50 коп. сер.

ПАЛОМНИКЪ КІЕВСКІЙ, или путеводитель по монастырямъ и церквамъ кіевскимъ, для богомольцевъ, посѣщающихъ святыню Кіева. *Н. М.* Изданіе 3-е, исправленное и дополненное. Кіевъ. 1849. Цѣна 1 руб. сер., вѣсовыхъ за 1 ф.

СЛОВАРЬ АНГЛІЙСКО-ФРАНЦУЗСКАГО, НѢМЕЦКАГО И РУССКАГО ЯЗЫКА. Составленъ *Филиппомъ Рейфомъ*. Спб. 1850. Цѣна 2 руб. 50 коп., съ пересылкою 3 руб. сер.

КРУГЪ ПОДВИЖНЫХЪ ПРАЗДНИКОВЪ ЦЕРКВИ. Собраніе словъ, бесѣдъ и поученій. Кіевъ. 1850. Цѣна 1 руб. 50 коп. сер., вѣсовыхъ за 1 ф.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I-го. Сочиненіе *Н. Устрялова*. Спб. 1847. Цѣна 2 руб. сер., вѣсовыхъ за 1 ф.

ПИСЬМА ЦАРЕВИЧА АЛЕКСѢЯ ПЕТРОВИЧА КЪ ЕГО РОДИТЕЛЮ ГОСУДАРЮ ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ, ГОСУДАРЫНѢ ЕКАТЕРИНѢ АЛЕКСѢЕВНѢ И КАБИНЕТЪ-СЕКРЕТАРЮ МАКАРОВУ: съ приложеніемъ писемъ царевича Петра, царевны Натальи и князя Вяземскаго къ его Высочеству, изданные съ подлинниковъ, хранящихся въ библіотекѣ князя Михаила Семеновича Воронцова. Одесса. 1849. Цѣна 2 руб. 25 коп., съ пересылкою 2 руб. 50 коп. сер.

ОБОЗРѢНІЕ КІЕВА ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ ДРЕВНОСТЯМЪ, изданное по Высочайшему соизволенію кіевскимъ гражданскимъ губернаторомъ *Иваномъ Фундуклеемъ*. Кіевъ. 1847. Цѣна 10 руб. сер., вѣсовыхъ за 5 ф.

ОБОЗРѢНІЕ ВАЛОВЪ, МОГИЛЪ И ГОРОДИЩЪ КІЕВСКОЙ ГУБЕРНІИ, изданное по Высочайшему соизволенію кіевскимъ гражданскимъ губернаторомъ *И. Фундуклеемъ*. Кіевъ. 1848. Цѣна 5 руб. сер., вѣсовыхъ за 4 ф.

ЗООТЕРАПІЯ ИЛИ РУКОВОДСТВО КЪ ЛЕЧЕНІЮ ДОМАШНИХЪ ЖИВОТНЫХЪ, ДЛЯ ВЕТЕРИНАРОВЪ И ЭКОНОМОВЪ. *В. Зейберлингъ*. Спб. 1850. Цѣна 1 руб., съ пересылкою 1 руб. 25 коп. сер.

Digitized by Google

ОПЫТЪ ОПРЕДѢЛЕНІЯ СОВЕРШЕНСТВЪ И НЕДОСТАТКОВЪ ЛОШАДИ. *В. Зейберлинга.* Съ 11-ю рисунками. Спб. 1850. Цѣна 1 руб., съ пересылкою 1 руб. 25 коп. сер.

НОВѢЙШАЯ ПОВАРЕННАЯ КНИГА, заключающая въ себѣ 1,046 правилъ, состав. *Н. В. Г...омъ*, въ трехъ частяхъ. Москва. 1850. Цѣна 1 руб. 75 коп. сер., вѣсовыхъ за 3 ф.

РАЗМЫШЛЕНІЕ О ХРИСТІАНСКОЙ ЛЮБВИ. Спб. 1850. Цѣна 50 коп. сер., вѣсовыхъ 1 ф.

РАЗМЫШЛЕНІЕ НА ДВѢ ЕВАНГЕЛЬСКІЯ ПРИТЧИ. Спб. 1850. Цѣна 15 коп. сер., вѣсовыхъ 1 ф.

РАЗМЫШЛЕНІЕ НА ЕВАНГЕЛЬСКУЮ ПРИТЧУ О БОГАТОМЪ И ЛАЗАРѢ. Спб. 1850. Цѣна 50 коп. сер., вѣсовыхъ 1 ф.

ПИСЬМА СВЯТОГОРЦА КЪ ДРУЗЬЯМЪ СВОИМЪ О СВЯТОЙ ГОРѢ АѲОНСКОЙ. Изданіе слѣпца *Ширяева*, въ пользу русскаго Пантелеймонова монастыря, на св. горѣ Аѳонской существующаго. Спб. 1850. 2 части. Цѣна 3 руб. сер., вѣсовыхъ за 4 ф.

СТАТИСТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ РОССІИ. Соч. *Арсеньева.* Спб. 1848. Цѣна 2 руб. 50 коп., съ пересылкою 3 руб. сер.

АСТРОНОМІЯ ДЛЯ ВСѢХЪ ОБРАЗОВАННЫХЪ ЧИТАТЕЛЕЙ, изложенная *М. Хотинскимъ*, членомъ многихъ ученыхъ обществъ. Три тома. Спб. 1850. Цѣна 3 руб. 60 коп. сер., вѣсовыхъ за 4 фунта, отдѣльно каждый томъ 1 руб. 20 коп. сер., вѣсовыхъ за 1 ф.

ГРАФЪ РАДЕЦКІЙ И ЕГО ПОХОДЫ ВЪ ИТАЛІИ ВЪ 1848 И 1849 ГОДАХЪ. Соч. *П. Лебедева*, Генеральнаго штаба подполковника, Императорской Военной Академіи профессора. Съ портретомъ Радецкаго и двумя картами. Спб. 1850. Цѣна 3 руб., съ пересылкою 3 руб. 50 коп. сер.

РУКОВОДСТВО КЪ ДОБЫВАНІЮ ВСЯКАГО РОДА ПОТАША, съ приложеніемъ тѣхъ ремеслъ и производствъ, въ которыхъ онъ главнѣйше употребляется, какъ-то: 1) Приготовленіе всякаго рода стекла. 2) Добываніе квасцовъ. 3) Бѣленіе всякихъ полотенъ, шерсти и нитокъ, по усовершенствованнымъ способамъ. 4) Приготовленіе берлинской лазури. 5) Приготовленіе поташевыхъ солей, употребляемыхъ въ красильномъ и другихъ искусствахъ, и проч., и проч. Съ чертежами. Книга для хозяевъ, заводчиковъ и фабрикантовъ. Спб. 1847. Цѣна 1 руб. 50 коп. сер., вѣсовыхъ за 2 ф.

РУЧНАЯ КНИГА ПРАВОСЛАВНАГО ХРИСТІАНИНА. Соч. *Александра Стурдзы*, съ греческаго перевелъ *С. Дестунисъ*. Второе изданіе. Одесса. 1849.

Кромѣ здѣсь означенныхъ книгъ, высылаются вообще всѣ русскія книги, публикуемыя и отъ другихъ книгопродавцевъ.

При высылкѣ значительнаго количества книгъ, пересылочная плата полагается не за каждую книгу отдѣльно, но съ общаго вѣса всѣхъ книгъ, пересылаемыхъ разомъ.

Требованія гг. иногородныхъ особъ исполняются немедленно по полученіи письма, адресованнаго въ означенный магазинъ на имя Ѳедора Васильева Базунова, въ Санктпетербургѣ.

Digitized by Google

LIBRAIRIE DE Fd BELLIZARD ET Co.
au pont de Police, maison de l'Eglise Hollandaise.

ABONNEMENT POUR 1851.

REVUE ÉTRANGÈRE

DE LA LITTÉRATURE, DES SCIENCES ET DES ARTS.

CHOIX D'ARTICLES

EXTRAITS DES MEILLEURS OUVRAGES ET RECUEILS PÉRIODIQUES PUBLIÉS EN EUROPE.

La *Revue Etrangère* paraît tous les dix jours par Numéros de 4 à 5 feuilles d'impression (64 à 80 pages in-8°). Quatre volumes par an, avec portraits et couvertures gravées; indépendamment du *Bulletin mensuel des sciences, de l'industrie et des beaux-arts*, dont on pourra former à la fin de l'année un *cinquième volume*, avec titres et pagination à part.

Le succès toujours constant de la *Revue Etrangère* prouve que ce Recueil satisfait au besoin bien reconnu d'une rapide propagation des meilleures productions de la presse européenne; son cadre, maintenant fixé, ne subira d'autres changements que ceux qui seront indiqués par l'expérience comme de véritables améliorations; dans ce cas, les éditeurs préviendront toujours les désirs du public.

PRIX DE L'ABONNEMENT ANNUEL.

Pour un an, ou 36 Numéros, sans les modes, avec port . . 19 rbls. d'arg^t.
d° Avec 36 gravures de modes coloriées et port . . 23 rbls. d'arg^t.

ON S'ABONNE:

A St.-Pétersbourg, chez les Éditeurs Fd BELLIZARD & Cie, au Pont de Police, maison de l'Église Hollandaise;

et pour l'Intérieur: à la Direction Impériale des postes (Expédition des Gazettes).

A Moscou, chez W. Gautier.
— — Ch. Urbain.
— — D. Renaud.
Kieff, chez T. Glücksberg.
— — J. Zavadsky.
A Odessa, chez L. Villietty.
— — Sauron frères.
Helsingfors, — Frenckell et fils.
Wilna, — T. Glücksberg.
Varsovie, — Istomine.
A Kharkoff, chez V. Koumanine.

La *Revue Étrangère* sera envoyée aux abonnés de l'intérieur régulièrement tous les dix jours.

NB. *Pour assurer la régularité du service, les éditeurs de la* Revue Etrangère *préviennent le public qu'ils ne répondent que des abonnements faits à une des adresses indiquées ci-dessus.*

Digitized by Google

BRODEUSE (la). Journal mensuel de Broderie. — Les abonnements à ce Journal se prennent à partir du 15 Juin de chaque année. Il paraît tous les mois un cahier grand in-4, contenant deux dessins coloriés de tapisserie, dessins de broderies, modèles d'ouvrages, patrons et modes, prix d'abonnement pour 12 cahiers *(du 15 Juin 1850 au 15 Mai 1851)* 8 rbls.
Franc de port par la poste 10 rbls.

CONSEILLER DES DAMES (le). Journal d'Économie domestique et de travaux d'aiguille, donnant par an mille dessins et patrons. — L'abonnement part du 1 Novembre et coûte pour 12 cahiers *(du 1 Novembre 1850 au 1 Octobre 1851)* 5 rbls.
Franc de port par la poste 7 rbls.

CONSEILLER DES ENFANTS (le). Journal complet des plaisirs de l'enfance, publiant avec chaque Numéro des surprises amusantes. — L'abonnement part du 1 Octobre et coûte pour 12 cahiers *(du 1 Octobre 1850 au 1 Septembre 1851)* 5 rbls.
Franc de port par la poste 7 rbls.

DIMANCHE DES ENFANTS (le), livre de la jeunesse rédigé par Madame Eugénie Foa. — Les abonnements partent du 1 Octobre et coûtent pour 12 cahiers, ornés de jolies lithographies *(du 1 Octobre 1850 au 1 Septembre 1851)* 3 rbls. 50 c.
Franc de port par la poste 5 rbls. 50 c.

JOURNAL DES DAMES, paraissant le 15 de chaque mois et formant chaque année un beau volume grand in-8 accompagné de modes, dessins de tapisserie et de broderies, patrons, musique, etc. — L'abonnement part du 15 Septembre et coûte pour 12 cahiers *(du 15 Septembre 1850 au 15 Août 1851)* 5 rbls.
Franc de port par la poste 7 rbls.

JOURNAL DES JEUNES PERSONNES, publié sous la direction morale et littéraire de Mademoiselle S. Ulliac Trémadeure, par an 12 cahiers *(du 1 Novembre 1850 au 1 Octobre 1851)*.
Édition ordinaire, avec 26 planches 3 rbls. 50 c.
Franc de port par la poste 5 rbls. 50 c.
Édition grand format, avec 32 planches variées 5 rbls. — »
Franc de port par la poste 7 rbls. — »

JOURNAL DES MÈRES ET DES ENFANTS. Revue de l'Éducation nouvelle. L'abonnement part du 1 Novembre et coûte pour 12 cahiers, avec douze lithographies coloriées *(du 1 Novembre 1850 au 1 Novembre 1851)* 4 rbls.
Franc de port par la poste 6 rbls.

MAGASIN DES DEMOISELLES. Journal paraissant le 25 de chaque mois. L'abonnement part du 25 Octobre, et coûte pour 12 cahiers gd. in-8, accompagnés de 20 morceaux de musique, 12 gravures de modes, 6 planches coloriées de tapisserie, 600 dessins de broderie *(du 25 Octobre 1850 au 25 Septembre 1851)* 5 rbls.
Franc de port par la poste 7 rbls.

MUSÉE DES FAMILLES. Lectures du soir. Il paraît chaque mois un cahier de ce Recueil qui se distingue par sa rédaction et par ses illustrations. — Les abonnements partent du mois d'Octobre et coûtent pour 12 cahiers *(d'Octobre 1850 à Septembre 1851)*. 3 rbls. 50 c.
Franc de port par la poste 5 rbls. 50 c.

—

Les abonnés de Saint-Pétersbourg peuvent faire réclamer les Numéros des Recueils périodiques ci-dessus *tous les mois*. — Les abonnés de l'intérieur les recevront par la poste, régulièrement tous les deux mois, pendant l'hiver aussi bien que pendant l'été.

Digitized by Google

Новыя музыкальныя сочиненія у

М. БЕРНАРДА,

На Невскомъ Проспектѣ, противъ Малой Морской, въ домѣ Паскаля № 11.

Цѣны означены на серебро.

Пьесы для флейты.

BELCKE. Mélodie pour la flûte, avec piano, op. 21 . . . . . 1 p. 29 к.

BRICCIALDI. Lucrezia et Lucia. Potpourri fantastique pour la flûte avec piano, op. 46 (2 p.). Fantaisie de l'opéra «Macbeth», avec piano, op. 47. (1 p. 70 к.). Soirées musicales de Rossini, duettino pour deux flûtes avec piano, op. 49. (1 p. 72 к.). Divertissement sur l'opéra «Masnadieri», avec piano, op. 50 (2 p.). Fantaisie sur des motifs écossais, avec piano, op. 51 (2 p.). Potpourri sur l'opéra «Montecchi ed i Capuletti», avec piano, op. 55. . . . . 1 p. 72 к.

COTTIGNIES. Douze petites fantaisies sur des motifs italiens pour la flûte seule. № 1 à 12. Chaque . . . . . 20 к.

DARELLI. Productionen im häuslichen Freundschafts-Zirkel für Flöte mit Piano. № 72, Schwedische Lieder, gesungen von D-lle Jenny Lind (85 к.). № 73, 74, 75. Drei Potpourris über die Oper «Ernani» (Chaque 1 p. 43 к.). № 77, 78, 79. Drei Potpourris über die Oper «Maritana» (Chaque 1 p. 43 к.). № 80, 81. Das Haustheater der Nymphen. Ballet von A. Titl. Chaque. . 1 p. 43 к.

——— Der musikalische Gesellschafter in einsamen Stunden, periodisches Werk für eine Flöte. № 80. La fille du régiment (1 p. 15 к.). № 81. Ernani (1 p. 15 к.). № 82. Guttenberg (1 p. 15 к.). № 83. I Lombardi (1 p. 15 к.). № 85. Maritana (1 p. 15 к.). № 86. Das Haustheater der Nymphen. Ballet . 1 p. 15 к.

DORUS. Echos des lagunes. Seize airs variés, fantaisies, mélanges, etc., sur des mélodies de Donizetti pour la flûte seule, en quatre suites. Chaque . . 72 к.

DROUET. Les bijoux. Collection de mélodies de Rossini, Mercadante, etc., livr. 1. 85 к.

FÜRSTENAU. Rondino sur les Mousquetaires de la reine, avec piano, op. 140, № 4. (1 p. 29 к.). Nocturne avec piano, op. 142 (1 p. 15 к.). Reminiscences de Rienzi, introduction et rondo, avec piano, op. 143 (1 p. 43 к.). La feuille de trèfle, trois rondinos sur l'opéra «Le Prophète», avec piano, op. 145. № 1, 2, 3. Chaque 1 p. 15 к.

HALEVY. «Les mousquetaires de la reine», opéra arr. pour la flûte seule, liv. 1, 2. Chaque 1 p.

KÜFFNER. Souvenir de Milanollo, air varié pour la flûte avec piano, op. 327 (1 p.). Le delassement de l'étude, collection de morceaux faciles pour deux flûtes. Cah. 1, 2, 3 (Chaque 85 к.). Répertoire de nouvelles danses favorites pour la flûte seule, livr. 1 à 6 (Chaque 58 к.). Répos de l'étude, collection de morceaux faciles pour la flûte seule. Cah. 1, 2, 3. Chaque . . . . . 43 к.

KUMMER. 24 études mélodiques dans tous les tons majeurs et mineurs pour la flûte seule, op. 110 (2 p.). Méthode pour la flûte, pratique, instructive et amusante, contenant: exercices, gammes, accords, avec un texte instructif, ainsi qu'une choix de morceaux pour deux flûtes. (Mit deutscher und englischer Uebersetzung), op. 106. . . . . 4 p. 30 к.

REMUSAT. Album du jeune flutiste, six airs variés pour la flûte avec piano. № 1 à 6. (Chaque 85 к.). Le même album pour la flûte seule, en deux suites. (Chaque 58 к.) Fantaisie sur l'opéra «Niobe» pour la flûte avec piano, op. 15. 2 p. 29 к.

SOUSMANN. Méthode pratique de la flûte, op. 54 . . . . . 9 p. 15 к.

TULOU. «Robert Bruce», fantaisie pour la flûte avec piano, op. 95 (2 p. 29 к.). 13-me grand solo avec piano, op. 96 (1 p. 72 к.). Fantaisie brillante sur «La fée aux roses» de F. Halevy, op. 98. . . . . 2 p.

Digitized by Google

WALCKIERS. Quatre fantaisies pour la flûte seule sur l'opéra «Le Prophète», op. 87 (1 p. 15 к.). Fantaisie sur l'opéra «Le Prophète» pour la flûte avec piano, op. 88. 2 p.

Танцы для фортепіано.

BERENS. Valse à la tyrolienne (30 к.). Polka, Galop et Redowa d'après des thèmes de l'opéra «Le Prophète». Chaque . . . . . 35 к.
BERNARD. Quadrille d'après des thèmes de l'opéra «Les Guelfes et les Gibelins» (60 к.). Esméralda-Quadrille (60 к.). Catarina-Quadrille. . . . . 60 к.
CRAMER. La Circassienne, polka (72 к.). Polka des Foscari . . . . . 72 к.
DAUSSE. Antonia-valse . . . . . 85 к.
DRAGUE. L'étoile du soir, valse (85 c.). Clara, valse brillante . . . . . 85 к.
ETTLING. Valses sur des thèmes de l'opéra «Le Prophète» de Meyerbeer (85 к.). Les mêmes valses à quatre mains . . . . . 1 p. 43 к.
GIGORD. La lune de miel, deux valses. № 1, 2. Chaque . . . . . 72 к.
GUNGL. Ideal und Leben, Walzer, op. 67 (85 к.). Vielliebchen-Polka, op. 75 (43 к.). Abschied von Berlin, Walzer, op. 77 (85 к.). Indianer-Polka, op. 78 (43 к.). Quadrille, op 79 (60 к.). Träume auf dem Ocean, Walzer, op. 80 (85 к.). Wanderlieder, Walzer, op. 81 (85 к.). Immortellen, Walzer, op. 82 (85 к.). Andorra-Quadrille, op. 83 (60 к.). Yankee-Galop, op. 84 (43 к.). Klänge vom Delaware, Walzer, op. 89 . . . . . 85 к.
HASSENBUT. Polka hongroise . . . . . 60 к.
KAZYNSKI. Giulietta-Polka (85 к.). Aïna-Polka (60 к.). Album-Polka (50 к.). Pensée, polka-mazurka . . . . . 40 к.
LABITZKY. Erinnerung an Berlin, Walzer, op. 168 (85 к.). Charlotten-Polka, op. 169 (85 к.). Gruss an Hannover, Walzer, op. 170 (85 к.). Tritonen-Galop, op. 171 60 к.
LIADOFF. Питомица фей, французская кадриль (60 к.). Rendez-vous, Galop (60 к.). Душинька-полька . . . . . 40 к.
LORIS-MELIK. Immortelle. Polka-mazurka . . . . . 40 к.
LUMBYE. Amalia-Walzer (75 к.). Amoretten-Galop (30 к.). Kathinka-Polka-Mazurka (30 к.). Sylphiden-Walzer (85 к.). Baladine-Galop (43 к.). [illegible]-Walzer (85 к.). Sophien-Polka . . . . . 43 к.
MARCAILHOU. Valse brillante sur l'opéra «Le val d'Andorre» (avec vignette). 85 к.
MICHEUX. Plait-il? valse, op. 71. . . . . 1 p.

Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе трехъ рублей серебромъ получаютъ двадцать пять процентовъ уступки, а выписывающіе на десять руб. сер., пользуясь означенною уступкою, кромѣ того ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются только особы, которые обратятся съ своими требованіями непосредственно въ магазинъ М. Бернарда. — На этихъ же условіяхъ можно выписывать изъ означеннаго магазина всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изданы и объявлены въ какомъ либо каталогѣ.

Въ ономъ же магазинѣ вышла десятая тетрадь «Нувеллиста», которая содержитъ въ себѣ: *Mendelssohn-Bartholdy*, Variations, op. 82. — *Wallace*, Le Zéphyr, nocturne, op. 47. — *Osborne*, Le souvenir, caprice. — *Rosellen*, La rosée, valse brillante. — *Kazynski*, La légère, polka-mazurka. — *Perier*, Les muguets, polka. — *Burgmüller*, Fantaisie sur une romance de F. Hérold. — *Plachy*, Fantaisie sur l'opéra «Lucrezia Borgia». — *Arnaud*, Romance. — *Гурилевъ*, Романсъ — и музыкально-литературное прибавленіе № 10. Годовая цѣна подписки 10 р. с., съ перес. 11 р. 50 к. с.

Гг. желающіе подписаться на «Нувеллистъ» на 1850 г., получаютъ сполна всѣ тетради этого журнала, вышедшія съ начала нынѣшняго года.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

OCT 2 2 1940

Digitized by Google